

А.Е. ТАРАС

ВОЙНЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ

**С ВЕЛИКИМ
КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ
И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ
В XIV-XVII ВЕКАХ**

НЕИЗВЕСТНЫЕ

ВОЙНЫ

В основу книги легли труды дореволюционных русских историков, а также исследования современных ученых.

Рецензент Л. В. Лойко, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой дипломатии Белорусского государственного
университета, президент общества дружбы «Беларусь — Польша»

Тарас А. Е.

Т 19 Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и
Речью Посполитой в XIV-XVII вв./ М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006.-
800 с. (Неизвестные войны).

ISBN 5-17-035350-2 (АСТ).

ISBN 985-13-6108-9 (Харвест).

Книга посвящена рассмотрению многочисленных войн Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой, происходивших в течение более чем 300 лет. Попутно описаны некоторые другие вооруженные конфликты: гражданские войны феодального периода, татарские набеги, казацкие восстания. Ныне события тех далеких времен отчасти забыты, отчасти недостаточно изучены, отчасти известны в искаженном виде.

В основу книги легли труды дореволюционных историков (Карамзина, Соловьева, Костомарова и многих других), а также исследования современных российских и белорусских ученых.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей: от профессиональных историков до учащихся старших классов школ.

УДК 93/99
ББК 63.3(0)5

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я написал эту книгу с той целью, чтобы познакомить российских читателей с неизвестными им событиями нашей истории, о которых они знают много меньше, чем о войнах с Наполеоном или Гитлером. Например, существует тезис «все славяне — братья». Вдохновляясь им, многие россияне думают, что те или иные проблемы, возникающие в нынешних взаимоотношениях между Россией, Украиной, Беларусью и Польшей обусловлены исключительно амбициями отдельных политиков, либо пресловутыми «происками Запада». Увы! Причины этих трудностей надо искать в целом ряде факторов, в том числе и в истории, которая была весьма далека от дружбы, братства и любви.

Моя книга начинается с рассказа о возникновении Великого княжества Литовского и завершается описанием разрушительной войны Москвы с Речью Посполитой в середине XVII века. При этом я стремился к тому, чтобы пролить свет истины на историю русско-беларуских, русско-украинских и русско-польских отношений. В какой-то мере она просто забыта, но большей частью подается в извращенном виде.

Во-первых, для сочинений не только дореволюционных, но и современных русских историков характерен принципиально неверный тезис. Суть его в том, что литвинов — исторических предков беларусов — в ряде случаев они считают предками современных литовцев, но чаще всего называют их то поляками, то русскими.

Мы, беларусы, категорически не согласны с тем, что веками российские историки (иногда по невежеству, чаще по политическим и религиозным соображениям) называют литвинов (а заодно и беларусов периода XIX—XX веков) то поляками, то русскими. Кстати, такова же позиция польских авторов. Те и другие с давних пор относят к числу «своих», соответственно, православных жителей Великого княжества Литовского и униатов (дескать, это «русские»), либо католиков и протестантов (это, ясное дело, «поляки»). При подобном подходе остается лишь удивляться, откуда вдруг появились какие-то «беларусы».

Во-вторых, несмотря на то, что все рассматриваемые в книге войны полностью, либо большей частью, происходили на территории Великого княжества Литовского (ВКЛ), российские истори-

ки почти во всех случаях отождествляют это государство с Польшей. Они явно не понимают того исторического факта, что Речь Посполитая, возникшая в 1569 году, являлась конфедерацией двух суверенных государств — Великого княжества Литовского и Польского королевства. А до этой даты называть литовское (древнебеларуское) государство «Польшей» вообще нет никаких оснований.

В-третьих, их сочинения, как правило, выражают типично имперские и шовинистические взгляды на рассматриваемые исторические события. Чтобы не быть голословным, приведу всего один пример. В ходе войны 1654—1667 годов, развязанной против Речи Посполитой царем Алексеем Михайловичем, численность населения ВКЛ сократилась более чем вдвое!

Однако никто из русских историков ни в одном труде не сказал ни слова об этом геноциде. Более того, упомянутая война получила в русской исторической литературе принципиально неверное

название «войны за освобождение Белоруссии и Украины от польского ига»!

В-четвертых, многие российские авторы до сих пор рьяно отстаивают так называемую «москвоцентричную» концепцию.

Согласно ей, все славянские государства, существовавшие одновременно с Великим княжеством Киевским, либо после него (Господин Великий Новгород, Господин Великий Псков, Великое княжество Литовское, Великое княжество Тверское, Великое княжество Рязанское, Великое княжество Галицкое) непременно «должны были» признавать

ведущую роль «старшего брата» — Великого

княжества Московского и Владимирского, только его считать «единственным законным преемником» Киевского княжества.

Например, в книге «История России с древнейших времен до конца XVIII века», изданной не в «период расцвета эпохи застоя», а в 2001 году, сказано: «со второй половины XIV века... явственно проявляется лидирующая роль Москвы и стремление ее князей к объединению русских земель под своим главенством» (с. 12). Столь изящно некоторые современные авторы обосновывают и оправдывают задним числом все завоевания Московской Руси.

Соответственно, земли Великого княжества Литовского российские историки всегда считали «исконно русскими» территориями (на том основании, что они якобы входили в состав Киевского княжества), захваченными коварными литовцами, воспользовавшись «слабостью» Москвы!

^ * ^

Отмечу в данной связи, что в 1930-е годы большевики физически уничтожили тех белорусских историков, писателей, филологов, преподавателей высшей и средней школы, журналистов, чиновников, общественных и церковных деятелей, которые пытались что-то говорить о национальной самобытности белорусов, об их истории и культуре. Десятки тысяч людей погибли либо провели много лет в концлагерях. Наиболее образованная и сознательная часть белорусского этноса была удалена — одни «на тот свет», другие — в Сибирь, на Север, на Колыму!

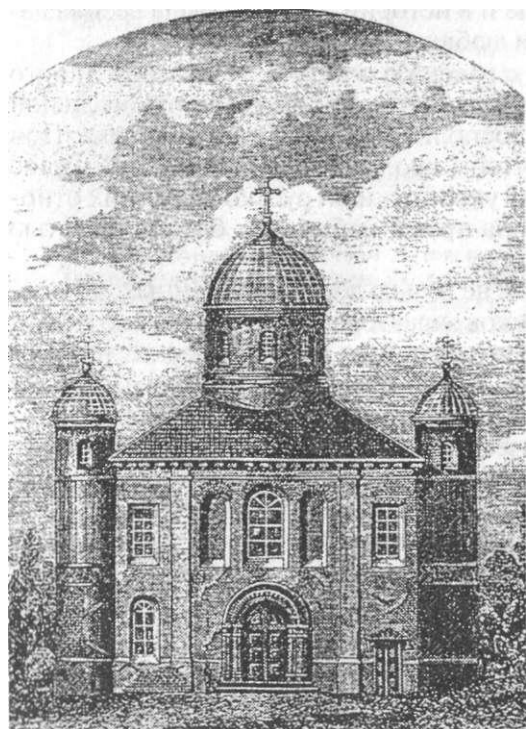
*

Именно с тех пор в России прочно утвердилось мнение, что белорусский язык — всего лишь диалект русского (в самом деле, говорят «карова» вместо «корова»), никакой «истории» у белорусов нет (жили в лесах и болотах, одевались в шкуры животных), а-христианскую религию, культуру, вообще цивилизацию им подарил великий и добрый русский народ.

В результате сегодня мы можем читать такие перлы: «Смоленск — известен с 862 года, с конца IX века в составе Киевской Руси, с XII века центр княжества, в 1404—1514 гг. в составе Великого княжества Литовского, в 1611 — 1667 гг. в составе Речи Посполитой, затем возвращен России по Андрусовскому перемирию 1667 года».*

Но как может быть возвращено то, что раньше никогда не принадлежало?! Русь Киевская и Русь Московская — это совершенно разные государства. Смоленское княжество до 1404 года являлось независимым, не входило в состав Московской Руси, не было даже ее вассалом. Сначала его завоевали литвины, и лишь через

* Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. Москва, 1999, с. 668. — Здесь и далее примечания автора.

Храм-памятник в Вильно
в честь Оршанской битвы 1514 г.
Худ. К. Вейерман, 1890г.

260 лет — москвиты! (Термин «москвиты» автор использует в отношении жителей феодальной Руси — предков современных этнических русских. Точно так же термин «литвины» обозначает предков нынешних беларусов, а не современных литовцев.) *

Смоленская область ряд лет входила в состав БССР именно потому, что большинство ее населения даже через три века составляли беларусы. Нынешние жители области — их русифицированные потомки.

Точно так же Московская Русь завоевала Новгородские земли, Тверское княжество, ВКЛ, Польшу, Правобережную Украину, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию и Кавказ.

Российская империя создавалась — как все империи — «железом и кровью». Об этом я и рассказываю.

Часть I

ВОИНЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ С ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ В XIV—XVI ВЕКАХ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

ДРЕВНЯЯ ЛИТВА

К началу XIII века на землях древней Литвы (исторической Беларуси), которые сейчас входят в состав не только Беларуси, но и Лиетувы, Латвии, Белостокского и Люблинского воеводств Польши, Псковской, Тверской (Калининской), Смоленской и Брянской областей России, украинской части Полесья, жили несколько десятков славянских и балтских племен.

Известны названия наиболее крупных славянских племенных союзов того времени: радимичи (люди одного рода), кривичи (люди одной крови), лютичи (лютые воины) и дреговичи (жители болот, от белорусского слова «дрыгва» — болото). Они явились предками современных белорусов. Здесь балты, называя себя, говорили, что они — жемойты или аукшайты. Они были предками теperшних литовцев.

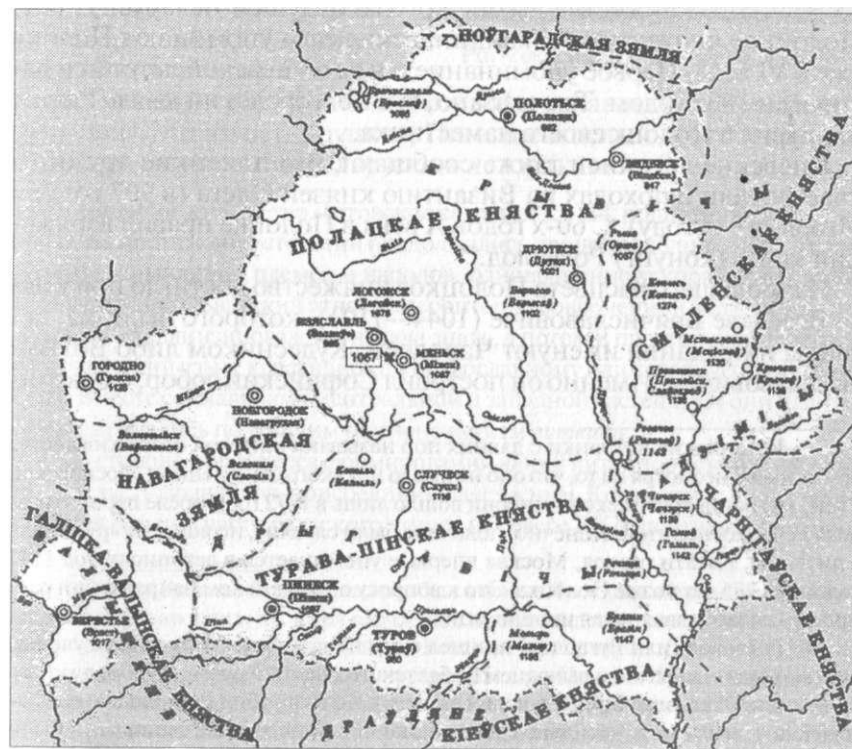
Вся территория Литвы (исторической Беларуси) в те времена представляла собой нескончаемый лес, исполосованный множеством больших и малых рек, украшенный тысячами озер, а местами переходивший в болота. Редкое население (в X веке здесь проживало, по оценкам ученых, не более 800—900 тысяч человек), разрабатывало небольшие участки земли, как правило, по берегам рек и озер. Там же находились почти все деревни и первые города («грады», от скандинавского «горт» — укрепленное место). Дорог, доступных для гужевого транспорта, долгое время не было, их заменяли лесные тропы (даже сейчас, в начале XXI века, леса и болота занимают около 35% территории Беларуси).

Экономика Литвы (древней Беларуси) во все времена ее независимости являлась аграрной. Главную роль в товарном производстве играли, во-первых, имения феодалов (фольварки) и, во-вторых, цехи ремесленников в городах и местечках. Основными сельскохозяйственными культурами были рожь, овес, ячмень, просо, бо-

бовые, овощи, лен, конопля. Широкое распространение имели бортничество, собирательство ягод и грибов. В лесах особо ценились бортные деревья. Были популярны хмельные напитки из меда; пчелиный мед и воск являлись главными предметами вывоза, поэтому их добыча регламентировалась. За вырубку или порчу бортных деревьев виновные подвергались суровым наказаниям.

Реки и озера изобиловали рыбой, составлявшей заметную долю в повседневном рационе простолюдинов. Охота играла важную роль в жизни феодальной знати, любившей эту рыцарскую забаву, а также блюда из дичи (остальные жители питались, в основном, мясом домашних животных).

В Беловежской пуше, куда выезжали охотиться великие князья, они нередко вели дипломатические переговоры с соседними государствами. Право охоты в лесах регулировали удельные князья (магнаты); в селах жили крестьяне-бобровники, собиравшие «бобровую дань» для феодалов, и охотники, в изобилии снабжавших княжеские дворы дичью.

Древние племена и первые княжества на землях Литвы (IX—XII вв)

Ремесленники производили гончарные изделия, кожи, ткани, деловую древесину, дёготь, смолу, стекло, ювелирные украшения, оружие и многое другое. Уже в XIV веке в Великом княжестве Литовском были известны свыше 200 специальностей ремесленников. Ремесленники жили в городах и местечках. С конца XV века их жизнь организовывалась по принципу цехов (или братств). Это было связано с тем, что во время гуситских войн (1419—1437 гг.) в Литву переселилось много ремесленников из городов Чехии и Германии — чехи, немцы, евреи.

К началу XVII века на территории ВКЛ существовали около 70 городов и 500 местечек. Большинство городов насчитывало 200—300 дворов (1,5—2,5 тысячи жителей), в местечках обычно имелось 100—150 дворов (750—1200 жителей). Общую численность населения страны в то время историки и демографы оценивают примерно в 4 миллиона человек, из которых шляхетское сословие (включая магнатов) составляло до 400 тысяч (примерно 9—10%).

* * *

Первым государственным образованием на территории будущего Великого княжества Литовского (и будущей Беларуси) стало Полоцкое княжество.* Скандинавские саги упоминают Полоцк уже в VI веке. Первое упоминание о нем в киевской летописи датировано 862 годом. Там сказано, что новгородский князь Рюрик направил в Полоцк своего наместника.

Киевские летописи также сообщают, что полоцкие дружины участвовали в походах на Византию князей Олега (в 907 году) и Игоря (в 944 году). С 60-х годов X века в Полоцке правил варяжский князь (конунг) Рогволод.**

Наибольшего расцвета Полоцкое княжество достигло при князе Всеславе Брючиславовиче (1044—1101), которого былины, легенды и предания именуют Чародеем, Кудесником либо Волхом Всеславовичем. Именно он построил Софийский собор, символи-

* Российские историки с давних пор называют жителей этого княжества «русскими», несмотря на то, что оно не имело никакого отношения к Московской Руси, а в состав Российской империи вошло лишь в 1772 году, после первого раздела Речи Посполитой. Конечно, полочане были славяне, но вовсе не «русские», а литвины. Кстати говоря, Москва впервые упоминается в летописях под 1147 годом, на 285 лет позже Полоцка. Это к вопросу о том, в каком направлении распространялась славянская цивилизация.

** Рогволод (или Ругволод) пришел сюда из «заморья». Некоторые ученые считают его не варягом, а выходцем из балтского племени ругов. В 980 году киевский князь Владимир Святославович захватил Полоцк, убил Рогволода и его сыновей, а дочь Рогнеду насильно сделал одной из своих жен. Ее сыновьями были Ярослав Мудрый, а также Изяслав — родоначальник полоцкой ветви Рюриковичей.

зировавший равенство Полоцка в Киеве и Новгороде, где такие соборы были построены в 1037–1042 и 1045–1050 гг.*

Полоцкое княжество охватывало значительную часть территории современной Беларуси. Ему принадлежали земли по обоим берегам Западной Двины, вокруг Нарочанских и Браславских озер, а также нынешняя Минская область.

Позже (в XI веке) образовалось Туровское княжество. Еще до начала XIII века к Полоцку и Турову добавились княжества Новгородское (Новогрудское), Городненское (Гродненское), Слоним-

ское, Заславльское, Волковыское, Мстиславльское, Витебское, Менское (Минское), Друцкое, Пинское и целый десяток других.

Теперь дадим слово белорусским историкам:

»

«Великое княжество Литовское создавалось как полиэтническая страна. На протяжении столетий продолжались процессы сближения и взаимной ассимиляции племен и народов, одновременно ускорялся этногенез новой нации. Балтский этнос на территории современной Беларуси постепенно славянизировался, сначала зная, а потом и простой люд переняли славянский язык, крестились по православному или католическому обряду. Вместе со славянами центральной и западной частей ВКЛ они идентифицировались под общим наименованием *литвины*...

В стороне от процесса формирования нации литвинов остались жемойты и часть аукшайтов, присоединившаяся к ним. Компактное проживание значительной части балтского этноса на севере ВКЛ, почти полное отсут-

* Князь Всеслав Брючиславович был внуком Ярослава и правнуком Владимира Святославовича, т.е. имел варяжское происхождение, а не славянское. Полоцк находился в земле кривичей, но Всеслав, как прямой потомок Владимира «Святого» и Ярослава «Мудрого» претендовал на Псков и Смоленск, где тоже жили кривичи, и Новгород — землю племени словен. Претензии обусловили его войны с другими Рюриковичами, правившими в этих княжествах. Летописец отметил, что князь Всеслав был «немилолюбив на кровопролитие», т.е. отличался воинственностью.

Рогволод и Рогнеда. Рис. Я. Кулика

Древний Полоцк. Худ. В. Стаценюк

ствие там славянского субстрата, особенности исторической судьбы /пресбывание в подчинении у крестоносцев до 1411 года — *АЛ.*/привели к тому, что Жемойтия сохранила не только административную автономию, но и культурные, этнические отличия.

За пределами литвиносского этноса осталось и население Украины, освобожденной от господства Золотой Орды и присоединенной к ВКЛ. Южные окраинные районы были почти безлюдными, более заселенными были Галиция, Волынь, Киевщина. Жители этих регионов придерживались наименования *русины*».

Беларусь: Государство и люди. Минск, 2002, с. 53—55

Большинство княжеств Литвы занимало в XIII веке площадь меньшую, чем современный сельский район, имели население всего несколько тысяч человек. Славяне, жившие в замках и городах этих княжеств, в своем большинстве уже стали православными, но славяне в деревнях и подавляющее большинство балтов все еще были язычниками. Между тем, численность горожан в ту пору не превышала 5—8% от всего населения. Следовательно, все эти княжества еще долгое время после крещения Киева оставались языческими. Отметим, что первая православная епархия на территории Литвы была создана в Полоцке в 992 году. Однако православной церкви с самого начала пришлось здесь конкурировать с католической. Всего один пример: туровский князь Святополк крестился в 1010 году по католическому обряду.

Конфликты Киевского княжества с северными языческими племенами впервые отмечены в летописях времен князя Владими-

ра I Святославовича (правил в 980—1015 гг.). Однако летописцы фиксировали лишь факты набегов язычников и походы на них киевских князей, не приводя никаких подробностей. Новгородские летописи XIII века приводят кое-какие детали о таких нападениях. Вот, например, запись, датированная 1234 годом (в современном переводе):

«Литва явилась внезапно перед Русою и захватила посад до самого торгога. Но жители и гарнизон успели вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на литву, выгнали ее из посада и продолжали бой на поле. Литва отступила.

Князь Ярослав Святославович, узнавши об этом, двинулся на врагов с конницей и с пехотой, которая ехала в ладьях по реке Ловати. Но у Муравьины князь отпустил пехоту назад, потому что у ней кончился хлеб, а сам продолжал путь с одной конницей. В Торопецкой волости на Дубровне встретил он литву и разбил ее. Побежденные потеряли 300 лошадей, весь товар (добычу) и побежали в лес, бросивши оружие, щиты, совни, а некоторые тут и костью пали».

ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВО «ЛИТВА»?

Долгое время, вплоть до конца XVIII века, земли нынешней Беларуси называли Литвой, а белорусов — литвинами. "Под этими именами они вошли в историю. Что же означало наименование «Литва»? Разгадку его происхождения следует искать в древнейшей истории.

В античные времена на территории нынешней Беларуси жили кельты. Так, Геродот (V век до н.э.) писал, что это земли кельтского племени невра. Следы кельтов сохранились в ряде топонимов (например, Галацк, Клецк, Кимбаровка) и гидронимов (например, Ареса, Ачеса, Дриса, Лучеса, Плиса, Уса и т.п.). Вообще, названия многих белорусских рек имеют кельтские суффиксы «са».

Название же реки Неман (по-русски — Неман) напрямую происходит от имени кельтской богини Немон. Само имя «невы» сохранилось в названиях ряда селений и рек: Навра, Нарвелишки, Неравка, Невришки, Нерис или Нярис (прежнее название реки Сож) и прочих.

Важным для наших рассуждений является упоминание Геродота о том, что негры ежегодно на несколько дней превращались в волков. Несомненно, он имел в виду ритуально-магическое отождествление с тотемным животным племени — волком.

Среди белорусов сохранилось множество преданий о волколаках — людях, превращавшихся в волков. Любопытно, что прослав-

ленного полоцкого князя Всеслава Брючиславовича, прозванного «•Чародеем», современники считали волколаком. Волчий мотив присутствует и в легенде об основании князем Гедимином города Вильно. Кстати, одного из предков Гедимины (согласно Воскресенской летописи) так прямо и звали — Волк!

Итак, различные источники (античные авторы, народные предания, топонимика) свидетельствуют, что на территории древней Литвы (современной Беларуси) существовала устойчивая традиция культа волка, впервые возникшая у невра.

Геродот сообщает, что впоследствии невра покинули этот край из-за нашествия змей. Видимо, их вытеснили северные соседи, имевшие своим тотемом змею. Все же какая-то часть невра оставалась в прежних местах обитания вплоть до прихода славян.

Не случайно в ономастике литвинов входили кельтские имена Гедимин, Свидригайла, Сколад, Ягайла, Скиргайла и другие.

Култ волка от невра переняло славянское племя велетов (волатов). Птолемей (II век н.э.) указывает, что они жили по берегам Вислы и Немана, а также восточнее этих рек, в регионе между городами Вильно (ныне Вильнюс), Городня (Гродно) и Новогородок (Новогрудок). В скандинавской саге о Дитрике (IX век) страна велетов — Вильтинланд — граничит с Полоцкой землей. Упоминаются в ней велетский город Вилькимабор (Вилькомир) и лес Лютувальд.

В Беларуси сохранилось много топонимов, происходящих от наименования «велет» или «волат» (кстати, в белорусском языке слово «волат» означает «богатырь»). Это такие названия, как Валотин, Велетин, Велятичи, Волатово, Волатовка и т.д. Между прочим, словом «волатовка» белорусы еще в XIX веке называли многочисленные курганы, думая, что в них похоронены древние богатыри.

Чешско-словацкий историк Павел Шафарик (1795—1861) считал велетов потомками невра (т.е. кельтов). Но современные историки относят велетов к славянам, хотя и признают воздействие на них материальной и духовной культуры невра. Ясно одно: велеты, как и невра, отправляли култ волка. На это четко указывает их второе имя — Волки, Вильки, Волчуны, и топонимы, такие как Вильковщина, Волковичи, Волчки и подобные им.

У восточных славян волка называли еще и «лютым зверем». Поэтому не удивительно, что велетов-волков называли также лютичами. И это наименование велетов многократно отпечталось в белорусской географической номенклатуре: Лютин, Лютино, Лютица, Лютовичи, Лютовка, Лютые, Лучицы, а также болота Лютень (в Старобинском районе), речки Лютка и Лютинка. Вспомним заодно одно из старых названий Немана — Люта, а также лес Лютувальд из саги Дитрика.

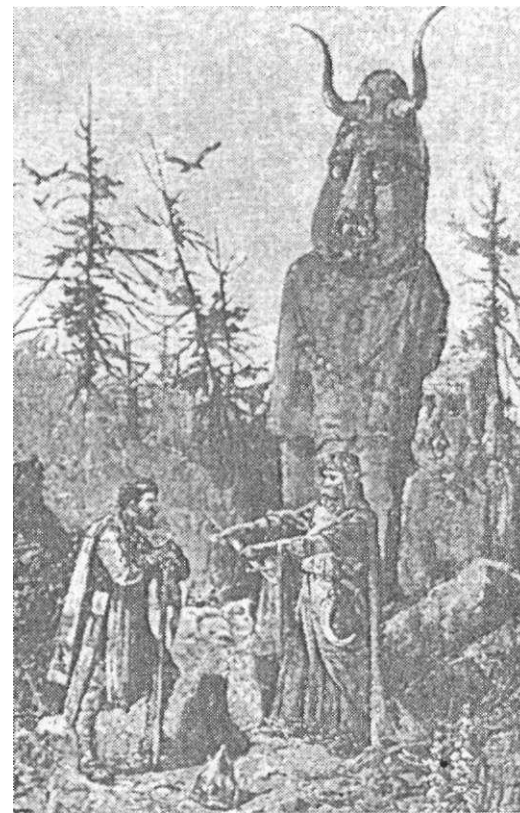
Видимо, от этнонима «лютичи» и произошло название «Литва». Сначала оно имело форму «лютва», как собирательное обозначение всех лютичей. Однако в славянских языках имеет место переход «лю» в «ли». Например, в белорусском языке: люра — лира, лютасць — литасць, лютаваць — литавать; в чешском: люд — лид, людства .lll lC; г.о. люты — литы и т.д.

Постепенно «лютва» превратилась в «литву». На то, что под «литвой» имели в виду «лютву», указывает, например, слущкое наименование литвинов — «лютвины», а также нередкие случаи упоминания Литвы в исторических документах времен князя Миндовга (XIII век) как Лютвы.

По нашему мнению, лютичами, или лютинами у велетов звали воинов-зверей, то есть тех, кто в бою воображал себя тотемным зверем. Напомним в данной связи о скандинавских «берсекрах» (или «берсерках») — тех, кто «перевплощался в медведя» и об «ульфхеднарах» — тех, кто «перевплощался в волка».

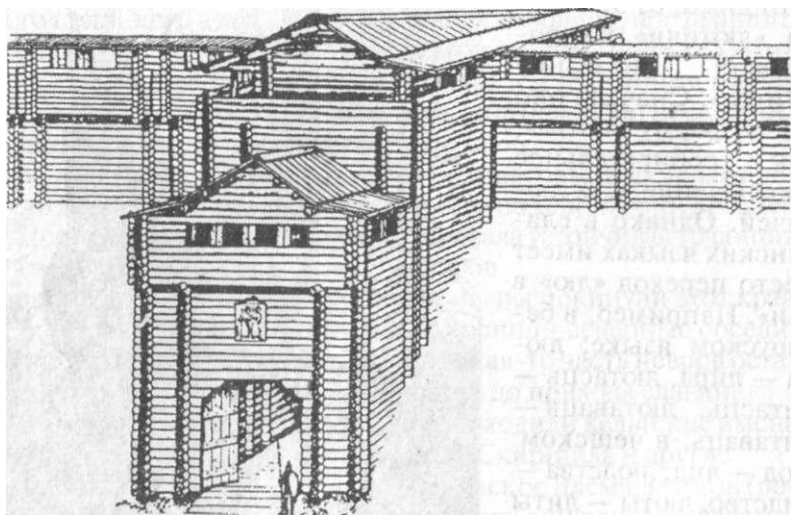
Такие воины-звери известны у древних германцев, кельтов и скандинавов. Они составляли братства-дружины из представителей разных племен, живших в селениях-лагерях отдельно от всех остальных. Римский историк Тацит (58—117 н.э.) писал, что воины-звери были у «варваров» самыми доблестными из всех.

Логично допустить, что аналогичный институт воинов-зверей существовал и у славян, в частности, у велетов. Часть велетских воинов поддерживала ритуально-магическую традицию перевоплощения в волка, связанную с ношением волчьей шкуры и подражанием повадкам этого животного. Кстати, от слова «вой» (в смыс-

Заклятие меча. Худ. М. Андриоли, 1883 г.

Ворота Минского замка (XII—XIII вв.). Реконструкция Ю. Зайца

ле — волчий вой) происходят белорусские слова «воеяр» и «вой» (в смысле — воин). Незнакомый с дохристианскими обычаями своего народа летописец написал позже, что литвины «вовчий невыправные скуры носили» и объяснил это их бедностью. В действительности же он зафиксировал один из важнейших элементов воинского культа волка.

У наших соседей украинцев представления о литвинах как о чародеях и волколаках сохранялось в народных легендах и сказаниях до начала XX века! Откуда оно могло взяться? Только из имевших место в прошлом встреч и столкновений с «волками»: лютичами — велетами. Напомним, что Геродот писал о неврах как о людях, известных своим колдовством и превращением в волков. Именно дружину велетских воинов-зверей называли сначала лютва, а позже — литва.

До нас дошли кое-какие письменные свидетельства, подтверждающие эту мысль. Например, о разбойничьих набегах «литвы»; о службе «литвы» полоцким, минским, новогрудским, пинским, псковским князьям; выражения в русских былинах типа «хоробра литва». Князь Миндовг, с которого начинается история Великого княжества Литовского, поначалу выступает в летописях наемником, предводителем дружины (литвы). Например: «Даниил возведе на Конрада литву Миндога...», «Воевашалитва...», «И послаша сторожа литва...», «Выступи на нь из города с литвою...», «и его дружку литву».

В белорусском фольклоре термин «литва» тоже выступает в смысле «дружина». Например, в свадебной песне для обозначения друзей (дружины) жениха (князя):

*Не наступай, литва
Бо будзе з нами битва.
Будем бити, воевати
И девоньку не давати...*

В России среди народных низов слово «литва» долгое время тоже означало боевые дружины. Так, в Новгородских землях времена шведской интервенции начала XVII века вспоминали как эпоху, когда «литва шла». В Онежском крае вплоть до XX столетия сохранялось употребление слова «литва» для обозначения сражения, битвы («Уж раз пошла такая литва, то худо»), а также и воинской дружины («ты коей земли да коей литвы?»).

Зная, что в старину название «литва» относилось к боевой дружине, нетрудно объяснить тот факт (ставящий в тупик многих современных авторов), что в ономастиконе литвинов встречаются кельтские, славянские, балтские, скандинавские имена. Сравним в этом смысле дружину «воинов-зверей» (воинов-профессионалов) с казаками Запорожской Сечи, где были и литвины, и москвиты, и молдаване, и татары. Так и «литву» велетов составляли не только славяне, но и балты, кельты, варяги, которые жили на тех землях, где позже остались одни белорусы (литвины).*

Вплоть до XIII века слово «литва» означало дружины воинов-язычников, занимавшихся набегами на соседей. Многочисленность подобных дружин обусловила многочисленность их предводителей (князей), что отмечено в Ипатьевской летописи. Постепенно они расширяли границы своих владений, в связи с чем термин «литва» тоже постепенно утратил свое собирательное значение и начал обозначать всю совокупность земель, подвластных литве, то есть князьям, возглавлявшим воинские дружины. В конце концов князья Миндовг и Войшелк с помощью своей «литвы» попытались создать целое государство, что им удалось. Оно получило название Великого княжества Литовского (ВКЛ).

Его гербом стало изображение воина верхом на коне, а красный цвет на гербовом поле — это традиционный цвет воинской касты. Кстати говоря, по некоторым свидетельствам, этот воин символи-

* Действительный член Российской императорской академии наук Е.Ф. Карский (1860—1931) считал, что белорусская нация в основном сформировалась к XIII веку на основе трех восточнославянских племен — радимичей, дреговичей и кривичей, с участием некоторых балтских и западнославянских племен.

См.: Карский Е.Ф. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Том 1. Вильно, 1904, с. 113—114.

зирует языческого бога Ярилу. В христианской традиции черты Ярилы приобрел святой Юрий (Гюрга, Егорий), считавшийся, в частности, заступником... волков: «что у волка в зубах — то Егорий дал». Иначе говоря, язычники-славяне считали Ярилу заступником волков (тотема лютичей), и, следовательно, покровителем дружины воинов-волков — лютвы или литвы.

Постепенно, примерно к середине XV столетия, термин «литва» (политоним) распространился на все славянское население ВКЛ и превратился, таким образом, в этноним.

В дополнение к изложенной концепции (ее автор современный белорусский историк Витовт Чаропка) скажем, что термины «Белая Русь» и «беларусы», «Малая Русь» и «малороссы» являются по своему происхождению чисто русскими. В связи с тремя разделами в конце XVIII века конфедеративного государства Речи Посполитой (эти события российские историки до сих пор продолжают называть разделами Польши, вообще не упоминая Великое Княжество Литовское) встал вопрос о том, как именовать захваченные земли и здешнее население.

Что касается территории, то она вплоть до конца XIX века в различных государственных документах, а также в сочинениях русских авторов носила такие названия, как «Западный край», «Северо-Западный край», «Западные губернии», «Губернии от Польши возвращенные», «Западная Русь», «Литовско-Русское государство» и даже «Западная Россия».*

Например, столь одиозный персонаж, как журналист и писатель Фаддей Булгарин (1789—1859) включал в состав «Западной России» губернии Белостокскую, Виленскую, Витебскую, Волынскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую. При этом большинство жителей этих губерний он считал православными, хотя в действительности здесь господствовали униатство и католицизм.**

Что касается населения, то жителей бывшего ВКЛ, исповадавших православие либо униатство, российские чиновники именовали «западноруссы», «православные русские», «местные православные русские», «малороссы». Тех, кто исповедовал католицизм или кальвинизм, они всегда называли «поляками».

К концу XIX века территорию бывшего Великого княжества Литовского власти в Петербурге официально разделяли на два ге-

* См.: Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. СПб, 1863, с. 150-153.

** См.: Булгарин Ф.В. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Часть 1. СПб, 1837, с. 47—48.

нерал-губернаторства: Белорусское, включавшее Витебскую, Могилевскую, Минскую и Смоленскую губернии, и Литовское, состоявшее из Виленской, Гродненской и Ковенской губерний. Такое разделение абсолютно не совпадало ни с этническим, ни с конфессиональным составом населения.

Шляхта (дворянство), интеллигенция, купечество, другие образованные слои населения на территории бывшего ВКЛ мало-помалу стали употреблять термин «беларусы» лишь после подавления восстания 1863 года. «Простому народу» он оставался чуждым еще очень долго.

Одним из свидетельств тому может служить опрос, проведенный немецкими оккупационными властями в июне 1942 года, то есть через полтора века после упомянутых трех разделов. Опрос проходил на территориях Виленской и Минской областей. Выяснилось, что сельские жители, исповадавшие православие, называли себя «литвины» либо «тутэйшыя» («здешние»), а исповадавшие католицизм — «поляки»! При этом те и другие говорили на белорусском языке!*

Только после 1945 года, благодаря оголтелой русификаторской политике партийного руководства СССР и БССР, термин «беларусы» постепенно распространился и в сельской местности, где в 1946 году проживало около 80% жителей Беларуси.

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРИЛИ ЛИТВИНЫ?

Тот язык, на котором говорили и писали жители Великого княжества Литовского в XIII—XVII веках, на котором составлялись официальные документы, в равной мере можно назвать и старославянским, и западным русским наречием, и древним белорусским.

Если судить по дошедшим до нас текстам того времени (документы, личная переписка), а также по свидетельствам тогдашних авторов, можно сделать вывод, что долгое время жители Полоцка, Минска или Вильно могли без переводчиков общаться с жителями Киева, Новгорода, Смоленска или Твери. Но постепенно возникли существенные различия междуречью московитов и литвинов.

В данной связи следует отметить, что на формирование белорусского языка весьма существенно повлиял немецкий язык (в том числе через «идиш» — язык проживавших здесь евреев, выходцев из Германии и Чехии). Так, современные исследователи установи-

См.: Малецкий Я. Под знаком «Погони». Торонто, 1976, с. 66—72.

ли, что в словаре базовой лексики (это около 4500 слов) белорусского языка середины XVII века, когда еще существовало Великое княжество Литовское, более 1400 слов являются прямым заимствованием из немецкого языка (разумеется, с искаженным произношением). * А это свыше 30% словарного состава! Для примера приведем первые попавшиеся слова:

«Абрыс» (контур, план, чертеж) — это немецкое «abris»; «бира» (пиво) — «bieg»; «габель» (рубанок) — «hobel»; «гандля» (торговля) — «handel»; «гетман» (предводитель) — «hauptman»; «дах» (крыша) — «dach»; «крама» (мелочная лавка) — от слова «kram» (баракло); «руйнаваць» (разорять, разрушать) — от «ruinieren»; «лихтар» (фонарь) — от слова «licht», (свет); «палац» (дворец) — «palaste»; «фарба» (краска) — «farbe»; «цукар» (сахар) — «zucker»; «швагер» (брат мужа или жены) — «schwager»; «штых» (дистанция нанесения удара холодным оружием) — «stich»; «шыльда» (щит, герб, вывеска) — «schild» и т.д. и т.п.

По мнению академика Е.Ф. Карского, высказанному еще в начале XX века, белорусский этнос составлял около 80% населения ВКЛ. Соответственно, представители данного этноса говорили на своем собственном языке, существенно отличавшемся от русского языка.

В качестве примера процитируем указ великого князя литовского Жигмонта I (он же польский король Сигизмунд I «Старый»), изданный в 1553 году, одарований титула шляхтича некоему литвину Мартыну Чижу:

«Иж мы маючи ласковы взгляд на цноты и верности и теж на верный послуги Мартина Чижа Константиновича з Нетечи, добрага и потребнага служебника нашего, которы напротивку нам з великой працою и пильное - цью вызчил, и сам себе, нам и некоторим паном и двореном нашим, на дворе нашем от давних часов почтився радечи, велми вдячного и приемного оказал, его самого з сынми и з девками и зо всим его потомством ошляхчаем, и в местцы шляхетства его приворочаем, и даем ему герб...

Еще того Мартина Константиновича Нетецкого и его потомки, пока его власное поколене буде тривати, годным быти привильем и волностям и чти так духовных, яко и светских, которыми иншими рыцери и шляхта в королевстве, и у Великим князьстве нашем Литовском, и теж во всякой везде Речи Посполитой хрестиянской уживаци и веселилися звыкли.

Всим, которым ест потреба тых речей ведати объявляем и оповедаем, приказуючи всим посполитосць у шляхецком написе и в поступе на зна-

* См.: Выхота В.А. Предупреждение ошибок при понимании немецких слов, сходных со словами родного языка, в условиях близкородственного двуязычия (IX-X классы белорусской школы). Автореферат кандидатской диссертации. Москва, 1986.

мененых, абы того Мартина Чижа Нетецкого з его всими потомки ображати и пренагабаць не смели и овшем з дозволения нашего королевского в том на которых кольвек местцах быць допустили и допушали. Итож мы вам з ласкою нашою королевскою призволяем...

Метрика Великого княжества Литовского. Книга 28, с. 96—97

Еще один пример. Вот какими словами литвинский автор начала XVII века Федор Софонович описал знаменитый поединок между печенегом и кожемякой (по Софоновичу, он был из Переяславля, а не Киева), упомянутый в «Повести временных лет» Нестора.

«Печениг велик, як Голиад, боротися вышовши, смеялся з переясловца, иже мал был возрастом /ростом/ переясловец, называл его жолвию /черепашкой/. Еднакже гды переясловец смело сказуючи зышолся з печенигом великим, взяли боротися и битися кулаками. Переясловец з разгону вдариллобом своим печенига в товстое чрево, аж печениг упадл. Кинувшися з земли печениг кинувся з гневом на переясловца и кулаком вдарил мощно, а переясловец гды от замаха ухилився, повалився печениг на землю. Переясловец зас на его вскочив почал бити печенига и душити за горло, аж насмерть вдушил».

А вот запись из так называемой «Баркулабовской летописи», составленной в селе Баркулабово, неподалеку от Старого Быхова, что на Могилевщине:

»

«Сейм великий был у Берести /Бресте/ лета божого нароженя 1545, на котором сейме был король его милость полский, великий князь литовский Жикгимонт Казимерович з королевою Бонею и с королевнами. А при его милости сын его милости господарь наш другий, крол полский Жикгимонт-Август, и с королевою своею Алжбетою, дочкою короля ческаго и римского Фирдынанда. При которых на сейме при их милости обоих королей много было бискупов, панов-рад, панове-рада Великого княжства, панята и вся шляхта хоруговная, и вси рыцерства всих земель и княжства Литовского, так же было множество людей на том сейму, иж на обе стороны около Берестя на колконадцать мил стояли. А при их милостях обоих королей на том сейме Берестейском много было послов яко отхристианских господарей, также и от бесурменских».

Что это за язык? Явно не русский времен великого князя московского Ивана IV, хотя и не современный нам белорусский.

После создания в 1569 году на основе Люблинской унии конфедерации Литвы и Польши, среди литвинских шляхтичей (служилого сословия) и магнатов (удельных князей) постепенно стал входить в употребление польский язык. С 1696 года на польский язык было переведено все государственное делопроизводство ВКЛ. Бе-

ларуский язык остался языком крестьян и других «низших» социальных групп.

Но тот язык, который сейчас называют «литовским», в течение всех пяти веков истории ВКЛ употребляла лишь небольшая часть населения княжества — северные племена жемойтов и аукшайтов. Вдобавок, они не имели своей письменности. Документов Великого княжества Литовского на государственном языке независимой Лиеувы просто не существует. Этот исторический факт самым убедительным образом доказывает, что литвины были славянами.*

^ * *

Чтобы больше не возвращаться к вопросу о названиях земель и этносов, приведу выписку из коллективной монографии современных белорусских историков:

«Захваты и раздел самостоятельного государства — Речи Посполитой обоих народов — даже по нормам международных отношений XVIII века был делом несправедливым и незаконным. Поэтому в российской столице искали идеологическое оправдание содеянного. Идеологи русского самодержавия подавали это так: Россия освободила из литовской (читай: жемойтской) и польской неволи своих соплеменников и единоверцев. Для реализации придуманной концепции восточную часть Литвы переименовали в «Белоруссию» и ее жителей называли белорусами...

В белорусы российские чиновники сразу же записали всех православных и униатов, а католики или продолжали называться литвинами, или волею судьбы вынуждены были называть себя поляками. Искусственный административный раздел/на Белорусское и Литовское генерал-губернаторства — А. Т./, ликвидация униатской церкви (1839 г.), интенсивная русификаторская политика царских властей нанесли непоправимый удар по процессу этногенеза на белорусской земле. Процесс формирования единой нации — литвинов — и без того сталкивался с преградами конфессионального и политического толка. А после разделов Речи Посполитой,

* Разумеется, данный факт сильно огорчает «национально озабоченную» часть интеллигенции современной Лиеувы. Ей так хочется утверждать, что литовцы изначально были «настоящими европейцами», знали грамоту, писали латинскими буквами, а не кириллицей, не имели ничего общего с этими «ужасными славянами». Увы! Даже князь Ягайло был славянином если не на все сто процентов, то на три четверти, и к тому же неграмотным. Литовская письменность и литература (т.е. письменная речь жемойтов и аукшайтов) возникли лишь после того, как Великое княжество Литовское прекратило свое существование — в XIX веке.

Кстати, государственный архив ВКЛ, так называемая Метрика, сохранился. Он составляет около 600 томов документов на старославянском, польском и латинском языках. Однако это национальное достояние Беларуси и Лиеувы присвоили себе россияне. Архив находится в Москве, возвращать его законным владельцам никто не собирается. Впрочем, как и любые другие документы, связанные с историей каждой из 14 бывших союзных республик.

ликвидации Великого княжества Литовского и включения в состав России народ был полностью дезориентирован, лишен своей государственности и названия.

Исторической драмой явилось и то, что народ лишился своей элиты, политических лидеров. Та часть литвинской шляхты, которая боролась за возрождение Речи Посполитой, или вместе с поляками выехала в эмиграцию, или подверглась репрессиям, попала в ссылку. В польском окружении она быстро ополячилась. Так, представители известного литвинского рода Радзивиллов уже в XIX веке стали считать себя поляками. Польская элита получила от литвинов (белорусов) такие шикарные «подарки», как композитор С. Монюшко, поэт А. Мицкевич, политик и военачальник Ю. Пилсудский и др. Под угрозой русификации к польскому этносу присоединялись широкие круги шляхты, горожан и крестьян.

Другая часть Литвинской шляхты посчитала за лучшее подчиниться новым властям. Многие из них пополнили российскую политическую и культурную элиту, как, скажем, предки известного писателя Ф.Ф. Достоевского.* Согласно переписи 1897 года, около одной трети высшего дворянства России (князей, графов) выводило свои родовые корни из ВКЛ.

Процесс национального и государственного самоопределения литвинов был остановлен. Однако чувство исторического и духовного единства населения Беларуси осталось. Это единство и, особенно, общий белорусский язык позволили в конце концов возобновить этногенетический процесс и консолидировать население в народ, в нацию, уже под новым названием — белорусы. Но это произошло позднее и с огромными трудностями».

*Беларусь: Государство и люди.
Минск, 2002, с. 111-112; 54-55*

К этому надо добавить несколько слов о нынешнем употреблении терминов:

«Современная Литовская Республика (Литва) настаивает на том, что именно она одна выступает преемницей Великого княжества Литовского — согласно названию и на основании того, что ее исторические территории входили в состав ВКЛ. Литовцы еще в 1918 году, во время провозг-

* Поэт Адам Мицкевич (1798—1855) родился под Новогрудком. Он всегда называл себя литвином, хотя стихи писал на польском языке. Его поэму «Пан Тадеуш» потомки назвали «энциклопедией жизни литвинов».

Композитор Станислав Монюшка (1819—1872) родился под Червенем (в нынешней Минской области), он 18 лет работал в Вильно церковным органистом. В возрасте 40 лет переехал в Варшаву, где стал главным дирижером оперного театра. По материалам белорусского фольклора создал комическую оперу «Крестьянка». Широко известны его оперы «Галька» и «Страшный двор», пронизанные идеей возрождения Речи Посполитой.

Всемирно знаменитый писатель Федор Достоевский (1821—1881) родился в Могилеве, в семье православного литвинского шляхтича, там же он провел детство и юность.

лашения независимого государства на землях Жемойтии, позаботились о соответствующем названии новой страны, которое давало бы им основания претендовать на Виленский и Гродненский края. Литовская Респу-

Герб «Погоня».

Из гербовника Э. Комина, 1575г.

История Беларуси фактически начинается с 1919 года, когда была провозглашена БССР, или даже с июля 1944 года, когда Красная Армия выбила немцев с этих земель.

лика взяла также за основу своего государственного герба «Погоню» /изображение конного воина, герб Новогородка, ставший с 1295 года гербом ВКЛ — А.Т./, которая в незначительно измененном виде носит теперь название «Вицис».

Беларусь: Государство и люди.
(Минск, 2002, с. 62

Что ж, поскольку государственные мужи Беларуси в XX веке слишком часто отказывались от великой истории своих предков, постольку это драгоценное наследие весьма охотно подбирали другие. Поэтому не стоит удивляться тому парадоксу, что для многих наших современников

история Беларуси фактически начинается с 1919 года,

КНЯЗЬ МИНДОВГ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Батыево нашествие выходит за рамки нашего повествования. Отметим в связи с ним лишь два обстоятельства. Во-первых, разгром татарами в 1237—1242 гг. ряда восточных славянских княжеств — Рязанского, Владимиро-Суздальского, Переяславского, Черниговского, Киевского. Затем татары прошли через южную Польшу, Чехию и Венгрию, вышли к Адриатическому морю.

На завоеванных землях хан Батый в 1240—42 гг. создал огромное военно-феодальное государство, известное как «Золотая Орда». Напомним, что в него входили территории южных степей от Дуная до Волги, Крым, все среднее и нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Западная Сибирь, значительная часть Средней Азии. Золотая Орда существовала до 1433 года.

Все славянские княжества восточнее Литвы стали вассалами Орды и платили ей дань.

Во-вторых, свои основные силы Батый двинул на Венгрию, а не в Литву или Польшу. В Польшу вторгся отряд под командованием темника Байдара (8—Ютысяч всадников). Шмарта 1241 года Байдар переправился через Вислу у Сандомира, оттуда послал отряд под командованием некоего Кайдудля опустошения страны в направлении Кракова. Сам Байдар предпринял глубокий рейд до окрестностей Кельца.

Прикрывая путь на Краков, войска краковского воеводы Владимира (Влодзимежа) и сандомирского воеводы Паковлава пытались остановить татар, но 18 марта под Хмельником были разбиты. Воевода Владимир погиб, остатки войск разбежались. Краковский и сандомирский князь Болеслав «Стыдливый» с матерью, варяжской княжной Гремиславой и с-другими домочадцами срочно уехал в Венгрию.

28 марта 1241 года татары штурмом взяли Краков. Далее Байдар двинулся к чешскому городу Вроцлав (не путать с одноименным польским городом). Под Вроцлавом собрались войска поляков, немцев, чехов и моравов. Туда также прибыли свыше тысячи французов (рыцари, их оруженосцы, пехотинцы) из Ордена Тамплиеров. Общее командование взял на себя герцог Генрих II «Благочестивый».

9 апреля соединенные силы (около 20 тысяч человек) сразились с войсками Байдара и других татарских предводителей (около 25 тысяч) у чешского городка Легница и были наголову разбиты. Татарам удалось обойти оба фланга союзников, окружить их, а затем опрокинуть энергичной атакой с разных направлений. Но они тоже понесли серьезные потери

В письме аббата бенедиктинского монастыря Мариенбург (в Вене) от 4 января 1242 года говорится о более чем 30 тысячах воинов, павших с обеих сторон! Великий магистр тамплиеров Понсе д'Обон сообщил французскому королю Людовику IX, что Орден потерял под Легницей 500 человек. Погиб и герцог Генрих, татары надели на копье его отрубленную голову.

Батый, в это время находившийся с главными силами в Венгрии, приказал Байдару с оставшимся у того войском отрезать чешские силы, находившиеся севернее Дуная. Байдар 16 апреля направился в Моравию.

Поход в Европу спас от разорения земли Литвы и Смоленщины, татарское нашествие задело лишь район Берестя (нынешний Брест). Смоленск признал вассальную зависимость от татар только в 1275 году (и уже в 1339 году он прекратил платить дань), а на землях Великого княжества Литовского татарского ига вообще не было. Здешние князья сумели отразить вторжения отдельных татарских ханов, разгромив их в ряде сражений.

Начало Великого княжества Литовского историки традиционно связывают с личностью князя Миндовга (он же Миндог, Миндоугили Мендог).

К XIII веку на территории древней Беларуси (Литвы) жило довольно много балтских и славянских племен. Миндовг (1195—1263) был сыном одного из знатных балтских князей, вероятнее всего —ятвяг.* Как установили белорусские историки (Ермолович, Чаропка и др.) его домен (так называемая «летописная Литва») находился на правом берегу Немана, неподалеку от Новогрудка, между нынешними белорусскими городами Лида — Щучин — Скидель (Гродненская область) и курортным городом Друскеники в современной Лиетуве.

В период 1236—1245 гг. Миндовг являлся союзником князя Даниила Галицкого в его борьбе против польского князя Конрада Мазовецкого.** Тогда же он вместе с куршами и земгалами воевал против Ливонского ордена — с переменным успехом. Однако в результате внутренних распрей в конце 1245 или в начале 1246 года Миндовгу пришлось покинуть наследственное княжество и вместе с семьей и дружиной (своими боярами) бежать в Новогрудок.

Князь Миндовг отличался умом, смелостью, коварством. Конкретные детали произошедших событий до нас не дошли, но известно, что уже к 1249 году он был полновластным хозяином Новогрудка и окрестных земель. Далее Миндовг силой присоединил к Новогрудку свои прежние владения (летописную Литву). Именно

* Племя ятвягов жило в землях Подляшья. Ныне это часть восточной Польши и часть территории Гродненской области Беларуси.

** Даниил Романович (1201 — 1264) — сын Романа Мстиславовича Галицкого. С 1211 считался князем Галича, но в 1212 был изгнан; с 1221 — князь Волыни. В 1229 завершил объединение Волынских земель, в которые вошли Брест, Кобрин, Каменец (будущая Литва) и Бельск, Дрогичин на Буге (Подляшье). Пинск и Туров стали его вассалами.

В 1233 был ранен в битве с татарами на Калке. В 1237 разбил войско Тевтонского ордена возле Дрогичина. В 1238 вернул Галич, в 1239 захватил Киев. Основал города Львов, Холм (сделал своей столицей), Угровски другие. В 1254 перешел в католичество (вместе со своими боярами и дружиной) и принял от Папы Римского корону короля Галицкого. Но в 1259 ему пришлось признать зависимость от Золотой Орды.

Некоторые российские авторы называют жителей Галицкого княжества русскими. Однако данный этнос возник в результате смешения славянских племен дубов и белых хорватов. Поэтому эпитет «русские» по отношению к жителям Галиции совершенно неуместен.

Соответственно, феодальные войны между поляками, литовцами и Галицким княжеством (возникшим в 1189 году), ни к «русско-польским», ни к «польско-литовским» войнам не относятся. Ныне территория Галиции поделена между Украиной и Польшей..

эта территория (Новогрудок и летописная Литва) стала ядром будущего Великого княжества Литовского.*

Миндовг действовал энергично и безжалостно, не стесняясь в средствах. В том же 1249 году он отправил вассальных ему жемойтских князей Тевтивила и Евдивиды в поход на Смоленск, а тем временем захватил их земли и попытался их убить.** Оставшись без земли и без подданных, они бежали к галицкому королю Даниилу Романовичу, женатому на сестре Тевтивила. Миндовг потребовал выдать беглецов. Но Даниил отказался, так как столь быстрое возвышение Миндовга ему не понравилось. Более того, он решил прибрать к своим рукам земли недавнего союзника.

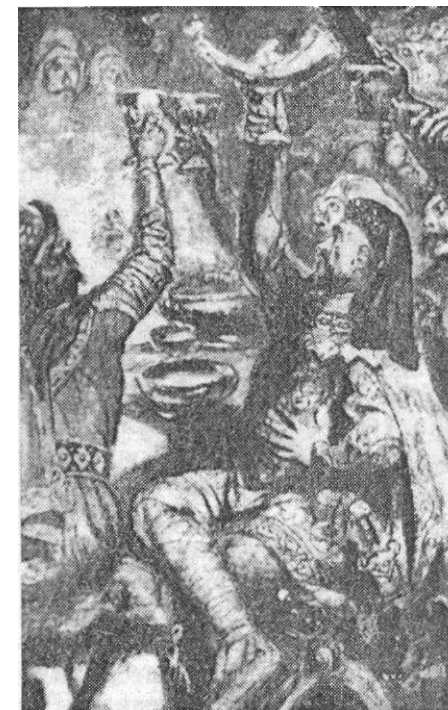
Заручившись поддержкой родного брата Василько Романовича, он стал искать еще и других помощников.*** Таковыми стали жемойтский князь Выкинт (дядя Тевтивила), а также магистр Ливонского ордена и архиепископ Риги — единоверцы Даниила. Немцы даже сказали Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкинтом, хотя он погубил много нашей братии».

Итак, Даниил и Василько, собрав войско, начали войну уже в декабре 1249 либо в январе 1250 года. Василько атаковал Волковыск, сын Даниила — Слоним, а он сам — Здитов. Поход был успешным, галицкие полки вернулись домой с добычей и пленными.

* Власть Миндовга признали города Слоним, Волковыск, Городня, Зельва, Здитово, Свислочь.

** По одной из версий, Тевтивил был племянником Миндовга, сыном его старшего брата Доспрунка.

*** Василько Романович (1203—1269) — князь Владимиро-Волынский с 1241. В 1246 и 1247 разбил возле Пинска отряды Миндовга, нападавшие на Волынь. В 1249—54 вместе с братом воевал с Новогрудским княжеством. В 1258 вместе с татарским князем Бурундаем снова воевал с Миндовгом.

Князь Миндовг.

Худ. Я. Пависляк, конец XIXв.

Несколько позже галицко-волынское войско под командованием Тевтивила, вместе с призванной на помощь из Золотой Орды ратью хана Бурундая (известен также под именем Койдан или Кайдан), вторглось в земли Новогрудка. С другого направления Миндовга должны были, согласно договору, атаковать немцы, чтобы взять в клещи, однако они не торопились. Тогда Тевтивил приехал в Ригу и принял католичество, после чего рыцари начали войну.

Миндовг проиграл сражение с крестоносцами, состоявшееся в конце 1250 или начале 1251 года. Увидев, что войну на два фронта ему не осилить, он тайно послал богатые подарки магистру Ливонского ордена Андрею фон Штукланду (либо Стирланду) и передал ему: «Если убьешь или выгонишь Тевтивила, еще больше получишь». Магистр дары принял, но ответил Миндовгу, что Орден не видит смысла помогать язычнику. Тогда Миндовг срочно крестился по католическому обряду. Вместе с ним крестились около 600 дружинников и лиц из ближайшего кружения.

Узнав об этом, Папа Иннокентий IV приказал ливонскому магистру и рижскому архиепископу чтобы они не смели обижать новообращенного, а также поручил Генриху, епископу Кульмскому (Хелмскому) венчать Миндовга королевским венцом и учредить епископство в Новогрудке. Коронация состоялась там же 21 июля 1252 года. Некоторые историки именно эту дату объявили точкой отсчета в хронологии Великого княжества Литовского. Во всяком случае, Миндовг был первым и единственным королем Литвы.

Однако он принял христианство только из политических соображений.* В летописи сказано:

«Крещение его было льстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту, и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».*

Переходом в католичество и папской коронацией Миндовг превратил Орден из врага в союзника, и теперь уже князю Тевтивилу пришлось бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкинту, он собрал войско из жемойтов и ятвягов, и вместе с галицкой дружиной, присланной Даниилом, выступил против Миндовга, на помощь которому пришли немцы. Ход этой войны нам неизвестен. Лишь в одной летописи упоминается, что в 1253 году Даниил Романович опустошил Новгородскую (Новогрудскую) землю, а Василько с племянником Романом Даниловичем взяли Городец.

* Аналогичным образом поступил в 1593 году король Анри (Генрих) Наваррский. Он сказал, что «Париж стоит мессы» и перешел из протестантской (гугенотской) церкви в католическую. Так во Франции возникла династия Бурбонов.

Крещение Миндовга. Рисунок XIXв.

Далее Миндовг сделал хитрый ход. Он послал к Даниилу Галицкому своего сына Войшелка в качестве миротворца.

Войшелк крестился вместе с отцом и его боярами, взяв имя Давид. Вот он и явился к католическому королю Даниилу, чтобы «похристиански» стать посредником между ним и своим отцом. Условия для соглашения были предложены выгодные: Шварн (Сваромир), младший сын Даниила, получал руку дочери Миндовга, а Роману (ок. 1230—1258), старшему сыну, давались в удельное владение Новогрудок, Слоним и Волковыск. Еще он получал в жены Елену, дочь волковыского князя Глеба. При этом Новогрудок Войшелк давал «от Миндовга», а «Слоним, Волковск и все иные города — от себе», то есть, отец и сын тем самым признавали себя васалами Романа.

Кроме того, Миндовг отдал крестоносцам часть Жемойтии (принадлежавшую, заметим, не ему, а его врагу Выкинту), сам же обещал вернуться в свой прежний домен («летописную Литву»).

Даниил согласился с предложенными условиями, в начале 1254 года был заключен мир. Но для гарантии он решил оставить Войшелка заложником. Однако тот перехитрил его, постригся в монахи Полонинского монастыря в Галиции, где провел три года. Монастырь был православный, поэтому можно предположить, что Войшелк перешел из католичества в православие. В 1257 году Даниил Романович разрешил ему вернуться домой. Неподалеку от Новогрудка Войшелк в 1258 году основал на реке Неман свой соб-

Несколько позже галицко-волинское войско под командованием Тевтивила, вместе с призванной на помощь из Золотой Орды ратью хана Бурундая (известен также под именем Койдан или Кайдан), вторглось в земли Новогрудка. С другого направления Миндовга должны были, согласно договору, атаковать немцы, чтобы взять в клещи, однако они не торопились. Тогда Тевтивил приехал в Ригу и принял католичество, после чего рыцари начали войну.

Миндовг проиграл сражение с крестоносцами, состоявшееся в конце 1250 или начале 1251 года. Увидев, что войну на два фронта ему не осилить, он тайно послал богатые подарки магистру Ливонского ордена Андрею фон Штукланду (либо Стирланду) и передал ему: «Если убьешь или выгонишь Тевтивила, еще больше получишь». Магистр дары принял, но ответил Миндовгу что Орден не видит смысла помогать язычнику. Тогда Миндовг срочно крестился по католическому обряду. Вместе с ним крестились около 600 дружинников и лиц из ближайшего кружения.

Узнав об этом, Папа Иннокентий ГУ приказал ливонскому магистру и рижскому архиепископу чтобы они не смели обижать новообращенного, а также поручил Генриху, епископу Кульмскому (Хелмскому) венчать Миндовга королевским венцом и учредить епископство в Новогрудке. Коронация состоялась там же 21 июля 1252 года. Некоторые историки именно эту дату объявили точкой отсчета в хронологии Великого княжества Литовского. Во всяком случае, Миндовг был первым и единственным королем Литвы.

Однако он принял христианство только из политических соображений.* В летописи сказано:

«Крещение его было льстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту, и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».*

Переходом в католичество и папской коронацией Миндовг превратил Орден из врага в союзника, и теперь уже князю Тевтивилу пришлось бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкинту, он собрал войско из жемойтов и ятвягов, и вместе с галицкой дружиной, присланной Даниилом, выступил против Миндовга, на помощь которому пришли немцы. Ход этой войны нам неизвестен. Лишь в одной летописи упоминается, что в 1253 году Даниил Романович опустошил Новгородскую (Новогрудскую) землю, а Василько с племянником Романом Даниловичем взяли Городец.

* Аналогичным образом поступил в 1593 году король Анри (Генрих) Наваррский. Он сказал, что «Париж стоит мессы» и перешел из протестантской (гугенотской) церкви в католическую. Так во Франции возникла династия Бурбонов.

Крещение Миндовга. Рисунок XIXв.

Далее Миндовг сделал хитрый ход. Он послал к Даниилу Галицкому своего сына Войшелка в качестве миротворца.

Войшелк крестился вместе с отцом и его боярами, взяв имя Давид. Вот он и явился к католическому королю Даниилу, чтобы «похристиански» стать посредником между ним и своим отцом. Условия для соглашения были предложены выгодные: Швар*н (Свармир), младший сын Даниила, получал руку дочери Миндовга, а Роману (ок. 1230—1258), старшему сыну, давались в удельное владение Новогрудок, Слоним и Волковыск. Еще он получал в жены Елену, дочь волковыского князя Глеба. При этом Новогрудок Войшелк давал «от Миндовга», а «Слоним, Волковск и все иные горды — от себе», то есть, отец и сын тем самым признавали себя вассалами Романа.

Кроме того, Миндовг отдал крестоносцам часть Жемойтии (принадлежавшую, заметим, не ему, а его врагу Выкинту), сам же обещал вернуться в свой прежний домен («летописную Литву»).

Даниил согласился с предложенными условиями, в начале 1254 года был заключен мир. Но для гарантии он решил оставить Войшелка заложником. Однако тот перехитрил его, постригся в монахи Полонинского монастыря в Галиции, где провел три года. Монастырь был православный, поэтому можно предположить, что Войшелк перешел из католичества в православие. В 1257 году Даниил Романович разрешил ему вернуться домой. Неподалеку от Новогрудка Войшелк в 1258 году основал на реке Неман свой соб-

ственный монастырь, который по названию соседнего селения (Лавришево) стал называться Лавришским. Туда он привез часть монахов из Полонинского монастыря.*

В связи со всеми этими событиями Тевтивилу не осталось ничего иного, кроме как принять в 1257 году предложение жителей Полоцка стать начальником войска (служилым князем). Он крестился в православии (взяв имя Филофей), женился на дочери витебского князя Брючислава и за семь лет правления оставил среди полочан хорошую память о себе.

Мир между королем Даниилом и князем Миндовгом продержался только три года. Причины и детали возобновления вражды скрыты в тумане времени. Но известно, что в конце 1257 года на Миндовга снова пошли войной братья Даниил и Василько Галицкие, вместе с татарским князем Бурундаем (Койданом). В этот раз Миндовг, вместе с сыном Войшелком и полоцкой дружиной Тевтивила, не только разгромил их, но и восстановил свою власть в Новогрудке (1258 г.). Князь Роман Данилович попал в плен и был казнен.

В 1260 году произошла знаменитая битва при озере Дурбе (на территории современной Лиетувы), где дружины аукшайтов и жемойтов (предков нынешних литовцев), куршей и земгалов (предков нынешних латышей) разгромили объединенные войска Ливонского и Тевтонского орденов. Выиграть битву помогли курши (куроны), состоявшие при крестоносцах слугами, обозниками и вспомогательными частями. В самый разгар сражения они восстали и ударили рыцарям в спину. В итоге крестоносцы потерпели полное поражение, в сражении погибли магистр Ливонии Бургард и маршал Пруссии Генрих Ботель.

Используя ситуацию, Миндовг в 1261 году отрекся от католичества. Он также разорвал союз с Орденом и снова стал воевать с крестоносцами. С 1261 года Миндовг установил режим неограниченной личной власти во всех подчиненных ему землях.

В 1262 году Миндовг, в свою очередь, послал войско против Василько, на Волынь. Пограбив вволю, его воины с богатой добычей двинулись в обратный путь. Один из этих отрядов остановился на отдыху озера Небл, где подвергся нападению дружины Василько. По словам одного летописца, волынские ратники не оставили в живых ни одного человека, часть порубили, других загнали в озеро, где те утонули.

По версии другой летописи, эта богатырская история весьма далека от истины. Дело в том, что в 1262 году сын Даниила Шварн

* Лавришский монастырь с 1596 стал униатским, с 1615 в нем находился центр монашеского ордена базилианцев. К началу XIX века пришел в упадок. Ликвидирован в 1834—36. Постройки не сохранились.

участвовал в походе Миндовга в походе на мазовецкого князя Семовита I, которого он убил под Варшавой. Если бы Миндовг воевал с Волынским княжеством, такое участие не могло бы иметь места.

Вообще надо отметить крайнюю скудость письменных свидетельств относительно событий XIII—XIV веков в Литве и Галицко-Волынских землях, равно как и весьма значительное расхождение между датами, указанными в летописях и хрониках: очень часто оно составляет два — три года.

В том же 1262 году у 67-летнего князя Миндовга умерла жена. Согласно языческим обычаям, он решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то, что та была замужем за нальшанским князем Довмонтом.* Миндовг сообщил ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда женщина приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», и насильно взял свояченицу в жены.

Довмонт стерпел, но затаил обиду на своего сюзерена. Более того, он сговорился с его врагами, братьями Тренятой (жемойтским наместником Миндовга с 1261 года) и Тевтивилом (князем Полоцка с 1257 года). И вот в следующем году Миндовг отправил Довмонта в поход на брянского князя Романа Михайловича. Отправившись в путь, Довмонт буквально следующим вечером объявил войску, что волхвы предсказали несчастье, после чего велел ратникам стоять на месте, а сам с небольшой дружиной личной охраны покинул рать. Совершив быстрый переход назад, Довмонт ворвался в замок Миндовга и убил князя вместе с его сыновьями Руклем и Рупенем. Это произошло 12 сентября 1263 года.**

* ↑ ^

Вот как характеризовал деятельность Миндовга дореволюционный русский историк Нечволодов:

«Как нельзя более подходил по своему душевному складу, для направления деятельности всех литовских племен Миндовг, их первый собиратель. Хитрый, жестокий и умный варвар; он всегда верно оценивал положение дел, не разбирал средств для достижения своих целей и не останавливался ни перед каким злодейством...

Когда ему пришлось круто со стороны рыцарей, он прибегнул к покровительству папы, принял латинство и получил королевский венец. Когда же надобность в папе прошла, то он опять стал язычником, а затем, разбив

* Налыианы — земля балтских племен, живших в районе вокруг Крево. Крево — ныне деревня в Беларуси, в 22 км южнее города Сморгонь.

** По другой версии, Довмонт убил Миндовга во время совместного похода против крестоносцев.

немцев, торжественно принес в жертву своим богам рыцаря, сжегши его на костре вместе с конем...

Видя возрастающую силу Даниила Романовича, Миндовг, чтобы приобрести его дружбу, уступил ему часть захваченных земель и выдал свою дочь за сына Даниилова — Шварна...

Ведя дела с чрезвычайным искусством, Миндовг постепенно распространил свою власть на северо-восток по Двине — в пределах Полоцкого княжества, захватив и часть Смоленского, а на юго-запад в стороне реки Припяти — Пинск и Туров. Дальнейшее соби́рание им русских и литовских земель было остановлено внезапной смертью».

Нечволодов А. «Сказания о русской земле». Книга 2, с. 346—347

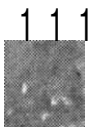
1

Тренята

После гибели Миндовга, по уговору с Довмонтом и Тевтивилем, князем Литвы и Новгородка стал Тренята, племянник Миндовга (сын его сестры). Он пригласил в Новгородок своего двоюродного брата, князя Тевтивила: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но при дележе братья рассорились, да так, что Тевтивил замыслил убить Треняту. Однако боярин Тевтивила, некий Прокопий Полочанин, донес Треняте о замыслах своего князя, тот опередил Тевтивила и убил его.

1 4"
" 1 кч'<

1 §

ШШШШМ

Замоктз Новгородке в XIV—XV вв. Худ. В. Стащенюк

Правил Тренята недолго, менее года. Четверо конюших Тевтивила решили отомстить убийце своего князя и в следующем году (1264) убили Треняту, когда тот мылся в бане.

Войшелк

О смерти Миндовга его сын Войшелк узнал в своем Лавришском монастыре. Тогда он вышел оттуда и объявил, что на три года отрекается от монашества, чтобы отомстить за отца. Войшелк прибыл в Пинск, а оттуда позвал на помощь князя Шварна, сына Даниила Галицкого и мужа своей сестры. Сначала объединенное войско Войшелка и Шварна летом 1264 года покорило «летописную Литву». При этом Войшелк безжалостно изгонял и убивал феодалов, противившихся его власти:

«Поча вороги свои убивати, изби их бесчисленное множество»...

Жестокость Войшелка-христианина к своим соплеменникам-язычникам отмечает и Новгородская летопись:

«Иядь на поганую Литву и победи я, и стоя на земли ихъ все лето, тогда оканьным вьзда Господь подделом ихъ; всю бо землю ихъ оржием поплени».

В следующем 1265 году Войшелк и Шварн завоевала Нальпаны и Дзеволту* Довмонту, его семье и остаткам разбитой дружины (около 300 человек) пришлось бежать в Псков.

После гибели Треняты и изгнания Довмонта всю полноту власти в Новгородке и Литве сосредоточил в своих руках Войшелк. Таким образом, он восстановил то положение вещей, которое существовало к концу правления его отца, но на более обширной территории.

Кстати, само название Великое княжество Литовское вошло в употребление в письменных документах именно при Войшелке. Под этим термином современники имели в виду объединенные земли Новгородка, «летописной Литвы» Миндовга, Нальшан и Дзеволты, а также Витебск, Полоцк, Пинск и Туров, которые стали вассалами Войшелка.

% ^ ^

В связи с этим событием отметим любопытную деталь. Довмонт бежал вместе с остатками своей разбитой дружины в Псков. Там он крестился в 1266 году, получил православное имя Тимофей и стал князем Пскова, сохраняя власть до глубокой старости.**

* Дзеволта — земля балтов. Находилась между реками Невежа и Свента.

** Земли Пскова поначалу входили в состав Господина Великого Новгорода. К середине XIII века они обрели фактическую самостоятельность, а в 1348 году официально было провозглашено создание независимого государства Господин Великий Псков. Это государство существовало до 1510 года, когда его силой и коварством присоединил к Московскому государству великий князь Василий III.

Князь Войшелк.
Лавришское Евангелие, XIII в.

«Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же увелив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

% * %

В 1264 году умер Даниил Романович Галицкий. Его сыновья (Мстислав, Лев и Шварн) стали мечом делить Галицкое великое княжество (как сказано выше, Романа уже не было в живых). Князь Лев Данилович захватил Дрогичинскую землю — удел Шварна. Теперь Шварн позвал на помощь Войшелка. Войшелк решил использовать подходящий момент, чтобы нанести удар по ослабленному Галицко-Волынскому княжеству. Во главе своего войска он занял Дрогичин и Берестье (Брест), затем пошел на Владимир-Во-

* Войшелк хотел, чтобы Нальшаны надолго стали камнем преткновения между Полоцком и Псковом и преуспел в этом.

Поскольку Войшелк отдал Нальшанскую землю Полоцку, Тимофей сразу начал войну с его князем Герденем, сыном князя Давыда Ростиславовича, княжившего в Полоцке до Тевтивила.* В 1266—1267 гг. он совершил три похода на Полоцк, в ходе которых княжество было сильно разграблено, сам Гердень во время последнего похода погиб, его жена (тётя Довмонта) и сыновья попали в плен.

Очередному походу в 1267 году помешал конфликт псковичей с новгородцами. В 1268, 1269, 1272, 1298 гг. Довмонт успешно воевал с крестоносцами.

Последний раз Довмонт разбил рыцарей, снова напавших на Псков, весной 1299 года и вскоре после этого умер (20 мая), оплакиваемый всеми жителями города. После смерти Тимофея Псковский (Довмонт) был причислен церковью к лику святых. В его жизни сказано:

лынский. Тут Лев Данилович увидел, что дело плохо, и срочно помирился с братьями.

В Литве же вскоре сложилась любопытная ситуация. Удовлетворив, насколько было возможно, жажду мести и свое честолюбие, Войшелк осенью 1267 года снова удалился в Лавришский монастырь — замаливать грехи, а всю власть передал зятю, князю Шварцу Даниловичу. Тот, видимо опасаясь возобновления внутренних распрей, просил Войшелка княжить совместно, но последний решительно отказался:

«Много согрешил я перед Богом и перед людьми. Ты княжи, а земля тебе безопасна».

Такой «расклад» чрезвычайно не понравился Льву Даниловичу. Он задумал погубить и Войшелка, и брата Шварна, в надежде, что это позволит ему захватить Литву. Через своего дядю, старого Василько Романовича, он пригласил Войшелка приехать в гости во Владимир-Волынский, якобы для того, чтобы окончательно подвести черту под прежней враждой.

Бывший советник покойного князя Даниила, немец-старик Маркольд, устроил пир. За праздничным столом князья Василько и Лев, а также Войшелк говорили о дружбе и христианском всепрощении. К ночи князь Василько поехал к себе домой, а Войшелк — в Михайловский монастырь, где остановился со своей свитой. Но Лев отправился следом с дружинниками, догнал и хладнокровно зарубил Войшелка возле стен монастыря. Это произошло то ли 9, то ли 12 декабря 1267 года.

После этого около трех лет Новогрудком и Литвой правил Шварн Данилович.

Шварн

О Шварне, как и о других правителях Литвы до Гедимины, сохранилось мало достоверных сведений.

После смерти отца он владел Восточной Галицией (Галич) и Забужьем (Брест, Белз, Дрогичин, Червен, Холм, Мельник). Как уже сказано, в том же 1264 году помог Войшелку захватить трон в ВКЛ, а в 1265 году — завоевать Князь Лев Данилович Галицкий

Нальшаны и Дзеволту. Неоднократно совершал походы в польские земли. Как он правил Литвой, источники не сообщают. Но в 1270 году братец Лев убил и его.

Тройден

Однако Лев жестоко просчитался. Когда Шварн погиб, литовские князья и бояре выбрали своим великим князем вовсе не этого коварного деятеля, а некоего Тройдена, грубого и свирепого язычника, правившего 13 лет.

Приход Тройдена к верховной власти ознаменовался преследованиями христиан. Тем не менее, под его управлением осталась не только балтская часть Литвы, но и славянская (Новогрудское княжество). Основной резиденцией нового великого князя был замок Кернава.

Тройден вел непрерывные войны. Он присоединил к ВКП соседние земли ятвягов, земгалов и селов, совершал набеги на Польшу. Около 1274 года захватил у Льва Даниловича город Дрогичин, уничтожив большую часть его населения, но не смог удержать. В ответ Лев Данилович объединился с турово-пинскими, смоленскими и другими князьями, захватил и разграбил Новогрудок.

В 1277 году Новогрудок захватили и разграбили татары — союзники Галицко-Волинского княжества. Но когда они двинулись дальше, Тройден разбил объединенное войско возле Гродно.

Он давал убежище участникам восстания в Пруссии против крестоносцев, расселяя их в окрестностях Гродно и Слонима. 5 марта 1279 года Тройден разбил войско Ливонского ордена в битве в Курляндии. В жестокой сече погибли магистр Эрнст и 71 орденский брат (рыцарь) — огромные потери для тяжело-вооруженных латников.

В 1281 Тройден захватил ливонский замок Герцике, который ливонский орден вскоре обменял на Динабург. Он также выдал свою дочь Годемунду (Предславу) за князя Мазовии Болеслава Плоцкого. Вот, пожалуй, и все, что мы о нем знаем.

Князь Тройден. Худ. М. Андриоли

Лютувер

В 1282 году Тройден умер. Его сменил князь Лютувер (или Пугувер). Хотя он правил Литвой примерно 11 лет, о нем практически ничего не известно. Лишь в «Хронике земли Прусской» немца Петра из Дуйсбурга сказано, что в 1291 году «литовский король Лютувер» отправил своего сына Витеня с большим войском в набег на Польшу.

Да еще в Ипатьевской летописи есть запись под 1289 годом, позволяющая отождествить Лютувера то ли с князем Будзикидом, то ли с его братом Будзивидам. Не густо. Но, так или иначе, Лютуверу наследовал Витень.

Витень

Витень занимал великокняжеский престол 23 года, с 1293 по 1316 гг. Он ходил войной на поляков не только в 1291, но и в 1293, 1296, 1306, 1307 гг. Витень вел упорную борьбу с крестоносцами. В 1298 году заключил союз с архиепископом Риги, что позволило ему отбить наступление крестоносцев на Жемойтию. Как и Тройден, расселял в Литве (на Гродненщине) пруссов. В 1315 году отвоевал у Галицкого королевства Брестскую землю.

О внутренней его политике мало что известно, разве то, что подобно Войшелку с Тройденом, стремился сохранить единство подвластного ему государства. Так, в 1294 году он подавил восстание жемойтских князей, склонявшихся к союзу с крестоносцами. При Витене в 1307 году к ВКЛ добровольно присоединилось Полоцкое княжество.

Князь Витень.

Из книги А. Гваньини «Описание европейской Сарматии», 1578г.

КНЯЗЬ ГЕДИМИН

В независимой Лиетуве популярна сказка о том, как старика Витеня в 1316 году убила молния. Сыновей у него к тому времени в живых не осталось, поэтому престол, с согласия всех бояр, унаследовал его близкий родственник Гедимин (1270—1341).

Согласно версии, официально распространявшейся в 1920—1930 гг. в Литве, род Гедиминов якобы происходил от Палемона, родного брата римского императора Нерона! Мол, этот братец ни с того, ни с сего отправился в первом веке нашей эры из солнечной Италии к диакрам в холодные северные леса и болота, где и остался до конца жизни.

Как все это мило и трогательно! Однако проза жизни не похожа на сказки. По хроникам Тевтонского ордена, Гедемин в самом деле был родственником великого князя Витеня и служил у него конюшим (в те далекие времена эта должность являлась одной из самых важных и почетных).

Он вошел в сговор с молодой женой князя, сменившей умершую старую княгиню, убил его и овладел престолом. То же самое сообщает польский хронист Ян Длугош. Эта версия представляется значительно более правдоподобной, чем выдумки историков суверенной Литвы.

В 1320 году Гедемин предпринял поход на Владимир-Волынский, где княжил Владимир, сын Василько Романовича. Город упорно защищался, но после гибели в бою князя Владимира его бояре согласились на капитуляцию. Подчеркнем, что войско Гедимины в этот ранний период его правления примерно на треть состояло из балтов (жемойтов, аукшайтов, ятвягов) и на две трети из славян — жителей Полоцкого, Новогрудского и Городенского (Гродненского) княжеств. В том же году Гедемин захватил Луцк на территории Волыни.

% *

В 1321 году Гедемин пошел походом на Киев. Тут следует сказать несколько слов о судьбе этого древнего города.

После погрома Батые в декабре 1240 — январе 1241 гг. ему долгое время не удавалось оправиться. Так, через четыре года после этих событий итальянский монах Плано Карпини вез в Монголию послание Папы Римского. Он отметил в своих записках, что в окрестностях Киева «мы находили бесчисленные черепа и кости людей, лежавшие в поле», и что сам город «сведен почти на нет: едва существует там 200 домов, а людей тех держат они (татары) в самом тяжелом рабстве».

Об истории Киева в 1241—1320 годы мы не знаем почти ничего. Некоторые историки считают, что татары его покинули в 1250 или 1260-е годы, и что после этого он принадлежал галицким князьям, которые отправляли туда своих наместников. Во всяком случае, в 1321 году там действительно правил какой-то князь Станислав, «подручник» (наместник) великого князя Галича.

Примерно в 10 верстах от Киева, на реке Ирпень, войско Гедимины сошлось с дружинами Галицкого великого князя Льва Юрь-

евича (правнука Даниила Романовича), его брата Андрея Юрьевича, киевского князя Станислава, переяславского князя Олега, брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпении галицкие войска потерпели страшное поражение, князья Лев, Андрей и Олег погибли. Станислав вместе с брянскими князьями бежал в Брянск.

Гедемин осадил Киев. Город держался два месяца. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться. Гедемин торжественно въехал в Золотые ворота. Окрестные города последовали примеру Киева. Гедемин везде сохранил старые порядки, только посадил своих наместников и оставил гарнизоны. Наместником в Киеве стал голябанский князь Миндовг (тезка Миндовга — основателя Великого княжества Литовского).

Но, взяв Киев, Гедемин позже признал право на него и Золотой Орды, чтобы избежать прямого столкновения с татарами. Литовская летопись отмечает в записи под 1331 годом, что вместе с князем Федором (родственником Гедимины) в Киеве в это время сидел татарский баскак. Это означает, что уже через 12 лет после захвата Гедимином «матери городов русских», киевский князь платил дань кому-то из ханов Золотой Орды.

Следовательно, в составе Литвы в то время Киев не удержался. Это удалось сделать только с 1362 года, после разгрома таттар Альгердом в битве на Синей Воде.

Кстати говоря, в том же 1331 году Гедимин «задержал» (попросту арестовал) возвращавшегося из Греции через Волынь новгородского владыку (митрополита) Василия. Он держал этого деятеля под стражей до тех пор, пока не добился от него клятвенного обещания сделать служилым князем Новгорода сына Гедимины по имени Наримунт. Заодно Василий окрестил будущего начальника новгородских войск. Наримунт приехал в Новгород в октябре 1333 года, получил «в кормление» города Ладогу, Орешек, Корелу и половину Копорья.

Впрочем, уже в 1335 году Наримунт уехал из Новгорода назад в Литву, чтобы занять престол в Полоцке после смерти князя Воина. Вместо себя он оставил новгородцам сына Александра. Однако прочно утвердиться в Новгороде преемникам Наримунта не удалось. Видимо, это объясняется тем, что феодальная республика в экономическом и в политическом отношении являлась значительно более развитым государством, нежели Литва. Здесь не было благоприятной почвы для удовлетворения претензий литовских великих князей на господство. Как известно, значительно позже московские государи решили данную проблему гораздо проще: они взяли Новгород силой.

В Галиче же после гибели Льва Юрьевича стал править его сын Владимир. Он умер в 1340 году, не оставив сына-наследника. Тогда галицкие бояре выбрали своим новым государем мазовецкого (т.е. польского) княжича Болеслава, племянника Андрея и Льва. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 году стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир-Волинский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

В 1341 году Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а князь Любарт, сын Гедимины, женился на дочери покойного князя Владимира Львовича Галицкого. Между тем, у князя Юрия-Болеслава тоже не было сыновей. Этот факт объясняет причину того, что «Люборта принял Володимирский князь вдове в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть, Юрий сделал своим наследником литовского князя. В 1342 году, когда князя Юрия отравили галицкие бояре, Вольтынь вошла в состав ВКЛ.

РАСШИРЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ПРИ ГЕДИМИНЕ

Великий князь Гедимин за 25 лет своего правления далеко продвинул границы ВКЛ на юг и на восток. В конце первой четверти XIV века он также перенес столицу государства в основанный им город Вильно (по белоруски Вигня). Это было связано с тем, что Новогрудские земли сначала (в 50—70-е годы XIII века), как уже сказано, опустошали галицко-волынские рати и татары, а с 1280-х годов они стали объектом нападений крестоносцев.

Существует легенда, что причиной основания Вильно послужил вещий сон. Князь охотился в этих местах до наступления темноты, возвращаться в Троцкий замок, построенный на островке посреди озера в качестве личной резиденции великого князя, было уже поздно. Решили заночевать возле какого-то холма. Ночью князю приснилось, будто на вершине холма стоит железная волчица и ужасно воет. Колдун-язычник Лыдзейка следующим образом объяснил сон:

«Князь должен построить тут могущественный замок, который будто железной стеной защитит Литву от крыжаков (крестоносцев). Возле замка вырастет город, слава о котором пойдет по всему миру».

Гедимин так и сделал. Он построил на холме каменный замок, башня которого сохранилась до наших дней. С 1323 года Вильно именуется в грамотах Гедимины столицей ВКЛ («королевским го-

Панорама Вильно в XV веке

родом»). Но это только легенда. В действительности, уже в VII веке на месте будущего Вильно существовали поселения славян-кривичей. Современные белорусские историки вполне обоснованно заявляют:

«Город Вильно является настоящей святыней для белорусов, так как с ним неразрывно связан огромный период нашей истории. На протяжении XV — начала XX веков Вильно был крупнейшим центром белорусской культуры, образования, науки, национального движения».

Беларусь: Государство и люди. Минск, 2002, с. 24

Кстати говоря, согласно данным Всероссийской переписи 1897 года, в ходе которой национальная принадлежность определялась по родному языку, население Виленской губернии на 56% состояло из белорусов, на 17,6% из литовцев (в нынешнем понимании этого термина), на 12,7% из евреев, на 8,2% из поляков, на 4,9% из русских. Таким образом, славяне (беларусы, поляки и русские) составляли почти 70% общей численности жителей, тогда как балты (литовцы) — менее 18%.

В течение 600 с лишним лет своей истории город Вильно никогда не входил в состав исторической Лиетувы — земель жемойтов и аукшайтов. Это Сталин отдал его Литовской ССР весной 1940 года в качестве «пряника», чтобы «подсластить» утрату литовцами государственной независимости и смену общественно-политического строя.

* %

За время своего правления Гедимин присоединил к ВКЛ Витебское, Менское (Минское), Туровское княжества. Их присоединение произошло достаточно спокойно. Так, менский князь Василий по-прежнему остался править в Менске. Как вассал Гедимины, он ездил в составе литовского посольства в Новгород Великий.

С северной стороны от Литвы находились земли Ливонского ордена. Стремясь обезопасить себя от этого грозного соседа, Гедимин в 1338 году заключил договор с магистром о «вечном мире». По

этому договору была предусмотрена нейтральная полоса между двумя государствами, куда запрещалось входить войскам обеих сторон. Ливонские и литовские купцы имели право свободно передвигаться по всей территории двух стран, а также плавать от истоков до устья Западной Двины. В любом месте они могли выходить на берега реки в пределах дистанции «брошенного копья». Договор утвердили князья Витебска и Полоцка, что свидетельствует об их феодальной автономии в составе ВКЛ.

Великий князь Литвы Гедимин.
Портрет XVI века из галереи Санаг

Там, где это было возможно, князь Гедимин раздвигал границы Великого княжества. С западной стороны ему удалось завоевать Подляшье* (земли ятвягов), с городами Белосток, Бельск и Гайновка (современная Хайнувка). Однако наиболее слабые соседи находились на востоке, юго-востоке и юге. Преимущественно туда и была нацелена экспансия Гедимина. Под натиском его конницы пали все здешние города до Чернигова, и Курска.

Гедимин весьма искусно устраивал браки своих детей, посредством которых готовил присоединение новых областей или же приобретал важных союзников. Так, своего сына Альгерда он женил на

Марии, дочери витебского князя Ярослава, не имевшего сыновей.* После смерти тестя в 1320 году Альгерд стал князем Витебска, а после гибели отца в 1341 году занял великокняжеский престол, и Мария превратилась в великую княгиню. Другого сына (Льубарта) Гедимин, как уже сказано, женил на внучке Юрия Львовича, князя Галицкого и Волынского.

Одну свою дочь (Айгусту) он выдал за старшего сына Ивана Калиты — • Симеона «Гордого»; вторую (Марту) — за тверского князя

Дмитрия Михайловича «Грозные Очи» (в 1320 году); третью (Алдо-ну) — за Владислава «Локотка», короля Польского (в 1325 году). Четвертая дочь (Офка) стала женой Юрия-Болеслава, великого князя (короля) Галицкого.

Для расширения своего государства Гедимин использовал не только династические союзы, но и соглашения с местными боярами, а также вооруженную силу. Но в целом расширение ВКЛ при нем происходило сравнительно мирно, поскольку условия присоединения вполне удовлетворяли наиболее влиятельные слои местного населения: князей, бояр, горожан и церковных деятелей. Включая в свою державу новые земли, Гедимин не пытался менять местные обычаи и традиции, полностью сохранял права и владения феодалов, горожан и духовенства.

За сто лет небольшое княжество по берегам реки Неман действительно превратилось в крупное государство. Поэтому с полным на то основанием Гедимин стал называть себя «великим князем Литовским, Русским и Жемойтским».

В данной связи надо пояснить, что и в те, и в более поздние времена Литвой называли нынешнюю Беларусь и Подляшье (в современной Польше), Русью — земли Киевщины, Волыни и Подолии, Жемойтией — западную часть современной Литвы. Существовала уже и Московская Русь (наряду с Великим Новгородом, Великими княжествами Тверским и Владимиро-Суздальским, прочими «невеликими» княжествами), но к Киеву, Полоцку, Волыни она никакого отношения не имела.

* Город Витебск основала в 947 году киевская княгиня Ольга, жена князя Игоря, мать Святослава Игоревича. Та самая, которая жестоко расправилась с древлянами.

ВОЙНЫ КНЯЗЕЙ АЛЬГЕРДА И КЕЙСТУТА

Великий князь Гедемин стал основателем династии Гедиминовичей. Помимо четырех дочерей, у него было семеро сыновей: Монвид (умер в 1343 году), Наримунт (1277—1348), Альгерд (1296—1377), Кейстут (1298-1381), Кориат (умер в 1390), Евнут (1317-1366) и Любарт (1312-1397).

Что касается жен Гедимины, то первой была Ольга Всеволодовна, княжна смоленская (либо Ольга Глебовна, княжна рязанская), а второй — Евна Ивановна, княжна полоцкая.

Все три женщины (Ольга Всеволодовна, Ольга Глебовна, Евна Ивановна) — православные. Этот факт означает, что Гедимин принял православие: выдача княжеской дочери за язычника была невозможна. Другое дело, что Гедемин и его сыновья относились к проблемам вероисповедания весьма прагматично. Нужно было жениться или заключить выгодный союз — демонстрировали свое христианство; требовалась поддержка местной знати — публично отправляли языческие обряды.

Все же все сыновья Гедимины прошли обряд крещения и получили православные имена. Так Наримунт стал еще и Глебом, Альгерд — Александром, Кориат — Михаилом, Евнут — Иваном и т.д. Позже их потомки служили и литовским великим князьям, и московским. Например, от Монвида пошли столь известные аристократические фамилии, как Булгаковы, Голицыны, Корецкие, Куракины, Хованские, Щеняшевы. От Альгерда выводили свои родовые князья Вишневецкие, Несвижские, Трубецкие, Чарторийские и другие.

v

БРАТЬЯ АЛЬГЕРД И КЕЙСТУТ

В конце 1341 года великий князь Гедемин погиб при осаде Баербурга (или Браебурга), одного из замков Тевтонского ордена. В него попало ядро, выпущенное из бомбарды. Младший сын Евнут

(ему было в это время 24 года), ходивший в поход вместе с ним, привез тело отца в Вильно и по языческому обряду торжественно сжег на огромном костре вместе с конем, любимым слугою и тремя пленными немецкими рыцарями.

Ранее Евнут получил в удел Вилькомир, Ошмяны и Браслав. По завещанию Гедимины, он занял великокняжеский престол и правил Литвой более четырех лет. Но его поддержали только мать (Евна Ивановна) и один брат — Наримунт, правивший в Пинске. Остальные четверо братьев (Альгерд, Кейстут, Кориат, Любарт) игнорировали его права и проводили самостоятельную политику. Литвинское и жемойтское боярство тоже не испытывало к Евниту особых симпатий.

Постепенно укреплялись позиции князей Альгерда (Витебск, Крево) и Кейстута (Жемойтия, Троки, Гродно, Брест). В то же время их отношения с Евнутом сильно ухудшились в связи с тем, что после смерти бездетного старшего брата Монвида (в 1343 году) он передал его земли (Кернаву и Слоним) своему стороннику Наримунту.

В начале 1345 года великая княгиня Евна Ивановна умерла. Тогда старшие братья Альгерд и Кейстут сговорились свергнуть младшего брата. Правда, Альгерд, шедший с войском из Витебска, не успел вовремя, и Кейстут один ворвался в Вильно. Евнут, застигнутый врасплох, убежал в лес на ближайших к городу холмах (Турова гора), но не успел тепло одеться, поэтому отморозил ноги, простудился и вынужден был сдаться. Его доставили к Кейстуту. Тот отправил гонца к Альгерду, что Евнут уже в его руках.

Когда Альгерд пришел, Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильне, ты старший брат, а я с тобою буду жить заодно». Между собой они условились все делить пополам и «жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого». Братья сдержали клятву. Они неофициально разделили Великое княжество на две половины — Виленскую и Троцкую.

Альгердову часть составили, если считать по городам, Вильно, Витебск, Полоцк, Орша, Борисов, Ошмяны, Менск (Минск), Бобруйск, Слуцк, Рогачев, Крево, Мстиславль, Кричев, т.е. восточные земли государства. Сам Альгерд с 1338 по 1345 годы жил в замке в Крево, но позже переехал в Вильно.

Троцкая половина Кейстута включала почти весь запад ВКЛ — само Троцкое княжество со столицей в Троцком замке (ныне Тракай) на озере Гальве, Гродненскую и Брестскую земли, Подляшье, Полесье, половину Лидской и Новогрудской земель.

Что касается Евнута, то он вскоре бежал из-под стражи и через Смоленск приехал в Москву, к князю Симеону «Гордому», женатому на его сестре Айгусте. Таким образом, Евнут стал первым кня-

Князь Альгерд.
Из книги А. Гваньини «Описание
европейской Сарматии», 1578г.

зем-беглецом из Литвы в Московию. В 1347 году он помирился с Альгердом и Кейстутом, вернулся домой, получил в удел Заславльское княжество, в состав которого в то время входил и Минск (Минск). От Евнута произошел род князей Заславских.

Наримунт после государственного переворота убежал к Джанибеку, хану Золотой Орды. Его удел — Полоцкое княжество — Альгерд отдал своему сыну, Андрею «Полоцкому». Впрочем, в 1346 году Наримунт вернулся. Альгерд оставил за ним Пинск, завещанный Гедимином.

Альгерд дал Кориату в удел Новогородок (Новогрудок), Любарт позже княжил на Волыни. При этом Кейстут объявил, что все братья должны повиноваться Альгерду. В 1348 объединенное войско Гедиминовичей разбило войско крестоносцев в сражении на реке Страва (или Стрева). В этой битве погиб Наримунт.

%

Альгерд и Кейстут разделили сферы внешней политики соответственно расположению своих владений. Кейстут противостоял Тевтонскому и Ливонскому орденам, полякам и венграм. Альгерд имел дело с восточными и юго-восточными русскими княжествами, а также с татарами.

В 1358 году в беседе с послами германского императора он заявил, что «вся Русь должна принадлежать Литве». Напомним в этой связи, что под Русью, в широком смысле слова, тогда подразумевались лишь те земли, которые до Батыева нашествия входили в состав Великого княжества Киевского.* Реализуя эту программу, Альгерд в течение буквально трех лет присоединил к ВО Брянск,

* Стало уже традицией называть «Киевской Русью» аморфный конгломерат всех восточных славянских княжеств, на том основании, что их жители говорили на сходных наречиях (диалектах), а княжеские престолы занимали многочисленные отпрыски рода князя Рюрика. Но в настоящее время в научной литературе восторжествовала иная концепция, согласно которой эти княжества являлись суверенными государствами.

Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Стародуб, Торопец, Трубчевск, Чернигов.

Русские летописи много сообщают об Альгерде и весьма редко упоминают Кейстута. Хроники крестоносцев, напротив, часто рассказывают о Кейстуте и почти не замечают Альгерда. Это связано именно с разделением их сфер влияния.

Вот что пишет об Альгерде и Кейстуте историк Нечволодов, обширный труд которого основан на древних русских летописях, житиях святых, сочинениях авторов XVI—XIX веков:

«Оба брата как бы дополняли друг друга: Кейстут был настоящим язычником — храбрый, добродушный, хотя и не без некоторого коварства; Альгерд же отличался глубокими государственными дарованиями. Он умел правильно пользоваться обстоятельствами, верно намечал цели своих стремлений, выгодно заключал союзы и удачно выбирал время для приведения в исполнение своих замыслов. При этом он был крайне сдержан, осмотрителен и сохранял свои намерения в непроницаемой тайне. Также скрытно и внезапно любил он совершать и свои военные походы. Альгерд был человеком безусловно трезвым, что было редко в то время».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 2, с. 393

Во времена правления Альгерда земли Великого княжества Литовского и Московской Руси разделяли территории Смоленского княжества и Великого княжества Тверского (ВКТ). *

С княжеством Тверским Литва имела границу протяженностью около 100 верст. Ржева (Ржев), Зубцов и Холм были тверскими пограничными городами. Граница ВКЛ со Смоленщиной имела значительно большее протяжение.

Соответственно, оба этих «буферных» государства играли важную роль во внешней политике как Вильно, так и Москвы. Много позже Тверское княжество было завоевано Москвой, а Смоленское — Литвой.*

* Специально для тех читателей, которые привыкли считать Ржев «исконно русским городом», отмечу, что сельское население в Ржевском районе (так называемые «тудовляне») вплоть до середины XX века сохраняло белорусский язык, атакжэтнографические особенности белорусов.

Князь Кейстут.
Худ. А. Пеньковский, 1838г.

Мы упоминали выше, что зимой 1320—1321 годов великий тверской князь Дмитрий Михайлович «Грозные Очи» (1299—1326) женился на дочери великого князя Гедмина Марте. Тем не менее, прочного мира между ВКЛ и ВКТ достичь не удалось. Так, в 1356 году литвины напали на Ржеву и захватили его.

В том же году умер Василий Александрович, князь брянский и смоленский, сын смоленского князя Александра Глебовича, княжившего в 1285—1287 гг. Брянск тогда входил в состав Смоленского княжества, кроме того, Василий Александрович имел ярлык от Янибека, хана Золотой Орды, на княжение в Брянске. Альгерд, воспользовавшись смертью брянского князя, внезапно захватил город. Князя Ивана, сына Василия Александровича, он взял в плен и увез в Литву, где тот вскоре умер (либо был убит).

В 1358 году объединенное тверское и Можайское войско (можайский князь был вассалом Москвы) отбило Ржеву от литвинов. Но в следующем году сын Альгерда, князь Андрей (1325—1399) вновь взял Ржеву. Известно, что в 1360 году Альгерд сам посетил этот город.

Перечислю в данной связи всех детей князя Альгерда, ибо этот список наглядно показывает как его владения, так и династическую политику.

От первого брака (в 1318 году с Марией Ярославовной из Витебска) детей было восемь: 1) Андрей (князь полоцкий); 2) Дмитрий (князь брянский, друцкий, стародубский и трубчевский); 3) Константин (князь черниговский и чарторыйский, основатель рода Чарторыйских); 4) Владимир (князь киевский, затем копыльский, предок князей Слуцких); 5) Федор (князь ратненский, предок князей Сангушко); 6) Феодора (жена князя карачевского Святослава); 7) Агриппина, она же Мария (жена князя Городецкого Бориса); 8) жена Ивана (князя новосильского и одоевского), чье имя не сохранилось.

От второго брака (с Ульяной Александровной из Твери) тринадцать: 1) Ягайло (великий князь Литвы и король Польши); 2) Скиргайло, он же Иван (князь трокский и полоцкий); 3) Корибут, он же Дмитрий (князь новгород-северский, брацлавский, винницкий, збаражский) женатый на княгине Анастасии Рязанской; 4) Лугвень, он же Семен (князь новгородский и Мстиславский), женатый на Марии Московской; 5) Коридайло, он же Казимир (наместник Мстиславский); 6) Вигунт, он же Александр (князь кернавский); 7) Свидригайло, он же Лев в православии и Болеслав в католичестве (князь подольский, черниговский, северский, брянский, затем великий князь Литвы, и в завершение — князь волынский); 8) Кенна, она же Иоанна (жена князя поморского); 9) Елена (жена князя боровского и серпуховского); 10) Мария (жена литвинско-

го боярина Войдылы); 11) Вильгейда, она же Екатерина (жена герцога мекленбургского); 12) Александра (жена князя мазовецкого); 13) Ядвига (жена князя освенцимского).

ПОБЕДА АЛЬГЕРДА НА СИНЕЙ ВОДЕ

Врядли сегодня кто-нибудь, кроме историков (да и то далеко не всех) может хоть что-то сказать о том, что за битва произошла на реке Синяя Вода в 1362 году, кто с кем сражался, каковы были последствия этой сечи.

Между тем, битва на Синей Воде — одно из самых значительных событий в военно-политической истории Восточной Европы XIV века. В самом деле, Куликовская битва 1380 года, которой посвящено множество картин живописцев, стихотворений, поэм и романов, не дала существенных политических и военных результатов. Всего через два года после нее ордынский хан Тохтамыш сжег Москву, разграбил половину ее земель и привел отношения с русскими княжествами в прежнее состояние. Лишь спустя сто лет Московская Русь добилась того, что желала приобрести на Куликовом поле.

Напротив, битва на Синей Воде сразу вызвала изменения стратегического значения. Победа войск Великого княжества Литовского над татарами покончила с их владычеством в землях по обоим берегам Днепра. Именно возле небольшой речки в южной части Донецкого бассейна (ныне река Синюха, левый приток Южного Буга) татары потерпели настолько мощное поражение, что не смогли удержаться в украинских землях и откатились в Крым.

В так называемом Густинском своде (сборнике летописей) есть запись под 1362 годом. Из нее следует, что в том году рать Альгерда разбила войска трех татарских князей:

«В лето 6870. Ольгерд победил трех царьков татарских и с ордами их, сиесть Котлубаха, Качзея, Дмитра, и оттоли от Подоли изгнал власть татарскую. Сей Ольгерд и иные русские державы в свою власть принял, и Киев под Федором князем взял, и посадил в нем Владимира сына своего, и начал на сими владеть, им же отцы его дань давали».

Альгерд удачно выбрал время похода на Киев. После того, как хана Бердибека в 1359 году убил его сын Кульпа, в Золотой Орде началась «большая замятия», как выразился русский летописец. Этим термином он назвал череду кровавых переворотов, когда ханы один за другим вступали на престол через трупы своих предшественников. Так, хан Кульпа уже через пять месяцев после своего воцарения вместе с двумя сыновьями пал от руки Навруса, од-

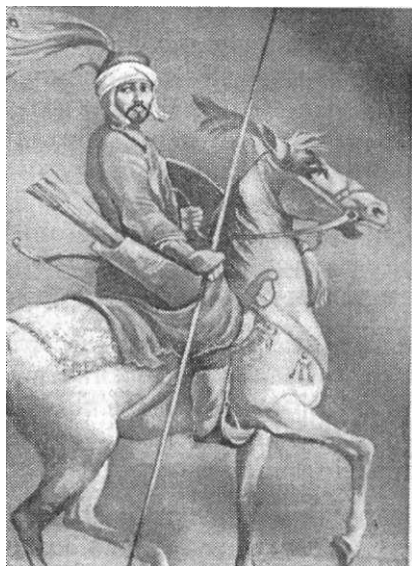

ного из прямых потомков Чингиз-хана. Хана Навруса вскоре убил Хидырь. Хана Хидыря убил его сын Темихоржа, который, в свою очередь, правил всего лишь шесть дней, после чего стал жертвой темника Мамай. После этого Орда разделилась на две части — Волжскую (во главе с ханом Абдулом, которого поддерживал Мамай) и Сарайскую (ее возглавил хан Амурат, брат Хидыря). Жестокая междоусобная борьба между ними длилась 20 лет.

* *

Поход в южные земли против татар был делом весьма опасным. Альгерд повел туда почти все войска ВКЛ — и свои, и Кейстута, а также Любарта и Кориата. Всего набралось до 30-и тысяч пеших и конных воинов, не считая челяди и обозников. Более известные нам князья Ягайло и Витовт в этом походе не участвовали, им было тогда по 12 лет.

В конце мая 1362 года войска двумя колоннами — с Волыни и вдоль Днепра — двинулись к Киеву. Это стало поистине знаменательным событием. Хотя Гедимин уже брал Киев 40 лет назад, в городе опять сидели татары — баскак с военным отрядом. И вдруг пришла весть о том, что князь Альгерд идет с большим войском. Немногочисленный татарский гарнизон не стал воевать, а спешно покинул город.

Альгерд посадил князем в Киеве своего сына, который по такому случаю принял православие.

Киевские священники, проводившие обряд крещения, с глубоким смыслом нарекли его Владимиром. Тем самым они обозначили связь между первым крестителем Киевской Руси Владимиром и освободителями древнего города от язычников-татар.*

* Князь Владимир (1332—1399) правил здесь 33 года. В 1393 или (по другим данным) в 1395 году, под давлением Витовта, ему пришлось отказаться от этого удела в

После этого войско Альгерда направилось к Каневу и Черкаскам, а затем на юг, к Бугу. В те времена эта территория называлась Диким Полем. Здесь не было ни городов, ни селений. Земли, разоренные татарами в XIII веке, обезлюдели, на сотни верст вокруг простиралась ковыльная степь. По степному бездорожью войска шли несколькими колоннами.

Их маршрут определялся наличием источников воды для десятков тысяч людей и лошадей. Одна из стоянок пришлось на берега реки Синяя Вода, притока Южного Буга. Именно здесь дальнейший путь войску ВКЛ преградили объединенные силы трех татарских ханов — Качубея, Катлубая (или Кутлубега) и Димира — «отчий и дедичей Подольской земли», как сказано в летописи. Пришел решающий час похода.

Альгерд расставил войско (шесть полков) полукругом, так называемым «серпом», в несколько рядов. Зная, что тактика татар предусматривает обход противника для удара в тыл и в один из флангов, Альгерд поставил с правого и левого крыла самые надежные и сильные полки новгородского князя Кориата. Боевое построение литовцев «серпом» не дало татарам возможности зайти сзади.

Им пришлось начать сражение атакой по фронту. Постепенно в бой втянулись все хоругви, воды реки окрасили кровавые ручьи. По свидетельству летописца, сеча продолжалась весь день, а к закату татары не выдержали и повернули вспять. «На спину» им сели конные дружины, которые гнали и рубили отступавших татар до глубокой ночи. Их остатки устремились к Дунаю. Но в последующие дни войско Альгерда перешло Днестр и тоже достигло устья Дуная.

пользу своего брата Скиргайло. В качестве компенсации Витовт дал Владимиру Копыльское княжество (оно же Слуцкое). От его сына Александра (умер в 1455) берет начало род князей Олельковичей (Слуцких), а от сына Ивана происходят князья Вельские.

Литовский вершник (панцирный конник) времен Альгерда и Кейстута

т

Татарский воин XIV—XVI вв.

Рис. В. Исаченко по гравюре А. Орловского

Впервые Золотая Орда потерпела такое поражение. Земли от Дона до устья Дуная, а также Крым, вышли из ее подчинения. Иначе говоря, татарское государство утратило огромный источник доходов. Поражение привело к обострению внутренних противоречий среди ордынской верхушки, к дальнейшему раздроблению и ослаблению Орды.

Другим важным следствием победы при Синей Воде стало присоединение той части южных земель, где жили славяне (Волини, Подолья, Киевщины), то есть пресловутой «Киевской Руси» в точном смысле слова, к Великому княжеству Литовскому. Вместе с Киевским княжеством в состав ВКЛ вошли города Брагин и Мозырь. Тем самым Альгерд завершил присоединение всех территорий, которые позже образовали современную Беларусь.

О занятии Альгердом Киева и присоединении его к Великому княжеству Литовскому в советских и современных российских учебниках истории говорится коротко и неясно. Мол, польско-литовские феодалы захватили русские земли, пользуясь раздробленностью северо-западных русских княжеств, находившихся под татаро-монгольским игом.

Между тем, переход Киевского (приднепровского) княжества под власть Литвы практически никак не отразился на быте, вере и всем укладе жизни его жителей. Вошел в Киев князь Альгерд с дружиной, в составе которой было немало православных воинов. Был он сам в тот момент православным или нет, не имеет никакого значения. Важно другое: в городе все осталось по-старому. Князь Владимир Альгердович с дружиной охранял город, брал умеренную дань, не вмешивался в дела купцов и ремесленников, не говоря уже о церкви. Самих же «литовских феодалов» не интересовали пахотные земли Киевского княжества и прилегавших к нему территорий, их куда больше волновала охота. А уж поляки, что называется, «и рядом не стояли».

БОРЬБА ЛИТВИНОВ С КРЕСТОНОСЦАМИ

в XIII - XIV вв.

С 1284 года и вплоть до Грюнвальдской битвы 1410 года, Великое княжество Литовское вело ожесточенную борьбу с крестоносцами. Достаточно сказать, что за эти 126 лет они совершили более 140 походов на Литву. Только в период 1345—1392 гг. немецкие рыцари нападали 96 раз — в среднем, более двух раз ежегодно!

В борьбе с захватчиками важную роль сыграли многочисленные укрепления, построенные ливинами на путях вторжения врага.

Среди них известны замки в Новогрудке, Гродно, Лиде, Крево, Вильно, Троках, Полоцке, Витебске, Медниках, Бресте, Каменце, а также в других местах. Для примера расскажем о замке в Гродне (Гродно) и князе Давыде Городенском.

Мощный треугольный замок находился на холме 30-метровой высоты, с одной стороны его защищала широкая река Неман с быстрым течением, с другой — небольшая речушка Городничанка, с третьей — деревянная стена и башни (после 1398 года были возведены каменные строения). Гродненский замок запирали водный и сухопутный пути в земли Понеманья.

Впервые крестоносцы во главе с магистром Конрадом Тирнбергером осадили его в 1284 году. Защитники успешно отразили все штурмы. Но затем двое выходцев из Пруссии вероломно открыли ворота, замок пал и был сожжен.

В 1296 году возрожденный из пепла замок осаждали тевтонцы во главе с Зигфридом Райбергом, комендантом города Бальга. Замок устоял, тогда как прилегавший к нему посад был сожжен, до 200 жителей попали в плен. Зато и Райберг погиб под стенами замка. Через несколько месяцев рыцари во главе с новым комендантом Зуцвертом снова атаковали замок, но опять безуспешно. Последующие осады в 1305, 1306 и 1311 годах тоже не принесли им успеха.

В сентябре 1314 года крестоносцы во главе с магистром Тевтонского ордена Генрихом фон Плоцке осадили замок в Новогрудке и дважды штурмовали его, но безуспешно. Тем временем к осажденным пришел на помощь отряд из Гродненского замка во главе с каштеляном (комендантом гарнизона), князем Давыдом Городенским (ок. 1283-1326).*

* Давыд был сыном Довмонта, бывшего князя Нальшан, бежавшего в 1265 году в Псков, и княжны Марии Дмитриевны, внучки Александра Невского. После смерти отца в 1299 году, 16-летний князь поступил на службу к Гедимину. Вскоре женился на его дочери Бируте, в связи с чем получил в качестве ее приданого поместье Вертелишки.

Князь Давыд Гродненский.

Худ. В. Кислый

Князь Давыд воевал не числом, а умением. Воспользовавшись тем, что рыцари и кнехты ушли под стены замка, он перебил охрану рыцарского лагеря (30 человек) и захватил оставленные там доспехи (рыцари сняли их, чтобы легче было лезть на крутую гору), более тысячи лошадей и повозки с запасом провианта. На обратном пути он забрал провиант, оставленный рыцарями на промежуточных бивуаках.

Тевтонцы немедленно сняли лагерь у Новогрудка и, бросив раненых, стали спешно отходить. Но все их попытки добыть продовольствие для себя или корм для лошадей пресекали летучие отряды князя Давыда. В результате воинству магистра пришлось съесть своих коней и добираться домой пешком, на что ушло 6 недель. Рыцари вернулись без лошадей, без доспехов, потеряв много людей убитыми, умершими от болезней, пленными.

Князь Давыд сыграл выдающуюся роль в войнах с крестоносцами. Так, весной 1319 года он с отрядом в 800 всадников (всадников с тяжелым вооружением) совершил рейд в глубь Пруссии. Воспользовавшись разливом воды, он скрытно прошел глухими местами и ворвался в провинцию Вагенштоф (или Вегендорф). Разбив войско комтуров Ульриха Дримбе и Фридриха Квитце, он захва-

Нападение крестоносцев.
Худ. Ю. Косак, конец XIX в.

тил много пленников, большую добычу, затем благополучно вернулся домой.

В 1322 году князь Давыд с дружиной прибыл на помощь Пскову, вследствие чего рыцари не решились идти на штурм.

В марте 1323 года датские рыцари захватили псковский город Гдов, где убили псковских «гостей» (купцов). Тогда вновь «послаша псковичи к Давыду князю в Литву». Войско гродненцев подоспело вовремя и отбило натиск датчан, а затем, преследуя их, дошло до Ревеля, которым владел тогда датский король.

Стены Гродненского замка в XII веке.

Реконструкция

За время этого похода войско Давыда перебило до 5 тысяч противников (цифра явно преувеличена) и захватило богатую добычу.

Но уже в мае 1323 года немецкие рыцари снова напали на Псков и осадили его. Осада длилась 18 дней, до тех пор, пока опять не появились гродненцы: «приспе князь Давыд из Литвы с людьми своими». Вместе с псковскими ратниками они разгромили и отбросили за реку Великую рыцарское войско.

В порядке мести в первых числах марта 1324 года отряд крестоносцев, минуя Гродно, скрытно пришел в поместье князя Вертелишки и дотла разрушил его. Были убиты 33 человека, угнано около 100 лошадей и много скота.

В ответ на это в 1326 году Давыд с дружиной в 1200 человек (среди них были и польские рыцари) совершил поход в земли Бранденбурга. Он дошел до Франкфурта на Одере, сея повсюду смерть и разрушение. Тогда немцы подкупили мазовецкого рыцаря Андрея Госта. Тот ударом кинжала убил князя Давыда в собственном шатре и удрал. Дружинники привезли тело князя в Гродно, где похоронили у стены Борисоглебского монастыря.

В начале сентября 1328 года большое войско Прусского ордена подошло к Гродно. Большая его часть спряталась в зарослях возле замка, а 400 человек жгли и грабили город. Потом они ушли. Жители, укрывшиеся в замке, решили, что крестоносцы убралась восвояси. Они открыли ворота и вышли наружу. В это время спрятавшиеся рыцари кинулись на них, на их плечах ворвались в замок, разграбили и сожгли его, перебили защитников.

В 1331 году рыцари Тевтонского ордена во главе с Генрихом фон Плоцке совершили масштабное вторжение в Жемойтию. По просьбе жемойтов, на помощь им пришел князь Гедимин. Он собрал войско, состоявшее из литвинских, полоцких, татарских и

новгородских отрядов (дружин), и в сражении на реке Окмяна полностью разгромил немцев.

В 1364 году на Гродно обрушилось войско Ливонского ордена во главе с графом Ханау. Замок устоял, но окрестности рыцарское войско «бесчеловечно опустошило, уведя много людей в неволю», как отмечено в орденской хронике.

В августе 1373 года состоялся второй разорительный поход. Однако в третьем походе, в 1375 году, войско герцога Альберта фон Заксена, префекта Ратенбурга, встретило ожесточенное сопротивление гродненцев. Многие немцы были убиты, часть их попала в плен, в том числе сам герцог. Тем не менее, в 1377 и 1379 годах прусские рыцари снова вторгались на Гродненщину.

Войнам литвинов с крестоносцами, подробно описанным в орденских хрониках, можно посвятить целую книгу, но предметом нашего рассмотрения являются конфликты с соседями на Востоке. Поэтому обратим свой взор к Москве.

ПЕРВАЯ ВОЙНА МЕЖДУ ЛИТВОЙ И МОСКВОЙ (1368–1372 гг.)

Как известно, возвышение Москвы началось при Иване Даниловиче (ок. 1295—1341), по прозвищу «Калита» (это слово означает кошель для монет). Он был одним из четырех сыновей Даниила «Московского» и внуком Александра Невского, а московский престол занял в 1325 году.

Его владения были невелики. Они простирались от Можайска на западе до Коломны на юго-востоке. На юге граница княжества шла по Оке до слияния с Нарой, где стоял городок Серпухов. На севере земли Москвы кончались в низовьях Яхромы, не доходя до Дмитрова; чуть восточнее ей принадлежала Радонежская волость с реками Талицей и Ворей.

Уже в 1327 году князь Иван принял деятельное участие в подавлении антиордынского восстания в Твери. Это княжество первым начало активную борьбу за освобождение от татарского ярма. Но «истинный русский патриот» (так его характеризуют некоторые современные авторы) Иван Данилович добровольно вызвался покончить с этим безобразием. Объединенное московско-татарское войско под его командованием взяло штурмом и разграбило Тверь и Кашин. Смутьянов князь Иван казнил, с Новгорода потребовал выкуп в 2000 рублей. За эту добрую услугу в следующем году великий хан Узбек выдал ему ярлык на великое княжество Владимирское, а также на княжение в Новгороде. Так началось возвышение Москвы.

Летопись под 1328 годом повествует:

«Седе князь великий Иван Данилович на великом княжении всеа Руси, и бысть оттоле тишина великая на 40 лет и престаша погании воевати Русскую землю и заклати христиан, и отдохнуша христиане от великой истомы и мнооы тягости, от насилия татарского»...

Историки неоднократно отмечали как правдивость этих слов летописца, так и значение установившейся «тишины», за время которой выросло новое поколение, не знавшее того страха, в котором пребывали перед татарами их деды и отцы.

Предотвратить татарские набеги и грабежи князь Иван Данилович смог исключительно благодаря тому, что исправно собирал дань для Орды. Собирая ее, он был весьма жесток. Так, в 1330 году хан Узбек сообщил Ивану, что Ростовское княжество числится у него в должниках. Вскоре туда явились московские воеводы. Они учинили в городе и окрестностях настоящий погром, выбивая деньги из жителей насилием и пытками. Всех бояр и «лутших людей» ограбили до нитки, а старейшего боярина Авраамия повесили вниз головой, отчего тот умер. Летописец сообщает:

«И бысть страх велики на всех слышащих и видящих сия, не токмо в граде Ростове, но и во всех пределах его».

В 1332 году Иван Данилович потребовал от Новгорода повышенной дани, а когда «Господин Великий» отказал ему, захватил новгородские волости Торжок и Бежецкий Верх. *

Богатство Калиты непрерывно росло. Во-первых, через его руки шел весь поток денег, собираемых для Орды и многое к этим рукам прилипало. Во-вторых, он получал деньги с так называемого «кормления» — права на управление волостями, даровавшееся княжеским слугам при условии выплаты ими князю половины доходов. Накопив значительные средства, князь Иван купил в Орде ярлыки на Галич, Белоозеро и Углич.

Другим направлением его деятельности стало сооружение в Москве каменных храмов — Иоанна Лествичника, Успения Богородицы, Михаила Архангела и в Спасском монастыре. В первом из них был погребен Петр, митрополит Владимирский. Преемник последнего, митрополит Феогност, признал Петра святым, а Москву превратил в церковную столицу Руси.

Старший сын Ивана Даниловича, Симеон, прозванный «Гордым» (1316—1353), без каких-либо споров получил в Орде ярлык на великое княжение. Влияние Москвы, благодаря стараниям отца, возросло настолько, что он стал нагло вести себя по отношению к другим князьям.

Как мы уже знаем, его женой была Айгуста (в православии Анастасия), дочь великого литовского князя Гедимина. В 1345 году

княгиня умерла. Тогда Симеон Иванович женился на Евпраксии, дочери смоленского князя Федора Святославовича. Но очень быстро он отослал ее назад к отцу и велел выдать замуж за кого-нибудь другого. Развод и вступление в новый брак в те времена считались на Руси тяжким нарушением церковных канонов, тем не менее, митрополит Феогност снес это безропотно. Вообще в Московской Руси князья церкви крайне редко осмеливались перечить светским владыкам. Князь Симеон женился в третий раз, на Марии, дочери тверского князя Александра Михайловича.

Именно Симеон «Гордый» впервые указал на печати как свой титул «великий князь всея Руси», ибо уверовал в то, что является верховным владыкой всех восточных славянских княжеств. Конечно, в реальной действительности дела обстояли иначе. Кроме Московского и Владимиро-Суздальского княжеств, существовали Господин Великий Новгород, Великие княжества Тверское и Рязанское, существовали десятки других княжеств. Их властители, мягко говоря, «не разделяли» мнение князя Симеона о том, что он — главный всех.

* %

А теперь вернемся к князю Альгерду. В 1350 году он вторгся в земли Новгорода Великого. Тогда новгородцы пообещали Симеону Ивановичу, что хорошо заплатят за помощь, и тот с войском не замедлил явиться в Новгород. Это помогло. Осторожный Альгерд прекратил поход и вернулся в Литву, ограничившись откупом. Симеон тоже получил обещанные деньги и вернулся домой. Литовский князь попытался тогда найти в Орде союзника против Москвы, но хан не только отказал ему в этом, но и выдал его послов московскому князю. Пришлось Альгерду мириться. Более того, мир скрепили двумя браками.

Первая жена Альгерда, Мария Ярославовна к тому времени умерла, и в 1351 году 55-летний великий князь Литвы посватался к Ульяне «Холмской», дочери великого князя тверского Александра Михайловича, племянника Дмитрия «Грозные Очи» (Холмской ее прозвали, поскольку она жила при дворе своего брата Всеволода Александровича, удельного князя Холма и вассала великого князя тверского). Ульяна была родной сестрой третьей жены Симеона — Марии Тверской. Напомним, что Альгерд дожил до 81 года, а вторая супруга родила ему 13 детей!

Младший брат Альгерда, волынский князь Любарт Гедиминович, женился на двоюродной сестре Симеона, княжне Ростовской.

Но все течет, все меняется. Князь Симеон умер от чумы спустя два года после этих свадеб, прожив всего лишь 37 лет. А в 1367 году великий князь московский Дмитрий Иванович (1350—1389), еще не получивший прозвище «Донской», начал притеснять великого

князя тверского Михаила Александровича (ок. 1341 — 1399). Михаил не имел достаточных сил для борьбы с Москвой и поехал в Литву к своему зятю Альгерду за помощью.

Отъездом князя воспользовались его вассалы: дядя, кашинский князь Василий Михайлович и двоюродный брат, князь дорогобужский Еремей Константинович. Князь Василий с сыном Михайлом, с князем Еремеем и «со всею силою кашинскою и с полками московскими» подступили к Твери и осадили ее. Взять город им не удалось, но окрестности Твери на правом берегу Волги они разграбили основательно.

Московская рать ушла, а через несколько дней явился князь Михаил Александрович «с Полками литвы». Он разгромил дорогобужское княжество. Сами князья и местные бояре бежали, но Михаилу удалось захватить в плен их жен и многих слуг. После этого тверской князь отправился со своей и литовской дружинами к Кашину. Но по дороге, в селе Андреевском, его ждали послы от дяди и от тверского епископа Василия. По словам летописца, «Бог утишил ярость Михаила», он помирился с дядей, а потом и с двоюродным братом Еремеем и с московским великим князем Дмитрием Ивановичем. Впрочем, еще в том же году Еремей сложил с себя крестное целование Михаилу Александровичу и уехал в Москву.

В следующем (1368) году князь московский Дмитрий и митрополит Алексей пригласили князя Михаила якобы в гости, а на самом деле схватили Михаила вместе с его боярами и посадили под стражу. Но тут вдруг приехали трое ордынских князей. Князь Дмитрий и митрополит на всякий случай отпустили Михаила, хотя и заставили его отказаться от Городка и от части удела Семена Константиновича (брата дорогобужского князя Еремея), где великий князь московский Дмитрий посадил своего наместника вместе с князем Еремеем.

% # ф

Вскоре дядя Михаила, кашинский князь Василий умер, после чего Михаил тотчас стал мстить Москве. Он пожаловался зятю на «обиды многие, обиды великие», учиненные московским князем и митрополитом. И вот осенью 1368 года Альгерд, используя этот повод, с большим войском двинулся на Москву.

Отметим в данной связи, что Альгерд наступал на Москву не с северо-запада, из района Ржева, где у него в тылу была бы союзная Тверь, а с юго-запада. По словам летописца, у Альгерда Гедиминовича был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход и зачем собирает большое войско:

«Этою-то хитростию он и забрал города и земли и попленил многие страны, воевал он не столько силою, сколько мудростию».

Дмитрий Иванович разослал по всем городам грамоты для сбора войск, но ратники не успели прийти из отдаленных областей. Тогда Дмитрий выслал против Альгерда сторожевой полк, состоявший из москвичей, коломенцев и дмитровцев. Командовали ими московский воевода Дмитрий Минин и Акинфа Шуба — воевода Владимира Андреевича, двоюродного брата князя Дмитрия.

Между тем Альгерд уже дошел до рубежей Московского княжества. Князь стародубский Семен Крапива пытался задержать литвинов, но дружина его была разбита, сам князь погиб. Затем Альгерд взял Оболенск, где был убит князь Константин Юрьевич, удельный князь оболенский, вассал Москвы.*

Наконец 21 ноября 1368 года на реке Троена (приток Рузы) Альгерд встретил московский сторожевой полк и разбил его; воеводы Минин и Шуба, бояре — все погибли. Альгерд быстро продвигался к столице княжества. Дмитрий велел поджечь посады, а сам с митрополитом, с двоюродным братом Владимиром Андреевичем, со всеми боярами и людьми заперся в новом каменном кремле, построенном по его приказу за три предыдущих года.

Три дня Альгерд стоял под стенами, но взять кремль не смог, зато разграбил окрестные монастыри, захватил много пленников и весь скот. Боясь скорого начала жестоких морозов, 27 ноября он двинулся назад, опустошая всё на своем пути.**

Таким образом, князь Михаил Тверской был отомщен. Князю Дмитрию Ивановичу пришлось вернуть ему Городок и отобранную часть удела Семена Константиновича. Ржев вернулся в состав Литвы.

* ~;

Мир Москвы с Тверью и Литвой продержался совсем недолго. В 1370 году большое войско, состоявшее из литвинов, жемойтов и татар, под предводительством Альгерда, Кейстута, их сыновей Ягайло и Витовта, вторглось в Пруссию. Великий магистр Ордена встретил его под замком Рудава и наголову разбил.

Московский князь был несказанно рад поражению Альгерда и в августе 1370 года двинулся с ратью на Тверь. Великий князь Михаил Александрович снова бежал в Литву, а Дмитрий Иванович вторгся в Тверское княжество, сжег города Зубцов и Микулин, разграбил и сжег многие села, взял много пленников, угнал много скота.

Альгерд сумел собрать рать для отпора Москве лишь к концу 1370 года. В рождественский пост он двинулся к Москве с братом

* Оболенск находился недалеко от впадения Протвы в Оку.

Отметим, что князю Дмитрию Ивановичу было тогда всего 18 лет, тогда как Альгерду 72 года.

Кейстутом, князьями Михаилом Тверским и Святославом Смоленским. Они подошли к Волоку Дамскому (Волоколамску), где начальствовал храбрый воевода князя Дмитрия — князь Василий Иванович Березуйский — и с ходу начали штурм кремля. В ходе боя один литвин проткнул копьем Василия Березуйского, вскоре князь скончался, тем не менее, приступ был отбит. Три дня литвины грабили окрестности, затем пошли к Москве.

Осада началась 6 декабря 1370 года. Великий князь Дмитрий Иванович остался в московском кремле, а двоюродный брат его, серпуховско-боровский князь Владимир Андреевич «Храбрый» собирал войска в Перемышле (северном), чтобы ударить на литвинов с тыла. Князь Пронский Владимир Дмитриевич и князь Рязанский Олег Иванович вели туда же свои полки.

Вскоре Альгерд еще раз убедился, что каменную крепость взять трудно, и предложил Дмитрию Ивановичу «вечный мир», с условием скрепить его браком своей дочери Елены и князя Владимира Андреевича Храброго. Идея брака была одобрена, но что касается «вечного мира», то Дмитрий Иванович согласился лишь на перемирие до Петрова дня, т.е. до 29 июня следующего 1371 года. После этого Альгерд двинулся назад (16 декабря). В этот раз литвины никого не грабили на обратном пути и спешили поскорее уйти домой, пока начавшаяся оттепель не закрыла им дороги.

Заключая перемирие с Москвой, Альгерд «забыл» включить в договор Михаила Тверского (скорее всего, по каким-то причинам не захотел включить). Тогда последний обратился к Мамаю в Орду и получил от него ярлык на великое княжение. При этом хан предложил ему даже войско в помощь. Михаил от войска отказался, но зато взял с собой ханского посла Сараходжу чтобы тот торжественно посадил его во Владимире на великокняжеский престол и привел всех князей к крестному целованию (клятве) на верность.

Однако Дмитрий Иванович, узнав об этом, сам поспешил во всех частях своего княжества привести к крестному целованию на верность себе бояр и «черных людей». Когда Михаил и Сараходжа прибыли во Владимир, местные жители заявили им: «У нас уже есть законный государь, а другого не знаем». Сараходже князь Дмитрий сообщил: «К ярлыку не еду, Михаила в столицу не пускаю, а тебе послудаю путь свободный». Пришлось князю Михаилу вернуться в Тверь несолоно хлебавши.

В том же 1371 году князь Дмитрий Иванович послал московское войско на Рязань, хотя Олег Рязанский и помог ему в борьбе против Альгерда. Поводом для этого стала распря, возникшая между недавними союзниками — князьями пронским и рязанским. Истинная же причина заключалась в том, что князь Олег, человек дерзкий, жестокий и коварный, во времена правления князя Ивана

Ивановича «Красного» (1326— 1359) воспользовавшись его миролюбивым нравом, захватил город Лопасня (на одноименной реке), принадлежавший Москве.

Перед битвой самонадеянные рязанцы говорили между собой:

«Друзья! Нам нужны не щиты и не копья, а только одни веревки, чтобы вязать пленников, слабых, боязливых москвитян» (современный перевод).

Но москвитяне под началом юного воеводы Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского наголову разгромили рязанское войско, причем князь Олег едва сумел уйти.*

Дмитрий Иванович никак не мог смириться со своими неудачами и с января 1372 года начал готовить третий поход на Тверь. Скоро об этом стало известно в Вильно.

Несмотря на выгодный мир с Москвой и брак дочери с князем Владимиром Андреевичем, великий князь Альгерд и в третий раз согласился помочь Михаилу Тверскому. Но, соблюдая приличие, сам он не пошел, а послал брата Кейстута с его сыном Витовтом, своего собственного сына Андрея, князя Полоцкого, и Дмитрия, князя Друцкого.

Действуя также скрытно и внезапно, как Альгерд, князья Кейстут и Андрей Полоцкий 7 апреля неожиданно осадили Переяславль (ныне Переяславль-Залесский). В то же самое время князь тверской Михаил взял город Кистма (на одноименной реке, впа-

дающей в Мологу в 10 верстах ниже Весъегонска), воеводы которого были схвачены и привезены в Тверь.

Сразу после этого кашинский князь Михаил Васильевич отправил посла в Москву, заключил мир с князем Дмитрием и сложил с себя клятву на верность («крестное целование») князю Михаилу Тверскому.'

* Князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волы некий (ок. 1355—1399) был внуком великого князя литовского Гедимина и шурином великого князя московского Дмитрия (он женился на его сестре Анне). К моменту сражения с рязанцами ему едва исполнилось 16 лет!

Московский конный ратник
XУ-XУ вв. Худ. В. Тараторим

Затем Михаил Александрович соединился с войском Кейстута. Литвины вместе с тверичами осадили также и Дмитров. С обоих городов они взяли откуп, посады и окрестные села сожгли, а многих людей увели в плен. После этого тверская и литовская рати пошли на Кашин, который разделил участь Дмитрова и Переяславля. Кашину пришлось выплатить большую дань, а кашинский князь Михаил Васильевич снова целовал крест на верность Михаилу Александровичу.

От Кашина союзники пошли к Торжку, взяли его, и Михаил Александрович посадил там своих наместников. Но в Петров пост к Торжку подошли его давние союзники — новгородцы. Наместники князя Михаила с небольшой дружиной бежали из города. Тогда новгородцы начисто ограбили тверских купцов.

Узнав об этом, князь Михаил 31 мая 1372 года вернулся к Торжку и потребовал, чтобы его наместников снова приняли, а людей, виновных в ограблении купцов, выдали ему для расправы. Но гордые новгородцы, во главе с Александром Абакумовичем, знаменитым ушкуйником, ответили отказом. Потом они вышли из города, сразились с войском Михаилом и были наголову разбиты. Сложил свою буйную голову и Александр Абакумович.*

Несчастный Торжок подвергся жестокому грабежу и вдобавок почти весь сгорел благодаря тому, что поднялся сильный ветер и раздул пожар. Во время пожара одни жители сдавались врагам, другие сгорели. Те, кто заперся в каменной церкви Святйго Спаса, задохнулись от дыма. Летописец сообщает, что многие женщины и девушки, с которых грабители сорвали всю одежду, оставшись нагими, от стыда бросились в реку и утопились.

Михаил же двинулся к Любутску (около современной Калуги), где стояла рать самого Альгерда, пошедшего вслед за Кейстутот. Отсюда Альгерд хотел идти на Москву. Но через несколько дней после соединений тверичей с литвинами, к Любутску скрытно подошла рать Дмитрия Ивановича. Москвичи внезапно атаковали и разгромили литовский сторожевой полк. Этой одной неудачи было достаточно для осторожного Альгерда. Он вместе с тверичами отступил за естественную преграду — крутой глубокий овраг. Москвиты подошли к оврагу с другой стороны и так стояли несколько дней.

В конце концов, стороны заключили перемирие «от Спожина загавенья до Дмитриева дня» (с 31 июля до 26 октября 1372 года).

* Ушкуйники известны с 20-х годов XIV века. Так называли ватаги молодых новгородцев, которые передвигались по рекам (по Волге, Каме и др.) на больших парусно-гребных лодках — ушкуях, и грабили всех, кто попадался им под руку, не делая снисхождения ни местному населению, ни иностранцам. Они были славянским аналогом викингов.

Договор (в историю он вошел как Любутский) был заключен от имени Альгерда, Кейстута и великого князя смоленского Святослава Ивановича; в нем были также упомянуты тверской князь Михаил, брянский князь Дмитрий и те князья, «которые будут в имени Ольгерда и Святослава смоленского». Трое князей рязанских (Олег, Роман и Владимир Пронский) находились на стороне Дмитрия Московского.

Альгерд поручился, что Михаил Тверской вернет все награбленное им в московских землях и отзовет оттуда своих наместников. Если же Михаил во время действия перемирия «станет воевать» Московское княжество, то князь Дмитрий имеет право наказать его, и Литва за него не вступится. Дмитрий Иванович добился также права обращения к татарам за помощью против Михаила:

«А что пошли в Орду к царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы в божьей воле и в царевой: как повелит, так мы и будем делать, и то от нас не в измену».

Далее по-прежнему происходили мелкие стычки между Москвой и Тверью, но мы их не рассматриваем, поскольку литовские войска в них участия не принимали. Однако союз Твери с Литвой не только не был разорван, но и окреп вследствие бракосочетания Марии, дочери Кейстута, с Иваном, сыном великого князя Михаила Александровича. Венчание состоялось в Твери летом 1375 года.

В следующем 1376 году Дмитрий Иванович послал своего двоюродного брата Владимира Андреевича (того самого, что женился на дочери Альгерда) с войском к Ржеву. Рать три дня простояла под стенами, город не взяла и отошла, предварительно разграбив и предав огню посад. Но ответный поход литвинов не состоялся, так как в 1377 году скончался князь Альгерд. Впрочем, если не считать этого набега, мир между сторонами соблюдался до 1406 года.

ЯГАЙЛО, ВИТОВТ И ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

После смерти Альгерда, в соответствии с его завещанием, престол великого князя в мае 1377 года занял старший сын от брака с Ульяной Тверской — 27-летний Ягайло (1350—1434).

Однако у Альгерда был еще и 52-летний сын Андрей (1325—1399), от первого брака с Марией Витебской, который по феодальному праву должен был наследовать отцу как старший среди всех сыновей. Он княжил в Полоцке и после смерти Альгерда заявил о своем праве на престол, но потерпел поражение в борьбе с Ягайло и вынужден был в 1378 году бежать в Псков, где псковичи посади-

ли его на княжение с согласия великого князя Дмитрия Ивановича, к которому Андрей ездил на поклон в Москву.

Московский князь решил воспользоваться смутой в Литве, и в 1379 году Андрей Альгердович, вместе с серпуховским князем Владимиром Андреевичем и московским воеводой Дмитрием Михайловичем Боброком-Волинским, двинулись на Литву, взяли пограничные города Трубчевск и Стародуб, разграбили села в их окрестностях, захватив много скота.*

Позже, в 1381 году, когда великокняжеский престол в Литве некоторое время занимал Кейстут, Андрей вернулся в Полоцк. В 1386 году он снова выступил против Ягайло, снова был разбит, попал в плен и три года находился в тюрьме. Освобожденный в 1390 году Витовтом, стал на его сторону в борьбе со Скиргайло. Князь Андрей Полоцкий погиб в битве с татарами на Ворскле.

Другой сын Альгерда — Дмитрий, князь Трубчевский, не оказал сопротивления московским полкам. Он покинул город вместе с семьей и боярами, поехал в Москву и стал служить великому князю московскому. Дмитрий Иванович дал ему в удел город Переяславль.

Усобица между Ягайло и Андреем почти не сказалась на жизни Литвы. Ночерезне-которое время началась куда более сильная усобица между Ягайло (сыном Альгерда) и Витовтом (сыном Кейстута).

В Полоцке после Андрея Альгердовича княжил сын Кейстута, тоже Андрей, но по прозвищу «Горбатый». Ягайло и его фаворит боярин Войдыла захотели отнять у него Полоцк, чтобы отдать родному брату Ягайло — Скиргайло (1352—1394). Так они и сделали в 1377 году.

* В данной связи надо подчеркнуть, что не только в XIII—XIV веках, но даже в XV—XVI большинство войн в Европе носило не национальный, а феодальный характер. Говоря проще, сильные всегда грабили слабых. При этом сплошь и рядом воевали между собой родные братья, дяди и племянники, сыновья сажали в темницы отцов, и т.п. Что уж, в таком случае, говорить о соседях. На них шли войной при первой же возможности.

Князь Витовт в молодости.
Из книги А. Гваньини «Описание
европейской Сарматии», 1578г.

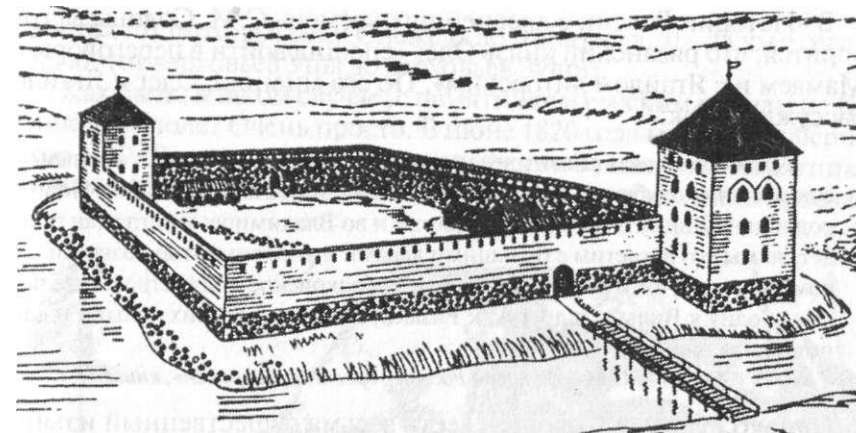
Но после того как Скиргайло прибыл в город, выяснилось одно негативное обстоятельство. Оказалось, что хотя его мать (Ульяна Александровна) была православной, сам он, как и отец, отдает предпочтение язычеству. В жемойтских и литвинских деревнях это прибавляло ему популярности. Однако жители православного Полоцка категорически не желали видеть своим князем столь сомнительную личность. Горожане терпели более трех лет, а в 1381 году схватили князя, привязали задом наперед к старой кляче и под улюлюканье выгнали за городские ворота. В Придвинье вплоть до начала XX века можно было услышать поговорку: «Поехал, как Скиргайла с Полоцка».

Тогда оскорбленный в лучших чувствах Скиргайло собрал своих сторонников, литвинов и жемойтов, позвал на помощь отряд Ливонского ордена и осадил Полоцк. Однако четырехмесячная осада не принесла ему успеха.

Кейстут, узнав о полоцких событиях, решил упредить дальнейшие действия Ягайло в нежелательном для него направлении. В ноябре 1381 года он неожиданно явился с большим отрядом в Вильно, занял город, взял в плен Ягайло с его родней и челядью, повесил Войдылу, захватил все грамоты, в том числе последний договор с немцами. Ягайло пришлось дать клятву никогда больше не воевать против Кейстута, после чего его отпустили, дав в удел Витебск.

Великим князем литовским стал Кейстут. Но в июне 1382 года войско Ягайло внезапно осадило Троцкий замок, где в это время находились Кейстут и Витовт. Скиргайло, вызвав Кейстута на переговоры, сумел захватить его в плен и отвез в Кревский замок.* Через пять дней дядю Кейстута по приказу любящего племянника задушили в подвале башни золотым шнурком от его собственного кафтана.

* Этот каменный замок построил в 30-е годы XIV века князь Гедимин в местечке Крево, у слияния рек Кривая и Шляхтянка, в нынешнем Сморгонском районе Гродненской области. Он находится на середине пути между Менском и Вильно.

Замок в Крево.

Реконструкция МЛ. Ткачева

Совершив убийство, Ягайло устроил дяде пышные похороны, объявив народу, что тот скончался естественной смертью.

Витовт в это время болел. Больного князя и его жену Ягайло держал под крепкой стражей. Несомненно, он готовил двоюродному брату ту же участь, что и его отцу. Однако Витовта спасла находчивость жены Анны, княжны Смоленской, и преданность ее слуганок. Когда Витовт поправился, он по-прежнему притворялся больным. Жена ежедневно навещала его вместе с двумя служанками. Наконец она получила от Ягайло разрешение (только для одной себя) уехать в Моравию.

В ночь перед отъездом Анна пришла проститься с мужем и задержалась у него дольше обычного: в это время Витовт переодевался в платье одной из служанок, Елены, которая осталась вместо него. Невысокий рост и гладкое свежее лицо молодого Витовта обманули стражников. Он благополучно вышел из тюрьмы вместе с женой и второй служанкой, нашел лошадей, высланных из Волковыска от тамошнего тиуна, и вскоре был уже в Слониме. Оттуда Витовт поехал в Берестье (Брест), а на пятый день приехал в Полоцк.

Елена, не вставая с постели, так хорошо изображала больного князя, что только на третий день Ягайло доложили о бегстве, после чего разгневанный князь велел убить храбрую служанку.

* * %

Смуты в Литве дали возможность Дмитрию Ивановичу заняться ордынскими землями. В 1380 году ему удалось разбить войско хана Мамай на Куликовом поле.

Князь Ягайло Альгердович.

Портрет XV века

В «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева говорится, что рязанский князь Олег «спешил войти в переговоры с Мамаем и с Ягайлом литовским». По его мнению, Олег и Ягайло рассуждали так:

«Как скоро князь Дмитрий услышит о нашествии Мамаю и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места или в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами, с его согласия, разделим Московское княжество на две части — одну к Вильне, а другую к Рязани, и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего».

Соловьев С.М. «История России с древнейших времен», книга II, с. 285

Однако в логике Соловьева есть весьма существенный изъян. Великое княжество Литовское никогда, ни по какому поводу не просило у Золотой Орды одобрения своих политических акций. И в ярлыках великих ханов — в отличие от московских правителей — оно абсолютно не нуждалось.

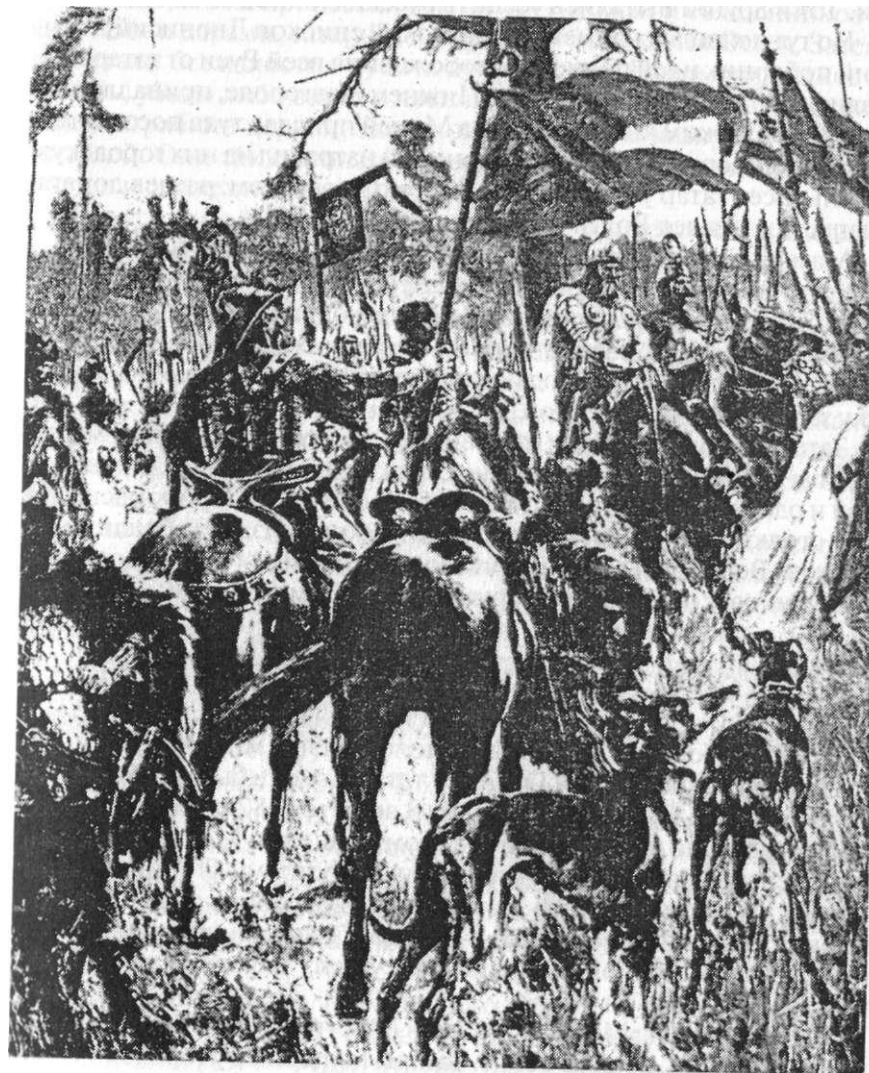
Действительно, Ягайло собрал большое войско и двинулся в поход, но куда и зачем? На помощь хану, только он опоздал: Дмитрий Донской уже разбил Мамаю. Именно так всегда утверждали русские учебники по истории. На самом же деле никому не известны подлинные намерения Ягайло. Литовский князь действительно шел на юго-восток, в сторону Дона, однако почему-то не через вассальное ему Северское княжество, а через владения союзников Дмитрия Ивановича — черниговских князей. Естественно, что через враждебные земли он шел с боями.

Видимо, Ягайло вовсе не стремился соединиться с Мамаем, ему было гораздо важнее использовать сложившуюся ситуацию для захвата бассейна верхней Оки, где он давно «положил глаз» на местные княжества. «Летописная повесть» гласит, что литовцы «не поспеша... на срок за малым, за единого днище или менши», то есть, они находились на расстоянии одного дневного перехода от места сражения. Но «Сказание о Мамаевом побоище» утверждает, что Ягайло дошел лишь до Одоева, находившегося в 140 км от Дона (а это, как минимум, четыре или даже пять дневных переходов) и, узнав о выступлении войска Дмитрия Донского к Дону, «пребысть ту оттоле неподвижным».

Кстати замечу, что никто до сих пор не знает точного места Куликовской битвы. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 году под редакцией знаменитого географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км (!) по Всему югу нынешней Тульской области с запада на

восток (от верховья реки Снежедь до Дона) и на 20-25 км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Как быть, в таком случае, с памятником русским воинам на Куликовом поле? Очень просто. В июне 1820 года тульский губернатор **В.Ф. Васильев** отдал распоряжение об установке памятника «знаменующего то место, на котором была освобождена и прослав-

Воины-литвины князя Витовта.
Худ. Я. Стыка, начало XX века.

лена Россия в 1380 году». Поскольку начальство велело, постольку быстро «нашли» место битвы. Между тем, многочисленные раскопки, проводившиеся здесь и вокруг, не дали ни малейшего свидетельства битвы: нет ни черепов, ни костей, ни остатков оружия.

Что касается причин войны между Москвой и Золотой Ордой, то они таковы. В Орде шла борьба за престол великого хана между темником Мамаем и Тохтамышем, потомком великого хана Джучи. Тот и другой пытались убедить русских князей поддержать их.

Но тут появился на сцене суздальский епископ дионисий; горячий поборник идеи полного освобождения всей Руси от татарской зависимости. Жил он в богатом Нижнем Новгороде, принадлежавшем суздальским князьям. Когда Мамай прислал туда посольство, чтобы договориться о союзе, Дионисий натравил на них городскую чернь. Всех татар убили самым жестоким образом: раздев донага, выпустили на лед Волги и затравили собаками.

Мамай, придя в ярость от такой подлости, послал на город переметнувшегося к нему от Тохтамыша царевича Арапшу (или Арапшаха). Скрытно совершив быстрый переход, он застиг суздальских князей врасплох. Арапша наголову разбил их войско на реке Пьяне, взял Нижний Новгород и вырезал почти весь город — в отместку за растерзанных послов.

Затем Мамай отправил свое войско под командованием мурзы Бегича в новый поход, но на реке Ворскла московская рать дала ему бой и одержала победу. После всех этих событий широкомасштабное столкновение Москвы и ее союзников (Суздаля, Владимира, Ростова Великого) с Мамаем стало неизбежным. Такова подоплека Куликовской битвы, которую мы не рассматриваем.

ПОХОД ТОХТАМЫША НА МОСКВУ (1382 г.)

После победы на Куликовом поле князь Дмитрий Иванович прекратил выплату дани Орде, но татары очень быстро восстановили прежнее положение вещей. В августе 1382*года Тохтамыш, победив Мамаю и став великим ханом, пошел на Москву. Великий князь спешно покинул город и уехал в Кострому. По мнению некоторых историков — собирать войско для отпора ордынцам. По мнению большинства других — просто сбежал, вполне обоснованно опасаясь жестокой расправы за неуплату налогов и за Куликово побоище.

Вслед за ним из Москвы убежали его супруга Евдокия и митрополит Киприан, а также бояре. Татары появились у городских стен 23 августа, на следующий день они начали осаду кремля. Москвичи, которых возглавил литвинский князь Остей, один из внуков

Альгерда, успешно отбивались. Им помогали каменные стены и огнестрельные орудия — «тюфяки».* Тюфяк, заряжавшийся картечью, был удобен именно для стрельбы с крепостных стен.

Не сумев взять крепость штурмом, татары пошли на хитрость. Их союзники, нижегородские князья Василий и Семен Дмитриевичи — свояки великого князя Дмитрия — поклялись москвичам, что хан не причинит им вреда, если они откроют ворота. Но когда из кремля вышла процессия именитых горожан и священников с крестами и дарами, татары немедленно убили князя Остея. Затем они стали безжалостно рубить духовенство. Потом ворвались в кремль, убили либо взяли в плен всех находившихся там москвичей, разграбили церкви, захватили княжескую казну, имущество жителей. Они также сожгли множество книг, свезенных со всех сторон и сложенных в храмах.

По пути домой Тохтамыш точно так же обошелся с Переяславлем и Коломной.

Когда великий князь Дмитрий вернулся в свою столицу, он увидел огромное пепелище, заваленное горами трупов. Летопись свидетельствует: «город взят и огнем пожен, церкви разорены, а людей множество безчисленно лежащих». Князь велел платить могильщикам по одному рублю за погребение 80 мертвецов. Однако разные летописи приводят различные суммы выплат. Соответственно, колеблется оценка числа погибших. Средняя цифра — 18 тысяч человек!

Таким образом, победа князя Дмитрия Ивановича «Дрнского» над татарами на Куликовом поле ничего не изменила в характере взаимоотношений между русскими княжествами и Золотой Ордой. Напротив, она повлекла за собой жестокие бедствия, по своим масштабам и последствиям сопоставимые с нашествием Батыя на Русь в 1237—1242 гг. Московскому князю пришлось снова признать себя данником Золотой Орды.

* ф

После разгрома Москвы Тохтамышем, в 1383 году в Орду за ярлыком на великое княжество Владимирское поехали конкуренты: тверской князь Михаил Александрович с сыном Александром и московский князь Дмитрий Иванович с 12-летним сыном Василием. Хан быстро понял, что у тверичей денег нет, а посему 6 декабря 1383 года отправил Михаила Александровича назад в Тверь ни с чем.

Дмитрия Ивановича, выразившего полную покорность, Тохтамыш областал, ярлык ему выдал, но оставил у себя заложником его сына Василия (1371 — 1425), будущего великого князя московско-

* От персидского слова «тупанг» — трубка.

го Василия I. Тохтамыш предложил выкупить его за восемь тысяч золотых монет. Такой суммы у отца не было, к тому же посланники Тохтамыша ежегодно приезжали за большой данью. Зато в конце 1385 года 14-летнему князю удалось бежать из Орды.

При этом, обманывая погоню, он устремился на юг, а оттуда через Литву пробрался в Москву. В Литве князь Витовт склонил юного княжича к обещанию жениться в будущем на его дочери Софье (1371—1453). А уже 15 августа 1389 года Василий Дмитриевич наследовал престол своего знаменитого отца. Мурза Шихмат, посол хана Золотой Орды, торжественно «посадил» молодого князя на великое княжение в Успенском соборе московского кремля. Правление Василия I длилось 36 лет. Через год после восшествия на престол он купил в Орде ярлык на княжение Нижегородское, Муромское, Мещерское и Тарусское. Вскоре под властью Москвы оказалось и Суздальское княжество.

Главные ближайшие противники — Тверское и Рязанское княжества — разобщались московской территорией, и это облегчало борьбу с ними. А окраинные княжества прикрывали Москву от многих татарских набегов, что способствовало росту численности ее населения.

В том же 1390 году в Москве состоялась свадьба 19-летнего Василия Дмитриевича и 19-летней Софьи Витовтовны. Венчал их митрополит Киприан, «и было чести и веселия до сыти»

Глава 3

ВОЙНЫ КНЯЗЯ ВИТОВТА

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ПОЛЬСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Прежде чем рассказывать о заключении династического союза (Кревской унии) между Великим княжеством Литовским и Польским королевством, надо бросить беглый взгляд на историю Польши.*

В польских землях в 960 году установилась династия великих князей, а затем и королей Пястов. Ее представители поочередно занимали престол в Кракове до 1370 года. В самом конце 1138 года умер очередной польский король из этой династии, Болеслав III «Кривоустый», который правил с 1102 года. После его смерти Польское королевство надолго вступило в период феодальной раздробленности.

Весь XIII век и в начале XIV века в Польше почти непрерывно шли феодальные усобицы и борьба за королевский престол. Нам нет нужды описывать их. Отметим лишь, что в 1333 году королем Польши стал Казимир III «Великий» (1310—1370). В 1335 году Казимир заключил мир с чешским королем, а в 1343 году — с Тевтонским орденом.

В июне 1340 года галицко-волинское войско, вместе с призванными на помощь ордынцами, вторглось в Польшу и дошло до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря этому походу Казимиру III пришлось заключить с Галицким княжеством договор о соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре литвинского князя Лю-

* В течение 240 лет (1368—1608 гг.) войны происходили между Московской Русью и Великим княжеством Литовским. Польша в них не участвовала. Поэтому я не рассматриваю события польской истории, имевшие место до Кревской унии, а также предельно кратко излагаю такие события, происходившие после нее до Люблинской унии 1569 г.

барта, которого галицкий великий князь Юрий назвал своим наследником. Бояре надеялись, что Любарт, как представитель литвинского княжеского рода, не имеющий опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. Но в результате Волынь вошла в состав Великого княжества Литовского. Вследствие этого, с 1340 года история Галичины отделилась от истории Волыни. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически ею правили местные бояре во главе с Дмитрием Дядькой.

В 1343 году король Казимир III получил от Папы Римского значительную финансовую помощь для борьбы с «русинами» и в 1344—1345 годах, заручившись нейтралитетом князя Любарта, отторг от Галичины Саноцкую землю. Осенью 1349 года поляки предприняли новый поход, уже не только в Галичину, но и на Волынь. Преодолев сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье (Брест), Владимир-Волынский. Сам Любарт отсиделся в хорошо укрепленном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но теперь Галичина уже не только номинально вышла из-под его юрисдикции, но и фактически вошла в состав Польского королевства.

В 1370 году 60-летний король Казимир III «Великий» умер. Он был бездетен, с ним династия Пястов пресеклась. Правда, в Моравии вассальные князья — потомки Пястов, правили до 1526 года, а в Силезии — до 1675 года. После этого Пясты все вымерли. В XVII—XVIII века Пястами называли тех польских королей и претендентов на престол, которые были просто этническими поляками, а вовсе не прямыми потомками древних Пястов.

Казимир III назначил своим наследником внука (сына его дочери) Людовика, короля Венгрии с 1342 года, чей отец принадлежал к Анжуйской династии. Он известен как Людовик I Венгерский и как Людовик Анжуйский, но больше всего как Лайош Великий (1326—1382). Итак, в 1370 году Людовик стал одновременно не только венгерским, но еще и польским королем. Однако все двенадцать лет своего правления Людовик жил в Венгрии* и мало уделял внимания Польше. Это время отличалось своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениям феодальной анархии.

Именно Людовик 17 сентября 1374 года издал так называемый «Кошицкий привилей», освобождавший вельможных панов (магнатов) и служилое сословие (шляхту) от всех государственных повинностей, за исключением военной службы и небольшой денежной платы. Он также обратил бенефиции польских шляхтичей в наследственные владения. Кроме того, в этом привилее король обязался назначать на все должности в воеводствах только представителей местной знати.

Кошицкий привилей представлял собой первый документ такого рода, дарованный польской шляхте именно как сословию.* Раньше привилей выдавались лишь отдельным лицам. Кошицкий привилей свел уплату податей шляхтой к чистой формальности. Тем самым он значительно уменьшил постоянные доходы короля и поставил финансы государства в зависимость не только от вельможных панов (магнатов), но и от шляхты. Для разрешения сбора новых податей шляхта стала собираться на местные съезды — сеймики, которые вскоре стали органами власти шляхты на местах.

Пользуясь случаем, назову наиболее известные фамилии магнатов ВКЛ. Это Вежевичи, Вишневецкие, Воловичи, Гаштольды, Гольшанские, Глебовичи, Глинские, Горностаи, Громыки, Друцкие, Забerezинские, Зеновичи (Зеновьевичи), Ильиничи, Кезгайло, Кишки, Копати, Лельковичи (Олельковичи), Лукомские, Мосальские, Огинские, Одинцевичи, Остей (Остиковичи), Острожские, Пацы, Протасевичи, Радзивиллы, Сангушки, Сапегы, Соломерецкие, Солтаны (Солтановы), Стратовичи, Тышкевичи, Ходкевичи, Хребтовичи (Храптовичи), Чарторыйские.

В 1382 году Людовик Венгерский умер. Он тоже не имел сыновей, поэтому назначил наследником польского престола мужа своей старшей дочери Марии — Сигизмунда, маркграфа Бранденбургского, сына немецкого императора Карла IV. Но польские магнаты решили присягнуть не ему, а Ядвиге (1373—1399), второй дочери Людовика и подобрать ей мужа.**

Жених вскоре нашелся: это был мазовецкий князь Семовит, один из прямых потомков Пястов. Немедленно началась кровавая

* Отметим, что шляхта (згіаспесічто) — далеко не то, что московское дворянство. У многих шляхтичей не было земельных владений («дворов»), пожалованных им королем либо магнатом «за службу». Они могли вообще никому не служить; принадлежавшую им собственность (в том числе землю) нельзя было конфисковать в принципе. Взрослые шляхтичи обладали личной неприкосновенностью, суд не мог определять им позорящие наказания, а король не мог, например, ударить шляхтича.

Напротив, московские цари даже с боярами и князьями обращались как с холопами. Вот лишь один пример: в 1491 году по приказу Ивана III жестоко выпороли кнутом князя Хомутова и архимандрита Чудовского монастыря! Что уж говорить о дворянах.

Немецкий барон Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» (1549 г.) в данной связи сказал: «Трудно понять, то ли народ этот по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли оттирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким».

** В тексте книги термины «немецкий император» и «император Священной Римской империи» употребляются как синонимы.

усобица между сторонниками Сигизмунда и Семовита. В ходе войны оба претендента утратили доверие магнатов. В 1384 году магнаты провозгласили 11-летнюю Ядвигу королевой и решили найти ей нового жениха.

Между тем, Ядвига еще в возрасте 7-и лет была обручена в церкви со своим ровесником, австрийским герцогом Вильгельмом, после чего их развели до достижения 12-летнего возраста. Но польские государственные мужи придумали более выгодный для королевства вариант. Их сильно беспокоило то, что с одной стороны Польше угрожали немцы, все прочнее утверждавшиеся в Пруссии, а с другой стороны — литвины. И вот они решили соединить Польшу с Литвой путем брака между Ядвигой и Ягайло. Тем самым они устраняли литвинскую угрозу и приобретали более широкие возможности для отпора крестоносцам.

Этот вариант был доведен до сведения Ягайло и понравился ему. Историки отмечают:

«Шаткое положение в собственном государстве делало Ягайло сговорчивым. Условия же, на которых Ягайло приглашали на польский трон, ставились достаточно жесткие: речь шла уже не о династическом союзе двух равноправных государств, а фактически о присоединении ВКЛ к Польскому королевству. Ягайло, который с помощью унии надеялся сломать своих политических противников, наверняка думал, что главное — получить корону, с остальным можно разобраться позже».

Беларусь: Государство и люди. Минск, 2002, с. 35

В 1385 году в Краков прибыли литвинские послы, сватать своего 35-летнего великого князя. Послы обещали, что за это жених, все его родственники, все магнаты и даже весь народ примут католичество, а польских пленников, захваченных в прежних войнах, отпустят без выкупа.

Однако Ядвига и слышать не хотела о сыне Альгерда. Герцог Вильгельм, красивый статный юноша, срочно приехал по ее зову в Краков. Польские вельможи не пустили его в королевский замок. Тогда Ядвига стала скрытно встречаться с ним в старом Францисканском монастыре. Между молодыми супругами вспыхнула страстная любовь. Вильгельм даже жил некоторое время в покоях своей жены в Краковском замке. Вскоре, однако, об этом узнали и герцога с позором изгнали оттуда.

Влюбленная Ядвига хотела во что бы то ни стало следовать за мужем. Когда она увидела перед собой закрытые ворота и убедилась, что ей их не открыть, она схватила топор и принялась сбивать тяжелые замки. Увы, ее тонкие руки оказались слишком слабы для этого, поневоле ей пришлось покориться своей участи. Тем временем Вильгельм получил от порученцев Ягайло 200 тысяч флоринов

в качестве компенсации и навсегда покинул Краков. Известие об его отъезде произвело на Ядвигу удручающее впечатление,

И все же, окруженная суровыми воинами и хитрыми епископами, покинутая собственной матерью, Ядвига продолжала отказываться от замужества с литвинским князем. С одной стороны, она не могла забыть Вильгельма и не желала расторгать брак с ним, который только что стал реальным. С другой стороны, ее пугали слухи об Ягайло, убившем собственного дядю и покрытом, по уверениям рассказчиков, густой шерстью с головы до пяток.

Между тем Ягайло с большой свитой приближался к Кракову. Вельможи и церковники ежедневно уговаривали Ядвигу вступить в брак с ним, особенно упирая на возможность стать крестительницей целого народа. Тогда Ядвига послала одного из своих приближенных, Завишу Олесницкого, посмотреть на Ягайло.

Вернувшись, он ободрил юную королеву. Ягайло оказался не уродливым диким варваром, а воспитанным, хорошо одетым мужчиной обычной внешности. Князь был среднего роста, худощавого телосложения, с широким лбом, узким подбородком, с редкими волосами на голове. У него были маленькие черные глаза и спокойный взгляд. Ягайло брил бороду, однако носил длинные тонкие усы. Он не умел ни читать, ни писать, но кроме родного языка мог говорить также по-польски и по-латыни.

Успокоенная насчет внешности и манер будущего супруга, утомленная борьбой со своим окружением, Ядвига дала, наконец, согласие.

%

Тут следует сделать небольшое отступление и объяснить, почему верхушка литвинских аристократии столь охотно пошла на сближение с Польшей. Сделаем это словами известного русского историка Льва Николаевича Гумилева (1912—1990):

«Литва оставалась зажатой между православной Русью и массивом католической Европы. Литовцы активно воевали с немцами — антипапистскими Ливонским и Тевтонским орденами, — и потому их объективным союзником могли стать... католики Польши. Вероятно, в связи с этим еще Гедимин разрешил своим подданным принимать католическую веру.

К тому же он, наверное, учитывал, что кроме идеологического единства, у литовцев была еще одна основа союза с поляками. Литовцы постоянно совершали набеги на... Мазовию, откуда привозили польских девушек. Так начался мощный процесс польско-литовской интеграции.

Вспомним чудесную балладу Адама Мицкевича в переводе Пушкина: «Три у Будрысы сына, как и он, три литвина»... Старик литвин посылает сыновей на войну: одного — грабить русских в богатом Новгороде, другого — на Балтику против крестоносцев, «проклятых крыжаков», а третьего сына шлет в Польшу:

*В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо, но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невесту.*

*Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела, что котенок у печи,
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!*

*Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
И вот век доживаю, и всегда вспоминаю
Про нее, как кляжу в ту сторонку.*

Конец баллады таков: все трое сыновей отправились в Польшу и привезли оттуда по невесте.

Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 1997, с. 155—156

КНЯЗЬ ЯГАЙЛО И КРЕВСКАЯ УНИЯ 1385 г.

14 августа 1385 года в замке Крево был составлен и подписан акт о династической унии (союзе) Великого княжества Литовского и Польского королевства. Слитовской стороны его подписали великий князь литовский Ягайло, его братья Скиргайло, Корибут и Лугвений.

Согласно этому документу, они обязались помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, а также «на вечные времена» присоединить свои земли к короне Польской. Кроме того, Ягайло обещал крестить ту часть жителей Литвы, которая еще оставалась языческой. При этом ее православное население имело право оставаться в своей вере.

Оба государства сохранили собственные органы власти и судопроизводства, казну и войска. Их представители должны были совместно решать лишь те дела, которые касались обеих стран.

Таким образом, Кревская уния была династическо-персональной: две страны соединялись только через личность общего монарха и его потомков-преемников. Унии такого рода являлись широко распространенными в средневековой Европе. Что же касается провозглашенного в акте намерения «соединить земли» и «окатоличить» литвинов, то оно стало с тех пор своего рода программ-максимумом, для полного осуществления которой понадобились три столетия.

18 февраля 1386 года совершилось бракосочетание Ягайло (36 лет) с Ядвигой (13 лет), имевшее огромное значение для судеб го-

сударств Восточной Европы. Князь Ягайло отрекся от православия, а свое прежнее имя переименовал на Владислава. Ему последовали родные братья Апьгердовичи, в который раз сменившие веру, а также двоюродный брат Витовт, приехавший на свадьбу. Так Ядвига вышла замуж за Ягайло, не разведясь с Вильгельмом, что не помешало в 1979 году папе Иоанну-Павлу II объявить королеву Ядвигу «святой».

Чтобы больше не возвращаться к этой теме, скажем еще несколько слов об Ядвиге и о детях Ягайло. Королева скончалась 17 июля 1399 года (в 26 лет), пережив натри недели свою единственную дочь, умершую в возрасте неполных шести лет.

До того Ядвига успела приобрести широчайшую популярность среди всех слоев населения Польши своими религиозными подвигами. Вот какими словами характеризует ее деятельность на данном поприще современный российский автор:

«Тошная, как щепка, и легкая, как былинка, Ядвига Анжуйская-Пяст, всегда в грубых монашеских платьях, вела жизнь настолько подвижническую, что в народе стали чтить ее, как новую святую. Воспитанная в роскоши, при богатом дворе, королева совершенно отказалась от золота, жемчуга, ожерелий, перстней, серег и прочих мирских украшений. Она даже скрывала лицо под повязкой, чтобы зрелище собственной красоты не возбуждало в ней грех гордыни.

Многие видели в церкви сияние, разливающееся вокруг поднятых в молитве рук королевы...

Толпы дворян ломались в Краков, чтобы быть представленными святой королеве. Толпы горожан мчались туда же, чтобы посмотреть на королеву. Толпы крестьян из разных концов королевства прибывали, чтобы просить помолиться о ниспослании дождя, хорошей погоды, об изобилии рыбы в озерах и о здоровье пчел и хорошем медосборе. Все молитвы королевы, естественно, тут же бывали услышаны, и просьбы незамедлительно удовлетворялись, что и отмечалось «всем королевством». Толпы нищих ломались у ворот краковского замка и везде, куда шла королева»...

Бушков А.А., Буровский А.М.

Россия, которой не было. Красноярск — Москва, 2000, с. 166—167

Поскольку сыновей не было, пришлось Ягайло (Владиславу) после смерти Ядвиги жениться во второй раз, потом в третий и в четвертый. Только четвертый брак (в 1422 году) с княжной Софией Гольшанской (1405—1461) принес ему сыновей — Владислава (в 1424) и Казимира (в 1427). Счастливому отцу было в ту пору, соответственно, 74 года и 77 лет. В этой связи возникает подозрение, что дело было вовсе не в женах, что сам Ягайло страдал бесплодием. Когда король состарился, проблему ему помогли решить бескорыстные рыцари, чьи имена остались неизвестными...

Королева Ядвига

4 марта 1386 года Ягайло был коронован в Кракове королем Польши под именем Владислава II Ягелло. Он занимал польский трон 48 лет подряд! Срок почти фантастический для тех времен.

Одним из первых деяний нового короля стал указ об инкорпорации, то есть включения литовских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей Литвы подписать и скрепить печатями присяжные грамоты на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными

им землями в подданство к польскому королю. Вместе с другими князьями Литвы такие грамоты подписали киевский князь Владимир, волинский князь Федор Данилович, новгород-северский князь Дмитрий-Корибут.

Но обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось властям не под силу. Католиков там к 1386 году почти не было. Православие в Литве до той поры распространялось уже почти 150 лет, хотя и очень медленно, поскольку, как писал С. М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти».

Так, в столице княжества Вильно исповедовали христианство (католичество либо православие) не более половины жителей. В сельских местностях Жемойтии и Аукшайтии жители были на сто процентов язычниками. Городское население славянской части Литвы (т.е. нынешней Беларуси, северной Украины, западных областей России) было в большей своей части православным, но во многих глухих местах (например, на Полесье) еще долго сохранялось язычество.

В конце 1386 года Ягайло приехал в Вильно вместе с целой толпой католических священников, специально, чтобы «крестить Литву». Он собрал магнатов, шляхту и представителей низших слоев общества. Ягайло призвал всех присутствующих оставить «фальшивых богов», принять «веру единого истинного Бога и его хрис-

тианскую религию». Затем он приказал погасить вечный огонь на капище в Вильно, порубить или сжечь изображения языческих идолов.

Прибывшие с Ягайло миссионеры, а также монахи виленского францисканского монастыря крестили горожан и приезжих, вешали им на шею нательные крестики. Покончив с этой процедурой, Ягайло вместе со священниками отправился в поездку по стране, чтобы крестить население. Однако в большинстве мест люди прятались от них или же после отъезда выбрасывали крестики и по-прежнему отправляли языческие обряды.

Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король Владислав (Ягайло) 20 февраля 1387 года дал привилей литвинским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал им право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне в таких имениях освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков.

Вслед за тем был издан другой привилей, который запрещал браки между католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от государственных повинностей, а само духовенство — от юрисдикции светского суда. Тем не менее, большинство православных и язычников в Литве сохранило свою веру. Православным остался даже Скиргайло, родной брат Ягайло. В итоге переход населения от язычества к христианству занял в Литве несколько десятилетий.*

Любопытно, что Андрей Альгердович (1325—1399), княживший 15 Пскове, именно тогда смог вернуть себе власть над Полоцком. При этом Андрей заявил, что Ягайло, приняв католичество, утратил право владеть православными княжествами. Но и сам он ради

Король Владислав II (Ягайло)

* Так, крещение жемойтов было в основном осуществлено насильственными методами лишь в период 1411 — 1423 гг., уже после Грюнвальдской битвы.

захвата Полоцка вступил в союз с немецкими рыцарями. Война эта кончилась тем, что упоминавшийся выше Скиргайло отбил Полоцк весной 1387 года, взял в плен Андрея и бросил в темницу, а его сына убил.*

ВОЙНА МЕЖДУ ВКЛ И СМОЛЕНСКОМ ЗА МСТИСЛАВЛЬ (1385-1386 гг.)

Город Мстиславль основал в 1135 году смоленский князь Ростислав Мстиславович на высоком берегу реки Вихры — правого притока Сожа. Поселение, удаленное от реки на одну версту, заняло вершину естественного округлого холма размером 130 на 140 метров. От близлежащего плато его отделяли широкие глубокие овраги. Превосходную природную защиту дополнил кольцевой земляной вал с деревянным частоколом.

С 1180 года Мстиславль являлся центром одноименного удельного княжества. Осенью 1358 года его захватил Альгерд и отдал в удел своему сыну Киргайло (или Коригайло). В состав княжества входили тогда, помимо Мстиславля, города Дроков, Кричев, Княжичи, Могилев, Мглин и Тетерин.

Киргайло вскоре погиб, после чего удел достался брату Витовта — Лугвению (Семену), женатому на дочери московского великого князя Дмитрия «Донского». Когда до Смоленска дошел слух (оказавшийся ложным), что Лугвений уехал в Краков на свадьбу Ягайло с Ядвигой, смоленский князь Святослав Иванович попытался воспользоваться ситуацией и отбить Мстиславль.

Сначала он несколько дней опустошал волость, а 18 апреля осадил город. Все же, несмотря на штурмы, подкопы и применение тарана, осада не принесла успеха. Наконец, 29 апреля к Мстиславлю подошли войска ВКЛ под командованием князей Свидригайло, Корибута, Лугвения, Витовта и Константина Альгердовича.

Литовское войско было видно издалека, поэтому Святослав заранее подготовился к бою и первым пошел в атаку. Но в ходе жестокой сечи он пал от удара копьем. После гибели князя его ратники обратились в бегство, а победители преследовали их до самого Смоленска! Затем потребовали от смолян выкуп, а на княжеский престол посадили Юрия, сына Святослава — как данника Литвы.

С. М. Соловьев описал эту войну в следующих словах:

«В 1386 году смоленский князь Святослав Иванович с сыновьями Глебом и Юрием и племянником Иваном Васильевичем собрал большое вой-

* Позже Андрей Альгердович участвовал в Куликовской битве 1380 г. на стороне московитов. Он погиб в битве войск Витовта с татарами на Ворскле.

ско и пошел к Мстиславлю, который прежде принадлежал смоленским князьям и потом был у них отнят литовцами.

Идучи Литовскою землею, смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили их нещадно различными казнями, мужчин, женщин и детей: иных, заперши в избах, сжигали, младенцев на кол сажали.

Жители Мстиславля затворились в городе с наместником своим, князем Коригайлом Олгердовичем; десять дней стояли смольняне под Мстиславлем и ничего не могли сделать ему, как в одиннадцатый день поутру показался в поле стяг литовский: то шел великий князь Скиргайло Олгердович; немного подальше выступил другой полк — вел его князь Дмитрий-Корибут Олгердович, за полком Корибутовым шел полк Симеона Лугвения Олгердовича, наконец, показалась и рать Витовтова.

Литовские полки быстро приближались; смольняне смутились, увидевши их, начали скорее одеваться в брони, выступили на бой и сошлись с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем, жители которого смотрели на битву, стоя на городских забралах.

Битва была продолжительна, наконец, Олгердовичи одолели; сам князь Святослав Иванович был убит одним *поляком* (выделено мной — А.Т.) в дубраве; племянник его Иван был также убит, а двое сыновей попались в плен. Литовские князья вслед за бегущими пошли к Смоленску, взяли с него откуп и посадили князем из своей руки Юрия Святославича, а брата его Глеба повели в Литовскую землю».

Соловьев С.М. «История России с древнейших времен», книга II, с. 306

Обращает на себя внимание тот факт, что столь выдающийся историк как Сергей Михайлович Соловьев назвал литвинского воина «поляком». И это по отношению к тому времени, когда не было еще Люблинской унии, а Кревскую унию только-только заключили! Вот что значат «идеологические очки».

УСОБИЦА ВИТОВТ - ЯГАЙЛО (1388-1392 гг.)

Угроза утраты Литвой независимости, а также меры по форсированному внедрению католичества вызвали резкое недовольство удельных князей и бояр, как православных, так и язычников. «Партию недовольных» возглавил князь Витовт. Он считал себя лично обиженным Ягайло. В самом деле, в угоду ему он разорвал союз с Тевтонским Орденом, а также перешел из православия в католичество. Но Ягайло 28 апреля 1387 года назначил своим наместником в Литве не его, а своего родного брата Скиргайло.

В 1388 году Витовт открыто выступил против Ягайло, вновь заключив союз с Тевтонским орденом. При этом немцы взяли в залож-

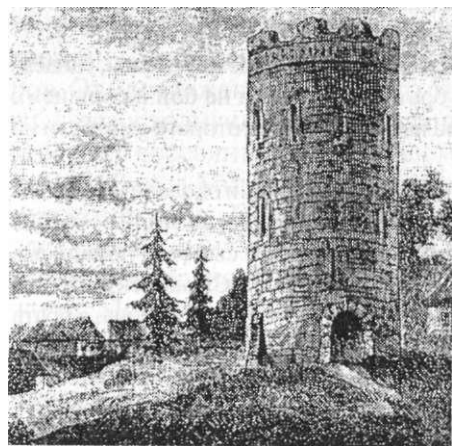
ники двух малолетних сыновей Витовта, а также его брата Кондрата, чтобы обеспечить верность литовского князя.

Вооруженная борьба между Витовтом и Ягайло длилась более трех лет и шла с большим ожесточением. Тевтонцы приняли в ней самое деятельное участие. Приведем в качестве примеров некоторые события этой распри.

В 1390 году войска князя Ягайло взяли «з великою трудностью», после энергичной осады, город Каменец на Брестчине.* В том же

году Ягайло в течение 50 дней осаждал замок в Гродно, которым владел Витовт. Сначала ему удалось взять деревянный город (Нижний замок), в конце концов пал и каменный Верхний замок. Но уже в 1391 году с помощью немецких рыцарей Витовт вернул себе Гродно.

Зимой 1391 года войско Ягайло осаждало замок в Бересте (Бресте) и после 10-дневной осады взяло его. Тогда же (в 1391 году) союзное Витовту войско комтура Конрада фон Валленрода, а весной 1392 года магистра Юнгингена, осаждало Новогрудский замок и оба раза безуспешно.

Белая вежа (башня).
Худ. Н. Орда, 1877г.

В начале марта 1392 года крестоносцы Яна Румпенгайма и Конрада Лихтенштейнского, вместе с воинами Витовта, по скованным морозам болотам подошли к стенам Лидского замка. Вскоре к ним присоединились английские рыцари, чей отряд возглавлял молодой граф Нортумберлендский. Они ограбили город, сожгли строения вокруг замка и осадили сам замок. Князь Дмитрий (Корибут), командовавший обороной, решил оставить крепость. Ночью он со всем гарнизоном прорвался через позиции осаждавших и ушел в Новогрудок, где стоял гарнизон Ягайло.

В конце концов Витовт пришел к выводу, что хотя на его стороне три четверти литвинских панов, а войска Ягайло часто терпят поражения, ему все же выгоднее помириться с титулованным род-

* Именно там сохранилась до наших дней знаменитая «Белая вежа» (башня), давшая название соседней пушке с ее знаменитыми зубрами, а также соглашению о ликвидации СССР.

ственником. Когда Витовт своими глазами увидел, как немцы укрепляют Ковно (ныне Каунас), чтобы сделать его мощной крепостью, он понял, чем в итоге кончится дело. Сначала немцы подчинят себе Литву, затем возьмутся за Польшу. Он предложил Ягайло забыть прежнюю вражду и заключить союз для войны с Орденом. Ягайло, в свою очередь, смирился с тем, что придется пойти на значительные уступки двоюродному брату.

Однако примирению мешал договор Витовта с Тевтонским Орденом. Тогда Витовт, чтобы «сжечь все мосты» между ними, решил пожертвовать сыновьями и братом. Он вероломно напал на один рыцарский отряд и уничтожил его, а также захватил несколько орденских замков.

Наконец, 4 августа 1392 года Витовт и Ягайло заключили в местечке Остров (возле Лиды) договор, который в 1401 году снова был подтвержден. По нему Ягайло признал Витовта пожизненным независимым правителем всей Литвы. Витовт снова поменял католицизм на православие.

Фактически, Островский договор перечеркнул самые важные положения Кревской унии. Он зафиксировал отказ от инкорпорации ВКЛ в состав Польши и от принудительной католизации его жителей. Договор лишь предусматривал, что «в случае надобности» Великое княжество Литовское будет оказывать Польскому королевству всяческое содействие, в том числе войсками и (или) деньгами. Что касается титулов, то Витовт упоминался в договоре как «великий правитель» (*magnus dux*), а Ягайло — как «верховный правитель» (*supremus dux*).

В отместку тевтонцы отравили обоих сыновей Витовта и бросили в темницу его брата. Вот таким образом Витовт стал великим князем литовским. В сентябре 1392 года в кафедральном православном соборе Вильно князь Витовт был торжественно провозглашен великим князем Литвы.

В январе 1393 года большое рыцарское войско осаждало Гродно. После трехдневного штурма замок пал и был разрушен. Тогда, соединив силы, Витовт и Ягайло в ходе жестоких трехнедельных боев взяли Ковно и нанесли серьезное поражение Ордену.

Однако схватки с немцами продолжались после этой победы еще 17 лет, вплоть до Грюнвальдской битвы в 1410 году. Например, в 1394 году крестоносцы атаковали Лиду. Жители города укрылись в замке и вместе с гарнизоном отразили все атаки врага.

Разобранный замок в Гродно восстановили, но в 1398 году однажды ночью произошел сильный пожар, во время которого сам Витовт едва не погиб вместе с женой и детьми. После этого он возвел каменные укрепления. Уже в 1402 году крестоносцы проверили его на «прочность», но замок выдержал все штурмы.

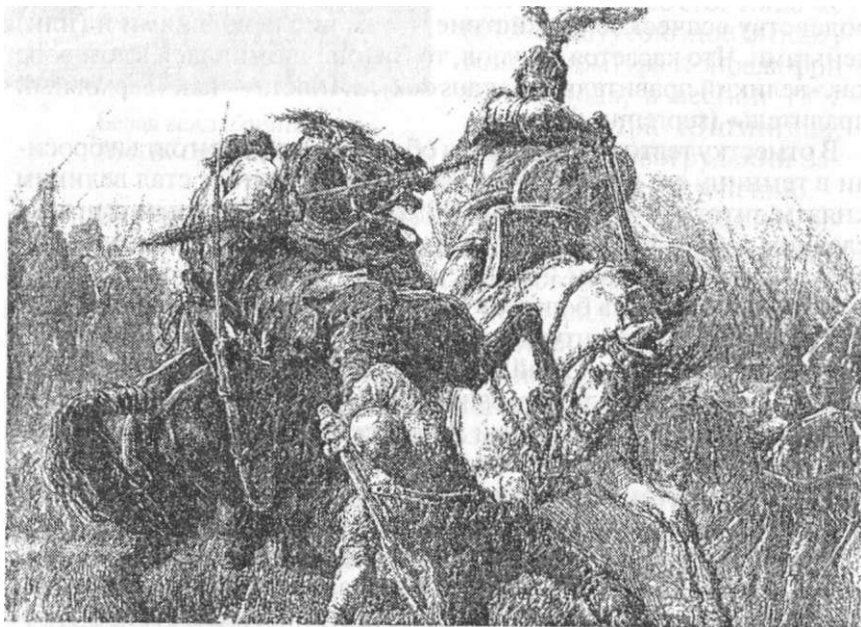
В то время его стена, обращенная к Неману, имела в длину 20 метров; со стороны Городничанки — 90 метров, со стороны города — 70 метров. В замке было пять башен и двухэтажный каменный дворец Витовта размером 45 на 15 метров, своего рода «крепость в крепости». Ров шириной 50 метров отделял укрепления от города (Нижнего замка).

* * *

Бывшему наместнику Ягайло в Литве, князю Скиргайло Альгердовичу Витовт помог захватить Киевские земли, где правил князь Владимир Альгердович — брат Скиргайло. Весной 1393 года Витовт силой отобрал у Владимира города Житомир и Овруч, которые отдал Скиргайло. А в сентябре та же судьба постигла Киев. В октябре — ноябре Скиргайло с помощью войска Витовта подчинил себе Подолию, Черкасы и Звенигород.

Взамен утраченного Киева, Витовт дал в удел Владимиру небольшое Копыльское княжество. Владимир «сбежал в Москву», надеясь получить помощь от московского великого князя, но безуспешно, и дожил свой век в Литве, в Копыле. Впрочем, похоронили его в Печерском монастыре в Киеве.

Скиргайло, не просидев в Киеве даже года, умер 10 января 1397 года, не оставив потомства. Предположительно, его отрави-

Бой литвинов с тевтонцами.
Худ. М. Андриоли, 1883г.

ли сторонники князя Владимира Альгердовича. Киевская земля отошла к Витовту. Но он не отдал ее, как обычно, близкому родственнику, а назначил в Киев своим наместником Ивана, князя Гольшанского.

* *

Своей столице Вильно князь Витовт в начале XV века даровал самоуправление (так называемое «Магдебургское право»).*

Витовт был совершенно чужд религиозного фанатизма и отличался веротерпимостью. Так, в 1388 году он своим указом (привилеем) установил правовой статус еврейской части населения ВКЛ (евреи активно селились в городах Литвы начиная со второй половины XIV века). Указ, в частности, гласил:

«За увечье и убийство жида христианин отвечает так же, как за увечье и убийство человека благородного звания; за оскорбление жидовской школы полагается тяжкая пеня; если же христианин разгонит жидовское собрание, то, кроме наказания по закону, все его имущество отбирается в казну...

Если христианин обвинит жида в убийстве христианского младенца, то преступление должны засвидетельствовать трое христиан и трое жидов добрых; если свидетели объявят обвиненного жида невинным, то обвинитель сам должен потерпеть такое наказание, которое предстояло обвиняемому».

Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Книга 3, с. 17

* Магдебургское право — первое в Европе универсальное законодательство, которое можно было применять в любом торгово-ремесленном городе и базовым принципом которого являлось самоуправление горожан. Основным его письменным источником являлось так называемое «Саксонское зеркало», сборник юридических норм, составленный в Магдебурге к 1225 году.

Первым в ВКЛ это право получил Брест (1390 г.). Далее Гродно (1391 г.); Слуцк (1441 г.); Киев (1494 г.); Полоцк (1498 г.); Минск (1499 г.); Могилев (1561 г.); Мозырь (1577 г.); Витебск (1597 г.); Орша (1620 г.), Мстиславль (1634 г.). Напомним данной связи, что в Российской империи ограниченное городское самоуправление появилось лишь в XIX веке.

Скиргайло.

Из книги А. Гваньини «Описание европейской Сарматии», 1578г. -

ВОЙНЫ ВИТОВТА С СОСЕДАМИ (1395-1405 гг.)

Как отмечали современники, князь Витовт был человеком громадного честолюбия, при этом скрытным и вероломным, «неверником правды», по выражению летописца. Не стеснясь в средствах, он ликвидировал большинство удельных княжеств в Литве и стал завоевывать окрестности.

Так, весной 1393 года, потерпев поражение в сражении под Докудовом с войском Витовта и Скиргайло, лишился удела новгород-северский князь Дмитрий (Корибут) Альгердович. Своим наместником в Новгород-Северский Витовт назначил утратившего волынский удел князя Федора Любартовича.

В том же 1393 году Витовт во главе литвинского войска вторгся в Подолию и занял Брацлав, Каменец, Смотрич, Скалы, Чернев. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил от короля Ягайло грамоту, согласно которой Брацлавщина перешла к нему в вассальное владение. Что касается Западной Подолии, то она с 1395 года стала владением «короны», т.е. польского короля.

Поход на Смоленск в 1395 г.

Как сказано выше, в 1386 году князь Витовт, одержав победу в сражении за Мстиславль, увел в плен князя Глеба Святославовича, а его брата Юрия объявил князем Смоленским вместо павшего в бою отца. Но позже Витовт отдал Смоленск Глебу, а Юрию выделил город Рославль с окрестностями. Как и предполагал Витовт, это вызвало ссоры и усобицу между братьями. Теперь у правителя Литвы появилась хорошая возможность для того, чтобы окончательно овладеть Смоленском.

В сентябре 1395 года Витовт, распуслав слух о том, что идет походом на татар, внезапно появился у Смоленска. Затем под предлогом родства (его вторая жена была дочерью одного из смоленских князей) он пригласил в свой лагерь нескольких князей из рода Святославовичей, находившихся в городе, обещая им посредничество при дележе волостей. Когда те, ничего не подозревая, прибыли к нему вместе со своими боярами, он велел схватить их и отправить в Вильно в оковах. Затем войско Витовта сожгло посады и ворвалось в кремль. Своими наместниками в Смоленске Витовт оставил бояр Якова Ямонтовича и Василия Борейковича.

Участи братьев избежал только Юрий Святославович, который в это время гостил у своего тестя Олега, князя Рязанского. Тот попытался заступиться за зятя, но Витовт, оставив в Смоленске наме-

стником князя Ямонта, вторгся в рязанскую землю. По свидетельству летописца, «пролив кровь как воду и побив людей, сажая их улицами», Витовт с торжеством вернулся в Литву. По пути домой он заехал в Смоленск и вместо Ямонта назначил князя Романа Михайловича Брянского.

Что касается Глеба Святославовича, то он получил в удел от Витовта вместо Смоленска небольшой город Полонный. В 1399 году князь Глеб погиб в битве с татарами на реке Ворскла.

Битва с татарами на реке Ворскла (1399 г.)

Теперь упомянем планы Витовта в отношении северного и северо-восточного соседей — Пскова и Новгорода. В 1398 году Витовт снова заключил договор с Тевтонским орденом, пообещав ему помощь в завоевании Пскова. За это Орден, в свою очередь, обязался помогать Витовту в завоевании Господина Великого Новгорода.

Но поход на Новгород был отложен, поскольку Витовт считал, что вмешательство в ордынские дела сулит ему больше выгод. Хан Тохтамыш, отогнав своего конкурента Тимура (Тамерлана) на юг, утвердился поначалу на золотоордынском престоле, но вскоре его сверг и изгнал хан Темир-Кутлуй. Тогда Тохтамыш со своими родственниками и сторонниками (общей численностью до 40 тысяч человек) ушел в Литву. В 1395—1396 годах он жил в Киеве, затем еще три года в замке города Лида.* Вместе с Витовтом он совершил в 1397 году поход к Азову, а в следующем году — в Крым.

В 1397 году Витовт задумал колоссальную авантюру — он вознамерился присоединить к Литве часть земель Золотой Орды, а также Великое княжество Владимирское и Москву. Для этого он собирался вернуть трон хану Тохтамышу, а тот, в свою очередь, обещал Витовту дать ярлык на право владения всеми этими землями.

Гонцы Витовта сообщили всем европейским монархам о том, что великий князь готовит величайший поход христиан против неверных. Эта весть произвела сильное впечатление. Папа Римский даже объявил будущий поход крестовым!

* Часть татар, пришедших с Тохтамышем в 1396 году, а также переселенных от Азова в 1397, навсегда остались в Литве. Они получили земельные владения в Лидском, Ошмянском, Новогрудском и Брестском поветах, в районах Вильно и Минска, с обязанностью нести военную службу. В дальнейшем литовские татары всегда составляли наиболее боеспособную часть армии ВКЛ.

В настоящее время их потомки, общей численностью свыше 10 тысяч человек, компактно проживают в Щучинском районе Гродненской области Беларуси. Они исповедуют ислам, но чужды религиозного фанатизма. Постороннего человека, случайно оказавшегося в этих местах, до глубины души изумляет вид минаретов среди белорусских лесов и полей.

К весне 1399 года Витовт собрал в районе Киева большое войско. Кроме литвинов, жемойтов и тохтамышевых татар, в нем были также полки молдавские и волошские (волохи, или валахи — предки румын), польские и немецкие (в соответствии с договором, великий магистр Тевтонского ордена прислал большой отряд). Летописец одних только литвинских князей насчитал в этом войске до 50 человек, а общую его численность оценил в 100 тысяч. Современные историки считают, что в нем было не более 40 тысяч человек: около 15 тысяч рыцарей (конников в тяжелом вооружении) и примерно 25 тысяч легкой кавалерии, пехоты, вспомогательных частей.

Безусловно, начиная поход, Витовт переоценил свои силы и недооценил могущество противника. Темир-Кутлую, свергнувшему Тохтамыша, подчинялась гигантская территория — от Северного Причерноморья до реки Иртыш в Сибири. Его поддерживал сам Тимур, властелин половины Азии.

Еще до начала похода к Витовту прибыли послы от Темир-Кутлуя с посланием хана:

«Выдай мне беглого Тохтамыша, он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша. Нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг. Так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе».

Витовт сказал на это:

«Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам».

«Свидание» состоялось на берегу реки Ворсклы. Когда Витовт подходил к реке, Темир-Кутлуй послал к нему гонца с вопросом:

«Зачем ты на меня пошел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих».

Витовт ответил ему весьма высокомерно:

«Бог покорил мне все земли, покоришься и ты, будь мне сыном, а я тебе буду отцом и плати мне ежегодную дань; а не захочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся Орда твоя будет предана мечу».

Хан Темир-Кутлуй ответил на это наглое требование согласием. В действительности он тянул время, ожидая прихода подкрепления от Тимура. Однако Витовт воспринял уловку как признак слабости и предъявил новое требование, а именно, чтобы отныне на ордынских монетах чеканилось его клеймо. По понятиям XIV века это означало бы полное подчинение татар ему. Хан ответил, что для

Замок в Лиде.
Реконструкция М.Л. Ткачева

решения этого вопроса ему надо подумать, посоветоваться со своими мурзами. Витовт дал три дня.

За три дня к Темир-Кутлую пришел со своим войском посевший в боях хан Едигей (или Идигу; 1352-1419), сподвижник Тимура, основатель Ногайской Орды. Узнав о требованиях Витовта, Едигей пожелал лично встретиться с ним. И вот они съехались на противоположных берегах узкой Ворсклы. Едигей был насмешлив. Он сказал:

«Князь храбрый! Наш хан справедливо мог признать тебя отцом, он моложе тебя годами; зато я старше тебя, а потому теперь ты признай меня отцом, изъяви покорность и плати дань, а также изобрази на литовских деньгах мою печать».*

Речь эта привела Витовта в ярость, он приказал тотчас готовиться к битве. Краковский воевода Сытко, видя огромные полчища татар, посоветовал Витовту не вступать в бой, а уходить, для приличия заключив почетный мир. Однако остальные воеводы отвергли этот разумный совет.

Войска Витовта атаковали первыми. Они широко использовали пушки и пищали. Но огонь по разбросанным целям был малоэффективен, ядра и пули наносили лишь случайный ущерб. Пока Едигей медленно отступал по фронту под натиском Витовта, Те-

* В действительности Едигей был на два года моложе Витовта.

мир-Кутлуй совершил глубокий обход и, ударив в спину, устроил войску Витовта своего рода «канны».*

Ужасное кровопролитие продолжалось до глубокой ночи и завершилось полным разгромом литвинов. Летописец сказал об этой битве: «сеча зла, которой еще не бывало в Литовской земле с татарами». В сражении погибли герои Куликовской битвы, князья Дмитрий Боброк-Волынский, Дмитрий Брянский, Андрей Полоцкий, участвовавшие в ней на стороне Витовта, а также 16 литвинских князей. Домой вернулось не более четверти литовского войска. Как писал Н.М. Карамзин, «ни Чингис-хан, ни Батый не одерживали победы совершеннейшей». Татары преследовали бежавших ратников до самого Киева. Встав под стенами города, Темир-Кутлуй распустил свое войско «воевать Литовскую землю, и ходила татарская рать до самого Луцка, опустошив все на своем пути».

Киев откупился тремя тысячами рублей, причем Печерский монастырь дал от себя тридцать рублей, и хан ушел в свои степи, оставив после себя «плач и скудость».

Что касается Тохтамыша, то он с оставшейся частью своей орды вскоре после битвы на Ворскле устремился в Сибирь. Там он и пал в 1406 году от руки сибирского хана Шадибека.

Война Витовта за Смоленск в 1401—1404 гг.

На Ворскле князь Витовт потерял почти всю армию. Его политический престиж оказался сильно подорванным. Соответственно, ему пришлось на время ограничить свои претензии. Так, в 1400 году он заключил мирный договор с Новгородом «по старине».

Тем временем часть смолян, видя ослабление Витовта, вошла в сговор со своим бывшим князем Юрием Святославичем, жившим в Рязани у тестя, князя Олега Ивановича. Юрий пришел к тестю и стал просить:

«Пришли ко мне послы из Смоленска от доброхотов моих, говорят, что многие хотят меня видеть на отчине и дедине моей. Сотвори, господин, христову любовь, помоги, посади меня на отчине дедине моей, на великом княжении Смоленском».

* По аналогии с битвой при селении Канны в 216 году до нашей эры. Карфагенское войско (50 тысяч человек) Ганнибала полностью разгромило римское войско (69 тысяч человек) под командованием Варрона. Римляне потеряли 48 тысяч убитыми и 10 тысяч пленными; карфагенцы — 6 тысяч убитыми.

Кстати говоря, битва шла в тех же местах, где спустя три с половиной столетия состоялась знаменитая Полтавская битва между русскими и шведами. Во времена Витовта здесь простиралось «Дикое поле».

И вот в 1401 году престарелый князь Олег Рязанский вместе с Юрием Святославовичем, князьями пронским, муромским и козельским, отправились к Смоленску. Подойдя к городу, Олег велел передать его жителям:

«Если не отворите города и не примете господина вашего, князя Юрия, то буду стоять здесь долго и предам вас мечу и огню. Выбирайте между животом и смертью».

Смоленск сдался без боя. Тем не менее, Юрий Святославич начал свое правление с того, что убил брянского князя Романа Михайловича (бывшего в то время наместником Витовта) вместе с его боярами. Затем он перебил и тех смоленских бояр, которые слыли сторонниками Витовта. Олег же с войском пошел дальше, ограбил ряд литовских земель и с добычей вернулся в Рязань.

Юрий Святославич занял Смоленск в августе 1401 года, а уже в конце сентября Витовт с войском стоял под городом. Его сторонники подняли в городе мятеж, но были перебиты. Как сообщает летопись, «Юрий князь людей много посекоша». Витовт простоял под стенами четыре недели и отступил восвояси.

Следующий 1402 год оказался более удачным для него. Сын рязанского князя Родислав Олегович пошел на Брянск, но у Любутска его встретили князья Гедиминовичи — Семен (Лугвень) Альгердович и Александр Патрикиевич Стародубский. Они разбили рязанское войско, а самого княжича взяли в плен. Три года Родислав провел в темнице у Витовта, после чего был отпущен а Рязань за выкуп в три тысячи рублей. Тем не менее, вернуть Смоленск не удалось.

В 1403 году Лугвень Альгердович взял Вязьму. Витовт в 1404 году снова осадил Смоленск, и опять неудачно. Три месяца стоял он под городом. Литвины обстреливали Смоленск из осадных орудий. Но взять город не удалось. Витовт, разграбив окрестности, ушел в Литву.

Между тем рязанский князь Олег Иванович умер еще в конце 1402 года, после чего Юрий Святославич остался без союзников. Как писал Нечволодов, «он скоро восстановил против себя городских жителей своими жестокостями по отношению к сторонникам Витовта». Защитить Смоленск от литвинов мог лишь московский великий князь Василий Дмитриевич, но тот был женат на Софье Витовтовне. Юрий видел, что из двух подданств надо выбрать более удобное для него. Он поехал в Москву и стал умолять князя Василия:

«Тебе все возможно, потому что он тебе тесть, и дружба между вами большая, помири и меня с ним, чтоб не обижал меня. Если же он ни слез

моих, ни твоего дружеского совета не послушает, то помоги мне, бедному, не отдавай меня на съедение Витовту. Если же и этого не хочешь, то возьми город мой за себя, владей лучше ты им, а не поганая Литва».

Василий обещал помочь, однако медлил. По сему поводу Супрасльская летопись говорит: «Князь же Василий обеща ему дати силу свою и удержа его на тые сроки, а норовя тьсти своему Витовту». То есть попросту Василий арестовал Юрия и дал знать об этом тестю.

Витовт не заставил себя ждать. В том же 1404 году он с большим войском вторично явился к Смоленску. Его сторонники, число которых возросло, сдали ему город и выдали жену Юрия — дочь Олега Рязанского.

Витовт отомстил смолянам за убийство своего наместника Романа Мстиславовича и его бояр три года назад. Часть сподвижников Юрия среди бояр и «детей боярских» он казнил, остальных увез в Литву, вместе с женой и детьми князя.

В Смоленске Витовт снова посадил своего наместника. А горожанам дал большие льготы, чтобы привлечь их на свою сторону. С этого момента ранее независимое княжество Смоленское на 260 лет (до 1667 года) стало частью Великого княжества Литовского. В «Хронике литовской и жемойтской» сказано:

«Витовт... винных всех... убил до трех тысяч и дабы в Смоленске не было больше бунта, из княжества обернул его в воеводство».

Василий I Дмитриевич, узнав о захвате Смоленска Витовтом, лицемерно обвинил во всем случившемся князя Юрия Святославовича:

«Приехал ты сюда с обманом, приказавши смольнянам сдаться Витовту».

В августе 1405 года Юрий Святославович, собрав дружину, вторгся на территорию Литвы, пришел к городу Лида, в замке которого томилась в неволе его семья. Но все попытки взять замок штурмом провалились. После этого Юрий, опасаясь гнева московского князя, отступил со своей дружиной и с сыном Федором в Новгород, где заключил договор с новгородскими посадниками о том, что в случае вторжения неприятеля он возглавит ополчение. В обмен посадники дали князю «для кормления» его и дружины 13 городов, в том числе Руссу, Торжок, Ладогу, Орешек.

Однако новгородский период жизни Юрия Святославовича оказался кратким. Вскоре он совершил гнусное преступление, подробно описанное в летописях: казнил служившего ему князя Семена Вяземского ради того, чтобы позабавиться с его супругой. Но гордая женщина категорически отказала злодею, даже ударила

Юрия ножом. Тогда князь в приступе ярости изрубил ее на куски и приказал бросить останки в реку. Чуть позже, осознав, что натворил, он уехал в один из отдаленных монастырей Рязанского княжества, где и умер в 1408 году. Летопись свидетельствует: «И бысть ему в грех и в студ велик».

Его сын Федор Юрьевич оставался в Новгороде до начала весны 1413 года, а позже, вследствие давления Витовта на новгородских бояр, уехал «в Немцы».

Поход Витовта на Псков в 1405 г.

В следующем, 1405 году, Витовт пошел якобы на Новгород, но вместо Новгорода обрушился на Псковскую землю. Псковичи оказались застигнутыми врасплох и не успели собрать рать. Как писал С. М. Соловьев:

«Витовт взял город Коложе и вывел 11 000 пленных, мужчин, женщин и детей, не считая уже убитых. Потом стоял два дня под другим городом, Вороначем*, где литовцы накидали две лодки мертвых детей: такой гадости, говорит летописец, не бывало с тех пор, как Псков стоял».**

Соловьев С. М. «История России с древнейших времен», книга II, с. 376—377

Псковичи обратились к Новгороду за помощью, и новгородцы прислали полки с тремя воеводами. Но к тому времени Витовт ушел. Тогда псковичи решили отомстить ему походом на Литву и звали с собой новгородцев: «Пойдемте, господа, с нами та Литву, мстить за кровь христианскую».

Однако новгородские воеводы не хотели связываться с Литовским князем и ответили псковичам: «Нас владыка /митрополит/ не благословил идти на Литву, и Новгород нам не указал, а идем с вами на немцев».

Псковичи выступили одни. Они заняли и разграбили Ржев, в Великих Луках вернули Коложский стяг, бывший у литовцев в плену, и с богатой добычей возвратились в Псков.

В 1406 году псковское войско осаждало Полоцк. Взять город с ходу не удалось. Простояв три дня под его стенами, и ограбив окрестности, псковичи удалились.

* Воронач (Вороноч, Воронич) расположен на левом южном берегу реки Сороти в 4 км выше ее впадения в реку Великую. Маленькая крепость с земляным валом и деревянным тыном находилась в 2-х км от будущего имения А. С. Пушкина Михайловское. Впервые в истории русско-литовских войн крепость Воронач упоминается в 1348 году, когда ее осаждал литовский князь Андрей Альгердович.

** Отмечу, что это единственное упоминание, которое можно трактовать как и в июльство жесткости литвинов (причины гибели детей не указаны), которое я нашел в сочинениях русских историков, посвященных периоду с 1400 по 1659 гг.

ВОЙНА ВИТОВТА С МОСКВОЙ

(1406-1408 гг.)

Вполне возможно, что у Василия I Дмитриевича был какой-то уговор с Витовтом в отношении Смоленска, но все же захват тестем Пскова и Новгорода его не устраивал. Василий сложил с себя крестное целование Витовту и послал войско на Литву.

При этом московский князь вынудил «пряником» (обещанием помощи в разрешении споров с вассалами Твери) тверского князя Ивана Михайловича (ок. 1357—1425) тоже послать рать вместе с москвичами. Правда, сам князь Иван не поехал, а отправил братьев Василия и Федора, своего сына Ивана и еще князя Ивана Еремеевича Дорогобужского. Все же тверичей Василию показалось мало, поэтому он позвал с собой еще и татарское войско.

Осенью 1406 года московская и литовская рати встретились на реке Плава близ Крапивны (на территории современной Тульской области). У Витовта тоже было большое войско, усиленное татарами и жемойтами. Войско Василия I было больше численностью, но московский князь не был уверен в победе и вместо битвы вступил в переговоры с тестем. Нельзя также исключить сильное давление на него жены, великой княгини Софьи Витовтовны, которая, как отмечают современники, была женщиной властной и решительной.

Так или иначе, 1 октября 1406 года стороны согласились на перемирие до 16 мая 1407 года. Перемирие ничего не давало Василию и к тому же обидело его союзников. Больше всех обиделись тверичи, поскольку в грамоте о перемирии ни тверской князь, ни тверское войско даже не упоминались. Татары тоже пришли не ради похвалы Василия Дмитриевича, а «за зипунами». Не получив добычи, они удалились, но по дороге домой в порядке компенсации нещадно грабили московские земли.

В следующем 1407 году боевые действия первым начал Витовт. Он взял город Одоев, захватил небольшие княжества на верхней Оке — Воротынское, Новосильское, Одоевское, Перемышльское. В ответ Василий I с большим войском пошел на Литву, взял и сжег город Дмитровец, но, встретившись с тестем у Вязьмы, опять заключил перемирие, и оба князя разъехались по домам.

В июле 1408 года родной брат короля Ягайло, князь Северский Свидригайло Альгердович, уехал из Литвы в Москву. Свидригайло (тот самый, которого полочане изгнали из своего города) был постоянным соперником Витовта. Вместе с ним уехали черниговский архиепископ, многие северские и черниговские бояре. Василий Дмитриевич обрадовался приезду Свидригайло, дал ему в кор-

мление город Владимир на Клязьме со всеми волостями и селами, а еще Переяславль (отобранный у князя Нелюба), Юрьев Польский, Волок Ламский (Волоколамск), Ржев и половину Коломенского княжества.

В сентябре того же 1408 года московские и татарские полки уже стояли на литовской границе на берегу реки Угры, а на противоположном берегу стоял

Витовт с литвинами, жемойтами и немцами. Но опять великие князья, простояв несколько дней, заключили перемирие и разошлись. После мира на Угре Витовт до конца княжения Василия I (1425 год) больше не воевал с Москвой.

Зато той же осенью 1408 года князь Едигей, победитель Витовта на Ворскле, узнав о заключении мира между Витовтом и Василием I, вторгся в земли Московской Руси. Он разграбил и опустошил Верею, Городец, Дмитров, Нижний Новгород, Переяславль, Ростов Великий, Серпухов, окрестности Москвы, а также Рязань.

Московские конные воины XIV—XV вв.

Худ. В. Тараторим

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА С ТЕВТОНСКИМ ОРДЕНОМ

(1409-1411 гг.)

Как уже сказано выше, главной причиной, заставившей Витовта и Ягайло пойти на тесный союз (Островский договор), являлась угроза Литве и Польше от могучего общего врага — Тевтонского ордена.

Великой войне предшествовали почти два века вооруженного противостояния. Тевтонский орден (он же — Немецкий) возник в 1198 в Палестине в результате объединения двух рыцарских орденов: Меченосцев и Ордена рыцарей черного креста пресвятой деви Марии. Объединение произошло в 1207 году по настоянию Папы Римского Григория IX. После возвращения в Европу из пришедшего в упадок Иерусалимского королевства, Тевтонский орден с 1211 по 1225 годы действовал в Венгрии, но был изгнан оттуда. В том же 1225 году польский удельный князь Конрад Мазовецкий

совершил величайшую ошибку, за которую позже веками расплачивались поляки, литвины и жемойты. Он пригласил на территорию Польши рыцарей Тевтонского ордена. Наивный князь думал, что немцы защитят его от набегов язычников — пруссов.

В 1225 году послы Конрада предложили магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальцу Хелмскую (Кульмскую) землю на 20 лет в обмен на обязательство защищать поляков от набегов язычников-пруссов. Но уже в следующем 1226 году германский император Фридрих II предоставил Ордену право на владение Кульмской землей и всеми землями, которые он впредь завоюет у пруссов, в виде императорского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей.

В 1228 году в новые владения Ордена с большим отрядом рыцарей прибыл первый магистр Пруссии Герман Балк. Захватив прусские земли, Орден завоевал после этого польское Поморье, а затем устремил свои взоры на Великое княжество Литовское. Крестоносцы хотели прочно утвердиться в Жемойтии (западной части нынешней Лиекувы), отделявшей земли Ливонского ордена от Пруссии. Но этим их планы не ограничивались.

В 1392 году Орден заключил договор с венгерским королем Сигизмундом Люксембургским (1368—1437) о совместной войне против Польского королевства и В.О.* Союзники хотели разделить территорию противника следующим образом: Орден получал Жемойтию, все земли литвинов, Подляшье и Мазовецкое княжество (вместе со столицей в Варшаве). Сигизмунд приобретал южную Польшу (с Краковом), Волынь и Подолье.

В данной связи сокрушение Ордена стало неотложной задачей поляков и литвинов. Для начала Ягайло и Витовт заключили союз, известный как Виленско-Радомская уния. Такое название связано с тем, что 40 князей и панов ВКЛ подписали его 18 января 1401 года в Вильно, а 40 польских магнатов — 11 марта в Радоме.

По условиям договора, обе страны обязались совместно действовать против внешних врагов (имелся в виду Орден); подтверждались права Витовта на самостоятельное управление Литвой; поляки обязались после смерти Ягайло не выбирать нового короля без согласования его кандидатуры с литовскими феодалами.

На тайной встрече в Ново-Грудке в декабре 1408 года Ягайло и Витовт решили начать войну с Орденом. Первым ее актом стало восста-

* Сигизмунд (по-венгерски и по-беларуски Жигмонт, по-чешски Зикмунд) из династии Люксембургов был королем Венгрии в 1387—1437 гг., а также королем Чехии в 1419—1421 и 1436—1437 гг. Кроме того, в 1410 году он был провозглашен императором «Священной Римской империи».

ние в Жемойтии в мае 1409 года. Жемойтские дружины напали на несколько рыцарских замков и вырезали всех их обитателей. Битов помогал им не только оружием и хлебом, но и воинами своих вассалов.

В ответ магистр Ульрих фон Юнгинген 6 августа 1409 года официально объявил войну Литве и Польше. Отряды орденских рыцарей захватили пограничные польские замки Дрезденко и Санток. Тогда король Владислав II (Ягайло) объявил «посполитое рушение» («всеобщее ополчение») и в сентябре овладел крепостью Быдгощ. Однако военные действия обе стороны вели довольно вяло. В октябре было заключено перемирие.

Всю зиму 1409/10 годов Тевтонский орден, Польша и Литва готовились к решительным военным действиям. В декабре 1409 года Ягайло, Витовт и татарский хан Джелаладин встретились в Бресте, где обсудили план похода на тевтонцев.*

Согласно этому плану, в июне 1410 года у истоков реки Нарев собралось все войско Великого княжества Литовского. Затем оно совершило переход через Мазовецкое княжество и прошло к Червеньску на Висле, где 2 июля соединилось с польскими войсками. Далее союз-

11ые войска должны были двигаться к столице ордена Мариенбургу (ныне город Мальборк в Польше).

Польское королевство выставило 51 хоругвь (полк), в том числе 7 из них были с территории нынешней Западной Украины: Львовская, Холмская, Галицкая, Перемышльская и три Подольские хо-

* Джелаладин, правильно Джелаль эд-Дин, пришел в Литву с 3-тысячным войском по приглашению Витовта, специально для участия в войне с крестоносцами. Кроме того, в этой битве участвовали литовские татары во главе с ханом Баи ардином;

Литвинский воин-копейщик
времен Грюнвальдской битвы

ругви. Еще две хоругви состояли из наемных рыцарей — чехов, моравов, силезцев. Среди чешских рыцарей был Ян Жижка (1360—1427), будущий военный предводитель гуситов.*

Великое княжество Литовское выставило 40 хоругвей. Помимо них, с Витовтом прибыла татарская конница (около 6 тысяч человек) во главе с ханами Джелаладином и Багардином, сыгравшая важную роль в битве.

Среди 40 литовских хоругвей летописи поименно называют 21 — из Бреста, Вильно, Витебска, Волковыска, Гродно, Дрогичина, Киева, Ковно (нынешнего Каунаса), Кременца, Лиды, Медница, Мельница, Мстиславля, Новгорода-Северского, Новгородка, Пинска, Полоцка, Смоленска, Стародуба, Трок, а также хоругвь Юрия, князя Заславля.**'

Кроме них, участие в битве приняла хоругвь князя Александра Владимировича из Слуцка и хоругвь князя Андрея Владимировича из Могилева (оба князя были родными племянниками Ягайло и двоюродными — Витовта). Выставили свои дружины Вилькомир, Заславль, Кобрин, Крево, Лукомль, Менск (Минск), Несвиж, Ошмяны, Ушполье, Чорторыйск.***

Хоругви имели разную численность: от 60 до 200—300 копий, но были хоругви и в 500—600 копий. Копьем тогда называли боевую единицу из трех воинов: конного рыцаря в тяжелой броне, конного либо пешего паробка (оруженосца) в легком вооружении и пешего лучника. Лучник и паробок защищали рыцаря со спины и с боков, вступая в схватку с противной стороной. В атаке лучник пускал стрелы в приближающегося вражеского рыцаря или в его коня.

* Гуситские войны в Чехии растянулись на 19 лет, с 1419 по 1437 гг. Они были направлены против католической церкви и засилья немцев. Гуситы одержали победы более чем в 60 сражениях со своими врагами, предпринявшими против них в 1420—1431 гг. пять безуспешных крестовых походов.

** Нередко пишут, что в сражении участвовали и другие русские полки: «полоцкий, витебский, киевский, пинский». В этой связи еще раз напомним читателям, что в 1410 году Киев, Полоцк, Витебск, Пинск и Смоленск являлись городами со славянским православным населением, но жили там не москвиты, а литвины либо русины.

*** Следует отметить, что из 33 упомянутых городов 18 находятся на территории современной Беларуси. Это Брест, Витебск, Волковыск, Гродно, Дрогичин, Заславль, Кобрин, Крево, Лида, Лукомль, Минск, Мстиславль, Несвиж, Новгородок, Ошмяны, Пинск, Полоцк, Ушполье.

Еще 8 (Вилькомир, Вильно, Кременец, Медницк, Мельницк, Смоленск, Троки, Чорторыйск) являлись землями исторической Беларуси — ВКЛ. Один город (Ковно) был поселением жемойтов (жмуди), остальные 3 (Киев, Новгород-Северский, Стародуб) ранее входили в состав Киевского княжества. Таким образом, крестоносцев разгромили поляки, литвины, чехи, жемойты и татары. Москвиты (в современном понимании — русские) не имели к этой битве ни малейшего отношения.

Конкретные сведения о численности войск либо отдельных хоругвей Тевтонского ордена, Польского королевства и Великого княжества Литовского отсутствуют. В связи с этим появилась масса фантастических выдумок, вплоть до сотен тысяч конницы с обеих сторон! Но в наши времена ученые разработали довольно точную методику подсчета мобилизационных возможностей средневековых государств. С учетом этих возможностей, а также ряда косвенных данных, сегодня специалисты считают, что Польша и Литва выставили около 32 тысяч воинов, Орден — более 27 тысяч. Это с учетом пеших арбалетчиков, лучников и пушкарей, но без 4—5 тысяч обозников и коневодов.

По подсчетам немецких историков, в сражении при Грюнвальде у крестоносцев была 51 «хоругвь». Собственно тевтонцев насчитывалось до 11 тысяч человек, из них около 4 тысяч рыцарей, до 3 тысяч оруженосцев, примерно 4 тысячи арбалетчиков. В состав рыцарского воинства входили, кроме немцев, также отряды из Венгрии, Швейцарии, Голландии, Франции и даже Англии, а всего представители 22 наций. Как всадники, так и пехотинцы были превосходно вооружены и хорошо обучены ратному делу. Имелись также бомбарды, стрелявшие каменными и свинцовыми ядрами.

На подводах везли провиант, копья и рогатины, доспехи, ведь полный боевой наряд рыцаря весил от 25 до 40 кг! В дальнем походе полагалось иметь одну подводу на каждые 10 человек, но в действительности их было значительно больше. Всякий рыцарь с той и другой стороны не хотел зависеть от чужой милости и, кроме того, рассчитывал на трофеи, главными среди которых считались оружие и доспехи.

Союзники превосходили тевтонцев своей численностью; преимущества тевтонцев заключались в дисциплине и боевой подго-

Магистр Ульрих фон Юнгинген.
Из «Хроники Пруссии», 1648г.

товке. Крестоносцы уступали славянам в отношении однородности и воодушевления. Обратим внимание на значительную численность пехоты и наличие наемных отрядов у обоих противников.

^ *

С самого начала великий магистр Ульрих фон Юнгинген и орденский капитул (руководство) допустили две стратегические ошибки. Во-первых, они не напали на польские и литовские войска по одиночке: во-вторых, позволили им перейти свои границы, в результате чего союзники разграбили и сожгли многие рыцарские замки вместе с окрестными селами.

Переступив через прусскую границу утром 9 июля, войска Ягайло и Витовта двинулись к бродам через реку Дрвенца, от которых открывался прямой путь к Мариенбургу — столице Ордена. На этих бродах великий магистр и решил дать бой. Броды были укреплены частоколами и палисадами, за ними стояли пушки и отряды арбалетчиков, в глубине — легкая и тяжелая конница. Попытка прорыва в этом месте неизбежно завершилась бы поражением. Поэтому Ягайло и Витовт решили обойти Дрвенцу у истоков. Они отошли к Зольдау (Дзялдово), чтобы двинуться в обход укрепленной позиции тевтонского войска.

Этот маневр оказался неожиданным для крестоносцев, но они быстро сориентировались и точно определили дальнейший путь противника. Он неминуемо проходил возле деревень Грюнвальд, Людвиксдорф (ныне Людвиново) и Танненберг (ныне Стембарк). Юнгинген поспешил с войсками в этот район и прибыл туда к вечеру 14 июля. Обоз тевтонцев расположился возле Грюнвальда, а их хоругви заняли боевые позиции между Танненбергом и Людвиксдорфом. Рано утром 15 июля их обнаружили передовые татарские разъезды. Тотчас польско-литовское войско стало снаряжаться к битве и выходить на открытую местность.

Поле боя находилось южнее деревни Танненберг. Это была довольно ровная местность, которая имела несколько гряд невысоких холмов, пересекаемых незначительными оврагами. Противников разделяла небольшая лощина.

Поляки заняли левую половину поля, войска Витовта — правую. По фронту они растянулись на два с половиной километра. На таком участке могли сражаться с крестоносцами не более 20—22 хоругвей, если положить 100 метров на хоругвь, то есть по 50 человек в ряд и до 8—10 рядов в глубину. Позади первой линии («чельной») стояли во второй линии («вольной») еще 20—22 хоругви, за ними стояла третья линия («отвальная»). За третьей линией находился резерв. Промежутки между линиями назывались улицами и предназначались в первую очередь для гонцов с приказами от командующих.

Левым крылом войск Витовта командовал князь Семен Лугвениевич Мстиславский (по другим данным, его имя было Юрий),

внук великого князя Альгерда, правым — князь Петр Гаштольд. Витовт находился в центре второй линии своих войск. Польскими хоругвями командовали коронный маршал Збигнев из Бжезя и рыцарь Зындрам из Машковиц.

Перед битвой осторожный Ягайло попытался вступить в переговоры с немцами, но надменный великий магистр фон Юнгинген с презрением отверг это предложение. Более того, он с целью насмешки послал в полдень к Ягайло двух герольдов. Они передали ему два меча со следующими словами:

«Пресветлейший король, великий магистр Прусский Ульрих прислал тебе два меча: один тебе, другой твоему брату, в помощь, чтобы ты не робел, но осмелился драться. Если тебе тесно, то великий магистр уступит тебе место».

Тевтонцы тоже выстроились в три линии. На их правом фланге находились 20 хоругвей под командованием герцога Лихтенштейна, на левом — 15, под командованием Фридриха фон Валленрода, а во второй линии и в резерве — еще 16 хоругвей. Магистр Ульрих фон Юнгинген расположил свой командный пункт на левом фланге, возле деревни Танненберг. Бомбарды были установлены впереди войска, их прикрывали арбалетчики.

Тевтонцы стояли на месте и ждали атаку противника. Как вскоре выяснилось, тому была причина. Ночью они вырыли рвы впереди своих позиций, вдоль дороги между Людвиново и Танненбергом, и замаскировали их. Наконец, устав ждать, великий магистр приказал дать залп из бомбард. Ядра упали возле первых шеренг союзников, не причинив никому вреда. К этому моменту прекратился дождь, шедший с утра, небо прояснилось.

С обеих сторон ударили литавры, заиграли трубы, поляки запели старинную боевую песню. Так начался бой. Тучи стрел полетели в обе стороны, но отскакивали от щитов и доспехов. Тогда Витовт послал вперед татар и легкую подольскую конницу. Часть всадников провалилась в волчьи ямы, но остальные прорвались в промежутки между рвами, порубили пушкарей и арбалетчиков.

В это время магистр приказал Валленроду контратаковать. Тяжелая рыцарская конница наставила копья, тронулась и, набирая ход, грузно поскакала на правую часть поля, на хоругви Витовта. Татары и подольцы ускакали в стороны, навстречу немцам пошли тяжелые литвинские всадники. Покрытые броней кони бежали не быстрее 12—13 километров в час. Вот на такой черепашьей, по нашим меркам, скорости столкнулись орденские и ливийские всадники. Трехсаженные копья сломались при взаимном ударе о щиты, в дело вступили топоры, молоты и мечи. Поскольку воины бились холодным оружием, постольку сражение быстро превратилось в тысячи отдельных **Ю**единков, где, однако, не действовали турнирные правила. Лучник

из-за спины своего хозяина мог нанести противнику неожиданный удар коротким копьем либо секирой, паробок нырял под вражеского коня и вспарывал ему брюхо, добивал упавшего всадника сквозь щели в доспехах длинным узким кинжалом. Для опознания друг друга поляки и литвины повязали соломенные жгуты на предплечья.

Польские полки вступили в битву примерно на час позже. Почему так произошло, неизвестно. Во всяком случае, все хроники свидетельствуют, что в то время, когда хоругви ВКЛ уже рубились с тевтонцами, Ягайло еще слушал обедню, а затем посвящал в рыцари около тысячи молодых воинов. Они поклялись королю победить или умереть. Тем временем Витовт дважды приезжал к шатру Ягайло, требовал скорее послать войско в бой.

Скорее всего, Ягайло хотел сберечь своих людей за счет людей Витовта. Ведь отношения двоюродных братьев были далеко не теплыми. Как мы знаем, за 18 лет до битвы Ягайло приказал задушить отца Витовта в Кревском замке. Ягайло, заняв польский трон, из-за противодействия Витовта не смог исполнить свое обещание о присоединении ВКЛ к Польскому королевству. Объединившись для войны с Орденом, они держали в уме свои отдельные расчеты.

Как бы там ни было, промедление Ягайло привело к тому, что крестоносцы решили взять литвинов и поляков в два отдельных кольца окружения. Поэтому самый сильный удар они направили в центр, где стояло крыло Семена (Юрия), князя Мстиславского, и соседнюю с ним краковскую хоругвь, чтобы рассечь союзное войско на две части. Одновременно полки орденских наемников потеснили и принудили к отступлению татарскую конницу на правом фланге. Татарские панцири из каленой кожи буйволов не выдерживали ударов копий и мечей, а теснота поля не позволяла им маневрировать.

Дольше всех сопротивлялись виленская и троцкая хоругви, но затем все крыло Петра Гаштольда стало отходить к обозу. Девять «знамен» Валленрода преследовали отступавших литвинов. Только группа Семена (Юрия) оказала упорное сопротивление. Ее окружили шесть «знамен» Валленрода. В этой схватке литвины и смоляне понесли большие потери, но все же пробились к правому флангу поляков и прикрыли его. Это имело важное значение для дальнейшего хода боя.*

* В сочинениях русских историков давно уже стало общим местом — в связи с этим эпизодом боя — упоминание о «трех смоленских полках». Между тем, в латинском тексте Яна Длугоша, являющимся основным источником сведений русских историков о Грюнвальдской битве, упомянут лишь один такой полк (хоругвь). «Три смоленских полка» появились из-за ошибки русского переводчика. В действительности здесь стояли хоругви из Орши, Смоленска и Мстиславля (в частности, об этом сказано в книге польского историка XVI века Б. Ваповского «История Польской короны и Великого княжества Литовского от 1380 до 1525 г.». Но русский переводчик книги Длугоша отнес оршан и мстиславцев к смолянам!

БИТВА ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ: 15 июля 1410 г.

Расположение и действия войск Тевтонского ордена
Конница и пехот» лд-***- Заграждения % Бомбарды
вш* Атака и преследование отрядами Валленрода правого крыла
союзных войск
Расположение и действия войск союзников
Авангард Ввод а сражение смоленских полков
Польские войска Подтягивание и поворот» частей
Литовско-русские войска левого крыла для окружения немецких вийск
Смоленские полки Атака и уничтожение отрядов
Атака и отступление отрядов Витовта Валленрода

ВТОРОЙ ЭТАП ЛАЗГРОМ ВОЙСК ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Грюнвальдская битва.
Из «Хроники всего Света» Мартына Вельского, 1564г.

Тем временем обозники поставили подводы двойным кольцом и сцепили их между собой, превратив в укрепление — табор. Отступление части хоругвей к обозу показалось крестоносцам переломом битвы, они даже запели победный гимн: «Христос воскрес! Возрадуемся, братья, о Боге, что сломал рог язычников!» Однако в тот день Бог был не с ними. В таборах перед тевтонцами на подводах встали тысячи пеших ратников с цепями, кистенями, рогатинами, звездашами, и все это мозжащее оружие обрушилось на рыцарские ряды. Дальше отступать было некуда, люди стояли насмерть.

Тем временем Семен Мстиславский, потеряв треть воинов, отразил натиск противника. К его соседям-полякам пришли на выручку три хоругви — галицкая, сандомирская и львовская. В центр битвы устремились подольские хоругви и виленская, вступили в бой шесть хоругвей резерва. Теперь на крестоносцев пошли 17 польских хоругвей. Ульрих фон Юнгинген направил против них 20

хоругвей Лихтенштейна. Завязался упорный бой, в результате которого полякам и чешско-моравским отрядам удалось прорвать линию крестоносцев. Тут возвратились орденские хоругви, не сумевшие ворваться в табор, ударили полякам в правый фланг и отчасти в тыл. Но поляки выдержали этот натиск. Свыше часа они с удивительным упорством неустанно рубили крестоносцев, ни на шаг не отступая со своих позиций.

Тогда великий магистр Ордена бросил в сражение свои 16 хоругвей резерва. Пало большое королевское знамя. Наступил критический момент. Ягайло тут же послал в бой остальные хоругви резерва, даже свою личную охрану. В это время раздался крик: «Литва возвращается!». Действительно, Витовт перегруппировал свои хоругви и вновь повел их на крестоносцев. Удар литвинов и татар решил исход боя. Крестоносцы заколебались и начали медленно отступать.

Вскоре на поле брани в самом деле образовались два котла, но в них перемалывали крестоносцев, а не поляков с литвинами. В одном из этих котлов погиб великий магистр Ульрих, которого ударом рогатины по шее зарубил татарский хан Багардин; во втором — великий маршал фон Валленрод и весь капитул. Приближенные Ульриха предлагали ему бежать, но он гордо ответил: «Не дай Бог, чтобы я оставил это поле, на котором погибло столько мужей».

Те орденские рыцари и наемники, которым удалось вырваться из окружения, отступили в к обозам под Грюнвальдом. Тут несколько тысяч кнехтов и рыцарей пытались обороняться за повозками, но отсутствие командования и паника сломили их волю. Силы нападавших удвоило желание захватить обоз; отчаяние немцев лишь ускоряло удары мечей, топоров и копий.

Наконец, рыцари и пехота побежали. Истребление бегущих войск входило в тогдешнюю тактику. Оно продолжалось до глубокой темноты на расстоянии 15—20 верст. Повсюду раздавались возгласы «erbar-me mich deiner» («пощадите из милости»). Но поляки, литвины, чехи и татары не рубили лишь тех, за кого надеялись взять выкуп. Знатных пленников сотнями гнали в свое расположение. Сюда же, в таборы, сносили раненых с поля сечи. Наступившая темнота помешала разбору тел. А ночью хлынул и долго не прекращался сильнейший ливень. Поэтому много раненых утонуло в низинах. Войско ВКЛ потеряло половину своего состава; потери поляков неизвестны.

Наутро, после полного разбора трупов и раненых, стали ясны масштабы победы. Орденское войско перестало существовать. Взяты были 52 знамени, все бомбарды и весь обоз. Все руководство Ордена погибло: и Юнгинген, и Валленрод, и Лихтенштейн, а также свыше 600 наиболее именитых рыцарей. Не осталось никого, кто мог бы представлять побежденную сторону на переговорах об условиях капитуляции и мира. С М. Соловьев отметил:

«Битва на Зеленом поле /так он называл Грюнвальд/ была одна из тех битв, которые решают судьбу народов: слава и сила Ордена погибли окончательно».

Следовало как можно скорее войти в Мариенбург, создать новую администрацию и поделить территории. Однако эйфория грандиозного успеха замедлила реакцию победителей. Три дня они стояли на месте битвы: хоронили павших, оказывали помощь раненым, считали и делили трофеи. Потом потратили 7 дней на 100-километровый переход. За это время комендант крепости, энергичный комтур Генрих фон Плауэн успел мобилизовать всех, кто мог держать в руках оружие и собрал достаточно сильный гарнизон, пополнил запасы провианта. Сам же замок Мариенбург считался неприступным, те читатели, которым довелось бывать в нем на экскурсии, видели своими глазами, насколько это мощное сооружение — стены высотой до 23-х метров, толщиной в основании 16 метров! Сдаться врагу Плауэн отказался, осада шла вяло, успеха она не принесла. Десятипудовые ядра бомбард оставляли только царапины на стенах твердыни. В конце сентября поляки и литвины сняли осаду и отправились по домам.

После Грюнвальда они больше не встречали нигде сопротивления и за эти два месяца разорили прусские владения Тевтонского ордена. Но воевать дальше сил не было, слишком большие потери понесли литвины и поляки в битве. Ягайло и Витовту пришлось 1 февраля 1411 года заключить с Орденом (точнее, с Плауэном) так называемый Первый Торнский мир (по названию города Торн, ныне польский Торунь). Орден вернул Польше и Литве все захваченные у них земли и уплатил контрибуцию — 300 тысяч золотых дукатов, атакже выкупил своих пленных. Военная мощь тевтонцев была подорвана, через 56 лет (в 1466 году) орден прекратил свое существование.

В ряду крупнейших сражений Средних Веков битва под Грюнвальдом выделяется как числом участников, так и серьезностью последствий. Тевтонский орден, бывший еще утром 15 июля 1410 года одним из могущественных государств, вечером того же дня оказался на грани полного исчезновения с политической карты Европы.

Эта битва вывела победителей — Польское королевство и Великое княжество Литовское — в перворазрядные державы той эпохи.

ГОРОДЕЛЬСКАЯ УНИЯ (1413 г.)

Итак, благодаря Островскому договору Литва и Польша сокрушили Тевтонский Орден. В результате победы под Грюнвальдом, ВКЛ вернуло себе Жемойтию (Жмудь), получило город Сувалки и

земли вокруг него, а Ягайло отдал Витовту Подолье (украинские земли в верховьях и средней части Днепра).

Политическим следствием Грюнвальда стала так называемая «Городельская уния», по названию замка Городля неподалеку от Владимира-Волынского. В 1413 году там было заключено новое соглашение о союзе (унии) Польши и Литвы. Кроме Ягайло и Витовта, его подписали и скрепили своими печатями по 47 магнатов от каждого из двух государств.

Оно предусматривало, что Литва всегда будет иметь своего собственного государя (великого князя) и свое собственное управление. При этом литовское рыцарское сословие (шляхта) получило ряд таких же прав и вольностей, что и польское. Если раньше бояре и дружинники всецело зависели от воли великого князя, то теперь они превратились в сословие свободных людей, обладавших наследственными правами. Этому новому сословию предстояло играть главную роль в политической и военной истории Великого княжества Литовского последующие 380 лет, вплоть до окончательной утраты независимости в 1795 году*

Крестьяне (около 70% населения к 1600 г.) и шляхта были двумя самыми массовыми сословиями в ВКЛ. Сословную грань между ними проще всего определить так: крестьяне — это люди, освобожденные от военной службы и обложенные налогами; шляхтичи не платили налогов, но несли военную службу.

Разница в материальном положении шляхтичей и крестьян была невелика: подавляющее большинство первых составляли так называемые «застенковые». Они обитали на крошечных хуторах («застенках»), сами пахали землю и вели хозяйство вместе со своими слугами (если они у них были). Все их достоинство заключалось в сабле, верховом коне да «шляхетском гоноре».

В каждой области (воеводстве) Литвы и Польши отныне учреждал 11 Сб сеймики, представлявшие собой съезды местных магнатов, **бояр** и шляхты, на которых они решали многие вопросы, прежде всего — вопросы о новых налогах. Первое время король и великий князь сам объезжал эти сеймики, но затем стал приглашать представителей сеймиков в какой-либо определенный пункт. Иногда 1 ю его требованию уполномоченные шляхты собирались на общий **Съезд**, так постепенно возник общий польско-литовский сейм.

15 конце XV века он делился на две палаты: верхнюю — коронную и нижнюю раду (или сенат), где заседали «можновладцы» — прелаты и

* Исследователи подсчитали, что в XVI веке к шляхетскому сословию принадлежало около 8 % населения ВКЛ; к концу XVIII века эта цифра составила уже

< М. Европейское дворянство в XVI—XVIII вв.: Границы сословия. (Сб. науч. Чудон). М., 1997, с. 194.

высшие сановники Польши и Литвы, а также нижнюю (посольскую избу), где заседали депутаты от шляхты, избранные на сеймиках. Сеймики получили еще большее значение. Они не только выбирали депутатов на вальный сейм, но и составляли для них обязательные указы. В общем (вальном) сейме депутаты выступали не от своего имени, а как представители сеймиков.

Кстати говоря, Витовт предпринял ряд энергичных мер с той целью, чтобы ликвидировать антагонизм между православными и католиками в Литве. В частности, в 1415 году он учредил автокефальную (независимую) православную митрополию великого княжества с центром в Новогородке (Новогрудке). Митрополитом Литвы он назначил епископа Григория Цамблака, приехавшего из Болгарии. Однако патриарх в Константинополе, обиженный тем, что «у него не спросили», отказался официально утвердить это назначение.

Тогда Витовт первым высказал мысль о полезности соединения (унии) православной и католической церквей в Литве. Заметим, что это было лет за 20—25 до знаменитого Флорентийского собора! Он даже хотел послать Цамблака на собор в Констанцу, где предполагалось решить вопрос соединения церквей во всей Европе. К сожалению, Цамблак скоро умер, а Витовт так и не назначил ему преемника.

Попутно отметим, что хан Едигей еще вел некоторое время борьбу с Великим княжеством Литовским. В 1411 году он снова взял Киев, ограбил его, разорил все церкви, в том числе Киево-Печерскую лавру, но потом отправил к Витовту посольство с богатыми дарами и следующим посланием:

«Князь знаменитый! В трудах и подвигах честолюбия застала нас унылая старость; посвятим миру остаток жизни. Кровь, пролитая нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранные, какими мы друг друга огорчали, развеяны ветрами; пламя войны очистило наши сердца от злобы. Вода угасила пламя».

Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Книга 3, с. 33—34

Это послание Едигея (59 лет) произвело сильное впечатление на Витовта (61 год). Он заключил «вечный мир» со своим победителем.

ВОЙНЫ ВИТОВТА С ПСКОВОМ И НОВГОРОДОМ (1426-1428 гг.)

Литовский князь, как уже сказано, до самой смерти Василия I Дмитриевича оставался его добрым соседом. Умирая (это произошло в феврале 1425 года) Василий «поручил» свою жену Софью и 10-летнего сына (Василия II) попечительству их отца и деда —

Витовта. Став опекуном великого князя, и тем самым устранив угрозу со стороны Москвы, Витовт решил, наконец, исполнить свою давнюю мечту — установить контроль над двумя надменными «господами великими», Новгородом и Псковом.

Для начала он вторгся в земли Господина Великого Пскова. 1 августа 1426 года Витовт осадил крепость Опочку. В его войске, кроме литвинов, были наемники (немцы, чехи, валахи), а также татары из дружины свергнутого к тому времени золотоордынского хана Улу-Мухаммеда. Но жители города устроили им ловушку. Они заранее вбили колья в дно рва под мостом к городским воротам, подвешенным на канатах, сами же спрятались. Татары, не видя никого на стенах, толпой бросились к воротам. Тогда защитники обрезали канаты, мост рухнул, много татар упало на колья. Защитники немедленно устроили вылазку и добились раненых.

Простояв после такого конфуза два дня под стенами города, Витовт решил поискать удачи в другом месте. 5 августа его войско подошло к городу Воронач. Защитники крепости мужественно оборонялись три недели, несмотря на то, что литовцы использовали осадные пушки. Но потом случилась ужасная гроза, настолько сильная, что казалось — само небо ополчилось против людей. Витовт, схватившись руками за опорный столб в своем шатре, в ужасе кричал «Господи, помилуй!» Люди тогда были весьма суеверные, от Воронача князь Витовт немедленно ушел.

Под крепостью Котельно четыре тысячи псковичей разбили семитысячный отряд литвинов и татар. У маленькой крепости Велье жители города Острова уничтожили группу татар в 40 человек. Мужественно сражались жители города Врева. Так что легкой прогулки у Витовта не вышло.

Тем не менее, дело кончилось тем, что Псков заплатил Витовту то ли три тысячи рублей (по московской летописи), то ли одну тысячу (по тверской летописи) в качестве выкупа за взятых в плен псковичей.

* * *

В 1426 году вассалом Витовта стал рязанский князь Иван Федорович. Вот текст его договора с великим князем литовским:

«Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину господарю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнет ссора между великим князем Витовтом и внуком его великим князем

Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

В следующем 1427 году великий тверской князь Борис Александрович тоже стал вассалом Литвы. Договор гласил:

«Господину, господарю моему, великому князю Витовту, с аязь... добиль есми челом, дался если ему на службу... А господину моему, деду, великому князю Витовту, меня, князя великого Бориса Александровича тверского боронити ото всякого, думая и помощью. А в земли и в воды, и во все мое великое княженье Тверское моему господину, деду, великому князю Витовту не вступаться».

Итак, Борис Тверской признал Витовта своим господином. Что касается слова «дед», то надо пояснить, что дед Бориса — Иван Михайлович — был первым браком женат на сестре Витовта, следовательно, Витовт приходился Борисудвоюродным дедом. В силу этого договора в июле 1428 года Борис Александрович послал свои полки на помощь Витовту в походе на Новгород. На сторону Витовта также перешли князья рязанский и пронский.

Этот поход стал самой масштабной из всех попыток Литвы силой подчинить Новгород и все равно завершился неудачей. Витовту удалось взять Себеж, но крепость Порхов оказала ожесточенное сопротивление литвинам. Они стреляли по крепости из пищалей, тюфяков (род гаубиц) и пушек. *однако* во время обстрела у них взорвалась самая большая пушка по названию «Галка». При этом погиб немец Николай (Николаус), заведовавший осадной артиллерией, пострадали многие пушкари. В итоге Порхов взять не удалось, после чего идти к Новгороду уже не имело смысла.

Пришлось Витовту ограничиться выкупом за пленных: шесть тысяч рублей с Новгорода, пять тысяч с Порхова и с тем он ушел. По словам летописца, Витовт сказал новгородцам, принимая у них деньги: «Вот вам за то, что называли меня изменником и бражником». Но это он демонстрировал свою браваду: план расширения ВКЛ за счет новгородских земель провалился.

КОРОЛЕВСКАЯ КОРОНА ВИТОВТА

Подводя итоги деятельности Витовта, отметим, что он разными способами — мирными и военными — присоединил к ВКЛ обширные территории на востоке: Смоленскую, Орловскую, Калужскую, Курскую и Тульскую земли. Граница между Литвой и Москвой теперь проходила восточнее Вязьмы, в районе Можайска. На юге Витовт присоединил Нижнюю Подолию — земли между ниж-

ним течением Днестра и Днепра. Таким образом, Великое княжество Литовское в те времена простиралось от Балтийского моря на северо-западе до Черного моря на юге. При этом более 90% населения государства составляли славяне.

К концу жизни Витовт нейтрализовал двух главных противников Литвы — Тевтонский Орден и Московскую Русь, а Рязанское и Тверское княжества превратил в своих вассалов. После этого он вполне логично решил исполнить давнюю мечту: окончательно и бесповоротно покончить с за-

*штжшшшшш ж шт^*

висимостью от Польши, для того, чтобы не только фактически, но и формально устранить главенство польской короны, по европейским понятиям того времени — помимо реальной власти, обширных владений и значительного богатства — требовался королевский титул.

Однажды в 1408 году на обеде у великого князя бояре провозгласили тост за *«короля»* Литовского, Русского и Жемойтского, и попросили Витовта разрешить им впредь его так величать. Витовт ответил, что *пока* не считает себя достойным столь высокого титула. Лишь через 20 лет он решил, что время пришло.

Витовт, великий князь Литвы

В 1428 году Витовт обратился к германскому императору Сигизмунду I (мы уже упоминали его как короля Венгрии и Чехии) с просьбой о пожаловании ему королевской короны. Император вел в то время тяжелые войны с гуситами и турками, требовал помощи от Ягайло, а тот уклонялся, говорил, что якобы ничего не может сделать без совета с Витовтом. Так что у Сигизмунда тоже были основания для сближения с литовским великим князем. Он говорил:

«Вижу, что король Владислав (т.е. Ягайло) человек простоватый и во всем подчиняется влиянию Витовта, так мне нужно привязать к себе прежде всего литовского князя, чтоб посредством его овладеть и Ягайлом».

Витовт и Сигизмунд договорились встретиться в Луцке. В 1429 году здесь состоялся знаменитый съезд вельмож:

«Сюда, кроме Сигизмунда, приехал молодой внук Витовта — великий князь Московский Василий Васильевич, престарелый Ягайло, князь Тверской и Рязанский, хан Перекопской (Крымской) Орды, магистры Орденов Немецкого /Тевтонского/ и Ливонского, легат или посол Папы, Византийский посол и многие из удельных князей русских и литовских.

Витовт старался удивить гостей великолепием приема и роскошнейшими пирами, для которых из княжеских погребов ежедневно отпускалось 700 бочек меду, кроме вина, романа и пива, а на кухню привозили 700 быков и яловиц, 1400 баранов и по 100 зубров, лосей и кабанов. В это же время устраивались, конечно, огромнейшие охоты для приглашенных».

Нечволрдов А. Сказания о Русской земле. Книга 3, с. 60

После празднеств начались совещания. На одном из них Сигизмунд сказал:

«Я понуждаю Папу, чтоб он созвал собор для примирения с гуситами и для преобразования церкви. Отправляюсь туда сам, если он согласится. Если же не согласится, созову собор собственной моею властью. Не должно пренебрегать также и соединением с греками, потому что они исповедуют одну с нами веру, отличаясь от нас только бородами да тем, что священники у них женатые. Но этого, однако, не должно ставить им в порок, потому что греческие священники довольствуются одною женою, а латинские держат их по десяти и больше».

Эти слова императора вскоре повторяли все православные вельможи, восхваляя Сигизмунда, к большой досаде поляков. Но еще больше они расстроились, когда узнали, что Сигизмунд решил признать Витовта «королем Литовским, Русским и Жемойтским». Император без особого труда уговорил Ягайло дать на это свое согласие, но католические прелаты и польские вельможи категорически возражали. Ведь Литва уплывала от них навсегда.

Краковский епископ Збигнев Олесницкий, человек умный и предприимчивый, при всех обратился к Витовту с резкими словами. Он заявил, что выбирая Ягайло королем, польские пань якобы руководствовались только «духовным благом литовцев», поскольку земли их не представляли никакой ценности. Другие польские представители поддержали эти слова епископа. Витовт, обычно сдержанный, в ответ резко выразил свое неудовольствие: «Пусть так! А я все-таки сделаю по-своему!» Тогда поляки упрекнули Ягайло: «Разве ты нас за тем сюда позвал, чтобы быть свидетелями такого отделения от Польши?»

Ягайло поблагодарил панов за верность и поклялся, что никогда не даст согласия Сигизмунду и Витовту на формальное отделение Литвы. Он также-сказал, что готов хоть сейчас бежать из Луцка.

Тогда польские прелаты и вельможи быстро собрались и уехали днем, а Ягайло последовал за ними ночью. Витовта и других его гостей смутило это бегство.

Польские прелаты, руководствуясь своими корыстными интересами, послали Папе Римскому кляузу, в которой в сильно преувеличенном виде изобразили ту опасность, которая якобы грозит католицизму в случае полного отделения Литвы от Польши, дескать, православные быстро «задавят» там немногочисленных католиков. Огорченный Папа немедленно отправил германскому императору запрет посылать корону в Литву, а Витовту — запрет принимать ее.

Тем не менее, Витовт не собирался отступать. Он пригласил многих вельмож, приехавших в Луцк, на свою коронацию в Вильно, назначенную наследующий год, в день Успения Божьей Матери. Витовт велел присягнуть себе, как независимому государю, всем князьям и боярам Великого княжества Литовского. А император Сигизмунд издал указ о даровании Витовту королевского титула, на что, заметим, он имел полное право как глава Священной Римской империи.

Однако посланцы Сигизмунда не привезли корону в назначенный срок, поэтому коронацию перенесли на другой праздник — Рождения Божьей Матери. Между тем, в Вильно собрались все вассалы и родственники великого князя литовского, в том числе 15-летний внук Витовта, князь московский Василий II*тверской князь Борис Александрович и другие. Снова приехал и Ягайло, поддавшийся уговорам Витовта.

Но польские магнаты и католические прелаты решили любой ценой помешать коронации. Они расставили сторожевые посты по всем границам. На границе Саксонии и Пруссии им удалось задержать сигизмундовых послов Чигала и Рота, ехавших к Витовту с известием, что корона уже отправлена, и с грамотой о даровании ему королевского титула. Вслед за ними ехали многочисленные знатные вельможи с короной. На их перехват устремились три польских отряда. Узнав об этом, вельможи повернули назад.

Посланцы Сигизмунда убеждали Витовта венчаться короной, изготовленной в Вильно, поскольку это не мешало бы императору признать коронацию законной. Но Витовт колебался. После напрасного долгого ожидания гости, приглашенные на коронацию, стали разъезжаться.

Все это так подействовало на Витовта, что он расхворался и 27 октября 1430 года умер. Скорее всего, причиной тому была старость, князю уже исполнилось 80 лет.

Смерть не позволила Витовту довести до конца его обширные политические планы.

НАСЛЕДНИКИ - СОПЕРНИКИ: СВИДРИГАЙЛО И СИГИЗМУНД

Витовт не оставил прямого наследника. После торжественных похорон литовские князья избрали новым великим князем 60-летнего Свидригайло (1370—1452), младшего брата Ягайло, сына Альгерда от его второй жены Ульяны Тверской.

Бросим взгляд назад. В феврале 1386 года во время коронации Ягайло в Кракове, 16-летний Свидригайло перешел из православия в католичество и получил от старшего брата в удел Витебское княжество. Но когда главой Литвы стал Витовт, он в 1393 году отобрал княжество у Свидригайло и посадил в тюрьму. Позже Ягайло освободил брата. В 1396 году Свидригайло с помощью ливонских рыцарей вернул себе Витебск. Тогда Витовт осадил и снова взял город, а пленного Свидригайло отправил в Краков к Ягайло.

В 1399 году Свидригайло вместе с польскими князьями участвовал в неудачной битве на Ворскле. После поражения Витовт простил его и дал в удел Подолию. Свидригайло присягнул на верность Витовту но в 1402 году уехал в Пруссию, чтобы с помощью крестоносцев захватить великокняжеский престол в Вильно. Однако походы немцев на Литву оказались безуспешными.

Пришлось Свидригайло снова мириться с Витовтом. В 1407 году он получил от него в удел Брянск с окрестностями. Но уже в следующем 1408 году, Свидригайло, как мы помним, с группой князей и бояр уехал в Москву к Василию I. Его план захватить трон в ВКЛ с помощью московского войска провалился и в 1409 году Свидригайло вернулся в Литву. Он по-прежнему мечтал о захвате власти, с этой целью вступил в тайные переговоры с крестоносцами Пруссии и Ливонии.

Узнав о заговоре, Витовт приказал схватить Свидригайло и отправить его в Каменецкий замок. Там он провел более восьми лет: с осени 1409 до марта 1418, когда ему удалось бежать в Венгрию. И снова Витовт простил строптивого родственника, а в 1419 году дал ему в удел Чернигов, Новгород-Северский и Брянск. С той поры Свидригайло политической активности не проявлял, зато приобрел большой авторитет среди православных князей и бояр Литвы.

Для начала новый князь приказал гарнизонам литовских замков и крепостей принести присягу ему одному, без упоминания Ягайло, что ясно показало его намерение быть полностью независимым от Польши. Тогда польские войска вошли на территорию Подолии и заняли пограничные замки. В ответ Свидригайло задержал Ягайло, находившегося в Вильно, и отпустил его только после того, как поляки вернули захваченные замки. Но когда Ягайло вернулся в

Краков, возобновились военные действия между литовцами и поляками на территории Волыни и Подолии.

В 1431 году Свидригайло заключил союз с Тевтонским орденом, Господином Великим Новгородом и с чешскими таборитами, чтобы совместными усилиями разгромить Польшу и добиться от ее властей официального признания полной независимости Литвы. Поляки оказались в сложном положении. Уже 1 сентября осенью того же года Ягайло пришлось заключить перемирие со Свидригайло сроком на два года. По этому акту Свидригайло был признан великим князем и владельцем всех земель ВКЛ.

Однако Свидригайло был человек грубый, буйный, подозрительный, жестокий и, вдобавок, пьяница. С помощью поляков против него был составлен заговор, который возглавил князь Сигизмунд Кейстутович (1365—1440), младший брат покойного Витовта.* В ночь на первое сентября 1432 года произошел государственный переворот. Заговорщики хотели убить Свидригайло, находившегося в Ошмянах, но ему удалось с несколькими преданными слугами бежать в Полоцк.

После этого великим князем Литвы стал 67-летний Сигизмунд. Не имея достаточно сил для борьбы со Свидригайло, он возобновил унию с Польшей, о чем заявил в Гродно 15 октября 1432 года. Тем временем Свидригайло собрал войско, в которое вошли хоругви из Полоцка, Витебска, Смоленска, Чернигова-Северского, Киева, Волыни, Подолии, а также из Твери, Австрии, Чехии и Силезии. С ними в конце октября он пошел походом на Вильно.**

* Во время борьбы между Витовтом и Ягайло, последний два года (1382—84) держал Сигизмунда в заключении. Далее девять лет (1389—98) он являлся заложником магистра Тевтонского ордена в Мальборке. После возвращения получил от Витовта в удел Стародубское княжество. Участвовал в битве на Ворскле и в Грюнвальдском сражении. При жизни Витовта политическим влиянием не пользовался.

** В этой усобице прославился князь Федор Острожский, дед Константина Острожского, позже причисленный к сонму святых Русской Православной церкви.

Свидригайло.

Из книги А. Гваньини «Описание европейской Сарматии», 1578г.

Первое сражение произошло под Ошмянами 8 января 1433 года, но не дало перевеса ни одному из противников. После битвы Свидригайло вернулся в Полоцк. В августе он захватил Ковно, где перебил весь гарнизон. На обратном пути Свидригайло осадил замок в Лиде, правда, безуспешно. Потом он сжег Заславль и Минск:

«Прышодшы к Менску и город Менск зажег... а людей много в полон поведоша, мужи и жены»... «Менск за один день взяли и место выжгли».

Осенью 1433 года Сигизмунд попытался овладеть Мстиславлем, князь которого Семен Лугвениевич (один из многих внуков Альгерда) поддержал Свидригайло. Но жители Мстиславля отсились в своем замке и не поддались ему. Простояв здесь три недели, Сигизмунд ушел восвояси.

В конце года Свидригайло опять ходил походом, взял штурмом замок Крево. Летопись сообщает:

«И приде ко Креву, стояша два дни, взяша Крево мурованы и сожже, а людей много посекоша и в полон поведоша»...

Весной 1434 года умер 84-летний Ягайло, или Владислав II. Сохранив до глубокой старости увлечение охотой и природой, король вышел холодной весной ночью послушать пение соловья, простудился и умер неподалеку от Львова. Польский трон занял его сын Владислав III Ягеллон.

Понимая, что победа в борьбе за власть невозможна без поддержки подавляющего большинства панов и бояр, независимо от их вероисповедания, Сигизмунд 6 мая 1434 года, вскоре после смерти Ягайло, издал привилей (на латинском языке), включавший 8 пунктов (артикулов). Он значительно расширил личные и имущественные права всех феодалов Литвы, объединил их в единое сословие, с общими сословно-классовыми интересами.

В результате летом 1434 года луцкий и кременецкий наместники (Волынь) перешли на сторону Сигизмунда. Тайные переговоры с ним начали смоленские паны, а также православный митрополит Герасим, поставленный Константинополем в Литве по просьбе самого Свидригайло (он находился в Смоленске). Узнав об этом, Свидригайло приказал схватить их всех и сжечь на костре. Это злодеяние сильно повредило Свидригайло: он лишился поддержки многих православных сторонников.

В августе 1435 года Свидригайло вышел в поход на Сигизмунда из Браслава, на этот раз совместно с войском ливонского магистра Ф. Керскорфа. Но уже 1 сентября сын Сигизмунда, князь Михаил Сигизмундович (ок. 1386—1451) разбил их в сражении у Вилькомира на реке Свенте, притоке Вилии. Погибли почти все ливонцы, в том

числе магистр; славянское войско Свидригайло понесло значительные потери. Пришлось ему бежать в Полоцк.

Михаил пошел следом, занял Оршу, осадил Полоцк и Витебск. Он шесть недель осаждал эти два города, но взять не смог. Зато смоляне, потрясенные казнью Герасима и своих «лучших людей», перешли на сторону Сигизмунда.

Ливонский и тевтонский ордены после разгрома под Вилькомиром заключили «вечный мир» с Польшей и Литвой, обязались не помогать далее Свидригайло.

В начале 1436 года настырный князь прибыл в Киев. С помощью крымских татар он овладел всей Подолией, после чего и Волынь снова признала его власть. Однако летом 1436 года Полоцк и Витебск присягнули Сигизмунду, который подтвердил этим землям все их прежние привилегии.

Укрепив свои позиции в Литве, Сигизмунд начал проводить более самостоятельную политику по отношению к Польше. Поэтому польские феодалы теперь стали поддерживать Свидригайло. А киевский воевода Юрша летом 1437 года отразил первый поход войска Сигизмунда. Но в результате второго похода Киев все же подчинился ему. После этого под властью Свидригайло остались только Волынь и Подолия.

В 1439 году Свидригайло признал свое поражение и бежал в Молдавию. Немного позже король Владислав III дал ему в удел небольшое княжество (Покутье) в южной части Галиции.

Семилетняя гражданская война кончилась. Великое княжество Литовское сохранилось как единое государство, но его городам и селениям был причинен значительный материальный ущерб. Погибли много князей и знатных бояр, вместо них к вла-

Литовские воины XV века:
арбалетчик и копейщик

сти в столице и на местах пришли новые люди из числа среднего и даже мелкого боярства. Произошел также определенный передел земель.

~ * ~

Отметим, что Сигизмунд в своих внешнеполитических планах возлагал немалые надежды на крымского изгнанника, перекопского хана Хаджи -Девлет Гирея. В 1434 году он дал ему убежище в Лидском замке, где тот оставался 9 лет, вплоть до 1443 года. Потом при поддержке князей Ягайло и Витовта ему удалось захватить власть над всем степным Крымом. Он правил 23 года, вплоть до своей смерти, наступившей в 1466 году*

В личном плане Сигизмунд мало чем отличался от Свидригайло, был подозрителен, злопамятен и свиреп. Его мстительность в отношении прежних сторонников Свидригайло и жестокие казни возбудили всеобщее недовольство литовской знати. Возник очередной заговор, который возглавили князья, братья Иван и Александр Чарторыйские. С помощью виленского военводы Довгирда и трокского воеводы Лелюша они 20 марта 1440 года убили Сигизмунда в Троцком замке.

Сигизмунд, не выходя из своей спальни, слушал обедню, совершавшуюся в соседнем покое. Его верным сторожем служила ручная медведица, которая в это время гуляла по двору замка. Возвращаясь в комнату Сигизмунда, она обычно царапала лапой дверь, после чего он впускал ее. Зная это, Иван Чарторыйский стал царапать дверь, словно медведица. Сигизмунд открыл засов, братья ворвались внутрь и закололи его вилами.

В том же году на престол в Вильно сел Казимир IV, младший сын Ягайло. В этой связи Свидригайло окончательно потерял шансы стать великим князем Литвы. Казимир выделил ему в удел Волынское княжество. Там он и умер (в Луцке) 10 февраля 1452 года.

Все это десятилетие (1430—1440 гг.) Литве было не до Московской Руси.

* Именно Хаджи-Девлет Гирей основал династию Гиреев, правившую Крымом 340 лет, с 1443 по 1783 гг. За это время на троне в Бахчисарае побывали 48 ханов. Однако долго «дружить» с крымскими татарами никому не удавалось, ибо они представляли собой распространенный в феодальную эпоху тип этноса, жившего исключительно за счет грабежа ближних и дальних соседей. Достаточно сказать, что только в земли ВКЛ за период с 1474 по 1569 гг. они совершили 75 походов, в том числе в 1503 и 1508 гг. вторгались дважды в год. Литвины фактически «уступили» крымцам причерноморские степи, но это не помогло. Если поначалу степные разбойники не ходили дальше Киева, то вскоре они стали достигать Новогрудка и Менска (Минска). Более всего от крымцев страдали Волынь и территория южной Литвы в секторе Брест — Слуцк — Мозырь.

Глава 4

МОСКОВСКО-ЛИТОВСКИЕ войны в 1445—1503 гг.

БОРЬБА ЗА МОСКОВСКИЙ ПРЕСТОЛ

Как уже сказано выше, 27 февраля 1425 года умер великий князь московский Василий I. Сразу после этого началась жестокая борьба между его потенциальными наследниками.

Софья Витовтовна, митрополит Фотий и их окружение посадили на престол сына Василия Дмитриевича, 10-летнего Василия Васильевича (1415—1462).^{*} Но согласно феодальным обычаям, великокняжеский престол должен был занять 50-летний Юрий (1374—1434), средний сын Дмитрия Донского, княживший в Звенигороде и Галиче.

»

Еще в 1419 году Василий I потребовал от своих братьев дать присягу его четырехлетнему сыну Князю Андрей (1382 г.р.) и Петр (1385 г.р.) признали право племянника на престол. Но их старший брат Юрий от своих прав не отказался.

Соответственно, он не признал решение вдовы Василия I и московского боярства. При этом он ссылался на духовную грамоту отца, составленную весной 1389 года, в которой, завещая великое княжение старшему сыну Василию Дмитриевичу (Василию I), еще не успевшему тогда вступить в брак и потому не имевшему детей, тот писал:

«А по грехом отымет Бог сына моего старейшего Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему стол Васильев, великое княжение».

В ночь, когда умер Василий I, митрополит Фотий послал гонца в Звенигород за Юрием, чтобы тот приехал в Москву и присягнул своему племяннику. Но князь Юрий вместо этого поехал в Галич

* У Василия и Софьи было пятеро сыновей. Трое из них — Юрий, Даниил и Семен — умерли еще детьми. Четвертый (Иван) скончался в 1417 году, через полгода после своей свадьбы в возрасте 21 года. Выжил только самый младший, Василий.

Костромской, где стал собирать войско.* Тогда Фотий сам отправился в Галич уговаривать Юрия Дмитриевича не воевать. Переговоры завершились тем, что решение вопроса о том, кому быть великим князем — дяде или племяннику — условились доверить хану Золотой Орды.

Но через два с половиной года, 14 августа 1427 года, великий князь Литвы Витовт сообщил магистру Ливонского ордена:

«Как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту».

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Витовтовны и московских бояр за поддержкой к Витовту. Еще за полгода до этого, с 25 декабря 1426 года по 15 февраля 1427 года улитовского князя находился с дипломатической миссией митрополит Фотий. Эти факты означают, что ни княгиня Софья, ни митрополит Фотий, ни московские бояре не собирались передавать власть Юрию Дмитриевичу. Во-первых, как-то не принято по доброй воле отдавать бразды правления конкурентам; во-вторых, князь Юрий был человеком крутого нрава, а московских бояр, мягко говоря, не любил. Поэтому ничего хорошего для себя они от него не ждали.

и * ф

Поездку «несмышлениша» Василия Васильевича в Золотую Орду любящая мама и верные бояре все откладывали и откладывали. Только в 1432 году, уже после смерти митрополита Фотия, оба претендента прибыли в ставку великого хана. Как известно, к тому времени Орда, раздираемая внутренними противоречиями, сильно ослабела. Казалось, что времена, когда московские князья ходили за ярлыком к золотоордынскому хану, давно миновали. Князь Василий I Дмитриевич наследовал престол отца, Дмитрия Донского, по завещанию последнего, не спрашивая хана. Но тут московские бояре специально поехали на поклон к ордынскому хану Улу-Мухамеду. Они подкупили ряд татарских вельмож, а боярин Иван Дмитриевич Всеволож (или Всеволожский) заявил Улу-Мухамеду:

«Государь, вольный царь. Позволь молвить слово мне, холопу великого князя. Мой государь, великий князь Василий, ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоему царскому жалованию, и по твоим дегтерям (записям) и ярлыкам».

Таким образом, он намекнул хану, что Василий II будет его послушным слугой. Да и без того хан понимал, что 17-летний юно-

* Галич в Костромской области не путать с Галичем — столицей Галицкого княжества, в нынешней Ивано-Франковской области Украины.

ша на московском престоле менее опасен, чем его пожилой дядя, храбрый опытный воевода. Естественно, что хан выдал ярлык Василию II.

В результате такого решения в Московской Руси с осени 1432 года началась гражданская война (или феодальная усобица, если кому-то больше нравится так называть эту резню).

Боярин Иван Всеволож рассчитывал, что в награду за старания великий князь женится на его дочери. Но, вернувшись в Москву, Василий II обручился с княжной Марией Ярославовной Серпуховской, внучкой Владимира Храброго.* Тогда обиженный боярин уехал в Звенигород, к дяде Василия, князю Юрию Дмитриевичу.

В начале апреля 1433 года состоялась свадьба Василия и Марии, на которой присутствовали старшие сыновья Юрия Дмитриевича — Василий по прозвищу «Косой» и Дмитрий по прозвищу «Шемяка» (1420—1453). Во время пира произошел скандал: мать жениха (Софья Витовтовна) оскорбила Юрьевичей. Братья немедленно покинули Москву. Вернувшись к отцу, они стали призывать его отомстить за обиду Честолюбивый Юрий Дмитриевич, подогреваемый с одной стороны Иваном Всеволожем, а с другой — сыновьями, не заставил себя долго уговаривать и немедленно выступил в поход.

- Гі́лді́ Ді́дичі №1 Гі́евич «Храбрый» (1353-1410) - князь Серпуховской и Боровска Внук Ивана I «Калиты». В Куликовской битве вместе с князем Дмитрием Боброк-Волынским командовал засадным полком, решившим исход сражения в пользу Москвы.

Софья Витовтовна,
великая княгиня Московская.
С вышивки на облачении митрополита
Фотия, XVI век.

Между тем, свадебные торжества совершенно расстроили боееспособность московского войска. Летопись сообщает: «Мнози бо пьяны бяху и с собою мед везяху пить еще». В недолгом сражении у стен Москвы Юрий Дмитриевич разбил войско Василия II, а его самого взял в плен. После этого князь Юрий вошел в столицу и в том же апреле месяце объявил себя великим князем.* Пленного же Василия он, по совету своего боярина С.Ф. Морозова, отпустил с миром и дал ему в удел Коломну.

Но когда Василий Васильевич прибыл в Коломну, к нему со всех сторон стали стекаться сторонники его матери, московских бояр и покойного митрополита Фотия. Вскоре князь Юрий Дмитриевич остался в Москве практически без боярства. Тогда его сыновья Василий «Косой» и Дмитрий «Шемяка» убили боярина Морозова, уговорившего отца выпустить Василия Васильевича. После этого, опасаясь отцовского гнева, они бежали из Москвы.

Юрий же позвал Василия обратно на великое княжение, а сам уехал в Галич. Затем Юрий заключил с ним договор, по которому признал юного племянника «старшим братом» и от своего имени и от имени младшего сына, кроткого Дмитрия Юрьевича «Красного», отказался впредь иметь дело со своими строптивыми сыновьями «Косым» и «Шемякой».

Но вскоре (в 1434 году) старшие сыновья разбили вблизи Костромы московское войско, посланное для их усмирения. Тогда князь Юрий простил своих сыновей и с большими силами снова пошел на князя Василия.** Последний встретил их неподалеку от Ростова Великого и опять потерпел жестокое поражение. Юрий Дмитриевич снова вошел в Москву и вторично объявил себя великим князем.

Князь Василий II Васильевич бежал сначала в Новгород Великий, а оттуда — в Нижний Новгород. Он собирался уехать в Орду, как вдруг пришло известие о смерти в Москве дяди Юрия. Смерть эта стала полной неожиданностью и вызвала всеобщее замешательство. Воспользовавшись ситуацией, старший сын Юрия Дмитриевича — Василий «Косой» — сам занял освободившийся после смерти отца великокняжеский престол. Однако этому воспротивились младшие братья Дмитрий «Шемяка» и Дмитрий «Красный». Они помогли Василию Васильевичу занять столицу, получив от него за это богатые уделы.

Изгнанному Василию Косому не оставалось ничего иного, как прибегнуть к самым отчаянным мерам. Собрав войско в Костро-

* Кстати, именно Юрий Дмитриевич, став на время московским князем, начал впервые чеканить монеты с изображением Георгия Победоносца.

** Отметим, что Дмитрию Шемяке было в то время всего 14 лет, а Василию II Васильевичу — 19.

ме, он в 1435 году сошелся в битве с войском Василия II в окрестностях Ярославля, но потерпел полное поражение. Тогда он запросил мира, на что великий князь Василий согласился, причем дал Косому в удел город Дмитров.

Тот, прожив в Дмитрове спокойно всего один месяц, снова начал усобицу. Он обманом захватил крепость Гleden неподалеку от Устюга Великого, убил московского воеводу князя Оболенского, а ряд жителей Устюжской волости повесил. Он также захватил Хлынов и Вологду. В 1436 году Косой встретился с Василием II у Скарятина, в районе Ростова Великого, намереваясь захватить его в плен. Сражение кончилось тем, что он потерпел поражение и сам оказался в руках великого князя. По приказу Василия Васильевича «Косого» ослепили.

На этом первый этап усобицы кончился. Однако в 1441 году наступило новое «немирье». Великий князь предпринял поход на Галич, ставший столицей Шемяки, но тот успел уйти в Новгород. Между противниками установилось шаткое равновесие: Дмитрий Шемяка не мог захватить московский престол, а Василий II не имел достаточно сил, чтобы расправиться с двоюродным братом.

Неожиданно в борьбу вмешались татары. Весной 1445 года сыновья казанского хана Улу-Мухаммеда пошли набегом на Москву* Василий II с двоюродными братьями Иваном Можайским и Михаилом Вереysким, а также с шурином Василием Ярославским, выступил против «царевичей». Но в жестокой битве на реке Нерле, неподалеку от Суздаля, московское войско было полностью разбито, сам великий князь попал в плен. Когда весть об этом дошла до Москвы, бояре сильно испугались. Вдобавок скоро случилось новое бедствие: ночью в Москве вспыхнул сильнейший пожар. В кремле не осталось ни одного деревянного здания; рухнули стены многих каменных церквей; сгорело более трех тысяч человек и огромное количество разного имущества.

Княжеская семья и бояре бежали в Ростов Великий. Но посадское население, как и при нашествии Тохтамыша, решило защищать город и расправлялось с теми, кто пытался бежать вслед за знатью. Татарское войско, узнав о приготовлениях к обороне Москвы, ушло к себе домой.

* Это был тот самый Улу-Мухаммед, что в 1432 году выдал ярлык Василию II на великое княжение. Позже хан Едигей изгнал его из Орды. Сначала он обосновался в Белеве, городе, расположенном неподалеку от границ как Московского княжества, так и Литовского. Потом он засел в Казани, разрушенной новгородцами в 1392 году, укрепил и заселил ее, положив начало новому разбойничьему гнезду — Казанскому ханству. Кстати говоря, во времена Василия Темного образовалось также Крымское ханство.

Тем временем посол Улу-Мухаммеда отправился к Дмитрию Шемяке с известием о победе и с предложением занять московский престол на правах вассала хана. Увы! Роковая случайность помешала исполнению этого плана. Посол загостился у Шемяки и тогда Улу-Мухаммед, думая, что он убит, отпустил князя Василия II после трех месяцев плена, взяв с него обещание внести за себя огромный выкуп.

Василий вернулся в Москву в сопровождении татарских чиновников и большого военного отряда. Деваться ему было некуда, пришлось ввести ряд налогов специально для того, чтобы собрать деньги на уплату долга. В результате среди населения возникло сильное недовольство денежными поборами и засильем татар.

Шемяка поспешил воспользоваться сложившейся ситуацией. Он вступил в сговор с князьями Иваном Андреевичем Можайским и Борисом Александровичем Тверским, а также с некоторыми московскими боярами и крупными купцами. Когда Василий уехал в начале февраля 1446 года на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, Шемяка и его сторонники в ночь с 11 на 12 февраля заняли Москву. В ту же ночь Дмитрий послал князя Ивана Можайского захватить великого князя, что и было исполнено.

Шемяка приказал ослепить Василия II, в отместку за брата, и сослать вместе с женой и детьми в Углич. Его мать Софью Витовтовну сослали в Чухому. Брат жены Василия, князь Василий Ярославович Серпуховской убежал в Литву вместе с князем Семеном Оболенским. Часть бояр Василия бежала в Тверь, другая часть присягнула на верность Шемяке.

Став великим князем, Дмитрий Шемяка проводил политику восстановления прежних порядков. В частности, он подтвердил независимость Новгорода. В Суздальско-Нижегородское княжество были возвращены местные князья. И все же на стороне Василия, несмотря на ослепление (за что он получил прозвище «Темный») и заточение, осталось много народа. Видя это, Шемяка дал ему в удел Вологду, взяв клятвенную запись с отказом от великого княжения. Но, как только Василий прибыл в Вологду, к нему со всех сторон опять стали стекаться сторонники — бояре и «слуги вольные» со своими дружинами. Затем Трифон, игумен Кирилло-Белозерского монастыря, освободил его от клятвы Шемяке и прямо потребовал выступления против узурпатора.

Уже через два месяца, в начале 1447 года, с немалым войском Василий отправился из Вологоды в Тверь. Там князь Борис Александрович обещал ему помощь при том условии, что Василий женит своего 7-летнего сына Ивана (будущего великого князя Ивана III) на его дочери Марии. Обручение состоялось немедленно.

Между тем, Шемяка стремительно терял поддержку среди москвичей. В этом были повинны его помощники, всячески обирав-

шие жителей города и окрестностей. А когда те обращались к князю с жалобами, они не могли добиться справедливости. Именно тогда появилось выражение «Шемякин суд», обозначавшее несправедливое судебное разбирательство.

Дмитрий Шемяка и Иван Можайский вышли из Москвы к Волоку Ламскому, чтобы там дать бой объединенному войску Василия II и Бориса Тверского. Но вместо того, чтобы вести активные действия, они долго стояли на одном месте. Воспользовавшись этим, боярин Михаил Плещеев в конце лета 1447 года отправился в поход из Твери, обошел заслон и вступил в Москву, не встретив ни малейшего сопротивления. Он заставил жителей города принести присягу («целовать крест») великому князю Василию Васильевичу. Вскоре торжественно въехал в столицу и сам Василий.

После такого «облома» Шемяка вернулся в Галич. В 1448 году войско великого князя двинулось на Галич, но поход обошелся без кровопролития. Шемяка предложил мир Василию II, на что тот согласился. Дмитрий Шемяка и его союзник, князь Иван Можайский, дали клятвенные записи (так называемые «проклятые грамоты») в верности великому князю. Увы! Шемяка снова не уgomонился. В следующем году он попытался взять Кострому, но безуспешно. После этого Василий II решил окончательно разделаться с давним врагом. Зимой 1450 года в сражении под Галичем Дмитрий Шемяка потерпел поражение. Город был взят, сам же Шемяка бежал в Новгород Великий.

Засев в Новгороде Великом, боярство которого справедливо считало Москву своим врагом, а потому поддерживало Шемяку он стал совершать набеги на отдаленные северные районы Московского княжества (Вологду, Устюг, Хлынов и другие). Тогда Василий II передал дело о престолонаследии на рассмотрение духовенства. Высшие церковные иерархи, во главе с митрополитом Ионой, направили Шемяке послание, в котором укорили его в нарушении нового порядка передачи власти и призвали образумиться. Это не помогло. Вместе с давними союзниками — «лихими» жителями Вятки и племенами вогулов (манси), он в 1452—1453 годах совершил еще несколько походов в московские земли, но каждый раз терпел поражение.

Наконец, 17 июля 1453 года в Новгороде его отравил собственный повар, дав ему яд «в курятине». Повара подкупил агент Василия II, дьяк с весьма характерным прозвищем «Беда».*

* Спустя 150 лет (в 1603 г.) новгородский митрополит Исидор объявил Шемяку святым. Он принял во внимание тот факт, что Москва в конце концов погубила Новгород, дважды (в 1477 и 1570 гг.) подвергнув его полному разграблению. Отсюда канонизация Шемяки как «заступника» Новгорода от москвитов. Его мощи почитаются до сих пор.

Летом следующего 1454 года Василий Васильевич «Тёмный» пошел с войском на Можайск, «за неисправление» князя Ивана Андреевича, союзника Шемяки. Тот, не оказав сопротивления, убежал с семьей в Литву. Великий князь Казимир IV дал ему в удел города Гомель, Любеч, Стародуб и Чернигов.

Так завершилась эта усобица, длившаяся более 30 лет, с 1432 по 1454 годы.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФЛОРЕНТИЙСКОЙ УНИИ

В этой книге, посвященной войнам и усобицам феодальной эпохи, постоянно возникает религиозный мотив. Пресловутые национал-патриоты обычно трактуют его таким образом, будто бы «латиняне» (т.е. католики) с давних пор всеми правдами и неправдами стремились подчинить себе «православных», более того — вообще уничтожить православную церковь! Поскольку вопрос намеренно запутан, ограничусь тем, что приведу выписки из исследования А.М. Буровского.

«В XV веке православный мир стал особенно нуждаться в поддержке католиков: православная Византия под ударами мусульман сокращалась, как шагреновая кожа. Западные страны, страны католического мира давно научились успешно воевать с миром ислама. Пусть в конечном счете оказались потеряны все завоевания, сделанные во время крестовых походов. Сами эти походы принципиально изменили расклад сил...

Перед лицом все более реальной опасности завоевания турками остатков когда-то славной и могучей Византии *православные патриархи* Константинополя, Антиохии и Александрии *обратились* к Папе Римскому с предложением о церковной унии. Расчет был на то, что тогда весь христианский мир поможет Византии против турок. Особенно, если Папа провозгласит еще один крестовый поход...

Папа Римский благосклонно отнесся к предложению православных патриархов. Вселенский собор, посвященный проблеме объединения церквей, должен был произойти во Флоренции, в 1439 году..

И вот тут-то... Нет, даже не русская православная церковь, а скорее Московское государство во всей красе заявило о своем неприятии унии.

Великий князь московский Василий II Темный самым настоятельным образом «не советовал» митрополиту Исидору (греку по происхождению) ехать на Собор и даже прямо предупреждал: Московия не примет унии! Мятежный Исидор поехал. 5 июля 1439 года папская курия и константинопольская патриархия подписали акт о принятии православной церковью католических догматов и о верхово главенстве Папы Римского во всем христианс-

ком мире. При этом православные обряды и богослужение полностью сохранялись.

Исидор вернулся в Московию в 1441 году с твердым намерением проводить в жизнь решения флорентийского Вселенского собора. Как видно, он-то действовал вполне в духе византийской традиции и считал себя совершенно вправе решать церковные проблемы без апелляции к светской власти. Возможно, бедняге Исидору и в голову не приходило, что светская власть может сама начать решать, какие догматы веры устраивают ее больше, какие обряды правильнее и допустимо ли объединение церквей.

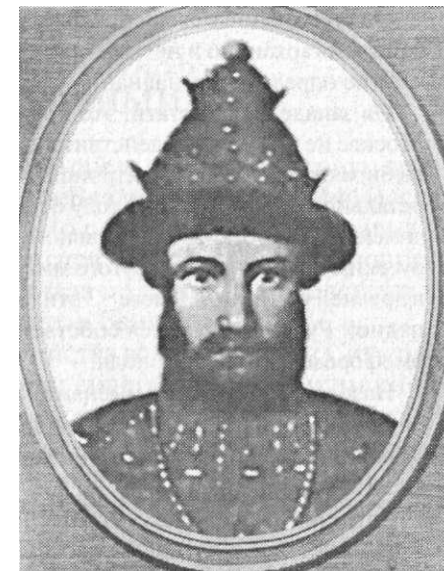
Василий же Темный действовал в традициях вовсе не византийского, а своего, московитского общества. Митрополит Исидор был по его приказу арестован, как «латинский злой прелестник», и заключен в Чудов монастырь. Только после многих злоключений Исидору удалось бежать в Рим...

А 15 декабря 1448 года Собор русского православного духовенства по прямому предложению Василия II Темного избрал митрополитом епископа рязанского и муромского Иону: разумеется, без санкции константинопольского патриарха...

После кончины митрополита Ионы и поставлении преемника митрополита Феодосия, но еще при жизни Василия II (примерно в 1461 — 1462 г.) неизвестный автор написал «Слово избрано от святых писаний еже на латиню и сказание о составление осмаго сбора латиньского»... В этом... сочинении греческое православие объявлялось покрытым «мраком тьмы», и ему противопоставлялось «правильное православие», русское. Василий II же объявлялся новым Владимиром и вместе с тем и новым Константином.

Претензия нешуточная, но падение Константинополя в 1453 году очень подтверждает все претензии русских православных. Столица православия приняла унию и почти сразу оказалась захваченной «погаными»! Можно ли представить себе более убедительное доказательство кары Господней и несправедности Константинополя?!...

После Флорентийской унии и падения Константинополя Московия, по своему собственному мнению, оказывается в центре православного (тем самым и христианского) мира. А московский царь занимает место византийского императора — хранителя и блюстителя истинной веры.

Василий II «Тёмный»,
(на рисунке — еще зрячий)

Это убеждение в своей исключительности и единственности, конечно же, очень архаично и не имеет ничего общего с христианством. Христианство по определению наднационально... «

На западе Руси, кстати, это прекрасно понимают. Убедившись, что в Москве не шутят и что действительно московские епископы самовольно выбирают себе особого митрополита (то есть фактически ставят себя вне остальной церкви), в 1458 году от Московской митрополии откололись епископства русской православной церкви в Литве. Константинополь дал русским православным другого митрополита, и это митрополит снова сел в древней столице, в Киеве. С этих пор православная церковь в Юго-Западной Руси подчиняется собственному митрополиту и находится под омофором Константинополя.

Назовем вещи своими именами: Московская митрополия откалывается от православной апостольской церкви. И тогда православная церковь Западной Руси откололась от Московской митрополии и осталась в составе апостольской церкви...

Есть старая шутка: «Быть святее Папы Римского». Не знаю, как насчет Папы, а вот быть большим православным, чем константинопольский патриарх, Василий Темный сумел. Великий князь в своем наивном, первобытном зверстве был от души убежден, что ни какому-то там константинопольскому патриарху, даже не Вселенскому собору, а именно ему, великому князю московскому, дано познание истины. Истины в последней инстанции...

Имеет смысл напомнить, что почти сто пятьдесят лет, с 1458 по 1596 годы, существовала Киевская митрополия, подчинявшаяся непосредственно Константинополю. Существовал целый культурно-исторический мир, больше десяти епископств, объединявших православных Западной Руси. Это были русские православные люди, но притом не желавшие иметь и не имевшие ничего общего с Москвой. Позволю себе предположить, что западному русскому православию не было свойственно ни обожествление монарха, ни обожествление своей страны и самих себя, ни слияние церкви и государства».

Бушков А.А., Буровский А.М. Цит. Соч., с. 302—306, 322

В начале XVI века Филофей, монах Елизарова монастыря в Пскове, написал ряд посланий к великому князю московскому Василию III, царю Ивану IV и к дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину (руководителю великокняжеской администрации в Пскове). В них он развил идею о «ведущей роли» Московского государства среди других христианских государств, которую кратко выразил его знаменитый тезис «Москва — Третий Рим».

В связи с этим отмечу, что знаменитый святой Русской православной церкви Максим Грек (1470—1555) резко отрицательно относился и к ее автокефалии (независимости от патриарха Константинополя) и к лозунгу «Москва — Третий Рим».

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ И КОРОЛЬ КАЗИМИР IV

Как уже сказано, после смерти Ягайло польские магнаты возвели на престол его 10-летнего сына Владислава (1424—1444), ставшего королем Владиславом III. Но реально Польшей правил регент — краковский епископ Збигнев Олесницкий, выдающийся дипломат и администратор. Сначала по причине малолетства короля, а далее в связи с отъездом его в Венгрию.

Литвинская же знать после убийства великого князя Сигизмунда вновь разделилась: одни хотели видеть своим великим князем Владислава III; другие, бывшие сторонники Сигизмунда, желали на престол его сына Михаила; третьи хотели вернуть Свидригайло. Впрочем, сторонники Владислава имели большинство.

Но осенью 1439 года венгры избрали 15-летнего Владислава III также и на свой престол (под именем Ласло V) и просили скорее приехать в Венгрию. Между тем Литва тоже требовала его присутствия, угрожая в противном случае разорвать династическую унию. После долгих совещаний польские вельможи и церковники решили, что Владислав все же поедет в Венгрию, а в Литву отправится его младший брат, 12-летний Казимир (1427—1492), но не в качестве великого князя литовского, а как наместник польского короля. Казимир Ягайлович приехал в Вильно с большой свитой советников.

Далее произошло вот что:

«Литовцы, которые хотели иметь не наместника, а своего венчанного великого князя, очень ловко обманули польских гостей. Они усердно их угостили на роскошном пиршестве и напоили всех допьяна, а на следующее утро, когда хмельные польские паны-сенаторы еще спали, они посадили Казимира на великокняжеский стол в соборе, надели на него шапку Гедимины, подали меч и покрыли великокняжеским покрывалом. Проведенным таким образом польским панам ничего больше не оставалось, как уехать домой.

Юный же Казимир стал княжить, окруженный литовскими вельможами. О союзе с Польшей, а тем более о подчинении ей Литвы, не было и помину. Поляки, разумеется, страшно негодовали против этого порядка вещей».

Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Книга 3, с. 66

Менее чем через пять лет Владислав III, король Польский, он же Ласло V, король Венгерский, пал в битве венгров с турками при Варне (поэтому поляки посмертно называли его «Варненчик»). 06-

завестись детьми 20-летний король не успел. Теперь ему должен был наследовать младший брат, 17-летний Казимир, великий князь Литвы.*

Поляки, по предложению епископа Олесницкого, пригласили Казимира к себе на престол, но тот долго не соглашался. На Пет-

Великий князь Литвы Казимир IV.
Худ. Я. Матейко

риковском сейме в 1446 году послы Казимира даже объявили польским вельможам о прямом отказе своего князя наследовать брату. Тогда поляки снова отправили послов к Казимиру, и опять безрезультатно.

Но затем Казимир и его советники уступили требованиям польских магнатов, так как узнали, что те решили, в случае окончательного отказа, избрать королем Польши мазовецкого князя Болеслава — тестя и союзника Михаила Сигизмундовича. В итоге, Казимир стал в конце 1446 года еще и польским королем Казимиром IV.

Он правил Польшей и Литвой более 45 лет (до своей смерти в 1492 году), по-

стоянно испытывая затруднения в связи с тем, что поляки требовали от него полного подчинения Литвы, а литвины — полной независимости от Польши. Своего рода компромисс между этими противоречивыми требованиями он видел в том, что поддерживал не государственную унию между двумя странами, а церковную унию между православной и римско-католической конфессиями — в полном соответствии с решениями Флорентийского собора.

* Кстати говоря, Казимир, став великим князем, подарил Михаилу Сигизмундовичу семь городов (Бельск, Браньск, Брянск, Клецк, Койданово, Стародуб, Сураж). Несмотря на это, Михаил считал себя обиженным и организовал заговор против Казимира. Заговор был раскрыт, в 1445 или 1446 году ему пришлось бежать в Крым, к хану Сеид-Ахмету. В начале 1449 года Михаил вместе с татарами на короткое время захватил Киев и Северскую землю. После поражения он уехал в Москву.

В связи с началом правления Казимира надо сказать несколько слов о Смоленском восстании. Весной 1440 года, когда смоленский воевода А. Сакович начал приводить смолян к присяге на верность новому великому князю Литвы, в городе произошло выступление части бояр, ратовавших за восстановление независимости Смоленска. Их поддержали городские низы («черные люди»), а также православные князья восточных районов ВКЛ. Они воспользовались тем, что почти все лояльные Казимиру бояре и князья уехали в Вильно на коронацию.

Воевода Сакович подавил это выступление, после чего тоже уехал в Вильно. Тотчас после его отъезда смоляне пригласили к себе на княжение мстиславского князя Юрия Лугвениевича (1395—1458). Он взял под арест тех бояр, что ездили в Вильно, конфисковал их собственность, раздал ее своим сторонникам и объявил себя «господарем всех русских земель Литвы». Узнав об этом, 13-летний великий князь послал войско «воевать Смоленск». Оно три недели стояло у стен города, но идти на штурм так и не решилось. Тогда Казимир сам возглавил карательный поход. В ноябре он прибыл к Смоленску во главе довольно значительных сил. Юрий Лугвениевич побоялся сражаться, бежал сначала в Москву, а оттуда — в Новгород Великий.

Вообще, решительности Казимиру не надо было занимать. Так, в ходе борьбы с сепаратистами он в 1481 году казнил князей Михаила Олелько (Олельковича) и Ивана Гольшанского.

Следует отметить важные законодательные инициативы Казимира как великого князя Литвы. Так, 2 мая 1447 года он издал привилей, значительно расширивший личные и имущественные права боярства ВКЛ. Этот документ содержал 14 статей. Одной из важнейших среди них была та, которая гарантировала, что отныне земли и государственные должности в Литве будут получать только ее уроженцы. Таким образом, этот привилей надолго закрыл польской шляхте пути для проникновения в Великое княжество.

Кроме того, Казимир IV издал в 1468 году «Судебник», положивший начало кодификации феодального права в Литве.

В годы правления Казимира IV поляки вели три большие войны, в которых Великое княжество Литовское не участвовало.

Тринадцатилетняя война (1454—1466 гг.)

В феврале 1454 года союз городов Пруссии и Поморья (Прусский союз), со смешанным польско-немецким населением, отказался повиноваться Тевтонскому ордену. Горожане хотели жить по Магдебургскому праву, как уже давно жили города Польши и Литвы. Они требовали права на самостоятельный выбор должностных

лиц, сбор пошлин и налогов, ликвидации всех вассальных обязанностей по отношению к феодалам и Ордену.

За две — три недели ополчение союза выбило орденские гарнизоны из городов, овладело всеми замками. После этого руководители Прусского союза попросили короля Казимира принять их в состав Польши. Король и его советники весьма благосклонно отнеслись к этой просьбе, ведь Орден уже давно отрезал Польшу от моря, было бы верхом глупости не использовать удобную возможность для устранения этой несправедливости.

Понятно, что орденский капитул рассуждал точно наоборот, поэтому он начал войну с мятежными горожанами и с польским королем.

После восьми лет кампаний, шедших с переменным успехом, поляки одержали решающую победу в битве при Пухове 17 сентября 1462 года. Правда, еще четыре года Орден пытался переломить ситуацию в свою пользу, но в итоге 19 октября 1466 года был подписан Второй Торнский мир. По его условиям Польша вернула себе выход к Балтике: Восточное Поморье и устье Вислы вместе с Данцигом (Гданьском). Кроме того, были возвращены Хелмская и Михайловская земли с Торном (Торунью). Территория Тевтонского ордена сократилась вдвое, он признал себя вассалом Польского королевства.

Кстати, летом 1454 года король Казимир даровал польской шляхте — дабы обеспечить массовое участие ее в войне — так называемые «Нешавские статуты». Этот документ подтвердил все прежние привилегии шляхты, а также расширил ее права. В частности, в отношении круга вопросов, решаемых на сейме и поветовых сеймиках.

Война с Венгрией

Она шла 22 года — с 1471 по 1493 гг. Причиной стало избрание Владислава IV, сына Казимира IV, королем Богемии (Чехии) — в противовес притязаниям венгерского короля Матьяша Хуньяди, или Матвея Корвина (1443—1490). При этом король Хуньяди (Корвин) обещал поддержку рыцарям Тевтонского ордена, если те восстанут; кроме того, он склонил крымских татар к войне с Польшей.

Война с Крымом

Параллельно войне с венграми, в 1487—1491 гг. поляки воевали с Крымом. Большей частью боевые действия происходили на территории Молдавии и Галиции, но в какой-то момент татары дошли до Люблина.

Конец войне положила крупная победа поляков в битве при молдавском городе Заславле в 1491 году.

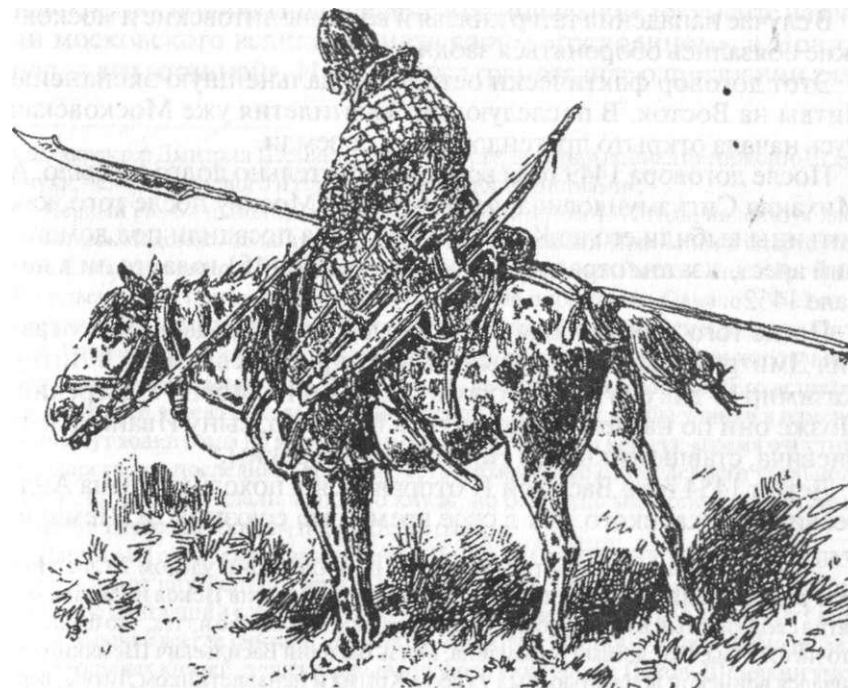
ВОЙНА ВАСИЛИЯ II С ЛИТВОЙ

(1445-1449 гг.)

В связи со всеми описанными выше событиями, и у Литвы, и у Москвы долгое время не было ни сил, ни желания для вмешательства в дела друг друга.

Однако князь Свидригайло Альгердович являлся побратимом князю Юрию Дмитриевичу, следовательно, Василий II должен был находиться в союзе с врагом Свидригайло, князем Сигизмундом Кейстutowичем и сыном его Михаилом, тогда как убийца Сигизмунда князь Иван Чарторыйский жил у Дмитрия Шемяки в Галиче и вместе с ним «воевал Москву».

Подумав, Василий II принял сторону Михаила Сигизмундовича в его борьбе с Казимиром IV. В 1446 году он организовал поход двух татарских князей на Вязьму, Брянск и другие литовские горо-

Конный боевой холоп московского боярина. XV—XVI вв.

да. Татары убили много народа, еще больше увели в плен, разорили земли почти до самого Смоленска и вернулись домой с большой добычей.

Казимир решил отомстить и отправил под Калугу 7-тысячное войско под начальством семерых воевод. Войско стояло под Козельском и под Калугой, затем ни с чем отошло к Суходрову. Тут их встретил сводный отряд ратников из Можайска, Вереи и Боровска численностью примерно в тысячу человек. Силы были неравные, московиты потерпели поражение, их воеводы погибли. Впрочем, это было единственное сражение с Литвой в княжение Василия Темного.

В 1449 году (31 августа) был заключен договор между великим князем литовским, королем польским Казимиром ГВ — с одной стороны, великим князем Василием II, его братьями Иваном Андреевичем и Михаилом Андреевичем — с другой. Князь Василий обязался жить с Казимиром в «вечном мире», действовать всегда заодно, «хотеть добра ему и его земле везде, где бы ни было». Те же обязательства взял на себя Казимир. Казимир обязывался не принимать к себе Дмитрия Шемяку, а Василий — Михаила Сигизмундовича.

В случае нападения татар князь и воеводы литовские и московские обязались обороняться заодно.

Этот договор фактически остановил дальнейшую экспансию Литвы на Восток. В последующие десятилетия уже Московская Русь начала открыто претендовать на ее земли.

После договора 1449 года войн действительно долго не было. А Михаила Сигизмундовича, явившегося в Москву после того, как литвины выбили его из Киева, там сначала посадили под домашний арест, а затем отравили — то ли в конце 1451 года, то ли в начале 1452.

После того, как 17 июля 1453 года в Новгороде дьяк Беда отравил Дмитрия Шемяку, его сыну Ивану пришлось бежать в Литву. Казимир IV дал ему в удел города Рыльск и Новфрод-Северский. Позже они по наследству достались Василию, сыну Ивана Дмитриевича, ставшему князем Новгород-Северским.*

Летом 1454 года Василий II отправился в поход на Ивана Андреевича Можайского. Тот в свое время был союзником Шемяки,

* Иван Шемяка, его сын, а затем внук правили своим уделом 70 лет. Но в 1523 году великий князь московский Василий III, захватив Псков и Рязань, обратил свой хищный взор на это последнее вольное княжество из тех, что были восточнее Литвы. По словам Карамзина, князь Василий Васильевич Шемякин отличался воинской доблестью, был ужасом Крыма и ненавистником Литвы, верным стражем южных границ Московского государства. Но это его не спасло: «Великий князь московский опасался и не любил его. Во-первых, он помнил ужас-

но давным-давно заключил мир с Василием II. Теперь московский государь решил, что наступил удобный момент припомнить ему старые грехи. Войско Василия II взяло Можайск, а князь Иван Андреевич с женой, сыновьями Андреем и Семеном, с боярами и челядью бежали в Литву. Беглому можайскому князю Казимир IV пожаловал сначала Брянск, затем поменял его на Стародуб и Гомель.

ПОКОРЕНИЕ МОСКОВИТАМИ НОВГОРОДА (1456-1477 гг.)

После смерти Шемяки, бегства в Литву его сына Ивана Дмитриевича «Шемячича» и захвата Можайска, великий князь решил «разобраться» со своим старым недругом Новгородом. В 1456 году московские войска выступили в поход на «Господина Великого».

Объединенное новгородско-псковское ополчение потерпело поражение в битве под Руссой. По условиям договора, заключенного в Яжелбицах, боярской республике пришлось уплатить большую контрибуцию, а также признать себя вассалом Василия II. Конкретно, новгородцы впервые в официальном документе назвали московского великого князя своим «господином», а Новгород — его «отчиной». И хотя речь в грамоте шла о признании гла-

вный характер Дмитрия Шемяки, деда Василия; во-вторых, знал беспокойный дух внука, человека смелого и гордого своими достоинствами».

Первый раз он пытался погубить Шемякина летом 1517 года, используя клеветнический донос, поданный врагами его — князьями Пронским и Стародубским. Согласно навету, Шемякин якобы задумал «отдаться Литве». Князь Василий Васильевич сам приехал в Москву и полностью оправдался. Однако в 1523 году Василий III снова предъявил Шемякину обвинения в тайных сношениях с Литвой. Получив от московского митрополита Даниила письмо, гарантировавшее ему личную безопасность, В.В. Шемякин опять приехал в Москву. Его встретили ласково, а через несколько дней бросили в темницу, якобы уличив в измене. Один шут ходил тогда по московским улицам с метлой и кричал: «время очистить государство от последнего сора», то есть избавить его от последнего удельного князя. Многие осуждали великого князя, но особенно митрополита, который обманул Шемякина своим поручительством.

Даниил же оправдывал заключение Шемякина, утверждая, что великий князь избавился от внутреннего врага. Московские деспоты понимали, что всякий князь, не считавший себя «холопом» великих князей, сам решал, с кем ему быть. Это в Москве всегда считали «изменой» и, соответственно, чрезвычайно не любили вольных князей, а также вольные города Новгород и Псков. Шемякин умер в темнице. Супругу его насильно привезли в Москву, где ей пришлось остаться до конца жизни.

венства конкретного лица, а не государства, через 20 лет им это очень больно «аукнулось».

Сильно опасаясь в данной связи за свою судьбу, псковичи в 1460 году отправили к Василию II, приехавшему в Новгород, делегацию бояр «от всех концов» псковской земли, с подношением в 50 рублей, чтобы бить челом о «жаловании» князем Пскова как своей «отчины». При этом делегаты («мужи псковичи»), наивно надеявшиеся на то, что московский властитель сохранит за ними их традиционные права и свободы («вольности»), всячески подчеркивали добровольный характер своей миссии.

Они даже заявили ему, будто литвинский князь Александр Чарторыйский, приглашенный в Псков со своей дружиной для защиты города от врагов, согласен признать себя наместником великого князя. Но тут у них вышла промашка. Узнав о содержании переговоров, Александр расторг договор («докончание») с Псковом и вернулся с дружиной в Литву. Оставшись без военной силы, псковичи вслед за новгородцами признали себя вассалами Василия II.

% ^ %

В 1462 году московский престол занял 22-летний Иван III (1440—1505), сын Василия II. Он получил в наследство от отца княжество, которое своей площадью в 30 раз превышало земли его прапрадеда Ивана I Калиты в 1340 году.

Кроме Москвы, ему подчинялись Алексин, Боровск, Владимир, Вятка, Галич, Дмитров, Звенигород, Калуга, Коломна, Кострома, Можайск, Муром, Нижний Новгород, Переяславль, Стародуб, Суздаль, Устюг, ряд других городов. И все же земли Москвы своими размерами значительно уступали не только Великому княжеству Литовскому, но и Господину Великому Новгороду.

А всего в 80 верстах на север от Москвы начиналось Великое княжество Тверское, самое враждебное Москве среди всех русских княжеств. Примерно в 100 верстах на юг, по берегу среднего течения Оки, шла сторожевая линия против татар, наиболее опасного и неугомонного врага московитов. До границы с Дитвой тоже было около 100 верст.

Иван III Васильевич занял видное место в русской истории по многим причинам. Но на первое место среди них следует поставить то, что именно он положил начало систематическому захвату земель ближних и дальних соседей Московской Руси.

Сначала великий князь Иван завоевал Ярославль (в 1463 г.), а в 1468—69 гг. провел победоносную войну с Казанским ханством. После этого он обратил свой хищный взор на вольный Новгород.

Как известно, земли Господина Великого Новгорода практически не пострадали от нашествий татар. По водным путям боярская

республика вела оживленную торговлю с Западной Европой, Литвой, русскими княжествами, татарскими ханствами. Она также обладала огромными земельными владениями (на востоке они простирались до Урала; на севере в состав новгородских земель входили Кольский полуостров и Поморье). Здесь стремительно развивались буржуазные отношения, скопились большие богатства. Новгород славился красотой церкви и дворцов; мастерством ремесленников, зодчих, иконописцев; поголовной грамотностью жителей, а главное — их вольнолюбивым предприимчивым духом.

«Господин Великий» вел самостоятельную внешнюю политику. Достаточно сказать, что за 305 лет (с 1142 по 1446 гг.) Новгород воевал со Швецией 26 раз; с Литвой — 14 раз; с Ливонским орденом — 11 раз; с Норвегией — 5 раз.

Но в случае подчинения Москве, с ее деспотическим азиатским режимом, процветанию Новгорода неизбежно пришел бы конец, ибо основой и гарантом этого процветания являлись, во-первых, приоритет товарно-денежных отношений над внеэкономическим феодальным принуждением и, во-вторых, республиканская форма правления. В общем, так все и произошло. Мнения по данному вопросу крупнейших российских исследователей Новгорода И.Д. Беляева, В.О. Ключевского, Н.М. Костомарова, А.И. Никитского, М.Н. Покровского совпадают друг с другом.

Для начала Иван примерно в конце 1469 года направил послание, содержавшее следующие слова: «Люди Новгородские, помните, что Новгород — отчина великого князя!»

• Новгородское вече, считая договор 1456 года утратившим силу вместе со смертью Василия II, ответило ему: «Новгород не отчина великого князя, Новгород сам себе Господин». Тогда Иван еще раз повторил свой главный аргумент, что мол, Новгород его исконная вотчина и потребовал: «Посылайте ко мне бить челом, а я буду жаловать свою отчину по старине».

В ответ на эти притязания архиепископ Иона, являвшийся высшим должностным лицом вечевой республики, пригласил в Новгород киевского князя Михаила Олельковича (или Олелько), внука Альгерда. Князья Олельковичи были православные, сам Михаил доводился двоюродным братом Ивану III. Архиепископ, посадники и бояре надеялись, что княжеская дружина значительно усилит новгородское войско, которое состояло из ополчения и наемников, приглашаемых в случае угрозы войны.* Кроме того, князь, как профессиональный воин, должен был стать главнокомандующим. 8 ноября князь Михаил приехал в Новгород. Но за три дня до

* Этих наемников новгородцы обычно искали в окрестных землях, в первую очередь среди угро-финских племен, а также у «свеев» (шведов) и ливонских немцев.

приезда умер главный его сторонник архиепископ Иона. Разгорелась борьба за освободившийся престол.

Примерно в это же время Иван III сообщил изумленному новгородскому послу, что род князей московских — это общий род князей «володимерских и Новгорода Великого и вся Руси». Оглашенное на вече в Новгороде, данное заявление вызвало бурю возмущения. Среди новгородского боярства возникла группировка во

Великий князь Москвы Иван III

главе с кланом Борецких, сделавшая ставку на покровительство Казимира IV, великого князя Литовского и короля Польского.* Ее сторонники провозгласили:

«Московский князь многие обиды и неправды над нами чинит, хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира».

Ввиду явной угрозы скорого вторжения московитов, новгородское вече одобрило предложение этой группировки направить послов в Литву — просить о военной помощи. Уже в конце ноября 1470 года в Вильно прибыло новгородское посольство (боярин Тимофеи Остафьевич Груз с несколькими по-

мощниками), которое провело переговоры об условиях возможного союза.

Довольно быстро выяснилось, что Михаил Олелькович не устраивает ни литовскую партию, ни московскую. Горожане «показали князю путь» и 15 марта 1471 года он покинул Новгород вместе со своей дружиной. По дороге домой, в порядке компенсации понесенного морального и материального ущерба, он изрядно ограбил Старую Руссу и те волости, через которые проезжал.

В том же марте месяце Иван III прислал в Новгород новое послание. В нем он впервые привел аргумент, который впоследствии рьяно использовали его наследники. Дескать, дело вовсе не в бо-

* Ее возглавила Марфа, вдова умершего в 1460 году посадника Исаака Андреевича Борецкого.

гатствах и землях Новгорода, а в том, что его жители якобы намереваются перейти из православия в католичество (имелось в виду посольство боярина Груза):

«Не отступай моя отчина от Православия; изгоните новгородцы из сердца лихую мысль, не приставайте к Латинству, исправьтесь и бейте мне челом; я вас буду жаловать и держать по старине».

Несмотря на этот призыв и прямые угрозы, в конце все того же марта 1471 года в Вильно спешно выехало второе посольство. На этот раз в него вошли влиятельные люди республики: посадник Дмитрий Борецкий (сын Исаака и Марфы), двое бояр и пять житейх людей.

После их возвращения, в Новгороде к июню был составлен проект договора между Литвой и Господином Великим Новгородом. Он начинался следующими словами:

«Честной король Польский и князь великий Литовский заключил дружеский союз с нареченным владыкою Феофилом, с посадниками, тысяцкими Новгородскими, боярами, людьми житейными, купцами и се всем Великим Новгородом»...

По этому договору, литовский великий князь обязывался держать в Новгороде своего наместника из числа православных литовских князей. Наместник, его дворецкий и тиуны, проживая на Городище, не должны были иметь при себе более 50 человек.

Главным же пунктом был следующий: Если пойдет великий князь московский или сын его, или брат на Новгород войной, то великий князь Литвы должен идти на помощь новгородцам. Если он, не помирив Новгород с московским князем, уедет в Литву или в Польшу, или в Немецкую землю, а без него снова пойдет Москва на Новгород, то Рада Литовская должна без него оборонять Новгород.

При этом Казимир IV обязывался сохранять все новгородские вольности («держати тебе честны король, Великий Новѣгород воли мужей водных, по нашей старине») и не притеснять православную веру Кого захотят новгородцы, того и поставят себе владыкой (архиепископом — А. Т.), а литовский великий князь не будет строить католических церквей ни в Новгороде, ни в пригородах, ни по всей земле Новгородской. Как видим, никакой угрозы православию этот союз не предвещал.

После переговоров с послами Казимир IV отправил в Золотую Орду гонца с богатыми дарами, чтобы подтолкнуть Ахмат-хана к набегу на Москву. Но сам он не помог новгородцам, когда летом того же 1471 года Иван III пошел на них с войском.

Его бездействие можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, хотя текст договора обсуждался обеими сторонами,

он еще не был официально заключен. Во-вторых, Иван III действовал быстрее. Пока Казимир думал, как ему лучше поступить, вся кампания уже завершилась. По меркам 1470 года Москва провела против Новгорода «молниеносную войну». Например, хан Ахмат, узнав о предложении Казимира, выступил на Москву так скоро, как смог — в следующем году!

* * *

Итак, в первых числах июня 1471 года москвиты вышли в поход. Князь Иван III не ожидал встретить серьезного сопротивления от новгородцев. Поэтому он разделил свои войска на три части. Князь Даниил Холмский с десятью тысячами человек направился вдоль Ловати к Старой Руссе. Отряд воеводы Стриги Оболенского двигался вдоль Меты в Двичскую землю. Наконец, сам Иван Васильевич со своим двором и тверскими ратниками шел вслед воеводам, сильно отставая от них.

По словам летописцев, в пути москвиты безжалостно разоряли землю, «пленующе и жгуще и люди в плен ведуще». Жестокими расправами они стремились утратить новгородцев; пленным они «повелеша носы, уши и губы резати». О том же пишет Нечволодов:

«Скоро великокняжеские войска вступили с разных сторон в Новгородскую землю и стали страшно ее опустошать».

Нечволодов А. «Сказания о русской земле». Книга 3, с. 116

Новгородские бояре срочно собрали ополчение и пригласили наемников. Общая численность их войск составила 25—30 тысяч человек. Однако войско наполовину состояло из ополченцев, имевших слабую военную подготовку и в своем большинстве не горевших желанием сражаться — как они думали, — за интересы бояр. Эти олухи наивно полагали, что царь Иван станет защитником «меньших людей» от «власть имущих». В новгородской летописи сказано, что мобилизация горожан проводилась насильственными методами. Тех, кто не хотел воевать, «разграбляху и избиваху, а иных в реку в Волхов метяху»!

Без особого труда головной московский полк князя Холмского разбил у озера Ильмень две передовые новгородские дружины, захватил, разграбил и сжег Старую Руссу.

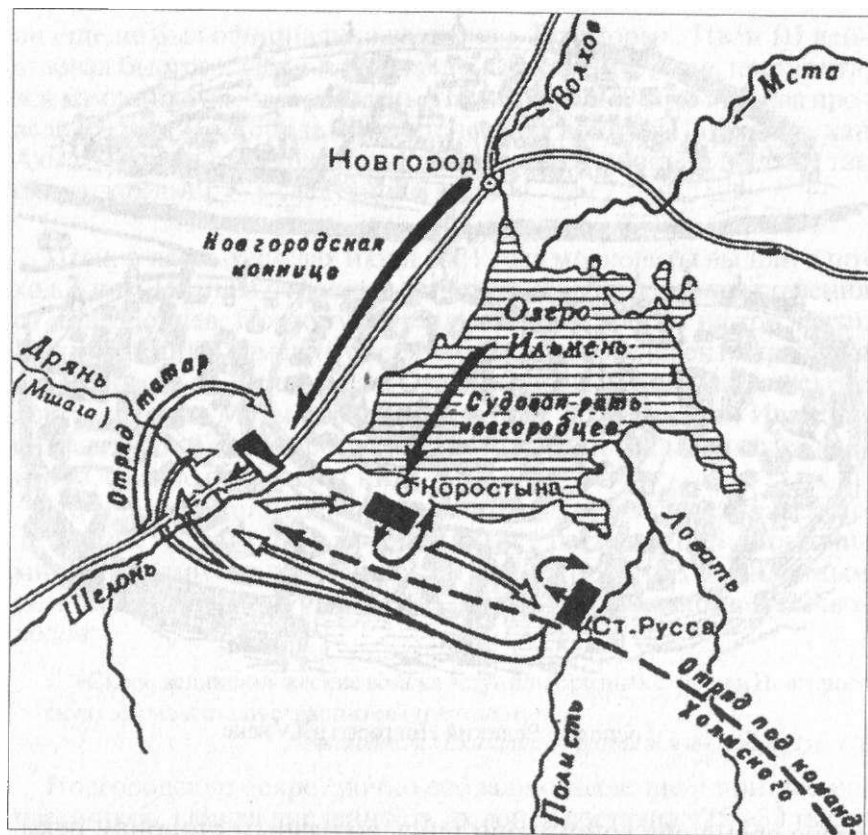
Затем Холмский вышел на правый берег реки Шелонь. На левый берег сюда же пришло новгородское войско под командованием посадников Дмитрия Борецкого и Василия Казимира. Оно продвинулось к Шелони для того, чтобы не допустить соединения псковских войск с московскими и, дождавшись помощи от Казимира IV, обрушиться на противника. Встреча с москвитами оказалась для новгородцев неожиданной. Неко-

Господин Великий Новгород в XV веке

торое время оба войска двигались по разным сторонам реки, ища броды.

Холмский медлил с переправой, ожидая подкрепления. Новгородцев было до 30 тысяч — вдвое больше, чем москвитов. Они рассчитывали использовать свой численный перевес. Но тут в их войске возник раздор. «Меньшие люди» (ремесленники и мелкие торговцы), которые «родившись на лошади не бывали», требовали немедленной атаки. Они кричали: «ударимся ныне». Однако воеводы конного полка владыки (архиепископа Феофила) отказывались биться с москвичами, говоря, что их задача — не допустить псковичей.

Битва произошла возле устья Шелони, в районе между городом Сольцы и деревней Скирино, примерно в 30 верстах западнее озера Ильмень. Согласно московским источникам, 15 июля ратники Холмского перешли «великую реку» кто вброд, кто вплавь, бросились на новгородцев, «яко львы рыкающие» и обратили их в бегство. На самом же деле сражение началось неудачно для москвитов.

Бой на реке Шелонь в 1471 г.

Как следует из новгородских источников, новгородцам поначалу удалось использовать перевес в силах. Они «бишася много и побиша москвич много», а затем погналы «москвичи за Шелону». И как раз в это время на новгородскую пехоту обрушился отряд касимовских татар, посланный Стригой Оболенским. Татары подошли на Шелонь в самый разгар сражения. По своему обыкновению, они зашли во фланг противнику. Отборный конный полк владыки еще мог исправить дело и отогнать татар, но он не двинулся с места. Видимо, причиной тому явились инструкции самого архиепископа Феофила, являвшегося противником союза с Литвой и ошибочно рассчитывавшего на усиление своей власти в Новгороде с помощью Ивана III.

В итоге новгородцы не выдержали, «мало щит подржавше и побегоша вси». Они потеряли убитыми, по разным данным, от 4 до 6 тысяч человек, около 2 тысяч попали в плен, в том числе посадни-

ки Дмитрий Борецкий и Василий Казимир, воеводы Кузьма Григорьев и Яков Федоров.*

После битвы на Шелони новгородцы сожгли свои посады и стали готовиться к длительной осаде. Но «московская партия» во главе с архиепископом Феофилом настояла на мирных переговорах. Когда Иван III с главными силами московской рати вышел к устью Шелони, его встретила делегация новгородцев во главе с владыкой.

Пока главные силы Москвы находились в районе Новгорода, князь Василий Шуйский с 8-тысячной ратью двинулся на стругах по реке к Устью Великому. А направленные еще в мае в Заволочье московские бояре с воеводой Василием Образцом собрали из вятчей и устюжан судовую рать численностью около 4 тысяч воинов и выступили навстречу новгородцам.

Противники на судах встретились на реке Северная Двина, сошли на берег и вступили там в бой. Отряд под командованием Василия Образца разбил новгородцев, из которых спаслись бегством немногие. После этого устюжане и вятчи «повоевали» большое количество двинских городков, погостов и сел, захватив большую добычу. И в Заволочье новгородцам не помогло тройное численное превосходство — слишком низкой была боеспособность их войск.

Перспектива длительной осады хорошо укрепленного города, вкупе с угрозой одновременной войны с Литвой и Ордой, побудили Ивана III не медлить с заключением мира.

Он ограничился тем, что обязал Новгород в течение года заплатить огромную по тем временам сумму — 15,5 тысяч рублей серебром либо западноевропейской монетой. Кроме того, по его приказу 18 июля были обезглавлены «за измену» новгородские бояре Дмитрий Борецкий, Василий Губа Селезнев, Еремей Сухошек и Киприан Арбузов. Несколько десятков бояр он велел заточить в подвалах Коломенского кремля:

«Посадников Василья Казимера и его товарищов 50 лутчих /государь/ отобрав, повеле вести к Москве и оттоле к Колмне и в тоурму всадити».

В тексте договора, заключенного в местечке Коростынь, новгородцы еще именовались «мужами вольными», а республика — «Великим Новгородом». Но уже новгородские бояре обязались быть «неотступными» от Московского княжества и не переходить под власть Литвы. Таким образом, Иван III нанес для начала главный удар по «литовской партии», а политическое устройство Новгорода не тронул. Князь был умен и хитер. Он понимал, что одним ма-

* Летописи говорят о 12 тысячах павших новгородцев и наемников, но это явное преувеличение.

хом Новгород трудно усмирить. Вот почему московская рать «не поиде к Новугороду и возвратися оттуду с усть Шолоны с честью и победою великою».

• • • %

Последующие события развивались вполне предсказуемым образом. В 1475 году Иван III совершил поездку в Новгород. Во время своего пребывания там он принимал жалобы крестьян и ремесленников на бояр. После разбора жалоб он осудил видных представителей новгородского боярства, связанных с Литвой, и отправил их в ссылку в Москву и в другие города. Тем самым московский князь подрезал корни новгородской боярской оппозиции и приобрел на время поддержку «черных людей», наивно считавших великого князя «защитником» от произвола бояр.

Между тем контрибуции, пусть даже огромной, Ивану III было мало. Он хотел навсегда покончить с Господином Великим, ибо самым фактом своего существования республика бросала вызов монархии. Используя в качестве предлога раздоры между сторонниками различных новгородских группировок, он в октябре 1477 года снова явился к Новгороду во главе большого войска. Свои требования Иван выразил четко и лаконично:

«Вечу и колоколу в отчине нашей не быти, посаднику не быти, а государство нам свое держати... А которые земли наши, великих князей, за вами, а то было бы наше».

Двухнедельная блокада города заставила новгородцев согласиться не только с ликвидацией политической независимости республики, но и городского самоуправления, а также с введением налога со всех городских и сельских хозяйств в московскую казну. Отныне все административные и судебные дела перешли в ведение московских наместников, огромные земельные владения новгородских бояр, монастырей и архиепископа стали собственностью великого князя.

Перед отъездом домой (5 февраля 1478 года) Иван приказал схватить Марфу Борецкую с ее внуком Василием Федоровичем, еще шесть знатных горожан, и отправить в Москву как заложников. Младший сын Марфы — Федор, отец Василия — был отправлен в Москву еще в 1476 году и к описываемому моменту уже умер.* Вечевой колокол — символ независимости Новгорода — москвиты тоже сняли и увезли с собой. Все владения Новгорода (в том числе земли племен, живших вдоль Северной Двины и Карелия) перешли под власть Москвы.

В 1480 году Иван III опять пришел в Новгород с войском под тем предлогом, что якобы «крамольные новгородцы ведут сношения с

Казимиром и с немцами». Хотя доказательства отсутствовали, церковного владыку Феофила взяли под стражу и отослали в Москву, 100 «главных крамольников» (т.е. наиболее известных противников Москвы) казнили, а 100 семей боярских и купеческих выслали в разные города Московского княжества.

В 1487 году Иван приказал выселить из Новгорода во Владимир на Клязьме 50 семей «лутших купцов». Апофеоз расправы наступил в 1488 году. Из Новгорода выселили в другие города более 7 тысяч «житых людей» (т.е. наиболее зажиточных) и «мастеров добрых» (ремесленников), якобы за то, что они хотели убить наместника великого князя. Взамен их в Новгород почти силой гнали московских служилых дворян, купцов, посадских людей. По этому поводу историк Н.И. Костомаров писал:

«Такдобил московский государь Новгород, и почти стер с земли отдельную северную народность. Большая часть народа по волостям была выгублена во время двух опустошительных походов. Весь город был выселен. Место изгнанных старожилов заняли новые поселенцы из Московской и Низовой Земли. Владельцы земель, которые не погибли во время опустошения, были также почти все выселены; другие убежали в Литву».

Добавим к его словам, что в 70-е и 80-е годы XV века Новгород покинуло большинство иностранных купцов, занимавших ранее целый квартал в городе — «немецкий двор». А в 1494. году Иван приказал закрыть Немецкий двор и посольство Ганзы, конфисковать товары и капиталы находившихся там в это время, купцов из Любека, запретил новгородцам вести самостоятельную торговлю с другими странами.

Таким образом, не «литовские люди», не поляки, не шведы и не «латиняне», а великий князь московский Иван III самолично заколотил «окно из Руси в Европу».

• • •

Весьма примечательна в данной связи аргументация русских националистов, всецело оправдывавших завоевание Новгорода Иваном III. Процитируем Нечволодова:

«В вольном городе, как всегда раздираемом раздорами различных партий, к этому времени возникло разделение между сторонниками Москвы и сторонниками другого собирателя Руси — Литвы, которая одна могла противостоять Москве. Литовские князья были католиками, а новопоставленный для Западной Руси митрополит Григорий человеком весьма сомнительного православия. Поэтому отделение Новгорода от Москвы на сторону польско-литовского государя Казимира являлось, несомненно, изменой как русскому делу, так и православию».

Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Книга 3, с. 111

* Дата и обстоятельства смерти Марфы неизвестны.

Вот так, не больше, и не меньше. Дескать, сам Господь Бог даровал Москве право захватывать все приглянувшиеся земли и насаждать там свои деспотические порядки. Республиканское правление новгородцев, их пресловутое «вече», всегда было московским князьям занозой в глазу. Но самое главное то, что Новгород был возмутительно, до неприличия богат и при том не желал добровольно отдавать свои деньги московским властителям!

Московские книжники, находившиеся на службе у Ивана III, претензии вольного города на независимость изображали как крамолу. В их глазах только абсолютная монархия являлась естественной и законной формой государственного устройства, тогда как вечевая демократия изображалась «дьявольской прелестью».

Так, под пером дьяка Степана Бородатого решение новгородцев отстаивать свою независимость любой ценой превратилось в заговор бояр Борецких. Само вече сей московский писатель изобразил как скопище «злых смердов» и «безименитых мужиков». Дескать, они били в колокола и «кричаха и лааху, яко пси, глаголаху «за короля хотим».

В течение 535 лет, прошедших с той поры, даже самые эрудированные национал-патриоты от истории не нашли других аргументов в оправдание предприятия великого князя московского Ивана III Васильевича. По сей день они повторяют выдумки Бородатого, присовокупляя к ним кое-какие собственные фантазии.

АХМАТ-ХАН И «СТОЯНИЕ НА УГРЕ»

(1472–1480 гг.)

Как уже сказано, Казимир IV все же пытался помочь Новгороду. С этой целью он использовал Ахмата — хана Золотой Орды (с 1465 года). Казимир заключил с ним соответствующий договор.

Ахмат пошел на Москву летом 1472 года. Войска противников встали по берегам Оки, южнее которой в те времена расстилалась, словно океан, необъятная степь. Увидев многочисленную московскую рать в доспехах и верхом на конях, хан Ахмат задумался. Тем временем вернулись его лазутчики и сообщили, что на рубеж Коломна — Серпухов выдвинулись войска касимовских «царевичей» Данияра и Муртаза.* Они явно готовились зайти Ахмату в тыл и захватить огромный обоз, пока тот будет

* Касимовским «царством» называлось княжество на Оке, в нынешней Рязанской области. С 1450 по 1681 годы московские князья давали его в удел татарским «царям» (ханам), переходившим на службу Москве. Первым их владельцем был Касим-хан, по имени которого назвали основанный им город и само княжество.

драться с москвичами. Подумав, Ахмат повернул назад. По пути домой он лишь сжег маленький город Алексин, жители которого храбро защищались.

После этого Иван заключил мир с Ахматом, и в 1474 году более трех тысяч татарских купцов привели в Москву 40 тысяч лошадей на продажу.

Но в 1476 году Ахмат прислал в Москву посольство. Послы потребовали уплаты дани, а также предъявили князю ханский портрет («басму») с тем, чтобы он ему поклонился. Как сообщает летопись, великий князь разломал басму, бросил на пол и потоптал ногами. Затем приказал убить всех послов, кроме одного, которого отправил назад к Ахмату с такими словами:

«Ступай и объяви хану: что случилось с его басмою и послами, то будет и с ним, если не оставит меня в покое».

Спустя четыре года после этого инцидента Ахмат-хан решил воспользоваться удобным моментом для того, чтобы привести Ивана к послушанию. Во-первых, в 1479 году началась война между Москвой и Ливонским Орденом в связи с тем, что Орден вторгся в земли Пскова.

Во-вторых, против Ивана выступили его братья Андрей Васильевич (удельный князь в Угличе) и Борис Васильевич (удельный князь Волоцкий). Они «отступиша» от Ивана III* ссылаясь на то, что тот присвоил себе город Дмитров, удел умершего четвертого брата Юрия, не считаясь с их интересами. Мятежные братья двинулись к литовской границе, разоряя все на своем пути. Вместе с ними были не только бояре и ратники, но также семьи. Ссылаясь на феодальное право «отъезда», они заявили, что уйдут в Литву, а потом вернутся вместе «с литвой» и силой восстановят свои права.

В такой обстановке Ахмат в августе 1480 года начал поход, двигаясь к верховьям Оки. Войско во главе с Иваном III и его сыном, решительным и храбрым Иваном «Молодым» (1458—1490), срочно вышло навстречу и стало на берегу Оки, препятствуя переправе татарской конницы. Ахмат расположился на другом берегу, пытаясь найти слабое место в обороне московитов. Полтора месяца прошли в мелких стычках. Убедившись, что Оку им не перейти, татары двинулись в западную сторону, к реке Угра (притоку Оки), где Ахмат рассчитывал соединиться с войсками Казимира IV, а также Андрея и Бориса Васильевичей.

Тем временем Иван договорился с братьями, разделив пополам между ними Дмитровское княжество. Получив желаемый кусок, они пошли к Угре, но на соединение с московским войском, а не татарским. Казимир IV тоже не смог оказать поддержки Ахмату

хану, ибо в Литву вторглась орда крымского хана Менгли-Гирея, которого натравил Иван.

В октябре 1480 года началось знаменитое «стояние на Угре». Татары несколько раз пытались прорвать позиции московских войск, но каждый раз терпели неудачу. Между тем наступил ноябрь, начались холода. Испугавшись падежа лошадей из-за бескормицы, Ахмат-хан пошел в южные степи. По пути он разорил несколько литовских волостей в отместку за то, что Казимир не пришел к нему на помощь. Со всем взятым «полоном» (пленниками) Ахмат-хан расположился на зимовку в устье Донца, где во время внезапного набега его убил ногайский хан Ибак.

«Стояние на Угре» означало окончание пресловутого татарского ига. Иными словами, московские князья отныне не считали себя вассалами татарских великих ханов. Прекратили они и выплаты дани ордынским ханам — «выхода». Но опустошительные набеги татар из разных ханств (например, крымчаков) на Московскую Русь продолжались еще более двух веков!

ИВАН III - «ЦАРЬ ВСЕЯ РУСИ»

Прежде чем перейти к рассказу о войнах Москвы с Литвой при Иване III, упомянем об изменении его титула. Дело это на первый взгляд формальное, но именно споры о титуле служили в дальнейшем одним из предлогов для войн.

В 1467 году у Ивана III скончалась жена, великая княгиня Мария Тверская, дочь князя Бориса Александровича. Выше уже отмечалось, что Иван был обручен с ней в 1447 году, когда ему было всего лишь 7 лет, а свадьба состоялась в 1452 году. Некоторые современные российские историки (например, С.Ю. Шокарев) считают, что Марию Борисовну отравили в результате дворцовых интриг. Как бы там ни было насчет причин, она умерла.

Сразу же после смерти жены Иван стал искать ей замену. При этом его, с одной стороны, раздражало честолюбие.* С другой стороны, он всегда помнил войну отца с Дмитрием Шемякой и Василием Косым, до конца жизни боялся ближних бояр, удельных князей, и особенно — родственников. Поэтому князя не устраивала невеста из своей среды. И вот ему предложили греческую принцессу Софию (Зоя) Палеолог (1455—1503). Ее Иван считал достойной своего нынешнего величия.

В 1453 году при взятии турками Константинополя погиб последний император Византии Константин XI Палеолог. Его брат Фома владел Мореей, частью полуострова Пелопонесс. Но в 1450 году под ударами турок пала и Морея. Фоме со всем семей-

ством удалось бежать в Рим. Его дочь София, родившаяся примерно в 1447 году, не имела шансов на приличное замужество. Ведь за ней в приданое не было ни денег, ни земель. И вот эту девушку Папа Римский Павел II через греческого униатского кардинала Виссариона (до подписания Флорентийской унии он был патриархом в Никее), предложил в жены московскому великому князю. Он явно стремился воспользоваться случаем, чтобы завязать отношения с Москвой и утвердить здесь свое влияние через униатку Софию.

В феврале 1469 года некий грек Юрий приехал к великому князю московскому с письмом от Виссариона, в котором кардинал предлагал Ивану руку греческой царевны, будто бы отказавшей из преданности отцовской вере двум женихам — французскому королю и миланскому герцогу. Великий князь, хорошо подумав, посоветовавшись с матерью и боярами, в следующем месяце отправил в Рим своего «посла по особым поручениям», монетного мастера Ивана Фрязина — итальянца Джана-Батиста делла Вольпе, принявшего православие.

Фрязин вернулся в Москву с портретом Софии и с самыми лестными характеристиками достоинств невесты. Тогда Иван снова отправил его в Рим в качестве своего представителя при обручении и доверенное лицо по доставке принцессы в Москву.

Следует отметить, что Фрязин (или делла Вольпе) был ловкий малый. В Риме он выставлял себя ревностным католиком и, по-малкивая о своем переходе в православие, уверял всех, будто бы великий князь Иван весьма благосклонно относится к катълицизму и с удовольствием поможет Папе в крестовом походе против турок.

Папа дал Софии богатое приданое, с которым 24 июня 1472 года она выехала из Рима в сопровождении придворных греков и специального папского посла, кардинала Антония Бонумбре. Проехав через всю Германию, София 21 сентября прибыла на корабле из Любека в Ревель, а оттуда 11 октября во Псков. Наконец 12 ноября 1472 года 25-летняя принцесса въехала в Москву и в тот же день обвенчалась с 32-летним Иваном.*

На другой день папский легат предстал перед великим князем и поднес ему дары от Папы. Кардинал Антоний должен был сразу поставить вопрос о соединении двух церквей посредством унии, но не решился, потому что, как говорит летописец, мос-

* Зоя Палеолог, которую в Москве именовали Софией Фоминичной, умерла 7 апреля 1503 года и была похоронена в Вознесенском соборе московского кремля, где хоронили великих княгинь и цариц. За 30 лет супружеской жизни она родила 12 детей: 5 дочерей и 7 сыновей, старший из которых стал великим князем Василием III.

ковский митрополит Филипп выставил против него для спора весьма толкового книжника Никиту Поповича. «Иное, спросивши у Никиты, сам митрополит говорил легату, в другом заставлял спорить Никиту». Кардинал не сумел найти достойных аргументов в ответ и, заканчивая спор, сказал: «Нет книг со мною!» Так неудачно закончилась попытка римского двора распространить Флорентийскую унию на Московскую Русь посредством брака князя московского и Софии Палеолог. Зато брак этот имел другие важные последствия.

Безмерно возгордившийся Иван повелел называть себя государем. А в 1483—1484 годы в ряде документов впервые появился титул «царь». Позже, в 1498 году Дмитрий Иванович, внук Ивана III, восходил на престол уже по всем правилам венчания на царство византийских императоров.*

Именно женитьба на Софье дала повод Москве впервые заговорить о претензиях на Константинополь. Так, в ряде документов, датированных 1499 годом, Софья именовала себя «царевной царьградской великой княгиней московской Софьей великого князя московского». Старый московский герб с Георгием Победоносцем, введенный князем Юрием Дмитриевичем, был заменен византийским двуглавым орлом.

Что означал этот герб, Иван и его бояре видимо не поняли. С VII века до Рождества Христова символом Римской империи являлся одноглавый орел. А двуглавы́й орел появился в IV веке после РХ. Он символизировал разделение Римской империи на Западную (со столицей в Риме) и Восточную (со столицей в Константинополе). Так что Москве двуглавы́й орел по сути подходил мало, чтобы не сказать хуже.

Что же касается отношений Московской Руси с Литвой и Польшей, то самым важным событием в этом плане стало принятие Иваном титула *Государя Всея Руси*. Ведь он владел лишь частью того, что в тогдашней Москве относили к землям якобы единой древней Руси времен Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Взяв этот титул, Иван Васильевич тем самым заявил о своих претензиях на многие земли, входившие в составе Великого княжества Литовского. Разумеется, это вызвало резкий отпор в Вильно и в Кракове.

* Следует объяснить этот казус. Дело в том, что Иван III, боясь очередной усобицы, велел своего сына Ивана «Молодого» (от Марии Тверской) тоже величать великим князем московским. Но 7 марта 1490 года Иван Иванович умер в возрасте 32 лет. Дождавшись 14-летия внука Дмитрия, Иван III торжественно венчал его на царство. И опять на Руси стало два номинальных государя. Однако после смерти Ивана III его сын от Софьи Палеолог (Василий III) заковал племянника Дмитрия (внука Ивана) «в железа и поместил в палату тесну», где тот и умер.

Война Москвы с Ливонией (1480-1482 гг.)

В январе 1480 года войска Ливонского Ордена произвели несколько нападений на владения Господина Великого Пскова — Вышгородок, Гдов, Изборск. Летом того же года они усилили набеги на пограничную полосу. В августе магистр ордена Бернгард фон Борхдвинул против Пскова все свои силы, по ливонским летописям, до 15 тысяч человек.

Простояв двое суток под Изборском, магистр подошел к Пскову, осадил его и начал обстреливать из пушек. Ливонцы сделали безуспешную, попытку высадить десант со стороны реки Великая, но псковичи отразили приступ, сбросили атакующих в реку и захватили все немецкие лодки. Активной обороной они заставили магистра снять осаду и отступить.

«Разобравшись» с Ахмат-ханом, Иван III решил использовать ситуацию в псковских землях в своих интересах. Сославшись на то, что в 1460 году делегация псковских бояр назвала его отца Василия II своим «государем», а Псков — его «отчиной», он решил укрепить свое влияние в этом регионе. По приказу Ивана Васильевича, 20-тысячная московская рать, получив подкрепления от новгородцев и псковичей, в конце февраля 1481 года вторглась в Ливонию.

Наступление шло по трем направлениям — на Дерпт, Валк и Мариенбург. За четыре недели были также взяты Федлин и Тарваст — важные центры Ливонии. Ливонцы побоялись дать решительное сражение и заключили перемирие сроком на 10 лет, которое подписали в 1482 году. В 1493 году по их просьбе оно было продлено еще на 10 лет.

Завоевание Твери (1483-1485 гг.)

Захватив Новгород, князь Иван III взялся за Великое княжество Тверское. Предлогом для войны послужил тот факт, что Михаил Борисович (ок. 1457—ок. 1505), сын его тестя, младший брат первой жены Марии, заключил в 1484 году договор о дружбе и взаимной помощи с великим князем Литвы.

Князь Михаил занял престол в 1461 году, четырехлетним ребенком. В 1470 году, достигнув возраста 17 лет, он женился на Софии, родственнице Казимира IV и, таким образом, породнился с ним. В последующие годы Михаил попытался продолжить политику своего отца Бориса Александровича, направленную на сохранение Тверью независимости при опоре на Великое княжество Литовское. Отсюда и договор.

Узнав о соглашении, Иван сразу же предпринял поход на Тверь. Московские войска окружили город, после чего тверско-

му князю пришлось признать себя «подручником», т.е. вассалом Ивана III. Но вскоре после этого он снова вступил в переговоры с королем. Тогда в августе 1485 года последовал новый поход. Тверские бояре, «дети боярские» и купцы, понимая бесполезность сопротивления Москве, в своем большинстве не поддерживали Михаила Борисовича.

В ночь на 12 сентября князь Михаил с семьей и верными боярами бежал в Литву. В Твери наместником Ивана III стал его сын от Марии Тверской, князь Иван «Молодой» (впрочем, через четыре с половиной года он умер). Казимир IV своевременно не помог Твери войсками, хотя договоры и 1449 и 1484 гг. прямо это предусматривали. Лишь в 1486 году он выделил Михаилу Борисовичу небольшой отряд (максимум, две тысячи человек), с которым тот попытался вернуть Тверь, но безуспешно. Ни горожане, ни крестьяне не оказали ему существенной поддержки.

В качестве компенсации за утраченные владения Казимир дал ему изрядную сумму деньгами, подарил имение Печихвосты на Волыни и несколько деревень в Слонимском повете. Михаил был женат дважды (второй его женой была женщина из рода Радзивиллов), однако остался бездетным. После смерти его владения в Литве перешли к князю В. Глинскому.

Несомненно, в данном вопросе Казимир проявил политическую близорукость. Устранив самого сильного конкурента среди русских княжеств, к тому же служившего «буфером» между Москвой и Литвой, Иван III очень скоро предъявил территориальные претензии уже к самому ВКЛ.

ВОЙНА ИВАНА III С ЛИТВОЙ (1492–1494 гг.)

Этой войне предшествовали пограничные конфликты, участвовавшие с 1486 года. «Яблоком раздора» служили земли Верховских княжеств, границы которых не были точно установлены.

Сознавая свою силу, Иван Васильевич 18 мая 1492 года отправил из Москвы посла к Казимиру IV, великому князю Литвы и королю Польши, с целым списком территориальных претензий. Он, ни много, ни мало, желал забрать под свою «высокую руку» всю «отчину», понимая под этим термином те земли Великого княжества Литовского, где когда-то сидели князьями отпрыски Рюриковичей.

Пока посол ехал, Казимир IV внезапно умер в Гродно 7 июня. После этого королевский престол в Кракове занял его старший сын Ян-Альбрехт (1459—1501). Согласно условиям Кревской унии,

он должен был стать и великим князем Литвы. Но литовские магнаты объявили своим великим князем Александра (1461—1506) — младшего сына Казимира.

Иван III любил действовать по точному расчету, наверняка. Он решил воспользоваться ситуацией (т.е. тем, что личная уния Литвы и Польши оказалась нарушенной) и начать войну с Литвой, в надежде отхватить если не все земли, на которые претендовал, то хотя бы значительную их часть.

Внешняя политическая обстановка благоприятствовала его планам. Он заключил союз с молдавским господарем, установил дружественные отношения с венгерским королем, укрепил союз с Менгли-Гиреем, существовавший с 1472 года. Иван срочно отправил в Крым своего посла Константина Заболоцкого. Посол должен был сказать хану Менгли-Гирею, что хотя Казимир умер, его сыновья такие же враги Москве и Крыму, как их отец. Иван советовал хану идти войной на Литву. Мол, великий князь тоже скоро «сядет на коня».

Хан хорошо принял Заболоцкого, но послал в поход не орду, а лишь небольшой «загон», не более двух тысяч человек. Этот отряд действовал в районе между Черниговом и Киевом. Несмотря на малочисленность, он все же отвлек довольно значительные силы литовцев.

Сам Иван III, несмотря на обещание крымчакам, в поход не пошел, а послал два больших отряда и два отряда численностью поменьше. Рать рязанского князя овладела Мещевском, штурмом взяла Серпейск и Одоев; рать князей Патрикеева и Данилы Щени захватила Вязьму. Отряд князя Федора Телепнева-Оболенского напал в августе 1492 года на Мценск и Любутск, сжег их, жителей увел в плен. Второй отряд захватил города Хлепень и Рогачев, позже — Мезень, Одоев, Опочку и Новосиль.

В тот же год, в надежде получить новые пожалования земель с крестьянами и деньгами, на службу к Ивану III перешли некоторые православные князья из пограничных районов Литвы. Так, в Москву «выехал» князь Семен Воротынский, захвативший сначала Серпейск и Мезецк, а затем и Мосальск. Осенью 1492 года к Ивану III «отъехал» вместе со своей вотчиной князь Александр Юрьевич Вяземский.

Готовясь к расширению военных действий, Иван III приказал собрать к лету 1493 года крупные силы в Великих Луках, Пскове, Новгороде и Твери. Он также отправил послов к князю Конраду Мазовецкому и к магистру Тевтонского ордена, предлагая им совместно воевать против Литвы и Польши.

В Вильно сильно беспокоились, понимая, что крайне трудно одновременно бороться с Иваном, Менгли-Гиреем и немца-

Великий князь Литвы
Александр Казимирович

ми. Терпя неудачи на фронте, литовские власти направили в Москву двух тайных агентов, которым поручили убить либо отравить Ивана III. Но диверсантов схватили и казнили. После этого не осталось ничего иного, как просить мира. Чтобы склонить Ивана Васильевича к уступкам, ему через посредника предложили выдать одну из его дочерей за великого князя Литвы Александра Казимировича, недавно овдовевшего.

В ноябре 1492 года в Москву прибыл литовский посол Станислав Глебович. Однако посол и московские бояре заспорили об очередности мероприятий. Глебович пред-

лагал сначала устроить свадьбу, а потом вести переговоры о мире, бояре же предлагали заключить мир по воле Ивана III, то есть, чтобы к Москве отошли пограничные города Мценск, Любутск, Вязьма, Серпейск и другие. В конце концов, Глебович безрезультатно вернулся в Литву.

Все же переговоры продолжилась. Теперь уже московский посол, дворянин Загряжский, поехал в Литву. Задачу ему поставили вполне конкретную — отспорить у Литвы города, ранее захваченные москвитями. В его верительной грамоте придворных Александра удивил новый титул Ивана III. Ранее Иван писал так:

«От великого князя Ивана Васильевича»...

Ныне его грамота начиналась следующими словами:

«Иоанн, божьего милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и болгарский, и иных»...

Почему великий князь московский назвал себя в таком документе «государем всея Руси» именно в этот момент? Да потому, что военная мощь ВКЛ ослабла. Никаких других аргументов, кроме силы, у Ивана III не было. Он даже не стал рассуждать о преемственности московских князей древним киевским князьям.

17 января 1494 года в Москву приехали большие литовские послы: трокский воевода П. Янович, жмудский староста С. Кезгайло и писарь великого князя Григорьев. После долгих препирательств они уступили Ивану III часть спорных земель. Литва потеряла Одоевское и Вяземское княжества. Но точная граница в бассейне Оки не была определена, что давало формальный повод для новых конфликтов. Одновременно ВКЛ отказалось от претензий на Новгород, Псков, Тверь и Рязань.

В московском экземпляре договорной грамоты Иван III был титулован как «государь всея Руси, великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский и протчая». В литовском экземпляре «вся Русь» не упоминалась.

По окончании переговоров Иван III объявил, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, как говорили послы и ругались головой, неволи ей в вере не будет.

В январе 1495 года новые послы (наместники гродненский и полоцкий, братья Александр и Ян Забerezинские) приехали за 18-летней невестой. В Виленском кафедральном соборе венчали Александра и Елену епископ Войцех Радзивилл и московский поп Фома.*

ВОЙНА ЛИТВЫ С ИВАНОМ III (1500-1503 гг.)

Мир с Литвой существовал менее пяти лет. Поводом для нового столкновения послужил переход весной 1500 года еще нескольких литовских князей в подчинение к Ивану III, разумеется, вместе со своими владениями.

Первым в марте 1500 года в Москву подался князь Семен Иванович Вельский. Семен Иванович был правнуком великого литовского князя Альгерда. Сын Альгерда Владимир в конце XIV века стал князем киевским, а его второй сын Иван получил в удел быв-

* У Елены Ивановны (1476—1513) сложились хорошие отношения с мужем, несмотря на твердую приверженность к православию. Папа Римский Юлий II благословил этот брак и разрешил Елене быть королевой без перехода в католичество. С 1497 года ее отношения с отцом, надеявшимся через нее влиять на политику ВКЛ, резко ухудшились. В 1503 году она послала письмо Ивану III, в котором упрекнула его за нарушение мирного договора: «От твоих людей упал великий стался, города и волости пожжены, а иные позасеканы и безчисленный люд в полон поведен».

После смерти царственного супруга (1506) уединенно жила в Трокском замке, где и умерла.

ший татарский город Белев. Этот Иван и стал родоначальником князей Вельских.

Семен Вельский прибыл в Москву, «бил челом великому князю, чтоб пожаловал, принял в службу и с отчиною». Причиной своего поступка Вельский назвал притеснения православных в Литве — дескать, «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон». Иван III принял Вельского и послал Александру лицемерную отговорку:

«Князь Вельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в веру и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною».

Вслед за Семеном Вельским и его братом перешли князья Мосальские, Хотетовские и Трубецкие. Наконец, явились в Москву северские князья, ранее бывшие заклятыми врагами Ивана III: князь Василий Иванович Шемячич (внук Дмитрия Шемяки) и Семен Иванович Можайский, сын соратника Шемяки Ивана Андреевича Можайского. Князь Семен перешел с Черниговым, Стародубом (украинский Стародуб не путать со Стародубом на Клязьме), Гомелем и Любечем; Рыльский — с Рыльском и Новгородом-Северским.

Объяснять подобные «перебежки» гонениями за веру могут только «православно озабоченные» русские историки (типа Нечволодова), выпячивающие на первый план религиозные проблемы и не придающие абсолютно никакого значения главному фактору — материальному. Масштабы и «ужасы» подобных гонений они сильно преувеличивают.

А главное, подобная практика являлась в те времена обычной по всей Европе. Феодалы систематически переходили от прежних сюзеренов к новым, в надежде получить дополнительные владения и прочие милости. Везде ими двигала корысть. Так, Казимир IV в 1452 году отдал Гомель в удел можайским князьям, бежавшим из Московии. Их потомки через 47 лет подались в обратную сторону, вследствие чего началась долгая борьба за Гомельщину.

Кстати, и князья Вельские, и князья Стародубские, и князья Дорогобужские позже, познакомившись поближе с дикими нравами московских владык, вернулись обратно в Литву.

Итак, литовский великий князь Александр — «первый среди равных» — не мог запретить своим удельным князьям (магнатам) переходить на службу к восточному соседу. Но и спокойно взирать на их переход к Москве он тоже не хотел, да и не мог. Поэтому в апреле 1500 года в Москву приехало посольство от Александра во главе со смоленским наместником С. Кишкой. Посол передал

Ивану III требование своего великого князя, чтобы Иван, в соответствии с условиями брачного договора, не принимал впредь переходивших из Литвы князей вместе с их волостями, не «чинил больше обид на границах» и вернул «изменников» (князей-перебежчиков). При этом, желая задобрить тестя, он даже назвал его в своем письме «государем всея Руси».

Но это не помогло. Ивану III было мало тех земель, что он получил по договору 1494 года. Как всегда, он хотел больше. Царь послал зятю ответное письмо, где заявил, что начинает войну якобы в отместку «за принуждение княгини Елены и всех наших литовских единоверцев к латинству».* Грамота кончалась словами «хочу стоять за христианство, сколько мне Бог поможет». В итоге вновь началась война.

Основная часть московских войск, под командованием служилого татарского хана Магомет-Амина и воеводы Якова Захарьевича Кошкина, уже 3 мая пошла на юго-запад, к Брянску. Далее эта рать заняла города Гомель, Любеч, Мценск, Мосальск, Новгород-Северский, Оршу, Рыльск, Серпейск, Стародуб и Путивль.

Другую часть московского войска (Сторожевой полк) возглавил родной брат Якова, боярин Юрий Захарьевич Кошкин. Вскоре Юрий вступил в Смоленскую землю и взял Дорогобуж.

Как сказано в «Хронике Быховца», все города были захвачены «воровским обычаем». Только после этого в Вильно поехал посол И. Телешев с грамотой, где было сказано, что царь Иван «за христианство стояти хочет» и начинает войну.

К тому времени в Великих Луках сосредоточилась третья группа войск, а четвертая стояла в Твери в качестве резерва. Ею командовал тверской воевода, князь Даниил Романович Щеня.**

Пришлось литовскому великому князю собирать войска. Командование ими он поручил наивысшему гетману, православному князю Константину Ивановичу Острожскому. Сначала Острожский прибыл в Смоленск, где к нему присоединился гарнизон под командованием наместника Станислава Кишки. Оттуда они пошли к Дорогобужу — отбивать город. Узнав об этом, Иван III приказал тверской рати князя Д.В. Щени форсированным маршем идти выручать Кошкина.

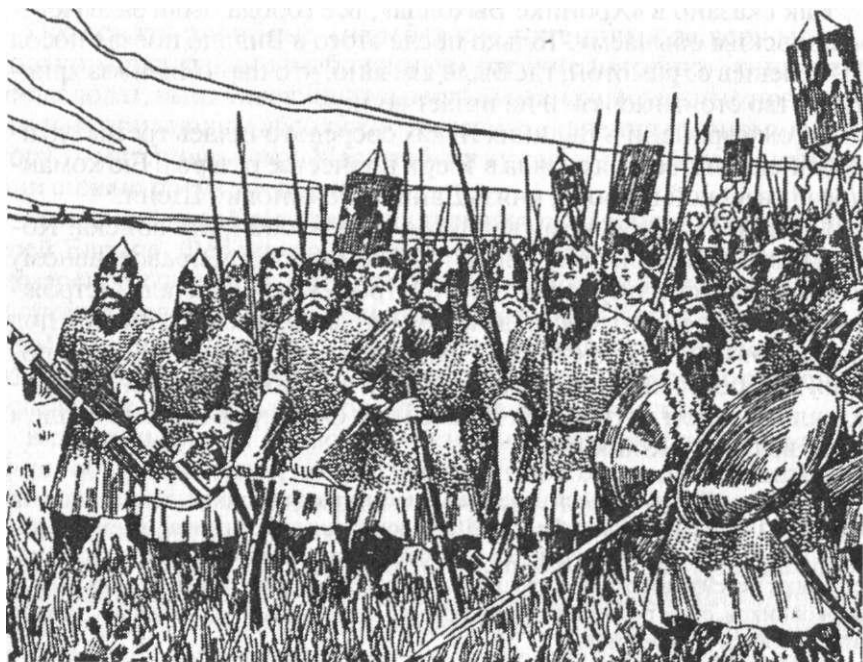
* Иван III основывался на клеветнических измышлениях, содержащихся в тайном письме подьячего Федора Шестакова, находившегося при великой княгине Елене Ивановне в Вильно: якобы ее и всех православных Литвы силой заставляют перейти в католичество. Шестаков же действовал по указке московских церковников, страстно желавших расправы с «латинянами» и считавших, что для этого хороши все средства.

* Д.Р. Щеня был правнук литвинского князя Патрикея Наримунтовича, приехавшего в Москву на службу в 1408 г.

БИТВА НА ВЕДРОШЕ (1500 г.) И ДРУГИЕ ПОБЕДЫ МОСКВЫ

Щеня успел подойти к Дорогобужу раньше литвинов, взял на себя верховное командование войсками и стал лагерем у большой Московской дороги, на Митьковом поле, примерно в 5 верстах за Дорогобужем.

Получив сведения о приближении противника, Щеня приготовился к бою. На западный берег Ведроши отправил передовой полк, на восточном берегу^ставил большой полк под командованием его самого. Сторожевой полк Кошкина, состоявший из конных дворян, а также конница татарского хана Магомет-Амина были назначены в засаду. Правый фланг московитов прикрывал Днепр, левый фланг упирался в густой лес. Впереди за Митьковым полем протекала речка Ведроша, приток Днепра. Замысел Щени состоял в том, чтобы разбить противника внезапным ударом засадного полка с тыла и одновременной атакой с фронта силами большого полка.

Московские воины, вооруженные самострелами (арбалетами) на Ведроше

Битва на реке Ведроша в 1500 г.

Сражение произошло 14 июля 1500 года. Литовцев было примерно 7 — 8 тысяч человек, московитов больше на три — четыре тысячи.* Острожский знал об этом, но твердо решил сражаться. Он сказал:

«Мало ль, много ль москвичи будет, только вземши Бога на помощь битися с ними, а не бившися с ними назад не вернуться».

Бой начал Передовой полк, который под натиском литвинов вскоре стал отступать по двум наплавным мостам и вплавь через Ведрошу, наводя противника на Большой полк. Преследуя его, значительная часть войск Острожского перешла по мостам на правый берег реки, где была атакована по всему фронту Большим полком. Исход шестичасовой битвы долго оставался неясным, ибо здесь силы сторон оказались равными и сражались они одинаково храбро. Но Даниил Щеня все же переиграл гетмана Острожского. Засадный полк Кошкина и татары Магомет-Амина внезапным ударом во фланг смяли боевые порядки литвинов, а часть пехоты зашла с тыла и подрубила наплавные мосты.

Оказавшись в окружении, противник оказал отчаянное сопротивление, но был разбит в ожесточенном бою. Литвины стали отступать к бродам. Отступление вскоре превратилось в бегство. В итоге почти все литовские воины либо пали на поле боя, либо уто-

* Численность войск литвинов и московитов, а также их потери, в летописях сильно преувеличены, якобы от 30 до 40 тысяч человек с каждой стороны. В составе литвинского войска источники отмечают наличие полевой артиллерии.

нули в реке, либо попали в плен. Уйти удалось только воеводе Кишке с четырьмя ротмистрами и несколькими сотнями воинов. Среди пленных оказались раненый гетман Константин Острожский, новогрудский наместник Иван Хребтович, князя Друцкий и Мосальский, много бояр. Московитам также достались обоз и пушки. Победа Щени была полная. Однако ценой ей стали значительные потери, лишь немного уступавшие потерям литовцев числом убитых.

Пленных разослали по разным городам, князя Острожского в окопах отправили в Вологду. Позже Иван предложил ему служить у него. Не видя иного выхода, князь Константин согласился и присягнул Ивану III, но в начале 1507 года, т.е. после смерти царя, убежал в Литву.

* * *

В битве на Ведроше великий князь Александр Казимирович потерял свое лучшее войско. Поэтому он стал искать выход из тупиковой ситуации средствами дипломатии. Летом и осенью 1500 года его послы уговаривали Менгли-Гирея разорвать военный союз с Москвой. Они также побывали в Молдавии, Заволжской Орде и Ливонском ордене, посетили братьев Александра — польского короля Яна-Альбрехта и Владислава, короля чехов и венгров. 21 февраля 1501 года послы из Вильно и Кракова вместе приехали в Москву, чтобы убедить Ивана III прекратить военные действия и сесть за стол переговоров, но тщетно.

Уже в мае московские войска снова пошли на Литву а в июне с юга ударили крымские татары. Новгородские, псковские и великолуцкие полки под началом великокняжеских племянников Ивана Борисовича и Федора Борисовича, боярина Андрея Челяднина взяли Торопец.

Новые подданные, князья северские Можайский и Шемячич, вместе с князем Ростовским и князем Семеном Воронцовым, одержали победу над литвинами под Мстиславлем. Их войско во главе с князем С И . Можайским подошло к Мстиславлю 4 ноября 1501 года. Ему навстречу вышло войско князя Михаила Изяславского и воеводы Остафия Дашковича.

Произошла жестокая битва, в которой, по словам летописца «Литвы иссекоша тысяч з седмь..., а князь Михаиле едва утече во град». Московиты не смогли взять замок, но «возвратишася к Москве со многим пленом».

Сын Ивана III, царевич Дмитрий, летом 1502 года осадил Смоленск, но взять не смог, а ограничился опустошением земель в районах Смоленска, Орши (город был взят и сожжен), Мстиславля и Витебска. Осенью того же года «воевати Литовскую землю» ходили воеводы из Новгорода, Ржева и Северской земли. В феврале

1503 года великий князь московский снова отправил в Литву «князей и воевод многих со многими людьми».

* * *

На стороне Литвы выступил только Ливонский орден. Его магистр Вальтер фон Плеттенберг в мае 1501 года начал военные действия вторжением в земли Пскова.

Первое сражение псковской рати с немцами произошло летом 1501 года в десяти верстах от Изборска. Немцы встретили атаку псковичей мощным залпом из пушек и пищалей. Те бросились бежать и укрылись в городе. На следующий день орденские войска осадили Изборск, но взять его не смогли.

Более удачлив магистр Вальтер фон Плеттенберг был под Островом, ему удалось взять и сжечь город, при этом погибли до трех тысяч псковских воинов и жителей Острова. Однако немцам вскоре пришлось уйти. Был разгар лета, стояла жаркая погода и вскоре в их войске «открылся кровавый понос», то есть началась эпидемия дизентерии. Заболел и сам магистр.

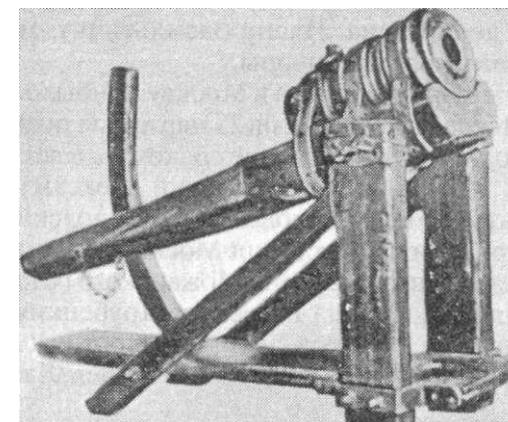
Тем временем на помощь Пскову прибыли московские ратники во главе с князем Александром Оболенским и отряд татарской конницы. Московиты встретились с немцами около города Еелмед. Несмотря на то, что в первой же схватке погиб воевода Оболенский, они разбили и погнали немцев.

Псковский летописец, явно приукрашивая реально события, написал об этом так:

«И биша поганых немцев надесяти верстах и не оставиша им ни вестноши (вестника), а не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и татарове аки свиней шестоперы».

По словам же немецкого летописца, московиты потеряли в этом сражении около полутора тысяч человек убитыми, а ливонцы до четырех тысяч убитыми, ранеными и пленными — примерно половину своего войска.

Весной 1502 года выздоровевший Плеттенберг явился с 5-тысячным войском к Изборску. Немцы осадили

Легкая полевая бомбарда (1500 г.)

город, но, простояв несколько дней, отошли и осадили Псков. Псковичи сами подожгли предместья и оборонялись до тех пор, пока немцы не отступили, узнав о приближении московских воевод князей Даниила Щени и Василия Шуйского с 15-тысячным войском.

На берегу озера Смолин воеводы настигли уходивших немцев и дали им бой. В самом начале сражения ратники Передового полка захватили обоз и бросились грабить его. Но тут немцы остановились, развернулись и мощным ударом пехоты разгромили этот полк, утративший боевой порядок. Остальные полки московитов еще только подходили к месту завязавшейся сечи. Видя это, Щеня смело повел в атаку свою конницу. Под ее ударом немецкая пехота не устояла и стала отступать. Чтобы прикрыть ее отход, Щеню атаковала немецкая кавалерия. Встречный бой не дал перевеса ни одной из сторон, но рыцари свою задачу выполнили: войско Плеттенберга ушло с минимальными потерями.

Потери московского войска были значительно больше. Зато оно отыгралось на жителях окрестных замков и деревень, пуская их «под мечь» (убивая всех подряд) и захватывая имущество.

Великий магистр прусский сообщил Папе Римскому, что московиты хотят покорить всю Ливонию, а если не смогут этого сделать по причине крепостей, то хотя бы вконец опустошить Ливонскую землю, перебив или пленив всех сельских жителей.*

В начале лета 1501 года умер король Польши Ян-Альбрехт, после чего ему наследовал младший брат Александр — великий князь Литвы. Был подписан Мельницкий акт, укреплявший династическую унию между ВКЛ и Польским королевством. Это, а также союз Литвы с Ливонским орденом и Заволжской Ордой, изменило расстановку сил не в пользу Москвы. Просила о мире и дочь Елена. Ивану Васильевичу, скрепив сердце, пришлось пойти на переговоры.

4 марта 1503 года в Москву прибыло посольство от Александра. После острых споров 25 марта был подписан «перемирный» договор, то есть перемирие сроком на 6 лет.

Великий князь литовский Александр обязался впредь «не трогать» земель московских, новгородских, псковских, рязанских и пронских. Он уступил Москве огромную территорию. Это были земли князей Семена Можайского (Стародубского), Василия Шемячича, Семена Вельского, Трубецких и Мосальских, а также 28 городов и замков (малых крепостиц): Белая, Брянск, Велиж, Еомель, Дорогобуж, Дроков, Карачев, Любеч, Любутск, Мглин, Ме-

зецк, Мосальск, Мценск, Невель, Новгород-Северский, Остят, Попова Еора, Почеп, Путивль, Радогощ, Рыльск, Серенек, Серпейск, Стародуб, Торопец, Трубчевск, Хотим, Чернигов, а также 70 волостей. Иными словами, московский государь не только отобрал у ВКЛ все те земли, которые присоединил Витовт с восточной стороны своего государства, но и добавил к ним новые.

Вскоре после этого с Иваном случился удар, говоря современным языком — инсульт. Отнялась вся правая половина тела. Естественно, что и сам великий князь, и его современники истолковали удар однозначно — как Божью кару за грехи.

В том же 1503 году, вскоре после заключения перемирия с Литвой, в Новгороде Великом наместники Ивана подписали аналогичное 6-летнее перемирие с послами Ливонского Ордена. В этом случае Москва ограничилась контрибуцией. «Божья кара» сыграла свою роль.

Итак, очередная агрессия великого князя московского Ивана III Васильевича увенчалась полным успехом. Он отобрал у Литвы все днепровское левобережье.

* Как известно, спустя 70 лет царь Иван IV действовал в Ливонии точно таким же образом..

ВОЙНЫ ВАСИЛИЯ III С ЛИТВОЙ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СИГИЗМУНД I

27 октября 1505 года на 67-м году жизни и на 44-м году княжения умер государь Иван III. Престол перешел к его сыну от Софьи Палеолог, 26-летнему Василию III (1479—1533).

Великий князь литовский Александр Казимирович пережил своего тестя менее чем на год и умер в августе 1506 года, на 45 году жизни. Его место на литовском престоле занял младший брат Сигизмунд I (в Литве его называли Жигмонт), который с 24 января 1507 года стал также королем Польши.

Сразу же после вступления на престол Сигизмунд, человек смелый и предприимчивый, приказал готовиться к походу на Москву. В Крым и Казань он отправил послов поднимать татар на Василия III.

Но, прежде, чем переходить к войнам Сигизмунда I, следует упомянуть о важной перемене в государственном устройстве Польского королевства, имевшей большое значение для его последующей судьбы. В конце марта 1505 года представители шляхты собрались в Радоме на сейм и после двух с половиной месяцев бурных дебатов приняли постановление, вошедшее в историю как «Радомская конституция». Король утвердил ее, после чего она стала законом.

Отныне король не мог издавать ни одного нового закона без согласия как сената (т.е. магнатов и высших церковных иерархов), так и шляхетской посольской избы. При этом был введен принцип «общего согласия» (*liberum veto*). Он означал, что любой закон можно принять лишь в том случае, если против него не возражает ни один шляхтич — делегат сейма!

Разумеется, на практике данное положение соблюдалось далеко не всегда. Зато по Радомской конституции шляхта получила право создавать временные политические объединения для достижения определенных целей (конфедерации) и даже выступать с оружием в руках для защиты своих прав (устраивать ро-

кош). Впрочем, все это соответствовало старому принципу феодального права, в силу которого вассалы могли на законных основаниях восстать против сеньоров (даже против короля), нарушивших свои обязательства по отношению к ним.

Для равновесия за королем было признано право карать смертью бунтовщиков, если суд согласится с его доводами и вынесет соответствующий приговор. Понятно, что московским боярам и дворянам, привыкшим быть рабами своих «великих» и «невеликих» князей, столь широкие права личности казались ужасной ересью и низвержением «устоев».

В данной связи коснемся вопроса о государственном устройстве и законодательстве Великого княжества Литовского:

«Великий князь представлял исполнительную власть в стране. Его законодательная функция была ограничена Сеймом — съездом делегатов от региональных собраний феодалов (сходов) и великокняжеской Радой (с XVI века ее называли Паны-Рада). Если же великий князь избирался также и польским королем и уезжал в Краков, столицу Польши, то функции высшей исполнительной власти переходили к Панам-Раде.

Наиболее влиятельными фигурами высшего руководства ВКЛ были архиепископ Виленский (глава католической церкви в Литве), воевода (губернатор) Виленский, маршалок Литовский (председатель Сейма и Панов-Рад), великий гетман (главнокомандующий вооруженными силами) и великий канцлер (глава правительства).

Территория страны была разделена на воеводства, а те, в свою очередь, на староства и поветы. Администрация назначалась Панами-Радой, в поветах собирались органы местного самоуправления шляхты — сеймики...

Основными социальными категориями граждан ВКЛ были крестьянство, мещанское сословие и шляхта...

Главные законодательные документы княжества были сведены в свод законов — Статут Великого княжества Литовского. Известны три редакции Статута: 1529, 1566 и 1588 гг. Создателем наиболее совершенного третьего Статута был известный политический деятель средневековой Беларуси,

Великий князь Литвы
Сигизмунд Казимирович «Старый»

великий канцлер ВКЛ Лев Сапега. Третий Статут действовал на протяжении 250 лет — до 1840 года. Он использовался в качестве образца в других странах для разработки собственного законодательства, был переведен на польский, русский, немецкий языки. Статут ВКЛ оказался самым прогрессивным в Европе... Он был написан на понятном народу языке.

Статут заложил в ВКЛ первоосновы правового государства, где правил закон, а не личная воля государя. Уже в первом Статуте предусматривалось, что все жители ВКЛ должны судиться по одному этому праву. Согласно второму Статуту, все паны (магнаты), шляхта и бояре, мещане объявлялись полноправными гражданами. Предусматривалось ограничение власти великого князя такими институтами государственности, как Сейм и Паны-Рада. Было заложенъ разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную».

Беларусь: Государство и люди. Минск, 2002, с. 56—58

Видно невооруженным глазом, что все это являло разительный контраст с азиатской деспотией и безудержным произволом царей в Московском государстве. Соответственно, режим «шляхетской демократии» всегда вызывал искреннюю горячую ненависть московских правителей.

ВОЙНА ВАСИЛИЯ III С ЛИТВОЙ (1507-1508 гг.)

В феврале 1507 года Виленский сейм принял решение о возврате земель, утраченных в ходе двух предыдущих войн с Москвой (в 1492-94 и 1500-03 гг.).

Уже в марта 1507 года в Москву прибыли литовские послы. Они официально известили Василия III о восшествии на престол Сигизмунда I. Послы также напомнили, что великий князь Василий II Васильевич и великий князь Казимир IV Ягайлович в 1449 году заключили «вечный мир», по которому обязались не отбирать друг у друга земли, и что Казимир, а затем Александр не нарушили ни в чем этого договора, а Москва нарушила. Надо признать, что их слова соответствовали истине. Далее они потребовали вернуть Литве ее города и земли, захваченные Иваном III.

«Правда королей Казимира и Александра известна всему миру», поэтому Сигизмунд призывал великого князя Василия Ивановича к возврату всех литовских городов и волостей, доставшихся его отцу во время прежних войн, а также к освобождению всех плененных литвинов, дабы кровь христианская не лилась, ибо он в своей правде уповает на Бога.

Еще послы жаловались, что московиты недавно захватили четыре смоленские волости, а дорогобужские помещики притесняют литовских пограничников. Но Василий так ответил им:

«Мы городов, волостей, земель и вод Сигизмундовых, его отчин никаких за собою не держим, а держим с божиею волею города и волости, земли и воды, свою отчину, чем нас пожаловали и благословил отец наш, князь великий, и что нам дал бог, а то прародителей наших и вся Русская земля наша отчина...»

Как отец наш, и мы брату нашему и зятю Александру дали присягу на перемирных грамотах, так и правили ему во всем до самой его смерти. А с Сигизмундом королем нам перемирья не было. Если же Сигизмунд, как вы говорили, хочет с нами мира и доброго согласия, то и мы хотим с ним мира, как нам будет пригоже».

В действительности, Василий III Иванович намеревался продолжить завоевательную политику своего отца. Главным предметом его воцелений в западном направлении являлся старинный город Смоленск, принадлежавший Литве. Вот что писал Карамзин:

«В сношениях с Литвою Василий изъяслял на словах миролюбие, стараясь вредить ей тайно и явно.

Еще не зная о смерти Иоанновой, король Александр отправил посла в Москву с обыкновенными жалобами на обиды россиян... *

Известие о новом монархе в России обрадовало короля... Александр надеялся заключить мир, прислав в Москву вельмож Глебова и Сапегу; но в ответ на их предложение воззратить Литве все наши завоевания бояре

Литовское полевое орудие. Фрагмент картины XVI в.

московские сказали, что Великий Князь владеет только собственными землями и ничего уступить не может. Глебов и Сапега выехали с неудовольствием; а вслед за ними государь послал объявить зятю о своем восшествии на престол и вручить Елене золотой крест с мощами по духовной родителя. Василий признал жалобы литовских подданных на Россиян совершенно справедливыми и, к досаде короля, напомнил ему в сильных выражениях, чтобы он не беспокоил супруги в рассуждении ее веры. Одним словом, Александр увидел, что в России другой государь, но та же система войны и мира...

В августе 1506 года король Александр умер. Великий князь немедленно послал чиновника Наумова с утешительной грамотой к вдовствующей Елене, но в тайном наказе предписал ему объявить сестре, что она может прославить себя великим делом: именно, соединением Литвы, Польши и России, ежели убедит своих панов избрать его в короли; что разноеверие не есть истинное препятствие; что он даст клятву покровительствовать Римский Закон, будет отцом народа и сделает ему более добра, нежели государь единоверный. Наумов должен был сказать то же виленскому епископу Войтеху, пану Николаю Радзивилу и всем думным вельможам.

Но Елена ответствовала, что брат ее супруга, Сигизмунд, уже объявлен его преемником в Вильне и в Кракове. Сам новый король известил о том Василия, предлагая ему вечный мир с условием, чтобы он возвратил свободу литовским пленникам и те места, коими завладели россияне уже после шестилетнего перемирия.

Сие требование казалось умеренным; но Василий, досадуя, может быть, что его намерение царствовать в Литве не исполнялось, хотел удержать все оставленное ему в наследие родителем и, жалуясь, что литовцы преступают договор 1503 года, тревожат набегами владения князей Стародубского и Рыльского, жгут села Брянские, отнимают наши земли, послал князя Холмского и боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстиславля, не встретив неприятеля в поле. Королевские послы еще находились тогда в Москве: Сигизмунд упрекал Василия, что он, говоря с ним о мире, начинает войну».

Переговоры в Москве закончились безрезультатно в начале апреля, а 29 апреля московские полки уже пошли войной на Литву. Обходя крепости и крупные города, они вторглись далеко вглубь ее территории.

Только тогда из Кракова в Вильно прибыл Сигизмунд, который приказал наивысшему гетману С. Кишке собрать шляхетское ополчение (посполитое рушение) возле Минска.

Однако пока оно собралось (до 14 тысяч человек), московские воеводы уже покинули пределы ВКЛ. Тогда Кишка направил свое войско к Друцку, откуда посылал небольшие конные отряды (загоны) в приграничные московские земли. Крымские татары, обе-

щавшие Сигизмунду напасть на Путивль и Чернигов, не сделали этого.

В октябре — ноябре 1507 года Василий III направил войска воевод Холмского и Захарьина-Кошкина в Поднепровье. Они осадили Кричев и Мстиславль, но города упорно отбивались. Когда на помощь им стало подходить ополчение, воеводы сняли осаду и вернулись в Московию.

МИХАИЛ ГЛИНСКИЙ

Второй этап войны связан с мятежом, который поднял в январе 1508 года князь Михаил Львович Глинский (ок. 1470—1534).

Глинские происходили от татарского мурзы Лексы Мансуровича, из рода Мамая, бежавшего в Литву из Золотой Орды в 1380 году, вскоре после Куликовской битвы. Восточнее Днепра он получил в удел Глинскую волость, давшую название фамилии.

Михаил Глинский воспитывался в Германии, где принял католичество. Он много путешествовал, был широко образован, славился храбростью, хорошо знал военное дело, которое изучил на службе в войсках Максимилиана I Габсбурга, императора Священной Римской империи (правил в 1493—1519 гг.).

Вернувшись в Литву, Михаил довольно быстро стал одним из близких друзей великого князя Александра и, кроме того, одним из богатейших здешних магнатов (ему принадлежали обширные владения в Подляшье, в Лидском повете, а также город Туров). Когда Александра избрали королем Польши, Михаил Глинский фактически превратился в его наместника в ВКЛ, хотя официально такой пост отсутствовал.

Он добился выдающегося положения в Литве исключительно своими талантами, но его стремительное возвышение, а также всемерная поддержка им своих братьев Ивана, Василия и Федора вызвали острый конфликт между Михаилом и старыми литовскими аристократами. Группировку противников рода Глинских возглавил гродненский воевода Ян Юрьевич Забрезенский (или Забрезский).

В 1506 году князь Михаил разгромил татар в битве под Клецком. Татар, которых привели ханы Бити и Бурнаш, сыновья Менгли-Гирея, было от 8 до 12 тысяч. Они вторглись в Литву через броды на Припяти еще в июле, дошли до Слуцка и Клецка и, став лагерем, направили загоны к Новогрудку и Лиде — грабить селения, захватывать людей для угона в Крым.

Король Александр узнал о вторжении в Лиде, куда только что приехал с супругой Еленой Ивановной и своим двором. Больной

государь велел отвезти его назад в Вильно, а военное командование поручил гетману Станиславу Кишке и маршалку дворному Глинскому. Им удалось собрать примерно 6—7 тысяч конников. Это войско несколько дней стояло в районе Новогрудка, а 4 августа, когда разведка сообщила, что главный татарский лагерь находится возле Клецка, выступило туда.

В пути внезапно тяжело заболел Кишка, командование он передал Глинскому. Утром 5 августа литвины подошли к Клецку и остановились на берегу реки Лань. На противоположном берегу их ждало готовое к бою татарское войско. Несколько часов шла перестрелка из луков и арбалетов. За это время по приказу Глинского были построены две гати, по которым его конники стали переправляться на другую сторону реки. По правой гати они переходили быстрее, поэтому татары атаковали правое крыло, причинив ему большие потери. Тогда Глинский, ускорив переправу левого крыла, стремительным ударом разрезал татарское войско на две части. Вслед за этим пошло в наступление и правое крыло. Часть татар попала в окружение и погибла, остальные бросились наутек. Конные хоругви Глинского преследовали их на большом расстоянии, до Слуцка, Петрикова и бродов на Припяти.

В татарском лагере литвины освободили около 40 тысяч пленников, им досталось свыше 30 тысячи лошадей. Победа под Клецком положила конец постоянным рейдам крымских татар в земли ВКЛ (они вторглись еще только один раз — в 1508 году). Не случайно благодарные потомки в 1996 году поставили памятник на месте этого сражения.

Михаил Глинский.
Худ. К. Милер, 1875г.

Тяжело больной король Александр скончался через три дня, успев узнать о победе. А среди литовской знати возникло опасение, что, вернувшись во главе победоносной армии, Глинский попытается захватить власть. Однако Михаил Львович присягнул на верность Сигизмунду.

Тогда воевода Забереженский оклеветал князя Михаила и его брата Ивана, заявив, будто бы они в частных разговорах «оскорбляют его величество». Поверив навету, Сигизмунд лишил Ивана вое-

водства в Киеве, дав вместо него Новогрудок, а Михаила удалил из состава своей свиты.

Михаил Львович отправился «за правдой» в Венгрию к королю Владиславу, брату Сигизмунда, но тот не захотел вступиться. После этого князь Михаил сказал королю: «Ты заставляешь меня покуситься на такое дело, о котором оба мы после горько жалеть будем». В конце декабря 1507 года он с семьей сотнями всадников своей частной армии ночью ворвался в загородное имение Забереженского возле Гродно.* Воевода был убит в своей спальне; его отрубленную голову несколько верст несли на пике, чтобы все видели. Затем Глинский вернулся в свой Туров.

Расправа с Забереженским не столько напугала, сколько шокировала противников строптивого князя. Совершив это преступление, Глинский в значительной мере утратил свой прежний авторитет.

Но он не желал мириться с утратой того исключительного положения, которое занимал в Литве при Александре, и вскоре открыто выступил против Сигизмунда. В январе 1508 года он собрал около двух тысяч человек, с которыми опустошил Слуцкую и Копыльскую волости, захватил города Мозырь и Бобруйск. Он дважды осаждал Слуцк, чередуя штурмы с попытками поджечь город. Однако гарнизон, который возглавила вдовья княгиня Анастасия, отбил все приступы мятежника.

Весной к Глинскому явился посол Василия III, некий Губа Макаков. Он договорился о совместных военных действиях и от имени великого князя обещал ему во владение все завоеванные литовские города.

Вскоре Василий Иванович развернул наступление по трем направлениям. Полки Даниила Щени из Новгорода и Якова Захарьина-Кошкина из Москвы пошли на Смоленск. Войско Григория Федоровича из Великих Лук двинулось к Полоцку. Третья рать, во главе с князем Василием Ивановичем Шемячичем, шла на помощь Глинскому. Московский государь написал ему, чтобы вместе с Шемячичем он «добывал ближайшие к себе города, а далеко с нею не ходил, дело делал бы не спеша», пока подойдет из Москвы другое, более многочисленное войско.

Глинский же хотел, чтобы Шемячич помог ему занять Слуцк, который, как писал он великому князю, находится близко от его городов. На самом деле он хотел овладеть Слуцком для того, чтобы жениться на княгине Анастасии и получить право на Киев, ко-

* Все польские и литвинские магнаты располагали собственными вооруженными силами, не подчинявшимися никому, кроме них. Подобные дружины историки обычно именуют «частными армиями». Некоторые частные армии были сопоставимы по численности с войсками самого короля!

торым ранее владел ее покойный муж, князь Симеон Олелькович (ок. 1460—1505).^{*} Но Шемячич держался ближе к северу, откуда должны были прийти московские полки, потому решили идти на Минск (Минск), отправив перед собой «загоны» (отряды легкой кавалерии) в глубь Литвы для того, чтобы устроить панику и помешать сбору войск. Эти «загоны» подходили на 14 верст к Вильно, на 7 верст к Новогрудку, заходили даже под Слоним.

Две недели в мае Глинский с Шемячичем осаждали Минск, дожидаясь подхода московских войск, но их не было. Тем временем возле Лиды собралось ополчение ВКЛ (около 11 тысяч человек), да из Польши прибыло пятитысячное войско. Во главе с гетманом К.И. Острожским эти силы в начале июня пошли на Минск: «Глинского от Менска отстрашивши, бо был вже Минск Глинский добывати почал». Глинскому и Шемячичу пришлось уйти в Борисов. Отсюда Глинский послал отчаянный призыв Василию III:

«Велел бы своим воеводам спешить к Менску, иначе братья и приятели его, Глинского, и все христианство придет в отчаяние, города и волости, занятые с помощью великокняжеской, подвергнутся опасности, и самое благоприятное время будет упущено, ибо ратное дело делается летом».

Но Василий III, известив о движении своих воевод (Щени, Кошкина и Федоровича), приказал Шемячичу и Глинскому идти на соединение с ними в Оршу.

Шемячич и Глинский двинулись к Орше, по дороге заняли Друцк. Одновременно с ними к Орше подошел князь Щеня с новгородскими полками, и вместе они начали осаду крепости.^{**} Однако взять Оршу не удалось. Третий воевода, Яков Кошкин, в это время стоял без дела под Дубровной.

12 июля 1508 года московские воеводы узнали, что войска ВКЛ идут к Орше. Тогда они ушли от крепости и стали на другом берегу Днепра, потом отступили еще дальше, к Дубровне, где стояли семь

* Род князей Олельковичей, или Слуцких, брал начало от князя Александра (ум. 1454), сына киевского князя Владимира, внука Альгарда, правнука Гедимины. Его женой была Настасья, дочь Василия I, великого князя Московского.

Княгиня Анастасия была весьма религиозной, хранила верность покойному супругу, а к беспринципному авантюристу Михаилу Глинскому не питала ни малейшей симпатии. В то же время ее отличали решительность и храбрость. Достаточно сказать, что в 1503, 1505 и 1506 годах она успешно возглавляла оборону города от орды крымских татар под командованием Бити-Гирея.

** Город Орша (или Рша) упоминается в летописях с 1067 г. Детинец у места впадения речки Рши в Днепр был построен здесь еще раньше, при князе Брюхиславе Полоцком (правил в 1001 — 1044 гг.) для контроля торгового пути из Смоленска в Киев. Поэтому из-за него произошло немало столкновений между Полоцким и Смоленским княжествами.

дней. Острожский переправился через Днепр после того, как его отряды отогнали противника от берега. К ночи бой прекратился. Глинский убеждал московских воевод дать утром генеральное сражение, но те не согласились и ночью отступили. Острожский, в свою очередь, не стал их преследовать, он вернулся в Оршу.

Из Дубровны московские воеводы пошли на юго-восток, к Мстиславлю, где разграбили и сожгли посад. Потом их войско пошло к Кричеву. Таким образом, московские воеводы разошлись с Острожским в разные стороны.

В августе Острожский и М. Фирлей с отрядами конницы совершили рейд в Северскую землю, а смоленский воевода Станислав Кишка с небольшим отрядом сжег крепость Белую, овладел Торопцом и занял Дорогобуж, который сожгли сами горожане, чтобы не оставлять врагу.

Тогда в контрнаступление перешли москвиты. Воевода Кишка, засевший в Дорогобуже, бежал при приближении московской рати. Дорогобуж был взят. Таким же способом воевода князь Даниил Щеня взял Торопец. По каким-то неясным причинам дальше московские воеводы не пошли.

Сигизмунд I не имел сил далее вести войну, а Василий III не имел больше желания воевать. Посему им пришлось мириться. 19 сентября 1508 года в Москву прибыли королевские послы: полоцкий воевода Станислав Глебович, маршалок Ян Сапега и другие.^{*} Уже 8 октября был заключен «вечный мир» (то есть бессрочный) между Московским государством и Литвой.

Согласно договору, Сигизмунд отдал Москве в «вечное владение» все завоевания Ивана III. Иначе говоря, тяжелые для Литвы условия перемирия литовского князя Александра с Иваном III стали теперь условиями «вечного мира» между Сигизмундом и Василием III.

Однако шесть волостей, занятых московскими войсками в ходе боевых действий 1507—1508 годов, пришлось вернуть Литве. Среди этих волостей были и владения Глинских. Родственникам и сторонникам Глинского было разрешено уехать в Москву. Поскольку все владения Михаила Глинского остались в Литве, Василий III пожаловал ему два города — Малый Ярославец и Медынь (по другим сведениям — Боровск), несколько селений под Москвой.

Кроме того, оба государя обязались быть заодно против всех недругов, в том числе против «перекопского царя», крымского хана Менгли-Гирея.

* Сапеги — это боярско-магнатский, с XVII века княжеский род в ВКЛ. Основатель рода Семен Сапега (Сопига) происходил из брянских бояр. Ян Богданович Сапега умер в 1546.

Весной 1509 года (25 марта) наместники Даниил Щеня и Григорий Давыдов, а также специальный посланник, князь Иван Оболенский, от имени великого князя московского заключили в Новгороде мирный договор с Ливонией сроком на 14 лет. По нему стороны освободили пленных; возобновили прежние условия о торговле и безопасности путешественников в обеих землях.

В это время император Священной Римской империи Максимилиан I, тот самый, у которого когда-то служил Михаил Глинский, обратился к Василию III с просьбой: восстановить ганзейскую контору (представительство) в Новгороде и вернуть немецким купцам из Любека товары, несправедливо отнятые у них 15 лет назад (в 1494 году) Иваном III. Весьма любопытен и характерен ответ Василия:

«Пусть любчане и союзные с ними 72 города /ганзейского союза/ шлют должное челобитие к моим Новгородским и Псковским наместникам: из дружбы к тебе велю торговать с немцами, как было прежде; но имение отняли у них за вину: его нельзя возвратить, о чем писал к тебе и мой родитель».

То есть, говоря словами баснописца Крылов, «у сильного всегда бессильный виноват».

ПОКОРЕНИЕ МОСКОВИТАМИ ПСКОВА (1510г.)

Затем Василий III покорил древний Псков. Карамзин так характеризовал этот город-государство:

«Более шести веков Псков, основанный славянами-кривичами, имел свои гражданские уставы, любил их, не знал и не хотел знать лучших; был вторым Новым Городом, называясь его меньшим братом, ибо в начале составлял с ним одну державу и до конца — одну епархию. Подобно ему бедный в дарах природы, деятельною торговлею снискал богатство, а долговременною связью с немцами художества и вежливости; уступая ему в древней славе побед и завоеваний отдаленных, долее его хранил дух воинский, питаемый частыми бранями с Ливонским Орденом»...

Каким-то чудом эта республика не разделила ужасную судьбу Новгорода при Иване III. У нее еще сохранилось народное правление (вече) и немалая толика свободы. Но, восклицал Карамзин, «могла ли уцелеть она в системе общего самодержавия?» Пример Новгорода ужасал псковитян; тем не менее, обольщая себя наивными иллюзиями, они рассуждали следующим образом: .

«Иоанн пощадил нас: может пощадить и Василий. Мы спаслись при отце благоговением к его верховной воле: не оскорбим и сына. Гордость есть безумие для слабости. Не постоим за многое, чтобы спасти главное: то есть свободное бытие гражданское, или по крайней мере долее наслаждаться оным».

По мнению Карамзина, именно такие мысли были основанием их политики. В ответ на произвол наместников великого князя, псковитяне жаловались московскому государю, боясь применить силу против самодурства его сатрапов. Так, ненавидя князя Ярослава, они снова приняли его к себе наместником: ибо этого хотел Иван, который лишь отложил до удобного случая уничтожение вольности Пскова. Но войны, внешние опасности, а может быть и старость помешали ему исполнить это намерение.

Василий III завершил дело отца: он легко нашел предлог. Псковитяне отличались значительно большей «смирностью» в своих внутренних делах, чем буйные новгородцы, однако, как во всех феодальных республиках, тоже страдали от внутренних распрей. Еще при Иване у них произошел мятеж, в ходе которого один посадник лишился жизни, а несколько других чиновников бежали Москву. Тогда же землевладельцы вокруг Пскова отказались платить дань горожанам. Собралось вече и решило их наказать. В качестве обоснования была найдена в архиве древняя уставная грамота, свидетельствовавшая, что они всегда считались данниками города. Узнав об этих событиях, Иван обвинил псковитян в самовольстве, им с трудом удалось смягчить его гнев мольбами и дарами.

Василий назначил своим наместником в Пскове князя Ивана Михайловича Репню-Оболенского. Получив соответствующие инструкции, он повел хитрую политику: с одной стороны, раздувал вражду между «старшими» и «младшими» горожанами; с другой — жаловался великому князю на их строптивость, особенно на посадников и дьяков, которые будто бы ущемляли его права и вмешивались в его судопроизводство. Для Василия этого оказалось достаточно.

Осенью 1509 года он поехал в Новгород вместе со своим младшим братом Андреем, с касимовским «царем» Летифом, коломенским епископом Митрофаном, знатными боярами и детьми боярскими. Цель его путешествия не знал никто. Везде народ приветливо встречал государя: он ехал медленно и с величием. Новгород, давно пребывавший в унынии, приобрел на время оживленный вид благодаря появлению великокняжеского двора и войска. Псковитяне отправили к великому князю многочисленное посольство — 70 самых знатных горожан и бояр — с приветствием и

с даром 150 рублей. Главный среди них, псковский посадник Юрий, сказал ему:

«Отчина твоя, Псков, бьет тебе челом и благодарит, что ты, царь всея Руси, *держишь нас в старине* и милостиво обороняешь от всех иноплемеников. Так делал и великий твой родитель: за что мы готовы верно служить тебе, как служили Иоанну и вашим предкам. Но будь правосуден: твой наместник утесняет *добровольных* людей, псковитян. Государь, защити нас!»

Это обращение свидетельствует, что жители Пскова по-прежнему считали свой край автономной территорией, а себя — «вольными людьми», имеющими право жить согласно своим традициям и обычаям. Василий милостиво принял дар, выслушал жалобы, пообещал разобраться с жалобами. Послы вернулись и передали вчерашнее его слова. Но, как отметил летописец, «мысли сердечные (т.е. тайные — А.Т.) известны единому Богу».

Василий приказал своему окольному, князю Петру Шуйскому «Великому», отправиться в Псков вместе с дьяком Долматовым и на месте выяснить истину. Вскоре они донесли ему, что горожане винят наместника, а наместник горожан; что их примирить невозможно и что лишь сам великий князь может решить тяжбу. Тем временем к Василию прибыли новые псковские послы, умоляя его заменить Репню-Оболенского кем-то другим. Василий лицемерно ответил им, что неприлично менять его без суда; что он велит ему приехать в Новгород вместе с теми псковитянами, которые считают себя обиженными, и сам разберет их жалобы.

В данной связи псковский летописец обвинил своих правителей в неосторожности: они письменно дали знать по всем волостям, чтобы недовольные наместником ехали судиться к великому князю. Их нашлось множество. Были немало и таких, в том числе знатных людей, кто поехал в Новгород жаловаться московскому государю друг на друга. Данное обстоятельство сыграло роковую роль. Ведь раньше в Новгороде именно внутренние раздоры, вкуче с апелляцией части новгородцев к Ивану III «о заступничестве», позволили ему уничтожить их вольность. Но псковитяне поначалу об этом не думали.

Василий потребовал от псковских посадников и купеческих старост прибыть к нему для очной ставки с князем Репней-Оболенским. При этом он приказал сообщить, что если те не явятся, то «вся земля будет виновата». Псковитяне содрогнулись: только сейчас до них дошло, что им грозит. Ослушаться они не посмели: девять посадников и купеческие старосты всех торговых рядов отправились в Новгород.

Василий приказал им ждать суда, который назначил на 6 января 1510 года. В тот день был церковный праздник Крещения. Московские вельможи объявили псковитянам, чтобы все они шли в архиерейский дом к великому князю. Посадников, бояр и купцов ввели в палату; менее именитых горожан оставили на дворе. Они готовились к суду с наместником; но Василий уже решил их судьбу. Думные великокняжеские бояре вышли к ним и сказали: «Вы пойманы Богом и государем Василием Иоанновичем». Знатных псковитян тут заключили в подвал, а «младших горожан», переписав, отдали новгородским детям боярским под стражу.

Один псковский купец ехал тогда в Новгород. Узнав неподалеку от города о случившемся, он бросил товар и помчался в Псков с известием, что посадники и все именитые люди брошены в темницы. Ужас объял псковитян. В псковской летописи сказано:

«От трепета и печали засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бедствия, язву и немцев перед своими стенами; но никогда не бывали в таком отчаянии».

Немедленно собралось вече. Были поданы разные предложения, в том числе идти войной на Василия, пока он сидит в Новгороде, и о приготовлении к защите города от осады. Однако победила «партия мира». Ее сторонники рассуждали так:

«Война будет для нас конечною гибелию. Успех невозможен, когда слабость идет на силу. И всех нас немного: что же сделаем теперь без посадников и лучших людей, которые сидят в Новгороде?»

В итоге решили послать гонца к великому князю с такими словами:

«Бьем тебе челом от мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и ныне были от тебя, государя, неотступны и ни в чем не противились. Бог и ты волен в своей отчине».

Вполне удовлетворенный таким смирением псковитян, Василий велел привести всех арестованных именитых псковитян в палату архиерейского дома. К ним вышли князь Александр Ростовский, конюший Иван Андреевич Челяднин, окольный Петр Шуйский и целая толпа других вельмож. Они огласили следующий указ:

«Василий, Божиею милостию царь и государь всея Руси, так вещает Пскову: предки наши, отец мой и мы сами доселе берегли вас милостиво, ибо вы держали имя наше честно и грозно, а наместников слушались; ныне же дерзаете быть строптивыми, оскорбляете наместника, вступаете в его суды и пошлины. Еще свести мы, что ваши посадники и судьи земские

не дают истинной управы, теснят, обижают народ. И так вы заслужили великую опалу.

Но хотим теперь изъяснить милость, если исполните нашу волю: уничтожите вече и примете к себе государевых наместников во Псков и во все пригороды. В таком случае сами приедем к вам помолиться Святой Троице и даем слово не касаться вашей собственности. Но если отвергнете сию милость, то будем делать свое дело с Божиею помощью, и кровь христианская взыщется на мятежниках, которые презирают государево жалование и не творят его воли».

Загнанным в угол представителям псковитян не оставалось ничего иного, как благодарить великого князя за «неслыханую милость» и целовать крест с клятвой верно служить ему, его детям и наследникам, «до конца мира». После этого Василий пригласил их к себе на обед и сказал, что вместо войска пошлет в Псков своего дьяка Третьяка Долматова, и что они могут передать письмо к горожанам. С этим письмом от имени всех схваченных в Новгороде псковитян поехал один из них, богатый купец Онисим Манушин. Письмо гласило:

«Пред лицом государя мы единомысленно дали ему крепкое слово своими душами за себя и за вас, братья, исполнить его приказание. Не сделайте нас преступниками. Буде же вздумаете противиться, то знайте, что великий князь в гневе и в ярости устремит на вас многочисленное воинство: мы погибнем и вы погибнете в кровопролитии. Решитесь немедленно: последний срок есть 16 января.».

Долматов явился в Псков вместе с Манушиным. От имени великого князя он потребовал, чтобы они немедленно упразднили вече, сняли вечевой колокол и дали согласие принять великокняжеских наместников. Дьяк завершил свою речь открытой угрозой: если откажетесь, придут войска и усмирят «мятежников». Сказав все это, Долматов сел на ступени вечевого собрания и долго ждал ответа, ибо горожане не могли говорить от рыданий. Наконец, они попросили его дать им время на размышление до следующего утра.

Карамзин пишет:

«Сей день и сия ночь были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словам летописи, не плакали тогда от горести. На улицах, в домах раздавалось стенание: все обнимали друг друга как в последний час жизни. Столь велика любовь граждан к древним уставам свободы! Уже давно псковитяне зависели от государя Московского в делах внешней политики и признавали в нем судию верховного; но государь дотоле уважал их законы, и наместники его судили согласно с оными; власть законодательная принадлежала вечу, и многие тяжбы решились народными чиновни-

ками, особенно в пригородах: одно избрание сих чиновников уже лестило народу. Василий уничтожением вече искоренял все старое древо самобытного гражданства Псковского, хотя и поврежденное, однако же еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народ более сетовал, нежели советовался: необходимость уступить являлась всякому с доказательствами неопровержимыми... На рассвете ударили в вечевой колокол: сей звук представил гражданам мысль о погребении. Они собрались. Ждали дьяка московского. Долматов приехал. Ему сказали:

«Господин посол! Летописцы наши свидетельствуют, что *добровольные* псковитяне всегда присягали великим князьям в верности: клялись непременно иметь их своими государями, не соединяться с Литвою и с немцами; а в случае измены подвергали себя гневу Божию, гладу, огню, потопу и нашествию иноплемеников. Но сей крестный обет был взаимным: великие князья присягали не лишать нас древней свободы; клятва та же, та же и казнь преступнику. Ныне волен Бог и государь в своей отчине, во граде Пскове, в нас и в нашем колоколе! По крайней мере, мы не хотим изменить крестному целованию, не хотим поднять руки на великого князя. Если угодно ему помолиться Живоначальной Троице и видеть свою отчину, да едет во Псков: мы будем ему рады, благодаря его, что он не погубил нас до конца!»

13 января 1510 года горожане сняли вечевой колокол у церкви Святой Троицы и, смотря на него, долго плакали по своей утраченной свободе. Долматов вечером того же дня поехал в Новгород с этим колоколом и с донесением, что псковитяне покорились. Обрадованный Василий немедленно отправил в Псков бояр с воинской дружиной. Они должны были привести к присяге ему горожан и сельских жителей; подготовить для него двор наместников, а для размещения вельмож, дьяков и многочисленных телохранителей выгнать жителей из так называемого Среднего города (надлежало перевести его жителей в Большой город).

20 января он выехал из Новгорода в Псков в сопровождении всей свиты и большей части войска. Многочисленная депутация псковитян встретила его в двух верстах от города. Увидев великого князя, они упали на колени. Василий лицемерно осведомился об их самочувствии. Старейшины ответили: «лишь бы ты, государь, здравствовал!» Народ безмолвствовал.

Въехав в город 24 января, Василий отправился в церковь Св. Троицы, где епископ Колменский, отпев молебен, возгласил ему многолетие и громко произнес:

«Слава Всевышнему, который дал тебе Псков без войны!»

Тут все горожане, бывшие в церкви, горько заплакали.

В воскресенье, 27 января, он приказал собраться всем знатым псковитянам на своем дворе. К ним вышел окольничий, князь Петр Шуйский: держа в руке список, он перечислил всех чиновников, бояр, старост, купцев, людей житых и велел им идти в большую судебную избу. Там вельможи объявили им «царскую волю»:

«Знатные Псковитяне! Великий князь, Божиею милостию царь и государь всея Руси, объявляет вам свое жалованье; не хочет вступаться в вашу собственность: пользуйтесь ею, ныне и всегда. Но здесь не можете остаться: ибо вы утесняли народ и многие, обиженные вами, требовали государева правосудия. Возьмите жен и детей, идите в землю Московскую и там благоденствуйте милостию великого князя».

Их всех, пораженных этим указом до глубины души, немедленно взяли под стражу. Той же ночью в Москву увезли на санях и в возках 300 семейств, в том числе жен и детей тех псковитян, которые все еще оставались под арестом в Новгороде. Им разрешили взять с собой только то, что было на теле. Люди одели по две — три шубы, спрятали в белье золотые монеты. Но все это было лишь ничтожной частью их богатства. Все остальное присвоили себе пришедшие москвиты.

Прочих горожан («средних и младших») отпустили по домам, уверяя, что ссылка им не грозит. Тем не менее, ужас господствовал в Пскове и плач не умолкал. Многие, не веря больше обещаниям и опасаясь ссылки, постриглись в монахи, чтобы умереть на родине.

Василий назначил наместниками в Пскове боярина Григория Федоровича Давыдова и конюшего Челяднина, а дяку Мисюре передал дела приказные, Андрею Волосатому дела ямские. Он также определил воевод, тиунов и старост в пригороды.

Были также введены новые чеканы для монет и торговая пошлина, ранее не существовавшая в Псковской земле, где купцы всегда торговали свободно и не платили ничего. Деревни сосланных псковитян раздал московским боярам. Всем жителям Застенья (Среднего города), где находилось около 1500 дворов, приказал перебраться в иные места, а в их домах поселились его чиновники, тысяча «детей боярских» и 500 пищальников. На эти преобразования ушел месяц.

Наконец, усталый, но чрезвычайно довольный собой и полным успехом своего гнусного плана, Василий уехал в Москву, куда вслед за ним отправили из Новгорода и вечевой колокол. Взамен высланных горожан в Псков были переселены 300 купеческих семейств из десяти низовых городов.

Великий князь сделал лишь одну подачку псковитянам. Велел выбрать из их числа 12 старост, чтобы они вместе с московскими

наместниками и тиунами судили в бывших двенадцати пригородах по изданной им тогда же Уставной грамоте. Из этой затеи ничего хорошего не вышло. Карамзин писал:

«Но сии старосты не могли обуздывать хищности сановников великокняжеских, которые именем новых законов отягчали налогами горожан и земледельцев, не внимали справедливым жалобам и казнили за оные, так что несчастные жители толпами бежали в чужие земли, оставляя жен и детей. Пригороды опустели. Иностранцы, купцы, ремесленники, имевшие дома в Пскове, не хотели быть ни жертвою, ни свидетелями насилия, и все выехали оттуда».

Псковитяне еще очень долго вспоминали свою былую вольность, но жаловаться перестали. Как и всем другим подданным Москвы, отныне им пришлось собирать войско по приказам московских государей.

ВОЙНА ВАСИЛИЯ III С ЛИТВОЙ (1512–1522 гг.)

«Вечный мир» между Москвой и Литвой продержался всего четыре года. Как написано в русской летописи, в мае 1512 года «двое сыновей Мангли-Гиреевых с многими толпами напали на Украину, на Белев, Одоев, Воротыньск, Алексин, повоевали, взяли пленных». Василий III выслал против них войско, но татары отступили с большой добычей, а московские воеводы их не догнали.*

Осенью 1512 года в Москву пришло сообщение от крымских «доброхотов», что, дескать, поход крымских царевичей стал следствием договора, заключенного между Менгли-Гиреем и Сигизмундом. Василий немедленно послал Сигизмунду грамоту, упрекая его в подстрекательстве Менгли-Гирея против Москвы и в оскорблении своей сестры Елены (вдовы Александра).

Елена вскоре умерла. Хитрый интриган Глинский тут же подал князю Василию записку, в которой уверял, будто бы его сестру умили по приказу виленского каштеляна Юрия Радзивилла. Якобы он подкупил слуганок, чтобы те ее отравили.

Затем Михаил Глинский, хорошо разбиравшийся в европейской политике, убедил Василия III вступить в союз с герман-

* Как в летописи, так и у С. М. Соловьева слово «украина» написано с маленькой буквы. Это не то, что позже стали понимать под Украиной, а окраина тогдашних московских земель, если считать район между Владимиром Великим и Москвой за их центральную часть. Название «Украина» в современном значении стало использоваться лишь во времена казацких войн середины XVII века.

ским императором Максимилианом. В феврале 1514 года в Москву прибыл императорский посол Синцен Памер и заключил договор, предусматривавший переход земель Тевтонского ордена из вассального подчинения Польше в подчинение Священной Римской империи, а Киева и Смоленска — в состав великого княжества Московского.

Еще до заключения этого договора, в ноябре 1512 года, Василий III отправил в поход к Смоленску войско под командованием князя Ивана Михайловича Репни-Оболенского и конюшего И. Челядина. Оно должно было сжечь посады Смоленска, а затем двинуться в район Орши — Друцка. Туда же для соединения с ним из Великих Лук шло войско князя В.С. Одоевского.

Сам Василий выступил к Смоленску 19 декабря 1512 года, вместе с братьями Юрием и Дмитрием; своим зятем (мужем сестры Евдокии), крещеным татарским царевичем Петром; с Михаилом Глинским и князем Д.В. Щеней.

Как сказано в летописи, шесть недель простояв под городом, великий князь назначил приступ. Псковские пищальники, получив от Василия III три бочки меда и три бочки пива, хорошо выпили для храбрости и в полночь атаковали крепость вместе с пищальниками других городов. Всю ночь и весь следующий день «бились они из-за Днепра и со всех сторон, много легло их от городского наряда (пушек)». Однако все приступы московской рати были отбиты, и после шести недель безуспешной осады, Василий III в марте 1513 года вернулся в Москву ни с чем.

Той же поздней осенью 1512 года князь Михаил Кислица «с новгородскою силою и со всеми псковскими детми боярскими были под Полотеком». Но взять Полоцк ему не удалось и тогда «от Полотека поидоша Литовскою землею под Смоленск».

14 июня 1513 года Василий опять выступил в поход. Сам он остановился в Боровске, а к Смоленску послал воевод боярина князя Репню-Оболенского и окольничего Андрея Сабурова. Смоленский наместник Юрий Сологуб встретил их войско за городскими валами и дал бой, но потерпел поражение и затворился в крепости — «сел в осаду».

Тем временем рать В. Шуйского (до 20 тысяч человек) действовала в землях вокруг Полоцка; еще 8 тысяч — под Витебском; 14-тысячная группировка осадила Оршу. Все — безуспешно.

Вскоре под Смоленск прибыл сам Василий III. К городу были доставлены несколько десятков осадных орудий и около двух тысяч пищалей. Но литвины храбро защищались. Все, что пушки разрушали днем, они исправляли ночью. В ноябре Василий ушел, предварительно опустошив окрестности.

Оба похода из-за угрозы нападения крымского хана ему пришлось устраивать осенью, когда «корму конского скудно было». Не хватало и мощных осадных орудий.

ЗАХВАТ МОСКОВИТАМИ СМОЛЕНСКА (1514 г.)

В феврале 1514 года Василий Иванович принял решение о третьем походе к Смоленску. Тогда же в результате переговоров между Москвой и Веней удалось создать коалицию Московии и Священной Римской империи, направленную против ВКЛ и Польши. Стороны договорились о разделе территорий этих стран.

Новый поход к Смоленску начался 30 мая (8 июня) 1514 года. С Василием шли братья Юрий и Семен, а третий брат (Дмитрий) встал в Серпухове для защиты южных границ от крымцев. Четвертый брат (Андрей) остался в Москве с той же целью — оборонять город от татар, если они совершат набег. Осада Смоленска началась 26 июля.

Московиты перекрыли все дороги к городу, построили батареи для 300 осадных орудий и начали непрерывный обстрел города. Третий день обстрела стал для смолян роковым. Главный московский пушкарь по имени Стефан (видимо, наемник-иностранец) первым же выстрелом из огромной пищали попал в пушку в крепостной башне. Заряженная пушка взорвалась, все, кто находился рядом с ней, погибли.

Через несколько часов Стефан дал мощный залп из десятков пушек меньших калибров «ядрами мелкими окованными свинцом» (т.е. из каждого ствола несколькими камнями средней величины, покрытыми свинцовой оболочкой). На городских стенах находилось много воинов и ополченцев. Согласно летописи, этот залп «еще больше народу побил; в городе была печаль большая, видели, что биться нечем, а передаться — боялись короля». Тем временем великий князь велел Стефану дать третий залп, вызвавший новые потери среди гарнизона и жителей города.

Тогда православный владыка Варсонофий вышел на мост и стал просить у великого князя перемирия до следующего дня. Но Василий не согласился и велел стрелять по городу из всех пушек со всех сторон.

Владыка Варсонофий вернулся в город, собрал весь церковный причт, надел ризу, взял крест, иконы и вместе с наместником Сологубом, панами и простыми людьми снова вышел на мост и обратился к Василию:

Великий князь Москвы Василий III.

Худ. Н. Самокиш

Василий подошел к владыке для благословения, а затем велел ему, Сологубу и панам идти к себе в шатер для угощения.

На следующий день, 30 июля, Василий III послал в Смоленск своих воевод, дьяков и подьячих с заданием переписать всех жителей и привести к присяге «быть за великим князем и добра ему хотеть, за короля не думать и добра ему не хотеть».

К вечеру следующего дня все смоляне были переписаны и приведены к присяге.

А 1 августа Василий III вместе с владыкой Варсонофием торжественно вступил в Смоленск. После молебна в соборной церкви владыка сказал великому князю:

«Божиею милостию радуйся и здравствуй православный царь Василий, великий князь всея Руси, самодержец, на своей отчине, городе Смоленске на многие лета!»

Смоленским князьям, боярам и мещанам Василий объявил свою уставную грамоту и назначил наместником боярина князя Василия Васильевича Шуйского, а затем позвал всех обедать, а после обеда все получили его дары. Сологубу же и сыну его Василий сказал: «Хочешь мне служить, и я тебя жалую, а не хочешь, волен на все стороны». Сологуб выразил желание вернуться к Сигизмунду, после чего был отпущен. Но в Вильно его объявили изменником и отрубили голову.

Всем остальным служилым людям Василий III тоже предложил на выбор остаться у него на службе или возвратиться к Сигизмунду. Оставшиеся получили по два рубля и по сукну, те же, кто решил уехать к королю, получили по рублю (в то время новая изба стояла не дороже 50 копеек, так что деньги были неплохие). Тем смолянам, кто выразил желание переехать в Москву, дали подъемные, кто остался, те сохранили за собой все свое имущество.

Стремясь использовать успех (захват Смоленска), московские воеводы быстро продвигались вглубь Литвы. В начале августа 1514 года князья Щенятев и Воротынский «со многими людьми» вновь осадили Мстиславль. На этот раз князь Михаил «крест целовал» Москве.* Были взяты Кричев и Дубровно. Лишь возле реки Березины московское войско столкнулось с передовыми отрядами армии Сигизмунда I, после чего повернуло назад, к Орше.

^ *

В осаде Смоленска активное участие принимал Михаил Глинский. Он был уверен, что получит город в качестве удела, как ему ранее обещал великий князь. Однако Василий III вовсе не собирался отдавать этот ключевой пункт столь ненадежному человеку. Глинский сильно обиделся и вступил в переговоры с королем Сигизмундом. Тот обрадовался, прислал князю охранную грамоту.

Глинский решил тайно покинуть свой отряд и бежать в Оршу, но один из близких его слуг в ту же ночь явился к князю Михаилу Голице, доложил о бегстве своего господина и даже указал дорогу. Голица, предупредив воеводу Челяднина, помчался вдогонку за беглецом и схватил его той же ночью. На рассвете Голица соединился с отрядом Челяднина и они вместе повезли Глинского в Дорогобуж, где находился Василий III. Изъятая у Глинского королевская охранная грамота стала убедительной уликой против него. Казнили бы князя, да он «вину» свою признал, в грехах покаялся, а главное, не сходя с места «прозрел к истинной вере», иными словами, принял православие. В итоге жизнь ему сохранили^ но в цепи заковали и отправили в московскую темницу, где он провел, ни много, ни мало, 12 лет! Характеризуя его личность, историк А Нечволодов справедливо отметил:

«Необузданным властолюбием обладал Михаил Глинский, правивший почти единолично целой Литвой при короле Александре и затем дважды изменявший своим государям, сперва Сигизмунду Польскому, а затем и Василию Ивановичу Московскому зато, что те не давали простора его честолюбию».

Нечволодов А. «Сказания о русской земле». Книга 4, с. 2

Захват Смоленска стал крупным стратегическим успехом.** Но попытка развить его не удалась.

* Он сделал это для того, чтобы избежать осады и разорения города. После битвы под Оршей мстиславльский князь «крестное целование преступишь, отпустишь к королю».

** Именно по поводу захвата Смоленска в 1523 году на Москва-реке в районе Лужников был основан женский монастырь в честь чтимой Смоленской иконы Пресвятой Богородицы Одигитрии (Путеводительницы), позже получивший название Новодевичьего монастыря.

КНЯЗЬ ОСТРОЖСКИЙ И БИТВА ПОД ОРШЕЙ

До пожара 1718 года в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря можно было увидеть могильную плиту с такими словами:

«Москву с татарами положил, одержав 63 победы над ними. Вспомни кровавые воды Роси, Днепра, Ольшанки, вспомни церкви, замки, монастыри, построенные им в Остроге и Вильне, вспомни больницы и школы, которые он учредил, Марсбву академию для людей рыцарского звания, и поклонись Константину Ивановичу Острожскому, наивысшему гетману Великого княжества Литовского» /текст дан в современном переводе/.

Очень немногие знают сегодня хоть что-то об этом человеке, которого современники сравнивали с величайшими полководцами античной древности — Ганнибалом, Пирром, Сципионом Африканским, которого знаменитый историк Н.М. Карамзин назвал «братом русских в церкви, но страшным врагом на поле брани». А ведь полководец, выигравший 63 сражения и разбитый лишь в 3-х, достоин того, чтобы помнили далекие потомки.

Князь Константин, прямой потомок Даниила Романовича Галицкого, внук святого Федора Острожского (умершего в 1435 г.) прожил весьма долгую для той эпохи жизнь. Он родился в 1460 году, скончался в 1530. Из 70 лет жизни он 26 лет был наивысшим гетманом Великого княжества Литовского, то есть верховным главнокомандующим его вооруженными силами (в 1497—1500 и в 1507-1530 гг.).

Еще он входил в число пяти крупнейших магнатов ВКЛ. Достаточно сказать, что к концу жизни у него было более 40 тысяч душ крестьян мужского пола, и он мог выставить за свой счет 426 вершников — конных воинов в тяжелом вооружении. Больше число воинов выставил в 1528 году только князь Альбрехт Гаштовт — 466 вершников.*

Воинская служба Константина Острожского началась в конце правления великого князя Казимира IV, с участия в походах против татар. Впервые о нем заговорили в 1491 году, когда он отличился в битве под Изяславом, где конница князя Симона Голыпанского догнала и разгромила уходящую с добычей и пленными орду крымских татар.

* Его внук Василий Константинович (1526—1608), воевода киевский, владел городами Острог, Заславль, Новоград-Волинским, еще 22 городами, 10 месечками и 670 селами! Они приносили ему ежегодный доход в миллион злотых!

В 1497 году князь Острожский разбил татар трижды: под Мозырем, на реке Уша и возле Очакова, где взял в плен одного из крымских ханов. После этих успехов наивысший гетман Петр Белый, предчувствуя близость своей кончины, посоветовал великому князю Александру Казимировичу (правил в Литве в 1492—1506 гг.) назначить его преемником именно Константина Ивановича: «Князь Острожский, Константин, обладает редкими достоинствами и может заменить меня для Отчизны». Александр прислушался к мнению старого воина, и в сентябре 1497 года издал указ о таком назначении. Никто еще не становился наивысшим гетманом в 37 лет!

Достойно описания любое из сражений, выигранное князем Острожским. Но в рамках данной книги нас интересует битва под Оршей.

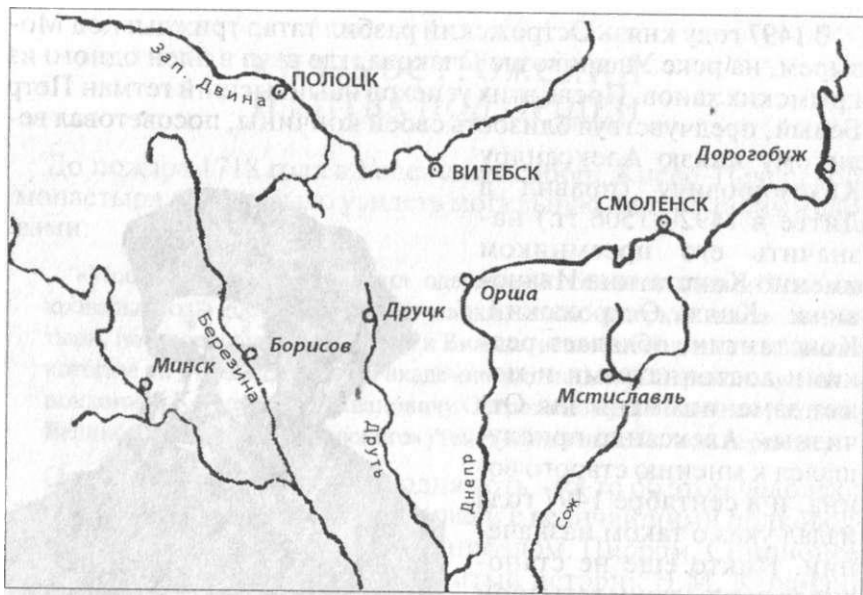

Гетман к и - Острожский

Как уже сказано, Смоленск открыл ворота москвитам 31 июля 1514 года. Теперь путь в земли Литвы был свободен. Вскоре пали Мстиславль, Кричев, Дубровно.

Великий князь литовский Жигмонт, он же польский король Сигизмунд I, собрал все силы обоих государств, какие нашлись: ополчение литовской шляхты (16 тысяч конников), ополчение польской шляхты (14 тысяч конников), наемную пехоту (3 тысячи), отряды польских добровольцев (2,5 тысячи) — всего до 36 тысяч воинов. Он привел эту армию в Борисов, где и остался с четырьмя тысячами, а всех остальных и всю полевую артиллерию отправил дальше под предводительством гетмана К.И. Острожского. Под началом гетмана было до 28 тысяч конников (поровну литвинов и поляков), а также 3 тысячи пехотинцев.

27 и 28 августа на переправах через Березину и Бобр литвины уничтожили передовые заставы москвитов и направились к Орше. Московский воевода Иван Челяднин решил не распылять свои силы, а дать генеральное сражение, чтобы уничтожить армию ИЖЛ одним ударом. Он отходил на восток в поисках подходящего

Театр военных действий московских и литовских войск в 1514 году

места для битвы, пока не нашел таковое в четырех верстах от Орши, возле небольшой реки Крапивны, одного из притоков Днепра. Тут и стали лагерем его войска, поджидая литвинов. Традиционно называют цифру 80 тысяч человек, но эта цифра наверняка преувеличена в полтора — два раза.

Гетман пришел к Днепру в ночь с 7 на 8 сентября и с ходу начал переправу. Конница преодолела реку вплавь и прикрыла наводку мостов. Пехота и артиллерия перешли по двум понтонным мостам (в качестве понтонов литвины использовали хорошо законопаченные и просмоленные бочки, соединив их цепями и привязав к ним веревками бревна).

Когда на левом берегу была уже половина литовского войска, о переправе доложили воеводе. Его помощники настаивали на том, чтобы немедленно ударить по противнику. Но Челяднин ответил им так:

«Если мы разобьем сейчас тех, кто переправился, останется еще половина литовского войска. Потом с ней соединятся другие дружины, и неприятель по-прежнему будет нам досаждать. Пусть переправятся все. Наши силы столь велики, что мы без большого труда либо положим литвинов на месте, либо погоним их, как скот, до самой Вильни. Вот тогда нам и станет занять всю Литву».

Воевода решил атаковать литовцев после переправы, чтобы отрезать их от мостов и лишить пути к отступлению (примерно так, как это было в битве на Ведроше в 1500 г.). Но осуществить свой замысел ему не удалось, хотя он обладал значительным численным преимуществом и занимал удобную позицию.

К утру переправа завершилась, сразу же войска начали боевое построение. Выяснилось, что у князя Константина есть только 25 тысяч человек, остальных успели потерять ранеными, больными и сбежавшими, пока шли из Борисова. Главная надежда гетмана в предстоящем сражении была на пушки, под убийственный огонь которых он хотел заманить противника. Накануне князь страстно молил Бога о помощи и поклялся, что «если милостивый и всемогущий Боже дарует победу над нечестивым врагом, столь жестоким, столь многочисленным», то он построит в Вильно две каменные церкви.

Московские пешие войска заняли позицию тремя растянутыми линиями, упираясь левым флангом в болото у Крапивны. Такое построение предназначалось для фронтальной атаки и позволяло постепенно наращивать силу удара. Впереди пехоты находилась конница.

Когда солнце встало, все литовское войско уже стояло перед москвитями. Его боевой порядок имел две основные линии: в первой стояла конница (в два эшелона), во второй находились пехота и артиллерия. Левый фланг первой линии составила тяжелая польская конница под командованием Яна Сверчковского; правый — литвинская легкая кавалерия во главе с Юрием Радзивиллом.* Пехотинцы расположились в несколько шеренг друг за другом, несколько сотен их были вооружены пищалями (рушницами). Половину своих пушек гетман поставил в центре пехоты, другую — на правом фланге за литвинской конницей.

Константин Иванович в панцире, но без шлема, скакал на длинноногом дрыгайте (порода жеребца, выведенная в Литве специально для тяжелой кавалерии) перед войсками и между ними, отдавая приказы.

И вот загрели бубны, завывли трубы, московская конница князя Михаила Булгакова-Голицы пошла в атаку на центр боевых порядков литвинов. Этот натиск был отражен огнем из пищалей и частоклом нескольких рядов пик. Затем конники Булгакова атаковали левый фланг, пытаясь обойти его и ударить в спину. Стоявшие там поляки остановили москвитов в сабельном бою, а потом сами перешли в наступление. Однако их атака вслед за отступавшими москвитскими всадниками разбилась о стену стрельцов.

* Юрий Радзивилл (1480—1541), виленский каштелян.

После этого Булгаков перестроил своих всадников, восполнил потери из резерва и снова ударил в центр, опять без успеха. Два его натиска и контратака поляков заняли время до полудня, когда наступил апогей сражения. Вскинув вверх булаву, гетман бросил в решительное наступление всю свою конницу, и слева, и справа. Через несколько минут она врезалась в плотные ряды московских ратников. Началась лютая сеча, в самой гуще которой находился князь Константин.

Литвины прорвали первую линию московского пешего войска и врезались во вторую. Но вдруг в их рядах произошло какое-то замешательство. Натиск литвинов ослабел, а затем гетман сам повернул своих конников назад. Раздался радостный рев москвитов: «Литва бежит!» Однако, приблизившись к своей пехоте, гетман опять поднял вверх булаву. За ним то же самое сделали полковники и ротмистры, вытянувшие вверх руки с буздыганами (шестоперами). По этой команде «беглецы» круто повернули коней к левому флангу, в результате чего москвиты оказались прямо перед жерлами нескольких десятков пушек и двух сотен ручных пищалей в центре и на правом фланге.

Несколько залпов по атакующим чуть ли не в упор создали гору из упавших коней и людей, остальные в панике бросились назад.

Немедленно литвинская конница, вместе с тяжелой польской кавалерией по команде князя Константина «села им на спину».

Беспорядочно отступавшие всадники Булгакова смяли собственную пехоту, а две конные лавы, польская и литвинская, опрокинули центр и левое крыло московского войска. Левому крылу русских некуда было отступать, и оно было большей частью истреблено.

Челяднин мог бы спасти положение, если бы решительно послал в атаку третью линию пехоты, но он бездействовал, а когда решился ввести ее в бой, эту линию атаковали конные латники Сверчевского и легкая конница Радзивилла. Челяднин струсил и бросился наутек, за ним побежали все. Началось избивание бегущих до реки Крапивны и за ней. Гетман стоял на берегу реки,

Пеший воин-литвин. 1514г.

воодушевляя своих воинов, переправлявшихся через нее кто вплавь, кто вброд.

В битве под Оршей отсутствовало взаимодействие составных частей боевого порядка и взаимная выручка московского войска. Атаки конницы москвитов не были связаны с действиями пехоты (главных сил), бездействовавшей вплоть до полного поражения кавалерии. Отсутствовал общий резерв (засадный полк), который обычно решал исход боя. Не было организовано общее руководство боем.

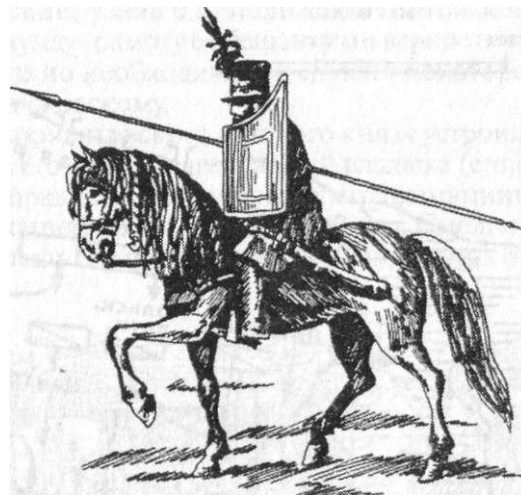
Напротив, улитвинов взаимодействовали конница, пехота и артиллерия. Огонь пехоты и артиллерии оказался действенным при отражении атак московской конницы и подготовил успех контратак польско-литовской конницы. Пушки и пищали были еще столь технически несовершенны, что могли вести огонь только с заблаговременно занятой позиции, отражая атаки, и готовя контратаки, но не могли сопровождать огнем наступление своей конницы.

Бойня продолжалась до наступления темноты, на всех пяти верстах, отделявших поле брани от Дубровно. Поражение москвитов оказалось полным. Нечволодов писал:

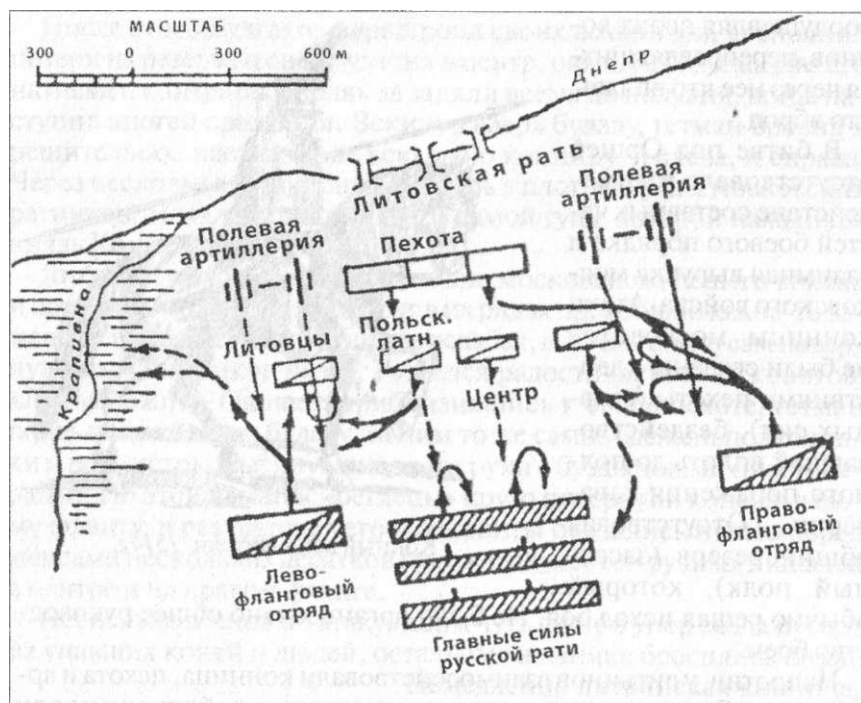
«Такой блестящей победы литовцы никогда не одерживали над русскими. Они гнали, резали и топили их в Днепре, усеяли телами все окрестные поля и захватили огромный полон: Челяднина, Булгакова-Голицу и шесть других воевод, 37 князей, более 1500 дворян, все знамена, пушки и обоз. Одним словом, вполне отомстили нам за свое Ведровское поражение».

Нечволодов А. «Сказания о русской земле». Книга 3, с. 225

Король Сигизмунд, извещая магистра Ливонского ордена об Оршанской победе, писал, что москвиты потеряли 30 тысяч человек убитыми и утонувшими, в плен взяты 8 верховных воевод, 37 «меньших воевод» и полторы тысячи «детей боярских» (т.е. во-

Конный воин-литвин. 1514г.

Сражение под Оршей 8 сентября 1514 года

инов знатного происхождения), а также более 4 тысяч людей «подлого звания». Победители разделили между собой свыше 20 тысяч трофейных лошадей и половину обоза.

Литвинам досталось не только оружие, но и тысячи кандалов, приготовленных для них. Что ж, оковы пригодились, их одели на прежних хозяев. Впрочем, Василий III заявил, что для него все московские ратники, сдавшиеся в плен — мертвецы. Тем самым он предвосхитил товарища Сталина, утверждавшего в 1941—1945 гг. примерно то же самое. Челяднин умер в плену в Вильно через несколько лет. Булгаков-Гол ица вернулся домой только в 1522 году.

На следующий день гетман распорядился похоронить убитых, сказал, куда каких пленных отправить, а сам с основной частью войск и с артиллерией устремился вслед за остатками московской рати к Смоленску.

Следствием Оршанского поражения стал возврат без боя городов Дубровно, Мстиславля и Кричева. Правда, эти города сдавали не московские воеводы, а местные литвинские феодалы, переметнувшиеся в свое время на сторону московитов. Так, Мстиславский

князь Михаил Ижеславский, узнав о приближении литовского войска, отправил Сигизмунду грамоту с обещаниями верности и с извинениями, что только по необходимости служил некоторое время великому князю московскому.

В Смоленске сторонники литовского великого князя устроили заговор, причем во главе его стоял православный владыка (епископ) Варсонофий. Он отправил к Сигизмунду своего племянника с письмом такого содержания: «Если пойдешь теперь к Смоленску сам или воевод прилещешь со многими людьми, то можешь без

Оршанская битва. Из «Хроники Польши» М. Вельского, 1597г.

труда взять город». Князь обрадовался, отправил заговорщикам свою грамоту и богатые дары.

Однако кто-то донес на заговорщиков московскому наместнику Василию Шуйскому. Тот велел схватить Варсонофия и других заговорщиков, посадил под стражу и доложил об этом великому князю Василию в Дорогобуж. А к Смоленску тем временем подошел князь Константин Острожский. Надеясь на помощь Варсонофия, король отправил с Острожским только шесть тысяч человек. Но Шуйский разуверил его, повесив всех заговорщиков, кроме Варсонофия, прямо на городских стенах, на глазах у всех. Причем, как гласит летопись, «который из них получил от великого князя (Сигизмунда) шубу, тот был повешен в самой шубе; который получил ковш серебряный или чару тому на шею привязали эти подарки и таким образом повесили».

Тщетно после этого Острожский посылал смолянам грамоты с увещеваниями передаться Сигизмунду, тщетно пытался взять город приступом, казнь изрядно запугала смолян, а гарнизон бился крепко. Вскоре ударили дожди, потом начались ранние холода, людей стали косить болезни, пушки тонули в грязи — пришлось отступить, причем московиты преследовали его войско и захватили часть обоза.

3 декабря 1514 года герой Оршанской битвы торжественно вступил в Вильно через триумфальную арку, специально построенную по такому случаю. Он входил в столицу подобно римскому консулу, во главе своих победоносных хоругвей, ведя множество знатных пленников, с богатыми военными трофеями, приветствуемый великим князем Сигизмундом, его свитой, а также горожанами и множеством приезжих гостей.

Великий князь Сигизмунд I осыпал Константина Ивановича наградами, народ сложил о нем песни, а сам гетман поспешил выполнить клятву перед Господом, выстроив на свои деньги две православные церкви в Вильно — Святой Троицы и Святого Николая.

* * *

Оршанская битва стала большим успехом войск ВКЛ. Значительная часть Восточной Литвы была освобождена от неприятеля. Максимилиан I отказался от союза с Москвой, вследствие чего коалиция распалась. На Венском конгрессе весной 1515 года Габсбурги и Ягеллоны пришли к полному согласию. Император Максимилиан обещал Сигизмунду помочь в примирении с Василием.

После Орши московиты нуждались в передышке, а Сигизмунд не мог собрать необходимое войско, потому что литвинским князьям и шляхте война уже надоела. Так, киевский воевода Андрей Немирович в письме литовской Раде жаловался:

«Писал я к старостам и ко всем боярам киевским, чтоб ехали со мною на службу господарскую, но никто из них не хочет ехать. Пожалуйста, напишите им, чтоб они поспешили за мною на службу господарскую».

Поэтому в течение трех следующих лет имели место «ограниченные» боевые действия. В основном, совершались отдельные рейды вглубь вражеских территорий. Так, весной 1515 года московское войско ходило из Пскова на Рославль, сожгло Друю. Хоругви ВКЛ во главе с Дашкевичем и Немировичем, при поддержке крымских татар, напали на Северскую землю. В том же году московские воеводы ходили на Полоцк, Витебск и Мстиславль, а литовские — на Великие Луки.

В 1516 году стороны ограничились мелкими порубежными рейдами отрядов легкой кавалерии.

Между тем, в Москву 18 апреля 1517 года приехал посредник от императора Максимилиана I, немецкий барон Зигмунд фон Герберштейн (1486—1566), свободно владевший русским языком. С большим трудом Герберштейну удалось склонить Василия к переговорам, и в сентябре 1517 года в Москву прибыли литовские послы, маршалки Ян Щит и Богуш Боговитинов.

Летом 1517 года крупный набег на Московское государство предпринял хан Мехмет-Гирей (правил в 1513—1523 гг.). Двадцать тысяч крымцев явились в окрестности Тулы. Но воеводы, князья Василий Семенович Одоевский и Иван Михайлович Воротынский, успели подготовиться к обороне. Пешие рати встретили татар в засаках, а затем их атаковала конница. Как сказано в летописи, татар «много взяли в плен, так что из двадцати тысяч очень мало их возвратилось в Крым, и те пришли пеши, босы и наги».

Одновременно Сигизмунд I послал гетмана Константина Острожского с большим войском из Полоцка к псковскому городу Опочка. Целью этого двойного демарша было оказание давления на Василия, чтобы сделать его более уступчивым.

Две недели гетман обстреливал из пушек крепость Опочку, где сидел наместником доблестный князь Василий Михайлович Салтыков. Историк Н.М. Карамзин писал:

«Стены падали, но Салтыков, воины его и граждане не ослабели в бойрой защите, отразили приступ /6 октября/, убили множество людей и воеводу Сокола, отняв у него знамя».

Несмотря на это, Острожский не снял осаду с крепости, апустил отряды для нападений на другие малые псковские крепости — Красная, Воронач и Вилье (крепость Вилье располагалась на горе возле озера Черное в 28 верстах к северу от Опочки; она была важным опорным пунктом на пути «из варяг в греки»).

Сигизмунд фон Герберштейн

Но московские войска, прибывшие с разных сторон, в трех местах одержали победу над неприятелем, а воевода Иван Ляцкий наголову разбил шедший на помощь к Острожскому литвинский отряд, захватив обоз и все пушки. После этого гетман снял осаду и вернулся в Полоцк, а Василий разрешил послам Сигизмунда въехать в Москву, где устроил им пышный прием. Он принял их 29 октября 1517 года в присутствии Герберштейна.

Московские бояре потребовали от Литвы отдать навсегда Москве «русские города» Киев, Полоцк, Витебск и ряд других. Ведь недаром Иван III объявил себя государем «Всея Руси». Как писал С. М. Соловьев:

«Чем бы не кончились переговоры (с Литвой), на каких бы условиях на этот раз ни заключен был мир или перемирие, в Москве считали необходимым всякий раз наперед предъявлять права великого князя или царя, потомка св. Владимира, на все русские земли, принадлежавшие последнему, опасаясь умолчанием об этих правах дать повод думать, что московский государь позабыл о них, отказывается от них».

Соловьев С. М. «История России с древнейших времен», книга III, с. 256—257

Послы Сигизмунда в ответ потребовали вернуть половину Новгородской земли, Тверь, Вязьму, Дорогобуж, Путирь, Смоленск и всю Северскую землю. Наконец, после долгих споров и взаимных уступок дело остановилось из-за Смоленска. Литвины непременно требовали его возвращения, а московские бояре не хотели об этом даже слышать. В свою очередь, они категорически требовали вернуть всех пленных, взятых под Оршей, на что не соглашался Сигизмунд.

★ ★ %

Летом 1518 года Василий III возобновил активные боевые действия. Группы войск устремились от Великих Лук — к Полоцку, от Белой — к Витебску, от Смоленска и Стародуба — в Поднепровье.

Витебск выдержал длительную осаду.

Полоцк осаждали князь Василий Шуйский (новгородский наместник) с новгородскими полками и большим числом пушек, и брат его Иван Шуйский (псковский наместник) с псковскими полками. Они вели орудийный обстрел укреплений. На помощь к осаждавшим вскоре прибыл отряд князя Михаила Кислицы. Осада была упорной, на артиллерийский огонь московитов полочане отвечали огнем пищалей со стен и башен: «Начаша Новгородскими и Псковскими пушками бити город, а полочане из посада из заострожья много бишася». Гарнизон Полоцка отбил все приступы, а в лагере московитов вскоре возник голод.

Отряд «детей боярских» был отправлен на стругах на фуражировку. Когда они сошли на берег в прибрежной деревне, литвинский воевода Волинец внезапно захватил их струги. Московиты кинулись назад к Двине и попытались переплыть ее вплавь, при этом многие утонули. После этого случая Шуйский снял осаду и увел войска от Полоцка.

В других местах московские отряды доходили до Слуцка, Минска и даже до Новогрудка, но везде получили достойный отпор и убралась восвояси, ничего не добившись, если не считать причиненных ими разрушений.

В следующем 1519 году в войну с Сигизмундом на стороне Москвы вступил Тевтонский орден. А в июле на Киевщину и Волинь ворвалось 30-тысячное крымское войско все того же Мехмет-Гирея. Потерпев поражение от московитов, он решил взять реванш в Литве. В битве под Соколом крымцы разбили конницу Острожского.

Используя трудный для ВКЛ момент, Василий III снова развернул наступление по трем направлениям: от Пскова (Михаил Горбатов), от Смоленска (Василий Шуйский), от Стародуба-Северского (Семен Курбский). Сжигая на своем пути города и деревни, захватывая мирных жителей в плен, они за месяц сходили к Полоцку, Витебску, Орше, Могилеву и Менску (Минску), взяли Крево, дошли до Ошмян и Медников. Нижний замок в Витебске московиты взяли, при этом погибло много жителей. Остальные отсиделись в Верхнем замке. Князь Михаил Кислица ходил под Молодечно и другие городки, и, как выразился летописец, «вышли назад к Смоленску все сохраненные Богом». Последней акцией Василия III в этой войне стал рейд воеводы В. Годунова в феврале 1520 года к Полоцку и Витебску.

Глубокое вторжение противника на территорию Литвы с севера, востока и юга заставило Сигизмунда I согласиться на пе-

ремирие. 2 сентября 1520 года в Москве стороны подписали перемирие на год.

Весь 1521 год прошел в новых переговорах, и в конце 1522 года удалось заключить новое перемирие на пять лет. Это удалось сделать благодаря двум крупным успехам короля и великого князя Сигизмунда. Во-первых, он одержал ряд побед над тевтонцами. Во-вторых, заключил новый договор все с тем же крымским ханом Мехмет-Гиреем (в русских источниках его называют также Магмет-Гирей и Мухаммед-Гирей).

Летом 1521 года хан Мехмет-Гирей пошел мстить Москве за свое поражение в 1517 году. Вместе с казанскими татарами он дошел до самой Москвы, грабя и разоря захваченные земли. Татары везде произвели огромные опустошения, увели с собой более 100 тысяч человек, которых затем продали в рабство. Василию III пришлось подписать договор, по которому он обязался бессрочно платить дань Крыму и Казани. Правда, вскоре эту грамоту обманным путем выманил у хана рязанский наместник великого князя И.В. Хабар.

Заключив мир с Литвой, Москва немедленно перенесла свои главные усилия на борьбу с Казанским ханством. Но описание перипетий этой борьбы и пресловутых Казанских походов не входит в наши задачи.

Согласно перемирию 1522 года, Смоленск с окрестными землями все же остался за Москвой, однако и многочисленные пленники, взятые под Оршей, остались в Литве. Вплоть до смерти Василия III в 1533 году «вечный мир» так и не был подписан, его заменили перемирия от 25 декабря 1526 и от 24 марта 1532 годов.

ПОКОРЕНИЕ МОСКОВИТАМИ РЯЗАНИ (1517г.)

Захватив у Литвы изрядный кусок, Василий III обратил свой алчный взор на Юг. Там находилась Рязань — все еще независимое княжество, хотя треть ее городов ее, вотчина умершего в 1503 году князя Федора Васильевича (брата Ивана), уже перешла к Василию III, вследствие чего он добавил к своему титулу слова «князь Рязанский». Там же на Юге князья Северский и Стародубский (или Черниговский), считаясь вассалами Московского государя, сохраняли всю полноту власти в пределах своих владений. Василий ждал лишь удобного повода к уничтожению этих последних остатков удельной вольницы.

Агриппина, вдова князя Ивана Васильевича, была дочерью литвинского князя Федора Бабица из рода Друцких. Она несколько лет правила в Рязани от имени своего малолетнего сына Ивана

Ивановича. Василий III не трогал женщину, ибо она во всем повиновалась ему как своему сеньору. Но сын, достигнув юношеского возраста, решил отказаться от опеки не только матери, но и великого князя Московского: то есть захотел править совершенно самостоятельно, как его предки. Вокруг него объединились бояре, стремившиеся восстановить прежнюю мощь и территориальную целостность Рязанской земли.

О своих намерениях Иван официально уведомил Василия, а заодно, в поисках гарантий независимости, вступил в переговоры о заключении союза с крымским ханом Мехмет-Гиреем и решил жениться на его дочери.

Узнав об этом, Василий велел ему приехать в Москву: князь Иван долго не ехал. Но потом, поддавшись уговорам своего боярина Симеона Коробьина (или Крубина), в 1517 году все же явился к Василию. Тот обвинил его в «неблагодарности», в «измене», в дружбе со злодеями Москвы (имея в виду крымчаков), велел взять под стражу, занял своими войсками Рязанское княжество, а княгиню Агриппину в 1520 году сослал в монастырь.

Когда четыре года спустя хан Мехмет-Гирей вторгся в московские пределы и подошел к Москве, князь Иван, воспользовавшись общим смятением, сумел бежать из Москвы в район Переяславля. Там он быстро собрал вокруг себя часть своих сторонников из числа рязанских бояр. С одним из них (Дмитрием Сунбодовым) князь Иван отправил грамоту в Рязань, с призывом идти к Переяславлю, назначенному местом сбора. Однако Сунбулова и его спутников схватили московские воеводы. Под пытками они признались, что среди рязанского боярства как в самой Рязани, так и в Москве многие поддерживают Ивана.

После этого рязанский князь некоторое время скрывался в окрестностях Рязани, пытаясь поднять своих бывших вассалов на войну против Москвы. Потерпев неудачу, он бежал в Литву, к великому князю Сигизмунду I. Литовский государь дал ему в удел Ковенский повет Троцкого воеводства. Иван жил в местечке Стоклишки. При нем находились дружинники, большая свита и много слуг. Он охотился, пировал, ссорился с соседями, занимал деньги у местных евреев, в общем, вел образ жизни, аналогичный литвинским магнатам. Князь умер в 1535 году, в возрасте около 40 лет...

Так утратила свою независимость Рязань, которая около четырех столетий была независимым княжеством. В момент присоединения к Москве она считалась лучшей и богатейшей из всех областей государства Московского, ибо лежала на торговом пути к Азову и Кафе (Феодосии), изобиловала медом, птицей, зверем, рыбой, но особенно хлебом (ее нивы, по выражению авторов XVI века, казались густым лесом). Рязанцы славились

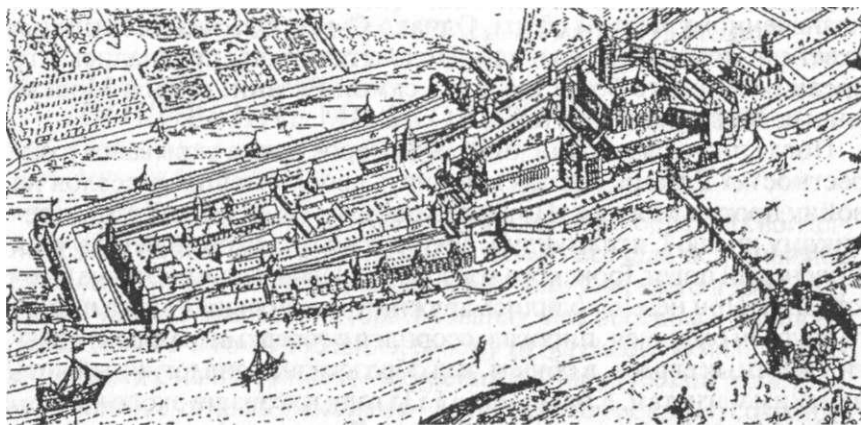
своим воинским духом.* Поэтому, чтобы господствовать над ними, Василий приказал всех тех бояр и дворян, кто слыли сторонниками свергнутого Ивана Ивановича, переселить в другие области Московского государства.

ПОБЕДА ПОЛЬШИ НАД ТЕВТОНЦАМИ (1519–1521 гг.)

Как уже сказано выше, в 1519–1521 годах между Польским королевством и Тевтонским орденом вновь шла война.

Формальным поводом для нее стал отказ Альбрехта Бранденбургского (1490–1568), гроссмейстера Ордена с конца 1510 года, дать клятву в вассальной верности польскому королю. Но в действительности, Василий III послал Альбрехту деньги (60 тысяч золотых), чтобы он нанял себе солдат и ударил в спину королю и великому князю Сигизмунду I. Однако Орден в ходе двухлетней кампании потерпел поражение в нескольких сражениях и запросил мира.

В это же время Альбрехт познакомился с Мартином Лютером и Филиппом Меланхтоном, лидерами церковной Реформации в Германии. Он воодушевился их идеями и решил ввести лютеранство в Пруссии. Альбрехт в апреле 1525 года заключил договор с Сигиз-

Мальборк — столица Тевтонского ордена (XVI век)

* Надо отметить, что основные роды рязанских бояр — Апраксины, Вердевские, Измайловы, Коробьины, Сунбуловы и другие — происходили от различных татарских «царевичей» и мурз, в разное время выехавших из Орды к рязанским князьям.

мундом I, по которому орден был превращен в светское государство — герцогство Пруссия (вассальное по отношению к Польше), а сам Альбрехт смог передать власть по наследству. Государственной религией герцогства стало лютеранство.

Еще позже король Сигизмунд II Август признал за бранденбургскими маркграфами право наследования прусского престола в случае прекращения в Пруссии династической линии Альбрехта. Так поляки собственными руками создали реальную угрозу объединения в руках одной династии герцогства Прусского и маркграфства Бранденбургского, с двух сторон охватывавших польские владения на Балтике.

И действительно, в 1618 году, при короле Речи Посполитой Сигизмунде III Ваза, такое объединение состоялось. Возникло Бранденбургско-Прусское курфюрство (великое княжество), которое в 1701 году объявило себя Прусским королевством.

ПРАВЛЕНИЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ И ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО (1533–1538 гг.)

Следует сказать несколько слов о судьбе одного из важных персонажей русско-литовских войн — князе Михаиле Глинском. Как уже говорилось, после неудачного побега в Литву Глинского отправили в заточение. Из тюрьмы его вызволил случай.*

В 1525 году великому князю московскому исполнилось уже 46 лет, а детей у него не было. Тем временем ему приглянулась юная красавица (13 лет!), княжна Елена Васильевна Глинская (1512–1538). И тогда Василий III решил развестись со своей женой, великой княгиней Соломонией (или Соломонидой) Юрьевой, урожденной княжной Сабуровой, с которой состоял в браке с 1505 года. Официальной причиной для развода послужило бесплодие Соломонии, хотя, если судить по дальнейшим событиям, бесплодным скорее всего был Василий.

Возникла достаточно щепетильная ситуация. Церковь в те времена, как правило, выступала против разводов. Но московский митрополит Даниил оказался человеком понятливым. Он стал вести речи о том, что бесплодную смоковницу следует исторгнуть из сада. После нескольких месяцев демагогии и лицемерия 29 ноября 1525 года несчастную женщину увезли в женский Рождественский монастырь на Трубе, где насильно постригли в монахини под именем Софии.

Соломония не хотела в монахини. Она билась, кричала, плакала, сорвала с себя монашеский куколь и топтала его ногами. Тогда дворецкий, тверской боярин Иван Шигона прямо в церкви отсте-

гал княгиню плетью, чем сломил ее сопротивление. Затем свежеспеченную «сестру Софию» посадили в возок и под крепким караулом отвезли в Суздаль, в женский Покровский монастырь.

Ну, а Василий Иванович вскоре (21 января 1526 года) женился на Елене Глинской. Бояре не возражали, ибо она идеально им подходила: отец в могиле, дядя в опале, братья почти дети. Все были уверены, что этот брак сохранит «статус-кво» при дворе. Все же бояре Захарьины, Шуйские и Горбатые попросили, дабы угодить новой великой княгине, выпустить из темницы ее дядю Михаила Львовича Глинского. Василий Иванович согласился. В феврале 1527 года Михаил вышел на свободу и получил «в кормление» город Стародуб Рязановский. Позже, в 1530 году, он успешно командовал конным войском в сражении с татарами за Казань.

Василий III (около 1525г.)

Ради молодой жены Василий III отступил от старых русских обычаев и первым из московских князей сбрил бороду, хотя москвиты считали ее (бороду) «образом, человку от Бога дарованным». Летописец сообщает, что великий князь «возлюбил» Елену «лепоты ради лица и благообразна возраста, наипаче ж целомудрия ради». Но прошел год после свадьбы, затем второй, а у Елены признаков беременности не появлялось. Великокняжеская чета зачастила по монастырям.

И вот 25 августа 1530 года, то есть спустя четыре с лишним года после замужества, Елена родила сына Ивана. Появление долгожданного наследника престола Василий I I I встретил с огромной радостью. Еще через два года, 30 октября 1532 года, родился второй сын — Юрий.*

Возможно, помогли молитвы монахов. Однако у современников на этот счет было иное мнение. Пошли разговоры о молодом воеводе Иване Федоровиче Овчине-Телепнёве-Оболенском. Ивана свела с Еленой родная сестра Ивана, Аграфена (в замужестве Челяднина), приближенная («мамка») великой княгини.

В сентябре 1533 года на левом бедре князя Василия, поехавшего на охоту к Волоку Ламскому появился фурункул. Методы лечения оказались неверными, в ночь с 3 на 4 декабря 1533 года великий князь

* Юрий Васильевич был глухонемым от рождения, однако Василий III не успел узнать об этом.

Василий III скончался в муках, видимо, от заражения крови. Не прошло и 40 дней после его смерти, как у великой княгини появился фаворит — Иван Овчина. В начале января 1534 года Овчина по указу Елены стал боярином.

Молодая вдова и ее любовник стали единолично править страной. Главным методом управления у них были репрессии. Уже 11 декабря, т.е. спустя неделю, после смерти Василия III, его брат Юрий, князь Дмитровский, был арестован вместе со своими боярами в Москве, куда приехал на похороны брата. Князя Юрия заключили в тот же подвал, где уморили несчастного внука Ивана III — Дмитрия. Юрий провел здесь два с половиной года и умер от голода в августе 1536 года.

Возвышение Овчины сильно огорчило дядю великой княгини Михаила Львовича Глинского, которого Василий III назначил главным опекуном при младенце Иване, и который надеялся править от его имени. Однако Елена предпочла фаворита дяде. По ее повелению в августе 1534 года Михаила Глинского схватили, ослепили, заковали в цепи и заключили в ту же темницу, где он находился в 1514—1527 гг. Спустя несколько недель князь умер от голода: по приказу любящей племянницы его не кормили.

Был взят под стражу и сподвижник князя Михаила, боярин Михаил Воронцов. Сразу же после ареста Глинского и Воронцова, их друзья и сторонники, князя Семен Вельский и Иван Ляцкий, опасаясь за свою жизнь, бежали в Литву. Тогда Елена приказала схватить и заточить князя Ивана Вельского, брата Семена, а также князя Ивана Воротынского, вместе с их детьми.

Напуганный судьбой старшего брата, князь Андрей Иванович Старицкий решил бежать в Литву. Весной 1537 года он со своей семьей и всем двором отправился в путь. Но дорогу ему преградили московские полки под командованием Ивана Телепнева-Овчины. Не имея достаточных сил для сражения, Андрей понадеялся на обещание Овчины, что Елена опалы на него не наложит и с повинной поехал в Москву. Увы! Он сразу же оказался за решеткой. При этом его не только заковали в цепи, но и одели на него какую-то «тяжелую шляпу железную». Эта «шляпа» оказалась более смерто-

Елена Глинская

носной, чем знаменитая французская «железная маска» времен Людовика XIV. В ней узник прожил менее полугода.

Его бояр — князя Пронского, двоих князей Оболенских-Пенинских, князя Палецкого и других подвергли пыткам и тоже заключили в оковы. Тридцать новгородских помещиков, сторонников князя Андрея, избili кнута в Москве, а затем повесили по дороге на Новгород. По этому поводу Карамзин писал:

«Таким образом в четыре года Еленина правления именем юного великого князя умертвили двух единокровных братьев его отца и дядю матери, брата внучатного ввергнули в темницу, обесчестили множество знатных родов торгового казнию Андреевых бояр»...

Но 3 апреля 1538 года великая княгиня Елена Глинская внезапно умерла. В тот же день ее похоронили в Вознесенском монастыре. Ее правление длилось всего три года и три месяца. Барон Сигизмунд Герберштейн, все еще находившийся тогда в Москве, утверждал в своих записках, что княгиню отравили. В самом деле, Елене было только 25 лет, она не жаловалась на здоровье, эпидемий в то время не наблюдалось. Историки считают, что отравление Елены Глинской было делом рук князя Василия Васильевича Шуйского, прозванного «Немым», «первого боярина» в Государевой Думе.

На седьмой день после смерти Елены в Москве произошел государственный переворот, во главе которого стоял князь В.В. Шуйский. Ивана Овчину и его сестру Аграфену арестовали. На Овчину наложили «тяжелые железа», те самые, что в 1534 году на Михаила Глинского. Вскоре и его уморили голодом (по другой версии — убили в темнице). Сестру Аграфену сослали в Каргополь, где насильно постригли в монахини. Заключенных в правление Елены князей Ивана Вельского, Андрея Шуйского и прочих бояр освободили.

Устранив княгиню Елену и ее фаворита Овчину, Шуйский попытался взять в свои руки как можно больше власти. Ради этого он даже породнился с малолетним великим князем: в свои 60 лет женился на юной Анастасии Петровне, двоюродной сестре Ивана IV, дочери Евдокии Ивановны — сестры Василия III и крещеного татарского «царевича» Петра Ибрагимовича..

Василий Шуйский получил от боярской думы титул «наместника московского», переехал в кремлевский дворец покойного князя Андрея Старицкого. Однако «Немой» прожил всего несколько месяцев после переворота. Шансы на долгое правление у него отсутствовали: он отличался неимоверной спесью, был очень грубым и алчным человеком даже по меркам того времени, а главное, не имел способностей к разумному управлению государством. По мнению большинства историков, его отравили, как он отравил княгиню Елену.

Как уже сказано, к моменту смерти Василия III между Москвой и Вильно действовало очередное перемирие сроком на один год. Поэтому Сигизмунд направил посланника Клиновского к великому князю, но тот уже не застал Василия в живых. Великая княгиня Елена и ее фаворит Овчина заключать «вечный мир» не пожелали, однако и войну тоже не объявили, то есть действовали по формуле «ни мира, ни войны», изобретенной, как мы видим, вовсе не Троцким.

ВОЙНА ЛИТВЫ С МОСКВОЙ (1534–1537 гг.)

После смерти Василия III к великому князю Литвы, королю Польши Сигизмунду I прибыл из Москвы посол Заболоцкий, сообщивший о восшествии на престол малолетнего Ивана IV, о регентстве великой княгини Елены и предложивший от имени Ивана «вечный мир». Узнав новости, Сигизмунд передал в Москву:

«Могу согласиться на мир, если юный великий князь уважит мою старость и пришлет своих великих послов ко мне или на границу».

Однако спесивые московские князья и бояре, считавшие, что это им все должны кланяться, ответили, что «такого прежде не водилось» (чтобы Москва первая посылала послов). Впрочем, более существенной причиной отказа стало требование Сигизмунда о возвращении Литве всех городов и земель, захваченных Иваном III.

Между тем, Сигизмунд к тому времени собрал неплохую армию и решил попытаться вернуть силой земли ВКЛ, ранее захваченные москвитями. Чтобы усилить натиск на Москву, он в 1533 году заключил союз с новым крымским ханом Сагип-Гиреем (правил в 1532—1551 гг.). Виленский вальный сейм тогда же принял решение о введении трехлетнего военного налога.

Согласно универсалу Сигизмунда, посполитое рушение (до 24-х тысяч человек) должно было собраться в апреле 1534 года под Минском. Большие надежды возлагались на помощь крымских татар и на бунты в самой Москве. Однако большой поход татар на Москву сорвала борьба между политическими группировками в Крыму. В Москве же утвердила свою власть Елена Глинская, ее правительство успело хорошо подготовиться к войне.

Когда срок перемирия истек, в начале августа 1534 года гетман Юрий Радзивилл (прежний виленский каштелян) привел 20-тысячную армию к Могилеву. Оттуда он послал войско князей Ивана и Александра Вишневецких к Смоленску, а войско киевского воеводы Андрея Немировича (или Немиры) и «конюшего дворного» Василия Чижа — в Северскую землю.

Последние вместе с татарскими загонами опустошили окрестности Чернигова, Новгорода-Северского, Почепа и Брянска. Затем они осадили Стародуб и сожгли его предместья. Но в ответ гарнизон крепости под командованием храброго воеводы Андрея Левина совершил удачную вылазку и захватил несколько пушек вместе с прислугой. Литвины в беспорядке отступили. Наместник Стародубский, князь Александр Кашин, отослал в Москву 40 пленных пушкарей с их орудиями и знатного шляхтича Суходольского.

Чтобы загладить эту неудачу, Немирович и Чиж осадили Радогощ. Воевода Матвей Лыков отверг предложение о сдаче. Он погиб в пожаре вместе с большинством своих воинов. Остальные сдались.

Спалив Радогощ, литви́нское войско осадило Чернигов и стало обстреливать его из пушек. Однако воевода, князь Федор Мезецкий, не пал духом. Орудийным огнем он не позволил противнику подойти вплотную к городским стенам, а ночью вышел из крепости и внезапно атаковал врага. Литвины, утомленные походом и дневной батальей, спали крепким сном. Застигнутые врасплох, они в панике разбежались, оставив москвитам все свои пушки и весь обоз. Немировичу и Чижу пришлось вернуться в Киев «с отчаянием и стыдом», по выражению Карамзина.

В рязанских землях несколько отрядов татар разбили московские воеводы, князья Пунков и Татев. После этого татары ушли в Крым.

Воеводы Александр и Иван Вишневецкие, посланные Сигизмундом под Смоленск, тоже потерпели неудачу. Смоленский наместник, князь Никита Оболенский, вышел из города навстречу, разбил литвинов и преследовал их на протяжении нескольких верст. Таким образом, вопреки надеждам Сигизмунда, война не давала желаемых результатов. И это несмотря на то, что главные силы Москвы стояли в то время под Серпуховом, чтобы дать отпор крымским татарам.

Лишь в конце октября 1534 года московская рать двинулась на Литву. Большой полк вели князя Михаил Горбатый-Суздальский и Никита Оболенский; передовой полк — свежее испеченный боярин, любовник великой княгини, князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. Из Новгорода князь Борис Горбатый шел на-соединение с братом Михаилом. По пути Борис Горбатый с новгородско-псковской ратью, опустошил окрестности Витебска, но город взять не смог.

А его брат Михаил Горбатый и Никита Оболенский из Борисова «чрез Менеск /Минск/ с огнем и мечом дошли до Молодечны». В конце 1534 года царские воеводы осадили Полоцк. Но и этот город они не взяли. Впрочем, цель похода заключалась в ином — в ограблении и опустошении вражеской территории. Карамзин писал:

«От границ Смоленска запылали села и предместья городов литовских: Дубровны, Орши, Друцка, Борисова. Не встречая неприятеля в поле и не

занимаясь осадой крепостей, воеводы московские чрез Менеск /Минск/ с огнем и мечом дошли до Молодечны, где присоединился к ним, с новгородцами и псковитянами, наместник князь Борис Горбатый, опустошив все места вокруг Полоцка, Витебска, Браслава. Несмотря на глубокие снега и жестокие морозы, они пошли к Вильне: там находился сам король, встревоженный близостью врагов... Легкие отряды их жгли и грабили в пятнадцати верстах от Вильны...

Но воеводы наши, довольные его ужасом и разорением Литвы, истребив в ней жилища и жителей, скот и хлеб, до пределов Ливонии, не потеряв ни одного человека в битве, с пленниками и добычей возвратились в Россию, чрез область Псковскую, в начале марта...

Неличная слабость престарелого Сигизмунда, но государственная слабость Литвы объясняет для нас возможность таких истребительных воинских прогулок. Не было устроенного всегдашнего /постоянного/ войска; надлежало собирать его долго».

По тому же поводу Нечволодов сообщает:

«Не встречая нигде войск противника, которых, как мы знаем, было всегда весьма трудно собрать вовремя литовским великим князьям, наша рать, разорив неприятельские области, подошла, невзирая на страшные снега и жестокие морозы, почти к самой Вильне, где сидел встревоженный Сигизмунд, и затем, не предполагая осаждать этот сильно укрепленный город, она торжественно вернулась назад. В то же время воеводы, князья Федор Телепнев и Тростенские ходили с таким же успехом от Стародуба к Мозырю, Турову и Могилеву, — тоже нигде не встречая неприятельских войск и всюду внося ужас и опустошение».

Нечволодов А. «Сказания о русской земле». Книга 4, с. 7

На следующий год (1535) власти ВКЛ в дополнение к своему шляхетскому ополчению наняли 5 тысяч польских жолнеров, а король дал им одну тысячу конников и 500 пехотинцев из своего войска. Поляки соединились с литвинами в конце мая под Речицей.

Первоначально это войско должно было идти к Смоленску. Но в Москву явились перебежчики, слуги князей Семена Вельского и Ляцкого, предупредившие московские власти о направлении главного удара и его сроках. Навстречу литовцам из Москвы в мае вышли крупные силы: большой полк князя Василия Васильевича Шуйского, передовой полк князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского. Они наносили удар в направлении Кричев — Могилев, сжигая все селения на своем пути.

С северного направления в Литву должны были вторгнуться отряды новгородцев и псковитян под предводительством князей Бориса Горбатого и Михаила Воронцова. Им предписывалось быстро построить крепость на берегу Себежского озера, сделать ее своим опор-

ным пунктом, а затем идти на соединение с Шуйским и Телепневым-Оболенским. Но эти воеводы только отчасти исполнили указание: послали воеводу Бутурлина строить Себежскую крепость, сами же разместились в Опочке и дальше не шли вплоть до осени.

Войсками Литвы командовали великий гетман Литвы Юрий Радзивилл, великий гетман Короны Ян Тарновский, киевский воевода Андрей Немирович (Немира), князь Илья Острожский, а также московский беглец, князь Семен Вельский. Избегая решительного сражения с высланной против них ратью, они двинулись в сторону Северной земли, на 200 верст южнее направления главного удара московитов. В июне 1535 года их войска осадили Гомель и начали артиллерийский обстрел гомельского замка:

«А так в среду весь день на замок стрельба била, а потом с среды на четверг всю ночь и в четверг мало не весь день с наших дел /орудий/ стрельбу чинили»...

Наместник Гомеля, князь Дмитрий Щепин-Оболенский оказался трусом. С гарнизоном и частью артиллерии он ушел в Москву, где его немедленно бросили в темницу за «измену»:

«Не храбр и страшлив, виде люди многие и убоявся, из града побежал, дети боярские з ним же и пищальники»... «Тутошние люди немногие, видя воеводское нехрабрство и страхование, здаша град» /16 июля/.

В отличие от Гомеля, город Стародуб, где воеводой был князь Федор Телепнев-Овчина-Оболенский (родной брат Ивана); сопротивлялся отчаянно. Тогда немецкие инженеры прорыли подкоп под стены города и одновременно взорвали сразу несколько фугасов. В образовавшийся пролом ворвались литовские воины:

«Ужасный гром потряс город; дома запылали; неприятель сквозь дым ворвался в улицы. Князь Телепнев с своею дружиною оказал геройство; топтал, гнал литовцев; два раза пробивался до их стана: но, стесненный густыми толпами пехоты и конницы, в изнеможении сил, был взят в полон вместе с князем Ситцким. Знатный муж, князь Петр Ромодановский, пал в битве; Никита Колючев умер от раны чрез два дни. 13000 граждан обоего пола изгбло от пламени или меча; спаслися немногие и своими рассказами навели ужас на всю землю Северскую» (Карамзин).

В связи с этим рассказом следует пояснить, что в Стародубе, кроме гарнизона и горожан, собрались жители окрестных сел.

Город Почеп был укреплен очень слабо. Поэтому воевода Федор Сукин сжег его дотла, а сам ушел с жителями и гарнизоном. От Почепалитвины повернули назад. Карамзин писал:

«Литовцы, завоевав единственно кучи пепла, ушли восвояси».

Московские полки, которым предписывалось прийти на выручку в Северские земли, не успели этого сделать, так как им пришлось отражать набег крымских татар орды Ислам-Гирея (примерно 15 тысяч конников) в Рязанскую землю:

/Московские бояре/ «немедленно возвратили шедшее к Стародубу войско; собрали в Коломне несколько тысяч людей. Князя Димитрий Вельский и Мстиславский отразили хищников от берегов Оки, гнались за ними, принудили их бежать в степи» (Карамзин).

Основная московская рать Шуйского — Телепнева осадила Мстиславль. Между тем, осенью 1534 года здесь разместился гарнизон в составе 600 конников и 300 пехотинцев. Вместе с ополчением мещан и селян, это была внушительная сила. Поэтому, когда в ноябре 1535 года войско Василия Шуйского и 10 подчиненных ему воевод пришло «з пушками и пищальями... Мстиславля добывать», оно столкнулось с упорным сопротивлением. Король Сигизмунд писал в этой связи в одном из своих писем:

«Замок наш Мстиславский мощне облегли и з дел /орудий/ его добывают немалый час з великим штурмом... И за тым добыванием жадного звытяжства /никакой победы/ не одержали, одно вежу /башню/ над ворота и неколко городен з дел побили»... /Московиты/ «посад изгонили и на посадe многих людей поймали в полон, а иных секли, посад сожгли, а град отстоялся»...

Иначе говоря, московиты взяли и сожгли посад, но <вамок (ци-тадель) остался в руках литвинов. Постояв несколько недель у Мстиславля, опустошив окрестности, захватив в плен много местных жителей, московиты пошли дальше.

Шуйский сжег деревни в окрестностях Кричева, Дубровно, Княжичей, Шклова, Копыси и Орши, а затем отступил назад к Смоленску.

Федор Телепнев-Овчина в ноябре добрался до Новогрудка, но взять не смог. Это не удивительно. К тому времени замок представлял собой мощное каменное сооружение с семью башнями, окруженное рвом шириной 30 и глубиной 4 метра. После непродолжительной осады он вслед за Шуйским вернулся в Смоленск. Тогда же (в конце ноября 1535 года) войско князя Б.И. Горбатого, прибывшее из Опочки, снова осаждало Полоцк, опять без успеха, хотя ни снега, ни морозов не было.

* * ^

Тем временем Бутурлин с частью новгородцев и псковичей быстро построил новый укрепленный городок, получивший название Себеж. Сигизмунду появление крепости у него под носом очень не понравилось. Дальнейшие события хорошо изложил Карамзин:

«Сигизмунд не могравнодушно видеть сию крепость в своих пределах: он велел киевскому наместнику Немирову взять ее, чего бы то ни стоило. Вой-

ско его, составленное из 10.000 литовцев и поляков, обступило /27 Февраля/ город. Началась ужасная пальба; земля дрожала, но стены были невредимы: худые пушки литовские, вместо неприятелей, били своих; ядра летели вправо и влево: ни одно не упало в крепость. Россияне же стреляли метко и сделали удачную вылазку. Осаждающие пятились к озеру, коего лед с треском обломился под ними. Тут воеводы Себежские, князь Засекин и Тушин, не дали им опомниться: ударили, смяли, топили несчастных литовцев; взяли их знамена, пушки и едва не всех истребили. Немиров на борзом коне ускакал от плена, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска — и как сетовали в Киеве, в Вильне, в Кракове, так веселились в Москве; показывали народу трофеи, честили, славили мужественных воевод».

Весной и летом 1536 года, московские воеводы, князя Горенский и Барабашев, ходили к Любечу и сожгли посад Витебска, изрядно ограбили окрестные селения, увели в плен много жителей города и окрестных сел. Тем же летом московский отряд был разбит под Кричевом.

На этом военные действия прекратились. Москва, занятая борьбой с татарами, хотела мира. Литва, от которой война потребовала больших затрат — тоже.

Таким образом, планы Сигизмунда I на возвращение земель ВКЛ, захваченных Иваном III и Василием III, увенчались лишь частичным успехом.

В начале 1537 года в Москву приехал посол Ян Глебович, полоцкий воевода, с четырьмястами знатных шляхтичей и слуг. Правительница, великая княгиня Елена Глинская, поручила ведение переговоров боярину Михаилу Юрьевичу Захарьину-Кошкину.

Переговоры шли долго и трудно. Сначала стороны выясняли, кто первым начал войну. Потом, следуя обычаю, выставляли друг другу нереальные территориальные претензии. Москва требовала отдать ей Киев и Полоцк, Литва ставила условием заключения «вечного мира» возврат Смоленска, передачу Пскова либо Новгорода. Послы ВКЛ домогались возврата всей Северной земли и ликвидации новопостроенных замков — Себежа, Велижа, Заволочья. Московская сторона настаивала на сохранении предвоенных границ и полном возврате всех пленных. Вильно соглашалось вернуть пленников лишь в обмен на Чернигов. •

Наконец, 18 февраля 1537 года в Москве стороны подписали перемирие сроком на пять лет, считая с 25 марта. По нему Гомель, Стародуб и Мстиславль остались за Литвой, а ряд городов на левой стороне Днепра — Кричев, Рославль, Чернигов, новопостроенные крепости Себеж, Заволожье (в Ржевском уезде) и Велиж (в Торопецком уезде) — за Москвой.

Часть II

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

ЦАРЯ ИВАНА IV

(1558—1581 гг.)

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЙНЫ

В январе 1558 года началась Ливонская война. Она длилась 24 года и стала самой продолжительной, самой крупномасштабной из всех войн, которые вела Московская Русь в XVI и XVII столетиях, причем завершилась ее полным поражением.

В этой войне Великое княжество Литовское не сразу столкнулось с Москвой. Однако в ней переплелись интересы многих государств, а сама война сыграла столь огромную роль в их истории, что необходимо дать хотя бы краткое описание всех ее периодов и важнейших событий.*

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ БАТАЛИИ в 1537–1556 гг.

Перемирие 1537 года обе стороны соблюдали около 25 лет. В Москве в тот период сначала шла борьба между боярскими группировками, потом укреплял свою власть Иван IV. Кроме того, досаждали набеги крымских и казанских татар. Великий князь Литвы Сигизмунд I Казимирович (по прозвищу «Старый») после трех неудачных войн с Москвой стремился избежать новой войны.**

Любопытно в этой связи его обращение к Литовской Раде в сентябре 1538 года, где он сообщил, что до истечения срока перемирия с Москвой остается три года, а потому надолумать о возможности новой войны:

«Что касается до начатия войны с нашим неприятелем московским, то это дело важное, которое требует достаточного размышления. Не думаю, чтоб жители Великого княжества Литовского могли одни оборонить свою землю без помощи наемного войска. Вам, Раде нашей, известно, что первую войну начали мы скоро без приготовлений, и хотя земские поборы

* В белорусской и польской литературе известна как Инфлянтская война (Ливония — Инфлянты).

** Напомним эти войны: в 1507—1508, 1512—1522, 1534—1537 гг.

давались, но так как заранее казна не была снабжена деньгами, то к чему наконец привела эта война? Когда денег не стало, мы принуждены были мириться.

Какую же пользу мы от этого получили? Если теперь мы не позаботимся, то по истечении перемирия неприятель наш московский, видя наше нерадение, к войне неготовность, замки пограничные в опущении, может послать свое войско в наше государство и причинить ему вред.

Так, имея в виду войну с Москвою, объявляем вашей милости волю нашу, чтоб в остающиеся три года перемирных на каждый год был установлен побор на первый год серебщица по 15 грошей с сохи, на второй — по 12, на третий — по 10; чтобы эти деньги были собираемы и складываемы в казну нашу и не могли быть употреблены ни на какое другое дело, кроме жалованья наемным войскам».

Итак, денег на войну у Литвы не было, особых надежд взять реванш — тоже. В итоге 25 марта 1542 года, точно в день завершения пятилетнего срока перемирия, послы ВКЛ подписали в Москве соглашение с правительством боярина Ивана Шуйского о продлении перемирия еще на семь лет.*

В 1548 году король польский и великий князь литовский Сигизмунд I «Старый» умер (ему был 81 год, по меркам XVI века он справедливо считался очень старым). На польский престол вззошел его 28-летний сын Сигизмунд II Август (1520—1572), которого еще в 1529 году 9-летним ребенком провозгласили великим Князем литовским под именем Жигмонт II.

Хроники писали, что Сигизмунд Август объединил в себе литовское упорство своего деда Казимира, итальянскую утонченность матери Боны, хозяйственность бабки и ягеллонскую щедрость. Более всего он прославился не государственными деяниями, а своим романом с красавицей Барбарой Радзивилл** (1520—1551), дочерью великого гетмана ВКЛ Юрия Радзивилла, сестрой могущественных магнатов Николая Радзивилла «Рыжего» и Николая Радзивилла «Черного». Он женился на ней в 1547 году, а 7 декабря 1550 года, преодолев сильное сопротивление магнатов и шляхты, короновал ее в Кракове. Но вскоре (8 мая 1551 года) королева умерла. Современники были убеждены, что ее отравила свекровь, герцогиня Бона Сфорца. Эта романтическая история послужила сюжетом для многочисленных художественных произведений.

* Иван Васильевич Шуйский возглавлял наиболее влиятельную группировку московских бояр, так называемую «ближнюю думу». В 1538—40 гг. и 1542 г., когда Ивану IV было 8—12 лет, он являлся фактическим правителем Московской Руси.

** Барбара Радзивилл вышла замуж за Петра Гаштольда в 1537 году, а в 1542 году ее муж умер. Сигизмунд познакомился с Барбарой в 1544 году.

Здесь мы дадим слово Нечволодову:

«Ко времени смерти отца Сигизмунд-Август был сильно занят своим вторым браком. После смерти первой жены, австрийской принцессы, не оставившей ему детей /Елизавета Габсбург умерла 15 июня 1545 г./, он влюбился в молодую вдову Троцкого воеводы Гаштольда, прекрасную Барбару, урожденную Радзивилл, обладавшую по единодушным отзывам современников и всеми душевными качествами, и тайно женился на ней.

Когда незадолго до смерти отца он объявил о своем браке, среди польской знати возникло сильное неудовольствие, что их будущая коро-

Барбара Радзивилл.
Портрет XVI века

лева — родом литвинка... Сигизмунду-Августу, по занятии отцовского престола, пришлось вступить в упорную борьбу на защиту своего брака с Барбарой. Он успел, наконец, добиться признания ее королевой, но вслед за тем она умерла в начале 1551 года, говорят, отравленная своей злою свекровью».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 50

Итак, Сигизмунду II Августу было не до войны. В январе 1549 года он послал в Москву послов договариваться о «вечном мире». Уже 13 февраля они подписали документ о продлении перемирия еще на пять лет. Что же касается «вечного мира», то Литва ставила обязатель-

ным его условием возврат Смоленска. Но московские бояре отвечали: «ни одной драницы из Смоленска государь наш не уступит».

Впрочем, молодой государь Иван Васильевич (ему шел тогда 19-й год), не хотел «вечного мира» и со Смоленском. Он говорил боярам:

«За королем наша вотчина извечная, Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и многие другие города русские, а Гомель отец его взял у нас во время нашего малолетства: так пригоже ли с королем теперь вечный мир заключать? Если теперь заключить мир вечный, то вперед уже через крестное целование своих вотчин искать нельзя, потому что крестного целования никак нигде нарушить не хочу».

Иван решил заключить лишь перемирие именно с той целью, чтобы иметь потом предлог для завоевания якобы своих «старинных вотчин». Если же послы спросят бояр, на каких условиях государь согласился бы заключить «вечный мир», то надо потребовать от Литвы уступки Гомеля, Полоцка и Витебска. При этом Полоцк и Витебск следует требовать специально для того, чтобы вечный мир не состоялся, потому что если послы согласятся уступить Гомель, Смоленск, Полоцк и Витебск, то вряд ли удастся отказаться от заключения «вечного мира».

При подписании соглашения о продлении перемирия возникли затруднения из-за титула Ивана, объявившего себя по примеру деда «царем всея Руси». Литовские послы (витебский воевода Станислав Кишка и маршалок Ян Камаевский) потребовали дать им грамоту для своего государя с объяснением того, каким образом Иван вдруг стал царем. Бояре ответили им устно, что прежде московских князей не величали царями потому, что никто из них на царство не венчался, а вот Иван венчался по примеру Владимира Мономаха.*

Этот аргумент послов не убедил, они отказались подписывать договор. Послы уже сели в возок, чтобы ехать домой, но тут их вернули и позволили написать грамоту от королевского имени без упоминания царского титула Ивана Васильевича.

Для взятия клятвы с короля о соблюдении перемирия в Вильно отправился окольный Михаил Яковлевич Морозов. Кроме того, ему поручили добиваться от Сигизмунда-Августа признания царского титула Ивана. Но литовский властитель велел ответить Мо-

Сигизмунд II Август.
Худ. Ян Матейко

* Владимир II «Мономах» (1053—1125), великий князь Киевский в 1113—1125 гг., был сыном Всеволода I Ярославича и Марии, дочери византийского императора Константина IX Мономаха.

Согласно легенде, предчувствуя свою кончину, дед Константин якобы послал в Киев внуку Владимиру царский венец («шапку Мономаха»). Эта сказка того же рода, что и про «Москву — Третий Рим».

розову, что отец Ивана (Василий III) царем себя не называл. Что же касается Владимира Мономаха, то, во-первых, это дело давнее, а во-вторых, Клев сейчас принадлежит ему, Сигизмунду-Августу, так что у него больше оснований, чем у великого князя московского, называть себя царем киевским. Все христианские государи величают титулом «царь» («кесарь», искаженное «цезарь») только римско-германского императора.* Когда же великий князь литовский и великий князь московский называют «царями» хана Крыма и других «поганских» господарей, то это делается лишь по старому обычаю, давно их славяне так называют, сами себя «поганские цари» величают ханами либо султанами.

Разумеется, Сигизмунд[†]Август не стал величать Ивана царем в своих грамотах. Злобствуя по этому поводу, Иван велел в ответных грамотах не употреблять по отношению к Сигизмунду II титул «король польский». Литовские гонцы не взяли такой грамоты и уехали с пустыми руками.

Лишь 12 сентября 1552 года в Москве было подписано перемирие на два года, со вступлением в силу с 25 марта 1554 года, а 7 февраля 1556 года обе стороны подписали соглашение, по которому перемирие продлевалось с 25 марта 1556 года еще на семь лет.

При этом титул «царь всея Руси» за Иваном IV литвины и поляки не признали. Московским послам и боярам не помогли ни ссылки на римского «царя» Августа, якобы предка Ивана, ни то, что «Казанского и Астраханского государств титулы царские Бог на нас положил».**

ПОДГОТОВКА ИВАНА IV К ЗАВОЕВАНИЯМ

Готовясь к будущим завоеваниям на Востоке (Казань, Астрахань) и на Западе (Ливония, Литва), Иван IV в 1550-е годы осуществил крупные преобразования в вооруженных силах Московской Руси.

* Священную Римскую империю основал германский король Отгон I (912—973) в 962 году. Формально она существовала до 1648 года,*хотя уже к концу XIII века фактически представляла собой конгломерат независимых государств. «Цезарями» называли возглавлявших ее германских императоров.

** Иван Васильевич уверовал в выдумку московских книжников (изложенную в книге «Сказание о князьях владимирских»), будто бы Рюрик, призванный на княжение в 862 году, был прямым потомком Прусса — брата римского императора Октавиана Августа, царствовавшего с 27 года до н.э. по 14 год н.э.

Но Прусс в действительности не существовал, к тому же территория между Вислой и Неманом (Пруссия) никогда Риму не принадлежала. Князь Рюрик, призванный в 862 году в Новгород, согласно данным новейших исследований, до того правил Русью — своеобразным «островом» между Финским заливом, Ладожским озером, реками Вуокса и Нева.

В основу его военной реформы легли идеи литвинского шляхтича Ивана Семеновича Пересветова. Пересветов прежде был на военной службе в Литве (в частной армии Ф. Сапеги), затем у короля Венгрии Яна Запальни и короля Чехии Фердинанда I, у господаря Молдавии.

В 1539 году Пересветов приехал в Москву, где тоже, поступил на военную службу. Осенью 1549 года Пересветов передал Ивану семь своих сочинений («книжек») — «Сказание о Магмет-султани», «Сказание про царя Константина», «Малая челобитная» и другие. В них он изложил проект государственных, военных и судебных реформ.

Его главные мысли сводились к следующим тезисам. Стране нужна сильная самодержавная власть, опирающаяся на постоянное войско, отлично обученное и вооруженное, с постоянными начальниками. Командиров надо назначать по их способностям, а не степени знатности. Все доходы следует собирать в государственную казну; за счет казны платить жалованье служилым людям и производить оружие, в первую очередь огнестрельное, особенно артиллерию.

Отметим также, что Пересветов советовал Ивану быть беспощадным и самым жестоким образом подавлять любые попытки противодействия государственной воле: «не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». Людей, особенно вельмож, посмевших перечить самодержцу, надо «огнем жеши и иные лютые смерти им давати, чтобы зла не множилось».*

Иван не мог не прислушаться к этим советам, ибо они пришлись и к времени, и к месту, и к его характеру. В 1550 году он учредил «стрелецкое войско», т.е. подразделения стрелков («пищальников») из числа вольных людей. Они получали земельные участки и

Иван IV «Грозный»

* Отметим, что в годы опричнины Пересветов сам стал жертвой репрессий. Это столь же справедливо, как казнь доктора Гильотена на его гильотине.

жалование, за что обязывались служить царю пожизненно и наследственно. Стрельцы поначалу были только пешие. Впрочем, создание стрелецких пехотных полков шло туго. Царю Ивану удалось создать всего 6 полков общей численностью три тысячи человек. А к концу века стрельцов было лишь 12 тысяч.

Значительно более успешно шли дела в артиллерии, сыгравшей важную роль во всех завоевательских походах Москвы. К началу Ливонской войны ее численность составила примерно 200 стволов разного калибра, что для того времени было очень хорошим показателем.

В том же 1550 году Иван IV издал указ о самом крупном в русской истории наделении служилых людей землей. Он приказал раздать «детям боярскими сразу тысячу поместий в ближайших окрестностях Москвы, причем поместья выделялись исключительно по заслугам, а не по знатности происхождения. Эта тысяча (точная цифра — 1078 человек) составила конный полк личной охраны царя, названный Стремянным.

Формирование поместного ополчения регулировало Уложение 1556 года. Согласно ему, служба боярских и дворянских сыновей должна была начинаться по достижении ими 15-летнего возраста. Для учета таких «новиков» в различные районы страны выезжали бояре и думные дьяки. Каждому вновь принимаемому на службу юноше они определяли поместный и денежный оклад. Поместный оклад составлял от 150 до 450 десятин земли. Деньгами платили 4—7 рублей в год. Каждый дворянин являлся в ополчение верхом на коне, причем не один, а с несколькими «боевыми холопами» — своего рода безземельными шляхтичами.

Что касается «смертей лютых», то речь о них пойдет дальше.

ПРИЧИНЫ И ПОВОД ДЛЯ ВОЙНЫ

В 1948 году, в связи с обсуждением второй серии кинофильма «Иван Грозный», так и не выпущенной в прокат, ЦК ВКП(б) принял специальное постановление о том, как надо трактовать личность царя Ивана IV и его политику.

По предложению Сталина, единогласно одобренному членами ЦК, опричнину предписали отныне считать «прогрессивным» общественным явлением, а бояре — «реакционерами». Ничего не поделаешь, душегубу и садисту Иосифу Виссарионовичу, страдавшему манией преследования, очень нравился душегуб и садист Иван Васильевич, подозревавший в измене абсолютно всех. С тех пор в советской историографии утвердилась следующая концепция:

«Ливонская война для России была поставлена в повестку дня самой историей — выхода к Балтийскому морю требовали ее экономические и военные интересы, а также необходимость культурного обмена с более развитыми странами Запада. Иван Васильевич, следуя по стопам своего знаменитого деда — Ивана III, решил прорвать блокаду, которой фактически отгородили от Запада Россию враждебные ей Польша, Литва и Ливонский орден».

Заичкин И.А., Почкаев И.Н.,
«Русская история. Популярный очерк», М., 1992, с. 295

Как мы уже знаем из предыдущих глав, именно «знаменитый дед» самолично «закрыв окно в Европу», обрушившись на Новгород в 1477 году. А что касается Ивана IV, то в нынешние времена уже далеко не все историки разделяют взгляды И.В. Сталина и его идейных преемников. Так, современный российский историк А.М. Буровский пишет:

«Иван Г/и его эпоха — это какой-то сплошной провал в истории... Провалы возникают всякий раз, когда факты опровергают исторические стереотипы или могут показать московский тип государства с невыгодной стороны. Очередным стереотипом стало утверждение «прогрессивного характера» Ливонской войны. Мол, необходимо было выйти к Балтийскому морю, и это оправдывает все потери и все усилия.

Но вот первый провал: никакой необходимости двигать армии не было и в помине, потому что древний Новгород давно и успешно вел активную морскую торговлю на Балтике. Вмешательство Москвы отнюдь не создало чего-то нового, а напротив, уничтожило уже давно достигнутое».

Бушков А.А., Буровский А.М.
«Россия, которой не было». Москва, 2000, с. 8—9

Читаешь эти слова и в очередной раз убеждаешься, что новым является хорошо забытое старое. Например, такой авторитет, как Н.И. Костомаров, еще в 70-е годы XIX века назвал Ливонскую войну проявлением стремления Ивана Грозного к захвату и ограблению все новых и новых территорий.*

В самом деле, был ведь у Московской Руси и выход к морю, и возможность торговли со странами Западной Европы, и канал для культурного обмена. Речь идет о Новгороде. Но царь Иван IV сам все это уничтожил, полностью и окончательно разгромив Новго-

* См. его трехтомное исследование «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», 1873—1888 гг. У меня нет сомнений в том, что Костомаров был значительно ближе к истине в оценках царя Ивана, чем «товарищ» Сталин и его современные последователи. Этот вурдалак в человеческом облике меньше всего думал об «окне в Европу», он не имел ничего общего с Петром Великим, радевшим о пользе государства.

род, едва начавший приходить в себя после того погрома, что учинил в нем его дед — Иван III.

Главной причиной Ливонской войны стала жажда грабежа, снедавшая московского тирана. Это были богатые земли. Еще в 1437 году ливонские города поразили роскошью зданий и богатством жителей суздальского священника Симеона и его спутников, которые ехали через Дерпт в Ригу, чтобы отправиться морем на восьмой Вселенский собор во Флоренции. За последующие 130 лет они стали еще богаче. Зная об этом, Иван IV решил ограбить богатую Ливонию, а затем присоединить ее к своему государству. Но для успеха в этом замысле требовалась гибкая и разумная внешняя политика. Между тем, с гибкостью у Ивана Васильевича всегда были большие проблемы.

Помимо причины, обычно нужен еще и предлог для войны. Этот вопрос в Москве решили просто. Там нашли даже два предлога.

Первым из них стало требование Ивана к Ливонскому ордену в 1554 году, чтобы тот уплатил дань за 50 лет (считая от 1503 года) с Юрьевской (Деритекой) волости, якобы установленной в давние времена договором между Москвой и Орденом. Между тем, вот что пишут об этой дани современные российские историки:

«Происхождение «юрьевской дани» неизвестно... Упоминание о «юрьевской дани» содержалось в договорах Пскова и Дерптского епископа с 60-х гг. XV века: она выплачивалась епископом в пользу Псковской республики».

«История России с древнейших времен...», с. 371

Как видим, Москва здесь абсолютно не при чем. Это царские чиновники (дьяки) Иван Висковатый и Алексей Адашев сочинили, будто бы немцы должны платить ее за разрешение прежних московских государей (Псков они вообще не упоминали) селиться в Юрьеве (Дерпте). Как бы там ни было, Иван установил срок для уплаты дани (по гривне с каждого жителя волости, деньги для тех времен большие) в три года. Ливонские посольства дважды в течение 1557 года пытались добиться отмены пресловутой дани, или хотя бы снижения ее размеров и отсрочки выплаты, но безуспешно.

В качестве второго предлога решили использовать весть о закрытии нескольких православных храмов в Ревеле, Риге и Дерпте ввиду отсутствия прихожан. «Православно озабоченный» дореволюционный историк Нечволодов утверждал, что Иван пошел войной на ливонских немцев в первую очередь ради защиты православной веры. В качестве доказательства он цитировал письмо Ивана Васильевича, отправленное им в 1553 году капитулу (руководству) Ливонского ордена;

«Необузданные ливонцы, противящиеся Богу и законному правительству! Вы переменили веру, свергнули иго императора и папы Римского: если они могут сносить от вас презрение и спокойно видеть свои храмы разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мне и моему Богу. Бог посылает во мне вам мстителя, который приведет вас в послушание».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 101

Понятно, что при такой постановке вопроса практически полное отсутствие православных в Ливонии не имело никакого значения.

СОСТОЯНИЕ ЛИВОНИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Ливония середины XVI века не могла противостоять Московской Руси. Фактически она являлась конфедерацией пяти государственных образований: Ливонского ордена, Рижского архиепископства, Курляндского, Дерптского и Эзель-Викского епископств.

При этом Ливония формально входила в состав Священной Римской империи, подчинялась как германскому императору, так и Папе Римскому. Но фактически она была предоставлена самой себе и переживала далеко не лучшие времена. Экономическое процветание Ливонии сочеталось с отсутствием политического, религиозного и национального единства ее населения.

Во-первых, Ливония была местом пребывания духовно-рыцарского Ордена, владения которого находились во всех частях страны (с расположением ставки магистра Ордена в крепости Венден). Во-вторых, значительная часть земель принадлежала католической церкви. Главными земельными собственниками являлись архиепископ Рижский и три других упомянутых епископа. В-третьих, здесь проживали светские рыцари, чьи замки стояли в землях Ордена либо епископов. В-четвертых, все сколько-нибудь крупные города (Рига, Вольмар, Дерпт, Динабург, Митава, Нарва, Феллин и прочие) имели самоуправление на основе так называемого «Магдебургского права».

При этом и орденские рыцари, и светские рыцари, и духовенство, и члены городских магистратур — все они были немцами. Коренные жители Ливонии — курши, латгалы, ливы, земгалы, эсты — занимали нижние ступени в сословной иерархии, а к немцам относились враждебно. Лютеранство, получившее к середине XVI века широкое распространение среди жителей городов и светских рыцарей, еще больше усиливало общее разделение.

Главным механизмом согласования интересов разных сословий, конфессий и национальностей являлись общие съезды их предста-

вителей (ландтаги), собиравшиеся в городе Вольмар. Однако часто они завершались безрезультатно, ввиду серьезных противоречий между делегатами.

Итак, Ливония была богатой страной, но слабой в военном отношении. А как мы знаем по житейскому опыту, прелекательную беззащитную девушку при первом удобном случае многие не прочь изнасиловать. Ливония была обречена...

Вот характеристика Карамзина:

«Пятидесятилетний мир, обогатив землю, умножив приятности жизни, роскошь, негу, совершенно отучил рыцарей от суровой воинской деятельности... Тунейдство, пиры, охота были главным делом знатных людей в

1

сем, по выражению историка, земном раю, а как жили орденские, духовные сановники, так и дворяне светские, и купцы, и мещане в своем избытке; одни земледельцы трудились в поте лица, обременяемые налогами алчного корыстолюбия... Многосложное, разделенное правительство было слабо до крайности: пять епископов, магистр, орденский маршал, восемь командоров и восемь фохтов владели землею; каждый имел свои города, волости, уставы и права; каждый думал о частных выгодах, мало заботясь о пользе общей... Орден не думал о способах противиться сильному врагу внешнему; не имея собственной рати, не имел и денег. Одним словом, избыток земли, слабость правления и неграждан манили завоевателя».

Поздней осенью 1557 года в Москву вторично прибыли ливонские послы с богатыми подарками царю Ивану и с просьбой об отсрочке выплаты Юрьевской дани. Иван пригласил их на обед, но велел подать пустые блюда и сказал, что сам взыщет эту дань с магистра и со всей Ливонской земли. Возвращаясь домой, послы видели, что Московское государство усиленно готовится к войне: повсюду строят мосты и чинят дороги к западной границе, идут большие обозы с военным снаряжением и продовольствием. Вторжение было уже предreshено.

Глава 2

ПЕРВЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ (1558—1561 гг.)

Ливонскую войну историки условно разделяют на четыре этапа. Первый (1558—1561 гг.), это война Ивана IV с Ливонским орденом. На втором этапе (1562—1569 гг.) он воевал в основном с Великим княжеством Литовским. Третий период (1570—1576 гг.) знаменуют боевые действия Москвы в Ливонии против шведов. Четвертый период (1577—1583 гг.) — это война Москвы против Речи Посполитой и продолжение войны со шведами.

ВТОРЖЕНИЮ МОСКОВСКОГО ВОЙСКА В ЛИВонию (1558 г.)

Холодной снежной зимой, 22 января 1558 года, 40-тысячная армия Москвы, заранее сосредоточенная в районе Пскова, вторглась в Ливонию. Большей частью она состояла из казанских татар, мордвы, черемисов, пятигорских черкесов и прочих «национальных меньшинств» Московского государства.

Войсками командовали касимовский «царь» Шиг-Алей, боярин Даниил Романович Захарьин (брат царицы Анастасии), князь Михаил Васильевич Глинский (дядя царя), братья князя Серебряные, Иван Шереметев, Андрей Курбский, а также другие воеводы.*

Иван приказал им пройти несколькими большими отрядами до Ревеля и Дерпта, не тратя времени на осаду сильных крепостей, но

* Шиг-Алей, правильно Шах-Али (1506—1567), в 1519—21 гг. хан Казани, в 1516—1519 и в 1536—67 гг. «царь» Касимовского княжества. Обладал отталкивающей внешностью. По словам русского летописца, «имел уши длинные, на плечах висящие, лицо женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступни длинные, скотское седалище... Такого им, татарам, нарочно избраша царя в поругание и в посмеяние им».

Сходное описание дал С. Герберштейн: «Отличался безобразным и хилым телосложением: у него огромное брюхо, редкая борода и женоподобное лицо».

производя повсюду опустошения. За один месяц московиты проделали маршрут Мариенбург — Нейгаузен — Дерпт — Везенберг — Нарва общей протяженностью 200 верст.

Немцы пытались кое-где обороняться, но вследствие своей малочисленности везде были разбиты. При этом ни один укрепленный город взят не был, но сельская местность, мелкие городки и замки подверглись полному разграблению. Царь Иван приказал своим воеводам применить в отношении «неразумных ливонцев» политику устрашения. Вот как это выглядело на практике:

«Движение армии великого князя московского сопровождалось просто фантастическими зверствами, включая младенцев, вырванных из чрева матерей, женщин, изнасилованных до смерти, людей, сожженных живьем

в монастырях и храмах, посаженных на кол или четвертованных (список можно продолжить, читая древние хроники)...

Бушков А.А., Буровский А.М. Россия, которой не было. М., 2000, с. 9

Карамзин писал, по сути дела, то же самое:

«Князья Барбашин, Репнин, Данило Федорович Адашев громили Южную Ливонию на пространстве двухсот верст; выжгли посады Нейгауза, Киремпе, Мариенбурга, Курслава, Ульцена и соединились под Дерптом с главными воеводами, которые взяли Алтентурн и также на пути своем все обратили в пепел.

Немцы осмелились сделать вылазку из Дерпта, конные и пешие, в числе пятисот: их побили наголову. Простояв три дни в виду сей важной крепости, воеводы пошли к Финскому заливу, другие к реке Аа; еще разбили немцев близ Везенберга; сожгли предместья Фалькенау, Конготы, Лаиса, Пиркеля; были в пятидесяти верстах от Риги, в тридцати от Ревеля, и в конце февраля возвратились к Ивангороду с толпами пленников, с обозами богатой добычи, умертвив множество людей...

Немецкие историки говорят с ужасом о свирепости россиян, жалуясь в особенности на шайки так называемых охотников, новгородских и псковских, которые, видя Ливонию беззащитною, везде опустошали ее селения, жестокостию превосходя самых татар и черкесов, бывших в сем войске. Россияне, посланные не для завоевания, а единственно для разорения земли, думали, что они исполняют долг свой, делая ей как можно более зла».

***

Итак, в конце февраля 1559 года усталые, но чрезвычайно довольные собой и своими успехами московиты вернулись на зимние квартиры «с богатейшей добычей».

В начале марта состоялось экстренное заседание ливонского ландтага в Вендене. Напуганные вторжением московитов, а также их диким террором в отношении населения, представители светского рыцарства, послы Дерпта, Ревеля и Риги потребовали пойти на уступки царю, чтобы избежать нового карательного похода. Решили собрать 60 тысяч марок для уплаты пресловутой «Юрьевской дани». Однако к середине апреля удалось собрать лишь половину этой суммы.

Царь Иван думал, что ливонские власти, увидев воочию, что ждет их страну в случае дальнейшего неповиновения, смирятся со своей участью. Поэтому, ожидая прибытия послов, он приказал прекратить военные действия до 24 апреля. Итак, царь ждал не уплаты дани, а заявления о полном подчинении Ливонии его власти; ливонцы же надеялись откупиться. Обе стороны ошибались в своих надеждах.

Карамзин в свое время выразился по этому поводу совершенно однозначно:

Ливония к началу войны

«В сие время приехали наконец послы ливонские в Москву, брат магистра Фирстенберга Теодор и другие чиновники, не с данию, но с молением, чтобы государь уступил ее земле разоренной. «Вся страна Дерптская, говорили они боярам, стенает в бедствии и долго не увидит дней счастливых. С кого требовать дани? Вы уже взяли ее своим оружием, взяли в десять раз более. Впредь можем исправиться, и тогда заплатим по договору... Но государь требовал уже не дани Юрьевской, а подданства всей земли».

ВЗЯТИЕ НАРВЫ, НЕЙГАУЗА И ДЕРПТА (май — июль 1558 г.)

Поняв, что ливонцы все еще надеются сохранить свою независимость, Иван Г/ приказал возобновить боевые действия. Началась иная война. Теперь уже москвиты не довольствовались разорением Ливонии; они добивались полного господства над ней.

Отряд князя Темкина, стоявший в Изборске, в конце апреля вторгся в окрестности города Валка. Он разбил ливонский отряд, захватил четыре пушки, сжег имения и села вокруг города, а затем вернулся в Изборск.

Московский лучник XVI века.
Немецкая гравюра XVI века

Взятие Нарвы

Тогда же воеводы Данила Адашев, Иван Бутурлин и Алексей Басманов возглавили войско, сосредоточенное в Ивангороде, на противоположном берегу реки от города Нарва. В Нарве стоял гарнизон под командованием рыцаря Шнелленберга.

Это была сильная крепость. Поэтому воеводы начали ее обстрел из пушек, стоявших в Ивангороде. Каменные и каленые ядра осыпали Нарву в течение недели; гибли люди, горели и рушились здания. Жители пришли в ужас. К царским воеводам явились бургомистры и городские советники. Они заявили, что согласны покорить-

ся Москве, упросили прекратить стрельбу; дали заложников и послали к царю депутатов, Иоахима Крумгаузена и Арндта фон Дедена. Эти депутаты присягнули царю за всех горожан и получили от него грамоту, гарантировавшую сохранение их веры и некоторых прав.

Но пока они ездили на поклон к Ивану Васильевичу, судьба Нарвы решилась иным образом. 11 мая там вспыхнул пожар, распространению которого способствовал сильный ветер.

Согласно тогдашней выдумке, до сих пор повторяемой русскими «национал-патриотами» от истории, он возник якобы потому, что пьяные ливонцы бросили в огонь православную икону Богородицы (которая, естественно, «чудесным образом» не сгорела).

Увидев общее смятение в Нарве, московские ратники из Ивангорода сели в лодки и устремились на другой берег. Много людей переправилось на плотах, даже на бревнах и досках. Воспользовавшись отсутствием охраны, занятой тушением пожара, передовой отряд буквально в считанные минуты открыл двое ворот (Русские и Кольванские). На улицах, охваченных огнем и дымом, завязался кровопролитный бой. Несмотря на отчаянное сопротивление немцев, нижний город пал довольно быстро. Уцелевшие защитники засели в каменном замке на высоком холме, называемом Вышгородом.

Атакующие открыли огонь по замку из орудий, захваченных в Нарве, стали готовить лестницы для приступа. Но штурм не понадобился, поскольку к вечеру гарнизон сдался, с условием свободного выхода из города всех желающих. Ушли знатные рыцари с семьями (в том числе Шнелленберг) и некоторые рядо-

Московский всадник XVI века.
Немецкая гравюра XVI века

вые воины. Все остальные жители присягнули на верность царю Ивану IV.

Во время боя за город командоры Кетлер и Зегегафен, посланные магистром Ордена на помощь Нарве, с отрядом пехоты и конницы общей численностью в тысячу человек, стояли в трех милях от города. Они видели пожар, слышали стрельбу, но не двинулись с места, считая, что крепость, имеющая каменные стены и железные ворота, сможет без их помощи отразить неприятеля.

Это была первая крупная крепость, взятая в Ливонскую войну. Трофеями захватчиков стали 230 пушек и «великое богатство» (выражение Карамзина). Царь Иван пышно отметил взятие Нарвы в Москве; щедро наградил воевод и воинов, взявших город; подтвердил жалованную грамоту, выданную Крумгаузену и фон Дедену; приказал освободить всех нарвских пленников.

Нарва представляла собой удобную морскую гавань. Здесь Иван Васильевич начал создавать собственный флот. Была оборудована верфь. Первые корабли на ней строили мастера из Холмогор и Вологды, которых царь ранее посылал за рубеж «для присмотра, как на западе льют пушки да строят корабли». В Нарве также базировалась каперская флотилия в составе 17 судов.* Ею командовал датчанин Карстен Роде, принятый на службу по приказу Ивана IV.

Взятие Нейшлоса и Нейгауза

В конце мая 1558 года закончилось сосредоточение в Пскове 40-тысячной армии Москвы. Ею командовал князь Петр Иванович Шуйский, в подчинении у него находились воеводы Ф.И. Троекуров, А.И. Шеин, В.С. Серебряный, А.М. Курбский и другие.

25 мая Федор Троекуров и Данила Адашев осадили город Нейшлос, или Варбек (ныне Воскарва), расположенный при впадении реки Эмба (ныне Эмайыги) в Чудское озеро. Уже 6 июня он сдался. Комендант крепости был отпущен «с немногими людьми», без оружия. Жители города и уезда признали себя подданными Москвы. Видя судьбу Нейшлоса, соседний город Адежи сдался добровольно. Он присягнул Ивану вместе с двумя или тремя соседними Везенбергскими волостями. Теперь владением Москвы стала полоса земли от Чудского озера до устья реки Наровы.

Главные силы армии П.И. Шуйского пошли к Дерпту. Но прежде им надлежало взять крепость Нейгауз (или Нейгаузен, ныне Вастселийна). Осада началась 6 июня. Крепость защищали двести ливонских воинов под командованием рыцаря Укскиля фон Паден-

* Каперство (от голландского «кареп» — захватывать) — нападение вооруженных частных судов воюющего государства, с его разрешения (так называемое «каперское свидетельство»), на вражеские и нейтральные торговые суда, перевозящие грузы для противника.

Зверства московитов в Ливонии. *«Нюрнбергская газета», 1561г.*

норма, к которым присоединились горожане, жители окрестных имений и сел. Несмотря на малочисленность, защитники Нейгауза стойко сопротивлялись почти месяц, отбивая все приступы. После разрушения осадной артиллерией крепостных стен и башен, немцы 29 июня перешли в верхний замок. Фон Паденорм хотел и здесь защищаться до последней крайности, но его сподвижники отказались продолжать бессмысленное сопротивление. На следующий день к вечеру они сдались, с условием свободного выхода. Карамзин отметил:

«С сим героем немцы, по выражению нашего летописца, сидели на смерть: бились отчаянно, неутомимо и заслужили удивление московских полководцев. Сбив стены, башни, россияне вошли в город: Уксиль отступил в замок с горстью людей и хотел умереть в последней его развалине; но сподвижники объявили ему, что не имеют более сил, и воеводы, из уважения к храбрости, дозволили им выйти с честью. Сей пример доказывал, что Ливония, ограждаемая многими крепостями и богатая снарядом огнестрельным, могла бы весьма затруднить успехи Иоаннова оружия, если бы другие защитники ее, хотя и малочисленные, имели дух Уксилев».

В самом деле, двухтысячный рыцарский отряд магистра ордена Вильгельма Фюрстенберга и тысячный отряд наемников Германа Вейланда, епископа Дерптского, стояли возле города Киремпе, в 30 верстах от Нейгауза, однако так и не пришли на помощь.* Узнав о падении крепости, они подожгли свой лагерь, а также Киремпе и поспешили отступить: магистр к Валке, епископ в Дерпт.*

Воеводы снарядили погоню за тем и другим. Магистр, выбрав удобное место возле Валки, там остановился. Но московские воеводы велели передовой дружине вступить с ним в бой, а сами начали обход с фланга. Увидев это, магистр со своим отрядом бежал дальше к Вендену. Стояла сильная жара, люди и лошади падали от усталости. Московитам удалось уничтожить арьергард Фюрстенберга (при этом едва не попал в плен командор Готхард Кетлер, под которым была убита лошадь) и захватить весь обоз. Епископа настигли в 15 верстах от Дерпта. Тогда наемники бросили обоз и пушки, а сами со всех ног бросились к городу и укрылись за его стенами.

Город Киремпе и соседний с ним Курслав тоже были взяты.

Взятие Дерпта

Московское войско утром 11 июля появилась возле Дерпта (ныне Тарту) и окружило его со всех сторон. Незадолго до этого дерптский городской голова Антоний Тиле умолял горожан прячь все силы для обороны города. Он сказал им:

«Настало время жертв или погибли: лишимся всего, да спасем честь и свободу нашу; принесем в казну свое золото и серебро; не оставим у себя ничего драгоценного, ни сосуда, ни украшения; дадим правительству способ нанять войско, купить дружбу и защиту держав соседственных!» (*Карамзин*)

Но призывы Тиле не возымели действия, граждане не желали отдавать свои деньги.

Город защищали жители, способные носить оружие и двухтысячный гарнизон, под общим командованием воинственного епископа Вейланда. Поначалу они держались храбро, отбили штурм, даже сделали несколько успешных вылазок.

Но осаждавшие крепко заперли город турами и траншеями, повели подкопы, осадная артиллерия начала мощный обстрел. Ядра разрушили некоторые башни и верхнюю часть стен. Две батареи почти в упор крушили Немецкие и Андреевские ворота. Осада продолжалась шесть дней. На седьмой день князь Шуйский предъявил

* Магистра Фюрстенберга (1500—1568) историк Карамзин называл Фирстенбергом.

горожанам ультиматум. Он дал им два дня на размышление, пообещав, в случае сдачи, не грабить жителей, позволить всем желающим уехать, сохранить городское самоуправление и лютеранские кирхи. В противном случае князь угрожал взять Дерпт штурмом и вырезать всех его жителей, включая детей.

Епископ хотел отвергнуть ультиматум, но городские власти сообщили ему, что много воинов и горожан уже погибли, больны или сильно устали от ежедневных боев; что вражеские пушки не только разрушают стены, но и убивают людей на улицах. Далее они единогласно заявили, что не видят смысла в дальнейшем сопротивлении. Под давлением чиновников магистрата и представителей наемников епископу пришлось согласиться. 18 июля 1558 года Дерпт капитулировал.

Карамзин в связи со сдачей Дерпта отметил:

«Россияне взяли в Дерпте 552 пушки, также немало богатства казенного и частного, оставленного теми жителями, которые выехали в Ригу, в Ревель, в Феллин. Государь утвердил договор, заключенный воеводами; но велел епископу Герману и знатнейшим дерптским сановникам быть в Москву. Сей бывший державный епископ, проклинаемый в отечестве за мнимую измену, уже не выехал из России и кончил дни свои в горести, слыша, что друзей и слуг его, обвиняемых в тайном согласии с неприятелем, пытаются, казня в Ливонии: тем орденские властители хотели[^] закрыть свою слабость, уверяя народ, что одна измена причина наших выгод.

Прибывшие из Москвы воеводы Михаил Репнин и Дмитрий Курлятев овладели еще рядом городов и замков, встречая весьма слабое сопротивление. До октября 1558 года они заняли 20 городов. Среди них были Ацель, Везенберг (ныне Раквере), Верполь, Кавелехт, Оберхален, Пиркель и другие. Московиты разбили немцев возле Вендена, Шваненбурга и Ревеля, опустошили сельскую местность вокруг этих городов. Они также сожгли посад Вейсенштейна.

Успеху действий московских войск немало способствовала поддержка местных крестьян. Они попытались использовать вторжение для избавления от гнета немецких феодалов. Крестьяне сообщали московским воеводам сведения о местах расположения ливонских войск, нападали на мелкие отряды рыцарей, поджигали и громили замки. В ряде мест Ливонии вспыхнули крестьянские восстания. Наиболее крупное из них произошло осенью 1560 года на островах Харьумаа и Вирумаа.

В захваченных городах и замках разместились московские гарнизоны, а основная часть войска с наступлением холодов ушла в октябре — ноябре в свои пределы и была распущена по домам.

ОТ РИНГЕНА ДО ТИРЗЕНА (осень 1558 — январь 1559 гг.)

Падение Дерпта вызвало панику в Ливонии. Увидев полную неспособность престарелого магистра Фюрстенберга к организации сопротивления захватчикам, ливонские рыцари избрали своим магистром его племянника Готхарда Кетлера (1517—1587). Карамзин пишет:

«Кетлер ревностно старался воспламенить хладные сердца любовью к отечеству, заклинал сановников действовать единодушно, не жалеть ни достояния, ни жизни для блага общего; собирал деньги и людей; требовал защиты от императора, королей Датского, Шведского, Польского; писал и к царю, моля его о мире, но не видел желаемого успеха. Раздор, взаимные подозрения ливонских властителей мешали всем добрым намерениям магистра. Хотели спасения, но без жертв, торжественно доказывая, что богатые люди не обязаны разоряться для одного, и Кетлер мог единственно займом наполнить пустую казну Ордена для необходимых воинских издержек. Помощи внешней не было».

В конце концов Кетлер собрал 10-тысячную армию и вместе с Фелькерзамом, командиром отряда архиепископа Рижского, пошел брать обратно Дерпт. Однако по пути к Дерпту его задержало сопротивление замка Ринген, в котором засели 90 стрельцов с «го-

Аа1В^'^:"^£

».

Готхард Кетлер.
Портрет XVI века

ловой» Русиним-Игнатьевым. Стрельцы мужественно продержались пять недель, отразив два приступа. Немцы взяли замок штурмом лишь после того, как у его защитников кончился порох.

Возможно, что магистр взял бы и Дерпт, где находился малочисленный московский гарнизон, а многие жители были готовы ударить в спину оккупантам. Но его наемное войско «устало воевать». Пока Кетлер осаждал Ринген, он потерял убитыми, ранеными и дезертирами пятую часть своих людей — две тысячи.

Тем временем князь Репнин со своим отрядом (2 ты-

сячи человек) разбил между Рингеном и Дерптом отряд Иоганна Кетлера, брата нового магистра. Рыцаря Иоганна и еще 260 человек он взял в плен.

Зная, что к московским воеводам идут подкрепления, в конце октября магистр ушел к Риге, приказав перебить всех пленников. Вскоре после этого в Рингене снова появился гарнизон царских ратников. В то же самое время ливонские отряды совершали набеги в Псковскую область. Они сожгли предместье Красного, монастырь Св. Николая возле Себежа и много сел.

Битва при Тирзене (январь 1559 г.)

В декабре 1558 года царь послал в Ливонию новое большое войско, под общим командованием князя Семена Ивановича Микулинского. Ему подчинялись воеводы Василий и Петр Серебряные, Иван Шереметев, Михаил Морозов и другие. Иван IV поставил Микулинскому задачу: идти к Риге, безжалостно опустошая все вокруг. Готовясь к походу, князь Семен Иванович написал магистру Кетлеру, что царь Иван Васильевич еще может простить его (!), если он изъяснит покорность. Ответа не было.

15 января 1559 года несколькими колоннами москвиты вторглись в Ливонию из района города Красного. Войска шли в полосе шириной до ста верст.

Колонна Василия Серебряного двигалась по направлению к Мариенбургу (ныне Алуksне). В районе города Тмрзен (ныне Тарваст) 17 января Серебряный сразился с войском рижского архиепископа под командованием рыцаря Фелькерзама. Немцы дрались храбро, но потерпели полное поражение. Фелькерзам и около 400 рыцарей погибли в бою, 30 попали в плен, остальные бежали.

После этой победы московское войско беспрепятственно совершило зимний рейд до самой Риги, сопровождая свой путь (как и прошлой осенью в Эстляндии) грабежами, пожарами, изуверскими казнями. Не занимаясь осадой больших крепостей, воеводы занимали маленькие городки, грабили их, убивали жителей, не успевших бежать, а затем сжигали. Серьезное сопротивление оказал только городок Шмильтен. Московские ратники долго резали в его улицах с отчаянным неприятелем.

Карамзин подвел итоги этого похода следующим образом:

«Россияне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взять с собою; истребили таким образом одиннадцать городов; три дни стояли под Ригею, сожгли множество кораблей в устье Двины, опустошили ее берега, Приморскую землю, Курляндию до Пруссии и Литвы; обогатились добычею и с несметным числом пленников вышли 17 февраля к Опочке, известив Иоганна, что рать его цела, а Ливония в пепле!»

ПЕРЕМИРИЕ В МАЕ 1559 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Итак, Орден потерпел серьезное военное поражение, ряд его крепостей и замков заняли московски войска. Но весной 1559 года военные действия не возобновились. А в мае Москва заключила с Ливонским орденом перемирие сроком на 6 месяцев, до ноября. Вот как объяснял причину временного прекращения боевых действий Нечволодов:

«Кетлер... всеми силами старался привлечь на сторону Ливонии защитников и обратился за помощью к Германскому императору и к королям Дании, Швеции и Польши, которые и отправили свои посольства к Иоанну с ходатайствами за Ливонию. В это время как раз внимание последнего было отвлечено крымцами, и поэтому он согласился на шестимесячное перемирие с Ливонией».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 107

Действительно, к царю Ивану ГУ обратились великий князь Литвы, король Польши Сигизмунд II Август, шведский король Густав Ваза и датский король Фредерик II: Все они увидели, что война Москвы в Ливонии угрожает их интересам. Однако Иван Васильевич оставил эти демарши без удовлетворения. Так, Фредерику Датскому он написал:

«Да не вступается Фридерик в Эстонию. Его земля Дания и Норвегия, а других не ведаем. Когда же хочет добра Ливонии, да советует ее магистру и епископам лично явиться в Москве пред нами: тогда, из особенного уважения к королю, дадим им мир согласный с честью и пользою России. Назначаем срок: шесть месяцев Ливония может быть спокойна!»

Царь Иван не был бы самим собой, если бы не врал. Карамзин писал:

«Сим отдохновением Ливония обязана была в самом деле не ходатайству короля Фридерика, но услугам другого, не искомому ею благодетеля: хана Девлет Гирея. Иоанн долженствовал унять крымцев, и чтобы не разделять сил, дал на время покой Ордену, в удостоверении, что Россия всегда может управиться с сим слабым неприятелем».

Крымский хан, узнав о войне в Ливонии, решил, что пока Москва воюет в Прибалтике, самое время ударить по ней. В декабре 1558 года его загоны пошли к Рязани, Туле и Кашире. Однако вскоре выяснилось, что в Белеве стоит князь Дмитрий Вишневецкий; в Рязани — Иван Шереметев, а в Туле — Михаил Воротынский, и что людей у них много. После нескольких столкновений передо-

вых отрядов, татары повернули назад, теряя лошадей от сильных морозов и бескормицы. Князь Воротынский шел за ними до Оскола по трупам, но не смог догнать.

Ближайшие советники царя во главе с окольным Алексеем Адашевым тоже выступили в тот момент против продолжения войны в Прибалтике, в пользу борьбы с Крымским ханством как более важной задачи. Нечволодов писал:

«Партия Сильвестра и Адашева (то есть все боярство) явно не сочувствовала войне с Ливонией, полагая, что надо воевать с Крымом».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 121

Они понимали, что продолжение экспансии Москвы в западном направлении неизбежно затронет торговые интересы государств Балтийского региона (Литвы, Польши, Швеции, Дании, городов Ганзы) и вызовет их противодействие. К тому же со стороны Ливонии не было никакой угрозы Москве, тогда как набеги крымцев сильно досаждали жителям южных окраин московских владений.

Кстати говоря, еще в конце 1556 года (или в начале 1557) в Москву приехал князь Дмитрий Вишневецкий, кошевой атаман-Запорожского казачьего войска. Был он литвин, из турово-пинских князей, с 1551 года — староста Черкасский. За храбрость и предприимчивость казаки избрали его своим предводителем.* Несогласный с приказом великого князя ВКЛ Сигизмунда II Августа прекратить рейды казаков против крымских татар, он уехал в Москву к Ивану IV. Вишневецкий предложил царю план: захватить Крымское ханство совместными усилиями запорожцев и москвитов. Но царь предпочел западное направление. Война с Крымом, в отличие от Ливонии, обещала быть долгой, трудной и весьма разорительной.

Как бы там ни было, перемирие позволило Ордену выиграть время и провести активную дипломатическую работу с целью вовлечения в конфликт против Москвы своего ближайшего соседа — Великого княжества Литовского. Переговоры привели к тому, что 31 августа 1559 года магистр Готхард Кетлер и великий князь Литовский (он же король польский) Сигизмунд II Август заключили в Вильно соглашение о вступлении Ливонии под протекторат

* Царь Иван дал Вишневецкому «в кормление» город Белев и поручил охранять от татар южные границы Московии. Но в 1563 году он вернулся в Литву, нарушив тем самым присягу царю Ивану. В том же году молдавские бояре, недовольные своим господаром Стефаном IX, предложили князю Дмитрию занять молдавский трон. Однако отряд казаков потерпел поражение от Стефана, а сам Вишневецкий попал в плен. Его отвезли в Стамбул и в конце все того же 1563 года посадили на кол. В эпосе украинских казаков он фигурирует как «атаман Байда».

ВКЛ. Сигизмунд обязался защищать Ливонию, добиваться освобождения всех ее владений.

Данное соглашение было дополнено 15 сентября договором об оказании Великим княжеством Литовским военной помощи. По условиям договора, войска ВКЛ должны были защищать Ливонию от агрессии Москвы. В качестве платы за все это магистр и архиепископ отдали Литве девять южных волостей своей страны с тем условием, что если они захотят потом выкупить их, то должны будут заплатить литовскому великому князю 700 тысяч золотых гuilderов.

Летом 1559 года ливонское правительство обратилось также к младшему сыну шведского короля Густава Ваза, герцогу Иоганну (Юхану), правителю Финляндии. Оно просило его дать взаймы 200 тысяч талеров и войско — под залог ряда земель в Эстляндии. Молодой принц, желая расширить свои владения, был не прочь пойти навстречу ливонцам, но его отговорил отец. Он сказал, что тогда ему придется иметь дело не только с Москвой, но еще с Данией и Литвой, у которых есть свои интересы в Ливонии.

В конце все того же 1559 года Меннингаузен, епископ Курземы (Курляндии) продал свои владения, в том числе острова Эзель (Саарема) и Даго (Хиума), датскому королю Фредерику II (1534—1588), только что вступившему на престол после смерти отца, короля Кристиана III.

Получив деньги, епископ уехал в Германию, там перешел в лютеранство и женился. Между тем, король Фредерик был обязан по отцовскому завещанию отдать ряд земель в Голштинии младшему брату Магнусу (1540—1583). Но вместо них он передал ему купленные владения. И вот весной 1560 года Магнус со своей дружиной прибыл на остров Эзель, в Аренсбург. Там к нему на службу поступило много ливонских рыцарей, ибо они надеялись, что Дания не оставит без помощи своего герцога.

Магистру Кетлеру появление Магнуса не понравилось. Ведь лично ему от этой сделки не досталось ни одного талера. По сему поводу едва не возник вооруженный конфликт, но 30 августа московиты взяли Феллин, и магистру стало не до Магнуса.

Магнус тем временем присоединил к своим владениям небольшой город Зоннебург на материке..

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ (сентябрь 1559 — август 1560 гг.)

Царь, предоставив перемирие Ордену, не думал, что немцы посмеют нарушить его. Однако магистр Кетлер получил денежную субсидию от германского императора (сто тысяч золотых), занял

деньги у герцога Прусского и у богатых ливонских купцов (так, один рижский лавочник дал ему 30 тысяч марок). Он нанял несколько тысяч солдат в Германии, тем самым удвоил численность своего войска и первым возобновил войну. Впрочем, магистр надеялся на военную помощь со стороны Литвы.

Неудача Кетлера

В сентябре 1559 года Кетлер пошел из Вендена походом на Дерпт. Внезапным нападением ему удалось разбить стоявший близ Дерпта отряд воевод Захара Плещеева и князя Сабурова. В этой битве погибли около тысячи московитов.

Однако воевода дерптского гарнизона, князь Андрей Катыв-Ростовский успел принять меры к обороне города. Когда Кетлер осадил Дерпт, московиты встретили его войско орудийным огнем и отважной вылазкой. В течение Юдней ливонцы пытались разрушить стены из пушек, но безуспешно. Среди наемников стали расти недовольство напрасными потерями. Не решившись ни на штурм, ни на долгую осаду в условиях суровой зимы, Кетлер ушел.

На обратном пути он попытался овладеть крепостью Лаис, где стоял небольшой гарнизон (400 человек) под командованием стрелецкого головы Кошкарова. В ноябре 1559 года ливонцы поставили туры, разбили стену, но не смогли ворваться в крепость, остановленные яростным сопротивлением стрельцов. Отважный гарнизон Лаиса в течение двух дней стойко отбивал приступы ливонского войска. Кетлеру так и не удалось одолеть защитников Лаиса, и он, понеся ощутимые потери, вынужден был уйти назад к Вендену. По этому поводу Карамзин писал:

«Сия удивительная защита Лаиса есть одно из самых блестящих деяний воинской истории древних и новых времен, если не число действующих, а доблесть их определяет цену подвигов».

Неудачная осада Дерпта и Лаиса означала провал контрнаступления Кетлера. Что еще хуже, его выступление привело Ивана IV в дикую ярость. Он приказал воеводам Ивану Мстиславскому, Петру Шуйскому, Василию Серебряному и Андрею Курбскому не просто «отмстить неразумным ливонцам», но вообще завершить войну полным разгромом Ордена.

В феврале 1560 года небо Ливонии снова озарили пожары. Наступление шло широким фронтом и наносило огромный ущерб экономике местных территорий. Вот как описал его Карамзин:

«Россияне... устремились из Дерпта с огнем и мечем казнить вероломство; подступили к Тарвасту, где находился старый магистр Фирстенберг, стоптали его в сделанной им вылазке, сожгли предместье... Князя Мстиславский, Шуйский, Серебряный разгромили всю землю от Псковского

озера до Рижского залива, в уездах Венденском, Вольмарском, где еще многие места оставались целы до сего нового и для бедных жителей нечаянного впадения.

Напрасно искав магистра и битвы в поле, воеводы пришли к Алысту, или Мариенбургу /ныне Алуksне/. Сей городок был тогда одним из прекраснейших в Ливонии; стоял на острове среди большого озера и казался недоступным в летнее время: зима проложила к нему путь, и россияне, подкатив тяжелый снаряд огнестрельный..., в несколько часов разбили до основания стену. Немцы благоразумно сдались; но глава их, командор Зибург, умер за то в Кирхгольмской темнице: ибо магистр хотел, чтобы орденские сановники защищали крепости подобно Укскилю и Кошкар-ову. Воеводы, исправив стены, оставили в Мариенбурге сильную дружину, возвратились во Псков.

Весною Россияне опять ходили из Дерпта в Эстонию; выманили немцев из Верпеля и засадою истребили всех до одного человека; а так называемые сторонщики Псковские, или вольница, уже не находя ничего в ливонских селах, искали земледельцев в лесах и толпами гнали их для продажи в Россию».

Сражение при Вейсенштейне

В конце мая войско Андрея Курбского и Данилы Адашева выступило из Дерпта к Вейсенштейну, или Белому Камню. По пути воеводы взяли Фегефеер, замок епископа Ревельского, и опустошили богатую Коскильскую область, где находилось много дворянских имений.

Узнав от пленников, что бывший магистр Фюрстенберг с девятью хоругвями, конными и пехотными, стоит в восьми милях от города, за вязкими болотами, воеводы устремились к нему с пятью тысячами легкой конницы, а обозы с богатой добычей под крепкой охраной отправили в Дерпт. Целый день московиты пробирались по болотам. Если бы Фюрстенберг атаковал бы их в тот момент, то разбил бы вдребезги. Но этот старый дурак ждал противника в широком поле, в десяти верстах за болотами. Солнце уже садилось. Курбский приказал своим воинам идти неспеша, чтобы кони хорошо отдохнули. Около полуночи они увидели немцев, готовых к бою, и сразились с ними.

Около двух часов шла ожесточенная перестрелка. Затем подошел резерв Курбского, ударил во фланг немцев. Ливонцы побежали, а московиты гнали их шесть верст, до глубокой реки, где мост обрушился под бегущими. Спаслись немногие, в том числе Фюрстенберг: одни утонули, другие были убиты, третьи сдались в плен. Курбский на восходе солнца вернулся к немецкому лагерю, где взял весь обоз. Он привел в Дерпт 170 знатных пленников.

Сражение при Эрмесе

Царь летом 1560 года послал в Дерпт новую рать, до 40.000 человек конницы и пехоты, при 40 осадных пушках и 50 полевых. Главным воеводам, князьям Ивану Мстиславскому и Петру Шуйскому, он приказал непременно взять Феллин, самую мощную крепость Ордена в восточной Ливонии. Московские полки медленно шли к Феллину по берегу реки Эмба; тяжелые осадные орудия они везли на речных судах.

Тем временем авангард князя Барбашин (6 тысяч легких всадников) спешил перерезать пути из Феллина к морю, так как лазутчики сообщили, что Фюрстенберг хочет отправить для безопасности богатую казну в Гапсаль. Утомив коней, люди Барбашина 2 августа расположились биваком на лесной опушке, в пяти верстах от городка Эрмес (ныне Эргеме). Жарким полднем, когда воины спали в тени, караульные вдруг подняли тревогу. Оказалось, что 500 всадников и столько же пехотинцев под начальством храброго ландмаршала Филиппа Бёлля устремились из-за угла леса к биваку московской конницы.

Но внезапность дала им только минутную выгоду: после первого замешательства московиты остановили натиск немцев и многих убили, а 130 рыцарей взяли в плен, в числе Бёлля. Утрата этого командира, считавшегося «последней надеждой Ливонии», стала великим бедствием для Ордена.

Взятие Феллина

В августе 1560 года войско Мстиславского, Шуйского и Курбского осадило Феллин (ныне город Вильянди в Эстонии). Его оборонял гарнизон под командованием бывшего магистра Фюрстенберга.

Осада Феллина могла, в принципе, провалиться. Толстейшие стены крепости не поддавались действию пушек, которые в течение трех недель вели непрерывный обстрел. Запасов продовольствия имелось в изобилии. Более того, огонь крепостной артиллерии уничтожил много осадных орудий. Однако через три недели немецкие наемники, не получавшие жалованья уже несколько месяцев, решили сдать крепость. В отчаянии, Фюрстенберг раздал им все свои личные средства. Увы, денег у него оказалось недостаточно. Гарнизон 30 августа капитулировал.

Заняв город, воеводы и ратники удивились малодушию воинов гарнизона, которые могли бы очень долго сидеть в осаде, так как крепость имела три кольца каменных стен с глубокими рвами, 450 пушек и множество всяких запасов.

Сдав город, все рядовые защитники получили право свободного выхода. Важных пленников, в том числе бывшего магист-

ра, отправили в Москву. Старого Вильгельма Фюрстенберга царь Иван принял милостиво, даже дал ему «в кормление» городок Любимов.*

Филиппа Бёлля тоже отправили в Москву, но его судьба сложилась иначе. Представ перед Иваном IV, он сурово сказал ему:

«Ливония стоит за честь, за свободу и гнушается рабством, а ты ведешь войну как лютый варвар и кровопийца. Ты неправдой овладеваешь нашим отечеством, не так, как прилично царю христанскому».

Тираны, как известно, правды никогда не любили, а уж такие, как Иван Васильевич — и подавно. Беллю немедленно отрубили голову.

Отпущенные воины-наемники из феллинского гарнизона добрались до Риги, где магистр Кетлер повесил их, тем самым дав справедливую оценку их подлому поступку.

СПОРИЗ-ЗАЛИВОНИИ МЕЖДУВИЛЬНОИМОСКВОЙ

Еще в январе 1560 года в Москву прибыл Мартин Володков, посланник Сигизмунда II Августа, великого князя Литвы. Он передал Ивану IV грамоту, сообщавшую, что теперь Ливония находится под покровительством ВКЛ, и что московские войска не смеют вступать в Ливонские земли.

«Иначе я должен буду оружием защитить мою собственность: ибо магистр торжественно назвал себя присяжником Великого княжества Литовского. Мнимые права Москвы на Ливонию суть новый вымысел: ни отец, ни дед твой, ни ты сам доныне не объявлял их».

Но Иван IV так ответил Сигизмунду-Августу:

«Тебе очень хорошо известно, что Ливонская земля от предков наших по сие время не принадлежала никакому другому государству, кроме нашего, платила нам дань, а от Римского государства избирала себе духовных мужей и магистров для своего закона по утвержденным грамотам наших прародителей...

Шел ты и стоял на своих землях, а на наши данные земли не наступал и вреда им никакого не делал: так зачем было нам к тебе писать о твоих землях? Как хотел, так на них и стоял. Если какую им истому сделал, то сам

* Любимов, или Любим, был расположен при впадении реки Уча в реку Обнору приток реки Костромы. Деревянный острог был возведен здесь в 1546 году. Вместе с Фюрстеибергом в Любимове находились трое его слуг и трое лютеранских пасторов

Рига. «Космография» С. Мюнстера. 1550г.

знаешь. А если магистр и вся Ливонская земля вопреки крестному целованию и утвержденным грамотам к тебе приезжали и церкви наши русские разорили, то за эти их неправды огонь, меч и расхищение на них не перестанут, пока не обратятся и не исправятся».

Понятно, что это попытки доказать словами законность прав на Ливонию ни к чему не привели: спор могло решить только оружие.

Весной того же года литовский великий гетман Николай Радзивилл «Рыжий» занял с войсками ливонские замки вдоль Западной Двины (Ашерат, Луцен, Мариенгаузен, Розитен и другие). Свою ставку он расположил в Динабурге (позже Двинск, ныне Даугавпилс).

УТРАТАЛИВОНИЕЙНЕЗАВИСИМОСТИ

Падение Феллина фактически решило участь Ливонского ордена. Вслед за ним сдались города Тарваст, Руя, Верполь и многие замки. Князь Андрей Курбский разбил нового орденового ландмаршала фон мюнстера под Вольмаром. Узнав, что отряды легкой Липовской конницы приближаются к Вендену, он встретил их как врагов и обратил в бегство.

Н это же время воевода Михаил Яковлев опустошил приморскую часть Эстляндии, захватив множество скота и различного имуще-

ства, ибо туда бежали со всем своим имуществом жители более южных районов.

Когда он шел мимо Ревеля, отряд горожан (около тысячи человек), сделал вылазку. Однако храбрые ревельцы не умели воевать в поле: частью они погибли, частью сдались в плен, лишь немногим удалось вернуться назад.

Отчаявшись своими силами защититься от Москвы, Кетлер 21 ноября 1561 года (по другим данным, 28 ноября) подписал в Вильно новый договор с Великим княжеством Литовским. Согласно его условиям, Ливонский Орден прекратил свое существование. Сигизмунд II Август стал государем Ливонии, с обещанием не изменять ни законов ее, ни веры, ни прав граждан. В договорной грамоте было сказано: »

«Ливония, терзаемая лютейшим из врагов, не может спастись без тесного соединения с великим княжеством Литовским и с королевством Польским. Сигизмунд обязан вступить за христиан, утесняемых варварами; он изгонит россиян и внесет войну в собственную их землю: ибо лучше питаться кровию неприятеля, нежели питать его своею».

Земли Ордена по договору были разделены следующим образом. Средняя часть его территории, расположенная к северу от Западной Двины (Даугавы), а также Латгалия (южнее Двины) вошли в состав Литвы (Задвинское герцогство). На территории юго-западнее Двины было образовано наследственное герцогство Курляндия и Семигалия (Земгалия), вассальное по отношению к Литве.* Пос^ледний магистр Кетлер сложил с себя монашество и стал светским правителем, с титулом герцога, в Курляндии и губернатором в остальной части Ливонии.**

Северо-восточная часть Ливонии с городами Дерпт и Нарва осталась в руках Москвы. На острове Эзель и ближайших к нему участках побережья Курляндии властвовал герцог Магнус.

Карамзин писал:

«Тогда новый магистр Готгард Кетлер, с согласия всех рыцарей, архиепископа рижского и городов Ливонии отдался польскому королю Сигизмунду-Августу. Ливония признала польского короля своим государем; Орден прекращал свое существование в смысле военно-монашеского братства (секуляризировался); сам Кетлер вступал в брак и делался наследственным владетелем Курляндии и Семигалии; Ревель с Эстляндией не захотел поступать под власть Польши и отдался Швеции: кроме того, ост-

* Курляндия, это западная часть современной Латвии. Столица — Митава (ныне Елгава).

** 5 марта 1562 года Кетлер передал Николаю Радзивиллу свою мантию, крест гроссмейстера и ключи от рижского замка.

ров Эзель, в значении епископства эзельского, отдался датскому королю, который посадил там брата своего Магнуса.

Сигизмунд-Август, сознавая себя государем страны, которая ему отдалась добровольно, естественно возымел притязания на города, завоеванные Иваном. Уже в 1561 году, до формального объявления войны, начались неприязненные действия между русскими и литовцами в Ливонии».

В том же 1560 году умер старый шведский король Густав I Ваза. Магистрат Ревеля немедленно отправил делегацию к его старшему сыну, вступившему на престол под именем Эрик XIV*. Ревельцы просили займы денег, чтобы лучше подготовиться к обороне от московитов. Корыстный Эрик ответил им так:

«Денег по-пустому не даст, но если ревельцы захотят отдаться под его покровительство, он не из властолюбия, а из христианской любви и для избежания московского невыносимого соседства готов принять их, утвердить за ними все их прежние права и защищать их всеми средствами».

Ревельцы подумали и в апреле 1561 года принесли присягу на верность шведскому королю, с условием сохранения своего самоуправления. Не успев еще овладеть значительной частью Ливонии, в том числе главными портами Ригой и Ревелем, Иван оказался в неблагоприятной ситуации. Но тут он сделал ловкий ход. Он временно «закрыв глаза» на переход Ревеля под власть шведов. В августе 1561 года в Новгороде был подписан договор со Швецией о продлении перемирия еще на 20 лет.

БРАЧНЫЕ ПЛАНЫ ИВАНА IV

Итак, с ноября 1561 года Ливония с сохранением всех своих прав вошла в состав ВКЛ, а магистр Готхард Кетлер получил титул герцога Курляндского и Семигальского, с вассальными обязанностями по отношению к великому князю литовскому.

Иван IV поначалу попытался решить спор с Сигизмундом-Августом из-за Ливонии путем вступления в брак с королевской сестрой. Его первая жена Анастасия Романовна, в девичестве княжна Захарьина, умерла 7 августа 1560 года, оставив двух малолетних сыновей — Ивана и Федора. Помимо возможности добиться таким

* Эрик XIV (1533—1577) правил в 1560—1568 гг. Отличался крайней подозрительностью и жестокостью. Королевский суд, где заседали послушные его воле чиновники, за время правления Эрика вынес более 300 смертных приговоров. В конце концов риксдаг (парламент) объявил его сумасшедшим, отстранил от власти и приговорил к пожизненному заключению. В темнице Эрик провел 9 лет, затем его отравили.

образом мирного соглашения о Ливонии, у Ивана была и другая цель, главная: на бездетном Сигизмунде II Августе кончалась династия Ягеллонов. Сестра последнего Ягеллона как бы переносила в Москву свои права на Великое княжество Литовское.

Уже в сентябре того же года в Вильно отправился московский посол Федор Сукин (фамилия вполне соответствовала характеру поручения!), получивший инструкцию:

«Едучи дорогою до Вильны, разузнавать накрепко про сестер королевских, сколько им лет, каковы ростом, как *тельны* /т.е. какое у них тело и фигура! — А.Т./, какова которая обычаем и которая лучше? Какая из них будет лучше, о той ему именно и говорить королю. Если большая королевна будет так же хороша, как и меньшая, но будет ей больше 25 лет, то о ней не говорить, а говорить о меньшей».

Сукин выяснил, что «лучше» младшая — Екатерина, после чего предложил именно ее отдать в жены Ивану Васильевичу. Но в итоге уехал ни с чем. Правда, следующему послу Сигизмунд-Август объявил, что согласен отдать Екатерину в жены московскому великому князю. Но и второй тур матримониальных переговоров не привел к успеху.

С одной стороны, Сигизмунд-Август ставил непременно условием брака «вечный мир» между ВКЛ и Московской Русью, с обязательным возвратом Смоленска. Ничего подобного в планы Ивана не входило. С другой стороны, Екатерина пришла в ужас, узнав о сватовстве московского тирана. Она заявила брату, что скорее покончит с собой, чем пойдет под венец с этим страшным человеком.

В итоге Екатерина в начале 1562 года вышла замуж за младшего сына шведского короля Густава Ваза — герцога Финляндии Юхана (Иоганна). А Иван Васильевич еще 21 августа 1561 года венчался с юной черкесской (кабардинской) княжной Кученей (или Гощаней), принявшей ради этого православие и окрещенной Марией Темрюковной.

Глава 3

ВТОРОЙ ЭТАП ВОЙНЫ (1562—1569 гг.)

Таким образом, спор из-за территорий и нежелание Москвы вернуть Литве хотя бы часть ее земель, завоеванных в прошлом — ради установления «вечного мира», делали неизбежным новое столкновение между ними.

Была и еще одна важная социально-психологическая причина для похода на Литву. Она всегда раздражала московских деспотов теми свободами и правами, которыми обладали в этом государстве аристократы. Вот как говорит об этом Нечволодов:

«Литва с ее огромными вольностями для больших панов служила им постоянной приманкой. Начиная с 1554 года, движение Московского боярства на Литву «принимает», по словам одного польского писателя, «угрожающие размеры».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 121—122

Заклучив, как уже сказано выше, в августе 1561 года соглашение со шведским королем Эриком XIV о продлении мира на 20 лет, Иван IV обеспечил нейтралитет Швеции. Теперь ничто не мешало ему разгромить своего главного конкурента — Литву.

НАЧАЛО ВОЙНЫ МОСКВЫ С ЛИТВОЙ

Первыми начали боевые действия литвины, выступившие — в соответствии с договором 1561 года — на защиту Ливонии. Гетман Радзивилл в сентябре 1561 года вышел с войском из Динабурга и после пяти недель осады отбил у московитов крепость Тарвест (Тарваст):

«Осада продолжалась пять недель, а воеводы московские не успели дать ему помощи; собирались, готовились и не хотели слушаться друг друга, считаясь в старейшинстве между собою... Подвиги нашего многочисленного войска состояли единственно в новом опустошении некоторых ли-

вонских селений. Князя Василий Глинский и Петр Серебряный ходили вслед за Радзивилом и побили его отряд близ Пернау. Литовцы, заняв важнейшие крепости, не остались в Тарвасте: Иоанн велел разорить сей город до основания (*Карамзин*).

Весь следующий 1562 год прошел в набегах с обеих сторон. Как сказал Карамзин, «больше грабили, чем сражались». В частности, князь Андрей Курбский сжег предместья Витебска, но потерпел поражение от литвинов под Опочкой и Невелем, за что Иван IV вскоре отобрал у него часть личных владений. Князь Петр Серебряный разбил литовцев возле Мстиславля, опустошил окрестности Дубровно, Орши, Копыри, Витебска и Шклова.

Параллельно шли безрезультатные переговоры между сторонами. Сигизмунд-Август не имел ни средств, ни желания вести широкомасштабные боевые действия, поэтому просто тянул время. А царь Иван Васильевич и его думные бояре в это время готовились к отражению очередного вторжения крымских татар.

Еще в начале 1562 года в Москву приехал посол из Вильно, православный шляхтич Корсак и передал Ивану Васильевичу послание. В нем Сигизмунд-Август заявлял о том, что Ливония перешла под его покровительство, что он долго и бесполезно убеждал его оставить Ливонию в покое, а теперь должен прибегнуть к оружию; что царь Иван еще может предотвратить войну с Литвой, если выведет войско из бывших орденских владений и возместит ливонцам все убытки. Но Иван так ответил Сигизмунду:

«Во всем твоём писанье не нашли мы ни одного такого дела, которое было бы прямо написано: ты писал все дела ложные, складывая на нас неправду. Мы всегда уважали твои справедливые требования; но забыв условия предков и собственную присягу, ты вступаешься в древнее достоинство Руси, ибо Ливония наша была и будет»...

ЗАХВАТ МОСКОВИТАМИ ПОЛОЦКА (1563 г.)

В конце осени 1562 года татары, получив отпор, бежали назад от города Мценска. Сразу после этого Иван Васильевич решил нанести мощный удар по Литве.

В начале зимы полки собрались в Можайске. Сам царь отправился туда 23 декабря; а с ним князь Владимир Старицкий, казанские «цари» Александр и Симеон, царевичи Ибак, Тохтамыш, Бекбулат, Кайбула, воеводы, думские бояре, дьяки.

В начале января Иван IV лично с большим войском двинулся от Можайска к Полоцку. У него было свыше 60 тысяч воинов, 200 пушек и неизвестное число обозных людей из числа крестьян.*

Так, только одну огромную стенобитную пушку, стрелявшую десятипудовыми ядрами, тащили, помимо лошадей, до тысячи человек.

Выбор цели похода не был случаен. Во-первых, Полоцк являлся богатым торговым центром, захват которого сулил большую добычу. Во вторых, это был важный стратегический пункт на Западной Двине, имевший по реке прямую связь с Ригой. Он также открывал дорогу на Вильно и защищал с юга Ливонию. В третьих, Полоцк входил в число тех древних славянских княжеств, земли которых московские государи объявили своими «вотчинами». В-четвертых, в Полоцке обосновалась довольно крупная по тем временам еврейская община. Между тем, московские властители уже тогда обвиняли евреев в «тлетворном влиянии» на своих подданных.**

Огромное войско столь внезапно вторглось в Литву, что король Сигизмунд-Август, находившийся в это время в Польше, не хотел верить первым вестям о нем. 31 января царское войско подошло к Полоцку, а 7 февраля закончило обложение крепости.

Полоцк, построенный на холмах в углу, образованном слиянием реки Полоты с Западной Двиной, состоял из Большого посада, Острога и Стрелецкого города. Острог представлял отдельное укрепление в виде сомкнутой крепостной ограды, включавшей две стены: внешнюю и внутреннюю. Город защищали гарнизон (две тысячи человек, в том числе «несколько польских и наемных немецких рот»), шляхетское ополчение и горожане. Их возглавлял воевода Станислав Довойна (1510—1573), пишут также Давойна и Девойно.

Царь хотел штурмовать Полоцк с южной стороны, из-за Двины. Но уже началась ранняя весна, лед на реке подтаял, и он изменил свой план, сделав направлением главного удара восточную сторону Большого посада. Уже 5 февраля московиты при поддержке артиллерии подожгли одну из деревянных башен над Двиной, захватили ее и ворвались в посад, но были выбиты.

* Примерно 14 тысяч дворян и «детей боярских», около 36 тысяч их «боевых холопов», 6 тысяч конных и пеших стрельцов, 5—7 тысяч служилых татар.

** Впрочем, им далеко до современных «национал-патриотов». Как-то довелось прочесть большую статью, автор которой доказывал, что древние евреи «навязали» иудаизм жителям Хазарии с той целью, чтобы погубить Русь (стратегию и тактику «погубления» он не уточнил).

Между прочим, Хазарский каганат, возникший в середине VII века, уничтожили войска киевского князя-язычника Святослава Игоревича в 965 году, за 23 года до крещения жителей Киева. До начала правления Ивана Калиты оставалось еще 360 лет. Но факты подобным авторам не помеха. «Жида хотели погубить Русь заблаговременно, еще до того, как она организовалась в государство»!

Полоцк во времена Ивана Грозного. Гравюра Я. Баптисты

После этого стороны вступили в переговоры, с расчетом на подход подкреплений. Однако великий гетман ВКЛ Николай Радзивилл «Рыжий» и польный гетман Юрий Ходкевич смогли собрать в Минске только 2500 человек при 10 полевых пушках. Их отряды заняли позиции в нескольких верстах от Полоцка и не оказали действенной помощи, так как блокировали дороги на Вильно. Царь отправил против гетманов отряд князя Репнина, а передышку использовал для размещения батарей тяжелых осадных орудий.

С 8 февраля началась бомбардировка Большого посада, разрушившая его оборонительные сооружения. После этого Довойна отвел свои силы в Верхний замок, а Большой посад приказал сжечь. Находившимся там примерно 8—10 тысячам жителей города и окрестных деревень не осталось иного выхода, кроме как идти на поклон к царю Ивану. Этот хитрец демонстративно принял их хорошо.

На следующий день (9 февраля) московские ратники заняли территорию посада и начали обстрел замка со всех сторон. Залпы более чем сотни орудий были столь сильны, что некоторые ядра, перелетая крепостную стену с одной стороны, били изнутри в противоположную стену. По свидетельству очевидцев, стоял такой пушечный гром, что казалось, будто «небо и вся земля обрушились на город». К 15 февраля сгорели около 650 метров деревянной стены, рухнула часть каменных сооружений.

Приведем слова Карамзина:

«Довойна... приказал сжечь посад и выгнал из него холопов, или так называемую чернь, т.е. простой тамошний народ. Эти холопы перебежали в русский лагерь и указали большой склад запасов, сохраняемых в лесу, в ямах. Овладев этим складом, московское войско приступило к замку, и вскоре от стрельбы произошел там пожар. Тогда Довойна, в совете с полоцким епископом Гарабурдою, решились отдаться московскому царю».

18 февраля царь Иван Васильевич торжественно въехал в Полоцк. Он объявил, что принимает титул князя Полоцкого, отстоял обедню в Софийском соборе, написал в Москву митрополиту Макарию:

«Исполнилось пророчество русского угодника, чудотворца Петра митрополита, о городе Москве, что взыдут руки его на плечи врагов его: Бог несказанную свою милость излил на нас недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, нам в руки дал».

По утверждениям некоторых русских историков, в том числе Карамзина, около 500 приезжих польских шляхтичей (не являвшихся жителями Полоцка) Иван якобы велел отпустить, и даже подарил им теплые шубы и золотые монеты, из полоцкой казны, разумеется. Дескать, он поручил им передать Сигизмунду-Августу что войны с Литвой не желает. А Полоцк взял лишь потому, что это «наша старинная вотчина». Однако непосредственный участник похода на Полоцк, немец-опричник Генрих Штаден пишет совершенно иное:

«Великий князь вызвал из города все рыцарство /шляхту/ и всех воинских людей. Их таким образом разъединили, а затем убили и бросили в Двину».

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002, с. 77

Но и утверждение Карамзина появилось не на пустом месте. Царь Иван в самом деле отправил к Сигизмунду-Августу несколько пленных шляхтичей. Только было их не 500, а буквально 3—5 человек.

Ремесленников и купцов литвинского происхождения Иван велел выслать в московские города.* Захваченные в Полоцке сокро-

* Полоцкий воевода Довойна находился в плену более 4-х лет. В начале июля 1567 году его разменяли на пленного князя В.И. Темкина-Ростовского, причем москвитам пришлось еще доплатить 10 тысяч венгерских золотых. Вместе с Довойной в плену была его жена Петронилла, урожденная княжна Радзивилл, но она не перенесла крайне тяжелых условий пребывания в тюрьме (в кандалах!) и умерла в январе 1569 года. Ее похоронили на кладбище в Наливках, между современными московскими улицами Мытной и Шаболовкой. Князь же Темкин был казнен в 1571 году вместе с сыном Иваном за то, что не сумел отразить набег Девлет-Гирея.

виша (городская казна, церковные деньги, иконы в окладах, драгоценная утварь) тоже отправились в Москву. Неизвестно куда подевалась богатая библиотека Софийского собора, собиравшаяся с момента его возведения в XI веке.

Вывезенных в Московию жителей Полоцка (несколько тысяч человек) ждала ужасная судьба:

«Мещане вместе с их женами и детьми были развезены по нескольким городам Русской земли... Мещане, равно как и многие из дворян, вместе с женами и детьми жили несколько лет по тюрьмам, закованные в железа, заплиты свинцом. Когда же великий князь вместе со своими опричниками осаждал некоторые города в Лифляндии, все они были убиты вместе с их женами и детьми. И всем еще для устрашения были отсечены ноги, а /тела их/ брошены потом в воду».

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002, с. 77

Местных евреев Иван тоже приказал казнить, хотя они предлагали ему выкуп за свою жизнь. Псковская летопись повествует: «А которые были в городе жили люди Жидове, и князь велики велел их и с семьями в воду в речную вметати, и оутопили их». Всего утопили не менее тысячи «лиц еврейской национальности», включая младенцев. Карамзин описал эти события следующим образом:

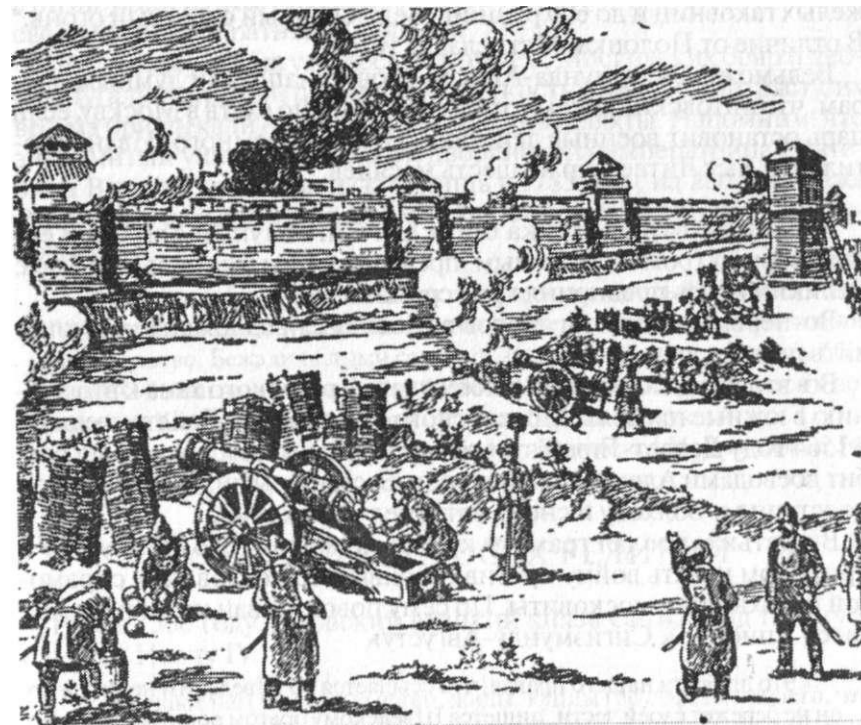
«Иван... ограбил полоцкого воеводу и епископа и отправил их в Москву пленными с другими литовцами. Иван не упустил здесь случая потешиться кровопролитием и приказал перетопить всех иудеев с их семьями в Двине».

Католических монахов-бернардинцев татары московского войска зарубили, храм их сожгли. Так в Полоцке появились местные католические святые — мученики Адам, Доминик и Петр, священники, сгоревшие вместе со своим костелом.

Уже 26 февраля Иван Васильевич уехал из Полоцка. В завоеванном городе он оставил трех воевод: Петра Ивановича Шуйского, Василия и Петра Семеновичей Серебряных-Оболенских. Он приказал им:

«Укреплять город наспех, не мешкая, чтоб было бесстрашно. Где будет нужно, рвы старые вычистить и новые покопать, чтоб были рвы глубокие и крутые. И в остроге, которое место выгорело, велеть заделать накрепко, стены в три или четыре».

Литовских людей в город, приезжих и тутошних детей боярских, землян и черных людей ни под каким видом не пускать, а в какой-нибудь день торжественный, в великий праздник, попросятся в Софийский собор литовские люди, бурмистры и земские люди, то пустить их в город понемногу,

Осадная артиллерия Ивана Грозного

учинивши в это время береженье большое, прибавя во все места голов. И ни под каким бы видом, без боярского ведома и без приставов, ни один человек, ни шляхтич, ни посадский, в город не входил».

Воеводы быстро построили в некотором удалении от Полоцка шесть небольших крепостей (или замков) — Козьян (или Касьянов), Красная, Ситна, Сокол, Суша (или Сусса), Туровля — контролировавшие все дороги к городу.

В Великих Луках царь распустил войско, ходившее к Полоцку. Но уже в начале марта 1563 года из Смоленска вышло войско боярина Ивана Воронцова:

«И иных воевод многих со многими людьми и с татары и с мордвою. Они пришли в Литовскую землю на святой неделе безвестно и воевали Оршу, Дубровну и Мстиславль»...

Это войско, имевшее до 150 орудий, вело интенсивный обстрел города. От каленых ядер в нем сгорело не менее 300 домов. Но и защитники осажденной крепости, имевшие 38 пушек, около 300 ты-

желых гаковниц и до 600 рушниц, вели сильный ответный огонь,* В отличие от Полоцка, Мстиславль устоял.

Вельможи Сигизмунда-Августа срочно написали думным боярам, что литовские послы готовы немедленно ехать в Москву, если царь остановит военные действия. Подумав немного, Иван ответил, что дает Литве мир на шесть месяцев.

* ц

Весть о захвате Полоцка стала для Сигизмунда-Августа и его придворных громом небесным, предвещавшим еще большие беды. Великий князь предпринял ряд срочных мер.

Во-первых, отправил послов в Москву с предложением заключить перемирие.

Во-вторых, стал всячески побуждать Крымского хана к вторжению в южные пределы Московского государства. Действительно, в 1564 году Девлет-Гирей вторгся в Рязанскую землю, но был разбит воеводами Алексеем и Федором Басмановыми. В 1565 году он подступил к Волхову и снова потерпел поражение.

В-третьих, послал грамоту к шведскому королю Эрику XIV с призывом начать войну против Москвы. Но послов этих с грамотой перехватили московиты. По сему поводу Иван цинично издался в письме к Сигизмунду-Августу:

«Это ли брата нашего правда, что ссылается со Шведским на нас; а что он не бережет своей чести, пишется Шведскому братом равным, то это его дело, хотя бы и водовозу своему назвался братом — в том его воля. А то брата нашего правда ли? К нам пишет, что Лифляндская Земля его вотчина, а к Шведскому пишет, что он вступает за убогих людей, за повоеванную и опустошенную Землю; значит, это уже не его Земля! Нас называет беззаконником, а какие в его Землях безбожные беззакония совершаются /распространение кальвинизма и лютеранства/, о том не думает?»

Отметим заодно, что некоторые российские историки приписывают Сигизмунду-Августу тайные сношения с рядом московских бояр. Дескать, он приглашал их бежать от Ивана. В самом деле, в период 1562—64 гг. в Литву бежало немало знатных лиц. Например, среди перебежчиков были двое князей Черкасских, князь Дмитрий Вишневецкий, князь Андрей Курбский и десятки других. Вместе

* Тяжелая гаковница — разновидность большого мушкета на колесном станке (тяжелые мушкеты, не имевшие колесных станков, назывались «кобылами»). Гаковницы и кобылы стреляли крупной дробью и кусочками металла на дистанцию, превышавшую дальность стрельбы из рушниц. Их калибр был 25—30 мм, масса 16—25 кг, дальность стрельбы 50-граммовыми пулями достигала 300 метров. Рушница, или ручница, это один из типов ручной пищали в XIV—XVI вв. Калибр 15—22 мм, масса до 8 кг, дальность стрельбы пулями до 200 метров.

с ними ушли в Литву несколько тысяч дворян и детей боярских со своей челядью и ратными людьми.

Но Сигизмунд-Август здесь не при чем. Московских бояр и дворян пугали свирепый произвол и жесткость царя. По контрасту, их весьма привлекали вольности литвинской шляхты. Напомним, что знаменитый указ «О вольности дворянской» императрица Екатерина Великая изволила издать лишь в 1785 году, на 280 лет позже Радомской конституции. Вот что пишет по этому поводу А.М. Буrowsкий:

«В основном бежали люди как раз того слоя, на который опирался Иван ГУ(иегоотецид), — служилая мелкота... Бежали горожане, зажиточное крестьянство. Бежали целыми семьями, целыми ватагами... В конце 60-х годов XVI века наш главный герой Иван IV всерьез рискует остаться в положении Карабаса Барабаса, от которого убежали все куклы».

Бушков А.А., Буrowsкий А.М. *Цит. Соч.*, с. 340

КСТАТИ О ВОПРОСАХ РЕЛИГИИ

Еще в 1550 году литовский великий князь Сигизмунд II Август написал Ивану IV:

к

«Докучают нам подданные наши, жида, купцы государства нашего, что прежде означала при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и торговать; а теперь ты жидам не позволяешь с товарами в государство свое въезжать».

Иван на этот упрек ответил следующим образом:

«Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили. Отравные зелья к нам привозили и пакости многие нашим людям делали: так тебе бы брату нашему не годилось и писать о них много, слыша их такие злые дела».

Одним словом, «пьют они кровь христианских младенцев»!

Между тем, по сравнению с Московской Русью, ВКЛ отличалось просто фантастической по тем временам веротерпимостью. В нем сосуществовали католики и православные, униаты и протестанты (кальвинисты, лютеране, ариане, анабаптисты, социнианис), иудеи и мусульмане. Не всегда мирно, но — сосуществовали. В 1563 году великий князь Сигизмунд II Август издал привилей, согласно которому магнаты и шляхтичи всех христианских конфессий (католики, униаты, протестанты, православные) получили право занимать любые государственные должности.

Более того, Сигизмунд разрешил татарам-мусульманам (потомкам тех, кто пришел в Литву с Тохтамышем) вступать в брак с христианами! В результате появилось немало трансформированных на литвинский манер фамилий: Александровичи, Вороновичи, Канапакские, Криничские, Курмановичи, Мухарские, Остринские, Пунские, Шабановичи, Ширинские...

В ВКЛ во многих городах с разрешения властей действовали так называемые «православные братства» с церковными школами. Причем самые крупные из них находились в «цитаделях католицизма», таких как Львов (при Успенской церкви) и Вильно (при Свято-Троицком монастыре).

Отметим и тот факт, что столь горячие ревнители православия, как князь Константин Иванович Острожский и его сын Константин Константинович (1527—1608), много лет активно участвовали в вооруженной борьбе против Москвы.

Среди литвинской шляхты широко распространился кальвинизм.* Например, в 1553 году его принял воевода виленский и канцлер литовский Николай Радзивилл «Черный»**.

Став ревностным кальвинистом, он делал все возможное для распространения нового учения в Литве. Он вводил его в своих обширных вотчинах и многочисленных поместьях, пригласил из Польши самых знаменитых протестантских проповедников, брал под свое покровительство всех отступивших от католицизма. Простых людей Радзивилл привлекал угощениями и подарками, шляхтичей — почти королевскими милостями. Благодаря ему, многие представители литовской знати стали кальвинистами.

Новые учения успешно распространялись в городах, местечках и панских замках. Только крестьяне в большинстве своем оставались верными прежней вере — православию либо католицизму.***

В 1565 году Николай Радзивилл «Чёрный» скончался. Кальвинистов возглавил его двоюродный брат Николай Радзивилл

* По фамилии француза Жана Кальвина (1509—1564), автора знаменитого сочинения «Наставление в христианской вере». С 1541 года Кальвин фактически являлся диктатором Женевы и превратил этот город в один из главных европейских центров Реформации.

** Николай Радзивилл «Чёрный» (1515—1565) — выдающийся политический, религиозный и культурный деятель ВКЛ. С 1550 года — канцлер. С его именем связано не только распространение идей Реформации, но также развитие книгопечатания и меценатство в отношении деятелей культуры.

*** Между прочим, около 80 лет, в 1579—1558 гг., на территории ВКЛ и Польши существовало весьма интересное движение так называемых социниан (по фамилии основателя, итальянца Фаусто Социни). Они были объединены в 150 общин, а их центр находился в местечке Раков.

Социниане отрицали бессмертие души, не признавали мистики, Христа считали не богом, а человеком, наделенным особыми способностями, утверждали

«Рыжий».* Все же в первой половине XVII века протестанты потерпели поражение от католиков как в Литве, так и в Польше. Но решающую роль в этом плане сыграли не гонения против них, а борьба между самими протестантами.

В Московской Руси, как известно, никакое вольнодумство в вопросах веры не допускалось. Лиц, уличенных в таковом, немедленно объявляли еретиками и либо казнили, либо бросали в темницы, либо ссылали на Север. Так что проблему свободы вероисповедания там решали просто и эффективно.**

Николай Радзивилл «Черный».
Худ. М. Батиарелли, 1780 г.

равенство гражданских прав мужчин и женщин, много внимания уделяли просвещению и обучению народа, придерживались исключительной веротерпимости.

Изгнанные в 1558—1560 гг., во времена Контрреформации, они эмигрировали в Германию, Голландию, Англию. Но заметьте: социниан изгнали из ВКЛ, а не утопили в реках, не сожгли в срубах, не посадили на колья, не затравили собаками, как с ними поступили бы в Московской Руси.

* Николай Радзивилл «Рыжий» (1512—1584), великий гетман, а затем канцлер Литвы, кальвинисте 1564 г.

** Кстати говоря, выдающийся русский мыслитель первой половины XIX века, Петр Яковлевич Чаадаев (1794—1856) в своем знаменитом труде «Письма о философии истории» (1829—31 гг.) отметил, что Россия по собственной воле как бы отпала от остального человечества.

В очень большой мере причиной тому послужила идея самоизоляции, с XIV века и по сей день пропагандируемая русской православной церковью (РПЦ). Впервые ее четко сформулировал основатель Троице-Сергиева монастыря Сергий Радонежский (1321—1391): С латинянами (католиками) никаких дел быть не может, и в Русскую землю допускать их нельзя ни под каким предлогом!

В XIX веке этот тезис трансформировался в идею, согласно которой все человечество идет не в ногу не только с РПЦ, но и с Россией в целом. Вот, например, что писал в 1849 году шеф корпуса жандармов барон Л.В. Дубельт (1792—1862) по поводу дела кружка М.В. Петрашевского: «Не заражайтесь бессмыслием Запада — это гадкая помойная яма, от которой укроме смрада ничего не услышите. Не верьте западным мудрствованиям, они ни вас и никого к добру не приведут... не лучше ли красивая молодость России дряхлой гнилой старости Европы?»

Собственно, за весь период правления Ивана IV известна лишь одна ересь. Это учение московского дьяка Матвея Башкина, его последователей монахов Феодосия (по прозвищу «Косой») и Игнатия. Свои проповеди они вели в 1547—54 гг. Разумеется, немедленно был созван церковный собор. По приговору собора Башкина схватили и заточили в Иосифовом монастыре в Волоколамске, после начала опричнины его сожгли на костре; Матвею и Игнатию удалось бежать в Литву. Но в Полоцке они попали в руки царя и были казнены.

Феодосии тоже бежал в Литву и поселился в Витебске. Его проповеди и письменные послания, антифеодальные и реформаторские по своему духу, пользовались большой популярностью среди городских низов всего великого княжества. Они представляли серьезную угрозу для монополии православной церкви в области духовной жизни. Не случайно один из учеников знаменитого богослова Максима Грека, монах Зиновий Отенский (умер около 1569 г.) заявил: «Дьявол развратил Восток — Бахметом (Магомедом), Запад — Мартыном Немчиным (Лютером), а Литву — Косым (Феодосией)».*

Поэтому церковные иерархи выгнали Феодосия из Витебска. Весной 1557 года он перебрался в Вильно, а позже уехал оттуда на Волынь. Дальнейшие его следы теряются.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ (1563-1565 гг.)

В декабре 1563 года в Москву приехали послы великого князя литовского: гетман Юрий Ходкевич и канцлер Остафий Волович.** Речь шла об условиях «вечного мира» (программа-максимум) или хотя бы о новом перемирии до 1 июля 1564 года (программа-минимум).

Иван лично вел переговоры с литовскими «великими послами», но при этом держал себя крайне высокомерно. Карамзин охарактеризовал его позицию следующим образом:

* См. в книге: Калугин Ф. «Зиновий инок Отенский и его богословско-поэтические и церковно-учительные произведения», СПб, 1894.

** Юрий (Георгий) Александр Ходкевич (умер в 1573) — литвинский магнат, кальвинист, покровитель православных. С 1544 на государственной службе (подкоморий, воевода, каштелян и т.д.). С 1561 гетман польный, с 1566 великий гетман Литвы.

Остафий Богдан Волович (ок. 1520—1587) — литвинский шляхтич, кальвинист. С 1552 занимал ряд государственных должностей (писарь ВКЛ, маршалок дворный, староста ряда городов и т.д.). С 1566 подканцлер, с 1579 канцлер ВКЛ.

«Царь Иван, сообразно своему характеру, тотчас же возгордился до чрезвычайности этой важной, но легко доставшейся победой /захватом Полоцка/ и в переговорах с литовскими послами, искавшими примирения, по прежнему обычаю, запрашивал и Киева, и Волыни, и Галича; потом великодушно уступал эти земли, ограничиваясь требованием себе Полоцка и Ливонии, и чванился своим мнимым происхождением от Пруса, небывалого брата римского Цезаря Августа».

Остафий Волович,

Содержание его речей сводилось к двум прежним тезисам. Во-первых, он снова и снова доказывал, что претендует лишь на «свои исконные давние вотчины». Во-вторых, выражал обиду зато, что литвинские магнаты и шляхта, вместе со своим великим князем, упорно не желают признать его царем «всей Руси», то есть законным владыкой земель всех восточных славянских княжеств в границах XI—XII веков. Однако его аргументы и красноречие ни к чему не привели. Поэтому, как только послы уехали из Москвы (9 января 1564 г.), царь приказал возобновить боевые действия.

Сражение на реке Улла (январь 1564 г.)

Итак, после провала переговоров московские войска в январе 1564 года пошли в новое наступление. По плану царя Ивана, две большие армии должны были соединиться возле Орши и оттуда «идти к Менску и к Новугородку» (к Минску и Новогрудку). Согласно отданным распоряжениям, из Полоцка к Орше выступил князь П.И. Шуйский, имевший 17—18 тысяч человек. Из Вязьмы к Орше двинулись князья В. и П. Серебряные (25—30 тысяч).

В походе Шуйский не предпринял мер предосторожности. Не велась разведка, люди шли нестройными толпами без оружия и доспехов, которые везли на санях. Никто не думал о возможности нападения противника. Тем временем гетман Николай Радзивилл «Рыжий» и его воевода Троцкий получили от лазутчиков точные сведения о противнике.

Они подстерегли войско Шуйского в лесистой местности близ реки Удлы (недалеко от Чашников) и неожиданно атаковали вече-

ром 26 января (по другим данным, 21 января) сравнительно небольшими силами (5—6 тысяч человек). Не успев принять боевой порядок и как следует вооружиться, московские воины поддались панике, стали спасаться бегством, бросив весь свой обоз (около 5 тысяч саней).

Шуйский заплатил за беспечность собственной жизнью. Знаменитый покоритель Дерпта, потеряв в бою коня, пешком пришел в ближайшую деревню. Увидев богато одетого московского боярина, крестьяне схватили его, ограбили, раздели догола и утопили в проруби в пруду (по другой версии — в колодце).^{*} В сражении погибли до 9 тысяч московских ратников (большей

Литвинский конник середины XVI века.

Худ. В. Исаченко

На дальних подступах к Орше войско Серебряных столкнулось с авангардом войск князя Филона Кмита-Чернобыльского. Завязались бои. Но, получив сообщение о разгроме Шуйского, братья-воеводы 9 или 10 февраля повернули назад к Смоленску.

^{*} Гетман Радзивилл похоронил П.И. Шуйского в Виленском костеле, рядом с великой княгиней литовской Еленой Ивановной, дочерью Ивана III.

Вскоре после поражения под Уллой (в апреле 1564 года) из Дерпта сбежал в Литву один из лучших московских воевод, друг юных лет Ивана Васильевича, 36-летний князь Андрей Михайлович Курбский.^{*} В отместку царь Иван приказал заточить его мать, жену и 9-летнего сына в монастырскую тюрьму, где их вскоре убили.

Сражение у Озерищ (июль 1564 г.)

После поражения Шуйского возле Уллы военные действия между Москвой и Литвой носили, в основном, локальный характер. Так, летом 1564 года к Мстиславлю, Кричеву Радомле и Могилеву ходило войско князя ВА. Бутурлина:

«3 детми боярскими и с татары служилыми, с казанскими с горными, с чебоксарскими, с остраханскими, с нагайскими, с городецкими, с мордвою... И многих людей побивали, в полон взяли воинских людей шляхтичь, з женами и з детми, и черных людей всяких 4787 душ».

Но Мстиславль выдержал все три осады. Витебск тоже три раза подвергался осаде: в мае 1562, в 1563, в 1568 гг. Войска Ивана IV ненадолго заняли Гомель, но в июле 1576 года его освободил гетман Юрий Радзивилл.

Серьезное поражение москвиты потерпели в битве у крепости Озерище (ныне поселок Езерище) в 60 верстах севернее Витебска. Летом 1564 года войско воеводы Токмакова (3 тысяч) выступило из Невеля и осадило литвинскую крепость Озерище. На помощь осажденным пришло из Витебска войско воеводы Паца (12 тысяч).

Сражение произошло 22 июля. Токмаков, надеясь легко расправиться с литвинами, встретил их лишь одной конницей. Его всадники смяли передовую дружину противника, но не выдержали удара подошедшего к полю боя основного войска и в беспорядке отступили, потеряв до 5 тысяч человек.

Осенью 1564 года литовское войско, одним из воевод которого стал перебежчик князь Андрей Курбский, предприняло наступление сначала к Полоцку, затем к Чернигову. Взятие этих

^{*} Воевода Андрей Михайлович Курбский (1528—1583), участник Казанских походов, член Избранной рады. В апреле 1564 года бежал в Литву, опасаясь «неправедной» казни по приказу Ивана IV, которого он называл «лютым самодержцем». Сигизмунд-Август дал ему во владение город Крево с десятью окрестными селами, город Ковель, местечки Вижива и Милянтовицы, и еще 28 сел на Волыни.

В Литве он дважды вступал в брак с девицами из знатных шляхетских православных семей. От первого брака имел сына Дмитрия, позже перешедшего в католичество.

Курбский известен как автор мемуарного памфлета «История о великом князе Московском» (1573), в котором подробно описал зверства Ивана IV.

городов не входило в планы литвинов, они лишь успешно провели, выражаясь современным языком, «дальние рейды» по тылам противника.

ПЕРЕГОВОРЫ С ЛИТВОЙ И ЗЕМСКИЙ СОБОР (1566 г.)

В договоре, заключенном в Новгороде в сентябре 1564 года, Москва признала территориальные приобретения короля Эрика XIV в северной Эстляндии. К Швеции более чем на 150 лет (вплоть до окончания Великой Северной войны) отошли Ревель (Таллин), Пернау (Пярну), Пайдэ и Каркус с их уездами, Москве досталась только Нарва.*

Военные неудачи повлекли и новые переговоры Москвы с Литвой. Военные действия были приостановлены в августе 1565 года. В мае следующего года к царю приехали великие литовские послы Ю. Ходкевич, Ю. Тышкевич, М. Гарабурда.

Они соглашались уступить Ивану IV уже захваченную им часть Ливонии (в том числе Дерпт) и Полоцк, а в обмен на это предлагали признать собственностью ВКЛ остальные ливонские земли, в соответствии с договором 1561 года между ВКЛ и Орденом.

В ответ московский думный дьяк Петр Зайцев «лаял» литовского посла за его «непригожие речи».** Послам удалось заключить лишь перемирие до осени 1567 года.

Но в действительности предложение выглядело заманчиво. Оно заставило Ивана задуматься над вопросом — стоит ли вести дальше затяжную войну? Для обсуждения этого вопроса он не ограничился мнением бояр, а созвал летом 1566 года Земский Собор. Карамзин писал о Соборе следующее:

«В 1566 году, по поводу литовских предложений о перемирии, царь Иван созвал земских людей разных званий и предложил им, главным образом, на обсуждение вопрос: уступать ли, по предложению Сигизмунда-Августа, Литве некоторые города и левый берег Двины, оставивши за собою город Полоцк на правой стороне этой реки?

Мнения отбирались по сословиям. Сначала подали свой голос духовные, начиная с новгородского архиепископа Пимена, три архиепископа,

* Пернау, Пайда, Каркус и другие города северной части страны еще несколько раз переходили из рук в руки, но при этом формально они продолжали считаться шведскими владениями.

** П.В. Зайцев входил в число руководителей опричнины. Был казнен в 1571 году.

шесть епископов и несколько архимандритов, игуменов и старцев, потом — бояре, окольничьи, казначеи, печатник и дьяки, всего 29 человек; из них печатник Висковатый подавал особое мнение, впрочем, в сущности схожее в главном с остальными, за ними 193 человека дворян, разделенных на первую и вторую статью; за ними особо несколько торопецких и луцких помещиков, потом 31 человек дьяков и приказных людей, и наконец, торговые люди, из которых отмечено 12 гостей, 40 торговых людей и несколько смольнян, спрошенных особо, вероятно, по причине их близости к границе».

Юрий Ходкевич.
Гравюра А. Зубчанинова с портрета XVI в.

Все они говорили в одном смысле: не отдавать ливонских городов и земли на правом берегу Двины, принадлежавшей Полоцку, но, в сущности, предоставляли государю поступить по своему усмотрению: «ведает Бог да государь: как ему, государю, угодно, так и нам, холопом его».

В постановлении Собора было сказано:

«Ливонская Земля от прародителей, от великого государя Ярослава Владимировича (Мудрого), принадлежит нашему государю... И наш совет, что государю нашему от тех городов ливонских, которые взял король в обереганье, отступить не пригоже, а пригоже за них стоять. А как государю за них стоять, в том его государская воля, как Бог вразумит»...

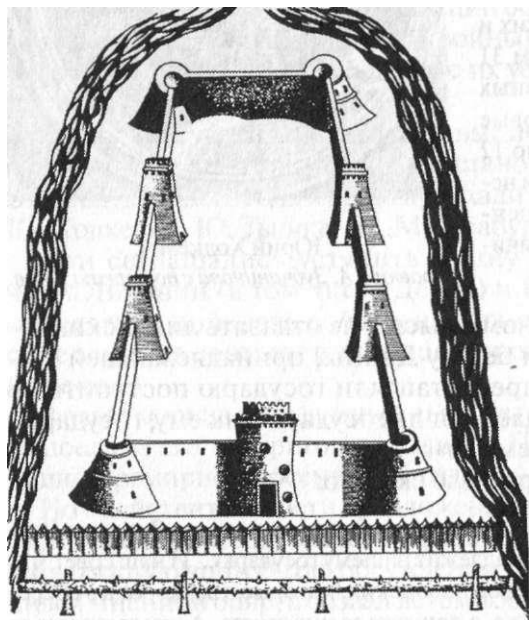
Кстати говоря, на этом Соборе группа дворян подала царю-батьке челобитную с просьбой об отмене опричнины. Вскоре всех их схватили и казнили разными изуверскими способами.

БОЙ ПОД ЧАШНИКАМИ И ОСАДА УЛЛЫ (1567-1568 гг.)

Итак, война с ВКЛ из-за Ливонии продолжалась. Но, испытывая недостаток средств, Иван IV решил ограничиться оборонительными действиями.

20 июля 1567 года под Чашниками литвинский князь Роман Федорович Сангушко (1537— 1571) во главе 2-тысячного отряда напал ночью на 8-тысячное войско московитов, которым командовал князь Петр Серебряный. Московиты были разбиты и в панике бежали.

Тем же летом князь Николай Радзивилл «Рыжий» безуспешно осаждал Ригу. Как писал бывший опричник Генрих Штаден, «рыжий из Вильно» стоял под Ригой и думал взять ее «лаской или хитростью». Это ему не удалось, тогда он решил взять город

Крепость Улла. Рисунок 1579г.

силой. Увы! Под Ригой пали несколько тысяч его воинов, но крепость устояла.

В середине февраля 1568 года литвинский гетман Ю.А. Ходкевич (отец знаменитого Яна Карла Ходкевича) осадил небольшую крепость Улла (ныне городской поселок в Бешенковичском районе Беларуси), которую московиты захватили в 1566 году*

Однако вскоре (4 марта) он вынужден был снять осаду. Вот что писал Ходкевич по этому поводу в своем донесении королю Сигизмунду Августу

«Прибывши под неприятельскую крепость Улу, я стоял под нею недели три, промышляя над нею всякими средствами. Видя, что наши простые ратные люди и десятники их трусят, бояться смерти, я велел им идти на приступ ночью, чтобы они не могли видеть, как товарищей их будут убивать, и не боялись бы, но и это не помогло.

* Крепость находилась на клиновидном мысу, образованном соединением рек Улла и Западная Двина. Ее начали строить в 1563 году литвины, а достроили в 1567 московиты. Она имела деревянные стены в виде узких срубов, заполненных внутри землей и 8 деревянных башен. В крепость вели одни ворота с башеннопоподобным укреплением над ними.

Другие ротмистры шли хотя и нескоро, однако кое-как волоклись; но простые ратные люди их все попрытались по лесу, по рвам и по берегу речному. Несмотря на призыв, увещания, побои (дошло до того, что я собственные руки окровавил), никак не хотели идти к крепости, и чем больше их гнали, тем больше крылись и убегали, вследствие чего ночь и утро прошли без всякой пользы...

Тогда я отрядил немцев, пушкарей и слуг моих (между ними был и Орел Москвич, который перебежал ко мне из крепости). Они сделали к стене примет и запалили крепость. Но наши ратные люди нисколько им не помогли и даже стрельбою не мешали осажденным гасить огонь. Видя это, я сам сошел с коня и отправился к тому месту, откуда приказал ратным людям двинуться к примету. Хотел я им придать духу. Хотел или отслужить службу вашей королевской милости, или голову свою отдать, но, к несчастью моему, ни того, ни другого не случилось.

После долгих напоминаний, просьб, угроз, побоев, когда ничто не помогло, велел я, татарским обычаем, кидать примет, дерево за деревом. Дело пошло было удачно, но храбрость москвичей и робость наших всему помешали. Несколько москвичей выскочили из крепости и, к стыду нашему, зажгли примет, а наши не только не защитили его, но и разу выстрелить не смели, а потом побежали от наших шанцев /траншей/. Когда я приехал к пушкам, то не только в передних шанцах, но и во вторых и в третьих не нашел пехоты, кроме нескольких ротмистров, так что принужден был спешить четыре конные роты и заставить стеречь пушки, ибо на пехоту не было никакой надежды»...

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 164

Конечно, при таком упадке воинского духа шляхты воевать Литве с Москвой было трудно.

Уллу осадил 20 сентября 1568 года и взял штурмом 24 сентября отряд князя Романа Сангушко. При этом он захватил в плен двух воевод (братьев Вельяминовичей), 300 дворян и боевых холопов, 600 стрельцов. Крепость во время штурма сгорела, но вскоре ее восстановили по приказу Стефана Батория.

«ИЗБОРСКАЯ ИЗМЕНА»

(1569 г.)

11 января 1569 года литвинский отряд во главе с князем Александром Полубенским захватил крепость Изборск. Литвины использовали хитрость: перебежавший к ним «сын боярский» Тимофей Тетерин-Пухов сказал ратникам, сидевшим в крепости, что пришло «войско опричное».* Страх московитов перед этими убийцами был столь велик, что ворота немедленно открылись и литвины ворвались внутрь. Псковская летопись сообщает:

«7077-го (1569) году Литва взяла Изборск оманом, вопрошались опричиною, генваря в 11 день».

К крепости немедленно были посланы два отряда — земский (командиры М.Я. Морозов, И.В. Шереметев «Меньшой») и опричный (командиры З.И. Очин-Плещеев, В.И. Колычев-Умный). После двух недель осады они взяли Изборск штурмом. В плен попали около 100 литвинов. Половину из них, во главе с ротмистром Ф.Г. Путятой, царь велел в августе того же года обменять на изборских «приказных людей»: наместника А. Нащокина, городского приказчика Р. Перхурова, дьяка А. Иванова. После возвращения их казнили в Александровой слободе под Москвой по обвинению в «измене». Штаден описал этот случай следующим образом:

«Комендант польского короля Сигизмунда /в одном из городов/ Лифляндии Александр Полубенский, отправился вместе с 800 поляков /литвинов — А.Т./, переодевшись опричниками. При нем было трое русских служилых людей, отъехавших /сбежавших/ от великого князя: Марк Сарыхозин и его брат Анисим, имя третьего было Тимофей Тетерин; в Русской земле у великого князя был он стрелецким головой... Итак, комендант подошел к Изборску и сказал воротнику: «Открывай! Я иду из опричнины». Ворота были тотчас же открыты..Так врасплох захватили поляки /литвины — А.Т./ Изборск. Однако удерживали его не более 14 дней и сдали его русским опричникам».

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002, с. 52—53

Кроме того, еще в марте царь, убежденный в том, что город пал в результате «измены», приказал выслать в Тверь и Торжок не менее двух тысяч новгородцев и псковичей. В конце того же года все они были казнены во время погромов Твери и Торжка.

Более того, по его приказу были казнены дьяки и главные приказные люди в Феллине, Тарвасте и Мариенбурге. Якобы они тоже были «изменники» и намеревались сдать эти города Сигизмунду.

* Тимофей Иванович Тетерин-Пухов происходил из суздальских бояр. Участник Казанского похода 1549—50 гг., похода на Астрахань в 1556 г., Ливонской войны в 1558—59 гг. Около 1563 г. был насильно пострижен в монахи и сослан в Антониев Сийский монастырь. Оттуда вскоре бежал в Литву.

Упомянутый в связи с «Изборской изменой» Марк Сарыхозин был новгородским помещиком Деревской пятины. Ученик старца Артемия, заподозренного в ереси и бежавшего в Литву, он бежал туда осенью 1565 года вслед за учителем. Согласно запцкам князя Курбского, все родственники Тетерина и Сарыхозина были полностью истреблены по приказу царя Ивана IV.

ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ: СОЗДАНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1569 г.)

Как мы уже знаем, история сближения Великого княжества Литовского и Польского королевства берет начало в 1385 году, когда была заключена Кревская династическая уния. В дальнейшем между двумя государствами заключались и другие унии (союзы): в 1401, 1413, 1447, 1501, 1503, 1566 гг. Несмотря наделавшиеся при этом громкие заявления, все они носили временный характер.

Однако во времена правления Ивана III, перед лицом непрерывно нараставшей угрозы с Востока, обозначилась устойчивая тенденция к действительно тесному сближению. Роль решающего толчка в этом плане сыграл захват Полоцка войсками Ивана IV. В 1568 году великий князь и король Сигизмунд II Август предложил правящей верхушке Литвы и Польши решить вопрос о соединении обоих государств в одно, чтобы более успешно противостоять агрессии Москвы.

Исходные позиции сторон были таковы. Польские магнаты (удельные князья) и прелаты (иерархи католической церкви) страстно желали соединения. Первые надеялись приобрести благодаря этому новые земельные владения, вторые — новуктаству Литовские магнаты хотели сохранить независимость своего государства. Они считали, что достаточно заключить военно-политический союз. Зато литовская мелкопоместная шляхта (служилое дворянство) требовала полного объединения ради того, чтобы получить те же права и привилегии («вольности шляхетские»), которыми обладали польские шляхтичи. Так, еще осенью 1562 года участники сейма, собравшегося в Витебске, обратились к Сигизмунду-Августу с прошением:

«Создать общий сейм с поляками, чтобы вместе короля выбирали, имели общую оборону, сообща сеймиковали и право одинаковое использовали».

Иначе говоря, в Литве наметилось открытое противостояние магнатов и шляхты. Литвинские шляхтичи — и протестанты, и православные — желали ограничить власть магнатов, проводивших только свои решения, занять достойное место в собственном государстве. Беларуские историки пишут:

«Чтобы консолидировать общество, сбить пропольские настроения, магнаты во главе с Радзивиллом /«Рыжим»/ пошли на значительную модернизацию внутренней политики. Так, согласно постановлению Панов Рады 1563 года, православная и католическая шляхта целиком уравнива-

лись в правах, вводились местные суды, где главную роль играла шляхта. Эти шаги великокняжеского правительства, возможно, и имели бы успех, если бы не драматическое внешнеполитическое положение страны, мощь которой подточила Ливонская война».

Беларусь: Государство и люди. Минск, 2002, с. 71

В силу указанных обстоятельств переговоры шли трудно. Согласно плану литовской знати, общий сейм представителей двух государств должен был собираться поочередно один раз в Литве, другой раз в Польше. Государственные должности в каждой из стран следовало предоставлять только их уроженцам. Оба государства в составе конфедерации должны были обладать абсолютно равными правами. Польские же представители выступали за главенство Польши в решении ключевых вопросов внешней политики; за то, чтобы сейм заседал только на территории Короны; за право поляков на занятие должностей в администрации ВКЛ.

Каждая из сторон твердо стояла на своем, к согласию они придти не могли. Тогда король Сигизмунд II Август созвал сейм в Люблине для окончательного решения вопроса. Он открылся 10 января 1569 года.

В состав делегации от Литвы вошли канцлер и виленский воевода Николай Радзивилл «Рыжий», подканцлер Остафий Валович, жемойтский староста Ян Ходкевич, подскарбий Николай Нарушевич, крупнейший православный магнат, князь Константин Константинович Острожский (сын героя Оршанской битвы) и другие аристократы. Приехали также представители литовской шляхты, избранные поветовыми сеймиками. Всего с обеих сторон (от Польши и ВКЛ) в заседаниях сейма участвовали до 160 послов.

Люблинский съезд происходил в два этапа: в январе — марте и в июне. С самого начала его заседания приняли бурный характер, так как никто не хотел уступать. Вдобавок, литовская делегация раскололась на магнатскую и шляхетскую группировки. Увидев, что большинство участников съезда склонно заключить унию на польских условиях, литовские магнаты 1 марта демонстративно покинули сейм. Но демарш не дал желаемых результатов, в июне им пришлось вернуться. Суть проблемы заключалась в том, что Великое княжество больше нуждалось в союзе, чем Польша. Литве требовались польские войска. Вот как обрисовал создавшуюся тогда ситуацию в своей речи на сейме князь Николай Радзивилл «Рыжий»:

«На нашем хребте был враг, когда мы ехали сюда, желая установить с вами унию, которая бы объединила нас взаимной любовью, и, если гово-

рить правду, мы начали стремиться к ней почти бегом, тогда как предки наши шли к ней очень тихо».

28 июня (15 июля по новому стилю) 1569 года акт о создании унии был подписан; 1(17) июля его по отдельности утвердили депутаты польского и литовского сеймов. Согласно ему, Польское королевство («Корона Польская») и Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское («Литва») объединялись в конфедеративное государство Речь Посполитая (*ЯгесЪ РовроШа*), что означало «Республика Обоих Народов».

Его возглавлял выборный король (своего рода пожизненный президент), оно имело единый сейм (нижнюю палату парламента) и единый сенат (верхнюю палату парламента).

Глава Речи Посполитой отныне носил титул «Король Польский и великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Жемойтский, Киевский, Волынский, Подляшский и Лифляндский».

Сенаторы — воеводы, каштеляны, католические и униатские епископы — занимали свои должности пожизненно. Что касается сейма, то его депутатов («послов») избирала шляхта по два человека от каждого повета (уезда); кроме того, своих представителей в сейм посылали обе столицы — Краков и Вильно.

Сейм должен был созываться один раз в два года и заседать в Варшаве. Он принимал законы, а его постановления, называемые латинским словом «конституции», имели силу на всей территории Речи Посполитой. При этом право любого депутата отменить постановление сейма, принятое даже подавляющим большинством голосов (пресловутое «либерум вето») позволяло блокировать решения, не отвечавшие интересам литвинских либо польских магнатов и шляхты.

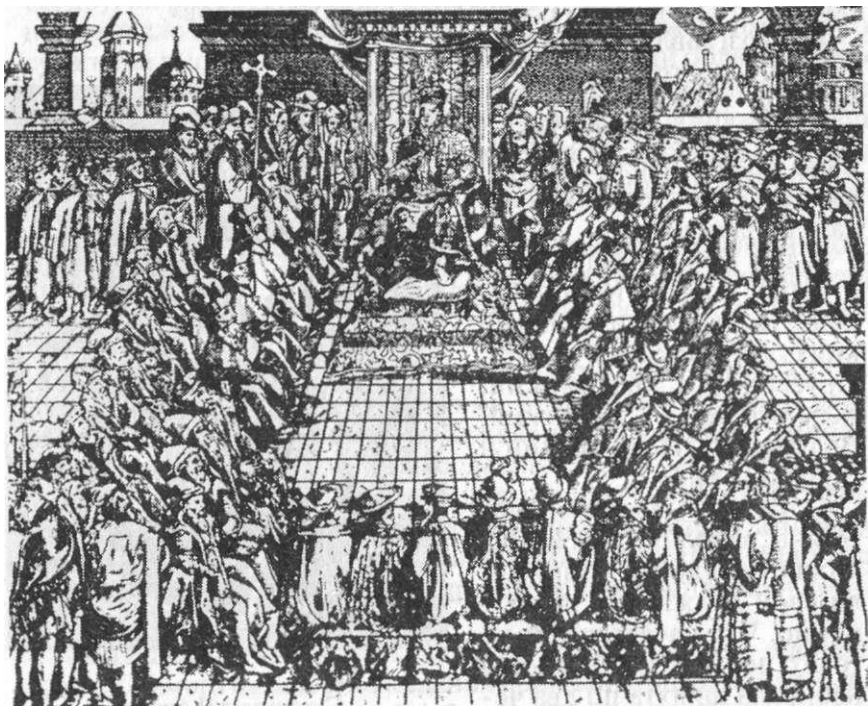

Сигизмунд II Август.
Портрет 1547г.

Так была установлена система, успешно обеспечившая независимость шляхты от королевской власти. К сожалению, она же ослабляла государство в целом и стала позже одной из главных причин его гибели.*

Отныне заключение договоров с иноземными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой. Польская шляхта получила право владеть име-

Люблинский сейм. Гравюра 1570\$.

ниями в Великом княжестве Литовском, а литовская — в Польском королевстве.

Вместе с тем, Литва и Польша сохранили свою автономию: администрацию (общего правительства не существовало), законодательство и суд, вооруженные силы, казну, чеканку монеты, таможенную границу между собой, свои официальные языки — запад-

* Использование права «liberum veto» привело к тому, что за период с 1652 по 1763 гг. из 73 сеймов Речи Посполитой были сорваны 37.

нерусский и польский. На территории ВКЛ более 250 лет (вплоть до 1840 года!) действовал собственный кодекс законов — Третий Литовский Статут, составленный в 1588 году канцлером Львом Сапегой.* Высшей судебной инстанцией здесь являлся Трибунал, созданный им же в 1581 году.

Но, хотя внутри Речи Посполитой существовало четкое разделение на Корону и Литву, другие государства стали воспринимать конфедерацию как единое государство.

При заключении унии не обошлось без жертв со стороны более слабого из партнеров. Польские магнаты добились от Сигизмунда II Августа издания универсала, согласно которому южные воеводства ВКЛ — Киевское, Волынское и Подольское, а также западное воеводство Подляшье (с городами Вельск и Белосток) — вошли в состав Польского королевства.

Инициатива такого перехода исходила с двух сторон: магнаты и шляхтичи украинских воеводств надеялись, что польские войска защитят их от набегов крымских татар более эффективно, чем запорожские казаки и литовцы; польские феодалы желали участвовать в колонизации полупустынных степей — «Дикого Поля».

* ф

Создание Речи Посполитой стало одним из важнейших и самых негативных для Московской Руси результатов Ливонской войны. Вот что сказал Карамзин о Люблинской унии:

«Литовско-русские паны, еще в то время сохранявшие и православную веру и русский язык (хотя уже начинавший значительно видоизменяться от влияния польского), боялись за свою народность, как равно и за свои владетельские права; они хотя согласились на соединение, но все еще не доверяли полякам и хотели держаться особо. В самом акте соединения Великому княжеству Литовскому оставлялось устройство вполне самобытного государства и даже особое войско.

Правда, всякое упорство литовско-русского высшего сословия в охране своей веры и народности, по неизбежному стечению обстоятельств, никак не могло быть продолжительным, так как превосходство польской цивилизации перед русской неизбежно должно было тянуть к себе русско-литовский высший класс и смешать его с польским, что и сделалось впоследствии».

* Лев Ян Сапега (1557— 1633) был выдающимся государственным деятелем Литвы. Он в разное время занимал должности королевского секретаря, виленского воеводы, литовского канцлера (с 1589 г.), великого гетмана ВКЛ (с 1625 г.) Несколько раз ездил послом в Москву. Участвовал в заключении Деулинского перемирия в 1618 г.

Иными словами, в Речи Посполитой довольно быстро — по историческим меркам — произошла полонизация феодальной верхушки Литвы (Беларуси) и Украины.

Кстати говоря, на Люблинском сейме произошло еще одно важное событие. Король Сигизмунд-Август утвердил объединение герцогства Пруссии с Бранденбургом. Напомним, что Альбрехт-Фридрих Бранденбургский (1490— 1568) с 1510 года являлся последним гроссмейстером католического духовно-рыцарского Тевтонского ордена. В 1525 году он обратил земли ордена в наследственное светское герцогство Пруссию и стал первым ее герцогом. Так возникло новое немецкое государство, позже сыгравшее огромную, притом сугубо отрицательную роль, в истории Речи Посполитой и Московской Руси.

Иными словами, в Речи Посполитой довольно быстро — по историческим меркам — произошла полонизация феодальной верхушки Литвы (Беларуси) и Украины.

Кстати говоря, на Люблинском сейме произошло еще одно важное событие. Король Сигизмунд-Август утвердил объединение герцогства Пруссии с Бранденбургом. Напомним, что Альбрехт-Фридрих Бранденбургский (1490—1568) с 1510 года являлся последним гроссмейстером католического духовно-рыцарского Тевтонского ордена. В 1525 году он обратил земли ордена в наследственное светское герцогство Пруссию и стал первым ее герцогом. Так возникло новое немецкое государство, позже сыгравшее огромную, притом сугубо отрицательную роль, в истории Речи Посполитой и Московской Руси.

Глава 4

ТРЕТИЙ ЭТАП ВОЙНЫ (1570—1576 гг.)

К началу 1570 году внешняя обстановка значительно осложнилась для Москвы.

Во-первых, объединение потенциалов Литвы и Польши сильно уменьшило ее шансы на победу в войне за Ливонию.

Во-вторых, серьезно обострилась обстановка на южных рубежах. В 1569 году турецкая армия совершила поход к Астрахани, стремясь отрезать Московскую Русь от Каспия и открыть себе ворота для экспансии в Поволжье. Хотя из-за плохой подготовки этот поход окончился провалом, крымско-турецкая военная активность в данном регионе не снизилась.

В-третьих, началась война между Москвой и Швецией.

НАЧАЛО ВОЙНЫ МОСКВЫ СО ШВЕЦИЕЙ

Это произошло следующим образом. Между кровавым королем Эриком XIV и кровавым царем Иваном IV сложились вполне дружеские отношения. Но, как уже говорилось выше, один из братьев Эрика, а именно Иоганн (Юхан), герцог Финляндии, в начале 1561 года женился на Екатерине Ягеллон, сестре Сигизмунда II Августа, той самой, к которой безуспешно сватался Иван IV.

Породнившись с великим князем Литвы, Иоганн всецело встал на его сторону. В 1567 году он предложил Эрику передать ВКЛ занятую шведами территорию Ливонии, включая город Ревель. Эрик категорически отказался, вследствие чего между братьями возникла усобица. Иоганн поднял всю Финляндию, обратился за помощью к Литве и Польше. Однако войска Эрика осадили его в городе Або (ныне Турку), затем взяли в плен и привезли вместе с женой в Швецию. Там их посадили в тюрьму, а покорный воле короля суд приговорил Иоганна к смерти.

Все же Эрик никак не мог решиться на казнь брата. Тем временем царь Иван, узнав о случившемся, попросил выдать ему Екатерину. Злопамятный деспот настолько желал изнасиловать, а затем предать мучительной смерти отказавшую ему женщину, что обещал шведскому королю за ее выдачу завоеванную им часть Эстляндии (в том числе Нарву и Дерпт)! Разумеется, Эрик согласился, но поставил условием выдачи Екатерины предоставление ему убежища в Москве в том случае, если он лишится трона.

Предчувствие его не обмануло. Пока шла переписка с Иваном, 29 сентября 1568 года в Стокгольме произошло восстание. Народ сверг Эрика, по решению риксдага его посадили в тюрьму. На престол под именем Юхана III взшел младший брат свергнутого тирана, принц Иоганн Финляндский. Как отмечают современники, он и Екатерина страстно любили друг друга. Понятно, что Иоганн (Юхан) пылал ненавистью к Ивану, задумавшему погубить любимую жену.

Завершив войну с Данией (1563—1570 гг.), шведы занялись укреплением своих позиций в Ливонии. В сложившейся ситуации Ивану IV пришлось пойти в 1570 году на трехлетнее перемирие с Речью Посполитой, чтобы начать борьбу со шведами. Карамзин так описал эту трагикомическую историю:

«Замечательно, что во время сумасбродства московского царя в соседней стране, в Швеции, царствовал также полупомешанный сын Густава-Вазы, Эрик. Из страха за престол, он засадил в тюрьму брата своего Иоанна, женатого на той самой польской принцессе Екатерине, за которую некогда сватался московский царь. Иван не мог забыть своего неудачного сватовства; неуспех свой он считал личным оскорблением. Он сошелся с Эриком, уступал ему навеки Эстонию с Ревелем, обещал помогать против Сигизмунда и доставить выгодный мир с Данией и Ганзою, лишь бы только Эрик выдал ему свою невестку Екатерину.

Эрик согласился, и в Стокгольм приехал боярин Воронцов с товарищами, а другие бояре готовились уже принимать Екатерину на границе. Но члены государственного совета в Швеции целый год не допускали русских до разговора с Эриком и представляли им невозможность исполнить такое незаконное дело: наконец, в сентябре 1568 года — низложили с престола своего сумасшедшего тирана, возвели брата его Иоанна. Русские послы, задержанные еще несколько месяцев в Швеции, как бы в неволе, со стыдом вернулись домой.

Иван был вне себя от ярости и намеревался мстить шведам; а чтобы развязать себе руки со стороны Польши, он решился на перемирие с Сигизмундом-Августом, тем более, что война с Литвою велась до крайности лениво и русские не имели никаких успехов. Иван на этот раз сделал первый шаг к примирению, выпустил из тюрьмы польского посланника, которо-

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА 1558-1583 гг.

Походы русских войск* (с уяю жя дат)

Важные города, битвы* русских

• 4 от * 1538- 1564 гг. о в 1572-1577 гг.

Места ириепЗ О Осады городов

Поход итосежжх «обса а 1561г.

Походы Стефава Баторья в 1579-1581 гг.

1 • пятке его овсаиш русские города

1 „ Навралеае шадсхх исходов » вхтые шадия русские города

Клищ* Терраторов, отошедшие от Росса»

• Репа Посамвго! а 1582г

а Шакаа в 1583г.

го задержал прежде, вопреки международным правам, и, отправляя в Польшу своих гонцов, приказал им обращаться там вежливо, а не так грубо, как бывало прежде».

Со стороны Вильно временное примирение с-Москвой объяснялось внутривосточной обстановкой в Литве. Там сильно болел 50-летний великий князь Литвы Сигизмунд II Август. Вместе с ним пресекалась мужская линия династии Гедиминов — Ягеллонов. Ожидая его скорой кончины и первых выборов короля Речи Посполитой, правящая верхушка Литвы стремилась не обострять отношения с Москвой. Тем более что Иван IV считался одним из вероятных кандидатов на вакантный престол.

ПОХОД ЦАРЯ ИВАНА НА ТВЕРЬ, НОВГОРОД И ПСКОВ (1569-1570 г.)

Зато Иван IV временно удовлетворил свою ненасытную жажду зверств на беззащитных покорных подданных. Используя в качестве формального предлога донос (по мнению ряда историков, его сфабриковал новгородский дьяк Петр Волинец) о том, что новгородские власти, во главе с архиепископом Пименом, якобы собираются передать Новгород и Псков в состав Литвы, он в декабре 1569 года пошел походом на Тверь, Новгород и Псков.

Однако главной причиной, как и во времена его деда Ивана III, стала нужда в средствах. Деньги в государственной казне уже кончались, а вот конца войне не было видно. Поэтому мало было взять у богатых тверичей, новгородцев и псковичей часть денег. Требовалось ограбить их полностью, отобрать все. Заявления «национал-патриотов» от истории о том, что царь повел ложному доносу — такая же чушь, как и пресловутая «Юрьевская дань». Наилучшим образом истинную цель Ивана доказывает разорение Твери, Клина и Торжка, ставших первыми жертвами грабежей и убийств, хотя никто не обвинял их в намерении «передаться Литве».

Вот что пишет об этом участник событий, немец-опричник Генрих Штаден:

«Великий князь пришел в Тверь и приказал грабить всё — и церкви, и монастыри; пленных убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились и сдружились с иноземцами. Всем убитым отрубали ноги — устрашения ради; а потом трупы их спускали подлед в Волгу. То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви».

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002, с. 48

Сведения Штадена подтверждают Таубе и Крузе, писавшие о массовых казнях в Твери и ее окрестностях (27 тысяч казненных, 9 тысяч погибших от голода — цифры преувеличены раза в два, но дают представление о страшной бойне), об ограблении епископа, монастырей и церквей. Имущество тверичей опричники сваливали в кучи и сжигали, а ворота, окна и двери домов рубили топорами. Немцы, взятые в плен в Ливонии, и литвины — защитники Полоцка, содержащиеся в Твери (около 500 человек), «были растерзаны» и брошены под лед. Опричники также казнили 190 псковичей, выселенных из Пскова в феврале этого же года, убили 19 пленных татар, оказавших сопротивление и ранивших Малюту Скуратова. Разгром Твери, поданным Р.Г. Скрынникова, продолжался с 23 по 27 декабря 1569 года.

В Торжке опричники убили до 200 жителей города, а кроме них, еще 30 псковичей-переселенцев и четырех ремесленников (при этом некоего Невзора Лягина, серебряных дел мастера, они сожгли живьем).

В Клину, кроме местных жителей, были убиты 470 переяславских купцов и посадских людей с семьями, которые приехали туда по пути в Москву, куда по приказу царя переселяли жителей других городов, чтобы восполнить убыль населения после эпидемии чумы. А их за что?!

В Новгороде опричники и другие царские «ратники» учинили по приказу Ивана жесточайшую расправу над боярами, духовенством, купцами и ремесленниками. Вот что пишет Нечволодв:

«2 января 1570 года передний царский отряд подошел к Новгороду и окружил его со всех сторон, чтобы никто не мог бежать. Затем начались страшные пытки, казни и убийства».

Множество священнослужителей было поставлено на так называемый правож — взыскание, накладываемое на неисправных должников. Сам Иоанн со старшим сыном расположился на Городище.* Игумен и монахов, стоявших на правож, он приказал избить до смерти палками и разнести по монастырям для погребения. Прибыв в воскресенье в кремль у Святой Софии, чтобы отслушать обедню, царь отстранил протянутый ему владыкой крест и грозно сказал Пимену:

* Это тот самый Иван Иванович (1554—1581), которого многие русские авторы любят изображать кротким агнцем, несмотря на то, что он деятельно участвовал в зверствах своего отца. Видимо, все их познания об Иване-младшем ограничиваются знаменитой картиной Репина «Царь Иван Грозный убивает своего сына», где действительно царевич похож на беззащитную покорную овечку.

Но вот что пишут о нем современные историки: «Царевич Иван был во многом похож на своего отца. Он отличался жестокостью и любил участвовать в опричных расправах и пытках» (см. «История России с древнейших времен...», с. 403).

«Ты, злочестивый, держишь в руке не крест, а оружие, и этим оружием хочешь уязвить наше сердце со своими единомышленниками, здешними горожанами, хочешь нашу отчину, этот великий богоспасаемый Новгород, предать иноплеменникам, Литовскому королю Сигизмунду-Августу. С этих пор ты не пастырь и не учитель, но волк, хищник, изменник нашей царской багряницы и венцу досадитель».

После обедни, во время стола в архиерейском доме, Пимен по приказу Иоанна был взят отдан под стражу, а все его имущество взято в казну. Затем начался суд над новгородцами под непосредственным надзором самого царя. Их по очереди приводили к нему, пытали, жгли какой-то, по словам летописца, «составною мудростью огненной — поджаром», а затем лишали жизни, сбрасывая в воду вместе с женами и детьми. Боярские дети и стрельцы ездили в лодках по Волхову и кололи рогатинами и копьями всех всплывающих, чтобы никто не мог спастись...

Вслед за этими казнями Иоанн приказал предать полному разгрому все местности вокруг города, причем уничтожалось не только имущество, но также и домашний скот».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 148—150

Опричники бросали людей в реку Волхов связанными, при этом малых детей они привязывали к матерям (несмотря на суровую зиму, Волхов в черте города не замерз). Дознание «об измене» велось пытками. Избивали не только подозреваемых, но и членов их семей. Опричники допрашивали архиепископских бояр, служилых людей, детей боярских, купцов. Погибли около 200 бояр и детей боярских, большое количество людей низших сословий.

Затем опричники разграбили все монастыри (новгородская летопись сообщает о 27 монастырях, в которых они по приказу царя не только ограбили казну и кельи, но также сожгли запасы хлеба, зарезали всех лошадей и домашнюю скотину), разгромили посад. Горожан, пытавшихся защитить свои семьи и имущество, убивали на месте. Нищих по приказу царя выгнали в мороз за ворота города, где они замерзли. Были казнены не менее 500 пленных литвинов и ссыльных жителей Полоцка.

Точное число жертв новгородского погрома не установлено. Согласно Таубе и Крузе, в городе и ближайших окрестностях были убиты до 27 тысяч человек. Шлихтинг сообщает о казни 2770 знатных новгородцев и «полном истреблении» черни. Исследователь новгородской демографии А.Г. Ильинский определял общее число жертв погрома, включая замерзших и погибших от голода, в 40 тысяч человек. Но в любом случае, сохранившиеся документы рисуют ужасающую картину почти полного разгрома города. Так, из 1805 тягловых дворов (т.е. плативших

налоги) на Софийской стороне уцелели только 94 (5,2%)! Примерно такая же картина наблюдалась и на торговой стороне.*

Бойня продолжалась без каких-либо перерывов 6 недель подряд, до 13 февраля. Затем Иван объявил немногим оставшимся в живых новгородцам, что «прощает» их и отбыл в Псков — творить там расправу.

Псковичи не сомневались, что их, как и новгородцев, тоже ждет мученическая смерть. Тем не менее, как и в 1510 году, когда Василий III, отец Ивана, отнял у них независимость, они даже не думали сопротивляться. Напротив, по совету своего наместника, князя Токмакова, они встретили въезжавшего в город царя-душегуба хлебом и солью, причем перед каждым домом стояли на коленях все его жильцы, включая малых детей. Столь рабская покорность очень понравилась Ивану и несколько смягчила его кровожадность.

Но все же горожан спасло не раболепие перед царем, а предсказание знаменитого местного юродивого Николы Салоса. Якобы он предложил Ивану, посетившему его вскоре после прибытия, кусок сырого мяса со словами «на, съешь, ты же питаешься мясом человеческим». Затем Салос пообещал Ивану великие несчастья, рели тот не пощадит жителей. В псковской летописи сказано, что блаженный поучал царя Ивана «много ужасными словесы еже престати от велия кровопролития и не дерзнути еже грабити святыя Божия церкви». Иван, не послушав юродивого, велел снять колокола с Тротоицкого собора. В тот же час издох лучший его конь. На суеверного трусливого царя это произвело сильное впечатление.** Он ограничился тем, что приказал — помимо городских церквей и монастырей — отобрать деньги и ценности у «лучших жителей», после чего немедленно удалился в Москву.

В Пскове 20 февраля были казнены игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий и старец того же монастыря Вассиан Муромцев, а также Афанасий Ежов, «солотинский (или солотчинский) архимандрит». Поминальные синодики самого Ивана упоминают 85 человек дворян, приказных и других лиц, казненных в Пскове. Тем не менее, псковичам неслыханно повезло. Их только ограбили. Убийство менее чем сотни жителей города и монахов не идет ни в какое сравнение с массовой бойней в Твери, Торжке и Новгороде.

Вот как описывал разгром Новгорода и Пскова Генрих Штаден:

* См.: Всемирная история. Развитие государств Восточной Европы. Минск — Москва, 2002, с. 233.

** Сообщения о Николе, остановившем погром в Пскове, содержатся во многих русских и иностранных источниках. Например, у Карамзина, Костомарова, Соловьева, Таубе и Крузе, Горсея, Штадена, Шлихтинга.

«Ни в городе /Новгороде/, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто-нибудь из земских пытался вытащить что-либо из воды, того вешали.

(Таубе и Крузе так писали об уничтожении имущества и товаров новгородцев: «Грубые товары, как воск, лен, сало, меха и другие велел он сжечь и бросить в воду. Шелк, бархат, и другие товары были бесплатно розданы палачам»)

Затем были казнены все пленные иноземцы; большую часть их составляли поляки с женами и детьми /Штаден имел в виду литвинов, взятых в плен на территории ВКЛ и высланных из Полоцка — А.Т./ и тех русских, которые поженились на чужой стороне.

Были снесены все высокие постройки: было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна. Опричники увели также несколько тысяч посадских девушек...

Великий князь отправился затем дальше во Псков и там начал действовать также. К Нарве и ко шведской границе — к Ладожскому озеру — он отправил начальных и воинских людей и приказал забирать у русских и уничтожать все их имущество: и многое было брошено в воду, а многое сожжено. В эту пору было убито столько тысяч духовных и мирян, что никогда ни о чем подобном и не слыхивали на Руси. Великий князь отдал половину города на грабеж».

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002, с. 49

Современный российский историк Скрынников, опираясь на свидетельства псковских летописцев, а также на документы московских приказов, отметил:

«Опричная казна наложила руку на сокровища псковских монастырей. Местные монахи были ограблены до нитки. У них отняли не только деньги, но также иконы и кресты, драгоценную церковную утварь и книги. Опричники сняли с соборов и увезли в Слободу колокола».

Скрынников Р. Г. Царство террора. М., 1992, с. 375

Давая оценку описанным выше злодеяниям, Скрынников пишет:

«В истории кровавых «подвигов» опричнины новгородский погром стал самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие ибиения ни в чем не повинного новгородского населения навсегда вделали самое понятие опричнины синонимом произвола и беззакония.

Приведенные факты позволяют опровергнуть точку зрения, согласно которой новгородский разгром был связан с объективной необходимостью ликвидации феодальной раздробленности в Новгороде.

Подлинными «героями» грандиозного политического процесса, известного под названием новгородского изменного дела, были выходцы из старомосковской знати (Данилов, Волынский, Бутурлин), новгородские

помещики, приказные люди. Они принадлежали к тем социальным слоям и группам, считать которых носителями традиций раздробленности не представляется возможным».

Скрынников Р. Г. Царство террора. М., 1992, с. 376

Что касается подлинных причин жуткого карательного похода царя Ивана против своих подданных, то об этом Скрынников говорит следующее:

«Одной из пружин новгородского «дела» были корыстные расчеты опричной казны. Непрекращавшаяся война, содержание опричного корпуса и дорогостоящее опричное строительство требовали от правительства чрезвычайных расходов. Между тем государственная казна была пуста. Податные поступления упали во много раз из-за неурожая и голода, поразившего страну в конце 60-х гг. Испытывая сильную финансовую нужду, правительство все чаще обращало свои взоры в сторону обладателя самых крупных денежных богатств — церкви.

Опричина не осмелилась использовать низложение Ф. Колычева /митрополита московского/ для секуляризации богатств митрополичьего дома. Но суд над митрополитом нанес сильнейший удар по престижу и влиянию церкви. Этим обстоятельством и воспользовалось опричное руководство, решившее наложить руку на ее богатства. Сфабрикованное в опричнине новгородское «изменное» дело послужило удобным предлогом для ограбления новгородско-псковского архиепископства.

Секуляризация монастырских и церковных сокровищ явилась едва ли не главным содержанием опричного похода на Тверь, Новгород и Псков. «Государев разгром» надолго подорвал влияние и могущество крупнейшей в стране новгородско-псковской епархии. После низложения митрополита Филиппа и суда над архиепископом Пименом русская церковь надолго лишилась того влияния, которым она пользовалась ранее.

Благодаря секуляризации сокровищ новгородской церкви, а также ограбления посадского населения Твери, Новгорода и Пскова опричное правительство смогло разрешить свои финансовые затруднения и получить средства для продолжения дорогостоящих затей».

Скрынников Р. Г. Царство террора. М., 1992, с. 378—379

Общий итог посягательств на Новгород московских государей Ивана III, Василия III, Ивана IV мы подведем тоже словами Руслана Скрынникова:

«Новгород был древнейшим русским городом. Он избежал упадка в период раздробленности и не был разгромлен татарами во время Батыева нашествия. Его самобытная политическая культура, имевшая неоспоримое превосходство над московской, была раз и навсегда уничтожена жестоким «присоединением» к Москве. Сто лет московского владычества превратили цветущий край в огромный пустырь».

ПЕРЕМИРИЕ МОСКВЫ С ЛИТВОЙ (1570 г.)

Ресурсы Московского государства за десять лет войны истощались. Поэтому Ивану Васильевичу, несмотря на все его безумства, пришлось пойти на перемирие с Литвой. В конце декабря 1569 года, по приглашению царя, в Москву прибыли послы Речи Посполитой, поляк Ян Карташинский (или Кротошевский) и литвин Николай Тавлош (минский каштелян).

Стороны опять спорили о Полоцке и опять не пришли к согласию. Дело дошло до того, что царь, в нарушение этикета, лично встретился с послами. Но лишь для того, чтобы в весьма длинной речи рассказать им по порядку историю отношений между Москвой и Литвой и сделать вывод, что в войне виноват не он, а Сигизмунд II Август.

Как бы там ни было, шведская угроза вынудила Ивана IV стать более сговорчивым. 22 июня 1570 года в Москве было подписано соглашение сроком на три года. По его условиям за сторонами остались те земли, которые они контролировали в тот момент. Литва потеряла Полоцк и земли к северу от него, а также Озерище (Езерище) и Усвят (Усвяты) в Витебской земле.

Для присутствия на ратификации договора в Вильно царь направил двух послов, князей Канбарова и Мещерского. Послам была выдана секретная инструкция, что делать в случае смерти короля:

«Если король умрет и на его место посадят государя из иного государства, то с ним перемирия не подтверждать, а требовать, чтоб он отправил послов в Москву. А если на королевство сядет кто-нибудь из панов радных, то послам на двор не ездить. А если силою заставят ехать и велют быть на посольстве, то послам, вошедши в избу, — сесть, а поклона и посольства не править, сказать: «это наш брат: к такому мы не присланы; государю нашему с холопом, с нашим братом, не приходится через нас, великих послов, ссылаться».

СОЗДАНИЕ ЛИВОНСКОГО КОРОЛЕВСТВА И ОСАДА РЕВЕЛЯ (1570 г.)

Стремясь заручиться нейтралитетом Дании и поддержкой хотя бы части ливонского дворянства в войне против Швеции, Иван решил создать в Ливонии марионеточное королевство. Он не сам додумался до такой идеи. Ее подсказали двое пленных

ливонских дворян — Иоганн Таубе и Эккерт (или Эйлерт) Крузе, вошедшие к нему в доверие.*

Сначала выбор Ивана пал на бывшего ливонского магистра Фюрстенберга. В 1567 году он велел доставить к себе этого старика из Любимова и сказал ему:

«Мы хотим пожаловать тебя и опять посадить тебя в Лифляндии. Только ты должен свято обещать и скрепить присягой, что ты завладеешь и всем остальным: Ревелем, Ригой и Финляндией, всем, что принадлежало твоей бывшей державе. После тебя в нашей прародительской вотчине, простирающейся до Балтийского поморья, будет править молодой магистр Кетлер».

Фюрстенберг сказал в ответ великому князю: «Того я не слышал и не ведал, что Лифляндия до морского берега Остзеи твоя прародительская вотчина». Однако великий князь возразил:

«Но ты же видел огонь и меч, убийства и казни, как пленниками были уведены из Лифляндии и ты, и другие. Так теперь держи ответ: что же ты хочешь делать?»

Вильгельм Фюрстенберг отвечал: «Я приносил присягу римскому императору: на этом я готов и жить, и умереть». Великий князь разгневался на это, и Вильгельм Фюрстенберг был отослан обратно в Любимов».

Штаден Г. Записки немца-опричника, М., 2002, с. 46.

Вскоре он умер. Тогда Таубе и Крузе в 1569 году предложили кандидатуру Готхарда Кетлера, ставшего герцогом Курляндским. Иван послал своих советчиков в Дерпт, откуда они сделали предложение Кетлеру, но получили отказ.

Зато владелец острова Эзель датский герцог Магнус, родной брат датского короля, принял предложение царя Ивана стать его вассалом и в мае 1570 года, после прибытия в Москву, его провозгласили как «короля Ливонского Арцимагнуса Крестьяновиса». Вдобавок царь обещал женить его на своей двоюродной племяннице Евфимии, дочери казненного им в октябре предыдущего года князя Владимира Андреевича Старика и дать ей в приданое пять бочек золота.

Московское правительство обязалось предоставить новому государству военную и материальную помощь, чтобы оно смогло расширить свою территорию за счет шведских и литовских владений в Ливонии. Был подписан договор между Иваном и Магнусом, содержавший ряд любопытных положений.

* И. Таубе (1525—1583) раньше был печатником дерптского епископа. Попал в плен при взятии Дерпта в 1558 г. С 1563 г. стал советником царя по делам Ливонии. Э. Крузе, бывший советник магистрата Дерпта, попал в плен в битве при Эрмесе в 1560 г. С 1565 г. оба немца были зачислены в опричники. В 1571 г. они вместе убежали в Литву, к королю Стефану Баторию.

Так, он предусматривал, что жители всех городов в королевстве сохранят свои традиционные права, в том числе право свободного исповедания лютеранства. Ливонские купцы получают право беспошлинной торговли во всем Московском государстве. Ливония, в свою очередь, будет обеспечивать свободный проезд через ее земли в Москву купцов, военных и технических специалистов из стран Западной Европы. Ливонский король взял обязательство выставлять в походы трехтысячное войско, состоящее поровну из конницы и пехоты. Для завоевания тех городов, которые не сдадутся Магнусу добровольно, Иван пошлет на помощь ему войска, которыми он будет командовать совместно с московскими воеводами.

Вот как описывал эту историю Карамзин:

«Магнус сам поехал к Царю. в Дерпте узнал он о судьбе Новгорода: остановился, медлил и думал вернуться с пути от ужаса. Но честолюбие одержало верх: он приехал в Москву с великой пышностью, на двухстах конях, с множеством слуг и чиновников; был принят с особенною благосклонностию, угощаем пирами. Через несколько дней совершилось важное дело: Царь назвал Магнуса королем Ливонии, а Магнус царя своим верховным владыкой и отцом, был удостоен чести жениться на его племяннице Евфимии, дочери несчастного князя Владимира Андреевича /Старицкого/. Брак отложили до благоприятнейшего времени...

Магнус вступил в Ливонию, объявляя жителям свое королевство, милость Иоаннову, соединение всех земель Орденских, начало тишины и благоденствия. Таубе и Крузе, уполномоченные царем, торжественно ручались за его искренность и добрую волю; говорили и писали, что Ливония останется державою свободною, платя только легкую дань государю Московскому; что все наши чиновники выедут отсюда; что одни немцы именем короля и закона будут управлять землею. Многие верили и радовались, но недолго. Магнус, жертва честолюбия и легковерия, сделался виновником новых бедствий для несчастной Ливонии».

Магнус рьяно взялся за расширение своего королевства. Поскольку с Литвой существовало перемирие, его пятитысячное войско, состоявшее из датчан, пришлых и местных немцев, вместе с московскими полками (еще 20 тысяч человек) устремилось в шведскую часть Эстляндии. Главной целью похода явился крупнейший приморский город Ревель (ныне Таллин). 23 августа 1570 года датско-немецко-московские войска во главе с Магнусом подошли к ревельской крепости. Но на призыв сдаться горожане, принявшие подданство Швеции, дали достойный ответ:

«Граждане ответили ему, что они знают коварство Иоанна; что тиран своего народа не может быть благотворителем чужого; что неопытный юный Магнус имеет советников злонамеренных или безрассудных; что

ему готовится в России участь князя Михаила Глинского, но что Ревель не хочет уподобиться Смоленску». (Карамзин)

Так началась осада Ревеля и война со Швецией. Магнус приказал соорудить напротив крепостных ворот деревянные башни, с которых пушки вели обстрел города. Однако бомбардировка калеными ядрами и гранатами не принесла успеха. Осажденные не только оборонялись, но и совершали смелые вылазки, разрушая осадные сооружения. Численность войск была недостаточна для осады крупного города с мощными фортификационными сооружениями, а болезни еще больше сокращали их количество и подрывали моральный дух.

Иван и Магнус думали, что датский король Фредерик II поддержит своего брата и заблокирует Ревель с моря. Увы, его корабли так и не появились.

Тем не менее, московские воеводы (Яковлев, Лыков, Кропоткин) решили не снимать осаду. Они надеялись добиться успеха зимой, когда море покроется льдом и шведский флот прекратит доставку в город провианта и подкреплений.

Не предпринимая активных действий против крепости, войска союзников занимались грабежом и разрушением окрестных селений. Только в феврале они отправили в Москву 2000 саней с награбленным добром. Безудержным грабежом и насилием они восстановили против себя местных крестьян, поначалу поддерживавших московитов. Между тем шведский флот успел до холодов хорошо обеспечить ревельцев продовольствием и порохом, поэтому те без особой нужды переносили осаду.

Напротив, среди осаждавших в тяжелых условиях зимнего полевого лагеря быстро усиливалось недовольство. Магнус пришел в отчаяние; обвинил во всех неудачах Таубе и Крузе; не знал, что делать и наконец послал своего духовника Шраффера снова убеждать ревельцев сдаться ему. Этот пастор рассказывал горожанам разные сказки, но они быстро отправили его назад.

Печать с портретом короля Магнуса.
Из книги В. Кене «Монеты и медали герцога Магнуса Гольштейнского, епископа острова Эзеля»

И вот 16 марта 1571 года, после 30 недель безуспешной осады, Магнус сжег лагерь и ушел со своими немцами в Оберхален. Московское войско отступило в восточную Ливонию.

Расстроенный неудачей, опасаясь гнева Иваца Васильевича, Магнус поспешил вернуться на Эзель. Однако Иван, не имевший в Ливонии других пособников такого ранга, сообщил ему, что «не изволит гневаться» за провал кампании. Он вызвал его в Москву, чтобы обвенчать со своей племянницей. Правда, Евфимия Старицкая к тому времени успела скончаться, но царь тут же заменил ее младшей сестрой Марией. Магнус приехал и в начале 1573 года обвенчался с невестой (свадьба состоялась позже, так как невесте в это время еще не исполнилось 10 лет).

Тогда же Крузе и Таубе, авторы идеи о создании марионеточного государства, из боязни, что царь казнит их за неудачу под Ревелем, сбежали в Речь Посполитую. Перед бегством они попытались склонить жителей Дерпта к восстанию против оккупантов. В изложении Карамзина эта история выглядит так:

«Способ казался легким: они могли располагать дружиною немецких воинов, которые, служа царю за деньги, не усомнились изменить ему. Знатные жители Дерптские, быв долго пленниками в России, более других ливонцев ненавидели ее господство: следственно можно было надеяться на их ревностное содействие. С сею мыслию заговорщики вломились в город; умертвили стражу; звали к себе друзей, братьев; кричали, что настал час свободы и мести. Но изумленные граждане остались только зрителями: никто не пристал к изменникам, с коими россияне в несколько минут уравнились: одних изрубили, других выгнали, и, считая жителей предателями, в остервенении умертвили многих невинных».

СОЖЖЕНИЕ МОСКВЫ ДЕВЛЕТ ГИРЕЕМ

(май 1571 г.)

Весной 1571 года крымский хан Девлет Гирей (царствовал в 1551 — 1577 гг.) начал новый поход на Московскую Русь. Когда вести о подготовке похода достигли Москвы, на берега Оки, к Туле и Серпухову, где обычно ставили заслоны против татарского войска, были посланы две группы войск. Первая — земская (5 полков), под командованием первого боярина земщины князя И.Д. Вельского; вторая — опричная (3 полка).

Но перебежчик, боярский сын Кудеяр Тишенков, желавший отомстить царю Ивану за казнь отца, указал ханской коннице броды, не защищенные москвитями. Конница Девлет-Гирея быстро форсировала Оку, обойдя заслон с западной стороны, и

двинулась к Москве. Под Серпуховым она вдребезги разбила опричный полк воеводы Я. Волынского. Узнав об этом, Иван IV немедленно сбежал со своей личной охраной (Стремянным полком) на север.

Тем временем воеводы земского и опричного войска успели отойти от Оки к Москве и заняли оборону. Начались небольшие стычки между противниками. В одной из них князь Вельский был ранен.

Однако татары не стали штурмовать позиции москвитов. Вместо этого 24 мая они подожгли предместья зажигательными стрелами. Татары надеялись, что пожар облегчит им захват и ограбление города. Но было очень жарко, сухо и ветрено. Огонь быстро охватил весь посад, затем Китай-город и Кремль, взорвались пороховые погреба в Кремлевской стене и в стене Китай-города.

Пожар был столь страшен, что за 3—4 часа уничтожил весь город, уцелел только каменный кремль. Сгорели также скирды необмолоченного хлеба в окрестных полях.

Большинство жителей города сгорело в огне или погибло от дыма (например, князь Иван Дмитриевич Вельский, его жена и дети задохнулись в каменном погребе на своем дворе, где спрятались от пожара). Как пишет Генрих Штаден, очевидец пожара, «в дыму задохлось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля». Люди пытались бежать, но во всех городских воротах и на мостах происходила страшная давка и смертоубийство.

Так, князя Никиту Петровича Шуйского зарезали, когда он пробивался через толпу по Живому мосту из Кремля в Замоскворечье.

Находившаяся в городе армия понесла огромные потери. Боеспособность сохранил всего лишь один полк князя М.И. Воротынского, стоявший на Таганском лугу и отбивавший атаки татар.

Татары, оставив горящую Москву, пошли разорять южные уезды. Они опустошили Рязанское княжество. Москва же выгорела полностью. По свидетельству очевидцев-немцев, приведенному в книге Таубе и Крузе, в ней «не осталось ничего деревянного, даже шеста или столба, к которому можно было бы привязать лошадь». Пепелища были завалены горами обугленных трупов.

Когда царь Иван вернулся в свою исчезнувшую столицу, он приказал стрельцам и другим «служилым людям» сбросить тела погибших в Москва-реку. Трупы завалили ее от берега до берега по всему городу и на несколько верст ниже города по течению, так что река вышла из берегов! Вполне закономерно вскоре началась эпи-

демия: «того же году и на другой год на Москве был мор и по всем городом русским».*

Взяв огромную добычу и около 60 тысяч пленных, Девлет-Гирей тут же ушел назад.** С дороги он послал Ивану письмо, в котором объяснил свое вторжение местью за захват "Казани и Астрахани:

«Жгу и пустошу всё из-за Казани и Астрахани... Захочешь с нами душевною мыслию в дружбе быть, так отдай наш юрт — Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать — не надобно. Желание наше — Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и спознал».

Вскоре после набега Девлет-Гирей прислал в сгоревшую столицу послов — требовать от царя контрибуции («выхода»). Московский лицемер разыграл перед ними целое представление: нарядился в сермягу и баранью шубу, повелел боярам одеться таким же образом и стал плакаться послу «на бедность»:

«Видишь меня, в чем я? Так меня царь твой зделал! Все царство мое выплеснил и казу пожег, дати мне нечево царю твоему!»

По свидетельству английского посла Д. Горсея, татарский посол в ответ на это протянул Ивану «грязный острый нож» и сказал, что хан послал нож царю, чтобы он мог перерезать себе горло и тем избавиться от позора.

Но все же деваться царю Ивану было некуда, пришлось ему согласиться на то, чтобы отдать крымчакам Астрахань. Однако Девлет-Гирей настойчиво требовал еще и Казань. В следующем 1572 году он снова вторгся в московские пределы и опять перешел Оку. Увы, в этот раз ему не повезло. В 45 или в 50 верстах от Москвы, возле села Молоди, на реке Лопасня, его встретил 30 июня князь Михаил Иванович Воротынский (1510—1573). Он командовал объединенными земскими и опричными войсками. По словам Курбского, князь Воротынский был «муж зело крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный». Сражение, в кото-

* Москва после набега татар и эпидемии обезлюдела. Поэтому царь, как сообщает англичанин Горсей, «послал собрать зажиточных купцов и торговцев со всех городов и мест своего государства, чтобы отстроить и заселить столицу». В течение двух лет в Москву переехали несколько сотен купеческих семей из Твери, Новгорода, Торжка, Муромы, Пскова, Белоозера, с Двины, а также из других городов. Но и через десять лет (в 1581 г.) в Москве, по сообщению Поссевино, было только тридцать тысяч жителей, в шесть раз менее прежнего.

** Крымский посол в Литве сообщил Сигизмунду-Августу, что во время набега 1571 года Девлет-Гирей увел в плен 60 тысяч человек и примерно столько же его воины убили. Между тем русские авторы сообщают о 100 тысячах пленных. В данном случае приходится больше верить татарам.

ром москвиты широко использовали легкие передвижные укрепления (так называемые «гуляй-города»), вылилось в веренище ежедневных столкновений и длилось в общей сложности две недели. В ходе его погибло много знатных татар, в том числе некоторые родственники хана, а известный крымский полководец Дивей-мурза попал в плен.

Скорее всего, дело кончилось бы поражением москвитов, ибо они уже израсходовали все запасы провианта и начали есть своих лошадей. Но тут помог случай. Московский наместник князь Ю.И. Токмаков направил с гонцом грамоту к князю Воротынскому, «чтобы сидели бесстрашно, а идет рать от Новгорода» ливонского короля Магнуса, числом в 40 тысяч конницы. Гонца схватили татары, под пыткой он подтвердил это ложное сообщение. Тогда Девлет-Гирей велел своим войскам возвращаться домой.

Хан вернулся в Крым, а Иван Васильевич уже в следующем году обвинил воеводу Воротынского в измене, и лично пытал его — рвал ему волосы из бороды, подгребал раскаленные угли к обнаженному телу 63-летнего заслуженного воина, распростертого на земле между двух костров. Потом едва живого князя заковали в цепи и повезли в ссылку на Белое озеро, но через день или два он скончался от страшных ожогов.

Вместе с ним был казнен князь Никита Романович Одоевский, который в битве на Молоди командовал полком «правой руки». По мнению князя Курбского, истинной причиной казни Воротынского и Одоевского явилось стремление царя завладеть их-богатymi вотчинами:

«Бо еще те княжата были на своих уделах и великия отчины под собою имели: околиво тысячи с них почту воинства было слуг их».

ВЗЯТИЕ ВЕЙСЕНШТЕЙНА (1572 г.) И БИТВА ПРИ ЛОДЕ (весна 1573 г.)

В конце 1571 года Иван вступил в переговоры с новым шведским королем Юханом III. Он надеялся убедить последнего — непонятно на каких основаниях — отдать ему всю Эстляндию. Между тем, Юхан питал ненависть к Ивану и за попытку расправы с его женой, и за попытку захвата Ревеля, и за унижительный для шведских королей обычай вести переговоры с Москвой не напрямую, а через царского наместника в Новгороде.

Кстати говоря, в своем послании Юхану царь Иван как только мог обыграл тему якобы недостойного происхождения Густава I

Вазы, избранного на престол из числа шведских дворян.* Видите ли, он не допускал даже мысли о том, что сын выборного короля может быть РАВЕН ЕМУ, чья власть «от Бога». Желая унижить Юхана, Иван придумал, будто бы его отец Густав был «мужицкого рода» и в юности пас коров — «пригнался из Шмотлант с коровами». Свое письмо к Юхану царь завершил грубой бранью:

«А ты, взяв собачий рот, захочешь на посмелять, ино твоё страдничье пригожество: тебе то честь, а нам, великим государем, с тобою и сылатца бесчестно... А с тобою перелаиваться, и на том свете того горее и нет, и будет похощь перелаиваться, и ты себе найди такова же страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся...

Что касается Екатерины Ягеллон, жены Юхана, выдачи которой для насилия и казни Иван домогался столь страстно, что ранее предложил за нее свои завоевания в Эстляндии, то по этому поводу московский лжец и лицемер, не моргнув глазом, заявил: «жена твоя у тебя, нехто ее хватает» /никто ее не хватает/.

Понятно, что подобные оскорбления могли привести лишь к одному — к войне. Юхан приказал своему флоту установить блокаду Нарвы, что сильно затруднило закупки Москвой стратегичес-

ких товаров в Англии, Дании и Германии. В ответ Иван решил полностью вытеснить шведов из всей Эстляндии.

Поздней осенью 1572 года он выехал из Москвы с обоими сыновьями в Новгород, где уже собрались полки, готовые к войне. Лично возглавив армию, царь двинулся к Нарве и оттуда начал вторжение. Карамзин пишет:

«В один день вступило 80.000 россиян в Эстонию, где никто не ожидал их и где мирные дворяне в замках своих весело праздновали святки, так что передовые наши отряды везде находили пиры, музыку, пляски. Царь велел не щадить никого: грабили дома, убивали жителей, бесчестили девиц».

Московиты нигде не встречали никакого сопротивления вплоть до крепости Вейсенштейн (ныне Пайде) в центральной части Эстляндии. В ней крошечный шведский гарнизон (50 человек!) вместе с горожанами и крестьянами из ближайших селений попытались дать отпор огромной армии. После артиллерийского обстрела крепость была взята штурмом, во время которого 1 января 1573 года погиб царский любимец, известный опричник Малюта Скуратов.* В ярости царь приказал сжечь живыми всех пленных немцев и шведов. В этой связи Карамзин отметил:

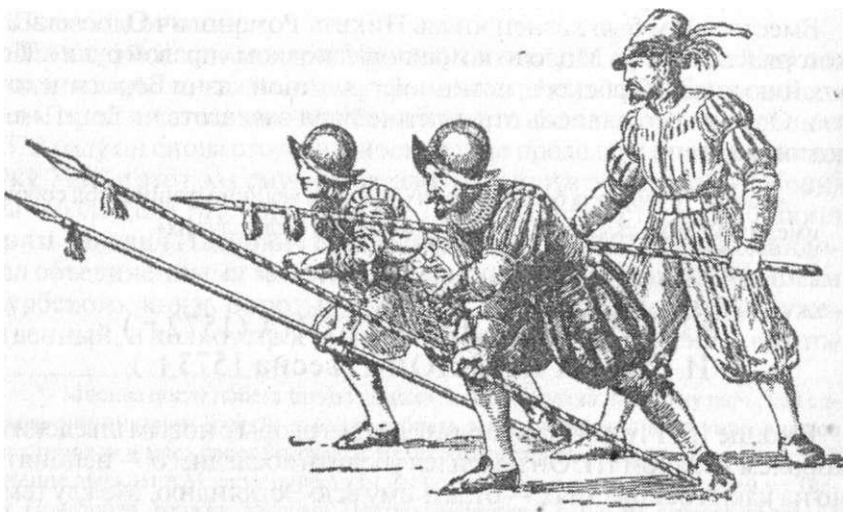
«Малюта Скуратов положил голову на стене, как бы в доказательство, что его злодеяния превосходили меру земных казней! Иван изъявил не жалость, но гнев и злобу: он сжег на костре всех пленников, шведов и немцев: жертвоприношение достойное мертвеца, который жил душегубством!»

*

От Вейсенштейна царь Иван вернулся в пригород разоренного им Новгорода, оставив в Ливонии касимовского «царя» Саин-Булата и «короля» Магнуса. Они взяли крепости Нейгоф и Каркус.

Однако в «чистом поле» московские войска не могли противостоять соблюдавшей «европейский строй» шведской пехоте. Весной 1573 года московские войска под командованием воеводы князя Мстиславского (16 тысяч) сошлись близ замка Лоде (Западная Эстляндия) с двухтысячным шведским отрядом генерала Аксона (по другим сведениям — Клауса Тотта). Несмотря на 8-кратное численное превосходство, московиты потерпели сокрушительное поражение. Шведам достались все пушки, знамена и обоз.

* «Малюта Скуратов» — прозвище дворянина Григория Лукьяновича Плещеева-Бельского, непосредственного командира опричников. Участник множества убийств, главный организатор истребления новгородцев, палач-садист Малюта является одним из самых страшных персонажей русской истории. В народных песнях он изображается как своего рода «злой гений» царя Ивана IV. Зато по оценке И.В. Сталина, Малюта Скуратов был «крупный военачальник, героически погибший в войну с Ливонией»!

Шведские пикеры

* Дворянин Густав Эрикссон (1496—1560) возглавил мощное народное восстание 1521—1523 гг., освободившее страну от господства датчан. После изгнания иноземцев, 6 июня 1523 года риксдаг избрал его королем под именем Густава I. Основанная им династия Ваза царствовала в Швеции до марта 1809 года.

Весть о неудаче при Лодзе совпала по времени с восстанием татарского племени черемисов в Заволжье в районе Казани. Усмирение бунта требовало привлечения значительных сил. То и другое, вместе взятое, заставило царя временно остановить войну в Ливонии и вновь вступить в переговоры о мире со шведами. Он послал в Стокгольм своего посланника («гонца») Чихачева. Этот дворянин вез новое письмо царя Ивана к королю Юхану, уже не бранное, но миролюбивое. В нем он уведомил, что отдал приказ своим воеводам прекратить все боевые действия вплоть до приезда в Новгород шведских послов для заключения мирного договора.

Тогда же Иван Васильевич, прекратив войну в Ливонии, сыграл в Новгороде свадьбу Магнуса с юной княжной Марией Владимировной Старицкой. Карамзин написал об этом событии:

«Иоанн пировал, веселился с своими любимыми гостями немецкими; сам распоряжал пляскою и пел с монахами духовные песни. Уже Магнус, честимый, ласкаемый, надеялся быть действительным королем, воображая, что царь, сверх богатого обещанного лена отдаст ему все города Ливонские, занятые россиянами; но, вместо пяти бочек золота привезли к нему в дом несколько сундуков с бельем и с нарядными одеждами молодой королевы; вместо всей Ливонии государь пожаловал своему зятю городок Каркус...

Магнус с печальным сердцем уехал в Каркус, из Каркуса в Оберхален, где в ожидании государства жил весьма бедно, не имея более трех блюд на столе... веселя тринадцатилетнюю жену детскими игрушками, питая сластями и, к неудовольствию россиян, одев ее в немецкое платье».

ИВАН IV - ПРЕТЕНДЕНТ НА ПРЕСТОЛ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Еще в 1572 году (19 июля) умер польский король, великий князь литовский Сигизмунд II Август. Несмотря на то, что он был трижды женат, детей у него не было. С его кончиной, прервалась династия Ягеллонов. Выборы нового короля затянулись почти на четыре года. Все это время в Речи Посполитой было так называемое «безкоролевье».

Борьбу за трон в Речи Посполитой мы изложим словами А. Нечволодова.

«Безкоролевье... вызвало, разумеется, сильнейшую борьбу партий. Протестанты хотели иметь королем протестанта, или по крайней мере такое лицо, которое предоставило бы им полную свободу вероисповедания.

Православное же население... желало видеть на престоле сильного московского государя, или его младшего сына Федора.

Выбор Грозного был по сердцу и части шляхты, надевавшейся, что Иоанн обуздает высшее сословие в Польше и Литве, по примеру того, как он это сделал в Москве. Наконец, и среди больших панов были сторонники Иоанна, понимавшие, какую огромную силу над немцами, турками и другими соседями приобретет обширное Московско-Польско-Литовское государство с близким между собой по крови и духу населением.

Но, конечно, как выбору протестанта, так и православного короля сильно противодействовала могущественная католическая партия, имея во главе папского посланника или нунция, хитрейшего итальянца Коммендоне. Он успел объединить между собой всех влиятельных поляков-католиков и умирить все раздоры, бывшие между ними.

Тем не менее, польско-литовская Рада, давши знать Грозному о смерти Сигизмунда-Августа, объявила ему через своего гонца Федора Зенкевича-Воропая о желании видеть королем царевича Федора /напомним, что царевичу было тогда 15 лет, а наследником престола считался его старший брат Иван, который погиб лишь в 1581 г. — Л. 71/.

На это государь отвечал, по своему обыкновению, длинной речью, из которой видно было, что он, не отказывая... в Федоре, склонялся более к тому, чтобы быть избранным самому, причем признавал особенно желательным получить одно Великое княжество Литовское без Польши. То же говорил он и прибывшему впоследствии большому послу Михаилу Гарабурде».

*
Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 181

Между прочим, сторонники Федора постоянно приводили в пример великого князя литовского Ягайло, который, став королем, из врага Польши и язычника превратился в ее друга и христианина. Пример того же Ягайло заставлял надеяться, что новый король будет больше жить в Вильно или Кракове, чем в Москве. Ягайло в свое время клятвенно обязался не посягать на «шляхетские вольности», это мог бы сделать и московский царевич.

Магнаты-католики надеялись, что они смогут уговорить Федора принять католичество, а магнаты-протестанты вообще предпочитали православного короля. Кроме того, литвины и поляки вовсе не случайно хотели видеть своим королем не «лютого самодержца» (по выражению князя А.М. Курбского) Ивана Васильевича, а подростка Федора Ивановича. В Польше и Литве знали, что царевич «умом слаб» и это магнатов вполне устраивало.

Все же у Ивана IV тоже был шанс стать королем Речи Посполитой. Этого не произошло во многом из-за его мании величия. Специально для тех наших современников, которые склонны считать Ивана IV великим политиком, приведем мнение Карамзина. Вот

как он описал его переговоры в феврале 1573 года с князем Михаилом Гарабурдой, посланником от группы литвинских и польских магнатов, выступавших за избрание Федора Ивановича либо самого Ивана:

«При этом он выставил условие: если королем захочет быть царь, то пусть вернет Литве Смоленск, Полоцк, Усвяты и Озерище, а если отпустит в короли сына, то пусть даст ему несколько волостей московского государства...

Иван говорил ни то, ни се, явно колебался, хотя не считал невозможным отпустить сына, но замечал, что он «не девка», чтобы давать за ним приданое, и прибавлял, по-прежнему, что лучше бы было, если б не сына, а его самого выбрали в короли.

Иван требовал Ливонии, отдавал Полоцк, просил Киева, говоря при этом, что он добивается его только ради имени; хотел, чтоб в титуле Москва стояла выше Польши и Литвы, чтобы венчал его на королевство православный митрополит, и в то же время делал странные замечания, противоречившие одно другому:

Он изъявлял подозрение, что поляки и литовцы для того-то и хотят взять у него сына, чтобы выдать турецкому государю; что он сам в старости пойдет в монастырь, и тогда паны польские и литовские должны будут выбрать одного из его сыновей; что лучше было бы, если бы само Великое княжество Литовское без Польши избрало его, а еще лучше было бы, если б поляки и литовцы выбрали себе в короли австрийского принца Эрнеста, Максимилианова сына. Все это перепутывалось в речи Ивана несвязным образом.

В заключение Иван требовал, чтобы не выбирали французского принца, грозя в таком случае войной. Понятно, что такой способ поведения не мог умножить в Польше и Литве число сторонников Ивана.

Между тем хитрый и ловкий французский посол Монлюк красноречием и подарками составил в пользу французского принца сильную партию в Польше. Случилось то, чего особенно не хотел московский государь: избран был французский принц Генрих д'Анжу».

Рассказывая об этой истории, надо подчеркнуть, что охваченный манией величия Иван категорически отвергал идею того, чтобы он — якобы потомок Рюрика (в действительности — сын Телупнева-Овчины) и «помазанник Божий» — опустился до уговоров и подкупа каких-то панов, не говоря уже о выдаче им гарантий сохранения столь важных для них «вольностей». Он явно не понимал (да и не мог понять) то обстоятельство, что польско-литовские магнаты и шляхтичи Речи Посполитой, это не его бессловесные рабы-бояре и рабы-дворяне, любого из которых он может в любое время казнить любым зверским способом просто из прихоти, ради собственного удовольствия. По мнению царя, магнаты и шляхта

должны были радоваться счастью иметь своим королем столь великого государя как он и всячески упрашивать его, соглашаясь на любые условия. Нечволодов писал:

«Когда в Варшаве начался избирательный сейм, то Иоанн не послал туда ни своего посла, ни денег на подкупы. «Иоанн ждал к себе послов польских и литовских, и никак не хотел унижаться до искательства и просьб» говорит С. Соловьев.

Против Эрнеста Австрийского /сына германского императора Максимилиана II — А.Т./ сильно восстал турецкий султан, который не хотел видеть на польском престоле своего соседа и грозил в случае его избрания войной. Кроме того, поляки вообще не любили Австрийский дом. Поэтому на выборах одержала верх партия французского принца Генриха Валуа, брата короля Карла IX, знаменитого устроителя Варфоломеевской ночи.*

Ввиду последнего обстоятельства польские протестанты были сильно встревожены выбором Генриха, но их всех успокоил ловкий французский посол Монлюк, давший за будущего короля торжественное обещание, что протестанты ни в чем не будут стеснены при отправлении своего богослужения».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 181—182

КОРОЛЬ ГЕНРИХ АНЖУЙСКИЙ

Итак, в августе 1573 года 20 польских и литовских послов в сопровождении 150 человек шляхты приехали в Париж за Генрихом. В начале 1574 года 23-летний принц прибыл в Краков, где был коронован.**

* Такое название получила массовая резня протестантов (гугенотов) католиками в ночь Святого Варфоломея, с 23 на 24 августа 1572 года, организованная в Париже Екатериной Медичи (матерью Карла и Генриха) и кланом герцогов Гизов. Тогда в Париже погибли не менее трех тысяч человек.

** Генрих (по-французски Анри) де Валуа, герцог Анжуйский (1551-1589). В 1573-74 гг. король Речи Посполитой; в 1574—1589 гг. король Франции.

Генрих Валуа. Портрет XVI века

Через две-три недели после этого он, в соответствии с клятвой своего посла Монлюка, подписал так называемые «Генриховы артикулы» (знаменитый «Pacta Conventa»). В них король гарантировал: свободу вероисповедания диссидентам (т.е. не́католикам); обещал решать все важные государственные вопросы в согласии с постоянной комиссией из 16-и сенаторов; не объявлять войны и не заключать мира без соответствующего решения сената; не разделять на части «посполитное рушение» (ополчение); созывать сейм каждые два года не больше, чем на 6 недель.

«Новоизбранный король Генрих... был... молодой человек, страстный поклонник карточной игры и всякого рода удовольствий, которым он предавался напролет целые ночи. Днем же он должен был с невыразимой для себя тоской проводить время в занятиях государственными делами, в которых он ничего не понимал, так как не знал ни латинского, ни польского языков... Он проводил свое время почти исключительно с ними одними /французами из своей свиты — А. Т./ и с безумной расточительностью тратил королевскую казну. Во дворце не замедлила наступить такая бедность и такой беспорядок, что иногда нечего было приготовить к обеду или накрыть на стол».

Нечаюдов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 182—183

Но, к счастью как для него, так и для Республики Обоих Народов, пребывание Генриха в Польше заняло менее пяти месяцев. Внезапно из Парижа прибыл гонец, сообщивший королю о смерти его бездетного брата Карла IX, последовавшей 31 мая 1574 года и о требовании матери, королевы Марии Медичи, срочно вернуться во Францию. Сенаторы предупредили Генриха, что разрешение на выезд из пределов Речи Посполитой может дать ему только сейм, который надо еще собрать. Однако Генрих решил эту проблему очень просто. Он в ночь с 17 на 18 июня тайно бежал из Кракова.

Случай был беспрецедентный, хотя и повод уважительный: все-таки французский престол! Радные паны решили бескорольеве не объявлять, но сообщить Генриху, что если он через девять месяцев не вернется в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. Впрочем, все понимали, что надо готовиться к выборам. Разумеется, Генрих возвращаться не пожелал, а взошел на трон под именем Генриха III и правил Францией в течение 15 лет, пока его не убил фанатик-монах.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЭСТЛЯНДИИ (1575-1576 гг.)

Царский посланец Чихачев претерпел в Швеции немало унижений и оскорблений. Оскорбленный московским царем король Юхан отказался принять от Чихачева письмо Ивана. Вместо него

письмо взял севший ради этого на трон вельможа Флеминг. Все же посланник добился своей цели. Летом 1575 года на пограничной реке Сестра в Карелии начались переговоры о перемирии между шведами и московитами.

Они завершились весьма необычным «частичным перемирием» сроком на два года. Стороны пришли к соглашению, что от Ильина дня (20 июня) 1575 года до 1577 года Москва не будет воевать в Финляндии, а Швеция не станет вторгаться в Карелию и Новгородскую землю. Ливония в договоре не упоминалась. Следовательно, она оставалась театром военных действий и царь Иван IV мог сосредоточить здесь свои усилия.

В том же 1575 году шведы вместе с шотландскими наемниками безуспешно осаждали Везенберг; разбили московский отряд в бою при Вендене (современный Цесис в Латвии). Несмотря на это, в ходе кампании 1575—1576 гг. московские войска, при поддержке сторонников Магнуса, овладели всей Западной Эстляндией.

Московская осадная пиhаль середины XVI века

Центральным событием кампании стало взятие воеводой Никитой Захарьиным-Юрьевым в конце 1575 года крепости Пернау (ныне Пярну), где он потерял во время нескольких штурмов около 7 тысяч человек. Несмотря на большие потери, воевода не стал учинять расправу с гражданским населением и пленниками. Напротив, он предоставил им право выбора: присягнуть царю или уехать со всем своим достоянием. Следствием столь благоразумной политики стало то, что замки и города Гельмет, Леаль, Лоде, Руэн, Пургель (или Пуркиль), Эрмес, Фиккель в следующем 1576 году сдались Захарьину-Юрьеву без сопротивления, а вслед за ними довольно сильная крепость Габсаль (ныне Хаапсалу).

Таким образом, к концу 1576 года московиты фактически овладели всей Эстляндией, кроме Ревеля. Утомленное долгой войной

население радовалось миру. Так, после добровольной сдачи Габсбургов местные жители устроили танцы, поразившие московских дворян. Один из них сказал своему знакомому немцу:

«Если бы мы, русские, живые сдали неприятелю такую крепость, что сделал бы с нами царь? И кто из нас посмел бы взглянуть прямо в глаза доброму христианину? А вы, немцы, празднуете стыд свой!»

Карамзин писал:

«Они праздновали среди могил и пепла. Казалось, что Ливония, истерзанная всеми бедствиями войны долговременной, жертва и добыча всех народов соседственных, уже не могла испытать ничего злейшего. Голод, нищета свирепствовали не только в хижинах, но и в замках. Таклетописец говорит, что жена знатного рыцаря фон Тедвена, имев прежде великолепный дом, блистав пышностью удивительною для самых богатых людей, умерла тогда в Габсале на соломе и положена в землю нагая!..

Но судьба еще готовила новые ужасы для сей страны несчастной».

Глава 5

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ

(1577—1583 гг.)

КОРОЛЬ СТЕФАН БАТОРИЙ

В ноябре 1575 года в Варшаве вновь открылся избирательный сейм.* На сейм явились послы от имени соискателей освободившейся короны. От Эрнеста, сына германского императора Максимилиана II и от него самого; от Сигизмунда, сына шведского короля Юхана III; от Альфонса, герцога Феррары (в Италии); от воеводы вассального по отношению к Турции княжества Семиградского (Трансильвании) Стефана Батория. Не было только послов от царя Ивана IV. Он по-прежнему считал ниже своего достоинства предпринимать хоть какие-то меры, способствующие его избранию.

По этому поводу Карамзин сказал:

«Теперь в Польше и Литве, по поводу выбора другого короля, снова складывалась партия в пользу московского дома. Главой ее был человек очень сильный, примас королевства, гнездинский архиепископ Яков Уханский. Он сносился с царем и научал его, как следует расположить обещаниями и дарами знатнейших панов. Но Иван действовал очень лениво, а в это время император Максимилиан прислал к нему посольство с просьбой ходатайствовать в Польше, чтобы в короли был выбран эрцгерцог Эрнест.

Иван думал было сначала устроить так, чтобы в Польше был выбран Эрнест, а в Литве он. Но такой план не нашел сочувствия в большинстве панов Литвы, не говоря уже о польских панах; план этот не был по сердцу и самому австрийскому дому; и там было желание владеть совокупно Польшей и Литвой; притом же Иван, намекая на такое разделение, про-

* Польские и литовские представители съезжались в Варшаву потому, что она находится примерно на середине пути между Краковом и Вильно — столицами Польши и Литвы.

Стефан Баторий
Худ. В. Стефановский, 1576г.

тиворечил себе, говоря, что он будет доволен, если Эрнест будет вместе королем польским и литовским. Такое колебание было причиной, что партия, желавшая избрания короля из московского дома, совершенно исчезла».

12 декабря австрийская партия, состоявшая в основном из польских магнатов, провозгласила королем императора Максимилиана II, а 14 декабря партия шляхты, возглавляемая Яном Замоиским и Самуилом Зборовским, провозгласила королем 42-летнего Стефана Батория (1533—1586), с тем условием, что он женится на 54-летней Анне Ягеллон, старшей сестре покойного короля Сигизмунда II Августа.

Таким образом, в Республике оказалось сразу два короля. У австрийской партии были все шансы выиграть, поскольку посланцы Литвы и Пруссии тоже поддерживали кандидатуру Максимилиана. Однако Максимилиану надо было действовать смело, не останавливаясь перед тем, чтобы применить оружие, если того потребуют обстоятельства. Между тем, германский император по своему душевному складу не был способен на решительные поступки. Он тянул время в переговорах с послами сейма и не двигался с места, опасаясь войны с турками, поддержавшими Батория.

Напротив, Баторий сразу принял все предложенные ему условия и быстро отправился со своим войском в Польшу. 18 апреля 1576 года он торжественно въехал в Краков, а 1 мая короновался и вступил в брак с Анной Ягеллон.

Он поклялся на Библии соблюдать «*Pacta Convente*» короля Генриха и все уставы Республики; усмирить крымских татар, освободить либо выкупить польско-литовских пленников в Крыму; вернуть Литве все ее земли, завоеванные Москвой. После этой клятвы недовольные умолкли. Представители Польши и Литвы единодушно воскликнули: «Да здравствует король Стефан Баторий!»

Баторий принадлежал к старинному венгерскому роду Баторий Шомлю. В 15 лет поступил на военную службу к Фердинанду I

Габсбургу (1503—1564), королю Чехии и Венгрии. Вместе с ним жил в Италии, учился в Падуанском университете. Позже служил трансильванскому князю Иоанну Сигизмунду Запольяну. Попад в плен к немцам, в течение трех лет занимался науками, в частности, изучал труды римских историков и юристов. С 1571 года, после смерти Иоанна Сигизмунда, — князь Трансильвании. Вот как отзывался о нем Нечволодов:

«Баторий был чистокровный венгерец, скромного дворянского рода, достигнувший к 38 годам жизни, благодаря своим удивительным способностям в военном деле, звания воеводы Седмиградского княжества.

В своей молодости он окончил знаменитый итальянский университет в Падуе, ректором коего был одно время Ян Замоиский. Вероятно, тогда же между ними возникли прочные дружеские отношения, скрепленные браком Замоиского на племяннице Батория — Гризельде. Нет сомнения, что главным образом благодаря стараниям Замоиского польская шляхта решила избрать Батория королем, мечтая, что мало кому известный венгерец будет ее послушным орудием.

Но она жестоко ошиблась. Никто более Батория не был так способен быстро забрать в руки власть в королевстве. Став королем, он немедленно приступил к самому ревностному занятию государственными делами, проявляя непреклонную настойчивость и беспощадную строгость...

Баторий говорил только по-венгерски и по-латыни и не давал себе труда изучить польский язык. Со своей же престарелой супругой Анной Ягеллонкой он находил достаточным вести все разговоры при посредстве переводчика, что очень обижало последнюю.

Будучи врожденным воином и страстным охотником, новый король вел изумительно простой образ жизни. Он не носил перчаток и пренебрегал чулками, употребление которых в то время уже распространялось. Несмотря на неважное здоровье и рану в ногу, которая никогда не заживала, Баторий легко переносил все невзгоды военного времени.

«Король быстро двигается в коляске», пишет про него один очевидец: «на ночь ему только палатка, а в ней ни лавки, ни столика; в полдень он подкрепляется едою в шалаше из веток; сидение ему делают, вбивая в землю несколько кольев и укладывая на них перекладки; таким же способом устраивают и столик. О постели или пологе и не спрашивай. Если король захочет после обеда заснуть или отдохнуть, то наскребут мелко березовых веток с листьями, расстелют по земле вместо матраца, и вот на эти ветки ложится король и спит как в самой лучшей опочивальне».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 192—193

* * *

Разумеется, Иван IV был крайне недоволен избранием Батория. Он надеялся, что в случае воцарения Максимилиана, тот, опасаясь войны с Турцией и ради укрепления дружбы с Московским госу-

дарством, одобрит захват Ливонии. Узнав о приезде Батория в Краков, Иван написал Максимилиану:

«Мы твоему избранию порадовались, но после узнали, что паны помимо тебя выбрали на королевство Стефана Батория... который уже приехал в Краков и женился на королеве Анне... Так ты бы, брат наш дражайший, промышлял о том деле скорее, пока Стефан Баторий на тех государствах крепко не утвердился; и к нам отпиши со скорым гончиком, с легким, как нам своим и твоим делом над Польшей и Литвою промышлять».

Но Максимилиан ни на что не решался, лишь раздражал Ивана своим заступничеством за Ливонию. Вскоре он умер, 12 октября того же 1576 года.

Став королем, Баторий первым делом занялся вольным ганзейским городом Данцигом (ныне польский Гданьск), жители которого не хотели его признавать. Они требовали от него подтверждения их вольностей и прав путем «гарантийного соглашения» с германским императором. Все же надежды московского царя на длительную смуту в Речи Посполитой не оправдались. Баторий был человек решительный. Он осадил Данциг и к концу 1577 года силой заставил местных жителей присягнуть на верность ему.

В июле 1576 года король Стефан отправил в Москву послов Грудзенского и Буховецкого с грамотой, в которой обещал соблюдать перемирие до установленного срока и предлагал начать переговоры о мире. Однако в своей грамоте (по выражению Карамзи-

на, «в письме учтивом и скромном») он назвал Ивана IV не царем, но великим князем московским; не упомянул его титулы «князя Смоленского и Полоцкого»; величал царя «братом», себя — «государем Ливонским». Думные бояре, бывшие, с одной стороны, покорными рабами царя, а с другой стороны, просто помещанными на вопросах родovitости и знатности, так ответили послам:

«Мы удивились, что государь ваш не называет нашего господаря царем и великим князем смоленским и полоцким и отчину нашего господаря, землю Лифляндскую, написал в своем титуле. Господарь ваш пришел на королевство Польское с небольшого места, с воеводства Седмиградского, которое подчинено было Венгерскому государству. А нашего государя все его братья, великие господари, главные на своих королевствах, называют царем: так вам бы, паны, пригоже было советовать Стефану королю, чтобы вперед таких дел не начинал, которые к разлитию христианской крови приводят».

Все же Иван согласился продлить перемирие. Он надеялся, что это поможет ему покончить со шведами в эстляндской части Ливонии, с которыми шла жестокая борьба.

Со своей стороны, король Стефан приказал построить в полоцких землях несколько крепостей, чтобы создать оборонительный рубеж против дальнейшего продвижения московитов. Гетман Роман Ходкевич и ротмистр Баркулаб Корсак летом — осенью 1576 года возвели четыре замка:

«Пан Баркулаб Иванович Корсак, староста дисенский и ротмистр кролевский, войт дисенский, рыцер и военник добрый, славный, замок Диену, замок Вороницы, замок Леплю /Лепель/, замок Чашники — тые вси замки по взятию Полоцком веспол с паном Романом Ходкевичом сами и з своим людом позакладали и места посажали людами добрыми» (Баркулавская летопись).

Желая находиться поближе к главному театру будущих военных действий, король Стефан сделал своей главной резиденцией замок в Гродно.

ВТОРАЯ ОСАДА РЕВЕЛЯ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЙНЫ С ЛИТВОЙ (1577 г.)

В конце 1576 года царь Иван Васильевич решил окончательно добить Ливонию. Время казалось ему благоприятным для этого. Шведский король Юхан III пытался снова утвердить католицизм в своей стране, что вызвало раскол в обществе и ряд мятежей. Поэтому шведы (так думал царь) не могли оказать серьезного сопро-

Литовские шляхтичи — депутаты вального сейма (XVI век)

тивления. А король Стефан вел кровопролитную осаду бунтующего Данцига.

Хан Девлет Гирей в сентябре 1576 года начал набег в Московию с 50 тысячами всадников, но от Молочных Вод ушел назад в Крым, узнав, что московские полки стоят на берегах Оки и что донские казаки смелым набегом взяли Ислам-Кермен. Увеличив гарнизоны крепостей южной и юго-западной части страны для отражения новых набегов крымцев, царь решил окончательно добить Ливонию.

Чтобы закончить покорение Эстляндии, требовалось овладеть Ревелем. Поэтому в январе 1577 года 50-тысячное московское войско воевод Ивана Васильевича Шереметева «Меньшого» и Федора Ивановича Мстиславского вторглось в Северную Эстляндию и 23 января осадило Ревель.

Зверства они чинили везде. Пленных сажали на кол или разрубали на части. В одной из стычек московиты захватили в плен ливонского ландмаршала Гаспара фон Мюнстера, которому было уже

за шестьдесят. Ему выкололи глаза и забили кнутами до смерти. Сохранились слова Мюнстера: «Почему вы убиваете меня так долго»? В городке Амераден московиты целый день насиловали всех местных девушек, общим числом около 40.

Под Ревелем московское войско расположилось пятью лагерями. У Шереметева было 28 осадных пушек, причем четыре из них (камнеметы) могли бросать каменные ядра весом до 96 кг! С 27 января в течение шести недель они обстреливали Ревель, пытаясь зажечь его калеными ядрами. Однако гброжане успешно боролись с пожарами, создав специальную команду, следившую за полетом и падением снарядов.

Город защищал шведский гарнизон во главе с генералом Горном. На этот раз шведы

еще более основательно подготовились к защите своей главной твердыни. У них было в пять раз больше пушек, чем у осаждавших — 140 стволов. Ревельская артиллерия отвечала мощным огнем, нанося жестокий урон осаждающим. Пушечное ядро убило старшего московского воеводу И.В. Шереметева, обещавшего царю взять Ревель или умереть. Московиты три раза штурмовали крепостные укрепления, но каждый раз безуспешно. В ответ ревельский гарнизон часто делал смелые вылазки, мешая вести серьезные осадные работы.

Активная оборона ревельцев, а также холод, голод и болезни привели к значительным потерям в лагере осаждавших. 13 марта им пришлось снять осаду. Уходя, московиты сожгли свои лагерь, переполненные трупами; и ушли. Ревельцам они передали, что скоро вернутся.

Кстати сказать, князь Ф.И. Мстиславский, несмотря на двухлетнее перемирие в отношении Финляндии, посылал татарскую конницу по льду замерзшего Финского залива в набеги на ее берега: жечь, грабить, захватывать пленников. Таково было обычное отношение московитов к любым договорам, подписанным их представителями.

Вот что писал Костомаров о походе московитов в Северную Эстляндию:

«Не только шведы и немцы, но чухны дрались против русских. Крестьянское население, терпевшее утеснения от немецких баронов, было прежде расположено признать власть Москвы, но свирепость, с*какою по приказанию царя русские обращались вообще с жителями Ливонии без различия их происхождения, до того раздражила чухон, что они составили большое ополчение под начальством Ива Шенкенберга, прозванного Аннибалом /Ганнибалом/ за свою храбрость, и отличались против русских бесчеловечной жестокостью: не было пощады ни одному русскому, попавшему им в плен... Шенкенберг, предводительствуя толпами вооруженных земледельцев, взял Вейсенштейн, сжег Пернау, ограбил несколько городков и замков в Эрвене, в Вирландии, близ Дерпта».

Итак, столкнувшись с безудержным грабежом и чудовищной жестокостью московитов, крестьяне повернули свое оружие против них. Крестьянское ополчение атаковало московские гарнизоны. В конце июля его предводителям стало известно, что от Новгорода и Пскова идет большое войско во главе с самим Иваном ГУ. Шенкенберг и его помощники думали, что царь хочет расправиться с ними за истребление своих ратников. Однако они ошибались, Иван шел в южную часть Ливонии, в литовские владения.

До середины 1577 года перемирие между московской Русью и Речью Посполитой соблюдалось. Но затем Иван, как уже сказано,

Доспехи воина Речи Посполитой
Середина XVI века

решил воспользоваться тем, что Баторий все еще осаждал Данциг и, пока не поздно, захватить южную Ливонию. Нарушив перемирие с Речью Посполитой, 25 июля он вторгся из района Пскова в контролируемые Литвой юго-восточные районы Ливонии. Магнусу он приказал идти к Вендену.

Надеясь на договор о перемирии, король Баторий не направлял сюда сколько-нибудь значительных сил. Он еще не знал, что не только письма, но и подписи Ивана Вasilyевича на межгосударственных соглашениях не стоят ровным счетом ничего. Московский тиран уважал только силу. Литовский гетман Ян Ходкевич, имевший небольшое войско, не стал вступать в бой и ушел за Западную Двину.

Не встречая никакого сопротивления, войска царя Ивана буквально за месяц заняли основные крепости и замки юго-восточной части страны. Здесь города и замки — Мариенбург, Крейцбург, Лаудон, Берсон, Люцин, Кальценау, Розиттен, Динабург и другие — сдались им без единого выстрела.

Только один город Зесвеген попытался оказать сопротивление. Прибывший сюда воевода Фома Бутурлин овладел посадом, после чего сообщил царю, что немцы «сели на смерть в крепости». Иван IV немедленно явился и велел день и ночь стрелять из пушек. Когда стены рухнули, немцы сдались. Царь приказал самых знатных дворян посадить на кол, всех остальных жителей продать в рабство татарам.

Жители Лаудона немного промедлили со сдачей, за что царь приказал полностью разорить и сжечь город. В остальных крепостях он оставил свои гарнизоны.

Таким образом, почти вся Ливония к северу от Западной Двины (кроме Риги и Ревеля) оказалась под контролем Москвы.

Король Магнус тоже брал один город за другим. Их жители считали, что лучше им быть под властью датского герцога, чем московского душегуба, а потому сдавались без сопротивления. Магнус писал им:

«Хотите ли спасти жизнь, свободу, достояние? Покоритесь мне, или увидите над собою меч и оковы в руках москвитян»

Так он занял Венден, Кокенгузен, Ашерарден, Ленвард, Роннебург, Шванебург, Тирзен, Пекальге, некоторые другие города и замки. В Вольмаре горожане выдали ему воеводу короля Стефана, князя Александра Полубенского.

Окрыленный своими успехами, Магнус, всерьез воспринимавший договор о создании Ливонского королевства, подписанный с Иваном, послал царю письмо с просьбой утвердить в составе его

государства те ливонские города, которые сдались на его имя, а также добавить к ним Дерпт. Наивный человек! Он еще не понял до конца, с кем имеет дело.

Разгневанный царь устремился к Кокенгузену. В этом несчастном городе находились 50 человек из войска Магнуса. Иван приказал их убить, а всех жителей продать татарам в рабство. После этого он написал зятю письмо в своей обычной издевательской манере:

«Я отпустил тебя из Пскова с дозволением занять единственно Венден... аты, следуя внушениям злых людей или собственной безрассудности, хочешь всего! Знай, что мы недалеко друг от друга. Управа легка: имею воинов и сухари; а более мне ничего не надобно. Если не захочешь нас слушать, то мы готовы, а тебе от нас нашу отчину отводить не следовало. Если тебе нечем на Кеси (в Вендене.) жить, то ступай в свою землю за море, а еще лучше сослать тебя в Казань. Если поедешь за море, то мы свою вотчину, Лифляндскую землю, и без тебя очистим»...

Царь два дня отдыхал в Кокенгузене. В это время воевода Богдан Бельский с московскими стрельцами окружил Вольмар, где Магнус назначил комендантом Георга Вильке. Вильке не хотел впускать стрельцов, говоря Вельскому, что город сдался его королю. Но увидев, что стрельцы готовятся к штурму, сказал воеводе: «Знаю, что мой король присяжник царя: удерживаюсь от кровопролития. Возьмите город: еду к Магнусу». Бельский отослал Вильке к царю с двадцатью немцами, а еще 70 воинов Магнуса приказал изрубить на куски. Местных купцов он заковал в кандалы, их лавки и дома опечатал.

Подойдя к Вендену (август 1578 г.), где находился Магнус, царь вызвал его к себе. Тот послал к нему пленного князя Полубенского и двух своих послов с извинениями, что приедет немного позже. Иван князя Полубенского принял вежливо, а посланников Магнуса велел выпороть (дворян!) и отправить назад, с требованием, чтобы немедленно прибыл сам Магнус. Напуганный такими действиями царя, ливонский король, успевший забыть о том, что он всего лишь кукла в чужих руках, приказал открыть ворота и впустить в город московское войско.

Сам же явился к царю с 25 своими чиновниками и, сойдя с коня, упал перед ними на колени, моля о прощении. Свидетель пишет, что царь бил герцога кулаками и кнутом, «для спасения жизни Магнус должен был с трепетом проползти несколько тысяч шагов до палатки великого князя и просить у него со слезами прощения». Иван приказал взять его и его чиновников под стражу и бросить в конюшню, где все они несколько дней провели без еды, на грязной соломе. О том, что затем произошло с жителями Вендена, расскажем словами Карамзина:

«Россияне без сопротивления вступили в город. Воеводы, князь Голицын и Салтыков, не велели им трогать жителей; везде поставили крепкую стражу; очистили дома для государя и бояр. Все казалось мирно и тихо. Но Магнусовы немцы /около 300 человек/, боясь свирепости Иоанновой, с женами, с детьми, с драгоценнейшим имением укрылись в замке и не отворяли его.

Россияне хотели употребить силу: немцы начали стрелять, убили многих детей боярских, ранили воеводу Салтыкова; не слушались даже и Магнуса, который приказывал им сдаться. Узнав о том, гневный царь велел знатного пленника, Георга Вильке, посадить на кол, пушками разбить замок, умертвить всех немцев.

Три дня громили стены: они валялись; не было спасения для осажденных. Тогда один из них сказал: «Умрем, если так угодно Богу; но не дадим себя тирану на муки. Подорвем замок!» Все изъявили согласие, даже и пасторы, с ними бывшие. Наполнили порохом своды древнего магистерского дома; причастились Святых Таинств; стали на колена, рядом, семействами: мужья с женами, матери с детьми; молились усердно — и видя стремящихся к ним россиян, дали знак: сановник Магнусов Генрик Бойсман бросил в окно горящий фитиль на кучу пороха... с ужасным треском взлетело здание.

Все погибли, кроме Бойсмана, оглушенного ударом, изувеченного, но еще живого, найденного в развалинах. Через несколько минут он испустил дух, и мертвый был посажен на кол! Страшная месть пала и на мирных жителей: мучили и казнили, секли и жгли их, на улицах бесчестили жен и девиц. Трупы лежали вокруг города непогребенные. Одним словом, сия «Венденская кара» принадлежит к ужаснейшим подвигам Иоаннова тиранства: она удвоила ненависть ливонцев к россиянам».

Заняв после Вендена еще несколько замков и небольших городов, Иван направился к Вольмару, где устроил пир для своих воевод и для нескольких знатных литовских пленников. Последних он 12 сентября велел отпустить домой, подарил каждому шубу и кубок и напутствовал следующими словами:

«Идите к королю Стефану, убедите его заключить мир со мною на условиях, мне угодных, ибо рука моя высока! Вы видели, да знает и он!»

Среди отпущенных был князь Александр Ян Полубенский (ок. 1545—1607) — воевода Вольмарский и Земгальский. Вместе с ним царь отправил издевательские письма гетману Ходкевичу, князю Курбскому, бывшим своим советникам Таубе и Крузе, а также «сыну боярскому» Тетерину-Пухову.

н * л

Окончив поход, Иван IV с частью войска отправился из Вольмара в Дерпт, из Дерпта в Псков, а оттуда в свою Александровскую

слободу под Москвой. В Дерпте он простил Магнуса («вина» которого, напомним, заключалась в попытке напомнить царю условия письменного договора между ними), дал ему во владение несколько ливонских городов (Каркус, Оберхален, Гельмет и другие), вернул право называться королем Ливонии, а также его чиновников.

В Ливонии царь Иван IV оставил воевод Ивана Шуйского и Василия Сицкого. Сразу же после отъезда царя на них с севера напали ливонские немцы и шведы, с юга — литовцы. Последние брали город за городом, замок за замком.

В декабре 1577 года отряд немцев-наемников, служивших в литовском войске, ночью тихо подошел к замку Венден. Немцы открыли ворота заранее изготовленными ключами, внезапно бросились на спящих москвитов и, несмотря на попытки сопротивления, всех убили. После этого в январе 1578 года король Магнус бежал из Оберхалена к Стефану Баторию. Он уже понял, что его отношения с московским царем, это отношения мышки с кошкой. Датский принц, воспитанный в иных традициях, нежели московские князья, вовсе не желал покорно ждать той минуты, когда кошка забавы ради оторвет ему голову.

Стефан Баторий лишил его большей части владений в Ливонии, в результате чего Магнус обеднел и больше не употреблял титул «король Ливонский». Он поселился в Курляндии, тяжело переживал полное крушение всех своих планов и через пять лет умер, едва достигнув 43-х лет. Его молодая вдова с маленькой дочкой осталась жить в Риге. Возвращаться в Москву, кубийце своих родителей* она не хотела.

ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ ЛИТВОЙ И МОСКВОЙ (январь 1578 г.)

Баторий и Замойский (которого король назначил канцлером) деятельно готовились к войне с Москвой. Ведь одним из условий избрания Стефана королем явилось его обещание вернуть Речи Посполитой те земли, которые отобрали у нее московские государи. Карамзин сообщает:

«Стефан Баторий... получил польскую корону на условиях, явно враждебных Московскому государству — отнять все, что в последнее время было захвачено царем. Таким образом, вместо желанного соединения и мира, Ивану Васильевичу со стороны Польши и Литвы угрожала упорная решительная война, тем более опасная, что теперь в соседней стране власть сосредоточивалась не в руках вялого и слабого телом и душой Сигизмунда-Августа, а в руках воинственного, деятельного и умного Стефана Батория.

Гордый вызов был этим сделан со стороны московского государя. Мсть была уже решена в уме Батория; он отложил ее только до укрощения внутренних беспорядков в польских владениях».

Но для этого надо было, во-первых, срздать ^подготовить мощную армию. Во-вторых, требовалось найти на это деньги. В-третьих, следовало укротить своевольных магнатов и буйную шляхту.

Поэтому на поход И вана в перешедшую под контроль ВКЛ часть Ливонии король Стефан поначалу отреагировал лишь упреком царю, что тот, не объявив войны, отбирает у него ливонские города. Он предлагал обойтись без кровопролития, вернуть ливонские города по мирному соглашению.

В ответ царь Иван привел свой излюбленный довод:

«Мы с Божиею волею отчину свою, Лифляндскую Землю очистили, и ты бы свою досаду отложил. Тебе было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с Седмиградского княжества на Корону Польскую и на Великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю. О Лифляндской земле с Польшею и Литвою что велось, то делалось до тебя: и тебе было тех дел, которые делались до тебя, перед себя брать не пригоже. От нашего похода в Лифляндскую землю наша опасная грамота не порушилась; неприязни мы тебе никакой не оказали, искали мы своего, а не твоего. Литовского великого княжества и литовских людей ничем не зацепили. Взяв города *свои* в Ливонии, я выслал оттуда людей твоих без всякого наказания. Ты король, но не Ливонский. Такты бы кручину свою и досаду отложил и послов своих отправлял не мешкая».

Послы Речи Посполитой прибыли в Москву в январе 1578 года: воевода мазовецкий Станислав Крыйский и воевода минский Николай Сапега.* Они заявили, что перемирие нарушено действиями Ивана Васильевича в Ливонии и что король Стефан уполномочил их заключить «вечный мир» при условии возврата всей Ливонии и всех Северских земель.

В привезенной ими грамоте Баторий опять величал себя ливонским государем, а Ивана не назвал ни царем, ни смоленским и полоцким князем, снова обращался к нему как к «брату».

Карамзин описал эти переговоры следующим образом:

«Послам объявили, что бывший дом Ягеллонов происходил отполоцких князей Рогволодовичей и на этом основании московский государь, какро-

дич последних, считает Великое княжество Литовское и королевство Польское своим наследием. Царь... приказывал через своих бояр перед польскими послами говорить разные оскорбительные речи его именем. «Ваш король Стефан не ровня нам и братом быть не может. Мало кого выберете вы себе в короли! Носились слухи, что вы хотите посадить себе на королевство Яна Костку или Николая Радзивилла. Что ж, по вашему избранию разве и этих считать нам братьями? Ваш король недостойн такого великого сана; можно бы и хуже что-нибудь сказать про него, да не хотим для христианства».

Дополним его слова цитатой из Нечволодова:

«В упоении своих успехов, Грозный потребовал для заключения мира, кроме Ливонии — Курляндию и Полоцк, также Киев, Канев и Витебск, и не скрывал своего пренебрежения к Баторию:

«О Седмиградском же государстве мы нигде не слыхали», передавал он послам, «и государю вашему Стефану в равном братстве с нами быть непригоже, а захочет с нами братства и любви, так он бы нам почет оказал».

Послы обиделись, указавши на царя Давида, избранного из низкого звания. Но Грозный приказал им ответить на это: «Давида царя Бог избрал,, а не люди... В том ваша воля, хотя бы кого и хуже родом выбрали — то вам государь; а нам с кем пригоже быть в братстве, тот нам и брат, а с кем непригоже, тот нам и не брат».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 198

При таких обстоятельствах удалось продолжить перемирие лишь на три года, считая от 25 марта 1578 года. При этом грамота, подписанная от имени царя, содержала важное условие;

«Тебе, *соседу* нашему, Стефану королю *в нашей отчине*, Лифляндской и Курляндской земле, *в наши* города, мызы, пристанища морские, острова и во всякие угоды не вступаться, не воевать, городов не заседать, новых городов не ставить, из Лифляндии и Курляндии людей и городов к себе не принимать до перемирного срока».

В грамоте, подписанной послами от имени короля Стефана, это условие отсутствовало. Однако король Стефан и без того не соби-рался подчиняться столь унижительным требованиям.

В это время обстоятельства уже начали изменяться не в пользу Москвы. Еще в 1577 году шведский адмирал Гилленанкер атаковал с моря Нарву, сжег там деревянные укрепления, убил либо взял в плен несколько десятков москвитов. Шведское войско опустошило часть Кексгольмского уезда. Шенкенберг со своими ополченцами атаковал московские гарнизоны и обозы в северной Эстляндии. Он сжег предместье Дерпта, а всех захваченных москвитов казнил, в том числе женщин и детей. Карамзин по этому поводу сказал:

* Николай Павлович Сапега (ок. 1525—1599), учился в Лейпцигском и Кёнигсбергском университетах, граф с 1572, маршалок господарский в 1566—1576, воевода минский в 1576—1588, воевода витебский с 1588. В сражении при Чашниках (январь 1564) был ротмистром, командовал конной хоругвью.

«Не было милосердия, ни человечества: обе стороны в ужасных своих лютостях оправдывались законом мести».

Лишь князь Иван Елецкий и дворянин Леонтий Валуев с горстью людей, испытывая нехватку провианта, выдержали месячную осаду рижских немцев в замке Ленварден. Они сражались как герои, питались мясом и кожей своих лошадей, своим терпением победили неприятеля. Враг ушел, оставив немало трупов под стенами.

Осенью 1577 года литовские воеводы хитростью заняли Динабург. Как бы в знак дружбы они прислали тамошнему московскому гарнизону несколько бочек вина. Ратники перепились, а литвины ночью ворвались в крепость и всех их убили.

Немцы из войска Батория в декабре того же года легко взяли Венден, то самый город, где погибли сподвижники Магнуса, а жители стали жертвами жестокой расправы царя. Беспечная стража ночью спала. Немцы подделали ключи к городским воротам, ночью тихонько открыли их и вошли в город, а затем перебили сонных московских ратников.

До той поры царь Иван IV меньше всего думал о мире. Но встревоженный потерей Динабурга и Вендена, Нарвы и Дерпта, он послал к Баторию своих послов, думных дворян Карпова и Головина, с письмом, в котором заявил, что согласен мирно решить судьбу Ливонии, для чего ждет в Москве новых королевских послов. Но Баторий уже усмирил Данциг и готовился к войне с царем Иваном.

4; * %

Король Стефан употребил на военные издержки свои личные деньги, вместе с канцлером Замойским взял займы у частных лиц. На основе своей трансильванской дружины он создал королевское войско (в противовес шляхетскому ополчению), главную роль в котором играла пехота, полностью вооруженная огнестрельным оружием и обученная по образцу лучших западноевропейских войск. Кроме того, он разными способами побуждал богатых панов вооружать и содержать за свой счет роты гусар и конных стрелков. В дополнение к венгерским, польским и литовским войскам Баторий нанял в Германии и Чехии еще несколько полков пехоты, а также купил лучшие по тем временам пушки вместе с прислугой. Кроме того, он заключил союз с Турцией и Крымом.

Подготовившись, Баторий в июне того же 1578 года послал в Москву своего гонца Вацлава Лопатинского с грамотой о начале войны. Причиной ее он вполне резонно указал вторжение в Ливонию, которую никто и никогда в Речи Посполитой не признавал «исконной вотчиной» московского государя.

БИТВА У ВЕНДЕНА

(октябрь 1578 г.)

После объявления войны Иван приказал войскам, расквартированным в Ливонии, которыми командовали князья Иван Голицын, Василий Тюменский, Иван Мстиславский, Дмитрий Хворостинин, Михаил Тюфякин и другие (вместе у них было 18 тысяч человек), снова идти в наступление. Уже 25 июля они взяли город Оберхален, занятый шведами после бегства Магнуса. Карамзин отметил:

«Взяв сию крепость и 200 пленников, воеводы отослали их в Москву на казнь и смерть».

Далее им следовало сразу идти к Вендену но воеводы долго спорили между собою о том, кто из них самый главный и знатный. Лишь в начале октября эти войска под осадили взятый литовцами в декабре предыдущего года Венден (ныне латвийский Цесис). Они трижды штурмовали город, но все три раза потерпели полную неудачу.

В это же время отряд литовского гетмана князя Андрея Сапеги (его войско состояло из литвинов и немецких наемников) соединился в районе Пернау (Пярну) со шведским отрядом генерала Бойэ, наступавшим с севера. Форсированным маршем объединенное войско двинулось к Вендену. Голицын хотел отступить, однако литвины и шведы утром 21 октября 1578 года решительно атаковали с тыла его войско, которое едва успело построиться. Первой дрогнула татарская конница. Не выдержав огня, она обратилась в бегство. После этого ряды московитов смешались, они убежали в свои укрепленные лагеря, откуда стреляли до наступления темноты.

Ночью четверо предводителей — первый воевода князь Иван Голицын, окольничий Федор Шереметев, князь Андрей Палецкий и дьяк Андрей Щелкалов — ускакали верхом в сторону Дерпта. Вслед за ними бежала вся конница. Утром в бой с литовско-шведским войском вступили пушкарки под командованием окольничего Василия Воронцова и пешие отряды воевод Василия Сицкого, Данилы Салтыкова и Михаила Тюфякин. Воронцов и Сицкий погибли в бою. Судьба пушкарей, по запискам Гейденштейна, была такова:

«Когда у поставленных при этих орудиях пушкарей большая часть была перебита, а другие разбежались, то остальные, видя, что наши овладели лагерями, потеряв надежду на спасение орудий, и вместе с тем и любовь к жизни, добровольно повесились на веревках, которые, как мы выше

сказали, спускались сверху жерл» /во рвы, выкопанные спереди перед пушками.

Литвинам и шведам достались 17 осадных орудий (по другим данным 31), весь обоз и множество лошадей. Согласно ливонским хроникам, под Венденом из 18-тысячной русской рати погибли 6022 человека. В плен попали окольный Татев, князь Хворостинин и Тюфякин, дьяк Клобуков.

Узнав о поражении под Венденом, Иван, который находился в это время в Пскове, «пришел в ужас» (слова Карамзина) и немедленно уехал в Москву. На этот раз он не казнил беглецов. Зато выместил свою злобу на жителях Иноземной слободы в Москве, приказав убить многих из них, в основном, из числа пленных ливонцев.

«Назло ему и к большей его досаде Курбский прислал ему тогда язвительное письмо: противопоставлял прежнюю славу своего отечества с настоящим посрамлением:

Вместо храбрых и опытных мужей, избитых и разогнанных тобою, ты посылаешь войско с каликами, воеводишками твоими, и они, словно овцы или зайцы, боятся шума листьев, колеблемых ветром; вот ты потерял Полоцк с епископом, клиросом, войском, народом, а сам, собравшись с военными силами, прячешься за лес, хороняка ты и бегун! Еще никто не гонится за тобой, а ты уже трепещешь и исчезаешь. Видно, совесть твоя вопиет внутри тебя, обличая за гнусные дела и бесчисленные кровопролития!» (Карамзин)

Выхода не было, пришлось Ивану осенью 1578 года возобновить переговоры с Баторием.

«Иван Васильевич... отправил к Баторию посольство /тех же думных дворян Карпова и Головина/, но уже не приказывал своим послам каких-нибудь оскорбительных выходок, напротив, велел им не обращать внимания, если король не спросит о царском здоровье и не встанет с места, когда они будут отдавать ему поклон от московского государя. В другое время по общепринятым обычаям это было бы сочтено большим оскорблением. Мало того: если послов станут бесчестить и бранить, то им следовало на это жаловаться приставу слегка, а не говорить «прятко». Унижение не помогло. Баторий обращался с послами гордо и готовился снова идти на Ивана». (Карамзин)

Царь надеялся, что король приостановит на это время боевые действия, а ему (Ивану) удастся в следующем году взять, наконец, Ревель. Для этого похода в Псков стягивались войска и тяжелая осадная артиллерия. Но он сильно ошибался. Баторий решил продолжить удачное начало.

ПЕРВЫЙ ПОХОД БАТОРИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛОЦКА (1579 г.)

Польские магнаты и шляхта, как и прежде, не давали королю денег и в своем большинстве не хотели воевать. Замойскому с трудом удалось уговорить сейм не заключать мира. Баторию и Замойскому пришлось опять тратить свои личные средства и делать займы. Из Венгрии они выписали еще пехоту.

Определяя направление главного удара, король Стефан отверг предложение идти в Ливонию, где было много крепостей с московскими войсками (в целом до 50—60 тысяч человек). Борьба в таких условиях могла стоить его армии больших потерь. Кроме того, он полагал, что в разоренной многолетней войной Ливонии его солдаты-наемники не найдут достаточного количества продовольствия и добычи. Стефан решил нанести удар там, где его не ждали — в районе Полоцка.

Между тем, царь Иван полагал, что раз причиной войны является Ливония, основным театром военных действий станет она. Соответственно, большую часть своей 60-тысячной полевой армии он направил за Двину — в Курляндию, а сам в июле выступил к Новгороду. Московское государство обладало, в целом, более чем двойным перевесом в силах над Баторием. Но пользы от этого не было никакой. Карамзин следующим образом объяснил суть проблемы:

*

Осада Полоцка в 1579 году

«Тени Шуйского, Серебряного, Воротынского мечтались воображению Иоаннову, среди могил Новгородских, исполненных жертвами его гнева: он не верил ни усердию воевод своих, ни самого народа; доверенность свойственна только совести чистой. Изгубив героев, царь в сие время шадил воевод недостойных: князя Иван Голицын, Палецкий, Федор Шереметев, запечатленные стыдом Венденского бегства, снова начальствовали в рати! Видя опасную войну пред собою, он не смел казнить их, чтобы другие, им подобные, не изменили ему и не ушли к Баторию! Думая так о своих полководцах, Иоанн считал медленность, нерешительность благоразумием; хотел угрожать неприятелю только числом собранного войска; еще надеялся на мир, или ждал крайней необходимости действовать мечем, и дождался!»

I

Войска Батория, сосредоточенные в районе Свири, насчитывали около 45 тысяч человек (30 тысяч конницы и 15 тысяч пехоты). Выступив оттуда, они быстрым маршем подошли к Полоцку и в первых числах августа осадили его. У Двины стала венгерская пехота, возле ее лагеря был наведен понтонный мост. Ниже венгров на берегу реки Полоты стал лагерь воевода Николай Радзивилл «Рыжий» с литовскими войсками и «частными» отрядами польских магнатов. По другую сторону реки Полоты была ставка короля, там же находились королевские войска. Их лагерь окружал глубокий ров с насыпью, за которой стояли кольцом повозки, соединенные железными цепями. Выше королевского лагеря расположился полк немецких наемников.

Осадные действия начались со стороны лагеря венгров. Были проведены туры к стенам внешних укреплений, остававшихся за Полотой, и по ним открыт орудийный огонь. Видя невозможность удержаться здесь, осажденные подожгли эти укрепления и ушли в Большой город.

Царский гарнизон в Полоцке возглавляли князья Василий Телятевский и Дмитрий Щербатый, стрелецкий голова Петр Воынский, а также дьяк Ржевский. У них были большие запасы провианта и пороха, но мало мужества и сообразительности. Оборону они начали с подлого поступка. Приказали убить на стенах, на глазах у осажавших, несколько литовских пленников, привязать трупы к бревнам и бросить в Двину. Понятно, что эта бессмысленная жестокость вызвала у воинов Батория не страх*, а ненависть.

У стен Большого города литовцы построили укрепление, откуда открыли огонь из осадных орудий. Ядра пробивали деревянные стены, но не разрушали их. Тогда стали бросать каленые ядра по способу, изобретенному самим Баторием во время венгерских междоусобных войн, но и против них полоцкие стены оказались неуязвимыми. С. М. Соловьев писал:

«Жители, старики и женщины бросались всюду, где вспыхивал пожар, и тушили его, на веревках спускались со стен, брали воду и подавали в крепость для гашения огня. Множество при этом падало их от неприятельских выстрелов, но на место убитых сейчас же являлись новые работники».

Полоцк сопротивлялся более трех недель. Во-первых, Баторий хотел сберечь людей, которых у него было недостаточно, а потому медлил с решительным штурмом. Во-вторых, осажденным благоприятствовала погода: лили дожди; обозы с хлебом тонули в грязи; лошади падали; войско страдало от сырости и недоедания.

Царь, узнав об осаде Полоцка в Пскове, в августе послал три отряда. Воеводам Хилкову и Безнину он приказал с двадцатью тысячами татар разорять Курляндию. Второй отряд получил задание идти в Карелию и Ижорскую землю, воевать со шведами. Воеводе Борису Шеину, князьям Лыкову, Палецкому и Кривоборскому поручил как можно скорее идти на усиление гарнизона Полоцка.

Взятие Полоцка королем Баторием.

ИзжжгИА. Гваньини «Описаниеевропейской Сарматии», издание1611 г.

Если прорваться в город не получится, то занять крепость Сокол и оттуда действовать на коммуникациях Батория.

Воеводы, увидев, что все дороги к Полоцку перекрыты войсками Батория, засели в малых крепостях Сокол, Суша и Туровля. Оттуда они пытались препятствовать подвозу фуража и продовольствия к осаждавшим, избегая столкновений в поле с высланными против них полками Криштофа Радзивилла и Яна Глебовича.*

В конце третьей недели ко- роль созвал военный совет. Большинство воевод высказалось за то, чтобы немедленно идти на приступ, но Баторий не согласился. Он сказал:

«Если приступ не удастся, что тогда останется делать? Отступить со стыдом!»

Пообещав венграм большие награды, король уговорил их подобраться к крепости и зажечь деревянные стены сразу со всех сторон. В первый же солнечный день, 29 августа, венгры подобрались к стенам и зажгли их. Тогда десять парламентариев, посланных стрелецким головой Петром Волынским, спустились со стен, чтобы начать переговоры, но венгры убили их, поскольку не желали мирной сдачи, а хотели взять крепость приступом, чтобы получить возможность ограбить горожан и церкви. Поэтому венгры, не дожидаясь королевского приказа, кинулись в город сквозь пылавшие стены, за ними двинулась польская и литовская пехота. Однако защитники города к тому времени успели выкопать ров в том месте, где прогорела стена, встретили нападавших залпами из пушек и отогнали их.

Карамзин красочно описал эти события:

«Тут, воскликнув победу, вся дружина венгерская кинулась на приступ, не слушая ни своих вождей, ни короля. Осыпаемые ядрами, пулями, голов-

* Криштоф Радзивилл (1547—1603), каштелян трокский, воевода виленский, великий гетман литовский, получил за свои военные таланты прозвище «Перун», что по-беларуски и по-польски означает «Гром».

нями, венгры сквозь пылавшие стены вломились в крепость; но россияне отчаянно стали грудью, резались, вытеснили неприятеля: он возвратился, усиленный толпами немцев, поляков, и снова уступил остервенению наших.

Сам король, забывличную опасность, находился в сей кровопролитной битве, чтобы восстановить порядок, удержать, соединить бегущих. Час был решительный. Если бы Шеин, князя Лыков и Палецкий ударили на Литву, то могли бы спасти крепость. Они видели пожар, могли издали видеть самую битву и слышать громкий клик осажденных, призывный клик к своим братьям Сокольским... Но прозорливый Баторий занял дорогу: выслал свежее войско к Дриссе, чтобы остановить россиян в случае их движения к Полоцку. В то же время донские казаки изменили нашим воеводам в Соколе: самовольно ушли восвояси, к извинению Шеина и его товарищей. Стефан ждал весь день, всю ночь опасного их нападения; успокоился и спешил загладить неудачу.

Отбив приступ, россияне погасили пожар в крепости: неприятель сделал новые бойницы, новые окопы, приблизился к стенам, отчасти разрушенным, и калеными ядрами опять зажег башни. Еще несколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать от дыма и жара; падали от литовских ядер, от усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобождения; наконец, утратив всю бодрость, требовали переговоров».

На следующий день пожар возобновился, а орудия осаждавших повели обстрел внутренней части укреплений. Тогда Волынский снова послал людей для переговоров. На этого раз они состоялись, и город был сдан с условием свободного выхода из него всем ратным людям.

В московских Разрядных книгах так сказано о капитуляции города:

«Король Стефан взял Полоцк изменою, потому что изменили воеводы, что были худы, а милы были им жены, а как голов и сотников побии, то воеводы город сдали, а сами били челом королю в службу с детьми, с людьми и со стрельцы. Всего воинского люду в Полоцке было 6000. Сдал Полоцк королю Петр Волынский со стрельцами».

Вот что писал по этому поводу Гейденштейн:

«Епископ, или как они говорят владыка, по имени Киприан и воеводы, бывшие в крепости, одни только отговаривали от сдачи и настаивали, что лучше умереть, нежели отдаться живыми в руки неприятелей. Они уже раньше пытались поджечь порох и за один раз взорвать крепость, убить себя и всех находившихся в ней».

Однако стрельцы не дали им этого сделать. Тогда воеводы (кроме Петра Волынского) и епископ Киприан заперлись в храме свя-

той Софии, откуда их пришлось в буквальном смысле слова выкуривать дымом костров, разведенных вокруг церкви.

Выходившим из крепости москвитам Баторий назначил два места сбора: в одно шли те, кто выразил желание поступить на службу к нему. В другом месте собирались люди, предпочитавшие вернуться в свое отечество. Но Баторий отправил последних домой нескоро. Он вовсе не желал хоть как-то способствовать усилению царских сил.

После того как улицы и стены Полоцка были очищены от трупов, король торжественно въехал в город. Своим указом он объявил о возврате его в состав Литвы; приказал построить там роскошный католический храм; Софийский собор оставил за православными; дал им владыкой бывшего епископа Витебского. Отдельным указом король Стефан Баторий объявил полную свободу православного вероисповедания в Литве и в «иных землях», которые он собирался отобрать у царя Ивана в ближайшем будущем.

Добыча, взятая наемниками Батория в Полоцке, оказалась невелика. Это не удивительно, ведь всего шесть лет назад Иван IV ограбил город подчистую: по его приказу в Москву вывезли и городскую казну, и сокровища церквей, а московские ратники и татары раздели горожан, что называется, до нитки. Город просто физически не мог накопить новых богатств за столь короткий срок.

Между прочим, среди тех воинов ВКЛ, что отличились тогда под стенами Полоцка, был запорожский казак Корнила Перевал. Король даровал казаку наследственное дворянство и герб с изображением натянутого лука со стрелой. Через десять лет постаревший и потерявший здоровье Корнила вышел в отставку. У него появились сыновья Рыгор и Богдан. Так возник новый литвинский шляхетский род Перевальских, которых позже стали именовать на польский манер Пржевальскими.*

* Самый известный представитель этого рода — путешественник, почетный член Петербургской Академии Наук, генерал-майор Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888). Он прославился исследованиями Уссурийского края и Центральной Азии. Существует «байка», основанная на чистом внешнем сходстве, будто бы Н.М. Пржевальский — отец И. В. Сталина. Увы, знаменитый генерал-географ был «голубой» и с женщинами никаких дел не имел.

Позже в России прославился еще один литвинский род, берущий начало от шляхтича Жигмонта Корсака из Баркулабово. Указом короля Речи Посполитой Яна III Собеского от 15 мая 1677 года мужчинам рода было позволено носить фамилию Римские-Корсаковы, на том основании, что якобы их предки были римлянами. Наиболее известные Римские-Корсаковы — композитор Николай Андреевич (1844—1908) и контр-адмирал Михаил Михайлович (1872—1950).

ДРУГИЕ ПОБЕДЫ ВОЙСК БАТОРИЯ

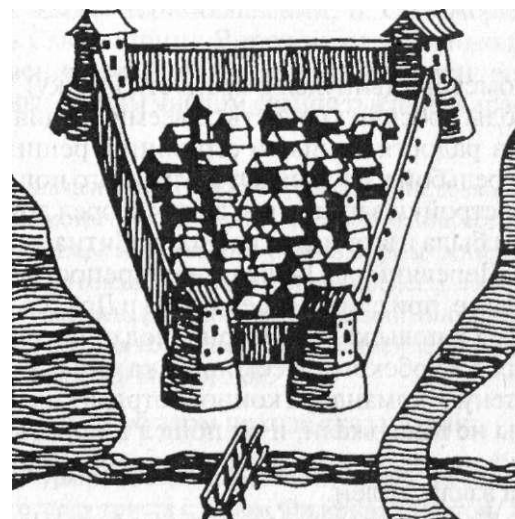
Вслед за Полоцком войска Батория овладели шестью небольшими деревянными крепостями, выстроенными по приказу Ивана IV на подступах к городу.

Впрочем, крепости Козьян (или Касьянов) и Красную запорожские казаки под командованием Франтишка Жука взяли еще до падения Полоцка — 23 и 31 июля.

Козьян они разрушили сразу, а с Красной нышла иная история: приставив к стенам лестницы, казаки ворвались в крепость, захватили вместе с гарнизоном продовольствие и несколько бочек вина. Хорошо отпраздновав победу, казаки крепко уснули. Тем временем из крепости Суша (или Сусса) тихо подошел отряд в составе 800 стрельцов, перебил часть сонных победителей, а крепость сжег.*

После взятия Полоцка отряд литвинского князя Константина Лу-

* Эти крепости действительно были невелики. Гак, Козьян имел форму треугольника (50 x 120 x 100 м). (лены и три башни были деревянные. Внутри огады I сходились деревянные жилые постройки.

Замки Туровля (вверху) и Ситно
Гравюры Д. Кавалери
по рисункам С. Пахоловицкого

Замок Сокол

Гравюра Д. Кавалери по рисунку С. Пахоловицкого, 1580г.

комского двинулся к крепости (замку) Туровля. Московские воеводы бросили крепость со всеми орудиями и припасами и бежали. На радостях князь и его воины решили отпраздновать победу стрельбой из пушек. От случайного попадания бомбы деревянные постройки загорелись, замок сгорел дотла. В тот же день (4 августа) была взята малая крепость Ситна.

Деревянная 11-башенная крепость Сокол стояла на высоком холме, при слиянии рек Нища и Дрисса. Ее осаждали немецкая пехота и польская кавалерия, под общим командованием князя Андрея Курбского. Несколько каленых ядер подожгли деревянную стену. У командира конного отряда князя Федора Шереметева нервы не выдержали, и он пошел на прорыв. Польские кавалеристы гнали москвитов несколько верст, зарубив многих, а Шереметев взял в плен.

Пешие стрельцы воеводы Бориса Шеина под ударом немцев отступили в замок. Две сотни наемников ворвались в замок, что называется, «на плечах русских», однако стрельцам удалось закрыть ворота и перебить всех немцев. Но 11 (25) сентября 1579 года нем-

цы все же взяли Сокол штурмом, а всех уцелевших москвитов перебили, включая воеводу, в отместку за своих товарищей, убитых ими. Гейденштейн писал:

«Повсюду происходило большое убийство, так что многие и, между прочим, Вейер, старый полковник, говоря о своем участии во многих сражениях, не задумывался утверждать, что никогда ни в одном месте битвы не видел он, чтобы так густо и тесно друг с другом лежали трупы».

То же самое отметил и Карамзин:

«Тут началась ужасная сеча, отчаянная для тех и других: ибо россияне захлопнули ворота, опустили железную решетку и не оставили возможности спасения ни себе, ни врагам; резались в пламени, задохались и горели, до той минуты, каклитовцы и немцы вломились в город для совершенного истребления наших, коих пало 4000. В остервенении злобы немцы, терзая мертвых, исказили трупы Шеина и многих иных... Кровапролитие было сильное, русские бросали оружие, молили о пощаде, но их кололи и били».

Больше на этом холме никто не селился, окрестные крестьяне даже в 1912 году находили там обломки оружия и кости. От Сокола король послал легкую конницу к самому Пскову, чтобы наблюдать за передвижениями Иवानовой рати.

Тем временем князь Константин Константинович Острожский прошел Северскую землю вплоть до Стародуба и Почепа, а трое воевод (А. Гудовский, Ф. Кмит-Чернобыльский, Б. Соломерицкий) совершили поход на Смоленщину. Впрочем, от этих походов пострадали преимущественно имения помещиков и дворян, воевавших на стороне Москвы, общим числом свыше тысячи. Карамзин писал:

«Баторий давал своим военачальникам строгое приказание не позволять мучить мирных жителей, не истреблять их полей. В своем манифесте он объявил, что извлекает меч на царя московского, а не на мирных жителей, коих будет щадить, миловать во всяком,случае; что любя доблесть, гнушается варварством, желает победы, а не разрушения, не кровапролития бесполезного. Сказал и сделал: никогда война не бывала для земледельцев и граждан тише, человеколюбивее сей Баториевой.

В «Баркулабовской летописи» об этом походе сказано так:

«Пан Андрей Гудовский, урядник баркулабовский, собравши войско немалое, пешого и конного люду триста с паном Филоном /Кмитой/ и з его милостью князем Богданом Соломерецким, старостою кричевским, а надо всими тыми войсками люду учтивога яко шесть тисечей пан Андрей Гудовский гетманом был; под Смоленском и Рославлем так места выггли,

волости, села попустили; под замком Смоленским мощно и охотне штурм мели, толко не дал им господь Бог его достати, албо вынати; з ласки божое з добычею великою до домов своих здоровы з доброю славою приехали».

Весть о потере Полоцка и Сокола настигла царя Ивана IV в Пскове. Он срочно бежал в глубь страны и уже с дороги послал грамоту в крепость Суша, разрешив, против своего обыкновения, гарнизону отступить, только предварительно зарыть в землю иконы, испортить пушки и порох. Но пока этот указ двигался по дорогам с конными вестовыми, гарнизон Суши сдался (6 октября). Шесть тысяч ее защитников с холодным оружием отправились домой.

Литвинскому воеводе Николаю Дорогостайскому достались в крепости 21 большое орудие, 136 гаковниц, 123 ручницы, 100 бочек пороха общим весом 250 пудов (4 тонны), три тысячи железных ядер.

Наконец, в декабре литвины захватили крепостицу Нещереда.

ОЧЕРЕДНОЙ РАУНД ПЕРЕГОВОРОВ (осень 1579 г.)

В конце 1579 года Баторий вернулся в Вильно. Хотя он не думал о перемирии, осень и зима остановили его блестящие успехи. Наемные солдаты требовали денег, свои — отдыха. Расположив войска на зимние квартиры в приграничных городах, король поспешил на сейм в Варшаву. Когда он там появился, многочисленным клеветникам пришлось умолкнуть. Король рассказал о том, что уже сделал и что собирается сделать в ближайшее время. Сейм единогласно одобрил все его предложения; ввел налоги на войну и разрешил собирать новое войско...

Еще в августе Иван Васильевич велел своим боярам написать литовским радным панам, что якобы он мыслит немедленно идти на короля, но что советники с трудом умолили его прекратить военные действия и что король Стефан докажет свою истинную любовь к человечеству и справедливости, если вступит с царем в переговоры о вечном мире.

Взяв Полоцк, Баторий в середине сентября послал Ивану ответ. Он написал, что по восшествии на престол главным старанием его было сохранить мир со всеми соседями, и везде в этом преуспел. Один только Иван Васильевич заносчиво потребовал от него всей Ливонии и Курляндии.

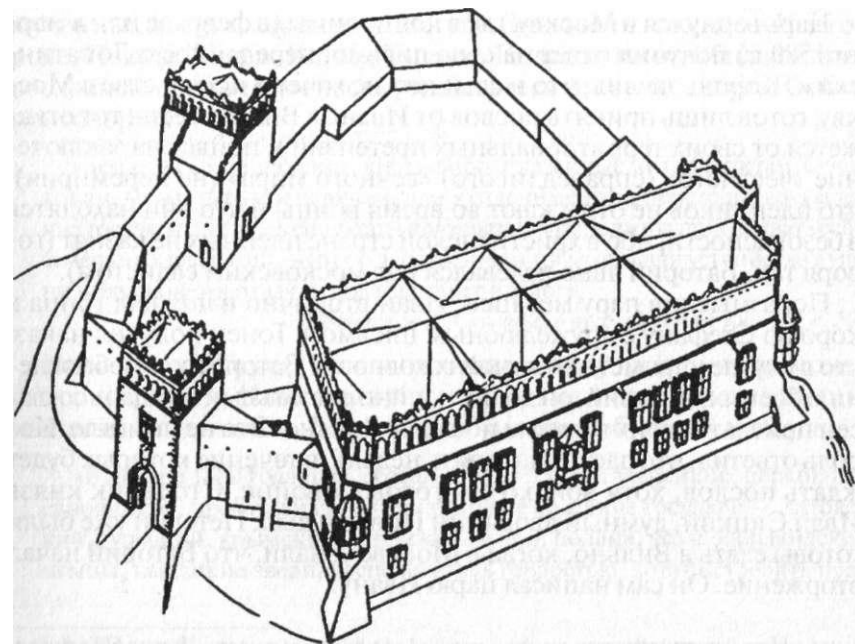
Далее король писал:

«Так как нам не годилось исполнить это требование, то мы сели на коня и пошли под отчинный наш город Полоцк, который господь Бог нам и возвратил: следовательно, кровь христианская проливается от тебя».

Он также заявил, что будет воевать до полного освобождения всей Ливонии от его жестокой власти, и потребовал, чтобы посол Лопатинский, задержанный в Дорогобуже, был немедленно освобожден — в соответствии с международным правом.

Иван в своем ответе, как обычно, врал и изворачивался:

«Другие господа, твои соседи, согласились с тобою жить в мире, потому что им так годилось. А нам как было пригоже, так мы с тобою и сделали. Тебе это не полюбилось, а гордым обычаем грамоты мы к тебе не писывали и не делявали ничего... О Лифляндской же земле и о том, что ты взял Полоцк, теперь говорить нечего, а захочешь узнать наш ответ, то для христианского покоя присылай послов великих, которые бы доброе дело между нами по пригожу постановить могли... Даю опасную грамоту для твоих послов, коих ожидаю с доброжелательством. Между тем да будет тишина в Ливонии и на всех границах. А в залог мира отпусти пленников, на обмен или выкуп».

Гродненский замок — резиденция короля Стефана Батория
Реконструкция Е. Войцеховского

То же самое царь Иван написал и в письме, переданном с Лопатинским, немедленно освобожденным. Он в самом деле приостановил войну в южной Ливонии и боялся идти на Стефана.

Пока шла переписка и ездили царские гонцы, Баторий готовился к новой войне. Вместе с канцлером Яном Замоиским он занимал деньги у магнатов и ростовщиков. Родной брат Батория, князь Семиградский (Трансильванский) прислал ему большой отряд венгров.

Поскольку польские и литовские шляхтичи отказывались служить в пехоте, Баторий и Замоиский впервые ввели в Речи Посполитой воинскую повинность. Было приказано в королевских имениях из каждых 20 крестьян старше 15 лет выбирать одного, которого после службы освобождать навсегда и все его потомство от всех крестьянских повинностей. Между прочим, именно это решение позже привело к значительному увеличению численности безземельной шляхты.

В это же время в Эстляндии московиты в жаркой схватке взяли в плен «Аннибала» Шенкенберга. Вскоре его казнили в Пскове (четвертовали). Кроме того, царским воеводам удалось разбить шведский отряд возле Нарвы, остатки которого ушли в Ревель. Так завершился 1579 год.

Царь вернулся в Москву, где в конце зимы (в феврале или в марте 1580 г.) глгнул ответ на свое письмо, переданное с Лопатинским. Король заявил, что и слышать не хочет о посольстве в Москву, готов лишь принять послов от Ивана в Вильно, если тот откажется от своих территориальных претензий и пойдет на заключение «честного» (справедливого) «вечного мира» (не перемирия); что пленников не отпускают во время войны и что они находятся в безопасности, ибо в христианской стране пленных не казнят (говоря так, Баторий явно издевался над московским садистом).

Поразмыслив пару месяцев, Иван вторично направил гонца к королю Стефану с дружеским письмом. Гонец получил наказ, что в случае упрямства и явной готовности Батория к возобновлению боевых действий, он должен тайно сказать ему, что царь согласен прислать своих великих послов в Вильно. Это не помогло. Король ответил, что дает Ивану пять недель, в течение которых будет ждать послов, хотя войско его готово к войне. Стольник князь Иван Сицкий, думный дворянин Пивов и дьяк Петелин уже были готовы ехать в Вильно, когда в Москве узнали, что Баторий начал вторжение. Он сам написал царю Ивану:

«Назначенный срок мишул, теперь ты должен отдать Литве Новгород, Псков, Луки со всеми областями Витебскими и Полоцкими, также всю Ливонию, если желаешь вечного мира».

ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР 1580 ГОДА

Впервые получив сильную оплеуху за 20 лет своих бесчинств в Ливонии, а главное — испытывая большую нужду в средствах, царь Иван созвал в Москве в январе 1580 года церковный собор. Там он торжественно заявил, что церковь и православие в опасности, ибо восстали на Русь бесчисленные враги — турки и крымцы, ногаи и литва, поляки и венгры, немцы и шведы. Дескать, все они разинули челюсти, словно дикие звери, чтобы поглотить несчастных московитов.*

Далее царь Иван поведал, что он сам с сыном Иваном и боярами бодрствуют день и ночь в трудах, что войска скудеют и нуждаются. После столь драматического вступления царь перешел к главному: монастыри тем временем богатеют, а потому он требует от них жертв. Как видим, уже тогда, в XVI веке, использовалась аргументация, до боли знакомая людям века XXI.

Что ж, церковные иерархи помнили судьбу новгородского митрополита Пимена, московского митрополита Филиппа, архимандрита Чудовского и других священнослужителей, убитых либо замученных по приказу царя-душегуба. Знали они и то, что в Новгороде, Пскове, Твери, Клину, Торжке, Полоцке он ограбил все православные церкви и монастыри. Деваться им было некуда. Собор приговорил:

«Земли и села княжеские, когда-либо отказанные митрополитам, епископам, монастырям и церквам, или купленные ими, переходят во владение государя... Впредь епископы и монастыри не должны присваивать себе земельных владений — ни по дарственным грамотам для устройства душ, ни покупкой, ни отдачей под них денег в залог».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 205

Но и это еще не все. Наложив хищную лапу на церковно-монастырские земли, Иван вырвал у них весьма значительные суммы наличными деньгами. Вот как изложил сие событие Карамзин:

«В январе 1580 года царь созвал собор из всех главнейших церковных сановников, представил им, что неверные соседние государи — литовский, турецкий, крымский, шведский, ногаи, поляки, угры, ливляндские немцы, как дикие звери, распалившись гордостью, хотят истребить пра-

* Таким образом, именно Иван IV положил начало устойчивой российской традиции обвинять Запад в маниакальной ненависти к «святой Руси» и в неустанном плетении коварных «заговоров» против нее, независимо от эпохи и от особенностей политических режимов в Москве или Санкт-Петербурге.

вославие, а между тем множество сел, земельных угодий находятся у епископий и монастырей, служат только для пьянственного и непотребного жития монахов; иные остаются в крайнем запустении, а через это служилое военное звание терпит недостаток.

Собор не смел противоречить, постановлено было, чтобы вперед епископы и монастыри не принимали вотчин по душам, не брали их в залог, а равным образом не продавали вотчин и не давали на выкуп тех из них, которые уже за ними утверждены крепостями. Это уже было не первое распоряжение в таком роде, и замечательно, что сам царь, делая постановления об ограничении прав епископий и монастырей приобретать вотчины, сам нарушал свои постановления и давал то тому, то другому монастырю грамоты на вотчины. Главное, чего добивался Иван, было намерение пользоваться временно за счет церкви. Таким образом, постановлением того же собора царю предоставлялось забрать на себя все княжеские вотчины, какие прежде были отданы или проданы церковному ведомству, также и все заложенные земли, а денежное вознаграждение за них предоставлялось милости государя...

Современник англичанин говорит, что после этого собора, кроме многих недвижимых имений, которые по соборному постановлению переходили на государя, царь взял с духовенства огромную сумму на военные издержки».

ВТОРОЙ ПОХОД БАТОРИЯ (1580 г.)

В кампанию 1580 года Баторий решил пойти на Великие Луки, но чтобы москвиты не разгадали заранее его намерений, приказал войскам собраться под Чашниками (ныне райцентр в Беларуси) — городке на реке Улла, расположенном на равном расстоянии и от Смоленска, и от Великих Лук.

Поэтому до последнего момента царь Иван IV не знал, куда двинет король свои войска. Ему пришлось послать полки к Новгороду и Пскову, Кокенгаузену и Смоленску. На южных границах тоже надо было оставить сильные заслоны от крымцев, а на северо-западе приходилось отбиваться от шведов.

16 июня 1580 года Баторий выступил с 40-тысячным войском из Вильно к Чашникам. Примерно половину его составляла немецкая, венгерская и польская пехота. Другую половину — шляхетская и казацкая конница. От Чашников Баторий двинулся по направлению к Великим Лукам. Захват этого города перекрывал прямые пути из Москвы в Ливонию. Обеспечивая скрытность, король Стефан провел свои войска через леса и болота, там, где 150 лет назад Витовт в 1428 году шел на Новгород. Карамзин отметил:

«Баторий, подобно Витовту, просекал леса, делал гати, мосты, плоты; сражался с трудностями, терпел недостаток; вышел к Велижу, к Усвяту; взял ту и другую крепость, наполненные запасами и, разбив легкий отряд нашей конницы, приступил в исходе августа к Великим Лукам. Сей город, красивый, богатый и торговый, ключ древних южных владений Новгородской державы, обещал знатную добычу корыстолюбивому войску. Там находилось тысяч шесть россиян».

Гарнизон деревянной крепости Велиж сдался Яну Замоискому после того, как его артиллеристы подожгли башни и стены калеными ядрами. Царские ратники в Усвяте сдались Криштофу Радзивиллу оказав самое минимальное сопротивление.

Иван IV, увидев, что перехитрить Батория ему не удастся, снова отправил к нему послов, но уже с другими инструкциями. Впервые он соглашался на уступки за счет завоеванных земель! В данной связи Нечволодов пишет:

«При этих обстоятельствах Иоанн, поборов свою гордость, приказал нашим послам, уже посланным к Баторию, но затем задержанным в виду открытия им военных действий, продолжать свою поездку и вести переговоры о мире».

Взятие Великих Лук. Рис. 1580г.

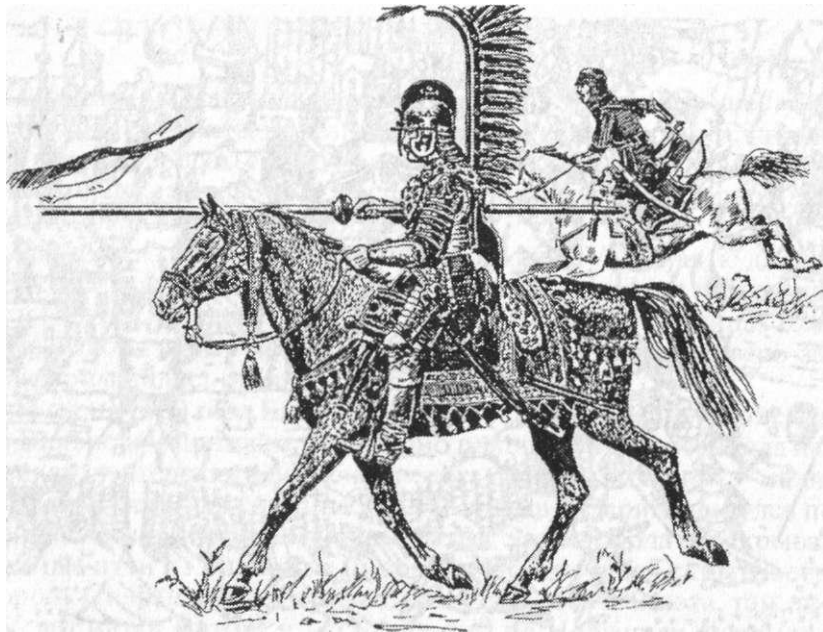
Эти послы, князь Сицкий, дьяки Роман Пивови Фома Пантелеев, явились к королю, когда он подошел к Великим Лукам и терпели... большие дерзости как только перешли нашу границу... Когда они прибыли в стан короля, Баторий сидел в шапке и не привстал, когда они передавали ему по обычаю царский привет.

Послы предложили королю, от имени Иоанна, Полоцк, Курляндию и 24 города в Ливонии. Но Баторий ответил, что он может согласиться на мир, если ему будет уступлена вся Ливония, а также Псков, Новгород, Смоленск, Великие Луки».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 206

Сицкий и Пивов заявили, что не уполномочены делать дальнейшие уступки и попросили разрешения отправить в Москву гонца за новыми инструкциями. Гонец уехал утром 5 сентября, а днем пушкари Яна Замойского удачными попаданиями взорвали пороховой склад в одной из башен крепости и зажгли ее деревянные стены.

Венгры, как и в Полоцке, опасаясь лишиться добычи, если осажденные вступят в переговоры, 6 сентября самовольно пошли на приступ. Они ворвались в город, где стали резать всех подряд, не щадя ни женщин, ни детей. Немцы и казаки последовали их примеру. Тщетно Замойский напрягал все свои силы, чтобы остано-

«Крылатый гусар» армии Речи Посполитой. *Рис. В. Тараторима*

вить эти зверства, ему удалось спасти только двух воевод. Казимир Валишевский пишет:

«В бешеной схватке на этот раз не был пощажен никто. Даже были перебиты монахи, вышедшие крестным ходом с иконами и крестами... Король взял пепелище, залитое кровью, покрытое истерзанными телами».

В Торопце стоял князь Хилков с довольно большим кавалерийским отрядом. Оттуда он делал смелые вылазки, атаковал передовые литовские разъезды. Приказав немедленно начать восстановление укреплений в Великих Луках, король послал против Хилкова князя Збаражского с польской, венгерской и немецкой конницей. Збаражский разбил Хилкова под Торопцом и взял город. Там он взял в плен боярина Григория Нашекина, думного дворянина Черемисинова и 200 детей боярских.

Несмотря на глубокую осень, Баторий продолжал боевые действия, стараясь развить и закрепить свой успех. Невель был подожен и сдался. Озерище сдался сразу, не дожидаясь пожара. Защитники крепости Заволочье под началом воеводы Сабурова отбили первый штурм, но затем сдались отряду Замойского.

Только оршанского старосту Филона Кмита-Чернобыльского с 3-тысячным литовским отрядом разбили воеводы Федор Мосальский и Данила Ногтев. Они атаковали литвинов в 40 верстах от Смоленска (возле деревни Настасьино), одержав полную победу. Московитам достались несколько знамен, 10 пушек и 50 пищалей, весь обоз, а также 370 человек пленных.* Однако этот успех стал единственным в кампанию 1580 года.

На этом закончился второй поход Стефана Батория. Всего за 16 месяцев (август 1578 — ноябрь 1579) он вернул все земли северо-восточной Литвы, ранее захваченные войсками Ивана IV.

Но военные действия, несмотря на зиму, продолжались. В феврале 1581 года литвины ночью подошли к крепости Холм и заняли ее, затем выжгли Старую Русу. В Ливонии они взяли замок Шмилтен и вместе с королем Магнусом опустошили часть Дерптской волости до Нейгауза, то есть до границы с Московской Русью, а также западную часть Псковской земли. Запорожские казаки со своим гетманом Оришевским совершили рейд по южным землям Московского государства.**

* Филон Семенович Кмит (ок. 1530—1587) был одним из предводителей войск ВКЛ. За свои заслуги в 1566 году получил во владение Чернобыль, отсюда приставка к его фамилии «Чернобыльский». С 1566 года староста в Орше, с 1579 — воевода Смоленский. Город в то время принадлежал Москве, но сия должность дала Кмиту право на место в сенате Речи Посполитой.

** Князь Курбский принял участие и во втором походе Батория, но вскоре заболел и вернулся в Ковель, где через полтора года умер.

В конце февраля — начале марта 1581 года жестокие бои шли в Поднепровье. Воеводы Михаил Катырев-Ростовский, Дмитрий Хворостинин, Иван Бутурлин, Щербатый, Туренин, соединив свои отряды в Можайске, совершили поход от Смоленска к Дубровно, Орше, Шклову, Могилеву, Радомле. Они выжгли деревни вокруг этих городов; увели с собой много крестьян. Но попытки захватить Могилев и Шклов провалились, при штурме Шклова погиб князь Бутурлин. Об этом набеге в «Баркулабовской летописи» сказано:

«Москва... з немалым войском, место славное Могилев выжог; там же у край Шклов, Копысу/Копысь/, села велми выпустошили, также и около Могилева... Тепер же от Могилева почали отпирати с трех сторон: Чарторийский от Шупень, Темрюк з Баркулабова, войско литовское з Копыси и з Шклова. Москву от Могилева отперли, побили, отогнали. Страшно было труп московского гледѣти, реку Днепр сильным трупом язовища загородили, иж колко недель днепровое рыбы не ядали и воды не пивали, для великого гнюсу труп московского».

Карамзин так написал о завершении кампании:

«Войско изнемогало от трудов и недугов; сам король лежал больной в Полоцке и ѣ еще бледным лицом явился на сейм Варшавский /в феврале 1581 г./дать отчет в делах своих. Он сказал панам: «Радуйтесь победе, но сего не довольно: умеете пользоваться ею. Судьба предаст вам, кажется, все государство Московское: смелость и надежда руководствуют к великому. Хотите ли быть умеренными? Возьмите по крайней мере Ливонию, которая есть главная цель войны... Дотолѣ нет для нас мира!»

Король объяснил, что необходимо не только вернуть под свой контроль южную часть Ливонии, но и овладеть всей этой страной до границы со шведской ее частью. Желательно также использовать благоприятный момент для того, чтобы разбить силы Московского государства и надолго остановить его завоевательные стремления.

Потом король сказал, что когда он отрывается от войска и спешит на сейм, у неприятеля появляется возможность восстановить свои силы, а войска Республики теряют удобное время для боевых действий. Сейм, воодушевленный его победами, решил дать денег для ведения войны еще на два года. Но при этом депутаты попросили короля, чтобы своим третьим походом он закончил войну и заключил «вечный мир», ибо шляхта и крестьяне совершенно изнурены поборами и не могут далее выносить их.

Добившись желаемого решения, король Стефан стал деятельно готовиться к третьему походу.

С другой стороны, шведский король Юхан III тоже послал свои войска в наступление. Его воевода Понтус де ла Гарди осенью 1580 года вступил в Карелию. В ноябре 1580 года он взял Кексгольм, истребив там около двух тысяч московитов.

В Эстляндии шведы осадили замок Падис, находившийся в семи верстах от Ревеля. Гарнизон Падиса, под начальством престарелого воеводы Данилы Чихачева, отбивался 13 недель. За это время ратники и жители замка съели всех лошадей, собак, кошек, даже кожаные шкуры. Как отмечает Нечволодов, «некоторые тайно питались и человеческим мясом, вероятно, с убитых товарищей и умерших младенцев».

Шведы, отчаявшись взять это орлиное гнездо, отправили своего парламентаря с предложением о сдаче на почетных условиях, но защитники замка тотчас его застрелили. Наконец, в декабре 1580 года шведы ворвались в Падис, где обнаружили не полнокровных людей, а бледные тени. Они тотчас всех перебили, пощадив лишь одного — молодого князя Михаила Сицкого.

В следующем, 1581 году, шведы нанесли войскам царя Ивана целую серию весьма чувствительных поражений в Эстляндии. Так, в самом начале года Понтус де ла Гарди неожиданно появился под Везенбергом, осадив его. В марте 1581 года город сдался на условии свободного выхода гарнизона. Примерно тысяча московских стрельцов по условиям сдачи ушла оттуда с одними иконами, оставив в крепости все свое оружие и казенное имущество.

Далее шведы взяли Вейсентштейн, Леаль, Лоде, Фиккель, а также Нарву, в боях за которую погибло около 7 тысяч московитов. Кроме того, они взяли московские пограничные города Иван-город, Ям и Копорье.

ис *

В эту пору неудач и поражений царь Иван праздновал в Александровской слободе свой седьмой или восьмой брак, а также брак сына Федора. Вот что пишет об этом Карамзин:

«В то время, когда Баторий брал у Ивана город за городом, сам Иван отпраздновал у себя разом два брака. Сначала женился сын его Федор на Ирине Федоровне Годуновой (вследствие этого брака был приближен к царю и получил боярство знаменитый в будущем Борис Федорович Годунов). Затем Иван выбрал из толпы девиц себе в жены Марию Федоровну Нагую.

Замечательно распределение свадебных чинов на этой царской свадьбе: посаженным отцом царя был сын его Федор, будущий московский царь, а друзьями со стороны жениха князь Василий Иванович Шуйский, а со стороны невесты Борис Федорович Годунов: оба московские цари».

ПЕРЕГОВОРЫ, ПЕРЕГОВОРЫ.

Война войной, но переговоры не прекращались. Послы Сицкий и Пивов ехали за королем Стефаном от Великих Лук до Варшавы. Затем оттуда последовали за ним назад к Гродно. Всю дорогу литвины и поляки бесчестили послов, не давали корма их лошадям, отчего много коней пало.

Затем прибыли новые царские послы, думные дворяне Иван Пушкин и Федор Писемский. Иван дал им указание согласиться на передачу королю всей Ливонии, за исключением четырех городов (Нарвы, Дерпта и еще двух). Но Баторий, уверенный в своих новых победах, не согласился и на это, а к прежним своим требованиям добавил город Себеж и выплату 400 тысяч венгерских червонцев за военные издержки. Послам пришлось послать гонца к царю за новыми инструкциями.

Получив такой отпор, Иван сильно разозлился. Он послал Стефану грамоту, начинавшуюся словами, которые, по его мнению, должны были уколоть Батория:

«Мы", смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, по Божьему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению»...

Затем, изложив условия, на которых он считает возможным заключение «вечного мира», царь укорял Батория в нарушении перемирия и грубости его придворных в отношении послов. Далее он заключил:

«Мы бы тебе и всю Лифляндию уступили, да ведь тебя этим не утешить. И после ты все равно будешь кровь проливать. Вот и теперь у прежних послов просил одного, а у нынешних просишь уже другого, Себежа. Дай тебе это, ты станешь просить еще и ни в чем меры себе не поставишь. Мы ищем того, как бы кровь христианскую унять, а ты ищешь того, как бы воевать. Так зачем же нам с тобою мириться? И без миру то же самое будет».

Послам же царь дал указание предложить королю две трети Ливонии (65 городов и замков), но взамен потребовать признать право Москвы на оставшуюся треть, включая Нарву, Дерпт и 36 замков, и только на таких условиях заключить перемирие сроком на шесть — семь лет. Но в итоге Баторий выступил в новый поход, а Ивану послал достойную отповедь. Дадим слово Карамзину:

«Торжества по поводу свадеб... вскоре заменились скорбью и унижением, когда царь узнал, что делается с его войском. Еще раз отправил он посольство просить приостановки военных действий для заключения мира, и не только называл Стефана Батория братом, но дал своим гонцам наказ

терпеливо сносить всякую брань, бесчестие и даже побои. Иван отказывался от Ливонии, но Баторий требовал 400.000 червонцев контрибуции.

Король, потешаясь унижением и малодушием врага, отправил к московскому царю своего гонца Лопатинского с письмом, очень характерным:

«Как смел ты попрекать нас басурманством, — писал он московскому властелину (т.е. тем, что Баторий был вассалом турецкого султана), — ты, который кровью своей породнился с басурманами, твои предки, как конюхи, служили подножками царям татарским, когда те садились на коней, лизали кобылье молоко, капавшее на гривы татарских кляч!»*

Ты себя выводишь не только от Пруса, брата Цезаря Августа, но еще производишь от племени греческого; если ты действительно из греков, то разве — от Тиеста, тирана, который кормил своего гостя телом его ребенка! Ты — не одно какое-нибудь дитя, а народ целого города /Новгорода/, начиная от старших до наименьших, губил, разорял, уничтожал, подобно тому, как и предок твой предательски жителей этого же города перемучил, изгубил или взял в неволю... Где твой брат Владимир? Где множество бояр и людей? Побил! Ты не государь своему народу, а палач; ты привык повелевать над подданными, как над скотами, а не так как над людьми!

Самая величайшая мудрость: познать самого себя; и чтобы ты лучше узнал самого себя, посылаю тебе книги, которые во всем свете о тебе написаны; а если хочешь, еще других пришлю: чтобы ты в них, как в зеркале, увидел и себя и род свой... Ты довольно почувствовал нашу силу; даст Бог почувствуешь еще!

Ты думаешь: везде так управляют, как в Москве? Каждый король христианский, при помазании на царство, должен присягать в том, что не будет управлять без разума, как ты. Правосудные и богобоязненные государи привыкли сноситься во всем со своими подданными и с их согласия ведут войны, заключают договоры; вот и мы велели созвать со всей земли нашей послов, чтоб охраняли совесть нашу и учинили бы с тобою прочное установление; но ты этих вещей не понимаешь.**

В заключение, он вызывал царя Ивана на поединок:

* Карамзин перевел письмо Батория на современный ему русский язык. Вот как дословно выглядит этот абзац в оригинале: «Яконасмееш припоминать так часто безсурманство, ты, который еси кровь свою с ними помешал, которого продкове кобылье молоко, что укануло на гривы татарских шкап лизали».

** Король Баторий прислал царю Ивану книгу бывших его советников и опричников Иоганна Таубе и Эккерта Крузе, которую они совместно написали в 1572—73 гг., а потом издали под названием «Послание клитовскому гетману Ходкевичу». Как отмечают историки, это сочинение содержит множество ценных свидетельств о характере царя, о так называемых «изменных делах», о разгроме Твери и Новгорода, об устройстве опричнины и опричном терроре, о состоянии Московской Руси в 1560-е годы.

«Для чего ты не приехал к нам со своими войсками, для чего своих подданных не оборонял? И бедная курица перед ястребом и орлом птенцов своих крыльями прикрывает, а ты, орел двуглавый (ибо такова твоя печаль), прячешься!»

В данной связи можно констатировать: «Грозным» царь Иван был только для своих замордованных подданных. Его презирал не один лишь Стефан Баторий, точно также относились к нему крымский хан Девлет Гирей и шведский король Юхан. Даже «светоч православия» — константинопольский патриарх — назвал московского царя человеком «лживым, слабым и нечестным».

ТРЕТИЙ ПОХОД БАТОРИЯ (1581 г.)

Пока шли переговоры, Баторий и Замойский, как уже сказано, сумели старались склонить сейм Речи Посполитой к продолжению войны. Получив деньги, Баторий вызвал из Европы свежее наемное войско. Карамзин отметил:

«Со своей стороны, Московское государство ополчалось до последних сил, так*что у Ивана могло набраться, как показывают современники, ратных людей тысяч до трехсот; но это войско непривычное к бою и неопытное, притом же тогда боялись нашествия крымского хана, а потому невозможно было сосредоточить всех сил против Батория, а нужно было составить оборону против татар. Сверх того, приходилось защищаться и против шведов».

Иван пытался помешать новому предприятию своего грозного противника. По его приказу воевода Дмитрий Хворостинин летом 1581 года с 20-тысячным войском вторгся в юго-восточную Литву, в район Поднепровья. Но он быстро потерпел ряд поражений и вынужден был отступить.

Тогда же царские войска атаковали Гомель: «До замку неведоме ночью пришедши, на место /город/ ударили и место огнем выпалили». Но замок им взять не удалось.

В июле войско Стефана Батория пошло на Псков. Несмотря на все старания, денег король собрал мало. Поэтому и войск у него тоже было немного: 10—12 тысяч литвинов, 8—10 тысяч венгров, поляков, немцев и чехов.

По пути Баторий взял небольшую крепость Остров в 50-и верстах от Пскова. Осадные пушки 20 августа пробили каменную стену Острова и разрушили башню, после чего старый воевода, командовавший гарнизоном, сдался. Кстати, артиллерией Батория командовал венгерский воевода Юрий Зиновьев (имя и фамилию

Карамзин изменил на русский манер), прислуга состояла в основном из немцев и венгров. В те же дни был взят Красный, ближний пригород Пскова.

По словам Карамзина, в Пскове находился гарнизон численностью около 30 тысяч человек. На стенах стояло много орудий, в том числе огромные пушки «Барс» и «Трескотуха». Гарнизоном командовали князья Иван Петрович Шуйский (внук боярина Шуйского, казненного по приказу юного Ивана IV) и Василий Федорович Скопин-Шуйский. Кроме них, были еще князья Никита Очин-Плещеев, Андрей Хворостинин, Лобанов-Ростовский и Бахтеяров.

В московском храме Успения, перед Владимирской иконой Богоматери, царь заставил их дать клятву, что они не сдадут города до своей смерти. Воеводы, приехав в Псков, такой же клятвой обязали дворян, стрельцов и всех взрослых горожан. Они целовали крест и клялись: «умрем, но не сдадимся!» Ожидая подхода неприятеля, исправили в Пскове ветхие укрепления, расставили пушки, ручницы, пищали; назначили каждому воеводе с его отрядом конкретные участки укреплений для обороны.

Узнав, что Баторий взял Опочку, Красный, Остров и на берегах Черехи разбил легкий отряд московской конницы, воеводы 18 августа зажгли предместье. Скоро с башен увидели вдаль густые облака пыли. Это медленно шли передовые части Стефана. Приблизившись к городу, они расположились вдоль реки Великой.

26 августа к городу подошли основные силы.* Король сначала приказал поставить свой шатер недалеко от стен Пскова, в деревне Любатово, у церкви Святого Николая. Но вскоре, видя угрозу от меткого огня крепостных орудий, перенес его несколько дальше, к реке Черехе.

Еще в Вильно московский перебежчик князь Давид Вельский советовал королю не ходить к Пскову, городу с мощными каменными стенами и башнями, известном также крепким духом своих жителей и воевод, а вместо Пскова осадить Смоленск. Король отверг этот дельный совет, за что был наказан сполна.

Осмотрев городские укрепления, Баторий понял, что имевшихся у него сил недостаточно для взятия Пскова решительным штурмом. Кроме того, оказалось, что взяли с собой очень мало пороха. Польские историки считают, что он, угнетенный сообщением о смерти своего брата, воеводы Семиградского, полученным во время подготовки к походу, забыл отдать соответствующее распоряжение.

* Здесь и далее для краткости вместо слов «войско Речи Посполитой», которое на 55—60% состояло из литвинов, а меньшей частью из поляков, венгров, немцев и представителей прочих наций, вплоть до шотландцев, мы будем говорить «литовское войско» либо «литвины».

Посоветовавшись с великим коронным гетманом Яном Замойским, получившим это звание при подходе к Пскову, король решил сосредоточить все свои орудия против южного угла крепостной стены, на участке между Покровской башней и Великими воротами, в середине которого находилась еще одна башня — Свиная.

С 1 сентября литовцы начали осадные работы — копали «великие борозды» /траншеи/ к Покровским воротам, вдоль реки. Люди работали день и ночь, поставили туры, сделали насыпь. Воеводы в Пскове видели эту работу, разгадали вражеский план и в опасном месте заложили внутреннюю деревянную стену с раскатами. Для защиты участка они выбрали лучших воинов и смелого князя Хворостинина.

Утром 7 сентября 20 осадных орудий открыли огонь; они громили стену между воротами Покровскими и Свиными; к утру 8 числа они разбили ее в разных местах. Псковский летописец отметил:

«Разбили 24 четыре сажени городской стены до земли, и Покровскую башню все до земли сбили, и у Угловой башни разрушили весь охоб до земли, и половину Свиной башни сбили до земли, и стены городские разбили местами на 69 сажений. Все это разбили и городскую стену во многих местах проломили».

«Воинские повести древней Руси», Л., 1985, с. 364—366

Король сказал свбим воеводам, что путь в город открыт для героев и что время дорого. Воеводы, обедая в шатре королевском, сказали Баторию: «Государь! мы будем ныне ужинать с тобой в Псковском замке». Литвины, венгры, немцы, поляки устремились к проломам, распустив знамена, с трубным звуком и с воплем. Россияне ждали их: извещенные о приступе звоном осадного колокола, все граждане простились с женами, благословили детей, стали вместе с воинами между развалинами каменной стены и новой деревянной, еще не достроенной. 8 Сентября осталось в Истории славнейшим днем для Пскова. *(Карамзин)*

Днем королевское войско пошло на штурм, с распущенными знаменами, под звуки труб. Литовцам удалось захватить две башни — Покровскую (разрушенную почти до основания) и Свиную (разрушенную до середины). На руинах башен были подняты королевские хоругви, и оттуда вражеские солдаты открыли огонь по городу. Король был уверен, что штурм удался, что его воины ворвались в Псков. Для отражения возможной контратаки из города он выставил многочисленную конницу. Кстати, одним из кавалерийских отрядов командовал пан Юрий Мнишек из Сандомира, отец знаменитой впоследствии Марины, московской царицы в 1606 году и жены двух Лже-Дмитриев.

Но за разрушенной каменной стеной литовцы встретили глубокий ров и деревянную стену, за которой стояли мужественные защитники города. На Похвальском раскате прислуга развернула огромную пушку «Барс» и ударила по Свиной башне, где убила много врагов. После этого по приказу И.П. Шуйского под ней был взорван сохранившийся там пороховой погреб. Остатки башни развалились, убив или ранив немало воинов противника.

К проломам в стене и к Покровской башне подошли ополченцы. Их возглавили монахи Арсений (келарь Печерского монастыря), Иона Наумов (казначей Снетогорского монастыря), игумен Мартирий. Раньше они были опытными воинами. Ополчение храбро вступило в рукопашную схватку с противником. Более того, на помощь отцам, мужьям, братьям пришли псковские женщины. Летопись гласит:

«Тогда все бывшие в Пскове женщины, ...забыв о слабости женской, и мужской силы исполнившись, все быстро взяли оружие, какое было в доме

и какое им было по силам. Молодые и средних лет женщины, крепкие телом, несли оружие, чтобы добить оставшихся после приступа литовцев; старые же женщины, немощные телом, несли в своих руках короткие веревки, собираясь ими литовские орудия в город ввезти. И все бежали к пролomu, и каждая женщина стремилась опередить другую. Множество женщин сбежалось к проломному месту, и там великую помощь и облегчение принесли они христианским воинам. Одни из них, как уже сказал, сильные женщины, мужской храбрости исполнившись, с литвою бились и одолевали литву; другие приносили воинам камни, и те камнями били литовцев на стене города и за нею; третьи уставшим воинам, изнемогшим от жажды, приносили воду и горячие их сердца утоляли водою...

Уже близился вечер, а литовские воины все еще сидели в Покровской башне и стреляли в город по христианам. Государевы же бояре и воеводы вновь Бога на помощь призвали, и христианский бросили клич, и в едином порыве все, мужчины и женщины, бросились на оставшихся в Покровской башне литовцев, вооружившись кто чем, как Бог надомил: одни из ручниц стреляли, другие камнями литву побивали; одни поливали их кипятком, другие зажигали факелы и метали их в литовцев, и по-разному их уничтожали. Под Покровскую башню подложили порох и подожгли его, и так с Божьей помощью всех оставшихся в Покровской башне литовцев уничтожили, и по благодати Христовой вновь очистилась каменная псковская стена от поправших ее поганых литовцев».

«Воинские повести древней Руси», с. 375—376

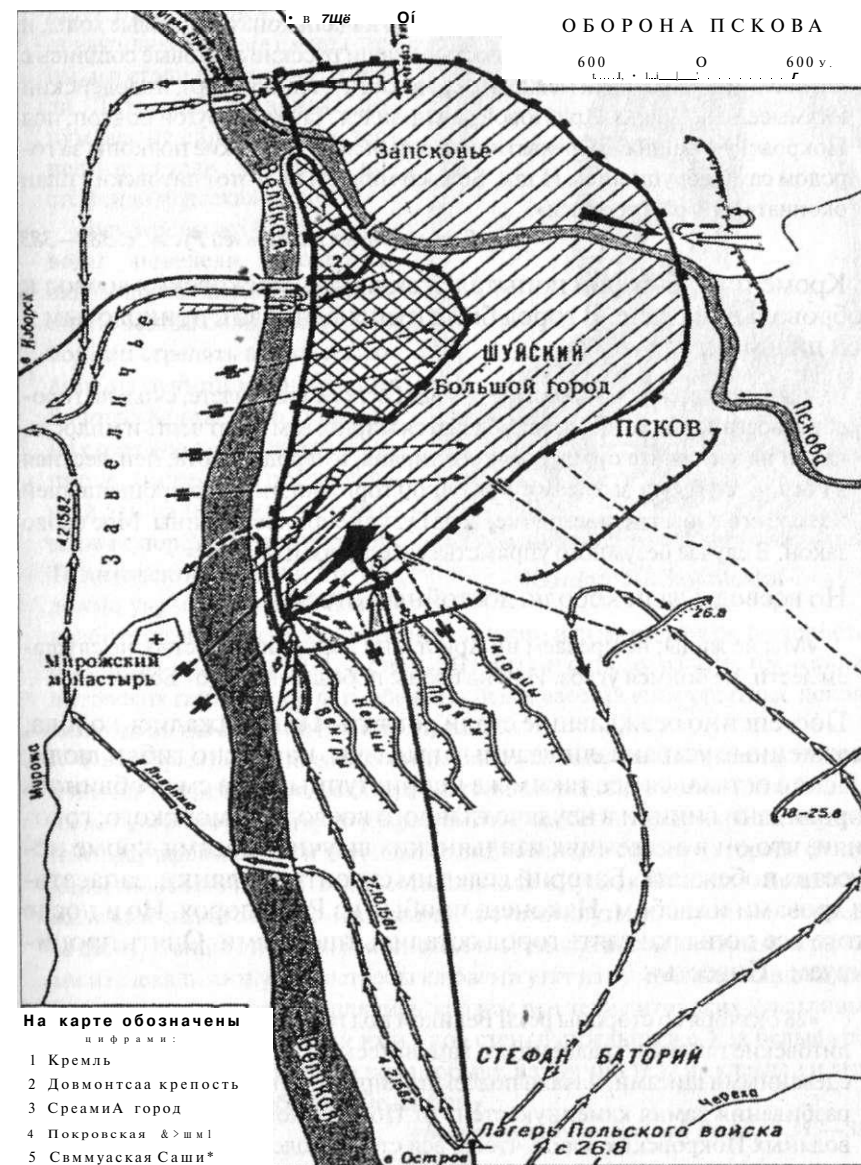
Итак, штурм провалился. Осажденные потеряли убитыми 863 человека, ранеными 1626 человек, осаждавшие — до тысячи человек убитыми, в том числе храброго венгерского воеводу Бекеша (Бекези).

Стефан уединился в шатре и не захотел видеть воевод своих, обещавших ужинать с ним в Пскове.

***

Баторий, конечно же, был сильно огорчен неудачей, но на другой день вышел к войску со спокойным лицом. Он созвал военный совет и сказал, что надо умереть или взять Псков, осенью или зимой, невзирая ни на какие трудности.

Ввиду большой нехватки пороха, он послал за ним в Ригу, к герцогу Курляндскому а тем временем приказал вести в нескольких местах подкопы под городские стены. 17 сентября в ходе одной из стычек у Варлаамских ворот псковитяне захватили пленника, сказавшего им, что осаждающие ведут сразу девять подкопов. Однако точного расположения подкопов пленный указать не мог. Но через три дня из литовского стана перебежал бывший полоцкий стрелец Игнат. И вот он точно указал направление подкопов. В «Повести» сказано:

На карте обозначены цифрами:

- 1 Кремль
- 2 Довмонтсаа крепость
- 3 Среамитский город
- 4 Покровская башня
- 5 Свммуаская Шаши*

Осада Пеном польским «ойекок» С 26 августа 1561 г. Траншем, злогожеиме оград» ни польского войска» 1-3 сентября 1561 г. Направления у аров польского войска» 4-6 сентября 1661 Г. Контратак» русского войска 6 сентября 1561 г. Обстрел Псков* польской артиллерией 24 октября-* ноября 1681 г.

Положение отряда польского впаек* к исходу 27 октября 1561 г. Направления ударов войска 2 ноября 1561 г.

2^22=«^ польского
• в I Л русского

Действия отрядов стрельцов «а воем ос*ям Пскова Отход польского войска в Ливонию 4 февраля 1562 г. согласно перени* рн*», згипочсминну 15 января 1562 г.

«Против тех подкопов скоро и спешно начали копать слуховые ходы, и сентября в 23 день, Божьей милостью, наши русские слуховые сошлись с литовскими подкопами между Покровских и Свиных ворот, и злодейский их умысел с помощью Христовой расстроился. Также и другой подкоп, под Покровскую башню, перехватили, а остальные литовские подкопы за городом сами обрушились. И так, Божьей милостью, и этот литовский план окончательно расстроился».

«Воинские повести древней Руси», с. 382—383

Кроме того, Баторий попытался склонить московских воевод к добровольной сдаче. В город была пущена стрела с приколотым к ней письмом:

«Дальнейшее кровопролитие для вас бесполезно. Знаете, сколько городов завоевано мною в два года! Сдайтесь мирно: вам будет честь и милость, какой не заслужите от московского тирана, а народу льгота, неизвестная в России, со всеми выгодами свободной торговли, некогда процветавшей в земле его. Обычаи, достояние, вера будут неприкосновенны. Мое слово закон. В случае безумного упрямства гибель вам и народу!»

Но воеводы дали королю достойный ответ:

«Мы не жиды; не предаем ни Христа, ни царя, ни отечество, не слушаем лести, не боимся угроз. Иди на брань: победа зависит от Бога».

Постепенно осаждавшие стали роптать. Приближались холода, осажденные устраивали удачные вылазки, напрасно гибли люди, а Псков оставался все таким же неприступным. Не смея обвинять короля, они винили в неудаче главного воеводу, Замойского; говорили, что он в академиях итальянских выучился всему кроме искусства побеждать. Баторий велел им строить землянки, запасаться дровами и хлебом. Наконец, прибыл из Риги порох. Но и после этого все попытки взять город остались тщетными. Опять процитируем «Повесть»:

«28 октября со стороны реки Великой под городскую стену пробрались литовские гайдуки, градомцы и каменотесы и, закрывшись специально сделанными щитами, начали подсекать кирками и всякими орудиями для разбивания камня каменную стену от Покровской угловой башни и до водяных Покровских ворот, чтобы вся стена, подсеченная, упала в реку Великую. А деревянную стену, что построена для укрепления рядом с каменной, хотели зажечь. В то же время из-за реки Великой по народу, стоящему у городской стены, решили стрелять из орудий, и так надеялись окончательно взять город.

Государевы же бояре и воеводы, увидев такой над городом умысел, против замыслов литвы для обороны города со своей стороны повелевают зажженное смоляное тряпье на литву и на щиты их метать, чтобы от огня

щиты их загорелись, а сами они от удушливого дыма из-под стены выбегали или же там сгорали. Литовские же воины, по нуждаемые силой, все это терпели и стояли, упорно и настойчиво подсекая стену.

Государевы же бояре и воеводы повелели провертеть сквозь деревянную и каменную стены частые бойницы и из тех бойниц стрелять по подсекающим из ручниц и копьями их колоть. Кроме того, лили на них горячую смолу, деготь и кипяток, зажженный просмоленным леном на них кидали, и кувшины с порохом в них бросали. Те литовские гайдуки, что надежно укрылись, продолжали долбить стену; другие же, охваченные огнем и дымом, не в силах терпеть, стремглав выбегали из-под стены. Чтобы ни одному из этих проворных литовских гайдуков не дать убежать, были расставлены опытные псковские стрельцы с длинными самопалами.

Некоторые литовские градомцы так глубоко продолжили стену, что уже и без щита могли ее подсекать, и ни горячей водой, ни огнем пылающим их нельзя было выжить, но и против этих, особенно смелых, благомудреные государевы бояре и воеводы... придумали для спасения города следующее: повелели навязать на шести длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских каменотесов и теми палками и острыми крюками извлекали литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи; железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градомцев и выдергивали их из-под стены; стрельцы же, как белые кречеты набрасываются на сладкую добычу, из ручниц тела их клевали и литве убежать никоим образом не давали».

«Воинские повести древней Руси», с. 383—384

Между тем, наступила глубокая осень, начались морозы. Тогда Баторий решил атаковать город через реку Великую. На другом ее берегу он велел установить несколько осадных батарей. Пять дней по стенам били тяжелые пушки. В конце концов, рухнула часть стены со стороны реки Великой. 2 ноября литовцы по льду реки пошли на приступ. Однако псковские воеводы тоже не дремали. За

Ш 1

Канцлер Ян Замойский

пять дней они подтянули к стене напротив осадных батарей несколько десятков своих пушек. Причем на сей раз московские пушкари, замаскировав пушки, ждали штурма. Бежавших к пролому людей встретил мощный залп из пушек, пищалей и ручниц. Напрасно королевские воеводы, разъезжая на конях, кричали, махали саблями, даже рубили тех, кто поворачивал назад. Второй сильный залп из города обратил в бегство и воинов и воевод, прямо на глазах у короля! Они бросились назад, оставив возле стены и на льду много трупов.

В тот же день стрелецкий голова Федор Мясоедов с довольно многочисленным отрядом прорвался в Псков с противоположной стороны, к огромной радости его защитников, понесших изрядные потери.

Тогда Стефан приказал прекратить обстрелы и вместо напрасных приступов заняться жесткой блокадой со всех сторон, чтобы покорить осажденных голодом.

Желая каким-нибудь легким успехом ободрить приунывшее войско, а заодно удовлетворить наемников ценными трофеями, Баторий решил взять древний Печерский монастырь в 56 верстах от Пскова. Он был окружен мощными каменными стенами с башнями, в башнях стояли 20 пушек. Кроме монахов, в монастыре находился гарнизон (250 человек) во главе с Юрием Нечаевым. Воеводы Георг Фаренсбах с немцами и Борнемисса с венграми пришли к монастырю, потребовав сдачи. Но монахи ответили им:

«Похвально ли для витязей воевать с чернецами? Если хотите битвы и славы, то идите к Пскову, где найдете бойцов достойных. А мы не сдаемся».

Монахи действовали еще лучше, чем говорили: вместе с воинами гарнизона, их женами и детьми, они отразили два приступа; даже взяли в плен молодого Кетлера, племянника герцога Курляндского.

Вдневнике, который вел один литвинский шляхтич, в записи от 16 ноября 1581 года сказано:

«Борнемисса с венгерцами, и Фаренсбах с немцами не везет в Печерах. Пробьют отверстие в стене, подойдут к нему, да и остановятся, далее идти не могут. Все удивляются, отчего это происходит. Одни говорят, что это колдовство со стороны русских, другие — что место свято. Уже второй приступ не удастся. Эти монахи творят чудеса храбрости».

Войско Батория за все время осады потеряло не более трех тысяч человек убитыми, умершими от ран и болезней, но стало сильно страдать от наступивших холодов. Ощущался недостаток съестных припасов и фуража, падали лошади, появились дезертиры.

Боевой дух снизился, среди шляхты возникло и все больше усиливалось недовольство. Тем не менее, король решил оставить часть войска зимовать под Псковом. Приказал копать землянки и строить избы для воинов. Сам же, видимо, не рассчитывая на успех, ушел с другой частью воинов, чтобы отступление произошло без него. Поводом для отъезда он выставил необходимость присутствия на сейме Речи Посполитой, который еще и не собирался.

Помощь Баторию, как обычно, оказал Ян Замойский. Он ввел строжайшие порядки, особенно сурово наказывая шляхтичей. Одних по его приказу заковывали в кандалы, других подвергали телесным наказаниям. Но все это не помогло успеху в осаде.

Правда, в августе — октябре 1581 года отряды воевод Криштофа Радзивилла, Филона Кмита-Чернобыльского и Михаила Гарабурды, посланные Баторием в рейд, дошли до верховий Волги, взяли Ржев и Старицу, сожгли на своем пути десятки деревень. Попытались взять Торопец, но повернули назад, так как получили сведения, оказавшиеся ложными, будто бы против них с большим войском идет сам царь.

Тем временем шведы, пользуясь долговременной осадой Пскова и бездействием царских воевод, за два или три месяца заняли Лоде, Фиккель, Леаль, Габсаль и Нарву, где в кровопролитном сражении полегло до семи тысяч московских ратников и переселенных туда жителей.

Через несколько дней после падения Нарвы французский генерал на шведской службе, де ла-Гарди, взял Иван-город, Ям и Копорье; захватил в плен много московских дворян и детей боярских. Далее он овладел еще и Вейсенштейном, после чего пышно отметил свои победы в Ревеле. Он навел такой страх на москвитов, что они молились в церквях — «да спасет нас Бог от сего врага лютого».

ЗАПОЛЬНОЕ ПЕРЕМИРИЕ (1582 г.): ИТОГИ ВОЙНЫ

i

Теперь Баторию ничего не осталось делать, как заключить перемирие, чтобы собрать средства и силы для новой кампании. А Иван, ограбивший не только Новгород и Псков, но и православную церковь, больше не имел денег для продолжения войны. Так, в Можайске насчитывалось к 1581 году 127 пустых дворов и 1446 брошенных дворовых мест (89% от общей численности); в Муроме не платили налоги 84% хозяев; в Коломне — 91%. В Пскове из 700 тягловых дворов (плативших оброк и государевы подати) осталось всего 30 (4,3%) в окрестностях города были заброшены все промыслы.

В данной связи Нечволодов писал:

«У царя не было средств вести дальше борьбу, казна его опустела, и он оставил после себя крупные долги частным лицам».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга IV, с. 268

Карамзин по тому же поводу сказал следующее:

«Отойти от Пскова, не взявши его и не заключивши мира, было бы срамом для Батория: ропоту в Польше не было бы и предела. Баторий потерял бы свою воинскую честь и свое нравственное влияние.

Но и положение московского государя от неудач Батория не улучшалось. Шведы одерживали над русскими победу за победой. Шведский генерал взял Нарву, захватил часть новгородской земли, овладел Корелюю, берегами Ижоры, городами Ямом и Копорьем. Магнус взял Киремпель; ливонские города были отняты у русских почти все. Радзивилл, сын виленского воеводы, с казаками и литовскими татарами, вступивши в глубину неприятельской земли, доходил почти до Старицы, где находился тогда Иван Васильевич.

Долгие мучительства и развращение, посеянное в народе опричниною, приносили свои плоды: русские легко сдавались неприятелю и переходили на службу к Стефану Баторию; один Псков представлял счастливое исключение... Иван Васильевич трепетал измены, боялся посылать от себя войско: ему представлялось, что его самого схватят и отвезут к Баторию. Понятно, что Ивану Васильевичу нужен был мир как можно скорее. Упорство Пскова и нежелание поляков давать средства своему королю на продолжение войны невольно приводили и Стефана Батория к тому же».

Иван стал себе искать посредников и отправил гонца Шевригина в Вену и в Рим, просить ходатайства императора и Папы Римского о заключении мира с Баторием. Император Рудольф отклонил это предложение, но папа Григорий XIII с радостью ухватился за него, потому что увидел тут возможность попытки склонить московского царя к объединению церквей. Он выбрал для этой цели знаменитого в свое время богослова Антония Поссевино.

Папский нунций Поссевино прибыл в Старицу к царю Ивану 18 августа 1581 года. А 13 декабря 1581 года в деревню Ям Запольный съехались литовские и московские послы. ВКЛ представляли воевода брацлавский Ян Збаражский, надворный маршалок Альбрехт Радзивилл, великий писарь князь Михаил Гарабурда. От Москвы приехали князь Дмитрий Елецкий, думный дворянин Роман Безнин-Олферьев (или Алферьев) и дьяк М. М. Верещагин. Посредником был тот же Поссевино. Им пришлось жить в крестьянских курных избах, терпеть зимний холод и недостаток, даже пить снежную воду. Кругом все было опустошено.

Вместо трех дней, назначенных Баторием для переговоров, прошло более трех недель в жарких прениях. Напрасно Елецкий и

Олферьев надеялись на содействие Поссевино: Иезуит хитрил, превозносил опасность Батория и коварно сожалел о новых неминуемых бедствиях Москвы в случае продолжения войны от ее упрямства. Помощь царским послам была только от псковских воевод: они 4 января 1582 года еще раз удачно атаковали Замойского, взяли пленных, убили несколько десятков осаждавших и с трофеями вернулись в город. Эта вылазка была сорок шестая и последняя. Замойский передал своим послам, что терпение войска истощилось; надобно подписать договор или бежать.

«Настала минута решительная. Збаражский объявил, что Стефан велел кончить переговоры и сею твердостью победил нашу: видя крайность, не смея ехать в Москву без мира, не смея ослушаться государя, Елецкий и Олферьев должны были принять главное условие: то есть, именем Иоанновым отказались от Ливонии; уступили и Полоцк с Велижем; а Баторий согласился не требовать с нас денег, не упоминать в записи ни о шведском короле, ни о городах эстонских (Ревеле, Нарве), возратить нам Великие Луки, Заволочье, Невель, Холм, Себеж, Остров, Красный, Изборск, Глов и все другие Псковские занятые им пригороды. На сих условиях положили быть десятилетнему перемирию от 6 января 1582 года.

Утвердив грамоты крестным целованием, поверенные обеих держав обнялись как друзья, и 17 января известили воевод Псковских о замирении. Тихий, полумертвый стан литовский ожил шумною радостью: защитники Пскова с умилением принесли жертву благодарности небу, совершив свой подвиг честью для России. Замойский звал их на пир: князь Иван Шуйский отпустил к нему воевод младших, но сам не поехал».

4 февраля Замойский выступил от Пскова в Ливонию, чтобы принять от московитов ее города и крепости. Сподвижники его не хотели смотреть назад на стены и башни Пскова, окруженные могилами их товарищей.

Кстати говоря, приехав в Запольный Ям, послы убедились, что деревня почти полностью сожжена. Поэтому им пришлось отправиться в деревню Киверова Горка, расположенную в 15 верстах от Запольного Яма. Переговоры шли бурно, а об изменении места переговоров в документах не упомянули, поэтому в историю договор 1582 года вошел по имени сгоревшей деревни.

Вдобавок, историк С. М. Соловьев по ошибке назвал ее не Ям Запольный, а Ям Запольский. Поэтому во всех учебниках истории до сих пор пишут, что 6 января 1582 года был заключен русско-польский *Запольский* мирный договор. В действительности он не Запольский, а Запольный, и был это не мирный договор, а всего лишь перемирие сроком на 10 лет, и не с Польшей, а с Речью Посполитой.

По условиям этого перемирия, Московская Русь отказалась в пользу Республики Обоих Народов от всех своих владений в Прибалтике, а также от владений своих вассалов и союзников: Курляндии, 40 городов в Ливонии, от Полоцка вместе с поветом (уездом); от Велижа с округой.

Речь Посполитая, как отметил Карамзин, вернула Москве захваченные в ходе трехлетней войны города Псковской, Новгородской и Тверской земель. Она отказалась от получения контрибуции за разрушения, причиненные московскими войсками на территории ВКЛ и за военные расходы, хотя поначалу претендовала на это.

Был предусмотрен обмен пленными в течение восьми недель со дня подписания перемирия.

В следующем 1583 году на реке Плюссе было заключено перемирие со шведами сроком на три года. По нему шведы удержали за собой города Московской Руси Копорье, Ям, Ивангород и все побережье Финского залива, кроме небольшого выхода к Балтийскому морю в районе устья Невы. Это был участок от реки Стрелка до реки Сестра (31,5 км).

Подписав перемирие, Баторий стал готовиться к новой большой войне. По мнению ряда российских историков, он намеревался снова вторгнуться в земли московитов и захватить их столицу. Но в действительности король Стефан, получив хороший урок в Пскове, более реально оценил перспективы долгой войны с московитами. Поэтому он решил захватить сначала Северное Причерноморье, находившееся под контролем крымских татар. С этой целью Баторий занялся реорганизацией армии Речи Посполитой, в частности, планировал включить ее состав все Запорожское войско. Однако король умер прежде, чем успел начать военные действия.

Итак, царь Иван по всем статьям проиграл Ливонскую войну, длившуюся почти четверть века (1558—1583 гг.). Она стоила огромных жертв Московскому государству и, вместе с опричным террором, полностью разорила его.

В результате этой войны Ливония была разделена между Речью Посполитой, получившей Видземе, Латгалию, Южную Эстонию, Курляндское герцогство, и Швецией, к которой отошла Северная Эстляндия с Ревелем, а также территория у Финского залива, ранее принадлежавшая Москве. Дания получила остров Эзель (Саарема) и отдельные районы в бывшем Курземском епископстве.

Карамзин назвал Ям-Запольный договор «самым невыгодным и бесчестным (т.е. позорным) для России миром из всех, заключенных до того времени с Литвой».*

* Ям-Запольное перемирие стороны подтверждали и продлевали в 1584, 1585, 1586, 1587, 1591 и 1601 гг.

Г

А вот как оценивают причины поражения в Ливонской войне современные российские историки:

«Катастрофа во многом объясняется неудачной дипломатической политикой Ивана Грозного, который трезвый расчет подменял фанатической верой И" не умел извлекать уроки из ошибок и поражений.

Сказалась и слабость экономического и социального положения России, которой было не по силам одновременно вести войну с двумя сильнейшими государствами Европы и отражать набег кримцев...

Наконец, политика репрессий, жертвами которой стали многие талантливые военачальники, разрушала единство правящей элиты... и вносила постоянное ощущение страха и неуверенности, что также вызывало падение боевого духа войск».

История России с древнейших времен...», с. 413—414

В заключение приведу длинную цитату из Буровского:

«Разоренная страна физически не могла воевать, как бы ни хотел этого ее полусумашедший властелин... Для Московии итоги войны были только отрицательными: полное отсутствие каких-либо приобретений, важные потери на северо-западе. До разорения Новгорода Московия могла торговать с Европой через Новгород. Теперь Новгород был уничтожен опричниками, а от Балтики Московию отрезала Швеция.

Масштаб экономического и социального разорения Московии после войны оказался постыдным колоссальным.

С 1550 по 1580 годы (за тридцать лет) население Московии сократилось примерно на четверть. Не нужно думать, что все непременно погибли. Многие бежали за пределы страны: к казакам на Дон, в Литву, в восточные области, которые формально входили в Московию, но куда длинные руки московского царя фактически не доставали. Клин пахотных земель тоже сократился на четверть. Стало меньше хлеба, тем более, что число свобод-

Раздел земель Ливонского ордена
в 1561-1581 гг.

ных крестьян-общинников уменьшилось наполовину. А что рабский труд непроемлив, давно известно...

Но еще страшнее оказался разгром торговли, ремесла, всего городского хозяйства. Большая часть городов Московии была совершенно разорена, во многих и населения почти не осталось. Например, в городе Гдове осталось 14 домохозяйств. Даже в Москве население сократилось вдвое. Исчезли такие мощные самостоятельные центры, как Псков и Новгород.

К концу правления великого князя и царя Ивана IV страна пришла в такое состояние, как будто она потерпела сокрушительное поражение от неприятельской армии, как будто на ее территории велись военные действия, а потом ее долго грабила и вывозила все, что возможно, оккупационная армия. В таком состоянии находилась Германия после Тридцатилетней войны 1618—1648 гг.

Но кто же разгромил страну? Большую часть территории Московии не тронул неприятель. Даже Стефан Баторий не пошел дальше Пскова. Шведы не сунулись даже туда, остались в цепочке приморских городов на Балтике. Более того, совсем недавно в страну хлынул поток материальных ценностей из Ливонии! Куда же все делось?!

Историки давно уже говорят о том, что разгромил Московию ее великий князь и царь Иван IV. В XVIII веке Карамзин писал об этом еще робко, осторожно. Соловьев — уже откровеннее. Ключевский на рубеже XIX и XX веков — совершенно прямо».

Бушков А.А., Буровский А.М. Цит. Соч., с. 354—356

■ ■ %

Необходимо сказать еще об одном грустном итоге той страшной войны. Полное разорение Ливонии московитами, их чудовищные зверства по отношению к населению вызвали повсеместную ненависть жителей Прибалтики к московитам.

Спустя 130 лет это чувство вновь освежили войска Петра I, вторгшиеся в Эстляндию, Лифляндию и Курляндию. Все 20 лет Великой Северной войны русские солдаты снова грабили и жгли, насиловали и убивали жителей этих стран. Прошли еще 180 лет и в 1940 году сюда устремились моторизованные орды «красных русских», следом за которыми пришли комиссары НКВД. Опять начались грабежи (теперь уже под лозунгом ликвидации городской и сельской буржуазии), опять начались казни, опять начались ссылки. Между тем, многие современные россияне, нежелающие ничего знать о мерзостях, многократно учиненных их предками, искренне обижаются на «коварных неблагодарных» прибалтов: «за что они так не любят русских»?

Часть III

«ВЕЛИКАЯ СМУТА» В МОСКОВСКОЙ РУСИ

ПРЕДЫДУЩИЕ СОБЫТИЯ В МОСКОВИИ И В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

ЦАРСТВО ТЕРРОРА

Описывая Ливонскую войну, мы уже приводили ряд свидетельств о зверствах, которые чинили воеводы и ратники Ивана IV в Ливонии и Литве. Но все это происходило за пределами Московского государства. Между тем, по единодушному мнению классиков русской исторической мысли (Карамзина, Ключевского, Платонова, Соловьева и других) главной причиной тех страшных бедствий, что обрушились на Московское государство в «Смутное время», был царь Иван IV. Именно он учинил разорение своей страны, сопоставимое по последствиям с нашествием Батыя, именно он посеял ужасное смятение в душах соотечественников.

Психопат-садист на троне

Давно уже стал общим местом рассказ о том, как формировался характер великого князя Ивана Васильевича, в 8 лет оставшегося полным сиротой — без родителей, без дедушек и бабушек, братьев и сестер, дядей и тетей. К тому же само его происхождение было незаконным, ведь связь Елены Глинской с Иваном Овчиной не осталась секретом.* Далеко не случайно юный Иван приказал посадить на кол Федора, сына Ивана Овчины, а его племянника, князя Ивана Дорогобужского — обезглавить.

Но, если история детства Ивана что-то и объясняет, она не может служить оправданием его зверств, безумной внутренней и внешней политики. Скорее, вся деятельность Ивана «Ужасного» (именно так его всегда называли в Европе — «Ivan Terrible») служит жутким примером того, чем плохи деспотические режимы.

Царь Иван прежде всего был психически ненормальным человеком. Как сказал бы современный психиатр, он представлял со-

* Кстати говоря, из этого факта следует, что царь Иван вовсе не был «Рюриковичем».

бой ярко выраженный тип психопата-эпилептоида, а ведущей чертой его личности являлся садизм.*

Князь Андрей Курбский, близко знавший Ивана с подросткового возраста, так писал об его отроческих и юношеских годах:

«Егда же начал приходити в возраст, аки лет в дванадесят /12 лет/ начал первее безсловесных /животных/ крови проливати, с стремнин высоких мечуще их, с крылец, або с теремов, також и инья многая неподобная дела творити»...

Первое убийство по его приказу было совершено 29 декабря 1543 года. В тот день 13-летний Иван приказал схватить и обезглавить князя Андрея Михайловича Шуйского, что немедленно исполнили придворные псары. Далее Иван мучал и убивал людей из-за любого пустяка. Вот несколько примеров. В сентябре 1545 года он приказал отрезать язык боярину Афанасию Бутурлину за якобы «невежливое слово». Примерно тогда же он приказал отрубить голову своему сверстнику, князю Михаилу Трубецкому, с которым поссорился во время игры, х~

«В мае 1546 года, когда Ивану было 16 лет, он выехал погулять за город. Там он случайно встретился с отрядом новгородских пищальников. Используя случай, те попытались на что-то ему пожаловаться. Но Иван не захотел вникать в суть дела, а вместо этого приказал своим слугам прогнать их. В ответ возмущенные пищальники стали бросать в царских посланников своими шапками и комями грязи. Разгневавшись таким «бунтом», Иван поручил дьяку Василию Захарову «разобраться». Тот на следующий день сообщил ему (как отметил летописец — ложно), что, дескать, пищальников «подучили» бояре — князь Кубенский, а также князья Василий и Федор Воронцовы. Расправа с «виновными» произошла немедленно, всем трем отрубили головы».

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга 4, с. 25

* Согласно учению выдающего русского психиатра П. Б. Ганнушкина (1875—1933), эпилептоидным психопатам присущи такие особенности, как крайняя раздражительность с приступами гнева и злобы, нетерпеливость, упрямство, обидчивость, жестокость, нетерпимость к чужим мнениям, повышенная конфликтность, взрывная импульсивность. При этом интеллект, мышление, речь остаются у них в норме.

Садистами же называют людей, испытывающих наиболее сильное наслаждение тогда, когда они подвергают жестоким физическим и психологическим страданиям других людей либо животных. Весьма характерно для личности садистов и то, что они, как правило, являются сексуальными извращенцами. Напомним в данной связи, что царь Иван IV был активным педерастом. Известно о его гомосексуальной связи с Федором Басмановым и некоторыми другими приближенными.

Термин «садизм» происходит от фамилии французского писателя, маркиза Альфонса Франсуа де Сада (1740—1816), давшего в своих произведениях детальное описание этого извращения.

Как-то на пиру (примерно в 1562—63 гг.) царь Иван подозвал к себе князя Репнина и надел ему на лицо маску шута. Князь сорвал ее и гордо заявил: «Что бы я, боярин, стал так безумствовать и бесчинствовать». Этого оказалось достаточно. Через несколько дней его убили прямо в церкви, во время ночной службы. Та же судьба постигла вместе с ним князя Юрия Кашинского, убитого на паперти той же церкви.

Немецкий дворянин А. Шлихтинг из Померании во время Ливонской войны пробыл 7 лет в плену в Москве. В своих записках он писал:

«Привычка к человекоубийствам является у него /царя/ ежедневной. Именно, как только рассветает, на всех кварталах и улицах города появляются прислужники опричнины или убийцы. И всех, кого поймают из тех, кого тиран приказал им убить, тотчас рассекают на куски, так что почти на каждой улице можно видеть трех, четырех, а иногда даже больше рассеченных людей, и город весьма наполнен трупами».

«История России с древнейших времен...», с. 377

Приведем еще одну цитату, из исследования современных российских авторов:

«Многие вещи... просто выходят за пределы понимания психически нормального человека. Когда боярина сажают на кол и он умирает больше пятнадцати часов, а на его глазах насилуют его мать. Когда человека на глазах жены и пятнадцатилетней дочери обливают кипятком и ледяной водой попеременно, пока кожа не сходит чулком. Когда Висковатого разрубают, как тушу... Впрочем, продолжать можно долго.

• • Психически нормальному человеку трудно понять, как можно пировать под крики людей, пожираемых в яме специально прикормленным человеком медведем-людоедом. Трудно понять садистскую игру с женами и дочерьми казненных, которых то пугали, то давали тень надежды, постепенно доводя до безумия».

Бушков А.А., Буровский А.М. Россия, которой не было. М., 2000, с. 10

Беспредельная жестокость органично уживалась в Иване с патологической трусостью. Будучи человеком неглупым, он понимал, что доведенные до крайности подданные могут восстать против него. Поэтому в 1582 году, сватаясь к Марии Гастингс, племяннице английской королевы Елизаветы, заодно просил королеву дать ему убежище в том случае, если он будет изгнан из своей страны. Но к счастью для тирана, он повелевал бессловесными холопами, неспособными ни на какое сопротивление.

Лишь в 1584 году, после того как Иван истребил десятки тысяч людей, его отравили мышьяком придворные (факт отравления доказала в наши дни судебно-медицинская экспертиза скелета царя).

Опричнина

О столь ужасном явлении в русской истории как опричнина написано немало. В нашу задачу совершенно не входит ее исследование. Поэтому ограничимся тем, что приведем мнения нескольких авторитетных историков. Начнем с Льва Гумилева:

«Задачей опричников было «изводить государеву измену», причем определять «измену» должны были те же самые опричники. Таким образом, они могли убить любого человека, объявив его изменником. Одного обвинения было совершенно достаточно для того, чтобы привести в исполнение любой приговор, подвергнуть любому наказанию. Самыми «мягкими» из наказаний были обезглавливание и повешение, но, кроме того, опричники жгли на кострах, четвертовали, сдирали с людей кожу, замораживали на снегу, травили псами, сажали на кол...

При подобных «мероприятиях» погибло множество бояр, но самое важное (на это обратили внимание современные историки, в отличие от историков XIX века), что также страдали и простые люди: приказные, посадские, крестьяне. Опричники, казня боярина, вырезали и его дворовых, крестьян же забирали себе и переводили их на собственные земли.

В результате опричнины создалась та совершенно невыносимая обстановка, о которой хорошо сказал граф А. К. Толстой:

*Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит ?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.*

*В ответ властелину гудят терема,
Звонят с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васья Грязной, и Малюта,
И тут же, гордясь своею красотой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов. **

Итак, главным содержанием опричнины стали совершенно беспрецедентные и бессмысленные убийства ради убийств...

* Толстой Алексей Константинович (1817—1875), русский писатель и поэт, член-корреспондент Петербургской Академии Наук (с 1873). Автор драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис», а также исторического романа «Князь Серебряный» и многих стихотворений.

Старинное русское слово «опричь», то есть «кроме», дало современникам повод называть соратников Грозного кромешниками, а слово это имело вполне определенный натурфилософский смысл... В представлении христианина существует понятие ада — места мучений грешников. Ад — «тьма кромешная». Как мы бы сказали сегодня, это пустота, вакуум, в котором нет и не может быть ничего материального, «тварного». В те времена это называли «небытие», считая его самой сутью зла. Значит, кромешники — это люди, одержимые ненавистью к миру, слуги метафизического абсолютно-го зла. Как видим, наши предки хорошо умели осмысливать суть вещей».

Гумилев Л. Н. От Руси к России, с. 225—226

Первым назвал опричников «кромешниками» князь Андрей Курбский. Этот мрачный каламбур наводил его читателей и слушателей на ассоциации с «тьмой кромешной», господствовавшей в аду. Следовательно, опричники сравнивались с «адовым воинством».

Как уже говорилось, советские «партийные историки», по прямому указанию Сталина, старательно выискивали в страшных деяниях царя Ивана некий высший смысл.

Например, называли массовый террор методом «форсированной централизации государства без достаточных экономических и социальных предпосылок», средством компенсации «слабости власти» за счет системы репрессий и т.д. Иными словами, невольно проводили параллели между XVI веком и сталинскими репрессиями 1930-х годов.

Бросается в глаза то, что при всех обстоятельствах жертвами террора царя Ивана становились в первую очередь те, кто был носителем хоть какой-то

Подвешивание за ребро.

Способ казни, широко распространенный во времена Ивана IV

(пусть микроскопической) самостоятельности и свободы. Так, Нечволодов писал:

«Опричина была учреждена им /царем Иваном/ в целях ведения строго продуманной и беспощадной борьбы с боярством, сохранившим свои старые удельные притязания. Борьба эта имела задачей совершенно уничтожить родовитое боярство и заменить его «дворянством», сословием служилых людей, награждаемых государем исключительно за их верную службу...»

Вернейшее средство сломить силу боярства заключалось, конечно, в сведении его с тех обширных земельных владений, которыми обладали бывшие потомки удельных князей, и притом обладали почти как независимые государи, имея свой двор, многочисленных вооруженных воинов (иногда в несколько тысяч человек) и большое количество подданных слуг, которых они жаловали и наказывали по своему усмотрению, мало считаясь с московским законодательством, обязательным для служилых помещиков и прочего тяглогового люда...

Опричина захватила как раз те местности, где были когда-то расположены владения удельных князей, землями которых обладали теперь их потомки бояре-княжата...

Кроме того, в состав опричины постепенно перешли: Поморье, т.е. все обширные северные земли до Белого моря, а также города, лежащие на важнейших путях из Москвы: в направлении к Балтийскому морю — Старая Русса с торговой стороной Великого Новгорода; Можайск и Вязьма — по дороге в Смоленск и Литву; Волхов и Карачев, также на дороге к Литве; и наконец среднее течение Волги от Ярославля до Балахны. Таким образом, опричина захватила все важнейшие части государства в свои руки, оставив Земщине только окраины.

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Книга IV, с. 138—139

Современный российский историк А.М. Буровский метко назвал политику опричного террора «удавлением европейских элементов на Руси». Вот что он пишет:

«Земли в опричину выделены очень не случайно. Это земли, имеющие с Литвой, с остальной Европой, во-первых, устойчивые экономические и культурные связи. Во-вторых, в которых медленно, но шел процесс складывания элементов общества, во многом подобных европейским...

Опричный террор был направлен против трех категорий населения: 1) Против «старого боярства», которое блюло традиции времен Киева и Новгорода и выступало за автономию земель от верховной власти; 2) Против тех служилых людей и бояр, которые хотели в Московии западного, шляхетского устройства; 3) Против всех элементов общества, которые существовали независимо от власти — какхотя бы лично свободные крестьяне».

Бушков А.А., Буровский А.М. Цит. Соч., с. 343

Опричнина была учреждена указом царя в феврале 1565 года. Официально он ликвидировал ее в начале лета 1572 года, однако продолжал действовать «опричными методами» вплоть до конца своей жизни.

Поначалу он выбрал в опричнину ровно одну тысячу человек из людей разного звания, а для содержания их и своего двора выделил свыше 20 городов и несколько улиц в Москве. Остальная часть государства составила Земщину, управление которой царь поручил боярской думе во главе с князьями Мстиславским и Вельским. Поселившись в Александровской слободе, Иван стал вести странный образ жизни. Он устроил там как бы «монастырь наоборот», в котором сам играл роль игумена, князь Афанасий Вяземский — келаря, Григорий Вельский (Малюта) — пономаря. 300 же опричников из тысячи составили монашескую братию, они носили поверх своего платья черные рясы, а на головах — тафьи. Утром и вечером царь и 300 монахов-воинов истово молились. День Иван посвящал, в основном, пыткам и казням.

Какая-либо «самодеятельность» в опричном терроре была исключена. От начала и до конца мобильные подразделения этих палачей действовали только на основании прямых приказов царя. По этому поводу крупнейший российский исследователь опричнины Р.Г. Скрынников пишет:

«Как свидетельствуют очевидцы, царь Иван давал опричникам письменные приказы о расправе с опальными, с указанием способа казни и т.д. В свою очередь, опричники подавали царю отчеты об исполнении его приказов, с указанием обстоятельств и места казни»

Скрынников Р.Г. Царство террора. М., 1992, с. 15

Когда царь перешел от казней отдельных лиц к массовому террору, он, обоснованно опасаясь выступлений оппозиции, увеличил опричное войско до шести тысяч человек. Теперь в опричнину брали худородных дворян, «не знавшихся с боярами», «нищих косолапых мужиков» и даже «скверных людей».

*** _

Начало широкомасштабному террору положило расследование о сторонниках князя Курбского (бежавшего в Литву в апреле 1564 г.), якобы «умышлявших с ним всякие лихие дела». Первыми были казнены (обезглавлены) по этому делу князь Александр Горбатов-Суздальский (Шуйский) с сыном-подростком Петром и его родственники — князья Ховрины, Иван Сухой-Кашин, Дмитрий Шевырев, Петр Горенский-Оболенский, а также окольничий Петр Головин. Затем были казнены князья Иван Куракин и Дмитрий Немой.

Следующим политическим делом стало расследование о пресловутой «литовской измене». Приближенные царя распространили

выдумку, согласно которой великий князь Сигизмунд-Август якобы направил письма ряду московских бояр с приглашением уехать в Литву.

Главой «заговора» в пользу Литвы Иван назвал старого боярина, своего конюшего Ивана Петровича Федорова-Челяднина. Его убили вместе с женой 11 сентября 1568 г. Вот как описал эту расправу немец-опричник Е?нрих Штаден:

«В Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу. Села вместе с церквями и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены. Женщин и девушек раздевали до нага и в таком виде заставляли ловить по полю кур».

Штаден, с. 45

Р.Г. Скрынников приводит свидетельства документов:

«Меньшая часть боярских людей была посечена саблями; прочих холопов и челядь опричники сгоняли в избы и взрывали на воздух порохом... / всего, согласно отчету опричников, они убили 369 человек/. Вслед за тем опричники палили боярские амбары, секли скот, спускали воду из прудов, грабили крестьян».

Затем казнили «соумышленников» Челяднина — князей Куракиных-Булгаковых, Ряполовских, трех князей Ростовских, князей Щенятева и Турунта-Пронского (всех их засекали батогами до смерти), государева казначея Тютин (был изрублен вместе с женой и малолетними сыновьями, а их тела оставлены на площади). Всего по «делу» Федорова было казнено свыше 400 человек!

Всех оговоренных казнили без суда. Как правило, следствие проводилось в глубокой тайне, смертные приговоры выносились заочно, осужденных убивали в собственных домах, на улицах и даже в церквях.

Тогда же произошел конфликт Ивана Грозного с высшим духовенством, пытавшимся протестовать против бессмысленных убийств. Этот конфликт привел к расправе в ноябре 1568 года с митрополитом Филиппом II (в миру Федор Степанович Колычев; 1517—1569). Всех бояр митрополита забили насмерть железными прутьями. Самого Филиппа по приказу Ивана бросили в монастырскую тюрьму, где осенью следующего года его задушил Малюта Скуратов.

В тот же период было ликвидировано последнее удельное княжество и казнен его князь Владимир Андреевич Старицкий (1535—1569). Владимир был двоюродным братом Ивана IV и одним из последних Рюриковичей на Руси. Как отмечалось в

первой части книги, в 1537 году его отец, князь Андрей Иванович Старицкий, пытался бежать в Литву, подальше от великой княгини Елены Глинской, но в итоге был заключен в тюрьму, где вскоре умер (скорее всего, был убит). Тогда же были заточены двухлетний Владимир и его мать, княгиня Ефросинья. В 1540 году 5-летнего мальчика освободили, а в следующем году он получил удел отца — город Старицу. В 1550 году (в 15 лет) женился на Евдокии Нагой. С ней он прожил менее пяти лет. В 1555 году овдовевший Владимир Андреевич женился на княжне Евдокии Одоевской.

В 1553 году, во время тяжелой болезни Ивана IV, часть бояр и дьяков высказалась за то, чтобы престол наследовал князь Владимир, а не малолетний Дмитрий Иванович. Таким образом, он представлял угрозу для Ивана самим фактом своего существования — как потенциальный соперник. Вот почему позже было сфабриковано дело о причастности Старицкого к заговору против царя.

В 1563 году мать Владимира, княгиню Ефросинью, по приказу царя насильно постригли в монахини. Позже, в 1570 году, Иван IV велел ее «уморить в ызбе в дыму». Участь опальной княгини разделила вся ее свита: 12 стариц «боярынь» и 5 слуг.

В 1566 году царь отобрал у князя Владимира Старицу и дал ему вуделгород Дмитровсуездом. Ночерез три года (9 октября 1569 г.), обвинив в вымышленном заговоре против себя («зельем извести хотел»), он заставил Владимира Андреевича, его жену, двух малолетних сыновей (одному было 10 лет, другому еще меньше) и двух дочерей (из четырех) выпить яд. Были также казнены все их слуги. В частности, Штаден, Таубе и Крузе сообщают о казни «многих знатных женщин», служивших семье Владимира Андреевича:

«Великий князь велел вывести их нагими и заставил бегать в присутствии других людей. Сперва их для постыдного зрелища травили собаками, как зайцев, а затем они были застрелены и растерзаны ужасным образом».

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002, с. 180—181

Летом 1570 года в Москве состоялись массовые казни по вымышленному делу о так называемой «Новгородской и Псковской измене». Были казнены разными изуверскими способами князь Петр Оболенский-Серебряный, царский печатник дьяк Иван Висковатый, казначей Никита Фуников-Карцов, князья Очин-Плещеев, Иван Воронцов и многие другие. На площадь вывели около 300 москвичей, в основном приказных людей /дьяков и подьячих/ и дворян. Шлихинг пишет:

«Большинство их — о жалкое зрелище! — было так ослаблено и заморено, что они едва могли дышать; у одних можно было видеть сломанные при попытке ноги, у других — руки».

По его свидетельству, народ испугался и пытался уйти подальше от страшного зрелища, но царь приказал согнать всех кто был в соседних улицах на площадь, чтобы смотрели.

После этого он велел вывести из толпы осужденных 184 человека и сказал, что прощает их. Остальные 120—130 человек умерли в страшных муках.

На следующий день опричники изнасиловали, а затем утопили в реке примерно 80 жен казненных.

В 1570 году террор достиг своего апогея. Бессмысленность обвинений, выдвигавшихся царем Иваном против своих жертв, стала очевидна даже опричникам.

Руководителей опричнины Ф.А. Басманова и А.И. Вяземского стала волновать собственная безопасность, так как террор все более приобретал случайный характер.

Вяземский пытался предупредить новгородского архиепископа Пимена об опасности, но открыто против царя не выступил. Басманов, высказывавшийся против похода на Новгород, был допущен к участию в нем.

Узнав о контактах Басманова и Вяземского с Пименом, мнительный царь решил, что измена проникла уже и в среду его опричников.

В том же 1570 году были казнены князь Вяземский, Василий

Казни князей и бояр при Иване IV.
Книжные миниатюры XVI века

Грязной, воевода Алексей Басманов, и многие другие видные опричники. Сыну Алексея Басманова Федору царь обещал сохранить жизнь, если тот согласится перерезать горло своему отцу, и он согласился. Иван выполнил обещание: Федора заковали в кандалы и отправили в дальний острог, где он позже умер «своей смертью».

В 1572 году опричнина была распущена, но массовые казни продолжались в Московской Руси вплоть до 1582 года. Нет документальных сведений о казнях лишь в последние два года жизни царя Ивана.

Социально-психологические последствия террора

Общее число людей, истребленных в период 1565—1582 гг., вряд ли будет когда-либо названо, разве что на Страшном Суде. Историки называют цифры с разбежкой от 70 до 200 тысяч, в том числе свыше трех тысяч князей и бояр вместе с членами их семей. Но это — только те, кого непосредственно пытали и убивали.

Между тем, для содержания опричников и для ведения Ливонской войны были установлены непосильные налоги и повинности. Люди умирали от голода и болезней, разбегались. До миллиона человек умерло преждевременно в указанные годы, примерно столько же бежало на далекие окраины либо в Литву.

% * *

К середине XVI века в сознании русских людей утвердилось представление о божественности царской власти и священной обязанности подданных повиноваться государю. Эти представления тесно сочетались с представлениями о царе как о защитнике и поборнике христианской веры, Божиим избраннике и слуге.

Однако безудержный террор Ивана Грозного нанес жестокий удар по этим идеям. Еще Иосиф Волоцкий (1439—1515), которого традиционно считают одним из создателей идеологии самодержавства московских государей, предупреждал монархов:

«Аще ли есть царь, над человеки царствуя, над собою же имать царствующа скверны страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу, таковой царь не Божий слуга, но дьявола, не царь, но мучитель»...

Сам Иван Васильевич многими деяниями своего правления прямо способствовал укреплению в народном сознании представления о царе-самозванце, слуге темного владыки мира. Монашеская одежда опричников, совершавших ужасные злодеяния, представлялась им кошуном. Элементы маскарада, сопровождавшие опричнину, семантически роднили опричников и самого царя с ряжеными, традиционно воспринимавшимися как слуги дьяво-

ла. Клятва опричников не иметь общения с земскими, отказаться от родителей и предков соответствовала отказу от веры предков....

Вершиной кошунственных игр Ивана IV стал маскарад с посажением на царский престол (в 1573—1576 гг.) крещеного татарина Симеона Бекбулатовича — очередного касимовского «царя» Саин-Булата...

В обществе усиливались беспокойство, ропот и ненависть, что сопрягалось с ощущением кошмара от казней и потрясением от низвержения образа «хрестыанского царя»...

Несомненно, царь Иван вовсе не думал о том, сколь ужасный символический смысл видели в его действиях подданные. Его волновало другое: как установить беспредельную, абсолютную власть над своими подданными, чтобы даже их физическое существование всецело зависело только от него. Для этого требовалось превратить все слои общества в абсолютных, беспредельных рабов, в «тварей дрожащих». Еще раз приведу цитату из Бурове кого:

«Московские князья требовали беспрекословного подчинения и покорности и имели практически неограниченную власть. Не только простолюдин, но и боярин и князь должны быть «холопами государевыми», и в этом — вовсе не утрата прав или какие-то иные глупости, а высший государственный смысл.

И при этом совершенно неважно, КАКОВ сам государь... Вот ведь удобство-то! Подданный может быть сколь угодно умен, опытен, достоин, совершенен. Великий князь московский может быть сколь угодно туп, бесчестен, лично ничтожен, ублюдочен, отвратителен. Но дело подданного — служить князю-ублюдку, как он служил бы самому Господу Богу, терпеть любые его качества и исполнять приказы, любые, в том числе и самые идиотские. Какая удобная идеология!»

Бушков А.А., Буровский А.М. Цит. Соч., с. 349

В результате неустанных продолжительных усилий Ивана IV в указанном направлении, Московское государство, созданное долгими стараниями великих князей, к концу его правления оказалось в глубоком упадке. Конец династии Рюриковичей, истощение людских и материальных ресурсов, расшатывание самодержавной власти — таковы были прямые последствия политики царя Ивана. Вот что пишут современные российские историки:

«В оценках последствий опричнины практически все исследователи единодушны. Еще в XVII веке была осознана прямая связь: опричнина — экономическое разорение государства — крепостничество — Смута».

История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2001, с. 391

Классик русской истории Николай Михайлович Карамзин резко осуждал злодеяния царя Ивана IV, считал его кровавым деспо-

том, охваченным порочными страстями. Другой классик, Сергей Михайлович Соловьев, придерживался аналогичного мнения: «Не произнесет историк слово оправдания такому человеку».

Как же он ошибался! Историки «большевистской ориентации» разными способами пытались доказать, что чудовищное истребление людей и полное разорение своего государства имело некий «высший смысл». В соответствии с установками Сталина они утверждали, что Иван Грозный, опираясь на «прогрессивное войско опричников», вел борьбу с реакционным боярством «ради укрепления могущества России». Например, вот о чем без тени иронии или смущения сообщает официальное издание Института истории Академии Наук СССР:

«Бояре-изменники хотели сдать Ивана польскому королю, а на престол посадить князя Владимира Старицкого или даже отдать страну польскому королю».

Всемирная история, том IV. М., 1958, с. 492

Практически все современные русские националисты солидарны с подобными оценками. Правильно написал А.М. Буровский:

«Ведь осудить сделанное Иваном — значит осудить Русскую Азию и считать скверным то, что она сожрала Русскую Европу».

ИЗБРАНИЕ СИГИЗМУНДА III КОРОЛЕМ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1587 г.)

После подписания Ям-Запольного перемирия (6 января 1582 г.) король Речи Посполитой Стефан Баторий, вместе со своим верным сподвижником, канцлером Яном Замойским, строил планы двух новых больших войн.

Во-первых, с Крымом. Во-вторых, после этого, с Москвой, чтобы вернуть Смоленск, присоединить Псков и Новгород. Но могущественные польские и литвинские магнаты вовсе не желали воевать. Неудача под Псковом сильно умерила их пыл. К тому же они вполне резонно опасались, что победа короля над крымцами и москвитями значительно усилит его власть.

«Партию мира» возглавил магнат Зборовский; «партию войны» — Замойский. Вместо дружной подготовки к новым большим походам, почти вся Республика разделилась на два лагеря — Замойского и Зборовского. Дело иногда доходило до вооруженных стычек между их представителями.

Дьяк Лука Новосильцев, ехавший в 1584 году из Москвы ко двору немецкого императора через Литву и Польшу сообщил, напри-

мер, о своей беседе с польским архиепископом, примасом Карнковским. Тот сказал ему за обедом:

«И мы, и послы /выбранные в сейм/ со всех уездов королю отказали, что с земель своих поборов не дадим, на что рать нанимать, а захочешь с государем Московским воеваться идти, нанимай ратных людей на свои деньги, и уговорили короля мириться».

Учитывая мощное противодействие своим планам, Баторий после восшествия на престол царя Федора Ивановича (правил в 1584—1598 гг.) послал в Москву весной 1584 года посла — князя Льва Сапегу — договариваться о «вечном мире».* С целью оказания давления московские власти тот заявил, будто бы турецкий султан Мурад III (правил в 1574—1595 гг.) собирается в скором времени воевать с Москвой и что Речь Посполитая может присоединиться к туркам, если царь Федор не удовлетворит требования короля Стефана. Из этого пассажа следовал вывод, что против мощного двойного удара Москва не устоит.

Король Стефан предложил следующие условия «вечного мира» с Москвой: а) передачу Речи Посполитой городов Псков и Новгород с окрестностями, а также возврат Смоленска и Северной земли; б) возвращение всех пленных литвинов и поляков без всякого выкупа; в) возвращение московских пленников за выкуп в размере 120 тысяч золотых'.

В ответ на это, «царский шурина и правитель» Борис Годунов приказал (от имени царя Федора) отпустить всех пленных литвинов и поляков без выкупа. Что же касается пленных москвитов, то он велел передать королю, что решение их участи оставляет на его волю. Войны на два фронта в Москве, естественно, весьма опасались. Тем не менее, бояре дали Сапеге вполне достойный ответ:

«Москва теперь не старая, и на Москве молодых таких много, что хотя биться и мирное постановление разорвать; да что прибыли, что с обеих сторон кровь христианская разливаться станет».

Баторий, однако, пленников не отпустил. Вместо них осенью того же 1584 года в Москву приехал другой посол, православный литвинский князь Михаил Гарабурда. Успеха в переговорах о «вечном мире» он тоже не достиг, но продлил Ям-Запольное перемирие до конца 1599 года (так свидетельствует Баркулабовская летопись). Вернувшись в Литву, князь вскоре после этого умер.

* Лев Ян Сапега (1557—1633) в разное время занимал должности королевского секретаря, литовского канцлера, виленского воеводы, великого гетмана литовского. При Батории он принадлежал к «партии войны», а при Сигизмунде III активно поддерживал Лже-Дмитрия I.

Король Стефан не оставлял надежд на то, что в скором будущем ему все же удастся отвоевать у Москвы смоленские, северские, псковские и новгородские земли. Но пока он строил воинственные планы и занимался реорганизацией армии, у него резко ухудшилось здоровье — открылись старые раны на ногах. Лечение не дало результатов, 4 декабря 1586 года (14 по новому стилю) Стефан Баторий умер в своем замке в Гродно на 54-м году жизни.* Его похоронили в Кракове. Разумеется, в связи с этим о новых войнах канцлеру Замоискому и другим сподвижникам короля пришлось забыть.

20 декабря известие о смерти Батория дошло до Москвы. Недавний опыт наглядно показал, что личность короля Речи Посполитой имеет очень важное значение для Москвы. Там опасались избрания новым королем наследного шведского принца Сигизмунда, сына короля Иоанна (Юхана) Третьего и Екатерины Ягеллон, сестры покойного короля Сигизмунда II Августа. После смерти отца он должен был получить еще и шведский престол. Тогда он соединил бы в своем лице сразу двух противников Москвы — Речь Посполитую и Швецию.

Поэтому «правитель» Борис Годунов решил выставить кандидатуру царя Федора Ивановича (1557—1598) на выборном сейме и активно участвовать в избирательной кампании.

Между тем бескорольеве в Республике ознаменовалось крайне жестким противостоянием партий Замоиског и Зборовского. Первые хотели избрать королем упомянутого шведского принца Сигизмунда. Вторые — эрцгерцога Максимилиана Австрийского, родного брата германского императора Рудольфа.

Обеттртии расположились военными лагерями возле Варшавы, на левом берегу Вислы, готовые, в случае необходимости, поддер-

* С 5 октября 1582 года Папа Римский Григорий XIII (занимал папский престол в 1572—1585 гг.) ввел вместо прежнего юлианского календаря новый, позже названный в его честь «григорианским». 5 октября 1582 года по приказу Папы велено было считать 15 октября. Православному царю Ивану IV. «папа» был не указчик, посему на Руси остался юлианский календарь, или «старый стиль». В XVI и XVII веках разница между старым и новым стилями составляла 10 дней, далее с каждым веком она увеличивалась на один день.

Введение нового календаря в ВКЛ происходило довольно драматично. Вот что сказано об этом в «Баркулабовской летописи»:

«Року 1583 календар новый выдан за кроля Стефана, за митрополита Дзевочку, за владыку полоцкого Терлецкого... На тот же час было великое замешание промежи панам и промеж людми духовными, также и людми простыми было плачу великого, нарекая силнаго, похвалки, посварки, забуйство /убийство/, грабежи, заклинания, видячи, яко новые свята устанавливали, празники отменяли, купцом торги албо ярмарки поотменяли»...

жать своих кандидатов с оружием в руках. Одновременно на правом берегу расположилась отдельным станом еще и третья партия — Литовская, выставившая кандидатуру царя Федора.

На избирательный сейм в Варшаву из Москвы выехало посольство: боярин Степан Васильевич Годунов, князь Федор Михайлович Троекуров, дьяки Василий Яковлевич Щелкалов и Дружина Пантелеевич Петелин. Они привезли царскую грамоту, где было сказано:

Сигизмунд III Ваза.
Худ. Р. Совтман, XVII век

«Вы бы, паны рады, светские и духовные, смолвившись между собою и со всею землею, о добре христианском порадили, нашего жалованья к себе и государем нас на Корону Польскую и Великое княжество Литовское похотели, чтоб этим обоим государствам быть под нашею царскою рукою в общедательной любви, соединении и докончании; а мы ваших прав и вольностей нарушать ни в чем не хотим, еще и сверх прежнего во всяких чинах и вотчинах прибавлять и своим жалованьем наддавать хотим».

Кроме того, Годунов от имени царя Федора обещал уплатить все долги частным лицам, сделанные Баторием для содержания войска.

О будущем местопребывании короля Польского, великого князя Литовского, царя «всей Руси» Федора в грамоте говорилось, что он поочередно будет жить то в Кракове, то в Вильно, то в Москве. В Польше же и Литве будут по-прежнему управлять радные паны и сноситься с иностранными послами по второстепенным делам. С наиболее важными делами послы должны будут ездить к царю Федору, где бы он ни был в это время, а с ними вместе по два радных пана от Польши и от Литвы.

Это посольство встретило в Варшаве радушный прием со стороны многих светских аристократов. Но Борис Годунов повторил ошибку Ивана IV. Литвинским и польским панам нужны были в первую очередь не обещания, пусть даже вполне реальные и приемлемые, а наличные деньги. К московским послам явились по-

сланцы от литовской партии, воевода трокский Ян Глебович и воевода виленский Криштоф Радзивилл. Они прямо сказали:

«Надо было вам промыслить сейчас же выдать с тысяч двести рублей для того, чтобы нам людей от Зборовского и от воеводы познанского Гурки, и от канцлера Яна Замойского приворотить к себе на выбор вашего государя. Как увидят рыцарские люди гроши вашего государя, то все от Зборовских и от канцлера к нам приступят, а только деньги не промыслить, то доброду делу не бывать, и будут говорить про вас все: что же это за послы, когда деньгами не могут промыслить»...

Послы ответили, что царь государства не покупает, но если он будет избран, то послы займут средства и дадут панам 60 тысяч польских золотых. Паны резонно указали, что для подкупа нескольких десятков знатнейших магнатов этого мало. Тогда послы увеличили сумму до 100 тысяч, но представители «литвы» не согласились и с этим.

Кроме того, их весьма и весьма интересовал вопрос о пожалованиях земель:

«Царь обещал давать шляхте землю на Дону и Донцу; но в таких пустых местах какая им прибыль будет?... У нас за Киевом таких и своих земель много... Будет ли государь давать нашим людям земли в Московском государстве, в Смоленске и северских городах?»

Послы ответили уклончиво:

«Чья к государю нашему служба дойдет, того государь волен жаловать вотчиною и в Московском государстве».

Все же, несмотря на отсутствие денег для подкупа и твердых обещаний раздачи земель, среди литвинской шляхты сторонники царя Федора оказались в большинстве, а среди польских шляхтичей таковых было чуть менее половины. Совершенно иначе обстояло дело среди магнатов и вельмож. Там московским послам выставили три обязательных «идеологических» условия: 1) чтобы Федор Иванович короновался в соборном костёле в Кракове; 2) чтобы в титуле он именовался сначала королем Польским, затем великим князем Литовским, а уже потом царем Московским; 3) чтобы он объявил о согласии на унию православной и католической церквей.

Разумеется, посланцы Москвы отвергли все три условия. Остается лишь удивляться: на что, собственно, надеялись Борис Годунов и его ближайшие помощники, инструктируя своих посланников?!

В итоге 9(19) августа 1587 года сторонники Яна Замойского провозгласили королем Сигизмунда III Ваза. Группировка во главе со Зборовским, в свою очередь, объявила королем эрцгерцога Мак-

симилиана. Разумеется, все это прошло далеко не мирно. Баркулабовская летопись свидетельствует:

«На том же зьезде было немилостивые посварки и забойства, выличили на том сейме невинные забитых семьсот голов».

Оба новоизбранных короля поспешили прибыть к месту «постоянной работы». Максимилиан с австрийцами осадил Краков, но штурм был отбит. Сигизмунд III высадился в Данциге и с войском пошел к Кракову. Население столицы открыло ему ворота. Сигизмунд вошел в Краков и немедленно короновался.

Тем временем коронный гетман Ян Замойский со своими сторонниками дал сражение Максимилиану при Бычине в Силезии. Австрийцы потерпели поражение, сам эрцгерцог попал в плен. Лишь в начале 1590 года поляки отпустили Максимилиана домой, взяв с него клятву на Библии не претендовать более на корону Речи Посполитой.

Замойский торжествовал. Он строил обширные планы того, как поляки, литвины и шведы совместно обрушатся на Москву и завершат дело, начатое Баторием: навсегда сокрушат могущество этих «крещеных татар». Однако Замойский жестоко ошибся. Сигизмунд оказался человеком высокомерным и неблагодарным. В то время его по-настоящему интересовали лишь одна проблема: судьба отцовского трона в Швеции. Он проявил такую холодность к старому канцлеру, стараниями которого был избран, что Замойскому пришлось на некоторое время удалиться от дел.

В ноябре 1592 года умер шведский король Иоганн III — отец Сигизмунда. Сын приехал в Швецию и короновался. Однако на родине особой популярностью он не пользовался. Энтузиазм населения упал до нулевой отметки, когда Сигизмунд женился на католичке — австрийской принцессе.

После отъезда Сигизмунда назад в Польшу, реальная власть в Швеции быстро оказалась в руках его дяди, герцога Карла Зюдерманландского, или Сёдерманландского (1550—1611). Тогда Сигизмунд попытался силой утвердить свои права, но в 1598 году дядя наголову разбил его в битве при Стонгебру. С того момента Карл Зюдерманландский стал фактическим правителем Швеции. В 1604 году риксдаг избрал его королем под именем Карла IX.

БРЕСТСКАЯ УНИЯ 1596 ГОДА И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Люблинская уния, соединившая Польшу и Литву в рамках конфедерации, создала предпосылки и для церковной унии. Еще в 1577 году, в самом начале правления Стефана Батория, польский

иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви Божией и о греческом от сего единства отступлении». Две первые части книги представляли историческое и догматическое исследования о разделении церкви, третья часть содержала обличение православного духовенства и конкретные рекомендации властям Речи Посполитой.*

Скарга предложил ввести унию обеих церквей на следующих трех условиях: во-первых, чтобы митрополит киевский принимал благословение не от константинопольского патриарха, а от Папы Римского; во-вторых, чтобы каждый православный во всех догматах веры был согласен с римской церковью; и, в-третьих, чтобы каждый православный признал верховную власть Рима в делах церкви. Что же касается церковных обрядов, то они остаются прежними. Эту книгу Скарга перепечатал в 1590 году с посвящением королю Сигизмунду III.

Новый король Сигизмунд III, который возглавлял Республику в течение 45 лет (в 1587—1632 гг.), твердо поддержал идею унии. Ряд видных православных деятелей Литвы, Польши и Украины тоже склонились в пользу этой идеи. На то были веские причины.

Во-первых, местные церковные иерархи, во главе с киевским митрополитом, не хотели далее подчиняться константинопольскому патриарху, зависевшему от турецкого султана.

Во-вторых, они не хотели подчиняться и московскому патриарху, который с 1589 года называл себя «патриархом всея Руси» и не скрывал намерений подчинить себе православную церковь Литвы и Украины.

В-третьих, православные иерархи рассчитывали получить места в сенате Речи Посполитой наравне с католическими епископами.

В-четвертых, король Сигизмунд III видел в унии средство для обеспечения идейного единства феодалов и духовенства ВКЛ, а православные иерархи надеялись таким способом удержать в лоне

* П. Скарга, в миру Повеньский (1536—1612), в 1555 окончил Краковскую академию и продолжил образование в Риме. С 1569 член ордена иезуитов. С 1574 жил в Литве. Основатель и первый ректор (в 1579—84) Виленской иезуитской академии, позже превращенной в Виленский университет. Основал иезуитские коллегии в Полоцке, Риге и Дерпте (Тарту). Отличался выдающимися ораторскими способностями, в диспутах всегда побеждал любых противников.

Боролся за превращение Речи Посполитой в централизованное правовое государство во главе с королем и радой из представителей высших сословий. Церковную унию считал главным условием духовного единства нации. Резко критиковал анархизм и распушенность шляхты, ее сословный эгоизм, безудержную эксплуатацию крестьянства. Предсказал трагическую судьбу Республики, вследствие чего в XIX веке польская интеллигенция объявила его пророком.

церкви верующих, которые с конца XV века начали массово переходить в протестанты и католики.

Король Сигизмунд 6 октября 1594 года открыл в Бресте собор православных церквей Литвы и Польши (напомним, что Украина являлась частью Польши)^ по вопросу заключения унии с католической церковью. За объединение православных с католиками выступили многие участники собора: глава православной церкви в Речи Посполитой, митрополит Киевский и Галицкий Михаил Рагоза; Гедеон Балабан, епископ Львовский и Каменец-Подольский; Леонтий, епископ Пинский; Ипатий Потей, епископ Брестский и Владимирский; Кирилл Терлецкий, епископ Луцкий и Острожский; Герман Хрептович, епископ Полоцкий и Витебский; Дионисий Збируйский, епископ Холмский и Белзский, а также другие.

Разумеется, нашлись и противники: Киево-Печерский архимандрит Никифор Тур; его преемник Елисей Плетенецкий; ректор Острожской академии Герасим Смотрицкий. Особо выделялись своей борьбой против унии Никифор — экзарх константинопольского патриарха в Речи Посполитой, Кирилл — экзарх александрийского патриарха, а также монах Иван Вышенский, писавший памфлеты в самом разнузданном стиле, не гнушавшаяся никакими вымыслами.

Сторонники унии победили, акт об ее введении был подписан 9 октября. Формально этот документ провозгласил распространение Флорентийской унии 1439 года на территорию Речи Посполитой. Через два месяца, 15 декабря 1594 года, Сигизмунд III издал универсал об утверждении акта Брестской унии и призвал своих православных подданных признать совершившееся соединение церквей:

«Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковью под послушание одному духовному пастырю. Епископы /Терлецкий и Потей, ездившие к Папе — А. Т./не

Митрополит М. Рагоза

привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете».

Авторский коллектив современных русских и белорусских историков так оценил это событие:

«Компромиссом между католицизмом и православием стала Брестская уния (1596 г.), провозглашенная благодаря усилиям выдающегося богослова и просветителя Петра Скарги. Униатство было призвано сгладить межконфессиональные противоречия на восточных землях Речи Посполитой и объединить на духовной основе многонациональный народ Великого княжества Литовского».

Всемирная история. Развитие государств Восточной Европы.
Минск — Москва, 2002, с. 77

А вот как воспринимает Брестскую унию авторский коллектив российских историков:

«Постепенно униатская церковь охватила своей деятельностью значительную часть населения, особенно сельских жителей, для которых сохранение привычных обрядов было важнее теологических тонкостей и вопросов церковной юрисдикции.

В Белоруссии и на украинских землях, входивших в состав Российской империи, уния по распоряжению императора Николая I была ликвидиро-

вана Полоцким церковным собором 1839 года /к тому времени униаты составляли более 75% населения этих земель — А. Т./.

Но униатские приходы продолжали существовать на Западной Украине, которая по разделам Речи Посполитой досталась Австрийской империи; там униатство пользовалось значительной поддержкой населения и играло большую роль в развитии украинского национального движения...

Чем была уния для Западной Руси? Дореволюционные православные историки оценивают ее негативно, считая отступлением от Древней веры и результатом интриг Рима (эту же точку зрения

Медаль в честь Брестской унии:

папа Климент VIII благословляет послов. Латинская надпись означает «К объединению русских»

разделяли и советские историки). Но есть и другие точки зрения. Некоторые авторы, объективно отмечая и противодействие унии со стороны населения, и ее негативные последствия (раскол западнорусского общества), видят и ее положительные черты: возможность сближения культуры Западной Руси с западноевропейской культурой, содействие созданию национальной церкви и формированию на ее базе национальной культуры украинского и белорусского народов».

История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2000, с. 535

Фактически, эти слова повторяют концепцию широко известного белорусского революционера Константина Калиновского. В 1862 году он написал в издаваемой им газете «Мужицкая правда», что униатская церковь была для белорусского народа национальной церковью.

Несмотря на решение собора и королевский универсал, многие православные, в том числе часть шляхты и некоторые магнаты (например, К.К. Острожский), поначалу отказались ее принять. Поэтому на практике внедрение унии проходило далеко не гладко, особенно первые 20—30 лет. Широкую известность получил случай с Иосафатом Кунцевичем, униатским архиепископом Полоцка. Он вел упорную борьбу с деятелями православной церкви в Полоцке, Орше, Могилеве и Витебске.*

Особенно острый характер соперничество между церковными иерархами приобрело с 1620 года, после того, как иерусалимский патриарх Феофан назначил православным епископом Полоцка, Витебска и Мстиславля священника Милентия Смотрицкого (1577—1633) — убежденного противника Брестской унии. Милентий тоже являлся выдающимся оратором и блестящим писателем-полемистом.

Под воздействием проповедей этих двух ярких деятелей, витебские христиане раскололись на две враждебные партии. Противостояние между ними приобретало все более напряженный характер. Дело кончилось тем, что утром 12 ноября 1623 года, в воскресенье, по сигналу колоколов нескольких православных церквей, толпы горожан бросились громить резиденцию униатского архиепископа. Они замучили Кунцевича до смерти, жестоко избили его помощни-

* Кунцевич И. (1580—1623) — родился в городе Владимир-Волынский, в семье торговца, выходца из Литвы. В 1596—1609 жил в Вильно, окончил духовную семинарию, с 1609 — униатский священник. В 1613—1614 игумен Бытенского и Жировичского монастырей. С 1618 — архиепископ Полоцкий. Отличался глубокой религиозностью и аскетизмом, был талантливым проповедником, убедил многих видных православных деятелей Литвы перейти в униатство. В 1867 году папа Пий IX объявил его «святым».

Убийство Кунцевича

что его главным вдохновителем и финансистом являлось Виленское православное братство. Еще 78 бунтовщиков, в том числе главный подстрекатель, некий Степан Пасьера, убежали в Москву. Их приговорили к смерти заочно.

За это восстание город до 1644 года был лишен привилегий Магдебургского права. Горожанам пришлось возместить материальный ущерб; причиненный резиденции архиепископа (3079 злотых). С православных церквей, подавших сигнал к мятежу, сняли все колокола и отлили из них один большой колокол в память Кунцевича.

Милентий Смотрицкий, считая себя главным виновником случившегося, покинул Витебск и в течение двух лет совершал паломничество по святым местам в Палестине. А в 1628 году он сам перешел в униатство!

После событий в Витебске случаи прямого административного воздействия на православных в Великом княжестве Литовском, а также в украинской части Польши, стали весьма редкими явлениями. Постепенно униатская церковь охватила в Польше, Литве и правобережной Украине широкие массы городского и особенно сельского населения.*

* Украинскую униатскую церковь ликвидировали по приказу Сталина в 1946. Она возродилась в 1989. Белорусская униатская церковь с 1920-х годов действовала в Западной Беларуси, но снова была ликвидирована в начале 1940, вскоре после вторжения Красной Армии. В настоящее время униатские общины существуют в Минске, Гомеле, Гродно, Витебске и некоторых других городах Беларуси.

ков и слуг, разграбили имущество, сожгли дом вместе с архивом документов. Обезображенный труп Иосафата бунтовщики бросили в Западную Двину.

Вскоре в Витебск прибыла следственная комиссия во главе с канцлером ВКЛ Львом Сапегой и вооруженным отрядом. По результатам дела были арестованы и казнены 19 погромщиков. Один из них, полочанин Петр Василевич, на допросе признался, что восстание готовилось давно, и

ВОЙНА ШВЕЦИИ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ ЗА ЛИВониЮ (1600-1611 гг.)

Упорное нежелание Сигизмунда III отказаться от претензий на шведский престол привело к нескончаемым войнам Речи Посполитой со Швецией. В основном, они шли на территории Ливонии.

В 1600 году шведские войска под командованием герцога Карла Зюдерманландского вторглись в Ливонию и оккупировали всю ее территорию (кроме Риги).

В 1601 году, успешно защищая Ригу, литвинцы и поляки вернули большую часть Ливонии. В последовавших кампаниях польный (полевой) литовский гетман Ян Карл Ходкевич одержал победы над шведами у Дерпта, Ревеля и Вейсенштейна.*

Заняв в 1604 году престол под именем Карла IX Ваза, дядя (Карл Зюдерманландский) решил преподать племяннику (Сигизмунду III) хороший урок. Он высадился в Ливонии со свежей 14-тысячной армией и двинулся к Риге.

Однако 25 августа 1604 года в сражении под Дерптом гетман Ходкевич одержал одну из самых громких своих побед. Согласно его реляции королю, шведы потеряли до трех тысяч человек убитыми (из семи тысяч),

Ян Карл Ходкевич

* Я. К. Ходкевич (1560—1621) — литвинский князь, крупный магнат, выдающийся полководец. Прославился подавлением восстания Наливайко в 1596. В 1600 году как литовский польный гетман участвовал в походе великого коронного гетмана Яна Замойского в Молдавию против турок. С 1605 года — великий гетман литовский. Одержал серию побед над шведами в Ливонии. Вместе с С. Жолкевским подавил рокош Н. Зебжидовского в 1607. Командовал войсками Речи Посполитой в ходе войны с Москвой в 1612 и 1617—18 гг.

После разгрома турками войск гетмана Жолкевского в битве под Цецорой (1620) и его гибели, принял командование армией и успешно оборонялся в Хотине. 2 сентября — 9 октября 1621 года он вместе с гетманом украинских казаков П. К. Сагайдачным нанес ряд поражений армии турецкого султана Османа II, превосходившей численностью их армию в два раза, но вскоре после этого умер.

6 пушек и 26 знамен. Потери литвинов и поляков составили всего-навсего 81 человек убитыми и до 100 ранеными. Разумеется, цифры вражеских потерь значительно преувеличены, но победа литовско-польских войск в самом деле была полной.

А 27 сентября 1604 года в знаменитой битве под Кирхгольмом Ходкевич наголову разгромил самого короля шведов. У Ходкевича было 3310 кавалеристов и 1040 пехотинцев; у Карла X — 6840 пехотинцев, 450 конников и 11 пушек. Несмотря на почти трехтысячное превосходство, шведы были полностью разбиты. Они потеряли убитыми и пленными около 6 тысяч человек, 60 знамен и все пушки. Карл IX едва не попал в плен, вместе с ним удалось бежать лишь одной тысяче.

После этих двух жестоких поражений в следующие семь лет активные боевые действия не велись. Имели место многочисленные стычки и бои местного значения. Широкое участие в них принимали литвинские воины. Вот всего один пример. В 1605 году «ходил добывать» город Феллин витебский мещанин Марк Ильинич Лытка. Во главе отряда из 500 человек он захватил его. За это в 1606 году король Сигизмунд III своим привилеем даровал ему и всему потомству шляхетство, а также фамилию «Фелинские».

Перемирие было подписано лишь после смерти Карла IX в 1611 году. По его условиям Ливония осталась в составе Речи Посполитой.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УПАДОК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Рассматривая этот вопрос, мы в основном ограничимся цитатами. Начнем с интереснейшего исследования Сергея Георгиевича Дмитренко.

«Водные пути являлись, если так можно выразиться, костяком экономики средневековой Руси. А их становым "хребтом" были Днепровский и Волжский пути. В образовании и становлении того государства, в котором мы живем, не последнюю роль сыграла Волга-матушка, Волга-кормилица».

Дмитренко С.Г. Морские тайны древних славян. М., 2004, с. 73

«На территории Восточной Европы можно выделить несколько крупных водных магистралей, но самой важной несомненно являлась Волга. Вместе с реками Онежского и Ладожского озер, Волга составляла знаменитый Восточный трансконтинентальный путь, соединяющий Балтику с Каспием, а через них Западную и Северную Европу со Средней Азией и Кавказом, из которых шли пути на Индию и Китай... К концу VIII века в

Восточной Европе оформилась система трансконтинентальных коммуникаций с торговыми центрами и промежуточными пунктами».

Паранин В.И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990

^ * ^

«Задолго до Васко да Гамы, задолго до его открытия океанского пути в Индию, товары Востока широким потоком текли в Европу, а европейские направлялись на Восток. Ибо путь в Индию, который так долго и упорно искали европейские купцы, с незапамятных времен был хорошо известен татарским и российским купцам. При этом татарские купцы проявляли такую активность на Востоке, что один из крупнейших базаров Востока в иранском Тебризе назывался Казанским...

Купцы везли в Европу китайские шелка, индийские сатины, персидскую парчу и бархат, а также слоновую кость, жемчуг, кольчуги, мечи, сабли, чай, сахар, сухофрукты, специи, изделия из серебра. А в другую сторону шел поток янтаря, стали, меда, воска, лена, кож, дерева, а также зерно и рабы...

Конечно, торговля по Волжскому пути осуществлялась не только россиянами. Во всех торговых городах Волжского пути имелись кварталы, населенные персидскими, армянскими, арабскими и даже индийскими купцами.

Таким образом, Волга соединяла средневековые торговые империи — Арабский халифат и Ганзу — в единое экономическое пространство. О размерах этих отношений можно судить по тому факту, что Ганза в пору своего расцвета (XIII век) контролировала *три четверти всей европейской торговли*, оставляя всей остальной Европе, включая знаменитые Геную и Венецию, только одну четверть. И именно восточная торговля составляла основную часть доходов ганзейцев.

Средневековая волжская торговля была явлением мирового порядка, превосходя по своему масштабу и значению Великий шелковый путь. Этим можно объяснить стремительное развитие средневековых северо-европейских городов и удивительную активность викингов, которые в X веке были торговыми партнерами ганзейских и новгородских купцов и одновременно грабителями и сбытчиками награбленного...

Экономические связи севера Европы и Востока были настолько тесными, выгодными и жизненно важными, что любой разрыв товарных отношений грозил катастрофическими последствиями для всего экономического пространства, что и произошло в конце XV века».

Дмитренко, Цит. Соч., с. 78, 79, 80—81

Напомним в данной связи, что в 1477—78 гг. московский великий князь Иван III ограбил и разорил Новгород. В результате его удара по этому важнейшему узлу трансконтинентального пути резко сократился объем внешней торговли Московской Руси. Возникли предпосылки для масштабного финансово-экономическо-

го кризиса. Спустя столетие его внук Иван ГУ уничтожил Новгород как международный торгово-финансовый центр, а с помощью опричного террора разрушил внутренние экономические связи между основными областями Руси. Следствием тому и другому стало обнищание широких слоев населения.

«Непонимание сути происходивших событий привело к появлению мифов. Одним из таких мифов стал миф о происках внешних и внутренних супостатов. Миф о международном заговоре против Руси нашел широкий отклик в кругах, близких к царю, и глубоко внедрился в сознание самого Ивана Васильевича «Грозного».

Началась казанская эпопея, приведшая к разорению татарского купечества, затем ливонская, разорившая ливонских (ганзейских) торговцев, а закончилось все взятием Новгорода и физическим уничтожением новгородских купцов. Жестокость при этом была такова, что в Казани и Новгороде долгое время эпидемии от массовых захоронений не позволяли заселить опустевшие города. Затем поиски виноватых и внутренних врагов перекинулись на бояр и даже на ближайших соратников царя — опричников.

Все последующее время Россия тяжело и долго болела. Кризе болезни пришлось на период Смутного времени. И только после того, как униженное и разоренное купечество берет всю тяжесть моральной и экономической ответственности за судьбу страны на себя, начинается перелом»...

Дмитренко, Цит. Соч., с. 82

Остается лишь уточнить, что царь Иван IV разгромил и разорил Казань и Казанское ханство в 1552 году, Астрахань и Астраханское ханство в 1557 году, Ливонию в 1558—1576 гг., Новгород — в начале 1570 года. Таким образом, Великий Волжский торговый путь с Востока на Запад он уничтожил полностью.

И еще добавим к сказанному, что Ганза (нем. «Hanse»), торгово-политический союз приморских городов Северной Европы, в основном немецких, существовал в XIV—XVI веках. Во главе его стоял город Любек. Разгром Казани и Новгорода подорвал торговлю Ганзы с Востоком и достаточно быстро (по историческим меркам) привел к развалу союза.

~ пр.

А вот мнение дореволюционного историка Нечволодова об экономических результатах правления Ивана IV:

«Разорение, внесенное перетасовкой землевладения и усугубленное страшным упадком торговли, вызвало общую тесноту, обеднение и злобу друг против друга. Знать была недовольна своим насильственным переселением и земельным разорением и виновника этого видело в военно-служилом сословии. В свою очередь, последнее негодовало на более крупных

земельных собственников, которые всякими правдами и неправдами, а порой и силой, переманивали на свои земли крестьян из владений мелкопоместных людей.

Недовольны были и крестьяне зависимостью, в которую они попали к новым, мелким земельным собственникам. Наконец, недовольно было и посадское население городов, так как в городах этих стали во множестве размещаться войсковые части, выживавшие посадских людей из их усадеб и часто чинившие им насилия.:-.

Всеобщее обеднение, постоянные войны и частые казни вызвали заметное огрубление нравов, причем сильно развилось разбойничество».

Нечволодов А. «Сказания о русской земле». Книга IV, с. 268—269

БОРИС ГОДУНОВ И ВЕЛИКИЙ ГОЛОДОМОР (1601-1604 гг.)

В ночь с 6 на 7 января 1598 года, на 41-м году жизни, умер бездетный царь Федор Иванович. С ним пресеклась династия Рюриковичей, точнее, ее ветвь, шедшая от Даниила Московского. Не осталось ни одного потомка Василия II, который мог бы претендовать на престол.

Перед смертью Федор не назвал имя своего преемника, но в официальных грамотах было сказано: «После себя великий государь оставил свою благоверную великую государыню Ирину Федоровну на всех своих великих государствах». Такой прецедент уже был в истории московского государства, вспомним недолгое правление Елены Глинской, вдовы Василия III.

После смерти царя Федора указы долгое время издавались от имени царицы Ирины. Первый из них объявил всеобщую амнистию. Из тюрем выпустили опальных изменников, воров, разбойников и прочих преступников.

Патриарх Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. В пространном тексте присяги содержалась клятва верности православной вере, патриарху Иову, царице Ирине, а также «царскому правителю» Борису Годунову и его детям.

Царь Федор, согласно характеристике из «Временника» дьяка Ивана Тимофеева, был «естеством кроток и мног в милостех ко всем, и непорочен... паче же всего любя благочестие и благолепие церковное». Иными словами, он был очень прост и бесхитростен, а главное, совершенно не склонен к занятиям государственными делами.

Впрочем, современники (как соотечественники, так и иностранцы) давали ему более жесткую характеристику, чем дьяк в сво-

Царь Федор Иванович

ем сочинении. Шведский король Юхан III в 1587 году отметил: «Русские на своем языке называют его «сшгак».

Понятно, что при подобном раскладе реальная власть должна была перейти в руки тех, кто окружал царя. И действительно, буквально с первых дней царствования Федора Ивановича высшая власть сосредоточилась в руках боярина Бориса Годунова (ок. 1552—1605), родного брата Ирины, ставшей женой Федора в 1585 году. Вот что писал по этому поводу Нечволодов:

«Потомок крещеного татарского мурзы Чета, приехавшего в Москву при Иване Калите, Борис

Годунов уже в молодых годах был близким человеком к Грозному, состоя при царском саадаке и быстро вошел в его полную доверенность, чему способствовала женитьба Годунова на дочери Малюты Скуратова, а затем и брак его сестры Ирины с Федором Ивановичем.

Личные качества Бориса, как нельзя более, соответствовали тем благоприятным обстоятельствам, в которых он очутился. По общим отзывам современников, даже и его злейших врагов, Борис, оставаясь неграмотным до конца своей жизни, ... отличался, тем не менее, большими дарованиями:

«Он цвел благолепием, видом и умом всех людей превзошел, муж чудный и сладкоречивый, много устроил он в государстве достохвальных вещей; ненавидел мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемство; был милостив и нищелюбив, но в военном деле был неискусен. Цвел он как финик листвием добродетели, и если бы терн завистой злобы не помрачал его добродетели, то мог бы царям древним уподобиться».

В последних словах заключается вся разгадка души Бориса. Основной ее чертой было ненасытное честолюбие, готовое, как увидим, для своего удовлетворения идти на самые страшные преступления...

При таких свойствах души и имея поддержку в безгранично преданной сестре, умной царице Ирине, всецело овладевшей чувствами и помыслами царя Федора, Борис Годунов мог рассчитывать достигнуть всего...

Захват Борисом власти не обошелся, разумеется, без борьбы, недолгая служба в опричнине выучила Годунова не стесняться в средствах при ее ведении. Приближенные люди при царе Федоре разделились... на две

партии: во главе одной был Борис Годунов, сблизившийся с братьями Щелкаловыми, верно оценившими, что сила на его стороне... к другой партии принадлежали князь Иван Федорович Мстиславский, князь Воротынский, Головины, Колычевы, а также и князья Шуйские, очень любимые всем московским населением — купцами, горожанами и чернью.

Мстиславский, после долгих отказов, согласился известить Годунова отравой у себя на пиру; но это было вовремя открыто; его схватили и насильно постригли в Кирилло-Белозерский монастырь, где он и умер. Воротынские же, Головины, Колычевы и многие другие были заточены по разным городам или отправлены в ссылку... Шуйских Борис пока не тронул, опасаясь очевидно большой любви к ним со стороны московских жителей...

По рассказу летописца, Борис, злобясь на Шуйских, научил их дворовых людей — Федора Старкова с товарищами, обвинить своих господ в «измене». Шуйские были схвачены вместе со своими друзьями — князьями Татевыми, Урусовыми, Колычевыми, Быкасовыми и другими. Началось следствие, сопровождавшееся страшными пытками и великим кровопролитием, ничего однако не обнаружившее...

После следствия доблестный князь Иван Петрович Шуйский был отправлен на Белое озеро и там, по свидетельству летописца, удушен. Другой Шуйский — князь Андрей Иванович, по тому же свидетельству, был удушен в Каргополе. Странники Шуйских были разосланы по разным городам и тюрьмам, а семи московским гостям /купцам/ были отрублены головы».

Нечволодов А. «Сказания о русской земле». Книга IV, с. 290—292

В течение трех лет Годунов устранил всех опасных для него людей, в том числе Московского митрополита Дионисия и Крутицкого архиепископа Варлаама (их сослали в новгородские монастыри). Он даже выманил в 1585 году обманным путем из Риги жившую там с малолетней дочерью Евдокией княгиню Марию Владимировну Старицкую, вдову бывшего ливонского короля Магнуса, а затем приказал насильно постричь ее в монахини и заточить в монастырь (она умерла в 1614 году). В 1589 году несчастная женщина потеряла, при невыясненных обстоятельствах, свою девочку. Таким образом, и эта потенциальная соперница (троюродная сестра Федора) была устранена.

Английский посол Флетчер, который провел несколько месяцев в Москве в 1588—89 гг., свидетельствовал, что на все важные посты в Москве и в других городах Годунов поставил своих людей. Кстати, именно он учредил патриаршество на Руси и сделал первым патриархом своего близкого соратника, митрополита Иова.

Торжественное посвящение Иова в патриархи состоялось 26 января 1589 года. Одновременно архиепископы Новгородский,

Ростовский, Крутицкий и Казанский были возведены в митрополиты, а шесть епископов получили звание архиепископов — Владимирский, Нижегородский, Смоленский, Суздальский, Рязанский и Тверской. Разумеется, все они были в числе сторонников Годунова.

По общему мнению российских историков, Борис вел государственные дела хорошо. Вот как оценивает его деятельность Л.Н. Гумилев:

«Борис Годунов был умный человек, прекрасный волевой администратор, именно поэтому он выдвинулся при Иване Грозном, а после его смерти возглавил правительство... Первыми мерами, принятыми Годуновым после смерти Ивана Грозного стали: укрепление границ, заключение почетного мира с Речью Посполитой, восстановление крестьянского хозяйства... С началом правления Бориса народ, по словам современников, «отдохнул».

Гумилев Л.Н., Цит. Соч., с. 227—228

При жизни царя Федора он именовал себя следующим образом: «Государю великому шурин и правитель, слуга и конюший боярин, и дворовый воевода, и содержатель великих государств, царства Казанского и Астраханского». Доходы его были огромны: он получал до 93.700 рублей ежегодно и мог выставить со своих имений, вместе с родственниками, 100.000 вооруженных людей!

В такой ситуации выбор Годунова царем был предрешен. Серьезных конкурентов у него не было. Тем не менее, свое восшествие на престол он организовал с соблюдением всех приличий. Сначала родная сестра, царица Ирина, постриглась в монахини под именем Анастасии. Она удалилась в Новодевичий монастырь 16 января 1598 года, на девятый день после смерти мужа, решительно от-

Дворец Бориса Годунова в московском Кремле. Гравюра Пискара, XVII век

казавшись от царства. Как уже сказано, несмотря на это все указы издавались от ее имени.

Формально государство возглавил патриарх Иов. Он и царица-монахиня лестными обещаниями и деньгами склонили многих влиятельных лиц к поддержке Бориса Годунова. Великий Земский собор собрался в Москве 17 февраля. В нем участвовали 474 человека, из них только 33 выборных от городов. Все остальные принадлежали либо к духовенству, зависимому от патриарха Иова, либо к служилым людям, в своем большинстве зависимым от Годунова.

Не удивительно, что Собор единогласно избрал Бориса Федоровича Годунова.

Вскоре после избрания была назначена присяга на верность новому царю. Ее текст состоял из 2066 слов. В ней отчетливо ощущается недоверие Бориса к законности своего избрания (слишком много преступлений, лицемерия и ложных клятв было на его пути к трону), и глубокое сомнение в верности обретенных им подданных. Клятва ясно показывает, насколько подозрительным и суеверным человеком он был.

Само же венчание Годунова на царство произошло через восемь месяцев после смерти Федора Ивановича, на Новый год (который на Руси до Петра Великою считали с 1-го сентября).

В 1599—1600 годы Годунов почти непрерывно болел. В конце 1599 года он не смог своевременно выехать на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Его сын Федор отправил монахам собственноручно написанное письмо, где говорилось, что отец «недомогает». К осени 1600 года здоровье царя Бориса еще больше ухудшилось. Один из членов посольства Речи Посполитой писал, что властям не удалось скрыть от народа болезнь царя, и что в Москве по этому поводу поднялась большая тревога. Тогда Борис распорядился отнести его на носилках из дворца в церковь, чтобы народ увидел, что он еще жив.

Ожидание скорой смерти царя искусственно обострило династический кризис. Заговорщики, готовя почву для переворота, распространяли на Руси и за границей лживые слухи о болезненности и слабоумии наследника престола — царевича Федора Годунова.

В это время литовские послы* прибыли в Москву, чтобы снова продлить Ям-Запольное перемирие 1582 года (как отмечено выше, осенью 1584 года князь Михаил Гарабурда продлил его до конца 1599 года). Соответствующий документ был подписан 11 марта 1601 года сроком на 20 лет, считая с 15 августа 1602 года.

* Гетман ВКЛ Лев Сапега, пан Варшицкий — каштелян Троковский и другие.

Наибольший интерес для нас, в связи с основной темой книги, представляет то обстоятельство, что хотя внутренняя политика Бориса Годунова была вполне разумной, большинство подданных искренне его ненавидело! Проживавшие в Москве иностранцы утверждали, что у царя очень много недоброжелателей среди подданных, строгости против них растут, но это не спасает положение.

Лишь первые два года царствования Бориса прошли, по отзывам современников, вполне благополучно. Он старался угодить всем. Приказал выдать тройное жалование стрельцам, дьякам и прочим служилым людям. Все сельское население освободил на один год от податей, а инородцев — от уплаты дани (ясака). В Новгороде, по просьбе жителей, закрыл два казенных кабака, от которых они терпели убытки. Облегчил участь некоторых опальных лиц.

Но старания Бориса приобрести себе и своей семье народную любовь оказались напрасны. Причина, по мнению ряда историков, заключалась в том, что фактически он продолжал политику опричного террора, только более мягкими методами. Так, подозревая всех в измене или кознях, Годунов до невероятных пределов развил доносы и шпионство. Особенно же поощрял доносы слуг и холопов на своих господ. Скоро доносами стали заниматься не одна только прислуга, но и люди знатного происхождения: мужчины доносили друг на друга Борису, а женщины — царице. Летописец писал:

«И от таких доносов была в царстве большая смута: доносили друг на друга попы, чернецы, пономари, просвирни; жены доносили на мужей, дети на отцов, от такого ужаса мужья от жен таились, и в этих окаянных доносах много крови пролилось неповинной, многие от пыток померли, других казнили, иных по тюрьмам разослали и совсем дома разорили»...

Вот что говорил по этому поводу русский историк Лев Гумилев:

«Активная внутренняя политика и укрепление границ государства постоянно требовали денег, и потому Годунов был вынужден в 1589 году /в середине царствования Федора Ивановича — А. Т./ ввести крепостное право, то есть отменить Юрьев день, в который крестьяне имели возможность переходить от одного хозяина к другому. Было определено, что каждый крестьянин должен постоянно жить и работать там, где он жил и работал в момент издания указа. Конечно, запрещение менять хозяев ударило по крестьянам очень сильно. И Борис Федорович, стремясь компенсировать ущерб, разрешил крестьянам писать любое количество доносов на своих господ и приказал принимать эти доносы к рассмотрению...

Борис Годунов был настоящим реформатором и по-своему справедливым, хотя и крутым человеком... Конечно, порядок, установленный Годуновым, был лишен тех крайностей и злодеяний, которые проис-

ходили при Иване Грозном. Но режим во время его царствования, которое официально началось в 1598 году, после смерти Федора, вполне можно назвать полицейским.

Этот режим оказался довольно тяжел для всего населения страны. Никто не чувствовал себя ни одну минуту в безопасности: знакомые, слуги, родственники всегда могли донести, и последствия этого могли быть самые печальные. Правда, казни применялись мало, «воров» в основном отправляли в ссылку; но ссылку тоже счастливой долей не назовешь...

Таким образом, правительство Бориса Годунова, несмотря на очень разумную внешнюю политику, несмотря на то, что была налажена хозяйственная жизнь страны, сделаны большие государственные запасы, упорядочена налоговая система, было мало популярно в народе. Недовольство политикой Бориса зрело во всех сословиях и было вызвано, прежде всего, «пережитками прошлого», то есть сохранением при Борисе наследия царствования Ивана Грозного в виде застенков и системы тотального доносительства. Всеобщее недовольство должно было найти выход, и оно нашло его в поддержке Самозванца».

Гумилев Л.Н. От Руси к России, с. 227—229

Достигнутая за время царствования Федора Ивановича — усилиями Бориса Годунова и его правительства — определенная стабилизация экономического положения общества отсрочила социальный взрыв, назревший к концу царствования Ивана IV. Однако стабильность удалось обеспечить только благодаря мощному давлению государства на все сословия. Крестьяне стали крепостными, а политически активные элементы (бояре, дворяне, богатые купцы и ремесленники) лишились какой-либо возможности влиять на политику. Монашеский кlobук, ссылка, тюремное заточение ждали оппозиционеров из числа знатных людей; смертная или торговая казнь были уделом бунтовщиков «подлого звания».

В 1601—1603 годы Московское государство постигло страшное бедствие: вследствие заморозков погибал почти весь урожай. Наступил неслыханный голод. Как установили в наше время ученые, причиной тому стало колоссальное извержение вулкана в Южной Америке, расположенного в Перу, случившееся во второй половине 1600 года. Он изверг в атмосферу Земли огромное количество пыли, пепла и сернистого газа. В результате произошли глобальные изменения климата. На территории Московской Руси в 1601—1603 гг. снег выпадал в июле и августе, а заморозки случались во все три летних месяца. В результате, несмотря на все старания Годунова и его правительства, в некоторых районах страны вымерло до половины населения!⁴

Кстати говоря, голод был и в Литве. Вот как повествует о нем «Баркулабовская летопись»:

«А коли вже была весна в року 1602, тот наход людей множество почали мерти; по пятеру, по тридцати у яму /хоронили/. Хворых, голодных, пухлых многое множество, — страх видети гневу Божого... Атак мерли одны при местах, на вулицах, по дорогах, по лесах, на пустыни, при роспутиях, по пустых избах, по гумнах померли. Отец сына, сын отца, matka детки, детки матку, муж жену, жена мужа, покинувши детки свои, розно по местах, по селлах разышлись, один другого покидали, не ведаючи один о другом, — мало не вси померли /чутьли не все умерли/.

А коли тот наход у ворот, албо в дому у кого стоячи хлеба просили, отец з сыном, сын со отцем, matka з дочкою, дочка з маткою, брат з братом, сестра з сестрою, муж з жоною, тыми словы мовили силне, слезне, горко, мовили так: «Матухно, зезулюхно, утухно, панюшко, сподариня, слонце, месяц, звездухно, дай крошку хлеба!». Тут же подле ворот будет стояти з рання до обеда и до полудня, так то просячи; там же другий под плотом и умрет.

Того ж року на Страстной недели во среду гром заgrimел велми грозный з дождем и з бурею немалою. А то был знак недобрый и праве злый, бо на десятой недели, в четверток великий, страшный был мороз: што было цветов, то все поморозил... Што было огородных речей — капуста, ботвинье, цибуля, маки, горохи, ячмень, ярица, то все мороз побил — чого в великом плачем было видети тых людей голодных, которые толко огороды были засеяли, а жита не починали».

*

***

Запасы хлеба в Московии были велики. Но богатые собственники — бояре и монастыри — взвинтили цены на него до того, что хлеб стал недоступен большинству населения. Вот что писал о страшном голоде свидетель описываемых событий, немец Конрад Буссов:

«Неслыханно обильная милостыня, которую он /царь Борис/ раздавал во время длившейся несколько лет подряд великой дороговизны, неспасла бедный народ от сильного голода и мора в его стране, и люди гибли тысячами. Эта дороговизна началась в 1601 году и продолжалась до 1604 года... и голод во всей стране был сильнее, чем даже при осаде Иерусалима, о чем можно прочесть у Иосифа Флавия, когда евреи ели собак, кошек, крыс и мышей, даже кожу со старых седел и сапог...

Но, клянусь Богом, истинная правда, что я собственными глазами видел, как люди лежали на улицах и, подобно скоту, пожирали летом траву, а зимой сено. Некоторые были уже мертвы, у них изо рта торчали сено и навоз, а некоторые (прошу прощения) пожирали человеческий кал и сено. Не сосчитать, сколько детей было убито, зарезано, сварено родителями, родителей — детьми, гостей — хозяевами и, наоборот, хозяев — гостями. Человеческое мясо, мелко-мелко нарубленное и запеченное в пирогах, т.е. паштетах, продавалось на рынке за мясо животных и пожи-

ралось, так что путешественник в то время должен был остерегаться того, у кого он останавливался на ночлег.

Когда из-за ужасной дороговизны и голода начались столь страшные, бесчеловечные и в некоторых местностях никогда не слыханные убийства и на всех улицах ежедневно стали находить множество трупов людей, умерших от голода, и об этом сообщили царю Борису, надумал он эту беду и Божью кару отворотить своей казней. И приказал у наружной городской стены, которая в окружности составляет четыре немецких мили, с внутренней стороны отгородить четыре больших площади, куда ежедневно рано утром собирались бедняки города Москвы и каждому давали одну деньгу, а их

36 идет на талер. Такое благодеяние побуждало бедных поселян бросать и покидать дома всё и бежать с женами и детьми в Москву, чтобы тоже получить эти деньги. Бедняков там собралось такое множество, что ежедневно на них тратилось до 500.000 денег (что составляет 13.888 талеров и 32 медных гроша).

Это продолжалось все время, а дороговизна на убыль все не шла. Ежедневно повсюду на улицах по приказу царя подбирали сотни мертвецов и увозили их на таком множестве телег, что смотреть на это (легко поверить) было страшно и жутко. Мертвецов было приказано особо приставленным к этому людям тщательно обмывать, заворачивать в белое полотно, обувать в красные башмаки и отвозить для погребения в «Божий дом» — так называлось место, где хоронят умерших без покаяния.

Из-за такого царского милосердия на пищу бедняков, на одевание для умерших и на их погребение в течение этой четырехлетней дороговизны из казны ушло неисчислимо много сот тысяч рублей, так что из-за этого казна сильно истощилась... Так было в одном только этом городе, а какое великое множество людей погибло за это время от голода и чумы во всех концах страны и в других городах, и все они были также похоронены на счет казны».

Буссов К. *Московская хроника 1584—1613. М., 1961, с. 96—97*

Царь Борис Годунов.
Портрет неизвестного художника

До начала голода бочка ржи стоила на Руси 3—5 алтын (т.е. 9—15 копеек), затем ее цена дошла до 12 рублей! Понятно, что удорожание хлеба в 800 раз сделало его абсолютно недоступным основной массе населения. Согласно подсчетам демографов-историков (например, А. Палицына), только в Москве за два с половиной года были погребены в общих могилах 127 тысяч трупов людей, валявшихся на улицах. Общее число жертв во всем Московском государстве значительно выше. Буссов называет цифру 500 тысяч, но действительно число умерших от голода во всех городах и селах не поддается исчислению!

С Ю. Шокарев пишет:

«Судьба Бориса Годунова связана с удивительным парадоксом — правитель, стремившийся оказать реальную помощь народу, повысить его благосостояние, укрепить военную мощь и внешнеполитическое положение державы, в народе не только не был популярен, но и наоборот зачастую ненавидим. Бориса обвиняли во всех грехах и бедах: смерть царя Ивана, царевича Дмитрия, царя Федора и даже сестры-царицы Ирины приписывалась злодействам Годунова. Обвиняли его и в поджоге Москвы, и в сговоре с крымским ханом. Опалы на бояр, масштаб которых не мог идти ни в какое сравнение с террором Грозного, также вызвали ропот в народе. Причина подобного отношения к правителю, видимо в том, что общество все-таки не могло простить ему стремительного возвышения до царского престола. В русских исторических повестях начала XVII века Годунов часто называется «рабочарем».

История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2001, с. 443

Глава 2

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ ГРИГОРИЯ ОТРЕПЬЕВА " (1604—1606 гг.)

ПОЯВЛЕНИЕ САМОЗВАНЦА ЛЖЕ-ДМИТРИЯ I

Итак, царь Борис не пользовался популярностью. А четыре года голода, в котором он совершенно не был виноват, обострили общее недовольство народа до крайности. В истории часто бывает, что за промахи и преступления одних деятелей, отвечать приходится совсем другим:

«Энергия анархии и мятежа, которая выплеснулась наружу сразу же после смерти Ивана Грозного, была загнана вглубь и широко развернулась, как только представилась возможность — страшный голод 1601 — 1603 гг.»

История России с древнейших времен до конца XVII века, с. 432—436

Но для начала борьбы с царствующим правителем всем недовольным нужен был символ. Требовался такой претендент на царский трон, который в одном своем имени совместил бы как в фокусе весь комплекс политических, экономических, идеологических и прочих чаяний народа. Понятно, что им мог быть только тот человек, кто предъявил бы законные права на престол, дарованные ему по праву рождения.

В XXI веке династические права уже не играют никакой роли. Но для людей XVII века именно они имели решающее значение. За незаконным претендентом никто бы не пошел. Законным правом на московский престол обладали, в первую очередь, дети Ивана IV. И вот у царя Бориса появился грозный соперник, причем буквально с того света — царевич Дмитрий. Он-то и стал знаменем освобождения Московской Руси от власти Годунова.

Как известно, царевич погиб 15 мая 1591 года в Угличе, в возрасте семи лет. Собственно, царевичем Дмитрия можно считать лишь условно, поскольку его мать Мария Нагая была седьмой женой

Ивана IV, а каноны православной церкви разрешали жениться только три раза и только в связи со смертью жен. К тому же с Марией царь Иван не венчался.*

Наблюдательным иностранцам давно было ясно, что Дмитрию долго жить не придется, и что после его смерти наступит в жизни страны переворот, который повлечет за собой большие внутренние потрясения. Вот что писал, например, упоминавшийся выше английский посланник Флетчер в своей книге «О русском государстве», изданной им после возвращения на родину:

«Кроме нынешнего государя (Федора), у которого нет детей и едва ли будут, ...есть еще один только член этого дома, именно: дитя шести или семи лет, в котором заключается вся надежда и все будущее царского рода... Младший брат царя... содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но жизнь его находится в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае смерти бездетного царя. Кормилица, отдававшая прежде него какого-то кушанья (как я слышал), умерла скоропостижно... Этот вопрос окончится не иначе, как всеобщим восстанием».

Нечволодов А. «Сказания о русской земле». Книга IV, с. 311—312

Когда пришла весть о смерти Дмитрия, Годунов указом от имени царя Федора отправил 19 мая в Углич следственную комиссию. Понятно, что в нее вошли его люди: окольничий Лупп-Клешнин, дьяк Вылузгин, крутицкий митрополит Геласий. Но главой комиссии он назначил князя Василия Ивановича Шуйского, находившегося в большом подозрении у временщика и ежечасно ждавшего своей гибели. Это назначение имело целью создать видимость беспристрастия. Годунов был уверен, что, спасая свою жизнь, Шуйский не посмеет перечить Лупп-Клешнину своим именем покрывать все его действия в Угличе.

Следствие сделало вывод, что царевич стал невольным самоубийцей. Дескать, во время игры со сверстниками в некую игру (тычку) у него начался приступ «падучей» (эпилепсии), он упал горлом на свой детский нож и зарезался. Разумеется, столь «удачное» падение выглядит крайне сомнительным, даже в том случае,

* Если быть точным, она стала восьмой женой. Вот что писал Костомаров:

«В ноябре 1573 года Иван Васильевич женился на Марье Долгорукой, анадругой день, подозревая, что она до брака любила кого-то иного, приказал ее посадить в колымагу, запрещая диких лошадей и пустить на пруд, в котором несчастная и погибла. «Этот пруд, — замечает современник англичанин Горсей, — был настоящая геенна, юдоль смерти, подобная той, в которой приносились человеческие жертвы; много жертв было потоплено в этом пруду; рыбы в нем питались в изобилии человеческим мясом».

Однако несчастную Марию Долгорукую почему-то никто не помнит.

если мальчик в самом деле был болен. Версия убийства кажется значительно более логичной и правдоподобной. Во всяком случае, царевич Дмитрий представлял для Годунова опасность несоизмеримо большую, чем дочь и внучка князя Старицкого — последнего удельного князя Московской Руси.

Да и нет никакой тайны в этом убийстве, без всяких сомнений организованном Годуновым. Все его детали давным-давно установлены.

Старшая воспитательница царевича («мамка») Василиса Волохова в шестом часу дня, когда царица Мария собиралась обедать, позвала Дмитрия гулять во дворе. Она вывела его за ручку на нижнее крыльцо, где передала своему сыну Осипу Волохову, державшему в рукаве нож. Осип повел его на середину двора и ласково спросил: «У тебя, кажется, государь, новое ожерелье»? Царевич доверчиво вытянул свою детскую шейку, чтобы ожерелье было лучше видно, и ответил: «Это мое старое ожерелье». В то же мгновение убийца выхватил нож и вонзил его в подставленную шею, но, объятый страхом, горло до конца не перерезал, а кинулся бежать.

Дмитрий упал, истекая кровью. С отчаянными воплями к нему бросились находившиеся во дворе кормилица Тучкова и постельница Колобова. На их крики тотчас выбежала Мария и увидела сына, бьющегося в предсмертных судорогах в руках своей кормилицы. Давно подозревавшая мамку Волохову в злом умысле, она бросилась к ней и стала бить по голове подвернувшимися под руку поленом. При этом царица громко кричала, что царевича убил Осип Волохов вместе с молодым Даниилом Битяговским (сыном местного дьяка Михаила) и его двоюродным братом Никитой Качаловым.

Пономарь ударил в набат. Собралась огромная толпа народа. Горожане, разгоряченные обвинениями царицы и ее братьев, схватили и убили Осипа Волохова, отца и сына Битяговских, Никиту Качалова, а также несколько их слуг, всего 12 человек.

По свидетельству летописцев, на «наводящий вопрос» Шуйского — «каким образом Дмитрий, от небрежения Нагих, заколол себя сам»? — все опрашиваемые единогласно отвечали, что царевича убили его рабы. Но, вернувшись в Москву, Шуйский доложил царю Федору, что царевич закололся сам. Он представил документы следствия, сохранившиеся до сих пор. По ним выходит, что только дядя царевича — Михаил Нагой, будто бы бывший в день убийства мертвецки пьяным — утверждал, что царевича убил и. Все остальные говорили как заученный урок одни и те же слова, что царевич в припадке падучей упал на собственный нож. Особенно много распространялась про болезнь Дмитрия мамка Василиса

Волохова. Характерно, что показаний матери царевича в следственном деле нет*

Подробно разобрав следственное дело и указав на все имеющиеся в нем логические нестыковки, выдающийся русский историк С. М. Соловьев сделал вывод:

«После всего этого не должны ли мы заключить, что следствие было произведено недобросовестно? Не ясно ли видно, как спешили побольше собрать свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не обращая внимания на противоречия и на укрытие главных обстоятельств».

Н. М. Карамзин высказался еще более откровенно:

«Одни сии допросы, явно ознаменованные действием страха, угроз, принуждений, совести нечистой, свидетельствуют о коварстве Бориса Годунова... Глубокая язва Дмитриева, гортань, перерезанная рукой сильного злодея, не собственной, не младенческой, свидетельствовала о несомнительном убийстве; для того спешил предать земле святые мощи невинности».

Ну, а жителей Углича, в том числе не имевших никакого отношения к расправе с убийцами, жестоко наказали. До 200 человек казнили либо им отрезали языки. Многих бросили в темницы. Большинство же сослали в Сибирь для заселения города Пелым. После этой расправы Углич, прежде бывший многолюдным торговым городом, пришел в полный упадок.

* ^

Первые слухи о том, что царевичу Дмитрию удалось спастись от смерти, появились еще в 1600 году. Об этом свидетельствовал в своем сочинении о Смутном времени один из царских наемников француз Яков (Жак) Маржерет. Синхронно распространялись обвинения в адрес Бориса Годунова: дескать, он «извел» всех своих врагов и пытался погубить «царевича». Таким образом, суть пропагандируемой идеи была проста: на троне сидит царь-душегуб, зато где-то скитается юноша, сын царя Ивана IV. Следовательно, «чудесно спасенный Дмитрий» рано или поздно должен был объявиться.

До той поры на Руси никогда не бывало самозванцев. Вопрос о том, кто стоял за спиной Лже-Дмитрия I, кто его надумил, сам по

* См. «Житие царевича Дмитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова. Житие царевича Дмитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Иоанна Милютина». В книге: «Русская историческая библиотека», том 13 (Памятники Древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени). Издание Императорской археографической комиссии в Санкт-Петербурге.

себе интересен. Ктому же, ввиду отсутствия соответствующих документов, он открывает широкий простор для всевозможных гипотез. Однако прямого отношения к войнам между Москвой и Речью Посполитой он не имеет. Нам достаточно знать тот факт, что сцена для эффектного выхода самозванца была подготовлена стараниями анонимных специалистов.

Несомненно, ими были москвичи, близко стоявшие ко двору и прекрасно осведомленные о механизмах власти. Во всяком случае, дойти самому до такой идеи 18-летнему парню в те времена было просто невозможно. Тут требовался изощренный зрелый ум. Многочисленные косвенные улики с большой вероятностью показывают, что роль «сценариста» сыграл Пафнутий, архимандрит Чудова монастыря в Кремле. Именно в его келье длительное время жил Григорий (Юрий) Отрепьев.

После вторжения войск самозванца в пределы Московской Руси царь Борис Годунов и патриарх Иов сместили Пафнутия с должности архимандрита и отправили в ссылку. За что? Все источники молчат.

Относительно личности Самозванца тоже идут споры с того самого времени, когда он впервые заявил о себе, то есть уже почти 400 лет. Согласно наиболее распространенной версии, им стал Юрий Богданович Отрепьев (ок. 1582—1606), дворянин из рода Нелидовых.*

В 15 или даже в 14 лет Юрий поступил на службу к боярину Михаилу Никитичу Романову, жил в Москве в его доме на Варварке. Позже патриарх Иов говорил, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, спасаясь от смертной казни, постригся в чернецы». Термин «вор» в те времена было широким понятием, однако в первую очередь ворами называли государственных преступников. Против кого «заворовался» Юрий? Если против своего господина, так ему надо было идти не в монастырь, а во дворец к царю Борису. Значит, «заворовался» он против царя и за это ему грозила смертная казнь.

1

* В 70-е годы XIV века на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу прибыл из Литвы шляхтич Владислав Неледзевский. В 1380 году он участвовал в Куликовской битве. Потомков этого Владислава прозвали Нелидовыми. Они жили в Галиче и Угличе. Один из Нелидовых (Данила Борисович) в 1497 году получил прозвище Отрепьев. Его потомки носили эту фамилию.

В 1550 году, на царской службе состояли пятеро Отрепьевых. В том числе в Переяславле-Залесском стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев. В 1577 году дети этого сотника — «неслужилый новик» Смирной-Отрепьев и его младший брат Богдан — получили поместье в Коломне. Богдану тогда было 15 лет. Позже Богдан Отрепьев тоже дослужился до чина стрелецкого сотника. Но однажды в пьяной драке в Москве его зарезали. Так Юрий остался сиротой, воспитала его мать.

Спасая жизнь, Юрий принял постриг, стал монахом Григорием. Некоторое время скитался по монастырям. Известно об его пребывании в суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и в монастыре Ивана Предтечи в Галическом уезде. Затем он поселился в придворном Чудовом монастыре. Принять Григория попросил архимандрита Пафнутия протопоп кремлевского Успенского собора Евфимий. Как видим, влиятельные церковные деятели покровительствовали юному монаху, переходившему из одного монастыря в другой. До своего побега Григорий провел в Чудовом монастыре около года. По представлению архимандрита Пафнутия, патриарх Иов посвятил его в дьяконы, а затем приблизил к себе. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях боярской думы.*

Впрочем, ряд историков считает, что Самозванец и монах Григорий Отрепьев — это разные люди разного возраста (первый — юноша, второй — мужчина под 40 лет), и что Лже-Дмитрий в самом деле был царевичем, в смысле — сыном Ивана IV. Совсем не обязательно от Марии Нагой. Известно, что от развратного царя разные женщины родили более 100 внебрачных детей. Правда, всех их по приказу Ивана убили в младенчестве. Но не исключено, что о каком-то ребенке мать и ее родственники благоразумно умолчали, а затем воспитали с сознанием своей «богоизбранности». Во всяком случае, вполне очевидно, что первый Самозванец в самом деле являлся харизматической личностью. Пойти в поход против огромной державы с кучкой авантюристов, ни капельки не сомневаясь в успехе своего предприятия — это дело очень и очень непростое. Здесь явно скрыта какая-то тайна.

ДЕЙСТВИЯ САМОЗВАНЦА В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Итак, чернец Григорий в сопровождение двух нищенствующих монахов в 1602 году бежал из Москвы в Литву. После нескольких недель странствий он оказался в городе Брагин на Днепре, у православного литвинского князя Адама Александровича Вишневецкого, к которому нанялся слугой. Вскоре Отрепьев открылся князю.

По версии Конрада Буссова, Отрепьев помогал князю мыться в бане, принес не то, что нужно и получил от него затрещину. Тогда

* Надо отметить, что давно уже существует очень простое объяснение причин успешной церковной карьеры Григория. В мужских монастырях того времени весьма широко был распространен гомосексуализм. За исключением отдельных монахов, прославившихся своей «святостью» и стариков, педерастами были практически все. Юный монашек пользовался спросом среди иерархов. Только и всего.

«оскорбленный царевич» воскликнул: «Знал бы ты князь Адам, кто я такой, так не обзывал бы меня сукиным сыном, а тем более не бил бы меня по шеем из-за такой малости!» Князь, естественно, тут же спросил: «А кто ты такой?» И тут Григорий «во всем признался», а также показал золотой крест, усыпанный камнями, якобы подаренный ему крестным отцом, князем Мстиславским.

Адам Вишневецкий немедленно признал Отрепьева царевичем. Надо полагать, что главную роль в этом сыграла не доверчивость князя, а его территориальные споры с Московским государством. В конце XVI века Вишневецкие захватили довольно большой кусок земли в Заднепровье. В 1590 году сейм Речи Посполитой признал эту землю их законным владением, но московское правительство часть ее считало своей, конкретно, городки Прилуки и Сиетино. Оно утверждало, что «Вишневецкие воровством своим в нашем государстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище осваивают». В 1603 году царь Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Адама Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

Григорий Отрепьев.
Гравюра 1605 года

Вооруженные стычки из-за спорной территории могли вызвать и более крупное военное столкновение. Видимо, именно эта перспектива привела Отрепьева в Брагин. Не исключено, что согласно первоначальному плану, разработанному его вдохновителями в Москве, он должен был втянуть, с помощью Вишневецкого, в войну против Московского государства татар и запорожцев.

Царь Борис посулил князю Вишневецкому щедрую награду за выдачу «вора», но получил отказ. Затем Вишневецкий, опасаясь силового захвата Григория «государевыми людьми», увез Отрепьева подальше от границы с Московией, в городок Вишневец, что на реке Горынь в Волинии. Там он передал «царевича» своему двоюродному брату, князю Константину Константиновичу Вишневецкому.

7 октября 1603 года Адам Вишневецкий сообщил коронному гетману и великому канцлеру Польши Яну Замойскому о появлении «царевича Димитрия». Узнав об этом, Замойский посоветовал Вишневецкому известить короля, а московского беглеца отправить либо к королю, либо к нему (Замойскому), либо к гетману Литвы (Льву Сапеге).

1 ноября 1603 года король Сигизмунд III приказал князю Адаму привезти Отрепьева в Краков и представить подробное донесение об его личности. Адам Вишневецкий немедленно исполнил приказ короля относительно доклада, прислав в Краков подробную запись рассказов Отрепьева. Но переписка с Замойским убедила его в том, что король не склонен поддерживать эту интригу, поэтому Вишневецкий не спешил передавать самозванца королю.

Несомненно, что королю Сигизмунду III и канцлеру Яну Замойскому пришлось выбрать своего рода «среднюю» линию поведения. С одной стороны, им не хотелось затевать войну с Москвой. Во-первых, для этого требовались значительные средства, которых у них не было. Во-вторых, шла война с Карлом Зюдерманландским из-за шведского престола и Ливонии. Но с другой стороны, королю и канцлеру, как разумным политикам, была симпатична перспектива грандиозных потрясений в Московской Руси, ибо слабый сосед всегда лучше сильного.

Адам Вишневецкий предпочел бы действовать с согласия короля и канцлера, но был готов затеять войну и без них. Адам публично, в присутствии послов крымского хана заявил, что в отличие от короля он не связан мирным договором с царем Борисом и может действовать так, как хочет. В январе 1604 года Вишневецкий начал собирать частную армию в своей вотчине, в городе Лубны на реке Суле.

Юрий Мнишек,
воевода Сandomирский

Однако вскоре возникли серьезные разногласия между Лже-Дмитрием и Адамом Вишневецким. Вишневецкий вовсе не собирался идти походом на Москву, для этого у него было слишком мало сил. Целью его «частной» войны являлся захват не-

скольких городков на территории, контролируемой Москвой, а затем — заключение мира с царем Борисом на выгодных условиях.

Не исключено, что в ходе мирных переговоров голова Отрепьева стала бы разменной монетой. Самозванца, естественно, такие планы князя Адама не устраивали, к тому же у него к началу 1604 года появились другие покровители.

Дело в том, что Константин Вишневецкий познакомил «Дмитрия» со своим родственником, сandomирским воеводой Юрием Мнишеком. Вот как он сам рассказывал думным боярам в Москве об этом знакомстве:

Марина Юрьевна Мнишек

«Случайно ехал князь Вишневецкий, зять мой, с Дмитрием через Самбор к королю его милости, с которым и заехал ко мне. Я, имея дело к королю его милости, поехал также вместе с ними»

Дневник Марины Мнишек

Сей предприимчивый человек, можно сказать — личность авантюрного склада, буквально ухватился за Самозванца. Важную роль в таком повороте событий сыграла его дочь Марина (1588—1614).

О пылкой взаимной страсти Лже-Дмитрия и Марины писали многие, от Шиллера до Пушкина. Видимо, юная шляхетка произвела сильное впечатление на беглого монаха, который раньше близко не видал знатных девиц. Ведь не только боярыни, но даже московские царицы никогда не бывали на торжественных церемониях и на пирах вместе с мужчинами. Не случайно через сто лет молодой царь Петр увлекся чуть ли не первой встречной девушкой в Немецкой слободе — Анной Монс.

Но не следует забывать и другое. Марине в момент знакомства было всего 15 лет. Какая девушка даже сегодня не мечтает о «принце»? И вот он появился: молодой, неженатый, вполне симпатичный, образованный, весьма неглупый царевич. Мало кто устоял бы и среди наших современниц, не то, что тогдашняя девушка из тогдашней провинции. Другое дело, что отец Марины быстро понял, какие выгоды он может извлечь при таком раскладе.

В феврале 1604 года король официально обратился к сейму, прося его высказаться о претенденте на московский престол. По вопросам о подлинности «царевича» Дмитрия и о возможности участия Речи Посполитой в его предприятии, он получил почти единственный отрицательный ответ. «За» выступили только краковский воевода Николай Зебжидовский и гнезненский архиепископ Ян Тарковский. Кроме них, Самозванца неофициально поддерживал литовский гетман Лев Сапега.

Все же в первых числах марта 1604 года Мнишек привез «царевича» в Краков. Пан Юрий действовал грамотно. Он начал с того, что устроил большой пир для местной знати, куда пригласил также и членов сейма. Естественно, что центральное место на пиру занял «царевич», прибывший со свитой в составе нескольких «знатных московитов». На самом деле все они являлись безродными беглецами из Московской Руси. Но их прекрасно одели, они оказывали Дмитрию-Григорию-Юрию царские почести.

15 марта состоялась аудиенция претендента у короля. Представ перед ним, Лже-Дмитрий произнес речь, пестрившую многочисленными латинскими изречениями, риторическими оборотами, а также сравнениями, в которых приводились подобные случаи из истории. Это выступление произвело самое благоприятное впечатление на присутствующих: все убедились, что «царевич» умен и достаточно образован.

Тем не менее, в своем ответе Сигизмунд, подчиняясь мнению сейма, заявил, что не может признать Дмитрия царем, не даст ему ни одного солдата и не нарушит мира с Москвой. Однако все это мог беспрепятственно делать частным образом Юрий Мнишек, так как король не имел права запрещать магнатам влезать в любые авантюры, какие им захочется.

Годунов пытался противостоять завязавшейся интриге. Он отправил в Краков Н.Е. Отрепьева-Смирного, двоюродного брата Григория, чтобы тот встретился с Лже-Дмитрием, публично разоблачил его и потребовал выдачи. Но паны не допустили этой встречи. Неудача постигла и стрелецкого голову П. Огарева, посланного с аналогичной миссией. Позже Вацлав Диамантовский отметил:

«Тогда, из-за столь неприязненного отношения к нему со стороны Бориса /Годунова/, соблаговолил король его милость решить, что из-за Бориса, человека неискреннего и не считающегося с расположением короля его милости и всей Речи Посполитой нашей, не должен он того Дмитрия сдерживать, ни в тюрьму заключать, ни приказывать его отослать к Борису, что могло быть проявлением доброй и искренней дружбы... Пустил он все это на саму волю Божью, считая, что если он настоящий царевич и Господь Бог его чудесно от смерти сохранил, то он легко в столицу своих предков с помощью самого Бога может вступить.

Ни гетманов своих коронных и Великого княжества Литовского, великих и полных, через которых есть обычай у короля его милости, пана нашего, и у Речи Посполитой с неприятелем войны вести, ни войск своих с ним король не посылал»...

Дневник Марины Мнишек, год 1606. Раздел 8. Июнь

Некоторые историки утверждают, что для того, чтобы попасть в краковскую королевскую резиденцию Вавель, Дмитрию пришлось кое-что обещать. Якобы он сказал, что когда взойдет на трон, вернет Речи Посполитой половину Смоленской земли и часть Северной земли; заключит «вечный мир» между обоими государствами; позволит строить католические церкви в Московии и, наконец, поможет королю Сигизмунду вернуть шведский престол. Очень может быть, только по этому поводу польский историк Казимир Валишевский писал:

«Обещания ничего не стоят тому, кто не намерен их сдержать; и, здраво рассуждая, невозможно приписать такой невероятной наивности Сигизмунду и его советчикам, уверенности, что он сдержит свое обещание, когда у него явится желание и он получит власть исполнить то, что теперь обещал. Для московского царя это равнялось бы самоуничтожению!»

Валишевский К. «Смутное время». М., 1993, с. 104

Итак, оказать реальную помощь Самозванцу брался только Юрий Мнишек. Некоторые русские историки утверждают, что в начале лета 1604 года Дмитрий заключил с ним договор. Текста этого договора никто никогда не видел. Дмитрий якобы обязался передать своему благодетелю — после восшествия на престол и вступления в брак с Мариной — княжества Смоленское и Северское в потомственное владение.

Забегая вперед, скажем, что ни одного обещания королю и Мнишке (если он их давал) Дмитрий не исполнил, хотя являлся царем более года.

~ * ~

Итак, царь Борис надеялся разрешить ситуацию с «воскресшим царевичем» дипломатическим путем, но он жестоко ошибался. А.С. Пушкин очень хорошо сформулировал роль Самозванца в следующих словах, якобы обращенных к Марине Мнишек:

*«Но знай,
Что ни король, ни пана, ни вельможи —
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело ?
Йоя предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно»...*

Действительно, польско-литовских участников той драмы, что вскоре развернулась в московских пределах, мало волновала подлинность личности «царя Дмитрия Ивановича». Вокруг него вскоре объединились самые разные люди, выступавшие против Годунова. Это и московские политические эмигранты; и казаки — северские и украинские, и всякого рода авантюристы, жаждавшие легкой наживы. Все они видели в «царевиче» олицетворение предоставившегося им «счастливого случая».

НАЧАЛО ПОХОДА САМОЗВАНЦА

Как писал С.М. Соловьев, «Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и укрainaх».*

Среди них преобладали православные литвины, украинские казаки и беглые москвиты. Поляков представляли в основном протестанты — ариане и кальвинисты. Католиками являлись Мнишек и представители его клана.

Первоначально местом сбора этой частной армии Мнишка был Самбор. 12 июня 1604 года войско выступило оттуда в направлении Львова. Естественно, что по дороге нищие «рыцари», не имея достаточных средств на провиант, грабили местных обывателей, даже убили несколько человек. В Краков посыпались жалобы на бесчинства. Но король Сигизмунд не обращал внимания на эти жалобы, отделяясь общими словами и благими пожеланиями.

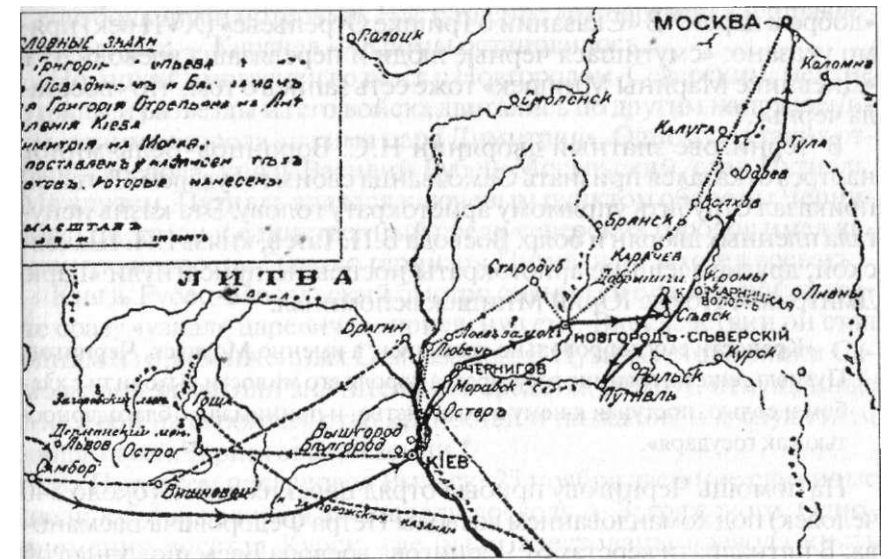
Наконец, армия Самозванца начала медленно двигаться в сторону московских границ. Войско проходило в день две-три мили, иногда стояло на одном месте несколько дней. К концу первых двух недель похода Лже-Дмитрий все еще оставался в пределах львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября «рыцарство» собралось в коло и выбрало командиров.**

Мнишека, по его собственному желанию, избрали главнокомандующим, Адама Жулицкого и Адама Дворжецкого — полковниками. Сын Мнишека Станислав стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование войском Самозванца.

Как уже сказано, армия Мнишека, двигаясь по территории Речи Посполитой, безнаказанно грабила местное население. В связи с этим князь Константи́н Острожский и черкасский староста Ян

* Соловьев С.М. «История России с древнейших времен», книга IV, с. 410.

** Коло, удонских казаков — круг, у запорожцев — рада; это собрание воинов с целью принятия каких-либо важных для них решений.

Поход Самозванца

Острожский мобилизовали свои частные армии и разместили на границах собственных владений, чтобы не допустить туда «рыцарство».

Лишь 13 октября 1604 года войско переправилось через Днепр, служивший тогда границей. К тому моменту в нем было около 1000 польских и литовских гусар (пять рот по 200 сабель в каждой), около 400 человек польско-литовской пехоты, примерно две тысячи украинских казаков («черкас») и до 200 беглых «москалей». Всего около 3600 человек. В целом, сил у Самозванца было крайне мало. Но вскоре выяснилось, что крепости сдаются ему без боя.

Так, отряд казачьего атамана Белешко через густой лес вышел к малой пограничной крепости Моравск (Монастырский острог). Один казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». От себя он сказал, что идет царевич Дмитрий с огромными силами. Застигнутый врасплох воевода Б. Лодыгин попытался организовать сопротивление. Однако «служилые люди» взбунтовались, связали воеводу Лодыгина и стрелецкого голову Толочанова. Сам же «царевич Дмитрий» с основными силами прибыл к Моравску только 21 октября.

Чернигов поначалу встретил Самозванца выстрелами пушек (в крепости было 27 орудий). Но вскоре и там произошел бунт, воеводу князя И.А. Татеева схватили и передали самозванцу. И в Чернигове, и в Моравске бунтовали простые жители, мечтавшие о

«добром царе».* В «Сказании о Гришке Отрепьеве» (XVII век) прямо указано: «смутишася черные люди и перевязаша воевод». И в «Дневнике Марины Мнишек» тоже есть запись о том, что «восстала чернь».**

В Чернигове знатный дворянин Н.С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать Самозванца своим государем. Тогда он приказал отрубить упрямому аристократу голову. Эта казнь испугала пленных дворян и бояр. Воевода Б.П. Татев, князь Г.П. Шаховской, другие здешние аристократы поспешно присягнули «царю Дмитрию». Позже Юрий Мнишек вспоминал:

«Крепости ему добровольно сдавались, а именно Моравск, Чернигов, Путивль, еще на границе государства короля его милости выходили с хлебом и солью, поступая к нему в подданство, и принимали с благодарностью как государя».

На помощь Чернигову прибыл отряд царских войск (около 540 человек) под командованием воеводы Петра Федоровича Басманова. В пятнадцати верстах от Чернигова воевода Басманов узнал об его сдаче, после чего отступил в Новгород-Северский. Неделью Басманов готовил крепость к обороне. Местных служилых людей в городе было 302 человека: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. Озабоченный слухами о том, что «воров идет множество», Басманов потребовал срочно прислать подкрепление. Вскоре к нему прибыли 59 дворян из Брянска, 363 стрельца из Москвы, 237 казаков из Кром, Белева, Трубчевска. Всего в Новгороде-Северском собралось до 1500 воинов.

11 ноября 1604 года войско Лже-Дмитрия подошло к Новгороду-Северскому. Самозванец послал литвинов-парламентеров с предложением сдаться. В ответ им со стен кричали: «А, блядские дети! Приехали на наши деньги с вором!» Как видим, местные ратники имели вполне адекватное представление о качественном составе и целях «рыцарства».

13 ноября Самозванец попытался захватить крепость, но штурм был отбит, потери составили около 50 человек. В ночь с 17 на 18 ноября последовал новый штурм. Осаждавшие безуспешно пытались поджечь деревянные стены крепости. Штурм был снова отбит,

* Термин «добрый» в те времена означал не доброту — антипод жадности, а объединял такие качества, как «истинный» и «справедливый».

** Текст, известный под названием «Дневник Марины Мнишек», написан от третьего лица. Его автор — шляхтич Вацлав Диамантовский (Vaclaw OuateЩо^л'зкО, состоявший в свите Марины, когда она ехала из Самбора в Москву для венчания. Позже он находился вместе с ней и ее отцом в ссылке в Ярославле. Сведения, приведенные в этом документе, отличаются точностью. Дневник был впервые опубликован на русском языке в 1907 году.

с еще большими потерями. Наступление «рыцарства» в направлении Брянск — Карачев — Кромы остановилось.

Но, пока Самозванец возился с Новгородом-Северским, мелкие отряды и разъезды из его войска двигались по другим направлениям, занимая города «на имя царя Дмитрия». Одному из таких отрядов воевода, князь Василий Рубец-Мосальский, сдал Путивль. Между тем, Путивль являлся ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственный среди северских городов имел каменную крепость. Однако гарнизон Путивля не захотел воевать.

Князь Рубец-Мосальский быстро оценил ситуацию, при встрече сразу «узнал» царевича и присягнул ему. Впоследствии он стал одним из приближенных Самозванца. В Путивле сторонники Самозванца захватили значительные средства (казну), отпущенные Москвой на строительство крепостей и на жалованье служилым людям всей Черниговской земли.*

За Путивлем последовал Рыльск. 23 ноября здешние служилые люди взбунтовались и арестовали воеводу А. Загряжского. Одновременно восстал Курск, где были арестованы воевода князь Г.Б. Роща-Долгоруков и стрелецкий голова Я. Змеев. Обоих доставили к Самозванцу, они «признали» его и вскоре были назначены воеводами в Рыльск.

Советские историки старательно подгоняли действия служилых людей в этих городах под классовую борьбу. Так, историк И.М. Скляр писал, что «уже осенью 1604 года лозунг борьбы «за царя Дмитрия» оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян». Но факты не подтверждают данный тезис. Бунтовщики нападали на воевод, московских стрельцов и всех тех, кто выступал против «царя Дмитрия», однако как только конкретные бояре и дворяне переходили на его сторону, бунтовщики безропотно повиновались им.

1 декабря на сторону Самозванца перешла маленькая, зато имевшая стратегическое значение крепость (замок) Кромы, расположенная в 40 верстах от Орла на дороге из Москвы.**

В Орле находился небольшой гарнизон во главе с Петром Крюковым. По его просьбе в Орел были присланы дворяне и «дети боярские» из Козельска, Белева и Мещёвска, несшие годовую служ-

* В Московском государстве того времени существовал своеобразный промежуточный слой между дворянами с одной стороны, посадскими людьми и крестьянами — с другой. Это стрельцы, пушкари, атаке казаки, принятые на государственную службу. Их называли служилыми людьми «по прибору», в отличие от дворян и детей боярских — служилых людей «по отечеству».

** Как видим, Кромы, Курск, Моравск, Путивль, Рыльск, Чернигов добровольно перешли на сторону Самозванца. Никакой заслуги поляков, литвинов и казаков в этом не было.

бу в Белгороде. Командование над отрядом, собравшимся в Орле, принял стрелецкий голова Григорий Иванович Микулин. Отряд сторонников Самозванца приблизился к Орлу, но высланная оттуда дворянская сотня наголову разгромила «воров».

28 ноября в Новгороде-Северском часть служилых людей, прельщенных посулами Самозванца, попыталась устроить мятеж. Воевода Басманов сумел подавить его, после чего 80 человек убежали из крепости к осаждавшим. Между тем, последние привезли из Путивля несколько крепостных пушек и начали бомбардировку крепости, не прекращавшуюся ни днем, ни ночью, и за неделю обстрела «разбиша град до обвалу земного».

Тогда, чтобы выиграть время, Басманов вступил в переговоры с Лже-Дмитрием и попросил двухнедельное перемирие, будто бы необходимое для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и Отрепьев согласились на это. Но Басманов использовал перемирие для того, чтобы исправить повреждения крепости. 14 декабря в крепость прорвалось небольшое подкрепление — сотня стрельцов.

ПОПЫТКИ ОТПОРА , ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВОЙСК

Как только в Москву пришли первые сообщения о вторжении Самозванца, царь Борис приказал собрать в течение двух недель (к 28 октября) дворянское ополчение. Приказ был повторен трижды, но выполнить его не удалось. Основными причинами тому стали осенняя распутица и нежелание дворян ехать на службу. Борису пришлось применить строгие меры к дворянам, уклонявшимся от службы. Некоторых доставили под стражей, у других описали поместья, третьих наказали батогами. Наконец, к 12 ноября дворянское ополчение собралось в Москве.

Впрочем, дело было не только в погоде и, тем более, не в оппозиции дворянства царю Борису. При сборах дворянского ополчения и до, и после 1604 года «отказчиков» всегда хватало. Разве что массовую неявку в призыв 1604 года дополнительно обусловила еще и специфика предстоявшего похода. Конечно, не то, что дворяне не хотели воевать с «настоящим царевичем», большинство плевать на него хотело. Но вот сражаться с нищими шляхтичами, служилыми людьми из пограничных городков и казаками им явно было ни к чему. Ни славы, ни добычи!

Командование армией царь доверил князю Дмитрию Ивановичу Шуйскому, одному из самых бездарных московских воевод. Войско двинулось к Брянску, где стояло около трех недель. Брянское стояние надоело Борису, и он назначил главнокомандующим

князя Федора Ивановича Мстиславского (ок. 1550—1622), столь же знатного и столь же бестолкового воеводу.

18 декабря армия Мстиславского подошла к Новгороду-Северскому, где стояла в полном бездействии еще три дня. Воспользовавшись этим, солдаты Мнишека напали на татарский отряд из состава сторожевого полка и разбили его.

20 декабря противники выстроились в поле друг против друга, но в сражение не вступили, обошлись мелкими стычками. Лже-Дмитрий старался оттянуть начало решительной битвы переговорами, и это ему удавалось, так как Мстиславский тоже не торопился, он ждал подкреплений, хотя у Мстиславского было от 20 до 30 тысяч человек, а у Самозванца в это время — не более 10 тысяч.

Наконец, 2 Г декабря Лже-Дмитрий атаковал царское войско. Сражение началось стремительной атакой польских гусар на правом фланге войск Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил. Одна из польских гусарских рот, преследуя отступавших, оказалась в расположении «большого полка», возле ставки Мстиславского. Там находился стяг, вышитый золотом и установленный на повозке. Гусары подрубili древко, захватили стяг, сбросили с коня Мстиславского, ранив его при этом в голову: «сечен по голове во многих местах».

На выручку воеводе кинулись дворяне и стрельцы. Часть гусар погибла, остальные, во главе с капитаном Домарацким, попали в плен. После ранения Мстиславского командование московским войском взяли на себя воеводы Д.И. Шуйский, В.В. Голицын и А.А. Телятевский. Но они не сумели использовать численное преимущество и приказали войску отойти.

Лже-Дмитрий мог праздновать победу. Его армия потеряла убитыми и пленными не более 120 человек, москвиты — до 2 тысяч человек. Однако до Москвы было по-прежнему очень далеко, а успех всей этой затеи казался весьма сомнительным. Трофеев тоже практически не было, как и денег. В это время пришло требование от короля к полякам, состоявшим в войске Самозванца, вернуться домой.

Диамантовский изложил этот поворот в развитии событий так:

«Когда в Новгородке Северском часть «москвы» оказала сопротивление, а Борис прислал к королю, его милости, постельничего Огарева, называя этого человека, как вы его теперь зовете, Отрепьевым, а не Дмитрием и вспоминая о договорах, тогда король его милость, пан наш, мира утвержденного не нарушил и, по требованию Бориса, суровые универсалы свои к пану воевбдесандомирскому/Мнишеку/ и к другим людям, которые под Новгородком были, приказал послать, чтобы прекратили поддер-

жить того человека и сейчас же выехали от московских границ. По этой причине пан воевода и находившиеся с ним польские люди сразу оттуда уехали. Он один с казаками вашими донскими, отчасти с запорожскими и с другими людьми из народа вашего московского, которые его за государя приняли, там остался».

Дневник Марины Мнишек, год 1606. Раздел 8. Июнь

4 января «гетман» Юрий Мнишек покинул лагерь Самозванца с большей частью поляков. Формально Мнишек заявил, что едет на заседание сейма в Краков. С Лже-Дмитрием остались только полторы тысячи поляков и литвинов, которые вместо Мнишка выбрали гетманом Адама Дворжецкого. Но вскоре в войско Самозванца пришло очень большое пополнение — свыше десяти тысяч украинских казаков («черкас»), большей частью конных.* После этого он снял осаду с Новгорода-Северского и двинулся к Севску который сдался ему без боя.

Несмотря на бездарные действия воевод под Новгородом-Северским, царь Борис щедро их наградил. Впрочем, по-своему он был прав. Ведь Самозванец не извлек никакой выгоды из победы, напротив, снял осаду и отошел к Севску. Другое дело, что ошибкой Годунова стал отзыв в Москву энергичного волевого воеводы Басманова. Басманов получил от царя «за крепкое стояние» титул боярин», большое поместье, две тысячи рублей и ценные подарки.

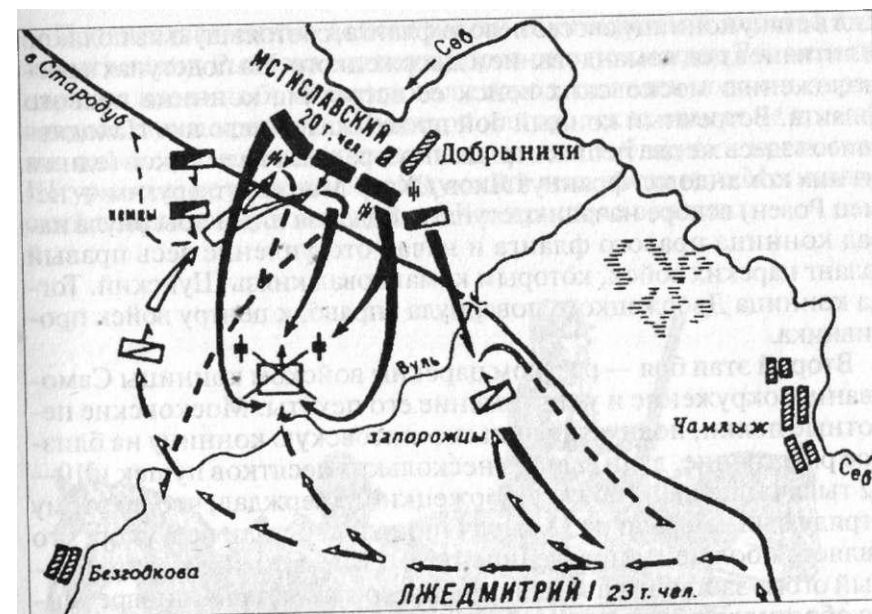
На помощь страдавшему от ран Мстиславскому царь послал князя Василия Ивановича Шуйского — старшего брата Дмитрия. Кстати, после получения первых сообщений о появлении Самозванца в пределах московского государства, Василий Шуйский вышел на Лобное место в Москве и торжественно свидетельствовал, что истинный царевич закололся и был лично им погребен в Угличе.

СРАЖЕНИЕ ПОД ДОБРЫНИЧАМИ

(21 января 1605 г.)

20 января 1605 года московское войско стало лагерем в большом селе Добрыничи (в Комарицкой волости), неподалеку от Чемлыжского острога (что на реке Севе, в Севском уезде), где находился Дмитрий. Узнав о подходе московитов, он решил немедленно атаковать их. Однако попытка ворваться в деревню ночью не удалась.

* Украинских, или малороссийских, казаков вплоть до конца XVII века называли «черкасами» по названию их «столицы» — города Черкасы. Не путать с «черкесами», кавказскими народами адыгейской языковой группы — кабардинцами, балкарцами и другими.

Сражение под Добрыничами

На рассвете Самозванец построил свое войско в боевой порядок: пехоту в центре, конницу на флангах. Он хотел отбросить царские войска к реке Севе ударом по их правому флангу. У него было от 15 до 18 тысяч человек, царских войск — примерно 23 тысячи. Обе стороны имели орудия различной мощности, преимущественно легкие. Мстиславский и Шуйский тоже расположили свою пехоту (около 17 тысяч человек) в центре, перед деревней Добрыничи, конницу (примерно 6 тысяч всадников) они поставили двумя равными отрядами по обеим сторонам деревни.

Пехота, вооруженная пищалями, составляла основу боевого порядка царских войск. Она была построена в линию, имея в глубину 4—6 шеренг. В таком строю пищальники вели огонь следующим образом: две первые шеренги опускались на колено, в это время давали залп 3-я и 4-я шеренги и сразу тоже опускались на колено, после чего давали залп 5-я и 6-я шеренги. 1-я и 2-я шеренги должны были стрелять в конницу противника в упор. При построении в шесть шеренг могли одновременно дать залп первые четыре шеренги (1-я и 2-я с колена, 3-я и 4-я стоя). Конница прикрывала фланги пехоты, а также составляла резерв.

Сражение можно условно разделить на два этапа. Первый этап — бой конницы. После завязки сражения небольшими передовыми отрядами и артиллерийской перестрелки Самозванец бро-

сил в атаку конницу своего левого фланга, состоявшую из поляков и литвинов под командованием Дворжецкого. На подступах к расположению московских войск ее встретила конница правого фланга. Встречный конный бой продолжался недолго. Находившиеся здесь же два пеших отряда иностранных наемников (одним из них командовал француз Яков /Жак/ Маржерет, другим — немец Розен) вскоре начали отступать. Вслед за ними повернула назад конница правого фланга и начал отступление весь правый фланг царских войск, которым командовал князь Шуйский. Тогда конница Дворжецкого повернула вправо, к центру войск противника.

Второй этап боя — разгром царским войском конницы Самозванца, окружение и уничтожение его пехоты. Московские пехотные полки, подпустив польско-литовскую конницу на близкое расстояние, дали залп из нескольких десятков пушек и 10—12 тысяч пищалей (позже Дворжецкий утверждал, что по этому отряду был дан залп из 18 тысяч пищалей чуть ли не в упор, что является большим преувеличением). Внезапный массированный огонь заставил кавалеристов повернуть назад. Одновременно обратился в бегство наступавший справа конный отряд Лже-Дмитрия, состоявший из запорожцев. И справа, и слева московские всадники преследовали конницу противника на расстоянии до 8 верст. Пехота Самозванца, оставленная конницей, была окружена и разгромлена.

По свидетельству Маржерета, войско Самозванца потеряло убитыми почти всех пехотинцев (около 5,5 тысяч человек). В основном это были «черкасы», то есть украинские казаки. Царское войско потеряло не более 500 человек убитыми и ранеными. Московские воеводы захватили более тысячи пленных, 15 знамен и 13 пушек. Пленных поляков и литвинов они отправили в Москву, украинских казаков и «московских воров» повесили на месте.

Это сражение может служить примером большого тактического успеха, не использованного, однако, стратегически. Тактическое преследование не переросло в стратегическое, что дало возможность Лже-Дмитрию вскоре возобновить военные действия.

БОИ ЗА РЫЛЬСК И КРОМЫ

После сражения Дмитрий ускакал сначала в Рыльск, а оттуда перебрался в Путивль. Как уже сказано, благодаря каменной крепости этот город являлся надежным убежищем. Для защиты Рыльска Самозванец оставил местному воеводе князю Г.Б. Долгорукову несколько казачьих и стрелецких сотен.

Правительственные войска имели многократный перевес над защитниками Рыльска, но взять город они не смогли. Две недели царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Пушкари на городских стенах не дремали, они не позволили осаждавшим подойти близко к крепости. Штурм тоже не удался, и на следующий день после него Мстиславский велел своему войску уйти в Комарицкую волость.

Московские ратники XVII века. Худ. В. Тараторин

Историк С.Ф. Платонов считал, что после успешной битвы при Добрыничах царские войска не могли двигаться на Путивль по двум причинам. Во-первых, у них в тылу действовали разрозненные казачьи отряды, приводившие к присяге Самозванцу город за городом (Белгород, Валуйки, Воронеж, Елец, Ливны, Оскол, Царев-Борисов) и грозившие отрезать их от центра. Во-вторых, армия царя Бориса была лишена продовольствия. Именно поэтому она подвергла жестокому разорению Комарицкую волость в попытках обеспечить себя провиантом и фуражом.*

* См.: Платонов С.Ф. Очерки смуты, с. 201—202.

Как только главные силы московитов отошли от Рыльска, воины Долгорукова сделали вылазку и разгромили арьергард. Им досталось много разного имущества, которое Мстиславский не успел вывезти из лагеря.

Эта война зимой, среди заснеженных лесов и полей, была непривычна для дворянского ополчения. Оно действовало в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения, которое отбивало обозы с конфискованным продовольствием, чинило всяческие препоны. Все это усугубляло и без того трудное положение армии, которая после трехмесячной кампании стала быстро «таять». Дворяне дезертировали, разъезжаясь по своим поместьям.

Московская армия, лишенная надежных коммуникаций, оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. На севере сторонники Самозванца удерживали Кромь, на юге — Путивль, на западе — Чернигов. В таких условиях воеводы Мстиславский, Шуйские и Голицыны решили вывести армию из охваченной восстанием местности и распустить ратных людей на отдых до начала летней кампании.

Но царь Борис, согласно свидетельству «Нового летописца», был разгневан отступлением армии от Рыльска: «раскручинился на бояр и на воевод, что не поймаше тово Гришки». Он послал к войскам окольничего П.Н. Шереметева и думного дьяка Афанасия Власьева с наказом: «пенять и спрашивать, для чего от Рыльска отошли». Царь строжайше запретил воеводам распускать армию на отдых, что вызвало сильное недовольство в полках.

В такой ситуации еще большее стратегическое значение приобрела крепость Кромь, оказавшаяся в тылу правительственной армии. Царские воеводы не могли вести военные действия вдоль реки Сейм, имея за собой Кромь, через которые могли подойти казацкие войска с «Поля».

В свою очередь, Самозванец стремился удержать Кромь за собой, чтобы под их защитой готовить армию в Путивле и, опираясь на Кромь, развернуть наступление в центр по самому выгодному пути — на Калугу.

Эту крепость построили московские воеводы в 1595 году на левом берегу одноименной реки. Ее окружали болота, через которые проходила всего одна дорога. Устройство крепости было типичным: снаружи высокий и широкий земляной вал, внутри бревенчатый «острог» с башнями и стеной с бойницами. Гарнизон состоял из двухсот стрельцов и небольшого отряда казаков. Командовал крепостью Григорий Ананфиев.

Однако уже после начала осады (в конце февраля) в Кромь прорвался атаман Корела (или Карела) с четырьмя сотнями дон-

ских казаков на ста санях.* А.С. Пушкин вложил в его уста следующие слова:

Самозванец:... *Ты кто?*

Карела: *Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.*

Бои под Кромью приняли упорный характер и растянулись на всю весну 1605 года. Шереметеву не помогли несколько осадных орудий, доставленных сюда в конце февраля.

ЦАРЬ ФЕДОР ГОДУНОВ И ПЕРЕВОРОТ В МОСКВЕ

Развязка конфликта наступила внезапно: 13 апреля 1605 года умер царь Борис. У него вдруг хлынула кровь изо рта, носа и ушей, после чего царь прожил всего два часа. За это время он успел заставить бояр присягнуть своему сыну Федору.

С 1602 года Борис часто хворал, а в 1604 году перенес «удар» (инсульт), в результате которого волочил одну ногу. Тем не менее, неожиданная смерть 53-летнего царя вызвала различные толки. Немцы-врачи тут же сказали, что его отравили, но их мнение никого не интересовало. Официально было объявлено о втором «ударе».

После смерти Бориса именно борьба за власть между различными боярскими и церковными группировками (а не какие-то интервенты) постепенно свергла Московское царство в ту пучину хаоса, которая известна как Смута.

19 апреля под Кромью прибыл новый второй воевода «большого полка» Петр Федорович Басманов. Он привел войско к присяге царю Федору Борисовичу Годунову. *

О смерти царя Самозванец узнал в конце апреля. После этого он предпочел активным боевым действиям психологическую войну. В лагерь осаждавших под Кромью его агенты забрасывали десятки «прелестных» писем с призывами переходить на сторону «царевича Димитрия».

* Корела — бывший латышский крепостной крестьянин, бежавший из Курляндии в вольную степь. Позже, когда Лже-Дмитрий сел на трон в Москве, он щедро награждал атамана Корелу. Известно, что этот лихой боец усердно пропивал в московских кабаках деньги, полученные от «государя».

Кроме того, царских воевод ввели в заблуждение дезинформацией. Их ратники перехватили гонца Лже-Дмитрия, спешившего в осажденные Кромь с письмом. Там было сказано, что король Сигизмунд III послал в помощь Дмитрию воеводу Станислава Жолкевского с 40-тысячным войском.

На самом деле сейм Речи Посполитой, открывшийся 10 января 1605 года, высказался за сохранение мира с Москвой. После выступления Юрия Мнишека с сообщением о перепетиях похода, канцлер Ян Замойский осудил эту авантюру. Он сказал, что враждебный набег на Московию не принесет ничего хорошего Речи Посполитой. Канцлер выразился изящно:

«Кости в игре падают иногда и счастливо, но обыкновенно не советуют ставить на кон дорогие и важные предметы. Дело это такого свойства, что может нанести и вред нашему государству».

Самого же Самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками:

«Тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй Бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана».

Но пока поляки и литвины заседали в сейме, ситуация в районе боевых действий радикально изменилась в пользу «вора Гришки». Смена власти в Москве, «прелестные письма», угроза подхода регулярных войск Речи Посполитой — все это привело к тому, что ряд военачальников составил заговор против царя Федора. Важную роль в нем сыграл рязанский дворянин Прокофий Федорович Ляпунов (по другим сведениям, его отчество было Петрович), имевший свои счеты с Годуновыми. К нему примкнули братья-воеводы, князья Василий и Иван Васильевичи Голицыны, князь М. Салтыков, а также служилые люди из Рязани, Тулы, Каширы, Алексина.

В конце концов, Петр Басманов тоже перешел на сторону заговорщиков. Он, как известно, был обласкан Борисом и Федором Годуновыми, получил назначение, превышавшее положенное ему по знатности рода. Но с другой стороны, заговорщики князья Голицыны по матери приходились ему двоюродными братьями. А отец царицы, Малюта Скуратов, в свое время явился инициатором расправы над несколькими Басмановыми, в том числе над его отцом. Хорошо подумав, 7 мая 1605 года Петр Басманов объявил о своем переходе на сторону «царевича Дмитрия». После этого в Москву ушли все иностранные наемники, часть дворян и стрель-

цов, а с ними — воеводы М.П. Катывев и А.А. Телятевский. Остальные ратники присягнули Самозванцу.

Первым делом Лже-Дмитрий разрешил им идти по домам. Несмотря на присягу, значительная часть дворян, стрельцов и прочих служилых людей колебалась в своем выборе, следовательно, они были ненадежны. С.Ф. Платонов пишет:

«Состояние умов в войске было так смутно, настроение так неопределенно, что достаточно было одного решительного толчка, и вся масса готова была поддаться по данному направлению».

Платонов С.Ф. Очерки смуты, с. 211—212

Из оставшихся при нем ревностных сторонников, Самозванец сформировал особый отряд. Его командиром он назначил боярина Бориса Михайловича Лыкова.

В середине мая 1605 года Дмитрий прибыл в Орел. Там он отправил в тюрьму здешнего воеводу боярина И.П. Годунова, а также учинил суд над теми воеводами, которые, попав в плен, отказались ему присягать:

«Приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститься, оне же ему оклеветанны быша, тех же повеле переимати и разослати по темницам».

Затем Самозванец двинулся к Москве. Его сопровождали около тысячи поляков и литвинов, до двух тысяч запорожских казаков и конных московитов. По дороге из Орла в Москву население радостно встречало «царевича Дмитрия». Лишь гарнизоны Калуги и Серпухова оказали некоторое сопротивление. Тем не менее, Самозванец двигался к Москве крайне медленно.

По приказу царя Федора Москва стала готовиться к обороне. На стенах Белого и Земляного города устанавливали пушки.

31 мая отряд казачьего атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке в районе Серпухова и стал лагерем всего в десяти верстах к северу от столицы, на Ярославской дороге. На следующий день посланцы Самозванца, дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев, в сопровождении казаков Корелы проникли в Москву и собрали на Красной площади большую толпу. С Лобного места Пушкин зачитал грамоту Самозванца, адресованную князьям Мстиславскому, Василию и Дмитрию Шуйским и другим боярам, а также всем москвичам.

Он напоминал в ней о присяге, данной боярами его «отцу» Ивану IV, о притеснениях, причиненных ему в молодости Борисом Годуновым, о своем чудесном спасении (в общих, неопределенных выражениях), а также прощал бояр, войско и народ за то, что они присягнули Годунову:

«Не ведая злокозненного нрава его и боясь того, что он при брате нашем царе Феодоре владел всем Московским государством, жаловал и казнил, кого хотел, а про нас, прирожденного государя своего, не знали, думали, что мы от изменников наших убиты»...

Самозванец напомнил о притеснениях, имевших место при царе Борисе: «боярам нашим и воеводам, и родству нашему укор и поношение, и бесчестие, и всем вам, чего и от прирожденного государя терпеть было невозможно». В заключении он обещал наградить всех, кто его признает, а в случае сопротивления — гнев Божий и свой царский.

Народ взволновался. Бояре сообщили патриарху Иову о мятеже, тот умолял бояр выйти к народу и образумить его. Бояре вышли на Лобное место, но ничего не могли поделать. Толпа потребовала от князя Василия Шуйского сказать правду, точно ли он похоронил царевича Дмитрия в Угличе? Напуганный развитием событий Шуйский ответил, что царевич спасся, а вместо него был убит и похоронен поповский сын.

После таких слов начался бунт. Ворота в Кремль не были закрыты, примерно 200 человек дворян и детей боярских ворвались туда, захватили царя Федора с матерью и сестрой. Их отправили в старый дом Бориса Годунова, где он жил, когда еще не был «царским шурином и правителем». Вокруг дома поставили караул. Были также арестованы родственники Годуновых, бояре Вельяминовы и Сабуровы. Толпы москвичей кинулись грабить дома Годуновых, Вельяминовых и Сабуровых, заодно разбили винные подвалы и кабаки. Началось повальное пьянство.

Объясняя причины, побудившие московскую верхушку срочно признать Лже-Дмитрия, Платонов пишет:

«Служилое и торговое население чрезвычайно боялось бедной разоренной черни, сильно желавшей грабить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей... Внутренний враг, толпившийся на московских улицах, площадях и рынках, для общественных верхов казался даже горше наступавшего на Москву неведомого победителя».

Платонов С. Ф. Очерки Смуты, с. 216

ТОРЖЕСТВО САМОЗВАНЦА (июнь 1605 г.)

Получив известие о перевороте в Москве, Лже-Дмитрий 5 июня 1605 года прибыл в Тулу. Там его встретили со всеми почестями, полагавшимися царю. Дмитрий отправил письмо к членам боярской думы с приказом выслать к нему в Тулу князя Мстиславского

и прочих главных бояр. По постановлению думы, 3 июня в Тулу отправились князья Н.Р. Трубецкой, А.А. Телятевский и Н.П. Шереметев, а также думный дьяк Афанасий Власьев. Они привезли с собой повинную грамоту от Москвы. Тем не менее, Дмитрий пришел в ярость, ибо главные бояре не явились к нему.

Туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы (37 человек), чтобы вымолить себе прощение у Дмитрия. Но Петр Басманов, расположившийся в Серпухове, не пропустил их в Тулу. Басманов повсюду искал врагов своего нового государя и беспощадно карал. По его приказу Сабуровых и Вельяминовых полностью ограбили, раздели до белья, и бросили в тюрьму.

В начале июня к Дмитрию на поклон приехал с Дона казачий атаман Смага Степанович Чертинский (или Чертенский) с товарищами (забегая вперед: тот самый, который позже погубил пресловутого «народного героя» Ивана Богдашкова по прозвищу «Сусанин»). Чтобы унижить посланцев боярской думы, Самозванец допустил к руке казаков раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки позорили их «нечестивыми словами». Самозванец милостиво разговаривал со Смагой. Лишь затем к руке были допущены бояре, и Дмитрий «наказывал и лаял, яко же прямой царский сын».

Из Тулы Отрепьев отправился в Серпухов. Дворовыми воеводами при нем в это время состояли князья И.В. Голицын и М.Г. Салтыков; ближними людьми — князь В.М. Рубец-Мосальский и окольный князь Г.Б. Долгоруков; главными боярами в полках — князь В.В. Голицын, его родственники князья И.Г. Куракин, Ф.И. Шереметев, Б.П. Татев, Б.М. Лыков.

Из Серпухова навстречу Дмитрию выехали князья Ф.И. Мстиславский и Д.И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, столичные купцы. В Серпухове он устроил несколько пышных пиров для своих приближенных и для московских бояр. В промежутках между пирами Самозванец вел напряженные переговоры с боярами.

Будучи еще в Туле, 11 июня он издал манифест о своем восшествии на престол, пометив на грамоте? «писана в Москве». Рассчитывая на неосведомленность большинства жителей Московского государства, Отрепьев врал, что якобы его узнали — «как прирожденного государя» — патриарх Иов и весь священный собор, боярская дума и прочие чины.

Вместе с этим манифестом он разослал по городам текст присяги. Фактически, он являлся сокращенным вариантом присяги, составленной Борисом Годуновым при своем воцарении.

Из текста присяги Самозванцу, по сравнению с присягой Годунову, были исключены запреты «добывать» ведунов и колдунов, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать

лихо «ведовством по ветру» и т.д. Подданные только кратко обещали не «испортить» царя и не давать ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», называющем себя Дмитрием Углицким, появился пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федькой Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылатся письмом никакими мерами».

Кроме того, Дмитрий использовал тот же прием, что Борис Годунов и его сын. Борис после смерти царя Федора Ивановича велел присягать на имя вдовы, царицы Ирины, и на свое имя. Федор Борисович в своей присяге тоже поставил на первое место мать.

Ранее, во время пребывания в Речи Посполитой и в городах Северщины, Лже-Дмитрий никогда не вспоминал свою «матушку» Марию Нагую, заточенную в небольшом женском монастыре в Белозерске под именем инокини Марфы. Но теперь ситуация изменилась. Отрепьев знал ее ненависть к Годуновым и потому рассчитывал на признание.

Самозванец велел срочно разыскать Нагих либо их родственников. Удалась найти лишь отдаленного родственника Марии Нагой, дворянина Семена Ивановича Шапкина. В Туле Отрепьев торжественно произвел Шапкина в чин постельничего, заявив, что «он Нагим племя». Затем Шапкин с охраной экстренно помчался в Белозерск.

После беседы с Шапкиным с глазу на глаз инокиня Марфа немедленно «признала» сына. Трудно сейчас установить, что больше повлияло на ее выбор — ненависть к Годуновым или нежелание быть отравленной либо утопленной по дороге. Надо полагать, она знала судьбу княгини Ефросиньи Старицкой и великой княгини Юлиании, жены Юрия, родного брата Ивана Грозного. Впрочем, упоминание ее в присяге было рассчитано только на эмоции невежественных масс. Монахиня, бывшая 20 лет назад невенчанной седьмой женой царя, никак не подходила под титул «царицы», пусть и вдовствующей.

Самозванцу было неудобно являться в Москву, покатам находились члены семьи Годуновых. Будь жив царь Борис, Лже-Дмитрий мог рассчитывать на какие-то политические дивиденды, устроив над ним суд и приписав ему любые преступления. Однако ни царица, ни царевич не успели совершить ничего ни хорошего, ни плохого, убедительный предлог для их казни отсутствовал. А время поджимало, поэтому сторонники Самозванца, не придумав ничего лучше, обошлись обыкновенным убийством.

Лже-Дмитрий послал в Москву специальную комиссию, в которую вошли князья В.В. Голицын и В.М. Рубец-Мосальский, боя-

рин П.Ф. Басманов, дворяне М.А. Молчанов и А.В. Шереметевы, дьяк Б. Сутупов. Прибыв в столицу, комиссия немедленно стала чинить расправу над противниками Самозванца.

Начали с патриарха Иова. Патриарх в Успенском соборе Кремля готовился к литургии, когда туда ворвались вооруженные люди. Иова выволокли из алтаря и потащили на Лобное место. Там сторонники Самозванца попытались линчевать патриарха за то, что он «наияснейшего царевича расстригой называет». Однако из Кремля сбежались попы и церковные служки,

Патриарх Иов

которые подняли крик в защиту патриарха. На помощь Иову бросилась часть горожан. Стало ясно, что убийство патриарха приведет к непредсказуемым последствиям. Тогда кто-то из людей Отрепьева крикнул: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имения его!» Призыв подействовал, толпа кинулась грабить патриаршие палаты.

Тем временем Иова отвели назад в Успенский собор. Вскоре туда прибыл П.Ф. Басманов. Вооруженные люди поспешно, без лишних формальностей произвели низложение патриарха. С Иова сняли панацию и святительское платье, надели простую черную ризу. Басманов спросил, куда хотел бы Иов отправиться на монастырское житие. Тот выбрал Успенский монастырь в Старице, где когда-то принимал постриг, а после был игуменом. Иова посадили в телегу и под конвоем отправили в Старицу.

Разобравшись с патриархом, комиссия занялась царем Федором и его семьей. На старое подворье Бориса Годунова, полученное им в приданое от Малюты Скуратова, явились члены комиссии во главе с В.В. Голицыным и трое стрельцов.

Князья Голицын и Рубец-Мосальский, дворяне Молчанов и Шереметевы, несколько стрельцов вошли внутрь дома. Там раздались отчаянные крики. Царицу Марию Григорьевну убийцы задушили быстро, но юный царь Федор оказал им отчаянное сопротивление: «царевича же многие часы давиша, яко не по младости дал Бог ему мужества».

Наконец, на крыльце появился Голицын и объявил, что «царица и царевич со страстей испиша зелья и пороша, царевна же едва оживе». Естественно, что ему никто не поверил. Но утверждать, что москвичи оцепенели от ужаса, узнав о преступлении, нет оснований. Большинство жителей восприняло убийство царской семьи как должное либо отнеслось к нему безразлично. Что касается дочери Годунова Ксении, то ее не задушили. Князь Рубец-Мосальский взял царевну к себе в дом «ради красоты ея» и некоторое время держал у себя «для потехи», а затем отдал Самозванцу*

Желая угодить Самозванцу, бояре надругались и над прахом семьи Годуновых. Царь Борис был по обычаю похоронен в Архангельском соборе Кремля, рядом с другими московскими правителями. Но по приговору бояр тело царя выкопали, положили в простой гроб и перезахоронили в огаде бедного Варсонафьева монастыря на Сретенке. Следуя официальной версии о самоубийстве, бояре запретили совершить православный погребальный обряд над останками царицы Марьи и царя Федора. Их тоже отвезли в Варсонафьев монастырь, где без всяких почестей зарыли недалеко от могилы Бориса Годунова.

* Судьба Ксении Годуновой весьма печальна. По отзывам современников, она была доброй, кроткой, набожной девушкой, имела приятную внешность и ни перед кем ни в чем не провинилась.

Женихом для нее отец сначала избрал шведского принца Густава, сына короля Эрика XIV, рожденного в 1568 году его сожительницей Катариной Монсдоттер, дочь солдата. Короля в том же году свергли, а сына вывезли в Польшу. Вплоть до зрелого возраста он скитался по разным странам, жил в нужде, но получил хорошее образование и знал языки. Этого скитальца Борис решил сделать вторым Магнусом: подчинить через него Ливонию на правах вассального государства. Густав прибыл в Москву 19 августа 1599 года, ему устроили пышную встречу. Однако принц явно переучился: он не пожелал стать «королем Ливонии», а затем отказался жениться на Ксении. Разочарованный Борис в 1601 году сослан его в Углич; Лже-Дмитрий I перевел Густава в Ярославль, Василий Шуйский — в Кашин. Там он и умер в 1607 году.

Вторым женихом для Ксении избрали принца Иоганна, брата короля Христиана Датского. В августе 1602 года он приехал в Москву и произвел самое благоприятное впечатление и на Бориса, и на придворных, и на Ксению. Однако и этот брак не состоялся. Принц чрезмерно увлекся застольем, вследствие чего с ним приключилась беда в соответствии с известным выражением «что русскому полезно, то немцу смерть». Он объелся и 28 октября умер.

На ее глазах задушили мать и брата. Потом изнасиловал князь Мосальский. Затем ее сделал своей наложницей Лже-Дмитрий. В апреле 1606 года, когда Марина Мнишек уже подъезжала к Москве, Самозванец удалил Ксению из своего дворца. Несчастную царевну постригли в монахини как «сестру Ольгу». Она скончалась в одном из подмосковных монастырей в 1622 году, не дожив до 40 лет.

Уцелевших Годуновых, а также Сабуровых и Вельяминовых по указу Самозванца разослали в ссылку в отдаленные города. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя (так сказать, «премьер-министра») боярина Степана Годунова. Его отправили в Переяславль-Залесский, с приставом, князем Ю. Приимковым-Ростовским. Везти боярина далеко не имело смысла. Пристав, согласно приказу, убил его в тюрьме. Вотчины, дома и прочее имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых отошли в казну.

^ ^ %

В заключение можно сказать, что Годуновых погубили недооценка противника и невежество в вопросах военной стратегии. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту. Кратчайший путь из Литвы в Москву проходил через Смоленск, Вязьму и Можайск. Однако Самозванец пошел круглым путем через Чернигов и Новгород-Северский, то есть на 300—350 верст южнее.

Он поступил так не случайно. На берегах Десны и Сейма за предыдущие 100 лет были построены многочисленные крепости и остроги для защиты южных границ Московской Руси от литвинов и от крымских татар. Но в тамошних гарнизонах большей частью служили опальные, «худородные» и проштрафившиеся дворяне и стрельцы. Участвовать в разных стычках им приходилось часто, тогда как жалованья едва хватало на пропитание. Поэтому появление «царевича Дмитрия» для многих служивых людей стало почти что «манной небесной». Каким другим способом они могли бы получить богатство, чины, покинуть остроги, вокруг которых постоянно рыщут злые татары и переселиться в хоромы в Москве?

Литовско-польские гайдуки (челядь) начала XVII века

Поэтому, пребывая в районе Чернигов — Стародуб — Кромы — Рыльск, Самозванец мог проигрывать сражения, нести потери и, тем не менее, продолжать войну. Из Речи Посполитой к нему шли толпы безземельных бедных шляхтичей. С Днепра и с Дона устремились казаки. Наконец, в упомянутом районе хватало своих собственных авантюристов.

* * *

20 июня 1605 года «царевич Дмитрий» (кто бы он ни был на самом деле) торжественно въехал в Москву. С того дня, когда он пересек Днепр (13 октября 1604 года) прошли 8 месяцев и одна неделя. Совсем недавно его называли в Москве «вором» и «расстригой». Теперь же десятки тысяч москвичей падали на колени, приветствуя «царя Дмитрия» восторженными воплями.

Для коронации срочно требовался патриарх. 24 июня этот титул получил рязанский архиепископ Игнатий, грек по национальности, бывший раньше архиепископом Кипра. Он приехал в Рязань в царствование Федора Ивановича. Ранее Игнатий первым среди церковных иерархов признал Самозванца. Он также оказался единственным архиепископом, прибывшим в Тулу встречать «истинного, царя». Коронация состоялась 20 июля.

Официально став царем, Дмитрий немедленно вернул в Москву сосланного Борисом архимандрита Чудова монастыря Пафнутия, сделав его митрополитом Крутицким. Так он отблагодарил своего чудовского покровителя. Зато архимандрита Чудова монастыря, назначенного Борисом, тут же отправили в ссылку. Заодно бесследно исчезли несколько иноков Чудова монастыря. Надо полагать, они знали много лишнего.

Из всех московских бояр Самозванец наградил только Романовых, которых Годунов некогда отправил в ссылку, но еще 17 сентября 1602 года велел вернуть их в Москву. С той поры все они, за исключением Филарета, сосланного в Антониев-Сийский монастырь (в 90 верстах от Холмогор), оказались на свободе. Кто состоял на царской службе, кто вольно жил в своих поместьях.

В начале июля 1605 года в Антониев монастырь прибыли посланцы Самозванца и с почетом увезли Филарета в Москву. Там патриарх Игнатий возвел его в сан митрополита Ростовского. А прежнего здешнего митрополита Кирилла Завидова без всяких объяснений просто выгнали. Младший брат Филарета Иван Никитич Романов получил боярство. Единственный сын Филарета, девятилетний Миша (будущий царь) стал стольником.

За что такие щедроты? Напрашивается лишь один вывод: бояре Романовы были в сговоре с церковными заговорщиками — Пафнутием и компанией. Теперь благодарный авантюрист платил по счетам. Были ли они удовлетворены наградами? Этого мы не знаем.

Вот как описан победный марш Лже-Дмитрия в «Дневнике Марины Мнишек»:

«Дмитрий отправился в Польшу. Там он жил у сыновей одного шляхтича Гойского и учил детей. Потом от него пошел в Бражную /Брагин/, местечко князя Адама Вишневецкого. И тут сначала игумену (так называют старшего над чернецами) открылся, а игумен князю Адаму о нем рассказал. А князь, вызвав Дмитрия к себе, по-всякому у него допытывался, действительно ли он наследник московского престола.

Убедившись в том, что это правда, князь снял с него монашеские одежды, передел его в польское платье и отвез к князю Константину Вишневецкому, зятю воеводы сandomирского. Князь же Константин привез его к пану воеводе, а пан воевода к королю его милости в Краков. Возвратившись с ним назад, воевода составил экспедицию и повел Дмитрия на Москву с несколькими тысячами войска.

Сперва, когда наши на границе подошли к первой московской крепости, называвшейся Моравск, тамошняя чернь, связав воевод, отдала царевичу и крепость, и слободы. А оттуда пошли к другой крепости Чернигов, где также чернь, связав воевод, вступила в войско царевича и присягнула ему. И после пошли наши под Новгородок, третью московскую крепость, в которой застали войско, состоявшее из двора Борисового, и до тысячи стрельцов там оборонялось. Восемь недель пытались наши взять эту третью крепость. Пока длилась осада, по точным подсчетам, пришло на помощь «москве» 40.000 человек, но наши их, с Божьей помощью, разбили в последний день декабря 1604 года».

Дневник Марины Мнишек. Раздел 1, год 1604

«После этого царь /Дмитрий/ пришел в столичный город Москву, где не хотел совершать коронации без своей матери. Он послал за ней верховых, и когда она приехала, царь вышел к ней навстречу и прошел пешком путь в полмили со всеми приближенными, также ее в крепость пешком проводил, держась за подножку кареты. В последний день июля состоялась коронация царя.

Коронованный, он утвердился на престоле и, уже будучи настоящим государем, решил воздать почести пану воеводе сandomирскому /Юрию, отцу Марины/, подтверждая свои слова и обещания, и с дочерью его вступить в брак, для чего послал великого посла Афанасия Власьева. Посол приехал в Краков 9 ноября, имея при себе несколько сотен лошадей. 11 ноября встречал его королевский двор и много других людей. Принимал его пан воевода в своем доме, там же были отданы подарки, посланные от царя пану воеводе».

<

«Дневник Марины Мнишек», Раздел 2, год 1605

Не могу удержаться от искушения перечислить подарки, посланные Марине женихом, список которых приведен в этом дневнике:

1) Драгоценное украшение Нептуна ценой 60.000 злотых; 2) Чарка гиацинтовая, почти той же цены; 3) Большие часы в шка- тулке, с трубочками, барабанчиками и другими украшениями тон- кой работы, которые звучали каждый час; 4) Перстень с большим бриллиантом; 5) Пряжка в виде большой птицы с алмазами и ру- бинами; 6) Кубок из червонного золота с драгоценными камнями; 7) Серебряный сосуд с позолотой, искусной работы; 8) Зверь с крыльями, украшенный золотом и камнями; 9) Портрет богини Дианы, сидящей на золотом олене, очень дорогое украшение; 10) Серебряный пеликан, достающий свое сердце для птенцов; 11) Павлин с золотыми искрами; 12) Несколько жемчужин в фор- ме больших мускатных орехов; 13) Много других жемчужин, нани- занных на нити, общим весом 4018 лотов; 14) Парчи и бархата 18 кусков.

Будущая свекровь, Мария Федоровна Нагая, подарила невест- ке икону Св. Троицы, оправленную в золото и усыпанную драго- ценными камнями.

БОЯРСКО-ЦЕРКОВНЫЙ ЗАГОВОР И УБИЙСТВО САМОЗВАНЦА

Через пять месяцев после вступления «царевича Дмитрия» в Москву, а именно 22 ноября 1605 года, его посол, дьяк Афанасий Иванович Власев обручился в Кракове с Мариной Мнишек, представляя в своем лице отсутствовавшего жениха.

Спустя три месяца с лишним после обручения, 2 марта 1606 года, Марина выехала из Самбора, а 2 мая она прибыла в Вязьму. Царскую невесту сопровождала огромная свита. Во-пер- вых, ее собственный двор (251 человек); во-вторых, отец и князь Константин Вишневецкий с охраной (856 конных и пеших вои- нов); в-третьих, староста красноставский (с приближенными 107 человек); в-четвертых, староста луковский (двор 87 человек). А еще, кроме них, 14 панов и две «самотные» пани (с дворами в 221 человек), 5 католических монахов и 16 слуг при них. Вдоба- вок армянских купцов 12 человек. Всех 1969 человек и почти две тысячи лошадей. К свите пристало еще до 300 человек сверх офи- циального списка.

Марина торжественно въехала в Москву 24 апреля (по другим сведениям, 2 мая) 1606 года, еще через пять месяцев после обруче- ния, в сопровождении гостей и свиты, общей численностью свы- ше 2300 человек. Их сопровождал огромный обоз.

8 мая состоялась свадьба Марины и Дмитрия, а уже 17 мая он был убит.

Некоторые русские историки утверждают, будто бы брачная це- ремония прошла с серьезными нарушениями православных обы- чаев, и что именно это вызвало резкое недовольство части духовен- ства и московского люда. Однако документы свидетельствуют об ином. Самозванец был очень неглуп. Венчание (а также коронация Марины) прошло в точном соответствии с православным ритуа- лом. Увы, это ему не помогло. Буквально через десять дней Лже- Дмитрий пал жертвой заговора церковников и бояр.

Как мы знаем, Самозванец оказался в Москве благодаря помо- щи и прямой поддержке поляков и литвинов. Поэтому те и дру- гие, естественно, явились вместе с ним. Позже в «поезде невест- ы» прибыли многие другие. Лже-Дмитрий считал своим долгом рассчитаться со всеми своими союзниками, а потому был щедр к ним.

Деньги из государственной казны лились рекой, подарки и по- жалования делались без особого разбора. Но своим покровитель- ством «пришлым» иноземцам и ориентацией на их нравы, Дмит- рий создал серьезную проблему, которая его погубила. Вот что пи- шет Гумилев:

«Вот тут-то и сыграла свою роковую роль разница в стереотипах пове- дения русских и западноевропейцев. Поляки в XVII веке были народом очень смелым, талантливым, боевым, но весьма чванливым и задиристым. Польские паны, посадив своего царя в Москве, стали обращаться с мос- ковским населением крайне пренебрежительно. Русским было обидно, и поэтому конфликты вспыхивали постоянно. А царь, естественно, поддер- живал поляков.

Народное недовольство возникало и по более существенным «поведен- ческим» поводам. Известно, что у католиков иконы есть, но верующие просто кланяются им, а у православных к образам принято прикладываться. Жена Самозванца Марина Мнишек была польской пани, и откуда ей было знать, как именно нужно прикладываться к иконе. Марина, помо- лившись перед образом Божьей Матери, приложилась не к руке, как это было принято на Москве, а к губам Богородицы. У москвичей такое пове- дение вызвало просто шок: «Царица Богородицу в губы целует, ну видан- ное ли дело!»

Гумилев Л. Н. От Руси к России, с. 236

А вот что писали А.И. Копанев и М.В. Кукушкина в своих ком- ментариях к «Московской хронике» Конрада Буссова:

«Несоблюдение Лже-Дмитрием I пышного и торжественного царско- го чина, определявшего все общественные выступления царя и весь цар- ский быт, отмечают многие наблюдатели. По установившейся веками тра- диции царь появлялся обычно в сопровождении блестящей и раболепной

толпы бояр, он не ходил, а шествовал, не сидел, а восседал, не ел, а вкушал, не говорил, а изрекал, должен был показывать пример набожности, благочестия и т.д.

С точки зрения этих традиционных представлений о царе такие поступки Лже-Дмитрия I, как одинокие прогулки по Москве, запальчивые споры в Думе, непосредственное участие в травле зверей во время царских охот и т.д. и т.п. воспринималось как оскорбление царского достоинства. А так как пренебрежение к «царскому чину» у Лже-Дмитрия сочеталось с явным предпочтением к обычаям и образу жизни польских панов, то оно воспринималось как оскорбление национальное».

Буссов, Цит. Соч., с. 351

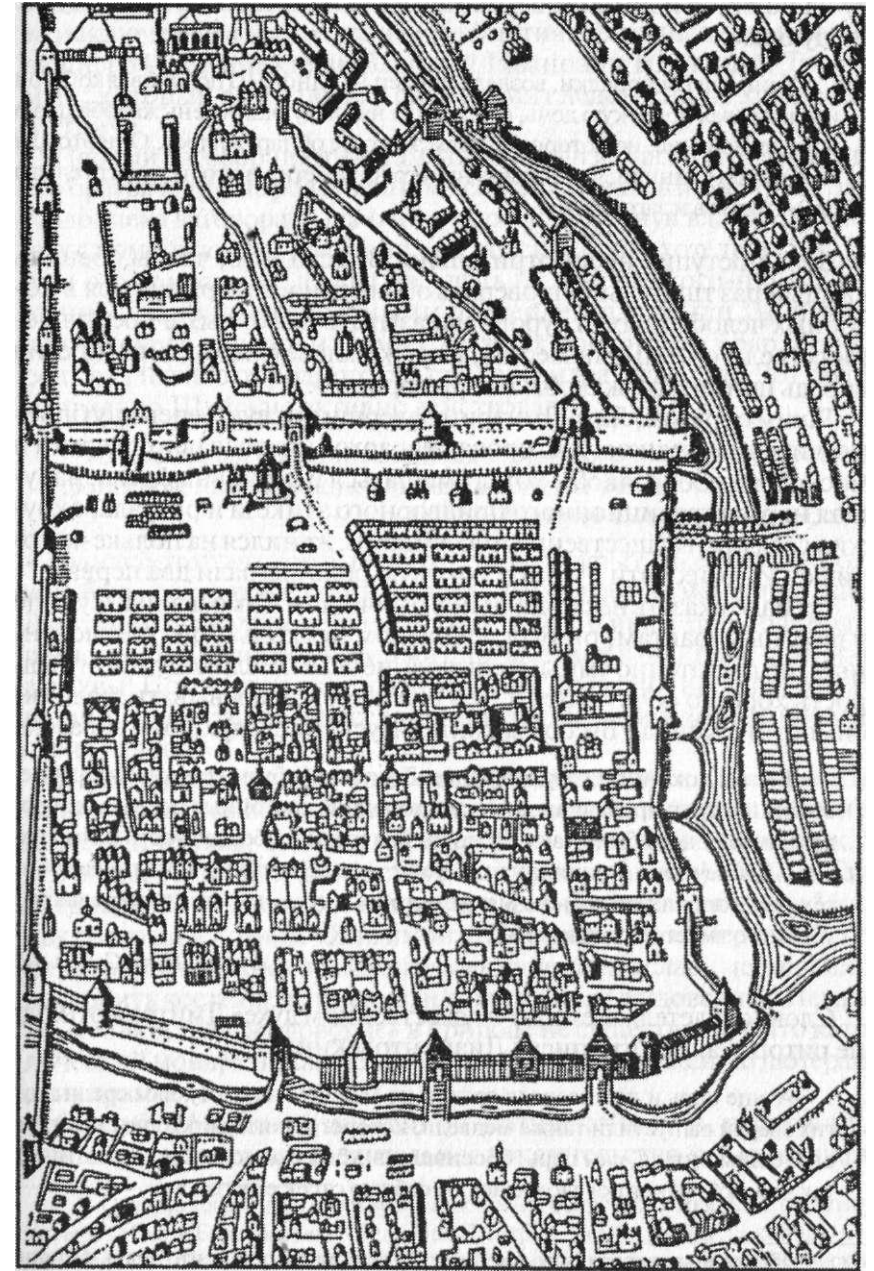
Это вполне можно понять. Московиты, например, брали пищу руками, о вилках они не слыхали, а руки перед едой не мыли даже бояре. В «Дневнике Марины Мнишек» отмечено:

«Столовая изба была обита персидской голубой материей, карнизы же около двери и около окон парчовые. Трон царский покрыт материей, вытканной золотыми полосами, стол перед ним серебряный, прикрытый скатертью, вышитой золотом. Вся посуда для блюд была золотая. Но тарелок не было," и рук никто не мыл, хотя было где и чем мыть».

Бритые подбородки, непривычная одежда, не вполне понятная речь приезжих — москвичей раздражало буквально все. А уж танцы под музыку, которые на польский манер устраивал царь, церковникам и боярам вообще показались не только крушением всех устоев, но и убедительным доказательством тому, что он вместе с «латинянами» намерен погубить «истинную православную веру». Вспомним: через сто лет царь Петр внедрял свои «ассамблеи» (собрания дворян с женами и детьми, с музыкой и танцами) в основном методом принуждения: одних пришлось сослать, других — стегали кнутом, у третьих — отобрали имения.

Появление в Москве большого числа поляков и литвинов (впрочем, для москвичей и те, и другие были «поляки»), их развязное (по московским понятиям) поведение — все это производило самое отрицательное впечатление. Гости из Польши и Литвы, приехавшие на свадьбу Дмитрия и Марины, принадлежали к знати. Но вместе с ними прибыли около двух тысяч человек шляхтичей и всякой челяди. Вот они-то и мельтешили на улицах, чрезвычайно раздражая москвичей не столько непривычным внешним видом, сколько своим «гонором» и откровенным презрением к «дикарям».

Возмущение против иноземцев кончилось драматически. Весьма деятельные московские священники и бояре быстро организовали заговор. Недовольство москвичей чересчур бойкими и самоуверенными пришлыми людьми они решили использовать как

Кремль и Китай-город в начале XVII века

предлог для своего выступления. 16 мая бояре вручили царю жалобу на поляков и литвинов. Диаментовский пишет об этом случае следующее:

«Учинили беспорядки, возведя поклеп на одного из поляков, якобы он изнасиловал боярскую дочь, о чем была на следующий день жалоба царю и расследование, на котором совсем этого не обнаружилось. Они это для того подло учинили, чтобы царь ничего не заметил и чтобы скрыть следы своих бунтов и заговоров»...

Царь поступил неосмотрительно. Вместо того, чтобы обещать каждый раз тщательно проверять обвинения, содержащиеся в подобных челобитных, и сурово наказывать виновных в преступлениях (если они имели место), а также клеветников, он запретил впредь принимать жалобы на «рыцарство».

Таким образом, Лже-Дмитрий совершил целую вереницу опрометчивых поступков: третировал иерархов православной церкви и московских бояр, якобы хотел вмешаться в церковные дела, нарушал нормы традиционного придворного этикета и ритуала, окружил себя преимущественно иноземцами, женился на польке-католичке. Из этих пяти пунктов роковую роль сыграли два первых.*

Тут надо сказать несколько слов о личности Самозванца. Судя по известным фактам, он был человеком несколько легкомысленным, недостаточно умным и отнюдь не злым. Великодушие и щедрость хорошо сочетались в нем с умением завоевывать людские симпатии. Конрад Буссов характеризует его следующим образом:

«В этом покойном государе (Лже-Дмитрии I) был героический, мужественный дух и проявлялись многие хорошие, достойные похвалы добродетели, но у него были также и пороки, а именно: беспечность и тщеславие... Беспечность приняла у него такие размеры, что он даже гневался на тех, кто говорил об измене москвитов и о том, что они намереваются убить его вместе с поляками»...

Буссов, Цит. Соч., с. 129

Слова свидетеля-немца о «мужественном духе» Дмитрия отнюдь не риторика. Вот что писал Диаментовский:

«А еще царь и пан воевода ездили из Москвы на охоту. Там среди других зверей выпустили также медведя, которого, когда никто не смел первым с ним биться, сам царь, бросившись, убил с одного удара рогастиной, так что даже рукоятка сломалась. И саблею отсек ему голову».

* Церковных иерархов до смерти напугали слухи о том, что «царь-батюшка» намеревается отобрать у церкви в казну часть земель, а также обложить монастыри налогом с их доходов.

Московские священники, сыгравшие главную роль в организации и осуществлении заговора, благоразумно остались в тени, за исключением митрополита Пафнутия. На авансцену истории вышел 54-летний князь Василий Иванович Шуйский. Тот самый, который возглавлял в свое время следственную комиссию в Угличе.

Первый заговор против Самозванца князь Василий Шуйский, его братья и другие родственники составили еще в июне 1605 года. Подоплека заговора была очень проста. Свергнув власть Годуновых с помощью Лже-Дмитрия, московские бояре хотели избавиться и от Самозванца, чтобы посадить на престол кого-нибудь «из своих». Наиболее вероятными претендентами были Шуйские, считавшиеся одними из самых знатных московских бояр, ибо их род брал начало от родного брата Александра Невского. Вот почему именно Шуйские активно действовали:

«Очертя голову бросились в агитацию, возбуждая московское население против нового царя, еще не успевшего приехать в свою столицу».

Платонов С. Ф. Очерки смуты, с. 218

Однако этот заговор был почти сразу раскрыт. Уже 30 июня должна была состояться казнь Василия Шуйского, отмененная Лже-Дмитрием буквально в последнюю минуту. В июле 1605 года большинство Шуйских по указу Дмитрия выслали в галицкие пригороды. Увы! Помиловав старого интригана, Дмитрий проявил совершенно неуместное милосердие, повлекшее трагические последствия для него.*

Шуйские, но главное — церковники, развернули широкую агитацию в Москве против Дмитрия. Основными пунктами обвинения были тезисы, что «царь Дмитрий» — польский ставленник, и что он нарушает русские (в смысле — православные) обычаи. Так, патриарх Иов чуть позже писал, что Лже-Дмитрий явился в Москву благодаря козням «Жигимонта Литовского», намеревавшегося «разорить в Московском государстве православные церкви и построить костелы латинские, и лютерские, и жидовские!» Неважно, что «костелы жидовские» в природе не существуют, и что католический монарх никак не мог стремиться к сооружению лютеранских храмов.

Свадьбу с Мариной, женщиной «латинской веры», церковники выставляли как самое убедительное доказательство «измены» царя.

* Осенью 1605 года в Москве возник новый боярский заговор. Его участники через Ивана Безобразова, гонца царя Дмитрия, тайно сообщили королю Сигизмунду III о своем намерении свергнуть Самозванца и возвести на московский престол Владислава, сына Сигизмунда. Так впервые возникла эта идея, которая позже была отчасти воплощена в жизнь.

Между тем, переходить в православие Марине вовсе не требовалось, достаточно вспомнить Елену, дочь Ивана III, ставшую в 1495 году женой великого князя литовского Александра. Свадьба же и коронация происходили в православном храме по православному обряду. Вот как описал коронацию Марины непосредственный свидетель Вацлав Дيامантовский:

«Свершилась коронация царицы. Прежде чем царь и царица вышли из крепости, целовали оба корону и крест троекратно, и кропили их святой водой. После пошли в церковь... Навстречу короне вышел из той церкви патриарх с несколькими епископами и, помолившись, внес ее в церковь.

Царь шел в короне и богатой одежде. По правую руку провожал его посол пан Малогицкий, а полевую — князь Мстиславский. Возле царя шла царица, одетая по-московски, в богатую одежду, украшенную жемчугами и драгоценными камнями по вишневному бархату... Провожал ее с правой стороны пан воевода, отец ее, а с левой — княгиня Мстиславская. За нею шли паны приближенные и шесть москвичек, жены думных бояр. Как только они вошли, церковь закрыли. Наших туда мало пустили, больше — «москвы». Совершалось это богослужение в соответствии с их обрядом».

Дневник Марины Мнишек

Уже с 12 мая народ стал волноваться. Масла в огонь подливали поляки и литвины, мельтешившие на центральных улицах и площадях города. Как уже сказано, москвичей раздражало в них абсолютно все: и внешность, и язык, и манеры, и вкусы, и поступки. Иными словами, имела место банальная несовместимость азиатской и европейской ментальностей.

В ночь с 16 на 17 мая 1606 года на подворье у Шуйских собралось до 200 вооруженных людей — дворян и детей боярских. Из бояр были только трое Шуйских, а также молодой (20 лет) князь М.В. Скопин-Шуйский. Кроме них, присутствовали несколько окольничих, думных дворян и купцов, а также уже знакомый нам профессиональный заговорщик Пафнутий — свежее испеченный митрополит Крутицкий и Коломенский.. Неизвестно, что заставило Пафнутия перейти на сторону Шуйского. Видимо, он рассудил, что дни Самозванца сочтены.

В четыре часа утра ударил колокол церкви святого Ильи Пророка, подле Гостиных рядов. По этому сигналу разом заговорили колокола всех московских церквей. Данный факт убедительно доказывает, что подлинным «двигателем» заговора была именно церковь. Толпы людей хлынули на Красную площадь. Там уже сидели на конях около двухсот заговорщиков в полном вооружении.

Бояре Шуйские громко объявили народу, что «литва бьет бояр, хочет убить и царя». После этого москвичи бросились громить дворы, где жили поляки и литвины. Как видим, народ выступал не

против царя Дмитрия, а за него, но против иностранцев, окружавших самодержца. Тем временем Шуйские во главе своих двухсот всадников ворвались в Кремль через Спасские ворота. Василий Шуйский, подъехав к Успенскому собору, сошел с лошади, приложился к образу Владимирской богородицы и сказал людям, окружавшим его: «Во имя божие идите на злого еретика». Толпа двинулась к дворцу.

Вспоминая через несколько дней после мятежа то, как он готовился и осуществлялся, Вацлав Дيامантовский писал:

«Говорили царю, что эти сборища не без причины, чтобы остерегаться измены, которой уже были явные свидетельства. Но он был в таком рас-; положении духа, что и говорить об этом себе не дал, а тех, кто говорил, приказал наказывать. Поэтому и другие, которые также видели неладное, молчали из боязни...

В пятницу пришли жолнеры к пану воеводе /Мнишеку/, заявляя ему, что становится явно небезопасно. Пан воевода сразу доложил царю. Царь на это посмеялся, удивляясь и говоря, что поляки весьма малодушны... Уже в ту ночь пустили в город разными воротами толпу, бывшую только в миле от Москвы, 18000 человек, о которых царь знал, только думал, что эти люди должны идти в Крым, ибо ежедневно высылал туда войска. Всеми 12 воротами уже завладели изменники и уже ни в крепость, ни из крепости никого не хотели пускать, а особенно ночью. Однако ж верно говорят, что если кого Господь Бог хочет наказать, сперва у него разум отнимет. Видели уже наши явную опасность, но не признавали ее и, не заботясь о себе, совсем беспечны были, будто бы у себя в доме спали, ни о чем не думая...

Злосчастный мятеж, для которого изменники уже давно объединились... Сперва утром в субботу подавали друг другу на улицах такой сигнал: «В город! В город! Горит город!» — а делалось это для наших, чтобы подумали, что в крепости загорелось. Сразу же окружили все польские квартиры, чтобы находившиеся там не могли дать отпор.

Очень быстро взяли крепость. Потом ударили во все колокола, отовсюду неисчислимая толпа стекалась к крепости/Кремлю/. Сперва рассеяли алебардчиков, потом ворвались во дворец. Сам Шуйский с помощниками вошел в первые покои, в которых сперва убили Басманова, обычно спавшего около царя»...

Дмитрий был убит, Марине удалось спрятаться от разъяренной толпы. Так боярин «отблагодарил» Самозванца, помиловавшего его. БуССов писал:

«Он /Лже-Дмитрий/ подарил жизнь предавшему его Василию Шуйскому, который уже лежал на плахе и должен был быть казнен и который был истинным предводителем, зачинщиком и подстрекателем всей этой шайки изменников, а тот отнюдь не исправился от этой неуместной милости,

а стал еще хуже, возбудил и поднял весь народ на столь страшное возмущение и убийство... что царь, который незадолго до этого подарил ему жизнь, теперь вместе с тысячами людей лишился жизни и всего, что он имел. Поистине это называется: «Своего спасителя повесить на перекладине».

Буссов, Цит. Соч., с. 131

Итак, по всей Москве шел погром. Там, где горожанам удавалось застигнуть пришлых врасплох по одиночке, они их убивали. Где шляхтичи успевали вооружиться и соединиться, они били горожан. В итоге погибли около 500 человек приезжих: 30 знатных панов, свыше 460 слуг и шляхтичей, а также королевский секретарь, аббат Помасский.

Руководители мятежа не желали истребления всех гостей, понимая, что это неизбежно приведет к жестокой войне с Речью Посполитой. Поэтому сразу после убийства Самозванца бояре направили отряды стрельцов для защиты приезжей знати, в первую очередь, королевского посла Гонсевского. Все же избиение продолжалось около семи часов, оно закончилось лишь за час до полудня.

* * *

* %

Диамантовский описал эту бойню без каких-либо оценок. От того бесхитростный рассказ еще страшнее:

«Едва мы немного успокоились, как снова ударили во все колокола и стали бить из пушек. В это время осадили всю силою князя Вишневецкого /князь Константин Вишневецкий был дядей Марины, братом ее матери — АД"/. Он хотел уже со всеми слугами и челядью на конях бежать в крепость либо в поле, не зная, что делается. Но когда его известили, что уже и царя убили, и поляков немало пропало, он понял, что некуда уже было ехать и приказал поставить лошадей, асам приготовился защищаться в доме. Несмотря на то, что его уже обеспечили охраной и дали нескольких приставов, народ подступил к его двору и ворвался для грабежа. Князь, не дожидаясь, когда толпа, растерзав его пожитки, примется за него, крикнул челяди и ударил по ним.

Так как справиться с ним не могли, быстро выкатили пушки и стали бить по зданиям. Обороняясь, поляки убили «москвы» до 300 человек. Немало их уложил насмерть пушкарь, не умевший управляться с пушкой. Вместо того, чтобы бить по стенам, он занизил дуло и ударил в них же, в «москву», пробив в толпе целую дыру. Сам князь неплохо бил их из лука.

Увидев тогда, что много людей побито, прискакал сам Шуйский (тот, что царем стал) и крикнул князю, чтобы тот перестал сражаться. Взяв крест, поцеловал его Шуйский, обещая князю мир. Тот поверил ему и впустил его к себе. Войдявдом, Шуйский сильно плакал, видя там очень много убитой «москвы», которые пытались прокрасться с тыла для грабежей.

Наши всех побили, другие, пытавшиеся залезть в окна, прыгая, шеи поломали. Тогда Шуйский, боясь, чтобы народ снова не захотел расправиться с князем, взял его с лучшими слугами на другой двор, забрав с собою вещи и всех лошадей. Семнадцать человек у него было убито в том погроме и один слуга.

К пану старосте красноставскому также пытались ворваться, штурмуя дом и подкапываясь под забор. Но когда наши стали защищаться, приехали бояре и удержали народ, После чего поставили около двора стражу.

До этого уже наших очень много побили, особенно на улице Никитской, где располагался царицын двор. Там оборонялись самыми большими силами — до нескольких сотен поляков на одной улице. Но что из того, если не все мегли биться, ибо иные еще спали, когда окружили, по отдельности, все их дома. Поэтому каждый на своем дворе защищался с челядью. Либо, если товарищ с товарищем жили близко, они соединялись и защищались вдвоем. Другие, когда у них нечем уже было стрелять, выбегали на улицу с оружием в руках. Легло там «москвы» очень много, ибо наши оборонялись до изнеможения. Вероятно, некоторых обманом взяли, отобрав у них оружие, убивали, и так их больше всего погибло. А где наших было несколько человек или несколько десятков в защищенном месте, не могли им ничего сделать и оставляли их.

Там пали: Андрей Кемеровский из Живца — он долго и хорошо оборонялся мечом, Самуил Стрыжовский, Якуб Городецкий, слуга пана воеводы, Станислав Лагевницкий, Ян Забавский, Войцех Перхлиньский, Станислав Сумовский, Якуб Сонецкий. Имена других не знаю: Прецлавский, Глиньский, Крушиньский, Марцинковский, Готард, Ганьчик, Куновский, Мяковский, Витовский, Галер, Боболя. Из слуг царских: Склиньский, Станислав Липницкий, Борша, Чановицкий, Ивановский, Храпковский, Вонсович, Пельчинский, Гарабурда, Головня.

С ними обошлись исключительно жестоко. Они, находясь в одном месте, согласились на то, чтобы сдаться, не защищаясь, так как им присягнули, что они останутся в безопасности. А когда они сдались, спросили их сперва, который старший пан между ними? Отозвались: «Склиньский». Схватив его, положили крестом на стол и там же, отрубив ноги и руки, распорозв брюхо, посадили на кол.

Других по разному истязали, кроме Борши, который умело защищался в другом доме. Несколько раз с мечом нападал на наступающих, пока, возвращаясь в избу, не наткнулся на засаду в сенях, где его подстрелил кто-то из-за угла. Свирский оборонялся. И других немало на этой улице побито, а особенно пахоликов, кучеров, etc.

Там же был убит Пехота, мещанин из Кросно, с сыном, сам-четверт. А которых Господь Бог сохранил, тех совсем обобрали. Из тех, что в живых остались, много фыло раненых, поколотых. Притеснения и жестокости свирепые и неслыханные! Над бездыханными трупами измывались. Кололи, пороли, четвертовали, жир из них вытапливали, в болото, в гноище, в

воду метали и совершали всяческие убийства. Большую добычу с той улицы взяли, ибо много там было зажиточных и богато одетых.

В другом месте те именно, что нападали на князя Вишневецкого, бросились к пану Сигизмунду Тарло, хорунжему пшемысльскому, и быстро схватили его, так как он не мог обороняться против великой силы. Саму пани Тарлову выстрелом тяжело ранили, челяди несколько человек убили, побрали вещи всякие. Сами только в рубахах остались. Там же та же участь постигла пани Гербуртову и пана Любомирского.

Оттуда сразу, ибо недалеко было, бросились к ксёндзу Помасскому, секретарю короля его милости. Он в это время как раз совершал мессу. И как только он закончил «*Ité missa est*» (Идите с миром — лат.), последние двери выбили. Ксендз еще был в ризе. Тут же образ Пресвятой Девы прострелили. А ксендза, содрав облачения, там же перед алтарем забили, а скончался он на другой день. Убили также и брата его родного, и из челяди мало кто остался. Вещи все расташили. Был там в то время ксендз Александр Сондецкий, каноник бобовский, тот только, сняв облачение, ушел. Сам Господь Богда и немецкий язык спасли его, ибодумали, что это немец, но если бы заметили, что ксендз, то уж его бы точно убили.

На пана старосту саноцкого не нападали, ибо видели, что там жолнеры. Туда же к нему прибежали пан Немоевский — подстолий коронный, пан

Корытко, пан Вольский в поисках надежнейшей обороны. Увидев немало людей наготове, не посмели вступить в бой с ними. Только один негодай в самого пана старосту выпустил стрелу, пролетевшую над головой, и едва его не убил. Тем временем от бояр дали приставов и стрельцов для защиты.

Пан староста луковский, рано услышав гвалт и догадавшись о мятеже, поехал к пану послу для совета, и других немало туда бежалось. Пан посод как человек добродетельный, невзирая на опасность, приказал всех пускать на двор и после того мятежа долго держал их на своих харчах и сопротивлялся их выдаче. Ибо на Посольском дворе пока было спокойно.

Панов Стаднических осаждали, но там ничего не добились. Они защищались хорошо и очень креп-

ко, так что вынуждены были их оставить. На них нападали те самые лихие злодеи, что были выпущены из тюрьмы и которых они да этого кормили в тюрьме, снабжали пожитками и деньгами. И так им за благодеяния отплатили, осаждая их с великою силою. Но Бог их защитил.

Пани Старостина сохачевская, увидев суматоху, в доме своем заперлась и со слугами своими спряталась на чердаке. Оттуда долго ее не могли спустить, видя, что она защищается. Только вещи, лошадей, возы, что внизу были, забрали.

Пан Павел Тарло, сын старосты сохачевского, с паном Самуилом Балем защищались долго в одном дворе. Когда «москва» увидела, что не может одолеть их без урона для себя, она присягнула, что сохранит им жизнь. Поверив этой приряге, пан Баль вышел к ним, отдал свое оружие, и его сразу посекали вместе со слугами, которые вышли с ним. Видя это, пан Тарло не вышел за Балем, но, повернув назад, до конца защищался и остался невредим.

Там же, неподалеку, пана Петра Домарацкого, также присягою и перемирием обезоружив, когда он им сдался, вывели за ворота и убили. Слуги его рады были бы защищаться, но сам же пан, отобрав у них оружие, запер его в спальне. Правда, их не убили, но всего лишили.

Там же убили Яна Голуховского, дворянина короля его милости, который перед этим приехал к царю и был приставом у его посла Татева. Этого, распластав накрест, пороли ножами и необыкновенно над ним измывались. Также пана Ясеневого (что был приставом у посла Афанасия) и челядь они убили.

Пана Цыковского младшего также убили, с которым был пан Яков Броневский, но по счастью, либо, вернее, провидением Божиим, он сумел прямо днем, среди этой суматохи, благополучно проехать в крепость к пану воеводе, сам-четверт.

Убили Целаря, краковского купца, и все драгоценности и товары захватили. Другого купца — Баптисту оставили, приняв за мертвого. Его Господь Бог возвратил к жизни, но оставил голым, он потерял большие суммы в золоте и серебре. Также и других купцов немало убили и забрали у них много денег, золота, серебра и других товаров. А более всего пропало драгоценностей, которые приобрел у них царь? но не успел заплатить за них.

Из царской роты убит пан Громыка Старший, сам-десять, и паны Зверхлевские, два брата. Челяди в той же роте, что при лошадях в поле оставалась, убили, как говорили, до 30 человек.

Всех убито, как по имевшейся у нас ведомости и реестрам, так и по известному от самой «москвы» подсчету трупов — до 500 человек, а «Москвы» — вдвое больше.

Около полудня этот дебош унялся. Несколько раз снова возникали стычки и нашим чинились жестокие притеснения и мучения. **Более всего нашим вреда творили чернецы и попы в мужичьей одежде, ибо и сами убивали, и чернь приводили, приказывая нас бить, говоря, что «литва» приехала**

Московский стрелец начала XVII века

нашу веру рушить и истреблять» /выделено мной — А. Т./ Великое кровопролитие и вред неисчислимый из-за той подлой измены произошли...

В тот же день по улицам лежали нагие тела убитых с ужасными ранами, вплоть до утра, когда их похоронили всех в могилах под Москвой, других в болотах и гноищах погребли, а некоторых в воду пометали. Тех же, которые укрылись и попрятались, свезли на Земский двор, переписали по именам и прозвищам и кто кому служил. У которых господа уцелели, отсылали их к своим панам, а у которых убиты — держали их в надежных местах и давали пропитание. Там они обнищали до последней рубашки, по возможности выручая друг друга...

Тела /Лже-Дмитрия и Басманова/ положили на столе, нагие и необычайно изуродованные. Лежали они там в течение трех дней на великое поругание, которое над ними с большой жестокостью чинили, посыпая песком, оплевывая, колотя, обмазывая дегтем, и другую срамоту творили на вечный позор. Потом Басманова увезли, а то — другое тело, протащили, привязав клошад, и сожгли дотла. Схоронили их было сперва, но когда установились в тот же день жестокие холода и долго продолжались, а затем и чудеса какие-то над тем погребением стали случаться — то по совету чернецов и попов, выкопав их, сожгли».

Дневник Марины Мнишек. Записи от 25 и 26 мая 1606 года

Вечером 17 мая Марину отправили под арест в дом дьяка Афанасия Влаеьева — того самого, который замещал царя Дмитрия при обручении в Кракове. После выезда из кремлевского дворца ей прислали несколько платьев, пустые сундуки и шкатулки. Все деньги, драгоценности, парадные наряды, лошадей и повозки (как подаренные Самозванцем, так и личные) у нее отобрали. Значительно позже (8 июня) Марину отвели к отцу, но лишь после того, как он уплатил за нее огромный выкуп (80.000 талеров) из своих личных средств.

Еще позже (в августе) царь Шуйский приказал отправить Марину и Юрия Мнишкова, в сопровождении 375 поляков и литвинов, мужчин и женщин, в Ярославль. Князя Константина Вишневецкого со всем его двором отправили в Кострому; Мартина и Андрея Стадницких, панов Вольского, Корытку и Немоевского — сначала в Ростов Великий, а потом в Вологду и Белое озеро; супругов Тарловых с несколькими другими знатными дамами — в Тверь; Казановских — в Устюг.

Сосланных в Ярославль охраняли 300 стрельцов. Трудно сказать, о чем тогда думала 16-летняя польская шляхетка, официально объявленная русской царицей. Но в дневнике Диамантовского ясно сказано, что она не верила слухам о спасении своего мужа.

Некоторые русские историки распространяют выдумку, будто бы Юрий Мнишек заставил дочь сочинить письмо родне, в кото-

ром Марина клялась, что ее супруг не убит в Москве, а бежал, и для убедительности якобы приводила ряд подробностей его бегства. Дескать, это письмо доставил в Самбор шляхтич Ян Вильчинский, бежавший в ноябре 1606 года из Ярославля. Но все это ложь, архив Мнишеков в Самборе сохранился полностью и давно опубликован, такого письма там нет.

• • •

Чтобы покончить с вопросом «вины» поляков и литвинов в деле Самозванца, расскажем о двух случаях «выяснения отношений», имевших место 9 июня 1606 года (разговор бояр с Юрием Мнишкой), а также 24, 26 и 29 декабря (в первый день прием послов царя Василия Шуйского королем Сигизмундом III, в два других — радными панам). Мнишек сказал боярам, в частности, следующее:

«Вы поступили с нами не так, как поступают честные люди. Вы говорите, что мой покойный зять не был Дмитрием, сыном Ивана Васильевича, и все же вы приняли его год тому назад, когда он с немногими людьми пришел в вашу землю из Польши. Вас много тысяч отпало от вашего Бориса, перешло к нему, приняло и признало его своим истинным царевичем и государем, благодаря чему и мы, поляки, имели основания верить, что он истинный наследный государь. Ради него вы лишили жизни Федора Борисовича Годунова и искоренили весь род Годуновых. Вы короновали его своим государем и даже благодарили нас через посла вашей державы, что мы так добросовестно сохранили, хорошо воспитали и помогли ему встать на ноги.

Документ, в котором вы все приложением руки и печати удостоверяете, что он законный наследный государь Московской земли, и просите, чтобы мы согласились дать ему в жены и отпустили к нему нашу возлюбленную дочь, находится у нас в Польше, и всего этого вы не никак не можете отрицать. Мы не навязывали нашу дочь вашему государю, он же через вас, князей и бояр, весьма настойчиво добивался ее и сватался к ней. Мы не хотели давать своего согласия, не получив прежде согласия всего вашего государства, а также свидетельства^ что он истинный наследник престола. Вы доставили таковое нам в Польшу, и оно в полной сохранности лежит и по сей день у его королевского величества. То же самое засвидетельствовали также и ваши послы перед нашим королем в Польше.

Как же вы теперь смаете говорить, что он им не был? Как вам не совестно жаловаться на нас, поляков, что будто бы мы вас обманули? Мы, будучи честными людьми, слишком положились на ваши слова, грамоты и печати, да и на ваши клятвы и целования креста; вы нас, а не мы вас обманули. Мы приехали к вам как друзья, а вы поступили с нами как злейшие враги. Мы жили среди вас без лукавства, чему свидетельством то, что мы поселились не все вместе, а жили врозь, кто здесь, кто там, один тут, на этой улице, другой там, на той улице и т.д., чего мы, конечно, не сделали бы,

если бы таили какой-либо злой умысел против вас, русских. Вы же подстергали нас, как коварные убийцы, устами нас приветствовали, а в душе проклинали...

А если мой покойный зять и не был законным государем и наследником престола, а мы можем на основании ваших посланий и грамот утверждать обратное, то чем же провинились сто человек невинных музыкантов? Чем погрешили против вас купцы и ювелиры, которые у вас ничего не отняли, а привезли вам хорошие товары? Какой вред причинили вам другие безвинные люди, среди них женщины и девицы, с которыми вы так дурно поступили?»

Буссов, Цит. Соч.. с. 125—126

Любопытен ответ бояр ему:

«Ты, господин воевода, не виноват, мы, бояре и князья, тоже не виноваты, а виноваты твои своевольные поляки, которые позорили русских женщин и детей, насильничали на улицах... и этим возмутили всех жителей города...

Во-вторых, и твой убитый зять сам подал много поводов, послуживших к его гибели. Он пренебрегал нашими нравами, обычаями, богослужениями и даже нами самими... Он же сам хорошо знал, что он не Дмитрий, а то, что мы приняли, произошло потому, что мы хотели свергнуть Бориса, мы полагали, что с его помощью улучшим свои дела, но жестоко обманулись и даже, напротив, сделали себе много хуже. Он жрал телятину, держал себя как язычник и, в конце концов, заставил бы нас делать то, что нам совсем не по нраву»...

Итак, вся «вина» Самозванца, поляков и литвинов была лишь в том, что их поведение не соответствовало представлениям московских потомков крещеных татар о «приличиях». Например, «жрали телятину». И вот этот вздор уже почти 400 лет глубокомысленно повторяют российские историки и публицисты. Ничего серьезнее они так и не смогли предъявить. Например, вот что сказано о Лже-Дмитрии в одном из современных исследований:

«Лже-Дмитрий I обладал многими качествами хорошего правителя: его отличали самостоятельность в решениях и стремление к независимости (тот факт, что он отказался выполнить требования Сигизмунда III, явственно свидетельствует о его твердости в решении судьбоносных для государства вопросов); быстрый ум и сравнительно широкое образование; богатый опыт, приобретенный в общении с западноевропейской культурой и, наконец, энергичность и личная смелость. Но, упоенный своим успехом, Самозванец полагал, что его положение незыблемо. Не считаясь ни с чьими интересами, он достаточно быстро восстановил против себя все слои русского общества».

История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2001, с. 448—449

Чем же он так прогневал москвитов? А вот чем:

«Когда бы он жил смиренно, и взял бы себе в жены московскую княжну, и держался бы их религии, и следовал бы их законам, то вовек бы оставался царем».

История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2001, с. 448—449

В декабре послы (князь Т.К. Волконский и дьяк Андрей Иванов) «выговаривали» королю и радным панам о «неправдах». Они обвиняли короля и панов в том, что помогали Самозванцу, послав с ним людей. В ответ те вполне обоснованно заявили, что сами москвиты приняли его как «истинного царя Дмитрия». Что же касается людей, то ни король, ни радные паны их не посылали, они добровольно пошли на службу к Самозванцу:

«Алюдам в государя нашего государстве есть повольность из давних лет, кто кому захочет служить. И видя, что московские люди к тому Дмитрию пристали и прямым его великого князя Ивановым сыном называют, к нему учили приставать служилые люди, а воевода Сандомирский также... пристал не со многими людьми, а король его не посылал».

Буссов, Цит. Соч., с. 358

Иначе говоря, никто в Речи Посполитой не мог понять, почему государство и король должны отвечать за частную войну нескольких авантюристов? Но москвиты что в XVII веке, что в XX, были и остались в убеждении, что ответственность за любые деяния частных лиц из других государств несут власти этих стран. По сей день они отстаивают свою любимую теорию заговора (хазар, евреев, татар, масонов, поляков, католической церкви, иезуитов, шведов, немцев, американцев, исламских фундаменталистов — нужное подчеркнуть) против беззащитной Руси. Во всем и всегда виноваты только внешние враги и внутренние «агенты влияния». При этом они категорически не желают хоть иногда смотреть на себя в зеркало.

Закончу рассмотрение вопросов, связанных с первым самозванцем, весьма точным высказыванием Диамантовского:

«А того увидеть и понять сами не хотите, что человек, который назывался настоящим Дмитрием и которого вы называете ложным, из вашего народа был — москвитин. И те, кто его поддерживал, не наши, но ваши — «москва» у границы с хлебом и солью встречала, «москва» крепости и другие волости сдавала, «москва» в столицу провожала, в подданстве ему присягала и в столице как государя короновала. Потом сами и убили. То-то, коротко говоря, «москва» начала, «москва» и закончила. Поэтому вы не можете ни на кого сетовать и жаловаться».

Дневник Марины Мнишек, год 1606. Раздел 8. Июнь

В «Новом летописце» сказано, что после убиения царя-самозванца Дмитрия «начата бояре думати, как бы сослатца со всею землею, чтобы приехали из городов к Москве всякие люди, как бы по совету vybrати на Московское государство государя».

Однако Василий Шуйский совсем не хотел ждать решения Земского собора. Он и его сторонники воспользовались ситуацией, сложившейся после событий 17 мая. Утром 19 мая на Красной площади собралась огромная толпа. В основном, она состояла из торговцев и ремесленников. Состав указывает, что агенты Шуйских постарались.

Вышедшие к народу бояре (среди которых был и сам Шуйский) повели речь о необходимости созыва Земского собора для избрания царя, а пока предложили избрать нового патриарха, который возглавит временное правление и разошлет грамоты для созыва делегатов из городов. Но сторонники Шуйского в толпе, специально подобранные дюжие молодцы, стали горланить, что сперва надо избрать царя, называя при этом «болярина Василия».

Толпа отозвалась на это имя одобрительным ревом. Его противники поняли, что если они попытаются возражать, их могут растерзать. Пришлось им тут же, на Лобном месте, лицемерно поздравить князя Василия Ивановича с избранием царем. Прямо с площади, в сопровождении толпы, Шуйский прошел в Успенский собор, где принял присягу на верность себе от бояр и служилых людей. Его с энтузиазмом признали москвичи по той причине, что род Шуйских имел тесные связи с торговыми рядами. И купцы, и приказчики, и работники — все они были связаны с Шуйскими и поддерживали их.

Монах Авраамий Палицын позже написал в своих записках об осаде Троице-Сергиева монастыря:

«Малыми некими от царских палат излюблен бысть царем князь Василий Иванович Шуйский и возведен бысть в царский дом, и никим же от вельможи не пререкован, ни от прочего народа умолен».

Цитируется по книге Буссова (Примечания), с. 357

Итак, царя выбрали без патриарха, но ни церковь, ни страна не могли обойтись без него. Тем более что в монастыре в Старице томился гоудуновский патриарх Иов (уже совсем ослепший), а в Чудовом монастыре — заточенный туда царем Василием отрепьевский патриарх Игнатий. Поначалу Шуйские хотели сделать патриархом митрополита Пафнутия, но это был столь одиозный персонаж, что против него ополчилось все высшее духовенство. Часть бояр стояла за Филарета (Романова).

В это же время царь Василий послал митрополита Филарета в Углич за «нетленными мощами» царевича Дмитрия, которого сле-

довало объявить «святым». Царь Василий видимо задумал «одним ударом убить сразу двух зайцев». Во-первых, пока Филарет отсутствовал, собор епископов избрал 25 мая новым патриархом казанского митрополита Гермогена, пользовавшегося большим авторитетом в церковных кругах. Во-вторых, обретение «нетленных мощей» царевича Дмитрия должно было прекратить слухи об его чудесном спасении.

Филарет свою задачу в Угличе выполнил блестяще. 28 мая 1606 года при большом стечении народа выкопали из земли гроб. Когда сняли крыш*ку, все увидели царевича, похороненного семнадцать лет назад, «яко жива лежащего всего нетленна, точию некую часть тела своего, яко некий долг отдаде земли. Народ стал восторженно славить нетленные мощи, как наглядное доказательство святости Дмитрия. Затем духовенство и бояре под колокольный звон всех церквей Углича вынесли святые мощи из Спасо-Преображенского собора. Процессия направилась по Московской дороге.

Конрад Буссов пишет об этой истории следующее:

«Так как в это время широко распространилась выдумка о спасении Димитрия, москвиты были сильно сбиты с толку таким странным известием и скоро перестали уже понимать, во что и кому верить».

Шуйский, которому это было важнее, чем кому-либо иному, решил вывести русских из заблуждения и поэтому послал 30 июня /ошибка Буссова, в действительности еще до 25 мая — А.Т./ в Углич вырыть труп настоящего Димитрия, убитого там в детстве, пролежавшего в земле 17 лет и давно истлевшего, перевезти его в Москву и похоронить в той церкви, где лежали прежние цари...

Ачтобы эта дурацкая затея выглядела как можно лучше, Шуйский приказал сделать новый гроб. Он приказал также убить одного девятилетнего попovichа, надеть на него дорогие погребальные одежды, положить в этот гроб и отвезти в Москву... По его повелению было всенародно объявлено, что князь Димитрий, невинно убиенный в юности — большой святой у Бога, он, мол, пролежал в земле 17 лет, а его»гело так же нетленно, как если бы он только вчера умер...

Шуйский подкупил нескольких здоровых людей, которые должны были прикинуться больными. Одному велели на четвереньках ползти к телу св. Димитрия, другого повели туда под видом слепца, хотя у него были здоровые глаза и хорошее зрение. Они должны были молить Димитрия об исцелении. Оба, конечно, выздоровели, параличный встал и пошел, слепой прозрел, и они сказали, что им помог св. Димитрий. Этому поверило глупое простонародье, ц такое неслыханное и страшное идолопоклонство началось перед телом, что господь Бог разгневался».

Буссов К. Цит. Соч., с. 134—135

1 июня Василий венчался на царство в Успенском соборе. Так как новый патриарх Гермоген еще не прибыл в Москву, обряд венчания совершил новгородский митрополит Исидор.

3 июня царь Василий и мать царевича инокиня Марфа (Мария Нагая) встретили мощи Дмитрия в селе Тайнинском под Москвой. Василий Иванович демонстрировал необыкновенную радость. Он даже взял в руки гроб и лично пронес его несколько десятков метров. Напротив, инокиня Марфа остолбенела и не могла произнести ни слова до самой Москвы: в гробу она увидела свежий труп чужого ребенка.

Здесь, в Тайнинском, рядом с царем и Пафнутием уже стоял новый патриарх Гермоген.

Русский историк А. Трачевский дал следующую характеристику Василию Шуйскому:

«Этот приземистый, изможденный, сгорбленный, подслеповатый старик с большим ртом и реденькой бородкой отличался алчностью, бессердечием, страстью к шпионству и наушничеству; он был невежествен, занимался волхвованием и ненавидел все иноземное. Он проявлял мужество и крайнее упорство только в отстаивании своей короны, за которую уцепился с лихорадочностью скряги».

Что ж, москвиты видели, кого выбирали. Готовая к Смуте страна сама избрала того, кто свалил ее в этот глубокий омут.

Глава 3

ИВАН БОЛОТНИКОВ — ГЕТМАН ЦАРЯ ДМИТРИЯ

КАК БОЛОТНИКОВ СТАЛ ГЕТМАНОМ

Вскоре колесо Смуты стало делать первые обороты. Традиционно ее «поджигателем» считают князя Григория Петровича Шаховского, которого Шуйский назначил воеводой в Путивль.* Именно он начал широко распространять оттуда слух о спасении «царя Дмитрия Ивановича». В «Новом летописце» говорится:

«Первое же зачало крови христианские в Путимле городе князь Григорей Шеховской измени царю Василью со всем Путимлем и сказа Путимцам что царь Дмитрий жив есть, а живет в прикрытие: боитца изменников убивства».

Буссов К. Московская хроника 1584—1613, с. 358—359

В свою очередь, вдохновителем Шаховского стал дворянин Михаил Молчанов, бывший «комнатный служитель» царя «Дмитрия Ивановича». Сей расторопный человек сбежал из Москвы в день убийства Самозванца, прихватив с собой 25 лучших коней из царской конюшни и «государеву печать».

Что касается Молчанова, то он был образован, владел польским и латинским языками, занимался астрологией. Он появился на исторической сцене накануне прихода Лже-Дмитрия I в Москву и сразу оказался в самой гуще событий — входил в число убийц царя Федора Годунова и его матери. Факт бегства Молчанова из Москвы после переворота 17 мая 1606 года отметили русские источни-

* В 1607 году князь Г.П. Шаховской «сидел в осаде» в Туле вместе с И.И. Болотниковым. После сдачи города Василий Шуйский сослал его в Спасо-Каменный монастырь, оттуда он в 1608 году бежал к Лже-Дмитрию II и стал его советником. Как окончилась жизнь князя, нам неизвестно. Во всяком случае, в 1612 году он был еще жив. А его потомки в XVIII — XIX веках занимали видные посты на военной и государственной службе в России.

ки, а также ряд наблюдателей-иностранцев. Он и в дальнейшем «стриг купоны». Известно, что в 1611 году королевич Владислав даровал Молчанову чин окольного.*

Оба проходимца хотели загребать жар чужими руками. Поэтому они сделали ставку еще на одного авантюриста, бывшего холопа по имени Иван Болотников.

В XVI—XVII веках на Руси были холопы двух категорий. Одни — подневольные люди, которых заставляли делать тяжелые или грязные работы в боярской усадьбе и ее службах, плохо кормили, часто наказывали. Однако таких холопов было мало, потому что любому боярину казалось гораздо удобнее и дешевле в плане работ иметь дело с крепостными крестьянами.

Но были и другие холопы, называвшиеся «дворовыми». Ведь всякий боярин нуждался в надежной охране, в верных людях, которым можно было доверять интимные поручения разного рода.

«Воровской» казак

Поскольку от дворовых людей требовалась преданность, о них заботились. Они ходили в хороших кафтанах, ездили на прекрасных лошадях, спали в хоромах, если досыта. Болотников относился к числу тех, кто ездил на коне, а не копал лопатой огород.

В прошлом он служил князю Андрею Телятевскому в Чернигове, от него бежал к запорожским казакам. В одной из стычек в Диком Поле попал в плен к крымским татарам, продавшим его в рабство на турецкие галеры. Через два или три года его освободили венецианцы, захватившие в бою в Средиземном море галеру, где он был прикован клавке гребцов.

Из Венеции Иван Исаевич через Австрию, Германию, Чехию и Польшу вернулся домой.

* Смирнов И.И. «Востанне Болотникова 1606—1607», с. 102—105.

Таким образом, он повидал мир, пусть и не по своей воле, что в те времена являлось большой редкостью, а также обладал познаниями в военном деле.

Молчанов познакомился с Болотниковым в Самборе (в нынешней Львовской области Украины), куда первый бежал из Москвы, а второй прибыл по пути домой из турецкого плена. Видимо, Иван Исаевич произвел сильное впечатление на беглого «сподручника вора Гришки» рассказами о своих приключениях. Он дал Болотникову 30 золотых дукатов, саблю, бурку и отправил в Путивль, к князю Шаховскому с письмом, которое написал от имени «царя Дмитрия» и заверил государевой печатью.

В письме было сказано, что «царь» назначает Ивана Исаевича Болотникова своим гетманом и поручает ему создать войско для борьбы с узурпатором Василием Шуйским.

Князь одел и обул Болотникова надлежащим образом, снабдил кое-какими средствами, помог «административным ресурсом». И, как любят говорить в наше время, «процесс пошел». Действуя от имени «вторично спасенного царевича Дмитрия», Болотников собрал в Северной и Рязанской земле довольно значительные силы. Вскоре, а именно, во второй половине лета 1606 года, он двинулся из Путивля на Москву.

По пути к нему присоединялись казаки, стрельцы, дворовые холопы, недовольные московскими властями и, что очень важно, лишенные средств к существованию. Чтобы сделать понятнее смысл слов о «недовольстве московскими властями», приведем свидетельство современника о том, как войска Бориса Годунова расправлялись в 1604—1605 гг. с населением Комарицкой волости (Северская земля), упорно сопротивлявшимся непомерным налоговым поборам, а также поддержавшим Самозванца:

«Они так разорили Комарицкую волость, что в ней не осталось ни кола, ни двора; и они вешали мужчин за ноги на деревья, а потом жгли; женщин, обесчестив, сажали на раскаленные сковороды, также насаживали их на раскаленные гвозди и деревянные колья, детей бросали в огонь и воду, а молодых девушек продавали за 12 стейверов» /примерно один алтын, т.е. 3 копейки — Л. Т./.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVIIв. М., 1937, с. 82

Не стоит удивляться, что в одной только этой волости под знамена «добротого царя» встали более 1500 опытных воинов, уволенных Годуновым из армии и вместо пенсий получивших обязанность платить подати в казну, а 100% взрослого населения с радостью присягнуло на верность «царю Димитрию». Терять им было нечего, зато приобрести, в перспективе, они могли очень многое, вплоть до дворянских и боярских титулов.

Именно благодаря тому, что его армия большей частью состояла из воинов-профессионалов (казаков, боевых холопов, стрельцов и мелкопоместных дворян), а вовсе не из «восставших закабаленных крестьян», Болотников дошел до Москвы и одержал немало побед. Вообще, называть его предприятие крестьянской войной могли только советские партийные историки, которые согласно установкам ЦК КПСС, всегда и везде искали «классовую борьбу».*

Узнав о начале вооруженных выступлений в Северной земле, правительство Шуйского и патриарх Гермоген попытались немедленно дискредитировать неожиданно возникшую новую угрозу. Так, Гермоген уже в июне 1606 года разослал по церквям и монастырям грамоту, в которой требовал объявлять пастве, что лозунг «за царя Дмитрия» суть святотатство.

Царь Шуйский одновременно обнародовал грамоту, содержащую причудливую смесь правды и вымысла. Дескать, Лже-Дмитрий расхищал государственную казну, хотел отдать Речи Посполитой часть территории Московской Руси, намеревался отобрать у церкви ее сокровища и земли, выслать из Москвы всех православных священников и заменить их католическими и т.д.

Но население в украинских и северских землях не поверило ни патриарху, ни царю.

СРАЖЕНИЯ В АВГУСТЕ - СЕНТЯБРЕ 1606 г.

Первое большое сражение Болотникова с войсками, высланными против него Шуйским, произошло в августе 1606 года под Кромами. Этот город, закрывавший (или открывавший, в зависимости от точки зрения) путь на Москву, одним из первых перешел на сторону «гетмана». Поэтому Шуйский послал туда еще в июне боярина Михаила Нагого с «передовым полком», а вслед за ним три полка под общим командованием князя Юрия Трубецкого.

В результате боя с царским авангардом войско Болотникова отступило, но далеко не ушло. Нагой в Кромы так и не попал. Тем временем восстал Елец, где еще при Лже-Дмитрии I, готовившим поход на Крым, были сосредоточены огромные запасы амуниции и вооружения, в том числе много пушек. Князь Воротынский оса-

* Любопытен тот факт, что на сторону «царского гетмана» перешли свыше 70 городов Московской Руси! Это весь юго-запад государства, южная часть Подмосковья и часть Приволжья. Полный их список, с указанием источников информации, приведен в книге И.И. Смирнова «Восстание Болотникова 1606—1607» на страницах 194—200. Столь внушительный перечень дает ответ на два вопроса: о степени поддержки «царя Дмитрия Ивановича» населением и о том, как Болотникову удалось сформировать многочисленную армию.

дил Елец, но успеха не добился: «стояху под градами, ничево не возмогша сотворитти граду».

Тем временем Болотников, у которого в это время было максимум три тысячи человек, смело атаковал под Кромами 5-тысячное войско князя Трубецкого и нанес ему сокрушительное поражение. Современник-иностранец, живший тогда в Москве, писал по этому поводу (как обычно, значительно преувеличивая цифры):

«Пришла весть, что 8000 людей Шуйского побито под Кромами; гнали их и били на протяжении 6 миль. От этого на Москве тревога. Срочно разослано по городам за людьми, сгонять их принудительно к Москве».

После Кромской победы Болотникова воеводам Шуйского пришлось снять осаду Кром и отступить к Орлу. Служилые люди (дворяне, дети боярские) из войска Трубецкого почти полностью разбежались по своим усадьбам.

Примерно в это же время в поддержку Болотникова (формально — «за царя Дмитрия Ивановича») выступил отряд тульских мелкопоместных дворян во главе с Истомой Пашковым, ставший — наряду с ним — вторым вождем повстанческой армии.*

В конце августа войско Пашкова одержало победу над войском князя Ивана Воротынского под Ельцом. Исаак Масса так пишет об этом сражении:

«Князь Иван Михайлович Воротынский был послан с особым войском взять Елец, стоявший во главе возмущившихся, но был побит в прах, и всё его войско расстроено, и сам он едва успел убежать в Москву».

Масса И. Цит. Соч., с. 154

Другой современник, поляк Вацлав Диамантовский, находившийся в тот момент в ссылке в Ярославле вместе с Юрием Мнишеком, свидетельствует:

«17 сентября /н. ст./ Пришла весть пану воеводе, что 5000 войска Шуйского разбиты наголову под Ельцом».

Эти два сражения изменили стратегическую обстановку в пользу повстанцев. Вскоре на сторону гетмана «царя Дмитрия» перешел Орел, за ним Мценск. После этого Болотников послал своих людей в Калугу. Калужане тоже сделали выбор и не пустили в город подошедшие царские войска во главе с Иваном Шуйским — братом царя:

«В Колугу их не пустили, заворовали и крест целовали Вору».

* Филипп Иванович Пашков, по прозвищу «Истома». Владел двумя селами в Вневском и Серпуховском уездах, имел чин сотника и в 1606 году командовал мелкопоместными «детьми боярскими» из Епифани.

23 сентября произошло сражение между войском Болотникова и войсками И.И. Шуйского на реке Угре, при впадении ее в Оку, в семи верстах от Калуги. Кроме войск, пришедших из Москвы, у Шуйского были полки из-под Кром и Орла, под командованием князей Ю.Н. Трубецкого, И.М. Бярятинского, И.А. Хованского. В «Разрядных книгах» утверждается, что якобы они «воров много побили». Однако иностранцы, жившие тогда в Москве, свидетельствовали о поражении царских войск:

«Бояре, разбитые на берегах Оки (т.е. под Калугой), должны были отступить к столице, куда ежедневно приходили толпы раненых, избитых, изуродованных».

Победы под Кромами, Ельцом и на Угре открыли «гетману» дорогу на Москву. Еще несколько городов, куда прибыли посланцы Болотникова, перешли в октябре на его сторону, в частности, Брянск и соседний с ним Карачев. При этом горожане убили царских воевод в этих городах — Ефима Вахромеевича Бутурлина и Савву Щербатого.

Когда Истома Пашков вступил в Тулу, вскоре к нему присоединились два новых отряда: тульских дворян под командованием полковника Григория Сунбулова и рязанских дворян полковника Прокофия Ляпунова, общая численность которых в тот момент была около 500 человек.

Поражения царских войск и неуклонное продвижение Болотникова к Москве заставляли правительство Шуйского принимать все новые и новые попытки остановить наступление. Оно послало большой отряд во главе с князем Владимиром Кольцовым-Мосальским на реку Лопасня, образующую первый естественный рубеж по дороге от Серпухова на Москву. Но князь потерпел поражение и отступил на 30 верст, к следующему рубежу обороны — реке Пахра. Здесь он перешел в подчинение к молодому способному воеводе, князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому (1586—1610). Сражение на реке Пахре отличалось большим числом жертв с обеих сторон, но решающей победы не одержал никто.

Все же Скопину-Шуйскому удалось на некоторое время задержать наступление повстанцев. Выиграв инициативу, он срочно перебросил свои войска на Коломенскую дорогу, по которой на Москву шли отряды Пашкова, Ляпунова и Сунбулова. Путь им преградили воеводы Ф.И. Мстиславский и Д.И. Шуйский.

Вскоре у села Троицкого, под Коломной, произошло сражение между объединенным войском всех трех воевод и объединенным войском трех мятежных дворян. Это сражение царские воеводы начисто проиграли. Так, Дьяментовский сообщает, со слов участников битвы, что «на поле боя осталось до 7.000 убитых» из царс-

ких войск. Кроме того, «до 9.000 пленных были ограблены дочиста, наказаны кнутом и отпущены по домам» (разумеется, цифры преувеличены). В «Разрядных книгах» отмечено: «воры... бояр побили и розганыли». Потерпев поражение, воеводы отступили к Москве.

ОСАДА МОСКВЫ (октябрь — ноябрь 1606 г.)

Передовые группы повстанцев подошли к стенам Москвы 7 октября 1606 года. Началась осада столицы, продолжавшаяся почти 2 месяца — кстати, единственная в ее истории!

Став лагерем в селе Коломенском (13 верст от Москвы), а также в деревне Котлы (в 7 верстах) вожди армии — Иван Болотников и Истома Пашков — потребовали от москвичей сдать город и выдать «на суд и расправу» трех братьев Шуйских. Иначе говоря, они хотели расправиться с главными виновниками «изгнания» царя Дмитрия Ивановича и восстановить его власть (хотя сам «царь», напомним, в это время еще отсутствовал).

Общая численность войск Болотникова, Пашкова и Ляпунова, осадивших Москву, неизвестна. Современники оценивали ее в 80 тысяч человек и даже в 100 тысяч.* Но более достоверной представляется оценка И.И. Смирнова, крупнейшего исследователя движения Болотникова — максимум 50 тысяч. Царь Василий тоже располагал довольно крупными силами, опиравшимися на мощные укрепления Москвы. Повстанцы не решились штурмовать столицу, зато мелкие стычки с царскими войсками происходили почти ежедневно. Осажденные тоже делали частые вылазки.

В октябре 1606 года Шуйский разослал по городам грамоты весьма характерного содержания:

«А что ныне другой такой изменник объявился, который нашу землю разоряет, собрав войско таких разбойников, каков и сам, так что города и замки, одни — взял силою, другие прельстил, назвавшись Дмитрием, — если бы он к вам туда прислал, не верьте ему, но сохраняйте лучше веру мне, которому вы присягнули, и остерегайтесь загонных людей того разбойнического войска, которое стоит под Москвой. А за меня просите Господа Бога, чтобы мне помощь против этих изменников оказал по своей милости».

Поначалу Болотников стремился поднять восстание в столице, чтобы тем самым поставить боярское правительство под двойной

* Ни одному сообщению современников о численности войск в эпоху XIV—XVII веков верить нельзя. Обычно они преувеличены в два — три раза и более.

удар, извне и изнутри. Однако осуществить этот план ему не удалось. Его люди, специально посланные в столицу поднять восстание, добились значительных успехов в агитации, но в то время, когда «москвитяне готовы были предаться», в лагере повстанцев произошел раскол. Решительный штурм Москвы не состоялся.

Надо отметить, что царь Василий Шуйский и его окружение совершенно правильно сделали ставку на то, чтобы «прельстить» всевозможными обещаниями (и деньгами!) вождей дворянских отрядов. У дворян была своя программа-максимум (посадить на престол «истинного» царя) и программа-минимум (получить от центральных властей новые пожалования). В отличие от них, реальное содержание «программы» основной массы повстанцев сводилось к очень простому лозунгу: грабить всех, у кого есть что взять! Не удивительно, что тайные переговоры увенчались успехом. В середине ноября (15-го числа) на сторону Шуйского перешли «рязанцы» и «тульцы» Сунбулова и Ляпунова (вместе более тысячи человек).

Столкнувшись с открытой изменой, Болотников решил предпринять энергичные меры к установлению круговой блокады Москвы, чтобы «истомить город, не пропустить подвоза припасов». С этой целью он разделил свои войска на две части. Одна из них 26 ноября перешла Москва-реку и устремилась к деревне Карачарово и к расположенной недалеко от нее Рогожской слободе. В этом

районе развернулись, говоря современным языком, позиционные бои местного значения между повстанцами и царскими войсками. Одновременно Болотников послал Истому Пашкова с его отрядом к Красному селу. Именно этот населенный пункт должен был послужить исходной позицией для операции по установлению контроля над дорогой, ведущей в Москву из Вологды и Ярославля.

На следующий день, 27 ноября, произошли решающие события. Обычно осторожный, царь Василий Шуйский лично возглавил войска, устремившиеся в наступление по правому берегу Москва-

Царь Василий Шуйский

реки. Его план заключался в том, чтобы нанести мощный удар по основным силам Болотникова, наступавшим через Замоскворечье от Коломенского и Котлов. Это план удался. Битва 27 ноября принесла Шуйскому большой успех. «Иное сказание» живописует:

«Розбойницы... изнемогаша и, плеще давшие, побегоша... Мятажников безчисленное множество падоша, тако же и живых руками множество яша: прочий же вси со злоначальники своими от царствующего града посрамлены бегоша на Колменское и в остроге своем седоша». Царь же Василей возвратися во свой царствующий град Москву, яко победитель».

В тот же день на сторону царя перешел Истома Пашков. Хотя вместе с ним к Шуйскому ушло меньше половины его отряда (от двух до трех тысяч человек), измена оказалась чувствительной. Вместо того, чтобы атаковать царское войско с фланга, Пашков и его люди сначала долго смотрели издали на битву, а потом взяли, да и переметнулись на сторону победителя. Что ж, они не прогадали. Обрадованный своей победой и этим переходом, царь принял их весьма любезно. В дальнейшем Истома Пашков сделал неплохую служебную карьеру.

Понесенное поражение, вкупе с изменой дворян, поставило крест на плане Болотникова полностью заблокировать город. Между тем, царь стремился развить и закрепить свой успех. На помощь ему прибыли полки из Смоленска и Ржева, некоторых других городов (две — три тысячи человек), а также отряд двинских стрельцов (400 человек).

2 декабря 1606 года началось решающее сражение под Москвой. Войска Василия Шуйского, участвовавшие в битве, состояли из двух группировок. Одну из них, сосредоточившуюся в Новодевичьем монастыре, возглавил Иван Шуйский, брат царя. Вторая группа находилась в Даниловом монастыре, ею командовал М.В. Скопин-Шуйский. План воевод состоял в том, чтобы, объединившись, ударить совместными силами по Коломенскому, куда после боя 27 ноября отступил Болотников.

Болотников, однако, не захотел «сидеть в осаде» и сам вышел навстречу воеводам, чтобы дать им встречный бой. Сражение развернулось в районе деревни Котлы, находившейся примерно на середине дистанции между Коломенским и Даниловым монастырем. Хотя Болотников, говоря словами Карамзина, «сразился как лев», он потерпел поражение и вынужден был снова отступить в Коломенское. Летопись того времени («Рукопись Филарета») сообщает по этому поводу:

«Егда ж воеводы и начальники Московского воинства по повелению цареву идоша против Северехих людей на Котел... испущают брань вели-

кую и во ополчении своем мужески поборают: овех убивают и уязвляют, овех связанных во град отсылают. И тако побеждени быша Северския люди».

В отличие от сражения 27 ноября, воеводы Шуйского не возвратились после боя в Москву, а напротив, атаковали Болотникова в Коломенском. Штурм продолжался три дня. Острог, сооруженный повстанцами в этом селе, оказался весьма прочным и надежным. В летописи сказано:

«По острогу их биша три дни, разбита же острога их не моглоша, зане же в земли учинен крепко, ядра же огненные удушаху кожами сырыми яловичьими».

Взять острог удалось лишь после того, как один из пленных повстанцев рассказал воеводам о характере укреплений и способах защиты их от «огненных ядер». После этого царские пушкарники применили особые зажигательные ядра: «учиниша огнены ядра с некою мудростью против их коварства». Эти новые снаряды не поддавались гашению («погашать их не возмогоша»), и в конце концов «острог их огненными ядрами зажгоша», что вынудило Болотников к отступлению: «помоши себе ничем не возмогоша и, острог свой оставивше, побегоша».

Наряду с селом Коломенским другим местом, где укрылась часть разбитой 2 декабря армии Болотникова, явилась деревня Заборье. Костомаров изобразил этот эпизод следующим образом:

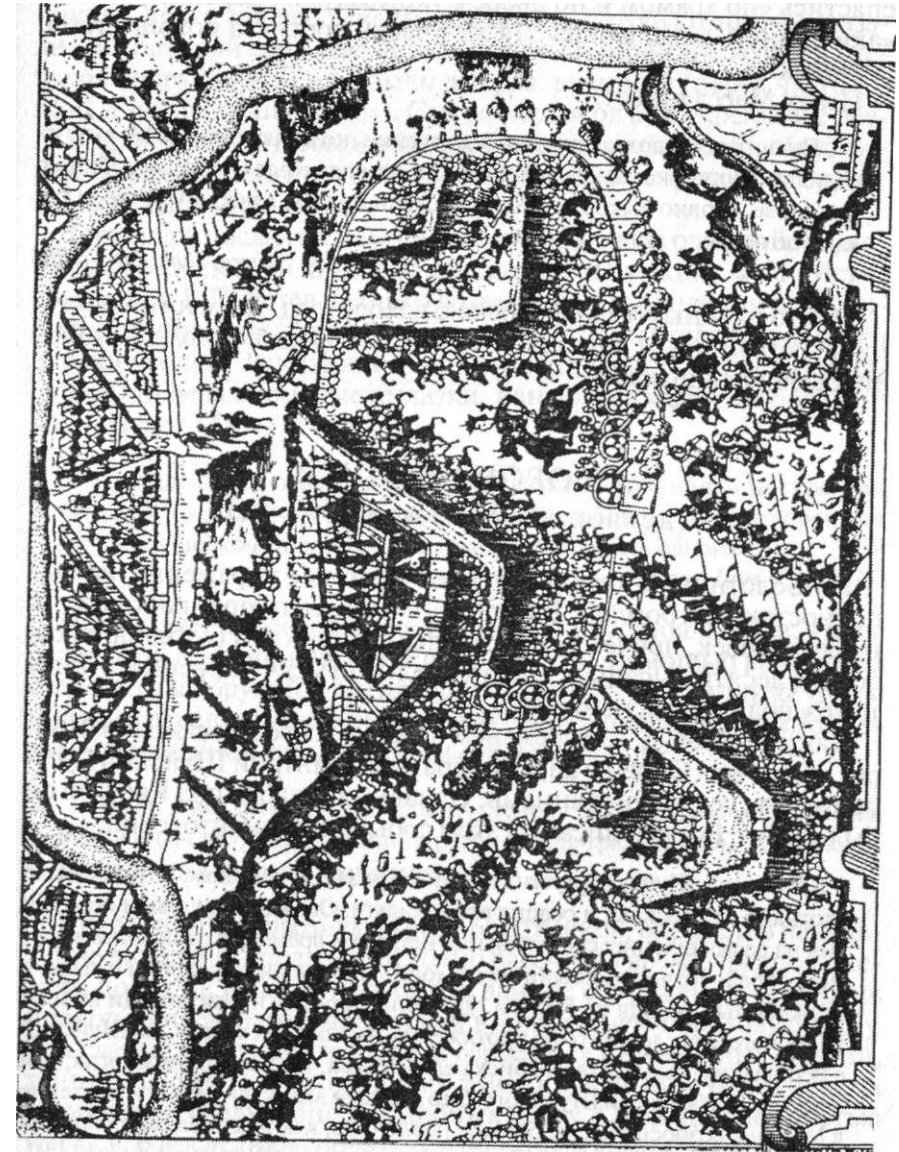
«Болотников с своим полчищем выскочил из острога и пустился бежать по Серпуховской дороге. Ратные люди погнались за ним, поражали бегущих и хватали пленных, кидавших оружие. Казаки заперлись в деревне Заборье и сделали, по своему обыкновению, укрепление из тройного ряда саний, тесно связанных и облитых водой.* Скопин-Шуйский нашел, что нельзя далее преследовать Болотникова и оставить позади себя неприятеля в укреплении, из которого он мог сделать на него вылазку сзади. Он осадил казачий табор».

Воеводы бросили против этой части повстанцев все силы: «со всеми ратными людьми приступаху к Заборью». Подавляющее превосходство сил осаждавших и безвыходность положения осажденных привели к тому, что они сдались: «А казаки в осаде в Заборье сидели, и те государю доби́ли челом и зда́лися и крест целовали что ему государю служить». По свидетельству Буссова, было их более четырех тысяч человек (весной следующего года царь Шуйский

* Масса в своих записках уточняет, что повстанцы поставили в Заборье сани в три ряда одни на другие, плотно набили их сеном и соломой, а затем облили водой, после чего на морозе все это сооружение приобрело крепость камня.

направил их против Болотникова, но, оказавшись под Калугой они снова перешли на сторону своего гетмана).

Таким образом, армия Болотникова была наголову разбита. Несколько тысяч человек погибли (точное число неизвестно, источ-

Сражение между войсками Болотникова и Шуйского за Москву

ники дают цифры с огромной разбежкой: от одной тысячи до двадцати тысяч), еще несколько тысяч человек оказалось в плену. Василий Шуйский использовал одержанную победу для расправы с «ворами». Массовые избиения начались еще на поле боя. По словам летописца («Иное Сказание») тех повстанцев, кто пытался спастись «по храмом и по дворем укрывахуся», царские ратники «аки свиней, закалающе». Та же участь постигла большинство пленных.

Исаак Масса пишет:

/Пленные/ «недолго пробыли в заточении, но каждую ночь в Москве их водили сотнями, как агнцев на заклание, ставили в ряд и убивали дубиною по голове, словно быков, и (тела) спускали под лед в реку Яузу, творя так каждую ночь».

Масса, Цит. Соч., с. 163

Много пленных было оправлено в Новгород. Там с ними поступили аналогичным образом: «тех в Новгороде в Волхов потопили, бьючи палицами».

*

ОБОРОНА КАЛУГИ

(декабрь 1606 — май 1607 гг.)

Но Болотников, хотя и потерпел жестокое поражение, не был полностью разгромлен. Вместе с ним в Калугу пришли около 10 тысяч человек, причем с огнестрельным оружием («огненаго бою болши десяти тысяч»); еще несколько тысяч укрылись в Туле, тоже «люди с вогненным боем».

Как уже сказано, тем временем царские воеводы осаждали Заборье. Но не все. Один из царских братьев (Дмитрий Шуйский), устремился вслед за повстанцами. Однако 12 декабря под Калугой он был разбит. Вот что писал об этом событии Диамантовский:

«Дмитрий Шуйский пустился с людьми затем войском, которое было отогнано от Москвы, и осадил его в Калуге. Осажденные взяли себе три дня на размышление: сдаваться или нет, а тем временем дали знать в другие города. Тотчас прибыли на помощь, неожиданно ударили с тыла, а осажденные, выйдя из Калуги, ударили с фронта и разгромили войско Шуйского, преследуя его на протяжении нескольких миль. Сам Шуйский с небольшим количеством войска едва спасся. По рассказам многих, там легло до 14.000 людей Шуйского. Это вызвало великую тревогу и смятение в Москве, возросшую еще больше после того, как их снова разгромили и побили под Серпуховым».

Смирнов И.И. «Восстание Болотникова 1606—1607». М., 1954, с. 327—328

Когда в Москве узнали об этом поражении, к Калуге 17 декабря было послано новое войско во главе с Иваном Шуйским. В его составе имелась артиллерия («наряд»). Целый месяц он безуспешно осаждал город, жители которого остались верны «царю Димитрию» и его «гетману».

Это выразилось не только в их согласии принять войско Болотникова, но и в той несомненной помощи, которую они ему оказали. За короткий срок (две недели) воины и горожане возвели частокол вокруг города и вырыли два рва: внешний (перед частоколом) и внутренний (за ним). Сам же частокол они укрепили с обеих сторон землей, чтобы им можно было пользоваться как бруствером. Трудоемкость этих работ увеличивалась тем, что они производились в зимнее время.

Тогда царь послал на помощь своему брату еще одно войско, которым командовали князья М.В. Скопин-Шуйский, Ф.И. Мстиславский и Б.П. Татев. Однако возведенные укрепления позволили Болотникову выдержать длительную осаду и отразить все атаки царских войск. Защитники города успешно оборонялись три месяца. Они делали смелые вылазки, нанося осаждавшим большой урон. Исаак Масса отметил:

/Осажденные/ «каждодневыми вылазками причиняли москвитам большой вред: да и почти не проходило дня, чтобы не полегло сорок или пятьдесят московитов, тогда как осажденные теряли одного».

Масса, Цит. Соч., с. 164

Новая тактика воевод Василия Шуйского состояла в том, чтобы разрушить деревянный калужский острог с помощью различных стенобитных орудий и артиллерийского обстрела, а также путем поджога деревянных стен и самого города посредством «подмёта» — подвижной горы из дров и сухого хвороста:

«Поставиша овны, и дела великия стенобитныя над градом поставляя, и огненные великия пищали, и разбивающе град и дворы зажигающе. Наведоша же на град и гору древяну».

В ответ на эту серьезную угрозу Болотников, определив направление движения «подмёта» и точно рассчитав время предполагаемого поджога, решил уничтожить данное сооружение — устроив подкоп за пределами частокола и взорвав в нем пороховую мину. Эта смелая операция требовала серьезных инженерных знаний, точного расчета и соблюдения тайны. Видимо, у Болотникова были люди/сведущие в подобных делах. Операция полностью удалась. В последнюю ночь перед поджогом «подмёт» был взорван. В «Ином Сказании» говорится:

«От лютоости зеленые подняся земля и здровы, и с людми, и с туры, и со щиты, и со всякими прступными хитростми. И бысть беда велика, и много войска погибоша, и смятятся все войско»... /Болотников/ «вышел со всеми людми» из Калуги «и на приступе многих людей побиша и пора-ниша».

Смирнов И. И. Цит. Соч., с. 338

Одновременно с Калугой царские воеводы осаждали ряд других городов, перешедших на сторону Самозванца, но в большинстве мест потерпели поражение. Так, на помощь городу Михайлов пришли «воры с Украинных городов». Тогда михайловцы «вышел из града и от града отбиша» войско князя И.А. Хованского, которому пришлось уйти в Переяславль-Залесский. Столь же безуспешна была осада Венева князем Андреем Хилковым. Он «под Веневою не сдела ничево; с Веневы же вышедше, воры от города отбили», заставив Хилкова отступить в Кашину. Осада Козельска продолжалась дольше, но тоже безуспешно. Весной воевода А.В. Измайлов, «слыша то, что бояре от Калуги отидоша, взя наряд со всеми ратными людми, ото иде в Мещоск /Мещевск — А. Т./».

Город Алексин, осаждавшийся князем И.М. Воротынским, оставался в руках сторонников «гетмана царя Дмитрия» вплоть до 29 июня 1607 года, когда его взяли войска .Василия Шуйского:

«Олексин был в воровстве, в измене, а сидел в Олексине воевода с ворами Лаврентий Александров сын Кологривов олексинец со олексинскими со всякими служилыми и с посадскими и с уездными людми».

Пока шла осада Калуги, сторонники Болотникова предпринимали попытки прорваться к нему. Первым поспешил на помощь осажденным князь Василий Рубец-Мосальский. Но на реке Вырка, в семи верстах от Калуги, в феврале 1607 года (примерно 21 числа) его отряд разбило царское войско во главе с боярином Иваном Никитичем Романовым, подоспевшее из Козельска.

Битва продолжалась целые сутки («день да ночь») и носила ожесточенный характер. «Новый Летописец» сообщает: «Многое множество воров побито, языки многие приведоша». В плен попал и сам князь Мосальский (его привезли в Москву раненым, там он вскоре умер), в качестве трофеев войско Романова захватило артиллерию («наряд») и обоз. О крайне упорном характере боя свидетельствует тот факт, что когда поражение стало очевидным, значительная часть повстанцев предпочла покончить с собой:

«Они же окаянный узреша московские полки и възъяришася и оградишася санми, бе бо зима настоящи, и связаша кони и сани друг за друга, дабы нихто от них не избег, мняше себя пройти во град, и тако сплешася

вси. Московские же полки, наскочиша на них, яко крилати, и бысть сеча и избиша всех, последний же видевши свою конечную погибель зажгоша многия полки зелья /пороха/ и сами ту изгореша, яко 3000».

Смирнов, Цит. Соч.. с. 379

В начале марта войска Шуйского (во главе их стояли князь А. В. Хилков, ранее разбитый под Козельском, воеводы Григорий Пушкин и Сергей Ададунов) взяли небольшую крепость («острог») Серебряные Пруды, в Веневском уезде. Несмотря на упорную оборону («и с Прудов воровские люди многих ратных людей переранили, а иных побили»), осажденные вынуждены были сдаться, «видя свою погибель, что им не отсидетца», «и в острог пустили царя Васильевых людей и крест целовали царю Василью».

Сдача Серебряных Прудов стала большим успехом воевод Шуйского, ибо уже «назавтрее здачи пришли многие воровские люди с Украины на выручку Серебряным Прудам», во главе с воеводами — князем Иваном Мосальским* и «иноземцем литвином Иваном Сторовским». Тактам образом, помощь осажденным опоздала, и вместо «выручки» Серебряных Прудов Мосальский и Сторовский сами попали под удар царских войск. Произошел новый бой «от Серебряных Прудов версты за четыре», тоже завершившийся победой воевод Шуйского:

«Воровских многих людей побили и языки многие поймали и воровских воевод Ивана Масалковского и Ивана Сторовского взяли».

Все же эти поражения не смутили Болотникова и его сторонников в Калуге, они продолжали отважно защищаться. А тем временем в Тулу пришел из Путивля сильный отряд донских и терских казаков (более 4-х тысяч человек) под предводительством самозванца «царевича Петра» (якобы сына царя Федора Ивановича Годунова и Ирины Годуновой, то есть, «племянника царя Дмитрия»).** Там он соединился с отрядом, которым командовал черниговский князь Андрей Андреевич Телятевский — тот самый, чьим холопом был когда-то Иван Болотников.

Сильно воспрянув духом после побед на Вырке и у Серебряных Прудов, царь Василий во второй половине марта послал в поход на Тулу войско во главе с И.М. Воротынским, до того безуспешно осаждавшим Алексин. Ему была поставлена конкретная задача:

* Однофамилец князя Василия Мосальского.

** В действительности это был Илейка Муромец, молодой посадский человек из города Мурома. В конце 1605 года группа из 300 терских казаков избрала его своим атаманом и объявила «царевичем Петром Федоровичем». После падения Тулы в октябре 1607 года он вместе с Болотниковым оказался в плену у Василия Шуйского. По его приказу был повешен в начале 1608 года.

взять Тулу и захватить живым «царевича Петра». Однако боярин и здесь потерпел полную неудачу. Источники свидетельствуют:

«Боярин же князь Иван Михайлович Воротынский из Олексина поиде под Тулу, на Туле же в те поры воров было много. Воевода ж у тех воров князь Андрей Телятевский, и выде со всеми людьми, князя Ивана Михайловича розгоня, едва ушел в Олексин»...

«Петр Федорович со всеми своими силами выступил из Тулы и обратился в бегство всё московское войско, стоявшее под Тулой, так что предводители его, Воротынский, Симеон Романович и Истома Пашков, бежали вместе с прочими, и Петр меж тем занял еще некоторые укрепленные места неподалеку и поспешил возвратиться в Тулу, где снова утвердился».

Полное собрание русских летописей, том XV, с. 73; Масса П., Цит. Соч., с. 169

Вскоре после поражения Воротынского под Тулой (не позже 4 апреля), воеводы Хилков, Пушкин и Адауров пришли от Серебряных Прудов к Декилову (на реке Шата) и тоже были наголову разбиты:

«Воровские люди царя Васильевых людей розогнали и на побеге убили воеводу Сергея Одоурова, а ратные многие люди потонули в реке в Шату, и с того розгрому воеводы и ратные прибежали на Коширу».

Смирнов И. И. Цит. Соч., с. 386

Таким образом, поражение под Декиловым завершилось беспорядочным бегством царских войск, в ходе которого они бросили свое вооружение («запас») и потеряли значительную часть личного состава, включая воеводу Адаурова. Более того, после этого поражения острог Серебряные Пруды снова перешел под контроль войск гетмана И.И. Болотникова.

В конце апреля к Калуге пришел из Тулы большой отряд во главе с князем А.А. Телятевским, посланный «царевичем Петром» на выручку «людей дяди своего Димитрия». Навстречу ему вышли три полка из состава войск, осаждавших Калугу (во главе с воеводами Б. Татевым, М. Барятинским и А Черкасским). Но царские воеводы в битве 3 мая 1607 года у села Пчельня (в Михайловском уезде, недалеко от Калуги) понесли поражение. При этом погибли двое воевод — Татев и Черкасский. В «Разрядных книгах» эта битва упомянута следующим образом:

«Сошлись воеводы с казаки в селе Пчелне, и государевых воевод воровские люди побили многих, а иных живых поймали, а князь Бориса /Татев/ убили».

Диаментовский в «Дневнике Марины Мнишек» указывает, что войска Шуйского потеряли под Пчельней 14.000 человек. Даже если сократить эту цифру вдвое, все равно потери будут велики.

Важную роль в поражении воевод сыграл переход на сторону «царя Димитрия» довольно значительной части их войска, в первую очередь тех казаков Болотникова, что сдались Шуйскому в плен в Заборье 2 декабря прошлого года. Болотников ударом из Калуги следующим утром довершил разгром правительственной армии:

«Московиты были обращены в бегство и должны были с большими потерями в страхе снова отступить в свой лагерь под Калугой. На другое утро, очень рано, Болотников напал из Калуги на их шанцы и доставил им столько хлопот, что они бросили свои шанцы вместе с тяжелыми орудиями, порохом, пулями, провиантом и всем, что там было, и в сильном страхе и ужасе бежали из Москву, совсем очистив поле боя».

«А из Калуги вор Ивашка Болотников со всеми ворами вышел на боярские станы вылоскою, и бояре и воеводы с дастальными людьми отошли отходом в Серпухов»... «Наряд /пушки/ же весь под градом остался, и не только наряд, но и оружие и платие свое пометаша»...

Буссов К. Цит. Соч., с. 143; Смирнов И.И. Цит. Соч., с. 394

СРАЖЕНИЯ ПОД КАШИРОЙ И НА ВОСМЕ (июнь 1607 г.)

После победы у Пчельни князь Телятевский вернулся в Тулу:

«Тульские же воровы привели со Пчельни плененных живых в Тулу множество много московских вой... Петрушка /царевич Пётр/ повеле их на всяк день числом человек по десяти и больша посягати, а иных повеле зверем живых на съедение давати».

Смирнов И.И. Цит. Соч., с. 395

Болотников тоже перешел со своими силами в Тулу. Здесь он присоединился к «царевичу Петру», «боярином» которого формально являлся. Если бы повстанцы сразу выступили на Москву, они, скорее всего, взяли бы столицу. Но вожди повстанцев промедлили, что позже их погубило. Очевидец тех событий говорит прямо:

«Поистине, когда бы у мятежников было под рукой войско и они двинули бы его на Москву, то овладели бы ею без сопротивления. Так как они действовали медленно, то в Москве снова собрались с духом, отлично зная, как с ними поступят, и что они все с женами и детьми будут умерщвлены...- Так что они все поклялись защищать Москву и своего царя до последней капли крови; и снова снарядили в поход большое войско, и царь отправился вместе с ним».*

Масса. Цит. Соч., с. 170—171

Болотников позже все же решил еще раз попытаться овладеть Москвой. С этой целью он повел свое войско из Тулы по прямой

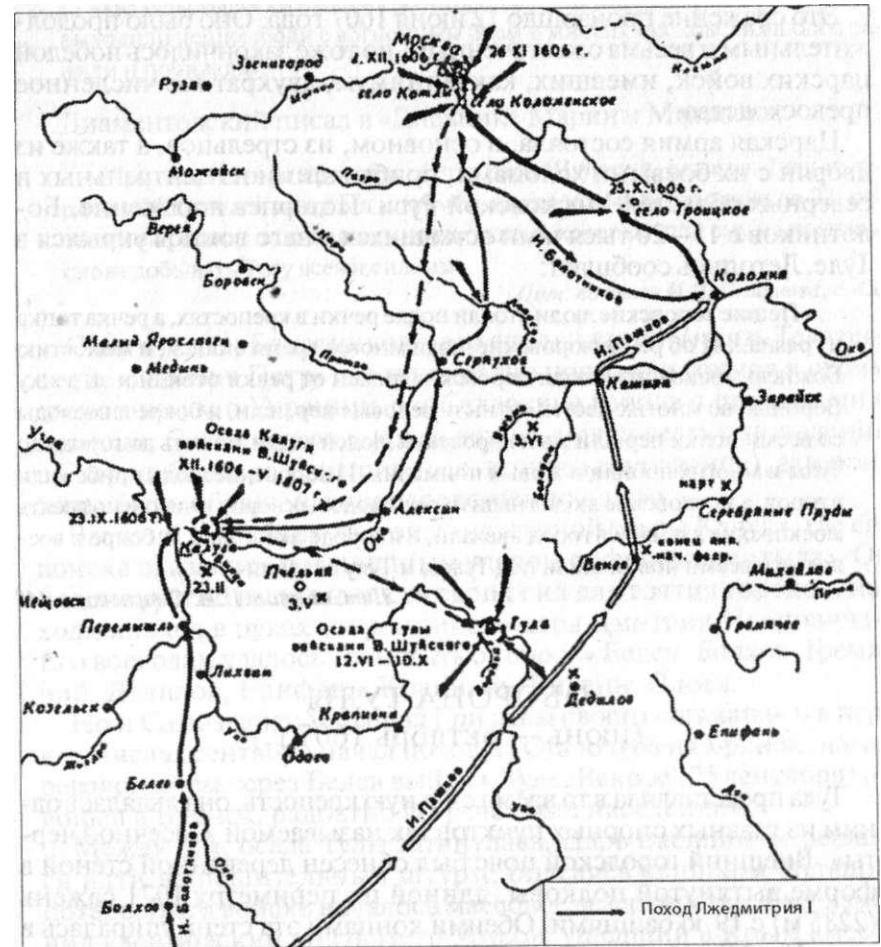
дороге на Серпухов. Но, узнав, что в Серпухов с большими силами прибыл царь (Шуйский выступил из Москвы 21 мая), и что туда пришли также и другие войска, Болотников решил повернуть к Кашире. Он хотел разгромить находившиеся там подразделения князей А.В. Голицына и Б. М. Лыкова, усиленные рязанскими полками воевод Ф. Булгакова, Г. Сунбулова и П. Ляпунова, а затем пойти на Коломну и по коломенской дороге — к Москве, где в это время правительственных войск не было.

5 июня 1607 года близ Каширы, на реке Восме (недалеко от места впадения ее в Беспути), произошло сражение объединенного войска Болотникова и Телятевского с царским войском. У повстанцев было от 20 до 30 тысяч человек, но у противника больше. Царские войска встретили повстанцев на правом (южном) берегу реки Восмы; в их тылу, на левом берегу реки, расположился резервный отряд, состоявший из рязанских дворян.

Битва началась с «огненного боя» (артиллерийской перестрелки) и мелких стычек конницы. Затем Болотников ввел в бой отряд «казаков пеших с вогненным боем» (до 2 тысяч человек). Они перешли Восму вброд и на левом берегу заняли овраг, возле которого стояли рязанцы. С этой позиции казаки стали обстреливать рязанцев и своим «огненным боем» наносили им потери: «людей ранили и самих и лшпадей побивали». Тем временем на южном берегу развернулась основная битва. Кровавопролитное сражение в целом складывалось успешно для повстанцев.

Но во второй половине дня воеводы, командовавшие резервным полком рязанцев, приняли смелое решение: оставить заслон против засевших в овраге казаков, а самим перейти Восму и броситься на помощь основным силам. Личным примером они увлекли в атаку колебавшихся ратников. Удар резерва, а также последовавший вскоре за ним переход 4-тысячного отряда некоего Телетина (не путать с князем Телятевским) из войска Болотникова на сторону противника, решили исход сражения в пользу царских воевод. К вечеру Болотников и Телятевский потерпели серьезное поражение. Они спешно отступили к Туле, бросив весь обоз, знамена и пушки.

В погоню за ними устремилась часть «бояр». Остальные царские войска атаквали оставшийся за рекой казачий отряд. Еще два дня шел бой с казаками, укрепившимися в овраге на левом берегу. Казаки сражались с беззаветной храбростью и воинской доблестью. На предложения сдаться они отвечали, что лучше им «помереть, а не здатца». Но, когда у них кончился порох, все же оказались в плену и на следующий день были казнены. К тому моменту их оставалось в живых около 1700 человек. Пощадили лишь семь человек — по просьбе нескольких дворян из Нижнего Новгорода и Арзамаса, за которых эти семеро когда-то заступились.

Схема передвижений войск Болотникова и Пашкова

В 7 верстах от Гулы Болотников и Телятевский остановились на берегу реки Вороньей (или Воронки) и решили дать здесь новый бой войскам Шуйского (около 40 тысяч человек). Недостаток сил они попытались восполнить возведением полевых укреплений вдоль высокого берега реки.

Как указывает И.И. Смирнов, войска Болотникова были расположены вдоль всего нижнего течения Вороньей, от самого устья (при впадении в реку Упу) до Малиновой засеки, что в двух верстах от Ясной Поляны. Очевидно, план гетмана состоял в том, чтобы использовать реку Воронью как рубеж, запирающий подходы к Туле между рекой Упой и Малиновой засекой.

Это сражение произошло 12 июня 1607 года. Оно было продолжительным и весьма ожесточенным, но тоже закончилось победой царских войск, имевших, как минимум, двукратное численное превосходство.

Царская армия состояла, в основном, из стрельцов, а также из дворян с их боевыми холопами, прибывшими из центральных и северных областей Московской Руси. Потерпев поражение, Болотников с 15—20 тысячами оставшихся у него воинов укрылся в Туле. Летопись сообщает:

«Пешие воровские люди стояли подле речки в крепостях, а речка топка и грязна... И об речке воровские люди многое время билися, и милостию Божиею московские люди воровских людей от речки отбили и за речку Воронью во многих местах сотни передовые перешли, и бояре и воеводы со всеми полки першли жь и воровских людей учили топтать до города до Тулы и многих побили и живых поймали... И воровские люди прибежали в город, а московские люди гнали их до городских ворот, а человек здесять московских людей и в город въехали, и в городе их побили. А бояре и воеводы со всеми полки стали под Тулою и Тулу осадили».

Цит. по книге И. И. Смирнова, с. 445

ОБОРОНА ТУЛЫ (июнь — октябрь 1607,г.)

Тула представляла в то время сильную крепость, она являлась одним из главных опорных пунктов так называемой «Засечной черты». Внешний городской пояс был обнесен деревянной стеной в форме вытянутой подковы, длиной по периметру 1071 сажень (2285 м) с 19-ю башнями. Обеими концами эта стена упиралась в реку Упу. Внутри деревянного города стоял каменный замок (кремль), его периметр был 490 сажень (1035 м). Городские строения от деревянной стены отделяли глубокий ров и «улица».

Планомерная осада Тулы началась 30 июня, когда к городу подошли основные силы царских войск во главе с самим Василием Шуйским и была подвезена осадная артиллерия.

Общую численность этих сил источники оценивают в 100 тысяч человек, что, несомненно, является преувеличением в полтора — два раза. У Болотникова, Телятевского и «царевича Петра» в Туле было около 20 тысяч человек «воров», не считая местного населения.

Осада продолжалась три с половиной месяца — до 10 октября. Повстанцы не потеряли боевого духа. Они не только отбили несколько приступов, но и сами совершали смелые вылазки:

«Ис Тулы вылоски были на все стороны по трожды и по четырежде, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих мрсковских людей ранили и побивали».

Диаментовский писал в «Дневнике Марины Мнишек»:

«Пришла весть /в Ярославль/, что царь Шуйский, осаждая Тулу, потерял до 2000 людей во время штурмов, число которых доходило до 22; поэтому он решил, дождавшись новгородцев, которые шли ему на помощь, снова добывать Тулу всеми силами».

*

Цит. по книге И. И. Смирнова, с. 453

Сидя в осаде, Болотников и его сподвижники (князь Телятевский, «царевич Петр») неоднократно посылали гонцов к своим сторонникам в Украинные и Северские города с призывами о помощи. С конца июля, когда до них дошла весть о появлении в Стародубе «царя Дмитрия» (т.е. второго самозванца), эти призывы были обращены непосредственно к нему.

Василий Шуйский учел опыт неудачной осады Калуги, где его войска оказались под двойным ударом с «фронта» и «тыла». Он неоднократно выделял часть своих сил для взятия городов, находившихся в руках сторонников «царя Дмитрия Ивановича». Его воеводам удалось «очистить от воров» Белев, Волхов, Гремячий, Дедилов, Епифань, Крапивну, Лихвин, Одоев.

Но и Самозванец услышал призывы своего «гетмана» и в первых числах сентября начал поход из Стародуба на Брянск, намереваясь затем через Белев выйти к Туле. Вскоре (25 сентября) он вошел в Брянск, радостно встреченный населением.

Между тем, осада Тулы затянулась. Царь Василий не решался идти на решительный штурм, опасаясь слишком больших потерь. В его войске началось массовое дезертирство. Ему изменил касимовский князь Петр Урусов, ушедший в Крым вместе со своими мурзами, позже переметнувшийся на сторону Самозванца (а еще позже ставший его убийцей).

Несомненно, что осада завершилась бы полным разгромом царских войск, если бы не одно хитроумное предприятие. Им удалось затопить Тулу. Проект «потопления» еще в июле предложил «муромец сын боярский Иван Сумин сын Кровков». Проект отличался смелым замыслом. При впадении в Упу реки Вороньей была сооружена высокая плотина, тянувшаяся на полверсты.

К постройке плотины «из иструбов, набитых землею», приступили в самом начале августа, а в действие она была введена через два месяца*В результате сооружения плотины половина города оказалась затопленной.

После этого положение осажденных, уже давно испытывавших нехватку продовольствия, стало критическим. Под давлением горожан, не желавших страдать от голода и наводнения, Болотников, Телятевский и «царевич Петр» вступили в переговоры с Василием Шуйским.

Царь тоже находился между двух огней: с одной стороны, защитники Тулы («воровские люди»), в отличие от местных жителей, собирались не только стоять до последнего, но и выйти на прорыв навстречу войскам «царя Дмитрия». Между тем, Меховецкий и Будзила — командиры передовых частей Самозванца — 8 октября взяли штурмом Козельск. До Тулы из Козельска оставалось около 120 верст, не более четырех — пяти дней пеших переходов. Поэтому царю пришлось согласиться на условия сдачи города, выдвинутые вождями повстанцев:

1) Всем участникам обороны Тулы разрешается уйти с оружием в руках туда, куда они пожелают;

2) Тех, кто захочет вступить в царское войско, примут на службу без всяких препятствий;

3) Князьям Телятевскому и Шаховскому, гетману Ивану Болотникову и «царевичу Петру» была обещана личная свобода.

С М. Соловьев по поводу переговоров и условий сдачи пишет:

«Шуйский, имея уже на плечах второго Лже-Дмитрия, естественно должен был хотеть как можно скорее избавиться от Лже-Петра и Болотникова и потому обещал помилование...

/Болотников/, не имевший средств узнать истину касательно событий /не знал, когда придут на помощь войска Самозванца — А.Т./, мог в самом деле думать, что исполнил свой долг, если до последней крайности верно служил тому, кому начал служить с первого раза».

Цит. по книге И. И. Смирнова, с. 484

Итак, 10 октября 1607 года повстанцы открыли городские ворота. Царь Василий Шуйский в основном выполнил условия договора о сдаче. Казаки и прочие «воровские люди» беспрепятственно разошлись кто куда. Лишь Илейку Муромца (царевича Петра) и Ивана Болотникова царь не отпустил на волю. Илейку отвезли в Москву и, продержав несколько недель в тюрьме, повесили (в январе или феврале 1608 года) на Серпуховской дороге, недалеко от Данилова монастыря. Болотников остался в оковах в Туле. В Москву его доставили лишь в конце ноября, а марте 1608 года сослали в Каргополь.* Там через 6 месяцев его ослепили и в конце года утопили.

* Каргополь — небольшой город на реке Онега, в нынешней Архангельской области.

Обычно расправу с ним изображают как коварный умысел Василия Шуйского. Между тем этот вопрос не так прост, как кажется. Во-первых, ряд источников свидетельствует, что Болотников пытался использовать переговоры с царем в качестве тактического приема («устроить некоторую штуку»). Он хотел ценой потери Тулы обмануть Шуйского, чтобы спасти свое войско и самого себя. Но царь разгадал его истинные намерения и потому держал в Туле до тех пор, пока все войско «гетмана» не разошлось в разные стороны.

Во-вторых, и под арестом в Москве, и по пути в Каргополь, и в ссылке Болотников вел себя вызывающе. Так, он постоянно угрожал царским приставам и каргопольскому воеводе: «Погодите, придет мое время, я вас всех закую в железо, зашью в медвежьи шкуры и брошу псам!» Воевода терпел-терпел, да и взял грех на душу — велел сначала ослепить, а потом и утопить смутьяна. В Москве к тому времени были уже другие проблемы, посему такое своеволие сошло воеводе безнаказанно.

ВОЙНА «ТУШИНСКОГО ВОРА»

ПОЯВЛЕНИЕ ВТОРОГО САМОЗВАНЦА

Слухи о том, что царь Дмитрий остался жив, что вместо него убили кого-то другого, появились среди москвичей еще в день убийства 17 мая 1606 года. Якобы ему удалось бежать вместе со своим «комнатным служителем» Михаилом Молчановым. Тем более этим слухам поверили в отдаленных городах, особенно на юго-западе страны, в Северной земле. Произошло уникальное в истории явление. Города выходили из подчинения центральной власти и переходили на сторону «царя Дмитрия», под его знаменами выступила армия «царского гетмана» Ивана Болотникова. Но все это делалось без его самого.

Более года, с мая 1606 по июнь 1607 гг., в Московской Руси шла кровопролитная гражданская война во имя царя Дмитрия, однако сам он отсутствовал.

Но вот, наконец, 12 июня 1607 года в городе Стародуб на Северщине царь Дмитрий Иванович объявился. Ни его современники, ни позднейшие историки не имели точных данных о нем. По наиболее достоверным сведениям, вторым самозванцем стал Дмитрий Нагой, сын стрельца из Стародуба. Подругой версии, им был поповский сын Матвей Вережкин из Северной земли, по третьей — еврей Богданко из города Шклов (тогда на территории ВКЛ, ныне в Беларуси).*

В «Баркулабовской летописи» о появлении Лже-Дмитрия II сказано так:

«Того ж року 1607, месяца мая, после сего субботы, ишол со Шклова и з Могилева на Попову гору якийсь Дмитр Иванович; менил себе быти оным царем московским, который первой того Москву взял, и там же оженився. Бо тот Дмитр Нагий был напервей у попа шкловского именем (про-

* Третья версия наименее убедительна, однако именно ее горячо отстаивают современные российские «национал-патриоты». Еще бы! Вот он, заговор сионистов в чистом виде.

пуск в тексте), дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева при-
шол, также у священника Федора Сасиновича Николского у селе дети
учил. А сам оный Дмитр Нагий мел господа у Могилеве у Терешка, кото-
рый проскуры заведаль при церкви святого Николы. И прихожувал до того
Терешка час немалый, каждому забегаючи, послугуючи; а мел на себе оле-
ные плохие, кожух плохий, шлык багряный, в лете в том ходил. А коли были
почали познавати онаго Дмитра Нагого, в тот час в Могилеве на село Онис-
ковича Сидоровича аж до Пропойска увышол. Там же у Пропойску были
его поймали, во везенью седел. А потом пан Рагоза, врядник чечерский, за
ведомостью пана своего его милости Зеновича, старосту чечерского, онаго
Дмитра Нагого на Попову Гору, то ест за границу Московскую пустил, со
слугами своими его цропровадил.

А коли приехал до москвы, то ест Поповы Горы, там же его москва по
знаках царских и по писанных листах, которые он, утекаючи з москвы по
замках написавши давал, — через тые уси знаки его познали, иж он ест
правдивый певный царь восточный Дмитр Иванович, праведное слонце.
Тут же почали радоватися, в шаты, убиоры кошовные одѣли; потом кон-
ного люду семсот до него прибегло. Тут же почал лысты писати до Моги-
лева, до Оршы, до Мстиславля, Кричева, до Менска и до всех украинных
замков, абы люде рыцерские, люде охотные до онаго Дмитра Нагого при-
бывали, гроши брали его. И заразом с Поповы Горы оный Дмитр Нагий,
сѣл мнимый царь московский, осел замок московский Стародуб».

Столь солидные российские историки, как С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, М.Н. Покровский, С.Ф. Платонов считали, что Лже-Дмитрий II появился независимо от поляков. По их мнению, его кандидатуру выдвинули северские служилые люди и казаки, ненавидевшие Шуйского, а поляков и литвинов он использовал как наемников.

Но советские историки сталинской эпохи, когда особенно пышно расцвели теории всевозможных «иностранных заговоров» против старой и новой Руси, начали усердно выставять второго Самозванца польской марионеткой.

Якобы с его помощью польско-литовские паны задумали осуществить интервенцию в Московскую Русь, дабы лишить ее независимости, а всех православных СИ-

Второй Самозванец

Итак, стародубцы собрали деньги «государю» и стали рассылать грамоты по городам, чтобы посылали к ним ратных людей:

В августе 1607 года в Стародуб пришел из Литвы отряд мозырского хорунжего Осипа Будзилы (до 700 конных литвинов). А из Тулы тогда же прибыл от Болотникова с письмом, содержавшим просьбу о помощи, казачий атаман Иван Заруцкий. Раньше он никогда не видел Лже-Дмитрия I, но Стародубцев уверил, что это «настоящий царь». В благодарность за это Лже-Дмитрий II поспешил ввести Заруцкого в «боярскую думу», заседавшую в Стародубе.

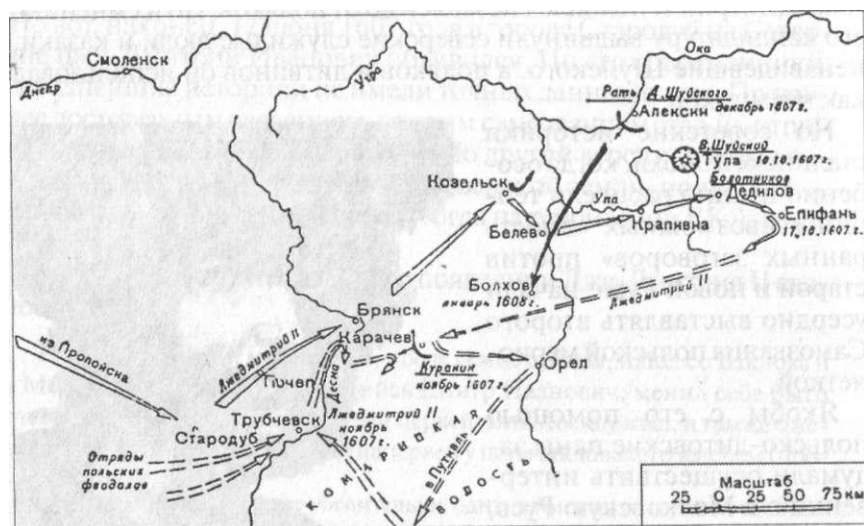
В Брянск «царь добрый» вступил 25 сентября. Жители встретили его колокольным звоном, все они вышли навстречу. То же самое

Сюда к нему стали пробираться остатки разгромленных войск «гетмана» Болотникова и «царевича Петра». Прибыли по его приглашению новые, наемники из Литвы. Так, 2 октября пришел Валентин Валавский, с ним 500 всадников и 400 пехотинцев. Затем Самуил Тышкевич: 700 всадников, 200 пехотинцев. Пришла конная хоругвь Александра Лисовского: 100 всадников. «Баркулабовская летопись» сообщает:

Несколько раньше (в сентябре 1606 года) в Речи Посполитой произошел мятеж (рокош) шляхты под предводительством краковского воеводы Николая Зебжидовского. Рокош в этом государстве был делом вполне обычным: на то и существовали шляхетские вольности. Но поскольку мятеж не привел к успеху, все его участники оказались под угрозой серьезных наказаний, вплоть до смертной казни. Служба под знаменами «царя Дмитрия» стала для многих из них наилучшим средством выхода из неприятной ситуации.**

Начиная с момента пребывания в Орле, Лже-Дмитрий рассылал грамоты по городам Московской Руси, призывая население переходить на его сторону и присылать к нему ратных людей. Историк

** Зебжидовский заявил о том, что прекращает вооруженную борьбу 1 октября 1606 г.

Поход Лже-Дмитрия II к Туле

XVIII века В.И. Татищев писал о том, каким образом Самозванцу удалось привлечь на свою сторону массу людей:

«Стоя в Орле, посылал от себя ко всем городам грамоты с великими обещаниями милостей, междо прочим, всем крестьянам и холопам прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял, и тем почитай весь простой народ к себе привлек».

Что касается служилых людей, то им он щедро раздавал земли. Так, в одном лишь Арзамасском уезде «царь Дмитрий» пожаловал землей 47 человек. пожалования производились, в основном, за счет владений местных «детей боярских» и помещиков, находившихся на службе у царя Василия Шуйского.

ПОХОД САМОЗВАНЦА НА МОСКВУ

(апрель — июнь 1608 г.)

В середине апреля 1608 года, через полгода после падения Тулы, армия Самозванца (до 25 тысяч человек), под командованием гетмана Рожинского, двинулась от Орла к городу Волхову. Царь Василий послал навстречу «вору» своего брата Дмитрия Шуйского и князя Василия Голицына с 30-тысячной ратью.

11 мая у деревни Каменка, в 10 верстах от Волхова (город в верхнем течении Оки, в нынешней Орловской области) они сразились с отрядами Рожинского. Первым вступил в бой полк воеводы Василия Голицына, но был опрокинут и бежал. Положение восстановил ввод в бой полков под командованием князя Куракина. В результате первый день сражения не дал перевеса никому.

На следующее утро битва возобновилась. Дмитрий Шуйский действовал нерешительно, а в самый разгар боя велел отвезти пушки к Волхову. Его войска восприняли это как сигнал к отступлению. Тем временем Рожинский, извещенный перебежчиками о пораженческих настроениях противника, решительно атаковал армию Шуйского и обратил ее в бегство. Началось общее отступление, вскоре перешедшее в паническое бегство. «Воровские» отряды захватили много пушек и большой обоз с продовольствием.

% %

После этого сражения Волхов сдался без боя. Дальнейший поход на Москву напоминал триумфальное шествие. Города встречали Самозванца хлебом-солью и колокольным звоном.

1 июня Лже-Дмитрий вышел к Москве-реке. Царские воеводы, караулившие самозванца на Тверской дороге, упустили его. На рассвете 4 июня Рожинский наголову разбил их на реке Ходынке.

Царь Василий послал из Москвы новое войско во главе с князем М.В. Скопиным-Шуйским и боярином И.Н. Романовым. Царские полки заняли позицию на реке Незнамя между городами Подольск и Звенигород. На поиск переправы были направлены разъезды, которые донесли, что «вор поиде под Москву не тою дорогою». Рожинский обходил их справа, идя из Звенигорода на Вязьму в направлении Москвы. Одновременно в войске была обнаружена измена. Как сказано в летописи, в полках «нача быти шатость: хотяху царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Из-за этой «шатости» царь Василий приказал своему войску срочно возвращаться в Москву. Войско же Самозванца беспрепятственно подошло к столице 1 июля. Однако для ее штурма сил у «вора» не хватало. Рожинский предложил обойти столицу с севера и оседлать Ярославскую дорогу, чтобы воспрепятствовать подходу войск и обозов с продовольствием из северных земель. Армия Самозванца расположилась в селе Тайнинском.

Но вскоре выяснилось, что отряды Шуйского заблокировали ее коммуникации с Литвой и северскими городами. Поэтому было решено перебазировать войско к западу от Москвы. Рожинскому удалось отбросить отряды Шуйского, стоявшие на Тверской дороге. Затем «воры» перешли на Волоколамскую дорогу, где нашли удобное место для стоянки — в селе Тушино (с 1960 года в черте Москвы), между реками Москва и Восток. Здесь они устроили лагерь, который в течение нескольких месяцев обустроился и превратился в довольно большой деревянный город. Его обитателей московские власти и жители окрестности «тушинцами», а самого Лже-Дмитрия II — «Тушинским вором».

Князь Михаил Скопин-Шуйский и боярин Иван Романов с войском встали напротив Тушино, по берегу реки Ходынка.

В первых числах августа 1608 года в Тушино прибыл из Литвы староста Усвят, князь Ян-Петр Сапега.* У него было около 1700 профессиональных воинов-наемников, ранее воевавших в Ливонии. Еще на подходе к ставке «царя Дмитрия», 29 июля, эти «солдаты удачи» подписали акт конфедерации, где было сказано, что их целью является восстановление «попранной справедливости великой царицы московской», т.е. Марины Мнишек.**

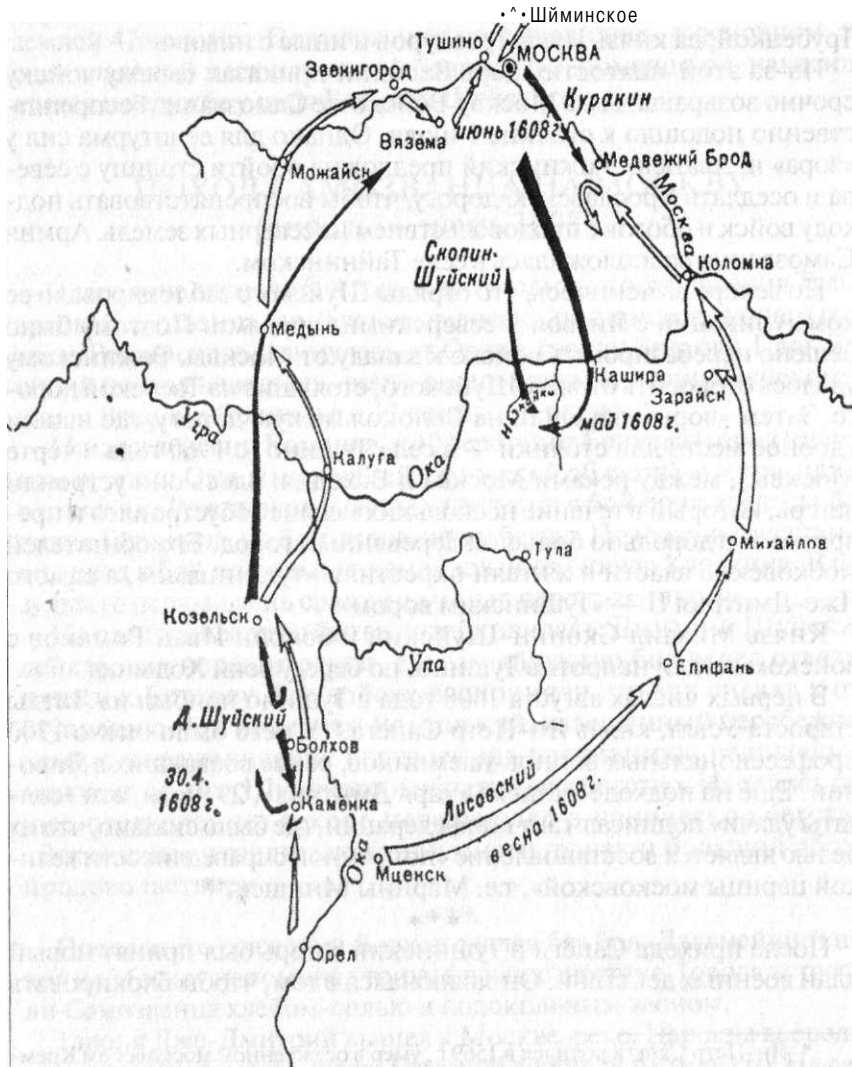
*

После прихода Сапеги в Тушинский лагерь был принят новый план военных действий. Он заключался в том, чтобы блокировать

* Ян-Петр Сапега родился в 1569 г., умер в осажденном московском Кремле в 1611 г. Двоюродный племянник верховного гетмана ВКЛ Льва Сапег.

** См.: Виснер Х. Лисовичи. С. 49.

Ян-Петр Сапега двинулся к монастырю 19 сентября, у него было до 16 тысяч ратников. Царь Василий пытался сопротивляться ту-

Поход Лже-Дмитрия II на Москву

Противники встретились в сентябре 1608 года у подмосковной деревни Рахманцово. Отряд Сапеги дважды атаковал полки Шуйского, но получил отпор. Во время второй атаки гетман был ранен в лицо.

Правительственные войска не выдержали отчаянного натиска и побежали с поля боя, «как стадо овец». Иван Шуйский вернулся в Москву почти без армии. Большинство воинов просто разошлось по домам и решило ждать развязки борьбы между «царями» Василием и Дмитрием. Одержав победу в поле, Сапега вскоре прибыл к Троице-Сергиеву монастырю и начал его осаду.

Весной 1608 года в Москву прибыли послы короля Сигизмунда III. Они в категорической форме потребовали от Василия Шуйского отпустить в Речь Посполитую поляков и литвинов, удерживавшихся москвитами с мая 1606 года. По договору об очередном продлении Ям-Запольного перемирия, подписанному 25 мая сроком на 3 года и 11 месяцев (с 20 июля 1608 года по 20 июня 1612), царь Шуйский согласился отпустить всех, кроме Марины Мнишек.* Ведь она, в отличие от Лже-Дмитриев I и II, не была самозванкой и русской царицей стала официально (кстати говоря, ее коронация была первой, до того ни одну из великокняжеских и царских жен такой чести не удостоили).

Однако в Тушино узнали об этом. На перехват конвоя царицы устремился отряд пана Зборовского. Князь Долгорукий предложил изменить маршрут, чтобы уйти от погони, но Юрий Мнишек отказался. Не исключено, что он успел достичь како-

* Напомним в этой связи, что предыдущий договор о продлении указанного пермирия был подписан 11 марта 1601 года сроком на 20 лет. Однако с тех пор власть в Московском государстве поменялась дважды. Видимо, на данной почве и возникла необходимость нового подтверждения прежних договоренностей.

го-то предварительного соглашения с Лже-Дмитрием II. В результате Заборовский перехватил Мнишков со спутниками.*

После захвата Марина и Юрий были препровождены в Царево-Займище, где находился Ян-Петр Сапега, направлявшийся в Тушино со своим отрядом наемников. 1 сентября Сапега подошел к Тушино и остановился в одной версте от стана. 5 сентября Лже-Дмитрий имел первое тайное свидание со своей «супругой» и ее отцом. Марина и раньше знала, что этот человек — не ее бывший муж, но теперь она смогла лично в этом убедиться.

Стороны достигли соглашения, согласно которому Марина не должна была исполнять супружеские обязанности до тех пор, пока Самозванец не сядет на трон в Москве. Поэтому рассказы некоторых польских авторов о тайном венчании по католическому обряду, состоявшемся в тот день, суть выдумки. Наконец, 10 сентября Марина торжественно прибыла в Тушино. При виде Самозванца она изобразила изумление и радость. Она низко поклонилась «чудесно спасшемуся супругу», а тот поднял ее и нежно обнял. Понятно, что такое «признание» значительно укрепило позиции нового Самозванца среди его приспешников.

Юрий Мнишек пробыл в Тушинском лагере 4 месяца — до начала января 1612 года. За это время он сумел выторговать у Лже-Дмитрия, в качестве платы за свою дочь-царицу в вечное владение Северске княжество с четырнадцатью городами. Кроме того, Самозванец пообещал заплатить ему 300 тысяч рублей, как только вступит в столицу. Затем пан Юрий уехал в свой родной Сандомир и на Руси никогда больше не появлялся.

Ну, а Марине нужда уезжать исчезла: венценосный супруг «нашелся», ее долг — быть рядом с ним. Видимо, она решила посмотреть, чем кончится дело. А вдруг и правда снова станет московской царицей?

ТУШИНСКОЕ «СИДЕНИЕ» (август 1608 — декабрь 1609 гг.)

Как уже сказано, 25 мая 1608 года правительство царя Василия Шуйского и король Сигизмунд III заключили новый договор о

* Ряд русских историков утверждает, будто бы Марина сама вступила в тайную переписку с Лже-Дмитрием II. Дескать, она хотела приехать в Тушино, просила выслать ей вооруженную охрану и проводника, знающего «окольные пути». Все эти утверждения основаны на одном и том же источнике — дневнике ее бывшего гофмейстера Мартына Стадницкого, опубликованного в русском переводе в 1906 году. Однако Стадницкий и в этом эпизоде, и в большинстве других лишь пересказывает слухи, чем сильно отличается в худшую сторону от записок Буссова, Массы и других прямых участников событий Смутного времени.

продлении Ям-Запольного перемирия. Одним из его условий стало обязательство властей Речи Посполитой выдавать всех поляков и литвинов, поддерживающих Лже-Дмитрия II, впредь никаким самозванцам не верить и за них не вступаться.

Еще до заключения этого договора в ставку Лже-Дмитрия, находившуюся тогда в Звенигороде, прибыл специальный посланник Борзковский, который от имени короля и сейма Республики потребовал, чтобы поляки и литвины, служившие Самозванцу, покинули пределы Руси. Однако гетман Рожинский дал ему от имени всех воинов категорический отказ.

Формально теперь в тушинском лагере были и царь и царица. Тушино стало как бы второй столицей Московии. Была тут и «воровская» Боярская дума, которую возглавили Михаил Салтыков и Дмитрий Трубецкой, то есть светская власть была в полном составе. Не хватало только патриарха.

В сентябре 1608 года Ян-Петр Сапега со своим отрядом по пути к Троице-Сергиеву монастырю подошел к Переяславлю-Залесскому. Город сдался без боя, жители присягнули «царю Дмитрию». Далее Сапега пошел к Ростову Великому. Этот город отказался добровольно признать Самозванца. Дело в том, что он имел совершенно уникальный состав населения: на 400 дворов посада приходилось 70 церквей! Большинство дворов принадлежало духовенству. Церковники сумели удержать население от присяги Самозванцу, но оказались не в силах организовать достойное вооруженное сопротивление. Местный воевода Третьяк Сеитов вышел в поле навстречу противнику с «малыми силами» и был разбит. После этого в Ростове «воров» хлебом-солью встретил митрополит Филарет.

Позже русские историки утверждали, что литвины насильно посадили беднягу Филарета в простые сани и отвезли в Тушино. И что ехал он в простой меховой шапке и в простых сапогах. Ну, это вполне можно допустить. У «полевого командира» Сапег не было шикарных возков, отделанных золотом, да и время поджимало. Но что обычно делали в те времена с пленниками? Казнили, бросали в темницы, меняли на

Ян-Петр Сапега. Худ. В. Гондиус

Патриарх Филарет (Романов)

своих людей, отдавали за выкуп. Никто не предлагал пленникам стать главой церкви. Так что Филарет, скорее всего, сам вызвался сотрудничать. Например, архиепископа Тверского Феокиста, не пожелавшего признать «вора», тушинцы убили.

В Тушино «царь Дмитрий» объявил Филарета патриархом. Тот рьяно приступил к своим новым обязанностям: совершал богослужения и рассылал по всей стране грамоты, призывая покориться царю Дмитрию. Под грамотами он подписывался: «Вели-

кий Господин, преосвященный Филарет, митрополит Ростовский и Ярославский, нареченный патриарх Московский и всея Руси».

В Тушино сбежали родственники Филарета по женской линии — Сицкие и Черкасские. Туда же прибыл муж сестры Филарета (Иринты Никитичны) — Иван Иванович Годунов, поставленный царем Василием воеводой во Владимире, жители которого тоже присягнули Тушинскому урочу.

Итак, в стране возникло двоевластие: существовали два правительства: царя Василия IV Ивановича в Москве и царя Дмитрия II Ивановича в Тушино.

В стане Самозванца были созданы собственные государственные органы — приказы. «Царь Дмитрий» назначал своих воевод, раздавал поместья, должности и жалованье тем, кто переходил к нему на службу. В Тушино потянулись представители разных сословий (и казаки, и дворяне, и крестьяне) в надежде повысить свой социальный статус и получить привилегии. Были такие ловкачи, которые перебежали, а затем возвращались обратно, требуя при каждом переходе «чины и земли». Их москвичи называли «тушинскими перелетами». По этому поводу С. М. Соловьев отметил:

«Крестьяне, например, собирались вовсе не побуждаемые сословным интересом, не для того, чтоб, оставаясь крестьянами, получить большие права: крестьянин шел к самозванцу для того, чтобы не быть больше крестьянином, чтобы получить выгоднейшее положение, стать помещиком вместо прежнего своего помещика; но подобное движение произошло во всех сословиях: торговый человек шел в Тушино, чтобы сделаться приказ-

ным человеком, дьяком, подьячий — чтобы сделаться думным дворянином, наконец, люди родовитые, князья, но молодые' не надеявшиеся по разным отношениям когда-либо или скоро подвинуться к боярству в Москве, шли в Тушино, где образовался особый двор в противоположность двору московскому».

Православный историк-монархист Соловьев не захотел, вернее, не мог сказать то же самое о церковниках. За него это сделал польский автор Казимир Валишевский:

«Вслед за Фуларетом, этой пародией на патриарха, вся церковь ринулась, очертя голову, в тину: священники, архимандриты и епископы оспаривали друг друга милости Тушинского вора, перебивая друг друга должностями, почести и доходы ценою подкупа и клеветнических изветов. Вследствие этих публичных торгов епископы и священники сменялись чуть ли не каждый месяц. Во всем царил анархия: в политике, в обществе, в религии и в семейной жизни. Смута была в полном разгаре».

Взятие тушинцами Ростова Великого повлекло за собой сдачу соседних городов: Ярославля, Вологды и Тотьмы. На юге на сторону Лже-Дмитрия II перешла Астрахань, на северо-западе — Псков. Однако создать четкую систему управления на присягнувших ему землях Самозванцу не удалось. Там фактически царил «беспредел». С одного и того же села либо городка могли взять контрибуцию и казаки Рожинского, и литвины Сапеги, и бандиты Лисовского.

Во Владимирской земле зверствовал какой-то Наливайко, однофамилец знаменитого казачьего атамана Северина Наливайко, казненного в Варшаве в 1597 году. Он отметил свой путь ужасными оргиями, сажая на кол мужчин, насилая женщин. По свидетельству Сапеги, который ему покровительствовал, только в одной деревне он собственными руками зарезал 93 человека обоего пола. Кончились его приключения тем, что Рожинский, конкурент Сапеги, велел схватить и повесить мерзавца. По приказу Рожинского был убит и его конкурент на цосту гетмана, пан Меховецкий, вновь явившийся в армию Самозванца.

ШШ
ЩЩ
ЩЩ

• |

Тушинский боярин
Д. Трубецкой

Ни та, ни другая сторона не могла победить окончательно. За Шуйского никто не хотел класть голову, а Самозванца реально поддерживали только литвины с поляками, да казаки, которых было, во-первых, недостаточно, а во-вторых, судьба вождя мало их волновала. Они преимущественно грабили местное население. Грабежи заставили жителей городов «садиться в осаду»: закрывать ворота и не пускать тушинцев. Но противостоять профессиональным головорезам они не могли. Тушинцы, особенно поляки и литвины, брали город за городом, крепость за крепостью. Деревянные замки («крепостицы») и деревни они сжигали, горожан и крестьян обирали до нитки, словом, вели себя так, как действует деморализованная солдатня в завоеванной стране.

И все же с осени 1608 года в ряде мест «тушинские воровы» стали получать отпор. При этом народ защищал уже не царя Василия Шуйского, а свое имущество, свои жилища и свои семьи. Так, 5 января 1609 года конный отряд «воров» появился в окрестностях маленького города Устюжной Железнопольской. Гарнизона в нем никогда не было, но из Москвы для организации обороны прислали воеводу Андрея Петровича Ртищева, а с Белоозера подошли 400 ополченцев. У деревни Батневка Ртищев сразился с литвинами. Устюжане и белоозерцы мало что смыслили в ратном деле, и, как гласит летопись, «литовцы покосили их как траву».

Однако Жители Устюжной не пали духом. Они построили укрепления. В 60-и верстах от Устюжной находились залежи железной руды, в городе было свыше 30-и кузнечных мастерских. За четыре недели в них изготовили или доделали более 100 пушек и крепостных пищалей.

3 февраля 1609 года к Устюжной подошел отряд атамана Козаковского. Литвины полезли на деревянные стены городка, но были встречены сильным огнем. Понеся большие потери, они отступили. 8 февраля, получив подкрепление, литвины и казаки снова приступили к Устюжне с двух сторон, и снова вынуждены были отступить с большими потерями, и после этого уже не возвращались. Вплоть до 1918 года устюжане 10 февраля праздновали спасение своего города от «воров» крестным ходом, в котором носили чудотворную икону Богородицы.

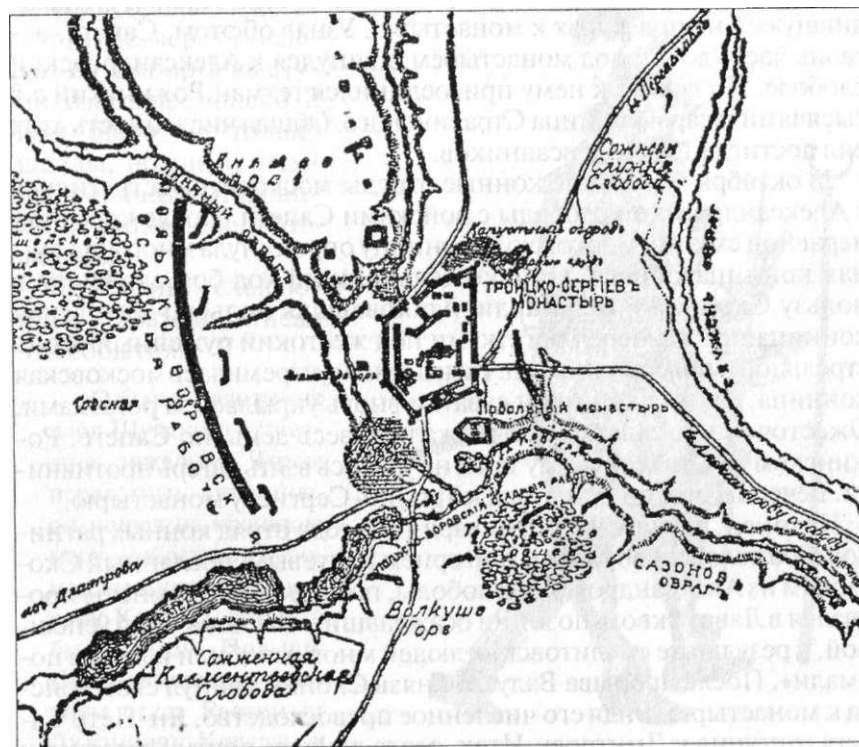
ОСАДА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ (сентябрь 1608 — январь 1610 гг.)

Как уже сказано, отряд Яна-Петра Сапеги отправился к Троице-Сергиевому монастырю. К нему вскоре присоединился отряд полковника Александра Лисовского.

23 сентября 1608 года от 10 до 20 тысяч литвинов, поляков и русских «воров» (более точные цифры отсутствуют) обоих начальников подступили к стенам Троице-Сергиева монастыря. В нем хранились большие богатства, уцелевшие во всех передерягах конца XVI — начала XVII веков. Монастырь защищали до полутора тысяч ратных людей и около тысячи крестьян из окрестных сел, нашедших там убежище. Многие монахи тоже приняли активное участие в обороне.

Троице-Сергиев монастырь окружали мощные каменные стены высотой от 4,3 до 5,3 метров и толщиной 3—4,5 метра, взять его штурмом с ходу не удалось. После этого Сапега приказал подтянуть к монастырю осадную артиллерию. В течение тридцати дней 63 пушки и несколько мортир вели огонь по монастырю, но разрушить его стены не смогли. Тогда осаждавшие сделали несколько подкопов под стены, однако защитники сумели обвалить эти подкопы и не дали взорвать мины. Карамзин так писал об этой героической обороне:

«Монастырь... был местом средоточения церковных богатств и важным стратегическим пунктом. Его защищали стрельцы, монахи и местные кре-

Осада Троице-Сергиева монастыря

стьяне (2,4 тысячи человек) под командованием воевод Долгорукова и Голохвастова. Штурмы тушинцев в октябре — ноябре 1608 года были отбиты. Кроме того, защитники монастыря делали вылазки, во время которых разрушили подкопы под крепость и батареи на Красной горе.

Зимой боевые действия стихли, но к осажденным подкралась новая беда. Из-за скученности и недостатка продуктов среди находившихся в Лавре значительных масс людей (в том числе женщин, стариков и детей) начались массовые заболевания. Особенно свирепствовала цинга. От болезней скончалось почти две трети гарнизона. В мае — июле 1609 года осаждавшие активизировались. Но защитники монастыря, несмотря на свою малочисленность, отразили все приступы. С октября 1609 года в монастырь стала поступать помощь от правительственных войск. Всего туда прорвались до 1,5 тысячи человек.

В начале 1610 года, в связи с подходом войска под командованием князя Скопина-Шуйского, тушинцы 12 января сняли осаду и отошли к Дмитрову».

Говоря точнее, войска царского воеводы Скопина-Шуйского и шведского воеводы Делагарди 9 октября 1609 гда освободили Александровскую слободу (бывшую резиденцию царя Ивана IV), находившуюся на подступах к монастырю. Узнав об этом, Сапега, оставив часть войск под монастырем, двинулся к Александровской слободе. По дороге к нему присоединился гетман Рожинский с 2 тысячами гу́бар и конница Стравинского. Общая численность этих сил достигла 10 тысяч всадников.

28 октября передовые конные отряды москвитов встретились у Александровской слободы с войсками Сапеги. После короткой неравной схватки московскую конницу опрокинула многочисленная ко'нница Сапеги. Однако дальнейший ход боя сложился в пользу Скопина и Делагарди. Атаковавшая польско-литовская конница попала перед рогатками под жестокий ружейный огонь стрельцов и повернула назад. Вслед за ней устремилась московская конница, а после короткой схватки вновь укрылась за рогатками. Ожесточенные схватки продолжались весь день, но Сапеге, Рожинскому и Стравинскому так и не удалось взять лагерь противника. Вечером они пошли назад к Троице-Сергиеву монастырю.

Наконец, в ночь с 9 на 10 января 1610 года отряд конных ратников (300 человек) во главе с Григорием Валуевым, посланный Скопиным из Александровской слободы, под покровом темноты прорвался в Лавру сквозь позиции осаждавших. Вылазка была успешной, в результате ее «литовских людей многих побили и языки поймали». После прорыва Валуева князь Скопин двинул свои войска к монастырю. Видя его численное превосходство, Ян-Петр Сапега отступил к Дмитрову. Итак, осада длилась почти 8 месяцев и завершилась полным провалом.

ДЕЙСТВИЯ ШВЕДСКО-МОСКОВСКИХ ВОЙСК (январь — август 1609 гг.)

Шведский король Карл IX еще летом 1606 года прислал в Москву послов, предложивших Василию Шуйскому военную помощь для борьбы с мятежниками (Болотниковым и Пашковым). В качестве платы за это он просил отдать Швеции города Кола, Копорье, Корелу, Иван-город, Орешек, Ям.

Это предложение встретило тогда отказ. Лишь в августе 1608 года Шуйский, напуганный силой «Тушинского вора», сам обратился с просьбой о немедленной военной помощи.

Для переговоров с ними из Москвы в Новгород 10 августа выехал князь М.В. Скопин-Шуйский. Переговоры закончились в Выборге 28 февраля 1609 года. Король Карл обязался прислать 5000 воинов за суммарное жалованье им 32.000 рублей в месяц и за уступку Корелы. Уже 11 марта (т.е. через 2 недели) из Выборга выступило наемное войско. В нем были не только шведы, но также немцы, голландцы, французы, англичане, шотландцы.

Карамзин следующим образом описал эти события:

«Однако положение царя Шуйского осталось тяжелым. Чтобы переломить ситуацию, он пошел на крайнюю меру — обратился за помощью к шведскому королю Карлу IX, который был врагом Польши. Шведы выставили условием отказ России от Ливонии и Корелы, и эти условия пришлось

Шведский наемник-мушкетер

принять. Шведские войска и наемники прибыли к Новгороду весной 1609 года. Это позволило М. Скопину-Шуйскому предпринять более решительные действия против самозванца и, в частности, оказать помощь Троице-Сергиеву монастырю».

В самом начале марта 1609 года объединенное войско Михаила Скопина-Шуйского, Понтуса и Якова Делагарди пришло под Новгород.* Узнав об этом, Лже-Дмитрий послал туда ротмистра Кернозицкого с 4000 конных копейщиков. Он атаковал шведов и московитов столь успешно, что те укрылись в городе. Однако уже 11 марта Кернозицкий ушел назад, ибо на помощь осажденным прибыли два отряда: 1000 человек из Тихвина (во главе со Степаном Го-

Литовско-польские конники Сапег

* Вообще говоря, Понтус де ла Гарди был француз, находившийся на службе у шведского короля. Но в русскую историческую литературу он вошел как шведский генерал Делагарди.

рихвостовым) и отряд из Заонежских погостов (во главе с Евсеем Резановым).

Незадолго до Троицына дня из Новгорода вышел отряд Делагарди и напал на тушинцев у Старой Руссы. Шведы незаметно перешли болото и внезапно атаковали лагерь Кернозицкого, причинив им немалый урон. С оставшимися у него людьми ротмистр срочно отступил кТоропцу.

Но 15 мая у села Каменка (недалеко от Торопца) он опять потерпел поражение от шведов и московитов, после чего ушел в Тушино, а его враги вошли в Торопец.

Наконец, 11 июля произошло значительное сражение в верховьях Волги под Тверью. Навстречу московитам и шведам, выступившим в июне из Торжка, «царь Дмитрий» послал пана Зборовского, имевшего около 5-и тысяч конных копейщиков. Скопин и Делагарди хотели прорваться к Москве, у них было до 15 тысяч человек. Возле Торжка Зборовский разбил передовой отряд Скопина, но, узнав от «языков», что следом идут главные силы, отступил к Твери. Там и произошло решительное сражение.

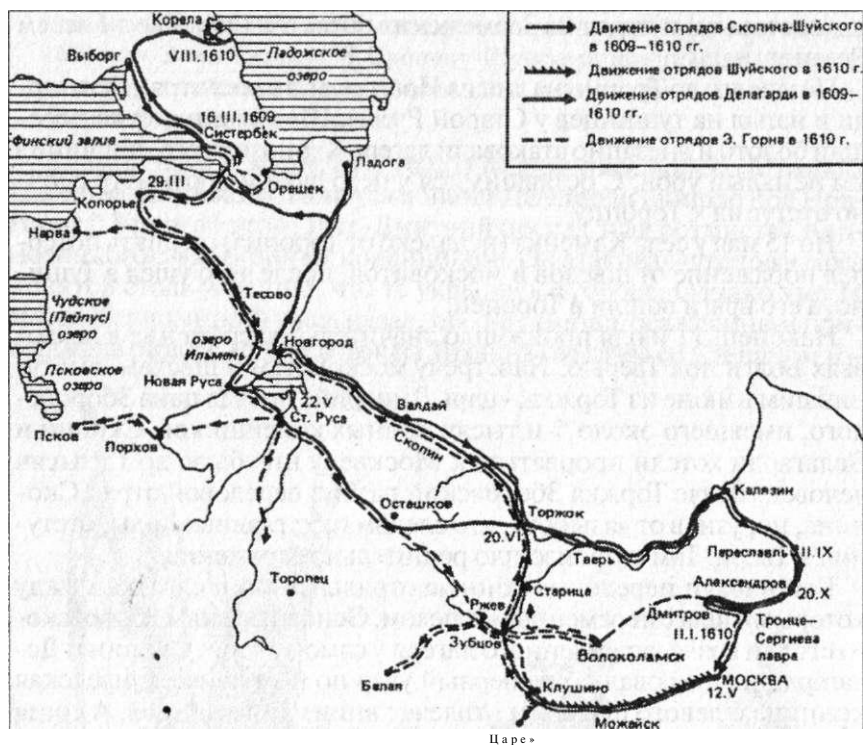
Бой начали передовые конные отряды сторон, схватка между которыми шла с переменным успехом. Основные силы Зборовского стояли возле укрепленного лагеря у самой Твери. Скопин и Делагарди планировали, что первый удар по ним нанесет шведская конница с левого фланга и отвлечет внимание на себя. А тогда конница Скопина атакует с правого фланга, отрежет вражеских копейщиков от их лагеря и сбросит в Волгу.

Но Зборовский вышел из лагеря не для того, чтобы стоять и чего-то ждать. Он первым ударил по левому флангу союзников и обратил шведскую конницу в бегство. Не избежать бы Скопину и Делагарди поражения, если бы не упорная оборона шведской пехоты, стоявшей в центре. Устояла и конница Скопина на правом фланге.*

Бой продолжался до вечера, после чего конники Зборовского вернулись в свой лагерь. Обе стороны понесли ощутимые потери, особенно шведская конница. На рассвете следующего дня московиты и шведы начали штурм вражеского лагеря. Завязалось ожесточенное сражение. Решающий удар нанес Делагарди. Удар был столь силен, что противник не выдержал и побежал.

Упоминая это сражение, о котором ему рассказывали его участники, Буссов писал:

* Как уже сказано, шведскую конницу и пехоту лишь условно можно назвать «шведскими». В этих частях состояли также немцы и французы, а в небольшом количестве еще и представители многих других наций. Впрочем, «русское» войско Скопина тоже более чем на треть сбыло сформировано из татар и иных «народов Поволжья».

Действия шведско-московских войск в 1609—1610 гг.

«Эти копейщики причинили им /московитам и шведам/ в первый день столько хлопот, что они вынуждены были, коль скоро не хотели быть убитыми, перейти большую и глубокую реку Волгу, что тоже нанесло им немалый урон.

На другой день Понтус, перейдя ту же самую реку в другом месте, пошел назад на поляков, храбро ударил по ним и задал им такого жару, что они обратились в бегство и принуждены были с большим уроном и позором снов отступить в большой лагерь Дмитрия».

Буссов. Цит. Соч., с. 159

Поражение у Твери способствовало возникновению разброда в рядах тушинцев. Так, Самозванец немедленно написал Сапеге, чтобы тот бросил осаду Троицко-Сергиевского монастыря и спешил на защиту Тушино:

«Неприятель вошел в Тверь почти на плечах нашего войска... Теперь же, при перемене счастья, мы тем более просим оставить там все и спешить как можно скорее со всем войском вашим к главному стану, давая знать и другим, чтоб спешили сюда же»...

Под Калязинским монастырем 18—19 августа 1609 года произошел новый бой. Тушинцев возглавил Ян-Петр Сапега, прибывший сюда по призыву «царя». У него было 5 полков — его собственный (гетманский), полк Зборовского, полк Лянскоронского, полк запорожских казаков Костенецкого, полк донских казаков Лисовского, а всего 12 тысяч копейщиков. Ему противостояли отряды Скопина-Шуйского и шведский отряд Христиерна Зомме.

Здесь Шуйский впервые применил заграждения из вкопанных в землю кольев (рогатки). Когда конница Сапегы пошла в атаку, ей пришлось остано^виться перед рогатками, тогда как москвиты и шведы вели по ней ружейный огонь. Тогда Сапега спешил часть своих людей и они нанесли удар во фланг. Ожесточенное сражение продолжалось в течение 7 часов, но не дало перевеса ни одной из сторон. В «Новом Летописце» сказано: «Под Калязинским монастырем бывшу бою великому и отойдоша на обе стороны ничего не зделаху».

Все же один результат был: Сапеге не удалось перекрыть дальнейшее продвижение Скопина-Шуйского в замосковные города. 10 сентября его войска освободили Переяславль, хотя сам Скопин торжественно вступил в Переяславль лишь 6 октября.

СОБЫТИЯ ВЕСНЫ - ЛЕТА 1609 г.

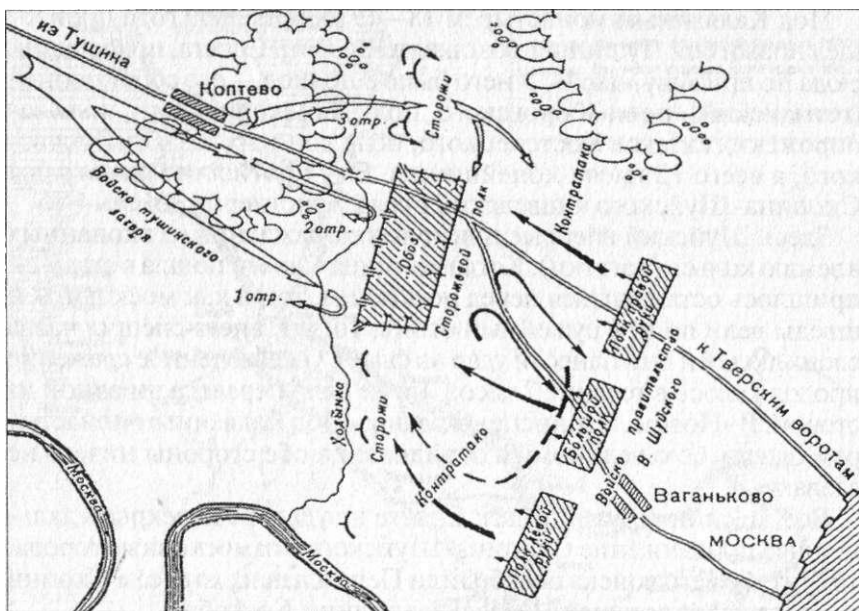
А в районе Москвы, говоря современным языком, тем временем шла позиционная война. У «царя Дмитрия» не было сил штурмовать столицу, у «царя Василия» — сжечь Тушино. На северо-западных окраинах Москвы постоянно происходили стычки московских войск с тушинцами.

Бой на Ходынке

5 июня 1609 года очередная стычка переросла в большое сражение. Польско-литовский отряд Николая Мархоцкого отогнал дозор москвитов и раскинул бивак на берегу реки Ходынки. Но испуганные воеводы доложили царю Василию, что на Москву пошла вся тушинская рать.

Тогда по царскому приказу против Мархоцкого выступило большое войско. На его флангах была конница, в центре двигался гуляй-город, то есть несколько десятков возов, защищенных толстыми дубовыми щитами. На возах сидели стрельцы и вели огонь через бойницы.

Между тем к коннице Мархоцкого тоже подошло подкрепление — три хоругви казаков и 400 польских пехотинцев с несколькими пушками. Позже это сражение хорошо описал сам Мархоцкий:

Бой на Ходынке (5 июня 1609 г.)

щ

«Тут со своими гуляй-городами подошли москвитяне. Наши не знали о гуляй-городах; завидев неприятеля, они решили, что наступает только московская конница, и поскакали к ней через речку. Три казачие хоругви встали во главе и пошли вперед, за ними поскакала гусарская хоругвь (тому, кто ее вел, не стоит этим хвалиться). Когда казачьи хоругви оказались на поле, из гуляй-городов стали палить, и казаки повернули назад. А гусарская хоругвь пошла вперед и направилась прямо на конницу, надеясь, что если удастся ее смять, гуляй-города будут нашими. В ответ открылась пальба, в хоругви пало несколько лошадей, но, несмотря на это, отряд налетел на конницу. Москвитяне же, в расчете на прикрытие из гуляй-города, держались так, что приняли на себя удар копий. Затем пошли и другие хоругви, но они уже ничего не изменили. Первая хоругвь, сколько смогла охватить своими рядами, гнала москвитян в спину, другие хоругви пошли в свой черед следом, остальные обратились на гуляй-города: отбили ружья, посекали пехоту, в пушки впрягли лошадей, чтобы отвезти в обоз. Если бы мы проследили за московской конницей, победа была бы в наших руках.

Московская конница, которую оттеснила первая хоругвь, быстро ушла и, чтобы не было сумятицы, шла почти рядом с нашими. Если бы наши хоругви, не вмешиваясь не в свое дело, обратились на левое крыло, то мы бы одержали большую победу. Но произошла ошибка: хорунжий

первой хоругви, который должен был следовать за своим предводителем, увидев сбоку москвитян, присоединился к тем, кто их преследовал. Хоругви, следовавшие за первой, решили, что она уже смята, и ни с того ни с сего показали спину.

Москвитяне опомнились, надели на нас и погнались, разя, прямо в Ходынку. Свои гуляй-города они отбили, потому что наши хоругви все до единой вынуждены были спасаться бегством (тогда-то мне ногу и прострелили). Но это было еще не все, чем Бог нас наказал. Нарече Ходынке у нас было несколько сотен пехоты, — с ее помощью мы могли бы поправить дело. Но пехотные ротмистры, похватав хоругви, побежали первыми; так что, когда дойдет до битвы, плохо, если у пеших ротмистров будут кони.

Тем временемлаше войско удирало к обозу. Хорошо, что там оказался Заруцкий с несколькими сотнями донцов. У речки Химки, где мы поставили укрепления для защиты обоза, он повел ответную стрельбу из ручного оружия. Иначе неприятель ворвался б на наших плечах прямо в обоз. Хотя победа была рядом, мы лишились тогда всей пехоты, потеряли убитыми несколько ротмистров; немало было убито и ранено товарищей, челяди, лошадей, множество важных персон попали в плен и были увезены в Москву».

Мархоцкий Н. «История Московской войны», М., 2000, с. 52—53

Несмотря на эту победу, власть в столице буквально висела на волоске.

Во-первых, группы дворян-заговорщиков несколько раз приходили в Кремль свергать Шуйского, хотя каждый раз дело кончалось словесной перебранкой с царем и его окружением.

Во-вторых, весной и летом 1609 года произошло очередное нашествие татар на Московскую Русь. Татары разорили Тарусу, заходили за Оку, в район Серпухов — Боровск — Коломна. Это был не просто набег, а настоящая война, длившаяся все лето и захватившая огромную территорию, почти до самой Москвы. Буассов так писал об этих событиях:

«Татары... увели за рубеж бесчисленное множество захваченных людей и скота, не считая того, сколько они поубивали и побросали старых и малых, не имевших сил идти с ними, да и скота тоже. А об том ужасном вреде, который они причинили стране поджогами, и говорить не приходится. В это время раздавались горестные стенания жителей, потерявших не только скот, но и людей, ибо многие жены лишились мужей, мужья — жен и детей, так что даже камень — и тот разжалобился бы».

Буассов К. Цит. Соч., с. 157

Но и у Самозванца в Тушино тоже хватало проблем. С поздней осени 1608 года в северо-западных областях Московской Руси началось и с каждым месяцем усиливалось сопротивление его войс-

кам. Начало положил Галич. Этот город последним (в начале ноября) признал Лже-Дмитрия, и первым (уже 20 ноября) выступил против него. Жители Галича собрали ратников не только из своего уезда, но и соседних.

Вслед за Галичем произошли выступления против представителей администрации «царя Дмитрия» в городах Белоозера, Вологда, Городец, Гороховец, Кашин, Кострома, Луха, Молога, Романов, Рыбинск, Суздаль, Тотьма, Углич, Шуя, Ярославль.

3 марта 1609 года в сражении под Романовым повстанцы разбили отряд Лже-Дмитрия, который возглавляли Петр Голович и мурза Юсупов. После этого город Романов стал средоточием повстанческих сил, отсюда 14 марта они двинулись к Ярославлю. На пути повстанцы встретили отряд Самуила Тышкевича, посланный для усмирения бунта, и разбили его 7 апреля. 8 апреля они заняли Ярославль.

О событиях, разыгравшихся в Ярославле после этого, Конрад Буссов пишет следующее:

«Иоахим Шмидт /немецкий купец/... был воеводой в отпавшем городе Ярославле, а во время отпадения /в начале 1609 года/ бежал оттуда вместе с бывшими у него поляками. Этого самого Шмидта поляки послали назад к городу для переговоров...

Шмидта заманили хитрыми речами поближе к городским воротам, и не успел он опомниться, как его окружили и насильно утащили беднягу в город. Там они разыграли с ним ужасающее действо о муках страстных: вскипятив большой котел меду, они сняли со Шмидта одежды, бросили его в мед и варили до тех пор, пока не осталось совсем мяса на костях... Когда Шмидт достаточно долго поварился, они вынули скелет из котла и выбросили его на городской вал — так, чтобы свиньи и собаки порастаскали его, и даже не разрешили его вдове и друзьям собрать и похоронить кости...

За ужасную смерть этого честного человека впоследствии хорошо отомстил пан Лисовский. Он превратил в пепел весь Ярославский посад, потом пошел дальше в глубь страны, убивая и истребляя все, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан и крестьян. Он сжег дотла большие селения, Кинешму и Юрьевец-Подольский и возвратился в лагерь /Лже-Дмитрия II/ под Троицу с большой добычей».

Буссов К. Цит. Соч., с. 158

К началу лета 1609 года край, где население активно сопротивлялось войскам и посланцам Самозванца, занимал (по свидетельству Карамзина) пространство по обеим сторонам верхнего течения Волги вплоть до Нижнего Новгорода, а по ее притокам на север до Белоозера и на юг до Оки. Это было самое сердце Московского государства. Сопротивление народа очень красочно описал Буссов:

«Во всех углах толпами собирались тысячи крестьян. С теми немцами и поляками /так он называл и литвинов, и украинских казаков — А. Т./, которых они заставляли в загоне, т.е. в поисках провианта или в разведке, они поступали во много раз грубее и беспощаднее, чем поступали с ними прежде поляки. Если крестьяне приходят в ярость, они обычно ведут себя как обезумевшие, помешанные и, как дикие свиньи, не щадят ничего, разрывают и раздрают, что только могут...

Единственной причиной их отпадения от Дмитрия были несправедливости и большие бесчинства поляков, которые не могли отказаться от грабежей и насилия, пока их не стали спускать подлед, перерезать им горло или даже вздергивать на виселицу. Они отнимали силою у бедняков, невзирая на то, что те присягнули Дмитрию, все, что у них было, как если бы это были злейшие враги, а ведь эти бедные люди много отдавали в лагерь на содержание войска».

Буссов К. Цит. Соч., с. 157

Соответственно, в Тушино все более усиливались раздоры.

НАЧАЛО ВОЙНЫ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ (сентябрь 1609 г.)

Как уже сказано, царь Василий IV в январе 1609 года заключил союз со шведским королем Карлом IX. В это время Речь Посполитая воевала со Швецией. Поэтому, узнав о союзе, король Сигизмунд III решил в ответ разорвать перемирие с Москвой и вторгнуться в ее пределы.*

19 сентября 1609 года королевское войско под командованием великого гетмана Литвы, князя Льва Сапеги, подошло к Смоленску. Московско-шведская армия Скопина-Делагарди находилась в подмосковном Калязине.

Несомненно, что в тот период Лже-Дмитрий II вполне еще мог надеяться на успех своего предприятия. Поэтому вторжение в московские пределы короля Сигизмунда III и начало им осады Смоленска стало для него и его сторонников тяжелым ударом.

Король через своих послов, отправленных в Тушино 8 ноября 1609 года, предложил всем литвинским и польским наемникам Лже-Дмитрия вернуться на службу Речи Посполитой.

* Отметим в данной связи несуразную логику некоторых российских авторов (например, А.Б. Широкорада). Так, царь Иван IV, по их мнению, «имел право» начать войну с ВКЛ только потому, что его не называли в грамоте царем всея Руси. Это они считают важной причиной. А тут в войну вступило государство, ведущее вооруженную борьбу с Речью Посполитой, но для национал-шовинистов от истории это только повод, но никак не причина!

Когда до «воровской» столицы дошла весть о походе короля, поляки и литвины собрались на площади и стали кричать, что Сигизмунд пришел за тем, чтобы отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своей кровью и трудами. Гетман Рожинский проявил себя как самый убежденный противник короля, потому что в Тушино он был полновластным хозяином, а в королевском войске стал бы, в лучшем случае, одним из воевод.

В конце концов, тушинские литвины и поляки поклялись друг другу не вступать в переговоры с королем и не оставлять «царя Дмитрия». Если ему удастся сесть на престол, то требовать всем вместе от нового царя наград. Если же Дмитрий станет медлить с выплатой, то захватить Северскую и Рязанскую области и кормиться доходами с них до тех пор, пока все они не получат полного вознаграждения.

После этого участники сходки подписали конфедерационный акт и отправили к Сигизмунду под Смоленск послом пана Мархоцкого с товарищами — просить покинуть Московское государство и не мешать их предприятию. Рожинский хотел также уговорить Яна-Петра Сапегу присоединиться к конфедерации, и даже сам ездил к нему под Троице-Сергиев монастырь. Однако тот не захотел ссориться ни со своим двоюродным дядей Львом, ни с королем Сигизмундом, и занял нейтральную позицию.

В то время как тушинцы отправили послов к королю под Смоленск, Сигизмунд тоже отправил в Тушино целую делегацию. В нее вошли 7 человек: Станислав Стадницкий, Ян Заборовский, Людвиг Вейгер, Януш Тышкевич, Станислав Доморацкий, Ян Ловчевский-Добека, Мартын Казановский. Король предписал им убедить тушинских литвинов и поляков, что гораздо почетнее служить своему законному государю, чем «царю Дмитрию» и что они, прежде всего, должны заботиться о выгодах своего отечества.

Истинный смысл этого посольства был достаточно прост. Король Речи Посполитой неофициально поддерживал авантюру Самозванца, пока вокруг него собирались противники Шуйского, а его войско одерживало победы над войсками царя. Но с началом осады Смоленска, то есть войны Речи Посполитой с Москвой, дальнейшее существование тушинцев лишь вредило интересам короля.

Король пообещал им выплатить вознаграждение из московской казны в том случае, если Москва совместными усилиями будет взята, причем заявил через послов, что тушинские литвины и поляки начнут получать от него жалованье с того момента, как только соединятся с королевскими войсками. Военачальникам король по-

сулил награды не только в Московии, но и в Речи Посполитой. Что же касается московских тушинцев, то Сигизмунд уполномочил послов обещать им сохранение веры, обычаев, законов, имущества, а также богатые награды, если они перейдут к нему.

Послы, отправленные из Тушино к королю, и королевские, отправленные в Тушино, встретились друг с другом в Дорогобуже. Королевские послы пытались узнать у тушинских, зачем они едут к королю, но те не сказали им ничего. Прибыв под Смоленск, тушинские послы вскоре предстали перед королем. Речь, произнесенная ими, при почтительной форме была самого непочтительно-го содержания: тушинцы заявили, что король не имеет никакого права лишать их наград, которые они заслужили у царя Дмитрия своими трудами и кровью.

Понятно, что Сигизмунд дал суровую отповедь. Получив «отворот поворот», тушинские послы немедленно отправились в Тушино и так спешили, что успели приехать туда раньше королевских послов! Выслушав их, Рожинский созвал совещание командиров всех отрядов, пришедших из Речи Посполитой, чтобы решить вопрос о приеме королевских послов. Почти все командиры высказались против приема послов. Но рядовые воины придерживались иного мнения. По Тушино прошел слух, что у короля много денег, и что он хорошо заплатит всем, кто присоединится к его войску. Между тем, в действительности король предлагал служить ему за «обыкновенное жалование».

В это время явился посланец от Яна-Петра Сапег и потребовал, чтобы тушинцы немедленно вступили в переговоры с королевскими послами, иначе все войско Сапег уйдет к Сигизмунду. В такой ситуации Рожинскому пришлось все же вступить в переговоры с королевскими послами.

КОНЕЦ ТУШИНСКОГО ЛАГЕРЯ

(декабрь 1609 — март 1610 гг.)

На Самозванца приезд королевских послов, отказавшихся вести с ним переговоры и даже не удостоивших его визитом, произвел удручающее впечатление. Он понимал непрочность своего положения среди тушинцев и, вдобавок, находился в полной зависимости от гетмана Рожинского.

В случае присоединения Рожинского и компании к королю, голова Самозванца вполне могла стать фишкой в политической игре. Правда, король вовсе не требовал выдачи ему Самозванца, как это утверждают некоторые российские авторы. В его тайном наказе послам в Тушино такого пункта нет. Зато московским боярам,

впоследствии переметнувшимися в лагерь Сигизмунда, эта мысль сразу пришла в голову. «Новый Летописец» сообщает:

«Московские же бояре, Михайло Салтыков с товарищи, в Тушине... начаша умышляти с Ружинским, чтоб того Вора поймать и отвести б под Смоленск к королю, а бити челом на Московское государство о королевиче Владиславе».

27 декабря Самозванец спросил Рожинского, о чем идут переговоры с королевскими послами. Гетман, будучи сильно пьян, замахнулся на него булавой и заорал:

«А тебе что за дело, зачем комиссары приехали ко мне? Черт знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим».

Лже-Дмитрий вырвался от него, пришел к Марине, сказал ей, что гетман явно сговорился с королем схватить его и что он решил немедленно бежать. Вечером того же дня, переодевшись в крестьянскую одежду, он сел в навозные сани и уехал в Калугу вдвоем со своим шутом Петром Козловым (подругам сведениям, фамилия шута Кошелев).

Добравшись до Калуги, он остановился в Лаврентьевом монастыре недалеко от города, а оттуда послал монахов в город с письменным извещением. В нем говорилось, что «царь» бежал из Тушино, спасаясь от Сигизмунда, который якобы подговаривал его гетмана, а также служивших ему литвинов и поляков, схватить его и выдать королю за отказ уступить Литве Смоленск и Северскую землю. Далее Самозванец заявлял, что если народ его поддержит, то он с помощью всех присягнувших ему городов отомстит не только Шуйскому, но и полякам с литвинами. Он обещал «положить голову» за православие и отечество. Воззвание оканчивалось словами: «Не уступим королю ни кола, ни двора».

Калужанам такие слова понравились. Они поспешили в монастырь с хлебом-солью, 17 января 1610 года торжественно проводили Лже-Дмитрия до города, разместили в пустовавшем доме воеводы Скотницкого и окружили царской роскошью.

После этого Лже-Дмитрий послал письмо князю Григорию Шиховскому, который с несколькими тысячами казаков выступил против Сигизмунда и стоял лагерем у Царева Займища, недалеко от Вязьмы. В письме он просил его как можно быстрее прийти в Калугу, что тот вскоре и сделал.

*

^: * ^:

На следующий день после бегства «царя», в Тушино собрались на совет командиры литвинских и польских подразделений, а также московские бояре и дворяне во главе с патриархом Филаретом. К числу последних относились бояре Салтыковы, Трубецкие и

Ярославские, Годунов с братьями, князь Ф. Мещерский, дворяне Н. Вельяминов и М. Молчанов, дьяки И. Грамотин, И. Чичерин, ряд других.

Они снова решили держаться вместе, не переходить на службу ни к королю Сигизмунду ни к царю Шуйскому. Новым стал пункт, согласно которому они обязались не принимать обратно и «царя Дмитрия». Смысл такого решения заключался в том, что они стремились любой ценой удержаться в высшем эшелоне власти. Для решения этой проблемы они постановили обратиться к Сигизмунду с предложением (уже делавшемся при первом Самозванце) посадить на московский престол его сына, 13-летнего королевича Владислава.

Посольство от русских тушинцев прибыло под Смоленск 31 января 1610 года. В него вошли 42 человека, не считая 242 человек прислуги. Возглавлял посольство боярин Михаил Салтыков. Уже 4 февраля послы заключили письменный договор с королем Сигизмундом. Согласно его условиям, в Московском государстве сохранялась православная вера, а все важные должности могли занимать только русские бояре и дворяне. Более того, власть царя ограничивалась Боярской думой. Административное управление, суд, положение холопов и крестьян оставались без изменений.

Король подписал договор без лишних проволочек по очень простой причине: он давал "ему законный повод для продолжения интервенции. Ведь отныне речь шла о том, чтобы московский престол занял отпрыск династий Ваза и Ягеллонов. Впрочем, как показали дальнейшие события, Сигизмунд намеревался сам стать московским царем. Но об этом он пока благоразумно умолчал.

В тот же день (31 января) король принял послов от Рожинского (Хрусл и некого) и от Яна-Петра Сапеги (Страбовского). «Планка» требований «лихих людей» была значительно выше, чем у Салтыкова и компании. Они потребовали от короля обещания выдать им после воцарения Владислава все награды и жалованье, обещанные царем Дмитрием, за счет московской казны и таможенных сборов. Кроме того, они желали немедленно получить сумму в четверть годового жалованья «не в зачет» для обеспечения себя всем необходимым для дальнейших военных действий. Они также просили, чтобы Марине Мнишек были выделены несколько городов и волостей, обещанных ей подвенечной записью Лже-Дмитрия I, а сам «царь Дмитрий» был пожалован удельным княжеством.

Чтобы не раздражать поляков и литвинов, Сигизмунд на эти требования не ответил отказом, как в прошлый раз, но ограничился лишь обещаниями. Дескать, «по причине скудости казны своей, испещренной многими войнами», он не может «излить щедроты свои на заслуженных подданных».

Тем временем Марина Юрьевна Мнишек, как свидетельствуют источники, пыталась подкупом либо лестью склонить на сторону Самозванца казацких атаманов и старшин служилых людей. Но, столкнувшись с резко враждебным отношением к себе со стороны московских бояр и дворян, через полтора месяца, в ночь с 13 на 14 февраля 1610 года убежала и она. Переодевшись в гусарское платье, Марина в сильный мороз проскакала верхом на коне 30 верст.* Ее сопровождали двое слуганок, тоже переодетые в мужскую одежду, и казак по прозвищу Бурба.

Марина хотела пробраться в Калугу, но началась метель и группа беглецов сбилась с пути. В итоге 16 февраля она появилась в Дмитрове, где со своим войском стоял Ян-Петр Сапега, снявший осаду с Троице-Сергиева монастыря. На следующий день Сапега узнал о приближении войск Скопина-Шуйского к Дмитрову и стал убеждать Марину ввиду опасности уехать либо в Сандомир к родителям, либо в Калугу к «мужу». Однако Марина не решилась ехать на родину, ибо этот путь пролегал по территории, охваченной войной. В итоге в 20-х числах февраля она прибыла в Калугу, где ее радостно встретил «муж».

В конце второй декады февраля неподалеку от Дмитрова появилось русско-шведское войско. Оно построило укрепление в местечке Шапилово, в восьми верстах от Троице-Сергиевой лавры. Сапега пытался помешать строению 15 февраля он подошел к Шапилово с несколькими тысячами конников, но был отбит. 20 февраля произошло сражение в поле возле Дмитрова между ратниками князя Куракина и воинами Сапег. Бой завершился поражением литвинского войска. Карамзин пишет:

«В январе 1610 года Скопин-Шуйский, освободив от осады Троице-Сергиев монастырь, послал лыжный отряд русских и шведов, под командованием князя Куракина, к Дмитрову, где находился Сапега. Владея этим городом, тушинцы создавали угрозу флангового удара идущему к Москве войску.

Добравшиеся до Дмитрова на лыжах, русские и шведы 6 февраля 1610 года нанесли тушинцам жестокое поражение в открытом поле. Но по-

* Некоторые авторы уверяют, что Марина была в это время беременна, однако элементарная арифметика доказывает, что они ошибаются. Как известно, срок беременности — 9 месяцев. Марина родила сына в конце декабря, через несколько дней после убийства Лже-Дмитрия. Следовательно, она забеременела в марте.

По мнению ряда историков, Марина увлеклась предводителем донских казаков, красавцем Иваном Заруцким и была беременна от него, а не от «тушинского вора». Так это или нет, установить невозможно. Во всяком случае, Заруцкий, уходя позже из Москвы на Дон, специально заехал в Коломну, чтобы забрать с собой Марину и ребенка.

11Ы1 ка Куракина взять сходу город не удалась из-за стойкой обороны донских казаков — сторонников «царя Дмитрия»... Впрочем, Сапега вскоре покинул Дмитров и ушел со своим отрядом к Волоколамску».

Кстати, русско-шведский отряд лыжников имел численность свыше 4 тысяч человек, которые в зимних боях по своей маневренности превосходили даже конницу.

Убедившись в бессмысленности дальнейшей борьбы за город с теми силами, что у него были, Сапега 27 февраля поджег крепость, уничтожил тяжелые пушки, которые не мог увезти с собой и ушел в Волоколамск, а затем к Смоленску. По дороге он захватил Иосифов монастырь (юго-западнее Дмитрова), где оставил часть своего войска.

Поражение* войска Сапег открыло Скопину-Шуйскому путь к Тушину. Атам после провала посольства к Сигизмунду царил полный разброд. «Рыцарство» упрекало Рожинского в том, что он напрасно смутил их «бить челом королю». Дело дошло до нескольких покушений на его жизнь. Вдобавок Самозванец прислал из Калуги письмо, в котором обещал всем, кто пожелает служить под его знаменами, сразу выдать по 30 злотых, а в дальнейшем уплатить все «выслуженные деньги, согласно прежним записям и обеспечениям».

Поражение Сапег под Дмитровым и опасность окружения Тушино заставили бывших приверженцев Самозванца поторопиться с решением. В итоге 6 марта 1610 года тушинцы покинули свой лагерь. Покидая Тушино, Рожинский приказал поджечь «столицу» и официально объявил о роспуске войска «царя Дмитрия». Договорились до Волоколамска идти всем вместе, а затем — кто куда захочет. К Сигизмунду отправились лишь немногие воины; все прочие либо пошли в Калугу, либо вернулись в Москву, либо рассеялись по стране шайками грабителей. Последнее относится в основном к казакам.*

В марте — апреле пришли в Калугу со своими полками (или ротами) командиры Будзила, Быховец, Каменский, Тышкевич, Хруслинский и Яновский. Еще позже к ним присоединился Ян-Петр Сапега, предварительно съездивши^ к Смоленску на поклон королю. Его избрали гетманом.

Помимо литвинских и польских отрядов, к Самозванцу ушли до 500 донских казаков, служилые люди южных уездов, касимовские татары, а также холопы и крестьяне, примкнувшие к нему еще в 1607-1608 гг.

* В данном случае под «казаками» имеются в виду не только донские и запорожские казаки, но и боевые холопы, посадские люди, крестьяне из армий Болотникова и «царевича Петра», устремившиеся к Самозванцу после гибели их вождей. '

Часть именитых русских тушинцев отправилась каяться к Шуйскому, другие во главе с патриархом Филаретом в обозе Рожинского поехали к Сигизмунду

Из-за весенней распутицы Рожинский остановился в Иосифовом монастыре. Там во время драки с панами он упал на каменные ступени, сильно ударившись простреленным еще под Москвой боком. Падение оказалось роковым, гетман умер 25 марта 1610 года в возрасте 35 лет. Похоронив Рожинского, Заборовский с частью войска двинулся к Смоленску, а остальные литвины и поляки во главе с Руцким и Мархоцким остались в Волоколамске.

21 мая 1610 года к Волоколамску подошло объединенное московско-шведское войско под командованием Валуева и Горна. Оно выбило оттуда «воров». Из полутора тысяч поляков, литвинов и казаков спаслись около 300 человек. В числе трофеев русских войск оказался и самозванный патриарх Филарет. В июне 1610 года Филарета доставили в Москву. Но вместо застенка, где ему было самое место, этот изменник поселился в хоромы своих родичей в Китай-городе.

После распада тушинского воинства, князь Михаил Скопин-Шуйский и Понтус Делагарди со своими воинами 12 марта 1610 года беспрепятственно вступили в Москву. Царь Шуйский всячески обихаживал их, а «немцы» тем временем от безделья все больше нагнали и буянили. Москвичи мечтали о том, чтобы скорее пришла весна и все они ушли воевать с Сигизмундом.

Князь Михаил Скопин-Шуйский

В то же время популярность Скопина-Шуйского очень сильно возросла, москвичи прямо называли его «освободителем» и «избавителем». Более того, среди дворянства возник план заменить Василия Шуйского более подходящим кандидатом — князем Михаилом Васильевичем. Прокофий Ляпунов даже прислал к нему представителей от рязанских дворян с просьбой дать согласие на избрание в цари. Скопин отверг это предложение, но не наказал посольных и не сообщил об их визите дядюш-

ке. А того подобные вести смертельно напутали. И вот вечером 23 апреля Екатерина Шуйская, дочь Малюты Скуратова и жена брата царя — Дмитрия, на крестинах княжича Алексея Воротынского лично поднесла Скопину чашу с медом. Выпив ее, тот упал без чувств и на второй день умер. Понятно, что его отравили.

Однако смерть князя Скопина-Шуйского стала не решением проблемы, а катастрофой для царя Василия. Ему пришлось вместо племянника Назначить главным воеводой своего бездарного брата. За смертью полководца последовала другая беда — поражение под Клушино.

ПОЛКОВНИК АЛЕКСАНДР ЛИСОВСКИЙ

(действия в 1608—1610 гг.)

Этот человек еще при жизни стал легендой. Грозной и страшной, но легендой. В тех землях, где он совершал рейды, его именем пугали детей даже через 300 лет! Столь выдающаяся личность заслуживает отдельного рассказа. Поскольку его действия на территории Московской Руси можно четко разделить на два этапа, мы так и поступим. Сначала опишем действия Лисовского в 1608—1610 гг., а в подходящем месте — его знаменитый рейд 1615 года.

Итак, полковник Александр Иосиф Лисовский был литвинским шляхтичем польского происхождения. Его предки в середине XVI века переехали из Восточной Пруссии в Литву. Они были кальвинисты, т.е. протестанты, а не католики. Отца звали Ян. У него было три дочери и девять сыновей. Он владел двумя деревнями в Виленском округе. На его фамильном гербе изображен скромный ёж.

Александр родился около 1580 года. Где, когда и у кого он учился — не установлено. Но сохранившиеся письма на польском и латинском языках свидетельствуют, что он не только был грамотным, но и свободно владел литературной речью, следовательно, какое-то образование получил.

В конце XVI века юный Лисовский уже служил в частях польских наемников волошского господаря Михаила I (умершего 19 августа 1601 г.). В сентябре 1600 года, когда Сигизмунд III начал войну против господаря, и войско канцлера Яна Замойского вторглось на территорию Молдавии, среди служивших Михаилу поляков произошел раскол. Часть их перешла к Замойскому в том числе Лисовский. Он вступил в хоругвь каменецкого старосты Яна Потоцкого.

После окончания кампании Александр вместе со всем войском прибыл в Польшу и воевал в Ливонии в казацкой конной хоругви Чеслава Неверовского. Она начала боевые действия в апреле

1601 года, при осаде Кокенгаузена (Куокнезе). За боевые заслуги эту хоругвь в марте 1604 года перевели в разряд гусарских формирований.

В декабре 1604 года часть войск гетмана Яна Карла Ходкевича, уже давно не получавших жалованья, вышла из повиновения и отправилась домой в Литву. Это были гусарская хоругвь Неверовского и две хоругви Яна Петра Сапеги (казацкая и гусарская). В те времена подобные случаи являлись обычным делом. Тем не менее, Ходкевич расценил их уход как бунт и дезертирство, а Александра Лисовского объявил зачинщиком и предводителем. Надо отметить, что по пути «на зимние квартиры» солдаты всех трех хоругвей грабили, насиловали и убивали, причем не только в Ливонии, но

и в самой Литве. Ходкевич потребовал, чтобы сейм приговорил их к смерти либо к лишению всех прав.

В 1605 году сеймовый суд заочно приговорил Александра Лисовского к лишению прав шляхтича и к конфискации всего движимого и недвижимого имущества. Однако не нашлось людей, способных осуществить этот приговор. Он остался лишь на бумаге. Лисовский же поступил на службу к подчашему Янушу Радзивилу,

враждебно настроенному в отношении гетмана Ходкевича, и возглавил казацкую хоругвь.

5 августа 1606 года, когда в Сандомире съезд шляхты объявил «рокош» королю Речи Посполитой, под предводительством краковского воеводы Николая Зебжидовского (1553—1620), Александр находился среди участников рокоша. Там были и другие колоритные фигуры, например, Станислав Стадницкий по прозвищу «Дьявол». Однако Лисовский не играл сколько-нибудь значительной роли в тот момент, ибо занимал очень низкое место на социально-иерархической лестнице. Говоря просто, он был никто — обычный лихой рубака. Без титула, без земли, без денег, без челяди. Разве что хорошо знал военное дело.

«Лисовчик»

В сражении с войсками короля 5 июля 1607 года под Гузовым рокошане потерпели поражение. Сразу после этого Александр бежал в Литву, в район Клецка. Далее он объявился уже в лагере Лже-Дмитрия II у Орла в январе 1608 года. С ним пришла конная хоругвь в количестве 100 человек, большей частью — казаков.

♦ >ж

Весной того же 1608 года Лисовского послали в Рязанские земли. Под Зарайском он разбил рать Ивана Хованского и Захара Ляпунова, а несколько раньше занял город Михайлов, контролировавший путь к Мѣске с юга. Потом взял Коломну и пошел к Москве. Но в июне у селения Медвежий Брод потерпел поражение от князя Ивана Куракина. Бросив пушки, добытые в Зарайске и Коломне, Лисовский собрал своих людей, рассеявшихся в окрестностях и, совершив быстрый переход, вернулся в Тушино.

17 сентября, когда в Москве состоялись переговоры представителей Василия Шуйского и Лже-Дмитрия II, Лисовский, вместе с предводителем донских казаков Иваном Заруцким, был одним из четырех «гарантов безопасности» послов.

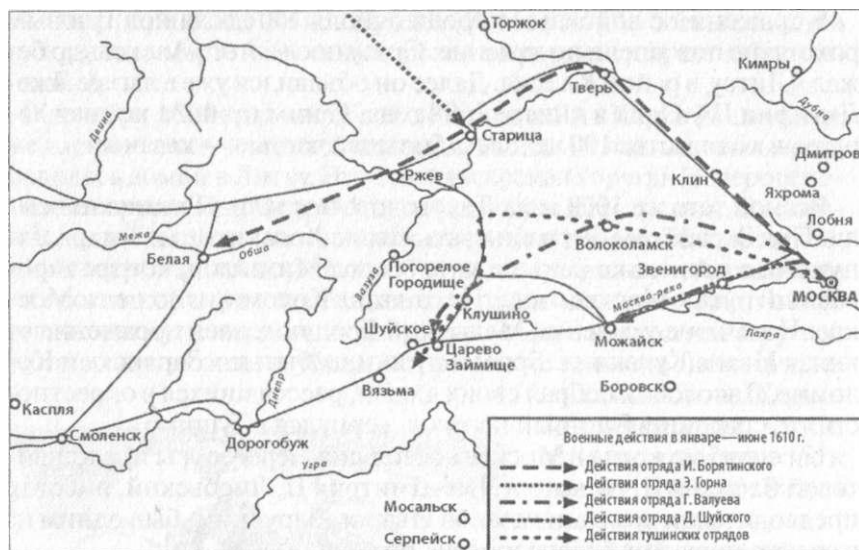
Когда «тушинцы» блокировали дороги к Москве, Лисовский оседлал дорогу на Владимир. Дорогу на Коломну контролировал Андрей Млоцкий; дорогу на Смоленск — Роман Рожинский, путь в Заволжье — Ян Петр Сапега. В это время под началом Александра находились 5 тысяч человек — четверть всех войск Самозванца. Среди них были литвинские и польские шляхтичи, украинские и донские казаки, московские дворяне и кто угодно еще. С этими людьми Лисовский жег и грабил деревни в районе Переяславля.

29 сентября 1608 года вместе с войсками Яна-Петра Сапеги, Лисовский отправился к Троице-Сергиевому монастырю. 2 октября отряд Лисовского в бою под селом Рахманцово отступил под натиском войска Ивана Шуйского. Ситуацию спас мощный удар Сапеги.

3 октября началась осада, вернее, блокада монастыря. Лисовский стоял на юго-востоке, в районе Терентьевой Роши. У него были только 6 полевых орудий, не способных причинить какой-нибудь вред стенам монастыря. Осажденные, нуждавшиеся в продуктах питания, делали частые вылазки, нападая на обозы осаждавших.

20 декабря 1608 года отряды Лисовского и Эразма Стравинского были посланы на север, в сторону Ярославля и Костромы, чтобы разгромить тех, кто восстал там против «царя Дмитрия». Под Даниловым они разбили отряд «изменников», взяли Кострому (6 января 1609 г.), Галич Костромской и повернули назад, не дойдя 100 верст до Соль-Галицка.

Вернувшись к монастырю, Александр вскоре (24 февраля 1609 г.) перехватил обоз с порохом, пытавшийся прорваться к осажден-

Военные действия в январе — июне 1610 года

ным. Между тем, несколькими днями раньше выстрелом со стены был убит его брат. Пылая жаждой мести, он приказал казнить всех пленных обозников — 202 человека. В ответ защитники монастыря вывели к наружной стене 200 пленных поляков, литвинов, донских казаков и всех зарубили.

Начиная с апреля 1609 года, Лисовский совершил по приказу «царя Дмитрия» несколько походов. Сначала к Владимиру и Ярославлю; в июне — к Костроме, которая снова восстала против Лже-Дмитрия, но в этот раз сумела отбить штурм. В сентябре он ходил к Ростову Великому, потом снова к Костроме и к Галичу Костромскому.

В начале 1610 года Ян-Петр Сапега признал, что осада Троице-Сергиева монастыря не удалась. Он со своими хоругвями ушел к Дмитрову, а Лисовский — к Суздалю. Там он находился до конца зимы, нападая на ближайшие города и монастыри с целью поживы. О дальнейших его действиях расскажем словами Конрада Буссова:

«Когда же он получил сообщение, что... все его войско /Лже-Дмитрия II/ перешло к польскому королю, он снова выступил весной 1610 года, пошел далеко в обход по стране и вышел, наконец, к Пскову. Там псковичи не только очень хорошо приняли его, но даже просили и убеждали остаться у них на некоторое время и оказать им помощь против немцев, которые из Нарвы... ежедневно нападали и налетали на них. Он охотно так и посту-

пил, и не только очистил псковский рубеж от нарвского войска, но тайными хитростями и переговорами добился того, что 500 англичан и 300 ирландцев откололись от них и примкнули к нему, после чего нарвское войско оставило псковичей в полном покое.

Оказав псковичам эту услугу, Лисовский перешел на сторону польского короля и эту зиму /с 1610 на 1611 г./ провел в Воронеже. Но заметив, что казаки и русские, которые были под его началом, собираются ему изменить, он покинул их и отправился один с 800 иноземцев на Красное, взял его летом 1611 года, уволил иноземцев, набрал 300 поляков, с которыми он остался в*гой же крепости и сохранял ее для его величества короля польского».*

Буссов К. Цит. Соч., с. 160—161

Псковская летопись подтверждает рассказ Буссова:

«Во 118-м году. Пришел Олисовской пан с литовскими людьми и с черкасы да воевода Андрей Просовецкой с казаками на Великие Луки, и по челобитью псковскому во Псков и под Иваньгород, на Яму. И шли на Немцы — и Немец отогнали пошли за море».

За взятие Красного он получил от короля Сигизмунда полное прощение своего участия в рокоше Зебжидовского и денежную награду — 200 золотых монет. Король официально назначил его начальником гарнизона в Красном. В этой должности он оставался до весны 1615 года.

* Село Воронеж и замок Красное находились в Лепельской волости, на территории нынешней Витебской области Беларуси, т.е. на территории ВКЛ. Лисовский освободил их от шведов, воевавших с Речью Посполитой.

ВОЙНА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ С МОСКВОЙ (1609—1611 гг.)

ПОХОД КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА К СМОЛЕНСКУ (1609-1610 гг.)

Карамзин достаточно четко указал цели короля Сигизмунда в этой войне:

«Летом 1609 года польский король Сигизмунд III с 30-тысячным войском двинулся в пределы Московского государства, мотивируя это тем, что он идет не для пролития христианской крови, а для установления мира и порядка. В действительности же он хотел, пользуясь смутой, посадить на престол королевича Владислава, захватить Смоленск и Северские земли.

21 сентября 1609 года Сигизмунд III подошел к Смоленску, который приготовился к осаде, жители сами сожгли окружающий кремль посад и укрылись за стенами крепости».

Отношение к Смуте в Московской Руси у короля, радных панов и шляхты принципиально различалось.

Что касается последних, всяких там Лисовских, Рожинских, Мархоцких и т.п., то их без особых преувеличений можно назвать грабителями с большой дороги. Самым главным интересом шляхтичей была нажива, что не мешало им прикрывать грабеж патристическими и религиозными лозунгами. Наиболее приемлемым для них правителем в Москве был тот, который больше заплатит денег, больше даст земель во владение.

Радные паны и король стремились подчинить Московскую Русь власти Речи Посполитой. Но при этом радные паны стремились сделать это так, чтобы вся выгода от оккупации досталась именно им, а королевская власть не только не усилилась, а желательнее еще больше ослабла.

Напротив, Сигизмунд мечтал сделать Московское государство своим наследственным владением и править там без вме-

шательства сейма Речи Посполитой. Иначе говоря, и король, и магнаты были за соединение с Москвой, но понимали его по-разному. Магнаты желали конфедерации трех государств (Польши, Литвы и Московии), а король — династической и церковной унии.

Договор царя Василия Шуйского со шведами послужил Сигизмунду и причиной, и поводом к войне. Однако король постарался сделать ее своей «частной войной». Сигизмунд не стал обращаться к сейму за помощью. Конституция позволяла королю самостоятельно вести войну, если для этого не требуется вводить в Речи Посполитой дополнительных налогов.

Вот Сигизмунд и решил вести войну за счет королевской казны и субсидий римского папы. Римский папа Павел V благословил Сигизмунда III на поход в Московию, но денег поначалу не дал. Только в 1613 году Сигизмунду удалось буквально выбить из Папы 40 тысяч талеров. Именно нехватка средств для оплаты услуг наемников стала одним из главных факторов (если не основным) неудач королевской войны в 1610—1612 гг.

19 сентября 1609 года коронное войско гетмана Льва Сапегы подошло к Смоленску. Через несколько дней туда прибыл сам король. Всего под Смоленском собралось 5 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. Кроме того, были около 10 тысяч запорожских казаков и какое-то число литовских татар.

Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву грамоту, а в Смоленск — универсал, в котором говорилось, что Сигизмунд идет навести порядок на Руси по просьбе «многих из больших, малых и средних людей Московского государства», и что он, Сигизмунд, больше всего радеет о сохранении «православной русской веры». Разумеется, ему не поверили ни в Смоленске, ни в Москве.

*

Смоленскую каменную крепость в течение 16 лет (1586—1602 гг.) строил мастер Федор Савельев по прозвищу «Конь».

Она была самой мощной в Московской Руси: стены высотой 10—13 м, шириной в основании до 5—6 м (наверху 2—2,5 м); общая длина стен составляла 6,5 км. Ее фундамент имел ширину до 6,5 м, а глубину свыше 4 м, что сильно усложняло противнику подведение минных подкопов. В стене располагались 38 трехъярусных башен, с въездными воротами в 9 из них. Высота башен достигала 19—21 м, а Фроловской башни у Днепра — 33 м. В трех воротах были железные опускавшиеся решетки.

Снаружи крепостной стены были устроены «слухи» для своевременного обнаружения минных работ противника. Они представляли собой облицованную накатником траншею глубиной более 2 м, шириной около 1,25 м. Из накатника соорудился и потолок, за-

сыпанный землей слоем до 70 см. «Слухи» проходили на удаление 8 метров от башен и стены.

К началу осады Смоленска на вооружении крепостной стены находилось 170 пушек, фальконетов, крепостных пищалей, установленных в амбразурах «подошвенного боя», «среднего боя», «другого среднего боя» и в «верхнем бою» (между зубцами стены). Еще около 130 стволов размещались в башнях.

В крепости были накоплены большие запасы ручного огнестрельного оружия, пороха, ядер и пуль. На государевых складах находилось и продовольствие, которого, однако, оказалось недостаточно. Но у духовенства и купцов было много своих продуктов.

Главным воеводой города с 1608 года был Михаил Борисович Шеин, отличившийся в бою под Добрыничами, вскоре после этого назначенный воеводой передового полка, а затем посланный в Смоленск. Он имел богатый боевой опыт, выделялся упорством и настойчивостью, умел оказывать моральное воздействие на гарнизон и население города.

В первой половине июля Шеин получил сведения о том, что «короля чают под Смоленск к Спасову дни». Сразу же развернулись

работы по подготовке крепости к обороне. 18—20 августа Шеин приказал собирать даточных людей «с дворянских и детей боярских поместий и с вотчин и с церковных земель»... «с сохи по 6 человек, с пищальми и с топоры».

Состав гарнизона Смоленска к началу осады виден из следующих данных: посадских людей — 2500 человек; даточных людей (крестьян) — 1500; дворян и детей боярских — 900; стрельцов и пушкарей — 500 человек. Всего 5400 человек

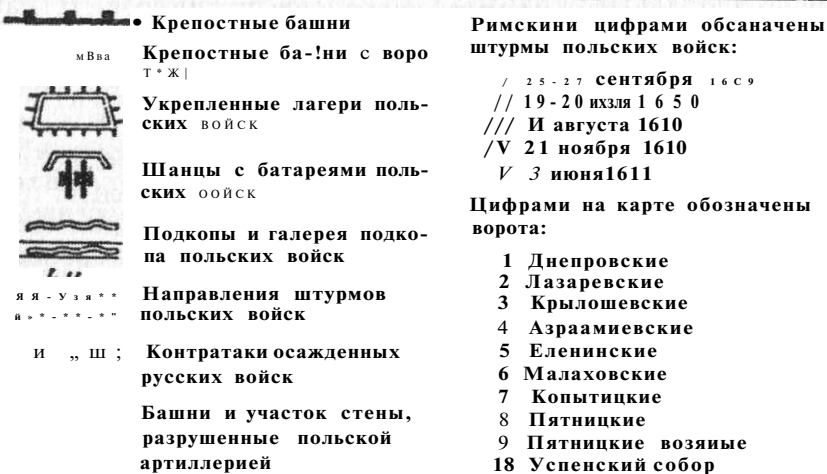
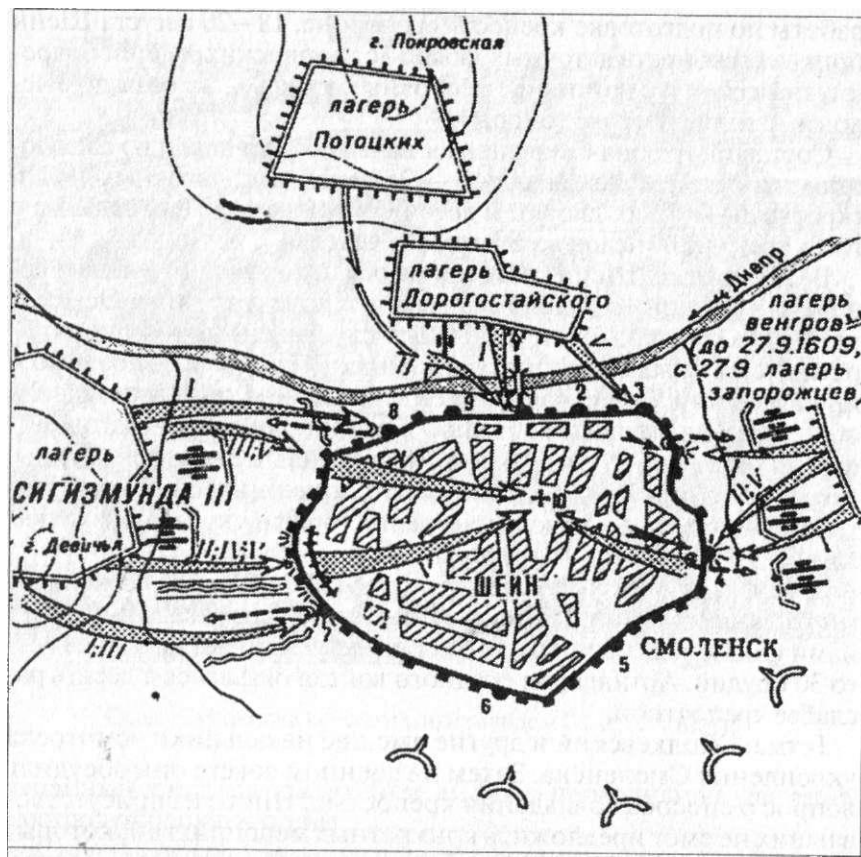
Весь гарнизон Шеин разделил на осадную (около 1,9 тысяч человек) и вылазную (около 3,5 тысяч человек) группы. Осадная группа состояла из 38 отрядов (по числу башен), примерно по 50 ратников в каждой группе, получивших для обороны башню и прилегающий к ней участок стены. Вылазная группа составила общий резерв, имевший большое значение для обороны столь обширной крепости. Резерв был в 1,8 раза сильнее осадной группы. В ходе обороны Смоленска гарнизон пополнили еще несколько тысяч ополченцев из числа населения города, укрывшихся в нем жителей окрестных сел и деревень.

19 сентября 1609 года к городу подошел Лев Сапега с несколькими хоругвями конницы и ротами пехоты, а через два дня под стенами Смоленска было уже все королевское войско, имевшее всего 30 орудий. Артиллерия осадного войска оказалась в десять раз слабее крепостной.

Гетман Жолкевский и другие высшие начальники осмотрели укрепления Смоленска. Затем на военном совете они обсудили вопрос о способах овладения крепостью. Никто из присутствовавших не смог предложить конкретных мероприятий, которые бы обеспечили успех в короткий срок. Распустив совет, гетман доложил королю, что войско не располагает необходимыми средствами для овладения столь мощной крепостью. Поэтому он посоветовал блокировать город, а с главными силами идти на Москву.

Однако Сигизмунд, отличавшийся упрямством и не любивший советов умных людей, все же решил брать Смоленск.

Командование королевского войска уже через три дня после подхода всех войск предприняло попытку ворваться в крепость ночью, предварительно разрушив петардами (подрывными снарядами) Копытецкие и Авраамиевские ворота. Однако Шеин своевременно предусмотрел возможность такой попытки со стороны врага. По его приказу у каждых ворот крепости с внешней их стороны поставили деревянные срубы, наполненные землей и камнями. Между срубами и крепостной стеной остался лишь небольшой проход к воротам, по которому мог пройти только один человек с лошастью. Срубы прикрыли ворота от

Оборона Смоленска 21 сентября 1609 — 3 июня 1611 гг.

огня осадных орудий и лишили противника возможности вести непосредственное наблюдение за обстановкой в воротах.

Для ночного штурма Жолкевский выделил лучшие конные хоругви и пехотные роты. Разрушить ворота петардами взялись немец Вайер и шляхтич Новодворский. Огонь из орудий и мушкетов должен был отвлечь внимание оборонявшихся от намеченных к взрыву ворот. Об успешном выполнении задачи минеры обязаны были подать сигнал звуком труб, для чего им выделили трубачей. Вечером 24 сентября 1609 года осаждавшие построились в боевом порядке, имея главные сиды перед Копытецкими и Авраамиевскими воротами. Артиллерия и мушкетеры начали обстрел крепостной стены.

Минеры с трубачами пошли к своим объектам. Но, несмотря на тщательное обеспечение их действий, только Новодворскому удалось пробраться к Авраамиевским воротам узким проходом, низко нагибаясь под дулами орудий, находившихся в подошвенной батарее. Он прикрепил петарды к воротам, и взрыв выломал их. Однако трубачей при шляхтиче не оказалось, и сигнал для штурма не был подан.

Начальники пехоты и конницы, выделенной для штурма, полагали, что петарды не разрушили ворота, так как за взрывом не последовал условленный звук трубы. Тем временем защитники ворот зажгли на башне и на стене факелы. Освещенные люди противника оказались хорошей целью для пушкарей, открывших огонь. Поэтому атакующие, понеся потери, отступили от ворот.

На следующий день защитники приступили к улучшению оборонительных сооружений и усилению охраны. Ворота, не требовавшиеся для сообщения с внешним миром, они завалили камнями и песком. На срубах возле других ворот поставили палисады, за ними расположили сильные караулы.

27 сентября к Смоленску прибыли несколько тысяч запорожских казаков. Но, несмотря на постоянное наращивание сил, осада шла неудачно. Так, среди белого дня шесть смоленских смельчаков на лодке переплыли Днепр и пробрались к королевскому лагерю, схватили королевское знамя и благополучно уплыли с ним в крепость.

12 октября 1609 года саперам удалось взорвать мину у главных крепостных ворот и разрушить их. В ворота ворвались воины, но были отбиты с большими потерями.

После этого Сигизмунд приказал готовиться к большому общему штурму, для чего потребовал развернуть минные работы и начать систематический обстрел крепости с трех позиций: со стороны Спасской горы, из-за Днепра, со стороны речки Чуриловки.

Под руководством двух немецких специалистов-минеров осаждавшие вели из Чуриловского рва минные галереи в нескольких направлениях. Выявив направление подкопа, оборонявшиеся развернули контрминные работы. 16 января 1610 года смоленские

минеры докопались до галереи противника, установили пищаль, встретили противника огнем, а затем взорвали подкоп. Это был первый подземный бой, но не последний.

27 января произошла под землей новая встреча с врагом. Смоленские минеры теперь установили в галерее полковую пищаль и зарядили ее ядром со «смертельным составом» (селитра, порох, сера, водка и другие вещества). Затем подкоп был взорван.

Осада Смоленска затянулась. Крепость сковала крупные силы и средства противника. В результате длительных бомбардировок большая часть орудий польско-литовского войска вышла из строя. Гетман Жолкевский доложил королю, что для овладения крепостью необходимо иметь много осадных орудий крупного калибра и много пехоты. Ни того, ни другого у Сигизмунда не было. Недоставало и денег для содержания большого войска.

Для переливки износившихся орудийных стволов король приказал выписать из Риги хорошего мастера. Но мастер вскоре погиб. Переделка орудий не состоялась. Зато в Риге оказались готовыми осадные орудия крупного калибра. Сигизмунд приказал их доставить по реке Двине. Первые орудия прибыли к Смоленску лишь 19 мая 1610 года.

После поражения москвитов под Клушино (июнь 1610 г.) казалось, что уже ничто не сможет помешать взятию крепости. 11 июля осаждавшие возобновили подземные работы. Была заложена параллель, и началось сближение подступами к четырехугольной башне, находившейся слева от Копытинских ворот. Однако осажденные вели контрпрошные работы и взорвали часть подступа. Все же противнику удалось дойти до подошвы башни, но пробить брешь он не сумел, так как основание было сложено из тесаного камня.

Наконец, 18 июля осадные орудия сделали брешь в этой башне, а на рассвете 19 июля наступавшие направили сюда штурмовую колонну ландскнехтов, производя на других участках демонстрации. Защитники Смоленска успешно отразили штурм превосходящих сил противника.

24 июля враг повторил штурм, но результат был тот же.

Наиболее упорным был штурм 11 августа, во время которого наступавшие потеряли около тысячи человек (по их собственным сведениям), но опять не имели никакого успеха.

Смоляне мужественно обороняли свой город. Никакой помощи от Москвы не было. Голод и болезни не поколебали их стойкость. Попытки Сигизмунда и Жолкевского уговорить послов Голицына и Филарета, чтобы те приказали воеводе Шеину сдать Смоленск, не дали результата.

Поэтому 21 ноября 1610 года король устроил генеральный штурм крепости, уже пятый по счету с начала осады. На рассвете

была взорвана мощная мина в подкопе под одной из башен. Башня развалилась, рухнула и стена на протяжении более 20 метров. В пролом трижды вламывались осаждавшие и трижды были выбиты. И этот штурм кончился полной неудачей.

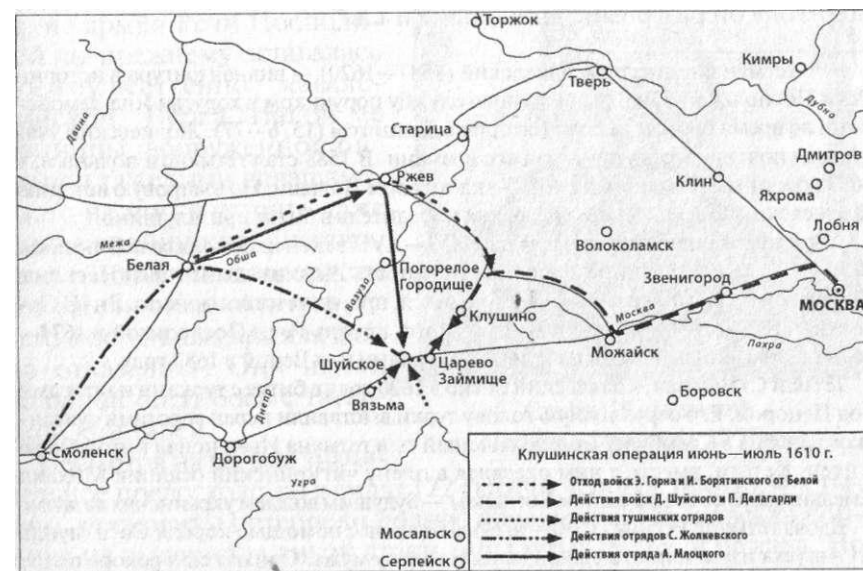
БИТВА У КЛУШИНО

(24-25 июня 1610 г.)

В середине мая 1610 года войско численностью около 30 тысяч человек вышло из Москвы на помощь Смоленску. Командовал войском Дмитрий Шуйский, родной брат царя, бездарный полководец, не пользовавшийся авторитетом среди ратников.

В это время Понтус Делагарди со своим войском (до 8 тысяч «своев» и «немцев»), в ожидании обещанного царем жалованья, находился примерно на середине пути между Москвой и Можайском. Воины Делагарди отказались идти дальше, пока им не выдают заслуженное жалованье. У Дмитрия Шуйского и без них было вполне достаточно людей, но все же он твердо пообещал заплатить, после чего шведско-немецкий отряд пошел дальше вместе с ним.

Шуйский выслал вперед авангардный отряд численностью 8000 конных и пеших ратников, под командованием князя Елецкого и воеводы Григория Валуева. Этот отряд через Мо-

Клушинская операция (июнь — июль 1610 г.)

*

жайск и Волоколамск прошел по Большой Смоленской дороге до Царева Займища, расположенному на левом берегу реки Сежа. Там московиты стали лагерем в поле, огородив его дерево-земляными укреплениями.

Король Сигизмунд отправил навстречу конный отряд под командованием гетмана Жолкевского, а остальное его войско продолжало осаждать Смоленск. Станислав Жолкевский слыл самым талантливым польским военачальником. Ему исполнилось уже 63 года, на его счету были победы над шведами в Лифляндии, разгром казацкого восстания Наливайко, в битве под Гузовом в 1607 году он разгромил «рокошан» и т.д.*

* Гетман Станислав Жолкевский (1547—1620) — видная фигура в истории Речи Посполитой. Он начал военную службу поручиком в хоругви Яна Замойского, во время борьбы короля Батория с Данцигом (1576—77). Жолкевский участвовал почти во всех войнах своего времени. В 1588 стал гетманом полным, в 1613 коронным гетманом, а в 1617 — канцлером Польши. Но в мировую историю Жолкевский вошел, прежде всего, как победитель в битве при Клушино.

Свой замок он построил на рубеже XVI—XVII веков на землях села Винники. Вокруг замка постепенно вырос город-крепость Жолква (ныне город Нестеров Львовской области Украины). Здесь родился, провел детство и юность Ян III Собеский (1629—1696), правнук Жолкевского, король Речи Посполитой в 1674—1696 гг., знаменитый своей победой над турками под Веной в 1683 году.

Гетман Станислав Жолкевский погиб в 1620 году в битве с турками и татарами под Цецорой. Его отрубленную голову турки выставили перед воротами султанского дворца в Стамбуле. Тяжело раненный сын гетмана Иван попал в этой битве в плен. Кстати, вместе с ним оказался в плену Чигиринский осадник Михаил Хмельницкий со своим сыном Богданом — будущим вождем украинских казаков.

Вдова гетмана Регина (1570—1624) выкупила с помощью короля Сигизмунда III Августа изуверченного сына Ивана и голову мужа. Однако сын вскоре после возвращения домой умер от ран. Несчастливая женщина похоронила останки мужа и сына в одном гробу под алтарем в родовой усыпальнице.

12 июня войско Жолкевского прибыло в Шуйское, где к нему присоединились отряды бывших тушинцев Зборовского, Дуниковского, Ивашина, Казановского и Пясковского. Впрочем, они отказались помогать Жолкевскому до тех пор, пока не получат от короля обещанное жалованье. Жолкевский со своим конным отрядом один направился к Цареву Займищу. 14 июня здесь произошло сражение между ним и войском Валуева — Елецкого. Московиты были разбиты, они отступили в свой укрепленный лагерь.

На другой день*, увидев, что Жолкевский победил, к нему присоединились тушинцы под общим командованием Зборовского. В результате у гетмана собралось до 11 тысяч человек, которые окружили отряд Валуева и Елецкого. Воеводы немедленно послали гонцов к Дмитрию Шуйскому, взывая о помощи. Московское войско вышло из Можайска, но, не дойдя 30 верст до Царева Займища, стало лагерем у деревни Клушино (севернее Гжатска), поскольку утомилось от сильной жары.

Жолкевский разделил свое войско. Одна часть (до 7000 человек пехоты из числа бывших тушинцев) блокировала Валуева возле Царева Займища, а его конный отряд (около 4000 человек) 24 июня подошел к Клушино.

В то время в Европе на поле боя уже доминировала пехота, но армия Речи Посполитой по-прежнему оставалась преимущественно кавалерийской. Перед атакой ее конницы, вооруженной пиками и тяжелыми палашиами, часто не могло устоять даже каре копейщиков. Литвинские и польские кавалеристы все еще носили кольчуги, от чего в остальных армиях давно отказались. Они имели большой опыт боев с татарской конницей.

Несмотря на весьма значительное превосходство в силах (22 тысячи человек против 4-х тысяч), московиты потерпели полное поражение. Московская конница не выдержала лихой атаки «крылатых гусар» и бежала. Но наемная иностранная пехота засела в Клушино, она встретила атакующих сильным ружейным и артиллерийским огнем. Между тем,

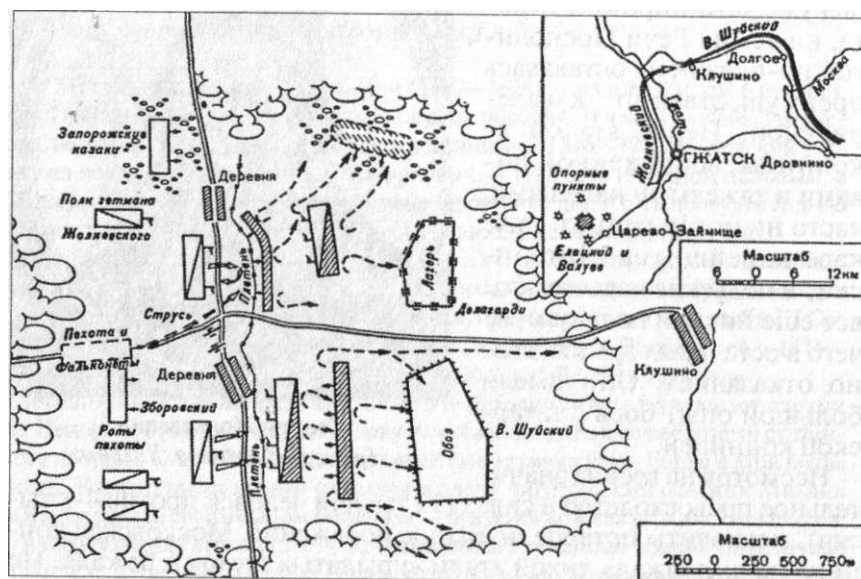
Стефан Жолкевский.
Гравюра Стефенса, XVII век

у Жолкевского были всего лишь два фальконета, да и те застряли в лесу, в бой они вступили только в самом конце сражения.

Дмитрия Шуйского погубили глупость и жадность. Накануне сражения шотландцы, французы и немцы, служившие наемниками в шведском войске, снова потребовали выплаты жалованья. У Шуйского были немалые средства серебром, соболями и ценными вещами, которые выдал ему царственный брат, но князь решил повременить с платежом в надежде, что после битвы он заберет себе жалованье погибших. В итоге события развернулись следующим образом:

«Как только бой начался, от Понтуса отпали два полка французских конников, перешли к Жолкевскому и вместе с поляками стали стрелять в людей Понтуса и в московитов, отчего московиты впали в такое уныние, что повернули врагам спины и убежали в Москву, а немецкий пеший отряд бросили на произвол судьбы.

Все же те храбро оборонялись некоторое время от поляков и убили нескольких знатных поляков, надеясь, что московиты вернутся и их выручат. Но так как о возвращении московитов что-то не слышно было, а держаться против поляков им постепенно становилось нелегко, они вступили в переговоры с поляками и обязались сдаться, если поляки клятвенно обещают, что им будет сохранена жизнь, если же этого не произойдет, то они

Бой у деревни Клушино

будут держаться и защищаться до последнего человека, от чего и полякам несладко придется.

Поляки немного отошли, посоветовались и согласились на том, чтобы обещать немцам принять их на милость. Они послали к ним пана Зборовского, который поклялся, что им не причинят никакого вреда... После этого немцы сдались, и все, что им было обещано, было честно выполнено...

Одержав эту победу, прогнав московитов с поля и разграбив их лагерь со всеми боевыми припасами и со всем, что у них там было..., Жолкевский вернулся с радостью и великим торжеством в Царево Займище и привел с собой много пленных бояр».

Буссов К. Цит. Соч., с. 167—168

Так бесславно закончилось для московского войска сражение под Клушино. Для правительства Шуйского этот разгром стал настоящей катастрофой: во-первых, оно лишилось союзников в лице наемников Делагарди; во-вторых, московское войско потеряло убитыми и пленными 15 тысяч человек, а остальные разошлись по домам.

Переговоры с Жолкевским от имени засевших в Клушино наемников вели немецкие ротмистры Конрад Линке и Вильгельм Таубе. На основании соглашения иностранные воины получили право свободно уйти на родину с оружием и знаменами. Однако основная часть войска Понтуса Делагарди решила присоединиться к Жолкевскому и двинулась вслед за ним в Царево Займище.

Жолкевский сразу сообщил Валуюву и Елецкому о своей победе. Но воеводы не поверили, 26 июня они сделали еще одну неудачную вылазку. Тогда гетман показал Валуюву знатных пленников, взятых под Клушиным. Подумав, Валуюв 29 июня сдался и присягнул «царю Владиславу», за ним последовал князь Елецкий и все остальные.

По примеру Царева Займища «целовали крест» царю Владиславу города Можайск, Борисов, Боровск, Волоколамск, Погорелое Городище, Ржев. К войску гетмана в этих городах присоединились до десяти тысяч московитов. Он пошел на Москву, но сил для захвата столицы у Жолкевского все равно не хватало, и он остановился в 100 верстах от столицы.

Сам Делагарди и шведский ротмистр Эбергард Горн с небольшим количеством шведов и финнов ушли в Погорелое Городище. Там они забрали больного французского ротмистра Делявиля вместе с его ротой, после чего неспешно двинулись в северном направлении, на Новгород, методично грабя всё на своем пути. Первой их жертвой стал Иосифов монастырь, где находилось некоторое количество воинов Яна-Петра Сапеги. Взяв монастырь, шведы и французы ограбили его до нитки, а всех защитников перебили. Затем они двинулись дальше и в конце концов достигли Новгорода, где остались надолго.

*Действия Самозванца
(лето 1610 г.)*

Наибольшую выгоду от сражения при Клушино получил Самозванец. Как уже сказано выше, ему удалось собрать кое-какие силы. 10 июня он двинулся из Прудков (на Угре) к Боровску, который осаждали царские воеводы Михаил Волконский, Афанасий Челищев и Яков Змиев. У Лже-Дмитрия в это время было свыше 5 тысяч человек: полк Тышкевича — около 900 человек; полк Хрулинского — тысяча; полк Будзины — 1200 человек; полк гетмана Яна-Петра Сапеги — 1900 человек.*

Несмотря на то, что у них было от 8 до 10 тысяч человек, трое воевод, узнав о приближении Самозванца, сняли осаду и укрепились в Пафнутьевом монастыре, в трех верстах от Боровска. 5 июля Самозванец и Сапега взяли монастырь, жестоко расправившись с его защитниками. С обеих сторон погибли в общей сумме до 4000 человек, а из 50 монахов остались в живых лишь 10.

От Боровска Лже-Дмитрий двинулся к Серпухову, который сдался без боя. Сдались ему также Коломна и Кашира. Но штурм Зарайска провалился. Воеводой там был храбрый князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Оставив Зарайск в покое, 16 июля «царь Дмитрий» со своим войском пришел к Москве. Он стал лагерем на Коломенской дороге.

Царь Василий, цепляясь за власть, несколько раньше обратился за помощью к крымскому хану. В ответ на его просьбу к

Донской казак (начало XVII в.)

Туле пришли десять тысяч татар во главе с мурзой Кантемиром по прозвищу «Кровавый Меч». Кантемир взял деньги у царских воевод, но вместо того, чтобы сражаться с войсками Лже-Дмитрия, занялся грабежом и увел в Крым несколько тысяч пленников.

* Все цифры о численности войск приблизительные.

*Свержение Василия Шуйского
(17 июля 1610 г.)*

Клушинское поражение сделало положение Василия Шуйского отчаянным. С одной стороны к столице двигался Жолкевский, с другой — Самозванец, а войск, чтобы остановить их, больше не было.

В самой Москве против царя Василия были настроены уже все слои населения. Правильно оценив ситуацию, тушинские самозванные бояре во главе с Дмитрием Трубецким вошли в прямой контакт с князьями Федором Ивановичем Мстиславским и Василием Васильевичем Голицыным и предложили им «нулевой вариант»: московские бояре свергают царя Василия, а тушинцы устраняют Самозванца. Далее те и другие изберут «сопца государя».

Московская знать боялась расправы со стороны Самозванца, поэтому такой вариант устраивал их наилучшим образом. Осуществить переворот они поручили рязанскому дворянину Захару Ляпунову, родному брату Прокофия Ляпунова. 17 июля 1610 года Захар Ляпунов, Федор Хомутов и Иван Салтыков собрали народ на Красной площади. Затем они, вместе с князем И.М. Воротынским, свояком царя Василия, вошли в Кремль через Арбатские ворота и Захар Ляпунов потребовал от Василия Шуйского немедленного отречения:

«Долго ль за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твоё правление, сжался над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь помыслим».

Царь ответил Ляпунову ругательствами и даже вытащил нож. Но Захар, сильный мужчина высокого роста, крикнул ему: «не тронь меня, а то как возьму в руки, так и сомну всего». После этого князю Воротынскому удалось уговорить Шуйского оставить престол и удовольствоваться уделом — Нижним Новгородом. Его увезли под охраной в дом, где он жил до того, как стал царем. Были также арестованы его братья Иван и Дмитрий.

Между тем, у Василия Шуйского вдруг нашлось немало сторонников, в том числе патриарх Гермоген. Тогда, чтобы исключить возможность его возвращения на престол, заговорщики 19 июля насильно постригли неудачливого царя и его жену Марию Петровну в монахи и заточили в кремлевском Чудовом монастыре. Шуйский сопротивлялся как мог, он не сказал ни слова об «отречении от мира сего». Вместо него эту формулу произнес князь Василий Тюфякин. Кстати, патриарх Гермоген не признал акта отречения и заявил, что монахом должен быть Тюфякин, однако его никто не слушал. Позже «семь бояр» передали свер-

гнутого царя вместе с его братьями гетману Жолкевскому в качестве заложников.

Захар Ляпунов со своими рязанцами предложил на московском вече «на господство поставить» князя Василия Голицына. Но бояре и князья в своем большинстве не хотели передавать престол никому из равных себе по происхождению. Поэтому они, во главе с патриархом Филаретом, предпочитали следовать договору с королем Сигизмундом от 4 февраля 1610 года об избрании на московский престол королевича Владислава. Под их влиянием 17 июля вече постановило «никого из Московского государства на господство не избирати».*

Несколько позже боярская дума постановила выбрать царя на Земском соборе. А до созыва собора, дума создала нечто вроде комитета для управления страной. В его состав вошли семь человек: Иван Воротынский, Василий Голицын (позже его заменил брат Андрей), Борис Лыков, Федор Мстиславский, Иван Романов, Андрей Трубецкой, Федор Шереметев. В народе это правительство прозвали «семибоярщиной». Его «лидером» стал Федор Мстиславский. По словам автора «Иного сказания», семеро бояр «точию два месяца власти насладишася».

Города, подчинявшиеся царю Василию, без особых колебаний целовали крест «семи боярам». В Москве же продолжались интриги. Захар Ляпунов с несколькими дворянами повел агитацию в пользу Лже-Дмитрия II. Узнав, что Ляпунов намерен тайно впустить в Москву войско Самозванца, Мстиславский передал Жолкевскому от имени «семи бояр», чтобы тот немедленно шел к столице.

Гетман 20 июля 1610 года вышел из Можайска, а в Москву послал грамоты, где говорил, что идет защищать столицу от «вора». Князю Мстиславскому «со товарищи» Жолкевский прислал грамоту, содержащую щедрое обещание боярам тех же вольностей и прав, что имели магнаты Республики. Понятно, что последним эти обещания понравились: им давно хотелось избавиться от царского произвола — опал, казней, конфискации вотчин, и жить подобно литвинским и польским аристократам, такими же полунезависимыми правителями в своих землях.

24 июля Жолкевский стал лагерем в семи верстах от Москвы, у села Хорошево. Одновременно с юга к Москве подошел Лже-Дмитрий. Гетман вступил с ним в переговоры. От имени и по поручению короля Сигизмунда он предложил Самозванцу отказаться от дальнейших притязаний на московский трон, а взамен получить в качестве удела, на выбор, один из двух городов — Самбор или Гродно.

* См. Платонов С.Ф. Очерки Смуты, с. 333.

Но Лже-Дмитрий отказался. По свидетельству некоторых современников (например, Буссова) причиной тому послужили его надежды на восстание в его пользу в Москве. Тогда, чтобы прекратить разбой войск Самозванца в московских окрестностях, гетман Жолкевский в ночь с 25 на 26 августа соединился с 5-тысячным войском князя Ф.И. Мстиславского и утром внезапно предстал перед лагерем Лже-Дмитрия. Его войсками командовал в это время гетман Ян-Петр Сапега. Желая избежать кровопролития между соотечественниками/оба гетмана быстро договорились о прекращении борьбы.

Однако Самозванец по-прежнему не соглашался на предложение Сигизмунда, хотя Сапега настойчиво его убеждал. Узнав об этом, Жолкевский решил снова применить силу. Он со своим отрядом прошел через Москву к Коломенской заставе, где соединился с московским отрядом. Затем они направились к Угрешинскому монастырю, куда 28 августа бежал Самозванец, испугавшись, что Сапега выдаст его Жолкевскому. Получив сообщение о приближении врагов, Лже-Дмитрий вместе с Мариной, находившейся в этом монастыре, поспешно вернулся в Калугу. Его сопровождали несколько сотен донских казаков под начальством атамана Ивана Заруцкого.

Отметим, что Заруцкий после распада тушинского лагеря ушел со своими казаками под Смоленск, в ставку короля Сигизмунда — служить будущему «царю Владиславу». Но там и он, и его сподвижники быстро поняли, что вряд ли они могут связывать надежды на лучшее будущее с кандидатурой польского королевича. Поэтому в сентябре казаки Заруцкого вернулись к Самозванцу решительными противниками не только Василия Шуйского, но и Владислава, и стоявшего за ним Сигизмунда III.

Избиение жителей Козельска (1 сентября 1610г.)

О трагической судьбе этого города, находившегося в подчинении Лже-Дмитрию II, и ставшему жертвой запорожских казаков (тех самых, что прибыли под Смоленск 27 сентября 1609 года), ясно поведал Буссов:

«Из королевского лагеря пришли 4000 вольных людей, служивших под Смоленском королю польскому с намерением порыскать по местности и пограбить. В первый день сентября они быстро и внезапно, совершенно неожиданно появились под Козельском, в котором в то время совсем не было войска. Когда они это заметили, они так лихо налетели, что за два часа захватили и город и крепость, убив при этом 7000 человек и старых, и молодых и обратив в пепел город и кремль. Князья и бояре вместе с вое-

Запорожский казак (начало XVII в.).

Худ. В. Тараторим

изгоном, и изрубив всехжителей, никому не давая пощады, возвратились в королевский лагерь с полоном и большою добычею».

водою и немцами... были уведены в плен вместе с женами и детьми, многие из них были очень тяжело ранены... Что случилось с женщинами и девушками, когда они попали в панибратовы рук, увь, легко себе представить»...

Буссов К. Цит. Соч., с. 173

В официальном королевском дневнике осады Смоленска имеется следующая запись от 26 сентября:

«Запорожские казаки, вышедшие было на поиски из королевского войска, разграбили Козельск и Мещерск, которыми овладели

Там же, с. 379

ГИБЕЛЬ ЛЖЕ-ДМИТРИЯ II (декабрь 1610 г.)

Потерпев неудачу под Москвой вследствие сговора между Жолкевскими Сапегой, Самозванец разочаровался в литвинах и поляках. Теперь он решил опереться на татар Поволжья, а главной своей базой для продолжения борьбы намеревался сделать Астрахань. Он послал туда гонца с сообщением, что придет вместе с царицей Мариной и будет держать там свой двор. Выбор Астрахани не был случаен. Благодаря скоплению в этом городе казацкой вольницы и беглых холопов, здесь традиционно находили себе приют многие «воры».

А пока Лже-Дмитрий оставался в Калуге. Но в конце года он погиб. Получив донос на касимовского «царя» Ураз-Мухаммеда — от сына последнего, будто бы его отец собирается перейти в подчинение к «семи боярам», он приказал утопить татарского «царя». В своем поступке Самозванец не видел ничего особенного: все государи были вольны «казнить и миловать» своих подданных. Од-

нако касимовские татары посмотрели на это дело иначе. Терпеливо выждав примерно два месяца, стольник «царя.Дмитрия», князь Петр Урусов, друг убитого, 11 декабря 1610 года застрелил «царя Дмитрия» на охоте в лесу под Калугой и отрезал ему голову* После этого он усакал в Ногайскую орду.

Как пишет Н.И. Костомаров, Марина ночью после убийства мужа, схватив факел, бегала в отчаянии среди толпы, рвала на себе одежду и волосы, ц умоляла донских казаков о мщении. Начальствовал над этими казаками ее любовник, атаман Заруцкий. Он с ними напал на тдгар в Калуге и убил до 200 человек мужчин, женщин и детей, не успевших бежать оттуда с основной частью татарского населения (около тысячи человек), заблаговременно покинувшего город по указанию Урусова. За несчастными гонялись по всем улицам, убивая их ударами дубин и сабель.

Итак, Марина Юрьевна Мнишек во второй раз стала вдовой. Через несколько дней после гибели мужа она родила сына, которого нарекли Иваном.

% н⁴

Останки Лже-Дмитрия были торжественно погребены в церкви Калужского кремля. Но, как известно, «свято место пусто не бывает».

23 марта 1611 года в Иван-городе объявился очередной «чудесно спасшийся» царь Дмитрий Иванович (Лже-Дмитрий II). Самозванец, подлинное имя которого было Сидор, сообщил изумленным горожанам, что в Калуге убили кого-то другого, а он в очередной раз «чудесно спасся» от смерти. Ему поверили, три дня звонили в колокола и стреляли из пушек, знаменуя тем самым «великую радость». Далее под знамена «царя» в Иван-городе встали отряды стрельцов и казаков. С ними он 8 июля явился к Пскову и заставил жителей присягнуть ему.

На выручку Пскову шведы послали из Эстляндии отряд генерала Горна. Самозванец испугался и ушел в Гдов. Там он получил письмо от Горна, в котором было сказано, что шведы не считают его «настоящим царем». Но так как его «признают уже многие», шведский король согласен дать ему удел в обмен на отказ от притязаний на московский престол в пользу шведского принца Карла-Филиппа, приглашенного земским правительством. Самозванец отказался и бежал из Гдова назад в Иван-город. Но 4 декабря он все же торжественно въехал в Псков, где духовенство провозгласило, что он и есть «настоящий царь».

Между тем, 2 марта 1612 года Первое ополчение под Москвой признал «Псковского вора» своим государем. Оно и понятно, дви-

* От Петра Урусова шел известный в России род князей Урусовых.

жение остро нуждалось в фигуре, за чье «правое дело» оно якобы воевало. Заруцкий и Трубецкой со всем ополчением целовали крест на верность «спасенному Дмитрию Ивановичу». Увы, царствовал он недолго. В Пскове возник заговор против него и 18 мая 1612 года самозванец бежал из города. Через два дня его поймали и вернули. Через полтора месяца (1 июля) «вора» повезли в Москву — в стан ополчения. Но по дороге на конвой напали казаки Александра Лисовского. В панике псковичи убили самозванца, а сами убежали.

В литературе встречаются упоминания и о многих других самозванцах. Были известны Лже-Дмитрий IV и Лже-Дмитрий V. Среди терских казаков после гибели Лже-Петра появился «царевич Иван-Август», якобы «сын» царя Ивана IV от брака с Анной Колтовской. На некоторое время ему покорились Астрахань и все Нижнее Поволжье.

Всле за ним появился «внук» Ивана Грозного — «царевич» Лаврентий, якобы «сын» царевича Ивана Ивановича. Известны также многочисленные «дети» царя Федора от брака с Ириной Годуновой: «царевичи» Василий, Гавриил, Ерофей, Кlementий, Савелий, Симеон и Мартын. Однако никому из них не удалось добиться сколько-нибудь заметных успехов.

ИДЕЯ О ЦАРЕ ВЛАДИСЛАВЕ

Итак, «семь бояр» и патриарх Филарет решили сделать московским царем Владислава, сына короля Сигизмунда III, которому летом исполнилось 14 лет. В связи с этим, Жолкевский по их просьбе отогнал от Москвы Самозванца.

Затем бояре 17 августа 1610 года подписали договор с Жолкевским об условиях пребывания его войска в Москве и о передаче престола Владиславу. Но при этом некоторые важные вопросы остались открытыми. Гетман без санкции короля и сейма Речи Посполитой не решился утвердить статьи о принятии Владиславом православия; о вступлении его в брак с девицей из знатного московского рода; о возвращении Москве всех городов, захваченных Сигизмундом; о взаимном обмене пленными без выкупа; о прекращении осады Смоленска.

Поэтому в сентябре из Москвы к королю под Смоленск отправилось «великое посольство». Его возглавили князь Василий Голицын и патриарх Филарет. В состав посольства вошли окольный князь Мезецкий, думный дворянин Сукин, думный дьяк Томила Луговский, дьяк Сыдавный-Васильев; из духовных лиц — спаский архимандрит Евфимий, троцкий келарь Авраамий Палицын

и другие официальные лица. Всего в составе посольства, вместе с помощниками, охраной и слугами, было 1246 человек!

Посольство прибыло под Смоленск 7 октября. Поляки приняли его «с честью» и отвели послам 14 шатров в версте от королевского стана. Но кормили послов плохо, а на их жалобы отвечали, что «король не в своей земле, а на войне, и взять ему самому негде». Это было правдой.

10 октября король дал аудиенцию послам, которые попросили Сигизмунда отпустить своего сына на царство в Москву. Они также напомнили, что Владислав — в соответствии с договором от 4 февраля — должен принять православие в Смоленске от патриарха Филарета и смоленского архиепископа Сергия, чтобы явиться в Москву уже православным человеком. Канцлер Лев Сапега от имени короля неопределенно ответил им, что король желает спокойствия в Московском государстве и назначит время для переговоров.

Помимо тех условий, которые утвердил своей властью гетман Жолкевский, послам следовало добиться от короля соблюдения всех остальных: чтобы королевич взял с собой из Польши лишь небольшое число необходимых ему людей; что жениться Владислав должен на девице православной веры; что все города, занятые людьми Сигизмунда или «Тушинского вора», следует очистить, как было до Смуты и как уже договорено с гетманом Жолкевским. А если кто-либо из жителей Московского государства захочет отступить от православной веры, того казнить смертью, таким образом, возможность унии православной церкви с католической категорически исключалась.

Согласно условиям, принятым обеими сторонами, ни литвины, ни поляки не имели права занимать руководящие посты в Москве, провозглашалась свобода торговли между Москвой и Республикой, а также совместная оборона от крымских татар.

Теоретически, возведение Владислава на престол могло стать благом для Московского государства. Отпрыск шведско-польского королевского дома пользовался бы большим авторитетом в стране, чем какой-нибудь князь Голицын или боярин Мстиславский, еще недавно пресмыкавшиеся перед выскочками Борисом Годуновым и Василием Шуйским.

Призвание иностранного монарха на престол в Западной Европе было обычным делом и в те времена и много позже. Например, через 100 лет внук французского короля Людовика XIV Филипп стал королем Испании и основал династию испанских Бурбонов. Да и в России в 1762 году престол заняла стопроцентная немка, принцесса Фредерика-Августа Анхальт-Цербстская, ставшая императрицей Екатериной Второй, или «Великой».

Но фактически мечты московских бояр о «ручном короле» Владиславе были утопией. Сигизмунд вел речи о царствовании сына лишь в качестве «дымовой завесы», в действительности он сам хотел сесть на московский престол, чтобы после этого не мытьем, так катаньем добиться введения церковной унии. Напомним, что он был ревностным католиком и соображения «о пользе истинной веры» являлись для него абсолютной ценностью.

Условия, предложенные боярами, были вполне приемлемыми, но за спиной бояр отсутствовали «большие батальоны», если употребить любимое выражение Наполеона Бонапарта. Сигизмунд лгал москвичам, поскольку руководствовался тайным планом, зато батальоны у него были. Точнее, он думал, что они у него есть. Поэтому переговоры постепенно зашли в тупик. Король соглашался на переход сына лишь в униатство и вообще не хотел отпускать его в Москву — под предлогом малолетства. В конце концов, в начале апреля 1611 года, Сигизмунд приказал отправить все посольство под вооруженным конвоем на территорию Польши, в замок Мариенбург.

А тем временем в королевском совете спорили, отпускать Владислава в Москву или нет? Сначала Лев Сапега, уже не надеясь взять Смоленск, был на стороне тех, кто соглашался отпустить королевича в Москву, но вскоре изменил свое мнение. Особенно повлияло на Сапегу письмо королевы Екатерины, супруги Сигизмунда, которая написала канцлеру:

«Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленск и советуешь королю на время отложить осаду: заклинаем тебя, чтоб ты такого совета не подавал, а вместе с другими сенаторами настаивал на продолжении осады: здесь дело идет о чести не только королевской, но и целого войска».

После этого Сапега заявил на королевском совете, что присяга, данная москвитями Владиславу, подозрительна. Не хотят ли они просто выиграть время? Нельзя ради сомнительных выгод с позором уходить из-под Смоленска, оставив надежды на приобретение Смоленской и Северной областей. В итоге Владислава в Москву не отпустили, а московских послов, как уже сказано, задержали в качестве пленников или даже заложников.

Ситуация сложилась запутанная. Литвинские и польские магнаты отказались помочь Сигизмунду как войсками, так и деньгами для планировавшегося им похода на Москву. Чтобы заплатить наемникам, стоявшим под Москвой, королю пришлось в феврале 1610 года частью продать, частью заложить свои драгоценности. Смоленск же продолжал успешно защищаться.

ВСТУПЛЕНИЕ ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКОГО ВОЙСКА В МОСКВУ (21 сентября 1610 г.)

Между тем в Москве и вокруг нее зрело недовольство против стовора «семи бояр» с интервентами. Многие москвиты, особенно из низших слоев, предпочитали видеть на престоле русского Самозванца, а не польского королевича. Из городов Владимир-Юрьев, Галич, Ростов Великий и Суздаль к Лже-Дмитрию прибыли гонцы с заявлениями о готовности передаться ему. А в самой столице продолжал агитацию в пользу «царя Дмитрия» Захар Лапунов.

Поэтому, хотя по договору от 17 августа, войска Жолкевского должны были отойти к Можайску, бояре договорились с гетманом, что литвины и поляки станут гарнизоном в Москве. 16 сентября полковники Гонсевский и Струсь приехали в Москву расписывать квартиры. Но, увидев их, один монах ударил в набат. На Красной площади быстро собралась огромная толпа, квартирьерам пришлось удалиться.

Тогда бояре предложили тихо войти в город ночью. Это произошло в ночь с 20 на 21 сентября 1610 года. В город вошли 3500 литвинов и поляков, а также 800 иноземцев: немцев, французов и прочих. Жолкевский и Гонсевский с пехотой разместились в Кремле (где Жолкевский занял бывший дом Бориса Годунова), полк Зборовского разместился в Китай-городе, на Посольском дворе, по соседству с Кремлем. Полк Казановского встал в Белом городе, на дворах князей Ивана и Дмитрия Шуйских. Чтобы обеспечить коммуникации с Речью Посполитой и со ставкой короля под Смоленском, по приказу гетмана другие полки заняли Новодевичий монастырь, города Можайск, Борисов и Верею.

Таким образом, военный аспект оккупации разрешился довольно легко. Зато возникла проблема верховной власти. Формально считалось, что Владислав уже царствует. Ему присягнули, помимо Москвы, города Белозеро, Владимир, Вологда, Коломна, Нижний Новгород, Новгород Великий, Ростов, Серпухов, Тула, Устюг, Ярославль.

В церквях попы возносили молитвы за его здравие. От его имени вершили суд. В Москве чеканили монеты с его именем и профилем. К Владиславу под Смоленск отправляли запросы по политическим и хозяйственным делам, жалобы, челобитные с просьбами о предоставлении поместий и т.п. Ответы приходили довольно быстро, щедро раздавались чины и поместья. Однако подписывал их не Владислав, а Сигизмунд.

Чтобы не смущать население, бояре обратились к королю с просьбой, чтобы под грамотами стояла подпись Владислава. Действительно, с начала 1611 года в грамотах появляется «Царь и великий князь Владислав», но все равно его подпись стояла после подписи короля Сигизмунда. Таким образом, Сигизмунд стал не только фактическим, но и почти официальным правителем Московской Руси.

Вероятно, умнейший человек — гетман Жолкевский — понял, что москвиты никогда не примут Сигизмунда в качестве царя. Гетман шел в Москву для того, чтобы сделать царем Владислава. Если бы Владислав принял православие, женился на русской боярышне, то его дети выросли бы русскими людьми, и вполне вероятно, что шведская династия Ваза прижилась бы на Руси.

Но этот план был хорош только теоретически. Несовместимость европейской и азиатской ментальностей не давала надежд на его практическую реализацию. Если на троне не удержался Лже-Дмитрий I, москвит по происхождению, хорошо знавший нравы своих соотечественников, то у королевича, получившего европейское воспитание, шансов было еще меньше. Руси требовался такой царь, который подобно Петру Великому мог бы бороться с варварством варварскими методами.

Ну, а претензии Сигизмунда на московский трон заведомо были провальными. Жолкевский изменить ничего не мог, поэтому ему осталось только уехать. В начале октября 1610 года пан Станислав покинул Москву. Прощаясь с войском, он сказал: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск». После него московский гарнизон возглавил Александр Гонсевский.

Одновременно Жолкевский забрал с собой Василия Шуйского и его братьев. Сначала их отвезли к Смоленску, а оттуда — в Мариенбург, где они составили компанию послам от «семи бояр» — Голицыну, Филарету и прочим. Там бывший царь и умер в 1612 году.

Глава 6

ОТПОР

НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИЛ

ПЕРВОЕ ОПОЛЧЕНИЕ И ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ (февраль — март 1611 г.)

К началу 1611 года в Московской Руси сложились предпосылки для организации массового сопротивления интервенции Речи Посполитой. В самом деле, Лже-Дмитрий II уже погиб. Те, кто признал Владислава царем из страха перед Самозванцем, могли теперь свободно действовать против литвинов и поляков.

Первым этапом в организации патриотических сил стала переписка между городами. Начало ей положила грамота анонимной группы жителей Смоленска, прибывшая в Москву в конце осени 1610 года и обращенная «ко всем градам» Московского царства, но в первую очередь к москвичам. Смоляне призывали из осажденного города:

«Для Бога, положите о том крепкий совет меж себя: пошлите в Новгород, и на Вологду, и в Нижний нашу грамотку, списав, и свой совет к ним отпишите, чтоб всем было ведомо, всею землею обще стати за православную кристьянскую веру, покаместа еще свободны, а не в работе и в плен не розведены»...

Авторы письма предупреждали о намерениях захватчиков, как они их себе представляли:

«Вывесть лучших людей, опустошить все земли, владеть всею землею Московскою».

В Москве эту грамоту переписали, приложили к ней свою, составленную патриархом Гермогеном в декабре 1610 года разослали в ряд городов.* В своей грамоте Гермоген призывал их жителей

* Гермоген, или Ермоген (ок. 1530—январь 1612) был патриархом Московской Руси с 1606 г.

городов придти на помощь, чтобы «изгонять латинян» из Москвы. Понятно, что он сделал главный упор на любимую выдумку церковной братии, по-прежнему выдававшей свои страхи за якобы «достоверно известные планы врагов»:

«Если не будете теперь в соединении, обще со всею землею, то горько будете плакать и рыдать неутешным вечным плачем: переменена будет христианская вера в латинство, и разоряться Божественные церкви со всею лепотою, и убиен будет лютою смертию род ваш христианский, поработят и осквернят и разведут в полон матерей, жен и детей ваших».

* * *

В январе 1611 года дворянин Прокофий Ляпунов (брат Захара Ляпунова) сумел побудить к выступлению рязанских дворян и служилых людей. Однако идти на Москву с одними рязанцами, да еще имея в тылу остатки тушинского воинства, было опасно. И тогда Прокофий сделал удачный тактический ход. Он вступил в союз с этим воинством. Увы, этот тактический успех привел первое ополчение к стратегической неудаче и стоил жизни самому Прокофию.

В феврале 1611 года Прокофий отправил в Калугу своего племянника Федора Ляпунова. Переговоры Федора с тушинцами дали результат. Новые союзники выработали общий план действий: «приговор всей земле: сходиться в двух городах, на Коломне да в Серпухов». В Коломне должны были собраться городские дружины из Рязани, с нижней Оки и с Клязьмы, а в Серпухове — старые тушинские отряды из Калуги, Тулы и северских городов.

Так начало формироваться Земское ополчение, которое позже получило название Первого ополчения. Помимо рязанцев Ляпунова, к ополчению примкнули жители Муром в главе с князем Василием Федоровичем Литвиным-Мосальским, воины из Суздаля с воеводой Артемием Измайловым, из Вологды и поморских земель с воеводой Нашекиным, из Галицкой земли с воеводой Петром Ивановичем Мансуровым, из Ярославля и Костромы с воеводой Иваном Ивановичем Волынским, князем Волконским и другие.

Тем не менее, этих ратников Ляпунову казалось мало, и он рьяно собирал под свои знамена не только казаков, но и всякий сброд. Ляпунов писал:

«А которые казаки с Волги и из иных мест придут к нам к Москве в помощь, и им будет все жалованье и порох и свинец. А которые боярские люди, и крепостные и старинные, и те бшли безо всякого сумнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам, и грамоты, им от бояр и воевод и ото всей земли приговору своего дадут».

Когда до короля Сигизмунда дошли вести об этих событиях, он послал на Рязанщину большой отряд литвинов и запорожских казаков во главе с воеводой Исааком Сунбуловым (или Сумбуловым).^{*} Известие о приближении Сунбулова застало Прокофия Ляпунова в его поместье. Он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, поэтому Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся зарайский воевода Дмитрий Пожарский со своими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, литвины и казаки сбежали от Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое воинство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы и литвины попытались внезапно захватить зарайский кремль, но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Атакующие превратились в атакуемых, они в панике отступили и больше не показывались у Зарайска.

Обеспечив безопасность своего города, Пожарский смог отправиться в Рязань к Ляпунову. Там они договорились, что Ляпунов с ополчением двинется к Москве, а Пожарский поднимет восстание в самом городе. Для этого Пожарский и прибыл в столицу.

Между тем поляки и литвины, сидевшие в Москве, просто физически не могли не буйствовать. Дошло до того, что один пьяный шляхтич, некий Блинский, стал стрелять из мушкета по иконе Пресвятой Богородицы, висевшей над Сретенскими воротами, и добился трех попаданий. Тут даже наместнику Гонсевскому пришлось проявить строгость. Шляхтича схватили, привели к Сретенским воротам, где сначала отрубили на плахе обе руки и прибили их к стене под образом Богородицы, потом провели его через эти же ворота и сожгли заживо на площади. Тем не менее, эта единичная карательная мера не ослабила напряженности в столице. Один вид литвинов и поляков вызывал злобу москвичей. Немецкий наемник Конрад Буссов позже писал:

«Московиты смеялись полякам прямо в лицо, когда проходили через охрану или расхаживали по улицам в торговых рядах и покупали, что им было надобно. «Эй, вы косматые, — говорили московиты, — теперь уже недолго, все собаки будут скоро таскать ваши космы и телячьи головы, не быть по-иному, если вы добром не очистите снова наш город». Чтобы поляки покупал, он должен был платить вдвое больше, чем московиты, или уходить не купивши».

^{*} Мне не удалось выяснить, имел ли Исаак Сунбулов какое-то отношение к бывшему предводителю тульских дворян Григорию Сунбулову.

Гонсевский учел печальную судьбу соотечественников, которых москвичи застали врасплох в мае 1606 года. Он принял ряд мер по предотвращению восстания. У всех ворот стояла его стража, уличные решетки были сломаны, москвичам запрещалось ходить с саблями и ножами, у купцов отбирали топоры, которыми они торговали, топоры отбирали даже у плотников, шедших с ними на работу. Гонсевский боялся, что за неимением оружия народ может вооружиться кольями, и запретил крестьянам привозить в город на продажу длинные жерди.

Тем временем ополчение Ляпунова медленно двигалось к Москве.

На презрительное отношение чужеземного гарнизона к себе москвичи отвечали дружной ненавистью. Поэтому то и дело вспыхивали стычки. Так, 13 февраля вспыхнула ссора на рынке из-за того, что московский купец потребовал тройную цену за бочку овса. Сначала толпа москвичей убила троих слуг польских шляхтичей. В ответ дюжина наемников убила 15 человек в этой толпе и разогнала весь рынок. Тогда собралась еще большая толпа москвичей и хотела ударить по полякам, но их остановили московские бояре и дьяки. Их, во главе с патриархом Гермогеном, собрал Гонсевский и предостерг от бунта, заявив, что расправа с бунтовщиками будет беспощадной.

17 марта 1611 года было Вербное воскресенье. Гермоген надеялся, что в этот день, благодаря огромному скоплению народа, удастся поднять восстание и перебить всех литвинов с поляками. Однако Гонсевский был начеку. Он повсюду расставил конные и пешие роты своих солдат в полном вооружении. Москвичи пошумели, да и разошлись к вечеру по домам. Поляк-очевидец позже вспоминал, что боярин Михаил Салтыков сказал Гонсевскому по этому поводу:

«Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, а я этого ждать не буду, возьму жену и убегу к королю».*

Он знал, что говорил. Патриарх Гермоген назначил общее выступление на вторник 19 марта. Тем временем в московские слободы тайно проникали ратники из ляпуновского ополчения, чтобы поддержать горожан. Пробрались и воеводы: князь Дмитрий Пожарский, Иван Бутурлин, Иван Колтовский. Наместник Гонсевский приказал в понедельник всем иноземным солдатам собраться в Кремле. Для того, чтобы стали понятными дальнейшие события, придется привести длинную цитату из записок Буссова:

* За Михаила Салтыкова позже ответил его сын Иван, сидевший в тюрьме в Новгороде. Его допросили «с пристрастием», а затем посадили на кол.

«Увидев, что в понедельник/18 марта/ немцы со всем, что у них было, направляются в Кремль, так же, как и иноземные солдаты, москвиты поняли, что намерение их замысел открыт. Они просовещались день и ночь, как помешать тому, чтобы все воинские люди собрались в Кремле и перед Кремлем, и затем во вторник, утром 19 марта, москвиты начали свою игру, побили насмерть многих поляков (которые эту ночь проводили еще на своих квартирах), сделали больверки и шанцы на улицах и собрались во множестве тысяч.»,

Наместник/Гонсевский/ послал к ним несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были помешать подобным их намерениям, но москвиты на них не обратили никакого внимания. Московитские стрельцы (это аркебузники) так в них палили, что много и людей и коней погинуло на месте. Если бы не было в крепости набранного из немцев... полка мушкетеров, а также и поляков, то в тот день едва ли остался бы в живых хотя бы один из этих 5000 конных копейщиков, ибо москвиты уже сильно выиграли духом, увидав, как много поляков сбито с коней и какое множество отрядов отступило. Они так ужасно кричали и вопили, что в воздухе стоял гул; к тому же тысячи колоколов били тревогу/набат/.

Когда поляков столь бесславно проводили пулями и стрелами снова до ворот Кремля и на них напал великий страх, капитан иноземных ратников Яков Маржерет в восемь часов вечера... выслал из Кремля на Никитскую улицу три роты мушкетеров, в совокупности всего только 400 человек.* Эта улица, длиною в четверть путевой мили, имела много переулков, в которых за шанцами и больверками укрылось 7000 москвитов, нанеших большой урон полякам. 400 мушкетеров напали, во имя господа, на николаитов за первым больверком и так успешно стреляли, что те по многу человек сразу, как воробьи, в которых стреляют дробью, падали на землю.

Поэтому с добрый час был слышен ужасающий гул от московского боевого клича, от гудения сотен колоколов, а также от грохота и треска мушкетеров, от шума и завывания небывалой бури... Солдаты тем не менее так стремительно нападали по всей улице, что тут уж москвитам стало не до крику и они, как зайцы, бросились врассыпную. Солдаты кололи их рапирами, как собак, и так как больше не слышно было мушкетных выстрелов, то в Кремле другие немцы и поляки подумали, что эти три роты совсем уничтожены, и сильный страх напал на них. Ноте вернулись, похожие на мясников: рапиры, руки, одежда были в крови, и весь вид у них был устрашающий. Они уложили много москвитов, а из своих потеряли только 8 человек.

С того берега Неглинной (это маленькая речушка в городе) снова слышался сильный крик москвитов, которые сделали и там на улицах шанцы и сильно били в набат. Тогда эти три роты отважились пойти и туда тоже, и Бог помог им одержать там победу. В течение двух часов они бились

* Эти наемники перешли к полякам при Клушино.

с москвитями на одном и том же месте, пока не одолели их. Но затем снова собралась толпа на Покровской улице.

И так как через некоторое время 400 солдатам стало невозможно так долго и так далеко бегать с тяжелыми мушкетами в руках и столько часов биться с врагом, стрелять, рубить и колоть, то полковник Борковский выпустил несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были прийти им на помощь. Поскольку они не могли добраться до москвитов на конях по разрытым улицам, полковник приказал поджечь на всех улицах угловые дома, а дул такой ветер, что через полчаса Москва от Арбата до Кулижек была вся охвачена огнем, благодаря чему наши и победили. Ибо русским было не под силу обороняться от врага, тушить огонь и спасать оттуда своих, и им пришлось поэтому обратиться в бегство и уйти с женами и детьми из своих домов и дворов... В тот день выгорела третья часть Москвы, и много тысяч людей погибло от пуль, мечей и от охватившего их огня».

Буссов К. Цит. Соч., с. 186—187

Разумеется, национал-патриоты придумали совершенно иную версию событий, начавшихся 19 марта. Якобы поляки попытались заставить московских извозчиков поднимать пушки на стены Кремля, те уперлись, началась драка, быстро переросшая в массовое побоище. Характерно, что единственным «первоисточником», сообщающим эту выдумку, является книга «Очерки по истории

СССР. Конец XV — начало XVII в.», изданная в Москве в 1955 году (см. в ней страницу 577). Между тем, Конрад Буссов был непосредственным свидетелем почти всех описываемых им событий или же лично слышал рассказы таких свидетелей.

Ратники из ополчения Ляпунова, успевшие проникнуть в Москву, дрались вместе с горожанами. На Сретенке большим отрядом москвичей командовал князь Д.М. Пожарский. К нему присоединились пушкарки из находившегося рядом Пушечного двора. Пожарскому удалось выстроить острожек (укрепление) у церкви Введения на

Александр Гонсевский.
С портрета XVII века

Лубянке, который закрывал выход из ворот Китай-города. Отряд Ивана Бутурлина сражался возле Яузских ворот, а дворянин Иван Колтовской занял Замоскворечье.

Но к середине дня 20 марта бои шли уже только на Сретенке. Пожарский дрался там до вечера. Вечером он был ранен в голову и вынесен ратниками из боя. Его удалось увезти в Троицкий монастырь. Последнее сопротивление прекратилось. На улицах лежало около семи тысяч трупов.

Многие москвичи, несмотря на мороз, бежали из столицы. Лишь некоторые 21 марта пришли к Гонсевскому просить о помиловании. Тот велел им снова присягнуть Владиславу и отдал приказ своим людям прекратить убийства, а покоровшимся москвичам иметь особый знак — подпоясываться полотенцем. Конрад Буссов так написал о последующих днях:

«Так как в течение четырнадцати дней не видно было, чтобы москвиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквях они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идов, и тот, кто ушел в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах. На пиво и мед на этот раз и не смотрели, а отдавали предпочтение вину, которого несказанно много было в московских погребках — французского, венгерского и мальвазии.

Кто хотел — брал. От этого начался столь чудовишный разгул, блуд и столь богопротивное житье, что их не могли прекратить никакие виселицы, и только потом Ляпунов положил этому конец при помощи своих казаков»...

Буссов К. Цит. Соч., с. 189

Тяжело раненый Дмитрий Пожарский несколько недель отлеживался у монахов в Троице-Сергиевом монастыре, затем отправился на лечение в свою вотчину Мугреево. Позже именно там он узнал об осаде Москвы первым ополчением, о кознях казаков против Ляпунова и его гибели, о массовом уходе дворян и служилых людей из ополчения.

Что касается Гермогена, то поляки арестовали патриарха и заключили в кремлевский Чудов монастырь. Некоторые российские авторы (например, А.Б. Широкоград) уверяют, будто бы его уморили голодом. Но это *неправда. Правда то, что поляки и литвины действительно считали Гермогена «зачинщиком всего мятежа» (что

соответствовало истине) и потому взяли его под стражу. Как пишет Карамзин, /они/ «не пускали к нему ни мирян, ни духовенства; обходились с ним то жестоко и бесчинно, то с уважением, опасаясь народа».

Однако перехватить инициативу они не смогли. Послания патриарха достигли цели. Их переписывали, распространяли, читали в храмах и на площадях. До своего ареста Гермоген успел сформировать общественное мнение в пользу борьбы с интервентами.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕРВОГО ОПОЛЧЕНИЯ (апрель — июнь 1611 г.)

Ляпунов и Трубецкой с основными силами (от 30 до 50 тысяч человек, более точные данные отсутствуют) подошли к Москве 24 или 25 марта. Днем раньше пришел Заруцкий со своими казаками. С приходом ополчения 9 апреля бои возобновились. Ополченцы заняли половину стен Белого города, оставив свободным лишь выезд в сторону Можайска. Литвины, поляки и немцы отошли к Китай-городу и Кремлю. В ночь с 21 на 22 мая последовал решительный штурм Китай-города, но осажденные его отбили.

Ополчение Ляпунова не имело сил для штурма Китай-города и Кремля с их мощными каменными укреплениями. У него не было осадных орудий, способных разрушить стены. Да и моральный дух войска был слишком низок, чтобы идти на штурм и нести большие потери. Сложилась патовая ситуация: ополчение ничего не могло сделать с польско-литовским гарнизоном в Москве, а литвины и поляки — с ополчением.

Ополчение не имело ни единой структуры, ни общего руководства, ни четкой программы действий. Неоднороден был и социальный состав ополченцев, среди которых были дворяне и служилые люди, казаки и бывшие холопы. Интересы тех и других относительно будущего государственного устройства Руси, мягко говоря, не совпадали.

Дворян и служилых людей возглавлял Прокофий Ляпунов, казаков и бывших тушинцев — атаман Иван Мартынович Заруцкий и князь Дмитрий Михайлович Трубецкой. Однако среди них началось острое соперничество. 22 июля 1611 года по ложному обвинению в «умышлениях» против казаков был убит Прокофий Ляпунов. Считая себя лицом неприкосновенным, он явился в казачий «круг» для переговоров, но казаки без долгих размышлений просто

зарубили его, а заодно еще одного рязанского дворянина — Ивана Ржевского. Затем они начали избивать его сторонников, вынудив их покинуть лагерь и разойтись по домам.

Подоплекой этого убийства явилось решение вождей ополчения (Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого), принятое 23 июня 1611 года, о приглашении на московский престол принца Карла-Филиппа, родного брата шведского короля Густава-Адольфа. Дело повернулось (было выставлено) таким образом, что якобы Ляпунов задумал превратить «вольных казаков» в бесправных холопов шведского королевича. Ну и, разумеется, к тому были добавлены стандартные обвинения в намерении «истребить» православную веру, чтобы заменить ее «латинством». Правда, в Швеции господствовало лютеранство, но для невежественных рубак такие мелочи не имели никакого значения.

После гибели Ляпунова в ополчении остались, в основном, люди князя Д.М. Трубецкого и атамана И.М. Заруцкого.* Вскоре Заруцкий организовал удачное нападение на Новодевичий монастырь и захватил его.

Осажденные в Кремле литвины, поляки и немцы голодали. Они бы давно сдались от голода, но 14 августа через Белый город в Кремль сумел прорваться отряд гетмана Яна-Петра Сапеги, который доставил осажденным продовольствие — 2000 караваев хлеба и другие продукты. Как это ни удивительно, следующей ночью Сапега внезапно умер в Кремле, непонятно отчего. Буссов и другие современники сообщают, что он «заболел».

Предыстория этого прорыва такова. Сапега со своим войском (5000 человек) прибыл под Москву еще 4 июня. Но почти месяц он раздумывал — выступать ему на стороне поляков или же ополчения. Наконец, 1 июля он по предложению Гонсевского отправился со всем войском к Переяславлю за продовольствием. 14 августа он вернулся и с ходу пробился к Кремлю.

24 августа у Климентовского острожка под Москвой произошло сражение между литвинским отрядом гетмана Яна Карла Ходкевича и войсками ополчения. Ходкевич потерпел поражение и отступил. Однако 6 октября он все же пробился к Кремлю с двумя тысячами человек, произвел замену гарнизона и оставил ему

* Заруцкий в чине боярина, полученного им в Стародубе от Лже-Дмитрия II, возглавлял в Тушино особый приказ, ведавший казаками. Поданным Пискаревского летописца, он «родился на Москве от выежжего литвина худого» и славился тем, что умел ладить и с московскими, и с украинскими казаками.

Заруцкий был молод, красив, хорошо сложен, храбр, честолюбив. Короче, он обладал всеми необходимыми данными для того, чтобы выдвинуться в тот редкий момент русской феодальной истории, когда личные качества оказались важнее знатности и богатства. Между прочим, по вероисповеданию он был лютеранин.

столько продовольствия, что тот смог продержаться еще год. Затем Ходкевич ушел из Москвы.

Последняя крупная попытка Первого ополчения освободить Москву была предпринята в декабре 1611 года. Отряд казаков (около 500 человек) во главе с атаманом Андреем Просовецким взорвал ворота Китай-города и ворвался внутрь крепости. Но поляки, литвины и немцы огнем из 30 орудий и множества мушкетов отбили штурм. После этой неудачи Первое ополчение фактически прекратило активные боевые действия.*

ПАДЕНИЕ СМОЛЕНСКА (июнь 1611 г.)

В сентябре 1610 и в марте 1611 годов король Сигизмунд предлагал воеводе Шеину капитулировать, но цели не добился. Однако положение крепости стало критическим. В ночь на 3 (13) июня 1611 года поляки и литвины с четырех сторон пошли на шестой штурм, оказавшийся последним.

После 20 месяцев осады жители города испытывали острую нехватку соли, у них началась цинга. Из тех 30 или 40 тысяч человек, что оказались в осаде, осталось в живых не более 8 тысяч. Среди них менее 500 были здоровы, остальные страдали от недоедания и болезней.

Командование королевского войска знало о состоянии гарнизона и все же опасалось очередной неудачи. Оно лишь тогда решило штурмовать крепость, когда «сын боярский» Андрей Дедешин, сбежавший из города, указал непрочный участок стены в западной части крепости. Здесь стена опиралась на кирпичный свод в овраге, по которому из города стекали нечистоты. Один из рыцарей Мальтийского ордена взялся подложить под этот свод пороховой заряд и взорвать стену. Кроме того, в предыдущие дни осадным орудиям удалось обрушить часть стены в другом месте.

Все же осаждавшие решили не полагаться только на одни проломы. Они постановили идти на штурм крепости сразу с четырех сторон, чтобы вынудить оборонявшихся распылить свои и без того незначительные силы. На стену предполагалось забраться по штурмовым лестницам, которых заготовили около 80 штук. Лестницы были «такой ширины, чтобы пять и шесть человек могли всходить рядом, а длиной, как самые высокие в лесу деревья».

* Андрей Захарьевич Просовецкий ранее служил в войске царя Василия Шуйского. Затем в Тушино он получил чин стольника от Лже-Дмитрия II. Позже сыграл довольно заметную роль в Первом и Втором ополчениях.

Вечером 2 июня 1611 года четыре отряда королевского войска заняли исходные позиции. Ровно в полночь, в темноте, соблюдая полную тишину, осаждавшие подошли к крепостной стене в районе Авраамовской заставы, приставили лестницы, незаметно взобрались на стену и начали расходиться по ней, занимая ближайшие башни. В это же время отряд немецких ладскнехтов (600 человек) пробирался сквозь брешь, пробитую артиллерией. Их встретили несколько десятков защитников крепости во главе с Шейным. Завязалась перестрелка. Мальтийский рыцарь, услышав выстрелы, зажег мину, подложенную им под стену. Взрыв обрушил часть ее. Образовался значительный проход, через который проник в крепость отряд Льва Сапегы. Конрад Буссов сообщает:

«Если король и взял крепость, то лишь благодаря тому, что со стороны Днепра стена была взорвана миной на 10 сажень /21 метр/ и через пролом устремилась пехота с развернутыми знаменами, а это привело смолян в такой ужас, что многие побросали оружие и дали убить себя».

Завязался яростный бой на улицах Смоленска. Несколько сотен горожан заперлось в соборной церкви Богородицы вместе с архиепископом Сергием. Когда в собор ворвались враги, архиепископ в полном облачении с крестом в руках пошел им навстречу. Кто-то ударил Сергия саблей по голове. Воины начали прямо в соборе рубить мужчин и хватать женщин. Тогда посадский человек Андрей Беляницын взял свечу и в подвале собора поджег хранившиеся там 150 пудов пороха /2,4 тонны/. Как писал современник:

«И был взрыв сильный, и множество людей, русских и поляков, в городе побило. И ту большую церковь, вверх и стены ее, разнесло от сильного взрыва. Король же польский ужаснулся и в страхе долгое время в город не входил».

Воевода Шеин попал в плен. Со злости его сильно избили, а затем отправили в Литву, где держали в оковах «в тесном заточении».

После взятия Смоленска король вместо похода на Москву распустил свою армию и уехал в Варшаву. На это решение повлияло, главным образом, безденежье — наемникам нечем было платить. Но отчасти и эйфория от успеха!

29 октября 1611 года король устроил себе в Варшаве триумф по образцу римских императоров. Через весь город в королевский замок проследовала пышная процессия, во главе которой ехал гетман Жолкевский. За ним следовали конные шляхтичи. В открытой карете, запряженной шестеркой лошадей, сидел бывший московский царь Василий Шуйский, одетый в белую парчовую ферязь и меховую шапку. Этот седой старик сурово смотрел исподлобья. Напротив Василия сидели два его брата, а посередине — пристав.

Братьев Шуйских вывели из кареты и подвели к королю. Они низко поклонились, сняв шапки и держа их в руках.

Жолкевский произнес длинную речь об изменчивости счастья, о мужестве короля, восхвалял его подвиги — взятие Смоленска и Москвы, напомнил о былом могуществе московских царей и указал, что последний из них теперь стоит перед королем и бьет челом. Тут Василий Шуйский, низко склонив голову, дотронулся правой рукой до земли и потом поцеловал эту руку. Дмитрий Шуйский поклонился до самой земли, а младший брат Иван трижды поклонился и заплакал.

Взятие Смоленска и триумф короля в Варшаве убедили почти всех магнатов и шляхтичей, что Москва полностью покорена. Коронный вице-канцлер Феликс Крыский заявил:

«Глава государства и все государство, государь и его столица, армия и ее начальники — все в руках короля».

ВЫСТУПЛЕНИЕ КОЗЬМЫ МИНИНА

Таким образом, состояние Московского государства за 1611 год лишь ухудшилось. Армия короля Сигизмунда взяла Смоленск и вернула всю Смоленскую землю в состав Речи Посполитой. В Москве стоял иностранный гарнизон. Шведы захватили Новгород и создали в новгородских землях свое марионеточное государство — «Новгородское королевство». По стране свободно рыскали иноземные и местные шайки, грабившие население. Крестьяне истребляли своих господ, захватывали их имущество и земли. Высшее руководство оказалось в плену либо перешло на сторону захватчиков. В государстве отсутствовала реальная центральная власть. Время тогда было просто жуткое. Вот как его характеризовал современник, дьяк Иван Тимофеев:

«Лишенная разума чернь, уподобляясь скоту, утвердила в своем уме весьма безрассудное решение и даже склонилась на то, чтобы погубить начальников и избранных лучших мужей, а особо знаменитых по сравнению с собой, после мучений предать всех смерти, а их имения захватить; это и совершилось»...

«Временник Ивана Тимофеева». Цит. по книге Гумилева, с. 447

В условиях интервенции, краха центральной власти и армии, последней надеждой Московской Руси стало народное сопротивление, освещенное идеей общественного сплочения во имя защиты Отечества. Сословные противоречия, характерные для предыдущего периода Смутного времени, в определенной мере уступи-

ли место общему религиозно-национальному единству. Силой, сплотившей все социальные группы, выступила православная церковь, увидевшая смертельную угрозу себе со стороны католицизма и униатства, состязаться с которыми в борьбе за души сограждан она не умела и не хотела.

Заточенный в Кремле патриарх Гермоген продолжал распространять через своих сподвижников грамоты, призывая соотечественников бороться с иноверцами и смутьянами. Центром православной патриотической пропаганды выступил Троице-Сергиев монастырь, где воззвания составляли архимандрит Дионисий и келарь Авраамий (в миру Аверкий) Палицын.*

* * * *

С марта по октябрь 1611 года Дионисий и Палицын разослали грамоты Гермогена и свои в Казань и другие низовые города, в Новгород Великий, на Поморье, в Вологду и Пермь, в которых говорилось:

«Православные христиане, вспомните истинную православную христианскую веру... покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам».

Троицкие грамоты попы публично зачитывали на площадях и в церквях городов. Так было и в Нижнем Новгороде — крупном торговом городе на Средней Волге. Там ее читал в Спасо-Преображенском соборе протопоп Савва Ефимьев. Чтение грамоты закончилось горестными восклицаниями людей и вопросами: «что же нам делать?». И тут раздался громкий голос: «ополчаться!» Это сказал земский староста Кузьма Минин, по прозвищу «Сухорук»: «ремесством говядарь» (торговец мясом), «муж рода не славного, но смыслом мудр».

Известны скудные сведения о жизни Кузьмы до 1612 года. Ему было тогда около 50 лет. Он родился в многодетной семье богатого соледобытчика Мины Анкудинова из Балахны. Мина являлся совладельцем нескольких больших «рассольных труб» (промыслов).

Интересно то, что совладельцем принадлежавшей Мине Анкудиновутрубы Лунитская был... Дмитрий Михайлович Пожарский!

* Аверкий Иванович Палицын (1550—1626) ранее был воеводой в Коле и Холмогорах. В 1597 г. постригся в монахи. С конца 1607 года — келарь в Троице. В 1619 году из-за конфликта с патриархом Филаретом уехал в Соловецкий монастырь, где и умер. Автор «Сказания об осаде Троице-Сергиева монастыря».

Л'

_ v

ЦяК* \|^*

мУНІ

Староста Козьма Минин

В годы Смутного времени, когда после каждого переворота прежнего царя объявляли незаконным, а то и сразу было два «царя», законность большинства воевод стала сомнительной, а их реальная власть уменьшилась. Соответственно, роль земских старост возросла еще больше.

Предложение Минина «ополчаться» решительно поддержал упомянутый протопоп Ефимьев. Он обратился к пастве со словами, содержащими все тот же тезис о «страшной угрозе латинства»:

«Увы нам, чада мои и братия, пришли дни конечной гибели — погибает Московское государство и вера православная гибнет. Горе нам!.. Польские и литовские люди в нечестивом совете своем умыслили Московское государство разорить и непорочную дщерь в латинскую многопрелестную ересь обратить!»

Речь Саввы убедила большинство горожан поддержать Минина. Однако объявились и оппоненты. Когда Минин заявил: «Сами мы не искусны в ратном деле, так станем кличь кликать по вольных служилых людей», слышались вопросы: «А казны нам откуда взять служилым людям?»

Минин ответил: «Я убогий с товарищами своими, всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». «Будь так, будь так!» — закричали в ответ.

Так что, прежде чем стать товарищами по ополчению, Кузьма Минин и князь Пожарский были уже хорошо знакомы.

Сочетание богатства, честности и деловых способностей вызывало уважение горожан к Кузьме Минину, избравших его земским старостой. Земский (точнее — посадский) староста фактически был посредником между центральными властями (московской администрацией, назначавшей в города воевод) и горожанами. Главной функцией земских старост являлся сбор налогов с населения, что, естественно, придавало им немалый авторитет.

Староста начал сбор денег. Некая купеческая вдова сказала: «Осталась я после мужа бездетна, и есть у меня 12 тысяч рублей, 10 тысяч отдаю в сбор, а 2 тысячи оставляю себе». Богатые купцы Никитовы, Лыткины и Дошанниковы дали более девяти тысяч рублей. Семья промышленников Строгановых пожертвовала 4660 рублей.

^ *

Понятно, что войску требовался умелый и достойный предводитель: «муж честен, кому ратное дело за обычай, который в таком деле искусен и который в измене не явился». Кузьма Минин предложил пригласить воеводой 33-летнего князя Дмитрия Михайловича Пожарского (1578–1642), известного ему по солевому предприятию отца.

Как воевода, Пожарский не проиграл ни одной битвы. Как стольник, ни разу не изменил царям. Пожарский верно служил Борису Годунову, Лже-Дмитрию I и Василию Шуйскому, пока их смерть или отречение не освобождали его от присяги. Князь не присягал ни Лже-Дмитрию II, ни королевичу Владиславу.

К началу XVI века Пожарские богатством существенно уступали многим другим князьям, однако знатностью рода могли соперничать с кем угодно. Их родословная шла по прямой линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212). В 1238 году великий князь Ярослав Всеволодович дал в удел своему брату Ивану Всеволодовичу город Стародуб (на Клязьме) с окрестностями. Стародубское княжество (не путать со Стародубом в Северских землях) находилось между Владимирским и Нижегородским княжествами. Кстати, село Мугреево входило в его состав.*

Иван Всеволодович стал родоначальником династии стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, от-

Князь Дмитрий Пожарский

* С конца XVI века Стародуб потерял свое прежнее значение. К началу XIX века он превратился в село Клязьменский Городок Ковровского уезда Владимирской губернии.

личился в Куликовской битве. Второй сын этого Андрея Федоровича — Василий — получил в удел волость с городом Пожар (Погара)* в составе Стародубского княжества. По названию города князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище «Пожарские», ставшее затем фамилией.

Отец Дмитрия, Михаил Федорович Пожарский отличился при взятии Казани и в Ливонской войне. Но в марте 1566 года Иван IV согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. Решив расправиться с двоюродным братом — Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы лишить верного дворянства, а взамен дал ему Стародубское княжество. Стародубских же князей отправил в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович Ряполовский, Федор Иванович Пожарский (дед Дмитрия) и другие.

В 1580-е годы большинство вотчин в бывшем Стародубском княжестве постепенно были возвращены законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло непоправимый урон князьям Пожарским в местническом плане. Их «затерло» новое «боярство», выдвинувшееся в царствование Ивана IV. Так Пожарских, входивших в XIV — начале XVI веков в число знатных Рюриковичей, оттеснили на периферию, что дало повод ряду советских историков называть их «захудалым родом».

% * %

По рекомендации Минина и Ефимьева, горожане решили призвать на воеводство князя Дмитрия Михайловича. Дважды посылали нижегородцы гонцов к нему с просьбой возглавить ополчение; но он отвечал отказом. Во-первых, этого требовал тогдашний этикет: на Руси считалось неприличным соглашаться с первого раза; во-вторых, князь хотел таким способом вытребовать себе большую власть.

Наконец, в Мугреево прибыло целое посольство во главе с архимандритом Печерского монастыря Феодосием. С ним приехал соратник воеводы, сын боярский Ждан Петрович Болтин, приехали именитые нижегородские купцы. Тут Пожарскому пришлось согласиться. Он сказал:

«Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать».

Послы ответили, что в Нижнем Новгороде такого человека нет, на что князь возразил:

* Некоторые историки XIX века отождествляли его с селом Троицко-Ильинское Ковровского уезда Владимирской губернии.

«Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Послы возвратились в город и передали нижегородцам слова князя. Тогда те стали просить Кузьму Минина взяться за дело. Минин тоже сначала отказывался, чтобы горожане согласились на все его условия. Главным среди них стало требование дальнейшего финансирования предприятия. Он сказал: «соглашусь, если напишите приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги». Нижегородцы согласились, и тогда Минин написал в приговоре (договоре), что горожане будут выкупать для казны не только свои имения, но даже жен и детей. Об этой удивительной истории расскажем словами Гумилева:

«Казалось бы, оставалось лишь собрать средства и сформировать полки, но не тут-то было. Когда нижегородцам было предложено сделать раскладку средств по населению, население сказало: «А у нас денег нет». Один божился, что его товары ушли на Каспий, другой клялся, что его казна в Архангельске, у третьего приказчики уехали в Сибирь — и денег не давали.

Тогда Козьма Минин, великолепно зная сограждан, бросил свой знаменитый клич: «Заложим жен и детей наших, но спасем Русскую землю!» И снова никто не был против. А раз так, то Минин с выборными людьми взял силой и выставил на продажу в холопы жен и детей всех состоятельных граждан города. Главам семейств ничего не оставалось делать, как идти на огороды, выкапывать убышки с запрытанными деньгами и выкупать собственные семьи».

Гумилев Л. Н. От Руси к России. С. 244

СОЗДАНИЕ ЗЕМСКОГО ВОЙСКА

Денег для наема войска нижегородцы собрали много. Но профессиональных военных среди них практически не было. До Смуты в Нижнем Новгороде находилось сísоло 300 служилых людей (дворян, детей боярских, пушкарей), а сейчас осталось менее пятидесяти.

Зато недалеко, в Арзамасском уезде, пребывали около двух тысяч дворян и детей боярских из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы. Еще до вторжения армии Сигизмунда царь Василий IV (Шуйский) повелел смоленским, дорогобужским и вяземским служилым людям идти на помощь Михаилу Скопину-Шуйскому. Однако после разгрома московских войск у села Клушино они остались без дела и без средств, поскольку их имения заняли войска Речи Посполитой.

Как уже сказано выше, «семь бояр» боялись своего народа, особенно ратных людей. Еще до московского восстания 1611 года они под предлогом защиты окраин по частям разослали в дальние города почти всех московских стрельцов. Смоленские и прочие дворяне вызывали у «семи бояр» особое опасение. Но кнута у них не было, потому им пришлось применить пряник. Из обширных дворцовых (царских) земель в Арзамасском, Ярославском и Алатырском уездах этим дворянам выделили довольно приличные поместья.

Однако Заруцкий и его ближайшие сподвижники строили свои собственные планы в отношении этих земель. Поэтому Иван Мартынович отправил предводителям уездов и сельским старостам грамоты, в которых постановление «семи бояр» объявил незаконным, а имения дворянам велел не давать. Дело дошло до столкновений последних с местными гарнизонами и крестьянами. И тут в самый критический момент подоспела грамота Минина с предложением дворянам идти в войско за плату.

Большинство их охотно откликнулось на этот призыв. Они стали съезжаться в Мугреево к Пожарскому. Когда князь двинулся в Нижний Новгород, с ним уже было несколько сотен дворян, а по пути присоединились еще несколько отрядов.

Дворянин-наемник земского войска.
Худ. О. Федоров

В Нижний Новгород в сентябре 1611 года торжественно вошло целое войско, причем войско вполне профессиональное, состоявшее из дворян, детей боярских, их боевых холопов. Все горожане вышли на улицы и приветствовали ратников радостными криками.

В тот же день воинам выдали жалованье. Сотники и десятники получили по 50 рублей, конные дворяне и дети боярские — по 40 руб-

лей, стрельцы — по 30 рублей, боевые холопы — по 20 рублей. Следует отметить, что и Борис Годунов, и Василий Шуйский платили «государево жалованье» куда меньше. Например, стольник получал от них на весь поход только 20 рублей.*

Деньги Минин собрал немалые, но для ведения войны требовалось еще больше средств. Поэтому нижегородцы разослали по городам грамоты, объяснявшие цели и задачи их выступления, призывавшие слать воинские отряды и деньги. Грамоты вызвали во многих местах горячий отклик.

В Нижний стали приходить отряды из Коломны, Рязани, даже из городов Урала и Сибири. К ополчению (точнее, к наемному земскому войску) присоединилась часть московских стрельцов, разосланных по окраинам московским боярским правительством. Пришли со своими дружинами и родственники Дмитрия Михайловича — Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский, Иван и Роман Пожарские — сыновья Петра Тимофеевича Щепы-Пожарского.

В Нижнем Новгороде в районе Благовещенской слободы был устроен пушечный двор, где к весне 1612 года отлили первые пушки.

Итак, основу наемной армии (которую мы, придерживаясь традиции, будем далее называть Вторым ополчением) составили дворяне и дети боярские, вместе со своими боевыми холопами, а также стрельцы и пушкарки.** Какая-то часть армии состояла из посадских и земских людей. Известно также, что в состав земского войска вошло несколько отрядов из числа народов Поволжья (татар, марийцев, чувашей). Все эти люди получали жалованье по указанной выше четырехкладной системе.

Общая численность ополчения к моменту его выступления в поход из Нижнего Новгорода неизвестна. Некоторые косвенные данные позволяют считать, что дворян, детей боярских и боевых холопов было в нем до двух тысяч человек, стрельцов и пушкарей — около тысячи. Таким образом, профессиональное ядро не превышало три тысячи человек. Число посадских и земских людей не установлено. Можно лишь предположить, что в городе и окрестных землях вряд ли набралось более двух тысяч здоровых взрослых мужчин, имевших возможность бросить свои усадьбы и семьи, вооружиться и отправиться на войну.

* Подчеркнем, что профессиональных воинов, пошедших служить за плату, превышавшую обычную примерно в два с половиной раза, в русской историографии принято называть «ополчением», что в данном случае не соответствует истине. Ополчение — это добровольцы, а не наемники, они вооружаются и кормятся в основном за свой собственный счет.

** Термин «Второе ополчение» российские историки ввели во второй половине XIX века.

Ополчение располагало пехотой, конницей и артиллерией. Оно разделялось на полки и другие подразделения. Командиров Пожарский подбирал из особо надежных людей, которых знал лично.

«Семь бояр» узнали о созыве нового ополчения еще тогда, когда князь находился в Мугреево. Как-либо помешать сбору войск они не могли. Боярской думе осталось лишь рассылать грамоты, обличавшие вождей ополчения. Бояре уговаривали патриарха Гермогена написать грамоту в Нижний Новгород с запретом похода на Москву. Но сломить патриарха не удалось ни лестью, ни угрозами. Он демонстративно заявил боярам:

«Да будут благословенны те, кои идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники, будете прокляты».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА МИНИНА И ПОЖАРСКОГО

Как уже сказано, политическую программу Второго ополчения излагала специальная грамота, разосланная в конце 1611 года по всем городам Московии. Вот что в ней говорилось:

«Усобная брань в Московском государстве длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди, умыслили Московское государство разорить, и Бог их злокозненному замыслу попустил совершиться.

Видя такую их неправду, все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились крестным целованием — быть нам всем православным христианам в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать, и своим произволом, без совета всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы дал нам государя благочестивого, подобного прежним природным христианским государям.

Изо всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадой, но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищения. Многие покушаются, чтобы быть на Московском государстве панье Маринке с законопреступным сыном ее.

Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми,... идем все головами своими на помощь Московскому государству, да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса смольняне, дорогобужцы и вятчане и других многих городов дворяне и дети боярские. И мы всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовавшись между собою,

приговорили животы свои и домы с ними разделить, жалованье им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству.

И вам бы, господа, помнить свое крестное целование, что нам против врагов наших до смерти стоять: идти бы теперь на литовских людей всем вскоре. Если вы, господа, дворяне и дети боярские, опасаетесь от казаков какого-нибудь налога или каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться. Как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы всею землею о том совет учиним и дурна никакого вора делать не дадим... #

Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею землею выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст.

Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля».

Таким образом, Минин и Пожарский открыто заявили соотечественникам, что хотят избавить не только Москву, но и всю Московскую Русь от поляков и литвинов, не признают царем ни королевича Владислава, ни малютку Ивана (сына Лже-Дмитрия II либо атамана Заруцкого), ни «Псковского вора» (Лже-Дмитрия III).

Их грамота предлагала выбрать нового царя «всею землею», то есть, говоря современным языком, на основе согласия широких слоев общества.

Хотя Трубецкой и Заруцкий не были названы по именам, никто не сомневался в том, как к ним относятся вожди Второго ополчения. Ибо, по словам С.М. Соловьева, это было «движение чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, против казаков, сколько против польских и литовских людей».

ЯРОСЛАВЛЬСКОЕ «СИДЕНИЕ» (апрель — июль 1612 г.)

В январе 1612 года Пожарский объявил, что нижегородская рать пойдет на выручку Суздаю, осажденному литовскими отрядами. Далее он хотел сделать Суздаль местом сбора ополчения со всей страны. Кроме того, Пожарский и Минин предполагали созвать в Суздале Земский собор, который должен был решить вопрос об избрании царя.

Пожарский правильно оценил политическую ситуацию. Ополчению рано было начинать полномасштабную войну с королем Сигизмундом, так как за ним стояли гражданские и церковные

власти всего одного города — Нижнего Новгорода. Лишь тогда, когда ополчением станет армией государственного аппарата во главе с царем и патриархом, произойдет коренной перелом в мышлении всего народа.

Царя же должны были избрать на Земском соборе представители всех городов Московской Руси, а не вечно пьяные казаки, выдвинувшие уже двух самозванцев. Понятно, что на заседаниях собора, которые бы проходили под охраной воинов Пожарского, теоретически были возможны только два варианта: избрание шведского королевича Карла-Филиппа (приглашенного на царство вождами Первого ополчения) либо какого-то князя из числа Рюриковичей.

Первый вариант был менее вероятен: уже произошла осечка с Владиславом, да и вообще шведы не так, чтобы пользовались большой популярностью на Руси. Если же выбирать из своих, то кого? Шуйские в польской тюрьме, самые знатные московские бояре (Воротынские, Голицыны, Лыковы, Мстиславские, Романовы, Шереметевы и другие) тоже в руках поляков да литвинов, те их на собор просто не пустят. За тушинского боярина князя Трубецкого выступали лишь казаки. Таким образом, решение собора, если бы он собрался в то время, легко просматривалось: царем стал бы Дмитрий Михайлович Пожарский.

Это прекрасно понимали и в Первом ополчении. Трубецкой и Заруцкий срочно послали к Суздалью казачьи отряды атаманов Андрея и Ивана Просовецких. Литовцы отступили без боя, казаки вошли в Суздаль.

Конечно, Второе ополчение без особого труда могло выбить казаков, но начинать войну с Первым ополчением было нецелесообразно в политическом отношении.

Тем временем Трубецкой и Заруцкий решили захватить еще и Ярославль, чтобы тем самым преградить Пожарскому путь по Волге и отрезать Второе ополчение от северных областей страны. К Ярославлю двинулся из Суздаля большой отряд «воровских» казаков во главе с Андреем Просовецким.

Но князь Дмитрий опередил их. Он направил в Ярославль в конце января (или в первые дни февраля) конный отряд князя Д.П. Лопаты-Пожарского. Воеводой в городе был престарелый боярин Андрей Куракин, гражданские власти возглавлял дьяк Михаил Данилов. К ним присоединился приехавший из Москвы стольник Василий Бутурлин. Однако сообщение о присяге казаков Первого ополчения «Псковскому вору» и прибытие отряда Лопаты произвели удручающее впечатление на всех трех, они сочли за благо присоединиться к Пожарскому. Таким образом, Ярославль без боя перешел в руки Второго ополчения.

Основные же силы ополчения торжественно вышли из Нижнего Новгорода лишь в день Великого поста 23 февраля 1612 года. В Балахне, первом городе на пути ополчения (на родине Кузьмы Минина), жители хлебом-солью встретили Пожарского, а местный воевода Матвей Плещеев присоединился к ополченцам. Так же встречали ополчение жители Городца, Кинешмы и других городов. Лишь в Костроме воевода Иван Шереметев, сторонник «царя Владислава», не пожелал впустить войска в город. Но жители ударили в набат и связали воеводу. Вошедшему в Кострому Пожарскому пришлось Спасть Шереметева, которого горожане хотели казнить.

По просьбе костромичей Пожарский оставил им новым воеводой князя Романа Ивановича Гагарина. Ранее Гагарин отличился в войне с Болотниковым, потом переметнулся к Лже-Дмитрию II в Тушино. Однако «воровские» порядки его не устроили, и Гагарин вернулся к Шуйскому, которому приходилось прощать всех перебежчиков. Зато Гагарин одним из первых по призыву Минина вступил в земское войско.

В первых числах апреля 1612 года основные силы Пожарского под колокольный звон вошли в Ярославль. Занятие Ярославля произвело большое впечатление на города Поволжья. Даже казанский воевода Шувальгин признал власть Минина и Пожарского и отправил к ним большой отряд. Ну, а казакам Просовецкого пришлось с половины пути повернуть назад в Суздаль.

Созыв Земского собора в обстановке всеобщего хаоса являлся делом долгих месяцев. Поэтому в Ярославле, не дожидаясь собора, Минин и Пожарский создали Временное земское правительство, управлявшее большей частью Московской Руси. Оно называлось «Совет всея земли», в него вошли представители уездов («из всяких чинов по два человека») и представители ополчения.

В Ярославле появились Поместный приказ, Монастырский приказ, Разрядный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть и другие, то есть все учреждения, существовавшие при Иване IV и Борисе Годунове. Был даже устроен Денежный двор, чеканивший монету с изображением царя Федора Ивановича — последнего московского государя, чья легитимность была вне подозрений.

Ведущую роль в этом правительстве играл Кузьма Минин. Нижегородский мещанин получил необычный, но внушительный титул — «Выборный всею землей человек». Фактически, он являлся премьер-министром. Минин даже завел собственную печать, на которой была изображена фигура античного героя, сидящего в кресле и держащего в правой руке чашу. Рядом с

креслом стояла амфора. Все это символизировало смысл его деятельности — собирание и хранение государственной казны.

^ *

Пожарский и Минин понимали, что идти из Ярославля прямо к Москве — это значило погубить войско в противоборстве с казаками Трубецкого и Заруцкого (если не физически, так морально), а им самим, быть может, повторить судьбу Ляпунова.

Напротив, оставаясь в Ярославле почти четыре месяца, они посылали в разные стороны отряды, которые, действуя совместно с населением, установили во многих городах власть земского правительства. Но главное, пребывание в Ярославле позволило им удвоить численность Второго ополчения за счет дворян, служилых, земских и посадских людей северо-западных районов страны, хорошо обеспечить их продовольствием, оружием, порохом, деньгами. Даже отдаленные области Поморья, Урала и Сибири слали деньги и своих представителей в Ярославль.

Тем временем шведы, создавшие в Новгородских землях марионеточное «Новгородское королевство», стали настойчиво требовать признания московским царем шведского королевича Карла Филиппа, ранее приглашенного на царство. Формально его кандидатуру выдвинуло новгородское боярство и купечество.

Чтобы избежать крупномасштабной войны со Швецией, Пожарский, Минин и «Совет всея земли» дали согласие, однако с двумя обязательными условиями: принц должен приехать в Новгород и принять православие, а затем жениться на девушке из русской знатной семьи. Как известно, пока шведский претендент долго думал и столь же долго собирался в путь, в Москве в январе 1613 года успели избрать Михаила Романова.

Разумеется, кроме светской власти в государстве должна быть еще и власть духовная. Для созыва Большого церковного собора тоже требовалось время, поэтому в Ярославле появился Духовный совет, который возглавил Кирилл, бывший митрополит Ростова Великого. Это тот самый Кирилл, которого без всяких оснований сместил с митрополии Григорий Отрепьев, дабы поставить вместо него своего благодетеля Филарета Романова. С лета 1606 года Кирилл жил в Троице-Сергиевом монастыре.

Выбор Кирилла не был случаен. В январе 1612 года в кремлевском Чудовом монастыре умер патриарх Гермоген. Филарета Романова, находившегося под арестом в далеком Мариенбурге, патриархом в Ярославле тогда не считали. Согласно церковному обычаю, следующим по старшинству после патриарха был новгородский митрополит, однако новгородский митрополит Исидор оставался в русско-шведском Новгородском королевстве. За ним следовал казанский митрополит Ефрем, чье при-

сутствие крайне требовалось в Казани, где имела место сложная политическая обстановка, обусловленная действиями здешнего воеводы Н.М. Шульгина. За ним по очереди шел ростовский митрополит. Вот так в Ярославле появилась своя церковная власть, а под рукой у Минина и Пожарского оказался почти неоспоримый кандидат в патриархи.

Ярославское правительство учредило новый государственный герб с изображением льва. На большой дворцовой печати были изображены даже два льва, стоящих на задних лапах. С одной стороны, появление нового герба объяснялось тем фактом, что все три самозванца использовали двуглавого орла, герб Московского государства с времен Ивана III. Но с другой стороны, новый герб чрезвычайно напоминал герб князя Пожарского с двумя львами. Его самого теперь именовали «воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский».

В отношении Первого ополчения Минин и Пожарский вели гибкую политику, благодаря которой им удалось избежать не только войны, но даже официального разрыва между ополчениями. Несколько упрощая, ситуацию весны и лета 1612 года можно представить так: Минин, Пожарский и Временное земское правительство признавали власть руководителей Первого ополчения только в Москве и вокруг нее. Во все иные города, находившиеся под контролем Трубецкого и Заруцкого, они посылали отряды дворян, которые вытесняли оттуда казаков, а кое-где выбивали силой.

Так, в апреле к Суздалью подошел отряд князя Романа Петровича Пожарского, и атаманам братьям Просовецким пришлось уносить ноги. В мае воевода Иван Наумов прибыл к Переяславлю-Залесскому, и казаки снова бежали без выстрела. В Пошехонье отправился отряд Лопаты-Пожарского. Он выбил оттуда «воровских» казаков. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где сидел воевода от Первого ополчения Дмитрий Черкасский. Недолго поразмыслив, Черкасский перешел на сторону Пожарского. Торжок и Владимир тоже подчинились «Совету всея земли». В мае тот же Дмитрий Черкасский выбил казаков из Углича. Четыре атамана сразу перешли на его сторону, к остальным пришлось применить силу.

* * *

Многим в Ярославле уже казалось, что пройдет еще немного времени, и Земский собор изберет Дмитрия Михайловича царем, а митрополит Кирилл станет патриархом. После этого вся дальнейшая история Московского государства пошла бы по другому пути. Однако судьба распорядилась иначе. В июле 1612 года на Москву двинулось из Литвы войско литовского гетмана Яна Карла Ходкевича, знаменитого своими победами над шведами.

Путь земского войска к Ярославлю и Москве

Пожарскому и Минину пришлось делать трудный выбор. Идти к Москве означало своими руками губить тот план взятия высшей государственной власти, который уже был на грани успеха. В Москве им волей неволей пришлось бы сотрудничать с Трубецким, Заруцким, их ближайшими сподвижниками, признать их легитимность, разделить с ними плоды победы. Что собой представляла эта публика, Пожарский и Минин прекрасно знали. С другой стороны, в Москве неизбежно пришлось бы иметь дело с наивысшими боярами, превосходившими их знатностью происхождения, родственными связями, огромными богатствами.

Но и спокойно ждать в Ярославле того, как Ходкевич разгонит казаков и деблокирует гарнизон Гонсевского, тоже было нельзя. Это могло сильно скомпрометировать Второе ополчение, особенно его вождей, в глазах всего общества. В конце концов, население страны хотело видеть изгнание чужеземцев, ради чего создавалось земское войско, тогда как амбициозные планы Пожарского и Минина людей не интересовали.

Узнав о походе Ходкевича, в Ярославль срочно приехал келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, который долго

уговаривал Пожарского и Минина. Из двух зол пришлось выбирать меньшее, и они, скрепив сердце, приказали готовиться к походу на Москву.

Однако Пожарского ждали в Москве далеко не все. «Боярин» Заруцкий люто ненавидел прославленного воеводу. По его приказу в Ярославль прибыли двое казаков — Обреска и Степан. Им удалось вовлечь в заговор смолянина Ивана Доводчинова, какого-то человека по прозвищу «Шанда» и рязанца Семена Хвалова. Последний был боевым холопом Пожарского. Заговорщики решили убить князя, когда он будет осматривать новые пушки на центральной площади Ярославля.

В тесноте толпы казак Степан попытался ударить князя ножом в живот, но его толкнули и он попал в бедро стоявшего рядом ополченца. Степана схватили. Под пыткой он назвал своих товарищей, которые тоже во всем признались. Заговорщиков заключили в тюрьму. Позже они покались и были прощены по просьбе Пожарского.

Итак, Пожарский и Минин выступили к Москве, еще раз убедившись в том, что там их ждут отнюдь не союзники. Но время поджимало: приходили все новые тревожные вести о приближении Ходкевича. 27 июля главные силы ополчения, около 8 тысяч человек, вышли из Ярославля.

Перед этим командиры отслужили молебен в Спасском монастыре у гроба ярославских чудотворцев — князя Федора Ростиславича Черного, его сыновей Давида и Константина, получили благословение от митрополита Кирилла и от всего Духовного совета. Впереди войска, при выходе его из города, попы несколько верст несли икону Казанской божьей матери.

ПОХОД ЗЕМСКОГО ВОЙСКА НА МОСКВУ

Уже тогда, когда из Ярославля только выходили основные силы ополчения, к Москве приближались его передовые конные полки.

Первым полком (более тысячи человек) командовали воеводы Михаил Самсонович Дмитриев и Федор Васильевич Левашов. Этот полк должен был, не приближаясь к войскам Трубецкого и Заруцкого, поставить себе острожек (укрепленный лагерь) между Петровскими и Дмитровскими воротами. Вторым полком (700 всадников) командовали Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский и дьяк Семен Самсонов. Этому полку Пожарский приказал стать возле Тверских и Никитских ворот.

Была конкретная причина спешить к Москве: требовалось спасти от казацкой расправы тех дворян и детей боярских, что

еще оставались в Первом ополчении. В свое время «украинные города» (юго-запад страны) направили под Москву своих ратных людей. Теперь они стояли в Никитском остроге под Москвой, постоянно подвергаясь оскорблениям и угрозам со стороны казаков Заруцкого. Отсюда к Пожарскому в Ярославль приехали дворяне Кондырев и Бегичев — просить, чтобы Второе ополчение спасло их от казаков, искавших подходящую жертву для утоления своей злобы — раз уж провалился их план ворваться в Москву и славно ее ограбить.

Некоторые дорогобужские дворяне лично знали Кондырева и Бегичева, но теперь едва узнали их — столь жалко они выглядели. Пожарский дал им деньги, новую одежду и отправил назад с радостным известием, что ополчение выступает. Когда Заруцкий узнал, с какими новостями возвращаются Кондырев и Бегичев, он приказал убить их. Этим двоим удалось скрыться в полку М.С. Дмитриева, остальные воины разбежались из Никитского острога кто куда смог.

После этого Заруцкий решил преградить путь Второму ополчению. Он отправил две тысячи казаков на перехват полка Лопаты-Пожарского. Однако после короткого боя дворянская конница разогнала «воровских» казаков.

Одновременно Заруцкий вступил в переговоры с Ходкевичем, войско которого остановилось у села Рогачево. Но когда об этом стало известно всем, произошло массовое возмущение и Заруцкому с 2500 казаками пришлось в ночь на 28 июля бежать в Коломну.

Гетман Ходкевич подошел к Москве, однако атаковать позиции Первого ополчения не стал. В свою очередь Трубецкой с казаками тихо сидели в своих острожках, наблюдая за входом войск Ходкевича в Москву. Гетман сумел по пути собрать достаточно провианта и теперь лишь произвел замену польско-литовско-немецкого гарнизона в Кремле и в Китай-городе.

Александр Корвин-Гонсевский со своим отрядом покинул Москву вместо него начальником гарнизона стал полковник Николай Струсь. Отныне его отряд и оставшийся от первого состава полк мозырского хоружего Осипа Будзилы отбивали вылазки казаков. Гонсевскому сильно повезло: он не только уцелел, но и вернулся домой богатым человеком. Сменщикам не досталось ничего хорошего, лишь страдания и бесславная гибель. Но в жизни чаще всего так и бывает: за деяния одних отвечать приходится другим.

Как уже сказано выше словами Конрада Буссолва, Гонсевский и его люди сильно обогатились после подавления московского восстания в марте 1611 года. Кроме того, под видом боярского залога — в счет жалованья за службу своим воинам — он забрал не-

мало драгоценностей из царской сокровищницы: иконы в богатых золотых окладах, украшенные самоцветами, сундучки с отборным жемчугом, дорогое оружие, меха, ковры, отрезы дорогих тканей и многое другое. Кстати, Гонсевский платил солдатам огромное жалованье, до 300 рублей в месяц. В прежние времена в Москве столько платили думным боярам в год! Взятые в счет жалованья драгоценности Гонсевский, по договору с боярами, не имел права никуда вывозить, но он пренебрег этим договором и, по сути дела, просто украл сокровища, а затем разделил их между своими воинами.

Гетман Ян Карл Хадкевич.
Худ. В. Гондиус, 1648г.

Гонсевский взята еще и царские регалии: царский посох, короны Бориса Годунова и Лже-Дмитрия I. Корону царя Бориса украшали два огромных сапфира — лазурный и синий, а также алмазы, рубины и жемчуг. На короне первого Самозванца красовался алмаз необыкновенной величины и чистоты. Прихватил он и золотого единорога, обладание которым, по преданию, приносило удачу, а также литую серебряную печать Василия Шуйского. Шляхтичи взяли из государственной казны — якобы для устройства походного костела — золотую статую Христа, но на самом деле раскололи ее на части и поделили между собой. Московские бояре не только не мешали грабежу, но и сами принимали посильное участие в нем. Казенный приказ часто устраивал распродажи «царской рухляди», многие купили дорогие вещи за бесценок.

От Ростова Великого через Переяславль-Залесский ополчение 14 августа подошло к Троице-Сергиеву монастырю. Оно стало лагерем между монастырем и Климентьевской слободой. В тот же день Пожарскому донесли, что большой отряд литвинов и запорожских казаков объявился на севере вблизи Белого озера. Этот отряд не подчинялся ни гетману Ходкевичу ни королю Сигизмунду, а представлял собой частную армию очередного «полевого командира», то есть, большую банду грабителей.

Белозерск, Каргополь и Устюжна уже несколько месяцев как признали власть ярославского правительства. На защиту северных земель Пожарскому отправил отряд из 700 конных и пеших ратников во главе с воеводой Григорием Образцовым. Но он опоздал: бандиты захватили и разграбили город Белозерск. Оттуда литвины и запорожцы двинулись к Кирилло-Белозерскому монастырю, но были отбиты. Зато 22 сентября им удалось внезапным налетом захватить Вологду.

***

Вечером 18 августа войско Пожарского, не дойдя пяти верст до Москвы, стало на ночлег в поле. В течение ночи Трубецкой дважды посылал гонцов к Пожарскому с предложением приехать к нему для переговоров. Но он лаконично отвечал: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стоять вместе с казаками».

Следующим утром (19 августа) Второе ополчение подошло ближе к Москве и заняло позиции восточнее Новодевичьего монастыря, на левом берегу Москва-реки.

Войска, оставшиеся в Первом ополчении после ухода казаков Заруцкого и бегства ратников из украинских городов, в это время насчитывали примерно четыре тысячи человек. Один казацкий табор (около тысячи человек) располагался возле Яузских ворот; табор поменьше (до 500 человек) — к северу от него, за рекой Яузой.

Сам Трубецкой стоял в Замоскворечье, в районе Крымского двора (ныне это Октябрьская площадь), у него было две с половиной тысячи казаков. У Пожарского было до 10 тысяч воинов, включая прибывшие раньше полки Лопаты и Дмитриева

Днем Трубецкой приехал к Пожарскому и лично просил Дмитрия Михайловича встать всем вместе, но услышал прежний ответ: «Отнюдь нам вместе с казаками не стаивать». Однако Пожарский понимал, что если Ходкевич нанесет глав-

ный удар в направлении Крымского двора, то казаки долго не продержатся. Поэтому он приказал 500 конным дворянам переправиться на правый берег Москвы-реки и занять позицию неподалеку от казацкого табора.

Вечером 21 августа войско гетмана Ходкевича (12 тысяч человек) появилось на Поклонной горе. Оно состояло из литвинских и польских конных шляхтичей, запорожских казаков, венгерской и немецкой наемной пехоты.

СРАЖЕНИЕ ЗА МОСКВУ

(22—24 августа 1612 г.)

Первый день

На рассвете 22 августа гетман переправился через Москва-реку у Новодевичьего монастыря и атаковал ополчение. Ходкевич рассчитывал пробиться через Арбатские и Чертольские (позже Кропоткинские, в районе улиц Пречистенка и Остоженка) ворота в Кремль, разгромив по ходу движения заслоны ополчения.

Конница Пожарского контратаковала литовцев. Некоторое время встречный бой конных отрядов шел с переменным успехом. Но вскоре подошла наемная пехота Ходкевича, и земская конница отступила к Чертольским воротам. Далее бой переместился в так называемой Земляной город, где шел на узких улицах среди сгоревших домов. Поэтому Пожарский приказал спешить конницу. Особенно жаркий характер битва приняла на левом фланге ополчения, на берегу Москва-реки, возле Алексеевской башни, где литовцы явно одерживали верх.

Битва шла уже седьмой час. Между тем войско Трубецкого на другом берегу реки оставалось в бездействии. Казаки спокойно наблюдали за боем и кричали: «Богаты дворяне пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана». Трубецкой не хотел отпускать и те пять сотен дворян, что накануне прислал ему Пожарский. Однако, увидев успех противника в районе Алексеевской башни, они сами бросились на помощь. Переправившись на конях вплавь через реку, они атаковали литовцев. Вслед за дворянами устремились казацкие сотни атаманов Филата Межакова, Афанасия Коломны, Дружины Романова и Марка Козлова. Они сказали Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!» и повели своих людей в бой на противоположный берег.

После Полудня гетман ввел в бой почти все свои силы. Но ополчение Пожарского заняло оборону по периметру полуразрушен-

Легкий литовский конник Сапеги

ных укреплений Белого города, от Арбатских ворот до берега Москва-реки, и упорно сопротивлялось.

Тем временем поляки и литвины предприняли сильную вылазку из Алексеевских и Чертольских ворот Кремля в тыл ополченцам. Пожарский немедленно бросил против них свежий полк стрельцов из резерва, находившегося у Никитских ворот. Осажденные понесли довольно серьезные потери и отступили назад в Кремль.

Не добившись желаемого результата, Ходкевич к вечеру отвел свои потрепанные войска обратно за реку, но уже в другое место, в район Воробьевых гор. Туда же с Поклонной горы перешел весь обоз.

Ночь и второй день

Однако хитрый гетман задумал перебросить ночью в Кремль отряд из 600 всадников. Их повел стольник Григорий Орлов, сумевший пробраться клитовцам из Кремля. Литвины проскакали рысью мимо казаков Трубецкого, спавших мертвым сном, и достигли своей цели без потерь.

Утром часть гарнизона вместе с прибывшим подкреплением сделала удачную вылазку, захватив плацдарм на правом берегу Москва-гбеки возле Георгиевского спуска (по названию находившейся здесь церкви святого Георгия Победоносца)

Днем 23 августа отряды Ходкевича переправились в районе Воробьевых гор через Москва-реку в Замоскворечье, где заняли Донской монастырь. Гетман решил прорываться оттуда в Кремль через позиции Трубецкого, надеясь на неустойчивость казаков и разногласия между Трубецким и Пожарским. Кроме того, выгоревшее от пожаров Замоскворечье было плохо укреплено.

Третий день

Пожарский не решился перебросить все свои войска через реку на помощь Трубецкому, ибо в этом случае литвины легко бы захватили юго-западную часть Земляного и Белого города и дошли бы до Кремля. Он передвинул лишь полки воевод Лопаты-Пожарского и Туренина, которые до того момента занимали позиции в северной части города от Петровских до Никитских ворот Земляного города. Полк Туренина стал в районе Алексеевской башни, закрыв так называемый Крымский брод. Полк Лопаты-Пожарского, усиленный до двух тысяч человек, переправился в Замоскворечье и занял оборону по правому флангу.

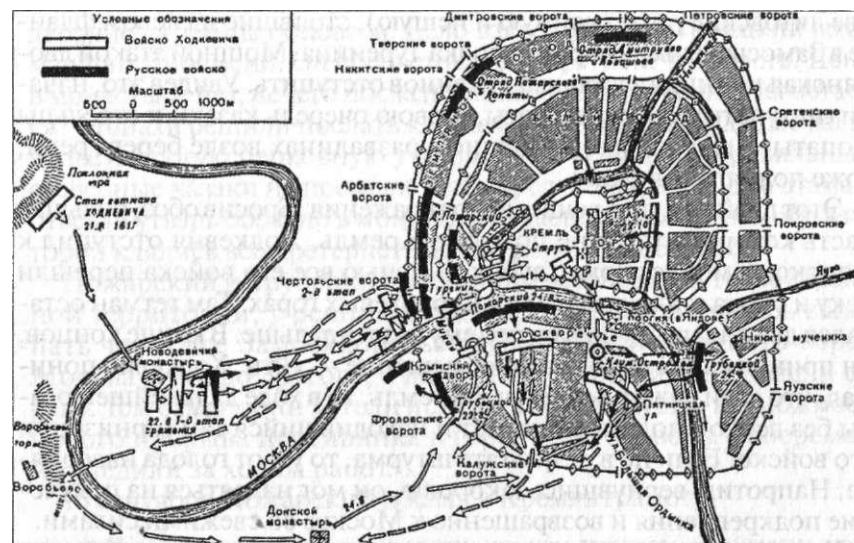
На рассвете 24 августа Ходкевич повел свои части от Донского монастыря в Замоскворечье, где и развернулось сражение сразу по трем направлениям: против отрядов Лопаты-Пожарского, Трубецкого и в районе Клементовского острога.

Об уличных боях в Замоскворечье польский шляхтич Маскевич позже писал:

«Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды, они преследуют нас, неся в руках столы и лавки. И лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих загоронок стреляют по нас из ружей, а другие, будучи в готовности, с кровель и заборов, из окон бьют по нас из самопалов, кидают камнями, дрекольем... Жестоко поражали нас из пушек со всех сторон, ибо, по тесноте улиц, мы разделялись на 4 или 6 отрядов — каждому из нас было жарко».

Цитируется по книге Дююи, с. 576

Все же, после пятичасового боя воины Лопаты-Пожарского стали отступать к реке. Казаки Трубецкого не выдержали удара в районе Серпуховских ворот и обратились в бегство. Литовцы прорвались к берегу Москва-реки напротив собора Василия Блаженного. Надо отметить, что Ходкевич не сумел воспользоваться этим успехом, так как пытался провести свой обоз с продовольствием в Кремль. Однако сотни повозок (некоторые авторы называют 400 подвод) создали пробки в тесных кривых улицах Замоскворечья, к тому же заваленных трупами и обломками. Конвой подвергался обстрелу с разных сторон и продвигался вперед крайне медленно.

Сражение за Москву

Наиболее жестокий бой шел днем за Клементовский острожек, расположенный в глубине Замоскворечья (ныне район Пятницкой улицы). Ударом с двух направлений (с плацдарма у Георгиевского спуска и со стороны Замоскворечья) поляки и литвины взяли его.

Резерв казаков Трубецкого (около 500 человек) находился, как уже сказано выше, неподалеку, в таборе у Яузских ворот. Но в этот ответственный момент эти пять сотен отказались сражаться, заявив: «Они (дворяне) богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны, и одни бьемся; так не выйдем же теперь на бой никогда». Получив столь грустную весть, Кузьма Минин, бывший с полком Туренина, срочно послал за келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным, имевшим большое влияние на казаков. Палицын переправился через реку и направился в табор к казакам. Казаки там пьянствовали и играли в зернь.

Палицын их уговорил, видимо, рассказав о каком-то чуде Сергия Радонежского. Во всяком случае, казаки с криком «Сергиев! Сергиев!» переправились через Москву-реку в Замоскворечье и ударили в правый фланг литовцев. В ходе ожесточенной схватки острожек несколько раз переходил из рук в руки. К вечеру он остался за казаками, но решительной победы не было.

Ходкевич, захватив значительную территорию Замоскворечья, опять не смог развить успех и остановился на новых позициях. Дело шло уже к вечеру, исход битвы по-прежнему оставался неясным. Тогда, чтобы переломить ситуацию, Пожарский дал Кузьме Минину три отборные сотни конных дворян и приказал атаковать две литовские роты (конную и пешую), стоявшие на левом фланге в Замоскворечье, напротив полка Туренина. Мощной атакой дворянская конница заставила литвинов отступить. Увидев это, начали отступать и соседние роты. В свою очередь казаки и стрельцы Лопаты-Пожарского, засевшие в развалинах возле берега реки, тоже поднялась в атаку.

Этот двойной удар решил исход сражения. Бросив обоз, большая часть которого так и не попала в Кремль, Ходкевич отступил к Донскому монастырю. Глубокой ночью все его войска перешли реку и снова стали лагерем на Воробьевых горах. Там гетман оставался два дня, раздумывая, что ему делать дальше. В конце концов, он принял единственно верное решение — уйти. Ходкевич понимал, что если даже прорвется в Кремль, то в ходе дальнейшей осады без всякой пользы погибнет и находившийся там гарнизон, и его войско. Если не в результате штурма, то уж от голода наверняка. Напротив, вернувшись к королю, он мог надеяться на получение подкрепления и возвращение к Москве со свежими силами.

Ходкевич послал в Кремль лазутчика с грамотой, в которой просил осажденных подождать три недели, после чего обещал вернуть-

ся с большим войском. Свой уход гетман оправдывал большими потерями, у него якобы осталось всего 400 конников (о пехоте грамота умалчивала). Затем его части пошли на запад по Смоленской дороге. Пожарский их не преследовал.

За 22—24 августа Ходкевич потерял убитыми и ранеными не менее трети своего войска и почти весь обоз. Польский автор конца XVII века Кобержицкий так написал об этом поражении:

«Поляки понесли такую значительную потерю, что ее ничем нельзя было вознаградить. Колесо фортуны повернулось, и надежда овладеть целым Московским государством рушилась невозвратно».

ОСАДА КРЕМЛЯ И КИТАЙ-ГОРОДА (сентябрь — октябрь 1612г.)

Отступление Ходкевича не сплотило два ополчения, наоборот, начались новые ссоры. Боярин Трубецкой требовал от Пожарского и Минина, чтобы они исполняли его приказы. Ведь князь Пожарский не бегал за боярством в Тушино, он так и остался стольником, второй же был, как тогда говорили, «подлого звания» (т.е. не аристократ). Но вожди земского войска помнили судьбу Ляпунова, да и вообще не собирались подчиняться проходимцу.

В начале сентября среди казаков возникла идея об уходе из Москвы. Они кричали, что голодны, раздеты, разуты (это было в основном правдой) и не могут больше стоять в осаде. В Москве пусть дворяне да земцы остаются. Дело взялся уладить троицкий архимандрит Дионисий. Он посоветовался с братией: что делать? Денег в монастыре нет, нечего послать казакам, как уговорить их остаться? Монахи решили послать казакам в заклад (под будущее жалованье) дорогую церковную утварь. Расчет оказался правильным: суеверные казаки не посмели взять предметы культа. Два атамана отвезли утварь обратно в монастырь и дали монахам грамоту, в которой клялись все претерпеть, но не уйти от Москвы.

Пожарский и Трубецкой регулярно встречались на нейтральной территории, у реки Неглинной. Они договорились выкопать через все Замоскворечье глубокий ров от одного берега Москва-реки до другого, а вдоль него поставить палисад и охрану. Тем самым они хотели исключить на будущее возможность нового прорыва противника в город. Оба воеводы попеременно следили за ходом работ.

15 сентября Пожарский послал в Кремль грамоту:

«Полковниками всему рыцарству, немцам, черкасам и гайдукам, которые сидят в Кремле, князь Дмитрий Пожарский челом бьет. Ведомо нам,

что вы, будучи в городе в осаде, голод безмерный и нужду великую терпите, ожидая со дня наденьсвоей гибели, а крепит вас и упрашивает Николай Струсь, да Московского государства изменники, Федька Андронов с товарищами, которые сидят с вами вместе для своего живота...

Гетмана в другой раз не ждите: черкасы, которые были с ним, покинули его и пошли в Литву. Сам гетман ушел в Смоленск, где нет никого прибылых людей, сапезинское войско все в Польше...

Присылайте к нам не мешкая, сберегите головы ваши и животы ваши в целости, а я возьму на свою душу и у всех ратных людей упрошу: которые из вас захотят в свою землю, тех отпустим без всякой зацепки, а которые захотят Московскому государству служить, тех пожалуем по достоинству...

А что вам говорят Струсь и московские изменники, что у нас в полках рознь с казаками и многие от нас уходят, то им естественно петь такую песню и научить языки говорить это, а вам стыдно, что вы вместе с ними сидели. Вам самим хорошо известно, что к нам идет много людей и еще большее их число обещает вскоре прибыть... А если бы даже у нас и была рознь с казаками, то и против них у нас есть силы и они достаточны, чтобы нам стать против них».

21 сентября он получил ответ:

«От полковника Мозырского, хорунжего Осипа Будзила, трокского конюшего Эразма Стравинского, от ротмистров, поручиков и всего рыцарства, находящегося в московской столице, князю Дмитрию Пожарскому. Мать наша отчизна, дав нам в руки рыцарское ремесло, научила нас также тому, чтобы мы прежде всего боялись Бога, а затем имели к нашему государю и отчизне верность, были честными... Каждый из нас, не только будучи в отечественных пределах, но и в чужих государствах, как доказательство своих рыцарских дел, показывает верность своему государю и расширяет славу своего отечества...

Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские уши, мы не удивились.... Мы хорошо знаем вашу доблесть и мужество; ни у какого народа таких мы не видели, как у вас, — в делах рыцарских вы хуже всех классов народа других государств и монархий. Мужеством вы подобны ослу или байбаку, который, не имея никакой защиты, принужден держаться норы... Впредь не пишите к нам ваших московских сумасбродств, — мы их уже хорошо знаем».

Что ж, шляхетский гонор — превыше всего, на самом деле осажденные сильно голодали. Вот как позже вспоминал об этом сам литвинский хоружий Осип Будзила:

«Ни в каких историях нет известий, чтобы кто-либо, сидящий в осаде, терпел такой голод, чтобы был где-либо такой голод, потому что когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, пада-

ли, то осажденные съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли: пехота сама себя съела и ела других, ловя людей.

Пехотный поручик Трусковский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, один товарищ съел своего слугу; словом, отец сына, сын отца не шадил; господин не был уверен в слуге, слуга в господине; кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел.

Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такого, судились, как о наследстве, и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дело случилось во взводе Леницкрго, у которого гайдуки съели умершего гайдука их взвода. Родственник покойного — гайдук из другого десятка — жаловался на это перед ротмистром и доказывал, что он имел больше права съесть его, как родственник; а те возражали, что они имели на это ближайшее право, потому что он был с ними в одном ряду, строю и десятке. Ротмистр не знал, какой сделать приговор и, опасаясь, как бы недовольная сторона не съела самого судью, бежал с судейского места»...

Некоторые польские историки обвиняют Сигизмунда III в том, что он бросил московский гарнизон на произвол судьбы. Однако эти упреки несправедливы. Осенью 1612 года король делал все, что мог. Но у него опять не было денег. Он не заплатил своим воинам за летнюю кампанию, и они разъехались по домам.

В итоге Сигизмунд отправился в поход из Смоленска лишь с отрядом наемной пехоты и несколькими ротами гусар своей личной гвардии. В пути к королю присоединился Адам Жолкевский, племянник гетмана Станислава, со своей частной армией в 1200 всадников. Это войско прибыло в Вязьму в последних числах октября. Но к тому времени уже произошла развязка затянувшейся драмы.

По приказу князя Пожарского у Пушечного двора (близ современной гостиницы «Москва») была устроена артиллерийская батарея, которая с 24 сентября вела интен-

Ворота и башни Китай-города

сивный огонь по Кремлю. 3 октября открыла огонь батарея, поставленная Трубецким у Никольских ворот.

21 октября комендант Струсь согласился на переговоры. Он прислал к Пожарскому полковника Будзилу. Однако Струсь требовал почетного ухода гарнизона из Москвы домой, с оружием и знаменами, тогда как Пожарский соглашался лишь на безоговорочную капитуляцию.

Казаки Трубецкого, узнав о переговорах, решили, что их лишают законной добычи. 22 октября без команды главных воевод они пошли на штурм Китай-города и ворвались туда. Потеря Китай-города сбила спесь с осажденных. Теперь переговоры возле кремлевской стены вели, с одной стороны, полковник Струсь и князь Мстиславский, с другой — Пожарский и Трубецкой.

КАПИТУЛЯЦИЯ ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКОГО ВОЙСКА В КРЕМЛЕ

В начале переговоров бывший глава боярской думы Мстиславский покаялся и бил челом «всей земле», а конкретно Пожарскому и Трубецкому.

Затем Струсь и Мстиславский попросили разрешить покинуть Кремль всем находившимся там московским женщинам, на что воеводы согласились. Вышедшие из Кремля боярыни и княжны несли с собой свои драгоценности. Казаки хотели ограбить их, но Пожарский с дворянами отконвоировал женщин в свой лагерь.

Советский историк Р. Г. Скрынников писал по поводу переговоров Пожарского:

«После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли... Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто «литва» держала бояр в неволе во все время осады Москвы».

Скрынников Р.Г. «На страже московских рубежей». М., 1986, с. 296—297

Конечно, Пожарский совершил политическую ошибку. В октябре 1612 года сидевшие в Кремле и Китай-городе бояре и князья не имело ни подчиненных им вооруженных сил, ни особого авторитета. Наоборот, сила и авторитет были у Пожарского. И он сам, своими руками, «сохранил им лицо», уберег имущество. А через несколько месяцев, вернув себе земли и заново набрав дружины, эти ничтожества вновь обрели прежнее влияние.

Пожарский мог отдать бояр под суд, лишить вотчин. А их земли раздать освободителям Москвы — своим дворянам и казакам Первого ополчения. Понятно, что после этого князь Дмитрий стал бы кумиром абсолютного большинства тех и других. Любого его противника они просто разорвали бы на куски. И нетрудно угадать, кого бы в таком случае избрал царем Земский собор 1613 года. Однако подобные рассуждения — из нашего времени, тогда как Пожарский жил совсем в другом. Он, как и его сподвижники, был связан по рукам и ногам тогдашними представлениями о чести, приличиях и традициях. Физически он мог поступить как угодно; психологически — нет. Во всяком случае, он никак не мог допустить расправы «черни» с самыми знатными московскими аристократами.

26 октября распахнулись Троицкие ворота Кремля, на каменный мост вышли бояре и другие москвичи, сидевшие в осаде. Впереди процессии шел Федор Иванович Мстиславский, за ним — Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов с племянником Михаилом (будущим царем) и его матерью Марфой. Казаки хотели ограбить их, но дворяне Пожарского силой оружия удержали казаков и заставили убраться в свой табор.

На следующий день произошла капитуляция литовско-польского гарнизона. Принимал капитуляцию Кузьма Минин. Часть пленных во главе с полковником Струсем отдали казакам Трубецкого, остальных с полковником Будзилой — Второму ополчению. Казаки убили почти всех доставшихся им пленников. Уцелевших Пожарский и Трубецкой разослали по городам: в Нижний Новгород, Балахну, Галич, Ярославль и другие.

Ненависть к литвинам и полякам была столь велика, что в некоторых городах пленных линчевали. Так, в городе Галич толпа перебила всех пленных из роты Будзилы. То же случилось с ротой Стравинского в Унже. Более удачно сложилась судьба роты Талафуса в Соли Галицкой: ее освободил отряд запорожских казаков, случайно забредший туда в поисках добычи.

Литовских и польских офицеров во главе с Будзилой 15 декабря доставили в Нижний Новгород, где посадили в острог. Позже Будзила писал, что местные власти хотели всех их утопить в Волге, но вмешательство матери князя Пожарского спасло им жизнь.*

* Осип (или Иосиф) Будзила находился в заключении в тюрьмах Нижнего Новгорода около семи лет. Его и немногих других уцелевших пленников отпустили в Литву в 1619 по условиям Деулинского мира. Сохранился и опубликован его дневник за 1603—1613 гг., ценный источник для изучения Смутного времени — «История Дмитрия фальшивого». Дневник отличается богатством фактического материала, образностью речи, динамизмом в описании событий, яркими авторскими оценками.

В тот же день 26 октября дворяне и казаки заняли Кремль, но торжественный въезд в Кремль воеводы назначили на 27 октября. С утра казаки Трубецкого собрались у церкви Казанской богородицы за Покровскими воротами; ополчение Пожарского — у церкви Иоанна Милостивого на Арбате. Взяв кресты и образа, оба ополчения двинулись с разных сторон в Китай-город. Они сошлись у Лобного места. Там троцкий архимандрит Дионисий начал служить молебен. Тем временем из Спасских ворот Кремля вышел другой крестный ход во главе с архангельским архиепископом Арсением и кремлевским духовенством. После молебна войско и горожане отправились в Кремль.

То, что они увидели там, поразило и ужаснуло всех. Церкви были разграблены, почти все деревянные постройки разобраны на дрова и сожжены. В больших чанах лежали разделанные и засоленные человеческие трупы. Тем не менее, воеводы приказали отслужить обедню и молебен в Успенском соборе.

Сразу же после изгнания оккупантов начались очистка и восстановление Кремля и всей столицы. Трубецкой поселился в Кремле во дворце Годунова, Пожарский — на Арбате в Воздвиженском монастыре. Кремлевские сидельцы-бояре разъехались по своим вотчинам.

С осени 1612 года князь Пожарский жил в Москве. Весной 1613 года царь Михаил пожаловал его титулом боярина. После этого он возглавлял ряд приказов: Ямской (т.е. почтовый), Разбойный (своего рода тогдашнее МВД), Московский судный приказ и другие. Дмитрий Михайлович прожил 64 года, что для нынешнего века эквивалентно примерно 80 годам. Ведь сколько-нибудь серьезной медицины тогда просто не существовало. В общем, хоть он и не стал царем, его жизнь вполне удалась, а в памяти русского народа остался как «спаситель отечества».

Глава 7

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ (1613–1618 гг.)

ПОХОД КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА (октябрь — декабрь 1614г.)

Король Сигизмунд III в начале октября в Вязьме узнал о капитуляции своего гарнизона в Москве. Тогда он стал собирать силы для нового похода на русскую столицу. Но литовско-польские шляхтичи устали от войны и в своем большинстве не желали участвовать в трудном зимнем предприятии. Королю удалось набрать только 5 тысяч человек, и то лишь благодаря присоединению части отряда гетмана Ходкевича.

В октябре они вместе осадили крепость Погорелое Городище. Здешний воевода князь Юрий Шаховской на требование сдаться ответил королю: «Ступай к Москве. Будет Москва за тобою, и мы твой». Король рассудил, что совет дельный и пошел дальше.

Затем королевское войско осадило Волоколамск, где стоял гарнизон под командованием воевод Ивана Карамышева и Чемесова. Защитники города отвергли предложение о сдаче и доблестно отбили три приступа. Во время третьего штурма городовые казаки атаманов Маркова и Епанчина сделали удачную вылазку и даже захватили у противника три пушки.

Пока основные силы осаждали Волоколамск, конный отряд Адама Жолкевского двинулся на разведку к Москве. Жолкевский дошел до подмосковного села Ваганьково, где столкнулся с московским сторожевым полком. После короткого боя он отступил. Но в этом бою поляки взяли в плен несколько человек, в том числе смоленского дворянина Ивана Философова. Жолкевский спросил у него, хотят ли по-прежнему москвичи королевича Владислава на царство? полнолюдна ли Москва и много ли там припасов? Философов ответил, что Москва «людна и хлебна», что все готовы

умереть за православную веру, а королевича на царство брать не будут. То же самое этот дворянин позже сказал и Сигизмунду.

Сведения, доставленные Жолкевским, а также неудача под Волоколамском показали королю и Ходкевичу что продолжать поход к Москве не имеет смысла. 27 декабря Сигизмунд приказал возвращаться в Вязьму. По дороге от холода и голода войско потеряло несколько сотен человек.

ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА РОМАНОВА И ПРАВДА О СУСАНИНЕ

Отступление противника позволило беспрепятственно провести в Москве Земский собор с целью выбора нового царя. После изгнания иноземцев этот вопрос стал для москвитов самым насущным. Но победители — дворянское и казацкое ополчения — долго не могли сойтись во мнениях: все кандидатуры отменялись. Вот что пишет об этом Л.Н. Гумилев:

«Дмитрия Трубецкого не хотели видеть на престоле дворяне, ибо он, хотя и был князем, командовал казаками. Князя Дмитрия Пожарского не хотели иметь государем казаки: ведь он был вождем дворянского ополчения. Но был еще один кандидат — тихий и совершенно бесцветный человек, 16-летний Михаил Федорович Романов.

Отец Михаила, Федор Никитич Романов, интриговал в свое время против Бориса Годунова и был пострижен в монахи (под именем Филарета). По поручению боярской Думы, после того как 27 августа 1610 года Москва целовала крест на верность Владиславу, Филарет отправился с посольством к Сигизмунду III Ваза, но потерпел неудачу: поляки арестовали его и довольно плохо обращались с послом в заключении. В тяжелые времена Смуты Романов-старший был связан с тушинцами, но никакой заметной роли там не играл.

Теперь же оказалось, что фамилия Романовых именно в силу того, что она никак не проявила себя в прежние времена и, соответственно, не имела никакой поддержки, всех устраивает. Казаки были настроены в пользу Михаила, поскольку его отец, друживший с тушинцами, не был врагом казачеству. Бояре помнили о том, что отец претендента происходит из знатного боярского рода и к тому же состоит в родстве с Федором Ивановичем, последним царем из рода Ивана Калиты. Иерархи церкви высказались в поддержку Романова, так как отец его был монахом, причем в сане митрополита. Итак, все сошлись на «нейтральном» и тихом царе...

Будущий же «великий государь» сидел в Костроме и знать ничего не знал: судьба юноши была решена без его участия».

Гумилев Л.Н. От Руси к России, с. 245—246

Итак, 13 марта 1613 года царем стал отрок Михаил (1596—1645), положивший начало династии Романовых, правившей Русью 304 года. В данной связи следует отвергнуть исторический вымысел: обвинение поляков в убийстве «народного героя» Ивана Сусанина.

Сенсационное открытие о «подвиге Ивана Сусанина» было сделано в начале XIX века. Вдруг выяснилось, что после сдачи Москвы поляки решили взять в плен либо убить Михаила Романова, чтобы не допустить его избрания на престол, хотя в Москве еще никто понятия не имел о том, кто станет царем.

Михаил с матерью находился в то время в Костроме (точнее, в близлежащем Ипатьевском монастыре), однако злодеи об этом не знали. Тогда они якобы схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино Костромского уезда, принадлежавшего Романовым, и пытками заставляли сказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

Композитор Федор Глинка в 1836 году пошел дальше. Он придумал, что Иван Сусанин завел большой отряд поляков в лес, где они заблудились и погибли от холода и голода, предварительно порубив на куски самого Сусанина.

У Глинки Сусанин спасал царя. Поэтому опера называлась «Жизнь за царя».

Позже большевики решили, что крепостному мужику не пристало спасать царя-кровопийцу. В 1939 году оперу Глинки переделали и переименовали. В новом варианте Сусанин спасал уже не царя, а жителей города Костромы.

В 1990-е годы опере вернули старое название, и теперь Сусанин опять спасает царя. Более того, русские историки «новой патриотической волны» точно указали не только то место, куда герой завел поляков (Юсуповское болото), но и конкретную точку гибели его самого! Они даже «нашли» и показали по теле-

Царь Михаил Федорович Романов

видению скелет Ивана Сусанина! Теперь на месте «гибели» мужественного крестьянина установлен памятник.

Но все это — «развесистая клюква». Миф о Сусанине разоблачил еще в середине XIX века профессор-историк Н.И. Костомаров. По его мнению, крестьянина Ивана Богдашкова схватила шайка «воров» (воровских казаков), которых тогда немало бродило по Руси.*

Если они в самом деле замучили его, то из-за денег. Ведь шайке бандитов ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь, с их каменными стенами и десятками крепостных орудий, были не по зубам. Костомаров писал:

«Сусанин на вопросы таких воров смело мог сказать, где находился царь, и воры остались бы в положении лисицы, поглядывающей на виноград. Но предположим, что Сусанин, по слепой преданности своему барину, не хотел ни в каком случае сказать о нем вора: кто видел, как его пытали и за что пытали? Если при этом были другие, то воры и тех бы начали тоже пытаться, и либо их, так же как Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы от них, где находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному Богу оставалось известным, за что его замучили. Одним словом, здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное.

Страдание Сусанина есть происшествие само по себе очень обыкновенное в то время. Тогда казаки таскались по деревням и жгли и мучили крестьян. Вероятно, разбойники, напавшие на Сусанина, были такого же рода воришки, и событие, громко прославленное впоследствии, было одним из многих в тот год. Через несколько времени зять Сусанина воспользовался им и выпросил себе обильную грамоту».

Действительно, крестьянин Богдан Собенин в 1619 году обратился к царю Михаилу с челобитной, где заявил, будто бы его тестя Ивана Сусанина Богдашкова литовские люди (отметим: не поляки) запытали, дабы узнать, где государь. Сказочники XIX века перепутали фамилию героя (Богдашков) с отчеством (Сусанин).

Сказка понравилась царю и его матери. Зятю дали деньги и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана Богдашкова. Естественно, что никто не проверял сообщение Богдана Собенина, да и проверить его не представлялась возможным. А, главное, зачем? Просил Богдан немного, польза же от пропаганды этой истории могла быть вполне очевидная.

* Историк А.Л. Станиславский считал, что это был отряд атамана Смаги Чертинского (до 400 запорожских казаков), который возвращался на юг через Костромской край после похода «за зипунами» в северные районы Московского государства.

См.: его книгу «Гражданская война в России. XVII век», М., 1990, с. 68.

ПОХОЖДЕНИЯ АТАМАНА ИВАНА ЗАРУЦКОГО (1612—1614 гг.)

Как мы помним, Иван (точнее, Ян) Заруцкий в 1612 году ушел от Москвы на юг с радикально настроенной частью казаков. Пока первое ополчение нахаживалось под Москвой, он содержал Марину Мнишек в Коломне, под защитой верных ему казаков. Атаман периодически наведывался в Коломну, до которой было в хорошую погоду два дня пути верхом от Тушино.

По утверждению Пискаревского летописца, ранее Заруцкий постриг свою жену в монахини, а своего сына отослал в Коломну «к ней, Марине, в стольники, а хотел на ней жениться и сестри на Московское государство». Последнее обвинение вряд ли справедливо, хотя кто знает, какие мысли могли одолевать человека, уже совершившего головокружительное восхождение от мелкого казачьего предводителя (сотника) до боярина и одного из вождей Первого ополчения. Кстати говоря, Заруцкий не был православным. Князь И.Н. Одоевский, сражавшийся с ним под Воронежем, называл Иван Мартыновича «черкашениным люторские веры», т.е. казаком лютеранского вероисповедания.

На протяжении всей Смуты повстанцы выступали под лозунгом «законного царя». В этом смысле цели Заруцкого и его сподвижников являлись традиционными для антиправительственных сил начала XVII века. После неудачи с «Псковским воеводой», Заруцкий вознамерился посадить на московский престол Ивана Дмитриевича, сына «настоящего царя» Дмитрия (т.е. Лже-Дмитрия II) и «настоящей царицы» Марины.

Был ли подлинным отцом ребенка он сам, или же «Тушинский вор», в данном контексте не имеет никакого значения. Гораздо важнее другое. Во-первых, при малолетнем царе Иван Мартынович несомненно играл бы роль регента. Во-вторых, у него была любовь и полная совместимость с царицей Мариной Юрьевной. В-третьих, кандидатуру «царевича» Ивана Дмитриевича казаки уже не раз обсуждали под Москвой.

Как сказано выше, 28 июля 1612 года Заруцкий с 2,5 тысячами верных ему казаков ушел от Москвы в Коломну. Там жила Марина, при ней находились двое мальчиков — ее полутарогодовалый сын и сын Заруцкого. Заруцкий забрал их с собой, разграбил Коломну (точнее, дворы коломенских дворян) и двинулся к Переяславлю-Рязанскому.

Однако воевода Мирон Вельяминов, предупрежденный сыном Прокофием Ляпуновым Владимиром, опередил его на два дня, с от-

рядом ратников пришел из Шацка «и Заруцкому сесть в Переяславле не дал». Это произошло в сентябре. В 16-и верстах от Рязани, возле села Киструс, Вельяминов нанес поражение казакам, после чего Заруцкий ушел на юго-восток Рязанской земли и остановился в городке Сапожок. В городке проживали тогда до 200 взрослых мужчин, в том числе 135 казаков.

Отброшенный на окраину Рязанщины, Заруцкий попытался поднять против «московских бояр и воевод» Мещерский край вместе с примыкавшим к нему Арзамасским уездом. На этот район традиционно опирались противники московского правительства. Города Арзамас, Темников, Шацк ранее поддерживали Ивана Болотникова, Лже-Дмитрия II, Лже-Дмитрия III. Однако в этот раз бывшие сторонники Лже-Дмитрия не стали присягать его сыну — ни местные князья, ни стрельцы, ни посадские люди, ни служилые татары.

Положение Заруцкого осенью, после отказа мещерских и поволжских городов признать царем малютку Ивана Дмитриевича (т.е. перейти на сторону атамана), стало критическим. Но как раз в это время в ряде рязанских и пограничных с Рязанской землей городов произошли перевороты в его пользу:

Типичная крепостица южной части Московии

«Михайлов город, и Пронеск/Пронск/ и Донков/Данков/, и Епифань своровали, призвали Заруцкого на Михайлов».

Из других источников известно, что власть Заруцкого признали также Венев, Песочня, Печерники, Рязск. Своей резиденцией атаман сделал Михайлов, куда он пришел в ноябре или начале декабря 1612 года. К концу года во всей Рязанской земле только Зарайск и острог в Серебряных Прудах оставались под контролем Временного земского правительства Минина и Пожарского.

За счет стрельцов, казаков и пушкарей рязанских городов силы Заруцкого увеличились еще примерно на 2500 человек. К ним надо прибавить какую-то часть мелкого рязанского дворянства и довольно крупный нерусский отряд Ядкаря Рындина (татары и мордвины). Всего у него было 6—7 тысяч человек, с которыми он приступил к осаде Серебряных Прудов, где находился со своим войском сторонник земского правительства князь Г.В. Волконский.

Вскоре к Волконскому пришло на помощь войско из Казани во главе с воеводой Никанором Михайловичем Шульгиным. А еще до выступления основной части его армии, казанские дьяки прислали в «Рязань 4600 свияжских татар. То и другое резко изменило соотношение сил. Заруцкому пришлось снять осаду с острога в Серебряных Прудах. Какой-то его отряд потерпел поражение в бою у села Долгина. Посланный им к Переяславлю-Рязанскому отряд Ядкаря Рындина тоже был разбит под Мервиным острогом рязанским воеводой М.М. Бутурлиным. Рындин потерял только пленными 727 человек, а также пушки и весь обоз.

Впрочем, воевода Н.М. Шульгин не горел желанием сражаться с Заруцким. Дойдя до Арзамаса, он стоял здесь в полном бездействии три месяца, а 7 марта 1613 года пошел обратно в Казань, объяснив это тем, что взятые на три месяца запасы продовольствия подошли к концу. Правительство в Москве приняло это объяснение и даже обратилось к нему с новой просьбой — отобрать 600 лучших ратников и послать их в Рязань. Но тут в Москву поступили сообщения от тайных доброхотов, что Шульгин, являвшийся на тот момент одним из самых могущественных людей Руси, замысливает сепаратистский мятеж. Вскоре его арестовали и учинили «розыск» по делу об очередном «воровстве».

Опасаясь окружения, Заруцкий перешел из Михайлова в Епифань. Тем временем, в связи с избранием царя Михаила Романова, в рядах его сторонников начался раскол. Одни города (например, Михайлов) восставали, брали под арест казаков и воевод Заруцкого. Другие сдавались войскам М.А. Вельяминова. На казачьем круге, который состоялся в Епифани, многие высказались за службу Михаилу Романову. Более 200 казаков и детей боярских бежали от Заруцкого из Епифани. Все они получили прощение и поступили на царскую службу.

Силы Заруцкого в это время составляли около 3000 человек. 10 апреля он выступил из Епифани к Дедилову. Здесь казаки провели всего один день. Они отразили атаку тульского воеводы князя Г.В. Тюфякина, а затем, «выграбя» Дедилов, двинулись к Крапивне, где появились 13 апреля.

Несмотря на малочисленность гарнизона (не более 250 человек), крапивенский воевода дворянин Максим Денисович Ивашкин оказал яростное сопротивление. Лишь после того, как острог был подожжен «со все стороны», а сам Ивашкин, раненный во время вылазки, попал в плен, Заруцкий овладел Крапивной и жестоко расправился с ее защитниками. В приходно-расходной книге Владимирской четверти записано: «Кропивну Ивашка Зарутцкой с казаки выжгли и высекли». В числе других был убит дворянин А. Лопатин, который привез в город грамоту об избрании Михаила Романова.

19 апреля 1613 года из Москвы против Заруцкого выступило войско одного из участников Второго ополчения, князя Ивана Никитича Одоевского. Между тем, 21 апреля казаки ушли из Крапивны и направились на юг, где еще не было войск царя Михаила. В Черни Заруцкий провел неделю, здесь он казнил (четвертовал) крапивенского воеводу Ивашкина. Затем казаки прошли через Мценский и Новосильский уезды, оставляя за собой опустошенные и сожженные дворянские поместья.

В мае они попытались овладеть Ливнами, но дважды были отбиты. Царские воеводы далеко отстали от казаков. Вельяминов перешел в Дамков, Одоевский остановился в Туле, ожидая обещанное подкрепление. Воспользовавшись их нерасторопностью, Заруцкий еще раз попытался перейти в наступление. От Ливен он повернул на северо-восток, пересек Елецкий уезд и в конце мая (или в начале июня) занял Лебедянь. Небольшой гарнизон, состоявший из стрельцов и казаков, не оказал сопротивления, так как имя «царя Дмитрия» было здесь популярно.

Но уже шло к Лебедяни войско князя И.Н. Одоевского, в подчинении которому находился М.А. Вельяминов, а также ряд других воевод. Перед лицом превосходящих сил Заруцкий отступил к Воронежу (от Лебедяни до Воронежа 180 верст). Дождавшись новых подкреплений, за ним двинулось и войско Одоевского. Между тем, отряд Заруцкого тоже пополнился за счет нескольких сотен казаков из самого Воронежа, из окрестных сел Боровое, Излегощи, Ступино, Усмань. Все они были конные, вооружены пищалями и рогатинами.

Решающее сражение между казаками Заруцкого и войском Одоевского произошло под Русским Рогом, в 4-х верстах от Воронежа. Первые два дня (29—30 июня 1613 г.) бой шел там; 1 июля значительных столкновений не было; 2 июля бой возобновился у переправы через Дон, а 3 июля оно завершилось тем, что Заруцкий благополучно переправился через реку и ушел еще дальше на юг.

Разумеется, в своих реляциях в Москву князь Одоевский и пятеро «меньших воевод» (М.А. Вельяминов, И.В. Измайлов, Р.П.

Пожарский, Ф.Т. Соковнин, Г.В. Тюфякин) изобразили эти события как одержанную ими крупную победу. Однако «Новый летописец» дает совершенно иную картину:

«И бысть под Воронежем бой, и ничево же ему /Заруцкому/ не зделаша. Он же многих воронежцев побил и перелезе через Дон и с Маринкою и поиде к Астрахани степью».

Историк XVIII века В.М. Татищев приводит больше деталей этого сражения. Согласно его рассказу, Заруцкий занял выгодную позицию на возвышенности, где построил полевые укрепления; двухдневные попытки Одоевского «сбить» его не имели успеха, и «бояре отступили недалеко». После этого Заруцкий 1 июля захватил, ограбил и сжег Воронеж. Но когда он намеревался обрушиться на войско Одоевского, «многие» казаки перешли на сторону царских воевод. По официальным данным — 2250 человек.

Измена казаков была связана с тем, что к тому времени московские агенты сообщили им о фактах переписки Заруцкого с литовским гетманом Яном Карлом Ходкевичем. Конечно, являясь формально главой правительства «царевича» Ивана Дмитриевича, он имел право осуществлять дипломатические функции. Но казаки привыкли все важные решения принимать сообща, тогда как Заруцкий действовал тайно, за их спиной, чем и воспользовалось московское правительство. Оно направило казакам перехваченные письма атамана. Эти документы вызвали возмущение в лагере Заруцкого, которого обвинили в поддержке короля Сигизмунда, а не «царевича» Ивана. Именно поэтому Заруцкому с самыми верными ему людьми (максимум 400 человек) пришлось срочно спасаться бегством. В степи за Доном дворянские конники пять дней преследовали Заруцкого, но так и не смогли догнать его.

Атаман на какое-то время утвердился в Астрахани, где пытался создать самостоятельное государство из волжских казаков и ногайских татар, под покровительством иранского шаха. Однако казаки, астраханские стрельцы и посадские люди, уставшие от Смуты, а главное — привлеченные обещаниями новой московской власти принять их на службу за жалованье, не поддержали атамана. Жители Астрахани относились к Заруцкому с открытой враждебностью. Отказал в помощи даже иранский шах, не желавший ссориться с Москвой.

Не имея никакой серьезной поддержки, Заруцкий с Мариной Мнишек и несколькими сотнями казаков бежал из Астрахани при известии о приближении к городу (в 1614 году) правительственных войск. Отряд грозного в прошлом атамана (примерно тысяча человек) вскоре разбил царский воевода Василия Хохлова, имевший меньше воинов (до 700 человек).

Заруцкий вместе с Мариной и ее сыном бежал тогда на реку Яик (Урал), но 24 июня 1614 года их схватили на Медвеьем острове и выдали Хохлову местные казаки. Пленников привезли в Москву. Заруцкого посадили на кол (подругой версии колесовали), а царевича Ивана, которому было три с половиной года, повесили.* Марину сослали в Коломну и заточили в башню, где в конце зимы — начале весны 1615 года задушили (подругой версии — утопили в бочке с водой).

«ЧАСТНАЯ ВОЙНА» АЛЕКСАНДРА ЛИСОВСКОГО (1613-1615 гг.)

В 1613—1614 гг. военные действия на территории Московской Руси вели исключительно отряды различных «полевых командиров». Наибольших успехов среди них добился полковник Александр Лисовский, речь о котором уже шла выше.

В начале лета 1613 года он пересек границу и со своими людьми изрядно пограбил московские земли. Лисовский прошел в районе городов Суздаль, Ярославль, Кострома, Переяславль-Рязанский, между Тулой и Серпуховым, возле Алексина и беспрепятственно вернулся назад в Красное.

Летом 1614 года Лисовский повторил поход за «зипунами», но какие-либо подробности второго рейда, а также его маршрут источники не приводят.

Лисовский был энергичен, смел, хитер и удачлив. В мае 1615 года отряд 35-летнего полковника насчитывал около 600 всадников. Но вскоре к нему присоединились столько же, а потом отряд получал пополнение еще несколько раз.

Так, белевский дворянин В. Лодыженский, выкупленный родственниками у Лисовского 5 сентября (выкуп включал кунью шубу, «платье», два жемчужных ожерелья, женскую шапку), сообщил, что только за август и первые дни сентября к Лисовскому присоединились 60 казаков из Заволжья во главе с атаманом Лядом, отряд атамана Якова Шишова, «человек сто черкас», убежавших от Пожарского, несколько десятков «воровских казаков» из «иных мест». К сентябрю у Лисовского было уже до двух тысяч всадников — «черкасы» (казаки), литвины, поляки, москвиты, немцы и прочие.

Рейд 1615 года Лисовский начал в мае в районе Брянска. Оттуда он пришел к Карачеву взял город и оставался там несколько не-

* О малютке-царевиче можно сказать лишь одно: «несчастный ребенок»! Уж он точно ни в чем виноват не был.

дель. Когда сообщение о новом походе опасного предводителя пришло в Москву, против него послали лучшего из имевшихся воевод — Дмитрия Пожарского.

29 июня 1615 года князь с отрядом конных дворян и иностранных наемников (690 человек) выступил из Москвы.

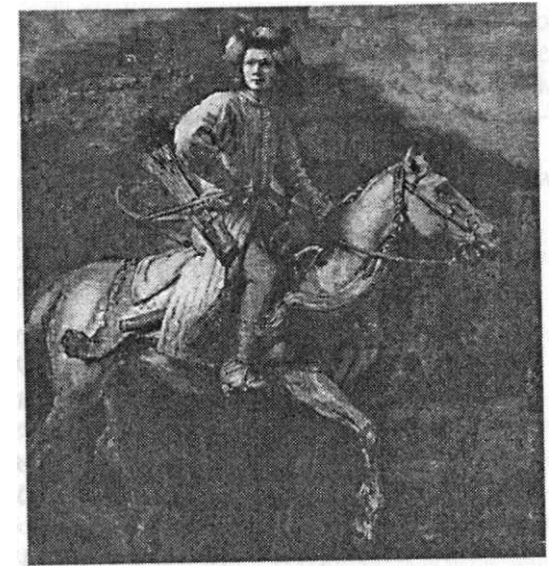
Лисовский в это время по-прежнему сидел в Карачеве. Узнав о быстром продвижении Пожарского через Белев и Волхов, Лисовский сжег Карачев и отправился «верхней дорогой» к Орлу.

Разведчики донесли об этом воеводе, тот двинулся наперерез Лисовскому. По пути к Пожарскому присоединился отряд казаков (1260 человек). Теперь он имел под своим началом до двух тысяч человек. У Лисовского людей было меньше, тысячи полторы, но это его не смущало.

Рано утром 22 или 23 августа на Орловской дороге «лисовчики» внезапно встретились с головным отрядом Пожарского, которым командовал воевода Иван Пушкин. Отряд Пушкина не выдержал лихой встречной атаки и отступил. Вслед за ним отступил и отряд воеводы Степана Исленьева. На поле боя остался лишь Пожарский с 600 ратниками. Пожарский долго отбивал атаки противника, а потом приказал сделать укрепление из сцепленных обозных телег (табор) и засел там.

Лисовский не атаковал табор, поскольку стремился избежать лишних потерь. Он стал лагерем в двух верстах от него, надеясь, что москвиты сами уйдут. Но Пожарский не хотел отступать и говорил своим ратникам, уговаривавшим его отойти к Волхову: «Всем нам помереть на этом месте».

К вечеру вернулся воевода Исленьев, ночью подошли остальные беглецы. Утром Пожарский, увидев вокруг себя достаточно людей, пошел в атаку на бивак Лисовского. Тот мгновенно снялся с места и усакал под Кромы. Оттуда, поскольку Пожарский шел следом, он за сутки проделал около 180 верст («перебежаша днем да ночью

Полковник Александр Лисовский.
С портрета Рубенса

полтора года поприш») и 31 августа неожиданно появился под стенами Волхова. Но здешний воевода Федор Волинский отбил все три попытки взять город штурмом.

На следующий день Лисовский «посетил» Лихвин, где сжег посад, а 4 сентября взял Перемышль Рязанский, воевода которого оставил город без боя и сбежал со своими ратниками на Калугу. 5 сентября он взял Белев. В тот же день Пожарский пришел в Лихвин, где к нему присоединились две тысячи конных татар из Казани. Тогда «лисовчики» сожгли Перемышль и прошли на север «меж Вязьмы и Можайска».

Пожарский после двух месяцев невероятно быстрой погони (для войск того времени) тяжело заболел. Он передал командование вторым воеводам, а сам на телеге уехал в Калугу. Да и вообще вряд ли мог прославленный воевода справиться с Лисовским. Князь был почти того же возраста (37 лет), но многократно ранен, что не позволяло ему, подобно Лисовскому, сутки и более непрерывно скакать, меняя лошадей. А как без этого ловить конных бандитов?

Без Пожарского войско быстро утратило боеспособность. Татарский отряд самовольно ушел назад в Казань, а воеводы с оставшимися ратниками не смогли (точнее побоялись) преследовать «лисовчиц». И Лисовский свободно прошел под Ржев Владимирский, который с трудом удержал воевода боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову, оборонявшемуся в это время от шведов. Отступив от Ржева, Лисовский пытался занять Кашин и Углич, но и там воеводам удалось удержать свои города.

В первой половине ноября Лисовский направился под Торжок. После этого он прошел через Кашинский, Угличский и Суздальский уезды, опустошая все на своем пути. Вот свидетельство старосты села Алексина Суздальского уезда: «Как шел пан Лисовский с литовскими людьми... и крестьян многих секли, а иных жгли и мучили, и грабили»... Он шел между Ярославем и Костромой, потом между Владимиром и Муромом (пытался взять Муром), между Колодной и Переяславлем Рязанским, между Тулой и Серпуховом до города Алексина.

Еще несколько воевод отправились в погоню за Лисовским, но они лишь бесплодно кружили между городами, не находя «лисовчиков». Только в Алексинском уезде князь Куракин один раз сошелся с Лисовским, но тот ушел без существенных потерь.

Наконец через Рязанский, Тульский и Алексинский уезды он вывел свой отряд сначала на Северщину, а затем в Литву, завершив свой редкий в военной истории и надолго запомнившийся в Московском государстве рейд.

Молниеносные переходы, требовавшие от Лисовского и его сподвижников чрезвычайных физических усилий, не прошли

без последствий. 11 октября 1616 года, при подготовке нового похода в Московию, Лисовский внезапно упал с коня и вскоре умер. Был ли это обширный инфаркт или инсульт, установить тогда не могли. Так в 36 лет оборвалась жизнь этого удивительного воина и бандита.

В Москве весьма радовались сему событию. Царская грамота властям Троице-Сергиева монастыря сообщала:

«И как будет от Стародуба двадцать верст, и Лисовскому учинилась смерть вскоре, свал с коня и издох».

Соратники легендарного предводителя еще долго искали удачи на полях сражений. В 1619 году они поступили на службу к императору Фердинанду III, под его знаменами участвовали в подавлении чешского восстания (1620 г.), в Хотинской битве с турками (1621 г.), в Тридцатилетней войне. Повсюду эти отчаянные рубаки называли себя «лисовчиками», по имени своего первого командира. Их отряды были расформированы лишь после 1636 года. Облик «лисовчиков» запечатлела кисть великого Рембрандта.

ПЕРЕГОВОРЫ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЙНЫ (1614—1616 гг.)

В ноябре 1614 года гонцы привезли в Москву боярской думе грамоту от имени сейма Речи Посполитой, содержавшую упреки боярам в измене «царю» Владиславу и в жестоком обращении со знатными польскими пленниками. Но, несмотря на это, грамота предлагала провести переговоры. Бояре тут же заявили, что им принять эту грамоту «не пригоже», ибо в ней все написано не по обычаю — «великого государя (Михаила) имя не указано». Однако мир Москве нужен был как воздух, а потому, поломавшись для приличия, бояре «по миролюбию своему» приняли грамоту.

Послом в Речь Посполитую они отправили некоего Желябужского (до нас не дошло его имя). Переговоры Желябужского ничего не дали, они свелись к взаимным обвинениям и оскорблениям. В боярскую думу Желябужский привез грамоту, в которой паны предлагали место съезда уполномоченных на границе между Смоленском и Вязьмой. В грамоте паны писали также:

«Пока холопы вами владеть будут, а не от истинной крови великих государей происходящие, до тех пор гнев Божий над собою чувствовать не перестанете, потому что государством как следует управлять и успокоить его они не могут. Из казны московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди ее растащили, потому что несправедливо и с кривдою людскою была собрана»...

Лев Сапега (1557-1633).
Худ. В. Гондиус

Московские бояре, несмотря на столь язвительные упреки, в сентябре 1615 года отправили полномочных послов: князя Ивана Михайловича Воротынского, боярина Алексея Сицкого, окольного Артемия Васильевича Измайлова. Речь Посполитую представляли киевский бискуп (епископ) князь Казимирский, гетман литовский Ян Карл Ходкевич, канцлер литовский Лев Сапега, староста велижский Александр Гонсевский. Посредником был императорский посол Эразм Ганделиус.

Переговоры начались 24 ноября 1615 года в Духовом монастыре возле Смоленска. Они тоже не дали результата.

Князь И.М. Воротынский предельно ясно объяснил нынешнее отношение бояр к Владиславу, которому он предлагал дать отступные за отказ именоваться московским царем:

«У нас про то давно сказано, вперед о том говорить и слушать не хотим, и в Московском государстве ему нигде места нет: итак от его имени Московское государство разорилось».

Несмотря на столь четкую формулировку, литвины и поляки никак не могли смириться с тем фактом, что 1615 год совсем не 1609-й, что теперь нет места королевичу в Москве. Они упорно твердили свое: «вы сами пригласили Владислава на царство». Последняя раунд переговоров состоялся 28 февраля 1616 года. Затем обе делегации вернулись в свои столицы.

Формально война возобновилась, но в первый год происходили лишь мелкие стычки. Например, 1 июля 1616 года воеводы Михаил Тинбаев и Никита Лихарев с отрядом в полторы тысячи всадников совершили рейд в Литву, разграбив окрестности Суража, Велижа и Витебска. В свою очередь отряд запорожских казаков аналогичным образом действовал у Карачева и Кром. За ним гонялись воеводы князь Иван Хованский и Дмитрий Скуратов, но безуспешно.

В июле 1616 года сейм Речи Посполитой принял решение отправить 20-летнего королевича Владислава с войском на Москву. Ин-

тересно то, что по решению сейма его сопровождали 8 комиссаров: епископ луцкий Андрей Липский, каштелян бельский Станислав Журавинский, каштелян сохачевский Константин Плихт, канцлер литовский Лев Сапега, староста шремский Петр Опалинский, староста мозырский Бальтазар Стравинский, сын люблинского воеводы Яков Собеский (отец будущего короля Яна Собеского) и некий Андрей Менцинский.

Обязанностью комиссаров было следить за тем, чтобы Владислав не противодействовал заключению «славного мира» с Москвой. После занятия Москвы комиссары должны были проследить, чтобы царь Владислав не отступал от выработанных сеймом условий."

Главными условиями были следующие:

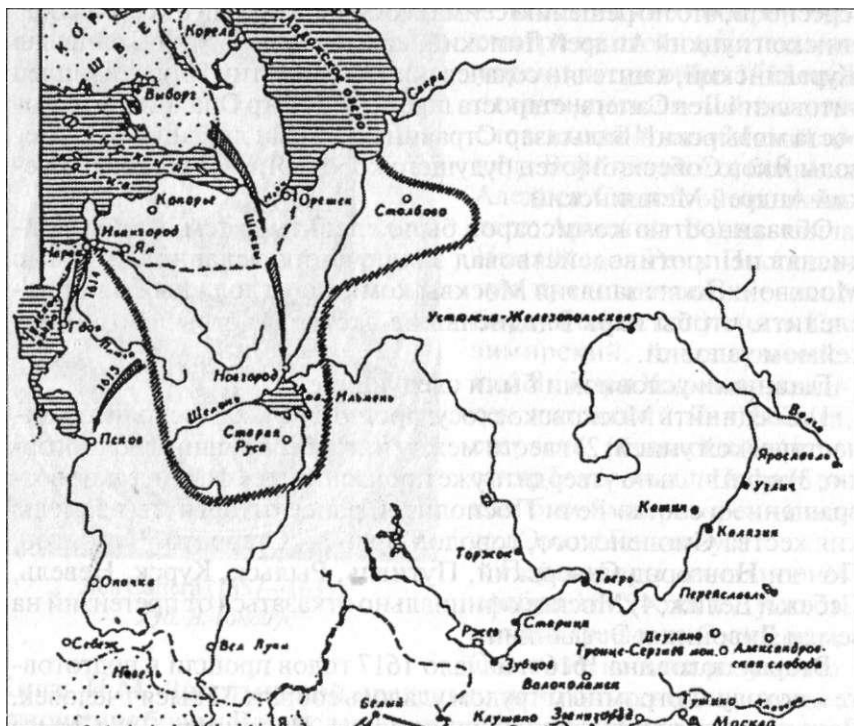
1) Соединить Московское государство с Речью Посполитой династической унией; 2) ввести между ними беспошлинную торговлю; 3) официально утвердить уже произошедшее фактическое возвращение в состав Речи Посполитой ранее отторгнутых земель: княжества Смоленского, городов Брянск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород Северский, Путивль, Рыльск, Курск, Невель, Себеж и Велиж; 4) Москве официально отказаться от претензий на земли Ливонии и Эстляндии.

Вторая половина 1616 и начало 1617 годов прошли в подготовке к походу. С огромным трудом удалось собрать 11 тысяч человек. Деньги собирали буквально по копейке. Например, Лев Сапега занял огромные суммы, в Литве ввели специальный налог для оплаты наемников.

Тем временем в западной и юго-западной землях Руси продолжали бесчинствовать отряды «воровских казаков, среди которых были также донцы и запорожцы. Все они чрезвычайно обрадовались, узнав о новом походе. Так, к Владиславу прибыли атаман Борис Юмин и есаул Афанасий Гаврилов. 22 ноября 1616 года королевич принял их. Юмин и Гаврилов заявили, что хотят ему «правдою служить и прямить». Владислав 26 ноября отвечал им, чтоб «совершили, как начали».

ВОЙНА СО ШВЕДАМИ И СТОЛБОВСКИЙ МИР (1613-1617 гг.)

Напомним, что шведы оказались на территории Московской Руси в 1609 году по приглашению царя Василия IV. Они сыграли важную роль в борьбе с войсками «тушинского вора». Но после свержения Шуйского в июле 1610 года их статус оказались вне правового поля.

Действия шведов в 1611—1618 гг.

Видя развал московского государства, новый 17-летний король Густав II Адольф (1594—1632), царствовавший с февраля 1611 года, решил использовать ситуацию в интересах Швеции. Вскоре по его приказу шведские войска заняли Новгород. Затем шведам удалось создать в землях бывшего «господина великого» марионеточное Новгородское государство. Оно существовало до 1618 года. Правда, ничего хорошего новгородцам оно не дало:

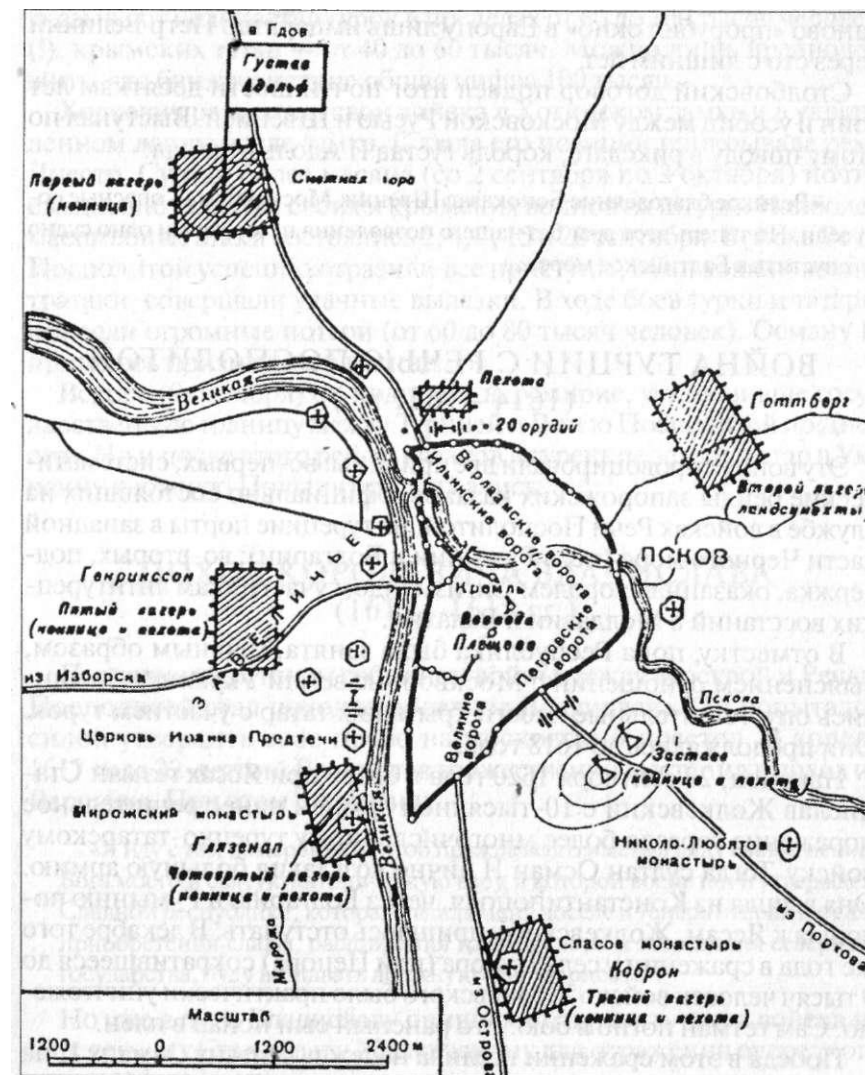
«Эфемерное «Новгородское государство», просуществовавшее под эгидой Швеции в течение семи лет, пережило разруху, далеко превзошедшую опричное разорение. Шведское разорение довершило трагедию древнего города»...

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994, с. 154

В 1613 году боярская дума послала войска к Новгороду. Но шведы перехватили и наголову разбили экспедиционный корпус москвитов. В следующем 1614 году король Густав II Адольф решил перейти в наступление. Его армия осадила Псков. Ему не повезло:

защитники этой мощной крепости повторили свой успех против Батория в 1581 году, семь месяцев они успешно выдерживали шведскую осаду. В итоге Густаву II Адольфу пришлось отступить, ничего не добившись. После этого война шла вяло.

Покольку Москва с лета 1616 года ожидала вторжения королевича Владислава, а Густав II Адольф готовил нападение на часть

Оборона Пскова от шведов в 1615 году

Ливонии, принадлежавшую Речи Посполитой, обе стороны пришли к мысли, что им следует заключить мир.

23 февраля 1617 года в Столбово был подписан мирный договор между Москвой и Стокгольмом. По этому договору, ради того, чтобы вернуть себе Новгород и его земли, Москва уступила Швеции Ижорскую землю, Корелу и Корельский уезд с крепостями Гдов, Иван-город, Кексгольм, Копорье, Орешек (Нотебург), Ям. Тем самым Москва окончательно потеряла выход к Балтийскому морю. Заново «прорубил окно» в Европу лишь император Петр Великий через сто с лишним лет.

Столбовский договор подвел итог почти шести десяткам лет войн и усобиц между Московской Русью и Швецией. Выступая по этому поводу в риксдаге, король Густав II Адольф сказал:

«Великое благодеяние Бог оказал Швеции. Московиты — опасные соседи. Но теперь этот враг без нашего позволения не может ни одно судно спустить в Балтийское море»...

ВОЙНА ТУРЦИИ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ (1614-1621 гг.)

Эту войну спровоцировали две причины: во-первых, систематические рейды запорожских казаков, официально состоявших на службе в войсках Речи Посполитой, на турецкие порты в западной части Черного моря (т.е. в Румынии и Болгарии); во-вторых, поддержка, оказанная королем Сигизмундом участникам антитурецких восстаний в Молдавии и Валахии.

В отместку, пока Республика была занята, главным образом, выяснением отношений с Москвой, на земли Украину обрушились опустошительные набеги крымских татар с участием турок. Они продолжались до 1618 года.

Наконец, 20 сентября 1620 года в битве при Яссах гетман Станислав Жолкевский с 10-тысячной армией нанес решительное поражение гораздо более многочисленному турецко-татарскому войску. Тогда султан Осман II лично возглавил большую армию. Она вышла из Константинополя, через Болгарию и Румынию подошла к Яссам. Жолкевскому пришлось отступать. В декабре того же года в сражении у села Цукора (или Цецора) сократившееся до 9 тысяч человек войско Жолкевского было практически уничтожено. Сам гетман погиб в бою. Его раненый сын попал в плен.

Победа в этом сражении вселила надежду султану Осману II на покорение всей Польши, включая Украину. Весной 1621 года, надеясь на союз с Московской Русью и Швецией, он организовал

новый поход против Речи Посполитой. Шведы действительно отвлекли на себя часть польских сил в Ливонии, но Москва отказалась выступить против Республики.

Осень 1621 года произошла знаменитая битва при Хотине на Днестре.* Здесь 46-тысячное войско поляков, литвинов и украинских казаков под командованием гетманов Яна Карла Ходкевича, Станислава Любомирского и Петра Сагайдачного сразилась с армией Османа II. Точная ее численность неизвестна. Источники указывают количество турок в пределах от 60 до 100 тысяч человек (!), крымских татар — от 40 до 60 тысяч. Можно лишь предположить, что ближе к истине общая цифра 100 тысяч.

Ходкевич разместил свои войска в Хотинском замке и в укрепленном лагере возле замка. С тыла его позиции прикрывала река Днестр. Султан более месяца (со 2 сентября по 3 октября) почти ежедневно посылал своих и крымских воинов на штурм. Наиболее масштабные атаки состоялись 2, 4, 7, 15 и 28 сентября. Войска Речи Посполитой успешно отразили все приступы, сами ходили в контратаки, совершали удачные вылазки. В ходе боев турки и татары понесли огромные потери (от 60 до 80 тысяч человек). Осману II пришлось признать поражение.

Вскоре (9 октября) он подписал перемирие, установившее государственную границу между Турцией и Речью Посполитой по Днестру. Но и после этого рейды казаков в турецкие земли, татар в Украину и южную Польшу продолжались.

ПОХОД КОРОЛЕВИЧА ВЛАДИСЛАВА (1617-1618 гг.)

Последним крупным событием войны между Москвой и Речью Посполитой стал поход королевича Владислава. Он попытался силой утвердить свое право на московский престол. В апреле 1617 года 22-летний Владислав торжественно выступил в поход из Варшавы. При этом он заявил:

«Я иду с тем намерением, чтоб прежде всего иметь в виду славу господ Бога моего и святую католическую веру, в которой воспитан и утвержден. Славной республике, которая питала меня доселе и теперь отправляет для приобретения славы, расширения границ своих и завоевания северного государства, буду воздавать должную благодарность».

Но уже в пути Владиславу пришлось отправить часть войска на юг к гетману Станиславу Жолкевскому для отражения очередного

* Город Хотин находится в Черновицкой области Украины.

наступления турок (шла «турецкая» война 1614—1621 гг.) Поэтому королевич вернулся в Варшаву на несколько месяцев, лишь в августе он прибыл в Смоленск.

В конце сентября 1617 года войско Владислава подошло к Дорогобужу, важной крепости между Смоленском и Вязьмой. При его приближении там произошел переворот. Посадские люди, а главное — казаки (их тут было свыше 600 человек) «государю изменили, город Дорогобуж сдали королевичу». Дорогобужский воевода И.Г. Адауров (бывший постельничий Василия Шуйского) целовал крест Владиславу как московскому царю.

Несколькими днями раньше на сторону королевича перешел расположенный недалеко от Дорогобужа острог Долгомосский. Составлявшие его гарнизон тоже казаки встали под знамена Владислава.

Владислав приказал не разорять Дорогобуж, он торжественно целовал кресты и иконы, которые ему подносило православное духовенство. Гарнизон был отпущен по домам. Воевода Адауров с казаками и частью дворян присоединился к королевскому войску.

Известие о взятии Дорогобужа вызвало любопытные события в отстоявшей на 70 верст Вязьме. Владислав послал туда грамоту, но казачий дьячок Юрий Варфоломеев передал ее воеводам, а те отослали, не распечатав, в Москву. Узнав об этом, казаки здешнего гарнизона*едва не казнили хитрого дьячка по приговору круга. Видя такое развитие событий, воеводы князя Петр Пронский, Михаил Белосельский и Никита Гагарин, бросив город, бежали в Москву. За ними последовали стрельцы и часть горожан. А казаки из гарнизона Вязьмы ушли за реку Угру, где захватили в приставство (т.е. для обеспечения продовольствием и фуражом) Белевский, Козельский и другие уезды.

18 октября 1617 года Владислав беспрепятственно вступил в Вязьму. Таким образом, успешное начало похода, казалось, оправдывало самые смелые его расчеты на всенародное восстание против Михаила Романова. Королевич даже направил в Москву воеводу Адаурова и жителя Смоленска, некоего Зубова, с грамотой. В ней говорилось:

«По пресечении Рюрикова дома люди Московского государства, поразумев, что не от царского корня государю быть трудно, целовали крест ему, Владиславу, и отправили послов к отцу его Сигизмунду для переговоров об этом деле, но главный посол, Филарет митрополит, начал делать не по тому наказу, каков дан был им от вас, прочил и замышлял на Московское государство сына своего Михаила.

В то время мы не могли сами приехать в Москву, потому что были в несовершеннолетних летах, а теперь мы, великий государь, пришли в совершен-

ный возраст к скипетродержанию, хотим за помощью Божиею свое государство Московское, от Бога данное нам и от всех вас крестным целованием утвержденное, отыскать и уже в совершенном таком возрасте можем быть самодержцем всея Руси, и неспокойное государство по милости Божией покойным учинить».

Владислав утверждал, что вместе с ним в Москву идут патриарх Игнатий, архиепископ смоленский Сергей и князь Юрий Никитич Трубецкой (^товарищами. Но грамота эта не произвела особого впечатления в Москве. Адаурова и Зубова сослали в дальние города, воевод Пронского и Белосельского высекли кнутом и сослали в Сибирь, а имения их раздали московским дворянам.

Далее Владислав попытался с ходу овладеть Можайском, но получил отпор. Можайские воеводы Федор Бутурлин и Данила Леонтьев решили стоять насмерть. А из Москвы на помощь Можайску послали воевод Б.М. Лыкова и Г.Л. Валуева. Помимо двух тысяч дворян и боевых холопов, у них были 400 татар и 1600 казаков. Город Волоколамск занял 5-тысячный отряд князей Д.М. Черкасского и В.П. Лыкова. После этого Владислав решил уйти назад в Вязьму.

В начале ноября 1617 года казачий предводитель И. Орефьев одержал победу над литовско-польским отрядом в Медынском уезде. В декабре он лично доставил в Москву пленных, захваченных в бою в Оболенском уезде.

Владислав зимовал в Вязьме, где устроил нечто вроде царского двора. При нем состояли бояре Салтыковы, князья И.И. Шуйский и Ю.Н. Трубецкой, воевода М.Б. Шеин, думный дьяк В.О. Янов. Впрочем, пленный Шеин вел себя по отношению к королевичу дерзко, за что его отослали в Речь Посполитую. В захваченных городах Владислав поставил воеводами перешедших на его сторону московских дворян: в Дорогобуже — Л. Корсакова, в Вязьме — князя И. Енгальдеева.

Но вскоре начались морозы, пошел снег, стала ощущаться нехватка продовольствия. А казна у королевича оказалась пуста. Воеводы Лыков и Валуев чуть ли не ежедневно рассылали из Можайска под Вязьму, Товарково, Погорелое Городище казаков и татар за «языками». В плен к ним попадали главным образом литовско-польские «пахолики» (слуги), собиравшие продовольствие в своих приставствах (участках территории, выделенных для обеспечения армии). Ситуация в королевском войске понемногу стала обостряться. Наемники, шляхтичи и казаки требовали дейег.

К началу 1618 года многие казаки, перешедшие к Владиславу, перестали связывать с ним надежды на изменение своего положе-

ния к лучшему. Этот тезис можно раскрыть на примере возвращения на службу к московскому царю отряда атамана Д.И. Конюхова. Отряд (200 человек) занимал Федоровский острог недалеко от Вязьмы и являлся своеобразной передовой заставой. Намерение изменить Владиславу окончательно оформилось у Конюхова после того, как двое молодых казаков убежали в Можайск, похитив у атамана двух лошадей, 30 золотых монет и отрезы дорогих тканей. Атаман 12 января 1618 года отправил с гонцом письмо воеводу Лыкову, что готов вернуться на царскую службу, если Лыков найдет похищенное имущество и отдаст жене Конюхова. А та в свою очередь лично сообщит об этом мужу.

Положение московских воевод тоже было не блестящее, им волей неволей приходилось пользоваться услугами изменников. Жenu атамана Анну нашли в Волоколамске, где она жила у матери и братьев. Ей вернули украденное у мужа имущество, а взамен Анна под диктовку написала грамоту: «мы-то, жонки, все ведаем его царскую милость, а ты взят неволею, от нужи, и тебе было чевобояться?» Заканчивалась грамота так: «Умилися на наши слезы, не погуби нас во веки, приедь к государю и, что государю годно, то учини»..

Обещания Лыкова и письмо жены возымели действие. Коню-

Гусары королевича Владислава

хов, оставив монастырь, в начале февраля вместе с отрядом ушел в Можайск. «За службу и за выезд» уже 27 февраля 1618 года его наградили в Москве «сороком куниц и сукнами». Вместе с ним были награждены все остальные казаки. Вскоре отряд Конюхова был направлен к крепости Белой, против осаждавших город литовско-польских войск и украинских казаков.

20 июля 1618 года бежал от Владислава в Можайск атаман Гаврила Черницын. Оставили королевича атаманы Тарас Черный

(возглавлявший «великое» казачье войско Владислава) и Елизарий Клоков.

Получив известие о «сидении» Владислава в Вязьме, радные паны написали письмо своим комиссарам с предложением закончить дело миром. В конце декабря 1617 года в Москву был направлен королевский секретарь Ян Гридич с предложением устроить перемирие с 20 января по 20 апреля 1618 года, немедленно разменять пленных и начать переговоры. Но бояре отказали ему.

Наконец, 5 июня* 1618 года литовско-польско-казачье войско вышло из Вязьмы. Накануне гетман Ходкевич предложил двинуться на Калугу, в менее опустошенные войной края, однако комиссары настояли на походе на Москву. В Кременске к Владиславу присоединились полки Казановского, Опалинского и Чаплинского.

Затем королевское войско подошло к Можайску, где засел воевода Лыков. В 20-х числах июня у стен города начались тяжелые бои. Взять город приступом воины Владислава не могли за неимением осадных орудий, а оставлять его в тылу было опасно. Тогда они атаковали небольшую крепость Борисово Городище, построенную в 1599 году в качестве летней резиденции царя Бориса Годунова. Гетман Ходкевич надеялся таким путем выманить Лыкова из Можайска и разбить его «в поле». В Борисовом Городище было всего несколько сотен казаков, но и его взять не удалось.

Обе стороны теряли людей в почти ежедневных столкновениях и одинаково страдали от голода. В конце июля во время обстрела Можайска был тяжело ранен князь Д.М. Черкасский, пришедший с большим отрядом на помощь осажденному городу. Вскоре также во время обстрела получил ранение князь В. Волховской. Потери противника тоже были велики: только в полку самого Владислава погибли до 100 человек.

Князь Д.М. Пожарский направил несколько сотен казаков из Калуги к Пафнутьеву монастырю возле Боровска для строительства острога. Находившийся там воевода князь В.П. Ахамашуков-Черкасский решил воспользоваться этими людьми для атаки отряда противника, расположившегося в семи верстах от монастыря. Однако в бою его войско и казаки, присланные Пожарским, действовали несогласованно. В результате они потерпели поражение. Так, казаков погибло не менее 150 человек. К этому надо добавить раненых и пленных.

В начале августа 1618 года воевода Лыков увел из Можайска основную часть войска, оставив небольшой гарнизон во главе с воеводой Федором Волынским. Борисово Городище московиты сожгли, его гарнизон отступил вместе с Лыковым к Москве.

С юга на помощь Владиславу шел гетман Петр Сагайдачный с 5—6 тысячами запорожских казаков.* Он овладел Ливнами, Ельцом, Данковым, затем направился на Рязанщину. Вместе с собой «черкасы» уводили юношей, способных исполнять обязанности слуг, и девушек — понятно для чего. Только в одном Ельце они захватили свыше сотни ребят, юношей и девушек, в возрасте начиная с 12 лет и старше.

2 сентября Сагайдачный получил от Владислава письмо с просьбой ускорить поход к Москве. 6 сентября запорожцы (до 6000 казаков и 2000 «слуг») начали переправляться через Оку, но не в районе Каширы, где их ждал князь Г.К. Волконский, а под Коломной, возле устья реки Осетр. Узнав об этом, князь спешно двинулся к переправе. Бой на Оке продолжался два дня; сначала запорожцы были отброшены на правый берег, но затем вновь переправились через реку и оттеснили отряды Волконского к Коломне.

Здесь между дворянами и казаками Волконского произошло столкновение. Оно привело к тому, что в ночь на 8 сентября собрался казачий круг. Казаки говорили, что запорожцев очень много, а отступать некуда, потому что в Коломну их не пускают. За два часа до рассвета они все ушли «кормиться» в село Высокое, расположенное в 40 верстах от Коломны, захватив с собой часть обоза. За ними последовали служилые татары и стрельцы. После этого у Волконского осталось всего лишь 250 дворян и детей боярских, да еще 50 казаков атамана Ульянова. Вскоре почти все дворяне тоже покинули князя и бежали в Москву; вслед за ними пришел и воевода, оставшийся без армии.

Прикрыть Москву с юга мог только Д.М. Пожарский, направленный из Боровска в Серпухов. Однако казаки в его войске настойчиво требовали уплаты жалованья. Часть их взбунтовалась: они отказались идти в Серпухов, «поидоша за Оку и начаша воровата». О численности откловшихся можно судить по данным смотра, проведенного Пожарским в Серпухове: налицо оказалось 1278 казаков, бежали 178.

6 сентября литовско-польское войско выступило от Можайска и 13 сентября вошло в Звенигород. Тем временем с юга приближался Сагайдачный. Москва поспешно готовилась к осаде. Угроза была очень велика. 9 сентября вопросы обороны обсуждал спешно созванный Земский собор! В кратчайшие сроки была заново отстроена и вооружена пушками стена Деревянного города, про-

* Петр Кононович Конашевич, по прозвищу «Сагайдачный» (умер в 1622 г.) — гетман реестрового казачества с 1601 г., участник и руководитель походов в Крым и в турецкие владения в 1614, 1615, 1616, 1620 гг. В 1621 году сыграл видную роль в битве при Хотине.

ходившая по линии современного Садового кольца. В подмосковных деревнях жгли сено и хлеба, чтобы они не достались неприятелю. 17 сентября в Ярославль и Нижний Новгород выехали князья И.Б. Черкасский и Б.М. Лыков для сбора ратников.

20-го сентября 1618 года литовско-польское войско (10 тысяч человек) под командованием Яна Карла Ходкевича приблизилось к столице и стала лагерем в знаменитом Тушино.

В это время с юга к Донскому монастырю подошли отряды казаков гетмана Сагайдачного. Москвичи попытались воспрепятствовать его соединению с Владиславом, но на них, по словам летописи, напал такой страх, что через два дня они без боя пропустили войско гетмана в Тушино. Ужас горожан увеличила комета, которая в те дни стояла над городом.

Тем не менее, когда литвины, поляки и «черкасы» в ночь на 1 октября 1618 года начали штурм Москвы, они встретили достойный отпор. Так, рота Адама Новодворской} сделала пролом в стене Земляного города и дошла до Арбатских ворот. Но из ворот навстречу ей выбежал отряд стрельцов стольника Никиты Годунова (487 человек). В яростной схватке он отразил атаку. Тридцать атакующих были убиты, до ста ранены. Получил ранение и сам Новодворский. Штурм удалось отбить и у Тверских ворот, а также в других местах.

20 октября на реке Пресне, неподалеку от стен Земляного города, начались переговоры. Обе стороны вели их, не слезая с лошадей. Теперь поляки и литвины не говорили о воцарении в Москве Владислава, речь шла в основном о городах, возвращаемых Речи Посполитой, и о сроках перемирия. Обе стороны не собирались ничего уступать. Последующие встречи 23 и 25 октября тоже ничего не дали.

Между тем наступили холода. Владислав с войском оставил Тушино и двинулся по Переяславской дороге к Троице-Сергиеву монастырю. Гетман Сагайдачный пошел обратно на юг. Под Калугой его казаки отпустили более двух тысяч пленных, «а иной полон повели с собой» (в основном, это были молодые женщины, которые не пожелали возвращаться домой). Добравшись до Киева, Сагайдачный объявил себя гетманом всей Украины, став, таким образом, первым всеукраинским казачьим предводителем.

Подойдя к Троицкому монастырю, польско-литовские войска попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Тогда Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и стать лагерем у села Рогачева. Королевич отправил отряды казаков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде их настиг и разбил воевода князь Григорий Тюфякин.

ДЕУЛИНСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ И ОКОНЧАНИЕ СМУТЫ (1618-1619 гг.)

После этих неудач интервентов, в селе Деулино, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю и находившемуся в трех верстах от него, в конце ноября возобновились переговоры.

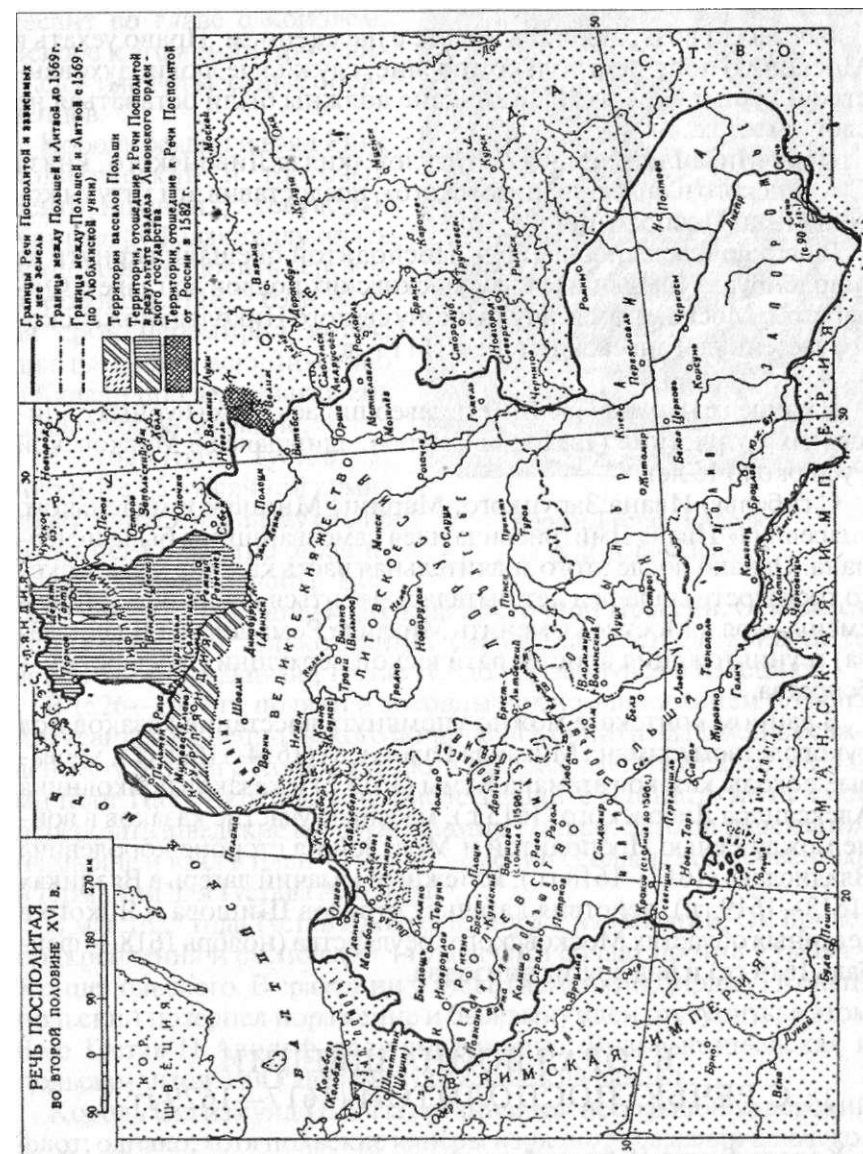
Объективно время работало на Москву: вторая зимовка могла стать роковой для польско-литовского войска. К тому же ему пришлось бы зимовать не в городе Вязьме, а почти в чистом поле, тогда как расстояние до литовской границы было в два раза больше, чем прежде. Впрочем, велижский староста Александр Гонсевский (тот самый, чтов 1611 году командовал гарнизоном в Москве) угрожал московским послам, что, если даже войско Владислава уйдет, у казаков скоро появится новый Лже-Дмитрий.

Острая нехватка вооруженных сил заставила московских послов стать сговорчивыми. Во-первых, в Вязниках (в Ярополческой волости Нижегородского края) был создан хорошо укрепленный лагерь казаков, покинувших царские войска из-за неуплаты жалованья. Былсих там свыше трех тысяч человек.

Во-вторых, вскоре после начала переговоров в Деулино три тысячи казаков взбунтовались в самой Москве. Они вышли из столицы и двинулись по Владимирской дороге, шедшей и в Вязники. В пяти верстах от города их догнали бывший вождь Первого ополчения боярин Д.Т. Трубецкой и окольничий Д.И. Мезецкий. С большим трудом им удалось привести беглецов обратно: «едва их поворотиша». Однако казаки остановились у стен Деревянного города, а войти в него отказались. Уговаривать их отправилась Боярская дума в полном составе.

Таким образом, возник драматический момент. Москва осталась без значительной части ратных людей, тогда как в ближайшей перспективе вырисовывалось объединение «вольного» казачества в шеститысячное мятежное войско. Вдобавок, в ход переговоров настойчиво вмешивалось руководство Троице-Сергиева монастыря, которое мало интересовалось судьбой пограничных городов, зато хотело снять блокаду с монастыря любой ценой.

Вот в такой обстановке 1 декабря 1618 года в Деулино было подписано перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев, то есть до 3 января 1632 года. Ценой его стала потеря значительной территории, завоеванной ранее Москвой у Литвы. По условиям договора за Речью Посполитой остались возвращенные ею в 1609—1618 годах города Белый, Велиж, Дорогобуж, Красный, Невель, Перемышль Рязанский, Почеп, Рославль, Себеж, Серпейск, Смоленск, Старо-

Границы Речи Посполитой по Деулинскому договору

дуб, Торопец, Трубчевск с их округами и уездами, Новгород-Северский с округами по обеим сторонам Десны, а также Чернигов с областью.

Все земли возвращались вместе с населением. Право уехать в Московию получили только дворяне, служилые люди, духовенство и купцы. Крестьяне и мещане должны были оставаться на своих местах.

Царь Михаил отказался от титулов «князя Ливонского, князя Смоленского и князя Черниговского», предоставив эти титулы королю Речи Посполитой.

В свою очередь послы Речи Посполитой обещали вернуть из Мариенбурга томившихся там московских послов во главе с Филаретом. Московитам вернули икону святого Николая Можайского, увезенную Гонсевским еще в 1611 году.

% * ^

В конце 1618 — начале 1619 гг. завершилась эпоха бурных социальных потрясений («великая Смута»), длившаяся в Московской Руси около 15 лет.

С гибелью Ивана Заруцкого, Марины Мнишек и маленького «царевича» Ивана Дмитриевича идея самозванщины была исчерпана. Однако после этого значительная часть казаков московского государства еще ряд лет пыталась добиться своих целей путем смены **цари** в Москве (заменить Михаила Романова на Владислава) и уничтожения аристократической верхушки государства — боярства.

В данном контексте можно упомянуть восстание казаков под руководством атамана Михаила Баловнева (1614—1615 гг.), кровавые походы казаков атамана Кумы (1615 г.) и казаков полковника Александра Лисовского (1615 г.), массовое участие казаков в войне между Речью Посполитой и Москвой на стороне королевича Владислава (1617—1618 гг.), мятежный казачий лагерь в Вязниках (1618—1619 гг.), действия казачьих отрядов Шишова и Яцкого в северных областях Московского государства (ноябрь 1618 — февраль 1619 гг.) и ряд других эпизодов.

ВТОРАЯ ВОЙНА ШВЕЦИИ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ (1617-1629 гг.)

Король Густав II Адольф решил воспользоваться тем, что Республика сражалась на два фронта (с Москвой и Турцией).

В 1617 году он захватил несколько ливонских портов на берегу Балтики, вынудив литовского гетмана Криштофа Радзивилла заключить перемирие сроком до 1620 года.

В 1621 году шведский флот вошел в устье Западной Двины и высадил 12-тысячный десант во главе с королем. Вскоре к его армии прибавились 4 тысячи местных ополченцев.

Король осадил и взял Ригу, политический и торговый центр Ливонии (15 сентября). Криштофу Радзивиллу опять пришлось заключить перемирие сроком до 1625 года. Когда срок перемирия истек, шведы заняли всю Ливонию и Курляндию, встречая очень слабое сопротивление.

В 1626 году Густав II Адольф с 15-тысячной армией высадился в Пиллау (ныне Балтийск) и быстро оккупировал северную часть вассальной по отношению к Польше Восточной Пруссии. Отказался капитулировать только Данциг (ныне Гданьск). Оставив часть войск осаждать Данциг, Густав II Адольф вернулся в Швецию.

В 1626—1627 гг. поляки и литовцы под командованием гетмана Александра Конецпольского попытались прийти на помощь осажденному Данцигу. Конецпольский взял захваченный ранее шведами порт Пак — крепость на Висле западнее Данцига, но не смог перерезать шведские коммуникации с Пиллау. Зато он перехватил на марше и взял в плен 4 тысячи немецких солдат, завербованных в Германии для Густава Адольфа.

В мае 1627 года Густав Адольф вернулся из Швеции. Он привез подкрепления и располагал 14 тысячами солдат против 9 тысяч у Конецпольского. В сражении у Тчева (немецкий Диршау) Конецпольский потерпел поражение и был вынужден отступить; в этом бою Густав II Адольф получил ранение. Впервые шведская и польско-литовская кавалерия сражались на равных.

Король Сигизмунд III Ваза организовал небольшой каперский флот; однако, хотя польские каперы изрядно досаждали шведскому судоходству, на море все равно господствовала Швеция.

Оправившись от ранения, Густав II Адольф увеличил армию до 32 тысяч человек и в 1628 году вынудил гетмана Александра Конецпольского отступить далеко на юг. Поляки перешли к

Король Густав II Адольф
Худ. А. Ван Дейк

партизанской войне. Но в конце осени Густав II Адольф отступил в Швецию.

Дабы предотвратить планировавшийся королем Густавом поход из Пруссии в Германию для участия в Тридцатилетней войне, германский император в 1629 году послал в помощь королю Сигизмунду III корпус численностью 7 тысяч человек. С его помощью гетман Александр Конецпольский немедленно начал наступление и сумел застать врасплох на марше Густава II Адольфа с отрядом кавалерии.

Произошла кавалерийская битва, известная как сражение при Штуме. Решительной победы не удалось добиться никому, но тактическую инициативу шведы потеряли. Густав II Адольф, раненный в спину, едва избежал плена (из-за двух ран, полученных в ходе этой войны, он больше не смог носить доспехи). Впрочем, контроль над балтийским побережьем шведы сохранили.

Речь Посполитая остро нуждалась в мире, а Густав II Адольф хотел развязать себе руки, чтобы вступить в так называемую Тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг.) на стороне антигабсбургской коалиции. 16 сентября 1629 года в Альтмарке было подписано перемирие, по которому Сигизмунд III наконец-то отказался от шведской короны. Ему пришлось признать Густава II Адольфа не только королем Швеции, но также правителем Лифляндии, владельцем Эльфинга, Мемеля, Пиллау и Браунсберга. По условиям договора, Республика потеряла часть Ливонии севернее Западной Двины, Швеция получила право шесть лет пользоваться всеми прусскими портами, кроме Кенигсберга, Данцига и Пака. Порты на нижней Висле (Мариенбург, Штум, Глова) временно остались в руках курфюрста Бранденбургского.

После этого король Густав II Адольф устремился со своей армией в Германию. Он одержал ряд громких побед. Так, при Брейтенфельде (1631 г.), применив впервые в Европе линейную тактику, шведский король нанес сокрушительное поражение армии Габсбургов. В сражении на реке Лех 15 апреля 1632 года, на подступах к Австрии, он вновь победил, создав непосредственную угрозу австрийским владениям. В том же году последовала победа над австрийцами при Лютцене.

Но в этой битве 38-летний король лично повел в атаку свою кавалерию и погиб. Ныне в энциклопедиях о нем пишут так: «выдающийся полководец и военный реформатор, создатель первой регулярной армии в Европе».

Часть IV

ВОЙНЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ В XVII ВЕКЕ

СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА 1632—1634 гг.

Итак, Речь Посполитая с 1621 года, когда истек срок перемирия, еще восемь лет, с небольшими перерывами, воевала со шведами. Тем временем царь Михаил Федорович и его отец патриарх Филарет готовились к реваншу за недавние беды Московии, в которых они винили не себя и не своих предшественников, а исключительно «литовских, польских да свейских людей».

РЕОРГАНИЗАЦИЯ МОСКОВСКОГО ВОЙСКА

Состояние вооруженных сил Московии отражало общую отсталость страны. В начале XVII века ее армия состояла, главным образом, из разномастно вооруженной и плохо обученной дворянской конницы, нескольких стрелецких полков, отрядов казаков и татар. Сражения эпохи Смуты показали, что все они в тактическом плане значительно уступали войскам Речи Посполитой и Швеции. Поэтому боярская дума пришла к мысли о том, что несмотря на плачевное состояние казны, следует набрать профессионалов-наемников за рубежом.

С этой целью в январе 1631 года в Швецию отправился полковник-шотландец московской службы Александр Лесли. Он должен был завербовать пять тысяч мушкетеров. Вместе с ним поехали стольник Племянников и подъячий Аристов, чтобы купить десять тысяч мушкетов с зарядами, пять тысяч шпаг и какое-то число пушек. Им дали инструкцию, согласно которой Лесли, если не выйдет нанять пять тысяч шведов, должен ехать за ратными людьми в Данию, Англию и Голландию. То же самое касалось закупки оружия.*

* Вплоть до эпохи Петра Великого в Московской Руси отсутствовало массовое производство ручного огнестрельного и холодного оружия, а также обмундирования. Штучно оружие делали ремесленники (поэтому оно было представлено множеством образцов), но в основном его привозили из других стран, большей частью с Кавказа и с Востока. Только пушки малыми сериями отливали на Пушечном дворе в Москве.

Попутно московским посланцам предписывалось повсюду вербовать пушечных дел мастеров. В итоге Лесли завербовал в Швеции, Дании, Англии и Голландии около четырех тысяч наемников, из которых позже были сформированы нескольких полков.

Кроме того, в Москве решили учить «иноземному строю» своих ратных людей. В 1631—32 гг. сформировали драгунский конный полк, вслед за ним четыре солдатских пехотных полка. Общая численность этих пяти полков составила около 6500 человек.

Планировалось, что на одну треть они будут состоять из иностранных наемников, на две трети — из москвитов. Но в действительности в новых полках иностранцами были только офицеры, тогда как рядовыми — добровольцы из числа горожан, крестьян, даже дворян.

Зато все воины пяти полков были единообразно вооружены, обмундированы и прошли курс военной подготовки.

Всего к началу 1632 года «ратных людей» в Московском государстве насчитывалось, по спискам, 66.960 человек. Из них около 26 тысяч конных дворян в поместных сотнях и 34 тысячи пеших стрельцов. В дополнение к ним, царь имел в своем распоря-

жении до 40 тысяч конных и пеших казаков.

Пикинеры солдатских полков,
Худ. О. Федоров

НАЧАЛО ОСАДЫ СМОЛЕНСКА

(сентябрь 1632 г.)

В апреле 1632 года, после 45 лет правления, умер король Речи Посполитой Сигизмунд III. Наступило межкорольевье, началась борьба разных партий. Для вторжения москвитов создалась почти идеальная ситуация.

Нарушив перемирие, в июне 1632 года царь Михаил и патриарх Филарет отправили в поход на Литву войско под командованием воевод князей Дмитрия Черкасского и Бориса Лыкова. Кроме москвитов, в него вошли три тысячи иностранных наемников.

Но вскоре после выступления войско остановилось из-за склоки, возникшей между Черкасским и Лыковым. Узнав об этом, Михаил с Филаретом направили к ним «следователей» — князя А. В. Хилкова и дьяка Дашкова — для разбора дела. Потом два месяца в Москве думали, кем бы заменить Черкасского и Лыкова. Наконец, в августе 1632 года вместо них назначили боярина Михаила Борисовича Шеина и окольного Артемия Измайлова. Царь дал им инструкцию:

«Неправды польскому и литовскому королю отмстить, и города, которые отданл Польше и Литве за саблюю, поворотить по-прежнему к Московскому государству».

Главной целью войны являлся захват Смоленска, Дорогобужа и Чернигова с уездами и включение их в состав Московского государства. Поэтому воеводам было приказано «не грабить». Чтобы обеспечить исполнение данного требования, всем ратникам выдали жалованье, а полковникам и ротмистрам обещали ежемесячно выдавать деньги на покупку продовольствия и фуража для и подразделений.

К моменту прибытия Шеина и Измайлова в войско, в нем числились 32.082 человека при 158 орудиях. Несмотря на задержку с началом наступления, воинское счастье поначалу улыбнулось москвитам. Уже 12 сентября стрельцы князя Гагарина вошли в Серпейск, 18 октября полковник Лесли занял Дорогобуж. Никакого сопротивления эти города не оказали. Крепость Белая сдалась князю Прозоровскому. До конца 1632 года москвиты захватили либо им сдались без боя еще 17 городов: Батулин, Борзна, Иван-Городище, Красный, Мена, Миргородок, Невель, Новгород-Северский, Носеничи, Почеп, Ромен, Рославль, Себеж, Стародуб, Сураж, Трубчевск, Ясеничи.

Московские отряды в апреле 1633 года подошли к Полоцку. Цитадель взять им не удалось, зато они разграбили и сожгли посад.

В течение весны — лета 1633 года та же участь постигла посады Велижа, Друи, Кричева, Лужей, Мстиславля, Озериш, Освеи, Пропойска, Усвят. Например, воевода И. Тарбеев сообщил царю: «С ратными людьми в Кричеве большой острог /город/ взяли, многих польских и литовских людей побили и острог выжгли, к меньшому острогу /замку/ приступали многожды». Замок выстоял, но москвиты захватили «всяких людей» 2000 человек.

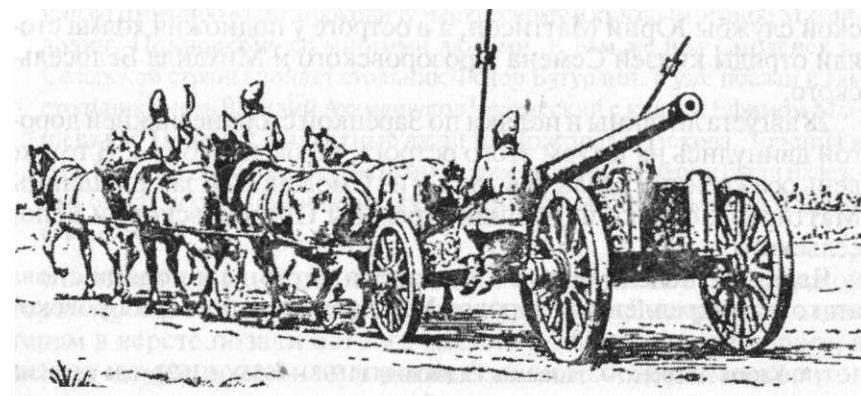
В январе и феврале 1633 года в районе Мстиславля и Кричева действовали отряды донского атамана Богдана Нагого. Городские замки они не взяли, но «литовских людей и посадских мужиков и жидов, с женами и детьми, в полон поймали 3000 человек».

Воеводы Шеин и Измайлов осадили Смоленск в последних числах сентября. Трехтысячный литовский гарнизон, во главе с князем Самуилом Друцким-Соколинским (ок. 1600—ок. 1660), доблестно оборонялся более 10 месяцев, начиная с 1 октября 1632 года, и отбил несколько штурмов. Но в начале августа 1633 года в городе подошли к концу запасы продовольствия, положение его защитников стало критическим.

До конца избирательного сейма польско-литовские шляхтичи не желали идти на помощь Смоленску. Однако радные паны отправили изрядные суммы запорожским казакам и крымским татарам, чтобы те выступили против москвитов.

Несколько тысяч запорожских казаков атамана Гирея Каневца вторглись в московские пределы. Но 17 июня 1633 года отряд московских ратников воеводы Наума Пушкина сразился с запорожцами в Новгородском уезде. Атаман Каневец и большинство казаков погибли, остальные бежали.

Значительно больший ущерб причинили крымцы. В начале июня 1633 года поход 30-тысячного войска возглавил сам крым-

Осадное орудие (пиñаль) середины XVII века

ский хан Джанибек-Гирей (правил в 1610—1623 и 1628—1635 гг.). Татары опустошили окрестности Тулы, Серпухова, Каширы, Венева и Рязани, ограбили и сожгли десятки сел и деревень, пытались штурмом взять Пронск. Многие дворяне, узнав о разорении поместий, о том, что уведены в неволю их семьи, уехали из-под Смоленска к родным пепелищам. Один из современников написал:

«Дворяне и дети боярские украинских городов, видя татарскую войну, что у многих поместья и вотчины повоевали, и матери и жены и дети в плен взяты, из-под Смоленска разъехались, а остались под Смоленском с боярином и воеводою немногие люди».

Литовский канцлер Альбрехт Радзивилл по тому же поводу отметил в своих записках:

«Не спорю, как это по богословски хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо».*

УСПЕХ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА (февраль 1634 г.)

Тем временем вальный (т.е. избирательный) сейм Речи Посполитой выбрал королем Речи Посполитой 36-летнего Владислава, сына Сигизмунда III. Он правил в 1632—1648 гг. под именем Владислава IV.

Владислав собрал 20-тысячное войско и 25 августа 1633 года подошел к Смоленску. Его ставка находилась на реке Боровой, в семи верстах от города.

Первым делом Владислав решил выбить московитов с Покровской горы (холма), где укрепился иноземный полковник московской службы Юрий Маттисон, а в остроге у подножия холма стояли отряды князей Семена Прозоровского и Михаила Белосельского.

28 августа литвины и поляки по Зарецкой стороне нижней дорогой двинулись на штурм этого острога, но были отбиты. В тот же день осажденные сделали вылазку из Смоленска и заняли шанцы Маттисона, однако их выбили стрельцы Прозоровского и Белосельского.

Через две недели, утром 11 сентября литвины и поляки снова атаковали укрепленный городок Маттисона, острог Прозоровско-

* Князь Альбрехт-Станислав Радзивилл (1593—1656), с 1623 года великий канцлер литовский и староста виленский, автор мемуаров, охватывающих период с 1632 по 1656 гг.

го и Белосельского. Бой шел почти двое суток и кончился тем, что московиты отступили к своим главным силам, в укрепленный лагерь за Днепром. При этом они бросили на холме и в остроге осадные пушки, подожгли деревянные укрепления. Дождь погасил пламя.

«Баркулабов(?кая летопись» сообщает, что королю Владиславу достались девять осадных пушек московитов и указывает их длину: «Гранат» (4 сажени, или 8,53 м); «Однорожец» и «Царь-пушка» (более трех саженей); «Волк», «Гладкий», «Кречет», «Коваль», «Юрий» (по 3 сажени, т.е. 6,4 м); «Пасынок» (более двух саженей, около 4,3 м).

После ухода московитов король Владислав лично осмотрел брошенные позиции. Позже некоторые участники похода вспоминали, что огромные валы, насыпанные московитами, равнялись высотой стенам Смоленска, и «если бы их добывать приступом, то много бы пролилось крови».

Получив донесение об этом поражении, царь Михаил написал Шеину и Прозоровскому:

«Мы указали идти на недруга нашего из Москвы боярам и воеводам, князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому со многими людьми. К вам же под Смоленск из Северной страны пойдет стольник Федор Бутурлин, и уже послан к вам стольник князь Василий Ахамашуков Черкасский с князем Ефимом Мышецким. Придут к вам ратные люди из Новгорода, Пскова, Торопца и Лук Великих. И вы бы всем ратным людям сказали, чтоб они были надежны, ожидали себе помощи вскоре, против врагов стояли крепко и мужественно».

6 октября король Владислав со своими отрядами с Покровской горы перешел к Богдановой околице (вверх по Днепру) и стал лагерем в версте позади острога Шеина по Московской дороге, а пехоту и туры поставил напротив большого острога московитов на горе.

Король Владислав IV Ваза.
Худ. П. Рубенс

9 октября произошло сражение. Шеин вывел свои войска против литовско-польских войск. Конница противника обратила в бегство часть московской пехоты, но другие московские полки пошли в контрнаступление и отогнали врага. Московиты в тот день потеряли около двух тысяч человек убитыми. У литвинов убитых было мало, но много лошадей получило ранения, пришлось их добить.

Тем временем король Владислав послал большой отряд в тыл московской армии, в Дорогобуж, где были складированы различные запасы для войск. Внезапным ударом литвины овладели городом и сожгли все склады. Лагерь московитов под Смоленском остался без провианта и фуража, с трудом прорывались лишь редкие телеги с хлебом, да еще царские гонцы. К концу октября там стала ощущаться нехватка продовольствия и корма для лошадей. Шеин сообщил в Москву, что все дороги из Смоленска к Москве «перезрзаны литвой», «проезду неоткуда нет».

Периодически происходили перестрелки между обоими укрепленными лагерями. Литвины стреляли сверху, со Сковронковой горы, а московиты снизу, потому без результатов.

Шеин созвал военный совет и спросил воевод, можно ли попытаться атаковать королевский лагерь и если «да», то с какой стороны. Шотланец полковник Лесли, главный среди иноземцев, говорил, что можно, но англичанин полковник Сандерсон сомневался в успехе. Тогда Лесли, разгорячившись, назвал Сандерсона изменником, Шеину едва удалось их разнять.

В конце концов совет принял мнение Лесли и решил атаковать противника. Однако 2 декабря случилось несчастье. Большой московский отряд отправился в лес за дровами, где его застигли литвины. Они убили до 500 человек, остальные в панике бежали, забыв про дрова. Узнав о происшедшем, Лесли уговорил Шеина поехать на место стычки и самим посчитать, сколько погибло ратников. С ними поехал Сандерсон. Подъехав к месту, Лесли, указав рукой на кучу трупов, сказал англичанину: «Это твоя работа, ты дал знать королю, что наши пойдут в лес». «Лжешь!» — закричал Сандерсон. Тогда Лесли выхватил пистолет и застрелил его на глазах у Шеина.

К концу года холод, голод и дизентерия привели к большим санитарным потерям среди московитов. Король Владислав, узнав об этом, послал Шеину и иноземным офицерам грамоту, где убеждал их сдаться, вместо того, чтобы бесславно гибнуть от болезней.

Шеин не хотел показывать эту грамоту наемным офицерам, заявляя, что наемные слуги не могут принимать участия ни в каких переговорах, и что литовские гетманы тоже не разрешают своим наемникам сноситься с неприятелем. Королевские парламентары

ответили, что у них наемники полностью подчиняются гетману, а у «москвы» — нет, и привели в пример Лесли, которого Шеин не наказал за убийство Сандерсона.

После долгих споров Шеин уступил. Полковник Розвермай взял лист королевской грамоты от имени иноземцев, а стрелецкий голова Сухотин — от имени Шеина. Прочитав грамоту, Шеин велел отослать ее назад без всякого ответа.

Нов середине января 1634 года Шеин, под видом переговоров о размене пленных, стал проявлять готовность заключить перемирие с королем. К этому его принуждали все те же наемники, не привыкшие столь долго терпеть голод и холод. Он получил ответ, что у него есть только «один путь: просить короля о милосердии, согласившись на все его условия».

Условия эти были таковы: выдать всех польских и литовских перебежчиков; освободить всех пленных воинов Речи Посполитой; иностранным наемникам позволить самим решать, возвращаться им на родину или же поступить на службу в королевское войско; московским ратникам тоже позволить идти на королев-

Лагерь войск короля Владислава под Смоленском (1634 г.)

скую службу. Все иноземцы должны присягнуть, что никогда больше не станут воевать против короля и Речи Посполитой или каким-то другим способом вредить им.

Кроме того, сами москвиты должны присягнуть, что в течение четырех месяцев не будут занимать никаких крепостей и острогов, не соединяться ни с каким московским войском и не предпримут ничего плохого против короля. Им следует сдать все пушки, а также всё оружие, оставшееся от убитых и умерших ратников. Воинам разрешалось уйти со своим личным оружием; «торговым людям» — с саблей или рогатиной. Имущество, не нужное воинам на пути домой, должно остаться в лагере.

Шейну деваться было некуда, он принял все условия. И вот 19 февраля 1634 года москвиты тихо вышли из острога со свернутыми знаменами, с погашенными фитилями пищалей и мушкетов. Проходя мимо короля, они бросили к его ногам все знамена — 129 штандартов. Шейн и другие воеводы, проходя мимо короля, сошли с лошадей, низко поклонились ему.

После этого в войске ударили в барабаны, запалили фитили, и полки двинулись по Московской дороге, взяв с собой с разрешения Владислава только 12 полковых пушек. Королевскому войску достались 123 орудия!

*

* * *

Во время агонии московского войска под Смоленском князья Черкасский и Пожарский стояли в Можайске. Почему они за пять месяцев так и не дошли от Можайска до Смоленска, неизвестно. Это одна из многих загадок русской истории.

Скорее всего, это было связано с тем, что 1 октября 1633 года умер патриарх Филарет, главный инициатор и вдохновитель войны. Царь Михаил, за которого фактически все время правил отец, впал в полную растерянность. В такой ситуации взяли верх бояре, в своем большинстве с самого начала выступавшие против этой войны и к тому же ненавидевшие воеводу Шейна.

РАСПРАВА БОЯР С ВОЕВОДОЙ ШЕЙНЫМ

В Москву известие о капитуляции войска прибыло 4 марта 1634 года. Уже на следующий день к Шейну был послан дворянин Моисей Глебов с требованием отчета о происшедшем.

Шейн прислал текст договора с Владиславом, списки погибших, а также перечень перешедших к королю московских ратников. Последних было всего-навсего 8 человек, из них бдонских казаков. Однако под Смоленском пришлось оставить в плену почти 2000 больных воинов. Ушли вместе с Шейным 8056 человек, многие из

которых тоже были больны. Часть умерла в пути, другие остались в Дорогобуже, Вязьме и Можайске.*

Большинство наемников поступило на службу к Владиславу. Некоторые из оставшихся тоже умерли по дороге к Москве, но сколько их умерло, а сколько ушло к королю, неизвестно, так как иностранные полковники и ротмистры отказались дать роспись своих людей.

По приезде в Москву воеводе Шейна, окольного Измайлова, всех других начальников смоленской армии арестовали. Суд бояр приговорил Шейна к смерти. Перед плахой дьяк прочитал ему следующий приговор:

«Ты, Михаила цГеин, из Москвы еще на государеву службу не пошел, как был у государя на отпуске у руки, вычитал ему прежние свои службы с большою гордостью, говорил, будто твои и прежние многие службы были к нему государю перед всею твоею братьею боярами, будто твоя братья бояре, в то время как ты служил, многие запечью сидели и сыскать их было нельзя, и поносил всю свою братью перед государем с большою укоризною, по службе и по отечеству никого себе сверстников не поставил.

Государь, жалуя и щадя тебя для своего государева и земского дела, не хотя тебя на путь оскорбить, во всем этом тебе смолчал. Бояре, которые были в то время перед государем, слыша себе от тебя такие многие грубые и поносные слова, чего иному от тебя и слышать не годилось, для государственной к тебе милости, не хотя государя тем раскручинить, также тебе смолчали».

Эта цитата из труда С. М. Соловьева ярко характеризует ненависть московских бояр к герою смоленской обороны 1609—11 гг. Далее приговор содержал упреки Шейну в неправильных действиях при осаде Смоленска и в том, что он согласился на капитуляцию. Было в нем еще одно любопытное обвинение:

«Будучи в Литве в плену, целовал ты крест прежнему литовскому королю Сигизмунду и сыну его королевичу Владиславу на всей их воле. А как ты приехал к государю в Москву, тому уже пятнадцать лет, то не объявил, что прежде литовскому королю крест целовал, содержал это крестное целование в тайне. А теперь, будучи под Смоленском, изменю своею к государю и ко всему Московскому государству, а литовскому королю исполняя свое крестное целование, во всем ему радел и добра хотел, а государю изменял».

Между тем достоверных сведений о присяге Шейна королевичу Владиславу нет, зато хорошо известно, что все московские бояре и их окружение (блуждал в числе Михаил Романов), кроме князя

* Таким образом, от 32-тысячной армии сохранилось менее четверти.

Д.М. Пожарского, в свое время действительно целовали крест королевичу.

Заодно с Шейным отрубили голову второму воеводе Измаилу. Князей Семена Прозоровского и Михаила Белосельского сослали в Сибирь, их семьи выслали из Москвы, имения забрали в казну. В приговоре было сказано, что их не казнят лишь потому, что ратники свидетельствовали об усердной службе Прозоровского и о болезни Белосельского.

Ивана Шеина, виновного только в том, что он был сыном главного воеводы Михаила Шеина, отправили с матерью и женой в ссылку.

ПОЛЯНОВСКИЙ МИР (май 1634 г.)

Отпустив Шеина с остатками рати, Владислав двинулся к крепости Белой, расположенной в 130 верстах на северо-запад от Смоленска. Он надеялся взять ее с хода, но этот план провалился. Его войско, по словам Соловьева, «подошло под Белую полумертвое от голода и холода».

Коррль обосновался в Михайловском монастыре, в трех верстах от крепости, и послал местному воеводе предложение о капитуляции, ссылаясь на пример Шеина. Но воевода ответил, что шейнский пример внушает ему отвагу, а не боязнь.

Тогда Владислав приказал окружить Белую шанцами (полевыми укреплениями) и заложить мины. Увы! От взрыва мин пострадали только свои: передовых ратников так завалило землей, что их едва откопали. Стрельба из полевых орудий тоже не причинила вреда осажденным. Осада шла тяжело. Канцлер Альбрехт Радзивилл даже сказал, что крепость надо переименовать из Белой в Красную вследствие больших потерь с обеих сторон. Голод в войске усиливался. С.М. Соловьев писал:

«Сам король половину курицы съедал за обедом, а другую половину откладывал до ужина, другим же кусок хлеба с холодной водою был лакомством. От такой скудости начались болезни и смертность в войске».

Тем временем турецкий султан Мурад IV (правил в 1623—1640 гг.) двинул на Речь Посполитую большую армию под командованием Аббас-паши. Владислав IV оказался в трудном положении. Ему пришлось направить в Москву предложение о переговорах.

Казалось бы, победа московского войска неизбежна. Ведь оно имело значительное численное превосходство, тогда как королевская армия в значительной мере утратила боеспособность и до нее

было «рукой подать», всего триста верст от Москвы. Но бояре с радостью приняли предложение короля о переговорах.

В марте 1634 года царь Михаил Федорович назначил князей Федора Ивановича Шереметева и Алексея Михайловича Львова великими послами и отправил на встречу с представителями короля, которых возглавлял хелминский епископ Якуб Жадник. Местом для переговоров стороны выбрали село Поляново на реке Поляновка, примерно в 20 верстах юго-западнее Вязьмы.

Переговоры, как обычно, начались с взаимных упреков. Послы Речи Посполитой утверждали, что их король имеет законное право на московский престол, и что Москва нарушила Деулинское перемирие, начав боевые действия до истечения срока перемирия, что было чистой правдой. Они, между прочим, сказали вот что:

«Знаем мы подлинно, что война началась от патриарха Филарета Никитича, он ее начал и вас всех благословил».

Царские же послы говорили совсем о другом. Они требовали, чтобы Владислав отказался от титула московского государя, дескать, в противном случае придется прервать переговоры:

«У нас, у всех людей великих российских государств начальное и главное дело государе кое честь оберегать, и за государя все мы до одного человека умереть готовы».

Тогда литвины и поляки, уступив в этом требовании москвитам, предложили заключить «вечный мир» на тех же условиях, на каких король Казимир IV в 1449 году заключил мир с великим князем московским Василием II «Темным». А королю Владиславу, в связи с отказом от московского престола и от титула, царь Михаил должен оплатить убытки, понесенные Республикой и лично королем в эту войну, начатую Москвой вопреки перемирию. Московские послы поначалу и слышать о том не хотели:

«Мы вам отказываем, чтоб нам о таких запросах с вами вперед не говорить. Несбыточное то дело, что нам такие запросы вам давать, чего никогда не бывало и вперед не будет, за то нам, всем людям Московского государства, стоять и головы свои положить».

В ответ комиссары резонно заметили, что царь Михаил (точнее, его отец Филарет) по Столбовскому договору 1617 года дал шведскому королю Густаву II Адольфу города и деньги неизвестно за что, тогда как королю Владиславу он заплатит за отречение от московского престола. Наконец, после долгих споров они смягчили свою позицию:

«Когда учиним мирное постановление на вечное докончанье, то королю будем бить челом, чтоб он крестное целование с вас снял и титул свой государю вашему уступил, а вы объявите, чем вы за то государя нашего станете дарить».

После этого «консенсус» был достигнут. Комиссары согласились называть Михаила Федоровича Романова царем (а не великим князем) на том основании, что сейм Речи Посполитой признал этот титул, назвав Владислава царем. Впрочем, слова «государь всея Руси» в титуле московского царя их категорически не устраивали, так как понятие «всей Руси» в Москве традиционно распространяли и на земли Литвы. Закончив споры, послы подписали согласованный текст. Это произошло 17 (27) мая 1634 года.

Договор, получивший название Поляновского, включал 11 статей. В целом, он повторял условия Деулинского перемирия 1618 года:

1. Устанавливались «вечный мир» и забвение сторонами всего происшедшего между ними в период с 1604 по 1634 годы.

2. Король Речи Посполитой отрекся от прав на московский престол и обещал вернуть присланный ему в 1610 году избирательный акт московских бояр (помимо прочих, подписанный и патриархом Филаретом, *отцом царя Михаила).

3. Владислав IV отказался от титула «царь Московский».

4. Царь Михаил Федорович исключил из своего титула слова «князь Смоленский и Черниговский», а также обязался не подписываться «государь всея Руси», чтобы не намекать тем самым на свои претензии в отношении некоторых земель Литвы.

5. Царь отказался от всяких прав и покушений на возвращение Лифляндии, Эстляндии и Курляндии.

6. Царь подтвердил права Речи Посполитой на Смоленск и Чернигов с их областями, а также на города Белая, Дорогобуж, Красный, Невель, Новгород Северский, Рославль, Себеж, Стародуб, Трубчевск. Их жителям запрещалось уходить в Московскую Русь, кроме лиц духовного и купеческого звания.

7. Московитам, в том числе купцам, запрещалось приезжать в Краков и Вильно, а литвинам и полякам в Москву, в остальных городах купечество обеих стран могло торговать свободно.

8. Обе стороны возвращали друг другу всех пленных без всякого выкупа.

9. Царь платил Речи Посполитой 20 тысяч рублей за город Серпейск, который остался за ним.

Статьи 10 и 11 касались ратификации условий договора и демаркации границ.

Кроме того, стороны составили секретный протокол к договору, который подписали король Владислав и царь Михаил. Согласно ему, царская казна обязалась выплатить лично Владиславу 20 тысяч рублей венецианскими дукатами или голландскими гульденами. Это обстоятельство стороны ловко скрыли в тексте договора, где сумма 20 тысяч рублей (без уточнения, в какой валюте) была отнесена на другой счет, якобы в уплату за возвращение Серпейска. Видимо, в 9-й статье договора 20 тысяч рублей за Серпейск фигурировали только в русском тексте; в польско-литовском варианте Серпейск возвращался Москве без уплаты выкупа.

Боярскую грамоту об избрании Владислава царем так и не вернули. В марте 1636 года сейм Речи Посполитой принял акт об утрате этого документа. Куда он подевался — неизвестно.

* * *

Вскоре после заключения мира с Москвой, король Владислав IV использовал в своих интересах то обстоятельство, что Швеция увязла в Тридцатилетней войне (1618—1648 гг.), что самый выдающийся шведский полководец, король Густав II Адольф погиб, что без него шведские войска потерпели жестокое поражение от австрийцев в битве у Нёрдлингена (в 1634 г.).

Владислав собрал в нижнем течении Вислы 24-тысячную армию и, угрожая шведским портам в Пруссии, начал переговоры относительно восточного побережья Балтики. Это привело к заключению в 1636 году (12 сентября) вселении Штумсдорф (возле Данцига) мирного договора сроком на 26 лет.

В обмен на отказ Владислава IV от притязаний на шведскую корону и от прав на ливонские земли севернее Двины, правительство Швеции отказалось от всех своих завоеваний в приморской Пруссии, а также вернуло Речи Посполитой земли Ливонии южнее Двины.

Итак, если Стефан Баторий сумел вернуть Полоцк, а Сигизмунд III — Смоленск и часть Северских земель, то Владиславу IV удалось отстоять территориальную целостность Речи Посполитой. Но это были последние успехи Республикой Обоих Народов в ее противостоянии Москве.

КЙЗАЦКАЯ ВОЙНА 1648—1651 гг.

Мятежи казаков, будоражившие и опустошавшие Украину в течение более чем пятидесяти лет подряд, конечно же, не были войнами Московской Руси с Речью Посполитой. Но, не зная этих конфликтов, трудно понять подоплеку войн между двумя государствами в период 1654—1667 гг. Дело в том, что 13-летняя жестокая война Москвы с Республикой, обернувшаяся национальной трагедией и для украинцев, и для литвинов, стала следствием так называемой «хмельничины».

УКРАЙ И Н Ы Е З Е М Л И * П О С Л Е Л Ю Б Л И Н С К О Й У Н И И

В предыдущих главах уже сказано, что по Люблинской унии 1569 года три южных воеводства ВКЛ с левой стороны Днепра — Киевское, Волынское и Подольское — перешли в состав Польского королевства («Короны»).* При заключении унии представители правящей верхушки названных воеводств поддержали данное решение, оговорив сохранение за собой всех своих прав и привилегий.

После присоединения к Польше этих украинских воеводств Литвы туда переселилось довольно много безземельных и малоземельных польских шляхтичей.** Одни получали во владение пустующие земли, где заводили хозяйства, другие поступали на службу к крупным магнатам. Среди последних преобладали коренные «фамилии». Например, такие, как Вишневецкие, Заславские, Збаражские, Ивановичи, Корецкие, Острожские и другие.

* Кроме того, с XIV века Польша владела Галицией, т.е. землями Западной Украины.

** Напомним в данной связи, что термин «украина» в Литве, Польше и Московской Руси означал одно и то же: «окраина». Термин «Украина», как обозначение конкретной территории, т.е. так, как его понимают сейчас, начал постепенно входить в употребление с 50-х годов XVII века.

Князья и другие магнаты постоянно расширяли свои владения, не только осваивая пустующие земли пограничья, но также скупая по дешевке соседние имения мелкой и даже средней шляхты. Кроме того, очень часто они были одновременно и представителями государственной власти на местах. Выступая в этой роли, они принуждали шляхту, горожан и крестьян к выполнению различных повинностей в пользу «замков», т.е. местной администрации.

Вплоть до середины XVII века, посты воевод, старост и каштелянов в Киевском, Волынском и Подольском воеводствах занимали, за редкими исключениями, местные аристократы. Независимые как от королевской власти, так и от шляхетских судов, магнаты чувствовали себя удельными владыками и фактически были ими. Кстати, все они имели собственные войска (иногда численностью до нескольких тысяч человек), которые использовали не только для отражения нападений крымских татар, но и в междоусобных столкновениях.

Магнатов и шляхтичей этих воеводств по этническому происхождению можно с равными основаниями назвать и «литвинами», и «украинцами». Но следует учесть, что после 1569 года в новых землях Короны быстрыми темпами происходила добровольная колонизация местной знати. Так, почти все здешние магнаты и большинство шляхтичей перешли в католичество либо в униатство, переняли польский язык и польские обычаи.

В то же время крестьяне, большинство горожан и довольно значительная часть мелкой шляхты всех трех воеводств оставались православными.

* * *

Почти до конца 1640-х годов в Украине (далее мы будем называть украинные земли Литвы и Польши этим привычным термином) царил мир. Не случайно период с 1569 по 1647 годы мемуаристы позже называли «золотым веком». Продолжалось освоение пустующих земель «Дикого Поля», со всех сторон туда стекались крестьяне, как переселенцы, так и беглые (среди последних преобладали выходцы из юго-западных земель Московии).

В тот период на украинских землях существовали магнатские латифундии, по своим размерам не уступавшие многим герцогствам и княжествам Западной Европы. Не случайно крупнейших украинских магнатов прозвали польским словом «крулевята» (корольки). Они владели десятками городов и городков, сотнями сел, деревень и хуторов.* Надо подчеркнуть, что выходцы из Польши, сделавшие в Украине огромные состояния (Конечпольские, Лю-

* Многие наши современники не знают, в чем различие между селом и деревней. Село имело собственный храм; в деревне церковь отсутствовала.

бомирские, Потоцкие, еще две-три фамилии) составляли среди них незначительное меньшинство. Уже только поэтому тезис об «освободительной войне украинского народа против польского ига», придуманный историками большевистской ориентации, является абсолютной ложью.

Колонизация происходила преимущественно на магнатских землях. Могущественные феодалы, владевшие огромными пустынными территориями, передавали поселенцам земли с освобождением от повинностей на значительный срок. Но к 1640-м годам время «полной свободы», обычно составлявшее 10—15 — 20 лет, у большинства крестьян завершилось. На смену прежним льготам пришли многочисленные повинности, с годами все более усиливавшиеся. Разумеется, это вызвало серьезное недовольство крестьянства. Приведем в данной связи мнение канадского историка украинского происхождения Ореста Субтельного:

«На земледельцах-магнатах лежит огромная доля ответственности за напряженность и нестабильность, ставшие хроническими болезнями украинского общества...

Склонность магнатов к применению грубой силы ярче всего проявлялась в их отношении к крестьянству... На первом этапе освоения целинной степи землевладельцы заманивали к себе крестьян, учреждая на определенный срок свободные от повинностей слободы. Но когда все сроки истекли, магнаты набросились на крестьян, как голодные звери, отвечая на малейшие попытки сопротивления жестким насилием и все больше зверя по мере того, как им удалось гасить очаги крестьянских волнений...

Пахари новоосвоенных земель, еще не забывшие вкус свободы, отныне должны были трижды или четырежды в неделю работать «на пана». А в придачу землевладельцы выдумывали все новые и новые службы и повинности, к тому же и королевская казна требовала уплату за дом, скотину и хозяйство».

Субтельный О. «Украина. История». Киев, 1994, с. 160

Роптали и мелкие шляхтичи, самостоятельно обрабатывавшие землю (так называемые «застенковые»), ибо они тоже часто становились жертвами произвола магнатов.

:|c

Одной из важнейших причин острого конфликта украинских «низов» с властями стал еврейский вопрос. В основе его, как всегда и везде, лежали экономические причины. В Украине XVII века именно евреи были наиболее ненавистными эксплуататорами крестьянства. Вот что пишет об этом Субтельный:

«Хуже всего приходилось крестьянину, когда магнат сдавал свои владения в аренду — а к этому ненавидимому крестьянами способу управлять

своими землями украинские помещики прибегали довольно часто. Условия аренды заключались в следующем: арендатор регулярно выплачивал землевладельцу твердо установленную сумму, а все, что удавалось выжать из крестьян сверх того, забирал себе...

К 1646 году более половины принадлежавших польской короне украинских земель были арендованы евреями. У одних только князей Острожских было 4 тысячи евреев-арендаторов. Вкладывая собственные деньги в аренду и получая ее всего на два-три года, они были заинтересованы в получении за столь короткий срок максимальной прибыли, а потому нещадно эксплуатировали и*земли, и крестьян, вовсе не интересуясь последствиями. Нередко арендатор требовал, чтобы крестьяне работали «на пана» уже не три-четыре, а шесть или даже все дни недели, и челядь магната силой выгоняла их в панское поле.

Другой формой аренды стало приобретение монопольного права на производство и продажу табака и алкоголя. Монополист-арендатор мог требовать с крестьян любую плату за эти столь высоко ценимые ими товары — и надо ли говорить, что это не прибавляло ему популярности...

По выражению английского историка Нормана Дейвича, именно участие евреев в эксплуатации украинского крестьянства польской шляхтой «было главной причиной той страшной расплаты, что не единожды ожидала их в будущем».

Субтельный О. Шт. Соч., с. 161

А вот для примера типовой договор украинского феодала с евреем-арендатором:

«Дали мы, князь Коширский, лист жиду Абрамку Шмойловичу. По этому арендному листу имеет он, жид, право владеть нашими имениями, брать себе всякие доходы и пользоваться ими, судить и рядить бояр путных, даже всех крестьян виновных и непослушных наказывать денежными пенями и смертию».

Яворницкий Д.И. «История запорожских казаков». Киев, 1990, том I, с. 371

Согласно летописи середины XVII века, процитированной украинским историком XIX века Величко, украинские магнаты и их арендаторы-евреи вносили следующие подати:

«Дуды, повивачное, огородщина, подымное, поголовщина, очковое, ставщина, сухотелыщина, пороховщина, пересуды и аренды, а сверхтого от всякого скота и от пчел девятая часть, от рыбных ловель урочное... По толкованию самого летописца, каждая из этих даней означала: дани, взимаемые жидами, были следующие — от игранья надудке, свирели, скрепке и прочее; от детей новорожденных за повияч 200, от всяких садовых и огородных плодов 200, от каждой хаты 5, подушный оклад 10, от вступления в брак 2, от улья пчел 2, от рыболовни, из стодола 10, от ветряных мельниц и жерновов 20, судные посулы, т.е. позов для судящих 29; особо за от-

куп жидами церквей Божиих, а также и всяких питейных статей; пороговщина от каждого рога волового; от рога коровьего — девятая доля».

Величко С. «Летопись события в юго-западной России в XVII веке, Киев, 1864, том IV, с. 301

* * *

Еще одной из предпосылок конфликта явилось положение православной церкви в Украине. Брестскую унию 1596 года заключили церковные иерархи, не спрашивая мнения паствы. В результате возник раскол среди верующих и священников. В землях правобережной Украины явно преобладали сторонники унии, но полемому берегу Днепра основная масса населения упорно держалась веры своих отцов и дедов.

Правда, межконфессиональный конфликт заметно смягчился после вступления на престол короля Владислава IV. В 1632 году он официально признал вновь появившихся к тому времени православных иерархов Украины, утвердил киевским митрополитом Петр Могила (выходца из знатной православной шляхты), передал православной церкви ряд униатских церквей и монастырей. Соответственно, в 1634 году новый митрополит благословил королевские войска, отправлявшиеся в поход под Смоленск.*

Заинтересованный в поддержке казачеством своих планов войны с Турцией, Владислав IV добился признания сеймом равноправия униатов и православных. Но дальнейшие уступки, особенно выполнение требования об отмене унии, были невозможны.

Общественно-политическая ситуация в левобережной Украине постепенно накалялась. Время от времени здесь вспыхивали отдельные восстания, небольшие конфликты местного значения порой превращались в крупные выступления. Но обилие пустующих земель и реальная возможность ухода крестьян в случае усиления повинностей заставляли местных феодалов умерять свои аппетиты.

При этом, несмотря на многочисленные конфликты, стратегические интересы всех слоев украинского общества долгое время совпадали. Крестьянин мог роптать на пана, православные бранили ксендзов и униатов, мелкая шляхта, попавшая в зависимость к «крулевятам», безуспешно искала управу на них в шляхетских судах или у короля, казачество добивалось уравнивания в правах со

* Могила Петр Симеонович (1596—1647), с 1632 митрополит Киевский и Галицкий. Добился легализации православной церкви в Речи Посполитой. В 1632 основал православную Киево-Могилянскую коллегию (академию), успешно конкурировавшую с иезуитскими учебными заведениями. Покровительствовал писателям, художникам, книгоиздателям.

шляхтой, горожане были недовольны всевластием магнатов и привилегиями шляхты. Но эти противоречия отступали на дальний план всякий раз, когда происходил очередной татарский набег. Возвращаясь в Крым, конные разбойники угоняли тысячи, а иногда десятки тысяч людей для продажи в рабство на стамбульских рынках, не обращая ни малейшего внимания на их веру, сословие и взаимоотношения друг с другом.

Однако к 40-м годам XVII века различные противоречия в трех указанных воеводствах (т.е. во всей левобережной Украине) тесно переплелись между собой и достигли значительной силы. Социальный взрыв стал неизбежным. Его специфика заключалась в том, что он приобрел ярко выраженную национальную и религиозную окраску: «русские» против «поляков» (хотя реально те и другие являлись, в основном, этническими украинцами), а также против евреев; православные против католиков, униатов и иудеев.

Главными выразителями протеста народных масс Украины были казаки. Вследствие особенностей своего социального положения, именно они оказались движущей силой всех выступлений против существовавших экономических отношений. В них же видели свою опору и противники церковной унии, несмотря на то, что сами казаки до поры, до времени были почти безразличны к этой проблеме.

КТО ТАКИЕ УКРАИНСКИЕ КАЗАКИ

На протяжении столетий обширное степное и лесостепное пространство между Днепром и Волгой славяне называли «Поле» или «Дикое Поле». Здесь кочевали печенег, в XI веке их сменили половцы, а с XIII века появились татары. Совершая набеги на земли славянских княжеств, они грабили их и уводили пленников, главным образом для продажи на невольничьих рынках.

Среди татарских отрядов выделялись так называемые «казаки» — выходцы из разных орд, из самых низов татарского общества, едва ли не единственной привилегией которых была личная свобода. В тюркских языках слово «казак» (буквально «кай сак» — «легковьючный») означает «свободный, независимый человек», а также «искатель приключений» и «бродяга».

Еще в Золотой Орде казаками называли тех татар, которые, покинув свой улус, объединялись в отряды во главе с «отаманами» (в то время обычно выходцами из татарской знати), чтобы совершать набеги на соседние улусы либо на земли славян. Множество упоминаний об этих степных разбойниках встречается в документах

XV — начала XVI веков. Например, в Московском летописном своде запись под 1492 годом гласит:

«Того же лета июня в 10-й день приходили татарове ординские казаки, в головах приходил Томешок зовут, а с ним двести и двадцать человек — во Алексин на волость на Вошан и, пограбив, поидоша назад».

Мишин А.А. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Том 1. Новочеркасск, 1891, с. 8

Но «Дикое Поле» манило не только кочевников. В его бескрайних просторах, на островах Южного Буга, Днепра, Дона и других рек укрывались беглые холопы и крестьяне, а также преступники из различных сословий, вплоть до дворян. Собираясь в ватаги, эти изгои-славяне тоже называли себя казаками, точнее — «вольными казаками», как бы дважды подчеркивая главное в своем положении — свободу.

Русское казачество начало складываться в первой половине XVI века между Доном и Волгой, а украинское — еще раньше (с последней трети XV века) между Южным Бугом и Днестром. Так, в 1499 году в уставной грамоте великого князя литовского Александра Казимировича, данной им киевскому войску сказано: «которые козаки зверху Днепра и с инших сторон ходят водою на низ до Черкас и далей». Историк Нечволодов писал:

«Первые известия о казаках встречаются при Василии Темном... /Речь идет/ «о казаках рязанских, населявших украинные Рязанские места и живших бок о бок с хищниками, хозяйничавшими постоянно в южных степях... В казаки шли, конечно, самые бедные, но притом и самые выносливые и воинственные люди, потерявшие надежду на сносную жизнь в родных местах».

Нечволодов А. Сказания о Русской зеше. Книга 3, с. 89

Следует отметить, что в Московской Руси XVI — XVII веков украинских казаков обычно именовали черкасами — по названию городка Черкасы. Только после того, как часть левобережной Украины вошла в состав Московского государства, украинских казаков на Руси постепенно стали называть малороссийскими.

Очень долго казаки безразлично относились к национальному и социальному происхождению тех, кого они принимали в свои ряды. Ногайский татарин рядом с рязанским мужиком, беглый сын боярский под началом беглого холопа — это обычные сочетания даже для середины XVII века, не говоря уже о более ранних временах.

Вот как описывал состав Донского казачьего войска в 60-е годы XVII века Григорий Котошихин, беглый подьячий Посольского приказа:

«А люди они пороною москвичи и иных городов, и новокрещенные татарова, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр и торговые люди, и крестьяне, которые были приговорены к казни в розбойных и в татинных и в иных делах, и покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон».

Полное собрание русских летописей, том 25, с. 386

Отдельные казачьи отряды именовались на Украине сотнями либо куренями. Их возглавляли «отаманы» (атаманы). В случае необходимости они объединялись под началом одного главного атамана — «гетмана» (от немецкого слова «гауптман» — «капитан, предводитель»,).

Эти отряды базировались в местах, удобных для обороны. Там имелись простейшие жилые постройки (землянки-бурдюги либо мазанки-зимовники) и хотя бы минимальные укрепления (земляной вал). Обычно такие места находились по крутым берегам рек и на речных островах. Ежедневную пищу степным удалцам давали рыболовство и охота, ибо земледелием они никогда не занимались. Украинский историк Пантелеймон Кулиш отметил:

«Где жили казаки, там не могло быть настоящего хозяйства; где паны правильно вели свое хозяйство — там неприемлем был бродячий образ жизни казаков... Казачий элемент был отрицанием... принципа общества, отрицанием принципа государства».

Но главным занятием казаков являлся разбой, направленный в первую очередь против «басурманов» — татар и другого нехристианского населения Причерноморья. Историк украинского казачества Иван Крипьякевич писал в 1920-е годы:

«Первые казачьи ватаги состояли из людей разного происхождения, разных сословий и даже разных народов; их соединяло вместе только желание сражаться, потребность в острых переживаниях, охоты «гулять» в степи в целях добычи».

И Польша, и Великое княжество Литовское, а затем Речь Посполитая, практически не укрепляли свои южные границы, ибо создание крупных оборонительных систем требовало больших средств, которых у них не было. Фактически казаки в какой-то мере охраняли эти рубежи.

Впрочем, «мера» эта была крайне мала, т.к. вторжения рейдовых отрядов крымских татар («загонов») на территорию ВКЛ происходили почти ежегодно, нередко — по два и даже по три раза в год. Гораздо чаще и гораздо охотнее казаки сами устремлялись в граби-

* Термины «войсковой атаман» и «походный атаман» в XVII веке не употреблялись.

тельские набеги по суше, по рекам и по морю. Вообще, именно грабеж являлся главной целью и смыслом их жизни.

Например, запорожские казаки участвовали в войне Речи Посполитой со Швецией в 1600—1604 гг. Свидетель тех событий отметил в «Баркулабовской летописи», что со шведами они воевали плохо, зато православных литвинов грабили и насиловали очень хорошо, убивая тех, кто пытался сопротивляться:

«Великая война была у Вифлянтех /Ливонии/ с кролем шведским за Жикгимонта Третега /Сигизмунда/. Того ж року /1601 г./ запорожские казаки у Швеции /Эстляндии/ были, да ничего не помогли, только великую шкоду господарю вчинили, бо место славное, место богатое Витебск звоевали, мешчан побили, панны поплюгавили, скарбы побрали, многое множество людей порубали, незлиционные скарбы побрали...

Были у Швеции казаки запорожские люду четири тысени, над ним был гетманом Самуель Кошка. Там же того Самуила убито, а поховано у Киеве. Ниж-

ли там у Швеции казаки запорожские ничего доброго не вчинили ани гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, толко з Швеции утекли, а тут на Руси Полоцку великую шкоду чинили, а место славное и великое Витебск звоевали, злата, сребра множество побрали, мешчан учтивых порубали, и так шкоду содомиючинили горше злых неприятелей албо злых татар...

Року Божого нароженя 1603. Были казаки запорожские — некий гетман на имя Иван Куцка. При нем было люду козацкогоя ко 4 тисечи; брали приставство з волости Боркулабовской и Шупенской, то ест грошей коп 50 /около 4 кг серебра/, жита мер пясот, яловиц полтора-ста, кобанов 50, сал свиных 100, меду пресного пудов 60, масла пудов десять, куров пясот, сена воз триста.

Казацкий атаман

В месте Могилеве Иван Куцка здал з себе гетманство козацкое для того, иж у войску великое своволенство: што хто хочет, то брoит. На тот же час был выеждый от его кролевское милости и от панов и рад, напоминал, грозил козаком, иж бы они никоторого кгвалту в месте, по селах не чинили. Перед того ж выеждного от его кролевское милости приносил один мешанин на руках своих девчину у шести летех /шести лет/ змордованую, зкгвалчоную /изнасилованную/, ледвей живую, чого было горко, плачливе, страшно глядети.. На тое всилюди плакали, Богу сотворителю молили-ся, абы таковых своеволников вечно выгладити рачил.

По том по Иване Куцку был гетманом Иван Косый. Тые козаки брали приставства у Полоцку, у Витебску, на Орши, у во Мстиславлю, у Крычове, у Могилеве, у Головчине, у Черчерску, у Гомли, у Любечу, у Речицы, у Быхове, у Рогачове и по всех местах...

А коли козаки запорожские назад на Низ отсоля выеждчали, тепер же великую сильную шкоду по селах, по местах чинили: жонки, девки и хлопята з собою много брали. Также коней много з собою побрали. Один козак будет мети коней 8,10,12,ахлопяттрое,четверо,жонки албо девкидве албо три».

В 1553 году на днепровском острове Хортица, ниже знаменитых в прошлом порогов, появилась своего рода казачья республика — Запорожская Сечь. Ее основал литвинский князь Дмитрий Вишневецкий, занимавший должность черкасского старосты, а позже попавший в Молдавии в плен к туркам и казненный ими в начале 1564 года. Вообще, первыми вождями запорожских казаков были представители литвинско-украинской шляхты, даже магнатов — кроме Дмитрия Вишневецкого среди них можно назвать черкасского и каневского старосту Остафия Дашкевича, князей Михаила и Остафия Ивановичей, Богдана, Николая и Кирика Остафьевичей-Ружинских, Самойло Зборовского.

Прием в запорожские казаки происходил очень просто: надо было правильно перекреститься и говорить по-русски, неважно на каком диалекте. Вспомним Гоголя:

«В Христа веруешь? Верую! Горилку пьешь? Пью! А ну, перекрестись! Истинно христианская душа, пиши его в Третий курень»...

Запорожцы делились на сечевых и зимовых казаков. Первые жили в самой Сечи по куреням. Сечевые казаки составляли более привилегированную часть запорожского казачества. Только они имели право выбирать из своей среды старшину, получать жалованье деньгами и хлебом, распределять добычу. Все они считались «холостяками», так как не заключали церковного брака со своими сожительницами.

Семейные казаки жили вокруг Сечи по балкам, луговинам, берегам рек, лиманов и озер, где стояли отдельные хутора или целые

деревни. Они разводили коней, занимались торговлей, ремеслами и промыслами, держали огороды, домашнюю птицу и скотину. Сечевые казаки называли их не «лыцарями», а «зимовчаками», «сиднями» или «гнзидюками» — как бы рангом ниже, чем себя.

Но сечевые и зимовые казаки вместе составляли одно войско — «арматное стадо», официально именовавшее себя «Славным низовым запорожским войском и товариством», или еще пространнее:

«Войско днепровское, кошевое, верховое, низовое и все будущее на полях, на лугах, на полянках, и на всех урочищах морских, днепровских и полевых, и морской кошевой атаман, старшина и чернь».

Московиты, литвины и поляки обычно называли запорожцев «низовыми людьми», имея в виду низовья Днепра.

Запорожцы по принципиальным соображениям никогда не пересчитывали себя. Поэтому данные об их численности различаются. Как правило, они сильно преувеличены. Известный дореволюционный историк казачества Д.И. Яворницкий писал:

«В 1534 году всех запорожских казаков считалось не более 2000 человек, а в 1535 году около 3000 человек. В 1594 году иностранцы насчитывали у них более 3000... В 1657 году всего сичевого войска считалось 5000 человек... В 1675 году кошевой атаман Иван Дмитриевич Серко (Сирко), задумав большой поход на Крым, собрал 20.000 человек запорожцев и с ними «несчадно струнул» Крым и счастливо возвратился в Сичь. Но это число кажется слишком преувеличенным».

Яворницкий Д. «История запорожских казаков», том 1, с. 153

Судя по этому свидетельству, а также ряду других, реальная численность запорожских казаков никогда не превышала пяти — семи тысяч человек. Но в ходе разных военных кампаний к ним часто примыкали другие лица, тоже именовавшие себя казаками.

Власти Речи Посполитой, с одной стороны, были заинтересованы в защите своих южных границ; с другой — стремились подчинить себе буйных казаков. Способом решения обеих проблем стал официальный прием некоторой части их на военную службу. Как мы помним, впервые это сделал король Стефан Баторий.

В 1578 году он назначил жалованье 600 запорожским казакам, выразившим желание служить ему, и разрешил им устроить в городе Трахтомиров свой арсенал и госпиталь. За это казаки согласились подчиняться назначенным королем командирам-шляхтичам. Эти 600 казаков были внесены в список для выдачи жалованья — реестр. С тех пор власти Речи Посполитой стали использовать «реестровых казаков» не только для охраны границ от татар, но и для контроля за «нереестровыми» — запорожскими и прочими.

К 1589 году количество реестровых казаков достигло трех тысяч человек. В основном, они жили в небольших городках юга и юго-востока Украины.

Так, в 1600 году население Канева состояло из 960 мешан и 1300 казаков с семьями. В своем большинстве это были оседлые, семейные люди, нередко обладавшие значительной собственностью.

Например, завещание некоего Тишки Воловича включало дом в Чигирине, два имения с рыбными прудами, лес и пастбище, 120 ульев, 3 тысячи золотых и серебряных монет.

Реестровые казаки не платили налоги, были неподсудны местным властям. Король дал им право самим выбирать своих старшин. Но зато старшины сильно зависели от властей, чем принципиально отличались от вольных запорожцев. Впрочем, последние тоже все чаще и чаще выступали под знаменами Речи Посполитой. Однако каждый раз это происходило на основе своего рода «разовых соглашений» с представителями короля, обычно за плату и за разрешение грабить чужие земли.

Реестровый казак конной сотни.
Худ. О. Федоров

КАЗАЦКИЕ МЯТЕЖИ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1594-1638 гг.)

Несмотря на различия в своем социальном статусе и имущественном положении, все казаки (реестровые, запорожские и прочие) к началу XVII века считали себя представителями одного сословия — «людьми рыцарскими». Они полагали, что своим участием в войнах Речи Посполитой с крымскими татарами, турками, московитами и другими врагами заслуживают тех же прав и привилегий, что и шляхтичи.

С другой стороны, вольности реестровых и запорожских казаков вдохновляли украинское крестьянство. Нередко крестьяне, селившиеся на запустевших магнатских землях, объявляли себя казаками и на этом основании отказывались нести повинности в пользу феодалов. Там, где эксплуатация крестьянства украинскими магнатами и их арендаторами-евреями становилась особенно жестокой, происходили мятежи. В них участвовали, прежде всего, «самозванные» казаки-крестьяне, к которым охотно примыкали всякого рода авантюристы и бандиты.

Но, как сказал один поэт, «мятеж всегда кончается неудачей, в противном случае его зовут иначе». Вплоть до восстания Богдана Хмельницкого все вооруженные выступления против властей в Украине завершались поражением бунтовщиков. Например, в 1591—1593 гг. литвинский шляхтич Криштоф Косинский поднял казаков и крестьян на бунт в районе правобережного города Белая Церковь. Толпы восставших захватили на некоторое время города Белая Церковь, Триполье, Переяслав и Богуслав, где истребляли евреев, а главное — грабили всех подряд. Они даже дошли до Киева, но были разбиты. Косинского и его сподвижников схватили, осудили и всех казнили.

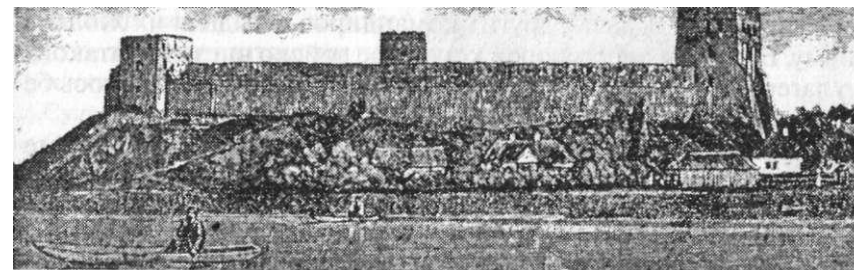
• * * *

Крупный мятеж поднял казацкий сотник Северин Наливайко. Он в 1594*году создал в Брацлаве отряд нереестровых казаков, который в следующем году водил в походы в Молдавию и Трансильванию. Вернувшись, осенью 1595 года атаман учинил мятеж казаков и крестьян в Правобережной Украине и в Литве.

Никакой позитивной программы у Наливайко и его приспешников не было. Они понимали «волю» в духе Степана Разина — как возможность свободно грабить, жечь, насиловать, издеваться, калечить и убивать. Соответственно, повсюду, где они появлялись, осуществлялся безудержный террор «голытьбы» и «гультаев» против властей и всех сколько-нибудь состоятельных людей, независимо от их вероисповедания и сословия.

При поддержке городских низов повстанцы захватили Луцк, разгромили много магнатских и шляхетских имений на Волыни и в Подолии, в том числе имение коронного канцлера Яна Замойского. Канцлер направил против бунтовщиков 5-тысячный отряд реестровых казаков во главе с атаманом Р. Лободой.

Чтобы избежать столкновения с ним, Наливайко ушел на территорию ВКЛ. Первым городом, который он здесь захватил, стал Петриков. Затем 6 ноября казаки ворвались в Слуцк. Этот город был хорошо укреплен, но, как и в Луцке, пришлым бандитам помогли местные «гультаи». Объединившись, они разграбили все магнатские и шляхетские имения в окрестностях. Но 25 ноября

Замок в Луцке. Вид в конце XIX века

один из отрядов этих мерзавцев был уничтожен войском польного гетмана Криштофа Радзивилла. Узнав об этом, Наливайко 27 ноября поспешно покинул Слуцк, ограбив всех жителей города и окрестных сел. В качестве выкупа за свои жизни они отдали «5000 коп грошей литовских» (384 кг серебра) — огромную сумму по тем временам. Кроме того, казаки хорошо вооружились в арсенале Слуцкого замка: они взяли там 12 пушек, 80 гаковниц и 700 рушниц (ручных пищалей).

Банды Наливайко 13 декабря штурмом захватили Могилев, где оставались две недели. За это время они убили многих горожан и сожгли значительную часть города. 25 декабря к Могилеву подошли правительственные силы под командованием речичского старосты Н. Буйвида. Наливайко с двумя тысячами казаков занял позицию за городом, на Ильинской горе, огородившись сцепленными возами и санями. У Буйвида людей было намного больше, но отсутствовала артиллерия. Бой продолжался с утра до темноты и не принес успеха ни одной из сторон. Поздно вечером казаки, отбивая атаки противника, ушли в сторону Быхова. Двигаясь вдоль Припяти, в последующие три месяца они заняли Давыд-городок, оттуда перебрались в Туров, затем в Лахву и Пинск, а весной следующего года ушли на Волынь.

В это же время на юго-востоке ВКЛ бесчинствовал отряд реестровых казаков М. Шавли (или Шавлы), поддерживавшего Наливайко. Весной 1596 года казаки Шавли через Пропойск и Быхов ушли на Черниговщину. 23 апреля оба атамана соединились возле Белой Церкви и двинулись вниз по Днепру, стремясь перейти московскую границу. Но коронное войско гетмана С. Жолкевского перерезало им путь. Тогда казаки быстро построили укрепленный лагерь на реке Солоница, неподалеку от города Лубны, где и засели.

Осада лагеря растянулась на две недели. За это время возникли серьезные разногласия между реестровыми и нереестровыми казаками. Первые, надеясь на помилование, 7 (17 н. ст.) июля захватили Наливайко, Шавлю, других командиров и выдали их Жолкевскому. Во время переговоров коронное войско внезапно атаковало лагерь. Несколько тысяч повстанцев были убиты, удалось бежать лишь двум — трем сотням.

Шавлю и других пленных бандитов Жолкевский казнил на месте, Наливайко он отправил в Варшаву. Там его казнили 1(11) апреля 1597 года «лютой смертью», т.е. заставив изрядно помучаться. Впрочем, это стало слишком слабым утешением для родственников тех тысяч мужчин и женщин, стариков и детей, которых ограбили до нитки, искалечили, умертвили самыми зверскими способами эти садисты.

Вот что рассказывает «Баркулабовская летопись»:

«Лета божого нарожения 1595, месяца ноября 30 дня в понеделок за тыдень пред святым Николою, Севериян Наливайко; при нем было Козаков 2000... мѣсто славное Могилев, мѣсто побожное, дома, крамы, острог выггли, домов всех яко 500, а крамов з великими скарбами 400. Мещан, бояр, людей учтивых так мужей, яко и жон, детей малых побили, порубали, попоганили, скарбов теж незличонных побрали с крамов и здомов.

Тут же войско литовское Радивила Троцкого, гетмана литовского, до Могилева у погоню за козаками притегнули, люду рыцерского конного, збройного, татар 4000, литвы 14000. Над тым людом был гетманом на имя Миколай Буйвид. В той час Наливайко лежал у Могилеве две недели.

Услышал о том Наливайко, иж гетман з великим людом и з делами до Могилеватыгнет, тогды Наливайко з Могилевского замку на гору Илинскую, где тепер церков святого Георгия стоит, бо на тот час не было, выехал. А так войско литовское на поли Буйницком, имени велможного его милости князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олущицкого, на войско Наливайково вдарили и кругом оступили. Там же зранку аж до вечера, яко бы вже к вечерни звонити час, межи собою битву мели, яко ж литва з войском великим натискали на войско Наливайкино. Пред се один другому войску мало шкоды учинили, бо великую армату, так дъл и гаковниц, пулгаков велми при себе множество мел, также люд свой отаборив конми, возами, людом, шол мощно. Яко ж з дела /пушки/ с табору Наливайкины козаки пана зацного пана Григория Анюховского забили; первой коня под ним застрелили, а потом, выпадши с табору, козаки его самого разсекали. Тепер желитва от Козаков отступивши, до Могилева на болший луп поехали, а козаки на всю ноч ехали до Быхова аж на Низ. Литва за козаками гналася аж до Рогачева, да ничого згола не вчинили козаком; а литва и татары рушилися до Менска, до Новагорода и до Вилни, набравшись тутешнего краю лупу.

А иж козаки Наливайкиного войска почали творити шкоду великую замком и паном украинного замку. Того ж року 1595, з войском литовским погонявши в селе Лубни, на речце Суле, Козаков побили. Первей Савулу стяли, Панчохо чвертовали, а Наливайка Се*верина, поймавши по семой суботе, до кроля послапи, там же его, замуравши, держали аж до осени святого Покрова; там же его чвертовано».

* *

В начале XVII века гетман запорожских казаков Петр Конашевич-Сагайдачный вел двойственную политику по отношению к Польскому королевству. С одной стороны, он пытался увеличить за счет запорожцев число реестровых казаков, расширить привилегии казацких старшин. Он уверял польское правительство, что если оно станет опираться на казачью верхушку и прекратит гонения на православную церковь, то казаки удержат всю Украину в повиновении Короне.

С другой стороны, в 1620 году при его активном участии все реестровые казаки вступили в киевское Богоявленское православное братство. Тем самым они превратили его в легальную верхушку мощной православной оппозиции, постоянно подогревавшейся московскими церковными деятелями.

В сентябре — октябре 1621 года реестровые, городовые и запорожские казаки, а также пресловутые «казаки-крестьяне», во главе с Сагайдачным, участвовали в знаменитой битве под Хотиним, где они вместе с поляками и литвинами под командованием коронного гетмана Станислава Любомирского разгромили стотысячную турецкую армию султана Османа II. При этом поляков и литвинов было около 26 тысяч, казаков — до 20 тысяч.

Но примерно через год после битвы, когда Сагайдачный уже умер, власти Республики потребовали от старшин, чтобы все «самозванные» казаки вернулись в крестьянское сословие. Те наотрез отказались выполнить этот приказ.

Тогда летом 1625 года новый коронный гетман Станислав Конецпольский с 15-тысячным войском предпринял карательный поход

Гетман Станислав Конецпольский

против них. После ряда мелких стычек, 30 октября 1625 года Конецпольский разбил «самозванных» и запорожских казаков, которых возглавлял гетман Марк Жмайло, у старого городища возле Курукова озера. Однако казаки сохранили при этом значительные силы, поэтому на месте сражения все же состоялись переговоры. 5 ноября казаки выбрали вместо погибшего Жмайло своим гетманом Михаила Дорошенко (деда известного позже гетмана Петра Дорошенко), а на следующий день он подписал соглашение с поляками.

По нему городовые и запорожские казаки официально признали себя подданными польского короля. В ответ король увеличил число реестровых казаков вдвое (до 6 тысяч), но остальных велел считать крестьянами. Численность последних («выписанных») неизвестна, источники дают ее с очень широкой разбежкой: от восьми до двадцати пяти тысяч человек!

Из шести тысяч реестровых казаков одна тысяча должна была по очереди находиться за Днепровскими порогами, не пускать неприятеля к переправам через Днепр и не допускать вторжения его в королевские земли. Всем запорожским казаком отныне запрещалось предпринимать как сухопутные, так и морские набеги на земли мусульман.

Реестровые казаки составили шесть полков (округов): Киевский, Переяславский, Белоцерковский, Корсуньский, Каневский, Черкасский (позже появились и другие полки, например, Брацлавский, Нежинский, Черниговский). Центром полка являлся город (отсюда названия), где находилась полковая старшина. Каждый полк делился на десять сотен. Артиллерия и войсковая «музыка» (трубачи, барабанщики и др.) размещались в Каневе. Над всеми полками стояла войсковая старшина во главе с гетманом. Что касается запорожцев, то они сохранили свою собственную военную организацию.

* * *

Но уже через несколько месяцев после Куруковского договора 70 запорожских «чаек» вышли в Черное море. Дело в том, что в 1628 году в Крыму произошел переворот, вместо хана Мухаммеда-Гирея II престол в Бахчисарае занял Джанибек-Гирей. Тогда свергнутый хан обратился за помощью к гетману Михаилу Дорошенко. Тот повел казаков (реестровых, городских и запорожских) в Крым, не беспокоя короля Сигизмунда III извещением об этом предприятии. Однако в сражении с татарами в степном Крыму казачье войско потерпело поражение, сам Дорошенко погиб, его отрубленная голова долго красовалась на стене Кафы (нынешней Феодосии).

После гибели Дорошенко казаки раскололись. Коронный гетман Конецпольский утвердил их гетманом Григория Черного, но

большинство казаков предпочло другого кандидата — Тараса Трясило, выступавшего за «неподлеглоць» (независимость) казацкого войска.

Спасаясь от Черного, Трясило убежал в Сечь к запорожцам. Примерно через полгода он вышел оттуда в поход. Шедшие с ним казаки распускали слухи, будто бы они идут к Черному для того, чтобы дать ему клятву в своей верности. Черный поверил, предстал перед запорожцами, но был схвачен и по приказу Трясила изрублен на куски. После этого Трясила предъявил свои требования полякам: выдать ему для «расправы» приверженцев Черного, вывести из трех украинских воеводств королевские войска, аннулировать Куруковское соглашение, зачислить в казачье сословие всех желающих.

Надо сказать пару слов о последнем из перечисленных требований. Как мы видим, в основе так называемого «освободительного движения» украинского казачества лежал, прежде всего, материальный фактор. Огромная толпа бездельников, не желавших заниматься производительным трудом, требовала признать их «лицарями» (т.е. служилым сословием, шляхтой) и обеспечить жалованьем. Но при этом они не желали подчиняться властям Речи Посполитой, соглашаясь быть с ними «заодно» лишь с одной целью — «воевать Крым и басурманские земли». С учетом данного обстоятельства становится ясно, что стремления сторон, мягко говоря, не совпадали. К тому же Республика Обοих Народов никогда не обладала средствами, позволявшими ей содержать многочисленную постоянную армию. Поэтому власти не могли идти на поводу у шантажистов, даже если бы хотели. Впрочем, они и не хотели.

В итоге гетману Конецпольскому пришлось начать очередной поход для усмирения строптивых казаков. В конце мая 1630 года у города Переяслава (с 1943 года Переяслав-Хмельницкий) противники сошлись в битве. Видимо, ее результатом стала «боевая ничья», так как 29 мая было подписано новое соглашение. По словам свидетеля этих событий, некоего Григория Гладкого из Путивля, дело обстояло следующим образом:

«Гетман Конецпольский осадил казаков в Переяславе. У польских людей с черкасами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков побивали, а на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд /артиллерию/ взяли, многих поляков в обозе выбили, перевозки по Днепру отняли и паромы по перевозам пожгли.

После этого бою гетман Конецпольский с черкасами помирился, а приходил он на черкас за их непослушанье, что они самовольством ходят под турецкие города, и всем войском убили Гришку Черного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им на них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. Абылоу Ко-

нецпольского польских и немецких людей и черкас лучших, которые от черкас пристали к полякам, 8000, а черкас было 7000».

Властям в Кракове все же пришлось сделать уступку вымогателям: число реестровых казаков было увеличено до восьми тысяч. Судьба самого Трясила точно неизвестна. Соловьев и Яворницкий считали, что поляки его казнили, но более поздние историки (например, Субтельный) отрицают это.

* ~:

В 1632 году умер король Сигизмунд III. Когда собрался вальный (избирательный) сейм, на него явились делегаты от нереестровых казаков — городских и запорожских. Ссылаясь на то, что казаки составляют часть государства, они потребовали от имени «всего казацкого войска» обеспечить им свободное отправление православных обрядов, а также шляхетские права, в том числе право голоса при выборах короля. На это требование сенат Речи Посполитой дал им любопытный ответ:

«Казаки действительно составляют часть государства, но такую, как волосы или ногти в теле человека: когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут. Так поступают и с казаками: когда их немного, то они могут служить защитой Речи Посполитой, а когда они размножатся, то становятся вредными».

«

Относительно православной веры казацким депутатам сказали, что этот вопрос рассмотрит вновь избранный король. Действительно, Владислав IV разрешил деятельность православной церкви в украинских воеводствах. Ей вернули часть приходов и зданий. Что касается участия в выборах, то им ответили, что на избрание короля имеют право только магнаты и шляхта. Тем самым казакам дали понять, что власти Речи Посполитой не намерены признавать их «рыцарским сословием».

* Ĩ

В 1637 году королевские комиссары Адам Кисель и Николай Потоцкий произвели чистку реестра. Из него удалили тех, за кого не ручались старосты и подстаросты городов в которых они жили. Под давлением комиссаров реестровые казаки выбрали своим гетманом Василя Томиленко.

В то же самое время очередной поход в Крым «за зипунами» предприняло войско запорожских и нереестровых казаков во главе с Карпом Павлюком, по происхождению турком. После возвращения в Сечь он узнал об этой чистке и со своим отрядом занял Черкасы, где хранилась артиллерия реестровых казаков. По приказу Павлюка пушки увезли в Сечь, туда же стали собираться все недовольные поляками и Томиленко.

Реестровые казаки тоже были недовольны Томиленко, а потому избрали новым гетманом Савву Кононовича, выходца из Московии. Но и Савва не угодил казакам. В результате его схватили люди Павлюка и привезли в городок Крылов. Там Кононовича, а с ним еще нескольких старшин реестрового войска публично расстреляли.

После этих событий и реестровые казаки признали своим гетманом Карпа Павлюка. Он 11 октября 1637 года написал универсал (обращение) «ко времю казачеству, мешанству и хрестьянству», призывая всех подняться на борьбу против «неприятелей народа русского хрестьянского и древней греческой веры», то есть против поляков и униатов.

В течение нескольких недель казаки захватили Корсунь, ряд городов и городков в Киевском и Черниговском воеводствах, на Полтавщине. Однако, как сказано выше, «золотой век» Украины еще не кончился. Народ не спешил на помощь казакам. 28 октября 1637 года против них вышло в поход 15-тысячное королевское войско польного гетмана Николая Потоцкого. 6 декабря в бою под Кумейками (в районе Канева) казаки потерпели поражение. Павлюк с остатками войска отступил в сторону Черкас, но 10 декабря был окружен в местечке Бородице.

Казаки капитулировали. Они выдали Потоцкому своего предводителя Павлюка вместе с несколькими старшинами. Главных смутьянов заковали в кандалы, отвезли в Краков и там казнили. Всем остальным 14 декабря 1637 года Потоцкий объявил, что реестр снова сокращается до шести тысяч человек, выборы командного состава отменяются, командовать реестровым войском теперь будут назначенные королем офицеры. После этого часть участвовавших в мятеже казаков, опасаясь репрессий, перебралась в московские владения.

На Днепре поляки построили в 1636—1637 годах крепость Кодак, гарнизон и пушки которой должны были препятствовать самочинным казацким набегам на турецкие и татарские владения. В украинских воеводствах королевским войскам и магнатам с их частными армиями было приказано немедленно подавлять любые попытки новых выступлений.

* * *

Между тем, в Запорожскую Сечь отовсюду собирались новые толпы казаков (в первую очередь «самозванных»), недовольных существующим положением вещей. К февралю 1638 года их набралось до шести тысяч человек.

В феврале запорожцы в Сечи избрали нового гетмана. Им стал казак по имени Яцко Острянин. В марте он начал боевые действия. Перед этим Острянин обратился к народу с воззванием (универсалом), в котором изложил свою программу:

«З войском/иду/... для выдвигненья (освобождения) вас, народа нашего православного, от ярма порабощения и мучительства тиранского ляховского и для отмщения починеных обид, разорений и мучительских ругательств... всему посольству рода Русского, по обоим сторонам Днепра мешкающего».

Повстанцы разделились на три отряда. Первый, во главе с Остряниным, двигаясь левым берегом Днепра, занял Кременчуг и повернул на Хорол и Омельник. Отряд атамана Дмитро Гуни поднялся по Днепру на «чайках», заняв переправы в Кременчуге, Максимовке, Бужине и Дубраве (неподалеку от Чигирина). Отряд атамана Скидана, шедший по правому берегу Днепра, занял Чигирин.

Навстречу Острянину двинулся Станислав Потоцкий (брат Николая) с королевским войском. Узнав об этом, Острянин занял оборону в городке Голтва, на левом берегу одноименной речки, впадающей в Псел, между этих двух рек. Городок, обнесенный частоколом, имел замок, от которого к заболоченному правому берегу реки вел длинный узкий мост. Казаки насыпали вал, перегородив им открытую сторону междуречья, а находившийся перед валом холм превратили в редут, где поставили пушки.

В третьей декаде апреля войско Потоцкого подошло к Голтве и стало лагерем. 25 апреля Потоцкий отправил на правый берег Псела два полка наемной пехоты и полк реестровых казаков под командованием полковника Караимовича, чтобы они ворвались в замок со стороны моста. Но Острянин, видя это, послал в тыл Караимовичу большой отряд казаков. Караимович, перейдя реку, попытался по мосту подступить к стенам замка, однако был встречен сильным огнем. Потеряв много людей убитыми и ранеными (сам Караимович тоже был ранен), он хотел вернуться к переправе, чтобы перейти назад на левый берег, но повстанцы преградили ему путь. Укрывшись за завалами из поваленных деревьев, они открыли сильный огонь. Отряду Караимовича пришлось отступить в болото, где значительную его часть истребили казаки.

Потерпев поражение, Станислав Потоцкий 1 мая отвел свое войско к Лубнам, откуда послал к коронному гетману гонцов с просьбой о помощи. Станислав ожидал также подхода своего брата Николая Потоцкого и частной армии Иеремии Вишневецкого.

Повстанцы тоже ждали подхода к ним новых сил, и действительно, их войско вскоре увеличилось примерно до 8 тысяч человек. 6 мая 1638 года между повстанцами и 6-тысячным войском С. Потоцкого произошло сражение. В ходе боя отряды Острянина понесли серьезные потери. Под покровом ночи они ушли на северо-восток, а потом повернули к Миргороду.

Потоцкий, двигаясь следом, 31 мая настиг войско Острянина под Жовниным, неподалеку от впадения реки Сулы в Днепр. Казаки были окончательно разбиты, Острянин с остатками своего войска перешел московскую границу. Вместе с ним в Белгород прибыло чуть более тысячи казаков — все, что осталось от недавних 8 тысяч.

Другая часть повстанцев во главе с Дмитро Гуней засела в Жовнине и почти два месяца продолжала сопротивление. Осада кончилась тем, что 29 июля 1638 года Николай Потоцкий заключил с этими казаками соглашение. По его условиям, они сдали оружие и разошлись по домам, не подвергаясь наказаниям за участие в мятеже. Лишь несколько повстанцев бежали с Гуней в Сечь.

Поражение выступлений Павлюка и Острянина весьма ободрило магнатов и шляхту, они стали усиленно «закручивать гайки». Понятно, что «беспредел» не мог продолжаться слишком долго.

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ ХМЕЛЬНИЦКОГО

(апрель — май 1648 г.)

Несмотря на все мятежи и конфликты, еще в начале 1648 года большинство казаков было готово принять самое активное участие в войне с Турцией, о подготовке которой король Владислав извещал специально приглашенных в Варшаву старшин реестра и Сечи. Эта экспедиция, несомненно, смягчила бы социальную напряженность в стране, направив наиболее активный и беспокойный элемент украинского общества против внешнего врага.

Но планы войны категорически отвергли магнаты и знатные шляхтичи, опасавшиеся усиления королевской власти (то же самое, как мы помним, происходило и при Батории). Казачество было разочаровано и роптало. В таких условиях Богдану Хмельницкому было довольно легко найти сторонников. Успеху его движения способствовали несколько обстоятельств.

Во-первых, за Хмельницким пошли две главные силы. Это казаки, боровшиеся за «волю» (как уже сказано, в их понимании «воля» означала право не платить налоги и не подчиняться юрисдикции властей, но при этом получать от них жалованье и оружие, по своему усмотрению в любое время грабить татар и турок), а также крестьяне, мечтавшие избавиться от безудержной эксплуатации со стороны магнатов и арендаторов-евреев.

Кстати, помимо чрезмерной барщины и грабительских налогов, была еще одна серьезная проблема для недовольства народа. Дело в том, что магнаты и арендаторы самыми жестокими мерами препятствовали самогоноварению, вынуждая казаков, крестьян и ме-

щан покупать «горилку» (водку) только у них. Но, как мы знаем, алкоголь для славян, наряду с хлебом, всегда являлся предметом первой необходимости. Так что вопрос винокурения из экономического превратился в политический.

Во-вторых, Хмельницкий сделал хитрый ход: объявил с самого начала, а затем не устал повторять, что казаки воюют не против короля или Речи Посполитой, а против «злых панов».

В-третьих, подхватив идеи Острянина, Хмельницкий придал стремлениям казаков и крестьян четкую форму религиозного противоборства. Дескать, причиной всех бед жителей украинских земель является то, что православные попали в кабалу к иноверцам — католикам и иудеям. Разумеется, данный тезис содержал значительную долю истины.

В-четвертых, он сумел сделать своими союзниками крымских татар. Хотя последние, помогая в борьбе против Польши, одновременно грабили украинские земли, все же это было меньшее зло, чем мощный удар в спину повстанцам.

* * *

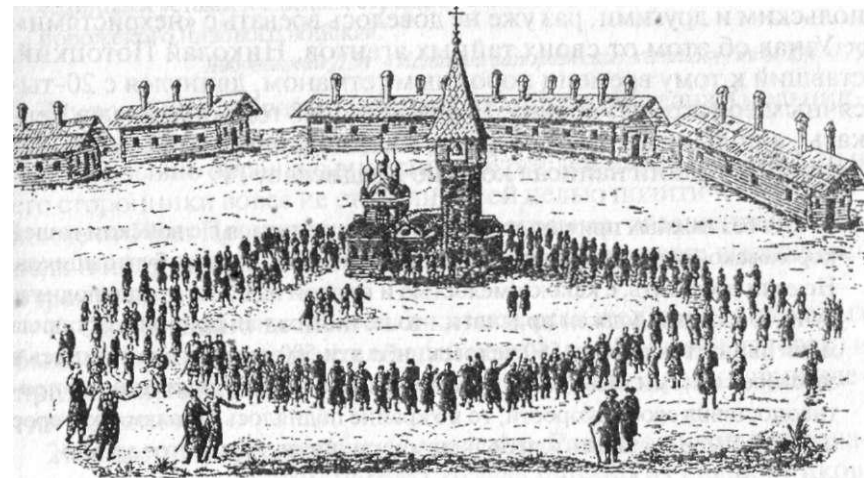
Как это часто бывает, большой пожар разгорелся из маленькой искры. Чигиринский подстароста, богатый шляхтич-униат Данила Чаплинский с некоторых пор стал притеснять своего соседа, православного шляхтича, сотника Чигиринских реестровых казаков Богдана Михайловича Хмельницкого.*

Осенью 1645 года он со своими гайдуками напал на хутор Суботив, принадлежавший соседу. Чаплинский захватил там 400 копен ржи, и увез их на лошадях и подводах Хмельницкого, которые тоже присвоил. Кроме того, он прихватил с собой сожительницу 50-летнего-сотника-вдовца. Возможно, что причиной налета как раз и был спор из-за женщины, а не хлебного поля. Когда же Хмельницкий потребовал вернуть то и другое, пригрозив обращением в шляхетский суд, Чаплинский, желая показать свою безнаказанность, велел схватить Богдана и его старшего сына Тимофея. Тринадцатилетнего мальчика гайдуки выпороли плетью, а самого сотника Чаплинский четыре дня держал в оковах, всячески оскорбляя.**

Возмущенный и обиженный Богдан в январе 1646 года прибыл в Краков, где лично пожаловался королю Владиславу IV на обид-

* Хмельницкий Богдан (или Зиновий) Михайлович (1595—1657). Сын Чигиринского подстаросты. Окончил иезуитскую коллегию во Львове. В 1620 г. во время Молдавской кампании вместе с отцом попал в плен к туркам. После возвращения вступил в реестровое войско, занимал должность войскового писаря, позже — сотник. В 1645 г. по поручению властей Речи Посполитой ездил во Францию для переговоров об участии казаков в войне против испанских Габсбургов.

** У Богдана Хмельницкого было два сына: Тимофей (ок. 1632—1653) и Юрий (ок. 1641—1685), а также дочери Стефания (Степанида) и Елена.

Церковь, рада и курени запорожцев

чика. Владислав радушно принял своего ровесника Хмельницкого (Богдан был старше короля на один год), но сказал, что бессилен перед произволом панов. Король сообщил Хмельницкому о том, что готовится к большой войне с «басурманами» и призвал к участию в ней с отрядом «верных казаков». Кроме того, он подарил ему саблю и сказал:

«Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле».

Итак, сам король подал мысль Богдану объявить восстание всего лишь «мestью» конкретным «злым панам».

Вскоре после возвращения в Чигирин, Хмельницкий стал собирать войско из казаков, желавших участвовать в походах против крымских татар и турок, ибо — как смазано выше — король готовился воевать с ними. Тем временем коронный гетман Конецпольский, на основе доноса Чаплинского, обвинил сотника в том, что он формирует казацкое войско для борьбы против Польши, и приказал арестовать.

Хмельницкого в 1647 году заключили в тюрьму в городе Крылове. Однако полковник реестровых казаков, католик Михаил Кричевский добился его освобождения и помог бежать с семьей и челядью в Сечь. Туда же перебрались казаки из его войска. Война с турками и татарами не состоялась. К февралю 1648 года с Хмельницким оставались до 500 человек. Он не скрывал, что по весне

учинит расправу со своими обидчиками — Чаплинским, Конечпольским и другими, раз уже не довелось воевать с «нехристями».

Узнав об этом от своих тайных агентов, Николай Потоцкий, ставший к тому времени коронным гетманом, двинулся с 20-тысячным войском в Украину. 18 февраля 1648 года он вошел в Черкасы, а польный гетман Мартын Калиновский — в Корсунь. Из Черкас Потоцкий написал королю Владиславу IV:

«Не без важных причин, не необдуманно двинулся я с войском вашей королевской милости... Казалось бы, что значит 500 человек бунтовщиков. Но если рассудить, с какою смелостью и в какой надежде можно поднять бунт, то каждый должен признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться против 500 человек, ибо эти 500 человек возмутились в заговоре со всеми казацкими полками. Если б я этому движению не противопоставил своей скорости, то в Украине поднялось бы пламя, которое надобно было бы гасить или большими усилиями, или долгое время».

Между тем, в марте 1648 года Богдан с сыном Тимофеем и несколькими товарищами скрытно приехал в Крым для переговоров с ханом Исламом Гиреем II (правил в 1644—1654 гг.). Хан после некоторых колебаний согласился оказать помощь Хмельницкому в его войне против поляков. Но сына Тимофея он оставил заложником. Ислам Гирей дал Хмельницкому четыре тысячи конных татар перекопского мурзы Тугай-бея.

18 апреля Хмельницкий появился в Сечи. К тому времени кошевой атаман, по уговору с ним, призвал сюда из окрестностей зимовых казаков. Следующим утром прогремели три пушечных выстрела — сигнал общего сбора на раду. Народу было так много, что не все уместились на майдане (главной площади). Тогда люди вышли в поле за «сечевую фортецию».

Там, по словам очевидца, якобы было 30 тысяч казаков. Но эта цифра сильно преувеличена; ведь спустя четыре дня, когда Богдан начал свой первый поход, его войско насчитывало не более 7 тысяч человек. Мы упоминаем данный факт лишь для того, чтобы еще раз показать: свидетельства современников о численности войск в войнах XIV—XVII веков, равно как и цифры потерь, всегда значительно завышены.

В середину круга вышел Богдан в сопровождении четырех знатных татар и объявил, что начинает войну против поляков вместе с крымским ханом.

«Услышав эти слова, войско отвечало: «Слава и честь Хмельницкому! Мы как стадо без пастуха. Пусть Хмельницкий будет нашим головою, а мы все, сколько нас тут есть, все готовы идти против панов и помогать Хмельницкому до последней утраты живота нашего!» Эти слова сказаны были

«едиными устами и единым сердцем» всего собравшегося на площади запорожского низового войска».

Яворницкий Д.И. «История запорожских казаков», том 2, с. 179

Так всеобщее собрание запорожцев избрало Богдана Хмельницкого своим гетманом.

Специально обращаю внимание читателей на тот факт, что он и его сторонники вовсе не ставили своей целью политическое отделение от Речи Посполитой. Вся их программа, оглашенная 19 апреля и получившая единодушное одобрение казаков, выражалась в трех пунктах:

1) Официально зачислить в казаки всех желающих (таковых было в Украине, вместе с членами семей, до 100 тысяч человек) и предоставить казакам, как военному сословию, права и привилегии шляхтичей;

2) Запретить в украинских воеводствах Речи Посполитой пропаганду церковной унии, изгнать оттуда униатских священников, передать их церкви и монастыри православным приходам;

3) Изгнать из этих воеводств всех евреев.

Эта политическая программа четко выражала устремления казачества, но не крестьянства, хотя изгнание евреев-арендаторов, вне всякого сомнения, облегчило бы положение сельских тружеников.

Битва на Желтых Водах (4—6 мая 1648 г.)

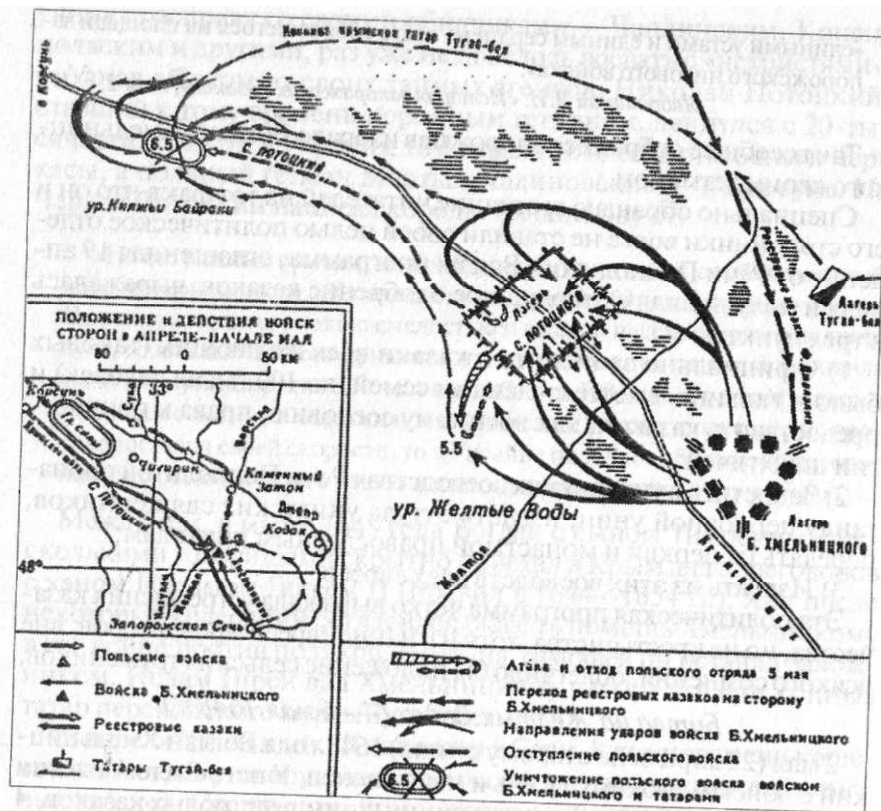
2 мая (22 апреля по старому стилю) 1648 года Богдан Хмельницкий с войском покинул Сечь и начал поход. У него было 4 тысячи запорожцев, 3 тысячи примкнувших к ним реестровых казаков, 4 тысячи татар, но всего лишь 4 пушки. Он повел их к урочищу Желтые Воды.

Река Желтые Воды является левым притоком реки Ингулец, она образует в своем верховье две ветки: более крупную западную, называемую Желтой, и меньшую восточную (Очеретняя балка). Между этими двумя руслами находится полуостров, в XVII веке поросший густым лесом и доступный только с одной стороны. В этой лесной трущобе казаки стали лагерем, который окружили земляным валом. Татары Тугай-бея расположились неподалеку. Хмельницкий не сомневался, что противник обязательно сюда придет. Только здесь было удобное место для отдыха: среди сухой степи вода и лес, корм для лошадей и прохлада. К тому же отсюда вел в Сечь самый короткий путь.

Коронный гетман Николай Потоцкий совершил ошибку, разделив свои войска, состоявшие из поляков, литвинов и реестровых казаков, на три части.

Один отряд, 3 тысячи казаков и 1 тысячу немецкой пехоты, он отправил на больших лодках (байдарах) по Днепру в так называемые

Сражение у Желтых Вод

мый Каменный затон, залив на правом берегу реки, примерно в 35 верстах севернее Желтых Вод.* Командовал этим отрядом полковник Барабаш, при нем состояли ротмистры Вадовский, Ильяш и несколько других.

Другой отряд насчитывал 6 тысяч человек пехотинцев (жолнеров) и конных драгун, при 26 полевых орудиях. Им командовали 26-летний сын коронного гетмана, нежинский староста Стефан Потоцкий и королевский комиссар немец Якоб Шемберг. Эта часть войска должна была сухим путем дойти от Черкасс до Каменного Затона и там соединиться с первым отрядом.

Далее Потоцкому-младшему, Шембергу и Барабашу предписывалось ворваться в Запорожскую Сечь и расправиться с бунтовщиками: «пройти степи и леса, разорить и уничтожить дотла презренное скопище казаков и привести зачинщиков на праведную казнь». Сам гетман с остальной частью коронного войска (10 тысяч человек) планировал через неделю пойти вслед за сыном.

Утром 3 мая первый отряд приплыл к Каменному затону и высадился на берег. Осведомленный своими разведчиками о передвижениях противника, там уже ждал их с частью своих сил сам Хмельницкий. Он сумел склонить реестровых казаков и «немцев-казаков» к измене. Они убили своих начальников и в тот же день татары доставили верхом на конях этот отряд в казацкий лагерь.

Хмельницкий не ошибся. Потоцкий и Шемберг 4 мая вышли к правому берегу Желтых Вод и начали переправляться на левый берег. Но оттуда их обстреляли казаки. Тогда Потоцкий решил ждать подхода главных сил. Его люди быстро построили полевое укрепление (вагенбург): поставили повозки четырехугольником, насыпали перед ними земляной вал, установили пушки. 5 мая повстанцы попытались штурмом взять вагенбург. Они дважды врываются внутрь укрепления и оба раза были отброшены в отчаянных рукопашных схватках.

В ночь на 6 мая С. Потоцкий решил идти на соединение с главными силами. Хмельницкий не препятствовал его выходу из вагенбурга. Он поступил хитрее: устроил засаду в урочище Князь Байраки (в 7—8 верстах от Желтых Вод). Здесь казаки и татары с двух сторон взяли отряд Потоцкого в «тиски». Под непрерывным обстрелом поляки и литвины сопротивлялись почти сутки, несколько раз пытались прорваться, но в конце концов сдались. Половина их отряда погибла за три дня боев, около трех тысяч человек оказались в плену, в своем большинстве раненные. В плен попали до 30 знатных панов, в том числе Стефан Потоцкий (вскоре он умер от ран), Якоб Шемберг, Стефан Чарнецкий, Павел Сапега и другие.* Потери Хмельницкого убитыми и тяжело ранеными составили не более тысячи человек.

В сражении у Желтых Вод Хмельницкий показал себя искусным полководцем, способен вести маневренную войну. Его войско продемонстрировало хорошую организованность, умение быстро передвигаться и упорно сражаться с более сильным в профессиональном плане противником.

* Павел Ян Сапега (1610—1665), первоначально кальвинист, затем католик. С 1655 года воевода вйденский, великий гетман литовский. Активный участник войн с Московской Русью, Швецией и с восставшими казаками. Возглавлял борьбу со шведами в Великом княжестве Литовском во времена «Потопа».

636

636

636

636

636

636

636

636

636

636

636

636

636

636

636

636

636

Иеремия, живший на левом берегу Днепра, являлся самым богатым феодалом в Украине. Ему принадлежали 56 городов, местечек, сел и деревень, в основном, на Полтавщине. Его частная армия поначалу была невелика (менее двух тысяч человек), но он действовал в духе Александра Лисовского. Князь Ярема совершал быстрые конные переходы из одних районов в другие. Главной своей целью Вишневецкий ставил физическое истребление мятежников. Так, он напал на местечко Погребище, где перебил почти всех жителей.

Оттуда Вишневецкий пошел к принадлежавшему ему городу Немиров. Жители заперли ворота, но он взял город штурмом. Перепуганные мещане выдали князю зачинщиков восстания, которые были немедленно казнены разными изуверскими способами. Иеремия кричал палачам: «мучьте их так, чтоб они чувствовали, что умирают!»

Но в конце июля 1648 года Вишневецкого атаковал более многочисленный казацкий отряд атамана (полковника) Максима Кривоноса. После двух кровопролитных стычек магнат понял, что надо уходить на правый берег. Подойдя к Днепру, он нашел все паромы уничтоженными, двинулся дальше на север и только за

Шляхетское ополчение

Любечем ему удалось переправиться и повести свое войско на Волынь, куда он прибыл уже после сражений под Желтыми Водами и Корсунем.

Его резиденцию Лубны захватили повстанцы, которые вырезали всех находившихся там католиков и евреев, не успевших бежать. Об отступлении Вишневецкого с Левобережья сохранилось много свидетельств, по которым видно, что это было не только отступление войска, но и масштабная эвакуация. С Вишневецким уходили шляхтичи и арендаторы-евреи, католики и униаты. Они знали, что если попадут в руки повстанцев, то пощады не будет.

Весьма подробно, красочным библейским стилем, описал исход евреев с Левобережья раввин Гановер. О судьбе тех, кто стал жертвой казаков либо гайдамаков, он сказал так:

«Много общин, которые лежали за Днепром, близ мест войны, как Переяслав, Барышевка, Пирятин, Лубны, Лохвица, не успели бежать и были уничтожены во имя Божие и погибли среди мук страшных и горьких. С одних содрана кожа, а тело выкинуто на съедение псам; другим отрублены руки и ноги, а тела брошены на дорогу и через них проходили возы и топтали их кони... Не иначе поступали и с поляками, особенно с ксендзами. Поубивали на Заднепровьи тысячи еврейских душ»...

Историк Грушевский в своей книге «Хмельниччина в розквिति» (Расцвет хмельниччины) говорил о двух тысячах евреев убитых в Чернигове, 800 в Гомеле, нескольких сотнях в Соснице, Батурине, Носовке и в других городах и местечках. Грушевский описал, как производились эти погромы:

«Одних порубили, другим приказали выкопать ямы и потом туда побросали еврейских жен и детей и засыпали землей, а потом евреям дали мушкеты и приказали одним убивать других»...

В Левобережной Украине буквально за несколько недель лета 1648 года исчезли все поляки, евреи, католики, униаты, а также те немногочисленные православные шляхтичи и мещане, которые сотрудничали с ними. Тогда появилась песня:

*Нема краще як у нас на Украйни
Нема ляха, нема пана, нема жида
Нема ни проклятої унії...*

Преследуемый по пятам, через охваченный восстанием край Вишневецкий все же ушел со своими людьми и беженцами на территорию, контролировавшуюся королевскими войсками. После этого он возглавил группировку тех магнатов и шляхтичей, которые последовательно выступали против любых уступок казакам. За счет их отрядов его войско увеличилось до 10 тысяч.

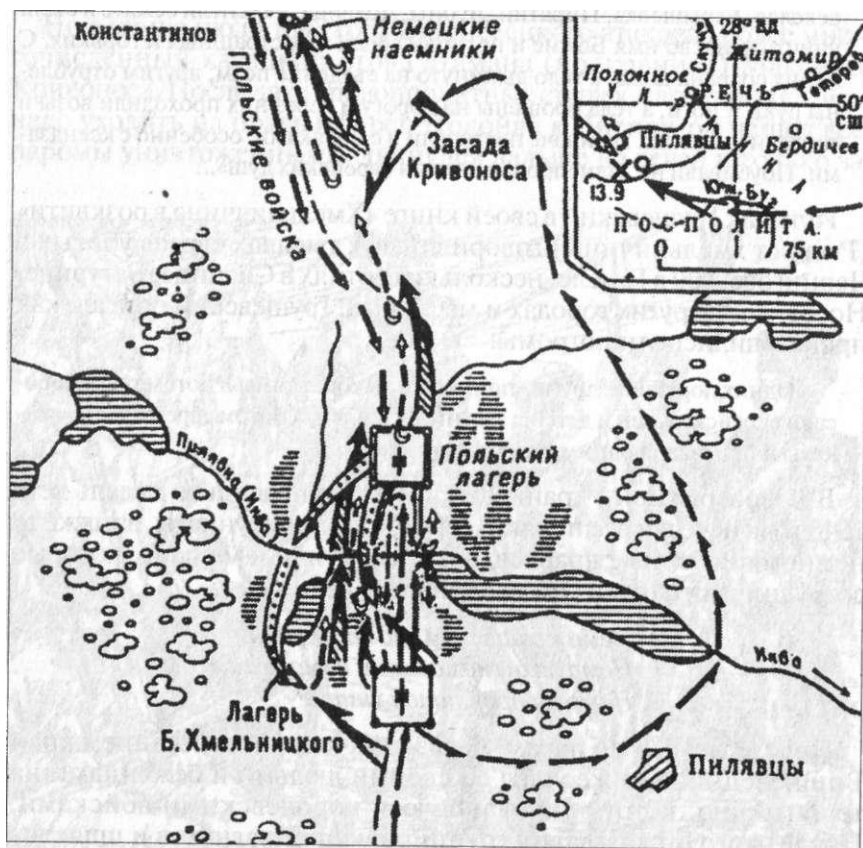
Стороннику переговоров, киевскому каштеляну Адаму Киселю, князь писал:

«Лучше нам умереть, чем видеть, как басурмане /татары/ и чернь будут властвовать над нами».

Пилявцы (21—23 сентября 1648г.)

К сентябрю 1648 года властям Речи Посполитой удалось собрать под Львовом 30-тысячное войско. Оно состояло из шляхетского ополчения, личных отрядов магнатов, регулярных королевских войск и шести тысяч немецких наемников, при 50 или 60 пушках.

Однако все наиболее опытные командиры к тому времени или погибли, или находились в плену (отец и сын Потоцкие, М. Кали-

Битва под Пилявцами

Битва при Пилявцах. Худ. И. Лебедев

новский, Я. Шемберг, П. Сапега, С. Чарнецкий и другие).^{*} Нароль главнокомандующего наилучшим образом подходил князь Иеремия Вишневецкий. Но его возросшая популярность внушала опасения другим магнатам. Поэтому общее руководство войском радные паны поручили сразу трем региментариям (временным командирам): изнеженному Доминику Заславскому, образованному чиновнику Николаю Остророгу и храброму, но неопытному 19-летнему Александру Конецпольскому сыну старого гетмана Станислава Конецпольского.

Узнав об этом, Хмельницкий иронически назвал данную троицу «периной, латиной и детиной». Действительно, худшее решение трудно было придумать. Ведь, как известно, «лучше иметь стадо баранов во главе со львом, чем стаю львов во главе с бараном». Здесь же баранов было сразу три! Достаточно сказать, что самую боеспособную часть войск — шесть тысяч немецких наемников — эти горе-стратеги расположили отдельным лагерем в нескольких верстах от главных сил!

К тому времени армия Хмельницкого возросла до 70 тысяч человек. Хотя на две трети она состояла из вчерашних крестьян, двукратное численное превосходство, а главное — слабое управление и отсутствие единства действий в войсках противника обеспечили победу мятежному гетману.

В районе села Пилявцы (позже село Пилява Хмельницкой области), на границе Волини и Подолии, 21 сентября (И сентября по

^{*} Знатных пленников Хмельницкий отдал татарам, надеявшимся получить за них хороший выкуп.

старому стилю) противники сошлись в битве. В первый день шляхетичам и магнатским отрядам удалось потеснить казаков. На следующий день бой шел с переменным успехом. А вечером к Хмельницкому подошли 4 тысячи татар.

На третий день Хмельницкий ловко использовал метод дезинформации: утром перед началом боя к врагу был отправлен «перебежчик». Он заявил, будто бы вчера к Хмельницкому прибыли 40 тысяч татар во главе с самим ханом Исламом Гиреем II. Командный триумvirат не знал, что делать, атаковать или же срочно занимать круговую оборону. Среди шляхетского ополчения возникла паника, вскоре оно бежало с поля брани, бросив пушки и увлекая за собой часть остальных войск. Только немцы отходили, сохраняя боевой порядок и давая отпор атакам казаков, долгое время преследовавшим их.

Тем не менее, это было поражение. Иеремия Вишневецкий едва не умер от злости и негодования.

Параллельно с военными действиями, как всегда это бывает, шла закулисные переговоры между участниками конфликта и заинтересованными соседями: Хмельницким, властями Речи Посполитой, турками, московским царем и его боярами. Нам нет нужды детально вникать в их хитросплетения. Отметим главное.*

Хмельницкий хорошо понимал, что Украина находится на скрещении интересов трех мощных держав — Речи Посполитой, Московской Руси, Османской империи. Провозгласив независимость, она не сможет ее удержать. Поэтому своей целью гетман ставил широкую автономию в составе одной из этих держав; желательна — в Речи Посполитой, ибо нигде больше служилое сословие не обладало столь широкими правами и свободами. Ради достижения этой цели он вел переговоры одновременно с Краковом, Москвой, Стамбулом, Бахчисараем и даже Стокгольмом, играя на их соперничестве между собой.

Султан всей душой стремился к тому, чтобы Украина стала частью его империи. А вот Москва долгое время осторожничала. У царя Алексея Михайловича, занявшего престол в 1645 году и его думных бояр вольные казаки не вызывали никакого восторга, а широкомасштабный казацко-крестьянский бунт в сопредельных землях просто пугал.

Вот характерный образец переписки Хмельницкого с царем. В апреле 1649 года гетман писал:

«Нас, слуг своих, до милости царского своего величества прими и благослови рати своей наступать на врагов наших, а мы в божий час отсюда на них пойдем. Вашему царскому величеству низко бьем челом: от милости

своей не отдаляй нас, а мы Бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцем был».

Суть замысла Хмельницкого видна из этих строк невооруженным глазом.

Однако царь-батюшка не горел желанием воевать за интересы казаков и холопов..Он ответил, что Деулинского мира нарушить нельзя, «а если королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское/ювободит, то мы тебя и все войско пожалуем, под нашу высокую руку принять велим».

Львов и Замостье

После триумфа под Пилявцами перед Хмельницким открылся путь вглубь Речи Посполитой. Он занял без боя близлежащий городок Константинов, к которому через два дня пришла орда Ислам Гирея. Хан, видя успехи гетмана, решил, что пора бы и ему принять участие в крупномасштабном грабеже.

Соединившись, казацкие отряды и ханское войско 26 сентября (ст. стиля) подошли к Львову. Гетман потребовал сдать город, выдать на расправу всех евреев и заплатить огромную контрибуцию. Однако Львов имел мощные укрепления, в нем находился сильный гарнизон. Подумав, горожане отвергли эти условия. После долгих переговоров они согласились только заплатить выкуп. Чтобы собрать нужную сумму, им пришлось отдать все свои драгоценности.

Хмельницкий удовольствовался этим, не желая тратить время и силы на долгую трудную осаду. Он пошел дальше на северо-запад, к другому городу в Галиции — Замостье. Этот город уступал Львову числом жителей, однако тоже являлся сильной крепостью. Оставлять его непокоренным в своем тылу — в случае продолжения похода — было бы слишком опасно. Два месяца осады не принесли успеха.

Тем временем началась зима, а все ближние и дальние окрестности казаки и татары успели разорить дотла. Возникла нехватка продовольствия и фуража. Хмельницкий понимал, что надо уходить. Но он хотел, что называется, «сохранить лицо». И это ему удалось.

Еще 15 ноября из района Замостья гетман послал письмо сенату Речи Посполитой, в котором заявил, что во всех бедствиях гражданской войны виноваты «злые магнаты» во главе с Иеремией Вишневецким и Станиславом Конецпольским, и потребовал, чтобы сенат официально это признал. При этом Хмельницкий заявил, что воюет только против них, а не против короля или Речи Посполитой. Кроме того, гетман писал, что

Пешие казаки (середина XVII в.)

как шляхтич Речи Посполитой одобряет кандидатуру Яна Казимира, младшего брата Владислава IV, в качестве нового короля.*

В ответном письме сенаторы сообщили об избрании Яна Казимира королем (он правил в 1648—1668 гг.) и о том, что новый король приказал Хмельницкому отступить от Замостья. Тот ответил, что охотно повинется. Изображая бурную радость, гетман велел произвести пушечный салют в честь избранного короля, пил за

его здоровье и говорил посланникам из Кракова:

«Если б вы на конвокации еще короля выбрали, то не было бы ничего, что случилось, а если б выбрали какого-нибудь другого, а не Яна Казимира, то я пошел бы на Краков и дал бы корону кому надобно».

Самому же королю Хмельницкий написал:

«Если ваша милость начнете войну против нас, то мы примем это за знак, что вы не хотите иметь нас своими слугами».

Ян Казимир незамедлительно дал ответ:

«Начиная счастливо наше царствование, по примеру предков наших, пошлем булаву и хоругвь нашему верному Войску Запорожскому, пошлем в ваши руки, как старшего вождя этого войска, и обещаемся возратить давние рыцарские вольности ваши. Что же касается смуты, которая до сих пор продолжалась, то сами видим, что произошла она не от Войска Запорожского, но по причинам, в грамоте вашей /сенату/ означенным».

Ян Казимир пообещал, что Запорожское войско отныне будет подчиняться лично ему, и что он исполнит требование о ликвида-

* Суть дела была в том, что Яна Казимира поддерживала преимущественно польская знать, склонявшаяся к миру с казаками, тогда как украинские магнаты, сторонники продолжения войны, выдвинули другого кандидата.

ции унии в левобережных воеводствах, но потребовал взамен, чтобы Хмельницкий отослал в Крым татар и распустил чернь помам. Пришлось гетману подчиниться. Татары ушли к Перекоп «самозванных» казаков в самом деле «демобилизовали».

ПОРАЖЕНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ • ЛЛЗБОРОВСКИЙ МИР (1649 г.)

От Зймостья Хмельницкий направился к Киеву. В первых числах января 1649 года он торжественно въехал в город. Вокруг него на прекрасных лошадях ехали полковники в богатых одеждах, добытых в разоренных имениях, казаки несли королевскую хоругвь и другие знамена. Вся православная часть жителей горы вышла встречать их.

Духовенство стояло возле церквей в праздничном убранстве. Профессора и школяры Киево-Могилянской академии произносили речи, называя гетмана «Моисеем веры русской», защитнике истинной веры и «новым Маккавеем». Богдан раздавал церкви богатые дары из своей добычи.

Спустя некоторое время Хмельницкий уехал из Киева в Переяслав. Вскоре туда к нему прибыли для переговоров королевские комиссары: бывший киевский каштелян Адам Кисель и еще несколько человек. Гетман выехал навстречу им в окружении полковников, есаулов и сотников, с военной музыкой, с бунчуком и знаменем. При въезде комиссаров в город раздались залпы из двадцати пушек.

На следующий день Кисель торжественно вручил Богдану буллу и королевское знамя. Сознывая свою силу, Богдан Хмельницкий предложил королю и радным панам следующие условия примирения сторон:

«1. Чтоб имени, памяти и следа унии не было; 2. Митрополит киевский... место должен иметь в сенате; 3. Воеводы и каштеляны на Руси /т. е. в Украине/ должны быть православные; 4. Войско Запорожское по всей Украине при своих вольностях давних остается; 5. Гетман казацкий подчиняется прямо королю; 6. Жиды изгоняются из всей Украины; 7. Иеремг Вишневецкий никогда не должен быть гетманом коронным».

Соловьев С.М. Цит. Соч., с. 50

Адам Кисель, прочитав текст, сказал Богдану, что в нем недостает главного пункта: каково будет число казаков, и услышал

* Маккавей — вождь восстания иудеев во 2-м веке до н.э. против власти греческой династии Селевкидов, правившей на Ближнем и Среднем Востоке.

Гетман Богдан Хмельницкий.

Худ. В. Гондиус, 1651г.

наделали дела! А ты, Кисель, кость от костей наших, отщепился от нас и пристаеишь к ляхам!»

Почти одновременно с этим в Кракове вполне трезвый князь Вишневецкий сказал королю:

«Мы и вся Речь Посполитая будем против Войска Запорожского и против своих холопов войну вести и мстить им до кончины своей. Либо казаков истребим, либо они нас истребят. Лучше нам всем помереть, чем видеть такое разоренье, упадок и вечное бесславие!»

***

В конце апреля 1649 года казаки, устав от безделья и пьянства, учинили в Киеве большой погром «латинян». К ним присоединилась местная «чернь» во главе с мещанином Полегеньким. Вот как этот кошмар описал Соловьев:

«На улицах началась потеха: начали разбивать католические монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монахов и ксендзов волочили по улицам, за шляхтою гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватили их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретивши под смертную казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать шляхту в своем доме, и вот испуганные мещане погнали несчастных из домов своих на верную смерть; тела убитых оставались собакам.

ответ: «Зачем писать это в договор? Найдется нас и сто тысяч, будет столько, сколько я скажу».

Естественно, что такие условия магнатов и шляхту не устраивали. Они пылали жадной мести казакам, а главное, хотели любой ценой снова привести «хлопов» к полному повиновению. Но обе стороны нуждались в передышке. Поэтому заключенное в Переяславе соглашение стало не примирением, а лишь видимостью такового. Во время церемонии подписи договора пьяный казацкий полковник крикнул Киселю:

«Король как король, а вы крулевята, князья, проказите много,

Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками и вложили книжки в руки. Три дня гуляли казаки и отправили на тот свет 300 душ: спаслись только те шляхтичи, которые успели скрыться в православных монастырях».

Соловьев С.М. Цит. Соч., с. 551

После учиненной •бойни ни о каком мире не могло быть и речи. Иеремия Вишневецкий уже в середине мая с 10-тысячным шляхетским войском выступил из Галиции в карательный поход. Двигаясь в землях вдоль правого берега Днепра, он вырезал целые деревни и городки, Жители которых поддерживали казаков.

Для борьбы с неистовым князем из Чигирина отправилось войско Хмельницкого. По пути к нему подходили все новые и новые подкрепления. Затем подоспела орда хана Ислам Гирея, в которой на этот раз помимо татар было 2—3 тысячи турок. Вдобавок, пришел отряд донских казаков.

Объединенная казацко-татарская армия (по разным данным, она насчитывала от 30 до 50 тысяч человек) быстрым маршем двинулась навстречу Вишневецкому и осадила его в крепости Збараж. Но Вишневецкий имел достаточно сил и припасов для обороны каменной «фортеции». Он успешно отбивал один штурм за другим.

В июле 1649 года сам король Ян II Казимир с 25-тысячным войском двинулся с Волыни на помощь Вишневецкому. К началу августа он прибыл под Зборов. Узнав об этом, Хмельницкий, оставив пехоту под Збаражем, со своей и татарской конницей отправился к Зборову.

5 августа Хмельницкий и Ислам Гирей внезапно атаковали королевское войско. Битва не дала ни одной из сторон решительного перевеса, но к ночи королевский лагерь был окружен со всех сторон. Тогда канцлер Оссолинский, видя спасение только в расколе противника, посоветовал переманить владетеля Крыма на свою сторону.

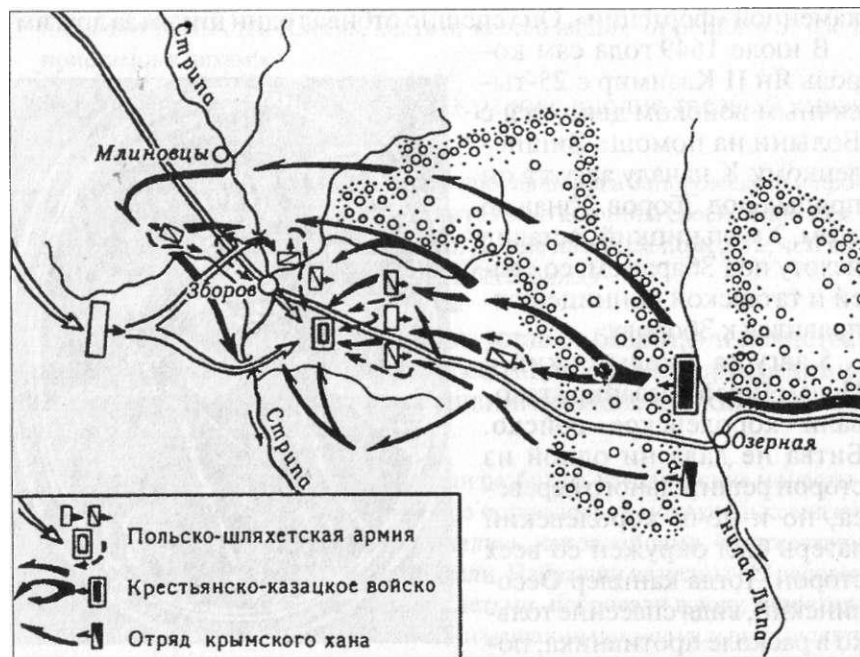
Король Ян II Казимир.

Худ. В. Гондиус

ну. Ян Казимир послал хану письмо, в котором уверял хана в дружеских чувствах, напоминал о том, что его брат, покойный король Владислав IV некогда отпустил Ислам Гирей из плена без всякого выкупа, а также выражал готовность вручить хану энную сумму — в знак своего расположения. Хан воспринял все это должным образом и, в свою очередь, «повлиял» на Хмельницкого. Последний начал переговоры.

9 августа 1649 года представители сторон подписали договор, вошедший в историю под названием «Зборовского мира». По нему Ислам Гирей должен был получить 200 тысяч злотых сразу, а затем ряд лет ежегодно получать 90 тысяч. Хмельницкий же добился следующих условий:

«1) Число Войска Запорожского будет простирается до 40.000 человек, и составление списков поручается гетману; позволяется вписывать в казаки /людей/ как из шляхетских, так и из королевских имений, начавши от Днепра, на правой стороне в Димере, в Горностай-поле, Корыстышове, Паволоче, Погребнице, Прилуке, Виннице, Брацлавле, Ямполье, в Могилеве, до Днестра, а на левой стороне Днепра в Остре, Чернигове, Нежине, Ромнах, даже до московского рубежа.

Битва под Зборовом

2) Чигирин с округом должен всегда находиться во владении гетмана запорожского.

3) Прощение казакам и шляхте, которая соединилась с казаками.

4) В тех местах, где будут жить реестровые казаки, коронные войска не могут занимать квартир.

5) В тех местах, где будут находиться казацкие полки, жида не будут терпимы.

6) Об унии, о церквах и имениях их будет сделано постановление на будущем сейме; король позволяет, чтоб киевский митрополит заседал в сенате.

7) Все должности и чины в воеводствах Киевском, Черниговском и Брацлавском король обещает раздавать только тамошней шляхте греческой веры».

Соловьев С.М. Цит. Соч., с. 552

На следующий день, 10 августа, Богдан Хмельницкий прибыл к королю и, встав перед ним на одно колено, произнес речь, в которой утверждал, что у него и в мыслях не было поднимать оружие против короля, что казаки восстали только против магнатов, которые угнетали их как рабов. Далее Богдан поцеловал королю руку, а литовский подканцлер прочел ему наставление, чтобы он верностью и радением загладил свое преступление. На следующий день войска начали расходиться по домам. При этом татары, используя открывшиеся возможности, грабили всех подряд и увели в Крым массу пленников.

Именно тогда по Украине стало гулять крылатое выражение, придуманное кем-то из пострадавших от татар: «где мне найти пулю на того Хмеля».

ВОЙНА КАЗАКОВ В ЛИТВЕ

(1648-49 гг.)

В то время как Польское королевство вело тяжелую борьбу с казаками Хмельницкого, Великое княжество Литовское сохраняло нейтралитет. Однако Хмельницкий летом 1648 года направил на юг Литвы казацкие отряды Гаркуши, Головацкого, Гладкого, Кривошапки, Голоты, Небабы, Хвесько и других «полковников». Им была поставлена задача: поднять на бунт местные «низы» («гультяев», как их презрительно называли тогдашние хроники), чтобы с их помощью присоединить эту территорию к землям Войска Запорожского.

Одновременно гетман посылал сюда универсалы, содержавшие призывы к православным литвинам братья за оружие, громить

магнатов, шляхту и евреев «до Гомля и за Днепр аж до Борисова и далее, до Быхова, теж Могилева и далее».

Под влиянием гетманской пропаганды и террора прибывших казаков вскоре здесь развернулась настоящая гражданская война между православными — с одной стороны, католиками, униатами и евреями — с другой.

В течение лета — осени 1648 года казаки вместе с примкнувшими к ним повстанцами захватили Гомель, Лоев, Чечерск, Брагин, Пинск, Бобруйск, Жлобин, Мозырь, Брест, Чериков, Могилев, Туров, Речицу ряд других городов и местечек на юге и юго-западе ВКЛ.

Повсюду они грабили и насиловали, жгли и убивали. Например, в Давид-Городокской волости Пинского повета разграбили и сожгли имение князя М.С. Четвертинского, забили до смерти схваченного там урядника К. Дзелечинского. В местечке Струги ограбили дом шляхтича Я. Мокрицкого, изнасиловали всех женщин, а самого шляхтича утопили в реке. В имении Семагоши разграбили и сожгли имение шляхтича Янковского. В Бобруйске казаки и повстанцы перебили всю шляхту, утопили в Березине городского старосту. В Пинске казаки убили не только всех шляхтичей, но также католических священников и монахов, ограбили костёлы и монастыри. Так было повсюду.

Спасаясь от грабежей, насилия и убийств, шляхта, зажиточные горожане и духовенство бежали в глубину страны. Путивльский воевода Плещеев докладывал царю:

«А которые де, государь, литовские города по сю сторону Днепра, и ис тех де, государь, литовских городов из всех паны, и державны, и урядники, и ляхи, и жиды все выбежали з женами и здетьми за Днепр в королевские города, а остались де в тех литовских городах одни мещане пашенные мужики».

Правда, кое-где казаки и бунтовщики все же получили достойный отпор. Так, в августе казаки и повстанцы осадили Слуцк, перешедший от князей Олельковичей к магнатскому роду Радзивиллов. Город имел мощные укрепления (периметр вала 3840 метров, более сотни пушек и гаковниц) и ополчение (4 хоругви), хорошо вооруженное огнестрельным оружием. Поэтому ничего у казаков не вышло.

Казаки, пришедшие из Рославля, безуспешно осаждали Кричев. Их разбили отряды шляхетского ополчения. В том же году «в Менску /Минске/ жолнеры и мещане в осаде от черкас и гультайства сидели». Полковник Филон Гаркуша в декабре не смог взять хорошо укрепленный и вооруженный город Старый Быхов, лишь понес большие потери при штурме.

Власти Литвы, обеспокоенные вторжением казаков и восстанием черни, создали шляхетское ополчение, наняли иностранных солдат. Осенью 1648 года общее командование войсками (12—14 тысяч человек), сейм поручил польному гетману, князю Янушу Радзивиллу*

Первым городом, который освободил от бандитов посланный князем отряд, стал 9—10 октября Пинск. Засевшие в городе казаки полковника Мартына Небабы и повстанцы отвергли предложение о добровольной сдаче.

Тогда войска В-КЛ при поддержке огня восьми орудий пошли на штурм: 120 драгун Гонсевского, 200 шляхтичей-ополченцев Подлевского и две хоругви солдат Ельского одновременно ворвались в город с трех разных сторон. Бой длился сутки, приходилось драться почти за каждый дом, большая часть зданий сгорела. Часть казаков и повстанцев пыталась бежать по реке на стругах, однако перегруженные суда затонули, люди погибли. Другой отряд с боем прорывался из города, но его загнали в болото и перебили до последнего человека.

Всего было убито, казнено, умерло от ран, утонуло в реке более трех тысяч казаков и мятежников.

Вслед за этим отряд шляхты под командованием князя Друцкого-Горского освободил Чериков. В декабре Радзивилл освободил Брест. Захваченных в плен казаков и местных бунтовщиков беспощадно казнили, последних — нередко вместе с семьями, чтобы другим не повадно было. Так, в Чечерске «выбрав 150 человек /казаков/ отсекли правые руки по запястья, а 50 де чело-

* Польный гетман — полковой командующий войсками на фронте.

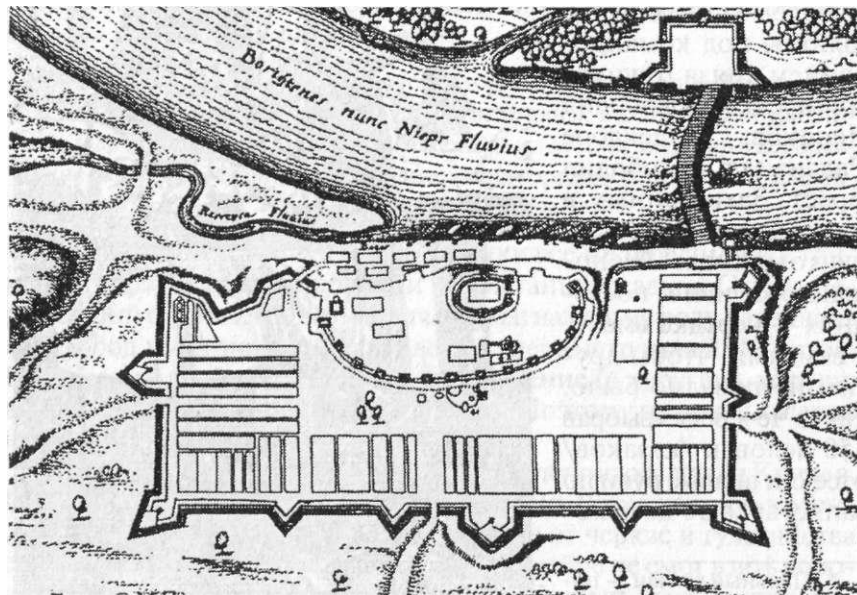
Литовские «гультаи» (1648—1649 гг.)

век на колья посажали, а достольных де казаков и их жон и детей порубили всех».

В начале января 1649 года крупные правительственные силы во главе с Радзивиллом двинулись от Бреста в направлении Туров — Петриков — Мозырь — Бобруйск.

В Мозыре войскам Януша Радзивилла противостояли казаки полковника Михненко и местные «гультяи» во главе с неким Седляром. На предложение сдаться они ответили отказом. Осажденные полили водой склоны городских валов, перегородили улицы срубами, заполненными землей и глыбами льда. Но это им не помогло. После артобстрела 19 января начался штурм с трех сторон (кроме стороны реки). Под прикрытием саней, груженных бревнами, драгуны быстро ворвались в город. К вечеру пал последний оплот «воров» — деревянный замок на Спасской горе (периметр 146 сажень, т.е. 311 м). Уцелевших казаков и «чернь» жолнеры добили на речном льду, уйти удалось буквально единицам. Михненко попал в плен. Он был «с повеления княжеского казнен смертию отсечением головы, которая после взоткнута была на замковой веже /башне/». Седляру удалось бежать.

Следующим стал Бобруйск: в конце января сюда пришел отряд наемников и шляхты (1,5 тысячи человек) под командованием польного писаря Воловича. Три дня мящане вместе с казаками

Лагерь войска Радзивилла под Речицей

успешно отбивали попытки ворваться в город. Затем сюда прибыл от Мозыря сам Радзивилл. Испугавшись неминуемой расправы, несколько местных жителей в ночь на 21 февраля открыли ворота и со своими семьями покинули город. Атаман Поддубский с казаками засел в деревянной башне, долго отбивался, однако его схватили и посадили на кол, казаков перебили. Местные бунтовщики подверглись суровым наказаниям:

«Мещан де всех... мучил из животов и руки отсек у 800 человек, постинал 150 человек, на паля /колья/ повзбиял болыпи 150 человек»...

До конца июня Радзивилл и подчиненные ему командиры шляхетских отрядов очистили от «черкас да гультяев» почти всю территорию по обоим берегам Днепра, Припяти, Друти. В июле польный гетман взял Речицу — небольшой город на высоком правом берегу Днепра при впадении в него малой реки Речица. Там сидели казаки и «чернь» общей численностью около трех тысяч человек. Оттуда Радзивилл двинулся к Лоеву.

Ранее в том же году Хмельницкий направил к этому городу 6-тысячный отряд казаков во главе со Степаном Подобайло (или Падбайло) и Филоном Гаркушей — охранять переправу через Днепр, так называемый «Татарский брод» или «Лоевские ворота». Чтобы войска ВКЛ не смогли использовать Лоев в качестве своего опорного пункта, казаки сожгли его. Сами же они разместились в двух укрепленных лагерях, один на Днепре, другой — на Соже, выше и ниже переправы.

На помощь Гаркуше и Подобайло из района Полесья выступило 12-тысячное войско казаков и «черни» под командованием Михаила Кричевского.* Радзивилл послал навстречу Кричевскому конный отряд С. Коморовского, а сам с остальными силами стал готовиться к переправе через Днепр. Но Кричевский обошел этот авангард Радзивилла и 31 июля (н. ст.) атаковал его главные силы. Битва шла с переменным успехом, затем вернулся Коморовский. Его удар решил исход сражения. Казацко-крестьянское войско потеряло около 8 тысяч чел²век убитыми, примерно 3 тысячи утонули в Днепре.

Остатки казаков и крестьян укрылись в лесу. Там к ним присоединился отряд Подобайло. Ночью они вышли из окружения, од-

* Кричевский был литвинским шляхтичем-католиком. С 1643 полковник реестровых казаков. В 1647 помог Хмельницкому бежать из Крыловской тюрьмы в Сечь. Во время битвы у Желтых Вод крымские татары увезли его в плен. Хмельницкий выкупил его за 12 тысяч злотых. После этого он перешел в православие. Летом 1649 Хмельницкий послал Кричевского в южные районы ВКЛ, поднимать православных крестьян на восстание против католиков, униатов и евреев.

нако Радзивилл настиг их и разбил. Тяжело раненый Кричевский попал в плен, 3 августа (24 июля ст. ст.) он умер. Радзивилл, войска которого понесли значительные потери, вернулся в Речицу. Тем временем Подобайло осадил Чечерск, но безуспешно.

На фоне серии поражений поляков от украинских казаков, победа литвинов под Лоевом вызвала значительный резонанс в Европе. Ей посвятили полотна несколько художников-баталистов.

Летом 1651 года, после короткого Зборовского мира, казаки по приказу Хмельницкого начали новое наступление в южные земли ВКЛ. В конце мая полковник Мартын Небаба отправил из Чернигова к Гомелю отряды «полковников» Забелло, Окши, Литвиненко, Поповича, в общей сложности от 7 до 8 тысяч казаков. Небаба напутствовал их следующим образом:

«Идите, молойцы... и всех мешан-ляхов в Гомеле в пень рубите, ни одного в живых не оставляйте. Город сожгите, а потом в Быхов идите, его берите»...

Но в городе находился гарнизон наемников во главе с шотландским капитаном Монтгомери, собралось ополчение из мешан, поветовой шляхты, их челяди, а также местных евреев.

Уже 3(13) июня казаки прибыли к Гомелю. В течение суток они отрыли шанцы (траншеи), которые подвели почти к самому городскому валу. Одновременно конные казаки своими дозорами перекрыли все дороги вокруг. В ночь на 5 (15) июня казаки пошли на штурм, но были отбиты. Тогда днем они попытались выманить гарнизон из города, разыграв сцену боя якобы с подошедшими на выручку Гомелю войсками. Капитан Монтгомери разгадал этот маневр.

Затем -казаки два дня готовили новый штурм, сооружая для этого гуляй-города. С наступлением темноты они подкатили четыре гуляй-города к Чечерским воротам, а три — к мосту через ров, но под сильным пушечным и мушкетным огнем с замковых укреплений вынуждены были отступить. В течение ночи казаки 15 раз (!) безуспешно ходили на штурм замка. Через два дня (9 июня) они ушли.

Другая часть казаков (2 тысячи) должна была охранять Лоевскую переправу. Сам Небаба с крупным отрядом (4—5 тысяч) находился в деревне Репка, в пяти верстах от Лоева.

Но 6 июля литовский отряд стражника Мирского (2,5 тысячи жолнеров) разбил «сторожу» казаков возле переправы. Узнав об этом, Небаба со своими казаками срочно выступил из Репки к Лоеву намереваясь разгромить Мирского. Однако к Лоеву уже подошло войско гетмана Радзивилла. В окрестностях города состоялась битва, в ходе которой погибли почти все казаки, в том числе и Небаба. В знак уважения к его мужеству Радзивилл приказал похоронить полковника «с честью» и насыпать над могилой высокий курган.

Затем он дал войскам отдохнуть в Речице, а оттуда по правому берегу Днепра пошел к Киеву.

Тем не менее, партизанские действия местных повстанцев и мелких казацких отрядов в юго-восточных районах ВКЛ продолжались до конца осени 1651 года. Так, полковник Подобайло в сентябре разбил между Черниговом и Любечем отряд трокского воеводы Служки. Война постепенно прекратилась лишь в связи с поражением Хмельницкого под Берестечком и заключением Белоцерковского договора. *

БИТВА У БЕРЕСТЕЧКО И БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ МИР (1651 г.)

Зборовский договор в целом устраивал Хмельницкого и казацкую верхушку. Они добились почти всего, чего хотели. Формально оставаясь в составе Речи Посполитой, получили власть над большой территорией и полную свободу действий. У них также появилась возможность присвоить многие владения изгнанных магнатов и шляхты.

Но украинские и польские магнаты, равно как и шляхта, лишившись крестьян и земель, были настроены решительно против договора. К тому же они боялись возвращаться на левый берег Днепра, да и по правому берегу далеко не все посмели вернуться в свои имения. Поэтому, хотя сейм Речи Посполитой в декабре 1649 года утвердил условия Зборовского мира, они восприняли его только как временный перерыв в борьбе с бунтовщиками.

Кстати говоря, и среди казаков нашлись недовольные Зборовским договором. Это были те из них, которые не попали в реестр и должны были вернуться к крестьянскому труду. Они учинили бунт, выбрали своим гетманом запорожца Худолея. Его, вместе с других зачинщиками, быстро поймали и казнили реестровые казаки. Однако бунт Худолея показал Хмельницкому и старшинам, что надо принять меры по расширению своей социальной базы. Говоря проще, численность «вольных казаков» необходимо значительно увеличить.

Существовала еще и третья сторона. Примирение казаков с королем не устраивало ни крымского хана, ни турецкого султана. И хан, и султан, а также примкнувший к ним трансильванский князь Юрий Ракоши (Ракоци) предлагали Хмельницкому совместно идти войной на Речь Посполитую, в первую очередь — на Польское королевство.

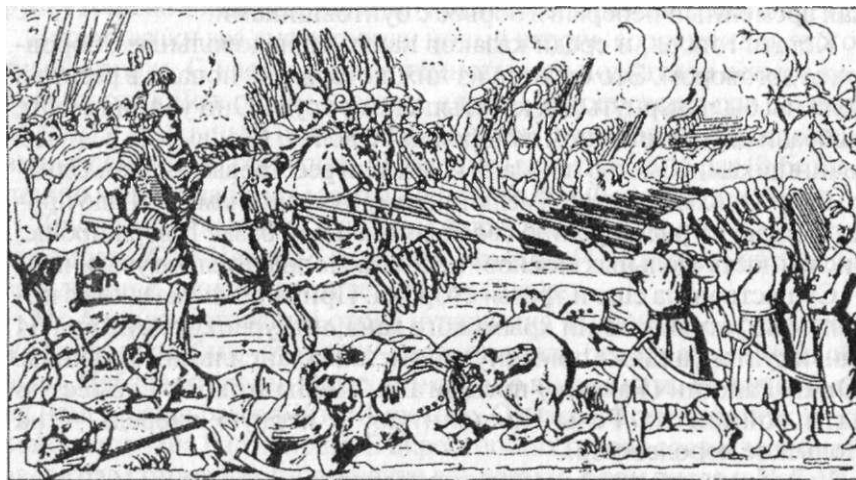
Хмельницкий давал им уклончивые ответы. Но летом 1650 года он без королевского позволения призвал татар и послал их вместе с казаками опустошать Молдавию — союзницу Речи Посполи-

той — только за то, что господарь Василий Лупул не захотел отдать свою дочь в жены его сыну Тимофею. Разрушениями и угрозами Тимофей, возглавивший этот поход, добился от господаря обещания поддержать казаков в случае войны против Польши, но дочь Лупула он так и не получил.

Хмельницкий вел сложную политическую игру. Имея на своей стороне не только крымских татар, но и турок, он решил поднять планку требований к властям Речи Посполитой. В декабре 1650 года в Варшаве был созван очередной сейм. Прибыли туда и послы от Хмельницкого.

Они огласили его новые требования. Первое: чтобы в трех воеводствах (Киевском, Брацлавском и Черниговском) ни один магнат или шляхтич не имел права эксплуатировать крестьян; пусть живет там, если хочет, на равных правах с казаками и во всем повинуется ему, гетману. Второе: уничтожить унию во всех землях Украины и Великого княжества Литовского, православному духовенству предоставить те же права, что католическому и униатскому. Третье: сенаторы должны принести клятву на Библии в знак согласия с этими условиями, а для гарантии дать ему заложниками четырех знатных панов, в том числе князя Иеремию Вишневецкого.

Понятно, что столь наглые требования привели магнатов, шляхту и духовенство в бешенство. Они не стали бы их выполнять даже в том случае, если бы Хмельницкий взял штурмом Краков и Вильно. 24 декабря 1650 года сейм единогласно постановил объявить войну казакам.

Бой войска Речи Посполитой с казаками.
Рельеф в Сен-Жерменском соборе (Париж)

В феврале следующего 1651 года Вишневецкий внезапно напал на отряд полковника Нечая, который стоял в местечке Красном, перебил всех казаков до единого, а также вырезал жителей местечка. Затем он двинулся к Виннице, убивая всех мятежников на своем пути. Но Винницу ему взять не удалось. Тогда Вишневецкий вернулся в свой лагерь в Галиции.

В апреле года король объявил «посполитное рушение», то есть мобилизацию шляхты Польши и Литвы. Легат папы Иннокентия IX привез шляхтичам его благословение и отпущение всех грехов, а королю — мантию и освященный меч. Он провозгласил короля Яна II Казимира защитником католической веры от «схизматиков» (раскольников; так в Риме называли православных). В свою очередь коринфский митрополит Иоасаф тоже вручил Хмельницкому меч, освященный в Палестине на гробе Иисуса Христа, окропил войско святой водой и сам пошел с войском. На помощь казакам прибыл и хан Ислам Гирей со своей ордой.

В конце июня (19-го по старому стилю, 29-го по новому) войско короля Яна II Казимира сошлось возле городка Берестечко на реке Стырь (Волынь) с войсками Хмельницкого и хана Ислам Гирея.

Король привел примерно 20 тысяч шляхтичей (считая вместе с их гайдуками) из Польши и Литвы, а также до 10 тысяч человек наемной немецкой пехоты. У Хмельницкого людей было больше раза в два. Ряд источников утверждает, что казаков — 100 тысяч, та-

Бой войска Речи Посполитой с казаками.
Рельеф в Сен-Жерменском соборе (Париж)

т ^ Ж I
 | д |
 | * " ^ \ Я II
 i II
 # ' *• *'А . *Ч
 " ЩР>?
 Ж I / У¹
 Щ 1
 Щ.

Солдаты королевского войска

ную атаку и нанесла большой урон казакам и татарам. Во время этой атаки погиб брат хана; сам Ислам-Гирей был ранен. Татар охватила паника, они стали покидать поле битвы. Хмельницкий срочно прибыл к хану, чтобы убедить его вернуться, но Ислам-Гирей назвал его изменником, приказал связать и увезти с собой.

Лишившись командующего и союзников, казаки не смогли противостоять королевской армии. Они отступили в укрепленный лагерь. Король отказался вести с ними переговоры, требуя капитуляции с выдачей всех старшин, включая Хмельницкого (он еще не знал о захвате гетмана татарами). Казаки обороняли свои позиции, надеясь организовать планомерное отступление, но вскоре коронное войско взяло лагерь штурмом, выбило оттуда казаков и прижало их к большому топкому болоту в пойме реки Пляшувка.

Несколько дней здесь шли яростные схватки. Описание их в разных источниках не совпадает. Украинские и русские историки XX века утверждают, что казакам под руководством брацлавского полковника Ивана Богуну удалось построить три гати через болото, по которым большинство казаков ушло почти со всей артиллерией (87 орудий из 115) и конницей.

Польские историки пишут, что казаки бросили все пушки и лошадей в лагере. Они окопались возле края болота и двое суток отбивали атаки. Затем, видя безвыходность положения, Богун действительно приказал мостить гати и уходить по ним. Однако Виш-

тар — 50 тысяч. Несомненно, что эти цифры сильно завышены. Вряд ли Хмельницкий имел более 60—65 тысяч^{сяч} воинов: 40—45 тысяч казаков, 20—25 тысяч татар.

Первые два дня боев (19—20 июня ст. стиля; 29—30 июня нового ст.) не принесли успеха ни одной из сторон, хотя войска Хмельницкого несколько раз ходили в атаку.

На третий день битвы (21 июня/1 июля) тяжелая кавалерия князя Иеремии Вишневецкого произвела успеш-

ную атаку и нанесла большой урон казакам и татарам. Неудивительно, что эти цифры сильно завышены. Вряд ли Хмельницкий имел более 60—65 тысяч^{сяч} воинов: 40—45 тысяч казаков, 20—25 тысяч татар.

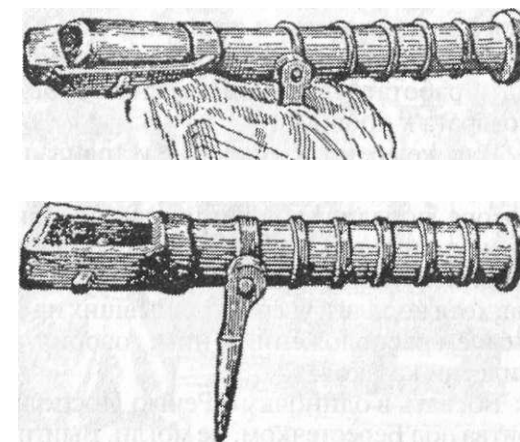
Через несколько дней после этого сражения умер в результате сердечного приступа ненавистный казакам князь Иеремия Вишневецкий. Похоронив «Ярему», король с польской шляхтой и немецкой пехотой двинулся к Каменцу.

Радзивилл 25 июля (ст. стиля) взял Киев после непродолжительного сопротивления деморализованных казаков и мещанского ополчения. При этом, в ходе артиллерийского обстрела и уличных столкновений возник пожар, от которого выгорела значительная часть города. Части казаков и городской черни удалось на лодках и плотах уплыть вниз по Днепру. В порядке отмщения за апрельский погром 1649 года, воины Радзивилла в течение десяти дней искали и убивали его активных участников, а также всех тех, кто посмел выражать недовольство. Но, вопреки утверждениям ряда русских историков, православные церкви и Печерский монастырь они не тронули. Более того, киевский митрополит Косов встретил Радзивилла приветственной речью.

После победы под Берестечком король, а затем и сейм официально отменили Зборовский договор.

Тем временем хан в августе отпустил Хмельницкого домой. Гетман сразу начал действовать. На рассвете 5 сентября казаки под его командованием внезапно атаковали отряд литвинского князя Четвертинского, устроивший бивак в поле у города Хвостова. Застигнутые врасплох, литвины были разбиты. Узнав об этом, гетман Радзивилл увел свое войско из Киева в Литву. По пути казаки несколько раз атаковали его, но без особых успехов.

Хмельницкий еще в августе, как только вернулся в Чигорин, снова отправил порланцев, а царю Алексею Михай-

Казацкие пушки

ловичу с просьбой принять запорожских казаков в его подданство. Но Москва опять дала уклончивый ответ. Что касается хана Ислам Гирея, то после поражения под Берестечком он более не желал воевать с Речью Посполитой. Но и Речь Посполитая не имела сил и средств для крупномасштабной длительной войны с казаками.

Однако два крупных поражения подряд (Лоев и Берестечко), утрата Киева и почти всех земель по правому берегу Днепра, все это стало тяжелым ударом для Хмельницкого и его ближайшего окружения. В результате стороны пошли навстречу друг другу и 18 (28) сентября 1651 года в городе Белая Церковь гетманы Богдан Хмельницкий и Николай Потоцкий подписали новый договор. Вот его положения:

«1) Войска Запорожского будет только двадцать тысяч; оно должно находиться в одних только имениях королевских и в воеводстве Киевском, не касаясь воеводств Брацлавского и Черниговского.

2) Коронное войско не должно стоять в воеводстве Киевском в тех местечках, где будут реестровые казаки.

3) Обыватели воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сами лично и через своих урядников вступают во владение своими имениями и пользуются всеми доходами и судопроизводством.

4) Чигирин остается при гетмане, который должен состоять под властью гетмана коронного.

5) Жиды должны быть обывателями и арендаторами только в имениях королевских и шляхетских.

6) Гетман запорожский должен отпустить орду и вперед не вступать ни в какие сношения с нею и вообще с иностранными государствами».

Соловьев С. М. Цит. Соч., с. 577

Таким образом, Белоцерковский мир был куда менее выгоден для Хмельницкого и старшин, чем Зборовский. А примерно 50 тысячам крестьян, возомнившим себя казаками, опять надо было идти работать на панов и арендаторов. Но никто из них не хотел возврата к прошлому.

В то же время магнатов не устраивали и такие условия. На сейме, собравшемся в Варшаве для утверждения белоцерковского договора, победила коалиция «непримиримых». Сначала они требовали уменьшить реестр с 20 до прежних 6 тысяч, затем вообще отказались утвердить договор. Стало ясно, что неизбежна новая война, хотя король и уверял прибывших на сейм послов Хмельницкого в своем расположении к ним, говорил, что желает сохранить привилегии казаков.

Воевать в одиночку с Речью Посполитой казаки, как показала битва под Берестечком, не могли. Выигрывая отдельные сражения, они непременно проиграли бы войну в целом. Создание же казац-

кого государства в Украине XVII века было физически невозможно. Это признает даже столь убежденный украинский националист, как Орест Субтельный:

«Как показали непрерывные войны, казаки могли успешно сражаться с поляками, нанося им тяжкие поражения, но не могли раз и навсегда отстоять Украину от притязаний шляхты. Для обеспечения сколько-нибудь длительной победы над поляками Хмельницкий нуждался в постоянной и надежной поддержке •могущественной внешней силы. А для того чтобы получить такую поддержку извне, в то время требовалось лишь одно: признать себя вассалом того правителя, который эту поддержку оказывал».*

Субтельный О. «Украина. История», с. 172—173

Между тем Москва по-прежнему не желала заключать «лыцарей» в свои объятия. В сложившейся ситуации Хмельницкий сделал хороший ход: он отправил послов в Стамбул. В том же 1651 году великий визирь Высокой Порты (Турции) от имени 9-летнего султана Махмеда IV (правил в 1648—1687 гг.) признал Запорожское Войско своим вассалом и пожаловал ему статус автономии, аналогичный статусу Крыма и Валахии. Правда, с границами нового государственного образования дело было не вполне ясно.

Православные жители Украины не пришли в восторг, узнав, что отныне все они — подданные басурманского государя, но особо-

Казацкая старшина

го значения это не имело, так как турки на подвластных им территориях проводили политику веротерпимости, которой могли бы поучиться и поляки, и москвиты. Гораздо серьезнее было другое: запорожские казаки лишились своего основного промысла — возможности грабить татар, турок и прочих «нехристей». Пришлось им переключиться на Молдавию. Тимофей Хмельницкий в 1652 году, а также весной и летом 1653 года возглавил новые походы казаков и крымских татар к Днестру (там он и погиб в третьем походе, когда валашские, венгерские и польские войска осадили его в городе Сучава).

В то же самое время отец Тимофея снова начал войну против короля. В июне 1652 года он разбил 20-тысячное войско Речи Посполитой в районе урочища Батог.*

Батог и Жванец (1652—1653 гг.)

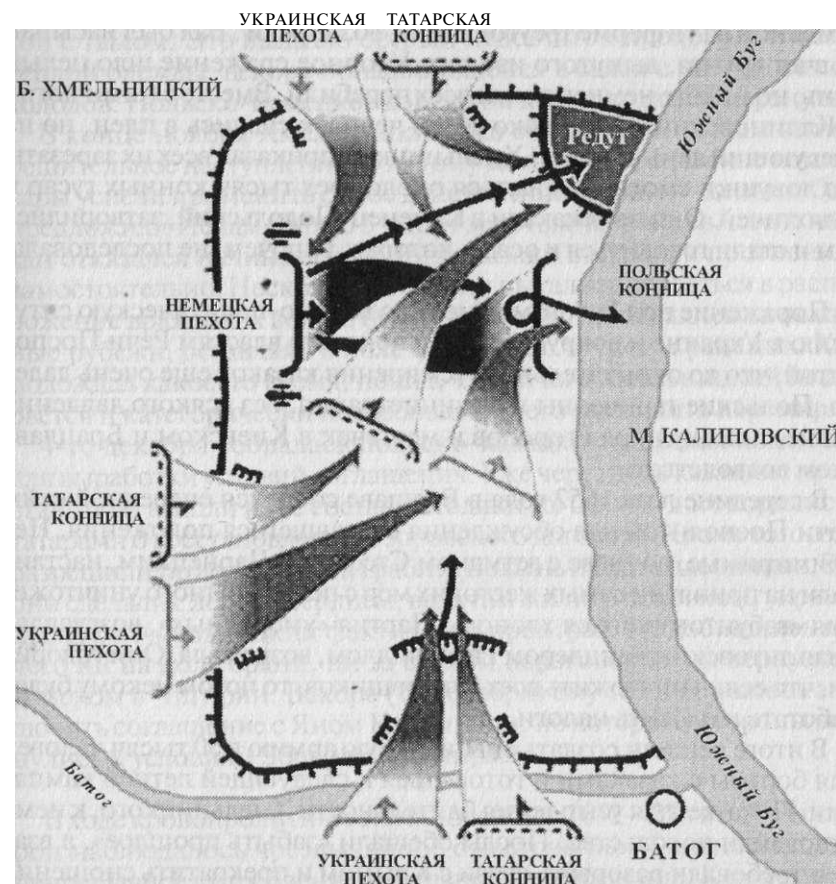
Дело было так. Пять тысяч казаков под предводительством Тимофея Хмельницкого шли грабить Молдавию. Между тем, согласно имевшемуся соглашению, король Ян Казимир должен был помогать молдавскому господарю Лупулу отбиваться от этих бандитов.

В Каменце-Подольском находился польный гетман Мартын Калиновский, располагавший 15-тысячным войском (8 тысяч немецких наемников-пехотинцев и 7 тысяч конных гусар). Вскоре к нему присоединилось «посполитое рушение» Львовского воеводства (до 5 тысяч шляхтичей и прикарпатских бояр вместе со своими гайдуками). Калиновский решил, что с такими силами сможет легко уничтожить толпу «охотников за зипунами». Увы, он недооценил боевые возможности противника, не говоря уже о стратегическом замысле хитроумного казацкого гетмана.

В середине мая (по новому стилю — 30 числа) 1652 года авангард Калыновского преградил путь войску Тимофея Хмельницкого возле Батога. Вскоре на отряд гетманского сына обрушилось все польско-немецко-галицкое войско. Казаки, как всегда в таких случаях, немедленно создали полевой лагерь (табор) из сцегшенных повозок и, несмотря на свою малочисленность, успешно отражали натиск.

Через два дня (1 июня н. ст., 22 мая ст. стилия) на выручку Тимофею пришел отец. Он привел Чигиринский, Черкасский, Переяславский и Корсунский полки (8 тысяч сабель). Кроме того, вместе с ним прибыл его старый друг, хан Ислам Гирей II, у которого было до 14 тысяч всадников, не только крымчаки, но и ногайцы.

Гусарско-шляхетская конница устремилась в атаку на казаков Богдана и татар Ислама. В это же время часть немецкой и галицкой пехоты «держала» Тимофея в таборе, а другая часть спешно

Сражение у Батога

строила укрепленный полевой лагерь. В ходе встречного боя двух кавалерийских масс ни одна из сторон не добила ощутимого перевеса. Тем не менее, Калиновский принял решение отступить в свой вагенбург. Это стало его роковой ошибкой. 13 тысяч казаков отца и сына Хмельницких, а также 14 тысяч татар Ислам-Гирея к вечеру окружили польский лагерь со всех сторон. Теперь у них было и численное, и тактическое преимущество.

Утром 2 июня казаки и татары атаковали польский лагерь в пешем строю. После яростной рукопашной схватки они прорвали внешнюю лийю обороны (сцепленные повозки) и углубились внутрь лагеря. Гетман Калиновский с пехотинцами-ландскнехта-

* Неподалеку от села Четвертиновка в нынешней Винницкой области.

ми занял оборону в «редутной» части вагенбурга, представлявшей земляной вал в форме треугольника, возле реки. Вал был насыпан за счет грунта, вынутого из рва. Упорное сражение шло целый день, но в итоге немцев почти всех перебили. Вместе с ними погиб и Калиновский. Несколько сотен человек сдались в плен, но на следующий день (3 июня) Хмельницкий приказал всех их зарезать. Из ловушки смогли вырваться около трех тысяч конных гусар и шляхтичей. Они прискакали в Каменец-Подольский, затворились там и стали готовиться к осаде, которая, впрочем, не последовала.

* * *

Поражение под Батогом изменило военно-политическую ситуацию в Украине и вокруг нее. Оно показало властям Речи Посполитой, что до окончательного усмирения казаков еще очень далеко. Польские гарнизоны и администрация, без всякого давления извне, покинули ряд городов и местечек в Киевском и Брацлавском воеводствах.

В середине лета 1652 года в Варшаве собрался очередной сейм Речи Посполитой для обсуждения создавшегося положения. Непримиримые, во главе с гетманом Стефаном Чарнецким, настаивали на принятии самых жестоких мер с целью полного уничтожения «взбунтовавшихся хлопов». Партия «умеренных», возглавляемая литовским канцлером Радзивиллом, возражала. Они говорили, что если уничтожить всех бунтовщиков, то потом некому будет работать и платить налоги.

В итоге решили создать специальную армию в 50 тысяч человек для борьбы с казаками и готовиться к следующей летней кампании. Пока же, для усиления бдительности Хмельницкого, к нему отправили посольство. Послы обещали «забыть прошлое», а взамен требовали разорвать связи с Крымом и прекратить сношения с Москвой. Для урегулирования всех спорных вопросов послы предложили создать смешанную комиссию, которая бы выработала условия окончательного прекращения борьбы.

* * *

Почти год прошел в переговорах и в подготовке обеих сторон к войне, без сколько-нибудь крупных столкновений. Наконец, в октябре 1653 года снова встретились крупные польские и казацко-татарские силы. Произошло это под Жванцем около Хотина, где в большом полевом лагере сосредоточилась польская армия численностью от 30 до 40 тысяч человек, из которых до половины составляли немецкие наемники. Кроме того, на противоположной стороне Днестра стояли 3—5 тысяч валахов, союзных Яну Казимиру.

Неприятельские войска заняли выгодные позиции и хорошо их укрепили, поэтому Хмельницкий атаковать не решился, а прибег к блокаде коммуниаций. Татарские и казацкие конные отряды (за-

гоны) перерезали все дороги, связывавшие армию Речи Посполитой с тылом. Это вызвало острый недостаток продовольствия и теплой одежды, вскоре понадобившейся в связи с наступлением холодов. Польско-немецкое войско начало голодать и мерзнуть.

В конце ноября Хмельницкий уже считал возможным идти в решительное наступление, но к тому моменту королевские комиссары успели применить самой действенной оружие — деньги. Они предложили Ислам-Гирею 5 тысяч золотых червонцев, после чего хан отказался начинать бой. Тогда казаки атаковали противника самостоятельно. Несколько дней они пытались ворваться в расположение вражеских войск, но раз за разом откатывались на исходные рубежи, оставляя в поле множество трупов и раненых. Хан подождал какое-то время, понял, что ничего Хмельницкий не добьется и категорически потребовал от него заключить перемирие.

4-го декабря собралась польско-казацко-татарская комиссия для выработки условий соглашения. Уже через день казацкие представители вышли из ее состава. Поляки же быстро договорились с татарами о восстановлении Зборовского договора. Кроме того, они разрешили татарам 40 дней грабить Волынь и брать пленников. Это они сделали с легким сердцем, ведь там жили, в основном, украинцы. Ну, а Хмельницкий фактически проиграл. Не добившись ничего ни на поле брани, ни за столом переговоров, он вернулся с войском в Чигирин. Вскоре (16 декабря) ему тоже пришлось заключить соглашение с Яном Казимиром, по которому стороны вернулись к условиям Зборовского мира.

*

В ходе кровопролитных столкновений в 1652—53 гг. с обеих сторон наблюдалось чрезвычайное ожесточение. Фактически шло непрерывное истребление гражданского населения. К концу войны Украина оказалась совершенно разорена, население сильно сократилось. Достаточно сказать, что за пять лет «хмельничины» казаки и гайдамаки уничтожили более 30 тысяч одних только евреев. Шляхты, духовенства и мещан (горожан) в сражениях и погромах погибло не меньше. Крестьян ежегодно противники отправляли на тот свет десятками тысяч.

Например, в городе Владимире-Волынском к 1654 году из 927 домов осталось 15; в Киеве с пригородами из 4731 дома к 1653 году осталось 540 домов; в Луцке уцелело 14 домов; целый ряд сел был уничтожен совершенно. Однако, пусть методом кровавой бойни, война решила часть проблем. Людей опять стало мало, а пустующих земель — много. Православная церковь полностью восторжествовала в левобережной Украине; евреи, униаты и католики исчезли там на два столетия, на правом берегу — изрядно сократились числом.

ВОЙНА МОСКВЫ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ в 1654—1656 гг.

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА (1654 г.)

8 этот момент в украинские дела решила, наконец, вмешаться Москва. Осенью 1653 года в Москве был созван Земской собор. В ответ на прежние и новые обращения гетмана, Собор постановил принять «Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и землями их» под «высокую царскую руку». Царь Алексей Михайлович при закрытии заседания 1 октября заявил, что он будет воевать с королем Речи Посполитой, если тот станет удерживать казаков силой.

9 октября из Москвы к казакам отправилось великое посольство: бояре Василий Бутурлин и Артамон Матвеев, окольный Иван Алферов, думный дьяк Ларион Лопухин. При них были стольники, дворяне, стряпчие, толмачи и охрана — двести стрельцов.

31 декабря посольство прибыло в Переяслав. Незадолго до этого Хмельницкий разослал во все казацкие полки универсал с указанием прибыть на великую раду представителям казачества, мещан (горожан), духовенства и православной шляхты. Выборные от них должны были приехать в начале января 1654 года.

Вечером 7 января Хмельницкий тайно встретился с Бутурлиным и обсудил с ним условия договора. Утром 8 января (18 нового стиля) он провел совещание с казацкими старшинами, на котором сообщил о своем решении пойти в подчинение царю. Хотя далеко не все одобряли этот шаг, опасаясь потерять свои кровью добытые привилегии, никто открыто не выступил против.

После этого собрались на майдане несколько сотен человек, стали кругом. В середину вышел Хмельницкий, вместе с ним судьи, полковники, есаулы и писарь. Гетман произнес речь:

«Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как Бог освободил нас из рук

врагов, гонящих церковь Божию и озлобляющих все христианство наше-го восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя.

Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный великой Руси государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим. Тут которого хотите выбирайте!»

При такой постановке вопроса ответ на него был предreshен. Толпа закричала:

«Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!»

Затем Бутурлин, Хмельницкий и вся казацкая старшина проследовали в городскую церковь, чтобы скрепить это решение своей присягой. Тут не обошлось без конфликта. Привыкший к шляхетским вольностям Хмельницкий подошел к Бутурлину и сказал:

«Тебе бы, боярину Василью Васильевичу с товарищами, присягнуть за государя, чтоб ему нас польскому королю не выдавать, за нас стоять и вольностей не нарушать: кто был шляхтич или казак, или мещанин, и какие маестности у себя имел, тому бы всему быть по-прежнему и пожаловал бы великий государь, велел дать нам грамоты на наши маестности».

Но Бутурлин, шокированный тем, что гетман считает себя не холопом, а партнером самого царя-батюшки, решительно отказался обещать, а уж тем более присягать от имени государя. В его го-лове такое святотатство просто не укладывалось. Бутурлин ответил

«За великого государя присягать никогда не бывало и вперед не будет тебе, гетману, и говорить об этом непристойно, потому что всякий подданный повинен присягнуть своему государю, и вы бы, как начали великом; государю служить и о чем били челом, так бы и совершили и присягнули) бы великому государю по евангельской заповеди без всякого сомнения, великий государь вольностей у вас не отнимает и маестностями каждым велит владеть по-прежнему».

"Хмельницкий в гневе покинул церковь и отправился советовать ся со старшинами. Те сильно возмущались, но понимали, что

данный момент союз с Москвой им нужен больше, чем Москве — с ними. Пришлось гетману, полковникам и прочим начальникам вернуться в церковь и присягнуть. После этого Бутурлин вручил Хмельницкому присланные царем знаки гетманской власти — знамя, бунчук, соболью шапку и шубу. На следующий день присягали сотники, есаулы, простые казаки, мешане.

В феврале Бутурлин вернулся в Москву, куда вскоре приехали и послы от казаков. Царь подтвердил им привилегии Войска Запорожского и утвердил статьи, представленные Хмельницким. Было установлено, что казачий реестр в московской службе составит 60 тысяч человек; после смерти Хмельницкого казаки будут иметь

право свободно избрать его преемника. Самому Хмельницкому царь пожаловал город Гадяч с окрестными волостями и имениями, которые должны были затем переходить к его преемникам на посту гетмана.

Таким образом, почти все предложения Хмельницкого были приняты. Но гетману не удалось добиться согласия царя сохранить за ним право на самостоятельные дипломатические отношения; ему не запрещалось принимать послов «в добрых делах», при условии немедленного информирования Москвы об этих посольствах, но с турецким султаном, крымским ханом и королем Речи Посполитой самовольно вести переговоры было категорически запрещено. Кроме того, было сказано, что налоги будут впредь собирать московские дьяки, а в ряде городов разместятся московские гарнизоны во главе с воеводами.

Между тем, казаки поднялись на восстание под лозунгом уравнивания в правах со

шляхтой Речи Посполитой. Вдобавок, казачья старшина стремилась к государственной автономии. Теперь же они "превратились в подданных самодержавного монарха. Правда, в условиях тогдашней нестабильности московское правительство не стало сразу покушаться на привилегии казачества и лишь постепенно усиливало власть своих воевод в Украине.

Позже условия Переяславского договора стали предметом спора между историками. Само по себе содержание их любопытно, но основной темы наглей книги касается только косвенно. Разнобой мнений во многом вызван тем, что оригинальные документы давно утеряны, сохранились лишь неточные копии и переводы. Все же специально подчеркну, что в текстах всех сохранившихся документов ни разу не встречаются термины «Украина» или «Малороссия». Речь везде идет лишь о том, что гетман Войска Запорожского просит царя принять его и казачье войско под свое покровительство. Так, в постановлении Земского собора сказано:

«А о гетмане о Богдане Хмельницком и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку».

«Под стягом России: Сборник архивных документов». М., 1992, с. 44

В другом документе говорится:

«Мы, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское за милость неизреченную вашему царскому величеству паки и паки до лица земли низко челом бьем».

Там же, с. 47

Следовательно, в январе 1654 года речь шла вовсе не об Украине (Малороссии) в целом, и даже не о воеводствах Киевском или Брацлавском. Фигурировали только гетман и Войско Запорожское, а также подконтрольные им области! Сами же запорожские казаки присягу Алексею Михайловичу не давали («крест его царскому величеству не целовали»).

Подтверждением тому, что Переяславская рада не решала вопрос о «соединении Украины с Россией» — несмотря на все заявления об этом «ангажированных» историков — может служить позиция Турции.

Напомним, что по договору 1651 года Хмельницкий от имени Войска Запорожского признал себя и все казачье войско вассалами султана. Исходя из этого факта, власти в Стамбуле в течение 30 лет считали левобережную Украину, а также Киев и некоторые рай-

Казачий полковник

оны по правому берегу Днепра, частью Османской империи. Более того, возмущенный тем, что московские воеводы и дьяки хозяйничают в его землях, султан Махмед IV начал в 1676 году войну с Москвой за Украину. Он жаждал восстановить поправленную справедливость.

Однако так называемые Чигиринские походы турецких войск в 1677—78 годах завершились поражением турок. Пришлось султану заключить в 1681 году Бахчисарайский договор, по которому он отказался в пользу Москвы от спорных земель.

ВТОРЖЕНИЕ МОСКВЫ В РЕЧЬ ПОСПОЛИТУЮ (1654 г.)

Подготовка к войне

Заключая союз с Хмельницким, царь и бояре понимали, что это неминуемо приведет к вооруженному конфликту с Речью Посполитой. Но казацкая война показала слабость Республики Обоих Народов и потому в Москве решили: пора! Царь Алексей мечтал присоединить не только левобережную Украину и Киев, но и все те земли Великого княжества Литовского, которые завоевывали в XV-XVI веках московские государи Иван III, Василий III, Иван IV.

Подготовку к войне он начал еще летом 1653 года. В конце июня царь устроил смотр своим войскам на Девичьем поле. Тогда же думный дьяк зачитал его обращение к ратникам и воеводам с призывом готовиться к военным действиям. Наконец, 23 октября 1653 года Алексей Михайлович торжественно объявил в Успенском соборе Кремля о своем желании начать войну:

«Мы, великий государь, положи упование на Бога, приговорили и изволили идти на недруга своего, польского Короля».

Эти факты убедительно доказывают, что дело было вовсе не в «защите» Украины или «освобождении» Беларуси, как о том всегда твердили и монархические, и коммунистические авторы.

Тем же октябрем царь отправил в Голландию подьячего Головина, который купил там 20 тысяч мушкетов, 30 тысяч пудов пороха, несколько осадных орудий, много свинца, и, кроме того привез два десятка голландских наемников-инструкторов. В Швеции удалось купить еще 20 тысяч мушкетов, несколько тысяч замков для карабинов и пистолетов, комплекты лат.

Правительство снаряжало три армии. Одна из них формировалась в Новгороде и Пскове и насчитывала, по разным источникам,

от 15 до 25 тысяч человек. Ею командовали бояре Василий Петрович Шереметев и Афанасий Ордин-Нашекин. Этой группе войск предписывалось наступать на Невель — Витебск — Полоцк.

Центральная группировка (около 42 тысяч человек) формировалась в Москве, ее возглавляли князья Яков Черкасский, Никита Одоевский, Михаил Тёмкин-Ростовский, а общее руководство осуществлял сам царь.* Ее главной целью был захват Смоленска.

Базой формирования третьей группы войск (18 тысяч человек) стал Брянск. Здесь командовал князь Алексей Никитич Трубецкой, которому подчинялись воеводы Долгорукий, Куракин и Пожарский. Она должна была нанести удар в направлении Рославль — Мстиславль — Борисов.

Таки образом, армия вторжения насчитывала в общей сложности 80—85 тысяч человек, а вместе с казаками Хмельницкого — до 100 тысяч. Районом действий украинских казаков был определен бассейн Сожа и Днепра, в направлении Гомель — Пропойск — Старый Быхов — Могилев.

С учетом густой сети рек в местах будущих сражений, московские власти заранее позаботились о строительстве речных судов (байдар, челнов и стругов) в Брянске. Они предназначались для доставки войск, вооружения и продовольствия.

В Вильно и Кракове знали обо всем этом. Уже осенью 1653 года в приграничных поветах шляхта на своих сеймиках рассмотрела вопросы организации обороны. Решили, что в случае объявления «посполитого рушения» от каждой трех служб (хозяйств) будет выставлен один пехотинец, вооруженный мушкетом либо рушницей (аркебузой), с запасом олова, пороха и провианта на 4 недели.

* Черкаский Яков Куденетович (умер в 1666) — выходец из Кабарды, его мусульманское имя Урускан-мурза. Приехал в Москву и крестился в 1624. С 1625 стольник, с 1645 боярин. В 1649—1650 возглавлял Стрелецкий приказ.

Царь Алексей Михайлович

При этом ополченцы приграничных поветов должны были действовать вместе с отрядами шляхты, а также вооруженных горожан, в составе своих территориальных формирований.

С опозданием, но все же начался ремонт укреплений в ряде приграничных замков и крепостей, была увеличена численность гарнизонов. Для финансирования подготовки к войне приграничных городов, сейм Речи Посполитой весной 1654 года освободил их на 4 года от уплаты налогов.

16 февраля 1654 года канцлер ВКЛ Альбрехт Станислав Радзивилл издал универсал, согласно которому все наемные войска и хоругви «посполитого рушения» (кроме ополченцев приграничных поветов) должны были собраться летом в полевом лагере под Оршей.

Однако эти и другие меры, как вскоре выяснилось, оказались совершенно недостаточными для отражения массированной агрессии. Главное, в казне княжества не было денег, чтобы нанять больше самых боеспособных войск — немецкой и венгерской пехоты. Да и «посполитое рушение» собиралось в Орше очень медленно. К началу военных действий общая численность вооруженных сил Литвы, включая гарнизоны всех замков и городов, составила примерно 20 тысяч человек — в пять раз меньше сил московского царя и казаков!

Между тем, уже 27 февраля 1654 года из Москвы в сторону Смоленска отправился по зимнему пути «наряд» (осадная артиллерия) под командованием боярина Долматова-Карпова. Канцлер А.С. Радзивилл 1 апреля получил в Вильно письмо от смоленского воеводы Филипа Казимира Обуховича с сообщением о том, что его люди своими глазами видели то, как из Москвы тянут к Вязьме «гарматы велизарной ваги» /пушки огромной тяжести/.

Через два месяца, 26 апреля ушел к Брянску князь А. Н. Трубецкой с частью войск.

Походный порядок МОСКОВСКОГО войска

Можайский кремль

Главные силы начали движение от Москвы к литовской границе 15 мая 1654 г. В первый день выступил Передовой полк воевод Никиты Одоевского, Федора Хворостина и Дмитрия Львова; 16 мая — Ертаульный полк Василия Шереметева и Тимофея Щербатова; 17 мая — Большой полк Якова Черкасского и Сторожевой Михаила Тёмкина-Ростовского. 18 мая с арьергардом (Государев полк, два стрелецких полка) выехал сам царь со своей свитой и думными боярами.

В Москве все эти дни звонили колокола. Вдоль улиц стояло духовенство и кропило ратников освященной водой. На десятки верст по Смоленской дороге растянулась вереница конных и пеших войск, повозок с амуницией и продовольствием, упряжек с пушками.

Царь спешил. 26 мая, по прибытии в Можайск, Алексей Михайлович написал жене и сестрам:

«Из Можайска пойдем 28 числа, а спешу, государыни мои, для того, что, сказывают людей в Смоленске и около Смоленска нет никого, чтоб поскорее его захватить».

Царь и бояре надеялись, что православная часть населения ВКЛ не только не станет воевать за короля Яна II Казимира, но и подержит московитов с оружием в руках (католики, униаты, евреи и татары в расчет не принимались). В своих грамотах, засылавшихся в Литву с «верными людьми», царь призывал:

«Прежде нашего царского пришествия разделение с поляками сотворите, как верою, так и чином... и каждый против супостат Божиих да вооружается. Которые добровольно прежде нашего государского пришествия известны и верным нам учинятся, о тех мы в войска заказ учинили крепкий, да сохранены будут их дома и достояние от воинского разорения».

И действительно, значительная часть православного населения приграничных поветов поначалу приветствовала московитов, особенно крестьяне. Подобно новгородской «черни» при Иване III,

они наивно полагали, что православный московский царь избавит их от необходимости работать на панов и шляхту. Им даже в голову не приходило, что уже существует письменный план «роздачи» крестьян, мещан и ремесленников московским боярам, дворянам и монастырям для превращения в крепостных и дворовых.*

Кампания в Литве в 1654 году

Сторожевой полк 1 июня подошел к крепости Белая, которая сдалась без сопротивления.

Едва отряд вяземских «охочих людей» показался перед Дорогобужем, как маленький литовский гарнизон ушел оттуда в Смоленск, а посадские люди 3 июня сдали город без боя.

11 июня воеводе В.П. Шереметеву сдался Невель, даже не пытаясь обороняться.

В середине июня главные силы московитов вышли из Дорогобужа к Смоленску, до которого осталось 70 верст. Только тогда на Варшавском сейме виленский воевода Януш Радзивилл 18 июня был назначен великим гетманом Литвы. Прямо с сейма он поехал к Орше, где собирались войска в соответствии с универсалом от 16 февраля.

К 1-му июля в его войске состояло 11.261 человек, но боеспособность многих из них оставляла желать лучшего. Так, 20 июля Радзивилл отправил из Оршанского лагеря письмо королю, в котором сообщал, что у него лишь 4 тысячи жолнеров, остальные — несколько тысяч ополченцев и шляхты в поветовых хоругвях — мало на что способны. К тому же «раненых или порезанных людей и коней очень много и редко кто из них не шатается». Полевых пушек мало, не хватает пороха, ядер и пыжей. Гетман грустно иронизировал:

«Что тут делать? Четыре тысячи на куски рвать да идти на помощь? Или Литву защищать?... Только на Господа Бога надеемся, пусть он нас спасает».

Все же гетман пытался, как мог, оказывать сопротивление. В том же письме он сообщил, что поручик Липницкий с четырьмя ротами пехоты на днях разбил два отряда московских ратников численностью в 600 человек и в 300, после чего отступил с минимальными потерями:

«Наши навалили множество трупов, захватили 5 знамен и, повоевав с неприятелем более трех часов, наконец отступили. Неприятель не имел

* Отметим в данной связи факт, неизвестный широкому кругу современных читателей: крестьяне и шляхетская прислуга в Литве и Польше были в то время свободными людьми. Феодалам принадлежала земля, но не люди, жившие на этой земле. В отличие от Московии, никто не имел права их продавать и покупать, менять, дарить, а тем более — безнаказанно истязать и убивать.

столько духа, чтобы идти вслед, только стрелял из луков, боясь хоть на шаг отступить от своей пехоты и пушек»...

А под Смоленском уже стояла вся царская армия. 25 июня на подходе к городу, возле реки Колодная, ее передовой полк был внезапно атакован. Это полковник Корф сделал вылазку из Смоленска, пытаясь своим маленьким отрядом (400 конников, 200 пехотинцев) задержать лавину. Но, потеряв несколько десятков смельчаков, он вернулся за городские стены.

Московский драгун (середина XVII в.)

На следующий день Передовой полк воеводы Одоевского стал лагерем на берегу Днепра возле самого Смоленска, а 28 июня недалеко от города разместилась ставка царя, которую 5 июля перенесли поближе, на Девичью гору

1 июля Януш Радзивилл отправил к Смоленску обер-лейтенанта, немца Германа Ганского (настоящая его фамилия была Ганскопф), с отрядом в полторы тысячи человек. Тот ночью перешел реку по мосту недалеко от города и внезапно атаковал лагерь Передового полка у Богдановой Околицы. Ганский «несколько сотен врагов положил, а своих и трех десятков не потерял», захватил много трофеев и пленных, после чего вернулся к Орше. Впрочем, канцлер Альбрехт Радзивилл позже отметил в своем дневнике, что ему повезло, так как московиты были сильно пьяны.

Планомерная осада Смоленска началась 2-го июля. Его гарнизон в это время насчитывал 2250 «воинских людей». Большую помощь воинам-профессионалам в обороне города оказало ополчение общей численностью около шести тысяч человек, состоявшее из шляхты и шляхетских гайдуков, мещан и крестьян.

К * ^

С 17 июня войско воеводы В.П. Шереметева (до 15 тысяч человек) осадило Полоцк. Его укрепления в то время состояли из Верхнего замка (периметр 729 саженей, т.е. 1555 м) с пятью башнями)

и Нижнего замка (периметр 1231 сажень, 2754 м), пять башен и пять ворот — тоже с башенными укреплениями. Шереметев сообщал царю:

«У литовских людей перевоз и слободы и дороги к Витепску и к Вильне заставил, и в Полотске польских и литовских людей осадил и к городу всеми ратными людьми и конными и пешими приступали и над городом государевым целом промышляли и городские же литовские люди с государевыми ратными людьми бились и з наряду /из пушек/ стреляли».

Но у осажденных было очень мало профессиональных воинов — всего 36 человек (!), так как почти вся шляхта сбежала. Оба замка защищали в основном ополченцы-горожане, общим числом то ли 300, то ли 500 человек. На 4 километра стен и 15 башен замков приходилось всего 20 пушек и 76 затинных пищалей. Тем не менее, осажденные вели столь меткий огонь, что Шереметев предложил им почетные условия капитуляции. Постреляв две недели, 29 июня они ушли отсюда с оружием и знаменами.

В начале июля к Мстиславлю, который закрывал собой Поднепровье, пришли от Рославля войска князя А.Н. Трубецкого и подчиненных ему князей Ю.А. Долгорукого, Г.С. Куракина, С.Р. Пожарского, всего до 17 тысяч ратников.

Окружив город, они вели обстрел из пушек и четыре раза ходили на штурм. Но взять Мстиславль оказалось непросто. Этот центр одноименного воеводства имел тогда довольно солидные укрепления (валы с палисадом) и мощный замок, где укрылись беженцы из дальних и ближних окрестностей:

«Все Панове обыватели воеводства Мстиславского з жонами, з детьми, з справами /документами/ и зо всеми маетностями /ценностями/ захавшы спровадили».

Город пал быстро, а замок держался долго, его защитники совершали отчаянные вылазки и ждали помощи от гетмана Радзивилла. Им обещали «великие дары и водности», призывали сдаться, но мстиславцы, «сурово отповедаючи», отбивали приступ за приступом. И все же долго оборонять деревянную фортецию под непрерывным артиллерийским обстрелом они не могли. 22 июля «великою потугою и усиством през штурм» замок был взят. По многочисленным свидетельствам очевидцев, победители сожгли город и убили большинство его защитников:

«Москва учинивши штурм великий со всех сторон, усиством през гвалт добывши и вынявши мечом, шляхты обывателей воеводства Мстиславского и мещан и волощан и иных розных поветовых людей немало, которые вбегши до осады, высек /вырезал/, и все место и замок огнем выпалил и опустошил»...

«Народ всякий шляхетский, мещан и жидов, атакже простых людей под корень высекли /вырезали/, потом протрубив /победу/, среди трупов живых искали и в плен в Москву забирали, а скарбы /ценное имущество/ все забрав, замок и паркан /палисад/ огнем сожгли и до основания опустошили».

Саганович Г. *Неизвестная война*, с. 17

Царь Алексей Михайлович сам написал гетману Богдану Хмельницкому, что при захвате Мстиславля было убито более десяти тысяч человек:

«Взяты взятьем и шляхты, поляков и литвы и иных служилых людей и ксензов и езуитов и иного их чину побито больше десяти тысяч человек».

Но в других источниках указана цифра пятнадцать тысяч:

«Трубецкой с товарищи город Мстиславль взял и высек и выжег, а побил в нем больше пяти на десяти тысяч».

В белорусской истории эта кровавая расправа с нашими предками получила название «трубецкой резни» — по фамилии воеводы-палача. Немногочисленные уцелевшие жители («Мстиславские недосеки») пополнили бесконечные колонны пленных, которых из всех захваченных городов и деревень уводили в рабство в Московию.* В качестве военнопленных воевода отправил к царю «городничего мстиславского Я. Стенкевича, да ротмистров и иных начальных людей».

* * *

Лишь теперь православные литвины своими глазами увидели, какую участь им приготовил «московский царь православный». Ну, а в отношении литвинов-униатов и католиков, а также евреев, царский указ прямо требовал.

«Унии не быть, латинству не быть, жидам не быть».

Через два дня, 24 июля, воевода В.П. Шереметев захватил укрепленные города Диену и Друю.** Второй из них пришлось брать с боем:

«Взяли взятьем и ратных и всяких людей, которые в городе сидели, побили и город и костелы и дома все пожгли без остатка»...

* Князь А. Н. Трубецкой мирно скончался в своей постели в 1680 году, избежав человеческой и Божьей кары за многочисленные военные преступления. Впрочем, истины ради отмечу, что в те времена само понятие «военное преступление» не существовало.

** Диена — ныне город в Миорском районе Беларуси, на одноименной реке при ее впадении в Западную Двину. Друя — ныне поселок городского типа в Браславском районе. По состоянию на 1643 год, в Друе было 306 жилых домов и около 2-х тысяч жителей. Имелось 7 православных и униатских церквей, 4 католических костела, 1 синагога.

9 августа войско Шереметева заняло Глубокое, 20 августа — Озеричи.

Воевода Семен Стрешнев, действовавший отдельно от других, 16 августа «город Усвят осадил накрепко, и с того числа августа по 23 число с литовскими людьми бились днем и ночью беспрестанно». Наконец, 23 усвятский подстароста открыл ему городские ворота.

Получив сообщение от Трубецкого о взятии Мстиславля, царь приказал ему идти дальше на запад, для совместных действий с князем Черкасским против Радзивилла. Князь Яков Черкасский вел от Смоленска мощное войско, состоявшее из отборных частей большого, передового, сторожевого и других полков. Дерзкая атака Ганского в Богдановой Околице не прошла даром, царь опасался начинать штурм Смоленска, пока где-то в лесах оставался опасный противник.

Узнав о капитуляции Полоцка, а через два дня и Рославля, гетман решил спасти Мстиславль. Он оставил в Оршанском лагере магистра артиллерии Николая Юдицкого, сам же с частью войска пошел к замку Горы. Но там ему сообщили, что Мстиславль уже взят, и что крупные силы противника (войска Черкасского) идут к Орше. Тогда он срочно пошел назад. И вовремя! Черкасский стоял уже в шести милях от оршанского лагеря. На соединении с ним спешил Трубецкой. От Полоцка сюда же двигался Шереметев. Радзивилл решил уйти из Орши через Копысь к Шклову. Оборона Орши была невозможна, так как город сильно пострадал от пожаров, случившихся в 1653 и 1654 годах. Практически он не имел укрепления.

Уезжая, Радзивилл 2 августа отправил письмо королю:

«Сегодня, завтра и ежеминутно ждем неприятеля. Как справиться с неравной и столь огромной силой? Бог лучше знает, потому что кроме этого хворого войска нет никого ни из панов, ни из местной шляхты, которая раньше исчислялась тысячами... Один только я, лишенный всякой помощи... уже 6 недель удерживаю на своих плечах такого мощного неприятеля со стороны Полоцка, Витебска, Смоленска, Мстиславля, тревожа его и нарушая его планы, но бить и разбивать его не могу»...

На следующий день (3 августа), полевой гетман Винцент Гонсевский-Корвин, недавно прибывший к Орше с трехтысячным отрядом, к которому присоединилось ополчение Оршанского повета (до 500 человек), внезапно атаковал лагерь Черкасского, причинив значительный ущерб москвитам.*

* Сын бывшего коменданта московского гарнизона Александра Гонсевского, умершего в 1636 году.

Но и Черкасский не остался в долгу. Через день он нанес ответный удар по Гонсевскому, не пожелавшему действовать совместно с Радзивиллом, заставив отступить далеко на запад. Затем Черкасский занял Оршу а через день устремился оттуда в погоню за Радзивилием.

^ * ^

12 августа к Шклову приблизился авангард князя Черкасского, который завязал бой с охранением Радзивилла. Вскоре подошли главные силы царского воеводы. Всего у него было свыше 20 тысяч человек. Несмотря на более чем двукратный численный перевес противника, Радзивилл решил дать сражение.

Его хоругви, прикрытые с флангов драгунами, перешли вброд через реку Шкловка и пошли в атаку. В ходе многочасового боя московская конница отступила в свой лагерь, где разместилась пехота. Черкасский понес весьма серьезный урон, не менее 3-х тысяч человек убитыми и 610 пленными, потери Радзивилла составили до 700 человек убитыми. Но это была последняя победа гетмана.

Попутно отметим, что битву у Шклова все российские историки упоминают как «первое поражение Радзивилла»! Видимо, это связано с тем фактом, что Радзивилл, не имевший резервов, уже 13 августа ушел в западном направлении. Жители Шклова отбили штурм в ночь с 5 на 6 сентября. Затем, видя огромное неравенство сил, они 10 сентября сдались. »

Трубецкой, заняв Копысь, всего на два дня опоздал к Шклову. Но, узнав от Черкасского о поражении, немедленно устремился вслед за Радзивиллом. Тот, уклоняясь от преследования, под Белыничами перешел реку Друть. Тогда Трубецкой тоже перешел реку, пытаясь окружить лагерь Радзивилла. Гетман ушел в сторону Борисова, но возле местечка Шепелевичи, в 15 верстах от Борисова, на реке Шкловка, 24 августа ему все же пришлось сразиться с наседавшим Трубецким.

На этот раз Радзивилл был разбит. Погибло около тысячи его воинов, еще больше получили ранения — крупные потери для

Гетман Януш Радзивилл.
Худ. А. Ван Вестерфельд

7-тысячного корпуса. 282 жолнера попали в плен, Трубецкой сразу же отправил их к царю под Смоленск. Сам гетман тоже был ранен, он чудом избежал гибели, гетманский бунчук достался победителям. Разбитое войско рассеялось в лесу. Противник захватил обоз, знамена и литавры.

Раненого Радзивилла с несколькими воинами, сопровождавшими своего командира, вывел через болото местный крестьянин. Он появился в Борисове, откуда приказал остаткам своего корпуса собираться в Смиловичах, а сам 27 августа появился в Минске.

Вскоре в Смиловичах собралось около 4-х тысяч из разбитого корпуса. 300 венгерских пехотинцев Самуила Юшкевича вышли к Березине. Часть пехоты находилась в Игумене (ныне Червень). В Минск пришли три тысячи людей гетмана Гонсевского, да в городе находились 200 драгун Богуслава Радзивилла, двоюродного брата Януша. Так что какие-то силы еще остались. Следовало пополнить их и создать нормальное боеспособное войско.

Трубецкой от Шепелевич, не переходя Березины, вернулся назад и 30 сентября занял небольшой город Горы Великие с замком, расположенный над рекой Быстрой.* Замок имел 7 бастioned, соединенных земляными валами трехметровой высоты. Периметр укреплений составлял 800 метров. Между замком и городом проходил ров шириной 15 и глубиной от 8 до 12 метров. На вооружении замка состояли 2 медные полевые пушки, 29 «штурмаков» или «шротниц» (малокалиберные орудия, стрелявшие «шротами» — пучками нарубленной проволоки), 70 тяжелых мушкетов на специальных станках («кобыл»), 28 гаковниц, 67 обычных мушкетов.

Московский дьяк отметил в своих служебных записках:

«В Горах в собранье многие люди, и из Гор выходя, царского величества ратным людям, приезжим станичникам чинят многую шкоду». И тем царского величества боярам и воеводам велено было промысливать жестокими промыслами».

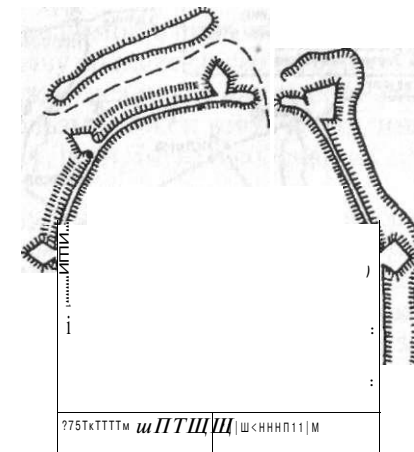
Находившиеся в городе и замке немцы-наемники, шляхта, служилые люди, а также местные жители понимали, что им «не отсидеть». О жестокой расправе Трубецкого с Мстиславом они уже знали. Поэтому 29 сентября к Трубецкому, вставшему в пяти верстах от города, приехали «полковник Павел Красовский да ротмистр Яржарей с товарищи государю доби́ли челом и город Горы здали». Несмотря на добровольную сдачу и присягу царю, часть горских шляхтичей и мещан «з женами и детьми» все же была вывезена в московское рабство.

От Гор Великих Трубецкой двинулся к Дубровно.

* Ныне село Горы в 15 км восточнее города Горки, в Могилевской области.

17 июня по приказу Богдана Хмельницкого пошло на Литву из Новгорода-Северского и воинство во главе с нежинским полковником Иваном Золотаренко. В его распоряжении было 15—20 тысяч конных и пеших казаков, с артиллерией (несколько десятков стволов). Гетман «Хмельницкий сообщил об этом царю:

«С ратными людьми Ивана Никифоровича, полковника нежинского, посылаем до боку твоего царского величества, которые люди чтоб... всех врагов под ноги твоему царскому величеству покоряли... Тому ж полковнику нежинскому приказали есми, чтоб во всем, по велению твоего царского величества, исправлялся... идучи с полком твоего царского величества запорожским».

План замка в Горах

Золотаренко через Стародуб двинулся к Речице, которую занял без сопротивления. Иван Золотаренко и его казаки в этой войне приобрели гнусную славу мародеров и безжалостных убийц мирных литвинских жителей. Они начали с того, что опустошили поветы, прилегающие к Днепру (Речицкий, Гомельский, Рогачевский и другие). Налетая на села и местечки, казаки «селян мучили, насмерть убивали, имущество все их отбирали, иные деревни огнем палили».

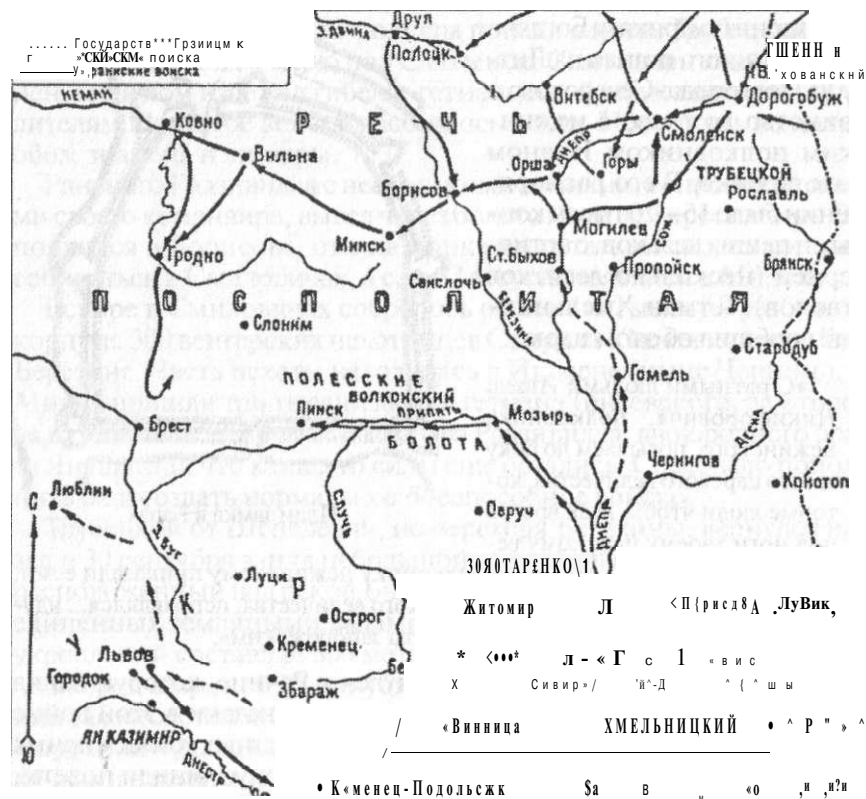
Затем Золотаренко вышел к Гомелю. 15 июля атаман написал царю:

«Гомель есть всем местам граничным литовским головою. Место велми оборонное, людей служилых немало, снарядов и пороху много....

«Стоячи под Гомелем посылали есми загоны /отряды легкой конницы/, которые по той там стороне Днепра замки и места поймали, и под меч непослушные пустили, а города, которые нам шкоды прежде чинили, поपालити велели есмя, особый замок Речицкий, замок Злобин /Жлобин/, замок Стрешин, замок Рогачев, замок Горвель позжено».

Гомель защищали гарнизон и ополчение (посполитое рушение) Речицкого повета во главе с князем Томашем Жижемским и полковником Бобровницким.* Золотаренко забрасывал в город пись-

* Жижемские — княжеский род XIV—XVIII веков, происходящий от смоленской ветви Рюриковичей. Фамилия связана с названием родового замка Жижма в Лидском повете Литвы. С конца XVI века — католики.

Театр военных действий в Литве

ма с призывами к капитуляции, но защитники «гордо и сурово до нас отписали». Более того, они оскорбляли московского царя — «яко злосливые песьими губами своими достоинство вашего царского величества нарушали».

Казаки без особого труда преодолели городские укрепления, после чего окружили замок (цитадель). Поставив вокруг него и на соседних холмах пушки, они повели обстрел и осаду. До 11 июля казаки четыре раза ходили на штурм, но были отбиты. Защитников замка было 2 тысячи человек: немецкая и венгерская пехота, а также рота татар. Осажденные совершали вылазки, во время одной из них был убит черниговский полковник Степан Подобайло. Понимая, что своим упорством гомельчане «всей Литве и войскам ее сердца и смелости додают», Золотаренко от имени царя и Хмельницкого предложил защитникам сдаться «на милость царскую», но те отказались.

Царь звал Золотаренко к себе на помощь под Смоленск, но тот 4 августа послал только одну тысячу во главе со своим братом Василием, а с остальными продолжил осаду. Он написал Алексею Михайловичу, что для его же пользы должен взять город, иначе «когда их тут оставим не добывши, всей Литве и войскам их сердца смелости додадут».

Казаки втащили несколько пушек на колокольню Спасской церкви, стоявшей недалеко от замка и стали стрелять калеными ядрами. В замке начался пожар. Вылазка осажденных с целью ликвидации этой артиллерийской позиции была отражена. Вскоре казаки нашли и завалили мощным взрывом потайной ход из замка к реке, что решило его участь.

В донесении царю от 13 августа 1654 сказано, что после полутора месяцев осады «гомляне, полковники, ротмистры и со всеми своими людьми покорилися». Но в действительности гомельскому гарнизону удалось уйти в Старый Быхов.

Следующей жертвой Золотаренко стал Чечерск. 29 августа в царскую ставку пришло от него сообщение:

«Город Чечерск с замком... взяли есмь, противных мечу предали, а иных, на слезы их смотря, живых оставили».

Несколько десятков жолнеров из Чечерска попытались укрыться в Старом Быхове, но их всех убили возле этого города. В плен взяли только воеводу, князя Тышкевича, которого отправили к царю под Смоленск.

В последние дни августа был захвачен Пропойск, а Новый Быхов сдался без сопротивления.* Зато Старый Быхов решительно отбивался от казаков. Золотаренко писал Алексею Михайловичу:

«Заперлися и вашему царскому величеству поклонится не хотят. Видя мы таковую их гордыню и непокорение дьявольское... осадили есмь их войсками».

В конце августа решила судьба Могилева. Крупнейший торгово-ремесленный центр тогдашней Литвы, он, наряду с Гомелем, играл ключевую роль во всем Поднепровье. Этот город являлся одной из самых мощных крепостей ВКЛ. Первую линию его обороны составлял земляной Круговой вал, имевший 13 деревянных башен, некоторые — с воротами. Вторая линия укреплений с пе-

* Пропойск, с 1945 — Славгород, приграничный город ВКЛ (Быховский повет) в месте слияния рек Проня и Сож, в 70 км юго-восточнее Могилева. Замок состоял из земляного вала и нескольких деревянных башен, его гарнизон в мирное время не превышал 20 человек.

риметром 690 сажень (1472 м) окружала Старый город. В этом валу с деревянным частоколом имелось четверо ворот. Последний рубеж был представлен замком (Верхний город), окруженный стеной общей длиной 288 сажень (614 м).

Но Могилев пал без битвы. Еще 5 июля православный могилевский шляхтич Константин Вацлав Поклонский, слывший своего рода лидером «партии православных предателей» в Литве, ушел к казакам с 14 своими единомышленниками. Золотаренко отослал его к Хмельницкому, а тот — к царю, в чью ставку под Смоленском он прибыл 22 июля. Алексей Михайлович подарил ему 40 соболей и 50 рублей, объявил полковником и разрешил набирать свой полк. В летописи сказано:

«22 июля выехал на государево имя могилевский шляхтич Поклонский и жалован в полковники; ему поручено было уговаривать земляков, чтоб поддавались государю и служили ему против поляков, для чего велено было тому же Поклонскому всяких служивых людей прибирать к себе в полк и обнадеживать их государским жалованьем».

30 июля, вместе с отрядом воеводы Михаила Воейкова, свежеиспеченный полковник Поклонский отправился к Могилеву, уговаривать земляков добровольно перейти на сторону царя.

6 августа, когда Поклонский и Воейков находились в Радомле, туда приехал из Чаус поп Василий с тремя мещанами и попросил приехать в Чаусы, привести жителей к присяге царю. Так сдались Чаусы. Там же Поклонский провел первый набор в свой полк: записались 800 человек.

Через несколько дней у него была уже тысяча пеших крестьян и мещан, вооруженных бердышами, рогатинами и пищальми, да конных крестьян до 100 человек.

8 августа из Могилева вышел отряд в составе 300 конных шляхтичей и направился к Чаусам. Но ему сильно не повезло. Отряд одновременно атаквали и казаки Золотаренко, и ратники Воейкова и новобранцы Поклонского, почти все воины этого отряда погибли в пяти верстах от Чаус.

В тот же день к Воейкову прибыл царский гонец с приказом найти под Дубровно воеводу Федора Куракина и вместе с ним брать крепость Могилев. 14 августа Воейков и Поклонский подошли к Могилеву и стали лагерем. Горожане сообщили им, что сдадутся, как только придет большое московское войско, но, узнав, что гонцы нигде, не нашли Куракина и что большое войско к Могилеву еще не идет; они передали, что вовсе не собираются сдаваться. Крестьяне-казаки из полка Поклонского (к тому времени число их достигло уже пяти или шести тысяч), услышав о таком развитии событий, частью сбежали, частью ушли в Могилев.

Однако могилевцы не смогли использовать благоприятную ситуацию. Замок в Верхнем городе был сильно поврежден пожаром 1633 года и не восстановлен. Промосковские агенты вели непрерывную агитацию за сдачу. Между тем, все уже знали о трагической судьбе Мстиславля и Друи. Царь прямо требовал жестоко карать защитников тех городов и замков, которые сопротивлялись. В итоге 28 августа Могилев капитулировал.

Первое, что сделал Поклонский в соответствии с установкой царя («жидам — не быть») — вывел из города свыше двух тысяч живших там евреев* — мужчин и женщин, стариков и детей включая младенцев, и приказал резать на лугу напротив городской стены всех, кто откажется перейти в православие. Таковых оказалось абсолютное большинство. Позже, упоминая эту бойню, российский историк Соловьев написал:

«Жида были побиты в Могилеве, но мещане сложили эту вину на казаков Поклонского...»

Государь исполнил челобитье могилевцев, чтоб жить им под магдебургским правом, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтоб не выселять их в другие города; дворы их были освобождены от военного постоя, позволено было выбирать из черни шаферов для заведывания приходами и расходами городскими; обещано не допускать ляхов ни в какие должности в городе; казаки не могли жить в Могилеве, разве по делам службы; жида также не допускались в город на житье».

Соловьев С. М. «История России с древнейших времен», книга V, с. 628

Иначе говоря, евреи «сами во всем виноваты» и вообще, подделом им.

Город Кричев с середины июня осаждали воеводы Шереметьев и Щербатов с ертаульным полком.* Воеводы вели артиллерийский обстрел укреплений, вызвавший пожары и разрушения, дважды предпринимали штурм, но без успеха. Они писали царю:

«Град Кричев крепок, стоит на осыпи высокой, и ров глубок; и въезд и выезд один, а пищалей затинных и винтовочных в граде много...! /Осажденные/ з немалым криви своей пролитьем в голоде и великой нужде отпор давали, у ноч на неприятеля, шкоды чынячи, выходили».

Видя столь досадное промедление, царь поручил Поклонскому (через несколько дней после его замечательна) подвига в отноше-

* Кричев находится на правом берегу реки Сож. Сердцем его обороны являлся замок, занимавший холм высотой 15 метров по отношению к уровню реки. От города его отделял ров глубиной 15 метров и шириной поверху 42 метра! Замок имел 5 башен и мощные деревянные стены-клетки, засыпанные внутри землей. На стенах и в башнях имелось много огнестрельного оружия: пушки, штурмаки, кобылы, гаковницы и мушкеты.

нии могилевских евреев) убедить сдаться защитников Кричева. Видимо, пан Константин умел находить убедительные аргументы. Под воздействием его агитации в конце сентября Кричев сдался. За этот успех царь назначил Поклонского управляющим Кричева и всего Могилевского повета.

* * *

Теперь, кроме Старого Быхова и Дубровно, в Поднепровье остался непокоренным только Смоленск. Запущенные укрепления в нем начали ремонтировать буквально за месяц до прихода московского войска. Руководил работами королевский инженер Банолиус, люди работали днем и ночью, даже воевода Обухович и комендант, немецкий полковник Корф, клали дерн. Но разве можно за месяц починить то, к чему руки не прикасались 20 лет?

Смоленская стена была разделена на 18 участков, каждый из них обороняла определенная команда. Для этого требовалось около 2500 человек, остальные люди защищали 34 башни и составляли подвижный резерв. Всего в городе было 8—9 тысяч бойцов. Как уже сказано, большей частью — ополченцы.

Осадные орудия крушили ворота, ломали стены. Жители насыпали позади стен валы, ставили на них срубы, заполненные глиной и камнями. В Вильно ничего конкретного про положение дел в

Литвинские воины (гравюра середины XVII в.)

Смоленске не знали и фактически предоставили его своей собственной судьбе. Между тем осажденный город держался. Несмотря на беспрестанный обстрел, Корф сделал вылазку и выгнал московитов из окопов. Огнем с башен было уничтожено несколько осадных батарей.

В ночь на 16 августа (26-го по новому стилю) состоялся штурм. Воеводы приняли такое решение потому, что накануне пушки разрушили две башни и большой участок стены, сбили много зубцов на стенах. Ратники бро-

сились к укреплениям с сотнями лестниц и во многих местах влезли наверх, но их везде сбросили. В одном месте, не имея уже ни камней, ни кипящей смолы, смоляне кинули на врагов два улья с пчелами и те загнали царских вояк назад в окоп.

Лишь в одном месте московиты захватили башню, втащили на нее две пушки и начали обстрел прилегающих участков стены. Однако по приказу Корфа к башне подкатили бочки с порохом и взорвали ее. Под обломками захватчики погибли.

Жестокий бой шел на земляном валу. Его исход решил внезапный удар в тыл московитов, который нанесли бердышники: они вылезли через подземный ход и ударили в спину. Так окончился 7-часовой штурм. Позже литовские источники утверждали, что «москвы» было убито 7 тысяч и ранено до 15 тысяч. Несомненно, эти цифры сильно преувеличены. Например, Алексей Михайлович, основываясь на докладах воевод, писал жене и сестрам:

«Наши ратные люди зело храбро приступали и на башню и на стену взошли, и бой был великий; и по грехам нашим под башню польские люди подкатили порох и наши ратные люди сошли со стены многие, а иных порохом опалило; литовских людей убито больше двухсот человек, а наших ратных людей убито с триста человек да ранено с тысячу».

Хотя воеводы и занижали свои потери, но все же не в 35 раз. А вот у защитников после штурма уже не осталось никаких резервов. Стены в нескольких местах имели большие проломы. Пороха было максимум на один день активного огня. К тому же пришла весть о разгроме Радзивилла у Шепелевич. Все надежды на помощь исчезли. В гарнизоне началось пьянство, пошли упаднические разговоры. Ратники, отчаявшись дожидаться помощи от великого гетмана, отказывались идти на стены, не хотели ремонтировать укрепления.

К огромной радости царя, через три с половиной недели после отражения штурма (10 сентября н. ст.) воевода Обухович и полковник Корф сами начали у стен Смоленска переговоры о почетной капитуляции. Несмотря на это, Алексей Михайлович готовился к новому штурму. Из Вязьмы привезли 4 огромных голландских осадных орудия (пищали).

Смоленск был сдан 23 сентября. Воевода Обухович, комендант Корф, шляхтичи и часть немецких наемников положили перед царем знамена, а затем ушли в сторону Орши. Но большинство защитников осталось, дав присягу царю о «вечной службе». Среди них были ротмистры Бака, Воронеж, Дзенисович и Станкевич, остальная часть немцев-наемников, смоленские пушкары, многие гайдуки (шляхетские слуги, аналог московских «боевых холопов») и почти все мещане. Всех их Алексей Михайлович угостил в своем

шатре, но потом велел на всякий случай отправить немцев и гайдков в Москву.

Зато с местными евреями он обошелся безжалостно: их всех собрали и потребовали креститься. Тех немногих (несколько десятков), кто принял православие, оставили в живых, остальных (несколько сотен, включая маленьких детей при родителях) заперли в деревянных домах и сожгли.

По случаю сдачи Смоленска царь 24 сентября закатил грандиозный пир на четыре дня и отправился домой. Он уехал 5 октября.

После Смоленска пришла очередь Дубровно.* Еще в конце июля в этот повет пришли царские войска: «повоевали и села и деревни пожгли, и полон многих поимели», но взять город с хода им не удалось. Дубровно обороняли, в основном, местные ополченцы, литвины и евреи, профессиональные воины составляли менее трети от общей численности защитников:

«Мещан де хорунг /хоругвей/ з десять, жидов хорунг з десять, казаков двехорунги, жёлдаковдвехорунгж, венгров хорунга, гайдуков две хорунги ж».

Осажденные вели прицельный огонь с городских валов, делали успешные вылазки. Поначалу город осаждал князь Куракин. Он доложил царю:

«Выходили из города Дубровналитовские конные и многие пешие люди с знамены и снаряды. У них с темилитовскими людьми был бой. В том бою государевы ратные люди литовскихлюдей многих побили и в город вогна-ли, ^ Дубровенский уезд повоевали, села и деревни пожгли и в полон много поймали».

Царь Куракина похвалил, однако отозвал в Смоленск, вместо него к Дубровно пришел князь Я.К. Черкасский с войском. Желая избежать больших потерь в своем войске, он избегал штурма, сделав ставку на блокаду, артиллерийский обстрел и переговоры. Напротив замка был сооружен земляной городок, где разместились войска. Из Смоленска по Днепру прибыли осадные орудия:

«Две пищали галанские /голландские/, да русского литья пищаль Соловей-ядро, пищаль Левик, да к тем же пищалям по 100 ядер, зелья ручного, на нарядные мехи 500 аршин холста, на пыжи 10 пуд пеньки».

Но орудийный огонь существенных результатов не дал. Тогда 5 октября к городскому валу подошли двое парламентаров — шлях-

* Город на Днепре, в месте впадения в него рек Дубровенка и Свинка, в юго-восточной части нынешней Витебской области.

тич Василий Лавринов и мещанин Марк Сидорский: уговаривать сдаться «на царскую милость». В ответ осажденные «Василия убили из пищали до смерти, а мещанин Марка побегал». Вечером того же дня дубровчане совершили очередную удачную вылазку.

Но помощи от гетмана Радзивилла по-прежнему не было, запасы продовольствия подходили к концу, тогда как 6 октября к Черкасскому пришел отряд от князя А.Н. Трубецкого. Пришлось городничему Храповицкому начать 11 октября переговоры. На следующий день он сдал город.

Разгневанный их упорным сопротивлением, царь повелел:

«Как город Дубровна здастца и челом добьет, шляхты лутчие выбрав, прислать к... государю... а достальную шляхту велеть посылать на Тулу, а мещан и уездных людей роздать ратным людям семьями, а город Дубровну выжечь».

Так и было сделано. Воеводы отправили к царю под Смоленск шляхтичей, венгерскую пехоту, ротмистра сотни гайдуков и 30 семей мещан, остальных отдали ратникам — в рабы.* После вывода всех жителей, город 17 октября подожгли, дождались, пока он сгорит дотла, и пошли дальше.

Та же судьба вскоре постигла Витебск. Еще в июне, узнав о капитуляции Невеля, сюда съехались шляхтичи из окрестных поветов. Они стали готовить город к обороне, успели обнести его валом и палисадом. Оборону возглавили городничий Степан Петрович и шляхтич Есеницкий-Война.

В середине августа 1654 к городу подошло войско Василия Петровича Шереметева, а через несколько дней прибыли и казаки от Золотаренко во главе с его братом Василием. Их общая численность составила около 15 тысяч человек. Началась осада.

Периметр укреплений каменного Верхнего замка (8 башен с тремя воротами) составлял 353 сажени (753 м), деревянного Нижнего замка (12 башен с тремя воротами) — 432 сажени (922 м). В городе и в замках находились до 10 тысяч человек, в том числе около тысячи конной шляхты, восемь сотен конных мещан, две тысячи жолнеров, две сотни драгун, пушкар. Но основную массу защитников Витебска представляли обычные горожане (мещане), вооруженные холодным оружием.

* Российские историки очень не любят употреблять этот термин и предпочитают говорить о «крепостных» и «дворовых». Между тем пленников из Дубровно отдавали завоевателям в собственность, подобно вещам, лишив всех средств к существованию. Землю они не обрабатывали. Их превратили именно в рабов, жизнь которых всецело (в том числе физически) отныне всецело зависела от прихотей владельцев.

План замка в Витебске (середина XVII в.)

— «

Осажденные не сидели пассивно. В августе и сентябре Шереметев писал царю, что «выласки из города частые, выходят пешие люди с рогатины, с топорки и бердыши».

Попытки зажечь укрепления провалились из-за частых дождей; не удалось также московитам подвести мины под стены. Тогда воеводы решили сделать ставку на артиллерию: «снарядами стрелять и город зажигать». К Витебску срочно привезли «великую пищаль верховую Скворец» с 10 огненными (зажигательными), 10 нарядными (химическими) и 16 разрывными ядрами. Но город держался, хотя помощь все не приходила.

В сентябре Шереметев устроил штурм, который был отбит. В конце октября к городу прибыли полки «иноземного строю» Я. Флека и А. Гамильтона, после чего число осаждавших достигло 20 тысяч.

В городе начался голод:

«Настал великий голод, от которого немало людей посполитых и черни умерло. И немало также при штурмах и от стреляния из войска неприятельского и в вылазках людей, шляхты, посполства и мещан убито».

Вдобавок подходили к концу запасы пороха. Надеясь на помощь от гетмана Радзивилла, городские власти вели долгие переговоры с Шереметевым — тянули время. Но гетман, которому катастрофически не хватало войск, лишь в середине ноября смог направить

из Минска к Витебску обозного Самуила Комаровского с тремя тысячами жолнеров. Увы, было уже поздно.

17 ноября, после 14 недель осады, состоялся второй штурм, в результате которого пал Нижний город. Через пять дней (22 ноября) войска Шереметева и казаки Золотаренко взяли и Верхний город. Обозленные долгой осадой и немалыми потерями, они учинили зверскую расправу с защитниками и жителями Витебска. Очевидец позже свидетельствовал:-

«Немало братьев наших шляхты, мещан, посполства, жолнерства, драгун, жен и детей малых, которые у материнской груди были, стариков и старух что в богадельнях были, без всякого милосердия высекали и выбили».

Часть уцелевшей шляхты по приказу царя «за непокорность» сослали в Казань. Многих жителей «роздали» боярам. Наконец, часть православных витеблян (144 шляхтича и 1336 мещан, под командованием ротмистра Ф. Сивицкого) присягнула на верность царю. Однако это была поистине «кровавая присяга». Люди согласились на нее не ради себя, а чтобы спасти от смерти или рабства своих жен и детей.

В это же время воевода Стрешнев пришел к Суражу. Буквально после двух-трехдневной осады «литовские люди сурожские сидельцы» сдали ему город 22 ноября.

% ^ ^

Теперь оставался непокоренным лишь Старый Быхов — мощная крепость магната Павла Сапеги, чьими стараниями он и был укреплен. Золотаренко осадил город еще 29 августа, но штурмовать так и не решился. Зато защитники за 10 недель сделали три удачные вылазки.

«Языки» сообщили казацкому атаману состав гарнизона:

«Служилых людей желдаков 4 хоронги, драгунов 100 человек, мещан 17 хоронг, да Быховского уезду крестьян много, да гайдуков 200, да шляхты Речицкого поветцу и из иных городов человек з 300 и болши, да жидов человек с 1000»...

!

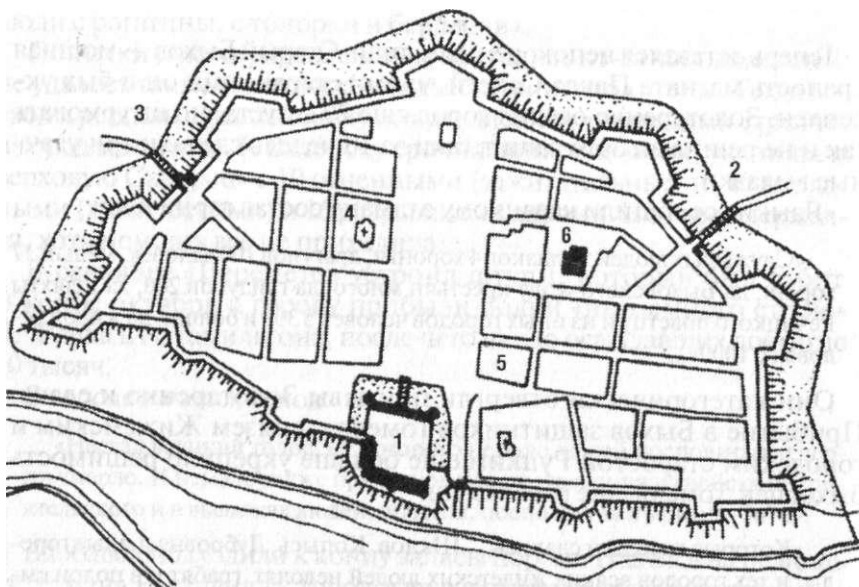
Они категорически отвергли призывы Золотаренко к сдаче. Прибытие в Быхов защитников Гомеля с князем Жижемским и городским старостой Руцким еще больше укрепило решимость быховцев. Гомельчане рассказали:

«Которые города и сдались, ...Шклов, Копысь, Дубровня и иные города, и тех городов всяких жилетских людей неволят, грабят и в полон емлют и до Москвы отвозят, и те де все города иные разорены и опустошены: и Быховцы де, слыша то, все на том и положили, лутше им в домех своих хотя помереть, нежели в неволю из воли сами себя отдавать».

Зато казаки все лето и осень казаки хозяйничали на Полесье. Так, в сентябре, как сообщил туровский подстароста Федор Левкович, они сожгли деревни Букча, Верасница, Глинная, Колки и Храпина, полностью ограбили десятки других. В Остроженцах и Смядыни замучили даже православных попов, в Глинной попа расстреляли, а еще живых после зверских пыток людей бросили в ямы и засыпали землей. Бандиты Золотаренко угнали в Нежин свыше шести тысяч коров...

В середине ноября Золотаренко снял осаду и ушел зимовать в Новый Быхов, спалив свой лагерь у непокоренного города. Забегая вперед, скажу, что героический город так и не поддался царским войскам. В декабре 1655 года московиты сняли осаду в связи с Виленским перемирием. Позже, в феврале 1656 года, жители Старого Быхова впустили в город казаков Ивана Нечая, но это уже другая история.

Понятно, что упорное сопротивление одного города было сущей мелочью. За первые семь месяцев войны московиты захватили все земли Литвы восточнее Днепра, с 32 городами и замками (Белая, Витебск, Глубокое, Гомель, Горвель, Горы, Диена, Дорогобуж, Друя, Дубровно, Жлобин, Копысь, Кричев, Могилев, Мстиславль, Невель, Новый Быхов, Озерище, Орша, Полоцк, Пропойск, Речи-

План Старого Быхова
/ — замок; 2 — Могилевские ворота; 3 — Рогачевские ворота;
4 — церковь; 5 — костел; 6 — синагога

ца, Рогачев, Рославль, Смоленск, Стрешин, Сураж, Усвят, Чаусы, Чашники, Чечерск, Шклов). Непокоренными в этом регионе остались лишь Динабург, Велиж и Старый Быхов.

Успех был огромный, царь Алексей Михайлович, его воеводы, ближние и думные бояре, патриарх Никон (один из главных инициаторов войны против «латинян») торжествовали.

Кампания в Литве в 1655 г.

Новый год принес кое-какие неприятности завоевателям.

Во-первых, радикально изменилось — в худшую сторону — отношение к ним православных жителей оккупированных земель, что было вызвано безудержными грабежами царских войск и казаков Хмельницкого, захватом людей для превращения в крепостных, самодурством воевод. Стремясь исправить ситуацию, царь Алексей Михайлович срочно издал строгий указ:

«И вам бы служить, не щадя голов своих; а деревень бы не жечь... а кто станет жечь, и тому быть во всяком разорении и ссылке, а холопу который сожжет, быть казнену без всякой пощады»...

Но этот указ явно запоздал, а главное, в принципе не мог что-либо изменить.

Во-вторых, гетманы Радзивилл и Гонсевский начали контрнаступление. Еще в конце сентября 1654 года они заняли Бобруйск и Свислочь. После того, как значительная часть московских войск вернулась на зимние квартиры, Радзивилл с помощью жителей Оршанского повета в декабре отбил Оршу. Тогда же взбунтовались жители городка Озерище, убили 36 московских ратников из стоявшего здесь гарнизона, остальных вместе с воеводой взяли в плен и отправили к гетману Радзивилл у. Удалось убежать лишь четверым.

После Орши Радзивилл освободил Копысь и Дубровно. 2 января 1655 года Радзивилл подошел к Новому Быхову, где заперся с казаками Золотаренко.

Другая группа войск ВКЛ провела несколько наступательных операций в районе Витебск — Полоцк — Диена — Невель. «Литовские люди немалые» впервые появились под Витебском в конце декабря 1654 года, двигаясь по обоим берегам Западной Двины.

В начале января 1655 года большой отряд князя Лукомского попытался пробиться к Витебску, но был разбит. С 24 января полковник Лисовский начал рейд в направлении Торопец — Великие Луки и по «иным порубежным городам».

В феврале войска ВКЛ непрерывно действовали в районе Полоцка и Диены. В ночь на 19 февраля они с трех сторон штурмовали Витебск: «с полуночи жестоким приступом до часа дня». Штурм с трудом удалось отбить, но осада города продолжалась до конца

февраля. В начале марта литвины угрожало Невелю и подступали к Диене. Однако вернуть города Подвинья им не удалось.

Тем временем Радзивилл получил под Новым Быховым письмо от Константина Поклонского, того самого, кого царь в июле прошлого года сделал полковником. Поклонский, полностью разочаровавшись в православных «освободителях», на поверку оказавшихся разбойниками хуже крымских татар, обещал гетману сдать Могилев. Узнав об этом, Радзивилл и Гонсевский 2 февраля пришли к Могилеву.

Там, кроме местных жителей, находились 3,5 тысячи ратников воеводы Воейкова и 4 тысячи казаков Поклонского. У Радзивилла и Гонсевского было около 12 тысяч. Они предложили Воейкову сдаться, но воевода отказался. Началась осада. Воейков сообщил царю:

«Выходя из города, на выласке бились по 3 дня и отбили у него, у Роди- вила, из обозу с 50 возов с запасы».

В ночь на 6 (16) февраля Поклонский с отрядом шляхты и частью своих казаков (всего до 400 человек), якобы с целью внезапной атаки противника открыл городские ворота и впустил гетманское войско в Луполовскую слободу, где стоял его полк. Однако попытка Радзивилла с ходу ворваться в Старый город и в замок (Верхний город) не, увенчалась успехом. Во время штурма обороняющиеся потеряли около тысячи казаков и более 300 московских ратников, но атаку отбили и даже произвели несколько контратак.

Войско гетмана еще четыре раза ходило на приступы (18 февраля, 8 марта, 9 и 13 апреля), без малейшего успеха: Воейков храбро держал оборону.

Золотаренко оставался в Новом Быхове, откуда в марте написал царю, что глубокие снега мешают ему придти на помощь Воейкову. Впрочем, «глубокие снега» не помешали атаману заняться более интересным делом: грабить и жечь города в тылу Радзивилла. В течение марта он занял Бобруйск, Королевскую Слободу и Глуск. Золотаренко донес царю, что «грады» он сжег, чтобы впредь не было где разместиться врагам «вашего царского величества», а всех пленных воинов «пустил под мечь». Заодно казаки, как это было у них заведено, ограбили жителей, изнасиловали женщин. Одним словом, порезвились.

Лишь 17 (27) апреля, когда просохли дороги, Золотаренко вместе с московским воеводой Михаилом Дмитриевым двинулся к Могилеву — выручать Воейкова. Одновременно он послал к городу своего брата Василия, с казаками Нежинского и Стародубского полков, в челнах по Днепру.

В ночь на 18 (28) апреля Радзивилл устроил генеральный штурм могилевской цитадели. Его люди взорвали три мины под валом

План Могилева в XVII веке

старого города (четвертый подкоп обвалился). Но москвиты сделали удачную вылазку, «побили много неприятеля». После этого гетман, не дожидаясь прихода Дмитриева, снял осаду и днем 18 апреля ушел на запад, кБерезине.

Радзивилл и Гонсевский, начиная контрнаступление, стремились установить контроль над районами Витебск — Полоцк на севере и Новый Быхов — Могилев на юге. Это позволило бы им затем приступить к освобождению городов и земель Подвинья и Поднепровья, утраченных летом. Но у них было слишком мало сил (особенно артиллерии) для реализации этого плана.

Между тем, в мае началось новое наступление огромной армии захватчиков.

Алексей Михайлович провел зиму в Вязьме. В Москву, где свирепствовала «морская язва» (эпидемия чумы) он не поехал. В конце апреля 1655 года царь вернулся в Смоленск. Там его ждали готовые к походу войска центральной группы. 24 мая царь вышел с ними из Смоленска и через две недели прибыл под Шклов, где расположил свою ставку.

Целями этой кампании являлись: ликвидация результатов зимне-весеннего контрнаступления войск ВКЛ (возвращение Дубровно, Копыси, Орши), захват Старого Быхова и Динабурга, вытеснение литвинов за Березину, а главное — взятие Вильно.

План выглядел следующим образом. Московские войска снова должны были наступать по трем направлениям: северному (от Ве-

ликих Лук), центральному (от Смоленска) и юго-западному (от Брянска), при поддержке казаков Золотаренко.

Главный удар в центре наносило войско князя Якова Черкасского. Планировалось, что он, овладев Борисовом и Минском, выйдет к Вильно. С Черкасским взаимодействовали казаки Золотаренко. Одновременно к столице ВКЛ должно было подойти с севера войско Василия Шереметева. Захватив Вильно, Черкасский и Шереметев должны были оставить заслон от шведов и выйти на линию Ковно — Гродно — Брест.

Отдельно на северо-западе действовала группа Афанасия Ордин-Нашекина.

Армия князя Трубецкого должна была выступить из Брянска на Могилев, затем взять Старый Быхов и через Слуцк — Новогрудок тоже идти к Бресту. Кроме того, план предусматривал рейд из Киева в бассейн реки Припять группы князя Дмитрия Волконского на речных судах.

ф * %

Свое наступление царские войска начали осадой Динабургского замка (с 4 мая). Но вскоре, опасаясь столкновения со Швецией, сняли осаду. В Динабург 9 июня беспрепятственно вошли шведы.

В мае *— июне войско литвинского князя Лукомского провело бой с московитами возле деревни Ореховичи (между Полоцком и Витебском), дважды неудачно штурмовало Витебск.

27 мая воевода Матвей Васильевич Шереметев «пришел под Велиж, Велиж осадил накрепко». Велижский староста Ян Домашевский 17 июня сдал город в связи с начавшимся в нем голодом.

20 июня московские отряды, посланные из Полоцка и Диены, с боем брали Друю. Защищавший город полковник Косаровский после жестокого сражения вынужден был уйти из него.

В мае из Брянска к Могилеву выступила армия Трубецкого. В это время казаки Золотаренко, получив подкрепление от Шереметева, снова осаждали Старый Быхов. Но его мужественные защитники не только успешно отбивались, но и делали частые вылазки. Они имели 4 большие пушки и 26 полковых орудий, порох делали сами.

«Языки» показали, что гарнизон невелик: «шляхты 50 человек, конных желдаков 400 человек, венгров 50 человек, жидов 1000 человек, мещан 800 человек». Стремясь запугать защитников, Золотаренко угрожал им: «Коли вас достанем през мечь, и малого дитяти живити не будем».

Враг уже наступал, а в Варшаве все еще продолжал заседать сейм Речи Посполитой, решавший вопрос о «посполитом рушении» шляхты и приглашении наемников. Но экономика Литвы была полностью подорвана войной. Летом 1655 года вместо 2-х миллионов злотых подымной подати удалось собрать только 200 тысяч.

При столь скудных средствах о наемном войске оставалось только мечтать. Что касается шляхетского ополчения, и раньше мало на что способного, то шляхту сильно деморализовал тот факт, что царские войска подвергали полному разорению имения феодалов, не присягнувших царю. Шляхтичи в первую очередь думали о том, как спасти хотя бы свои семьи и движимое имущество.

На центральном направлении московские войска начали ликвидацию результатов зимнего наступления Радзивилла и Гонсевского. Для этого был выделен отряд стольника З.Ф. Леонтьева.

В конце апреля он с боем занял Дубровно, 11 мая — Оршу, 13 мая — Копысь и фактически очистил от литовских войск левый берег Днепра. Радзивилл и Гонсевский, у которых было вместе до 15 тысяч человек, отступили и расположились лагерем в Толочине.

В июне центральная группа войск, куда прибыл царь, развернула наступление в направлении Борисов — Минск. Но сначала она оказала поддержку армии Шереметева. 7 июня от Копыси на помощь Витебску вышел с большими силами стольник И.Б. Милославский. Уже 11 июня у села Вежица, на реке Диена, он разбил от-

Московские завоеватели в захваченном городе. Худ. О. Федоров

ряд конных и пеших воинов ротмистра Венжика — племянника князя Лукомского. Затем воевода А.И. Лобанов-Ростовский разбил в Полоцком повете отряд князя Лукомского и 27 июня занял его родовое гнездо — город Лукомль.

Эти действия полностью устранили угрозу Витебску. Царское войско получило возможность беспрепятственно двигаться в западном направлении.*

Уже в начале июня к Борисову был послан князь Юрий Борятинский с отрядом солдат и драгун в 700 человек. Его задача состояла в том, чтобы разбить остатки полка К.В. Поклонского, бежавшего сюда из Могилева после отступления Радзивилла, и занять город. В ночь на 10 июня под Борисовом отряд Поклонского потерпел поражение, но взять Борисовский замок не удалось.** Гарнизон успешно отразил несколько приступов.

Стратегическое значение Борисова, контролировавшего судоходство по Березине и движение по так называемой «Посольской дороге», вынудило царя отправить на помощь Борятинскому воеводу Богдана Хитрова (Хитрово). По документам, у Хитрова было 4159 пеших и 1207 конных ратников. После его прибытия замок был взят 19 июня и сгорел. Гарнизон ушел на правый берег Березины, мост он сжег за собой.

Но московские воеводы, согнав окрестных крестьян, быстро восстановили переправу — уже 24 июня, а позже и замок. Перейдя реку, Хитров и Борятинский настигли под Смоленичами остатки Борисовского гарнизона и разбили.

Узнав о падении Борисова, царь приказал главным силам (передовому, большому и сторожевому полкам) наступать на Минск:

«Чтоб шли в Минск не мешкая нигде ничем и над литовскими людьми промышляли, сколько милосердный Бог помощи подаст, чтоб за помощью Божией над литовскими людьми поиск учинить».

Казаки Золотаренко ушли от старого Быхова, где их сменили ратники Трубецкого. Они перешли Березину у Борисова и 2 июля заняли город Смиловичи недалеко от Минска. В тот же день загон черниговского полковника Поповича устремился к городу Свислочь, который взял с хода:

* В этой войне участвовали братья Лобановы-Ростовские: Александр Иванович (ум. 1677) и Иван Иванович (ум. 1664).

** Скажем несколько слов о дальнейшей судьбе авантюриста К.В. Поклонского. До конца года он еще дважды потерпел поражение: от московских войск под Койдановым и от казаков Золотаренко под Ошмянами. В конце 1656 — начале 1657 гг. он участвовал в походе на Пруссию под знаменами гетмана Гонсевского. В битве со шведами под Филиповом 22 октября 1656 года попал в плен. Был отпущен примерно через три года. Умер после 1661 года.

«Через мечь и немало... неприятелей будучих всех под меч пустили, а самое место и замок огнем без остатку сожгли».

Укрепления Минска пребывали в плачевном состоянии, поэтому «литовские люди», что находились в нем, 3 июля дали превосходящим силам противника бой в поле, в пяти верстах от города. После жестокой сечи, в ходе которой царские ратники «многих побили и языков взяли 150 человек», «те люди тот град Минск покинули, побежав из града, разметаив мосты, на другую сторону, на поле».

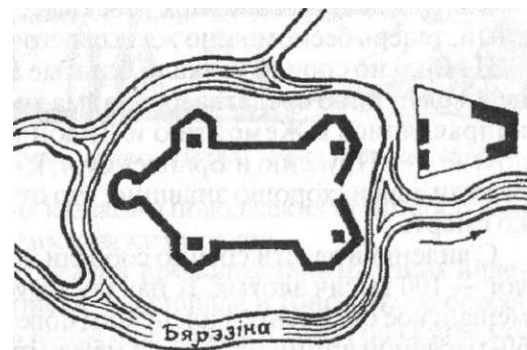
Ратники и казаки вошли в город, навели мост через реку Свислочь и подошли к замку. Хитров поставил у его ворот отряд пехоты, а остальным войском «взошел на поле /за рекой/, и литовские люди учинили большой бой с ними». И это сражение они проиграла, а замок пал 4 или 5 июля.

Впрочем, почти все жители города еще раньше ушли вглубь территории Литвы. В Минске остались лишь «войт Ивашко Жыдович со товаришы полтораста человек».*

Местные жители «от казацкого разоренья разбежались неведомо куда». Ратники и казаки превратили Минский повет в такую пустыню, что даже царь Алексей Михайлович вынужден был в июле послать очередной указ князю Черкасскому, в котором он подтвердил свое прежнее требование не жечь оккупированные населенные пункты и не убивать их жителей.

Но если на ратников указы царя и оказывали какое-то воздействие, то озверевшие казаки Золотаренко даже не думали следовать «ценным указаниям». Например, 11 июля сотня казаков во главе с сотником Федором Мринсковым «местечко Койданово /за Минском/ взяли, и которых... были в том местечке полския и литовския люди, и тех всех людей мечю предали и то местечко и посады все выжгли».

* Любопытен состав царского гарнизона в Минске на июнь следующего года: 20 конных рейтар и 270 пеших ратников, последние «татары да мордва, русского не знают».

План замка в Борисове

12 июля царь приказал из Борисова, куда он приехал несколько раньше, своим главным силам, а также казакам идти к Вильно. Длинные колонны запылили сразу по нескольким дорогам.

В 20-х числах июля на главную виленскую дорогу стали выходить авангардные части воевод И. Прозоровского и О. Щербатова. 22 июля царь находился в Молодечно, 24-го он перенес ставку в Сморгонь. Патриарх Никон писал ему из Москвы, чтобы он не останавливался на Вильно, а шел «добывать» Варшаву, Краков и всю Польшу!

Столица Литвы была обречена. У обоих гетманов (Радзивилла и Гонсевского) в это время было вместе от 10 до 12 тысяч воинов. Последней попыткой задержать наступление, чтобы выиграть время, стал бой под Ошмянами, где 3-тысячный отряд шляхетской конницы и пехоты ротмистра Глебовича был разбит казаками Золотаренко.

Вильно, давний соперник Москвы, столь желанный и ненавистный, теперь беспомощно ждал своего черного дня.

Из Вильно срочно уезжали богатые горожане, имевшие лошадей и слуг, либо средства для найма транспорта и охраны. Одни направлялись в Жемойтию и Ливонию — под защиту шведов, другие — в Пруссию и Бранденбург, к немцам. В первую очередь бежали евреи, хорошо знавшие, что от московитов их ждет только смерть.

С виленцев власти срочно собрали чрезвычайный военный налог — 100 тысяч злотых. К началу августа собралось шляхетско-мещанское ополчение виленского повета, аж 2825 человек против 60-тысячной армии царя. Да и между гетманами не было никакого согласия. Гонсевский отверг план обороны, предложенный Радзивиллом. Последний хотел дать решительный бой перед городом, за это время полностью эвакуировать Вильно, затем перейти реку Вилию, уничтожить Зеленый мост, оторваться от врага и уйти в Жемойтию, а там ждать помощи от шведов. Гонсевский же решил, оказав символическое сопротивление в Вильно, уйти к Гродно и оттуда в Польшу.

Все же 6 августа, когда царские войска уже стояли у местечка Стодолакты и готовились к бою, оба гетмана попытались избежать трагической развязки. Они передали царю письмо, в котором предлагали начать переговоры о мире. Но царь ответил, что у них есть лишь один путь — перейти «под царскую руку».

Утром 29 июля/8 августа царские войска пошли на штурм. Боевое охранение Радзивилла и Гонсевского, стоявшее в полумиле от города, после короткой стычки отступило к Вильно. Возле его стен произошло жестокое неравное сражение. Оно завершилось тем, что литвины отступили, на их плечах в город ворвалась лавина цар-

Вильно. Гравюра Ф. Хогенберга из книги «Города земного Света», 1634г.

ских ратников, украинских казаков и поволжских татар, составлявших значительную часть московских полков.

Упорные рукопашные схватки продолжались на узких виленских улицах весь день. Войска Радзивилла и Гонсевского особенно долго сопротивлялись перед Зеленым мостом и на самом мосту. Бой здесь длился до наступления полной темноты. Затем они сожгли мост и отступили за Вилию. Но в обоих замках (верхнем и нижнем) еще двое суток отбивался маленький гарнизон стольника Казимира Жеромского.

Теперь оба гетмана могли лишь в бессильной ярости смотреть с другого берега, как горит и гибнет Вильно. Захватчики с первой минуты приступили к массовому грабежу и убийствам. Вот что позже писал виленский епископ Юрий Тышкевич:

«Не было пощады ни возрасту, ни полу; все места были залиты кровью убитых и трупами, особенно Бернардинский костел, куда, в поисках убежища, собралось особенно много людей»...

То же самое отметил и Самуил Венсловский, королевский писарь, находившийся в Вильно:

«Мужчин и женщин убивали без различия»... Немецкие газеты сообщали, что молодых женщин захватчики уводили с собой, а старух и малых детей бросали в огонь».

К ночи горел весь город, в заревах пожара повсюду шныряли москвиты, татары и казаки — грабили, насиловали, убивали. Москвиты разорили все храмы, монастыри, дворцы, купеческие лавки, частные дома. Самой желанной целью для казаков и царских ратников были виленские католические храмы, точнее — их сокровища. Они обдирали золотые и серебряные украшения, снимали колокола, в поисках драгоценностей взламывали могилы. Например, в храме Святого Михаила взломали склеп его основателя, канцлера Льва Сапег и его семьи. Останки покойников выбрасывали на улицы, в католических монастырях убивали монахов. Изрядно досталось и православным церквям. Могил и священников там не трогали, но всю ценную утварь вынесли, оклады с икон содрали.

Пожары в Вильно продолжались неделю! От рук захватчиков в нем погибли, по разным оценкам, от 7 до 10 тысяч человек, примерно треть жителей города. Бранденбургский посол Лазарус Кительман, который в конце августа ехал к царю через эти места, увидел жуткую картину:

«Кучами лежали гниющие трупы убитого мирного литвинского населения, в том числе женщины и дети»...

Царь находился возле деревни Крапивна, примерно в 40 верстах от Вильно» когда к нему прискакал гонец с радостным известием о падении столицы Великого княжества. 4 августа (14 по новому стилю) Алексей Михайлович торжественно въехал в Вильно, вернее, в то, что от него осталось.

В тот же день он приказал включить в свой титул слова «великий князь Литовский и Белые России и Волынский и Подольский», а 11 сентября покинул Вильно. Перед этим он приказал вывезти отсюда все, на что положил глаз. Только из дворца Радзивилла были увезены семь позолоченных куполов, мраморные колонны, паркетные полы, все столы, кресла, комоды и шкафы, а также посуда.

Через Радошковичи, Борисов, Смоленск, Вязму царь возвращался в Москву, к жене Марье, которую не видел с мая прошлого года.

Московские войска 6(16) августа взяли Ковно. В конце сентября — Кейданы.

Казаки Василия Золотаренко (брата Ивана) в августе прошли вдоль Немана вниз по течению, заняли Лиду, Ивье, Липнишки, Олькеники, Любчу а потом повернули назад и сожгли Мир, Кореличи, Яремичи, Рубежевичи, Столбцы, перебив почти всех их жителей...

22 августа город Гродно на реке Неман без всякого труда заняло войско князя Я. Черкасского. Почти все жители города ушли за реку, на территорию Польши.

Полки центрального направления тоже пошли назад. В Минске к 17 сентября собрались все силы Черкасского. У Старого Быхова в то время стояли запорожские казаки Ивана Косинского и пехотный полк Якуба Ронарта. От них вскоре пришло сообщение царю:

«Быховские осадные люди дороги все отняли и многих... государевых людей в дороге побивают и в полон емлют».

Царь послал быховцам грамоту, в которой заявил, что помощи им ждать неоткуда, что Вильно занято, а гетманы разбиты. Но осажденные гордо ответили, что царь возьмет их только «чрез мечь». Вот тогда «Старому Быхову и вернулся Золотаренко со своими казаками. Он горел желанием расквитаться с его героями за былые неудачи, но вместо этого нашел тут свой конец: 7 октября во время очередной вылазки быховцев ему «пострелено ногу 3 мушкета, от которой ноги и помер под Быховым».

Потеряв своего атамана, войско вскоре взбунтовалось против старшин. Бунт удалось подавить, но боеспособность «золотаренковцев» сильно упала, и они вернулись в Украину. Под Старым Быховым остался полк казаков Ивана Нечая.*

Армия князя Трубецкого все лето 1655 года действовала автономно. Как уже сказано, в июне она сменила казаков под Старым Быховым. Войско Трубецкого (около 15 тысяч человек) состояло из 11 полков, причем девятью из них командовали иностранные офицеры (Циклер, Юнкман, Ронарт, Краферт и другие). Осада длилась до 26 июля и полностью провалилась. Трубецкой сообщал царю:

«И быховцы твое милостивой грамоты не приняли, и тебе, великому государю, не добились челом, и город не сдали, и из городу на солдатские шанцы вылазки у них были не по один день и ночью, и з твоими государевыми людьми пеших полков с солдаты они быховцы бились».

† •

* Нечай (годы жизни неизвестны) был шляхтич из Мстиславского повета ВКЛ. Его семья переселилась в Украину, под Киев, в 1648. Был женат на дочери Хмельницкого Стефании (или Степаниде). С 1649 служил в Брацлавском полку, которым командовал его брат Данила. С 1655 вместе с Иваном Золотаренко воевал в Литве. Весной 1657 ему удалось занять Старый Быхов, не силой, а уговорами и обещаниями.

На словах подчиняясь царю, в действительности проводил политику в пользу гетманской Украины (оказывание населения и пр.). В 1658, вслед за Выговским, открыто перешел на сторону Речи Посполитой. В декабре 1659 попал в плен к москвитам, был сослан в Тобольск. Через 8 лет вернулся в Литву, в течение ряда лет командовал литовским казацким полком.

От Старого Быхова, после безуспешной осады, Трубецкой 22 августа пришел к Слуцку. На следующий день воины гарнизона дали им бой на подступах к городу, но не устояли и вернулись за его стены.

И все же город, не поддавшийся в свое время князю Глинскому, не посрамил своих славных традиций. Впрочем, князь Богдан Радзивилл успел хорошо подготовить Слуцк к обороне: на свои личные средства он отремонтировал городские укрепления и замок, собрал запасы оружия, пороха, продовольствия. Он также содержал гарнизон, включавший местную шляхту, немецких солдат-наемников и так называемых «выбранцев» (наемных солдат из крестьян). После начала войны было сформировано мещанское ополчение в составе 4-х хоругвей. Этими силами командовали немцы, полковник Вильгельм Петерсон и майор Гросс.

На предложение капитулировать они ответили орудийным огнем. В ночь на 24 августа (3 сентября н. ст.) москвиты с криками «Царев город!» пошли на штурм, но были отбиты с многочисленными потерями. Среди осажденных погиб всего один человек, некий Игнат Остапович. Поняв, что ему ничего «не светит», Трубецкой уже 28 августа снял осаду, сжег деревни и фольварки в окрестностях и ушел на запад.

Перед Клецком его встретили огнем мещане и шляхта ополчения. Но бой был недолгим и город пал. Трубецкой указал в том же письме: «государевы люди в Клецку в городе и на посаде литовских людей побили всех». Многие горожане через мост бежали в сторону Ляхович, но за ними устремилась погоня — почти всех либо убили, либо захватили в плен.

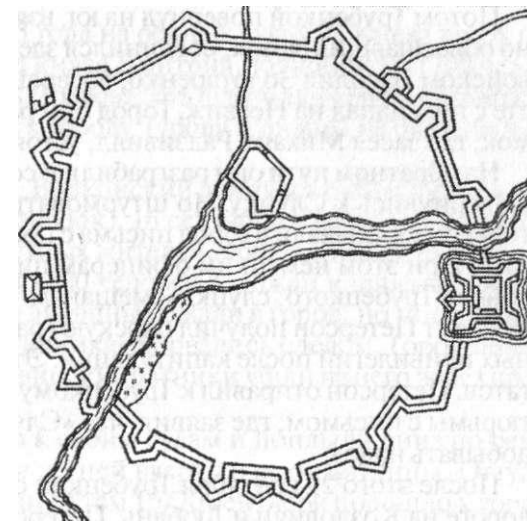
В тот же день, когда передовые части Трубецкого громили Клецк, арьергард его растянутых колонн в районе Тимкович атаковал

Панорама Клецка в XVII веке. Худ. Т. Маковский

вала тысяча конников, посланная из Старой Мыши воеводой Петром Вежевичем. Увы! Они были разбиты, свыше сотни попали в плен.

Тогда Трубецкой отправил отряд к Мыши, (но Вежевич еще за сутки до этого ушел* с остальными воинами к Бресту. Царские ратники убили либо увели в плен всех, кого нашли в замке и в посаде, а сам «городок Мышь выгнали и со всем разорили без остатка».* На обратном пути из Мыши воевода

План укреплений Слуцка

Измайлов ворвался в городок Столовичи, расположенный неподалеку и опять «литовских людей побили и поймали... высекли и выгнали». Из захваченных здесь 32-х шляхтичей и мещан он отобрал всего несколько человек, остальных — «велел посечь».

Князь Трубецкой, этот убежденный палач, дошел до Слонима. Он старался изо всех сил: повсюду вздымались языки пламени и клубы дыма, лилась кровь, громоздились трупы. Методы истребления «литовских людей» у него оставались те же, что и в Мстиславле. Трубецкой сам рассказал об этом в донесении царю:

«А пришед, государь, к Слониму в городе Слониме литовских людей, которых застали, посекали и город Слоним и слободы и Журавицкой /Жировицкий/ унияцкой монастырь каменный город и костелы жгли и людей побивали и многие места и села и деревни и за Слоним верст по двадцать и больше жгли ж и разорили и воевали сентября по 1-е число. А назад, государь, от Слонима шли товарищи мои... иными разными ж дорогами жилими же и невоеванными местами, и те, государь, места по тому ж воевали, жгли и людей побивали и в полон имали и совсем разорили без остатку».**

* Мышский замок находился на высоком правом берегу реки Мышанка (нынешний Барановичский район). В плане это был квадрат: земляной вал (50 x 50 м), с деревянным палисадом по его верху и с деревянными башнями по углам. Вокруг вала проходил ров шириной по верху 30, глубиной 15 м.

** Жировицкий Святр-Успенский мужской монастырь находится в деревне Жировичи, в десяти километрах от города Слоним. Он был построен в 1587 году, с 1609 по 1839 гг. являлся униатским. Славится чудотворной иконой Матери Божьей.

Потом Трубецкой повернул на юг, взял Новогрудок и его изрядно обветшавший замок, соединился здесь с 5-тысячным казацким войском Василия Золотаренко, возвращавшимся из Гродно, вместе с ним напал на Несвиж. Город они разграбили и сожгли, но замок, где засел Михаил Радзивилл, устоял.

На обратном пути они разграбили и сожгли Копыль и 27 сентября вернулись к Слуцку. Но штурмовать его больше не пытались, только забрасывали в город письма с предложениями капитулировать. При этом немецким офицерам писали немцы, служившие в войске Трубецкого; слутским мещанам — казацкие атаманы, а комендант Петерсон получил царскую грамоту с обещанием различных привилегий после капитуляции. Это не дало никаких результатов. Петерсон отправил к Трубецкому преступника из городской тюрьмы с письмом, где заявил, что «Слуцк кровью, а не письмами добывать надо».

После этого 29 сентября Трубецкой с казаками стал уходить по дороге на Козловичи и Любань. Петерсон организовал преследование силами нескольких конных хоругвей. В историю Беларуси две попытки взять Слуцк вошли под названием «Слуцкая оборона 1655 года».

^ийГ *** * - -

* * *

Полесье долгое время оставалось территорией, не затронутой войной.*Но 25 июня 1655 года воевода Ф.Ф. Волконский послал из Киева к Петрикову отряд киевского полковника П. Яненко. 5 июля он провел бой в указанном районе, видимо, неудачный для него, так как уже через неделю вернулся в Киев.

Замок Радзивиллов в Несвиже (середина XVII в.)

В начале сентября 1655 года на речных судах из Киева вверх по Днепру отправился отряд князя Дмитрия Волконского (700 человек) — грабить и разорять Полесье. Эта флотилия вошла в Припять и 5/15 сентября подошла к городу Турову. Туровцы не оказали никакого сопротивления.

Не задерживаясь здесь, Волконский двинулся сухим путем к городу Давыдову (Давыд-городок). 16 сентября в версте от Давыдова его встретил отряд местных жителей, общей численностью, по разным данным, от 300 до 700 человек горожан и шляхты. После непродолжительного боя литвины бежали в город, но московские ратники «на плечах противника» ворвались следом. Город почти весь сгорел, жители и литвинские ратники ушли из него через противоположные ворота.

Победители вернулись к своим судам и поплыли вниз по реке Горыне к Припяти, затем по ней вверх до реки Вятлицы. Оттуда войско Волконского сухим путем 10/20 сентября подошло к городу Столин. Там повторились события у Давыдова: литвины после непродолжительного сопротивления бежали, а москвиты разграбили и дотла сожгли Столин.

От Столина Волконский вернулся к Припяти, ратники опять сели на суда и поплыли до реки Пины. 25 сентября флотилия подошла к Пинску. Высадиться прямо в городе не позволил мушкетный и орудийный огонь с берега, поэтому десант высадился в нескольких верстах ниже города, в районе села Пенковичи (или Пинковичи). Оттуда москвиты подошли к Пинску, который сдался практически без сопротивления. Тем не менее, москвиты учинили в нем дикий погром, длившийся два дня. В жалобе, поданной спустя 10 дней туровскому старосте, уцелевшие пинчуки писали:

«Как мужчин, так и женщин, и детей немалое количество разными неслыханными муками мучили и до смерти убили... Разные товары, золото, серебро, олово, медь, колокола костелов и церквей, разное зерно и все домашние запасы до основания выбрали, в свои байдары и челны носили и возили»...

Волконский 27 сентября сжег город и окрестные слободы, после чего отправился на судах вниз по Припяти и Днепру назад в Киев. По дороге домой он опустошил деревни Терebenь, Кривичи, Плащев и Стахово. Во всех деревнях захватчики грабили, как только могли, хаты жгли, домашний скот резали и складывали в челны.

Любопытно, что в донесении царю Волконский указал, что в ходе этого рейда у него было лишь трое раненых: «у одного солдата под Пинском руку оторвало из пушки да двух человек из пищали ранили». Либо скрыл потери, либо в самом деле они были минимальными.

Осенью активность царских войск утихла. Полки постепенно уходили на зимние квартиры.

Последняя значительная операция в 1655 году состоялась поздней осенью на Брестчине. В Ковно на зиму пришло 7-тысячное войско Шереметева. Уехав к царю по его вызову, боярин оставил за себя князя Семена Урусова. И вот в начале октября отряд во главе с С. Урусовым и Ю. Борятинским пошел оттуда на Брест. По пути, под Белыми Песками, в 150 верстах от Бреста, они 20 (30) октября разгромили отряд Сигизмунда Слушки. Далее разделились: меньшая часть пошла к Заблудово, а главные силы 3(13) ноября объявились у реки Лесной, в 8-и верстах от Бреста.

Там их встретил с жолнерами новый литовский великий гетман Павел Сапега, который пытался защитить мост и гати, но не

выдержал боя и отступил за реку. Когда же московиты переправились, Сапега их разбил, они убежали назад за реку, где стали лагерем и заняли оборону. Но Сапега выбил их оттуда.

Тогда Урусов и Борятинский снова отступили и заняли оборону в деревне Верховичи (или Верковичи), в 25 верстах от Бреста. Литвины окружили лагерь и двое суток держали его в осаде. Сапега послал парламентеров с требованием капитуляции. Но Урусов сдаваться не пожелал и внезапно контратаковал. Как известно, «смелость города берет». В последних числах ноября ему удалось прорвать окружение.

Далее при выходе из Беловежской пуши, возле Нового Двора, его войско было атаковано шляхетским ополчением во главе с брестским воеводой Яном Кунцевичем и снова потерпело поражение. В Вильно вернулось меньше

Литвинский шляхтич

половины тех, кто два месяца назад вышел из Ковно. Несмотря на все это, воевода позже уверял царя, что победа осталась за ним, как будто бы это не он, а Сапега спасался бегством.

Отметим, что боевые действия Урусов и Сапега вели вопреки официальному прекращению огня. Дело в том, что в октябре посол царя Алексея Михайловича боярин Лихарев заключил перемирие с гетманом Винцентом Гонсевским. По его условиям, за Москвой остались все оккупированные земли, но боевые действия везде прекращались по мере того, как на места приходили соответствующие извещения.

Так завершился второй год войны. Свободными в Литве остались лишь Брест, Ляховичи, Несвиж, Озерище, Слуцк, Старый Быхов, да еще опустошенные города Полесья — Давыдов, Туров, Столин, Пинск и Мозырь.

Кампания в Украине в 1654—55 г.

Как уже сказано выше, в Украину вторглась 40-тысячная армия Москвы. Она заняла Киев, но дальше не пошла. Дело в том, что после Переяславской рады Турция и Крым заключили союз с Речью Посполитой против запорожских казаков и Москвы. Воевать со столь грозным противником как Турция, не завершив кампанию в Литве, царь не хотел; да и не мог.

Зато королю и его полководцам терять было нечего. В январе 1655 года, несмотря на жестокий мороз, польский гетман Станислав Лянкоронский, во взаимодействии с крымскими татарами, разбил при Охаматове (или Ахаматове) гораздо более многочисленное московско-казацкое войско Василия Шереметева и Богдана Хмельницкого. Московиты и казаки отступили в свой укрепленный лагерь, два дня отбивали приступы, а затем ночью их ушли к Белой Церкви.

Весной 1655 года в Украину с новым московским войском был направлен боярин Андрей Васильевич Бутурлин, причем воеводами у него были брат Василий и князь Григорий Ромодановский. Объединившись с казаками Хмельницкого, они все вместе двинулись в Галицию.

Бутурлин и Хмельницкий разбили войско коронного гетмана Николая Потоцкого у Гродка. Затем Хмельницкий с Бутурлиным осадили Львов, но потерпели неудачу. Тогда снова, как в 1649 году, гетман взял с осажденных выкуп (50 тысяч злотых) и пошел с московитами к Каменцу. Но и этот город не поддался.

Зато другая часть московско-казацкого войска под началом Даниила Выговского (брата войскового писаря Яна Выговского), и князя Петра Потемкина осадила Люблин и добила сдachi города «на царское имя». Иначе говоря, во избежание «потока и разоре-

ния» (т.е. массовых убийств и поголовного ограбления) люблинцы сочли за благо присягнуть Алексею Михайловичу.

В ноябре 1655 года союзник Речи Посполитой, новый крымский хан Камиль-Мухаммед Гирей (правил в 1654—1666 гг.), вторгся на Украину со 100-тысячной ордой. У Заложья он разбил московитов и казаков. После этого поражения московиты откатились далеко на северо-восток.

СОЮЗ ЛИТВЫ СО ШВЕЦИЕЙ

(осень 1655 г.)

После падения Вильно Радзивилл увел свое войско в Жемойтию. У него осталось менее пяти тысяч человек. Московские полки пытались его догнать, но вскоре остановились: из Риги в сторону Вильно выступили шведы.

Царь написал своей жене и сестрам в Москву: «Постояв под Вильною неделю для запасов, прося у Бога милости... пойдем к Оршаве». Но до похода на Варшаву дело не дошло. Ситуация стремительно изменилась.

Еще в мае в Москве прошли переговоры со шведами. Шведские послы предложили разделить территорию ВКЛ между сторонами. В ходе переговоров линия раздела менялась четыре раза. В июле в ставку царя приехал шведский посол Розенлинд, чтобы довести дело до конца, но царь вообще отказался делиться. Он считал, что и один легко добьется полной победы.

Между тем, новый шведский король Карл X Густав еще в марте 1655 года решил начать войну против Речи Посполитой. Момент был очень удобный. Он хотел захватить всю Ливонию, а заодно и другие земли Литвы и Польши — сколько получится.

В июне фельдмаршал Адольф Левенгаупт выступил к Динабургу. В июле он занял город, причем крепость открыла ему ворота на глазах воеводы Ордин-Нашекина, безуспешно пытавшегося взять город. В июле начал поход из Риги Магнус Делагарди. А главные силы шведов устремились в Польшу — 14 тысяч солдат фельдмаршала Витенберга и 12 тысяч Густава Стенбока, вместе с самим королем. 14 июля Витенберг высадился в Поморье, где стояло польское ополчение, и уже на следующий день оно капитулировало!

Что оставалось делать в такой ситуации литвинам? Выбирая из двух зол меньшее, Януш Радзивилл «отдал предпочтение шведской протекции перед московской тиранией». Он написал своему двоюродному брату Богуславу в Слуцк: «Другого способа спастись нет». 29 июля они оба впервые сделали официальное заявление о

том, что готовы принять протекторат Швеции и признать Карла Густава великим князем Литвы.

31 июля из Вильно в Ригу поехал Габриель Любенецкий, посланный Радзивиллом — просить шведов о протекции и военной помощи. Но в Риге он появился только 10 августа, когда столица ВКЛ уже пала. На следующий день королевский наместник Магнус Делагарди послал официальное уведомление воеводам Якову Черкасскому и Афанасию Ордин-Нашекину о том, что Великое княжество перешло под опеку короля Карла X Густава, а потому царь должен прекратить дальнейшее наступление. Чтобы предотвратить захват еще свободных городов и поветов Литвы, Делагарди и генерал Левенгаупт стали выдавать им свои охранные грамоты.

Соглашение о присоединении Литвы к Швеции, привезенное Любенецким из Риги, было подписано 17 августа в лагере Радзивилла в Жемойтии, в Кейданах. Свои подписи под ним поставили 436 человек, в том числе гетманы Януш Радзивилл и Винцент Гонсевский, жемойтский епископ Петр Парчевский, виленский епископ Юрий Тышкевич, виленский каноник Юрий Белозор, хоружий Гальяш Комаровский и другие знатные люди Литвы. В соглашении было сказано:

«Нет иного способа сохранить нашу державу, кроме как присоединить ее к одной из сторон, что воюют против нас и доверить ей свои права и fortuna».

Условия присоединения были таковы. Войска обеих сторон следовало объединить против общего врага, то есть против Москвы. Утраченные земли, города и замки ВКЛ шведский король обязался отвоевать и вернуть их законному владельцу, а московское войско — изгнать за пределы Литвы.

Отдельный пункт гласил, что это равноправный союз, аналогичный союзу Литвы с Польшей в рамках Речи Посполитой. Декларировалась свобода религии. В отношении тех магнатов и шляхтичей, кто не примет это соглашение, акт предусматривал конфискацию их имущества.

Но тут произошел раскол. Так, шляхта Браслава, Полоцка и Ошмян подписала соглашение, а шляхта Гродненского повета отказалась и заявила о верности королю Яну-Казимиру. Не подписали соглашение жемойтский староста Глебович, полевой писарь Станкевич и многие другие.

Несмотря на это, 7-тысячное войско Делагарди перешло Двину, заняло Жемойтию и ело приближаться к оккупированной московитами части Литвы. Шведы вошли в Браслав (не путать с украинским Брацлавом) и Друю, их войска заняли Вилькомирский и

Упитский поветы, частично Ковенский и Браславский. Князь Януш Радзивилл теперь называл себя гетманом короля Швеции.

Швеция была грозным противником. Между тем, Москва уже завоевала большую часть Литвы, да и в Украине дела пока что шли успешно. Поэтому царь с боярами поначалу решили воздержаться от новой войны. Из Вильно в лагерь Радзивилла 24 августа выехал царский посол Лихарев. Он предложил обоим гетманам перейти на службу к Алексею Михайловичу и сообщил условия, на которых Литва могла бы существовать под властью царя. Обещалось сохранить свободу вероисповедания, привилегии и владения шляхты.

Но Радзивилл отказал ему, сказав, что «в повете возле Вильно ратные царские люди крестьян, женщин и малых детей всех секут и хаты палят».

А вот Гонсевский в частных беседах с Лихаревым высказался за союз Речи Посполитой с Москвой против Швеции. Более того, как уже сказано, в октябре он подписал соглашение с Лихаревым, по которому московиты обязались прекратить военные действия против литвинов. И, надо признать, это соглашение действовало. С ноября 1655 до осени 1656 гг. (до заключения перемирия в Немежи) войну против войск ВКЛ царские воеводы не *цели* (исключение — поход Урусова к Бресту в ноябре 1655 года). Они ограничивались борьбой с партизанами.

Одновременно царское правительство послало письма Карлу-Густаву и его наместнику в Ливонии Магнусу Делагарди с требованием отказаться от претензий на ВКЛ. За это им обещали не вторгаться в Курляндию и Пруссию.

Обеспокоенные таким развитием событий, особенно сепаратными переговорами Гонсевского, шведы ускорили реализацию соглашения о присоединении ВКЛ. В начале сентября в лагерь Радзивилла приехал губернатор Эстляндии Скитэ, а вскоре за ним и генерал Левенгаупт. Начался новый тур переговоров, длившийся около двух месяцев. Радзивилл стремился сохранить условия от 17 августа, в первую очередь — автономию Литвы, но теперь против него выступили многие из «своих», в том числе жемойтская шляхта. Они были склонны обойтись без автономии, только бы никоим образом не зависеть от Радзивилла! Лишь 20 октября удалось заключить новое соглашение. От Литвы его подписали 1142 человека — шляхта и католическое духовенство.

Оно подтверждало все привилегии и вольности шляхты (кроме выборов монарха и согласия на объявления войны и заключение мира), гарантировало равноправие католической, униатской и православной церквей.

Но, поскольку шла война, это же соглашение обязывало жителей Литвы снабжать шведские войска провиантом и фуражом, предоставлять им жилье для постоя, ремонтировать дороги. Шведы реквизируют лошадей и корм для них, силой забирали местную молодежь в свою армию, требовали от шляхты и духовенства денег на войну. Все это вызывало резкие протесты со стороны шляхты и крестьянства.

Что касается литовского войска, то оно раскололось еще до подписания первого Кейданского договора. 14 августа большинство воинов ушло в Подляшье, став лагерем в Вербиллово, на границе с Пруссией. Здесь воевода Павел Сапега и гетман Винцент Гонсевский заявили о создании конфедерации против Радзивилла и Швеции.*

В сентябре к конфедератам ушел полк драгун. У Радзивилла осталось всего 2 тысячи человек.

В октябре, сразу после подписания Кейданской унии, Магнус Делагарди со своим корпусом покинул Жемойтию. У переправы через Неман к нему присоединился Богуслав Радзивилл и они вместе ушли в Пруссию, к королю Карлу-Густаву. Но в битве с конфедератами под Простками (в Пруссии) 8 октября, где князь Богуслав командовал объединенными бранденбургскими, шведскими и своими войсками, он потерпел поражение от гетмана Винцента Гонсевского и оказался в плену.

Тогда в ноябре на Подляшье отправился Януш Радзивилл — воевать с конфедератами. Он занял польский город Тыкоцин (Тикотин), однако вскоре был осажден в нем войсками Павла Сапеги. 31 декабря 1655 года гетман Радзивилл внезапно умер в осажденном городе.

Одни историки считают, что Януша отравили: ему было только 43 года, на здоровье он не жаловался, как вдруг его тело покрылось непонятными пятнами, и он скончался. Другие считают, что гетман, поддавшись приступу депрессии, сам покончил с собой.

На подконтрольной шведам части территории ВКЛ остались всего лишь три тысячи их солдат. В апреле 1656 года вспыхнуло восстание в Жемойтии. Совместными действиями повстанцы и войска Винцента Гонсевского к концу года изгнали шведскую администрацию и войска в Ливонию. После этого Кейданский договор утратил свою силу.

* Павел Ян Сапега — сын Яна Петра Сапеги, участника событий Смутного времени в Московии. Во время Смоленской войны — ротмистр. Великий обозный ВКЛ в 1638—45, Витебский воевода в 1646—56, с 1656 воевода виленский и великий гетман Литвы. Речь о нем уже шла в главе о казацких войнах (с. 635).

ВТОРЖЕНИЕ ШВЕДОВ В РЕЧЬ ПОСПОЛИТУЮ (1655 г.)

Итак, Речь Посполитая вела войну с казаками и Москвой. В это время на нее обрушилась еще одна беда. Летом 1655 года в Польшу и Литву вторглись шведские войска.

Скажем несколько слов о предыстории этой войны. Как уже говорилось выше, после победоносного завершения войны с Речью Посполитой (1621—1629 гг.), шведский король Густав II Адольф в 1630 году ввязался в Тридцатилетнюю войну. Он высадился в Померании (ныне польское Поморье) и одержал ряд побед над войсками германского императора. Однако 16 ноября 1632 года в сражении при Лютцене Густав-Адольф погиб. На престол взошла его дочь Кристина.

Королева Кристина осталась незамужней, поэтому под давлением шведской знати в 1654 году она отреклась от престола в пользу 32-летнего Карла Густава, племянника Густава-Адольфа. Новый король занял трон в качестве Карла X Густава. Ранее он под командованием дяди участвовал во многих сражениях, а к концу Тридцатилетней войны стал главнокомандующим шведскими войсками в Померании.

Между тем, после отречения Кристины король Ян II Казимир вдруг вспомнил о правах своего отца Сигизмунда на шведский престол, хотя и отец, и брат уже давно официально от них отказались. Напомним, что Сигизмунд III сделал это по Альтмаркскому договору 1629 года, а Владислав IV — по Штумсдорфскому договору 1636 года.

Итак, на престол взошел молодой король, успевший проявить себя способным полководцем, а лучшая армия Европы уже семь лет тосковала без войны. И тут появился прекрасный повод: Польша! Естественно, Карл-Густав двинул туда войска. Разумеется, династические претензии Яна-Казимира послужили лишь поводом. Истинная причина войны, как и у Алексея Михайловича, заключалась в наличии ситуации, весьма удобной для завоеваний.

План Карла-Густава предусматривал двойное наступление: из Померании в Западную Польшу, а из Ливонии в Литву. В июле 1655 года 17-тысячная армия графа Арвида фон Виттенберга устремилась из Померании на Познань и Калиш. Вскоре с подкреплениями прибыл сам Карл-Густав, доведя численность шведской армии до 32 тысяч человек, и он вторгся в центральную часть Польши.

После двухдневного сражения польские войска 25 июля капитулировали под Устьем, севернее Познани. Далее поляки отступали,

не оказывая серьезного сопротивления. Наконец, 6 сентября шведы настигли королевскую армию и разбили ее при Чернове. После этого 8 сентября они заняли Варшаву, несколько позже — Краков. Король Ян-Казимир бежал в австрийскую Силезию. На севере держался только город Данциг, да и то благодаря поддержке голландской эскадры.

ф *

Чинимые шведами зверства, осквернение ими католических храмов и разграбление собственности привели к тому, что польский народ поднялся на борьбу. Магнаты и шляхта создали по всей стране партизанские отряды, неустанно истреблявшие захватчиков. Король Ян Казимир вернулся в страну и возглавил борьбу.

Узнав о возвращении Яна-Казимира, Карл X Густав весной 1656 года во главе 10 тысячного войска поспешно выступил из Пруссии.

В первых столкновениях ему сопутствовал успех. Но затем он потерпел неудачу у крепости Замостье, а под Сандомиром превосходящие польские войска заблокировали его в треугольнике, образованном реками Висла и Сан.

Проявив личное мужество и полководческий талант, Карл-Густав прорвал окружение и стал отступать в Пруссию. На всем пути шведов преследовала кавалерия гетмана Стефана Чарнецкого, атаковали партизанские отряды. Пока король дошел до Пруссии, от его армии осталось 4 тысячи солдат. Прочие шведские силы были рассредоточены в виде гарнизонов по разным городам и крепостям.

Шведский мушкетер (XVII в.)

В июне 1656 года Яну Казимиру сдался шведский гарнизон Варшавы под командованием графа Виттенберга.

Но уже в конце того же месяца Карл X Густав, получивший подкрепление в виде 18-тысячной армии своего нового вассала и союзника курфюрста Бранденбургского Фридриха-Вильгельма (правил в 1640—1688 гг.), опять вторгся в Польшу. В июле произошла трехдневная битва за Варшаву. В ходе сражения 50-тысячная армия Яна Казимира и гетмана Стефана Чарнецкого потерпела поражение. При этом особенно отличился бранденбургский генерал Георг фон Дерфлингер. Карл-Густав снова занял Варшаву, но Фридрих-Вильгельм отказался двигать свою армию в глубь охваченной освободительным восстанием Польши.

В апреле 1657 года новый австрийский император Леопольд I (он сменил Фердинанда III, умершего 2 апреля) заключил союз с Яном-Казимиром и дал ему 12-тысячную армию, чтобы помочь отвоевать у шведов Краков. Эта помощь оказалась как нельзя более кстати. Дело в том, что в феврале 1657 года еще один шведский союзник, семиградский (трансильванский) князь Дьёрдь II Ракоши, перешел через Карпаты и с 30-тысячной армией вторгся в Польшу с юга. Но в июле он был окружен польско-австрийскими войсками и 22 июля капитулировал. Ракоши вернулся в Трансильванию всего с 400 конниками личной охраны, остальную его армию при отступлении уничтожили крымские татары.*

Надо отметить, что в мае 1657 года объединенное войско короля Карла X Густава, князя Дьёрдя Ракоши и украинских казаков осадило Брест. Там стояли полки гетманов Павла Сапеги и Станислава Потоцкого, ожидавшие подхода Винцента Гонсевского. Но они покинули город, оставив в нем двухтысячный гарнизон. Сапега пошел к Каменцу, Потоцкий — к Сандомиру.

Назначенный ими комендант не стал долго сопротивляться, 23 мая он сдал замок.** Наемная немецкая пехота (1700 человек)

* Война, которая получила название Великой Северной войны, длилась вплоть до весны 1660 года. В ней против Швеции выступила Дания (июнь 1657 г.), к которой вскоре присоединились Бранденбург и Голштиния, а позже (осенью 1658 г.) — Англия и Голландия. Борьба шла с переменным успехом.

Лишь после смерти короля Карла X Густава (13 февраля 1660 г.) новые шведские власти пошли на заключение мира. Швеция и Речь Посполитая заключили Оливский мирный договор в мае 1660 г. По нему обе стороны взаимно отказались от династических претензий; были подтверждены шведские права на Ливонию, а курфюрст Бранденбургский стал полноправным властителем Восточной Пруссии. Однако эти события выходят за рамки нашего повествования.

** Замок находился на мысу, образованном слиянием рек Мухавец и Западный Буг. На земляном валу стояли двухэтажные деревянные стены-клет и пять башен. Замок имел форму треугольника (234 x 234 x 187 м).

перешла на службу к шведскому королю. Город (посад) вокруг замка был разграблен и большей частью сторел. Но в это время против Швеции выступила Дания, в связи с чем Карл X Густав срочно покинул Брест.

В замке остался гарнизон трансильванцев (600 человек) под командованием полковника Гонди. 12 июля 1657 года гетман Павел Сапега приказал князю Михаилу Радзивиллу взять замок врасплох: «спешив людей, подобраться как можно тише, чтобы никто и пера не уронил», а затем атаковать. Отряд, состоявший из «обывателей Брестского воеводства», успешно выполнил этот план. Комендант сдал замок. По условиям сдачи он увел свой отряд с оружием и знаменем.

Вторжение московитов, шведов, пруссаков и трансильванцев, отпадение Литвы, казачья война — все это обрекало Речь Посполитую на распад, Польшу — на гибель. Не случайно тот период польские историки называют «потопом». Почти всю территорию страны заняли многочисленные противники, лишь небольшие островки сопротивления напоминали о том, что она еще не покорена до конца.*

Но одновременное вступление в борьбу двух соперничающих держав, Московской Руси и Швеции, неожиданно дало Речи Посполитой хороший шанс на спасение. Дело в том, что царь Алексей Михайлович и его окружение совершили огромную глупость. Вместо того, чтобы заключить со шведами союз, как те предлагали, в короткий срок общими усилиями добить поляков и литвинов, разделить территорию Республики между собой, они восприняли действия шведов как угрозу своим интересам! Вот уж действительно, если Господь хочет кого-то наказать, он лишает его разума. Как бы там ни было, в мае 1656 года царь объявил войну Швеции.

А 24 октября (3 ноября нового стиля) 1656 года послы Алексея Михайловича подписали в имении Немежи (или Нимитц) под Вильно соглашение о перемирии на два года. Переговоры шли с 12 августа, они несколько раз прерывались для консультаций послов со своими государями. Царя представляли князь Одоевский и И. И. Лобанов-Ростовский, дьяки Дохтуров и Юрьев. От короля Яна Казимира прибыли полоцкий воевода Я. Красинский, маршалок литовский К. Завиша, виленский епископ Довгяло-Завиша, ксёндз Бжестовский и секретарь Сорбевский. При этом

* Знаменитый польский писатель Генрик Сенкевич (1846—1916), лауреат Нобелевской премии 1905 года в области литературы, ярко описал то страшное время в своем романе «Потоп».

московская сторона, стремясь дипломатическими мерами закрепить свои завоевания, пыталась подкупить королевских комиссаров.

Согласно достигнутым условиям, Речь Посполитая и Московская Русь прекращали войну между собой и объединялись в антишведский союз. Их войска должны были совместно действовать против общих врагов — Швеции и Бранденбурга.

Речь Посполитая согласилась на то, чтобы ближайший сейм рассмотрел вопрос об избрании Алексея Михайловича королем, с оговоркой, что короноваться сможет лишь после смерти Яна II Казимира (он был на 20 лет старше Алексея Михайловича и к тому тяжело болен), а до той поры не имеет права вмешиваться во внутренние дела Республики. Соглашение также предусматривало сохранение прав и привилегий католиков.*

Соглашение приветствовали обе стороны, уставшие от войны. Из Литвы ушла значительная часть московских войск. Например, в Вильно после 6 ноября остался лишь небольшой гарнизон. Однако мир оказался непрочным и кратковременным. Летом 1658 года сейм в Варшаве отказал царю в праве избрания королем, а также потребовал вернуть все захваченные земли. Новые переговоры, начавшиеся после этого в Вильно, быстро зашли в тупик. И снова возобновилась война.

РАДНОТСКИЙ ДОГОВОР (декабрь 1656 г.)

В этот сложный период Богдан Хмельницкий искал новых союзников. В декабре 1656 года его представители на переговорах в трансильванском городе Раднот подписали тайный договор со

* Надо сказать несколько слов о том, почему время от времени возникала идея объединения Речи Посполитой с Московским государством. Что касается Речи Посполитой, то часть магнатов и шляхты надеялась повторить опыт унии с Литвой, объединившись с Москвой. Этим, полагали они, во-первых, можно будет положить конец военным конфликтам с восточным соседом, во-вторых, шляхта могла бы получить от нового государя пожалования на бескрайних просторах Руси, которые могли стать для польско-литовской шляхты тем же, чем стал для испанского дворянства Новый Свет.

Московские государи смотрели на унию со своей колокольни. Как мы помним, Иван Г/ прямо предлагал Габсбургам разделить Речь Посполитую — им Польшу, ему — всю Литву. Такой же «программы-минимум» придерживался Алексей Михайлович: в первую очередь присоединить земли, считавшиеся в Москве ее прямым наследием от Киевской Руси; во-вторых, если удастся, занять литовский престол, а уж затем, если это будет возможно, получить еще и корону Польши.

Швецией, Трансильванией и Бранденбургско-Пруссим государством. Он стал ответной реакцией сторон на Виленское перемирие Москвы с Речью Посполитой.

По этому договору и по решениям следующего тура переговоров в Шомошваре (в январе 1657 года) трансильванский князь Дьёрдь II Ракоши должен был получить титул короля Польши, а вместе с титулом — значительную часть польских земель: Малую Польшу, Мазовию, Подлясье и Брестчину. К Швеции отходили почти все остальные польские земли, а также Ливония, Курляндия, Виленское и Трокское* воеводства.

Договор предусматривал создание на территории ВКЛ независимого княжества из владений Януша и Богуслава Радзивиллов, плюс к ним Новогрудское воеводство и некоторые польские земли. Однако представитель Радзивиллов на переговорах в Шомошваре, некий Меженский, потребовал, чтобы к тому были добавлены Брестчина и Подлясье.

Планировалось создать независимое украинское государство по обоим берегам Днепра, включив в него земли восточной Литвы в бассейнах рек Днепр, Сожи, Припять.

Именно в соответствии с Раднотским договором в начале 1657 года казацкие отряды вошли на территорию Польши и участвовали в битве за Варшаву и захвате Бреста.

Но замысел хитроумного гетмана вскоре потерпел неудачу, так как на стороне Яна II Казимира выступили австрийцы, а в Украину снова вторглись крымские татары. Увидев, что Польша еще жива и даже одержала победу над Ракоши, и что против Швеции выступила Дания, гетман начал тайные переговоры с королем Яном-Казимиром. Тот в обмен на союзничество обещал предать забвению казацкие «провинности» и заключить договор о создании автономного украинского (точнее, казацкого) государства в составе Речи Посполитой. Иначе говоря, речь шла о том, чтобы расширить состав конфедерации с двух участников (Польша и Литва) до трех.

Попутно Хмельницкий договаривался о том же самом со шведским королем: широкая автономия в составе Швеции. И еще он для «отвода глаз» отправил новое посольство в Москву — уверять царя и бояр в страстной любви казаков к москалям. Как видим, гетман был настоящий политик: задолго до Уинстона Черчилля он знал, что у любого государства не бывает постоянных друзей, бывают лишь постоянные интересы. Несомненно, Богдан Хмельницкий обеспечил бы Украине государственную независимость, однако 27 июля (6 августа) 1657 года он умер от «удара».*

* «Ударом» в те времена именовали как insult, так и инфаркт.

Забавно, но факт: многие «хохлы», плохо знающие историю и мыслящие не логически, а эмоционально, ныне считают Хмельницкого «зрадником» (изменником). Дескать, он «продал ршну Украину» москалям. Между тем, никто из десятков честолюбивых «полковников» казацких войск в подметки не годился пану Богдану ни умом, ни способностями. Все, что они делали после него, так это до бесконечности дрались друг с другом за гетманскую булаву.

ВОЙНА МОСКВЫ СО ШВЕДАМИ (1656-1658 гг.)

Какуже сказано выше, в июле 1655 года к царю в Смоленск приехал Розенлинд, личный посланник короля Карла X Густава, с письмом от него. В письме король указал повод, побудивший Швецию начать войну (династические претензии Яна II Казимира), и предложил совместно воевать против Речи Посполитой.

Вступление Швеции в войну, с точки зрения здравого смысла, было большой удачей для Москвы. Ведь, хотя московиты оккупировали почти всю Литву и значительную часть Украины, победить Речь Посполитую им не удалось. Раздел Республики, предложенный Кардом-Густавом, являлся идеальным вариантом даже в том случае, если бы шведам досталось больше земель, чем Москве. Но 26-летний царь Алексей Михайлович, как и все его предшественники на московском троне, просто раздувался от сознания своего величия. Он гордо заявил шведскому послу:

«За многие злые неправды к нам королей Владислава и Яна Казимира дал Бог нам взять всю Белую Русь и многие воеводства, города и места с уездами Великого княжества Литовского, да наш же боярин Бутурлин с запорожским гетманом Хмельницким в Короне Польской, на Волыни и в Подолии побрал многие воеводства, города и места, и мы учинились на всей Белой Руси и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем».

Между тем, в августе — октябре 1655 года, в связи с переговорами Радзивилла об автономии Литвы в составе Швеции, а затем и подписанием соответствующего договора, шведские войска вошли в ряд литовских поветов и городов. Особое раздражение царя вызвало занятие шведами важной в стратегическом отношении крепости Друя, расположенной на Западной Двине.*

Вдобавок царь Алексей и патриарх Никон получили донесения лазутчиков о том, что король Карл X и Богдан Хмельницкий ведут

* В настоящее время городок Друя находится на границе Беларуси и Латвии.

переговоры о создании Киевского княжества, состоящего в вассальной зависимости от шведского короля (о секретном Раднотском договоре они не пронюхали).

В конце декабря 1655 года в Москву прибыли шведские послы. Формальной целью этого посольства было подтверждение Столбовского мира 1617 года. Согласно протоколу, новый монарх должен был подтверждать все договоры своих предшественников. Карл X Густав еще 20 (30) июня 1655 года официально подтвердил данный договор. Но в Москве придрались к его грамоте, заявив, что в ней указаны не все титулы царя. Однако часть титулов появилась только что. Послы заявили, что ранее не знали о титулах «царя Белой Руси, литовский, волынский и подольский», а титул «восточной и западной и северной страны отчичь и дедичь, наследник и благодетель» назвали «сомнительным». В ответ на это царь отказался подтвердить Столбовский мир!

Понятно, что все это было только поводом. Но в итоге, 17 мая 1656 года царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Войско во главе с князем Петром Потемкиным пошло к берегам Финского залива. В помощь Потемкину царь дал большой отряд донских казаков. При отправке казаков патриарх Никон благословил их — ни больше, ни меньше — «идти морем» к Стокгольму и взять его!

После этого Алексею Михайловичу ничего не оставалось делать, как мириться с Яном-Казимиром. 30 июля 1656 года в Вильно начались переговоры. И сразу зашли в тупик из-за Украины. Обе стороны не хотели ее уступать и в то же время не желали воевать. Бесполезная дискуссия затянулась надолго. Речь Посполитая была очень слаба, царь же не хотел возобновлять войну с ней, не закончив кампанию против шведов.

Кроме того, он знал о тяжелой болезни короля Яна-Казимира. Ряд польских и литовских магнатов, объединившихся вокруг Винцента Гонсевского, предлагали избрать королем Алексея Михайловича или его сына Алексея Алексеевича. Царя весьма устраивал такой вариант.

% sz

Войско князя Потемкина захватило крепости Нотебург (позже Шлиссельбург) у истока Невы и Ниеншанц в нижнем ее течении.

Вскоре Алексей Михайлович самолично прибыл в Полоцк. 15 июля он выступил оттуда вниз по Двине в Ливонию. В ночь с 30 на 31 июля три с половиной тысячи ратников пошли на штурм Динабурга (ныне Даугавпилс в Латвии). К утру город и замок оказались в их руках. Всех пленных шведов и немцев московиты убили. Царь повелел построить в Динабурге церковь святых Бориса и Глеба, а город переименовал в Борисоглебов.

Затем царские войска взяли крепость Кокенгаузен на Западной Двине (бывший Кукенойс, основанный в 1205 году полоцким князем Вячко). Царь переименовал его в город «Царевича Дмитрия». Согласно письму Алексея Михайловича сестрам в Москву, при взятии крепости войско потеряло всего лишь 67 человек убитыми и 430 ранеными.

Наконец, 23 августа войско во главе с царем осадило Ригу, многочисленным гарнизоном которой командовал рижский губернатор, граф Магнус Делагарди. С 1 сентября шесть осадных батарей начали обстрел городских укреплений, не прекращая огня даже ночью. Однако 2 октября Делагарди, получив морем подкрепление, сделал дерзкую внезапную вылазку и вдребезги разбил войско осаждавших. Потеряв до 8 тысяч человек убитыми и 6 тысяч пленными, царь отступил. При этом ему пришлось бросить всю осадную артиллерию и транспортную флотилию на Двине (около 800 речных судов).

Правда, Дерпт сдался москвитам, но это стало последним успехом Москвы. В 1657 году шведы продолжили контрнаступление. Они разорили Карелию, а затем устремились в Ливонию. Царь вернулся в Полоцк, приказав своим воеводам удерживать те рубежи, где они находились в тот момент. Это была условная линия Кокенгаузен — Тирзен — Мариенбург — Нейгаузен — Дерпт — северный берег Чудского озера — истоки реки Нарвы.

Весной 1658 года один московский отряд взял Ямбург (ныне Кингисепп в Эстонии) и осадил Нарву, однако вскоре был разбит шведами. После этого царь Алексей Михайлович признал свое поражение. 21 июля 1658 года в Москве было подписано предварительное соглашение о прекращении боевых действий. Ровно через три месяца, 21 октября, на реке Нарова стороны заключили перемирие на 3 года, что позволило царю возобновить войну с Речью Посполитой.

Еще позже, 21 июня 1661 года на мызе Кардисс был подписан мирный договор, по которому Московия потеряла все завоевания в Эстляндии и Ливонии. Ее граница -со Швецией прошла по реке Нарова и Чудскому озеру, далее по Псковскому озеру и по старой границе с Ливонией.

Глава 4

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ МОСКВЫ

* С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ

(1658—1667 гг.)

ГЕТМАН ВЫГОВСКИЙ И ГАДЯЧСКАЯ УНИЯ

(1657-1659 гг.)

Богдан Хмельницкий болел уже давно, и еще в апреле 1657 года он, заручившись согласием старшин, назначил своим преемником 16-летнего сына Юрия (Тимофей к тому времени погиб в Молдавии). При этом он попросил двух своих видных сподвижников, Выговского и Носача-, быть опекунами юноши до его совершеннолетия. Согласно договоренности, через три недели после смерти гетмана, 26 августа 1657 года, Рада казацких старшин в Чигирине провозгласила Юрия Хмельницкого гетманом. Но он сразу отказался от власти в пользу генерального писаря (своего рода министра иностранных дел запорожцев) Яна Остафия Выговского, по происхождению — литвинского шляхтича.*

Одним из первых заметных мероприятий Выговского стало подавление мятежа полтавского полковника Мартына Пушкаря, выступившего против него. Гетман отправил к Полтаве отряд численностью полторы тысячи казаков и наемников-сербов. Однако 25 января 1658 года близ знаменитей (благодаря Гоголю) деревни Диканьки казаки Пушкаря разбили отряд Выговского.

Продолжение последовало 17 мая 1658 года, когда войско самого Выговского, вместе с призванными на помощь татарами, пришло к Полтаве. В ночь с 31 мая на 1 июня Пушкарь внезапно атаковал бивак гетманского войска и захватил часть обоза. Но утром Выговский перешел в наступление и разгромил мятежного полковника. Пушкарь погиб, а его ближайший помощник Барабаш

* Именно происхождение ставили ему в вину противники, например, полковник Иван Богун. Он и другие кричали, что казаки не могут верить «литвину».

Гетман Ян Выговский

едва ушел с «немногими людьми». Выговский утверждал, что он и татары вместе потеряли тысячу человек, тогда как мятежники — восемь тысяч. Надо полагать, что вторую цифру он изрядно преувеличил.

Подавляя внутреннюю оппозицию, гетман Выговский одновременно продолжал политику Богдана Хмельницкого, направленную на достижение фактической независимости Украины. С этой целью он вел тайные переговоры с королем Яном Казимиром. В августе в городке Гадяч начались переговоры официальные. 16 сентября гетман и королевские комиссары под-

писали так называемый Гадячский договор (заключили унию).

По нему Украина (точнее, значительная ее часть) превращалась в автономное государство, примерно на тех же правах, что Крым по отношению к Османской империи. Самому Выговскому король пожаловал титул «гетман русский и первый воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сенатор». Вот что пишут об этом современные российские историки:

«Недолгое гетманство Выговского было ознаменовано последней серьезной и по-своему перспективной попыткой уладить отношения между Речью Посполитой и казачеством. Возобновив переговоры с польским правительством, Выговский объявил о расторжении союза с Россией и по решению казацкой рады 16 сентября 1658 года заключил в городе Гадяче договор с Речью Посполитой. По этому договору Украина возвращалась в состав Речи Посполитой на почетных и выгодных для казацкой старшины условиях.

Гадячская уния была серьезной уступкой сторонникам украинской государственности. По этому соглашению Украина (Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства) становилась равноправной частью Речи Посполитой наравне с Великим княжеством /Литовским/ и Короной. Ей предоставлялось право на собственное управление, реестр был расширен до 60 тысяч человек, казацкая старшина получала шляхетское звание, а высшие руководители казачества и представители православной иерар-

хии — места в сенате. Обеспечивались свободы православной церкви на всей территории государства.

Гетман получал право ходатайствовать перед королем о нобилитации (возведении в шляхетство) заслуженных казаков и мещан, группа казачьих старшин уже тогда получила шляхетское звание, но при этом шляхта, в свое время бежавшая с Украины, могла вернуться в свои имения. Создавались условия для широкого развития украинской культуры. Было разрешено учредить на Украине две академии, гимназии, другие школы, гарантировалась свобода печати (право заводить типографии).

Но это соглашение запоздало. Конфликт между Украиной и польским правительством зашел слишком далеко. Значительная часть казачества отказалась признать Гадячскую унию. В последующие десятилетия к несчастьям Украины прибавилась междоусобная борьба между сторонниками и противниками, соответственно, Москвы и Кракова. Возобновилась и война между Русью и Речью Посполитой, союзником которой теперь снова выступала часть казачества.

В своих универсалах Выговский призывал украинцев присоединиться к нему и выбить из Киева московский гарнизон. Последнее ему не удалось, однако несколько московских отрядов, отправленных на Украину, были разбиты. Но противники унии с Польшей оказались сильнее».

История России с древнейших времен до конца века. М., 2001, с. 545—546

* * *

Уже в августе 1658 года Выговский послал казацко-татарское войско на Киев, где стоял московский гарнизон. Но 23 августа киевский воевода боярин Василий Борисович Шереметев разгромил казаков и татар неподалеку от Киева. В бою отличились полки «иноземного строя» под командованием полковника фон Штадена (Штадена). Трофеями московитов стали 12 пушек.*

В сентябре 1658 года от имени царя были разосланы в украинские города грамоты с изложением московской версии произошедших событий. Разумеется, Гадячская уния квалифицировалась в них как «измена». Тогда Выговский 8 октября отправил послание Алексею Михайловичу, в котором подчеркнул, что Переяславская рада вовсе не решала вопрос о присоединении Украины к Москве, а лишь просила защитить запорожских казаков и православную церковь в украинских землях от поляков. Теперь же, когда благодаря Гадячской унии надобность в таком заступничестве отпала, он просил вывести московские гарнизоны и не воевать с казаками:

«Бога ради усмотри, ваше царское величество, чтоб неприятели веры православной не тешились и сил не восприняли, пошли указ свой к боя-

* Заметим, что Выговский перешел на сторону короля вместе с литовскими городами Старый Быхов, Чаусы и Рославль, ранее пожалованными царем гетману Хмельницкому за помощь в завоевании Литвы.

рину Василию Борисовичу Шереметеву, чтоб он больше разорения не чинил и крови не проливал».

Между тем, ситуация в Украине была такова. Большинство старшин выступало за унию и автономию, тогда как большинство простых казаков стояло за Москву. Оно и понятно: им уния ничего не давала, зато создавала реальную перспективу скорого возвращения магнатов и шляхты, а вслед за ними, может быть, и ненавистных арендаторов-евреев. В конце ноября 1658 года в местечке Верва противники Выговского собрали свою собственную Раду, избравшую гетманом полковника Ивана Беспалого. После этого в Украине фактически началась гражданская война.

Однако король не мог послать войско на помощь Выговскому так как польский народ вел жестокую борьбу со шведами, поглощавшую все силы и средства. Большую часть Литвы оккупировали москвиты, меньшую часть — шведы. Тогда, чтобы предотвратить посылку новых московских войск, Выговский отправил к царю белоцерковского полковника Кравченко, «туманить головы» заявлением о повинной. Одновременно он призвал на помощь все тех же крымских татар.

3 декабря 1658 года гетман Беспалый написал царю, что враги наступают на верных «его величеству» казаков со всех сторон, а царские воеводы помощи не дают. Алексей Михайлович в ответ сообщил*, что приехал Кравченко с повинной, что он (царь) велел собрать Раду в Переяславле 1 февраля, а пока пусть Беспалый соединится с князем Ромодановским и вместе бьет неприятеля.

Неприятель не заставил себя ждать. Уже 16 декабря наказной атаман Выговского Скоробогатенко подошел к Ромнам, где находился Беспалый, но потерпел поражение от последнего. Беспалый отправил царю срочную депешу:

«Если ваша пресветлая царская милость с престола своего не подвигнется в свою отчизну, то между нами, Войском Запорожским, и всем народом христианским, покою не будет. Выговский Кравченка на обман послал и ему бы ни в чем не верить».

В феврале 1659 года Беспалый сообщил в Москву, что из Новой Чернухи под Лохвицу приходило 30-тысячное казацко-татарское войско Скоробогатенко и Немирича, три раза пыталось взять город приступом, но было отбито. Сам же Выговский 4 февраля пришел к Миргороду и осадил его. В Миргороде стояли московские драгуны и казаки полковника Степана Довгаля. Уже 7 февраля полковник Довгаль решил перейти на сторону Выговского и покинул Миргорода со своим полком, после чего горожане открыли ворота. Выговский отправил москвитов в Лохвицу, естественно,

разоружив и ограбив их, затем двинулся к Полтаве, «приводить в чувство» Беспалова, прежнего помощника Пушкаря. Однако Беспалый со своими казаками убежал в Ромны.

Между тем, 15 января 1659 года из Москвы в Украину отправился князь Алексей Никитич Трубецкой с большим войском. Летопись говорит о 100 тысячах человек, но в действительности их было меньше раза в два. 10 марта Трубецкой пришел в Путивль, 26 марта направился оттуда к местечку Константинов на реке Суле. Туда же он вызвал московских воевод из Лохвицы и Беспалого из Вомен.

Наконец, 10 апреля войско Трубецкого от Константинова пошло к Конотопу, где сидел сторонник Выговского полковник Гуляницкий. Уже 19 апреля Трубецкой начал осаду. Она без малейшего успеха продолжалась до 27 июня, когда к Конотопу пришли казаки Выговского и татары крымского хана Камиль-Мухаммеда Гирея.

КОНОТОПСКАЯ БИТВА И ЮРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ (1659 г.)

Оставив всех татар и половину своих казаков в засаде за речкой Сосновкой, Выговский с остальными казаками на рассвете 28 июня внезапно атаковал осаждавших, перебил много людей, отогнал лошадей и начал преднамеренное отступление.

Трубецкой решил, что имеет дело со всем войском Выговского. Он послал для его преследования конницу под командованием князей Семена Романовича Пожарского и Семена Петровича Львова. Пожарский догнал отступавших казаков, часть перебил и поспешил вслед за остальными, все дальше и дальше удаляясь от Конотопа.

Взятые в плен казаки Выговского сказали ему, что впереди ждет в засаде большое войско — целая ханская орда и вторая половина казаков, но Пожарский не придавал никакого значения их словам. Как писал Соловьев, воевода никого не слушал:

«Давайте мне ханишку! — кричал он, — давайте калгу! — всех их с войском... таких сяких... вырубим и выпленим».

Выговский с казаками отступил за Сосновку. Но только князь следующим утром перебрался вслед за ним через эту заболоченную речку, как оказался в западне. С двух сторон по нему ударили многочисленные отряды татар и казаков. Одновременно вдруг широко разлилась речка, на которой люди Выговского быстро соорудили запруды. Вдобавок, они разрушили мост, что сделало невозможным отступление.

Татарский сотник

*

Пожарского привели к хану, который начал бранить его за дерзость и презрение к татарам. Но, как писал Соловьев, князь Пожарский в бою и в плену был одинаков. В ответ он «выбрал хана по московскому обычаю», то есть грубо высказался о ханской матери и даже плюнул в глаза Камиль-Мухаммеду. Взбешенный хан приказал немедленно отрубить голову князю.

По поводу Конотопского сражения С. М. Соловьев писал:

«Цвет московской конницы, совершившей счастливые походы 54-го и 55 года, сгиб в один день; пленным досталось победителям тысяч пять; несчастных вывели на открытое место и резали как баранов: так уговорились между собою союзники — хан крымский и гетман Войска Запорожского! Никогда после того царь московский не был уже в состоянии вывести в поле такого сильного ополчения.

В печальном платье вышел Алексей Михайлович к народу, и ужас напал на Москву. Удар был тем тяжелее, чем неожиданнее; последовал он за такими блестящими успехами! Еще недавно Долгорукий привел в Москву пленного гетмана литовского, недавно слышались радостные разговоры о торжестве Хованского, а теперь Трубецкой, на которого было больше всех надежды, «муж благоговейный и изящный, в воинстве счастливый и недругам страшный», сгубил такое громадное войско!

Одним словом, Выговский, многому научившийся от Богдана Хмельницкого, устроил москвитам настоящие Канны. Как писал современник и очевидец этой битвы Самойло (Самуил) Величко, «спастись мог разве только тот, кто имел бы крылатых коней».

На поле битвы легли не менее 20 тысяч (!) ратников царского войска, около 5—6 тысяч сдались в плен, в том числе полсотни воевод и оба князя. Выговский потерял 4 тысячи казаков, хан — 6 тысяч ордынцев.

После взятия стольких городов, после взятия столицы литовской царствующий град затрепетал за собственную безопасность: в августе по государеву указу люди всех чинов спешили на земляные работы для укрепления Москвы. Сам царь с боярами часто присутствовал при работах; окрестные жители с семействами, пожитками наполняли Москву, и шел слух, что государь уезжает за Волгу, за Ярославль».

Соловьев С. М. «История России с древнейших времен», книга VI, с. 51

Отдохнув после битвы и массовой резни пленников, Камиль-Мухаммед и Выговский двинулись к Конотопу, но главные силы московитов уже ушли оттуда, выставив позади сильный арьергард. Хан и гетман попытались догнать Трубецкого, однако лихие конные атаки татар и казаков встречала картечь многочисленных пушек. Понесся потери, союзники двинулись к Ромнам. В свою очередь Трубецкой с оставшейся у него частью войск 19 июля вернулся в Путивль.

Выговский и Камиль-Мухаммед осадили Ромны, где находился небольшой московский гарнизон. Выговский пообещал отпустить московитов домой с оружием в руках, если они сдадут город без сопротивления. Но свое обещание он нарушил: разоружил московитов и отдал их татарам.

От Ромен гетман и хан пошли к Гадячу. Жители отказались открыть им ворота. Казаки пошли на приступ, тогда как хан отказался тратить своих людей на это предприятие. Крымские татары крайне редко штурмовали города. Потеряв свыше тысячи человек, гетманские казаки отступили от стен Гадяча.

Эта осечка ни в коей мере не могла затмить главное: колоссальное поражение московского войска у Конотопа. Казалось, что Выговский в ближайшее время добьет всех своих противников, после чего в Украине наступят мир и процветание. Но не тут-то было.

Уже давно у запорожских казаков стало традицией грабить татарские улусы, когда хан отправлялся с войском в поход. Ведь с ханом уходило подавляющее большинство взрослого мужского населения. Так было и в этот раз.

Атаман Иван Серко с тысячей запорожцев спустился на лодках по Южному Бугу и начал погром. Молодой Юрий Хмельницкий тоже решил себя проявить: собрал две тысячи запорожцев, с которыми на 50 «чайках» двинулся к берегам Крыма. Его казаки высаживались под Кафой (Феодосией), Балаклавой и Керчью, углублялись вглубь полуострова до 50 верст, взяли большой «хабар», освободили полторы сотни своих товарищей. Узнав об этом, хан Камиль-Мухаммед с главными силами срочно двинулся в Крым, оставив Выговскому 10 тысяч своих конников.

Ян Выговский из Чигирина отправил казацко-татарское войско под командованием своего брата Данилы Выговского: во второй

раз пытаться выбить «москву» из Киева. Но 22 августа 1659 года отряд воеводы В. Б. Шереметева вышел ему навстречу и снова разбил, как год назад.

Когда же Выговский с оставшейся частью казацко-татарского войска покинул Чигирин, сюда явился переяславский полковник Тимофей Цецура, объявил себя подданным московского царя и перебил в городе всех сторонников Выговского.

В довершение ко всему, в правобережной Украине полковник Иван Богун поднял восстание против Выговского как «предателя». Серия неудач деморализовала гетмана. В сентябре он заявил, что отказывается от власти в пользу Юрия Хмельницкого, повзрослевшего на два года.

Юрию Хмельницкому уже исполнилось 18 лет, он хорошо проявил себя в крымском походе «за зипунами». Ян Выговский переслал ему гетманские регалии — бунчук и булаву — со своим братом Данилой. Данила был шурином Юрию Хмельницкому, так как был женат на родной его сестре Елене Богдановне.

5 сентября Трубецкой выступил из Путивля в левобережные города. 27 сентября он пришел к Переяславу. Полковник Цецура со своим войском встретил его в пяти верстах от города. Жители города тоже вышли за стены города встречать московское войско. 29 сентября в Переяслав прибыл Юрий Хмельницкий. Наследующий день Юрий со старшинами явился к Трубецкому, который встретил его словами:

«Известно великому государю, что ты ему служишь и ни к каким престелям не приставаешь. За твою службу великий государь тебя жалует, милостиво похваляет, и тебе бы и вперед служить верно, как служил отец твой гетман Богдан Хмельницкий».

Далее Трубецкой сказал, что царь велел казакам созвать в Переяславе раду и выбрать гетманом того, кого они хотят. 17 октября 1659 года собрались несколько сотен представителей левобережных и правобережных казаков. Преобладающее большинство высказалось в пользу Юрия Хмельницкого. Сам же Ян Выговский в октябре уехал в Польшу.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЙНЫ И ПЕРЕЛОМ В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Итак, в Украине с января 1658 года началась вооруженная борьба между сторонниками и противниками унии с Речью Посполитой, в которую активно вмешалась Москва. Между тем, 15-я статья Гадячского договора гласила:

«В войне короля с Москвою казаки могут держать нейтралитет, но в случае нападения московских войск на Украину король обязан защищать ее».

Следовательно, новая война между Москвой и Речью Посполитой была неизбежна. К тому же и срок Виленского перемирия осенью уже кончался (напомним, 24 октября/3 ноября). Однако внешняя политическая ситуация усложнилась для Москвы. В Литве развернулось национально-освободительное движение. В Украине казацкая старшина во главе с гетманом Выговским перешла на сторону короля? На севере шли бои со шведскими войсками. Три фронта, это уже чересчур. Поэтому 21 июля 1658 года в Москве было подписано предварительное перемирие со Швецией, позволившее царю высвободить силы и возобновить войну в Литве.

В Украину с большой армией ушел «Мстиславский мясник» — князь Алексей Трубецкой. Предполагалось, что он сможет убедить Выговского остаться на стороне Москвы. Как мы знаем, его поход кончился разгромом под Конотопом. И все же Москве повезло. В октябре 1659 года гетманом стал Юрий Хмельницкий, который на переговорах в Переяславе принял новые условия московского царя. Одна из статей этого соглашения гласила: «в городах, и местах, и местечках на Белой Руси /Литве/ ныне и впредь залогам черкасским /казакам/ не быти».

Тем не менее, положение московских войск в Литве в 1658—59 гг. резко ухудшилось. Шляхта, горожане, крестьяне, присягнувшие царю, в массовом порядке «ломали» присягу и выступали с оружием в руках не только против москвитов, но и против той части населения, которая поддерживала их.

К тому времени оккупационная армия понесла большие потери убитыми и умершими от болезней, инвалидами, а также дезертирами. Например, боярин Никита Одоевский сообщил, что за 1655 год и 8 месяцев 1656 года из Вильно убежали «неведомо куда» 47 детей боярских и 410 драгун. Численность почти всех оставшихся в Литве московских гарнизонов сильно сократилась.

Правительству пришлось ввести смертную казнь за дезертирство, принять ряд других мер для борьбы с этим явлением. Например, в Вязьме, Белой, Рославле, Брянске, Серпейске, Ржеве были учреждены специальные конные заставы для поимки дезертиров, пробиравшихся к своим домам.

Оккупанты и партизаны в ВКЛ

После заключения перемирия положение дел на оккупированной территории ВКЛ почти не изменилось в лучшую сторону. По-прежнему московиты грабили, убивали, уводили людей в неволю. И так — почти во всей Литве, разве что западные земли княжества пострадали несколько меньше центральных и восточных.

В 1657 году полоцкая шляхта жаловалась царю, что московские ратные люди «насилством ночью на маестности шляхетские и на крестьянские дворы... находят и наезжают и огнем жгут и до смерти побивают». Даже полоцкий православный епископ Кал ист, убежденный сторонник царя, не выдержал и написал воеводе Ивану Хованскому письмо в котором задал ему риторический вопрос:

«Зачем столько неправды, грабежа, страданий и убийств в городах и деревнях, в лесах и полях, почему в повсюду слышится плач и льются слезы».

В дополнение к ужасам войны, в 1654—1658 гг. в Литве бушевала эпидемия чумы, занесенной из Московии (от нее умер в Минске и царский воевода Федор Арсеньев), а с 1656 года начался еще и голод. Слуцкий шляхтич Ян Цедровский писал:

«Голод страшный настал, который продолжался аждо урожая 1657 года, так что котлов, собак, дохлятину всякую ели, а на последок людей резали и тела человеческие ели и трупам умерших людей в гробах лежать не давали».

На оккупированных землях московские власти в 1654—1656 гг. запретили деятельность всех конфессий, кроме православной. Униатские и католические храмы и монастыри были закрыты либо переданы православным попам. Только с лета 1656 года, пытаясь привлечь на свою сторону шляхту и мещан, они разрешили католикам отправлять их обряды западнее линии, проведенной по реке Березина, за исключением Вильно и Гродно. Но на практике никто не мог защитить католиков от произвола православных попов, пачками присылавшихся в Литву из Москвы и пылавших ненавистью к «латинянам». Например, тот же полоцкий епископ Калист закрыл костел в деревне Альбарочицы в Ошмянском повете, а его служителей велел арестовать, и они сгинули неизвестно где. Что касается униатов, тем не было ни малейшего снисхождения. Царь постоянно требовал: «уния должна быть уничтожена». Все униатские храмы закрывались, их священников казнили, прихожан силой заставляли переходить в православие.

С первых дней войны и все время оккупации, в соответствии с указом Алексея Михайловича от 30 июля 1654 года, осуществлялся планомерный вывод в Московию литвинских ремесленников и крестьян, где их превращали в крепостных, т.е. в рабов. Имеются документы, свидетельствующие о том, что Алексей Михайлович запланировал переселить в Московию 300 тысяч литвинов для пополнения убыли населения от эпидемии чумы.

Узаконенная охота на людей велась самыми бесчеловечными методами, причем вероисповедание жертв не играло никакой

роли — хватали всех, кто попадется. Например, один только воевода Роман Боборыкин (на православной Смоленщине!) взял «с посадку и уезду... к себе неволею ж семей з двадцать, а поголовно будет с женами и детьми блиско за двести человек» и разослал по своим деревням в качестве крепостных. Взрослых мужчин ратники продавали за 3—5 рублей, а семь — восемь подростков — за один рубль!

Согласно так называемой «Полонной книге» /книге пленников/ Новгородской пятины, с августа по октябрь 1656 года 17 участников похода на Литву привели и записали своими крепостными 52 человека обоего пола, захваченных под Полоцком, Витебском, Оршей и Вилью. Из них тринадцать были моложе 15 лет, тридцать семь от 15 до 30, двое — старше 30 лет.

А вот свидетельство из официального акта, составленного в 1656 году комиссией киевского полковника Антона Ждановича, расследовавшей преступления московских завоевателей в деревнях Поднепровья, на территории, перешедшей под юрисдикцию администрации гетмана Хмельницкого:

«В Седлуках осмнадцать человек ножами порезали, четырех жонок жгли и замучили насмерть, двудевок в недорослых летах насильничали; в Березовке дву человек срубили, дву мучили; в Олешне шесть человек срубили насмерть; в Полениковичах четыре человека мужиков срубили, а трох замучили насмерть; в Жоралах тры человека мужиков до смерти сожгли; в Перегоне мужиков до семи человек срубили и четырех жонок сожгли»...

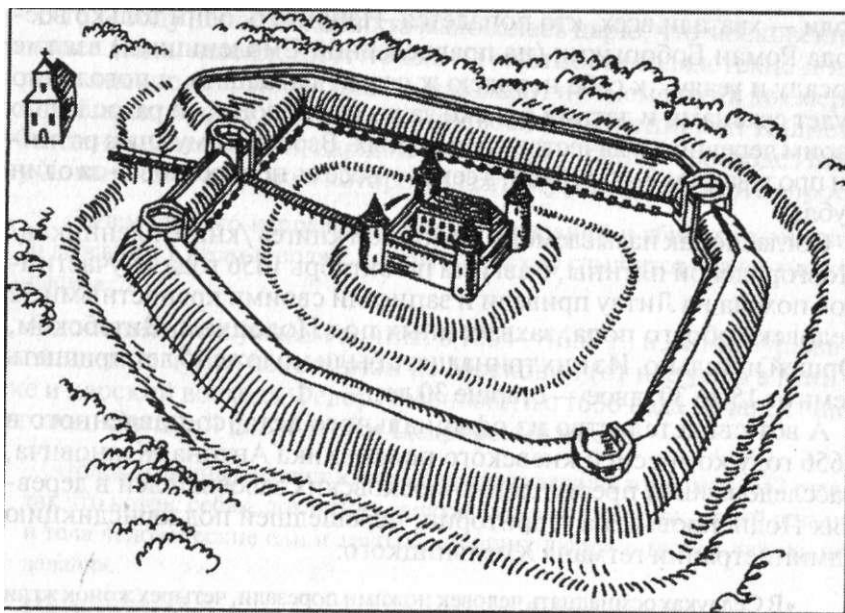
*Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.
Том 3. СПб, 1863, с. 537-538*

И так далее, и тому подобное.

Но опустошение и издевательства, грабежи и убийства, массовый вывод в рабство — все это вполне закономерно вызвало в ответ народно-освободительное движение. Уже в июле — августе 1654 года впервые в истории Литвы (Беларуси) на ее территории появились партизаны. Они действовали в восточных и северо-восточных поветах — Смоленском, Мстиславском, Могилевском, Полоцком и Витебском поветах. В этих землях партизан поддерживали даже местные православные попы.

Например, в Мстиславском повете активно и довольно успешно действовал отряд Якима Потапова, который еще во время Смоленской войны 1632—34 гг. был «с шишами полковником». Уже 18 июля 1654 года Потапов, имевший 15 шляхтичей и более 300 крестьян, совершил нападение на московские войска, осадившие Мстиславль »

Партизаны поначалу исполняли роль сельских отрядов самообороны. Они защищали свои села и деревни от грабежей и сожже-

Замок магнатов Гаштольдов в Геранехах (Гродненская обл.)
Реконструкция М.Л. Ткачева

ния, препятствовали захвату и выводу невольников, нападали на обозы и фуражиров. Партизаны были плохо вооружены, большей частью косами, вилами и топорами, зато хорошо знали местность и пылали ненавистью к пришлым бандитам. Царские воеводы называли их «шишами», «ворами», «изменниками».

Характерно, что командирами многих отрядов стали шляхтичи, установившие связь с Янушом Радзивиллом либо специально посланные им. Так, зимой 1655 года войт села Колесники Карп Евлев с помощью крестьян захватил воеводу Ивана Пушкина с казной и отправил его к гетману.

Царские воеводы отвечали на выступления партизан беспощадным террором. Например, когда в стычке возле Мстиславля были захвачены семеро партизан (в том числе одна женщина), их долго мучили («пытали и огнемжгли»), потом одного повесили, а остальных примерно наказали:

«Бив кнутием нещадно и отрезав у них уши и носы, велели послать... в деревни, чтоб, на то смотря, иным мужикам неповадно было так воровать и в шишах ходить».

Но задушить партизанское движение не удалось. Наоборот, весной и летом 1656 года, в условиях повсеместного голода и эпиде-

мии чумы, оно резко усилилось. Отчаявшимся людям уже нечего было терять. Крестьяне и горожане толпами бежали в леса и болота, где создавали укрепленные лагеря и оттуда нападали на оккупантов.

К концу года сопротивление охватило, помимо названных выше, еще и Минский, Борисовский, Виленский, Новогрудский поветы, а в 1657 году оно распространилось в новые районы, даже на Полесье, хотя там московских гарнизонов не было.

Изменилась позиция православной шляхты, ранее присягнувшей царю. Осенью 1658 года воевода Юрий Долгорукий с тревогой уведомил царя:

«Вся присяжная шляхта всех поветов изменили и к ним, к гетманом к Павлу Сопеге и к Гонсевскому пристали и твоих ратных людей везде побивали, и в полон имали, и конские стада отгоняли».

Складывалась ситуация, хорошо знакомая людям XX века: оккупанты господствовали в городах и замках, где стояли их гарнизоны, тогда как в сельской местности «правили бал» партизаны. Так, согласно показаниям воеводы Семена Змеева, летом 1657 года партизаны контролировали практически весь Могилевский повет. Численность отрядов народных мстителей быстро возрастала. Многие имели в своем составе несколько сот человек, отдельные — две-три тысячи и более! Улучшилось вооружение, отчасти за счет трофеев, отчасти — благодаря специальным поставкам, организованным гетманом Радзивиллом.

Соответственно, увеличился их боевой потенциал, размах действий. Например, отряд шляхтича Багровича (около 400 человек) осенью 1657 года попытался захватить Борисов! Активно действовал отряд во главе с князем Самуилом Лукомским (до 500 человек крестьян, мещан и шляхты). В Витебском повете лихие налеты осуществляли две конные партизанские хоругви — шляхтича Яна Храповицкого и бывшего студента витебского иезуитского колледжума Станислава Шалупина. В них состояли 30 шляхтичей, все остальные были мужики, вооруженные бердышами и рогатинами.

С осени 1658 года на территории северной и восточной Литвы развернулась полномасштабная война царских войск с партизанами. Сюда был направлен карательный корпус воевод Юрия Долгорукого, Григория Козловского, Ивана Лобанова-Ростовского. Борьба между ними и партизанами шла с переменным успехом, то немного утихая после поражений, то разгораясь с новой силой, вплоть до официального возобновления военных действий в 1659 году.

А когда началось успешное наступление войска Стефана Чернецкого и Павла Сапеги, к ним повсюду присоединялись отряды

бывших партизан. Например, весной 1662 года к пяти хоругвям королевского войска, вошедшим на территорию Речицкого повета, присоединились 6 хоругвей «шишей и уездных мужиков». В Полоцком повете 4 хоругви Речи Посполитой усилились за счет 3-х партизанских хоругвей. И так было везде.

Теперь все слои населения — крестьян, мещан и шляхту, независимо от вероисповедания — объединила одна цель: изгнать жестокого врага, «православного царя».

Возобновление боевых действий осенью 1658 года

Летом 1658 года, когда отношения между Москвой и Речью Посполитой ухудшились, сейм объявил сбор посполитого рушения.* Хотя оно и утратило свое прежнее значение, формально все же шляхетское ополчение являлось основой обороны страны. Но гораздо большее значение имело увеличение численности наемников: 36 тысяч в войсках Короны, 20 тысяч — в армии ВКЛ. Столь крупного наемного войска Республика еще никогда не имела.

Уже в конце сентября 1658 года дивизия Павла Сапеги заблокировала подступы к Гродно, а Винцент Гонсевский вошел в Виленский повет с конным отрядом в полторы тысячи сабель. Остальная часть дивизии Гонсевского (ее возглавлял обозный Самуил Коморовский) еще оставалась в Жемойтии, где вместе с

повстанцами боролась со шведскими войсками, снова вторгшимися сюда под командованием фельдмаршала Роберта Дугласа.

Московскому правительству удалось сформировать две армии (Юрия Долгорукого и Ивана Хованского), по 15 тысяч человек каждая, которые вошли в Литву в начале осени 1658 года. Им была поставлена задача: занять все города, оставшиеся свободными после предыдущей кампании, разгромить сохранив-

* Надо пояснить, что всякий раз шляхетское ополчение собиралось на заранее оговоренный срок, обычно не превышавший 9—10 месяцев. Затем оно распускалось по домам.

Польный гетман В. Гонсевский

шиеся силы литовцев и завершить захват территории Великого княжества.

Гонсевский хотел освободить столицу, но ему сильно не повезло. Князь Юрий Долгорукий 8 октября у села Верки наголову разгромил Гонсевского.*

Его обоз был захвачен, сам он тоже попал в плен. Весть об этом по эстафете тут же примчалась в Москву. Еще бы! Когда это царские войска брали в плен гетмана!

Сапега помочане смог или не захотел. Оставшись один, он ушел от Гродно к Новогрудку. Вот к каким последствиям приводила личная неприязнь между гетманами: раньше Гонсевский враждовал с Янушем Радзивиллом, теперь он третировал Сапегу

Но, так или иначе, боевые действия возобновились.

Боевые действия в 1659 и январе 1660 гг.

Зимой 1658—59 гг. произошли антимосковские перевороты в Старом Быхове, Мстиславле, Кричеве, Чаусах, Рославле. Перешли на сторону гетмана Яна Выговского почти все казацкие атаманы («полковники»), находившиеся в юго-восточной Литве. На их стороне действовали литвинские казацко-крестьянские отряды Мурашко, Драня, Сапрыки, Слизкого и ряд других.

По приказу уполномоченного Выговского, полковника Ивана Нечая, казацкие сотни начали занимать населенные пункты в Могилевском, Шкловском, Копысском и Мстиславском поветах. Царские войска пытались оказывать сопротивление, но были повсеместно разбиты и вытеснены. Сам Нечай стал называть себя «полковником беларуским». На подконтрольной ему территории крестьяне и мещане в массовом порядке объявлялись «вольными казаками».

Для борьбы с украинскими и новоявленными литвинскими казаками царь срочно сформировал и отправил отряд князя И.И. Лобанова-Ростовского. Путем осад и штурмов он привел к покорности все пять городов, где ранее произошла смена власти (Кричев, Мстиславль, Рославль, Старый Быхов, Чаусы)

К Мстиславлю воевода Иван Иванович Лобанов-Ростовский прибыл в марте. Из города навстречу ему вышел отряд шляхты и казаков, но был разбит воеводой «в посаде и под градом и в иных местах близко».

Остатки отряда и немногочисленные местные жители оказались в осаде, которая длилась около трех недель. В конце апреля «града Мстислава полковник Рытор и шляхта, и казаки и всяких чинов жилецкие люди добились челом и град Мстислав сдали». Лобанов-

* В тот же день шведы взяли в плен герцога Курляндии Якоба Кетлера со всей его семьей, после чего Курляндия официально перешла к Швеции.

Ростовский оставил в городе гарнизон (266 человек), а сам пошел дальше наводить порядок.

В мае — декабре 1659 года этот воевода осаждал Старый Быхов. Напомним, что в предыдущие кампании этот город остался непокоренным москвитями. Но весной 1657 года его жители, под воздействием агитации Ивана Нечая, присягнули гетману Богдану Хмельницкому.

Лобанов-Ростовский взял город в ходе штурма в ночь с 3 (13) на 4(14) декабря, да и то благодаря измене членов магистрата Ильинича и Ранковских, а также коменданта замка немца Шульца, открывшего ворота. Воевода отпартовал царю:

«Государевы ратные люди город Старый Быхов приступом взяли и изменников Ивашку Нечая и брата его Самошку Выговского, а иных многих в ночное время побили».

Одних только евреев было убито около 300 человек. Пленных шляхтичей вообще всех казнили («высекли в пень»). Пленных казаков и мещан частью убили, частью сослали в Сибирь.

Гродно неоднократно подвергался осадам и переходил из рук в руки. Сначала Богдан Апрелев, воевода московского гарнизона, 9 марта 1659 года сдал Гродно войску Павла Сапеги. Но 22 декабря его снова захватил Иван Хованский. Город, его предместья и пригородные имения несколько раз переходили из рук в руки, вследствие чего были полностью опустошены и разрушены.

Князь И.А. Хованский

Летом 1659 года после непродолжительной осады и артиллерийского обстрела войско князя И.Н. Хованского взяло штурмом замок в Лиде.*

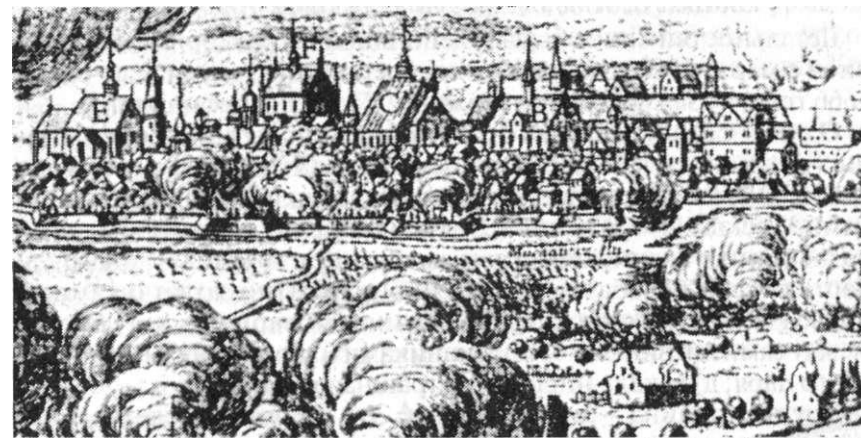
После этого он повернул на Подляшье. Ворвавшись в Заблудово, его ратники разграбили город, зарезали всех

* В этой войне участвовали двое Хованских. Иван Никитич (умер в 1671) и Иван Андреевич (казнен в 1682). Второй из них, по прозвищу «Тараруй» (Пустомеля), является главным персонажем оперы Модеста Мусоргского «Хованщина».

людей, бывших в костёле на богослужении, остальных жителей угнали в Московию. Далее под Крынками Хованский разбил несколько хоругвей частной армии литвинского князя Яна Огинского. Оттуда он пошел к Бресту, широким веером разослав вперед конные разъезды. Как всегда, московские ратники зверствовали:

«Огнем и мечом опустошали города и деревни, уничтожали и жгли и духовные и панские дворы, людей высекали и мучили»...

Например, в Каменце они сожгли замок, церковь Рождества Христова и костел Святого Духа, ограбили подчистую все храмы, сожгли почти все жилые постройки, ограбили жителей до нитки,

Сожжение Бреста

часть увели с собой. Те, кто остался, ходили «обоженные, порезанные, избитые, в лаптях и лохмотьях»...

Отряд князя Петра Хованского, сына Ивана, 5 (15) января 1660 года под Пружанами, численностью около двух тысяч человек, примерно в 60 верстах от Бреста был атакован полком Николая Обуховича (5 драгунских и 8 панцирных хоругвей, до 1200 человек). Обухович, у которого было меньше людей, пошел в атаку и потеснил москвитов. Но затем его драгуны, так и не открыв огня из рушниц, бежали с поля боя. Это заставило всех остальных тоже повернуть назад. Обухович был окружен, упорно отбивался, был тяжело ранен и попал в плен вместе с 13-ю своими воинами.

8(18) января основное войско И.А. Хованского подошло по льду замерзшей реки Мухавец к Брестскому замку, где сидел гарнизон (2 тысячи человек) под командованием некоего Свентинского и пошло на штурм. Первый приступ удалось отбить. Но через 5 дней

(13/23 января) в ходе ночного штурма замок был взят. Разъяренные сопротивлением, захватчики убили большинство его защитников.

Хованский оставался здесь до начала весны. Он планировал совершать из Бреста рейды в глубину Польши, в направлениях на Люблин и Варшаву. Но когда пошли слухи о том, что к Бресту движутся значительные силы поляков, Хованский в феврале ушел отсюда к Слониму.

Таким образом, в 1559 — январе 1660 гг. боевые действия в Литве велись, в основном, в двух районах: на юго-востоке (И. И. Лобанов-Ростовский) и на северо-западе (Долгорукий и Хованский). Кроме того, во многих поветах шла партизанская борьба.

Боевые действия в марте — декабре 1660 года

Детальное описание боевых действий на территории ВКЛ в период с марта 1660 года и до конца боевых действий (т.е. до осени 1666 года) — задача крайне сложная. На то есть две причины.

Одна — объективная. Это запутанность событий, происходивших в то далекое время. Напомню, что здесь одновременно имели место: а) сражения и стычки литовских и польских войск с войсками Москвы; б) сражения и стычки польских и литовских войск со шведами, украинскими казаками и даже с трансильванцами; в) партизанская борьба литвинов с иностранными захватчиками; г) борьба между украинскими казаками и москвитями; г) борьба между сами литвинами — противниками и сторонниками московского царя; д) голод, эпидемии, страшная разруха.

Другая причина — субъективная. Это дефицит исследований, посвященных указанному вопросу. Так, промежутки времени между событиями, рассмотренными в книге Сагановича, составляют месяцы, а то и годы. Между тем, других доступных источников, по сути дела, нет.*

Поэтому мне пришлось ограничиться упоминанием лишь самых крупных сражений, самых громких потрясений. Между ними было еще очень много «всякого другого». Но, хотя общие тенденции вполне понятны, детали и подробности, к сожалению, остаются неизвестными.

^! * %

Итак, поляки нашли в себе силы изгнать шведов и вторгшихся с юга трансильванцев, а затем взялись за москвитов. После заключения мира в Оливе 3 мая 1660 года, все воинские части Речи Посполитой, ранее занятые борьбой со шведами, были брошены против московских войск. Правда, главные силы Короны действовали в Украине.

* Все цитаты из первоисточников даны здесь по книге Сагановича, но в переводе автора.

В Литву Ян-Казимир послал только воеводу Стефана Чарнецкого, который прямо из Голштинии через Варшаву пришел на Брестчину где удеревни Дивин соединился с дивизией Павла Сапеги. В свою очередь, к Сапеге пришли сюда из Курляндии хоругви Александра Полубинского, являвшиеся частью его дивизии.

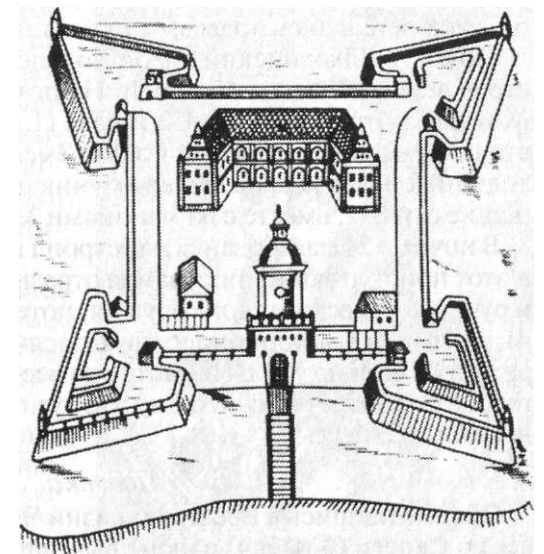
Весной 1660 года в Литве действовали только партизаны. Так, отряды Дениса Мурашко и Самуила Аскерко в январе заняли Давид-Городок. В феврале они потерпели поражение под Туровом от казаков и отошли к Слуцку. С марта стояли в лесах в районе Несвижа, действуя на коммуникациях войска И.А. Хованского.

Последний 25 февраля 1660 года занял Новогрудок, куда пришел из Слонима. Новогрудский замок был лишь частично восстановлен после разрушений, полученных в 1655 году. Но штурма не было: наемный гарнизон, давно не получавший жалование от короля Речи Посполитой, сдал замок без боя. Однако уже в марте Хованский покинул город и 20 числа прибыл к Ляховичам.

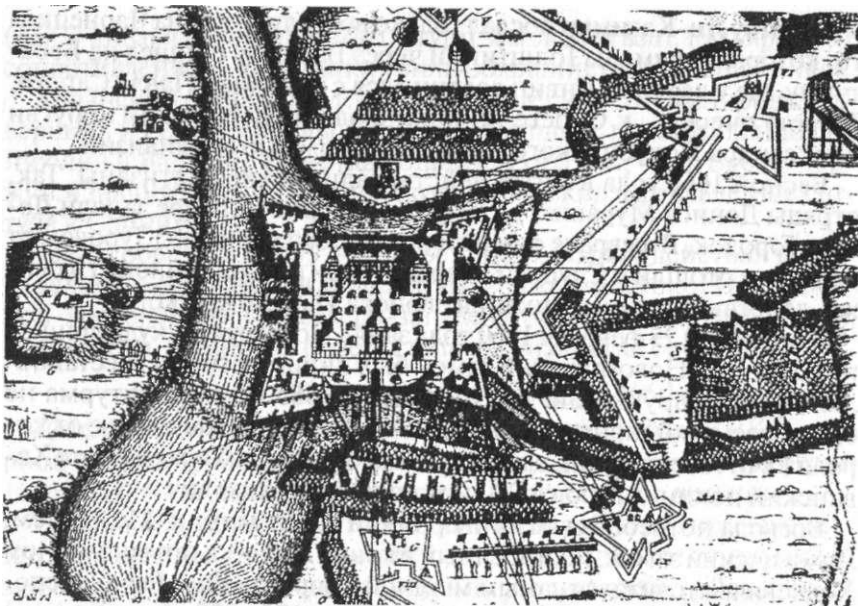
Воевода потребовал безоговорочной капитуляции. Между тем, Ляховичский замок, построенный в конце XVI века гетманом Яном Ходкевичем, считался самым мощной «фортецией» в Речи Посполитой. Четырехугольный в плане (стороны 175 x 220 м), он стоял на холме по левому берегу реки Вельма и был окружен глубоким рвом, наполненным водой из реки. В каждом из углов имелся бастион развитой конфигурации. Земляные валы и бастионы с наружной стороны были обмурованы камнем и кирпичом. Вооружение состояло более чем из 30 пушек и

50 гаковниц, сотен тяжелых и легких мушкетов, имелись большие запасы пороха и хлеба. Комендант замка, полковник Михаил Станислав Юдицкий располагал гарнизоном в четыре тысячи человек. Правда, кадровых воинов было всего 450 человек (5 хоругвей), остальные — шляхта, крестьяне и евреи.

Рано утром 26 марта ратники Хованского пошли на штурм. В некоторых местах юни влезли на стены, но повсюду были

Замок в Ляховичах

Осада Ляховичского замка

сброшены. Жестокий бой продолжался до трех часов дня и обошелся московскому войску недешево. Началась долгая осада. Хованский принципиально не хотел уходить от Ляхович, ибо он, Несвиж и Слуцк оставались последними незанятыми городами ВКЛ.

Но взять Ляховичский замок Хованский так и не смог, хотя обстрел вел 12 осадных батарей. На помощь ему в мае прибыл из Могилева отряд воеводы С. Змеева (1,5 тысячи человек), однако это не помогло. Хованский послал Змеева к Несвижу, откуда выходили действовать на его коммуникациях небольшие конные и пешие отряды, вместе с партизанами Мурашко и Аскерко.

В ночь на 24 мая Хованский устроил второй штурм Ляхович. Но и этот приступ защитники замка отразили мощным огнем орудий и ручного огнестрельного оружия, потери московитов убитыми и ранеными составили около двух тысяч человек. Моральный дух ратников сильно упал. Несмотря на все это, упрямый воевода стал готовиться к третьему штурму. Но тут пошли в наступление Чарнецкий и Сапега.

Полонка

Объединившись в Бресте, дивизии Чарнецкого (4 тысячи человек) и Сапеги (6 тысяч) в июне выступили к Слониму, а оттуда — на выручку Ляхович. (Дивизией в войсках Речи Посполитой назы-

вали воинское соединение, состоявшее из нескольких полков и отдельных хоругвей. Полк обычно насчитывал 1,2—2,5 тысячи человек. Хоругвь была чем-то средним между ротой и батальоном: от 90 до 300 человек.)

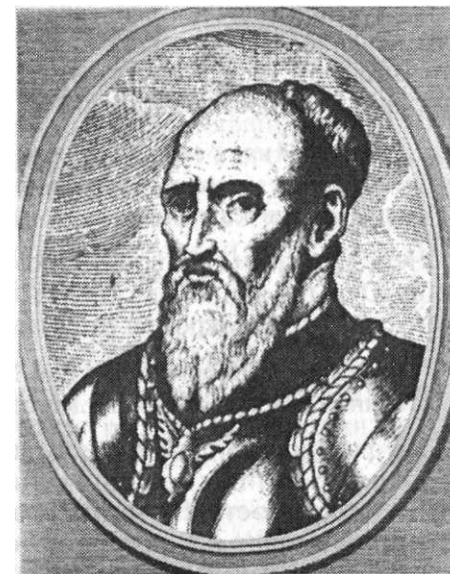
Они взяли Слоним, разгромив стоявший там московский гарнизон, захватили в плен воеводу. Уцелевшие московские ратники бежали к Хованскому. Воинственный князь, узнав о противнике, устремился ему навстречу с большей частью своего войска.

Возле деревни Полонка*, в 10 верстах от Ляхович, войско И.А. Хованского* 18 (28) июня 1660 года сразилось с литовско-польскими войсками гетманов Стефана Чарнецкого и Павла Сапеги, воевод Александра Полубенского и Самуила Кмитица.**

Боевые построения московитов выглядели следующим образом. На правом крыле стоял сам Хованский с конницей, на левом — князь Осип Щербатый, в центре — рейтары и пехота. Центр боевых порядков войска Речи Посполитой заняла польская конница Чарнецкого, по флангам разместились литовские хоругви Сапеги, Полубинского и Кмитица.

Польско-литовские гусары столь стремительно атаковали московскую пехоту, что та успела дать всего один залп, а потом вся погибла от палашей и пик гусар, либо утонула в болоте. Затем гусары и панцирные конники обрушились на московскую конницу, обратив ее в бегство. В завершение они нанесли удар по оставшейся пехоте.

Это был полный разгром. Хованский только пехоты потерял свыше двух тысяч человек, потери конницы были еще больше. Много московитов попало в плен, в том числе князья Семен и Осип Щербатые. Оба сына Хован-

Гетман Стефан Чарнецкий

* Деревня Полонка находится на одноименной реке, в 20 км западнее Баранович (Брестская область).

** Стефан Чарнецкий (1599—16.02.1665) — польский шляхтич, один из выдающихся полководцев Речи Посполитой. В 1658 командовал польскими войсками, посланными в помощь Дании. В 1659—1660, используя партизанские методы, нанес ряд поражений войскам Швеции и ее союзников.

Гетман Павел Ян Сапега
Худ. П. Лондри, 1663г.

ского и воевода Змеев были ранены. Хованский с остатками своего войска бежал к Ляховичам, а оттуда, сняв осаду, стал быстро отступать к Полоцку.

Защитники замка и жители города встретили победителей взрывом радости. В брошенном лагере московитов им досталось много трофеев, в том числе все пушки (Сапега взял с собой только 7 полевых орудий, тяжелые осадные он оставил в Ляховичах). Были найдены большие запасы муки, несколько тысяч хлебных коржей, а также свыше шести тысяч коров. Часть их пошла в пищу, остальных раздали крестьянам.

От Ляхович Чарнецкий и Сапега вскоре пришли к Борисову, где осадили замок. Однако два штурма его гарнизон (более тысячи человек) успешно отразил. Хорошо понимая стратегическое значение города, расположенного на судоходной реке и пересечении дорог, царские воеводы успели заново отстроить и вооружить цитадель. Зато в августе капитулировал московский гарнизон Мстиславля:

«В ночи /7 или 8 августа/ пришли под Мстислав польские и литовские люди конных и пеших с 800 человек, а с ними полковник Липинский и град Мстислав осадили».

Через 2 недели (22 августа) к командиру гарнизона воеводе Савину-Овцыну явились Мстиславские шляхтичи и потребовали от него сдать город, угрожая в противном случае вырезать гарнизон.

«Мстиславской шляхты поручик Мартын Москович вырвал у Савина-Овцына городские ключи и по договору с польскими людьми город отпер».

На следующий день мстиславцы вывели ратников из города и сопровождали их на протяжении 20 верст, гарантируя тем самым безопасность. Но потом, когда они ушли домой, в лесу на ратников напали партизаны. В бою с ними погибли 58 человек, включая Овцына, до Рославля добрался 161 человек, из них 28 раненых.

В это же время хоругви дивизий Сапеги и Чарнецкого освободили Кричев и Шклов. Один из их отрядов совершил рейд до Смоленска, откуда угнал табун коней (ПО голов) и взял в плен несколько солдат из полка «иноземного строя» полковника Лесли.

Шеститысячное войско Михаила Паца (так называемая дивизия левого крыла) только 8 июля пошла от Вилькомира к Вильно, который и осадила 11 июля. Гарнизон князя Данилы Мышецкого не мог защищать весь город, поэтому укрылся в замке (Верхнем городе), где сопротивлялся долгое время.

В конце августа большая часть войск Сапеги, Чарнецкого и Паца прибыла под Могилев, где все три формирования, имевшие вместе около 12 тысяч воинов, в начале сентября переправились на левый берег Днепра.

После разгрома Хованского под Полонкой царь приказал сформировать в Смоленске новое большое войско, командование которым поручил князю Юрию Долгорукому, давно вернувшемуся из Виленского повета. 19 августа Долгорукий приехал в Смоленск и уже 8 сентября 1660 года повел свои полки (25—30 тысяч человек) в направлении Могилев — Шклов — Борисов.

Казаки Нежинского, Стародубского и Черниговского полков (10—12 тысяч, а также «ис Киева русских людей с Чаркасы же 4 тысячи человек»), во главе с Василием Золотаренко, выступили в Литву еще в июне. В районе Могилев — Шклов они должны были соединиться с братьями Долгорукими и начать совместные действия против Сапеги и Чарнецкого. Кроме того, Хованский вполне мог выставить из Полоцка до 10—12 тысяч. Возможное соединение любых двух армий из этих трех представляло собой серьезную опасность.

В это время у Чарнецкого было три тысячи конников и тысяча пехотинцев. У Сапеги (включая части подчинявшихся ему Полубинского и Кмитица) — примерно 7 тысяч жолнеров, поровну пехотой и конницей, в том числе отряд бывшего партизана, шляхтича Самуила Аскерко. Войска Великого княжества испытывали большую нехватку провианта, пороха и полевой артиллерии. Зато их повсюду поддерживало местное население.

Сражение на Басе и под Кушликами

Примерно 23 сентября Долгорукий, стоявший лагерем в 40 верстах от Могилева, узнал, что в районе деревни Углы (по другим сведениям, Губарево), недалеко от Горок, расположилась дивизия Николая Паца — до 4-х тысяч.* От лагеря до Углов было всего 10 верст.

* Пац Николай Казимир (1624—1682), один из литвинских магнатов. Сторонник унии ВКЛ с Польшей, противник Радзивиллов. С 1659 великий обозный ВКЛ и региментарий, с 1663 воевода смоленский и гетман польный, с 1669 каштелян виленский и великий гетман ВКЛ.

Но Сапега, чья разведка, благодаря жителям, работала хорошо, уже знал все это и послал на помощь Пацу хоругви Полубинского, а затем и сам вышел туда же вместе с Чарнецким.

Кавалеристы Сапега

С 28 по 30 сентября 1660 года возле этого села, в 20 верстах от Могилева, три дня происходили стычки конных польско-литовских хоругвей с московитами. Атаки сменялись контратаками, стороны вели артиллерийский огонь по позициям друг друга.

Наконец, 8 октября 1660 произошло генеральное сражение. В ночной темноте гетман Сапега, которому временно подчинились Чарнецкий и Пац, вывел все войско за небольшую речку Басю и построил к бою. В центре

стал Сапега, справа — Чарнецкий, слева — Пац. Были выкопаны окопы, размещены немногочисленные орудия.

Сеча началась в полдень. На флангах конники Чарнецкого и Паца прорвали линии противника и погнали к лагерю. В центре же московиты отбросили конницу Сапеги назад, истребили часть его пехоты, захватили одну пушку и несколько штандартов. К вечеру все московское войско укрылось в лагере. Оно потеряло 427 человек убитыми, 519 ранеными, 7 пушек, 15 боевых знамен, много пленных, в том числе полковника Филипа фон Буковена. Воевода сам писал царю:

«Сотни многая и сотенные люди из розных сотен с бою побежали к своим обозам, и рейтарские два полки Рычерта Полмерада Томаса Шаля все побежали к обозам, и драгуны Христофорова полку... и солдаты Филипиусова полку Фон-Буковена и Вилимова полку»...

Потери литвинов и поляков тоже оказались значительными. В последующие дни продолжались стычки между отдельными частями, выходившими навстречу друг другу. Наконец, дивизия Чарнецкого ушла из лагеря, снова пересекла Днепр и пошла к Друцку.

Между тем, к Долгорукому приближалось войско Хованского. Тогда и Сапега увел свою дивизию в Шклов, предварительно отправив туда всех раненых. Пац и Полубинский остались блокировать Долгорукого.

Чтобы помешать приходу Хованского, Сапега выслал навстречу ему под Чарею полковников Кмитича и Аскерко с одной тысячей конников. Узнав об этом, Хованский сам устремился к Чарею.* Увидев превосходящие силы московитов, оба полковники отступили к Толочину. Воевода послал за ними вдогонку 3 тысячи рейтар, а сам с остальными встал у Чареи и начал возводить вокруг лагеря полевые укрепления.

Догнав Кмитича и Аскерко под Толочином, рейтары разбили их и погнали дальше. Но тут они наткнулись на дивизию Чарнецкого и большей частью погибли, меньшей — сдались в плен. В Чарею вернулись всего лишь 8 человек из трех тысяч!

Тогда же к Чарею прибыл Сапега, став лагерем в 5—7 верстах от лагеря Хованского. Затем появился и Чарнецкий. На следующий день планировался штурм Чареи. Но Хованский ночью тихо снялся с места и пошел назад в Полоцк, бросив в лагере часть своего обоза и две пушки. Уже через 25 верст его догнали и атаковали 3 тысячи коников во главе с Криштофом Сапегой (племянником гетмана). Атака повторилась в 20 верстах от Полоцка. Деморализованное московское войско бросило по дороге все пушки, потеряло несколько сотен человек убитыми и пленными, и поскорее укрылось в Полоцке.

В результате Хованский не смог соединиться с Долгоруким.

* ^ *

В октябре 1660 года Мстиславль на некоторое время опять оказался в руках царских войск. Воевода Борис Репнин, ставший здесь с гарнизоном, вскоре получил приказ уходить, но при этом город и замок (частично вос-

Михаил Пац

* Чарея ныне деревня в Чашникском районе, на южном берегу Чарейского озера.

тановленные после пожара 1654 г.) сжечь дотла, а всех уцелевших жителей, старых и малых, отправить в Ярославль, что он и исполнил. Впрочем, мало кто из несчастных горожан, жестоко страдавших от голода и холода, добрался до пункта назначения.

Царь посылал на помощь Долгорукому одно подкрепление за другим. Самым крупным стало войско его брата Петра (4536 человек), прибывшее в ноябре к Шклову.

После того, как войска Сапеги покинули окрестности Шклова и пошли на Хованского, москвиты попытались взять под свой контроль всю Могилевщину. Юрий Долгорукий послал из Могилева отряды на Кричев и к уничтоженному Мстиславию, а полк Максима Ртищева и брата Петра — на Шклов. Но осада города ничего не дала, времена изменились. 24 ноября Петр Долгорукий снял ее и вернулся в Могилев.

Но Кричев сдался. Правда, не москвитам, а украинским казакам. 23 ноября кричевцы открыли ворота казацкому полковнику Петру Рославченко.

Не достигнув больше никаких успехов, испытывая мощное давление со стороны партизан, все силы Долгорукого-старшего к концу ноября собрались в Могилеве. Царь Алексей Михайлович приказал ему укрепить Старый Быхов и Могилев, оставить там гарнизоны, а самому с главными силами возвращаться в Смоленск.

Сапега тоже отвел свои войска на зимние квартиры. Михаил Пац, поддерживаемый своим родственником, канцлером ВКЛ Криштофом Пацем, постоянно интриговал против него, что не способствовало укреплению фронта борьбы против Москвы.

Боевые действия в 1661 году

1 февраля произошло восстание жителей Могилева. Она началась стихийно, на городском рынке, где пьяные царские ратники стали обижать местных женщин-торговок. На помощь горожанам вскоре пришли выпущенные ими из тюрьмы пленные литвинские воины. За несколько часов ожесточенных схваток был уничтожен практически весь гарнизон (около 2-х тысяч человек). Воевода князь Семен Горчаков, стрелецкий голова Сафон Чекин и несколько офицеров были захвачены в плен и отосланы в ставку Сапеги. Спаслись всего несколько ратников, бежавших в Рославль. Там они сообщили:

«Могилевские мещане изменили... ратных людей в Могилеве всех порубили».

За этот героический поступок наиболее активные участники восстания получили шляхетские титулы. Зато в Москве патриарх Никон проклял могилевцев. Позже царские воеводы дважды (ле-

том 1661 и в апреле 1666 гг.) намеревались жестоко покарать горожан, но, к счастью, ничего у них не вышло.

В начале февраля 1661 года под Друей князь И.А. Хованский разбил литвинский отряд полковника Карла Лисовского (однофамильца знаменитого героя Смутного времени). Эта победа стала одной из нескольких частных удач войск Москвы, уже неспособных изменить общий ход событий.

В феврале — марте 1661 года отряд гетмана Чарнецкого опять пытался взять Борисов, что ему не удалось. Гарнизон постоянно бил лед на реке и в крепостных рвах, чтобы не дать осаждавшим подхода к стенам замка.

С 1 июля бол-ьшое войско С. Чарнецкого, В. Боловича, А. Русецкого и «полку Павла Сапеги с литовскими пехотными людьми» в третий раз осадило Борисов. Воевода К. Хлопов донес царю:

«К Борисову учали польские и литовские люди через реку Березыню переправляться и я, холоп твой, видя в Борисове малолюдство, острогу всего держать нечем, две доли острогу выжег, а треть острогу в прибавку к городу по ворота укрепя, большою крепостью оставил для воды и твоих, государь, хлебных запасов... А всего острогу было выжечь нельзя, чтоб к острогу и городу проток из Березыни, а из того протоку воду емлют в городе».

В крепости в то время имелось 36 медных пищалей и пушек, большой запас пороха /390 пудов, т.е. свыше шести тонн/, много ядер и пуль. А продовольствие (мука, зерно, крупы), отнятое у жителей окрестных селений и свезенное в Борисов, позволили Хлопову сидеть в осаде целый год. Он оставил город лишь 9 июля 1662 года.

В целом, весна прошла довольно тихо, если не считать непрерывных действий партизан.

По примеру Могилева, кричевцы уже в третий раз расправились с московским гарнизоном и открыли ворота своим. То же самое произошло в Чечерске. Летом жители Диены сдали город полковнику ВКЛ Николаю Юдицкому. Король в специальной грамоте отметил героизм дисненцев: «всех московских людей, что в Диене оставались высеки и замок от неприятеля освободили». В связи с этим он даровал прощение коменданту города, ранее капитулировавшему перед царским войском.

Аналогично поступили жители Себежа: схватили московского начальника с его ратниками и сдали своим.

Вот в такой обстановке царь решил как можно скорее примириться со Швецией, чтобы высвободить дополнительные силы для войны с Речью Посполитой. 21 июня 1660 года был подписан мирный договор. По его условиям Москва вернула Швеции ливонские

города Дерпт, Мариенбург, Нейгаузен, Кокенгаузен и другие, оставила в крепостях всю артиллерию и 15 тысяч бочек зерна, обещала в короткий срок вернуть всех пленных.

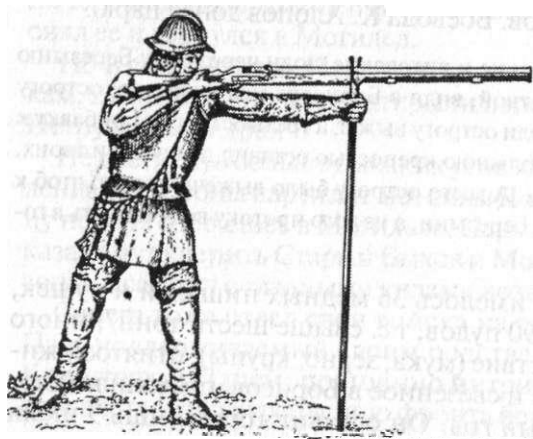
* * *

Летом Хованский снова собрал в Полоцке большую армию. Воевода жаждал реванша за поражение у Полонки. В это время войско Михаила Паца стояло возле Друи, а войско Николая Юдицкого — под Дисной. Хованский вдоль Двины подошел к Диене, но тем временем Пац тоже прибыл на соединение с Юдицким. Две армии стояли друг перед другом по разным берегам реки.

Ратники Хованского попытались построить мост, чтобы перейти на левый берег, но под огнем литовских драгун и гусаров им пришлось отказаться от этой идеи. Целую неделю противники вели

орудийную перестрелку через реку, не давшую почти никаких результатов, а потом Хованский пошел назад к Полоцку, чтобы перейти Двину там.

Но тут произошли бурные события в войске ВКЛ. В его расположение 6 сентября вернулись послы с Варшавского сейма. Выяснилось, что, несмотря

Литвинский мушкетер

на большую задолженность, государство пока что не собирается платить жалованье солдатам и младшим офицерам.

Тогда войско заявило, что не желает больше подчиняться Сапеге, Пацу, Юдицкому и всем полковникам. 7 сентября была объявлена конфедерация. Из 22 тысяч военнослужащих, имевшегося в распоряжении властей Литвы, в нее вошли 12310 человек, в основном, европейские наемники, а также татарская хоругвь. Через три дня конфедераты выбрали себе командира — маршалка Казимира Жеромского, виленского стольника.

9 октября они переправились на правый берег, в брошенный Хованским лагерь возле деревни Кушлики (примерно в 10 верстах от Друи). На всякий случай, лагерь хорошо укрепили: выкопали окопы, насыпали вокруг бруствер, вырубил лес, с одной стороны вплотную подступавший к лагерю, разместили имевшиеся в наличии орудия, в том числе трофейные.

В это время у Ивана Хованского, вместе с Афанасием Ордин-Нашекиным, было 20 тысяч человек. Узнав о том, что случилось, они не заставили себя ждать, и довольно скоро появились неподалеку от Кушлик. План был прост: сначала уничтожить конфедератов, потом разбить остальных.

После нескольких стычек 18 (28) октября произошла битва главных сил. Жеромский шесть раз посылал своих людей в атаку, и все же им пришлось снова вернуться в лагерь. Потери убитыми и ранеными оказались довольно существенными. Но и Хованский не решился штурмовать свой бывший лагерь.

К конфедератам пришли на помощь хоругви Кмитича и Хлевинского. Этого было мало, однако в начале ноября прибыла дивизия Чарнецкого. Жеромский и Чарнецкий встретились. Они решили, что через день с двух сторон атакуют Хованского. Но в ночь с 3 на 4 ноября к Жеромскому перебежали два московских ратника, которые сообщили, что Хованский тихо снимается с места и уходит в Полоцк. На рассвете войска Жеромского и Чарнецкого, несмотря на густой туман, мощно ударили по врагу. С третьей атаки они взломали оборону организованно отступавшего царского войска, после чего бой превратился в избиение бегущих. Участник сражения, польский шляхтич Ян Почебут-Одланицкий позже вспоминал:

«Наши без разбора набросились на них, смешали и... разорвали их шеренги, да взяв на сабли, гнали, рубя и убивая, до самого Полоцка»...

Хованский во второй раз после Полонки потерпел полное поражение. Его войско потеряло до 5-й тысяч убитыми, весь обоз и артиллерию (9 орудий), 130 знамен и штандартов, 5 татарских бунчуков. Победителям достались бочонки с порохом, десятки ядер, мешки картечи, свинец для отливки пуль, а также войсковая казна и даже чудотворный образ Пресвятой Богородицы, находившийся при Ордин-Нашекине. Сам раненый боярин вышел к Полоцку обходными путями только через четыре дня после сражения. В плен попали более 400 человек (в том числе сын Хованского — Алексей и 8 полковников). Остатки московского войска разбежались по окрестным лесам, где многих вырезали крестьянские отряды самообороны и партизаны. Вместе с Хованским добрались до Полоцка не более одной тысячи ратников.

Вскоре в лагерь конфедератов явился сам король Ян-Казимир с пятью хоругвями конницы, формально для участия в торжествах в связи с выдающейся победой, а главное — уговаривать идти походом на Москву. Увы, жалованье он не привез. Поэтому солдаты оказали королю все положенные почести, но воевать дальше категорически отказались. Нет денег, нет и службы! Войско во главе с

Жеромским уже на следующий день после отъезда короля (13 ноября) ушло к Освее, где и разместилось ротами по деревням на зимние квартиры.

Возвращаясь в Польшу, король задержался в Вильно. Там завершилась эпопея с гарнизоном замка.

Еще 11 июля 1660 года Николай Паи штурмом взял Вильно, вернее то, что от него осталось после пожаров 1655 года. Но царский воевода, князь Данила Мышецкий с частью гарнизона засел в замке (Верхнем городе). Осада замка длилась почти 17 месяцев. За это время москвиты отбили 5 штурмов.

Московским ратникам предложили самые почетные условия сдачи: каждый мог идти к себе домой, взяв не только все свои деньги, но и столько имущества, сколько сможет унести на себе. Однако воевода Мышецкий требовал гораздо большего: чтобы ему разрешили продать запасы хлеба и соли, находившиеся в замке, а также вывезти награбленное им имущество на 300 повозках! С такой наглостью канцлер Криштоф Пац никак не мог согласиться.

Тогда московские ратники сговорились между собой, 3 декабря связали Мышецкого, выдали его литовцам и сами сдались. Князя судил военный суд и приговорил к смерти за многочисленные преступления, совершенные им в отношении жителей Вильно. Источники сообщают:

«Он был большой тиран, многолюдей невинно покарал, и на части рассекал, из пушек ими стрелял, иных на кол сажал, беременных женщин на крюках за ребра вешал, и они, вися на крюках, рожали младенцев»...*

На виленском рынке, где он раньше чинил свои злодеяния, ему отрубили голову. Роль палача добровольно исполнил собственный повар Мышецкого, видимо, нахлебавшись досыта от самодура. Имея право вернуться в Московию, весь гарнизон, кроме 5 человек, поступил на службу к королю.

Вскоре после Кушликов добровольно сдался гарнизон Гомеля. Еще раньше захватчики покинули Браслав. В очередной раз капитулировал гарнизон в Гродно. Две тысячи московских ратников, сидевшие в Старом Быхове, в декабре 1661 года тоже сдались Чарнецкому.

Вот что пишет о кампании 1569—1661 годов в Литве современный русский историк С В. Думин:

* Когда один из бывших при гарнизоне православных священников посоветовал Мышецкому сдаться, ибо нет смысла в дальнейшем сопротивлении, он приказал затолкать его в мортиру и со словами «иди теперь к ним», сам произвел выстрел в сторону осаждавших.

«В белорусских городах начались восстания против русских гарнизонов. Таким образом был освобожден, например, Могилев. Мещане, еще недавно хлебом-солью приветствовавшие царские отряды, предпочли жестокой власти «единоверного православного царя» менее обременительное правление Яна Казимира. На сторону короля перешли и некоторые крестьянские отряды, присоединилась к королевским войскам значительная часть ранее присягнувшей царю шляхты.

Это изменение отношения к русской власти стало результатом непродуманной политики самого царского правительства. На занятой русскими войсками территории Белоруссии и Литвы отмечены многочисленные случаи массового вывоза мещан и крестьян в Россию. Участвовало в этой акции и правительство, которое, в частности, намеревалось пополнить население Москвы опытными белорусскими ремесленниками. Однако значительная часть этих людей была поселена в вотчинах крупных бояр и воевод. Некоторые белорусские пленники были отправлены в имения рядовых помещиков....

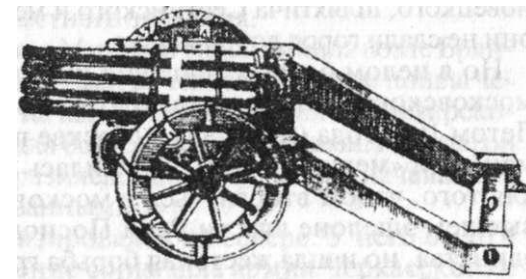
Одним словом, оказалось, что православное войско способно грабить, жечь и насиловать столь же успешно, как и католическое, и утомленные войной жители Белоруссии в конце концов все-таки предпочли чужому царю своего короля».

История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2000, с. 546—547

У Москвы не было сил для продолжения войны, у Литвы и Польши — тоже. Кое-где воевали лишь партизаны и отдельные небольшие части.

Одновременно по приказу царя, понявшего, что дело плохо, с августа 1661 года из Литвы начался массовый вывоз стратегических запасов продуктов, оружия, пороха, вообще всего ценного, вплоть до книг и икон. Одним из сборных пунктов награбленного имущества был Борисов. В Поднепровье, согласно тому же приказу, проводилась тактика «выжженной земли». Отсюда уводили в Московию всех жителей деревень и весь скот, забирали весь хлеб, а селения сжигали.

Поздней осенью 1661 года царь официально распорядился прекратить военные действия в Литве, так как он надеялся заключить новое перемирие с Речью Посполитой. Но единственным результатом переговоров, состоявшихся весной

Орган — многоствольное орудие (XVII в.)

1662 года, стал частичный обмен пленными. В конце марта — начале апреля из московского плена вернулись 215 человек, в том числе польный гетман Винцент Гонсевский и полковник Михаил Обухович. За них были отданы 433 пленника, включая князей Алексея Хованского, Осипа и Семена Щербатых. В сентября обмен состоялся еще раз.

Боевые действия в 1662 году

В мае 1662 года от города Кобрин пришел к Борисову литвинский полковник Статкевич с отрядом конницы и пятнадцатью хоругвями королевской пехоты. Ему было приказано не пропускать подкрепления в Борисов, осажденный литвинами и поляками.

Узнав, что из Смоленска к Борисову идет московское войско с казной и запасами, Статкевич пошел наперехват. В пяти верстах от Чаус, возле реки Проня, он атаковал москвитов. Но вместо стрельцов или конницы из дворянского ополчения он нарвался на солдат «иноземного стоя» под командованием Вильяма Друмонта. В упорном жестоком бою пехота Статкевича была разбита, победители взяли в плен 70 человек.

Однако успех этот никак не мог изменить общую ситуацию в пользу Мрсквы. Вдобавок, из-за поражений, страха перед партизанами, скудного жалованья (к тому же медными деньгами) в царских войсках продолжалось массовое дезертирство.

Летом москвиты оставили Минск. В осажденном Борисове кончилось продовольствие, после чего воевода Хлопов 9 июля ушел из городского замка. Правда, он эвакуировался в полном порядке, увез все пушки и значительную часть награбленного добра.

Войска Речи Посполитой вели бои местного значения в районах Витебска и Полоцка, совершали оттуда рейды на территорию Московского государства. Поздней осенью Полоцк сдался.

16 декабря 1662 года отряд полковника Черновского взял штурмом город Усвят. После этого он приказал повесить ротмистра Глиновецкого, шляхтича Сестинского и мещанского войта за то, что они не сдали город добровольно.

Но в целом боевые действия шли вяло. Как уже сказано, у московского правительства плохо обстояли дела с финансами. Летом 1662 года (25 июля) в Москве произошел печально знаменитый «медный бунт». Сложилась благоприятная ситуация для того, чтобы вторгнуться в московские пределы. Однако в высшем эшелоне власти Речи Посполитой не только не было единства, но и шла жестокая борьба группировок, в частности, между Пацами и Сапегами. Между тем, долгая война, колоссальные разрушения и материальные потери полностью исто-

щили казну Литвы и Польши. В результате жалование войскам по-прежнему не платили. Соответственно, они тоже, подобно московским ратникам, воевать не хотели.

В ноябре 1662 года конфедераты, объединившиеся еще прошлой осенью под Кушликами, захватили и убили сначала Казимира Жеромского (25-го), а затем и Винцента Гонсевского (29-го). Обо-зленные до крайности солдаты, которых науськивал мозырский маршалок Константин, Котовский, обвинили этих заслуженных боевых командиров во всех возможных и невозможных грехах, вплоть до сговора с московским царем!

Хотя недовольство людей, более двух лет не получавших денег и часто попросту голодавших, было вполне понятно, все же убийство командиров высшего ранга произошло впервые в истории государства. Конфедераты сразу лишились симпатий всего общества. Главных зачинщиков бунта удалось схватить, лишь один (некий Навашинский) убежал к москвитам. Их судили и четверых казнили в конце 1664 года, в том числе Котовского, пару десятков остальных бросили в тюрьму.

Но нет худа без добра. Властям пришлось срочно найти деньги. После уплаты части долга (5 миллионов злотых, тогда как вся сумма составляла 13 миллионов) конфедерация 5 мая 1663 года объявила о самороспуске. Вместо Гонсевского войска Литвы возглавил Николай Пац, с 1659 года занимавший должность региментария (заместителя гетмана).

Боевые действия в 1663—1666 гг.

Из-за проблем с конфедератами, в том числе польскими (конфедерация Свидерского), борьбы за высшие посты в руководстве, атакже конфронтации между дивизиями, почти весь 1663 год войскам Речи Посполитой было не до войны.

Лишь осенью 1663 года дивизия Михаила Паца (брата Николая, ставшего великим гетманом) разместилась в районе Речицы. Дивизия Сапеги заняла позиции между Шкловом и Оршей. Кое-где изредка происходили бои местного значения.

14 января 1664 года дивизия Михаила Паца разбила возле Брянска полк московских рейтар (2 тысячи человек), а затем пошла через Диену на Севск. Но тут начался рокош Георгия Любомирского, и Паца срочно отозвали для борьбы с мятежниками. Правда, он с Любомирским так и не сразился, однако начавшееся наступление оказалось сорванным.

Хованский снова активизировался на севере. У него было 4 тысячи воинов, на соединение с ним шла армия Черкасского и Прозоровского. Нельзя было этого допустить. Михаил Пац собрал под Смоленскими 3 тысячи жолнеров и 16 июня разбил Хо-

ванского. Воевода едва не попал в плен, спасся тем, что спрятался под мостом. Когда же пришлось сочинять отчет царю, он сказал подьячему: «пиши, ровны был бой с паном Поцом»... Вот так и получалось по царским документам, что его войска не знали поражений в той войне.

Далее Пац осаждал Витебск, но взять не смог. В это же время воевода Сумароков налетел на Друто из-за Лютина, безнаказанно сжег город, большинство жителей перебил.

Летом 1664 года московские войска действовали в районах Могилева, Витебска и Полоцка, у полуразрушенных Шклова и Копыси.

Во второй половине года сколько-нибудь значительных боев нигде не было. В основном, происходили мелкие стычки, да демонстрации силы.

Москву измотала война, которую она сама же и начала. В феврале 1664 года в ставку короля Яна II Казимира под Севском приехал от царя стряпчий Кирилл Пущин, с предложением договариваться о мире. Переговоры начались 1 июня 1664 года в селе Дуровичи под Смоленском. Но, как и следовало ожидать, они увязли в бесконечных спорах.

Представители Речи Посполитой настаивали на заключении «вечного мира» в соответствии с условиями Поляновского мира 1634 года, однако Москва отвергла это требование. Переговоры прервались и возобновились в августе. Высказав друг другу все претензии и обиды, послы разъехались уже в сентябре, договорившись начать новые переговоры не раньше июня 1665 года. Реально они возобновились еще позже, 20 апреля 1666 года, в деревне Андрусово Мстиславского уезда, на границе между Русью и Литвой (ныне на границе между Россией и Беларусью).

Уже 28 мая (8 июня нов. ст.) 1666 года они заключили перемирие, согласно которому стороны прекращали военные действия друг против друга и в Литве, и в Украине. Но в отношении условий мира долгое время шли жаркие споры.

Между тем, на территории Польши продолжалось восстание (рокош) Георгия Любомирского против короля. Войска короля потерпели поражение. Это обстоятельство московская сторона пыталась обыграть в своих интересах. Впрочем, 31 июля Любомирский и Ян II Казимир помирились, подписав Легницкий трактат(договор).

Тем же летом 1666 года группа войск под командованием Я.К. Черкасского, И.С. Прозоровского, И.А. Воротынского заняла Шклов и Копысь, безуспешно попыталась захватить Могилев. У стен Могилева меткий выстрел из пушки с городской стены убил воеводу Черкасского. Этим событием война завер-

шилась фактически. Земли в восточной части Литвы были опустошены до крайности, не было ни еды для людей, ни корма для лошадей, поэтому ни оставаться там, ни идти дальше царские воеводы не могли. Но до ее официального завершения оставалось еще полгода.

СОБЫТИЯ В УКРАИНЕ В 1660-1664 гг.

Киевский воевода В.Б. Шереметев, желая взять реванш, вместе с Юрием Хмельницким в августе 1660 года двинулись на Львов. Московское и казацкое войска шли разными дорогами. Шереметев (40 тысяч человек) пошел на Котельню, а Хмельницкий (30 тысяч казаков) — на Гончаризу. По пути к московскому войску присоединился отряд казаков полковника Тимофея Цецуры.

Польско-татарские войска встретили московскую рать на Волыни. Им удалось скрытно сосредоточить у Любара (под Чудновом) 15-тысячное войско коронного гетмана Николая Потоцкого и полевого гетмана Георгия Любомирского и 20 тысяч союзников-татар. 5 сентября поляки и татары внезапно атаковали войско Шереметева. Московиты потерпели поражение в поле, не успели занять оборону в укрепленном лагере. В ходе боев 5 и 6 сентября погибли около двух тысяч воинов Шереметева и несколько сотен казаков.

Между тем, в войске Шереметева не было корма для лошадей. 9 сентября воевода выслал за фуражом трехтысячный отряд, который перехватили татары, 500 человек были убиты, около 300 взяты в плен, остальные ни с чем вернулись в лагерь.

На рассвете 17 сентября Шереметев повел свое войско на прорыв. В ходе боя оно потеряло несколько сотен человек убитыми. Полякам и татарам достались 400 телег и 9 пушек. Если верить летописи, отступление шло непрерывно весь день и всю ночь. Лишь в 7 часов утра 18 сентября войска достигли города Чуднова. Однако уже через три часа снова появились поляки с татарами и заняли возвышенность, господствующую над городом. Поэтому оставаться в Чуднове стало невозможно.

Шереметев приказал отобрать у здешних жителей все съестные припасы и сжечь город, отойти от него на несколько верст и построить полевое укрепление (табор) в форме треугольника. Вскоре опять пришли поляки с татарами и начали артиллерийский обстрел табора.

Между тем к месту сражения двигалось войско Юрия Хмельницкого. Поэтому польские командиры разделили свои силы. Потоцкий остался держать Шереметева, а Любомирский двинулся напе-

перез Хмельницкому и напал на него под Слободищами. В ходе встречного боя обе стороны понесли большие потери, но в целом преимущество осталось за Любомиреким.

Ночью после битвы Хмельницкий получил письмо от Выговского с предложением отлучиться от Москвы, «которой силы уже сокрушены, которая более не светит, а чадит, как погасающая лампада».

В ту же ночь войско Любомирского отправилось назад к Потоцкому. Хмельницкий не стал его преследовать, он остался под Слободищами.

4 октября войско Шереметева пошло на прорыв, но объединившиеся войска Потоцкого и Любомирского разбили его. Шереметев потерял более трех тысяч человек.

5 октября Хмельницкий получил от поляков приглашение лично явиться к Потоцкому и Любомирскому чтобы заключить мирное соглашение. 8 октября гетман приехал в польский стан. По согласию со своими старшинами он подписал так называемый Слободищенский договор, по которому Украина снова становилась частью Речи Посполитой на условиях Гадячской унии. Наследующий день 19-летний гетман дал присягу в верности королю. Вечером того же дня он передал письмо полковнику Цецуре с извещением, что заключил мир с поляками, и призывом к полковнику последовать его примеру.

Утром 11 октября Цецура прислал ответ. Он писал, что уйдет от москалей, как только убедится, что гетман действительно находится у поляков. Тогда Юрий выехал на холм под гетманским бунчуком. Увидев его, Цецура с двумя тысячами казаков ринулся наутек из лагеря. Но татары подумали, что это вылазка и бросились в атаку на них, а поляки кинулись защищать перебежчиков. Около двухсот казаков татары убили, остальные, окруженные польскими всадниками, благополучно добрались до гетмана.

Уход казаков Цецеры серьезно ухудшил положение Шереметева, которому уже никто не мог прийти на помощь:

«От пушечной и гранатной стрельбы теснота была великая. С голоду ратные люди ели палых лошадей и мерли. Пороху и свинцу у них не стало».

Шереметев продержался еще 11 дней, а 23 октября сдался на следующих условиях:

1) «Царские войска должны очистить города Киев, Переяслав, Нежин, Чернигов, оставя в них пушки и всякие пушечные запасы, после чего беспрепятственно отступят к Путивлю, взявши с собою имение свое и казну царскую.

2) Войско Шереметева, сдавши оружие, все военные запасы и хоругви, остается в обозе /таборе/ три дня, а на четвертый выступает в города Кодно, Котельню, Павлоч и ближние места.

3) Шереметев с начальными людьми остается у гетманов коронных и у султана крымского, пока царские войска не выйдут из Киева, Переяслава, Нежина и Чернигова; им позволяется оставить при себе только сабли и иметь сто топоров в войске для рубки дров; когда упомянутые города будут очищены, то войско, под защитой королевских полков, отпустится к Путивлю, где будет ему возвращено все ручное оружие; дорогою русских ратных людей не шудут ни грабить, ни побивать, нив плен брать; пищу себе и лошадям вольно им будет покупать.

4) Казаки, оставшиеся в таборе Шереметева по уходе Цецеры, выйдут наперед из обоза, оружие и знамена повергнут под ноги гетманов коронных, и Москве нет до них никакого дела.

5) Шереметев с товарищами ручаются, что воевода князь Юрий Никитич Бярятинский на все эти статьи согласится, приедет к гетманам и останется у них до очищения Киева, Переяслава, Нежина и Чернигова».

Если же он этого не сделает, то статьи договора войска Бярятинского не касаются.

Шереметев отправил письма Бярятинскому, стоявшему под Киевом, и воеводе Чаадаеву, находившемуся в самом Киеве, в которых просил согласиться на Чудновский договор. Но князь Бярятинский вовсе не собирался капитулировать. Он написал Шереметеву:

«Я повинуюсь указам царского величества, а не Шереметева; много в Москве Шереметевых!».

Получив этот ответ, польские начальники решили задержать московское войско и воевод, поскольку главное условие капитуляции, относительно украинских городов, не было выполнено.

Тем не менее, группировка Шереметева была уничтожена. Самого воеводу поляки отдали татарам. Те отвезли боярина в Бахчисарай, заковали в кандалы и посадили в подвал ханского дворца. Лишь через три месяца кандалы с него сняли и перевели в горную крепость Чуфут-Кале, являвшуюся центром общины караимов. Впрочем, довольно скоро татары отпустили воеводу домой — за хороший выкуп, уплаченный его семьей.

* * *

Старшины Хмельницкого собрали раду в городе Корсунь для утверждения его гетманом казацкого войска уже в составе Речи Посполитой. На раду прибыл и представитель короля, некий пан Беневский. Совещание старшин происходило не на площади, а в большом доме. Там Беневский торжественно вручил гетманскую булаву Хмельницкому.

Но к вечеру Бенеvскому сообщили, что «чернь» бунтует: почему рада прошла в избе, а не на майдане, как всегда было, и нет ли в том злого умысла против казаков. Тогда Бенеvский утром следующего дня сам собрал раду у церкви Святого Спаса. Было там до 5 тысяч казаков. На этой раде Бенеvского поддержал казацкий старшина Павел Тетеря (будущий преемник Хмельницкого).

Он в свое время ездил в Москву к царю Алексею Михайловичу в составе посольств от Богдана Хмельницкого. Рядовые казаки знали об этом. Тетеря стал говорить о коварных замыслах царя против казаков. Дескать, он все это разузнал, будучи в Москве. Речь произвела сильное впечатление на простодушных слушателей. Через несколько минут Тетерю собравшиеся избрали войсковым писарем и передали ему войсковую печать. Казаки кричали ему:

«Пан писарь! Будь милостив, учи гетмана уму-разуму, ведь он молоденький еще! Поручаем его тебе, поручаем тебе жен, детей, имение наше!»

В то время как в Корсуне казаки в соборной церкви присягали королю, в Переяславе по другую сторону Днепра, в соборной церкви тоже толпился народ. Там полковник Яким Самко (дядя Юрия Хмельницкого) вместе с казаками, горожанами и духовенством клялся умереть за царя и православную веру, а украинских городов полякам не сдавать.

% # ^

2 января 1661 года казаки Хмельницкого штурмовали Козелец, но были отбиты. 6 января они вместе с татарами появились под Нежиным, ворвались в посад, но город взять не смогли. 10 января казаки и татары снова пришли к Козельцу и снова были отбиты. С 30 января по 6 февраля казаки и татары четыре раза пытались взять Нежин, но в итоге ушли ни с чем. Толи нежинцы проявили чудеса героизма, то л и казаки не горели желанием погибать в рукопашной схватке.

В Москве полагали, что Потоцкий и Любомирский, воспользовавшись чудновской победой, немедленно перейдут Днепр и займут всю Левобережную Украину. Но ничего подобного не произошло. Польское воинство давно не получало жалованье. В итоге оно отказалось воевать и самовольно разошлось по домам.

Однако те казаки, что сохранили верность царю, не воспользовались уходом поляков. Вместо этого они стали спорить, кому быть гетманом. В апреле 1661 года в Нежине собралась рада, но половина казаков хотела Якима Самко, а другая половина — нежинского полковника Василия Золотаренко (брата Ивана Золотаренко).

В итоге решили «отдать гетманское избрание на волю царскую, кого государь пожелает в гетманы». Однако в Москве царь Алексей Михайлович и бояре плохо разбирались в ситуации в Украине и не

Вид Киева в середине XVII века

знали, кому отдать предпочтение. Вдобавок ситуацию запутал Юрий Хмельницкий, весной приславший царю письмо, в котором утверждал, что его принудили к союзу с поляками изменники-полковники. Сам же он якобы желает «быть в подданстве в Вашего царского величества».

Однако в начале июня 1661 года, когда к Днепру приблизилось небольшое войско поляков и татар, Юрий Богданович внезапно разлюбил царя. 12 июля 6-тысячный отряд под его командованием, состоявший из казаков, татар и поляков, внезапно атаковал отряд Якима Самко, стоявший лагерем в трех верстах от Переяслава. Битва шла весь день, до полной темноты. Ночью остатки отряда Самко незаметно перешли в Переяслав. На следующий день Хмельницкий осадил Переяслав, но тут Самко, получивший подкрепление в виде хоругви московитов, сделал удачную вылазку и отбросил Хмельницкого от стен города. Тогда он пошел к Каневу.

Кременчугские казаки изменили царю и 23 июня впустили в город две тысячи казаков Хмельницкого. Однако 500 стрельцов московского гарнизона вместе с частью горожан засели в малом городе и отбили осаждавших. Узнав об этом, князь Ромодановский немедленно пошел на помощь Кременчугу с 10-тысячным войском. 1 июля он подошел к городу и атаковал осаждавших. Осажденные,

видя это, тоже пошли на вылазку. В результате казаки Хмельницкого потерпели поражение и ушли из Кременчуга.

В Каневе и Черкасах стояли московские гарнизоны. Но 1 августа Хмельницкий с татарами истребил в бою возле Канева весь гарнизон, более двух тысяч царского войска. Через день, 3 августа, он вместе с татарами разбил под Бужином отряд стольника Приклонского, лишь остатки которого переправились через Днепр. Хмельницкий сообщил королю, что под Бужином погибли десять тысяч московитов /реально не более пяти — А. Т./, казаки и татары взяли семь пушек, много знамен и других трофеев.

После поражений у Канева и Бужины князь Ромодановский начал отступление, но крымский хан Камиль-Мухаммед, переправившись со своими татарами через Сулу, нагнал Ромодановского, разбил его, захватил 18 пушек и весь обоз. Сам князь с остатками войска едва ушел в Лубны.

Следующие два года (1662—1663) прошли в Украине довольно бурно, но бестолково. У поляков и московитов не хватало сил для решительного удара, татары преимущественно грабили население, а казаки решали все те же две проблемы: кому быть гетманом и с кем дружить — с царем или королем?

Наконец 18 июня 1663 года в казацком лагере возле Нежина состоялась генеральная рада с участием посланника царя, князя Данилы Гагина. Историк С. М. Соловьев описывал эту раду следующим образом:

«Не дали еще Гагину дочитать царского указа о гетманском избрании, как с одной стороны раздались крики: «Брюховецкого!», а с другой: «Самка!», но за криками следовала драка: запорожцы Брюховецкого кинулись на приверженцев Самка; бунчук наказного гетмана был сломан, он сам едва мог выдраться из толпы и скрыться в шатер царского воеводы; несколько человек было убито; победители запорожцы столкнули Гагина с его места и выкрикнули своего кошевого /Брюховецкого/ гетманом.

Гагин, однако, не дал Брюховецкому утверждения от имени царского: Самко объявил ему, что гетманство Брюховецкого, приобретенное насильем, не есть законное, что ни он, ни Войско не признает его гетманом и что необходимо собрать новую раду. Рада была созвана, но Самко не получил от нее никакой выгоды, потому что приверженцы его перешли на сторону Брюховецкого, провозгласили его гетманом и стали грабить возы своей старшины...

После этого нового избрания, против которого нельзя было ничего сказать, Гагин дал булаву Брюховецкому. Запорожцы праздновали свое торжество трехдневным убийством: гибли неприязненные Брюховецкому полковники, и их место заступали запорожцы. Новый гетман... по-прежнему утверждал об измене Самка и Золотаренко; обвиненные отданы были

на войсковой суд по древнему обычаю казацкому: судьями были враги-победители, которые и приговорили побежденных к смертной казни; приговор был исполнен в Борзне 18 сентября».

Соловьев С. М. «История России с древнейших времен», книга VI, с. 117—118

Впрочем, верность царю гетман Брюховецкий сохранял лишь несколько лет, до тех пор, пока между Москвой и Речью Посполитой не был заключен Андрусовский мир.

Юрий Хмельницкий в Правобережной Украине все это время боролся с повстанцами Ивана Богуна, но в итоге он в 1663 году отказался от гетманства и постригся в монахи под именем Гедеон. Несмотря на это, в 1664 году поляки обвинили его в измене и три года держали в тюрьме.

Преемником Юрия Хмельницкого стал Павел Тетеря, также сторонник союза с Речью Посполитой. Затем его сменил Петр Дорошенко.

ф * ^

Скажем два слова о дальнейшей судьбе Юрия Хмельницкого. В 1677 году, во время первого Чигиринского похода, турки объявили его «гетманом Украины». Но снявший монашеское платье бывший архимандрит не оправдал надежд султана. Тогда в 1681 году он пожаловал ему титул «князя Сарматии» и поставил во главе учрежденного на оккупированной турками территории маленького марионеточного княжества со «столицей» в Немирове. Далее предоставим слово Льву Гумилеву:

«Но этот негодяй окончательно скомпрометировал возглавляемую им партию. Изыскивая денежные средства, Юрий ввел налоги даже на свадьбы. Не получив с одного бракосочетания установленную им мзду, гетман напал надом родителей новобрачной и предал мать мучительной смерти. Муж погибшей — богатый купец — пребывал в то время в Стамбуле. Узнав о случившемся, купец обратился с жалобой к визирю, и дело было расследовано. Изверг был схвачен, судим и по приговору утоплен».

Гумилев Л. От Руси к России, с. 265

В. А. Голобуцкий сообщает, что казнь состоялась в 1685 году в Каменце-Подольском.* Наконец, еще один автор уточняет, что муж замученной женщины был купцом особого рода: он поставлял девушек в гарем султана и в гаремы его сановников.

^ %

Ситуация в занятых московскими войсками землях Украины была осложнена не только распрями между соперниками в борьбе за гетманскую булаву, но и введением царем Алексеем Михайловичем

* «Историческая энциклопедия», том 15, с. 604.

чем медных денег. В 1656 году в казне не хватило денег для выплаты жалованья войскам, и тогда царь по совету боярина Федора Ртищева приказал чеканить медные деньги, имевшие нарицательную стоимость серебряных.

В 1657 и 1658 годах эти деньги действительно ходили как серебряные, но с сентября 1658 года стали падать в цене: за один серебряный рубль давали шесть медных рублей. К марту 1659 года серебряный рубль стоил уже десять медных, а в 1663 году его цена поднялась до двенадцати медных.

Наступила страшная дороговизна. Развелось множество фальшивомонетчиков. Им рубили руки, потом стали рубить и головы, но это не помогало. В Москве 25 июля 1662 года произошел так называемый Медный бунт. Стрельцам удалось его подавить, но при этом были убиты либо утонули в Москве-реке несколько сотен человек.

В Украине царь тоже велел выдавать войску жалованье медными деньгами, однако здешние купцы, лавочники и мещане отказывались их брать. Так, в Киеве за 20 медных рублей давали один серебряный. Медные деньги внесли серьезную рознь между москалями и украинцами.

• * * *

В июле 1663 года князь Ромодановский послал в Запорожскую Сечь отряд из 500 драгун и донских казаков под командованием Григория Касогова.

Между тем кременчугские казаки опять перешли на сторону короля. В город прибыл атаман правобережной Украины Петр Дорошенко. Узнав, что в Запорожье пробирается московский отряд, Дорошенко отправил против него 200 казаков и сотню татар. Этим сил оказалось недостаточно, в бою под Кишенкой они были разбиты.

Касогов благополучно добрался до Сечи и, объединившись с запорожцами, двинулся в сентябре за Днестр. Как сказано в донесении в Москву, «выжгли они ханские села, много в них побиили армян и волохов и 20 сентября возвратились в Сечь все в целости».*

2 октября Касогов и кошевой атаман запорожцев Иван Серко пошли из Сечи к Перекопу.** Крепость (большой каменный город)

* Между прочим, и армяне, и валахи были христианами; у первых была своя армяно-григорианская церковь, у вторых — греческая православная. Это к вопросу о казаках — защитниках православия.

** Иван Дмитриевич Серко (ум. 1680) был одним из видных участников «хмельничины». Но более всего он прославился тем, что написал от имени запорожских казаков знаменитое письмо турецкому султану Мухаммеду IV. Эта история послужила сюжетом для известной картины И.Е. Репина.

они взяли, но цитадель (малый город) осталась за татарами. Касогов потерял в этом деле из своего отряда убитыми не более десяти человек, потери казаков неизвестны. Со злости, что успех оказался ограниченным (все ценности татары спрятали в цитадели) казаки и москвиты стали «выяснять отношения» между собой, а пленных убили на месте, не пощадив ни женщин, ни детей.

Касогов позже сообщил в Москву, что ему и Серко пришлось совершить эту гнусность якобы потому, что в Перекопе было моровое поветрие. Однако послы от запорожских казаков, прибывшие в Москву вместе с его гонцом, сказали иное:

«В Перекопи при нас морового поветрия не было, слышали мы, что было поветрие, но задолго до нашего прихода. Пленных мы всех порубили, будучи между собою в ссоре, а кошевой атаман Иван Серко писал про моровое поветрие к гетману Боюховецкому, думаем, от стыда, что языков к нему послать было некого, потому что войском всех побиили».

★ ★

8 октября 1663 года король Ян-Казимир взял город Белая Церковь, от которого всего 60 верст до Киева. Но король не пошел на Киев, а вышел к Днепру у городка Ржищева, где начал переправу.

Королевское войско было достаточно сильное. У самого короля — три конные хоругви (около 1200 человек) и 300 человек пехоты. У гетмана Потоцкого — три казацких полка, две роты польских гусар и 400 пехотинцев. У гетмана Чарнецкого — 240 гусар, 400 драгун и три казацких полка, а всего 3140 человек. У полковника Песочинского — 9 рот немецких наемников и 950 поляков. В сумме около 10 тысяч воинов. Плюс к ним 5 тысяч конных татар.

Чтобы привлечь к себе симпатии населения, король перед началом похода выкупил у татар многих пленников-украинцев и отпустил их по домам. Своим воинам король строжайшим образом приказал ничего не отнимать силой у местных жителей. Трех шляхтичей, нарушивших этот приказ, король приказал повесить в наказание остальным.

Переправившись через Днепр, королевское войско двинулось по левобережной Украине. Тринадцать небольших городков без боя сдались ему. Однако город Лохвицу пришлось брать штурмом, с большими потерями. Город Гадяч вообще не удалось взять. От Гадяча Ян-Казимир двинулся вдоль старой (1618 года) границы с Московией. Он форсировал реку Сейм, однако под Глуховым встретился с царским войском и после короткого боя отступил за Десну. Но вскоре у Новгорода-Северского соединенное войско князя Ромодановского и гетмана Брюховецкого нанесли поражение королю.

После этой победы гетман Брюховецкий отправился на правобережную Украину и сжег Черкасы, а затем пошел к Каневу.

Между тем 6 декабря 1663 года драгуны Григория Касогова, казаки Ивана Серко, а также калмыки мурзы Эркета Артукая вновь отправились к Перекопу. В этом районе они разграбили и сожгли несколько татарских селений, уничтожили их жителей, освободили свыше ста пленников. Против них вышла тысяча всадников перекопского хана Карач-бея, но была вдребезги разбита, а калмыки зарезали всех пленных.

Вскоре после этого похода казаки захватили одного турка, который сообщил Серко и Касогову, что король Ян-Казимир несколько раз присылал гонцов к крымскому хану с просьбами послать ему орду на помощь. Но хан каждый раз отвечал, что из-за казаков и московских войск орда не может выйти из Крыма. Видимо, хана напутали действия казаков под Перекопом. В это же время прибыл в Сечь отпущенный из крымского плена князь Василий Борисович Шереметев. Он и его спутники подтвердили, что хан действительно отказал королю в помощи.

В январе 1664 года атаман Иван Серко повел казаков к Южному Бугу и Днестру. Сначала он взял турецкий город Тягин, а от него двинулся на север, к украинским городам и селениям вдоль Буга. Вот как он сам сообщил о своем походе в письме царю:

«Услыша же о моем, Ивана Серка, приходе, когда я еще с войском к городу и не подошел, горожане сами начали сечь и рубить жидов и поляков, а все полки и посполитые, претерпевшие столько бед, неволю и мучения, начали сдаваться. Через нас, Ивана Серка, обращена вновь к вашему царскому величеству вся Малая Россия, города над Бугом и за Бугом, а именно: Брацлавский и Калницкий полки, Могилев /не путать с Могилевом в Литве/, Рашков, Уманский повет, до самого Днестра и Днестра».

Яворницкий Д.И. «История запорожских казаков», том 2, с. 263

Серко не поддался только один город — Чигирин. Получив здесь отпор, Серко двинулся к Бужину. Там 7 апреля 1664 года его атаковал Стефан Чарнецкий с двумя тысячами польской и татарской конницей. Но в ходе двухнедельных боев и стычек поляки и татары понесли большие потери и вынуждены были отступить.

Успехи запорожского атамана вдохновили на мятеж бывшего гетмана Яна Выговского. Поляки сделали его сенатором, но он все равно считал себя обойденным. Увы, Выговский явно переоценил свои возможности.

Вскоре его взял в плен и расстрелял польский полковник Маховский.* В 1664 году поляки также подавили восстание Богуна, а его самого взяли в плен и казнили.

* По другой версии, Выговский стал жертвой интриг гетмана Правобережной Украины П. Петери.

Между тем Брюховецкий и московский воевода князь Петр Скуратов стояли лагерем под Каневым. 21 мая на них напали поляки и татары, но были отбиты. В тот же день Брюховецкий и Скуратов вошли в Канев. Уже на следующий день возле города появился Стефан Чарнецкий с хорунжим Яном Собеским (будущим королем), полковником Маховским, атаманом Тетерей и татарами. Бой под Каневым шел весь день, но не дал решительного перевеса ни одной из сторон. К вечеру казаки с москвитами укрылись в городе, а поляки с татарами расположились в версте от него.

Через шесть дней (29 мая) Чарнецкий опять двинулся в бой. Навстречу ему вышла казацкая и московская пехота. Казаки не выдержали атаки и побежали, едва не смяв московский полк «иноземного строя» Юрия Пальта, но все же тот устоял. В тот же день Чарнецкий отошел дальше от Канева. Он встал лагерем на берегу Днепра, в десяти верстах выше города. 2 июня гетман ушел к Корсуню, оставив под Каневым небольшой отряд конницы для прикрытия своего отступления.

От Корсуня Чарнецкий перешел за Белую Церковь, к местечку Ставищи, где снова сразился с казаками и москвитами, но потерпел неудачу, потеряв до трех тысяч человек. Сам Чарнецкий был тяжело ранен и больше не смог воевать. 16 февраля следующего года он умер.

ГЕТМАН ДОРОШЕНКО КАК «МИРОТВОРЕЦ»

Весной 1665 года военные действия начались с того, что Брюховецкий отправил из Канева под Корсунь отряд полковника Григория Гамалея, который 4 апреля взял город. Во время боев город сгорел. Тогда Гамалея увел в Канев всех его жителей, включая женщин и детей.

Коронного гетмана Яблоновского (преемника Чарнецкого), 21 мая под Белой Церковью разбили вышедшие из Канева казаки, москвиты и калмыки.

Гетман Брюховецкий тоже вышел из Канева к Белой Церкви, но в это время ему сообщили неприятные вести: во-первых, что татарская орда собирается в Цыбульнике и скоро совершит широкомасштабное вторжение; во-вторых, что казацкий полковник Опара «отводит города от царской руки». После этого он срочно вернулся назад к Каневу. Но слухи о наступлении орды оказались ложными. Орда не приходила, отряды Яблоновского и Тетери ушли в Польшу, польские гарнизоны остались только в Белой Церкви, Чигирине, Корсуне (в малом городке) и Умани, да еще Опара с небольшим отрядом стоял под Корсунем.

Брюховецкий, разместив своих казаков и союзные войска в нескольких правобережных городках, переправился на левый берег Днепра. Из Гадяча он отправил к царю гонца с известием, что скоро лично предстанет перед «его величеством». Действительно, аудиенция состоялась 13 сентября 1665 года, а 15 сентября гетман и его спутники изложили свои просьбы царю в письменном виде:

«1) Для усмирения частой шатости и для доказательства верности к государю всякие денежные и неденежные поборы от мещан и поселян погодно в казну государеву собираются; по всем городам малороссийским кабаки будут только на одну горелку, и приходы кабацкие отдаются в государеву казну; туда же идут сборы с мельниц, дань медовая и доходы с купцов чужеземных.

2) Стародавние права и вольности казацкие подтверждаются.

3) После избрания каждый гетман обязан ехать в Москву и здесь от самого царя будет принимать булаву и знамя большое.

4) Киевским митрополитом должен быть святитель русский из Москвы.

6) На войсковую армату (артиллерию) назначаются города Лохвицы и Роми.

7) Московские ратные люди не должны сбывать по рынкам воровских денег.

8) Не должны называть казаков изменниками» (5-я статья определяла численность царского войска и места его дислокации в Украине).

Все эти статьи, кроме 4-й (о митрополите), царь утвердил. Вопрос о митрополите должен был решить константинопольский патриарх. Брюховецкий оставался в Москве до конца декабря. Между тем еще в сентябре, почти сразу, как он приехал, в Москву стали поступать из Украины плохие вести.

*

Правобережный гетман Петр Дорошенко в сентябре 1665 года напал на брацлавского полковника Дрозда, сторонника Брюховецкого. Правда, 22 сентября Дрозд сделал удачную вылазку, перебив казаков противника, находившихся в передовых шанцах. Но это ему не помогло. В ноябре Дорошенко взял Брацлав.

Немного раньше, в октябре, полковник Демьян Децик из Овруча разбил отряд сторонников Дорошенко между Мотовиловкой и Паволочью.

Полковник Децик покинул Мотовиловку и отступил к Каневу а оттуда уехал в Переяслав. В его войске начались болезни, часть казаков ушла на левый берег. На правом берегу из верных Брюховецкому казаков остались лишь те, что были в Каневе.

Казаки Дорошенко и поляки заняли Мотовиловку, которая находилась в 35 верстах от Киева. Узнав об этом, киевский воевода князь Никита Львов послал туда рейтар под командованием Сипягина. Ночью Сипягин подошел к городу, велел своим рейтарам

тихо перелезть через стену и открыть ворота. Застигнутые врасплох казаки и поляки почти все погибли, после чего Сипягин приказал сжечь городок.

*

В правобережной Украине гетман Дорошенко 20 февраля 1666 года предложил старшинам выселить всех здешних поляков в Польшу, со всеми городами перейти в подданство крымскому хану, а весной вместе с ордой пойти войной на левый берег. Услышав это, старшина Серденева полка сказал Дорошенко:

«Ты татарский Гетман, татарами поставлен, а не войском выбран. Мы все поедем к королю». Гетман ответил: «Хоть сейчас поезжайте к королю, вы мне не угрожаете, я вас не боюсь».

Дорошенко сообщил в Бахчисарай и в Стамбул, что Украина теперь подчиняется хану и султану. После этого из Стамбула пришел приказ новому крымскому хану Адиль Гирею, сменившему Камиль-Мухаммед Гирея весной 1666 года, чтобы тот шел войной на Речь Посполитую. Получив приказ, татары поступили довольно хитро.

В сентябре 1666 года царевич Девлет Гирей пришел с большим войском к Крылову, а оттуда послал рейдовые отряды (загоны) за Днепр — под Переяслав, Нежин и другие украинские города. Они увели в неволю около пяти тысяч человек.

Затем Девлет Гирей ушел к Умани, там полтора месяца отдыхал, потом соединился с казаками и двинулся против королевского войска.

С казаками Дорошенко и татарами Девлет Гирей у Межибожья сразился польский отряд полковников Маховского и Красовского (две тысячи гусар, рейтар, драгун и шляхты). Поляки были разбиты наголову, Маховский попал в плен, в кандалах его отвезли в Крым. После этой победы татары и казаки устремились за добычей к Львову, Люблину и Каменцу:

«Побрали в плен шляхты, жен и детей, подданных их и жидов до 100.000, а по рассказам польских пленников — 40.000. Татары брали пленных, но

Гетман Петр Дорошенко

казаки этим не довольствовались: они вырезывали груди у женщин, били до смерти младенцев».

Соловьев С.М. «История России с древнейших времен», книга VI, с. 179

Вся Польша и Литва содрогнулись от ужаса.

Послы обеих сторон в Андрусово могли бы еще долго торговаться и упираться. Но поход Петра Дорошенко и Адиль Гирея резко ускорил переговоры. Царь и бояре, король и магнаты прекрасно понимали, что татары и турки сначала разгромят Польшу, а потом сразу возьмутся за Москву. Надо было срочно мириться друг с другом. И вот на 31-м заседании в Андрусово договор был подписан. Он стал компромиссом. Напавшая сторона присвоила себе далеко не все, что хотела; обороняющаяся сторона далеко не все вернула. Однако правительства обоих государств в этот момент уже не волновал вопрос «кто победил?»

АНДРУСОВСКИЙ МИР

(январь 1667 г.)

Москвскую Русь в Андрусово представляли шацкий наместник боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, кадомский наместник боярин Богдан Иванович Ордин-Нащокин и дьяк Григорий Богданов. От Речи Посполитой прибыли староста жемойтский Юрий Карл Глебович, великий надворный маршалок ВКЛ Криштоф Завиша, референдарий и великий писарь ВКЛ Киприан Павел Брестовский, подкоморий Кременецкий Стефан Ледовский.

Царь Алексей Михайлович приказал использовать для убеждения королевских комиссаров самый действенный аргумент — деньги. Дадим слово С. М. Соловьеву:

«Нащокин объявил комиссарам государево жалованье, по десяти тысяч золотых польских: референдарю Брестовскому объявлено, что сверхтоvariшей своих получит еще 10 000 золотых, а если приедет с подтверждением договора в Москву, то будет большая ему государская милость.

«Королевскому величеству, — писал Нащокин комиссарам, — мы не можем назначить, но когда будут у него царские послы с мирным подтверждением, то привезут достойные дары, также и канцлеру Пацу прислано будет необходимо».

6 января приехал от комиссаров Иероним Комар и бил челом, чтоб сверх обещанных денег в тайную дачу пожаловал им государь явно соболями, чтобы им можно было хвалиться перед людьми; сам Комар бил челом, чтоб вместо обещанных ему ефимков дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрыть, так что и домашние не узнают; Комар

объявил, что как скоро комиссары получат государево жалованье, сейчас же станут писать договорные статьи. Деньги были высланы из Москвы немедленно».

Соловьев С. М. «История России с древнейших времен», книга VI, с. 179

Тем не менее, лишь 20 (30) января 1667 года было подписано перемирие сроком на 13 лет и 6 месяцев. В историю оно вошло как Андрусовский мир!

Согласно его условиям, Речь Посполитая возвращала себе Витебски Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резицы, Мариенбург (т.е. Ливонию), а также правобережную Украину

К Московское Руси переходили воеводство Смоленское со всеми городами, Стародубский повет, воеводство Черниговское и часть Украины от Путивля до Днепра. Местная шляхта, мещане, татары и евреи имели право продать свои имения и уйти на польскую сторону. Оставшимся католикам и униатам разрешалось беспрепятственно отправлять богослужение у себя в домах и усадьбах.

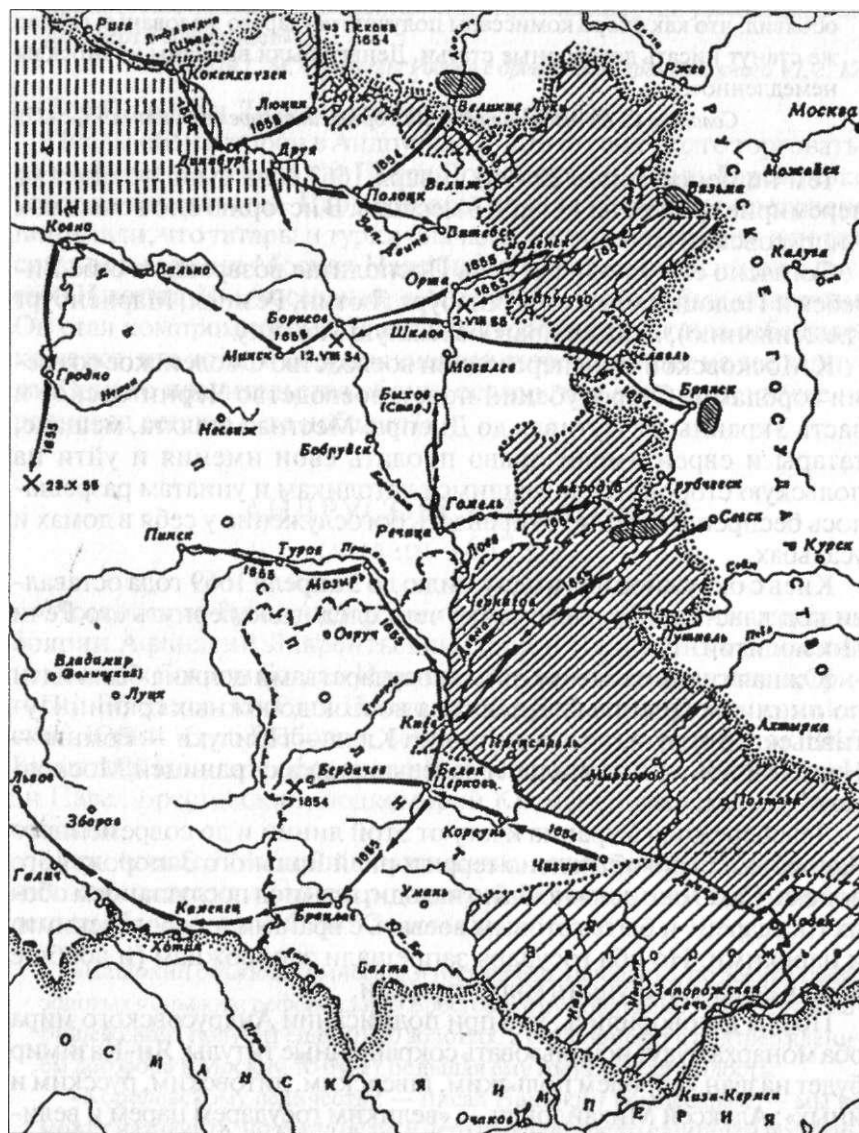
Киев с окрестностью в одну милю до 5 апреля 1669 года оставался под властью Москвы, после чего следовало вернуть его Речи Посполитой.

Южная граница между двумя государствами должна была идти по линии от Днепра (у Киева) на восток до южных границ Путивльского округа, то есть по линии Киев — Прилуки — Ромны — Недригайлов — Белополье и далее до стыка с границей Московского государства.

Левобережная Украина к югу от этой линии и до современного Запорожья было объявлено территорией Вольного Запорожского войска. Само оно должно было находиться «под послушанием обоих государей» и быть готовым воевать с врагами и королевскими, и царскими. Но оба государя запрещали запорожцам (и вообще всем казакам) нарушать мир с турками.

Послы договорились, что при подписании Андрусовского мира оба монарха будут использовать сокращенные титулы. Ян-Казимир будет назван «королем польским, шведским, литовским, русским и иных»; Алексей Михайлович — «великим государем царем и великим князем и прочих». На царской печати не будет титулов литовского, киевского, волынского и подольского великого князя.

Отдельный пункт оговаривал необходимость подтверждения договора в случае смерти одного из монархов его наследником. Это условие пригodiлось довольно скоро. Уже 6(16) сентября 1668 года король Ян II Казимир отрекся от престола, и вальный сейм 31 мая 1669 года избрал королем князя Михаила Корибута Вишневецкого, который 28 августа 1672 года подтвердил Андрусовский мир.

Территориальные приобретения Московской Руси по Андрусовскому договору

Но правил он всего четыре года — 30 октября (10 ноября) 1673 года Михаил Корибут умер; 11 (21) мая 1674 года вальный сейм избрал королем Яна Собеского-Жолкевского, правившего под именем Яна III. А 30 января 1676 года умер царь Алексей

Михайлович, на престол вступил его сын Федор Алексеевич (1661 — 1682). Оба новых монарха также подтвердили Андрусовский мир.

На переговорах в Москве 30 марта 1672 года уполномоченные обеих сторон согласились отложить вывод московских войск из Киева до 1674 года. Потом решение этого вопроса отложили еще на десять лет. Но 3 марта 1684 года решение вопроса было снова отложено. Не приходится сомневаться, что все три раза представители Москвы добивались этого путем подкупа представителей Речи Посполитой.

Договор о «вечном мире» был подписан в подмосковном селе Поляново только 26 апреля (6 мая) 1686 года, через 19 лет «с так-ком» после Андрусовского перемирия. До той поры его периодически продляли. По условиям Поляновского мира Московия вернула Речи Посполитой небольшие приграничные города с окрестностями: Велиж, Невель, Себеж, Посожье. Зато она сохранила за собой маленький, но весьма ценный анклав на правом берегу Днепра — Киев и Печерский монастырь с прилегающей территорией. На севере границей анклава была речка Ирпень, на юге речка Стугная, на западе — местечко Васильков. Оно оставалось крайним пунктом западной границы Руси вплоть до 1795 года.

Войско Запорожское по этому договору стало вассалом одной лишь Москвы. Король обязался не вмешиваться в его отношения с царем. Земли левобережной Украины и Запорожского войска король не должен был упоминать в своих титулах, а также помещать их гербы в своем гербе.

Был также решен вопрос о принадлежности разоренных войной городов с правой стороны Днепра, где почти не осталось жителей. Стороны согласились, что города Боровица, Бужин, Воронков, Канев, Крылов, Мошны, Ржищев, Сокольня, Трактемиров, Черкасы, Чигирин, а также вся прилегающая к ним территория от местечка Стайки до устья реки Тясмины не будут ни заселяться, ни восстанавливаться до тех пор, пока сейм и король не дадут полномочий для окончательного решения их судьбы. Итак, эту проблему стороны отложили до лучших времен.

Для укрепления «дружбы и братства» с королем Яном III Собеским, царевна-правительница Софья Алексеевна обязалась заплатить ему 146 тысяч рублей двумя взносами: первый (100 тысяч) сразу после подписания мирного договора, а второй (46 тысяч) следовало передать в Смоленске уполномоченному королю в январе 1687 года, то есть спустя 9 месяцев после подписания договора.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ ДЛЯ МОСКВЫ И ДЛЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Москва, потеряв много людей, разорив и ограбив Великое княжество Литовское, все же не добила своих главных политических целей: присоединить Литву и правобережную Украину; приобрести новые земли для московских бояр и дворян; московскому царю стать монархом Речи Посполитой или хотя бы одной Литвы. Все это пришлось отложить более чем на сто лет.

Реально Алексей Михайлович удержал только то, что когда-то уже завоевывали его венценосные предки. Севернее Киева граница в основном прошла по старой линии времен Ивана III и Василия III. Лишь на юге левобережной Украины впервые были присоединены города Переяслав, Лубны и Полтава с прилегающими территориями.*

Однако эта война, как и Ливонская война 1558—1582 гг., от начала и до конца шла за пределами Московского государства, а потому не причинила материального ущерба его землям. Не отложилось она и в памяти народа. И напротив, интервенция в период 1654—1666 гг. стала самым страшным бедствием для жителей Великого княжества Литовского за всю его историю:

«Тринадцать лет почти без перерыва стирались с лица земли города, крепости, замки, дворцы, деревни вместе с населением. От рук захватчиков, голода, холода, эпидемий погибла или была вывезена в Московию половина населения ВКЛ».

«Беларусь: Государство и люди». Минск, 2002, с. 90

Вот какую оценку дал этой войне белорусский историк Геннадий Саганович, посвятивший ей специальное исследование, фактически единственное на сегодняшний день:

«Если бы меня спросили, что в белоруской истории я считаю самым славным, а что — самым трагическим, то на первый вопрос сразу, пожалуй, и не нашел бы ответа, а на второй ответил бы без колебаний: война 1654—1667 гг.»

Саганович Г. Неизвестная война. Минск, с. 5

* Попутно отметим, что нынешние Харьковская и Донецкая области никогда не входили в состав Речи Посполитой, никогда не считались Украиной. Это большевистское правительство РСФСР решило в 1922 году «усилить» пролетариат Украины за счет рабочего класса Донбасса и Харькова. Кстати говоря, точно так же большевики подарили Турции 85% территории Армении, огромное пространство с городами Артвин, Каре и Ван, озерами Ван и Урмия — все, что завоевала в XIX веке русская армия.

«Катастрофа — иначе не назовешь то состояние, в которое была ввергнута Беларусь /Литва/ тринадцатилетней войной. В Беларуси в границах ее нынешней территории численность населения сократилась более чем вдвое: если перед войной оно достигало 2-х миллионов 900 тысяч человек, то на 1667 год осталось около 1 миллиона 350 тысяч. Это примерно 47 процентов...»

Терял ли хоть один европейский народ 53 процента своих жителей? Даже в Германии самая разрушительная Тридцатилетняя война не привела к такой демографической трагедии...

Некоторые города, казалось, обезлюдели навсегда... потери жителей превысили, например, 93 процента в Полоцке, 94 — в Витебске, 92 — в Ляховичах... или составили более двух третей, как в Пинске, Турове, Могилеве, Чашниках. Особенно если учесть, что на их возрождение не было откуда взять ни сил, ни средств, ибо весь край стал одним общим пепелищем».

Саганович Г. Неизвестная война. Минск, с. 130

Экономика страны находилась в предсмертном состоянии. Обрабатывалось менее половины пахотных земель, почти не осталось рабочих лошадей. Например, в Витебском повете в запустении пребывало 74 процента ранее обрабатывавшейся земли; в Мстиславском воеводстве — около 70 процентов. Не хватало людей, особенно строителей и ремесленников. Если до войны в Могилеве было более 2-х тысяч ремесленников, то даже к 1745 году их численность не достигла одной сотни!

Через десять лет после войны, например, в Борисовском повете на 19 деревень имелось только 14 заселенных дворов. В местечке Постава и в трех ближайших к нему деревнях в 1672 году жило всего 5 семей. Целое столетие здесь не могло восстановиться ни население, ни хозяйство! Вот что принесли нашим предкам московские завоеватели во главе со своим царем Алексеем Михайловичем, этим «добрейшим человеком, славной русской душой» (по характеристике В.О. Ключевского).

Впрочем, Украина в течение многих десятилетий тоже не могла оправиться от разорения. Еще в начале XVIII века казацкий летописец Самойло Величко, проходивший с войском Волынь и «тогочную» (Правобережную) Украину, вспоминал:

«Я видел многие города и замки, безлюдные и пустые валы, некогда трудами людскими, как горы и холмы насыпанные, а теперь только приютом диким зверям служащие. Я видел пространные поля тогочной Украины, широкие долины, леса, обширные сады, красивые дубравы, реки, пруды и озера, — запустевшие, поросшие мхом и тростником. Не напрасно поляки в своих универсалах называли тогочную Украину раем польского света; перед войной Хмельницкого она была вторая Земля обетованная, медом

и млеком кипящая. Я видел там по разным местам много костей человеческих, иссохших, обнаженных и только небо покровом себе имеющих»...

А как же православные литвины и украинцы, единственно ради защиты которых, по официальной версии Москвы, была развязана чудовищная бойня? Война заставила власти Речи Посполитой забыть о прежней религиозной терпимости. Началось тотальное наступление на права православной церкви, которую не без оснований здесь сочли главной виновницей всего произошедшего. Рука об руку с контрнаступлением католицизма, ускоренными темпами шла колонизация правящих сословий Литвы и Правобережной Украины. Она увенчалась в 1697 году объявлением польского языка государственным языком Великого княжества Литовского.

* * *

Весьма актуальный поныне вопрос, это освещение данной войны в исторической науке. Геннадий Саганович совершенно справедливо отметил:

«Трудно найти какую-то другую тему, до такой степени фальсифицированную в научной и популярной литературе или просто скрытую от народа...

Очень часто можно услышать упреки, что любые разговоры о войнах московских царей в Беларуси угрожают «испортить наше братство и добрососедство», и что вообще они — «выдумки националистов». Так может быть, нам надо отказаться от части своей истории, от исторической науки, вообще от исторической памяти? Но в Европе знания о давних войнах немцев, например, с французами, чехов с немцами, шведов с поляками не вредят их добрым взаимоотношениям»...

В советской исторической литературе события 1654—1667 гг. обозначаются как «русско-польская война», «война России с Польшей из-за Украины», «борьба за Белоруссию и Украину». За редким исключением, во всех работах они освещаются как война «за объединение Украины и Белоруссии с Россией»...*

Якобы только в переходе под власть московского царя народные массы видели «единственно возможный реальный путь своего освобождения от национально-религиозного гнета польских и литовских феодалов, а также католической церкви». Более того, установки идеологических отделов ЦК КПСС, ЦК КПБ и ЦК КПУ прямо требовали от российских, белорусских и украинских историков приписывать все разрушения и опустошения в Беларуси и Украине войскам Речи Посполитой, точнее — «полякам»!

* Саганович Г. Неизвестная война. Минск, с. 5—6.

Между тем, документы того времени неопровержимо доказывают, что под названиями «литовские люди», «польско-литовские гарнизоны», «польско-литовские войска» выступали коренные литвины, т.е. предки нынешних белорусов. Именно они защищали города и замки, участвовали в битвах, гибли, оказывались в плену, выводились в Московию. Многочисленные «рописи литовских полоняников» содержат только белорусские имена и фамилии, никаких жемойтод или аукшайтов (предков нынешних литовцев) там нет, а поляки встречаются в единичных случаях.

Более того, всю эту войну авторы исследований советского периода старались сводить к борьбе на территории Украины. Между тем, главным театром военных действий все же была Литва, т.е. нынешняя Беларусь. Но в Беларуси, в отличие от Украины, царское правительство не имело такой политической базы, как украинское казачество, и потому война за ее земли, бесспорно, являлась чисто захватнической. Отсюда вытекала партийная установка на замалчивание «неудобных» фактов.

Относительно массового вывода пленных из Литвы (Беларуси) в литературе можно найти объяснение, что в российские губернии переселялись «многие тысячи людей, духовно тяготевших к своим русским братьям». Как бы подразумевается, что они с радостью бросали свои родные места, могилы предков, все нажитое имущество и с радостными улыбками добровольно записывались в рабы к московским крепостникам-самодурам.

Например, в монографии А.М. Мальцева «Россия и Белоруссия в середине XVII века», которую можно считать одной из наиболее объективных в современной российской историографии по данной проблеме, утверждается, что война 1654—1667 гг. была «бескорыстной помощью» братским народам:

«В годы суровых испытаний украинский и белорусский народы всегда обращали взоры к Москве, к великому русскому народу, бескорыстно и самоотверженно приходившему на помощь к своим братьям» (с. 132).

О методах и формах этой «помощи», он, разумеется, ничего не сказал.

Среди других характерных для советской историографии тенденций в освещении событий 1654—1667 гг. надо отметить безудержную героизацию действий московских войск. Такая тенденциозность проявляется уже в подборе источников, которыми пользовались историки. Между тем, царские воеводы почти о каждом сражении или стычке сообщали как о победном, скрывая свои потери либо занижая их. Например, о Полонском сражении, в котором войска Сапеги и Чарнецкого разгромили армию воеводы Хованского, в «Летописи самовидца» сказано,

что наоборот, это «Хованский з войсками его царского величества войско литовское розбил».

Кстати, большинство дореволюционных российских историков тоже было весьма далеко от объективности в освещении этой войны. Например, столь крупный исследователь как М.К. Любавский писал, что эта война «была навязана Московскому государству в царствование Алексея Михайловича несмотря на то, что Алексей Михайлович этой войны вести не желал».*

Мы же завершим свое повествование тем, что перефразируем приводившееся ранее высказывание современного российского историка Андрея Буровского. Войны между Московской Русью с одной стороны, Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой с другой, имевшие место в XIV—XVIII веках, в конечном итоге привели к тому, что Азиатская Русь (Московия) сначала сожрала Русь Европейскую (Литву — Беларусь), а затем и Польшу. Но об этом — в следующей книге.

* См. Любавский. Русская история XVII и первой половины XVIII в. Часть 1. М., 1913, с. 181.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев Л. В. **Полоцкая земля в IX—XIII вв. (Очерки истории Северной Белоруссии)**. М.: «Наука», 1966. — 296 с.

Алексеев Л. В. **Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии**. М.: «Наука», 1980. — 262 с.

Антонович В. Б. **Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия**. Выпуск 1. Киев: Типография университета, 1878. — 156 с.

Антонович В. Б. **Монографии по истории Западной и Юго-Западной России**. Том 1. Киев: Тип. Е.Я. Федорова, 1885. — 352 с.

Барбашев А. И. **Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.)**. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1891. — XVI + 166 с.

Барбашев А. И. **Витовт: Последние двадцать лет княжения, 1410—1430**. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1891. — VIII + 340 с.

Баркулабовская летопись. В книге «Полное собрание русских летописей», том 32. М., 1975, с. 174—192.

Беларусь: Государство и люди (Исторический очерк под общей ред. Л. В. Лойко/. Минск, 2002. — 240 с. /оригинал-макет книги/

Беляев И. Д. **О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича**. М.: Университетская типогр., 1846. — 86 с.

Беляев И. Д. **История Новгорода Великого от древнейших времен до падения (Рассказы из русской истории. Книга 2)** М.: тип. Л. И. Степановой, 1864. — 630 с.

Беляев И. Д. **История города Пскова и Псковской земли**. М.: Синодальная типогр., 1867. — 449 с.

Беляев И. Д. **История Полотска или Северо-Западной Руси с древнейших времен до Люблинской унии. /Рассказы из русской истории. Книга 4, часть 1/** М.: Синодальная типография, 1872. — 456 с.